

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

**Columbia University
in the City of New York**

THE LIBRARIES

ВРЕМЯ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ М. ДОСТОВСКАГО

ТОМЪ X

ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ВАУАРА ПРАЦА

1862

057
V957
May - June

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
указанное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 6 мая 1862 года

Цензоръ *Θ. Веселого*

ГОЛАЯ ПРАВДА

КОМЕДИЯ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА

ЛУКА ЛУКИЧЪ ПУГАЛОВЪ, провинціалъ, первой гильдіи купецъ,
лѣтъ подь шестьдесятъ.

СТЕПАНИДА ПАНКРАТЬЕВНА, жена его.

НАСТАСЬЯ ЛУКНИШНА, старшая дочь Пугаловыхъ, зрѣлая дѣва,
лѣтъ тридцати-двухъ.

ГРИПОЧКА, ея сестра, лѣтъ девятнадцати.

АНДРЮША, сынъ Пугаловыхъ, двадцати-пяти лѣтъ.

МИТРОША, ватнадцати лѣтъ } меньшіе сыновья Пугаловыхъ.

СТѢША, десяти лѣтъ

КНЯЗЬ ГРОМОВЪ, лѣтъ тридцати-двухъ, промотавшійся баричъ-
игрокъ.

САША АПОЛЛОНОВЪ, изъ военныхъ въ отставкѣ, мужчина лѣтъ
сорока, громаднаго размѣра, съ длинными черными усами.

ПОЛКОВНИКЪ ЖИДРОВЪ, въ отставкѣ, изъ себя тучный.

КУЩЕЦЪ ПИРАМЫЖНИКОВЪ, игрокъ, молчаливый человекъ. Тем-
ная личность.

ФАДЕЙ САМСОНОВЪ, факторъ, плѣшивый, небольшого роста, съ
изрытой физиономіей, шулеръ.

ЖОЗЕФИ (А), изъ русскихъ «мамелік», игривая женщина.

СИДОРЕНКО, унтеръ, слуга Аполлонова.

УСТИНЬЯ, женщина Пугаловой, русская баба, лѣтъ сорока.

ПРОШКА, мальчикъ Пугалова, неуклюжій малый.

ЗАМРАЖЕНЪ, квартальный.

ЦЫПЛЯТНИКОВЪ, полицейскій писецъ.

ПИКО, иностранецъ.

ИЗВОЗЧИКЪ.

ПРИСЛУГА.

Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ.

(Между первымъ, вторымъ и третьимъ дѣйствіями проходитъ по мѣсяцу.)

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ

Вечеръ. Роскошно-убравный номеръ гостиницы. Бронза, бархатъ, зеркала, карсели, нѣсколько картинъ — преимущественно изъ женскихъ головокъ — по стѣнамъ въ вызолоченныхъ рамахъ, мягкая мебель въ живописномъ беспорядкѣ, столъ съ лампой подъ абажуромъ; на полу ковры, въ углахъ софетки. Прямо противъ зрителя большая дверь ореховаго дерева съ зеркаломъ, направо двѣ такія же двери съ опущенными внизъ малиновыми портьерами, нагѣво каминъ съ великолѣпнымъ экраномъ, и снова дверь съ опущенной портьерой. При поднятіи занавѣса на сценѣ темно.

ЯВЛЕНІЕ I

ПИКО, ПУГАЛОВЪ, и АНДРЮША (входятъ черезъ среднюю дверь. Пугаловъ и Андрюша одѣты по-дорожному: въ рыжихъ лисьихъ шубахъ на распашку, въ огромныхъ сапогахъ и въ длинныхъ на нѣху кафтанахъ — порусски. Пико со свѣчей въ рукѣ; за нимъ слуга, весь въ черномъ, тоже со свѣчей).

Пико (*вертляво освѣщаетъ комнату, потомъ идетъ нѣсколько къ двери*). Пошалуста сюда немножко, господинъ. (*Быстро раздвигаетъ портьеру и уходитъ. Пугаловъ и Андрюша, сильно стуча ногами, идутъ слѣдомъ. Слуга зажигаетъ карсели.*)

Пико (*выходя изъ-за портьеры*). Пошалуста еще сюда, господинъ. (*Проходитъ сцену направо къ двери.*)

Пугаловъ (*идя слѣдомъ*). Фатера, братъ, славная! (*Уходитъ.*)

Андрюша (*указывая на карсели*). Тятенька-съ, фигуры-то какія-съ! (*Уходитъ тоже.*)

Пугаловъ (*выходя*). Чтѣ, Андрей, каково?

Андрюша. Единственно, тятенька-съ!

Пугаловъ. Дурень! Дай сроку, то ли еще увидишь.

Андрюша. Ужъ очинно чудно-съ, тятенька, ейбогу-съ.

Пугаловъ. Хе-хе-хе... поди дуракъ, полюбуйся. (*Андрюша въ шубѣ лезетъ на стулья и жадно разсматриваетъ картины.*)

Пугаловъ (*къ Пико*). Ну, мусьё, примѣрно цѣна?

Пико. Дѣйстви пятьдесятъ, господинъ, въ мѣсяцъ.

Пугаловъ. Чего? Ну нѣтъ братъ, шалшь! Мы цѣну-то знаемъ. Опускай ниже.

Пико. Нельзя, господинъ: содершанья дорогого...

Пугаловъ. Знаю, братъ, что дорого. А ты примѣрно двѣ сотенки скинь.

Пико. О, господинъ, какъ фазможно!

Пугаловъ. Ну чего ломаться-то? Полсотенки такъ и быть накину. По рукамъ чтоли?

Пико. Какъ фазможно, господинъ! никакъ нефазможно!

Пугаловъ. Эка сила!.. Андрей, нешто еще полсотни накинуть, а?

Андрюша. Накиньте, тятенька-съ. Ужь очинно прекрасно-съ.

Пугаловъ. Вижу, братецъ, что первый сортъ, да цѣна-то здороваа...

Андрюша. Эхъ, тятенька-съ! ужь куда ни шло — махните!

Пугаловъ. Нешто и взанравду дернуть? Денегъ чтоли нѣтъ у васъ? — такъ въ ээтимъ продадимъ ихъ всѣхъ да выкушимъ. Такъ ли, Андрюшка, а?

Андрюша. Доподлинно такъ-съ, тятенька. Гдѣ-жь имъ съ нами тягаться!

Пугаловъ. Ха-ха-ха... Ты это умно говоришь. (*Къ Пико.*) Ну мусьё, ладъ за двѣ сотни — сейчасъ и покличимъ. А?

Пико. Пошалуста, господинъ, не торгуйтесь; вы самъ видите — кароша обстаношка.

Пугаловъ. Экой же ты супротивный!.. Ну да ладно, наживай денги-то... Чортъ съ тобой! (*Протягиваетъ ему руку.*)

Пико (*пожимая руку*). Очень карошо, господинъ, очень карошо... (*Хочетъ уйти.*)

Пугаловъ. Да ты цѣстой, цѣстой... Дѣйстви-то пятьдесятъ съ харчами чтоли? Какъ у васъ?

Пико. Какъ, господинъ?

Пугаловъ. Хе-хе-хе... что ротъ-то разинулъ! Съ харчами чтоли?

Пико. Исфините, господинъ...

Пугаловъ. Не понимаешь? эхъ ты, жидъ аглицкій! (Къ сыну.) Андрей, а парень-то ловкій?

Андрюша. Ловкій, тятенька-съ.

Пугаловъ. Себѣ на умѣ... чортова перешница! (Къ Нико.) Ну мусьѣ, такъ какъ же, а? Не понимаешь?

Нико. Исфините, господинь.

Пугаловъ. Ну ладно, мы скажемъ иначе: ѣда - то чѣмъ будетъ?

Нико. А! столъ, господинь? table d'hôte?

Пугаловъ (къ сыну). Слышь, Андрей, какъ извертывается? (Къ Нико.) Ну хошь ябельдогъ по-вашему — чѣй будетъ-то?

Нико. Фашъ, фашъ, господинь!

Пугаловъ. Ну нѣтъ братъ, дудки! За дѣвсти пятьдесятъ подавай все... Шалишь!

Нико. Какъ фазможно, господинь, какъ фазможно! (Горьчится.)

Пугаловъ. Да ты постой, постой... голова ты съ мозгомъ! авось на зѣтимъ-то поладимъ.

Нико. Неудодно, господинь, — можетъ уѣхать... (Идетъ къ двери.)

Пугаловъ. Да ладно, ладно... за рублемъ не постоимъ. За мной фатера. Чортъ съ тобой!

Нико. Очень карошо.

Пугаловъ. Андрей, поди къ матери; скажи что, поладимъ.

Андрюша (у камина). Тятенька-съ, зѣто что за штука-съ?

Пугаловъ. Каминъ. Чего не живешь — голова!

Андрюша. Тятенька-съ, зѣто чтоже-съ?

Пугаловъ. Ну полно чесаться-то... Ступай къ матери!

(Андрюша уходитъ.)

ЯВЛЕНИЕ II

ТѢЖЕ безъ АНДРЮШИ.

Пугаловъ (сбрасывая шубу). Мусьѣ, ребятамъ-то своимъ вели поклажу-то здѣсь свалить.

Нико. Очень карошо.

Пугаловъ. Да дровецъ бы въ каминъ-то.

Нико. Каршо. (Уходитъ.)

Пугаловъ (ему вослѣдь). Да! тебѣ, жиду, хорошо: ограбилъ, да и концы въ воду... Народецъ! *(Оглядываетъ комнату.)* Да и дать не жаль: одно слово царская фатера... хошь бы и не намъ такую. А отчего же такоечи и не намъ бы? Хуже мы людей чтоли? Вешто только, въ примѣру, изъ себя маленько неказисты вышли? *(Подходитъ къ зеркалу и гладитъ бороду.)* Такъ въ эфтимъ дѣлѣ болѣ тятенька съ маменькой виноваты... А теперича до чего протчаго-другого любому князю не уступимъ; ейбогу. Да что князь! одна только кличка — пустое!.. У другого-то сердечнаго въ карманѣ, какъ на чердакѣ, вѣтеръ свищеть... Ну, а у насъ, благодареніе-господу, не засвищеть! *(Бьетъ себя по карману. За сценой слышны шумъ, голоса и хохотъ.)* Значитъ теперича и выходитъ, къ примѣру, что князь, аль тамъ графъ какой, сунротивъ моей персоны — щелкоперъ... Оно конечно, если взять въ разсужденіе, прозвище оно пріятное, ну и тамъ... эдакіе... всякіе чины отхватовать — утѣшно... А по-моему: водилась бы поболѣ вотъ эфта матерія *(ударяетъ себя по карману)*, да вотъ здѣсь *(показываетъ на лобъ)* маломальски какое-нибудь соображеніе... Въ янералы не въ янералы, а ужъ въ первостатейные навѣрняка выйдемъ... Хе-хе хе! *(Потираетъ руки.)*

ЯВЛЕНІЕ III

ПУГАЛОВЪ, СТЕПАНИДА ПАНКРАТЬЕВНА, АНДРЮША, НАСТАСЬЯ ЛУКИНИШНА, ГРИПОЧКА, МИТРОША, СТЕША, УСТИЦЬЯ и ПРОШКА (входятъ всѣ съ мѣшками и узлами Настасья Лукинишна, Грипочка, Митроша и Стеша съ шумомъ и хохотомъ первые врываются въ среднюю дверь, и пораженные останавливаются въ различныхъ позахъ. Картина. Степанида Панкратьевна, поддерживаемая Андрюшей, съ трудомъ и охая, входитъ медленно и садится на первый стулъ. Одѣты всѣ по-дорожному: въ шубахъ, въ ситцевыхъ платяхъ, въ капотахъ, въ уродливыхъ капорахъ — всѣ въ пуху.)

Пугаловъ. Что, ребята, какова фатера-то, а?

Настасья Лукинишна (бросаясь къ отцу). Тятенька-съ, очарованіе съ!

Грипочка (тоже). Восхитительно-съ!

Настасья Лукинишна. Упоительно-съ!

Грипочка. Тятенька-съ, позвольте ручку поцѣловать. *(Цѣлуетъ у отца руку.)*

Настасья Лукинишна. Тятенька-съ, позвольте ручку поцѣловать. *(Цѣлуетъ у отца руку.)*

Пугаловъ. Хе-хе-хе... дуры!

Настасья Лукинишна. Тятенька-съ, голубчикъ, я съума сойду-съ!.. *(Прыгаетъ.)*

Андрюша. Тятенька-съ, голубчикъ, а я пропаду-съ!.. *(Машетъ руками.)*

Грипочка *(забываетъ въ другой стороны)*. Папѣчка, золотой вы нашъ! *(Цѣлуетъ его въ щеку)*

Настасья Лукинишна *(забывая съ другой стороны)*. Пашурочка, золотой вы нашъ! *(Цѣлуетъ его въ щеку.)*

Пугаловъ. Ха-ха-ха... хе-хе-хе... дурни! то ли еще увидите! Пождите маленько.

Настасья Лукинишна. Ахъ, пашурочка, да и это рай небесный!..

Пугаловъ. Ну еще далеко, Настя, до рая... только ягодки!

Настасья Лукинишна. Что вы говорите! Да неужто лучше этой фатеры бываетъ?

Пугаловъ. Во-та!.. Поѣзжай-ка въ Питерь, не то еще увидишь.

Настасья Лукинишна. Нешто тамъ еще восхитительнѣе?

Пугаловъ. Просто, мать, языкъ проглотить.

Настасья Лукинишна. Ахъ какія ужаси!

Андрюша *(у картины)*. Настя, гляди — фигурія-то какія... Ухъ ты маточка! красоточка! чортъ тебя побори!..

Настасья Лукинишна. Гдѣ, гдѣ? *(Взглядываетъ на картину.)* Ахъ, страмоты какія... ахъ! *(Закрываетъ лицо руками. Вѣсь смотрятъ.)*

Андрюша. Ты чего? гляди-ка сюды. *(Лѣзетъ на стулъ и пальцемъ указываетъ на картину.)*

Пугаловъ. Андрей, полно тебѣ зариться-то... Голова!

Андрюша. Я, тятенька-съ, ничего-съ...

Пугаловъ. То-то ничего! Вижу я. Поди-ко вели намъ, братъ, чайку собрать. Съ дороги-то немѣшаетъ позабавиться.

Степанида Панкратьевна *(раскутывая свою юбку)*. Подстой, подожди!.. Дай сначала оглядеться-то... духъ-то пере...вести... Охъ! *(Качаетъ головой.)*

Пугаловъ *(глядитъ на нее съ минуту)*. Что, мать? адь оцять повесла? Все не по-твоему... Ишь тебя лукавый-то мутить!

Степанида Панкратьевна. Врешь, безпутный! тебя лукавый-то обошолъ, а не меня. Куда ты насъ завезъ? Намъ ли такія хоромы?

Пугаловъ. Ворона! тебѣ все въ диковинку...

(Сдержанный хохотъ Грипочки и Настя.)

Степанида Панкратьевна *(вставая)*. Вы чему это, халды, смѣетесь? А?

Пугаловъ. Не трошь ихъ: онѣ по дѣлу смѣются.

Степанида Панкратьевна *(подступая)*. Надъ матерью-то?

Пугаловъ. Надъ матерью.

Степанида Панкратьевна. Тьфу! *(Плюетъ и садится.)*

Пугаловъ. Эхъ ты .. дура-баба! Говорить-то съ тобой — да ромъ слова терять. *(Начинаетъ ходить.)* Андрей, что я сказалъ?

Андрюша. Сейчасъ, тятенька-съ. *(Уходитъ.)*

Пугаловъ. Ты у меня смотри — тятенька!.. *(Ходить.)* Что за дьявольскій карахтеръ! Завсегда-то она меня на сердце наведеть. Слово не скажи — такъ и накинется... Чортъ!

Степанида Панкратьевна. Чтѣ ты, безобразникъ, даешься-то? Здѣсь вѣдь не харчевня.. не постоялый дворъ. Добрые люди ходять.

Пугаловъ. А я очинно боюсь кого!.. Плевать!

Степанида Панкратьевна. Ты хошь стѣнь-то постыдись, безсудная голова!

Пугаловъ. Мнѣ нечего стыдиться. *(Ходить.)*

ЯВЛЕНИЕ IV

ТѢЖЕ безъ АНДРЮШИ. (Люди вносятъ чемодавъ, чемоданы, подушки и сумдучки; затопляютъ каминъ. Устинья, ворча и загнувъ подолъ за поясъ, вся въ пуху — суетится возлѣ поклажи. Прощка бессмысленно ходять. Настасья Лукнишна, Грипочка, Митроша и Степа, скинувъ съ себя шубы, съ шумомъ бѣгаютъ во комнаты и разсматриваютъ каждую вещь съ жаднымъ любопытствомъ.)

Настасья Лукнишна *(у зеркала)*. Батюшки-свѣты, какой я уродъ-тр!.. *(Сыдаетъ капоръ и гладитъ волосы.)*

Грипочка (*у другою зеркала*). А я такъ сегодня очень интересна... просто душка! (*Треплетъ себя по щекамъ.*) Розанчикъ!

Настасья Лукинишна. Грипочка! взгляни, мо-нажь, на кого я похожа!

Грипочка. Я сама, Настинька, вся измята... съ дороги. Вотъ погоди, нашьемъ себѣ новыхъ платьевъ — заживемъ-то какъ, Настя!

Настасья Лукинишна. Ахъ, Грипочка, и не говори ты мнѣ лучше, и не говори! Я просто задыхаюсь отъ радости... Пойдемъ плясать.

Грипочка. Маменька разсердится.

Настасья Лукинишна. Во-та, есть на кого смотрѣть! Пойдемъ.

Степанида Панкратьевна. Куда пойдемъ? Ха-да! Чѣмъ бы съ дороги мать успокоить...

Пугаловъ (*прохаживаясь*). Чортъ тебя успокоить!

Степанида Панкратьевна. Озорникъ ты, озорникъ Лука Лукичъ, бо-гъ ничего! Только бы тебѣ ругаться да издѣваться. Чѣмъ бы дочь остановить, да путное слово ей сказать...

Пугаловъ. Ты вотъ путныя слова то говоришь.

Степанида Панкратьевна. А то нешто непутныя? Безобразію чтоли учу? супротивничать? матерью помыкать?

Пугаловъ. Небывальщину, мать, порешь...

Степанида Панкратьевна. Охъ ты голова, голова!.. Чтѣ ужъ больно о себѣ то много возомнилъ? Куцчишка, дрань, сволочь... Тьфу!

Пугаловъ. Утушись, куриное сердце.

Степанида Панкратьевна. Изъ грязи да посаженъ въ князи...

Пугаловъ. Фу ты, фря какая!

(Хохотъ между дѣтьми.)

Степанида Панкратьевна. Дома панъ, а въ людяхъ болванъ...

Пугаловъ. Стой, жена! Бить дурака, жаль кулака!.. Знаешь?

Степанида Панкратьевна. Знаю! что ты мнѣ кулачище-то тычешь? Видали эфот! (*Встаетъ.*) И то сказать, Лука Лукичъ: богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ... Прощенья просимъ! (*Идетъ нально къ двери.*)

Пугаловъ. Кто изъ насъ свинья-то, Степанида Панкратьевна?

Степанида Панкратьевна. Умники Лука Лукичъ, умники... Гдѣ намъ дурамъ! (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ V

ТѢЖЕ БЕЗЪ СТЕПАНИДЫ ПАНКРАТЪЕВНЫ, ПРОШКА и потомъ УСТИНЬЯ.

Пугаловъ. Змѣиная порода! (*Начинаетъ ходить въ волненіи.*) Это чортъ, а не баба!.. Митрошка! пошолъ за Андреемъ... да стой! куда тебя, вражьяго сына, посылать — самъ сгинешь... Прощка!

Прощка (*входитъ бокомъ*). Чаво изволите? (*Говоритъ сонно.*)

Пугаловъ. Эка рожато, скоть!

Прощка. Вы чаво?

Пугаловъ. Вы чаво!.. Жидоморъ!.. Пошолъ, скоть, приведи Андрея.

Прощка. Гдѣ мнѣ искать его!

Устинья (*показываясь въ дверяхъ съ подушками*). Чего искать? куда? здѣсь дѣло есть... Тащи перину-то.

Пугаловъ. Я велѣлъ!

Устинья. Вы чаво пристали? я Прощкѣ говорю.

Пугаловъ. Ты не ори, горло!

Устинья (*еще громче*). Я и не ору... Чтѣ вы на меня накинулись? Не хрипостная: возьму фачвортъ, да и со двора. Вотъ и сказъ!

Пугаловъ. Да чтѣ вы, черти, сбѣсились чтоли?

Устинья. Сбѣсились! (*Бросаетъ подушки.*) На-те, вѣште!.. (*Уходитъ.*)

Пугаловъ. А, дьяволъ!.. (*Блжтитъ за ней и натывается на Андрюшу.*)

ЯВЛЕНИЕ VI

ТѢЖЕ БЕЗЪ УСТИНЬИ и ПРОШКИ, АНДРЮША и СЛУГА.

Пугаловъ. Чтѣ Андрей, не успѣлъ, братъ, лба перекрестить, какъ ужъ и за шашни? Смотри ты у меня, голова!

Андрюша. Какія шапки? Вы сами чай послали. Что вы!

Пугаловъ. Молчи. Я знаю что говорю.

Андрюша. Чтожъ вы знаете-то? Злобитесь на маменьку, а я виновать сталъ.

Пугаловъ. Изобидѣлся!..

Андрюша. Известно больно.

Пугаловъ. Какъ не больно! великатнаго роду вѣдь!..

Андрюша. Что вы меня родомъ — то попрекаете? вашъ же сынъ-то!

Пугаловъ. Молчать! Ты опять мнѣ перечить сталъ. Смотри Андрюшка, чтобъ я тебѣ мурлы-то не подправилъ... скотъ эдакой!

Андрюша. Ужъ и мурлы подправлю!.. Было бы за что-сь...

(Пугаловъ дѣлаетъ движеніе.)

Настасья Лукинишна. Тятенька-сь, оставьте... (*Дергаетъ его за руку.*)

Пугаловъ. Смерть не люблю супротивныхъ... Ножъ они мнѣ! Ты тамъ какъ хошь за глаза меня ругай, да въ глаза не пырай ты мнѣ словами. Невластенъ я тогда — убью до смерти... (*Ходитъ.*)

Слуга. Вы чаю спрашивали, сударь?

Пугаловъ. Ну да. Что вы, нерусскіе чтоли?

Слуга. Сколько же порцій прикажете?

Пугаловъ. Какого чорта! Давай больше.

Слуга. Слушаю-сь. (*Поспѣшно уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ VII

ТѢЖЕ и СТЕПАНИДА ПАНКРАТЬЕВНА (изъ дверей).

Степанида Панкратъевна. Прежде цѣну-то спроси, горячка!

Пугаловъ. Не твоя забота. Проваливай!

Степанида Панкратъевна. Наказалъ меня господь, наказалъ! (*Уходитъ.*)

Пугаловъ. Ишь какъ тебя лукавый-то мучить... Не сидится и тамъ. Гнида!

(Хохотъ между дѣтми.)

ДЪВАНІЕ VII

ТѢЖЕ БЕЗЪ СТЕПАНИДЫ ПАНКРАТЬЕВНЫ. (Люди привносятъ чай и ставятъ карсели на столъ.)

Пугаловъ (*смотря на все съ любопытствомъ*). А самоваръ, любезный?

Слуга. Въ чайникахъ вода, сударь.

Пугаловъ. На кой чортъ мнѣ твои чайники!.. Подай самоваръ.

Слуга. У насъ нѣтъ самоваровъ, сударь.

Пугаловъ. Какъ нѣтъ?

Слуга. Здѣсь, сударь, гостиница, а не подворье...

(Въ дверяхъ показывается снова Степанида Панкратьева и вслушивается.)

Митроша (*подскакивая*). Тятенька-съ, маменька опять пришли-съ.

Пугаловъ (*давая сыну подзатыльникъ*). Пошолъ прочь, дьяволенокъ! (*къ слугѣ*). Да что ты, любезный, мнѣ зубы-то заговариваешь?.. Не впервой я въ Москвѣ то. Порядки знаю.

Слуга. Ахъ сударь, да вы вѣрно не изволили останавливаться въ гостиницахъ?

Настасья Лукнишна. Тятенька-съ, не спорьте... здѣсь видно такъ-съ.

Пугаловъ. Какого чорта! я знаю что говорю.

(Слуга хохочетъ всторону.)

Настасья Лукнишна. Тятенька-съ, бога-ради оставьте. Люди смѣются.

Пугаловъ (*къ слугѣ*). Гдѣ вода-то, кажи? (*Подходитъ къ столу*.)

Слуга (*указывая*). Вотъ, сударь; а здѣсь чай, здѣсь сухари...

Пугаловъ. Ладно. Сухари-то возьми назадъ—чортъ ли въ нихъ! Отъ нихъ, братъ, въ животѣ засвищеть... А намъ ты калачиковъ съ дощинуку принеси... Дѣло-то будетъ вѣрнѣе.

Слуга. Слушаю-съ. (*Хочетъ уйти*.)

Пугаловъ (*сидя за столъ*). Постой, погоди. Тутъ примѣрно сколько порцій будетъ? (*Подымаетъ сахарницу*.)

Слуга. Четыре, сударь.

Пугаловъ. Цѣна?

Слуга. Восемь гривенъ за порцію.

Пугаловъ (*вскикивая*). Сколько?

Слуга (*плетясь назадъ*). Восемь гривенъ, сударь.

Пугаловъ. Разбойники! грабители! рады съ нашего брата шкуру содрать!

Слуга. Со всѣхъ такъ, сударь... хошь извольте справиться.

Пугаловъ. А вотъ увидимъ... Позови хозяина.

Настасья Лукинишна. Тятенька-съ, оставьте... Страмъ вѣдь. Что вы дѣлаете! (*Дергаетъ его за руку.*)

Пугаловъ (*съ сильнымъ движеніемъ*). Ни-черта! Позвать хозяина.

Андрюша. Тятенька-съ, оставьте... (*Дергаетъ его за руку.*)
Ей-ей совѣстно.

Пугаловъ. Ты чего? (*Смотритъ на него съ минутой.*) Не сдѣлку ли тамъ смастерилъ, а? Съ тебя вѣдь станется... на это ума хватить!

Андрюша. Чего-съ?

Пугаловъ. То-то чего-съ!.. Парень-то ты ловкій. Того гляди...

Андрюша. Стыдно вамъ обижать-то! Воромъ ещю не былъ-съ...

Пугаловъ. Да я такъ... къ слову пришлось... всего бываетъ...

Андрюша. Бываетъ, бываетъ!.. Не мнѣ бы такія слова-то говорить. Вотъ что-съ!

Пугаловъ. Ну-ну-ну, заговорилъ!.. дворянская кровь!

Андрюша. Вы не ругайтесь... (*Шлаксиво.*) Что это въ самомъ дѣлѣ такое!

Настасья Лукинишна (*бросаясь между ними*). Тятенька! Андрюша! Не страмите насъ-то... вѣдь здѣсь люди, страмъ, смѣются всѣ... Оставьте!

•• Пугаловъ (*къ слугѣ*). Ступай, любезный; хозяина ненадѣть.

(Слуга уходитъ.)

Настасья Лукинишна (*къ отцу*). Послушайте, какъ вамъ не стыдно... что вы дѣлаете? Здѣсь вѣдь не постоянный дворъ — безобразничать не позволять...

Степанида Панкратьевна (*съ дверяхъ*). Впервой путное слово слышу.

Пугаловъ (*къ дочери*). Дура ты, вотъ что.

Настасья Лукинишна. У васъ всѣ дуры... вы одни только умники!

Пугаловъ. Наська, не сердчай ты меня! и безъ тебя тошно. (*Чешетъ затылокъ и садится за столъ.*)

Степанида Панкратьевна (*уходя отъ двери*). Зачесался сердечный! Пожди маленько, не такъ еще зачешемся!..

Пугаловъ (*задумчиво*). Ну, садитесь чай-то пить, чай издрогли. (*Молчаніе.*) Андрей, полно дуться-то, садись. Митрофанъ, Степанъ! ступайте.

(Митроша, Стеша и Грипочка садятся: Андрюша стоитъ въ раздумьи, Настасья Лукинишна у зеркала.)

Пугаловъ. Андрей, сходи за матерью-то, да приходите.

(Андрюша молча уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ IX

ТѢЖЕ безъ АНДРЮШИ и УСТИНЬЯ.

Пугаловъ (*стуча чайникомъ*). Прошка! (*Входитъ Прошка.*) Вели кипятку налить. (*Ему вслѣдъ, принужденно.*) Хе-хе-хе — сютъ! и ходить-то не умѣть.

Устинья (*сердито входитъ*). Чтоже намъ-то чаю?

Пугаловъ. Стоишь ли ты чаю-то, грубиянка, а?

Устинья (*криливо*). Нежрамши такъ и быть?

Пугаловъ. Такъ и быть. Авошь не треснешь.

Устинья. Пожалуйте фачвортъ!

Пугаловъ. Да ты не ори... эво хайло-то!

Устинья (*еще громче*). Мыъ нечего орать... Пожалуйте фачвортъ.

Пугаловъ. Пошла же вонъ, дура.

Устинья. Я жить не стану... лопни мои глаза, коли стану!

Пугаловъ. Да не живи, дуй тебя горой! Прислути чтоли вѣтъ? Вездѣ этой швали-то много, какъ собакъ невѣшанныхъ.

Устинья. Ну... будь же я анафема, коль завтражь не уйду! (*Уходитъ.*)

Пугаловъ. Да уходи, чортъ! Плакать чтоли останемъ!

ЯВЛЕНИЕ X

ТѢЖЕ безъ УСТИНЬИ, АНДРЮША и СТЕПАНИДА ПАНКРАТЬЕВНА.

Пугаловъ. Садитесь чай-то пить.

(Андрюша и Степанида Панкратьевна садятся молча. Прощка приноситъ чайникъ и калачи. Нѣсколько минутъ молчанія. Всѣ пьютъ и не глядятъ другъ на друга.)

Пугаловъ (*принужденно-ласково*). Ну дѣтки, завтра первымъ долгомъ въ баню, а потомъ и за обнвы...

Степанида Панкратьевна (*смотря всторону*). А въ храмъ-то божій?

Пугаловъ. Правда твоя, Степанида Панкратьевна, правда. Спервуначало это слѣдъ... Умную рѣчь сказала. (*Улыбается.*)

Степанида Панкратьевна. Авось хошь этимъ угодила... Полно зубы-то скалить, зуббскалъ! Дай сюды чайникъ-то.

Пугаловъ. Изволь матушка, изволь. Кушай на здорвье! Настя, что не идешь?

Настасья Лукинишна. Неужно-сь!

Пугаловъ. Что, мать, больно заспѣсивилась? Ноги приедь, авось сердце-то сядетъ маленько... А?

Настасья Лукинишна. Отвяжитесь! я васъ не трогаю. (*Ом-ходитъ всторону.*)

Пугаловъ. Полно, полно, коза! что серчать-то? Ну что за важность? покричали да и будетъ. Никого не обидѣли.

Настасья Лукинишна. Вы-то не обидѣли? Да кому изъ насъ не досталось-то? Ха-а! (*Ходитъ.*)

Пугаловъ. Ну полно, полно, садись.

Настасья Лукинишна (*остаиваясь*). Я впередъ этого не буду выносить. Было бы вамъ извѣстно. (*Ходитъ широко.*)

Пугаловъ. Чтожъ ты сдѣлаешь?

Настасья Лукинишна. Удери... Ну васъ!..

Пугаловъ. Небывальщину, мать, порешь... Подлинно что бабы: волосъ дологъ, а умъ коротокъ.

Настасья Лукинишна (*крестясь во всю ширь*). Вотъ вамъ Христось, что сигну куда-нибудь!

Пугаловъ. Ладно! Толкуй! Придешь опять!

Настасья Лукинишна. Нѣтъ ужъ извините! (*Ходить.*)

Пугаловъ. Утушись, куриное сердце...

Степанида Панкратъевна. Полно, Лука Лукичъ! что ты съ дѣвкой-то связался! Поговоримъ о дѣлѣ.

Пугаловъ. Ладно, мать, говори.

Степанида Панкратъевна. Андрею-то чай сертучишко какой надѣть сдѣлать, а?

Пугаловъ. Не въ зипунѣ же ходить. Знаю.

Степанида Панкратъевна. Митрошѣ бы тоже что-нибудь: курточку чтоли, аль казакинъ какой.

Пугаловъ. И ему сошьемъ. Загуляетъ нашъ Митроха! (*Ударяетъ по плечамъ сына. Митроша улыбается.*)

Стеша. Тятенька, а мнѣ-то-съ?

Пугаловъ. И тебѣ сошьемъ.

Степанида Панкратъевна. Настасья бы...

Настасья Лукинишна. Обо мнѣ не безпокойтесь. Ничего не нужно-съ.

Пугаловъ. Ой ли, такъ ли?

Настасья Лукинишна (*останавливаясь*). Вы думаете я очинно интересуюсь платьями? Ха-а! Плевать я на нихъ хотѣла. Вотъ что-съ! (*Плюетъ.*) Мнѣ не платья нужны... Не въ нихъ сила-съ... (*Ходить.*)

Степанида Панкратъевна. Чего жъ тебѣ, мать моя? Не звѣзды же съ неба хватать... Господи-помилуй!

Настасья Лукинишна. А хошь бы и звѣзды! Вы что пристали? Не съ вами говорю.

Пугаловъ. Да ну, говори коза, чего жъ тебѣ?

Настасья Лукинишна. Ума я хочу, образованія... а не ваши тряпки... Мнѣ тряпки — тьфу! (*Плюетъ.*)

Пугаловъ. Чтожъ, и ума добудемъ. Дай сроку, всему научимъ. Погоди.

Настасья Лукинишна. Да ужъ я это давно отъ васъ слышала. Вы только общаете-то много, а на посулъ какъ на стулъ... Знаю я ваше обѣщаніе-то!

Пугаловъ. Вотъ увидишь...

Настасья Лукинишна. Нечего видѣть-то... все ужъ видѣли!

Пугаловъ. А вотъ увидишь!

Степанида Панкратьевна. Полно, Лука Лукичъ, что ты съ ней связался! Какого ей ума? Что она брешить-то?

Настасья Лукинишна. У васъ всё брешутъ... Известно какого ума: пофранцузски говорить, понѣмецки... мало ли что еще! Не вѣкъ же мнѣ съ вами — то трепаться. Надѣть чай на людей взглянуть, себя показать, свѣту нахвататься... Не все-жъ душой быть.

Пугаловъ. Настоящее дѣло. Чтожъ, я отъ этого непрочь: француза добудемъ.

Степанида Панкратьевна. Полно врать, Лука Лукичъ! какого француза!

Пугаловъ. Я хочу — и баста! Нонѣ всё говорятъ... чертеняты махонькіе — и тѣ, жида, афранцузились... а намъ-то и подавно.

Степанида Панкратьевна. Да съ ея ли рыломъ французской-то языкъ! Къ кому что идетъ... Пойми ты это.

Настасья Лукинишна. Маменька-съ, послѣ этого .. вы сами уродъ-съ. (*Быстро уходитъ нальво.*)

Степанида Панкратьевна. Мерзавка ты, дѣвка... болѣ ничего! (*Хохотъ между Пугаловымъ и дѣтymi. Къ мужу.*) Ты что это ротъ-то разинулъ! чѣмъ бы дѣвку сукротить... Дурачье вы! (*Встаетъ и идетъ къ поклажѣ.*)

ЯВЛЕНИЕ XI

ТѢЖЕ безъ НАСТАСЬИ ЛУКИНИШНЫ, ПРОШКА и ИЗВОЗЧИКЪ.

Прощка (*въ дверяхъ*). Извозчикъ пришолъ. (*Уходитъ.*)

Пугаловъ. Что надѣть?

Извозчикъ (*входя, чешетъ затылокъ*). На чаекъ бы съ вашей милости... (*Переминается.*)

Пугаловъ. Ладно. Все ли свалили-то? (*Даетъ деньги.*)

Извозчикъ. Кажись все-съ... Благодаримъ покорно. (*Смотритъ на монету.*)

Пугаловъ. Завтра приходи за расчетомъ.

Извозчикъ. Рубликовъ бы съ пяточекъ теперича пожаловали. Смерть нужно. (*Чешется.*)

Пугаловъ. Дурачье вы! Авось бы перебида какъ-нибудь...

Извозчикъ. Дѣло неминуемое...

Пугаловъ (*доставая оеньги*). У васъ все неминуемое! Навотъ.

Извозчикъ. Благодаримъ покорно. Счастливо оставаться!

Пугаловъ. Ладно. Ступай.

(Извозчикъ уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ XII

ТѢЖЕ БЕЗЪ ИЗВОЗЧИКА и НАСТАСЬЯ ЛУКИНИШНА (*входитъ надутая*).

Настасья Лукинишна. Андрей, дай чаю! (*Садится къ столу и смотритъ всторону.*)

Андрюша. Что за барыня! Сама нальешь.

Настасья Лукинишна. А у тебя руки-то отсохли?

Андрюша. Отсохли.

Настасья Лукинишна (*вполголоса*). Мужикъ, деревня!.. (*Наливаетъ чай сама.*)

Андрюша. Ты не ругайся.

Настасья Лукинишна (*громче*). Свинопасъ!

Андрюша. Маменька, что она все ругается?

Степанида Панкратьевна. Говори отцу. Я на нее и глядѣть-то не хочу.

Настасья Лукинишна. Скажите, какія новости!

Степанида Панкратьевна. Отвяжись, безпутная!

Настасья Лукинишна. Какія ужаси... Ха-а!

Степанида Панкратьевна. Отойдешь ли отъ грѣха?

Лука Лукичъ! да уйми ты ее, грубіянку.

Пугаловъ. Что, Настасья, знать голодь то не тетка, пирожка не подсунеть?

Настасья Лукинишна. Что вы меня флой-то попрекаете? Не объѣла васъ! (*Встаетъ и съ громомъ ставитъ чашку на столъ.*)

Степанида Панкратьевна. Эка безпутная!.. Вотъ безпутная-то, а?

Пугаловъ (*къ дочери*). Полно, полно, кдза! что злоститься-то?

Настасья Лукинишна (*всторону*). Свиныя! Необразованные черти!..

(Минута молчанія. За сценой внезапно слышны шумъ и хохоть. Всѣ вздрагиваютъ и прислушиваются.)

Пугаловъ. Что за исторія?

Степанида Панкратьевна. Батюшки-свѣты, что такое?

Первый голосъ (*направо за дверь*). Князь, князь, души его!..

(Снова шумъ и хохоть. Всѣ вскакиваютъ разомъ.)

Второй голосъ (*удушливо*). Голубчики... отцы родные... Ухъ! Никогда не буду... Ухъ!

Третій голосъ. Врешь, подлець! знаю я тебя, какъ ты не будешь!

Второй голосъ. Ейбогу же не буду!.. Голубчики, не буду!.. Караулъ!!

(Снова шумъ и хохоть.)

Пугаловъ. Господи царь небесный, что такое? (*Блжеть къ двери, раздвигаетъ портьеру и присѣдая смотритъ въ замокъ*.) Степанида Панкратьевна! а Степанида Панкратьевна! поди-ка сюда!

Степанида Панкратьевна. Что случилось, Лука Лукинъ? что, родимый? Охъ, сердце мое чуяло: не бывать здѣсь добру, не бывать!..

Пугаловъ. Ничего! что ужь больно испужалась-то? Господа гуляютъ... Гляди въ лыру-то.

Степанида Панкратьевна. Ну-съ-ка (*смотритъ*). И то потѣшаются! Ахъ дуй ихъ горой! А у меня серденько такъ и ёкнуло отъ страху. Тьфу! испужали до смерти, ейбогу.

Андрюша (*держая мать за платье*). Маменька-съ, позвольте...

Степанида Панкратьевна. На, гляди.

Андрюша. Батюшки-свѣты, вотъ чудно-то!

Настасья Лукинишна. Дай, Андрей, взглянуть. (*За дверью хохоть*.)

Андрюша. Постой!

Настасья Лукинишна. Пусти, голубчикъ! (*Жметъ его*.)

Андрюша. Да погоди, лошадь!

Настасья Лукинишна. Пусти; говорятъ тебѣ! (*Отталкиваетъ его отъ двери*.)

Андрюша. Эка жидь здоровая!.. такъ и ломить! (*Ударяетъ ее по спинѣ*.)

Настасья Лукинишна. Андрюшка, скоть эдакой! (*Отвѣчаетъ ему тѣмъ же.*)

Андрюша. Право лошадь! (*Отходитъ всторону.*)

Грипочка. Настя, дай глазкомъ взглянуть...

Настасья Лукинишна. Тебѣ нельзя.

Грипочка. Это что еще за новости?

Настасья Лукинишна. Да не кричите!.. дайте послушать-то. Господи!

Митроша и Стеша. Сестрица, позвольте намъ взглянуть.

Настасья Лукинишна (*оборачиваясь*). Отойдете ли вы, черти!

Пугаловъ. Дай имъ взглянуть-то.

Настасья Лукинишна. Успѣютъ!

Пугаловъ. Андрей! поди-ка, братъ, позови офиціанта. Мы это дѣло разузнаемъ. (*Андрюша уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XIII

ТѢЖЕ и СЛУГА, потомъ АНДРЮША.

Пугаловъ. Любезный, кто у васъ здѣсь остановился? (*Указываетъ на дверь.*)

Слуга. Князь Громовъ.

Пугаловъ. Давненько?

Слуга. Съ годъ будетъ.

Пугаловъ. Богатый человекъ?

Слуга. Мы не знаемъ-съ. Должно-быть богатый...

Пугаловъ. Такъ-съ... а это пріатели чтоли? (*Указываетъ ему слова на дверь.*)

Слуга. У нихъ много бываетъ... всѣхъ не знаемъ.

Пугаловъ. Такъ-съ... Ты, я вижу, любезный, человекъ-то смысленный: ѣшь пирогъ съ грибами, а держишь языкъ за зубами.

Слуга. Наше, сударь, дѣло не господское... съ ними компанію не водимъ.

Пугаловъ. Хе-хе-хе... доподлинно, гдѣжъ вамъ знать всего!.. (*Слуга дѣлаетъ движеніе.*) Постой-ка, любезный, погоди. Ну а пріятно кто съ нимъ болѣ компанію-то водить, а? чай это знаешь?

Слуга. Жидровъ полковникъ, Аполлоновъ, Ширамыжниковъ купецъ... много ихъ всѣхъ, не припомнишь.

Пугаловъ. Извѣстно не припомнишь. Не одинъ чай служишь—то имъ?

Слуга. Мнѣ некогда, сударь.

Пугаловъ. Ступай, любезный, ступай. Въ другой разъ до-скажешь. *(Слуга уходитъ. Пугаловъ провожаетъ его глазами.)* Народъ московскій, а? По гривнѣ словечко, по рублю ступня...

- Степанида Панкратьевна. Москва, Лука Лукичъ, бьетъ съ носка.

Пугаловъ. Знаю, мать, знаю: что въ ней деньгу беречь, такъ себя не стеречь *(Входитъ Андрюша.)* Что Андрей, не выдержалъ: въ щелку заглянулъ, а?

Андрюша. Заглянулъ, тятенька—съ.

Пугаловъ. Въ шею не наклали?

Андрюша. За чтоже—съ? Я вѣдь однимъ глазкомъ...

Пугаловъ. Все равно братъ, и за это чешутъ. Ну чтожь они? Рассказывай.

Андрюша. Уѣхадши.

Пугаловъ. Куда?

Андрюша. Незнаю—съ.

Пугаловъ. Чгожь дура—то смотреть? *(Указываетъ на дочь.)* Настасья, полно тебѣ въ дверь—то зариться! Спать пора. *(Злваетъ.)* Андрей! туши, братъ, свѣчи—то.

Степанида Панкратьевна *(идя налево)*. И то дѣло. *(Злваетъ.)* Пойдемте... Настасья, Грипочка! ступайте. *(Уходитъ громко звая; за нею бокомъ, смотря на сестру, уходитъ и Грипочка. Андрюша, Митроша и Стеша гасятъ свѣчи.)*

ЯВЛЕНІЕ XIV

ТѢЖЕ БЕЗЪ СТЕПАНИДЫ ПАНКРАТЪЕВНЫ И ГРИПОЧКИ.

Пугаловъ. Настасья! что я сказалъ?

Настасья Лукинишна *(бросаясь отъ двери къ отцу)*. Тятенька—съ, я все забыла!.. Голубчикъ тятенька, вы меня любите? *(Обнимаетъ его.)*

Пугаловъ. Дура!.. Извѣстно люблю. А что?

Настасья Лукинишна *(цѣлуя его)*. Голубчикъ! я вамъ въ ножки поклонюсь... познакомьтесь съ ними! *(Указываетъ ему на дверь.)*

Пугаловъ. Что, коза, теперь голубчикъ сталъ, а?

Настасья Лукинишна. Тятенька-съ, ради-созателя!..

Пугаловъ. Да ладно, ладно... завтра потолкуемъ. Ступай къ матери-то.

Настасья Лукинишна. Тятенька, позвольте ручку...

Пугаловъ. Ишь ты, лукавая, вся въ мать!.. *(Цѣлуетъ ее въ голову и уходитъ направо. Вспъ расходятся. На сценѣ темно.)*

ЯВЛЕНИЕ XV

Устинья *(входитъ со свѣчей и что-то ищетъ)*. Собачья жизнь... право собачья! Ни тепла, ни покоя... Уйду, ей-ей уйду... ну ихъ къ чорту! Диви бы интересъ какой былъ — ничуть не было. Сама что стянешь, то и ладно. *(Беретъ со стола колачъ, сахаръ и прихвѣтъ все торойливо.)* И куда вѣдь лѣшій занесъ, куда! Жили бы у себя на фабрикѣ, а то экаго чорта... Тьфу! Съ невытымъ-то рыломъ да въ такія царскія хоромы!.. И что толку? Что денегъ-то много?.. А самъ съ бани до бани рубахи не сыметъ... Протушился весь, какъ свинья невытая.. отъ сапожищей-то однихъ не дохнешь, окромя тамъ протчаго другого... все нутро твое повыворотить... Тьфу, окаянные! *(Голосъ Степаниды Нанкратьевны за сценой: «Устинья!»)* Сейчас иду-съ!.. Не ори! *(Беретъ капоть и уходитъ.)*

ЯВЛЕНИЕ XVI

НАСТАСЬЯ ЛУКИНИШНА *(входитъ раздѣтая, въ кофѣ и чепцѣ, и ощупью идетъ къ двери направо)*.

Степанида Нанкратьевна *(изъ комнаты)*: Ты куда?

Настасья Лукинишна. Сейчасъ приду-съ. *(Подходитъ къ двери и жадно смотритъ въ щелку.)*

ЯВЛЕНИЕ XVII

НАСТАСЬЯ ЛУКИНИШНА и АНДРЮША *(входитъ въ старомъ изодраномъ халатѣ и натывается на сестру. Общій испугъ)*:

Настасья Лукинишна. Что ты здѣсь шляешься! Испужалъ до смерти.

Андрюша. А ты что здѣсь швыришь?.. полуночица!

Настасья Лукинишна. Ну, полно Андрюша, кричать-то... Дай, голубчикъ, посмотрѣть... Смерть хочется.

Андрюша. Да смотри. Я не затѣмъ... (*Молчаніе. Андрюша закуриваетъ трубку.*)

Настасья Лукинишна. Андрюша, знаешь что я придумала?

Андрюша. Что?

Настасья Лукинишна. Голубчикъ, милочка! подбери ты ключъ...

Андрюша. Какой ключъ? куда?

Настасья Лукинишна. Вотъ сюда... (*Указываетъ ему на дверь*) Ради-христа. Я сама тебѣ услужу, Андрюша.

Андрюша. На какого чорта? (*Сильно затымается, выпуская дымъ въ трубу камина.*)

Настасья Лукинишна. Ахъ ты какой!.. Ты нешто думаешь, тятенька скоро съ ними познакомится?..

Андрюша. Ну?

Настасья Лукинишна. А ты бы вотъ подобралъ ключъ, да сталъ бы къ нимъ ходить...

Андрюша. Ну?

Настасья Лукинишна. И меня познакомимъ... Понимаешь?

Андрюша. Ни-черта не понимаю!

Настасья Лукинишна. Да, пожалуй, не понимай... Ты мнѣ ключъ-то подбери только.

Андрюша. Ну ладно, подберу; а нешто тятенька не узнаетъ?

Настасья Лукинишна. Полно тебѣ бабай-то быть!.. Ну что мнѣ тятенька? Наладилъ одно: тятенька да тятенька!.. Смѣшно даже слушать. Не впервой мнѣ обманывать его.

Андрюша. Какже, держи карманъ-то шире!.. такъ и провела его. Онъ все пронохаетъ!

Настасья Лукинишна. Ну если и пронохаетъ, чтожъ за бѣда такая? Не убѣть за вѣто... (*Беретъ у него трубку и затымается.*)

Андрюша. Нешто не взвошуть?

Настасья Лукинишна. А ты не подавайся: иди насу-противъ — вотъ какъ я...

Андрюша. Дѣло неподходящее... Нечего и говорить.

Настасья Лукинишна. Какъ хочешь. Тебѣ же добра желаю. А ты мнѣ, Андрюша, ключъ-то подбери, голубчикъ...

Андрюша. Да ладно, подберу. А по моему вотъ что, Настя: примѣрно, ты что хошь дѣлай, да всторонѣ чтобъ это было — слышь? А здѣсь нечего намъ и затѣвать. Начнемъ гладью, а кончимъ гадью. Безпремѣнно такъ будетъ.

ДВЛЕНІЕ XVIII

ТѢЖЕ и СТЕПАНИДА ПАНКРАТЬЕВНА (раздѣтая, показывается въ дверяхъ).

Степанида Панкратъевна. Настасья, долго ли мнѣ ходить-то за тобой, а?

Настасья Лукинишна (*всторону*). Заорала! (*Матери*) Что вамъ? Сейчасъ иду.

Степанида Панкратъевна. Ты съ кѣмъ? Кто тутъ?

Андрюша. Я, маменька-съ.

Степанида Панкратъевна. Ты зачѣмъ?

Андрюша. Покурить пришло.

Степанида Панкратъевна. А отецъ спитъ?

Андрюша. Нѣтъ еще: потягивается...

Степанида Панкратъевна. Смотри, Андрюша, не взойдетъ бы.

Андрюша. Я, маменька, сейчасъ иду-съ.

Степанида Панкратъевна. Ступай голубчикъ, нето хватится... Настасья, идешь ли?

Настасья Лукинишна. Да иду-съ, ступайте! (*Вслъ расходится.*)

Занавѣсъ падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ

Утро. Большая зала съ колоннами въ наемномъ барскомъ домѣ. Платфонъ лѣвнвой и мѣстами позолоченный. Надъво отъ зрителя мраморный каминъ съ зеркаломъ и небольшая арка съ полинялой шелковой портьерой въ гостиную; направо такая же арка въ кабинетъ, и рояль. Въ углахъ, между колоннами, вызолоченные канделябры на тумбахъ. Мебель тяжелая съ позолотой. На залнемъ планѣ, за колоннами, видна приѣмная, съ зеркалами и малиновой драпировкой. Настасья Лукинишна разодѣтая сидитъ за роялемъ; играетъ очень дурно, поетъ еще хуже. Грипочка передъ зеркаломъ у каминна заучаетъ позы. Въ приѣмной бѣгаютъ Митроша и Степа.

ЯВЛЕНІЕ I

НАСТАСЬЯ ЛУКИНИШНА и ГРИПОЧКА.

Настасья Лукинишна (*поетъ отчаянно*):

• Я все еще его, безумная, люблю!
 При имени его душа моя трепещеть,
 Тоска попрежнему сжимаетъ грудь мою
 И взоръ горячею слезой невольно блещеть!
 Безумная, какъ я его люблю!... (*Опрокидывается
 на кресло головою.*)

Грипочка. Ахъ Настя, очарованіе!.. Ты спой имъ эфто непременно. Слышишь, мо-нажь?

Настасья Лукинишна. Непременно. Для чего же я учусь!.. Но слушай дальше. (*Продолжаетъ* :)

• Я все еще его, безумная, люблю!
 Отрада тихая мнѣ душу проникаетъ
 И радость ясная на сердце низлетаетъ,
 Когда я за него Создателя молю...
 Безумная, какъ я его люблю!..

ЯВЛЕНИЕ II

ТѢЖЕ и СТЕПАНИДА ПАНКРАТЬЕВНА (входитъ изъ гостиной еще неодрѣтая.)

Степанида Панкратъевна. Безумная!.. Ха-ха! что ты орешь—то на весь дворъ, а? *(Настасья Луккишна заглушаетъ слова ея пльмемъ.)* Безпутная, тебѣ я говорю! *(Настасья Луккишна продолжаетъ еще громче.)* Наська! Наська! *(Топаетъ ногами и затыкаетъ руками уши.)*

Настасья Луккишна *(параспльозъ)*. Уйдите, говорю я вамъ... уйдите! *(Гремитъ по клавишамъ.)*

Степанида Панкратъевна. Остановись безпутная, остановись!.. *(Подбѣгаетъ къ дочери и хватаетъ ее за руки.)* Стой! говорятъ тебѣ — стой!.. Ты кому это говоришь: уйдите, а?!

Настасья Луккишна *(сильно срываясь со стула)*. Вамъ!

Степанида Панкратъевна. А я тебѣ кто?

Настасья Луккишна. Кто вы—то?.. вы—то кто?! Ска-зала бы я вамъ кто вы—то, да... не... скажу. *(Блжится изъ залы; Степанида Панкратъевна догоняетъ ее. Митроша, Стеша и Гри-почка съ любопытствомъ смотрятъ на эту сцену.)*

Степанида Панкратъевна *(тяжело дыша)*. Нѣтъ, стой безпутная, стой! Говори кто я?

Настасья Луккишна *(смотритъ на нее съ минуту и по-томъ крикливо)*. Страмота!.. безобразіе нашего дома!.. Вотъ кто вы! *(Вырываетъ руку.)*

Степанида Панкратъевна *(отступая)*. Какъ?!

Настасья Луккишна *(наступая)*. Да такъ!.. Что вы на меня глаза то вылупили? Злость-то въ васъ велика, да ухѣдитесь! Не въ васъ сила. Я въдъ васъ не боюсь. На угрозы ваши я плѣвать хотѣла. А выйду замужъ — я вамъ за все отблагодарствую, за все... слышите ли? Благо дня не завидите... доперегъ горла костью стану!.. Вспомните меня, вспомните! *(Бьетъ пальцемъ по ладошки.)*

Степанида Панкратъевна. Да въ умѣ ли ты, мерзавка?

Настасья Луккишна. Я въ умѣ-съ, вы—то въ умѣ ли?

Степанида Панкратъевна. Чтожь я по-твоему сума-шедшая?

Настасья Лукинишна. Да пожалуй—что и такъ, коль правду говорить.

Степанида Панкратьевна. Батюшки!.. *(Замирающимъ голосомъ, ударяя себя въ грудь:)* Да вѣдь я мать тебѣ, безпутная! вѣдь я мать!..

Настасья Лукинишна. Какая вы мнѣ мать!.. Нешто такія матери—то бывають?

Степанида Панкратьевна. Господи, что она говорить—то!.. *(Въ сильномъ волненіи не знаетъ что дѣлать, что говорить.)*

Настасья Лукинишна *(всторону)*. Что, видно правда—то глаза колетъ? Задохлась сердечная... Ничего, тебѣ это здорово!

Грипочка. Маменька, что съ вами? *(Сажаетъ ее на стулъ. Сестрь:)* Ахъ Настя, что ты только дѣлаешь!..

Степанида Панкратьевна. Охъ Грипочка, охъ! уморила она меня злодѣйка!.. *(Тяжело дышетъ.)*

Грипочка. Вы, маменька, успокойтесь...

Степанида Панкратьевна. Охъ!.. ужъ теперича ничего не поможетъ, ничего!.. Уморила она меня, уморила!

Настасья Лукинишна. Вольно же было вамъ приставать! Я васъ не трогала. Сами виноваты.

Степанида Панкратьевна *(вскакивая вдрызг)*. Цыцъ, грубіянка, цыцъ! *(Идетъ на дочь съ сжатыми кулаками.)*

Грипочка *(удерживая ее)*. Маменька, голубушка, оставьте!.. Бога—ради оставьте.

Степанида Панкратьевна *(удушливо)*. Нѣтъ, пусти... Я ее шельму изувѣчу... Я ее мерзавку изкромсаю... Пусти!

Настасья Лукинишна *(всторону)*. Какъ есть сумашедшая!.. *(Къ матери.)* Кто еще вамъ это позволить!

Степанида Панкратьевна. Что, что?.. А хочешь докажу на дѣлѣ? хочешь? *(Шоривается изъ ней. Грипочка удерживаетъ ее.)*

Настасья Лукинишна. Сдѣлайте одолженіе! Очинно любопытно будетъ видѣть.

Степанида Панкратьевна. Вотъ и увидишь!

Настасья Лукинишна. Сдѣлайте одолженіе!

Степанида Панкратьевна. И одѣваю! Лопни мой глаза, коль я этого не сдѣлаю!

Настасья Лукинишна. Сдѣлайте одолженіе!

Грипочка. Настя, да уйди ты бога—ради.

Настасья Лукинишна. Это что еще за нравоченія? Ступай сама, коли хочешь, а я не пойду.

Степанида Панкратьевна. Оставь ее, Грипочка... Кто ее неравку переговорить! *(Идетъ къ двери.)* А я тебя это припомню. Я тебя выучу какъ съ матерью обращаться... Я тебя выучу!

Настасья Лукинишна *(проводя ея)*. Ужь и я вамъ припомню!.. ужь и я васъ выучу какъ съ дочерью обращаться!.. Погосдите!

Степанида Панкратьевна. Цыцъ, грубиянка! еще рыломъ не вышла мать—то учить!.. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНИЕ III

ТѢЖЕ БЕЗЪ СТЕПАНИДЫ ПАНКРАТЪЕВНЫ.

Настасья Лукинишна. Старая дура!.. право! Еще туда-жъ съ глупымъ своимъ рыломъ да лѣзетъ въ нравоченія... Ужь погоди, голубушка моя! погоди, золотая! Задамъ я тебѣ трезвону... замъ, моя милая! *(Къ Грипочкѣ.)* Ужь и ты хороша: одного знать поля ягода!.. Чѣмъ бы со мной отдѣлать ее хорошенько, благо такой часъ вышелъ, а ты одуру—то на меня еще накинулась... Эхъ ты, фоганъ петровичъ! право фоганъ.

Грипочка. Вотъ это мило! Чтожъ, по-твоему и мнѣ кричать съ тобою? Благодарю покорно! И безъ того крику—то въ домѣ не оберешься.

Настасья Лукинишна. А то спуюкать ей по-твоему чтоли? Будетъ! Натерпѣлась я отъ нея въ жизнь—то...

Грипочка. Ахъ Настя, какія слова ты говоришь — ужаси!

Настасья Лукинишна. Я правду говорю.

Грипочка. Ну положимъ хоть и правду; чтожъ изъ этого? Ты нешто исправишь ее? Тятенька-то не намъ чета, и то ничего не подѣлаетъ.

Настасья Лукинишна. А то нешто уважать ее прикажешь? Много чести! Я вѣдь ужь не дѣвчонка. Сама бы давно матерью была, коли бы замужъ вышла.

Грипочка. Смѣшная ты, Настя, ейбогу. Ну пожалуй не уважай, чтожъ изъ этого выйдетъ? Она озлобится, не такъ тебѣ. еще отплатитъ...

Настасья Лукинишна. Чѣмъ она мнѣ отплатитъ?

Грипочка. Чѣмъ хочешь. Да вотъ хошь сегодня за обѣдомъ: смотри какъ-разъ при князѣ брякнетъ что-нибудь, тогда ретъ и разинеешь... Да! я сегодня спрячусь, ейбогу... Боюсь до смерти. Отрамитъ она насъ ни за грошъ.

Настасья Лукинишна. Во-та! Да скажи она мнѣ слово — я ей десять отвѣчу. Нешто я сробѣю?

Грипочка. А страмъ-то, Настя, страмъ-то! Вѣдь тутъ есоришь... не будешь знать куда дѣться.

Настасья Лукинишна. Вотъ и видво, Грипочка, что ты еще никакого обращенія не знаешь. Да нонѣ въ свѣтѣ всѣ грызутся: это въ модѣ стало.

Грипочка. Что ты, Настя!

Настасья Лукинишна. Сейчасъ умереть... Нешто ты не слышала что Александръ Петровичъ вчера говорилъ?

Грипочка. Слышала. Но что онъ говорилъ? Онъ говорилъ, что нонѣ дамы точно любятъ спорить. Спорить, а вѣдь не ругаться.

Настасья Лукинишна. Ну да, про что-жъ я тебѣ и говорю-то! Ты ругайся, а показывай видъ на-сторону, что споришь. Въ этомъ-то вся и штука, Грипочка!

Грипочка. Ну ужъ съ маменькой не заспоришь!.. Она какъ почнетъ тебя хлестать, — отскочишь... Сама нерада будешь.

Настасья Лукинишна. А видѣла какъ я ее сегодня огнани-фелила? видѣла? Небось въ другой разъ не наскочить.

Грипочка. Да вѣдь пожалуй...

Настасья Лукинишна. Ну да ладно. Очино намъ нужно про нее говорить-то. Пушай ее бѣсится.. хошь на головѣ ходить, что намъ-то? Отбрилъ ее хорошенько, да и въ сторону. Слушай Грипочка, что я тебѣ скажу-то... да боюсь говорить-то: ты пожалуй скажешь.

Грипочка. Ну вотъ, не понимаю я чтоли!

Настасья Лукинишна (оглядываясь). Ну слушай. Я уже покончила съ Александромъ Петровичемъ...

Грипочка. Что покончила?

Настасья Лукинишна. Онъ на мнѣ женится...

Грипочка. Какъ? когда? Неушто вэзправду, Настя?

Настасья Лукинишна (припрыгивая). Ейбогу.

Грипочка. Что ты говоришь! Да когда же это ты?

Настасья Лукинишна. Во-та! Нешто это долго: разъ, два, три — и готово!.. ха-ха-ха! Была бы голова на плечахъ, Грипочка, а это что за важность... Не такія дѣла еще обдѣлаемъ! ха-ха-ха! (*Потираетъ руки.*)

Грипочка. А маменька знаетъ?

Настасья Лукинишна. Экъ куда хватила! Да что я за дура, чтобъ сказала ей?

Грипочка. А тятенька?

Настасья Лукинишна. Нѣтъ еще. Я все вотъ собираюсь сказать ему, да боюсь что-то говорить-то.

Грипочка. Ахъ Настя, какія дѣла ты дѣлаешь — ужаси!

Настасья Лукинишна. Учись у меня, голова, всегда человѣкомъ будешь...

Грипочка. Ты нешто любишь Александра Петровича?

Настасья Лукинишна. Его-та!.. да я за него душу отдамъ, а нето-что... (*Сильный ударъ звонка.*)

Грипочка. Не онъ ли?

(Настасья Лукинишна бѣжитъ къ рояли и начинаетъ пѣть: «Безумная, какъ я его люблю!» Входитъ Андрюша.)

ЯВЛЕНІЕ IV

ТѢЖЕ и АНДРЮША (одѣтый по модѣ, завитой).

Настасья Лукинишна. Э, да чтобъ тебѣ растянуться!.. Я и взаправду думала, что Александръ Петровичъ.

Андрюша. А что?

Настасья Лукинишна. Ничего. Повернись-ка. (*Андрюша поворачивается.*) Вотъ теперича какъ слѣдъ надо быть, а то былъ какъ цырульникъ.

Андрюша. Это, Настя, на Кузнецкомъ чесали. А штаны-то какіе, смотри — французскіе, двадцать рублей стоятъ, ейбогу! (*Показываетъ на пестрые брюки.*) А жилетъ-то какой! (*Показываетъ на пунцовую жилетку.*) Восемнадцать заплатилъ, ейбогу, хоть сейчасъ умереть.

Настасья Лукинишна (*поворачивая его*). Да вижу, вижу... А все, Андрей, форсу нѣтъ... эдакого значить, чтобы въ носъ бросало.

Т. X. — Отд. I.

3

Андрюша (*распахивая сертукъ*). На, нюхай. Слышь чѣмъ несетъ?

Настасья Лукинишна (*нюхая*). Да это такъ, я не просто говорю...

Андрюша. Про чтоже? Ходить чтоли не умѣемъ? Вотъ смотри какъ пройдемъ. (*Надвѣваетъ на бокъ шляпу и ходитъ съ форсомъ.*)

Грипочка. Постой, Андрюша, дай понюхать. (*Нюхаетъ.*) Фу, какъ разить! Резедой чтоли?

Андрюша. Чертополохомъ.

Настасья Лукинишна. Экъ дуракъ врешь... какимъ чертополохомъ? Жасминомъ слышно.

Андрюша. Да это дѣло плевое! Не въ томъ сила, Настя.

Настасья Лукинишна. Въ чемъ же?

Андрюша. Были бы деньги, а это последнее дѣло.

Настасья Лукинишна. Анъ врешь! Наперво образованіе нужно, а потомъ ужъ деньги.

Андрюша. Что ты мнѣ толкуешь! На какого чорта мнѣ твое образованіе?

Настасья Лукинишна. Какъ на какое? чтожъ ты безъ образованія-то за человѣкъ будешь? мужикъ, деревня, пастухъ?.. а болѣ ничего.

Андрюша. Съ деньгами-то?.. Ахъ ты дура, дура! Да дай мнѣ денегъ — такія колѣна выкину, что вы все рты разинете.

Настасья Лукинишна. Дуракъ ты, Андрей, вотъ что! Ничего-то ты не понимаешь.

Андрюша. Ты вотъ умная, скажешь.

Настасья Лукинишна. А то нешто дура? О, далеко тебѣ до меня, голубчикъ, далеко!.. Что-бъ я безъ образованія-то, куда бы годилась? Кто бы меня замужъ-то взялъ, а? Ну, говори? Что, прикусилъ языкъ-то?

Грипочка. Что за характеръ: все то она выскажетъ!.. Ишла кому говорить!

Андрюша. А то нешто возьмутъ чтоли? Эхъ ты, образованная!.. Тятенька не дастъ денегъ — вѣкъ въ дѣвкахъ и просидишь.

Настасья Лукинишна. А хочешь докажу на дѣлѣ? вѣ-чешь?

Андрюша. Докажи. Очинно пріятно будетъ видѣть.

Грипочка. Настя! кому ты говоришь?.. Онъ все расскажетъ.

Настасья Лукинишна. Нечего мнѣ съ тобой дуракомъ говорить!.. Отважись пожалуста.

Андрюша. То-то! Поумнѣ вась воѣхъ будемъ и съ тятенькой-то .. да! Вотъ хошь намѣднись, въ трахтирѣ съ дннземъ пострѣчались. «А! говорить, Андрей Лукикъ, здорово, пойдѣмъ-ка, говорить, съ нами за кампанію выпьемъ, говорить...»

Настасья Лукинишна. Да на это ума у тебя хватить.

Андрюша. Чего хватить! Значить мной не гнушается. Ты вотъ что скажи.

Настасья Лукинишна. Да онъ боля для тятеньки, а ты взаправду думалъ, что для тебя? Атанде-съ! много чести! Что ты ему за товарищ!

Андрюша. Товарищ! товарищ... Чтожъ мы въ самомъ дѣлѣ хуже людей чтоли? Небось тоже себя лицомъ въ грязь не ударили: три суеелчки выставили... А были бы деньги — я-бъ себя имъ показалъ, канальство!

Настасья Лукинишна. Напился бы сдуру-то пьянъ: умнѣ бы ужъ конечно ничего-бъ не выдумалъ.

Андрюша. Ну, про это мы сами знаемъ... Не тебѣ меня учить. Да! онъ вотъ еще что говорить: я тебя, братъ, познакомлю съ Жозефиной какой-то...

Настасья Лукинишна. Съ кѣмъ?

Андрюша. Съ Жозефиной.

Настасья Лукинишна. Какая это Жозефина?

Андрюша. Я незнаю. Нонѣ, говорить, всѣ молодые люди съ возлюбвицами живутъ...

Настасья Лукинишна. А ты, дуракъ, чай и ротъ разинулъ?

Андрюша. Признаться сказать, съ радости ажно всего въ потъ бросило... ейбогу! (*Дыкаетъ лунную розу.*)

Грипочка (*быстро*). А у него нешто есть, Андрюша?

Андрюша. Что?

Грипочка. Полюбовница-то?

Андрюша. Да надѣть полагать, что не безъ этого... А что?

Грипочка. Какъ? да развѣ это можно!.. Настя, чтожъ онъ дыкаетъ-то со мною!..

Настасья Лукинишна. Да тебѣ-то что? Пушай его!

Грипочка. Какъ что? Да вѣдь я его целюби... Ахъ вѣтъ, вѣтъ... что я говорю-то — Господи! (*Въ волненіи быстро уходитъ.*)

Порывистый удар звонка. Входит Пугаловъ въ короткомъ сюртукъ и съ медалью наружу, во всю грудь; за нимъ два офиціанта въ белыхъ галстукахъ и перчаткахъ.)

ЯВЛЕНИЕ V

ПУГАЛОВЪ, НАСТАСЬЯ ЛУКИНИШНА и АНДРЮША.

Пугаловъ (къ людямъ). Ужь вы, любезные, того... чтобы это все въ акурать было... понимаете? (*Дыласть жесты руками.*)

Слуга. Будьте покойны, сударь.

Пугаловъ. Что понадобится — у хозяйки спросите.

Слуга. Слушаю-сь.

Пугаловъ. Я полагаю объѣдъ-то часа въ четыре...

Слуга. Слушаю-сь. Будетъ готово.

Пугаловъ. Въ столовой-то каминъ затопите, да сугейки заморозьте.

Слуга. Слушаю-сь.

Пугаловъ (къ другому) А ты, любезный, того... (*береть слугу за пуговицу*) какъ это часы пробьютъ примѣрно (*отводитъ его къ колоннѣ*), выдѣ элакъ въ залу, да погромче и скажи, что-моль кушанье, сударь, подано — пожалуйста...

Слуга. Слушаю-сь. Будетъ все исправно. (*Съ трудомъ сдерживаетъ улыбку.*)

Пугаловъ. Ну теперича ступайте, готовьте тамъ... (*Слуги уходятъ. Къ дѣтямъ* :) Ну дѣтки, чувствуете ли вы это, а?

Андрюша. Завсегда чувствуемъ-сь, тятенька... какъ же не чувствовать-то.

Пугаловъ. То то! Дома почитай свиньями жили, а здѣсь вишь ты благодать какая... душа радуется.

Андрюша. Безсумнительно такъ, тятенька съ. Что дома-то за житье было-съ?... одно слово — марались только...

Пугаловъ. Хе-хе-хе! доподлинно что марались... Ты это умно говоришь. Я самъ, братецъ, тоже чувствую.

Андрюша. Какъ же и не чувствовать то, Господи! Теперича окромя фатеры — жизнь-то, тятенька-съ, какая!..

Пугаловъ. Еще бы! По людямъ и жизнь.

Андрюша. А народъ, тятенька-съ, ионатѣртый... ловкій-съ!

Пугаловъ. Еще бы! Мошенникъ на мошенникъ, на томъ ужь стоять.

Андрюша. Это точно-съ.

Пугаловъ. Смотри, не клади пальца въ ротъ — откусать!.. Слышишь?

Андрюша. Зачѣмъ же-съ!

Пугаловъ. А съ знатю водись... втирайся...-это можно. Въ люди выведуть. Народъ, братъ, все благородный, ученый — не нашъ братъ купецъ-широмыга... пропащій человекъ!..

Андрюша. Да какъ же, тятенька съ, безъ денегъ-то?

Пугаловъ. Деньги будутъ... Не о томъ рѣчь.

Андрюша. Ейбогу-съ?

Настасья Лукинишна. Ну полно Андрюша... Тятенька-съ, а князь будетъ?

Пугаловъ. Надѣть быть: самъ ѣздилъ.

Настасья Лукинишна. А Александръ Петровичъ?

Пугаловъ. Далъ слово. Прилюбезный человекъ; и главное съ головой человекъ... Я это сейчасъ подмѣтилъ.

Настасья Лукинишна. Ахъ тятенька съ, да я въ мирѣ людей не встрѣчала лучше!

Пугаловъ. Одно слово, мать, дворянинъ! Что говорить!

Настасья Лукинишна (*оборачиваясь и робко*). Тятенька-съ, знаете что я вамъ скажу... да боюсь я говорить-то.

Пугаловъ. Ничего, говори.

Настасья Лукинишна. Вы не разсердитесь... вы не станете свѣяться?

Пугаловъ. Да ну, ладно! говори, что тамъ еще...

Настасья Лукинишна (*оборачиваясь снова*). Тятенька, ради-создателя, не губите вы меня!..

Пугаловъ. Да говори въ чемъ дѣло-то? Что за безтолковая!

Настасья Лукинишна (*обнимая отца*). Голубчикъ! вы знаете, что я васъ люблю, что я за васъ хошь въ огонь и въ воду по-лѣзу...

Пугаловъ. Да въ чемъ дѣло-то? голова ты съ мозгомъ!

Настасья Лукинишна (*закрываетъ лицо руками*). Ахъ, мизочка! я уже покончила... все покончила!..

Пугаловъ. Фу ты чертъ! Да говори ты, толкомъ.

Настасья Лукинишна. Тятенька... я люблю Александра Петровича! (*Бросается къ нему на грудь*.) Ради-господа не губите вы

меня... Не вѣкъ же мнѣ въ дѣвкахъ-то быть, голубчикъ! Я не выдержу... хошь зарѣжьте, а я убѣгу къ Александру Петровичу. (*Цѣлуетъ отца.*)

Пугаловъ. Андрей, какова Настасья-то Лукинишна, а? Вотъ и смотри, братецъ, какія пули огливаешь, а? Ну дѣвка!..

Настасья Лукинишна. Тятенька... я не выдержу! Мочи моей нѣтъ...

Пугаловъ. Хе-хе-хе... да ладно, ладно... авось стерпится... Я непрочъ. Человѣкъ-то больно онъ хорошій, ну и дворянинъ... Худое ли дѣло!

Настасья Лукинишна (*бросаясь слова на грудь отца*). Голубчикъ вы мой! радость вы моя! такъ вы не сердитесь; не сердитесь? (*Душитъ его.*)

Пугаловъ. Постой! медаль оборвешь... Ну что пристала-то? сказано тебѣ...

Настасья Лукинишна. Да когда же, милочка, когда же?

Пугаловъ. Фу ты батюшки, экъ тебя разбираетъ!.. погоди маленько. Вотъ справимся: какое состояніе, кто родня, чѣмъ занимается? Не такъ же...

Настасья Лукинишна. Да онъ богатъ, тятенька, онъ богатъ.

Пугаловъ. Ты это говоришь?

Настасья Лукинишна. Да это всѣ знаютъ...

Пугаловъ. А вотъ увидимъ.

ЯВЛЕНІЕ VI

ТѢЖЕ и УСТИНЬЯ (*входятъ быстро*).

Устинья. Поваръ сахару спрашиваетъ.

Пугаловъ. Экой чортъ вломилась... Вонъ пошла! Я тебѣ сказывалъ, чтобы ты сюды не смѣла входить.

Устинья. Вы не ругайтесь... что вы ругаетесь-то! Я по дѣлу...

Пугаловъ. Вонъ! (*Порывистый ударъ злонка.*) Андрей, спровадь ее въ шею, мерзавку! (*Андрюша бросается на Устинью.*)

Устинья. Только тронь, только тронь... Вотъ те Христось, сама сдачи дамъ! (*Показываетъ ему кулакъ.*)

Пугаловъ. Андрей, да дай ей въ зѣбы! (*Устильа быстро ис-
ходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ VII

ТѢЖЕ БЕЗЪ УСТИНЬИ и АПОЛЛОНОВЪ (*входить шумно; одѣтый
франтомъ, завитой.*)

Пугаловъ. А, любезнѣйшій Александръ Петровичъ! милости просимъ. (*Пожимаетъ ему руку.*) Очень радъ, очень радъ... Пропну покорно. (*Садятся.*)

Аполлоновъ (*говоритъ басомъ, полагая своей рѣчи движе-
нiемъ рукъ и всего тѣла*). А я, Лука Лукичъ, сейчасъ съ бѣга. Что это за жеребцы у князя Лугина! Какой масти, какія груди... а за-
ды, я вамъ скажу, ноги, головы — я и не видывалъ... Гиганты одно
слово! (*Мигаетъ глазами Пастась Лукинишнѣ.*)

Пугаловъ. Много было-съ?

Аполлоновъ. Всѣ наши... Я удивляюсь вамъ, Лука Лукичъ, что это вы до сихъ поръ не заведете себѣ лошадокъ. Купецъ вы — а неохотникъ.

Пугаловъ. Да думаю, любезнѣйшій Александръ Петровичъ, ду-
маю...

Аполлоновъ. Помилуйте, что тутъ думать! Человѣкъ вы се-
мейный, капиталистъ... вамъ это стыдно, ейбогу стыдно.

Пугаловъ. Да вотъ все еще не устроился...

Аполлоновъ. Э, полноте! пустая отговорка... Хотите я вамъ
подберу парочку — да ужъ такую подберу, что мое почтенiе! . Мнѣ
всѣ эти охотники друзья-пріятели. Хоть и мошенники они, но
знаете, страсть моя къ охотѣ... Такъ вотъ я и говорю: только слово
мнѣ сказать имъ — и завтра лихая пара будетъ на дворѣ у васъ. Хо-
тите?

Пугаловъ. Благодаримъ покорно-съ. Маненько погодить на-
дыть...

Аполлоновъ. Какой же вы несговорчивый! Ну скажите,
что вамъ это стоитъ? съ вашими средствами... Помилуйте!

Пугаловъ. Да деньги что-съ! плевое дѣло!.. Я не про то
говорю.

Аполлоновъ. Нѣтъ, вы просто скупы, мой любезнѣйшій Лука
Лукичъ, просто скуны. А такъ жить нельзя... Тѣмъ болѣе вы те-

перь живете въ свѣтѣ, у васъ отличный домъ, дочери невѣсты (*взглядываетъ выразительно на Настасью Лукинишну*), сынъ отличный (*мигаетъ глазомъ Андрюшъ*); все у васъ на богатую, широкую руку, — а вы въ мелочахъ скупитесь! Воля ваша, а это непростительно, непростительно... какъ хотите.

Пугаловъ. Да я непрочь, Александръ Петровичъ, я непрочь... Вотъ маненько поустроюсь... и карету куплю, всего накупимъ...

Аполлоновъ. Ну, батюшка! ужь если карету покупать, — вы меня спросите, Я этихъ всѣхъ каретниковъ какъ свои пять пальцевъ знаю. Мошенники всѣ они; но у меня есть одинъ пречестнѣйшій, преблагороднѣйшій человѣкъ...

Пугаловъ. Мошенники приестественные!

Аполлоновъ. Ну да. Да вамъ не одну карету нужно, Лука Лукичъ! Купите для сына эгоистку (*мигаетъ Андрюшъ*), для Настасьи Лукинишны коляску (*мигаетъ Настасью Лукинишну*). Я вамъ четверку соберу ухарскихъ... чортъ возьми съ градомъ закатите! Ха, ха, ха!

Пугаловъ. Шутникъ вы, Александръ Петровичъ, ейбогу. Хе-хе-хе...

Аполлоновъ. Такъ-то, мой любезнѣйшій Лука Лукичъ! и заживемъ мы съ вами припѣваючи... (*Всторону.*) Ну ужь чортъ!..

Пугаловъ. Хе-хе-хе...

(Сильный уларъ звонка. Входятъ Громовъ, весь въ черномъ; всѣ встаютъ. Аполлоновъ подходитъ къ Настасьѣ Лукинишнѣ, Андрюша и Пугаловъ идутъ навстрѣчу къ князю.)

ЯВЛЕНІЕ VIII

ТѢЖЕ и ГРОМОВЪ.

Пугаловъ (*пожимая ему руку*). Много обязали, ваше сіятельство, много обязали... Милости просимъ, прошу покорно. (*Садятся у камина. Андрюша уходитъ.*)

Громовъ (*развалиясь*). Какъ поживаете? (*Смотритъ съ горечью на плафонъ.*)

Пугаловъ. Помаленьку, ваше сіятельство. Все вотъ веселимся: вчера въ кіятрѣ были.

Громовъ. Вчера кажется шла Травиата?

Пугаловъ. Она самая.

Громовъ. И вы любите музыку?

Пугаловъ. Люблю-съ.

Громовъ. Какую же вы больше любите?

Пугаловъ. Какъ какую-съ? всякую люблю.

Громовъ. И шарманки?

Пугаловъ. И шарманки-съ... А что-съ?

Громовъ. А классическую напримѣръ?

Пугаловъ. И эвту-съ.

Громовъ (*всторону*). Дуракъ! ничего не понимаетъ...

Аполлоновъ (*у рояли*). Знаете что, Анастаси? Я вамъ напи-
салъ стихи.

Настасья Лукинишна. Ахъ-съ, это очинно любопытно бу-
детъ послушать! Чтожъ такое? (*Кокетничаетъ.*)

Аполлоновъ. Я ихъ еще не кончилъ, да все равно я вамъ ска-
жу начало. Слушайте. (*Декламируетъ:*)

Когда на тайное свиданье
Придешь въ объятія мои...

А дальше подобралъ я рифму: «лобзанье», да это мнѣ не нравится.

Настасья Лукинишна. Отчего-же-съ? это такъ пріятно
слышать... Хи-хи...

Аполлоновъ (*наклоняясь къ ней*). Ха-ха-ха... да вы бѣдо-
выя!.. А я вотъ что придумалъ, Анастаси: не лучше ли сказать...
(*Говоритъ ей что-то на ухо и потомъ громко:*) Больше мысли,
ближе къ цѣли... Ха-ха-ха!

Настасья Лукинишна (*закрывая лицо руками*). Ахъ, какія
ужасти!

Аполлоновъ. Отчего же, душа моя? ради шутки...

Настасья Лукинишна. Что вы говорите! мнѣ совѣстно...
(*Говорятъ шопотомъ и уходятъ въ приемную.*)

Пугаловъ. Да думаю, ваше сіятельство, всю зиму здѣсь про-
жить. Дѣлишки кой-какія есть... Куда торопиться?

Громовъ. Да вамъ бы совѣмъ въ Москву переселиться: что за
жизнь на фабрикѣ!

Пугаловъ. Какая жизнь, помилуйте! Сказать совѣстно...
Думаю, ваше сіятельство, думаю здѣсь вотъ дѣтей пристроить: сына
женить, дочерей замужъ повыдать, мальчишекъ-то тоже своихъ въ
пансіонъ какой отдать... Нельзя же-съ: въ свѣтъ живемъ-съ...

Громовъ. Прекрасно. Это дѣлаетъ вамъ честь, Лука Лукичъ!

Пугаловъ. Помилуйте, не извольте беспокоиться — на ээтимъ стоимъ-съ... Благодаримъ покорно.

Громовъ (*всторону*). Экой чортъ! Какъ глупъ-то... (*Къ Пугалову*.) Домъ бы себѣ купили.

Пугаловъ. Настоящее дѣло изволите говорить.

Громовъ. Квартира ваша стара. Что вы плотите?

Пугаловъ. Пустое-съ! семьсотъ рублей, что за фатера! (*Молчаніе*.)

Громовъ (*подумавши*). Какая богатая мысль! Знаете ли что, Лука Лукичъ? Я бы вамъ посовѣтовалъ одно выгодное, чрезвычайно выгодное дѣло... Это, скажу вамъ по совѣсти, такая смѣлая, честная афера, что вся ваша комерція, все ваши заводы, фабрики — ничего нестоютъ... Я вамъ нешути это говорю.

Пугаловъ. Любопытно-съ послушать.

Громовъ (*оборачиваясь*). Вотъ видите ли въ чемъ дѣло: я, графъ Сиверсть, Пруссійскій, еще два лица изъ нашихъ, — думаемъ устроить желѣзную дорогу на акціяхъ.. Вотъ бы вамъ съ нами!

Пугаловъ. Дѣло мудреное, ваше сіятельство.

Громовъ. Вовсе нѣтъ... были бы деньги. Вѣдь вы имѣете свободныхъ сто, двѣсти тысячъ?

Пугаловъ. Помилуйте, что за деньги!

Громовъ. Ну вотъ видите ли, чего же лучше. Вы намъ будете славный товарищъ. Давайте же вашу руку, мы съ вами устроимъ это скоро.

Пугаловъ (*пожимая руку*). Очинно будетъ пріятно-съ. (*Всторону*.) Дѣло неподходящее!.. (*Звонокъ*.)

ДВЛЕНІЕ IX

ТѢЖЕ и ЖИДРОВЪ (въ бѣломъ жилетѣ, входитъ развалисто).

Пугаловъ (*идя къ нему*). Антонъ Антонычъ!.. Пріятный гость! милости просимъ.

Жидровъ (*говоритъ съ удушьямъ*). Добраго здоровья... Я слышюль, что у васъ обѣдъ сегодня, и пріѣхалъ. Вы не обижаетесь, Лука Лукичъ?

Пугаловъ. Помилуйте-съ! очинно пріятно. Прешу покорно.

Жидровъ. Здравствуй, Громовъ. Откуда?

Громовъ (*лѣниво пожимая руку*). Съ бѣга.

Жидровъ. Ну что, зашибъ?

Громовъ. Бездѣлицу : сто рублей.

Жидровъ. Молодецъ ! съ кого ?

Громовъ. Съ Мошкина... горячка!

Жидровъ. И то хорошо. (*Къ Пугалову.*) А я вамъ, Лука Лукичъ, скажу откровенно : я люблю хорошо поѣсть, — у меня къ этому страсть... Держу у себя повара изъ клуба ; но знаете всѣ онѣ мошенники.

Пугаловъ. Мошенники приестественные !

Жидровъ: Хочу вотъ француза выписать. У васъ тоже поваръ!

Пугаловъ. Какже-съ ? изъ англійскаго клуба.

Жидровъ. Bravo ! Такъ вы насъ сегодня славно покормите?

Пугаловъ. На эфтимъ стоимъ-съ... Съ трюфелями будемъ...

Жидровъ. Брависсимо ! А я, признаться, и не завтракалъ.

Пугаловъ. Не угодно ли чего перекусить ?

Жидровъ. Я непрочь, пожалуй. Въль у васъ обѣдъ не скоро?

Пугаловъ. Побарскому-съ, часа въ четыре.

Жидровъ. О ! да вы, Лука Лукичъ, посвѣтски живете !

Пугаловъ. Хе-хе-хе... нельзя же-съ : дочери невѣсты.

Громовъ. У васъ Грипочка славная дѣвочка.

Пугаловъ. Ребенокъ еще, ваше сіятельство.

Громовъ. Но милый ребенокъ.

Пугаловъ. Очинно пріятно слышать.

Громовъ. Но вы ихъ странно держите... Отчего она у васъ такая пугливая ? Дѣвушекъ нельзя такъ воспитывать.

Пугаловъ. Непривычна еще, ваше сіятельство.

Громовъ. Mais, mon Dieu ! возьмите гувернантку. дайте ей манеры, свѣтскаго шикю... этого *ricbant*, какъ говорится. Посмотрите что изъ нея выйдетъ. Кромъ шутокъ. Я отъ души вамъ это говорю.

Пугаловъ. Благодаримъ покорно-съ. За эфтимъ не стоимъ-съ, ваше сіятельство. Были бѣ деньги, а это послѣднее дѣло.

Жидровъ. Правду вы говорите, Лука Лукичъ : были бы деньги... Безъ денегъ плохо жить на свѣтѣ. Охъ какъ плохо!..

Пугаловъ. Мнѣ, благодареніе—господа, Антонъ Антоновичъ, жаловаться нечего: имѣю малую толику...

Жидровъ. Да вы, Лука Лукичъ, мильонеръ... кто это не знаетъ!

Пугаловъ. Хе-хе-хе... (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ X

ТѢЖЕ безъ ПУГАЛОВА.

Громовъ (*ему вослѣдъ*). Достаются же осламъ такія деньги!

Жидровъ. Я сейчасъ тоже думалъ: счастье дуракамъ!

Громовъ. Ты думаешь, онъ ихъ нажилъ? Чорта съ два!

Жидровъ. Я думаю... Кто же?

Громовъ. Отецъ его, дѣдъ, прадѣдъ... Вѣками грабили. Коммерція, братъ, выгодная: постукивай да постукивай...

Жидровъ. Ну нѣтъ братъ, за это въ Динабургъ сошлютъ.

Громовъ. Въ глуши-то? чортъ ихъ накроетъ!..

Жидровъ. А начальство?

Громовъ. Какое тамъ начальство!

Жидровъ. Можетъ-быть... (*Оглядывается. Въ приемной Аполлоновъ и Настасья Лукишна ходитъ подъ руку.*) Послушай, ты бралъ у него денегъ?

Громовъ. Нѣтъ еще... (*Оглядывается.*) Но думаю.

Жидровъ. Надо сорвать непременно... но какъ? Чортъ возьми! что бы такое придумать? (*Гладитъ свою пльшь.*)

Громовъ. Я самъ, братецъ, тоже объ этомъ думалъ. Но съ нимъ мнѣ кажется легко справиться... Надо только умѣючи повести дѣло.

Жидровъ. Шельма вѣдь... кулакъ!

Громовъ. Да это ничего. Онъ страшно самолюбивъ, ты это вѣрно замѣтилъ? Надо къ нему въ довѣріе взойти, понимаешь? Больше льстить ему, подлецу, — тогда онъ тебя хоть въ пятку поцѣлуетъ. . Помнишь покойника Шмыгина? такой же былъ подлецъ, какъ и этотъ.

Жидровъ. Да это такъ. Нѣтъ, что бы такое придумать?.. (*Ударяетъ себя по пльши.*) Спекуляцію какую бы нибудь... запутать бы его, чорта, хорошенько, какъ муху въ паутину; обойти бы

со всѣхъ концовъ, чтобы и писку небыло... а тамъ... а тамъ... ну качнуть бы куда-нибудь... Чортъ съ нимъ совсѣмъ!

Громовъ. Я сегодня пробовалъ...

Жидровъ. Насчетъ чего? Не въ дисконтъ-ли векселя?

Громовъ. Догадается.

Жидровъ. Мы сами не будемъ. Поплемъ Фадея.

Громовъ. Его, подлеца, съ собаками не сыщешь: пропалъ куда-то съ недѣлю, мерзавецъ, и глазъ не кажетъ.

Жидровъ. Пьянствуетъ гдѣ-нибудь, по обыкновенію.

Громовъ. А я вотъ что придумалъ... (*Оборачивается.*) Слушай. Я сегодня говорилъ старику, что у насъ будтобы составляется компанія на акціяхъ для устройства желѣзной дороги — понимаешь? Сразу бы сто тысячъ хватить, — пополамъ бы и раздѣлили.

Жидровъ. Это глупость! Ста тысячъ ты съ него никогда не получишь. Смѣшно и думать. А лучше вотъ что... (*оборачивается*) завлечь бы эту Грипочку, Липочку чтоли, какъ ее? Жениться бы на ней, да и дать тягу... Сто тысячъ старикъ дастъ; навѣрняка дастъ сто тысячъ.

Громовъ. Да чортъ ее знаетъ! я ужъ пробовалъ... Кисель какой-то, всего боится. Подойдешь — прячется, скажешь слово — бѣжить къ матери подъ юбку... Ничего не подѣлаешь.

Жидровъ. Развѣ увезти? Вѣдь эти дуры любятъ романтическое ..

Громовъ. Тогда ничего не получишь.

Жидровъ. Что-нибудь надо же придумать... Чортъ возьми! жаль будетъ, если такъ сорвется. Ну да вотъ что... (*Оборачивается.*) Если женитьба не повезетъ, надо непременно обыграть этого Андрея: дуракъ вѣдь набитый!..

Громовъ. Сначала денегъ дать взаймы, приохотить осла, а потомъ и сорвать... Да что! какихъ-нибудь тысячъ двадцать-тридцать выручишь — изъ нихъ навѣрняка половины не получишь.

Жидровъ. Подъ векселя!..

Громовъ. Ну такъ чтожъ-что подъ векселя? Отецъ платить то будетъ. Больше полтины за рубль не дастъ, да и то сомнительно.

Жидровъ. И десять тысячъ, братъ, взять хорошо... На улицѣ не полымешь.

Громовъ (*потливаясь*). Разумѣется.

ЯВЛЕНИЕ XI

ТѢЖЕ и ПУГАЛОВЪ (выходить изъ кабинета).

Пугаловъ. Милости просимъ закусить ко мнѣ въ кабинетъ.
Прошу покорно.

Жидровъ. Князь, пойдемъ.

Громовъ. Пожалуй. (*Уходятъ оба направо.*)

ЯВЛЕНИЕ XII

ПУГАЛОВЪ, АПОЛЛОНОВЪ и НАСТАСЬЯ ЛУКИНИШНА (входятъ въ залу).

Пугаловъ. Александръ Петровичъ, неудобно ли чего перекусить? Милости просимъ.

Аполлоновъ. Нѣтъ ужъ позвольте мнѣ полюбезничать съ милой Настасьей Лукинишной. Она мнѣ слаще мирра и вина... Ха-ха-ва!

Пугаловъ. Хе-хе-хе... какъ угодно. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ XIII

АПОЛЛОНОВЪ и НАСТАСЬЯ ЛУКИНИШНА.

Аполлоновъ (*оглядываясь*). Анастаси, другъ мой! я къ тебѣ съ просьбой...

Настасья Лукинишна. Говори, мо-нажь!

Аполлоновъ. Настя! вѣдь ты меня любишь? и Лука Лукничъ ужъ это знаетъ. Докажи же мнѣ твою любовь на дѣлѣ.

Настасья Лукинишна. Саша! душу отдамъ, а нето-что... Говори, проси чего хочешь — для тебя, жизнь моя, ничего не пожалею... Золотой ты мой! (*Глядитъ ему въ глаза.*)

Аполлоновъ (*оглядываясь*). Вѣрю, душа моя, вѣрю. Вотъ видишь ли въ чемъ дѣло... Только бога-ради это между нами... Понимаешь?

Настасья Лукинишна (*энергически показывая на сердце*). Здѣсь умреть!

Аполлоновъ. Я, Настя, человекъ небогатый... то-есть пять-десять-шестьдесятъ тысячъ у меня есть; но что это за деньги!

Настасья Лукинишна. Какия деньги!

Аполлоновъ. Такъ вотъ, душа моя, въ чемъ самая-то суть (*хохочутъ оба*): вся эта сумма теперь у меня въ разбродъ... знаешь, то за товарищами, то въ банкъ, то въ деревню ушли на постройку дома...

Настасья Лукинишна. А ты нешто строишь домъ, Саша?

Аполлоновъ. Да еще какой, Настя! съ бельведерами, съ паркомъ, съ оранжереями...

Настасья Лукинишна. Ахъ ужаси! Я съума сойду просто.

Аполлоновъ. Такъ я вотъ про деньги-то говорю. Не дашь ли ты мнѣ займы на время?

Настасья Лукинишна. Ахъ, Саша! у меня нѣтъ денегъ... душой бы рада. Да постой, нешто у татеньки попросить: онъ дастъ.

Аполлоновъ. Ня-ни ни!.. ни подъ какимъ видомъ. Боже тебя сохрани! Ты меня погубишь... (*Оглядывается.*)

Настасья Лукинишна. Да чѣмъ же, Саша?

Аполлоновъ. А вотъ чѣмъ. Ты знаешь его... А! скажетъ, онъ бѣднякъ, бѣднякъ: какой же онъ мужъ тебѣ?.. И невидать мнѣ тебя больше, какъ ушей своихъ!

Настасья Лукинишна. Да это пожалуй такъ будетъ: отъ него стѣнется... Ахъ, Господи!

Аполлоновъ. Ничего не будетъ. Молчи только.

Настасья Лукинишна. Здѣсь умереть! (*Показываетъ снова на сердце.*)

Аполлоновъ (*цѣлуя руку*). Вѣрю, душа моя, вѣрю... (*Оборачивается.*) А ты вотъ что, нѣтъ ли у тебя изъ вещей чего-нибудь: браслетки, серегъ ли какихъ?..

Настасья Лукинишна. Есть, Саша, серьги.

Аполлоновъ. Брильянтоваыя?

Настасья Лукинишна. Брильянтоваыя, съ изумрудомъ: пять-сотъ рублей стоятъ.

Аполлоновъ. Отлично! Еще что?

Настасья Лукинишна. Браслетъ еще есть: тотъ почитай рублей двѣсти стоитъ, коль не больше.

Аполлоновъ. Великолѣпно! Давай ихъ сюда.

Настасья Лукинишна. Я къ тебѣ, Саша, сама ихъ принесу.

Аполлоновъ. Да ты когда еще сберешься... а мнѣ до зарѣзу нужно.

Настасья Лукинишна. Ейбогу же принесу. Какъ татенька съ маменькой въ баню уѣдутъ, такъ и приду.

Аполлоновъ. Когда еще они поѣдутъ!.. Долго ждать.

Настасья Лукинишна. Вотъ въ эту субботу непременно. Они zawsze по субботамъ ѣзятъ...

Аполлоновъ. Да ты бы лучше на дняхъ. Соври что-нибудь...

Настасья Лукинишна. Я совру. А то нешто такъ насъ пустать!

Аполлоновъ. Ну, смотри же не обмани.

Настасья Лукинишна. Ейбогу же приду.

Аполлоновъ (*оглядываясь*). Ну Настя, я теперь пойду водки выпью, а ты меня поцѣлуй... ужъ я не отстану, какъ хочешь. (*Обнимаетъ ее.*)

Настасья Лукинишна (*вырываясь*). Ахъ, здѣсь нельзя! ейбогу нельзя... увидятъ, Саша!

Аполлоновъ (*прижимая ее къ себѣ*). Не увидятъ. (*Целуетъ ее звонко.*)

Настасья Лукинишна (*обнимая его*). Золотой ты мой! (*Целуются.*)

Аполлоновъ. Ступай оправься... а я пойду. (*Уходитъ направо.*)

Настасья Лукинишна (*закидывая руки на голову*). Саша! завтра же приду... Ангелъ мой! жизнь ты моя! очаровательный!.. Злодѣй! губитель мой! У-у милочка!.. (*Дѣлаетъ актраша и убѣждаетъ за колоны.*)

ЯВЛЕНИЕ. XIV

ГРИПОЧКА и СТЕПАНИДА ПАНКРАТЬЕВНА (входитъ налутая, въ шелковомъ платьѣ, въ модномъ чепцѣ и въ шали. Изъ приемной комнаты зываются Митроша и Степа.)

Грипочка. Гдѣжь они?

Степанида Панкратьевна (*садясь*). Съ дуракомъ чай водку пьютъ: закуски спрашивали.

Грипочка. Маменька, зашто вы ихъ не любите?

Степанида Панкратъевна. Зато что всё они жулики!

Ни одного путнаго нѣтъ...

Грипочка. И князь, маменька?

Степанида Панкратъевна. И князь! Что ты мнѣ князь-то тычешь?.. Плевать я на него хотѣла! (*Плюетъ.*)

Грипочка. И Александръ Петровичъ?

Степанида Панкратъевна. И эготъ жуликъ.

Грипочка. А Антошъ Антонычъ, маменька?

Степанида Панкратъевна. А эготъ изъ мошенниковъ-то мошенникъ будетъ!

Грипочка. Что вы, маменька! Какъ же тятенька-то...

Степанида Панкратъевна. Тятенька твой свинопасъ! Умомъ все хвастается, а самъ дуракъ набитый... Дальше своего глупаго носа ничего и не видитъ.

Грипочка. Маменька, да чтожъ ему видѣть-то?.. Нешто вы что замѣтили?

Степанида Панкратъевна (*горячась*). Что Наська дѣлаетъ? кто волю далъ Андрею? кто домъ верхъ дномъ поставилъ, а? Дуракъ твой отецъ. Вотъ кто!

Грипочка (*оглядываясь*). Маменька, да вы не кричите... тятенька услышитъ.

Степанида Панкратъевна (*еще громче*). Никого я не боюсь! и молчать не стану! Мнѣ отъ Наськи да отъ отца твоего жалко нѣтъ. Они, черти, рады душу мою живьемъ изъ тѣла вырвать... Наська и то вчера говорить: «умирали бы вы скорѣе!..» Подличка эдакая! сама съ жиру-то бѣсится, рада всѣхъ уморить. Ни дна бы ей, ни покрышки!.. А тотъ, скотъ, еще ей же потакаетъ! (*Передразниваетъ.*) «Что, говорить, Настинька, мать-то обижаетъ? не трошь ее, говорить, — она у насъ изъ благородныхъ мата: двѣ души заложеныхъ, ободраныхъ, да сама третья...» (*Взвизгиваетъ, смотря на кабиетъ.*) Безсудная голова! далеко тебѣ до меня... Шестой десятокъ живу, а изъ ума не выжила; изъ себя инараловъ не разыгрывала. Куда ужъ намъ съ немытымъ рыломъ да въ калашный рядъ соваться!

Грипочка. Маменька-съ, бота-ради не кричите... тятенька сейчасъ нагрываетъ.

ЯВЛЕНИЕ XV

ТѢЖЕ, ГРОМОВЪ, ЖИДРОВЪ, АПОЛЛОНОВЪ и ПУГАЛОВЪ (выходятъ изъ кабинета).

Громовъ. Здравствуйте. (*Степанида Панкратъевна молча киваетъ головой.*)

Грипочка. Здравствуйте.

Громовъ. Какъ ваше здоровье?

Грипочка. Благодарю васъ. Слава-богу.

Жидровъ. Мое почтеніе, сударыня. (*Степанида Панкратъевна молча киваетъ головой.*)

Пугаловъ. Жена! тебѣ кланяются.

Степанида Панкратъевна. Вижу, не слѣпа! (*Всторону.*)
Ишь медаль-то развѣсить, по самое брюхо... Дуракъ!

Аполлоновъ. Добраго здоровья, Степанида Панкратъевна.
Позвольте ручку.

Степанида Панкратъевна. Цѣлуйте у молоденькихъ! что у старухи взять...

Аполлоновъ. Нѣтъ ужъ позвольте... (*Цѣлуетъ. Степанида Панкратъевна почти толкаетъ рукой ему въ зубы.*)

Пугаловъ (*къ Митрошѣ*). Гдѣ Андрей?

Митроша. Въ столовой былъ-съ.

Пугаловъ. Позови сюда.

(Митроша уходитъ. Пугаловъ говоритъ съ княземъ.)

ЯВЛЕНИЕ XVI

ТѢЖЕ, НАСТАСЬЯ ЛУКНИШНА и АНДРЮША (*маленького вышквеша*).

Андрюша. Настя, я маленько подгулялъ.

Настасья Лукишишна. Ахъ, ты дуракъ адакой! чтожъ ты теперича надѣлалъ!..

Андрюша. Да я ничего... для куражу больше.

Настасья Лукишишна. Какое ничего? Ступай скорѣй на дворъ, постой на морозѣ — авось провѣтришься...

Андрюша. Я къ тятенькѣ...

Настасья Луккинична. Не сѣй и думать! Страну чтоли зможеть?. Слушай, говорятъ тебѣ.

Андрюша. Нешто больно замѣтно?

Настасья Луккинична. Чегожь еще!.. Уйди ты бога-ради! Не страми ты насъ-то. (Толкаетъ ея за колѣны.) Ахъ, оселъ ты живой!

Андрюша (оборачиваясь). Ты чего?

Настасья Луккинична. Ничего, ничего... Ступай сдѣлай шашку.

(Андрюша уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ XVII

ТѢЖЕ безъ АНДРЮШИ и СЛУГА.

Слуга (громко). Кушанье подано-съ!

Пугаловъ. Милости просимъ, пожалуйста. (Дѣлаетъ жесты руками въ приемную. Въсѣ идутъ кроль Степаниды Панкратьевны.) Жена ступай.

Степанида Панкратьевна. Я не пойду.

Пугаловъ (глядитъ на нее съ минуту). Ты чаво?

Степанида Панкратьевна (также). Ничего. Проваливай!

Пугаловъ. Анаежа!

Степанида Панкратьевна. Ёрникъ!

Пугаловъ. Змѣиная порода!

Митроша (вбѣгая). Тятенька-съ, пожалуйста... дожидаются.

Пугаловъ. Да чортъ съ тобой, и то сказать! (Уходитъ.)

Степанида Панкратьевна (срывается со стула). Скотъ! (Блжжеть за колѣны и кричитъ во весь голосъ.) Бохвалъ безмозглый!.. (Блжжавши рохнетъ съ плечъ шаль.)

ЯВЛЕНІЕ XVIII

СТЕПАНИДА ПАНКРАТЬЕВНА и УСТИНЬЯ (вбѣгаетъ быстро, растрепаная).

Устинья. Матушка, Степанида Панкратьевна! аду насъ грѣхъ какой случился: Андрей-то Луккичъ нализался.. Въ безчувствіи жибомъ...

Степанида Панкратьевна. Какъ назывался? гдѣ, когда?

Устинья. Да все около буфета этого, когда халупици. Эти столъ накрывали... тамъ и нахлестался.

Степанида Панкратьевна. Уморять они меня злодѣи!..
Чтоже ты-то, дура, смотрѣла? гдѣ у тебя глаза-то были?

Устинья. Матушка-сударыня, да развѣ онъ мнѣ дастъ слово выговорить? Весь, озорникъ, въ тятеньку потрафилъ: тебѣ и на-ровить въ зубы дать... Нешто вы не знаете!

Степанида Панкратьевна. Гдѣжъ онъ теперь, бес-путный?

Устинья. На кухнѣ пребываетъ.

Степанида Панкратьевна. А «самъ» знаетъ?

Устинья. Знать нѣтути... а то бы нагрянулъ.

Пугаловъ (за сценой). Гдѣ Андрей?

Устинья. Матушка барыня, никакъ самъ провѣдалъ! Пойдемте отселева: чѣмъ бы не жиганулъ онъ васъ... (Подымаетъ съ полу шаль.)

Степанида Панкратьевна. Охъ, царь ты мой небесный!
Пойдемъ. (Уходятъ.)

ЯВЛЕНИЕ XIX

ПУГАЛОВЪ, НАСТАСЬЯ ЛУКИНИШНА и МИТРОПА (закладъ всѣ по одиочкѣ).

Пугаловъ. Андрей!

Настасья Лукинишна (догоняя отца). Тятенька, не страмите насъ-то!

Пугаловъ (идя въ гостиную). Андрюшка! (Уходитъ.)

Настасья Лукинишна. Тятенька, голубчикъ, не страмите насъ-то! (Уходитъ.)

Митроша (вбѣгая). Тятенька-съ! трюфели подають-съ. Пожа-луйте. (Блѣжитъ за ними.)

Зававѣсь падаетъ.

ДѢЙСТВІИ ТРЕТЬЕ

Сцена раздѣлена на двѣ половины. На правой сторонѣ гостиная въ домѣ Жидрова, на лѣвой кабинетъ въ домѣ Аполлонова. Беспорядокъ общій: вездѣ трубки, мебель вся разбросана, на полу карты, на столахъ бутылки, свѣчи, закуска. Вечеръ.

(На лѣвой сторонѣ къ зрителямъ, на диванѣ развалившись сидятъ Аполлоновъ въ халатѣ, съ трубой и гитарой).

ЯВЛЕНІЕ I

Аполлоновъ (*запѣваетъ*).

•Городъ спитъ въ дали туманной,
Освѣщенъ лишь бельведеръ,
И играетъ иностранный
На гитарѣ офицеръ. (1)

•Звучно стройная гитара
Изливаетъ вѣжнѣй стонъ:
•Сага міа, міа сага!
Выйди, выйди на балконъ!

Полны слезъ слова живыя,
Но безмолвенъ бельведеръ —
И опять «о сага міа!»
Продолжаетъ офицеръ.

•Голосъ плакалъ музыканта;
Вотъ услышали его...
Изъ окна — Maria Santa! —
Чѣмъ-то облили всего!..

•Жаль мнѣ новаго мундира, —
Maladetto бельведеръ!..
И въ волнахъ Гвадалупидера
Стадъ купаться офицеръ...

Сидоренко!

(1) На слова эти музыка написана г. Фришманомъ.

ЯВЛЕНИЕ V

АПОЛЛОНОВЪ и СИДОРЕНКО (заходитъ быстро).

Сидоренко. Чего изволите? (*Говоритъ — ржеть.*)

Аполлоновъ. Чтò, нѣтъ еще?

Сидоренко. Никакъ нѣтъ-съ.

Аполлоновъ. Ты выйдь-ка за ворота.

Сидоренко. Слушаю съ. (*Молодецки поворачивается и уходитъ. Аполлоновъ куритъ.*)

Аполлоновъ (*запѣваетъ*).

• Въ крови горитъ огонь желанья,
 Душа тобой увлечена;
 Лобзай меня: твои лобзанья
 Мнѣ слаще мирра и вина. •

Какже, чорта съ два!.. Сидоренко! (*Входитъ Сидоренко*). Дай водки.

Сидоренко. Слушаю-съ. (*Уходитъ и приноситъ водку*).

Аполлоновъ (*пьетъ и продолжаетъ*).

• Склонись ко мнѣ главою нѣжной,
 И да почию безмятежной... •

Ни-черта не понимаю! Чтò это за «почию безмятежной»? Чортъ въ ступицу, сапоги въ смятку... А еще Пушкинъ! Ну да все равно. (*Продолжаетъ*.)

• Пока дохнетъ веселый день
 И движется ночная тѣнь. •

Дерну-ка я ей это... Вѣдь дура набитая! (*Пьетъ*). Жениться! ну это не съ вашимъ рыломъ... Мы себѣ получше сыщемъ. Да-съ! (*Пьетъ*.) А вотъ чтò-съ: мы прежде сережки да браслетку стянemъ, а потомъ и за колечки примемся... Нѣтъ ли тамъ, моя милѣйшая, у матери чего еще?.. Вѣдь у вась, у чертей, всего этого непочатый уголь, въ сундукахъ, скареды, лежитъ подъ семью замками... апа-еемы! Да и къ отцу лапу запустить немѣшаетъ... Богатъ, чортъ — выдержитъ!.. И запоемъ мы ужь тогда :

Прекрасна, свѣтла и любезна
 Душа веселится моя.
 Да возрадуется дура Петровна
 И ручки, и штучки ея!... (Пьетъ.)

Видно не придетъ... Сидоренко! (Сидоренко вздыхаетъ.) Ну что?

Сидоренко. Невидать еще.

Аполлоновъ. Что за исторія? Ты ступай. (Сидоренко уходитъ.) Не рассказала ли она сдуру-то — вотъ уважить-то! Да кѣтъ... А можетъ-быть: отъ нея вѣдь останется... Дуракъ я, дуракъ набитый! Что тутъ было еще откладывать, когда масть въ рукахъ была? Вотъ теперь и сережки, — оной! въ трубу выметали.... Чортъ знаетъ! (Начинаетъ ходить по комнатѣ.)

ДВЕННАДЕСЯТЪ

АПОЛЛОНОВЪ и НАСТАСЬЯ ЛУКИНИШНА (входитъ быстро).

Настасья Лукинишна (оглядываясь). Здравствуй! (Цѣлуетъ его.) Ты ждалъ меня, Саша?

Аполлоновъ. Измучился дожидамшись.

Настасья Лукинишна (тяжело дыша). Прости, золотой ты мой! я и такъ, вѣришь ли Богу, едва вырвалась: сказала, что къ всемогущей, и то маменька накинулась: «что это, говоритъ, за богомолье вдругъ напало? что это за выдумки такія одной ходить?» И пошла, и пошла она меня хлестать... насилу выкатилась, ейбогу! Я къ тебѣ, Саша, на минуточку. Нельзя никакъ: тятенька дома.

Аполлоновъ. А въ баню? Сегодня вѣдь суббота.

Настасья Лукинишна. Не повхаль. Сердитый такой, что ужаси! Андрея за что-то все ругаетъ. Куда то ѣхать собирается... не знаю право. Я просто измучилась сегодня. Маменька съ Устицей подралась: всю рожу ей исцарапала... а тятенька Митрошу прибилъ; Грипочка тоже плачетъ. И не приведи-господи что у насъ творится!

Аполлоновъ. Серьги принесла?

Настасья Лукинишна. Принесла.

Аполлоновъ. Ейбогу?

Настасья Лукинишна. Ейбогу. На вотъ (подаетъ ему).

Аполлоновъ (припрѣгивая). Прелесть моя! Душка ты моя! за это расцѣлю. (Цѣлуетъ ее.)

Настасья Лукинишна. Вотъ и браслетъ (подаетъ ему).

Аполлоновъ (припрыгивая). Зелото ты мое! (Цѣлуетъ ее.) Спасибо, выручила! какъ гора съ плечъ сваялась. Спасибо. (Цѣлуетъ ее). Ну теперь съ радости и вышить можно. Сидоренко! (Делаетъ антраша и близится къ двери).

Настасья Лукинишна. Нельзя, Саша, я на шпательку. Смерть Смерь, дома хватятся.

Аполлоновъ. Вѣдь ты сказала, что во всеобщей.

Настасья Лукинишна. Сказала. Да теперича чай отойде. Ей-си хватятся.

Аполлоновъ. Не хватятся, выпьемъ! Сидоренко! (Сидоренко входитъ). Вотъ деньги, живо двѣ бутылки редереру. Маршъ! Сидоренко. Слушаю-сь. (Быстро уходитъ.)

(Аполлоновъ обнимаетъ Настасью Лукинишну, садятся и шепчутся.)

Настасья Лукинишна. Саша, когда же ты на мнѣ женишься? (Гладитъ рукой его волосы.)

Аполлоновъ. Вотъ только домъ отстрою.

Настасья Лукинишна. Чай нескоро?

Аполлоновъ. Нѣтъ, скоро: ужъ крышу кроютъ.

Настасья Лукинишна. А паркъ готовъ?

Аполлоновъ. Нѣтъ еще, укатываютъ.

Настасья Лукинишна. Да ты врешь, Саша!

Аполлоновъ. Ну вотъ. Не вѣришь, спроси хоть Сидоренку, Онъ знаетъ.

Настасья Лукинишна. Нѣтъ, я такъ... я вѣрю. А оранжерея, Саша?

Аполлоновъ (всторону). Вотъ пристала! (Къ ней) Стекла вставляютъ.

Настасья Лукинишна. А домъ-то великъ?

Аполлоновъ. Сорокъ двѣ комнаты.

Настасья Лукинишна. Ахъ ужаси машина какая! Мы вѣшто жить-то тамъ будемъ, Саша?

Аполлоновъ. Лѣтомъ тамъ, а на зиму за границу хватимъ... Чортъ ли намъ здѣсь дѣлать!

Настасья Лукинишна. Во Францію?

Аполлоновъ. И дальше хватимъ... хоть въ Италию и такъ далѣе.

Настасья Лукинишна. Ахъ; Саша! да я просто помру съ радости, ейбогу. (*Прижимается къ нему.*)

Аполлоновъ. Зачѣмъ умирать!

Настасья Лукинишна. Ненаглядный ты мой! Сокровище ты мое! Саша, жизнь ты моя!.. (*Треплетъ его по щекамъ и цѣлуетъ величественно.*)

Аполлоновъ. Ну полно. Что это Сидоренко не идетъ? (*Освобождается изъ объятий Настасьи Лукинишны. Входитъ Сидоренко съ силою. Пьютъ и цѣлуются.*)

Настасья Лукинишна (*вставая*). Ну прощай, Саша, я пойду.

Аполлоновъ. Погоди немножко. Вѣдь завтра не придешь?

Настасья Лукинишна. Приду, ейбогу! пусти; голубчикъ. Смерть боюсь, дома хватятся.

Аполлоновъ. Пойдемъ вмѣстѣ. Я тебя провожу.

Настасья Лукинишна. Пойдемъ, золотой ты мой! (*Уходятъ оба.*)

(На правой сторонѣ сцены у стола сидитъ Жидровъ, съ картами въ рукахъ. Онъ мечетъ банкъ: набиваетъ руну.)

ЯВЛЕНИЕ I

Жидровъ. Такъ подобралъ, что самъ чортъ не угадаетъ. (*Прячетъ карты въ карманъ.*)

ЯВЛЕНИЕ II

ЖИДРОВЪ и ШИРАМЫЖНИКОВЪ (*входятъ залученный; глядятъ исподлобья*).

Жидровъ. А, мой милѣйшій! Здравствуй.

Ширамыжниковъ. Здравствуй. Что, нѣтъ еще?

Жидровъ. Съ княземъ уѣхалъ къ Жозефинѣ.

Ширамыжниковъ. Зачѣмъ?

Жидровъ. Разогрѣть молодую-то кровь... Поммаецъ? Притѣлуть вмѣстѣ.

Ширамыжниковъ. Гм!

Жидровъ. Не хочешь ли, душа моя, выпить? Вотъ ночь пожалуй прорвемся.

Ширамыжниковъ. Выпить? Непознать. *(Ловитъ и оба замусываютъ.)*

ЯВЛЕНІЕ III

УТЯЖЕ, ГРОМОВЪ, АНДРЮША и ЖОЗЕФИНА *(входятъ всѣ шумно. Жозефина шуркаетъ).*

Жидровъ. Наконецъ-то!

Жозефина. Здравствуйте, здравствуйте! *(Наслаиваетъ руки Жидрову и Ширамыжникову.)*

Громовъ. Ну, полковникъ, мы ваши гости, извольте угощать насъ на славу.

Андрюша *(выжимая).* Вотъ люблю-съ! ейбогу-съ. Гулять такъ гулять! *(Машетъ руками.)*

Жидровъ. Молодецъ Андрюша! Поцалуй меня. *(Целуются.)*

Андрюша *(съ жестами).* Я, Антонъ Антонычъ, не въ тятеньку-съ; у меня все наружу... ейбогу-съ. Мнѣ вотъ Жозефина Ивановна полюбилась... я и говорю прямо, что за нихъ душу отдамъ, а нето-что тамъ политично какъ, а въ теперича околичностью какой идти. У меня сказано-сдѣлано.. Вотъ что-съ!

Громовъ. Да ты молодецъ, Андрей, молодецъ!

Андрюша. Я, ваше сіятельство, вамъ по чувству прямо скажу-съ: вы мнѣ лучше тятеньки-съ... Тятинья мнѣ что-съ! — все мое дѣло!.. ейбогу-съ. Опричъ того что ругается, наровить все въ зубы дать: значить сердце мое и не лежитъ къ нему. Вотъ что-съ! Теперича къ примѣру и маменька-съ такого же калибру будетъ: все обстоятель... Почитай однѣ только неприязности и слышанья. А здѣсь мнѣ воля, я и гуляю.

(Ширамыжниковъ глядитъ на него исподлобья.)

Жидровъ. Гуляй, душа моя, гуляй!.. Поцалуй же меня. *(Целуются.)*

Андрюша. Я васъ, Антонъ Антонычъ, какъ отца родного полюбилъ-съ, ейбогу-съ. Человѣкъ-то больно въ хорошии. Вотъ что-съ! Теперича и для выпивки примѣрно вездѣ дома почитай однѣ задирки; а здѣсь мнѣ воля, — душа гуляетъ!..

Жозефина. Андрей Лукичъ! подите-ка' ко-мнѣ. (*Андрюша подсакивается.*) Послушайте, вы здѣсь долго проживаете?

Андрюша. Недавно-съ, какъ титенка-съ...

Жозефина. Если вы уѣдете, я безъ васъ умру.

Андрюша. Никто въ меня любитъ?

Жозефина (*отходя въ сторону.*) Подите сюда. (*Андрюша подходит.*) Я васъ люблю, только не говорите это князю. Слышите?

Андрюша. Самъ стину, а васъ не выдамъ! наплюйте тогда мнѣ въ рожу, коль я это сдѣлаю.

Жозефина. Ха-ха-ха... какой же ты милый, милый! (*Прижимается къ нему.*) Андрюша, а серьги купишь?

Андрюша. Ейбогу жъ куплю.

Жозефина. Да ты дрянъ какую-нибудь купишь: въ сто цѣлковыхъ!

Андрюша. Чего-съ? Въ тысячу цѣлковыхъ дернецъ! Цѣлуйте тогда мнѣ въ рожу.

Жозефина. Милый! душка ты мой! поцалуй же меня. (*Целуются.*) Да ты покрѣиче, Андрюша. (*Целуются.*) Вотъ такъ.

Громовъ. Андрей! да ты обними ее.

Андрюша. Я несмѣю-съ.

Громовъ. Позно, братецъ, что за ребенокъ!

Андрюша. Жозефина Ивановна, позвольте-съ... (*Лоситъ ее. Жозефина бьется.*) Нѣтъ ужъ позвольте-съ. (*Прижимаетъ ее въ уголъ и целуетъ.*)

Громовъ. Вотъ такъ ее! хорошенько, братецъ, хорошенько!

Жозефина (*вырываясь.*) Ахъ, да отстаньте!.. Андрей Лукичъ, вы меня замучили.

Андрюша. Нѣтъ ужъ позвольте-съ, благо я въ озаръ взополь. (*Тискаетъ ее. Жозефина вскрикиваетъ и громко хохочетъ.*)

Громовъ. Bravo! молодецъ, Андрюша! Ды тагущини ее хорошенько, чтобъ не кричала. Что на нее смотреть-то!

Андрюша. Я уцѣпну-съ, ваше сіятельство, я уцѣпну-съ. Теперича я въ самомъ разѣ. (*Щиплетъ.*)

Жозефина (*малоболь.*). Ай! я заприту, ейбогу. Ха-ха-ха, пострѣль! ха-ха-ха... ка-ра-у-у-у! разбойники! (*Виривается.*) Да что вы, черти!.. ха-ха-ха!

(Всѣ хохочутъ, Андрюша громче всѣхъ).

Жидровъ. Ну будетъ вамъ, господа. Андрей Лукичъ; не състь ли намъ за карточка?

Громовъ. Да вы, колхозники, прежде бы намъ шампанского дали.

Жидровъ. Сейчас, сейчасъ. *(Блуждаетъ къ двери.)* Эй, Фадей!

ЯВЛЕНІЕ IV

ТѢЖЕ и САМСОНОВЪ *(входятъ съ подносомъ и бутылками);*

Громовъ. Ба! Фадей Силычъ! какими судьбами?

Самсоновъ. Добраго здоровья, ваша сиятельство. Андрей Лукичу мое нижайшее... Фокъ Фокичу-сь... Жозефинъ Ивановъ-сь — сударынь-сь. *(Ставитъ подносъ на столъ.)*

(Андрюша, Ширамыжниковъ и Жозефина плаваютъ);

Громовъ *(всторону.)* Ишь чертъ, такъ въ душу и лѣзетъ!.. *(Къ нему.)* Гдѣ соколъ ясный пропадалъ?

Самсоновъ. По дѣлу былъ-сь, въ деревнѣ.

Громовъ. Ну что, зашибъ?

Самсоновъ *(указывая глазами на Андрюшу).* Пустое-сь! одна только проволочка.

Громовъ. Чорта съ два! даромъ ты и поѣдешь!.. Откупоривай-ка.

(Самсоновъ откупориваетъ съ гримасами, безъ шуму, и подаетъ вино въ стаканахъ.)

Жидровъ. Андрей Лукичъ, не хотите ли?

Андрюша. Ахъ, очинно пріятно-сь! *(Пьетъ однимъ разомъ.)*

Жидровъ. Фадей! подливай-ка.

(Самсоновъ подливаетъ.)

Громовъ. Ну теперь можно и за карты. *(Садится за столъ и съ нимъ Ширамыжниковъ.)*

Жидровъ. Позвольте господа, уговоръ прежде: безъ денегъ не играть.

Андрюша. У меня не много. *(Вынимаетъ бутылки.)* Въ закладныхъ не кто съ любовничества; Самсоновъ тоже съ трижды изъ-за спины Андрюши.

Жидровъ. Такъ у насъ много. Есть о чемъ тужить! Хотите я вамъ дамъ взаимы?

Андрюша. Да какъ же это-съ?

Жидровъ. Очень просто: вы мнѣ дадите вексель.

Андрюша. Да я незнаю-съ... право... какъ же это такъ безъ тятеньки-съ?.. *(Чешетъ затылокъ.)*

Громовъ. Полно, Андрюша, какъ тебѣ не стыдно!

Андрюша. Да я-съ шепрочъ, ваше сіятельство, да все боже таково... чего бы не вышло, айбогу-съ.

Громовъ. Чудакъ! Ребенокъ! чего же ты боишься? Когда будутъ, тогда и отдашь; а можетъ-быть и выиграешь — расплатишься... Да что я говорю! — навѣрняка выиграешь. Новичкамъ всегда везетъ счастье... Вотъ увидишь.

Андрюша. Айбогу-съ?

Громовъ. Фу ты чортъ! смѣшно даже слушать. У отца миліоны, сундуки ломятся, а онъ какъ жидъ какой надъ тысячею трясется. Я не понимаю, что это за люди!

(Ширамыжниковъ толкаетъ его въ бокъ, Самсоновъ дѣлаетъ ему жесты за спиной Андрюши.)

Андрюша. Э, была не была — давайте! Авось кривая вывезетъ.

Жидровъ *(поспѣшно вынимая деньги.)* Ну вотъ молодецъ! Считай же.

(Андрюша считаетъ.)

Ширамыжниковъ *(на ухо Громову.)* Однакожь онъ того...

Громовъ. Весь въ отца, дьяволенокъ! Ну да я ему бока-то протру.

Андрюша. Тутъ тысяча. Вѣрно.

Жидровъ. Да тысяча! Фадей, готово?

Самсоновъ *(быстро подавая вексель.)* Готово-съ.

Жидровъ. Ну вотъ, Андрюша, подними.

Андрюша. Позвольте-ко-съ. *(Беретъ вексель.)* Да тутъ двѣ тысячи сказано. Какъ же это-съ?

Жидровъ. Какъ двѣ тысячи? *(Смотритъ.)* Ахъ боже-мой! и то двѣ тысячи! Фадей, что ты за мерзавецъ! Вѣдь тебѣ сказано было въ тысячу. Что ты оглохъ, чтоли!

Самсоновъ. Виновать-съ, Антонъ Антонычъ, ошибся. *(Подаетъ другой вексель.)*

Громовъ *(всторону)* Сорвалось!.. досадно.

Ширамыжниковъ. Каковъ?

Жидровъ (*малая сексель*). Ну вотъ. Вы моя дивчина, Андрей Лукичъ. Вы не подумайте, чтобъ я хотѣлъ воспользоваться... это была ошибка. Право мнѣ такъ совѣстно...

Андрюша. Ничего-съ. Пожалуйте. (*Подписывается.*)

Жидровъ (*пряча сексель*). Ну теперь начните. Желаю вамъ счастья, отъ души желаю. (*Пожимаетъ руку Андрюши.*)

(Всѣ садятся. Жозефина рядомъ съ Андрюшей. Самсоновъ подливаетъ.)

Андрюша. Жозефина Ивановна-съ, ручку-съ!

Жозефина. Обв-съ.

Андрюша. Значить съ нашимъ удовольствіемъ?

Жозефина. Значить съ нашимъ... съ величайшимъ! Ха-ха-ха!

Андрюша. Ха-ха-ха!.. эго жите-то мнѣ здѣсь, ейбогу! Умирать ненадѣтъ. (*Съ жестами.*) Теперича по ту сторону вино стоитъ, по эту — эдакія прелести сидятъ, что такъ тебя канальство и подмываетъ выкинуть почуднѣе какое колѣнцо... Ха-ха-ха! (*Всѣ хохочутъ, Андрюша кроме всѣхъ.*) Эхъ, Жозефина Ивановна-съ! удралъ бы я съ вами, ейбогу-съ; да тятенька не позволить. А ужъ закатали бы мы съ градомъ, чортъ возьми! чертамъ бы стало тошно-съ! то-есть всѣмъ бы аллюромъ хватили, канальство! Ха-ха-ха! *Позвольте, ваше сіятельство, выкинуть колѣнцо? Смерть душа разгулялась!..* (*Встаетъ.*)

Громовъ. Нѣтъ, Андрюша, ненадо; пожалуста ненадо. Ты лучше выпей.

Андрюша. Выпить-то я выпью-съ, а это своимъ чередомъ. (*Пьетъ.*)

Жидровъ. Въ другой разъ, Андрюша, въ другой разъ; а теперь берите вашу карту. Что вы хотите: даму, семерку, короля?

Андрюша. Нѣтъ ужъ мы лучше на дамъ пройдемъ-съ... Жозефина Ивановна-съ, вы примѣрно какія-съ?

Жозефина. Я-то? я право незнаю какая я... ха-ха-ха! Князь; бубновая чтоли? Ха-ха-ха!..

Громовъ. Червонная.

Жозефина. Ха-ха-ха!.. и въ самомъ дѣлѣ червонная!

Андрюша. Такъ ужъ эту пожалуйте-съ.

(Играють. Жидровъ мечетъ.)

Громовъ. Убита! Bravo, Андрюша, браво! Bravo!

Жидровъ. Чортъ возьми, и моя убита! Ну, Андрей Лукичъ, поздравляю. Да вы насъ стариковъ за поля заткнете... Bravo! Андрюша. Это намъ-съ нипочемъ...

(Продолжаютъ играть.)

Ширамыжниковъ. Ва-банкъ?

Андрюша. Качайте!

Громовъ. Взялъ. Фу ты чортъ возьми, что за счастье!

Андрюша. Это намъ на серьги-съ.

Жозефина (*обнимая его*). Милый, милый, какъ я рада!..

Андрюша. Душу заложимъ-съ, а ужъ серьги добудемъ-съ! Вы въ безсмыслѣннѣе будьте насчетъ этого-съ. У насъ сказано — слышано. Вотъ что-съ! (*Пьетъ.*)

Жозефина (*цѣлуя его*). Вѣрю, мой милый, вѣрю... Ну играй же, Андрюша.

(Играютъ.)

Жидровъ. Идетъ на пятьсотъ?

Андрюша. Жарьте!

Громовъ. Убита!

Андрюша. Плевое дѣло! Качайте еще.

Жидровъ. Позвольте, расплатитесь прежде.

Андрюша (*расплачиваясь*). Еще на пятьсотъ. Угодно?

Громовъ. Идетъ со мной. (*Мечетъ.*)

Жидровъ. Убита!

Андрюша. Еще... качайте!

Громовъ. Позвольте, расплатитесь прежде.

Андрюша (*расплачиваясь*). На тысячу! Угодно?

Ширамыжниковъ. Идетъ со мной. (*Мечетъ.*)

Громовъ. Убита!

Андрюша. Ва-банкъ!

Ширамыжниковъ. Позвольте, расплатитесь прежде.

Андрюша. У меня нѣтъ денегъ. Я все проигралъ, все до копейки.

Ширамыжниковъ. Ничего-съ, подождемъ. Подпишите. (*Подаетъ вексель. Андрюша несмотря подписываетъ. Самсоновъ подливаетъ.*) Угодно-съ?

Андрюша. На сколько?

Ширамыжниковъ. На тысячу-съ.

Андрюша. Качайте!

Жидровъ. Убита!

Андрюша. Чортъ знаетъ что за несчастье! Вина! (*Ударяетъ по столу рукой.*) Жозефина Ивановна! да поцѣлуйте вы меня, а зось вывезетъ. (*Жозефина цѣлуетъ его и садится къ нему на колѣни. Игра продолжается. Самсоновъ подливаетъ.*)

Андрюша. Ва-банкъ, чортъ возьми!..

Громовъ. Андрюша, не много ли будетъ?

Андрюша. Качайте!

Жидровъ. Убита. Что за несчастье!

Андрюша (*всканывая и роняя стулъ*). Ва-банкъ, чортъ весь побори!..

Громовъ. Стой! такъ играть нельзя. Дай вексель.

Андрюша (*качаясь*). Давайте.

Жидровъ. Фадей, давай...

(Самсоновъ подаетъ вексель. Андрюша поднимаетъ и бросаетъ перо въ Самсонова.)

Громовъ. Ну теперь давай. (*Мечетъ.*) Взять. Ай да Андрюша!

(Жозефина хлопаетъ въ ладоши.)

Андрюша. Стойте! Давайте вина, смерть въ горлѣ пересохло.

Жидровъ. Фадей, давай! живо!

(Самсоновъ уходитъ быстро и тотчасъ же возвращается, дѣлая сильные жесты руками.)

Самсоновъ. Тсъ, тсъ! Лука Луничъ прѣѣхалъ... ойбогу прѣѣхалъ.

(Всѣ вскакиваютъ въ одно мгновенье.)

Громовъ. Стой! не пускать! Запирайте двери скорѣй! (*Блѣзнить къ двери.*)

Жидровъ. Нельзя, что ты... опомнись!

Громовъ. Фадей! бѣги скорѣй, удержи его какъ-нибудь. Выручи, Федя!

(Самсоновъ быстро уходитъ. Князь становится у двери.)

Жидровъ. Буылки-то уберите, буылки-то!.. Ахъ чортъ возьми! Подъ столъ ихъ!

(Всѣ бросаются убирать буылки. Андрюша, растерявшись, стоитъ какъ ошвіѣлый.)

Громовъ. Живо! садитесь за карты. Полковникъ, сдавай въ

короли. (*Отходитъ отъ двери. Въ садѣтся какъ попало. Жозефинѣ сажаетъ Андрюшу и сама отходитъ въ сторону.*)

ЯВЛЕНИЕ V

ТѢЖЕ, ПУГАЛОВЪ въ шубѣ и САМСОНОВЪ свади, дѣлая жесты руками.

Громовъ и Жидровъ (*вскакивая оба*). А, почтеннѣйшій Лука Лукичъ! Вотъ неожиданно-то! Очень рады, очень рады.

Пугаловъ (*стоя въ дверяхъ*). Я за Андреемъ. (*Смотритъ на селѣ зорко, заглядываетъ и подѣ столѣ.*)

Громовъ. Да вы посидите, Лука Лукичъ; чаю бы выпили.

Жидровъ. Я сейчасъ велю подать. Фадей! чаю Лукѣ Лукичу.

Пугаловъ. Благодаримъ покорно-сь. Дома пили-сь. (*Смотритъ зорко на Жозефину.*)

Жидровъ. Виновать! это моя кузина, Лука Лукичъ, — рекомендую.

(*Жозефина дѣлаетъ реверансъ.*)

Пугаловъ. Какъ-сь?

Жидровъ. Кузина моя, баронеса Мозенъ.

Пугаловъ. Такъ-сь. Въ дѣвицахъ пребывать изволятъ, аль въ замужествѣ?

Жидровъ. Нѣтъ, она еще дѣвушка.

Пугаловъ. Хорошее дѣло-сь... (*Къ сыну.*) Андрей, собирайся! (*Андрюша совсѣмъ убитый сидитъ молча.*) Что я сказалъ? аль оглохъ?

Андрюша. Тятенька... (*Подымается и опять садится.*) Я сейчасъ.

Пугаловъ (*подходя*). Экъ тебя нахлестали дурака! (*Беретъ его за руку.*) Ступай, мерзавецъ! (*Толкаетъ его въ спину.*)

Андрюша (*падая въ ноги*). Тятенька-сь! виновать-сь, простите! (*Плачетъ.*)

Пугаловъ (*толкая въ него ногой*). Ступай, подлець! Обѣ этимъ дома потолкуемъ.

Громовъ. Вы не подумайте, Лука Лукичъ, что это мы... это онъ самъ.

Жидровъ. Это онъ самъ, Лука Лукичъ, самъ... Намъ право такъ совѣстно...

Пугаловъ (съ сильнымъ сдержанномъ волненіемъ). Ничего-съ... Прощенья просить! (Беретъ за шиворотъ сына и быстро уходитъ.)

ЯВЛЕНИЕ VI

ТѢЖЕ безъ ПУГАЛОВА и АНДРЮШИ.

(Всѣ стоятъ въ вопросительномъ положеніи другъ передъ другомъ. Нѣсколько минутъ молчанія.)

Громовъ. Чортъ меня дернулъ связаться съ этимъ Андрюшкой! Говорилъ я не пускать старика, такъ нѣтъ, заорали!.. ну вотъ теперь и считайте барыши. Все къ дьяволу! (Ходить.) Черти! анафемы!..

Жидровъ. Сорвалось! досадно. Да ничего, дѣло еще можно поправить: завтра же ко взысканію подадимъ.

Громовъ. Подавай... Чорта съ два получишь!

Жидровъ. А по-твоему какъ же?

Громовъ. По-моему... (Останавливается противъ Жидрова.) Дуракъ ты, вотъ что! (Ходить.)

Жидровъ. Да ты говори толкомъ... Что ты ругаешься-то, скотъ эдакой!

Громовъ. Да ну васъ всѣхъ къ чорту!.. Говорилъ я вамъ, чертямъ, такъ не слушались. Ну и дѣлайте теперь какъ знаете. (Ходить.)

Жидровъ. По-моему, я бы завтра же ко взысканію подавъ. Почему бы ни пришлось, то и сорвать.

Громовъ. Сорвать, сорвать... да что сорвать-то?

Жидровъ. Какъ что? разумѣется деньги.

Громовъ. За какое дѣло?

Жидровъ. За какое дѣло!.. За... за...

Громовъ. За игру?.. Молодецъ! а въ полицію не хочешь?

Жидровъ. Ну пошолъ свое...

Громовъ. Нѣтъ, полковникъ, у васъ еще мало тутъ... Понимаете? (Показываетъ ему на голову.)

Жидровъ. Ну придумай, умникъ, что-нибудь! ну-ка, удружи.

Громовъ. Я бы вотъ какъ поступилъ...

Ширамыжниковъ. Позвольте, господа. Вы не такъ все говорите. Ко взысканію подавать завтра не слѣдуетъ, а мой совѣтъ —

лучше съ недѣлку, съ мѣсяцъ подождать... Право будетъ лучше. Повѣрьте мнѣ, старику.

Громовъ. Вотъ еще дуракъ-то! Мы станемъ ждать, а старикъ качнетъ изъ Москвы завтра же, тогда и лови его за хвостъ. Ни черта непонимаетъ! Скотъ какой-то!

Жидровъ. Въ самомъ дѣлѣ качнетъ. Вѣдь шельма какая: промочалъ же гдѣ я живу!

Ширамыжниковъ. Позвольте, господа: когда такъ, такъ мой совѣтъ — въ складчину пять процентовъ съ рубля дать Фадею. Онъ его не выпустить.

Громовъ. Вотъ это дѣло. Спасибо, Ширамыжка! Ты умно это придумать.

Ширамыжниковъ. А между тѣмъ временемъ мы кой-что раз-
узнаемъ отъ Андрея Лукича, чтѣ и какъ у нихъ тамъ.

Громовъ. Дѣльно, дѣльно. Ну Фадей, выручай. Пять про-
центовъ деньги, братъ, хорошія, а ты на эти дѣла мастеръ. Квар-
тиру вѣдь знаешь?

Самсоновъ (*быстро*). Знаю-съ: на Арбатъ.

Громовъ. Ну да. Сейчасъ же и ступай, караулъ. Чуть ста-
рикъ тамъ зашевелится — лети сюда. Понимаешь?

Самсоновъ. Понимаю-съ. Будьте покойны.

Громовъ. Да ты съ радости-то пьянъ не напейся. Возьми съ
собой сына Федюшку: вѣдь такъ же, я думаю, дома болтается.
Вдвоемъ-то все лучше.

Самсоновъ. Слушаю-съ. Не сорвется!

Громовъ. Ну съ-богомъ; ступай.

(Самсоновъ уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ VII

ТѢЖЕ безъ САМСОНОВА.

Жозефина. Послушай, князь: давай обѣщаное.

Громовъ. Ну тебя къ чорту!

Жозефина. Какъ, обманывать!.. Хорошо же. Я вотъ сейчасъ
же все старику и расскажу. Давай обѣщаное!

Громовъ. Что, что?

Жозефина. Давай обѣщаное. Вотъ что!

Громовъ. Шкура ободраная! или часть забыла?.. давно въ ней ни сидѣла?

Жозефина (*плача*). Давай обѣщанное-то, разбойникъ эдакой!

Громовъ. Да нѣ, голодная собака! (*Бросаетъ ей деньги.*)

Жозефина (*хватая ихъ на лету*). Ха-ха-ха!.. дуракъ!

Громовъ. Убирайся пока жива.

Жозефина. Прощайте, скоты! (*Надѣваетъ шляпку и уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ VIII

ТѢЖЕ безъ ЖОЗЕФИНЫ.

Жидровъ. Князь, ты сколько взял?

Громовъ. Пустое: восемь тысячъ. На вѣрняка считай, половины не получишь.

Жидровъ. Богъ милостливъ. А ты, Ширамыжка?

Ширамыжниковъ. Я того... сочту вотъ. (*Считаетъ молча, Жидровъ тоже. Громовъ ходитъ*)

Занавѣсъ опускается.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Грязный номеръ постоялаго двора близъ заставы. Вездѣ лубочныя картины; по стѣнамъ уродливые диваны, обитые красной подосатой выбойкой. На заднемъ планѣ перегородка во всю длину, съ дверью посрединѣ, со стихами и рѣшеткой наверху. На лѣвой сторонѣ два окна и дверь. На одномъ окнѣ виситъ клятка съ канарейкой. Утро.

ЯВЛЕНИЕ I

Андрюша (*однимъ сидитъ у стола съ подвязаной щекою*). Въ солдаты такъ въ солдаты!.. чтожь за бѣда такая? Знать такая доля моя безчастная! (*Подпираетъ рукой голову. Канарейка залезаетъ въ нѣмъ.*) А ты не дерись, вотъ что больно. (*Вздыхаетъ.*) Ну ударилъ разъ, ударилъ два, и въ рожу отчего не създить... а ужъ это просто до безчувствія всякаго... (*Плачетъ.*) Нешто у насъ сердца

нѣтъ? завсегда чувствіе имѣемъ, значить и больно. Ну проигралъ, ну засталъ, ну пьянъ былъ: за чтожъ теперича такъ бить-то? Авось двадцать-то тысячъ не разорили, въ яму не посядутъ... Эхма! лучше бы мнѣ на свѣтъ не родиться! (*Плачетъ.*)

ЯВЛЕНИЕ II

АНДРЮША и НАСТАСЬЯ ЛУКИНИШНА (входитъ убитая; одѣта по дорожному).

Настасья Лукинишна. Андрюша, расскажи ты мнѣ какъ это у васъ было?

Андрюша. Что ужъ рассказывать!.. Сама видѣла.

Настасья Лукинишна. А Александръ Петровичъ былъ съ вами, Андрюша?

Андрюша. Нѣтъ, небылъ.

Настасья Лукинишна. Ну слава-богу. Ну какъ же вы—играли чтоли, а тятенька и нагрянулъ? Андрюша, расскажи голубчикъ.

Андрюша. Дома расскажу... безъ того тошно. (*Плачетъ.*)

Настасья Лукинишна. Ты не плачь, Андрюша: авось смируется.

Андрюша. Не такой онъ, Настя, человекъ, чтобы смиловался: онъ всю жизнь пропомнить...

Настасья Лукинишна. Господи, чтоже мнѣ-то теперича дѣлать!.. (*Закрываетъ лицо руками. Про себя.*) Послала я ему записку; пишу, что приѣзжай скорѣй — дѣло вышло скверное... Незнаю приѣдетъ ли. (*Ходитъ.*) А я такъ не поѣду, низачто не поѣду. Что мнѣ дѣлать на фабрику? Ни за какіе миліоны не поѣду! Я убѣгу... я ейбогу убѣгу. Царь небесный! да я безъ него тамъ сгину, загложу, въ чахотку помру... (*Подходитъ къ окну.*) Фу-ты мерзость какая! Грязь, навозъ, свиньи ходятъ... Господи, куда это мы попали!.. Андрюша, а куда тятенька уѣхалъ?

Андрюша. За лошадьми.

Настасья Лукинишна. Батюшки, чтожъ мнѣ-то теперича дѣлать!.. (*Входитъ Грипочка.*) Грипочка, научи ты меня что мнѣ дѣлать.

ЯВЛЕНИЕ III

ТЪЖЕ и ГРИПОЧКА.

Грипочка. Ахъ отстань, Настя, пожалуста! и безъ тебя тошно. (*Ходить задумавшись.*)

Настасья Лукинишна. Тебѣ-то что? О комъ жалвешь, что потеряла?

Грипочка. Отстань! что тебѣ за дѣло? Мое горе — не твое.

Настасья Лукинишна. Какое у тебя горе... что ты врешь! Вотъ мое — такъ горе...

Грипочка. Я тебя не спрашиваю.

Настасья Лукинишна. Да я такъ... Ну скажите, зачѣмъ прѣзжали? зачѣмъ? Себя страшить, людей смѣшить, насъ мучить? Да еслибы я знала это прежде, я бы мильона не взяла за одну мораль эту... Пакость, одно слово пакость! Теперича мнѣ стыдно на бѣлый свѣтъ взглянуть, ейбогу. Такъ тебѣ и кажется, что всякъ на тебя пальцемъ указываетъ, прямо въ глаза тебѣ тычетъ, мораль твою поносить... Свины эдакія! меня-то оканфузили только... Гдѣ ужъ намъ лѣзть въ люди! Жили бы лучше свиньями, какъ жили... (*Передразнивая.*) А то еще туда жъ: я, я... Голова съ мозгомъ! Мужикъ... мужикомъ и останется.

Грипочка. Ты про кого это?

Настасья Лукинишна. Извѣстно про тятеньку, про кого жъ еще? (*Подходитъ къ окну.*) Грипочка, поди-ка сюда поскорѣй.

Грипочка. Не пойду.

Настасья Лукинишна. Поди скорѣй, говорятъ тебѣ. (*Грипочка подходитъ.*) Посмотри-ка на свиней...

Грипочка. Гдѣ? (*Взглядываетъ.*) Ахъ какія мерзости... Тьфу!

Настасья Лукинишна. Да ты смотри... что ахать-то. (*Смотрятъ обрѣ.*)

ЯВЛЕНИЕ IV

ТЪЖЕ и **СТЕПАНИДА ПАНКРАТЬЕВНА** (входитъ съ полушками и останавливается въ дверяхъ).

Степанида Панкратьевна. Халды, халды!.. на окнѣ виснуть!.. Чѣмъ бы матери что подсобить, а они эво гдѣ. (*Подходитъ на цыпочкахъ, чтобы ударить, и останавливается на мѣсть съ поднятою рукою. Нѣсколько минутъ молчанія. Всѣ три глядятъ въ окно.*)

Андрюша. Маменька, что тамъ такое?

Степанида Панкратьевна (*ударя по спинѣ Настасью Лукинишну*). Наська! долго ли ты будешь повѣсничать—то, а?

(Грипочка вскрикиваетъ и убѣгаетъ.)

ЯВЛЕНИЕ V

ТЪЖЕ безъ Грипочки.

Настасья Лукинишна. Вы что деретесь?

Степанида Панкратьевна. Цовѣса ты дѣвка, болѣ ничего.

Настасья Лукинишна. У васъ всѣ повѣсы!.. Вы одни только хороши.

Степанида Панкратьевна. Ты не смѣй мнѣ этого говорить — невѣжа!

Настасья Лукинишна. Скажите какія новости!

Степанида Панкратьевна. Цыцъ, грубиянка! тебѣ я говорю али нѣтъ? Вотъ возьму да и тресну чѣмъ попало...

Настасья Лукинишна. Ахъ какія ужаси!

Степанида Панкратьевна. Дура ты, Наська, вотъ что!

Настасья Лукинишна. Неужто вѣзправду дура? А я и не знала этого прежде. Скажите!

Степанида Панкратьевна. Ты зубы—то не скаль! Тебѣ дѣло говорить.

Настасья Лукинишна. Скажите! А я и не знала.

Степанида Панкратьевна. Такъ ты знай. А то нешто умная, скажешь?

Настасья Лукинишна. Гдѣ намъ-съ, помигуйте! Не вѣсьмъ же быть такими умниками, какъ вы съ тятенькой.

Степанида Панкратьевна. Я про отца не говорю. Отецъ дуракъ.

Настасья Лукинишна. Ха-ха-ха... А вы-то нешто умныя?

Степанида Панкратьевна. Смотри, Наська, коса-то близко: схвачу да пойду волосить...

Настасья Лукинишна. Батюшки свѣты, страсти какія!

Степанида Панкратьевна. А хошь докажу на дѣлѣ, хошь? *(Порывается къ ней.)*

Настасья Лукинишна *(отводя ея руки)*. Коротки руки-съ.

Степанида Панкратьевна. Врешь, мерзавка, не коротки! *(Старается схватить ее за косу.)*

Настасья Лукинишна. Коротки руки-съ! *(Бьетъ ее по рукамъ.)* Я вамъ уже сказала.

Степанида Панкратьевна. Ахъ ты подлая! ахъ ты мерзавка эдакая! На мать руки подымать... да въ умѣ ли ты, подлячка! *(Бросается на дочь съ сжатými кулаками.)*

Настасья Лукинишна *(въ сторону)*. Сама-то въ умѣ ли!.. *(Быстро уходитъ, толкая ногами по дорожъ подушки.)*

Степанида Панкратьевна. Батюшки, что она творить-то, а? Ахъ ты подлая! ахъ ты распутница!.. *(Блжтитъ за дочерью, та затворяетъ за собою дверь.)* Погоди-жъ безпутная, погоди!.. *(Порывается въ дверь)*. Я тебѣ это припомню, я тебя какъ шельму изувѣчу... Слышишь ли, грубиянка? *(Стучитъ рукою.)*

Настасья Лукинишна *(показываясь изъ-за двери)*. Коротки руки-съ! *(Исчезаетъ.)*

Степанида Панкратьевна. Анъ врешь!.. Живую не оставлю... врешь! *(Ложится.)*

Настасья Лукинишна *(показываясь снова)*. Коротки руки-съ! *(Исчезаетъ.)*

ЯВЛЕНИЕ VI

АНДРЮША и СТЕПАНИДА ПАНКРАТЪЕВНА.

Андрюша. Маменька, да оставьте-съ!

Степанида Панкратьевна. Ну, прахъ ее возьми совѣсьмъ, и то сказать! *(Подымаетъ съ полу подушку.)* Вотъ и смотри, Ан-

дрей, какую волю взяла, вотъ и смотри! Вотъ бы кого бить то, такъ ужь слѣдь!.. всегда скажу.

Андрюша. Эхъ маменька! все бить да бить... Ктожь пожа-
лѣеть-то?

Степанида Панкратьевна. А то спускать ей по-твоему
чтоли?

Андрюша. Не спускать, я не про то говорю... (*Опускаетъ
на колыки голову.*)

Степанида Панкратьевна. Ну что ужь больно приуныль-
то? Авось уходится. (*Андрюша молчитъ.*) Андрюша, а? что ужь
такъ больно горевать-то? Вотъ уѣдемъ, голубчикъ, къ себѣ на фа-
брики, заживемъ по-старому — то-то будетъ любо, ейбогу. Какъ
вспомню я, Андрюша, про свое-то здѣсь житье и... и царь ты мой
небесный! такъ индо вся моя внутренность поворотится! Сейчасъ
помереть. А все отецъ... все онъ губитель. Ну, да впередъ дура-
камъ наука. Я бы радешенька была, коли бы онъ за тебя все сполна
деньги заплатилъ: авось бы поумнѣлъ маленько. Вѣдь ему, Андрю-
ша, деньги пуще отца родного... Да что отецъ! онъ хошь Бога за-
будеть... Вотъ и до старости дожилъ, а ума не нажилъ. (*Андрюша
молчитъ. Степанида Панкратьевна начинаетъ ходить по комна-
тѣ, прибирая все что попадетъ подъ руки.*) Говорила я ему:
«помнись, Лука Лукичъ, опомнись! что творишь?» — такъ вишь
дура я. Ну побѣхали въ Москву... Почему не съѣздить! не изъ
бѣдности, слава-богу достатокъ есть во всемъ... Пожили бы и на
подворьѣ, — невелики птицы! искупили бы себѣ что надеть, да и съ-
богомъ. Такъ нѣтъ вишь: я, говорить, жить останусь, домъ куплю,
по кіятрамъ ѣздить буду, дѣтей образую, самъ въ люди выйду... и
заживу тогда паномъ. Вотъ и зажилъ болваномъ... Эхъ грѣхи, грѣ-
хи!.. Съ кѣмъ не бываетъ. А дуракъ твой отецъ, Андрюша; всегда
скажу — дуракъ набитый.

Андрюша. Эхъ маменька-съ! значить ужь такая намъ линия
вышла...

Степанида Панкратьевна. Что ты, отецъ мой, какая ли-
ния! Все богъ по глупости. Жили бы мы да жили у себя на фа-
брикѣ, никакого бы горя не чаяли... Такъ нѣтъ вишь, неимется намъ
на сиженомъ-то гнѣздѣ, подавай новаго. Вотъ и подали!..

Андрюша. Маменька, да нонѣ въ свѣтѣ все живутъ; всякъ
наровитъ себя показать, на людей взглянуть... А у насъ что за

жить, маменька! Почитай всё какъ свиньи живутъ — свиньями и помрутъ... Начто хуже!

Степанида Панкратъевна. Эхъ, голубчикъ! да съ свиньями-то и жить!.. Ты только не трошь ихъ, и онъ тебя не обидятъ... Даромъ что свинья, а скотинка добрая. А здѣсь вотъ и люди... а почитай хуже всякихъ скотовъ будутъ...

Андрюша. Вы все не про то говорите, маменька!

Степанида Панкратъевна. Про то, голубчикъ. Ты только вникни въ дѣло-то. Ну вотъ хошь князь вашъ: что за человекъ? Жуликъ!.. во всѣхъ статьяx жуликъ.

Андрюша. Какой же маменька, онъ жуликъ!..

Степанида Панкратъевна. Извѣстно жуликъ, всегда скажу. Нешто благородные люди такъ дѣлаютъ: видятъ, что паренъ подходитъ на руку — и давай его ошелашивать?..

Андрюша. Маменька, нешто онъ одинъ! а Антонъ-то Антонычъ!..

Степанида Панкратъевна. А этотъ изъ подлецовъ-то подлецъ будетъ! И рожа-то у него разбойничья, такъ и смотреть ерникомъ... Душегубецъ проклятый! Вотъ еще дался Наскъ Александръ Петровичъ этотъ... Смѣкается мнѣ, не завела ли она съ нимъ шашни?.. Что-то ужъ больно увертлива дѣвка стала. А?

Андрюша. Да онъ, маменька, общалъ на ней жениться. Нешто вы не знаете? Она ужъ про это и тятенькѣ говорила.

Степанида Панкратъевна. Что ты говоришь! Когда говорила?

Андрюша. Намеднись говорила, въ ту пору какъ объѣд-то у насъ былъ.

Степанида Панкратъевна. Ахъ она безпутная!.. Да кого жъ она спросилась?

Андрюша. Онъ, маменька, слышно, сами промежъ себя покочили...

Степанида Панкратъевна. По-кон-чили?! Какъ покочили?

Андрюша. Полюбовно значить, маменька, у нихъ было...

Степанида Панкратъевна. Ахъ мой батюшки, да чтожъ это творится!.. Да что отецъ-то, очумѣлъ чтоли? За кого онъ отдастъ? Что онъ, безпутный, творить-то, а?

Андрюша. Я ужъ, маменька, незнаю-съ... Значить такъ тятенькѣ было угодно-съ. Воля ихняя.

Степанида Панкратьевна. Какъ воля ихняя? Чтоже я-то, вамъ кухарка чтоли досталась, а? Что вы въ самомъ дѣлѣ распутничать-то вздумали... Да я васъ всѣхъ и съ отцомъ-то въ шею вытурю! Дебоширники эдакіе!.. Каково, а? Тятенькина воля!.. Врете! Мой капиталъ — моя и воля будетъ. За кого хочу, за того и отдамъ. Вотъ и сказъ. Ахъ она безпутная! Да я ее теперича нарочно всю жизнь въ дѣвкахъ проморю, ейбогу проморю... высушу въ восточки... мопни мои глаза, коль я ее не высушу! Недаромъ ее съ жиру-то подаетъ во всѣ стороны... Ишь что выдумали, а?

Андрюша. Ну что вы, маменька, накиннулись... Я-то тутъ чѣмъ виновать?

Степанида Панкратьевна. Да я про тебя и не говорю. Ну скажи на милость на что это похоже? Виданое ли, слыханое ли дѣло, что сама дѣвка на парня лѣзетъ, а? Господи помилуй, да я шестой десятокъ живу, а такого страму не слыхивала! (*Вдали слышенъ звонъ бубенчиковъ. Степанида Панкратьевна мгновенно утихаетъ.*) Тссъ! никакъ самъ катитъ. (*Прислушивается.*) Онъ и есть. Ишь ты какъ заливается!

Андрюша (*вскакивая*). Я уйду, маменька.

Степанида Панкратьевна. Небось, теперича бить не станеть.

Андрюша. Боязно, маменька, какъ бы не жиганулъ онъ опять...

Степанида Панкратьевна. Не трошь, авось укротится... Не звѣрь же онъ въ самомъ дѣлѣ какой... Свое чай дѣтще-то.

ЯВЛЕНИЕ VII

ТВЪЖЕ ■ ПУГАЛОВЪ (входитъ въ шубѣ на распахку).

Пугаловъ. Эй, вы! укладываться... живо! (*Подходитъ къ Андрюшѣ.*) Ты чего это, подлець, рыло-то подвязалъ? Долой! (*Срываетъ съ него повязку.*) Пусть всякій видитъ, что сынъ у меня безпутный... (*Бьетъ его по щекъ.*)

Степанида Панкратьевна. Ну полно, Лука Лукичъ, смилуйся... Потѣшился да и будетъ. Полно!

Пугаловъ. Пошла прочь! Не твое дѣло. Сынъ мой — моя и расправа. (*Андрюша стоитъ съ угу, Пугаловъ сбрасываетъ шубу.*)

ЯВЛЕНІЕ VIII

ТВЖЕ, УСТИНЬЯ, ПРОШКА и НАСТАСЬЯ ЛУКИНИШНА (входятъ въ разныя двери.)

Пугаловъ. Эй, вы, галманы! тащите поклажу-то въ повозки. Живо! (*Устинья и Прошка уносятъ чемоданы и подушки. За сценой вздрагиваютъ бубны.*)

Степанида Панкратьевна. Лука Лукичъ, хошь бы намъ чаю напитокся...

Пугаловъ. Некогда, мать, прохладяться... Въ дорогъ напьемся.

Степанида Панкратьевна. Охъ грѣхи, грѣхи!.. (*Подходитъ къ Андрюшъ и подвязываетъ ему щеку — тотъ сопротивляется.*)

Настасья Лукинишна (*подходитъ и робко.*) Тятенька-съ... я не поѣду.

Пугаловъ. Чтѣ-о?

Настасья Лукинишна. Я не поѣду-съ.

Пугаловъ. Какого чорта! чтѣ ты брешешь?..

Настасья Лукинишна (*въ отчаяніи*). Тятенька-съ, я ей-богу-съ не поѣду... Я къ Александру Петровичу уйду-съ.

Пугаловъ. Вонъ... дура!

(*Степанида Панкратьевна подходитъ и вслушивается.*)

Настасья Лукинишна (*плача*). Тятенька, ради-создателя не губите вы меня... Вѣдь онъ на мнѣ женится, ей-богу женится... Голубчикъ! (*Хватаетъ его за руки.*)

Пугаловъ. Ни-черта не будетъ! Я за подлеца не отдамъ.

Настасья Лукинишна. Какой же онъ подлець?.. Господи, что вы говорите!

Пугаловъ. Еще разговаривать! Сказамо тебѣ не отдамъ — и шабашъ!

Настасья Лукинишна. Тятенька, зачѣмъ же вы меня острамили-то... что вы теперь надѣлали-то!...

Пугаловъ. Кой чортъ! Кто тебя страшилъ?

Настасья Лукинишна (*рыдал*). Да какже, господи — не вы ли говорили...

Пугаловъ. Ничего я не говорилъ. Все ты врешь.

Степанида Панкратьевна. Хорошенько ее, Лука Лукичъ, хорошенько! Что это она въ самомъ дѣлѣ за волю взяла!.. Сладу нѣтъ совсѣмъ, изъ рукъ выбилась.

Настасья Лукинишна (*яростно, бросаясь на мать*). Вы что пристаи? Вездѣ ради напакостить... Подите прочь! (*Толкаетъ ее отъ себя.*)

Степанида Панкратьевна. Ахъ ты мерзавка эдакая! Слышишь, Лука Лукичъ, какъ она матери-то отвѣчаетъ? Ну не безпутная ли она послѣ этого, а? Да я тебя...

Пугаловъ. Да убирайтесь вы, черти! Уморить вы меня что-ли захотѣли?

Настасья Лукинишна (*бросаясь на колѣни*). Тятенька, голубчикъ, пожалѣйте вы меня... Я люблю его... Тятенька! (*Рыдая хватается его за руки.*)

Пугаловъ. Чортъ тебя пожалѣетъ!.. Вонъ пошла, и слушать не хочу... Вонъ! (*Толкаетъ ее отъ себя. За сценой слышны шумъ и голоса.*) Господи, Господи! не они ли!..

(Всѣ бросаются къ окнамъ.)

Степанида Панкратьевна. Батюшка, Лука Лукичъ, пріѣхали!.. Что намъ дѣлать-то?.. батюшки! (*Мечется.*)

Пугаловъ. Стой! Запирайте двери! Не пускать никого! Андрей, выручай!

(Всѣ бросаются къ дверямъ. Пугаловъ бѣжитъ къ окну и заноситъ ногу. За перегородкой шумъ.)

Степанида Панкратьевна. Отецъ мой, что ты дѣлаешь!.. Лука Лукичъ, помнись, родной ты мой!

(Бѣжитъ къ нему и хватается его за руку. Пугаловъ бьетъ ее по рукѣ. Андриуша и Настасья Лукинишна съ трудомъ удерживаютъ среднюю дверь. Шумъ, крики. Дверь подается; врываются Громовъ, Жидровъ, Ширамыжниковъ, Самсоновъ, Задиралкинъ и Цыплятниковъ. Картина.)

Пугаловъ. Пронюхали! (*Глядитъ на всѣхъ въ какомъ-то ошарашенномъ видѣ.*)

(На шумъ вбѣгаютъ Грипочка, Митроша, Степа,

Устинья и Прошка. У всѣхъ испуганна лица; сѣшныя положенья).

ЯВЛЕНІЕ IX

ТѢЖЕ, ГРОМОВЪ, ЖИДРОВЪ, ШИРАМЫЖНИКОВЪ и другіе.

Громовъ. Лука Лукичъ, куда это вы ѣдете?

Пугаловъ (*блѣднѣя*). На богомолье-съ.

Громовъ. А намъ сказали, что вы къ себѣ на фабрику.

Пугаловъ. И не думалъ-съ.

Жидровъ. Да что это вамъ вздумалось помѣститься-то здѣсь?

Вѣдь мерзость-то какая... а даль-то, помигайте!

Пугаловъ. Здѣсь подешевле-съ.

Жидровъ. Странно ейбогу: въ одну ночь перебрались!.. какъ-будто ѣхать куда собираетесь...

(Пугаловъ молчитъ. Ширамыжниковъ шепчется съ квартальнымъ. Самсоновъ стоитъ въ дверяхъ.)

Громовъ. Мы къ вамъ, Лука Лукичъ, по дѣлу...

Пугаловъ. Какія у насъ дѣла съ вами, ваше сіятельство? Никакихъ небывало... (*Не спускаетъ глазъ съ Ширамыжникова и Задиралкина.*)

Жидровъ. Вы насъ извините, Лука Лукичъ... вы тутъ конечно невиноваты. Но...

Пугаловъ (*слегка дрожа весьма тѣломъ*). Въ чемъ дѣло-то-съ?

Громовъ. Вотъ видите ли въ чемъ дѣло-то, любезнѣйшій Лука Лукичъ: сынъ вашъ остался намъ долженъ... Бездѣлица...

Пугаловъ. Чтоже мнѣ-то-съ?

Громовъ. Но мы вполне увѣрены, что вы заплатите...

Пугаловъ. Ничуть небывало! Сынъ долженъ — съ него и спрашивайте.

Жидровъ. Какъ! вы развѣ за него не платите?

Пугаловъ (*злобно*). Не плачу-съ.

Громовъ. Такъ вы прежде публикуйте; ктожъ это знаетъ!

Пугаловъ. Я не здѣшній-съ... Приѣду домой — тамъ и отпечатаемъ.

Жидровъ. Да это незаконно-съ... помигайте! Эдакъ бы всякой сдѣлалъ...

Пугаловъ (*возвышая голосъ*). А вы по какому-съ закону съ него требуете?

Громовъ (*къ Задиралкину*). Фролъ Иванычъ, объясните ему...

Задиралкинъ (*подскакивая*). Сейчасъ, ваше сіятельство. (*Къ Пугалову*) По законнымъ документамъ-съ. Не угодно ли взглянуть... (*Показываетъ ему векселя*.) Безсрочные... немедленные къ удовлетворенію-съ...

Пугаловъ. А коль законно-съ, — съ сына и спрашивайте. Моё дѣло сторона... Я знать незнаю-съ и вѣдать-невѣдаю...

Задиралкинъ. А вотъ вы, почтеннѣйшій, тогда иначе заговорите, когда мы его въ яму посадимъ.

Пугаловъ. Дѣло ваше-съ: въ яму такъ въ яму.

Задиралкинъ. Хорошо-съ. Мы сдѣлаемъ постановленіе...

Пугаловъ. Какое угодно-съ.

Громовъ. Позвольте, Лука Лукичъ, это ужъ безчестно съ вашей стороны будетъ — за какихъ-нибудь двадцать тысячъ сына въ яму сажать... Это безчестно!

Пугаловъ. А это нешто честно, ваше сіятельство, грабить-то честныхъ людей среди бѣлаго дня?.. Нешто честно?

Громовъ. Какъ ты смѣешь мнѣ это говорить, мерзавецъ! (*Подступаетъ къ нему*.) Мужикъ эдакой... свинья!

Пугаловъ (*трясаясь вслѣдъ тѣломъ*). А... вы нешто не... по... длецъ!... (*Отводитъ его руки*.)

Громовъ. Какъ? Стойте! Вяжите ему руки! Я его, чорта, въ кандалы закую... сгниетъ онъ у меня въ острогъ... Вяжите!

(Всѣ поражены мгновенно. Въ движеняхъ Громова видна рѣшимость. Пугаловъ и Андриуша скрытно трепещутъ. Степанида Павкратьевна въ оштрафованной позѣ. Словомъ обѣ стороны недовольны другъ другомъ; досада и горе, испугъ и оштрафованіе отразились въ каждомъ изъ дѣйствующихъ лицъ.)

Жидровъ (*шопотомъ князю*). Оставь, дуракъ, что ты дѣлаешь!.. Опомнись... все испортишь дѣло... (*Дергаетъ его за руку*.)

Громовъ (*ислушавъ его*). Господинъ квартальный, дѣлайте постановленіе! Онъ меня подлецомъ при всѣхъ называлъ — извольте формальнымъ образомъ вести дѣло... Я его, подлеца, проучу какъ съ честными людьми обращаться! Самъ же сегодня къ губернатору

поѣду, а ужь его доканаю... Въ кандалы его, мерзавца, въ кандалы!

Степанида Панкратьевна (*бросаясь съ плачемъ къ Громоу*). Батюшка, ваше сіятельство, не погуби!.. смилуйся, батюшка!

Громовъ. Подите прочь! Не ваше дѣло. (*Къ Задиралкину*) Я вамъ приказываю... слышите? Извольте исполнять вашу обязанность.

Задиралкинъ. Слушаю-съ, ваше сіятельство. (*Къ Цыплатникову*) Пишите.

(Цыплатниковъ садится за столъ).

Громовъ. Фадей, запири двери! (*Оглядывается. Митроша, Стеша, Устинья и Прошка миновенно бросаются по угламъ.*) Всѣ тутъ на-лицо... не вырвется!..

(Самсоновъ запираетъ двери).

Жидровъ (*ему на ухо*). Оставь, сумашедшій, что ты дѣлаешь! Опомнись... чортъ тебя подери... скотина!

Громовъ. Да дѣлай самъ какъ знаешь! Что ты ко мнѣ присталъ... Пошолъ къ чорту!

(Андрюша и Степанида Панкратьевна плачутъ.)

Ширамыжниковъ. Князь, пожалуйста-ка сюда. (*Отходитъ всторону. Громовъ подходитъ.*) Послушайте, что вы затѣваете? Горячкой тутъ ничего не сдѣлаешь... мой совѣтъ: оставить вамъ это постановленіе. Вѣдь вы жаловаться не будете; къ чему-жъ вся эта проволочка? Эхъ, ваше сіятельство, не дѣло вы ватѣяли! Давайте-ка лучше деньги требовать, а подъ конецъ можно и жалобой спугнуть... Ей-ей такъ будетъ лучше; послушайтесь вы меня старика. (*Шепчутся.*)

Пугаловъ (*блѣднѣя, смотритъ на нихъ, потомъ на Цыплатникова. Последний пишетъ*). Ваше благородіе... господинъ квартальный!.. (*Говоритъ тихо.*) Пожалуйста-ка сюда на пару словъ. (*Дѣлаетъ жесты.*)

Задиралкинъ (*грубо*). Что вамъ угодно?

Пугаловъ. Да вы пожалуйста... (*Отходитъ всторону*).

Задиралкинъ (*подходя*). Ну-съ?

Пугаловъ (*шепотомъ, выразительно*). Ваше благородіе, не губите старика... возьмите триста цѣлковыхъ.

Задиралкинъ (зрѣтко). Послушайте, милостивый государь, вы забываетесь! Какъ вы смѣете предлагать мнѣ это, а?

Пугаловъ (хватая его за руку, съ убѣжденіемъ). Не погубите, ради-христа! Еще сто рубликовъ накину, сдѣлайте божескую милость!.. (Жметъ крѣпко ему руки).

Задиралкинъ. Позвольте... однако... да какже это?.. Чего же вы хотите? Я васъ не понимаю... (Лицо квартальнаго принимаетъ юридическое выраженіе.)

Пугаловъ. Да не кричите, господа! (Оглядывается.) Скажите мнѣ, что я дамъ по двадцати-пяти копѣекъ за рубль — ладьте.

Задиралкинъ. Что вы, почтеннѣйшій, какъ это возможно! Кѣмъ согласится? Дѣло вѣдь законное-съ... вы сами знаете.

Пугаловъ. Ну ладьте за полтину... пусть грабятъ! А вамъ сейчасъ четыре сотни выможу... Наплюйте тогда мнѣ въ рожу, коль я не выложу.

Задиралкинъ (ободрительно). Что это вы, Лука Лукичъ! (Трѣмлетъ его по плечу съ улыбкой). Хорошо-съ... посмотримъ... постараюсь.

Пугаловъ. Сдѣлайте божескую милость!.. по гробъ забуду! (Жметъ униженно ему руки. Задиралкинъ отходитъ.) Господи, выручи!.. молебень отслужу — выручи только... Господи! (Тяжело дышетъ.)

Степанида Панкратьевна (съ слезахъ подходитъ къ муржу). Лука Лукичъ, родной ты мой, не удрать ли намъ?..

Пугаловъ. Поздно, мать, вздумала... Говорилъ я вамъ, чертямъ, такъ не слушались!

Степанида Панкратьевна. Ктожь зналъ-то, отецъ ты мой, ктожь зналъ-то!.. Ахъ господа, грѣхи какіе... ахъ господа! и ума не приложу... опустилась вся... (Подходитъ къ Андрюшѣ.)

Задиралкинъ (къ Грому). Ваше сіятельство, онъ соглашается на полтину... (Жидровъ и Самсоновъ быстро подходятъ и слушиваются). Мой совѣтъ — взять вамъ полтину, чѣмъ еще дѣло тянуть... а станемъ настаивать — время больше потеряемъ, да и денегъ пожалуй не получимъ. Право такъ лучше. Кончайте-ка, господа, а?

Громовъ. Чортъ знаетъ какъ досадно!.. Но послушайте, онъ вѣрно обѣщалъ вамъ? Говорите прямо.

Задиралкинъ. Что вы, ваше сіятельство, какъ это можно! За кого-жъ вы меня считаете!.. Это обидно наконецъ.

Жидровъ. Что-съ? Полноте, любезнѣйшій, врать-то! Говорите прямо: сколько? Чѣмъ тутъ еще разговаривать!.. какъ-будто мы не знаемъ этихъ дѣловъ-то... Ну вотъ еще!

Задиралкинъ (*шопотомъ*). Пятьсотъ рублей.

Громовъ. Это много, чортъ возьми!.. Ну да такъ и быть — мы вамъ дадимъ столько же, — держите нашу сторону. Согласны?

Задиралкинъ. Ахъ богъ-мой, да мнѣ все равно!.. кончайте только. (*Отходитъ сторону*). Какже, чорта съ два съ васъ и получишь!

Жидровъ (*ему вслѣдъ съ разстановкой*). Взятчикъ... перзавецъ! (*Къ Громову*). Послушай князь, рубля намъ не получить... и думать нечего. Такъ ли, Ширамыжка?

Ширамыжниковъ. Я самъ тоже думаю.

Жидровъ. Да это навѣрняка. А по-моему, господа, лучше взять что дадутъ; право лучше. А чортъ знаетъ, съ этимъ постановленіемъ самъ какъ-разъ попадешь въ бѣду... Пойдутъ разныя справки, да допросы — ни чорта и не получишь... Князь, кончай.

Громовъ. Дѣлать нечего, кончайте!

Жидровъ. И претензію твою послать, братецъ, всю къ чорту?

Громовъ. Къ дьяволу!

Жидровъ. Молодецъ! Теперь за чтожъ ему-то давать? (*Моня зываетъ на Задиралкина.*)

Громовъ. Разумѣется! (*Къ Задиралкину.*) Послушайте, Фролъ Иванычъ, берите съ него пятьсотъ рублей, мы согласны.

Задиралкинъ (*быстро*). На полтину-съ, ваше сіятельство?

Громовъ. На полтину.

Задиралкинъ. Очень хорошо-съ. (*Подходитъ стремительно къ Пугалову*). Они согласны. Пожалуйте деньги.

Пугаловъ. Благодаритель вы мой! по гробъ не забуду... (*Пожимаетъ ему руки и быстро идетъ малюго. Самсоновъ преслѣдуетъ его.*) Ты чего образина?

Самсоновъ. Ничего-съ. Я такъ...

Пугаловъ. Ишь брникъ, думаетъ что убьютъ! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ X

ТѢЖЕ безъ ПУГАЛОВА.

Громовъ. А и въ самомъ дѣлѣ чтобы не удралъ... Фадей! ты вый-ка, братецъ, на улицу.

Самсоновъ. Слушаю-съ. (*Быстро уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ XI

ТѢЖЕ безъ САМСОНОВА.

Задиралкинъ. Полноте, князь, какъ вамъ не стыдно!..

Громовъ. Да, толкуйте! Знаю я этихъ мошенниковъ-то купцовъ!..

Грипочка (*всторонь*). Господи, какой же онъ подлець-то!

Андрюша. Чтѣ ты орешь-то, дура? вѣдь онъ услышитъ.

Грипочка. Пуцай его слышитъ; я бы желала это.

(Ширамыжниковъ и Жидровъ прохаживаются и какъ невольныо заглядываютъ въ дверь нагѣво.)

Настасья Лукинишна (*подходя къ Громову*). Здравствуй-те-съ.

Громовъ (*холодно*). Ахъ, здравствуйте. Я васъ и не замѣтилъ.

Настасья Лукинишна. Александръ Петровичъ здоровъ ли?

Громовъ. Что ему дѣлается!..

Настасья Лукинишна. Вы его когда увидите?

Громовъ. Незнаю право. А на что вамъ?

(Степанида Панкратьевна подходитъ и вслушивается.)

Настасья Лукинишна. Подонитесь ему отъ меня, пожалуйста.

Громовъ. Хорошо-съ.

Настасья Лукинишна. Скажите ему, что мы увидимъ...

Громовъ. Чтожъ ему-то?

Настасья Лукинишна. Ахъ боже мой, да вы скажите только... онъ ужъ знаетъ.

Громовъ (*всторону*). Не воображаетъ ли эта рожа, что онъ влюбленъ въ нее?.. Ха-а! (*Ей*.) Хорошо-сь, я скажу ему.

Настасья Лукинишна. Да вы не позабудьте, сдѣлайте милость.

Степанида Панкратьевна. Не слушайте ее, ваше сѣтельство! Что она брешетъ... сама не знаетъ что.

Настасья Лукинишна. Не слушайте ее, ваше сѣтельство: она сама говоритъ чего не знаетъ.

Громовъ. Да хорошо-сь, хорошо-сь... (*Отходитъ всторону*.)

Степанида Панкратьевна (*къ дочери*). Ты помни это, мерзавка.

Настасья Лукинишна. Подите прочь, ненавистницы эдакія! Злячки! Разлучницы! Варвары!!

Степанида Панкратьевна. Ты не дери горло-то, безпутная! Что ты орешь-то? Хада!

Настасья Лукинишна (*толкая мать*). Убирайтесь!

Степанида Панкратьевна. Ты помни это, Наська! слышишь?

Настасья Лукинишна. Да убирайтесь къ чор.... говорю я вамъ! (*Расходятся*.)

ЯВЛЕНІЕ XII

ТѢЖЕ и ПУГАЛОВЪ (входитъ блѣдный съ деньгами. Ширавакинъ и Жандровъ отсиживаютъ отъ двери; входятъ и Самсоновъ.)

Пугаловъ (*дрожащимъ голосомъ*). Вотъ деньги-сь, пожалуй-те получить. (*Подходитъ къ столу*.)...

Громовъ (*къ Задиравилу*). Дайте мой вексель. (*Тотъ подаетъ*.) Вотъ онъ. Здѣсь восемь тысячъ; половина — четыре тысячи.

Пугаловъ (*глядитъ на него злобно*). Очень хорошо-сь... (*Разсматриваетъ вексель*.) Андрей! (*Андрюша прячется за Устимьяку*.) Андрей, поди сюда! (*Андрюша, выталкиваемый Устимьей, робко подходитъ*.) Этого? (*Показываетъ ему вексель*.)

Андрюша (*дрожа вслѣдъ тѣломъ*). Это...ть, та...ть... ка-сь.

Пугаловъ. Руки твои?

Андрюша. Мо...я...сь, та...ть... ка.

Пугаловъ. На-ка пашени, я слышу. *(Подаетъ ему бумагу. Андрей радостно смеется.)* Ладно, ступай.

Громовъ. Что же, будетъ ли концы-то? Видь вто чортъ знаетъ что такое!

Пугаловъ. Нельзя же-съ, мы люди торговлю; Извольте получить. *(Даетъ трепещущей рукой ему деньги.)*

Громовъ *(быстро считая)*. Нѣтъ ли тутъ фальшивыхъ?

Пугаловъ *(злбно улыбаясь)*. Вамъ лучше знать... Мы къ этому непривычны.

Громовъ. Что? Ты опять мнѣ дерзости говоришь!.. Скотъ! Свѣнья адака! *(Быстро уходитъ.)*

Пугаловъ *(ему вслѣдъ)*. Ограблять, да еще обругать... По-мещь адакой!

ЯВЛЕНИЕ XIII

ТѢЖЕ безъ ГРОМОВА.

Жидровъ и Ширамыжниковъ. Теперь намъ... *(Протрясаютъ руки.)*

Пугаловъ *(глядитъ на нихъ злбно)*. Друзья видно, пріятель... Сколько вамъ?

Жидровъ. Три тысячи *(Подаетъ вексель.)*

Пугаловъ. Извольте получить. А вамъ?

Ширамыжниковъ. Три тысячи *(Подаетъ вексель.)*

Пугаловъ. Окуратно вѣдъ какъ!.. Извольте получить. *(Глубоко вздыхаетъ.)*

(Жидровъ и Ширамыжниковъ быстро уходятъ, считая на ходу деньги; за ними уходятъ и Самсоновъ.)

ЯВЛЕНИЕ XIV

ТѢЖЕ безъ ЖИДРОВА, ШИРАМЫЖНИКОВА и САМСОНОВА.

Пугаловъ *(вслѣдъ имъ)*. Ограбили!.. Дьяволы! Душегубы! Антихресты!.. *(Къ Задиранкину)* Ну, теперь вамъ... Расплачивайся, Лука Дунячъ, расплачивайся!.. Мнѣ знать на роду ужь такъ намщасово... Охъ, тамого мнѣ, почтеннѣйшій... видить-бось мнѣ тамого! *(Вздыхаетъ, вслушивается на вслѣдѣмъ руки.)* Видь это

кровь моя, кровь!.. (*Утирает лужицы слезы*)! Господи! Чинись умереть бы легче было, чѣмъ такъ свою душу губить!.. Прими! грабителя! душегубца!.. (*Яростно хватая за руку Задиралкина*.) Ваше благородіе, добывалъ ли ты когда кровью деньги, а? Знаешь ли ты чего мнѣ стоитъ вотъ эти четыре остовшала, а?

Задиралкинъ. Не задерживайте, Лука Дунцовъ..

Пугаловъ (*ковытущая руки*). Не задерживайте!.. То-то братъ, знать никому дѣла нѣтъ до чужого кармана. Вотъ ты каковъ!.. А за что берешь, за что? скажи по чистой совѣсти, или совѣсть есть, а? (*Задиралкинъ отластывает матерьяльное доказательство*.) Что? знать, братъ, не понутру тебѣ такія рѣчи-то слышать, а? Проняло, почтеннѣйшій... коробить стало, а?

Задиралкинъ (*вырывает руку*). Послушайте, Лука Дунцовъ, вѣдь это... это обидно наконецъ.

Пугаловъ. Полно, мнѣй ~~заботиться~~, какая обида! Въ чемъ обида? Мы дѣло говоримъ, душу свою отводимъ... не ругаемся. Чай у тебя теперича душа-то въ пятку ушла, а? «Надуешь, думаешь, надругается... слова своего не сдержитъ?» Нѣтъ, ваше благородіе, ты объ насъ худо не думай. Мы тоже свою амбіцію имѣемъ... Хдша къ примѣру и не княжескаго роду, а чести своей не марали, подлецами еще не были... Богъ миловалъ. Держи руки-то! (*Даетъ ему деньги*.) За услугу много благодарны. Впередъ просимъ быть знакомыми.

Цыплятниковъ (*подходя съожившимся*). А мнѣ-то за труды... (*Протягиваетъ руку*.)

Пугаловъ. Чего? За какіе труды? что бумагу-то строчилъ, да въ яму хотѣлъ посадить... Вонъ? (*Цыплятниковъ и Задиралкинъ быстро уходятъ*.) Чернильня души!.. Жудики московскіе!.. (*Считаетъ деньги. Нѣсколько минутъ гробовое молчаніе. Все стоитъ какъ приговоренные къ смерти, вопросительно глядя другъ на друга*.)

ЯВЛЕНИЕ XV

Пугаловъ, Цыплятниковъ, Задиралкинъ и Цыплятниковъ.

Пугаловъ (*медленно, ковытущая следомъ окладываетъ деньги и тамъ же медленно подводитъ къ сыну, обдиравшему стилинскія нр члнчткн за мать. Стетилла да Валарднгова робота*

може). Ну , Андрей , мало миѣ теперича убить тебя !.. А ? (Смотритъ на него долго.) Долой ! (Срываетъ съ него повязку.) Чтѣ , подлецъ ? чтѣ мерзавецъ ?.. отца родного разорить хотѣлъ , въ яму посадить , по-миру пустить... а ? (Даетъ ему сильную пощечину. Андрюша вскрикиваетъ и присѣдаетъ , держась обѣими руками за щеку.) Въ солдаты отдамъ !.. въ острогъ сгоню !.. мерзавецъ ! грабитель мой !.. (Даетъ ему снова пощечину.) У-у анафема !!!

Степанида Панкратьевна. Лука Лукичъ , голубчикъ , не бой ты его , не бой !.. смилуйся , батюшка ! Своѣ вѣдь дѣтище-то... отецъ ты мой , пожалѣй ты его.

Гришочка. Тятенька , простите его ,.. голубчикъ , тятенька ! (хватаетъ его за руки)

Пугаловъ. Прочь бабы ! Теперь моя расправа будетъ... (хватаетъ за волосы сына)

Андрюша (падая отцу въ ноги). Тятенька... не гу...би...те !

Пугаловъ. Будь ты проклятъ !!!

(Степанида Панкратьевна и Гришочка вскрикиваютъ.)..

(Зававѣсь падасть)

И. ПОЛЕТАЕВЪ

ЛЮДОВИКЪ-ФИЛИПЪ

И ТРИ ДНИ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Людовикъ-Филипъ казался самымъ могущественнымъ королемъ въ свѣтѣ. Промышленная Франція видѣла въ немъ предъизбраннаго своего представителя. Буржуазія любила въ немъ самое себя. Семнадцать лѣтъ царствованія, нѣсколько разъ угрожаемаго, но всегда понапрасну, успѣли навести на него очарованіе, котораго у него недоставало при вступленіи на престолъ. Республиканцы пролили самую чистую свою кровь въ безплодныхъ возстаніяхъ. Легитимистская партія распалась. Преступная рука вооружалась нѣсколько разъ противъ коронованнаго героя 1830 г., но его окружало какое-то таинственное покровительство: все обращалось въ его пользу, начиная отъ адской машины Фіески (Fieschi) до ружья Алібо (Alibaud). Опираясь на значительную массу матеріальныхъ интересовъ, которые требовали отъ него и общали ему прочностъ, выбирая ловкихъ министровъ, влаѣи большинствомъ голосовъ въ обѣихъ палатахъ, счастливый въ своемъ многочисленномъ и блестящемъ семействѣ, которое увеличилось еще рожденіемъ внука, чего могъ опасаться Людовикъ-Филипъ? Удача его во всемъ была такова, что самые нетерпѣливые его враги откладывали свои надежды до дня его смерти, рассчитывая на затрудненія регентства и соперничества герцога немурскаго и герцогини орлеанской. Но в этотъ расчетъ былъ уничтоженъ крѣпкимъ здоровьемъ Людовика-Филипа и бодрою старостью. «Вы увидите, говоривалъ онъ своимъ приближеннымъ, — что я перешагну черезъ регентство.» Многие считали его канитъ-то необходимымъ условіемъ

всобщаго мира; руководителю новаго духа, челоѣвномъ судьбы и помысламъ «Нанасеомомъ мира».

Но вдругъ громадное это зданіе рушилось совершенно неожиданно. Въ одинъ прекрасный день Европа просыпалась узнаеть, что король французскій въ бѣгствѣ, что королевское семейство разсѣялось, что во Франціи республика, что переворотъ этотъ совершился въ одинъ часъ, что при совершеніи его небыло ни обложено тысячами мечей, ни пролито потоковъ крови.

Кто серьезно смотритъ на серьезные вещи, тотъ знаетъ, что подобныя происшествія имѣють всегда глубокіе корни.

Карлъ X палъ потому, что престолъ его опирался на фальшивомъ принципѣ: Людовикъ-Филипъ — потому, что престолъ не опирался на такомъ принципѣ.

И какажъ разница въ паденіи одного и другого!

Карлъ X въ 1830 г. не покинуть вѣщи, но побѣжденъ. Онъ не бросаетъ своей короны, ее у него отымають. Онъ не бѣжитъ, а уѣзжаетъ; уѣзжаетъ торжественно, съ остановками, по извѣстнымъ дорогамъ, окруженный своимъ семействомъ, среди народонаселенія, собиравшагося посмотреть на поѣздъ старой монархіи. Этому явию: комисары, избранные побѣдителями, сопутствуютъ ему. Въ Шербургѣ гвардія, провожавшая его, выстраивается на пристани и дозволеннымъ голосомъ прощается съ нимъ. Наконецъ, когда Карлъ X входитъ на корабль, долженствовавшій увезти его въ изгнаніе безъ конца, привязанные слуги обнимають его колѣни и пресать со слезами, какъ милости, разрѣшенія раздѣлить его будущія страданія.

Людовикъ-Филипъ напротивъ въ 1848 г. умираетъ отъ пустоты, образовавшейся вокругъ него. Если онъ палъ, то не потому, что у него были враги, а потому, что у него небыло друзей. Его не опрокидываютъ, а покидаютъ! Чувствуя свое безсиліе, и онъ снѣзять въ изгнаніе; но какъ? какъ преступникъ, потаенными дорогами, подъ чужимъ именемъ, переодѣтый!.. И къ довершенію униженія; всѣ эти предосторожности оказались совершенно лишними: бѣгущаго короля никто не думалъ преслѣдовать.

Гдѣ найти разгадку этого явленія? Посмотримъ каковъ былъ Людовикъ-Филипъ какъ челоѣкъ, какъ принцъ, какъ король.

Природа не одарила Людовика-Филипа ни однимъ изъ качествъ составляющихъ величіе. Сердце его съ ранней юности было закрыто для поэтическихъ стремленій, умъ — для обширныхъ идей. Онъ не зналъ ни увлеченій страсти, ни высокаго наслажденія самопожертвованія. Но въ немъ замѣчательно было собраніе второстепенныхъ качествъ, которыя къ несчастію съ лѣтами чередовались въ порокъ:

Благородствѣ преобразовалось въ кичливость. Парокливістьъ донесла до крайнихъ границъ. Знаніе людей, приобретенное лично и посредствомъ барабѣи съ несчастіемъ, донесло его, въ отношеніи общественаго рода, до чувства весьма пожежана на презрѣніе. Ложность его была скорѣе похоща на ложность гунда, хореше знающаго торговые обороты. Черту эту мы находимъ и въ Людовикѣ XI, но онъ имѣлъ оригинальнѣе и глубокое гевіе, котораго нѣтъ въ Людовикѣ-Филиппѣ.

Образованіе его было обширное и разнообразное, память удивительная, разговоръ пріятный и полный фактическаго содержанія. Онъ спалъ и пережилъ, видѣлъ столько людей, столько событий! Не былъ ли онъ почти современникомъ Вольтера, свидѣтелемъ рожденія революціи, подозрительнымъ гостемъ старшаго Тюмдеріоннаго дворца, членомъ клуба якобинцевъ, солдатомъ Каллермана, товарищемъ Димурье, учителемъ въ Швейцаріи, кандидатомъ на греческій и македонскій престолы, то бѣднымъ, едва добывающимъ свой хлѣбъ, то богачемъ, верочающимъ миліонами? Чья жизнь была такъ полна превратностями, въ эпоху столь полную событий! Но владіе этой романтической судьбы не могло воспламенить натуры, постоянно отказывавшейся отъ всякаго восторженія. Людовикъ-Филиппъ узналъ все, исключая того, что оплодотворяетъ познанія. Онъ говорилъ хорошо, но краснорѣчія въ немъ не было никогда; разговаривалъ пріятно, но никогда не произнесъ слова, которое бы пережило его. Онъ любилъ искусства, въ особенности архитектуру; но чувство прекраснаго было ему чуждо.

Прибавьте къ тому, что физическій человекъ совершенно соответствовалъ нравственному. Никакого величія въ осанкѣ, никакой гордости во взглядѣ, никакого блеску въ лицѣ. Манеры его, небудучи лишены нѣкотораго достоинства, никогда не были величественны; физиономія изображала доброту съ примѣсю хитрости.

И — странное дѣло! — въ этомъ монархѣ-мѣщанинѣ, въ этомъ конституціонномъ королѣ, въ этомъ человекѣ съ неаристократическими привычками, было много наследственнаго самолюбія, много чрезмѣрной щекотливости. Внутри своего дворца онъ любилъ гордиться о своихъ предметахъ, о своемъ родѣ. Была одна лесть, которая могла его тронуть и обмануть: это сравненіе его съ Людовикомъ XIV. Но и въ этомъ перекѣ видна была господствующая черта его натуры: въ его сердцѣ гордость происхожденія перерождалась въ чванство. Когда Карлъ X, низложенный съ престола въ 1830 л., долженъ былъ отправиться по дорогѣ въ Шербургъ, всѣ замѣтили, что онъ, перенося съ достоинствомъ свое несчастіе въ изгнаніе, не могъ терпѣть нѣмнорыкъ подробностей. Его возмущала

наибольшее отступленіе отъ этикета, тогда какъ за всю юбилейную отъ Базля совершено было развѣдушенъ; въ ивѣсткѣ Эгас (Aigle) приключены были сдѣлать четырехугольный отомъ, но старинному облачу двора, для обѣда монарха, который терзалъ государство. Таморъ былъ точно и Людовикъ-Филиппъ. Привязанность его къ тителазамъ ничтожествомъ царскаго достоинства была несподручна, де-висофрива. Онъ не могъ претити революціи 1830 г., революціи де-ной ему корону, уничтоженія въ гербѣ его древней ллии и слѣдующее писаніе, описанное нитъ 1 октября 1830 г. къ принцу Конне, де-намаметъ споманно отъ придивалъ значенія подробностямъ этикета:

—Нѣли, 1 октября 1830 г.

«Такъ какъ вы жааете знать, что будетъ сообщено мнѣ о церемоніи на которую мы приглашены, то я спѣшу сообщить вамъ, что мнѣ сказалъ вчера вечеромъ г. де-Брезе (Brézé) относительно благодарственнаго молебствія, которое должно быть совершено во вторникъ въ церкви Нотрѣ-Дамъ (Notre-Dame), по случаю рожденія герцога бордоскаго. Онъ мнѣ сказалъ, что короля не будетъ, но что несмотря на то мы должны считать какъ-будто онъ тамъ находится; что кресла его будутъ поставлены посреди нашихъ табуретовъ, которые всѣ будутъ на одной линіи съ подушкой передъ каждымъ; что всѣ девять табуретовъ будутъ совершенно одинаковы, равно какъ и полушки, и покрыты той же матеріей; что братъ короля поѣдетъ въ каретѣ съ герцогомъ ангулемскимъ, съ вами и со мной, и что наши кареты поѣдутъ тотчасъ передъ ихъ каретами. На этомъ основаніи я сказалъ г. де-Брезе, что я буду на церемоніи и приѣду во вторникъ въ десять часовъ утра къ брату короля. Я буду въ парадномъ мундирѣ, въ сапогахъ, съ лентой на платьѣ, и г. де-Брезе увѣдомитъ насъ, должны ли быть наши кареты заложены восемью лошадьми или парой, чтобы запряжка наша походила во всемъ на запряжку старшихъ принцевъ. Если онъ мнѣ ничего не скажетъ, то я прикажу заложить въ свою карету восемь лошадей. Герцогиня ангулемская повезетъ подобнымъ же образомъ всѣхъ принцевъ, которыхъ слѣдовательно будетъ пять въ одной каретѣ.

«Пользуюсь симъ случаемъ и т. д.

Л.-Ф. орлеанскій.»

При всемъ томъ у Людовика-Филипа были добродѣтели, которые при другой обстановкѣ блистали бы аркимъ свѣтомъ.

Волевымъ крабрость, — не та ольвая крабрость, жаждушая приключеній, черезъ которую человекъ или гибнетъ, или дѣлается героемъ, но крабрость систематическая, холодная, прометекающая, нитъ энергіи разсудка, нѣтъ твердости варавано смысла. Въ 1830 г. онъ

просто: преданнаго посѣщенія республиканскаго Чоло-Розса, — на судящій дель въ ратушѣ, послѣ того въ разсѣхъ: обстоятельстве, гдѣ смерть угрожала его жизни, — онъ называлъ себя выше всякаго страха. И его должно быть гнѣе замѣчено, что въ Людовикъ-Филиппъ небыло ни восторженности славы, ни религиозныхъ вѣрованій, ни сильныхъ страстей, которыя презирають опасность смерти. Одинъ разъ въ жизни можно было подуматъ, что имъ была дѣло малодушіе: это въ минуту его паденія. Было ли это разслабленіемъ старости? было ли это преувеличеніемъ наумленія, порожденнаго неадекватностью проницательности и всежиданностью опасности? было ли это отвращеніе къ пролитію крови? — предположеніе, которое, если его допустить, дѣлало бы честь его несчастію! «Приказаніе не стрѣлать носилось въ воздухъ», сказалъ впоследствии король. — Вѣрно только то, что поспѣшность, съ которою бѣжалъ Людовикъ-Филиппъ, поразила всѣхъ. Одно это удивленіе доказываетъ, какое имѣли мнѣніе о его храбрости.

Людовикъ-Филиппъ былъ въ полномъ смыслѣ человѣченъ — изъ теоретическаго уваженія къ неприкосновенности человѣческой жизни, изъ натуральной благосклонности и изъ философскаго убѣжденія. Воспитанный въ школѣ XVIII вѣка, почитатель Вольтера и рационалистъ, онъ любилъ терпимость отчасти какъ вольнодумецъ, отчасти какъ человѣкъ съ просвѣщеннымъ умомъ. Еслибъ чувство самосохраненія ему позволило, онъ непременно уничтожилъ бы эшафотъ, какъ Вольтеръ клеймилъ пытку.

Разсматривая домашнюю жизнь Людовика-Филиппа, мы не можемъ не сказать, что онъ былъ образцомъ отцовъ семейства. Правы его были въ высшей степени чисты, чему въ его домѣ мы находимъ мало примѣровъ. Совершенно свободный отъ ига религиозной строгости, онъ оказывалъ къ набожности жены своей трогательное снисхожденіе, которое никогда не измѣнило себя. Безъ всякой другой домашней поддержки, кромѣ совѣтовъ сестры Аделанды, принцессы одаренной глубокимъ умомъ, онъ управлялъ своими дѣтьми кротко и имѣлъ въ тоже время надъ ними сильное вліяніе, ловко предупреждая ихъ несогласія, за исключеніемъ развѣ послѣднихъ годовъ царствованія. Дѣти его, даже женатые, продолжали жить въ отцовскомъ дворцѣ и собирались такъ-сказать у одного очага.

Портретъ этотъ былъ бы неоконченъ, еслибъ мы къ пороченно-нечестиву Людовика-Филиппа не прибавили еще терпѣнія и спокойствія. Онъ называлъ время своихъ первыхъ министровъ, и особенно свидѣтельству одного замѣчательнаго писателя, который смужилъ ему вѣрно и зашифровать имѣть его память, Людовикъ-Филиппъ

лать говаривалъ охотно: «Я видывалъ и не то!» Но по свидѣтельству того же писателя, г. Кювилль-Флери (Cuvillier-Fleury), видно, что Людовикъ-Филипъ хлопоталъ слишкомъ много о своемъ спокойствіи, воздерживаясь отъ чтенія газетъ, старался добровольно не знать объ обвиненіяхъ изводимыхъ противъ него и устранилъ докучливыя картины. Кто чувствуетъ себя выше обвиненій, тотъ не старается не знать о нихъ и не лишаетъ себя удовольствія показать презрѣніе. Для человѣка, котораго цѣнать честные и умные люди, могутъ ли имѣть какое-либо значеніе привадки бѣшенства зависти, ярости посредственности, свистъ охланы въ бою! Есть враги, которые могутъ быть только полезны.

Людовикъ-Филипъ, герцога орлеанскій, родился въ Парижѣ 6 октября 1773 г., отъ отца-философа, впоследствии якобинца и царубійцы. Когда онъ достигъ пятнадцатого возраста, его отдали въ руки кавалера де Воннаръ (de Vonnard), эротическаго поэта; но собственно воспитаніе его было поручено г-жѣ де Жанлисъ (de Genlis). «Эмилъ» Жанъ-Жана Руссо былъ въ то время у всѣхъ въ рукахъ: г-жа Жанлисъ приказала учить молодого принца, кромѣ всего того, что составляетъ либеральное воспитаніе, ремеслу плотника и хирургіи. Такимъ образомъ она вооружила его противъ невѣжливости судьбы. Все возвѣщало въ Европѣ близкій переворотъ, и со времени предсказаній Руссо предзнаменованія умножились... Въ запискахъ своихъ г-жа де Жанлисъ не скрываетъ симпатій своихъ къ революціи, по крайней-мѣрѣ такой, какою ее воображали себѣ въ то время. *Гуссермантъка* называетъ въ числѣ друзей своихъ революціонеровъ: Талейрана (Talleyrand), Барера (Barère), Вуадела (Voidel), Петьюна (Pétion). Поэтому-то въ журналѣ Людовика-Филипа, когда онъ былъ еще герцогомъ шартрскимъ, видны слѣды идей, вызываемыхъ этими именами и которыми объясняются отношенія его къ клубу якобинцевъ. «Я объѣдалъ въ Мусео: На слѣдующій день отецъ мой согласился съ желаніемъ моимъ быть принятымъ въ клубъ якобинцевъ; г. де-Силлери (de Sillery) представилъ меня... Мнѣ много хвалили.» (1)

Въ 1791 г., будучи полковникомъ собственнакомъ четырнадцатаго драгунскаго полка, Людовикъ-Филипъ отправился въ Вандею. Начало его было счастливо. Онъ вырвалъ одного священника изъ рукъ разъяренной черни, спасъ утопавшаго человѣка и могъ записать въ своемъ журналѣ: «Что за день! Я ложусь доволенъ собой.»

Говорили много и различно о весеннихъ поприщѣ Людовика-Филипа. Батвы подъ Вальми и Жемманъ дали обширное поле лести и

(1) Journal du duc de Chartres.

приспичивать. Мы окажемъ только, что данъ солдатъ, какъ доказатель качества, которыя впоследствии заставили считать его какъ принца: твердость, хладнокровіе, духъ наблюдательности, рѣдкую способность приравливаться къ обстоятельствамъ, привычку самоотверженія, храбрость, которая не бросается впередъ, но выжидаетъ.

Если мы перенесемъ въ ту эпоху, то увидимъ, что подобныя качества были весьма драгоценны. Волненіе народное въ лагеряхъ; дисциплина въ борьбѣ со страстью независимости, возбуждаемою революціей; генералы, постоянно подозреваемые въ измѣнѣ и которыми угрожали смертью солдаты, вышедшія изъ демократическихъ предѣловъ Париза; со стороны непріятеля старая шайка Фридриха, подъ начальствомъ полководца, восставшаго въ хорошей ималѣ; со стороны французовъ — погущешенная толпа, войско и народъ вѣсть, — войско, которымъ нужно было управлять съ твердостью, народъ, котораго должно было опасаться и беречь: вотъ какими представляются жоторіи поколы 1791 и 1792 годовъ. Пока лодъ Вальми гремѣла пушка, въ Парижѣ провозглашали республику, такъ что курьеры, везшіе эти два вѣстія, встрѣтились на сородинѣ дороги. Спереди была война, сзади и вокругъ ревушая революція!

Для ошцера, котораго титулъ принца дѣлалъ подозрительнымъ въ глазахъ демократовъ въ мундирахъ, положеніе было весьма трудное. Но Людовикъ-Филипп сумѣлъ преодолѣть его.

Между тѣмъ революція шла впередъ: жаданъ декретъ женевы Бурбонвъ; начался процессъ Людовика XVI; приговоръ пронаосить, и какъ всѣ знаютъ — въ кровавую урину вѣсть съ именемъ Робеспьера пало и имя орлеанскаго. Людовикъ-Филипп оставался при своемъ полку... Но море подымалось, подымалось... и когда оно приблизилось къ нему, онъ бѣжалъ.

Съ этой минуты до 1814 года жила Людовика-Филиппа представляеть странную смѣсь великихъ несчастій и романтическихъ приключеній. Скрывался въ Швейцаріи, онъ избѣгаетъ именитыя ошбывцевъ, чтобы встрѣтить месть эмигрантамъ. Царственный бродяга, лишій знатнаго рода, онъ долженъ скрывать свое происхождение, добывать себѣ хлѣбъ насущный. Сегодня онъ секретарь генерала Монтезю (Montesquieu) и носитъ фамилію Корба (Corbu); завтра проессоръ въ коллегіумѣ въ Рейхенау и заступаетъ мѣсто Шателатура. Преслѣдуемый подозрительной директоріей, онъ перѣбѣгаетъ въ Америку. Его возвращеніе въ Европу, прибытіе въ Фальсбургъ въ 1800 г., пребываніе въ Таппенбургѣ, чередъ въ Мамму, посѣщеніе въ Сициліи короля Фердинанда, котораго онъ дѣлается зятемъ; предложеніе, къ счастью непрінятое, сражаться въ Испа-

ни противъ Наполеона; престолъ, котораго онъ жаждалъ втеченіе пятнадцати лѣтъ и добылъ въ три дня, наконецъ семнадцать лѣтъ царствованія — вотъ главныя черты Олиссей, которой подобной мы нигдѣ не находимъ, въ особенности если дополнимъ ее простымъ словомъ: *Кларемонъ*.

II

Царствованіе Людовика-Филипа долго обращало на себя вниманіе и занимало Европу; оно имѣло вліяніе на одну изъ первыхъ вѣщій въ свѣтѣ, вліяніе, которое и теперь еще продолжается; Людовикъ-Филипъ произвелъ глубокую перемѣну какъ въ развитіи матеріальнаго благосостоянія Франціи, такъ и въ условіяхъ ея нравственной жизни. А потому хулить ли его, или хвалить, проклинають или проклинають — значеніе его выше всякаго спора и онъ долженъ неотмѣнно занять мѣсто въ памяти людей.

Людовика-Филипа упрекають:

что онъ заигрывалъ все грубой религіею матеріальныхъ интересовъ;

что онъ не былъ разборчивъ въ выборѣ средствъ управленія;

что онъ слишкомъ много думалъ объ обезпеченіи своего семейства.

И впервыхъ нѣтъ возможности опровергнуть, что Людовикъ-Филипъ явно поклонялся деньгамъ. Когда онъ получилъ корону, какая была его первая мысль? Отдѣлать въ себѣ богатаго человѣка отъ короля. Какое было его первое желаніе? Перевести на дѣтою своихъ помѣстья, которыя, по незапамятному обычаю французской монархіи, должны были быть присоединены къ имуществу короны. Изъ всѣхъ европейскихъ государей Людовикъ-Филипъ былъ, какъ извѣстно, едвали не самый богатый. 86,000 гектаровъ, дающихъ дохода около 4,000,000, великолѣпные замки, какъ на примѣръ замокъ Нельм, обширные парки, какъ на примѣръ Монсо (Monceaux), 325000 франковъ ежегоднаго дохода съ акцій каналовъ, болѣе 100,000 франковъ дохода съ государственныхъ облигацій и огромное количество цѣнной движимости — вотъ состояніе которое, по самой строгой оцѣнкѣ, оставилъ послѣ себя Людовикъ-Филипъ. Онъ могъ бы съдовательно воздержаться немного отъ жажды копить. Но нѣтъ: копить было въ его глазахъ королевскою добродѣтелью. Пробѣгите его частныя счета, добытые изъ секретнаго архива послѣдняго правительствія, и вы увидите, что онъ обращалъ на покупку акцій всѣ суммы, отпущаемыя въ его распоряженіе.

Должно однако сознаться, что любовь къ деньгамъ не препятствовала Людовику-Филипу дѣлать расходы, которые онъ считалъ необходимыми въ политическомъ отношеніи. Въ важныхъ случаяхъ иностранцы не могли жаловаться на его гостеприимство; онъ умѣлъ давать истинно царскіе праздники и кромѣ того создалъ версальскій музей. Случайная щедрость не препятствуетъ ежедневному скрапничеству.

Такимъ образомъ Людовикъ-Филиппъ обожалъ деньги не какъ человѣкъ помѣшанный на скупости, а какъ холодный математикъ любитъ цифры, какъ человѣкъ, которому опытъ доказалъ могущество богатства и силу, которую оно даетъ въ управленіи людьми. Несчастье возвышаетъ только великія души; Людовикъ же Филиппъ вынесъ изъ своего опыта одно систематическое презрѣніе къ человѣческому роду. Онъ далъ своему правительству тѣже правила, которыя имъ руководили въ домашней жизни; видѣлъ во всѣхъ страсть, которую ощущалъ въ самомъ себѣ, а потому льстилъ ей, поощрялъ ее и употреблялъ въ свою пользу. Это были сѣти, которыя Людовикъ-Филиппъ разставилъ на чужія совѣсти. Нравственность интереса была громко проповѣдуема, почти офиціально; материализмъ сѣлъ на престолѣ.

Вотъ что изъ этого вышло:

Желаніе благоростанія, страшно возбуждаемое, дѣлало чудеса. Со всѣхъ сторонъ начали строить машины, прорѣзывать дороги, заводить магазины, разрабатывать желѣзо, рыть землю. Нетерпѣніе составить состояніе породило полезныя открытія, указало на неразработанныя источники. Промышленность развилась. Торговля расширилась.

Но съ другой стороны какое нравственное растлѣніе!

Все сдѣвалось предметомъ торговли: и репутація, и слава, и честь, и добродѣтель. Слова: *каждый для себя, каждый у себя* (*chacun pour soi, chacun chez soi*), выражали и заключали всякую мудрость, всякую науку. *Обдѣлывать свои дѣла* было единственнымъ занятіемъ. Религія — дѣло; политика — дѣло; философія, литература, искусство — дѣла. Сколько писателей открыли лавочки и продавали тамъ свои мысли и убѣжденія! Была минута (кто ее не помнитъ?) когда во Франціи говорили только о покупкѣ акцій безъ денегъ, о полученіи дивиденда, премій, о регулярной покражѣ милліоновъ. Вербовать акціонеровъ для разработки несуществующей мины, обмануть при помощи фальшиваго открытія — называлось *идать идеи*. Поставилъ на сцену, вѣроятно какъ страшную шутку, Робертъ Макеръ (Robert Macaire), отвратительное олицетвореніе господствовавшего духа: весь Парижъ бѣгалъ смотрѣть на пьесу, въ ко-

торой осмѣливались родительская нѣжность, сыновняя привязанность, дружба, самоотверженіе, любовь, и весь Парижъ оставался доволенъ. Продажные избиратели предлагались цѣлыми толпами: знаменитый процессъ доказалъ, что были избираемые, которые этии пользовались. Каждый старался быть депутатомъ только потому, чтобы получить мѣсто или какое-нибудь пожалованіе. Подъ конецъ царствованія, какбы для объясненія его и представленія его перечня, одинъ изъ придворныхъ чиновниковъ бѣжить, обвиненный въ кражѣ; одного князя судятъ публично за поддѣлку; министра осуждаютъ за подкупъ, пера Франціи — за убійство.

Тогда-то вышла на поверхность, во всей своей наготѣ, гангрена пожиравшая высшіе слои общества; все что требовало уваженія, было унижено съ позоромъ; почести и блескъ положенія украшали ложнымъ своимъ свѣтомъ подкупъ, обманъ и каждое нравственное бѣдствіе. Народная совѣсть возмутилась. Произошла сильная реакція народной чести противъ развратителей и развращенныхъ. За нерасположеніемъ послѣдовало презрѣніе.

Мы далеки отъ того, чтобы утверждать, что все это было исключительнымъ дѣломъ Людовика-Филиппа; онъ не создалъ всего этого, но былъ представителемъ окончательнаго вывода...

Какое-то грустное безпокойство овладѣло всѣми; хотя еще не предвидѣли, но уже предчувствовали страшную развязку. Консерваторы говорили тихо, что Людовикъ-Филиппъ старѣется, что взгляды его уже не такъ вѣрны, что онъ упорствуетъ все болѣе и болѣе въ своихъ заблужденіяхъ. Молчаніе министра Гизо подтверждало это мнѣніе, облегчавшее иногда его отвѣтственность. Многіе разсуждали, непринуждая себя, о послѣдствіяхъ смерти короля; другіе опасались неурядицы, которую могло породить оспариваемое регентство. Внезапная смерть принцессы Аделаиды казалась предзнаменованіемъ несчастныхъ дней для династїи. Всѣмъ извѣстно какое участіе она принимала въ совѣщаніяхъ, происходившихъ вокругъ престола; зная два тайныя мысли Людовика-Филиппа, принцеса Аделаида съ самой іюльской революціи играла важную роль въ тульерійскомъ дворцѣ. Женщина ловкая и рѣшительная, она во время революціи сдѣлала первый смѣлый шагъ, на который Людовикъ-Филиппъ былъ неспособенъ, и такъ-сказать втолкнула его на престолъ. Кромѣ того она была для короля тайнымъ посредникомъ въ сложныхъ и щекотливыхъ сношеніяхъ его съ политическими людьми. Смерть ея оставила пустымъ мѣсто, котораго никто не могъ занять. Такъ какъ принцеса Аделаида была только четырьмя годами моложе Людовика-Филиппа, то смерть ея казалась предостереженіемъ.

За нѣсколько времени до этого многие начали говорить и о несогласіяхъ въ королевскомъ семействѣ. Умиленіе, которое оно возбуждало въ буржуазіи въ 1830 г., уступило мѣсто ѣдкимъ замѣчаніямъ. Повторяли, что король присматриваетъ за своими дѣтьми съ большою подозрительностью: онъ опасался ихъ популярности и держалъ въ строгой зависимости. Помня о вліяніи, какое имѣлъ кругъ его въ царствованіе Карла X, Людовикъ-Филиппъ опасался, чтобы гостиныя молодыхъ принцевъ не сдѣлались средоточіемъ оппозиціи. Чрезмѣрная набожность королевы служила, какъ и во многомъ другомъ, политикѣ мужа, котораго она почитала безгранично. Вокругъ рабочаго стола Маріи-Амеліи строгій этикетъ собиралъ каждый вечеръ молодыхъ принцевъ; смертная скука морозила эти собранія, изъ которыхъ веселье было изгнано какъ вещь неприличная. Одна герцогиня орлеанская по праву своего положенія увольняла себя иногда отъ этихъ собраній. Нелюбимая королемъ, который находилъ, что она слишкомъ умна, нелюбимая королевой за ея протестантизмъ, мало любимая другими принцессами вслѣдствіе серьезнаго ея характера и принимаемаго ей честолюбія, мать наследника престола держала себя въ сторонѣ. Воспитаніе двоихъ сыновей занимало почти все ея время. Несмотря на то, что за герцогиней наблюдали и подозрѣвали ее, она умѣла поддерживать вѣкоторыя политическія сношенія и всячески старалась, чтобы народъ узналъ ее.

Ежели Людовикъ-Филиппъ слишкомъ уважалъ герцогиню орлеанскую, чтобы ее полюбить, за то съ другой стороны онъ уважалъ слишкомъ мало герцога немурскаго, чтобы посвятить его въ тайны своей политики. Будущій регентъ былъ чуждъ тому, что совершалось вокругъ него и не пользовался никакой популярностью; напротивъ антипатія однихъ, равнодушіе другихъ составляли вокругъ принца какою-то пустоту.

Герцогъ Монпансье, младшій изъ сыновей короля, гнался именно за тѣмъ, что презиралъ братъ его, герцогъ немурскій; онъ любилъ шумъ, покровительствовалъ — немного безъ разбору — артистамъ, писателямъ, въ особенности же журналистамъ.

Болѣе прилежный, болѣе привязанный къ своимъ обязанностямъ, герцогъ омальскій, женатый на неаполитанской принцессѣ, женщиной обширнаго ума, имѣлъ серьезныхъ партизановъ. Что касается принца жоанвильскаго, то онъ пользовался въ странѣ, въ особенности между моряками, дѣйствительной популярностью. Всѣ знали, что принцъ, болѣе чѣмъ который-нибудь изъ его братьевъ, ненавидитъ деспотизмъ отца, хулитъ его политику и встрѣчаетъ часто гибель короля словами голой истины. Когда онъ отпра...

въ Алжиръ въ герцогу омаьскому, назначенному губернаторомъ наместо маршала Бюжо (Bugeaud), всѣ говорили, что онъ посланъ въ изгнаніе, чтобы искупить слишкомъ смѣлыя слова; нѣкоторые повторали даже о соперничествѣ между нимъ и герцогомъ немурскимъ, соперничествѣ, которое несмотря на вѣшательство принцессъ Аделаиды и Клементины (1), заставило принца жоанвильскаго пристать къ партіи герцогини орлеанской и потребовало его удаленія.

Какія же были послѣдствія всего вышесказаннаго? Когда настала роковой часъ, почти ни одинъ голосъ не поднялся съ энергіей въ защиту Людовика-Филипа; онъ встрѣтилъ едва одну дружественную руку; придворные льстецы разбѣжались; капиталисты стали въ сторонѣ; солдаты или отказались драться, или дрались противъ убѣжденія; національная гвардія склонилась открыто на сторону возмущенія. Старикъ-король взглянулъ вокругъ себя: онъ былъ совершенно одинъ, потерялъ смѣлость, а за нею и власть. Паденіе его было отчасти собственнымъ его дѣломъ.

Впрочемъ паденіе это предвѣщалось ясными симптомами, въ особенности на банкетѣ въ Дижонѣ, слухъ о которомъ разнесся по Франціи съ быстротою молніи. Тамъ въ присутствіи 1300 приглашенныхъ работниковъ, фабрикантовъ, купцовъ, чиновниковъ, разлались слова, которыя Ламартинъ въ близоручкомъ своемъ безпокойствѣ называлъ «набатовъ общественнаго мнѣнія».

Въ Лиллѣ за нѣсколько времени до этого Ледрю-Ролленъ сказалъ:

«Иногда высыхающія лужи водъ Нила, разлагающіяся по его берегу растенія портятъ воздухъ и приносятъ заразу; но пусть придетъ наводненіе — и рѣка въ своемъ могущественномъ теченіи смоетъ всѣ эти нечистоты и оставитъ по берегамъ задатки плодородія и новой жизни.»

На банкетѣ въ Дижонѣ Ледрю-Ролленъ и Флоконъ повторили подобныя же слова и никто не удивился, услышавъ слѣдующую рѣчь Луи-Блана:

«...Невидимая сила сѣетъ въ высшихъ слояхъ унижительноя происшествія. Неожиданные случаи безумія, постыдныя паденія, преступленія, отъ которыхъ волосы становятся дыбомъ, непонятныя самоубійства — поражаютъ изумленіемъ общественное мнѣніе. Общество, столь благолепствующее повидимому, начинаетъ беспокоиться и спрашиваетъ, что за скрытый ядъ пробѣгаетъ по его жилъ. *Растльміе* — вотъ слово, рисующее нашу эпоху.»

(1) Принцесса Клементина — третья дочь короля, супруга принца кобурнаго.

Это происходило въ концѣ декабря; въ концѣ февраля, едва спустя два мѣсяца, ураганъ разразился...

Реформистскіе, радикальнѣе и даже коммунистическіе банкеты повторялись непрерывно въ департаментахъ. Министерство смотрѣло сквозь пальцы на это отдаленное волненіе и по привычкѣ Парижа, не обращало вниманія на мнѣнія провинціи. Но объявленіе объ ишлющемъ быть банкетѣ въ двѣнадцатомъ округѣ столицы показало серьезной угрозой и префектъ полиціи запретилъ его.

Комиссія банкета отвѣчала, что распоряженіе префекта полиціи незаконно и самопроизвольно, и объявила, что банкетъ долженъ состояться. Комитетъ *Реформы* потребовалъ, чтобы онъ имѣлъ мѣсто именно въ двѣнадцатомъ округѣ, въ предмѣстіи Сень-Марсо, посреди волнующагося уже населенія, которое повлекло бы манифестацію за предѣлы законности. Намѣреніе это было явное. Собраніе депутатовъ устранило тотчасъ подобное намѣреніе и комиссія банкета, находившаяся подъ вліяніемъ Одилона-Барро, какъ представителя партіи оппозиціи, не знала на что рѣшиться. Между тѣмъ время уходило. Парижане, любители зрѣлищъ и волненій, терпѣніе; республиканцы разсѣвали въ народѣ подозрительныя слухи и представляли нерѣшительность Одилона-Барро какъ измѣну. Всякій вечеръ на улицахъ собирались шумныя толпы. Каждый часъ, потерянный реформистской оппозиціей, былъ выигрышемъ для революціи.

Наконецъ 19 февраля появилось въ газетахъ объявленіе, что банкетъ будетъ во вторникъ, 22 числа. Вслѣдъ за объявленіемъ напечатанъ манифестъ комиссіи банкета, составленный безъ вѣдома Одилона-Барро, подъ вліяніемъ волненія виѣшняго, гораздо болѣе революціоннаго чѣмъ полагали сначала; комиссія приглашала національную гвардію и училища участвовать въ манифестаціи.

При чтеніи этого манифеста изумленіе консервативной партіи и конституціонной оппозиціи не имѣло границъ. Министерство тотчасъ отвѣтало:

- 1) прокламаціей къ жителямъ Парижа, приглашая ихъ воздержаться отъ всякой манифестаціи;
- 2) постановленіемъ, припоминающимъ законъ 1790 г. и воспрещающимъ банкетъ;
- 3) распоряженіемъ противъ сборищъ;
- 4) прокламаціей генерала Жакмино (Jacquemin), воспрещающей національной гвардіи собираться безъ законнаго созванія.

Въ виду подобныхъ распоряженій правительства умѣренная оппозиція хотѣла не участвовать въ манифестаціи. Противнаго мнѣнія

были: Ламартинъ, Альтонъ-Ше (Alton-Shée), Гаркуръ (d'Harcourt), Лербетъ (Lherbette) и нѣкоторые другіе.

21 числа вечеромъ коммиссія банкета пришла уничтожить одѣланные приготовленія.

Въ тоже время избирательный комитетъ второго округа составилъ тезиску, намечатанную на слѣдующій день въ газетахъ, въ которой оуждалось принятое рѣшеніе и требовалось увольненіе депутатовъ, — единственной мѣры, могущей удовлетворить общественносіе. Республиканская партія совѣщалась въ конторѣ Рефурми. Одни, къ числу которыхъ принадлежали Ледро-Роленъ, Араго, Косидоръ (Cassidière), Лагранжъ (Lagrange), совѣтовали воспользоваться обстоятельствами и вѣстись за оружіе; другіе, какъ-то Лун-Бленъ и Флоконъ, опасались стычки, находя силы слишкомъ неравными. Совѣщатели разошлись непорѣшивъ ничего. Самыя сильныя отправки въ предмѣстія, чтобы лично удостовѣриться въ какой степени взволнованъ народъ.

Между тѣмъ во дворцѣ господствовало веселье. На истойчивыя предостереженія Людовикъ-Филипъ отвѣчалъ одними сарказмами. Должалъ преемста Рамбюто (Rambuteau), сообщавшаго весьма тревожныя свѣдѣнія, былъ отложенъ на нѣкую недѣлю, чтобы, какъ говорилъ король, онъ могъ покаяться въ своемъ ребяческомъ страхѣ. Маршала Жерара (Gérard) ⁽¹⁾ встрѣтилъ подобный же приемъ.

Какъ-будто въ оправданіе безвѣности короля, ему сообщили вскорѣ, что Одилонъ-Барро и друзья его, опасаясь подвергнуть правительству стыду, отказались отъ банкета. Невозможно описать впечатлѣнія, какое извѣстіе это произвело въ Тюльери. Придворныя хохотали. Королева была въ восторгѣ. Король пожималъ руки всѣмъ министрамъ; давно онъ небылъ столь веселъ, въ такомъ ударѣ. Нѣкоторые пробовали заговорить съ нимъ о волненіи на улицѣ; «но это было ничто, пустяки — говорили придворныя: — человекъ двадцать мальчишекъ читають распоряженіе противъ сборищъ. Прокаленные остаются, не зная что это значить, но расходятся тотчасъ по прочтеніи. Впрочемъ и военныя мѣры приняты самыя строгія.»

III

Погода пасмурная, небо покрыто сѣрыми тучами, дуетъ холод-

(1) Во вторникъ поутру, 22 февраля, король написалъ маршалу записочку, для успокоенія его, уведомляя, что прошествія принимаютъ самый счастливый оборотъ.

ный и сырой вѣторъ. Парижъ просыпается безпокойный, волнующий неясными надеждами и опасеніями.

Нераздѣляя безопасности короля, министры далеки однако отъ пониманія важности совершающихся происшествій. Революція 1830 года приходитъ имъ правда на память, но въ видѣ науки, а не угрозы. Они надѣются избѣжать ошибокъ, въ какія попалъ Польша; предусмотрительность Гизо спасетъ и возстановитъ все.

Проектъ полиціи Делессаръ, человекъ дѣятельный, преданный, умный, будучи уведомленъ ежедневно черезъ тайныхъ агентовъ о заговорахъ противъ Людовика-Филиппа, держитъ въ рукахъ слезки много нитей и знаетъ не одну тайну; онъ располагаетъ муниципальною гвардіей и городскими сержантами, двумя отрядами отличной организованности (*). Возможность возстанія и послѣдствія борьбы рассчитаны съ точностью. Планъ защиты, который наводитъ совершенствомъ стратегическаго искусства, окружаетъ Парижъ стѣною штыковъ, могущихъ по первому сигналу задуть возстаніе.

Новый планъ отъ составленъ маршаломъ Жераромъ и извѣстенъ въ арміи подъ именемъ дневного приказа 25 декабря. При немъ весьма простое и вѣстѣ съ тѣмъ весьма ученаго расчета, свободное движеніе и сосредоточеніе почти мгновенное огромныхъ силъ въ самыхъ населенныхъ кварталахъ Парижа производится такъ же легко какъ и въ открытомъ полѣ.

Два сына короля будутъ воодушевлять своимъ присутствіемъ войско, котораго духъ очень хорошъ, говорятъ. Герцога немурскій назначенъ главнымъ начальникомъ арміи. Генералъ Себастьянъ командуетъ дивизіей и снесется въ случаѣ надобности съ генераломъ Жакмино, командующимъ національною гвардіей. Впрочемъ предпочитаютъ не прибѣгать къ помощи милиціи: ей не довѣряютъ.

Съ семи часовъ утра многочисленныя толпы народа показываются на улицахъ. Онѣ состоятъ изъ ремесленниковъ, которые не идутъ на работу, изъ женщинъ, дѣтей и любопытныхъ, вызванныхъ слухами о банкетѣ. Дѣйствительно ли онъ отъмененъ? Стоитъ ли онъ? приметъ ли въ немъ участіе національная гвардія? прибѣгнетъ ли правительство къ силѣ? будутъ ли защищаться? Пойдемъ, посмотримъ! Вотъ фразы, которыя слышатся въ толпѣ, и поемному бульвары, площадь Согласія (Concorde) и въ особенности площадь Магдалины (de la Madeleine), гдѣ назначено было первоначально мѣсто собранія подписчиковъ на банкетъ, напол-

(* Мунципальная гвардія состояла изъ 3200 человекъ, въ томъ числѣ 600 кавалерій.

нартомъ народомъ. Нестерпиміе написаніе на всѣхъ лицахъ. Вскорѣ продолжительное ожиданіе, при холодномъ туманѣ, дѣлается весьма неприятнымъ. Изъ журналовъ узнаютъ объ отступленіи оппозиціи. Войска фовидно. Солдаты караула при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ безъ ружей смотрятъ спокойно на всю собравшуюся толпу. Никто не знаетъ что думать объ этомъ молчаливомъ движеніи, которое казалось, какъ и было въ дѣйствительности, неизмѣло ни цѣли, ни плана. Бьетъ одиннадцать часовъ. Два взвода муниципальной гвардіи пробѣгаютъ рысью черезъ площадь Согласія и направляютъ къ Елисейскимъ полямъ. Они посланы убрать приготовленія къ банкету. Въ то же время сильные отряды двадцати перваго армейскаго полка появляются съ лѣвой стороны площади Магдалины и отходятъ по направленію шоссе. Изъ встрѣчаетъ непріятельскій ролотъ.

Но тише! что это за голоса слышатся въ отдаленіи? что это за шорохъ; хорошо знакомая, приближается къ намъ? Это марсельеза, вечернюю завыль человекъ семьсотъ студентовъ, поднявшихся вдругъ на площади. Они обходятъ два раза церковь; народъ двигается за ними черезъ площадь Согласія къ Пале-Бурбону. Изъ сборища любознательныхъ и праздныхъ людей присутствіе студентовъ дѣлаетъ политическую манифестацію.

Недавня еще себѣ отчета въ своемъ намѣреніи, толпа подвигается впередъ. Она проходитъ безпрепятственно черезъ площадь Согласія; у входа на мостъ ее встрѣчаетъ отрядъ муниципальной гвардіи и заграждаетъ путь штыками. Изъ толпы выбѣгаетъ молодой человекъ, растегиваетъ жилетку и съ голой грудью бросается впередъ: «Стрѣляйте!» говоритъ онъ. Изумленные солдаты колеблются. Народъ напираетъ и проходитъ черезъ мостъ: первый усвѣхъ, воодушевившій всю массу. Толпа разсыпается по набережной, перелѣзаетъ черезъ рѣшотки, вбѣгаетъ на лѣстницу подъѣзда дворца Бурбонъ. Самые смѣлые или самые предприимчивые проникаютъ въ коридоры. Караулъ національной гвардіи, поставленный для охраненія депутатовъ, отталкиваетъ смѣльчаковъ скорѣе убѣжденіемъ, чѣмъ силой. Кремьё (Crémieux) и Мари (Marie) встрѣчаютъ студентовъ, просятъ ихъ быть умѣренными и общаются, что министерство дастъ отчетъ въ своемъ образѣ дѣйствій; но толпа, вслушавъ этихъ примирительныхъ словъ, сгущается вокругъ дворца. Начинаютъ опасаться, что она завладѣетъ палатой. Вдругъ изъ казармъ набережной Орсе (d'Orsay) выѣзжаетъ эскадронъ драгунъ и съ обнаженными палашами бросается на народъ; встрѣчая однако безоружныхъ людей, видя лица болѣе испуганныя чѣмъ грозныя, офицеръ приказываетъ остановиться. «Vive les dragons!» восклицаетъ

дасть народъ, и солдаты очень вѣжливо отделиють толпу, которая снова собирается на площади.

Что дѣлають въ это время законодательныя палаты? Въ люксембургскомъ дворцѣ перы отвергаютъ съ презрѣніемъ предложеніе Боасси (Boissy) — потребовать отъ министерства объясненій о *настоящемъ положеніи столицы*. Во дворцѣ Бурбонъ, когда возмущеніе находится уже у его дверей, депутаты разсматриваютъ проектъ закона о банкѣ въ Бордо. Немного горечи, нѣсколько язвительныхъ выраженій примѣшивается къ этимъ преніямъ, но ничто не предвѣщаетъ болѣе важныхъ заботъ; и когда въ концѣ засѣданія Одилонъ-Барро проситъ президента прочесть палатѣ представленное имъ предложеніе, на устахъ Гизо появляется саркастическая улыбка. Министръ встаетъ, пробѣгаетъ бумагу, заключающую въ себѣ актъ обвиненія его и садится на прежнее мѣсто. Каждый можетъ читать на лицѣ его состраданіе, возбужденное столь торжественной глупостью. Президентъ объявляетъ совершенно равнодушно, что предложеніе будетъ представлено въ *следующій четвергъ* на разсмотрѣніе отдѣленной палаты. Пренія кончились. Было около четырехъ часовъ.

Съ двухъ часовъ пополудни войско охраняло палату. Батальонъ пѣхоты расположился на площади дворца Бурбонъ. Въ улицѣ Бургонъ поставили двѣ пушки. Со всѣхъ сторонъ видны отряды пѣхоты, эскадроны стрѣлковъ, драгуновъ и муниципальной гвардіи. Генералъ Перро наблюдаетъ за этими распоряженіями.

Толпа, отброшенная на площадь Согласія, остается въ нерѣшительности, въ какомъ-то ожиданіи. Даютъ приказаніе муниципальной гвардіи разогнать ее. Этотъ избранный отрядъ состоялъ изъ людей испытанныхъ и получающихъ огромное содержаніе; армія завидовала его преимуществамъ, народъ не могъ его терпѣть за лежащія на немъ полицейскія обязанности. Дисциплина въ немъ была чрезвычайно строгая, приказанія исполнялись съ величайшею точностью. Изъ частыхъ столкновеній съ парижскимъ населеніемъ проистекла взаимная вражда, которая при настоящихъ обстоятельствахъ могла только ускорить непріязненные дѣйствія, тогда какъ вмѣшательство національной гвардіи подѣйствовало бы на народъ гораздо примирительнѣе. Муниципальная гвардія прорѣзала себѣ дорогу съ палашомъ въ рукахъ, опрокидывая и нанося даже раны старикамъ и женщинамъ, которые не могли бѣжать. Достаточно было нѣсколькихъ подобныхъ атакъ, чтобы очистить площадь; во втеченіе трехъ послѣдовавшихъ дней муниципальная гвардія дорого заплатила за приключившуюся здѣсь смерть старухи и пролитую кровь смертельно раненаго работника.

На Елизейскихъ полахъ сборища не уступали, несмотря на повторившіяся атаки. Уличные мальчишки свистали и подсмѣивались надъ муниципальной гвардіей; многіе бросали въ нее камнями. Драгуны проѣзжали мелкой рысью, но не останавливали никого, тогда какъ муниципальная гвардія биле безъ пощады и проводила частые аресты. Что касается армейской пѣхоты, то она присутствовала при этихъ сценахъ пока еще въ качествѣ зрителя. Около трехъ часовъ толпа работниковъ появилась со знаменемъ въ Авеню-Мариньи, вблизи самаго караула, солдаты котораго не успѣли закрыть вовремя рѣшотки. Нежелая прибѣгать къ оружію, они отступили. Одинъ изъ рабочихъ воткнулъ здѣсь свое знамя. При видѣ этого знамя побѣды сбѣжались мальчишки и подожгли деревянный домикъ караула; вскорѣ воротилось войско и толпа разбѣжалась безъ особеннаго сопротивленія. На лѣвомъ берегу рѣки броженіе было немаловажное: толпа, въ которой находились воспитанники медицинскаго и юридическаго училищъ, направилась къ политехнической школѣ, чтобы уговорить воспитанниковъ ея присоединиться къ нимъ. Надѣялись, что политехническая школа отличится какъ и въ 1830 г.; но на сей разъ наклонности ея оказались гораздо менѣе революционными.

Сцены болѣе оживленныя происходили почти одновременно передъ домомъ министерства иностранныхъ дѣлъ, передъ биржей, у Пале-Рояля и на площади Бастильи. Замѣтивъ наконецъ, что безъ вооруженія ничего нельзя сдѣлать, народъ разломалъ рѣшотки у церкви св. Роха, Успенія и у морскаго министерства; ограбилъ магазинъ Лепажя и нѣсколькихъ другихъ оружейниковъ. Кто-то произнесъ слово: *баррикада*. Самые смѣлые тотчасъ принимаются за дѣло. Первый опытъ производится въ улицѣ Сент-Оноре (St. Honoré), гдѣ опрокинувъ omnibusъ, начинаютъ ломать мостовую. Атака кавалеріи разгоняетъ работающихъ. Солдаты весьма спокойно, безъ гнѣву, поднимаютъ карету и чинятъ мостовую; видно, что ни съ одной, ни съ другой стороны нѣтъ дѣйствительной злобы. Подобные же опыты, но такъ же безуспѣшно, производятся и въ нѣсколькихъ другихъ пунктахъ.

Народъ безъ предводителя, безъ предназначеннаго плана, желаетъ какъ-будто утомить войско. Но дождь охлаждаетъ понемногу его восторгъ. Нечувствуя себя въ силахъ начать настоящей борьбы, возмущеніе оставляетъ открытыя мѣста и примыкаетъ къ предместьямъ.

Воротившись въ гнѣздо всѣхъ народныхъ возстаній, въ этотъ лабиринтъ улицъ и переулковъ, знакомыхъ почти исключительно только рабочему населенію, работники почувствовали свою силу.

Начинають строить крѣпкія баррикады, нападать на уединенныя караулы. Одни солдаты успеваютъ вовремя скрыться въ казармахъ, другіе, пойманные врасплохъ, отдають оружіе. Въ Батильоля работницы зажимають караулъ у заставы, обезоруживаютъ національную гвардію и засѣдаютъ на львьемъ дворѣ; никто не смѣетъ къ штрамъ укрощенія этихъ безнорядковъ.

Между тѣмъ жители столицы не могли понять, почему не собирають національную гвардію (1): Люди всѣхъ партій удивлялись, какъ правительство пренебрегало подобными средствами, когда бывшія до сихъ поръ стычки угрожали перейти въ открытое возмущеніе. Около пяти часовъ три депутата: Вавенъ (Vavin), Тальяндье (Taillandier) и Карно (Carnot) отправилась къ проѣзду, для сообщенія ему о неудовольствіи народа. Но Рамбюто не имѣлъ никакой власти; притомъ онъ слишкомъ хорошо помнилъ насмѣшки Людовика-Филиппа, чтобы пойти предостерегать его во второй разъ. Депутаты получили уклончивый отвѣтъ.

Почти въ тоже время меръ второго округа, Берше, принявъ на себя отвѣтственность, приказалъ бить сборъ; примѣру его послѣдовали и въ некоторыхъ другихъ округахъ, но безуспѣшно. Республиканцы, находившіеся въ легіонахъ, укрѣпились въ видѣ втеченія послѣдняго времени духъ неповиновенія. Они напоминали старыя обиды, раздражали самолюбіе, доказывали необходимость принять болѣе независимое положеніе, чтобы возвратить себѣ прежнее политическое значеніе, котораго ихъ лишили король и министерство. Доводы эти находили вѣрующіхъ. На восемь тысячъ человекъ, составлявшихъ второй легіонъ, явилось неболѣе шести сотъ. На площади Пантеона, гдѣ стоялъ пятый армейскій полкъ, собралась незначительная часть двѣнадцатаго легіона. Въ народѣ послышались свистки и ропотъ; національная гвардія начала кричать: *да здравствуетъ реформа!* Толпа ей отвѣчала крикомъ: *да здравствуетъ національная гвардія!* Могло ли подобное поведеніе воодушевить солдатъ? Офицеры пятаго полка дали примѣръ нравственнаго отступленія, отправившись здороваться съ начальниками національной гвардіи. Демонстрація эта была принята продолжительными криками одобренія.

Опытъ взяться за оружіе, совершенно неудавшійся, не имѣлъ много послѣдствія кромѣ развращенія арміи и далъ возставшимъ болѣеую увѣренность и большія надежды. Около шести часовъ вечера обстоятельства показали генералу Себастьяни столь важныя

(1) Приказаніе бить сборъ, данное 21 числа въ девять часовъ вечера, было отменено ночью.

ни, что онъ приказалъ войску сообразоваться съ приказомъ 25 декабря. Воспрещена ѣзда въ экипажахъ. Многочисленные патрули пробѣгаютъ улицы. Тюльери и всѣ важнѣйшіе пункты заняты значительными силами. Войска стоятъ на бивакѣ вокругъ большихъ огней, на дождѣ.

Постепенно городъ стихаетъ, работники расходятся по домамъ, огни гаснутъ. Кое-гдѣ видѣнъ иѣшеходъ въ совершенно пустой улицѣ. Можно было бы подумать, что возстаніе утихло; но никто этому не довѣряетъ. Послѣ такого волненія такая страшная тишина невольно поражаетъ. Въ домахъ, гдѣ собираются обыкновенно люди привязанныя къ правительству, мужнины задумчивы, женщины взволнованы. Несмотря на то, ни дворъ, ни власти не ощущаютъ никакого опасенія. «Это просто была вспышка», сказалъ Делессеръ въ своей гостиной въ десять часовъ вечера. — «Дѣла идутъ съ нѣжкомъ хорошо», говоритъ Дюшатель австрийскому посланнику. Въ полночь генералъ Себастьяни отиѣняетъ приказъ, данный въ шесть часовъ, а въ «Монитерѣ» появляется фраза: *правительство принимаетъ надлежащія мѣры для восстановления порядка.*

IV

Ночь прошла спокойно. На всякій случай правительство дѣйствительно принимало свои мѣры. Войска пріѣзжали со всѣхъ сторонъ по желѣзнымъ дорогамъ. Пушки, привезенныя изъ Венсенъ, были поставлены на площади Каруселя, на площади Согласія, вокругъ воротъ Сень-Дена и Сень-Мартенъ, на набережныхъ и у ратуши.

Между тѣмъ войско, стоявшее на бивакѣ, подъ дождемъ, съ ногами въ грязи, съ безпокойствомъ въ сердцахъ и съ продрогшимъ тѣломъ, замѣчаетъ на разсвѣтѣ веселую и многочисленную толпу, выходящую изъ улицъ св. Мартена, Рамбюто, Сень-Мерри, Тампла, св. Діонисія, гдѣ во многихъ мѣстахъ воздвигнуты были баррикады. Нѣкоторое время одни наблюдаютъ за другими, потомъ работники завязываютъ перестрѣлку; имъ отиѣчаютъ тѣмъ же. Народъ, разбросанный на большомъ пространствѣ, то разсѣвается, то собирается въ кучу, утомляетъ войско, захватываетъ отдѣльные посты. Странное дѣло: едва гдѣ-нибудь прекращается огонь, между солдатами и работниками завязывается тотчасъ веселый разговоръ. Торговки на базарѣ (*les femmes de la halle*) предлагаютъ солдатамъ съѣстное, цѣлуютъ ихъ, просятъ беречь ихъ братьевъ, не стрѣлять въ мужей, въ дѣтей. Народъ продолжалъ весело строить баррикады

въ двадцати шагахъ отъ солдатъ. «Вы не будете стрѣлять, непредупредить насъ?» спрашиваютъ мальчишки. «Будьте покойны, мы не получали приказанія», отвѣчаютъ солдаты. Помниутво веселое слово, острота, заставляютъ смѣяться самихъ офицеровъ, желающихъ отъ всего сердца, чтобы миролюбивая развязка освободила ихъ отъ междоусобной войны.

Вдругъ они вздыхаютъ свободнѣе; сердца ихъ освобождаются отъ тяжелаго гнета. Имъ приносятъ хорошее извѣстiе. Вездѣ бьютъ сборъ. Национальная гвардія собирается; она развяжетъ узелъ этого непонятнаго положенія. Дѣйствительно послѣ долгихъ колебаній, многихъ лишнихъ словъ, приказаній и отказовъ, герцога немурскій, генералъ Себастиани и Жакино, собраніе въ главномъ штабѣ въ величавомъ бездѣйствіи и совершенномъ незнаніи настоящаго положенія дѣла, дѣлаютъ позднее распоряженіе бить сборъ. На этотъ разъ легіоны слушаются, но двигаются при крикѣ: *Да здравствуетъ реформа!* Принимая на себя роль посредника, національная гвардія будетъ препятствовать стрѣлять въ народъ, принудитъ правительство къ уступкамъ, опрокинетъ консервативное министерство, потребуетъ кабинета подъ предсѣдательствомъ Тьера или Моле и заставитъ народъ возвратиться къ ежедневнымъ занятіямъ. Вотъ програма, которую начертала себѣ національная гвардія въ среду 23 февраля, въ семь часовъ утра.

Это расположеніе ея проявилось немедленно. Полковникъ десятаго легіона Лемерсье, проносясь рѣчь передъ четвертымъ батальономъ, стоявшимъ въ улицѣ Таранъ, просилъ его употребить всѣ усилія для возстановленія порядка. «Дѣло идетъ не объ одномъ порядкѣ, восклицаетъ Биксіо, выступая впередъ: — нужно выгнать неспособное министерство.» Крикъ: *долой Гизо!* слѣдуетъ за этими словами. Разсерженный полковникъ сходитъ съ лошади и обращаясь къ нѣкоторымъ людямъ, которыхъ умѣренность ему извѣстна, предлагаетъ кричать: *Да здравствуетъ король!* — *Да здравствуетъ реформа!* отвѣчаютъ ему. Лемерсье слагаетъ съ себя командованіе батальономъ и уходитъ домой.

На площади Пти-Перъ (*des Petits-Pères*) третій легіонъ смѣшивается съ народомъ и кричитъ: *да здравствуетъ реформа!* Слыша эти крики, отрядъ драгуновъ, стоявшій на площади Побѣдъ (*des Victoires*), спѣшитъ разсѣять сборище; но офицеры легіона бросаются на встрѣчу лошадей и вступаются за толпу; драгуны удаляются. Пѣшая муниципальная гвардія хочетъ поправить этотъ уронъ и подвигается скорымъ шагомъ по улицѣ Пти-Перъ, но когда она появляется на углу площади, національная гвардія скрещиваетъ штыки. При этомъ неожиданномъ видѣ солдаты останавли-

ваются. Офицеръ муниципальной гвардіи, не зная что дѣлать, приказываетъ командѣ возвратиться въ казармы. Въ тоже время восьмой легіонъ, собранный на королевской площади, отказывается идти, если на знамени его не будутъ написаны слова : «да здравствуетъ реформа». На бульварѣ св. Мартена пятый легіонъ останавливаетъ атаки кавалеріи и объясняетъ войску, что народъ хочетъ одной вещи : перемены министерства. Второй легіонъ выражается столь категорически, что подполковникъ находитъ нужнымъ предупредить объ этомъ герцога немурскаго. Полковникъ третьяго легіона Бессонъ, перъ Франціи, обратился почти съ тѣмъ же къ генералу Жакино и представляя ему важность обстоятельствъ, просилъ увѣдомить короля.

На эти единогласныя и почти одновременныя донесенія герцогъ немурскій, безстрастный, окруженный блестящей свитой, сама отвѣчалъ и не показывалъ ни безпокойства, ни рѣшительности. Довольный почестями, воздаваемыми ему какъ главному начальнику, обращая строгое вниманіе на соблюденіе этикета, онъ посылалъ всѣхъ то къ королю, то къ генералу Себастиани, то къ генералу Жакино, которые или улыбались, или морщили брови и отвѣчали самонадѣянно : «Мы это знаемъ». И ни одно приказаніе, ни одно рѣшеніе не выходило изъ этой тройственной атаки. А между тѣмъ остервенѣлыя стычки между народомъ и муниципальной гвардіей продолжались въ Маре и въ кварталахъ св. Діонисія и св. Мартена. Армія принимала въ нихъ весьма мало участія, а національная гвардія, гдѣ только могла, старалась прекратить огонь. Народъ въ неописанной радости встрѣчалъ вездѣ своихъ покровителей криками : *Да здравствуетъ національная гвардія ! да здравствуетъ армія !*

Пока вѣзательство національной гвардіи останавливало пролитіе крови на предмѣстьяхъ, депутація четвертаго легіона, состоящая изъ 500 или 600 человекъ, безъ ружей, направлялась къ Пале-Бурбону. Она несла просьбу объ избирательной реформѣ и объ увольненіи министерства. Окрестности палаты были обставлены войскомъ. Едва на площади показывались группы народа, ихъ тотчасъ разгоняла кавалерія. Резервы пѣхоты и кавалеріи занимали Елисейскія поля ; сильный отрядъ перваго легіона охранялъ мостъ Согласія. Начались переговоры между этимъ отрядомъ, составленнымъ изъ самыхъ усердныхъ консерваторовъ и депутаціей. Въ это время въ палатѣ разнесся слухъ, что реформистскіе легіоны идутъ для занятія Пале-Бурбона ; всѣ перетрусили. Кремьё, Бомонъ де-ла Сомъ (Beaumont de la Somme) и Мари командированы на встрѣчу національной гвардіи. Прочитавъ просьбу, господа эти поздравили депутацію съ ея патриотическимъ поступкомъ и объявили въ об-

щикъ фризакъ, что министерство перешло на смерть, что національная гвардія произнесла надъ нимъ приговоръ, что желанія народа будутъ удовлетворены. Рѣчь эта была принята продолжительными рукоплесканіями. Депутаты воспользовались обстоятельствомъ и убѣждали національную гвардію препятствовать стычкамъ и стараться возстановить порядокъ. Депутация и не просила больше; она разсыпалась по всѣмъ направленіямъ, повторяя столь радостнымъ слова. Каждый думалъ, что продолженіе борьбы будетъ безъ цѣли, возмущеніе безъ предлога: все должно возвратиться къ порядку и законности.

Палата депутатовъ, менѣе ослѣпленная чѣмъ палата перовъ, хотѣла принять на себя что-то вродѣ инициативы. Вотъ что въ ней происходило:

Засѣданіе открылось въ половинѣ второго; депутаты едва могли убѣдить на своихъ мѣстахъ, чтобы выслушать протоколъ. Волненіе было таково, что пришлось прервать засѣданіе. Тысячи слуховъ, одни тревожили другихъ, доходили со всѣхъ сторонъ. Гдѣ министры? На что рѣшился король? Какой будетъ исходъ настоящаго переворота? Никто не зналъ. Знали только, что и подтверждалось ежеминутно, что національная гвардія отказалась идти противъ народа, что армія не пойдетъ безъ національной гвардіи; этого было достаточно, чтобы опасаться самыхъ страшныхъ послѣдствій. Ожидали съ нетерпѣніемъ Гизо, который еще не являлся. Роптали, обвиняли его. Многие надѣялись, приписывая продолжительное его отсутствіе какой-нибудь энергической мѣрѣ, принятой въ совѣтѣ. Наконецъ въ два съ половиною часа, теряя всякое терпѣніе, Вавенъ, депутатъ сенскаго департамента, входитъ на трибуну. Всѣ знаютъ, что онъ намѣренъ потребовать объясненій отъ министерства. «Подождите, подождите!» кричатъ ему со всѣхъ сторонъ. Геберъ (Hébert), находившійся одинъ на скамьѣ министровъ, объявляетъ палатѣ, что президентъ совѣта и министръ внутреннихъ дѣлъ, *задержанные обстоятельствами, которыя достаточно объясняются настоящимъ положеніемъ дѣлъ*, незамедлять явиться въ скоромъ времени. Слова эти приняты были съ возгласами нетерпѣнія; но вдругъ всѣ замолкли, всѣ взоры обратились на дверь. На порогѣ показался Гизо. Но онъ ли это? Черты лица матово-блѣднаго судорожно сжаты, ясный взоръ его затемненъ; выраженіе глубокаго страданія, съ трудомъ сдержаннаго, отпечатлѣлось на его лбу. Никто не смѣлъ нарушить молчавія этой смертельно раненой гордости.

Вавенъ входитъ на трибуну и начинаетъ слѣдующими словами: «Господа, отъ имени моего и товарищей моихъ депутатовъ депар-

тамента Сены и намѣренъ сдѣлать нѣсколько вопросовъ министерству. Втеченіи послѣднихъ двадцати четырехъ часовъ важныя безпорядки обезпоковываютъ столицу; вчера все народонаселеніе видѣло съ сожалѣніемъ отсутствіе національной гвардіи, и удивленіе было тѣмъ больше, что всѣ знали, что въ понедѣльникъ вечеромъ дано было приказаніе собрать ее. Слѣдовательно правда, что ночью съ нонедѣльника на вторникъ приказаніе это было отмінено. Вчера только въ пять часовъ вечера въ нѣкоторыхъ кварталахъ были сборы. Втеченіи дѣлаго дня жители Парижа находились въ опасности, немнѣга защиты своей милиціи. Происходили плачевныя стычки, которыя могли бы быть предупреждены, еслибъ съ самаго начала безпорядковъ мы видѣли на нашихъ площадяхъ, нашихъ улицахъ, національную гвардію, девизомъ которой служатъ слова: общественный порядокъ и свобода. Прошу гг. министровъ дать намъ объясненія о столь важныхъ обстоятельствахъ.»

Гизо встаетъ и направляется медленно къ трибунѣ. Дыханіе его какъ-будто придавлено внутренней тяжестью; но усиленіемъ воли онъ возвышаетъ свой голосъ, окидываетъ собраніе гордымъ взглядомъ и среди глубокаго молчанія произноситъ слѣдующія слова: «Мнѣ кажется, что не можетъ быть ни согласно съ интересомъ общества, ни приличнымъ для палаты—приступать въ настоящее время къ преніямъ по возбужденному вопросу.» Его прерываетъ взрывъ неудовольствія. Оппозиція думаетъ, что онъ прибѣгаетъ еще разъ къ гордому отказу дать какое-либо объясненіе, что могло быть терпимо прежде, но не въ настоящую минуту. Гизо ждетъ пока стихнетъ говоръ, повторяетъ слово въ слово что сказалъ уже и продолжаетъ: «Король пригласилъ къ себѣ графа Моле, чтобы поручить ему...» Невѣжливыя рукоплесканія съ обовхъ концовъ полукружія покрываютъ его голосъ. «Палата должна сохранить свое достоинство!» восклицаетъ Одиловъ-Барро. «Шумъ этотъ—продолжаетъ Гизо—не заставитъ меня ни прибавить, ни отнять ни одного слова изъ того что я сказалъ. Король пригласилъ къ себѣ графа Моле, чтобы поручить ему составить новое министерство. Пока теперешнее будетъ оставаться на своемъ мѣстѣ, оно удержитъ или возстановитъ порядокъ и заставитъ уважать законъ, какъ и дѣлало это до настоящаго времени.»

При этихъ словахъ депутаты центра прихотять въ неголованіе; скамьи очищаются; составляются оживленныя группы. Посреди шума слышны слова: «это недостойно, это подло! намъ измѣняютъ; пойдемъ къ королю!» Консерваторы полагаютъ, что министерство ихъ покидаетъ и раздражаются упреками. Гизо, небулучи въ состояніи заставить слушать себя, показываетъ знаками, что не онъ

уходить, но король его смѣняетъ. Президентъ старается возстановить спокойствіе. «Прежде закрытія засѣданія — говорить онъ — хочу сказать слово о порядкѣ преній.» — «Какое намъ до него дело!» восклицаетъ Плюгульмъ (Plougoult). Сальванди требуетъ, чтобы дневной порядокъ былъ сохраненъ. Въ это время Кремьѣ приносилъ просьбу національной гвардіи и многихъ обывателей четвертаго округа. «Одни — говорить онъ — протестуютъ противъ поведенія министерства; другіе требуютъ назначенія надъ нимъ суда...» Голосъ Кремьѣ теряется въ общемъ говорѣ. Спокойствіе возстанавливается только при видѣ Дюпена на трибунѣ. Всѣ знаютъ дружественныя отношенія Дюпена къ королю; всѣмъ извѣстенъ его личный умъ; всѣ ожидаютъ отъ него предложенія согласнаго съ достоинствомъ палаты и важною обстоятельствомъ. «Господа, говорить ораторъ: — первая надобность столицы — возстановленіе порядка, прекращеніе смутъ. Анархія — самая страшная вещь: это — разрушеніе общества; она угрожаетъ всему общественному благоустройству. Слѣдовательно единственнымъ дневнымъ порядкомъ въ нашихъ преніяхъ, должно быть стараніе возстановить спокойствіе.» Послѣ того Дюпенъ припомнилъ июльскую революцію, порядокъ и свободу, основанныя на согласіи палаты депутатовъ съ желаніемъ народа и при содѣйствіи національной гвардіи, кончаетъ слѣдующими словами: «Массы должны знать, что онѣ не имѣютъ права разсуждать, рѣшать; тѣ, которые прибѣгаютъ къ оружію, должны знать, что они не имѣютъ права давать приказанія, что они должны подчиняться закону, слушать голоса власти, ожидать отъ совѣщаній палаты мѣръ, которыя признаны будутъ необходимыми. При настоящемъ положеніи должны ли мы допускать въ нашу среду раздражающія или обвинительныя пренія? Я думаю напротивъ, что вамъ нужно согласиться съ отсрочкой, которой отъ насъ требуютъ и которую я поддерживаю всѣми моими силами.»

Рѣчь эта возвращаетъ Гизо снова на трибуну. Съ наружнымъ хладнокровіемъ онъ опровергаетъ приведенныя Дюпеномъ причины для отсрочки преній и произноситъ твердымъ голосомъ слѣдующія слова, послѣднія во время его министерской карьеры: «Кабинетъ не видитъ съ своей стороны никакихъ причинъ, по которымъ труды палаты могли бы быть прерваны или который-либо изъ вопросовъ, возбужденныхъ въ палатѣ, не могъ получить своего разрѣшенія. Престолъ находится въ отпаденіи своихъ правъ. Права престола должны быть вполнѣ уважаемы. Пока министерство находится у дѣла, пока оно сидитъ на этой скамьѣ, занятія и совѣщанія высшихъ властей государства не должны быть остановлены. Кабинетъ готовъ отвѣчать на всѣ вопросы, принять участіе въ каждомъ пре-

нѣ; пусть палата рѣшитъ какъ ей угодно.» Приступаютъ къ собранію голосовъ: палата сохраняетъ для слѣдующаго дня заранѣе опредѣленный порядокъ преній ⁽¹⁾. Депутаты, жаждущіе новостей, расходятся поспѣшно...

Король не безъ труда согласился на первую уступку общественному мнѣнію, — на перемѣну министерства. Не потому, чтобы было въ натурѣ Людовика-Филиппа платить благодарностью за вѣрность службы или класть на вѣсы своихъ соображеній чью-либо личность, безпокойство совѣсти покинуть испытаннаго слугу въ трудную минуту, опасеніе обидѣть въ лицо министра, проникнутаго его царскими идеями, собственную честь. Подобныя соображенія были чужды для души съ такимъ закаломъ. Но положеніе дѣлъ не казалось ему достаточно важнымъ, и онъ не думалъ чтобъ оно могло требовать отъѣзны консервативнаго кабинета.

Въ среду все утро Людовикъ-Филиппъ былъ въ прекрасномъ расположеніи духа и подтрунивалъ надъ возмущеніемъ. «Вы называете *баррикадой* кабріолетъ, опрокинутый двумя мальчишками», повторялъ онъ тѣмъ, кто провозносилъ въ его присутствіи это неблагозвучное слово. Слѣдуя его примѣру, придворные льстецы Тюльери не переставали смѣяться надъ вышиной и шириной баррикады. Однако около половины второго неожиданное извѣстіе вдругъ совершенно преобразовало короля. Онъ узналъ отъ генерала Фриана (Friauf), что національная гвардія, собранная на площади Пти-Перъ, скрестила штыки для защиты народа противъ войска и что депутація четвертаго легіона отправилась въ палату просить назначенія суда надъ министерствомъ. Съ этого часу Людовикъ-Филиппъ былъ озабоченъ. Извѣстія національной гвардіи нанесли страшный ударъ его безопасности. Вѣра въ самого себя потерпѣла первый, но страшный уронъ. Его разсудокъ и умъ были какъ-будто оглушены. Донесенія, которыя онъ получалъ со всѣхъ сторонъ, доказывали ему, что возмущеніе принимало какъ-будто законный характеръ. Тогда онъ началъ сомнѣваться въ исходѣ борьбы.

Дюшатель былъ въ кабинетѣ Людовика-Филиппа, когда пришли первыя извѣстія объ измѣнѣ легіоновъ. Онъ старался уменьшать важность этихъ донесеній—«вѣроятно преувеличенныхъ», говорилъ онъ. Вошла королева. Возволнованная, встревоженная, она выражалась съ несвойственною ей живостью о непопулярности Гизо. Угадывая ея мысль и полагая, что это отголосокъ тайной мысли короля, Дюшатель поспѣшилъ увѣрить, что еслибы президентъ совѣта, равно какъ и онъ самъ, могли предположить на минуту присутствіе

(1) Продолженіе преній о банкѣ въ Бордо.

ихъ вреднымъ для дѣлъ, то неколеблясь представили бы тотчасъ королю свои отставки, считая себя счастливыми, что могутъ доказать этимъ свою приверженность къ династiи (1). Людовикъ-Филиппъ, по обыкновенiю хитраго своего ума, ни отказалъ, ни принялъ отставки; но онъ пригласилъ къ себѣ Гизо и послѣ свиданiя, непродолжительнаго, тяжелаго, полнаго заиснанiй съ одной стороны и скрытой злобы съ другой, рѣшено было призвать въ Тюльери Моле, который находился тогда въ палатѣ перовъ. Падшiй министръ отправился въ палату депутатовъ и отвѣчалъ, какъ мы видѣли, на вопросы Вавена.

Говорятъ, что скрытность короля и склонность его къ косвеннымъ путямъ дали совѣщанiю съ Моле двусмысленный характеръ; что онъ въ какомъ-то притворномъ изліанiи представлялъ себя покинутымъ Гизо и Дюшателемъ, горько жаловался на ихъ неблагодарность и кончилъ прося составить поскорѣ примирительный кабинетъ. Моле долго слушалъ въ молчанiи. Онъ не скрывалъ передъ собой и не скрылъ передъ Людовикомъ-Филиппомъ затрудненiй, которыя долженъ былъ встрѣтить. Онъ не полагалъ, чтобы при его назначенiи движенiе могло остановиться. Присутствiе Тьера можетъ быть было уже необходимымъ; во всякомъ случаѣ придется рѣшиться на много уступокъ. Король притворялся, что не повинаятъ. Моле, скорѣе изъ снисхожденiя къ своему слушателю чѣмъ по убѣжденiю, обѣщалъ переговорить съ Ремюза (Rémusat), Бильо (Billault), Пасса (Passy), Дюфоромъ; но положилъ условiемъ всего, — назначенiе маршала Бюжо (Bugeaud) военнымъ министромъ. При этомъ имени король сдѣлалъ восклицанiе, доказывающее отвращенiе его отъ подобаго выбора. Онъ противопоставилъ неуживчивый характеръ маршала, его солдатскiя манеры, его деспотическiя привычки: «Если герцогъ Исла будетъ военнымъ министромъ, сказалъ Людовикъ-Филиппъ, — ни я, ни мои сыновья, не будемъ имѣть права опредѣлять послѣдняго прапорщика въ армiи». Совѣщатели разстались, непорѣшивъ ничего, какъ-будто еще оставалось много времени для переговоровъ. Людовикъ-Филиппъ назначилъ Моле новое свиданiе въ семь часовъ вечера.

Втеченіи этого времени борьба между муниципальной гвардіей и народомъ продолжалась и гвардія, оставленная самой себѣ, славлен-

(1) Съ этой минуты до четверга утра, 24 числа, король былъ безъ министерства законно составленнаго. Комбинаціи, начиная отъ Моле до Одюла-Барро, назначеннаго президентомъ совѣта, слѣдовали одна за другою, но не осуществлялись. Никто не давалъ приказанiй, небудучи отвѣтственнымъ. Сильному развитiю революціонныхъ силъ противопоставляли только совѣты, проекты, замѣчанiя.

на народной массой, почти вездѣ была побита. На углу улицы св. Дювасія два отряда, состоящіе человекъ изъ двадцати, завязавъ неосторожно схватку, чтобы отнять у бунтовщиковъ носилки, на которыхъ они съ криками ярости и мести несли трупъ одного изъ своихъ, — были окружены со всѣхъ сторонъ и принуждены сдать-ся. Народъ ихъ обезоружилъ, но не причинилъ никакого зла. У казармъ св. Мартина атака возставшихъ была дотога быстра, что пришлось сдать-ся и выдать имъ плѣнниковъ, которыхъ они требовали. Муниципальная гвардія избѣгла смерти только при содѣйствіи національной гвардіи. Немного подалеже караулъ у академіи художествъ и ремеслъ былъ занятъ и разрушенъ. Но ненависть народа не проявилась нигдѣ съ такимъ остервенѣніемъ, какъ при взятіи склада ружей братьевъ Лепажъ, въ улицѣ Буръ-Лябе (Bourg-l'Abbé). Тридцать человекъ муниципальной гвардіи скрылись въ старомъ домѣ, гдѣ продолжительная защита была невозможна. Они тамъ укрѣпились и держались съ осьми часовъ противъ постоянно увеличивающейся массы народа, хотя имъ дали знать изъ префектуры полиціи, чтобы онъ не ожидалъ ни малѣйшей помощи. Народъ, разъяренный столь продолжительной защитой, невнимая мольбамъ національной гвардіи, старавшейся его успокоить, бросался съ остервенѣніемъ на трещащія двери дома. Онѣ должны были уступить; участь несчастныхъ солдатъ была почти рѣшена, когда случай привелъ въ эту сторону человекъ, извѣстнаго своимъ знаменитымъ именемъ и демократическими сочиненіями — Степана Араго, одного изъ редакторовъ *Реформы*. Онъ вступилъ въ переговоры съ толпой, уговаривая ее быть великодушною. При содѣйствіи мера шестого округа и Гюссона, полковника седьмого легіона, онъ получилъ обѣщаніе толпы — не проливать крови обезоруженныхъ враговъ и вошелъ въ домъ. Тамъ ему пришлось устранять новыя препятствія. Муниципалы не могли рѣшиться купить жизнь капитуляціей, которую они считали унижительною. Потребовались долгіе переговоры, горячія просьбы, чтобы уговорить ихъ сложить оружіе и такъ выйдти на улицу. Нѣсколько человекъ солдатъ седьмого полка составили вокругъ нихъ ненольный рядъ. Взводъ кирасировъ сталъ во главѣ этого грустнаго шествія. Путь до ратуши былъ продолжителенъ и половъ страданій.

При выходѣ на набережную пришлось бороться съ новой опасностью: «Въ воду поддецовъ!» кричали нѣкоторые изъ толпы. При блескѣ факеловъ, при шумѣ ругательства и угрозъ плѣнные, безъ оружія, съ открытыми головами, съ блѣдными лицами и угрюмымъ взглядомъ, походили на приговоренныхъ къ смерти, идущихъ на мѣсто страданія. Лейтенантъ Бувье (Bouvier), шедшій подъ руку съ

Степаномъ Араго, сказалъ ему тихо: «Что за униженіе умереть обезчещеннымъ, разорваннымъ этой разъяренной чернью!» — «Прежде чѣмъ до васъ дотронулся, они меня убьютъ», отвѣтилъ Араго, сжимая его руку. Въ это время шествіе вышло на площадь ратуши, занятой войскомъ. Ловкое движеніе кавалеріи остановило народъ. Муниципальные гвардейцы были спасены. «Кто вы такой?» спросилъ лейтенантъ Бувье у своего покровителя. — «Республиканецъ», отвѣтилъ Араго.

Тотчасъ послѣ ухода муниципальной гвардіи магазинны братьевъ Лепажъ были заняты и народъ, ненашедъ оружія, опустошилъ домъ. Офицеръ, командовавшій отрядомъ, поручикъ Дюпуи (Dupou), отказался выйти вмѣстѣ съ солдатами; онъ заперся въ верхнемъ этажѣ, надѣясь, что какой-нибудь случай спасетъ его если не отъ смерти, то отъ безчестія. Онъ тамъ оставался долго и не было возможности уговорить его снять мундиръ и бѣжать. Наконецъ одинъ офицеръ національной гвардіи успѣлъ утащить его и скрыть отъ толпы, занятой только отыскиваніемъ оружія. Въ восемь часовъ храбрый поручикъ прибылъ въ префектуру полиціи, съ отчаяніемъ въ сердцѣ и съ стыдомъ на лицѣ. Делессеръ, тронутый его горестью, посадилъ Дюпуи возлѣ себя и осыпалъ ласками. И въ префектурѣ полиціи начинали уже беспокоиться. Делессеръ, получая втеченіи дня доведенія о критическомъ положеніи муниципальной гвардіи, удивленной въ самомъ центрѣ возмущенія, просилъ помощи у генерала Себастиани для освобожденія ея. Тотъ отвѣчалъ, что не можетъ располагать ни однимъ батальономъ. Чтобы не привести въ уныніе офицеровъ, собранныхъ за его столомъ, или же обманывалъ еще самого себя, Делессеръ говорилъ въ восемь часовъ вечера: «Это возмущеніе должно потухнуть само собою.»

Въ тотъ же самый часъ въ домѣ министра внутреннихъ дѣлъ происходило собраніе, немного неумѣстное при настоящихъ обстоятельствахъ. Г-жа Дюшатель, въ праздничномъ нарядѣ, принимала за своимъ столомъ Гизо, де Брольи (de Broglie), Ганвье (Ganvier) и нѣсколькихъ человекъ, оставшихся вѣрными консервативному кабинету. Гизо, затронутый за живое поведеніемъ короля, считая себя обманутымъ своими соперниками, обиженнымъ своими партизанами, притворялся равнодушнымъ. Онъ условился съ Дюшателемъ не давать болѣе никакихъ приказаній и предоставить новый кабинетъ, который ему предпочли, самому себѣ, въ полной увѣренности, что обстоятельства отомстятъ скоро за него.

Гости, воодушевленные отличными винами, занимались однимъ только по ихъ мнѣнію важнымъ событіемъ дня: перемѣною министерства. Каждый острилъ языкъ насчетъ Моле, каждый под-

сѣвивался надъ затрудненіями, въ которыя онъ впутался. Но вдругъ въ срединѣ обѣда, когда передъ пирующими стояли еще полные стаканы, когда остроуміе ихъ разыгралось въ волю, Гизо подають запечатанный пакетъ; онъ читаетъ его, передаетъ Дюшателю; оба встають поспѣшно. Г-жа Дюшатель, видя взволнованное лицо мужа, сама блѣднѣетъ, дрожитъ. Воцаряется молчаніе. Извѣстіе, упавшее такъ неожиданно посреди веселой компаніи, состояло въ томъ, что значительный отрядъ муниципальной гвардіи положилъ оружіе; что народъ, одержавъ верхъ во многихъ пунктахъ, воспламеняется все болѣе и болѣе, и что должно опасаться, чтобы онъ не бросился на министерство внутреннихъ или иностранныхъ дѣлъ. Совѣщаются. Рѣшаются дать кой-какія приказанія. Г-жа Дюшатель уходитъ въ другую комнату, снимаетъ брильянты и цвѣты и надѣваетъ платье болѣе приличное на случай бѣгства. Гости расходятся. Дѣлають приготовленія бѣжать изъ дому скрытно.

Между тѣмъ извѣстіе о переимѣнѣ министерства, сообщенное во всѣ концы столицы дежурными офицерами, національной гвардіей и депутатами, которыхъ рѣчи и веселыя лица общали болѣе чѣмъ могло быть въ дѣйствительности, — извѣстіе это производило вездѣ самое благоприятное впечатлѣніе. Народъ толпился вокругъ предвѣстивковъ мира. Частью изъ любопытства, частью по увлеченію, народъ, который впрочемъ былъ скорѣе успокоенъ чѣмъ возбужденъ поведеніемъ арміи и открытымъ вмѣшательствомъ національной гвардіи, видя безграничную радость на всѣхъ лицахъ, оставалъ постепенно баррикады. Войска незамѣтно направлялись къ казармамъ; сообщеніе по городу возстановлялось; въ нѣсколько часовъ видъ Парижа совершенно измѣнился. Съ наступленіемъ ночи, неожиданная иллюминація, безчисленныя толпы гуляющихъ, разсыпанныхъ по бульварамъ и на площадяхъ сообщили городу праздничный видъ, который обманулъ почти всѣхъ.

Национальная гвардія и оппозиція, требовавшая только реформы, согласилась не требовать болѣе ничего и громко довольствоваться тѣмъ что получили, несмотря на то, что уступки были весьма ограничены и что имя Моле не представляло большого ручательства. Но народъ, увлекшись на минуту всеобщей радостью, невольно остановился. Члены тайныхъ обществъ, нѣкоторые радикальные журналисты поощряли это расположеніе народа, уговаривали не довѣрять притворной уступчивости Людовика-Филипа. Чѣмъ былъ въ дѣйствительности Моле, чтобы давать народу основаніе радоваться его вступленію въ министерство? Призворный лстецъ, древній дворянинъ. Какимъ образомъ народъ могъ довольствоваться столь малымъ, когда онъ остался побѣдителемъ, когда національ-

ная гвардія перешла на его сторону, когда армія отказалась почти драться? Какъ могъ онъ согласиться, чтобы во дворцѣ посмѣлись еще разъ надъ его легковѣріемъ, когда трупы убитыхъ лежали еще на мостовой, когда его жены и дѣти требовали мести за мужей и отцовъ, убитыхъ по приказанію короля? Къ этимъ возбуждающимъ словамъ присоединяли слухи объ измѣнѣ, о разставленныхъ ловушкахъ; говорили, что отставка Гизо неофициальная, что она скрываетъ страшную засаду. Какъ только народъ оставитъ оружіе, правительство сброситъ маску и отомститъ кровью за мнѣнное униженіе (1).

Республиканскій духъ, едва имѣвшій своихъ представителей въ палатѣ, вездѣ сдавленный, сосредоточился въ рабочемъ населеніи Парижа. Несмотря на безчисленные пораженія, на обманутыя надежды и неудавшіяся попытки, республиканскій фанатизмъ не переставалъ скрываться въ неукротимыхъ сердцахъ. Республиканцы, которые со времени послѣдней вооруженной попытки 1839 г. не надѣялись овладѣть властью силой, увидали съ радостью реформистское движеніе буржуазіи и стали надѣяться въ данный моментъ, увлечь ее дальше ея цѣли. Но, наученные опытомъ, они воздержались отъ преждевременныхъ демонстрацій, и маскировались законной оппозиціей, довольствовались только подстреканіемъ ея. Когда же побѣда осталась на сторонѣ оппозиціи, и эта побѣда казалась довольствоваться полученными уступками, республиканцы, опасаясь потерять плоды своей хитрой тактики, рѣшились попробовать еще разъ счастья и съ опасностью жизни начать отчаянную борьбу...

Видъ бульваровъ былъ восхитительный. Гирлянды разноцвѣтныхъ огней, развѣшанныя по всѣмъ этажамъ, соединяли какъ-будто всѣ дома въ одно цѣлос. Мужчины, женщины, дѣти ходили свободно, безъ опасенія, по великолѣпной аллеѣ, обыкновенному мѣсту забавъ и увеселеній парижскаго населенія. Веселье носилось въ воздухѣ, удовольствіе написано было на всѣхъ лицахъ. Отъ времени до времени по шоссе проходили толпы съ знаменами, аллегорическими транспарантами, распѣвая во все горло марсельезу. Они останавливались у неосвѣщенныхъ оконъ и громко требовали шакаликъ, которые обыкновенно незамедляли появляться. Импрови-

(1) Пока люди слова возбуждали такимъ образомъ гнѣвъ народа, люди дѣла устраивали матерьяльное сопротивленіе, въ настоящемъ его центрѣ, въ пространствѣ заключающемся между улицей Вьель-дю-Тамплъ (Vicille du Temple) и предмѣстіемъ св. Діонисія. Тамъ цѣлая сѣть барикадъ была охраняема рѣшительными, смѣлыми республиканцами, которые приготовлялись къ борьбѣ на слѣдующій день.

зиранныя пародіи, шуточные сцены забавляли гуляющихъ. Но черезъ нѣсколько минутъ страшное происшествіе должно было обратить въ слезы веселіе народа и обогреть кровью обманчивый миръ.

Около половины десятаго толпа болѣе многочисленная и въ особенноти болѣе правильная въ своихъ движеніяхъ, чѣмъ всѣ предыдущія, съ факелами и краснымъ знаменемъ ⁽¹⁾, появилась на бульварахъ, вблизи улицы Монмартръ. Она вышла изъ глубины предмѣстья св. Антонія и направлялась, какъ и предыдущія шествія, къ церкви св. Магдалины, расцѣвая патриотическія пѣсни. Простой человекъ изъ народа, по имени Генрихъ, былъ заповалой, отличаясь мужественнымъ и звучнымъ голосомъ. Привлеченные прелестью пѣвня, любопытные присоединились къ этому шествію, казавшемуся совершенно невиннымъ. Нѣсколько дѣтей, несущихъ трехцвѣтные фонари, нѣсколько человекъ рабочихъ, размахивающихъ саблями и ружьями, не возбуждали никакого подозрѣнія.

Такимъ образомъ шествіе приближалось къ улицѣ Лепелеттье (Lepelletier); большая часть участвовавшихъ въ немъ не знали куда и зачѣмъ идутъ. Тамъ одинъ изъ предводителей толпы, шедшій впереди съ обнаженнымъ палашомъ, повернулъ направо и остановился передъ домомъ, гдѣ помѣщалась контора *Насьонала*. Арманъ Марра (Marra) показывается у окна и встрѣченный шумными рукоплесканіями, говоритъ: «Граждане, мы пережили великолѣпный день. Не портите его. Народъ имѣетъ право требовать обезпеченія и вознагражденія. Пусть же онъ требуетъ: назначенія суда надъ министрами, распушенія муниципальной гвардіи, парламентской и избирательной реформы. Не забывайте, что сегодняшняя побѣда не касается одной Франціи: она столь же важна для Швейцаріи, какъ и для Италіи.» Такъ говорилъ въ среду, 23 февраля, въ десять часовъ вечера, главный редакторъ *Насьонала* и выражалъ вѣроятно желанія большей части своихъ согражданъ. Онъ не могъ предвидѣть, что таже самая толпа черезъ десять минутъ будетъ защитницей или жертвой, переимѣнитъ положеніе дѣлъ, увлечетъ революцію и проложитъ кровавый путь той республикѣ, которую онъ считалъ уже невозможною, или если и возможною, то для будущихъ поколѣній.

Отвѣтивъ рукоплесканіями на призывъ Марра, толпа двинулась въ самомъ лучшемъ порядкѣ по направленію къ церкви св. Магдалины. Въ улицѣ Мира (de la Paix) она увеличилась новой

(1) Это было первое красное знамя, появившееся во время возмущенія. Контора *Реформы* и другіе центры, управлявшіе республиканскимъ революціоннымъ движеніемъ, приказали употреблять только трехцвѣтное знамя, при исключительномъ крикѣ: *Да здравствуетъ реформа!*

толпой, которая только-что заставила силой освѣтить домъ министерства юстиціи, и приблизилась, но уже молча, къ караулу, который охранялъ министерство иностранныхъ дѣлъ. Караулъ этотъ состоялъ изъ двухсотъ человекъ четырнадцатаго полка, подъ начальствомъ батальоннаго командира де Бротонъ (de Brotonne). При нихъ находился еще подполковникъ Куранъ (Courant). Замѣти сквозь густой дымъ, при мерцающемъ блескѣ факеловъ, приближеніе этой волнующейся темной массы, надъ которой блистала сталь палашей и ружей, начальникъ приказалъ войску построиться въ каре. Дружественные разговоры, завязавшіеся съ начала вечера между солдатами и гуляющими, вдругъ прекратились. Толпа смотритъ съ удивленіемъ на этотъ маневръ, но не ощущаетъ еще ни малѣйшаго опасенія.

Шествіе, остановленное въ своемъ движеніи, начинаетъ собираться въ сплошную массу. Завязываются переговоры между предводителями толпы, подполковникомъ и начальникомъ отряда. Народъ кричитъ: *Да здравствуетъ армія!* и хочетъ брататься съ солдатами. Бротонъ, помня, какъ втеченіи дня войска бывали обезоружены подобнымъ же образомъ и сомнѣваясь въ намѣреніяхъ этого сборища, препятствуетъ его проходу и требуетъ, чтобы шествіе направилось въ улицу Басъ-дю-Рампаръ (Basse-du-Rampart). Толпа отказывается. Во время этого спора народъ напираетъ дотого на солдатъ, что первая шеренга разрывается. Начальникъ приказываетъ поспѣшно скрестить штыки. При исполненіи этого приказанія раздается выстрѣлъ; одинъ изъ солдатъ падаетъ убитый. Мгновенно, безъ предварительнаго объявленія, безъ барабаннаго боя, безъ всякаго приказанія, покрайней-мѣрѣ никто его не слышалъ, — залпъ въ лицо, убійственный бѣглый огонь поражаетъ народную массу. Страшный крикъ раздираетъ ночную тьму, и когда облако дыму разсѣялось, открылась страшная картина. Человекъ сто лежитъ на мостовой; одни убиты наповалъ, другіе ранены смертельно; многіе были опрокинуты однимъ сотрясеніемъ; нѣкоторые бросились сами на землю, движимые врожденнымъ чувствомъ самохраненія. Кровь течетъ рѣкой. Стоны раненыхъ, крики тѣхъ, которые стараются выбраться изъ этой смѣси умершихъ и умирающихъ, раздираютъ сердце солдата, невиннаго виновника совершившихся убійствъ. Вскорѣ самые смѣлые приходятъ въ себя и спѣшатъ помочь раненымъ. При солдѣтвѣи солдатъ и подоспѣвшей національной гвардіи они переносятъ въ ближайшіе дома и аптеки тѣхъ изъ нихъ, которые еще дышатъ. Ихъ всего тридцать два человека. Двадцать три, въ томъ числѣ одинъ солдатъ, уже испустили послѣднее дыханіе.

Подполковникъ, въ отчаяніи, чувствуя какая страшная лежитъ на немъ отвѣтственность и предвидя послѣдствія подобнаго происшествія, послалъ одного изъ своихъ офицеровъ, Балье (Baillet) въ кафе-Тортовн, чтобы тамъ объяснить, какъ недоразумѣніе, залпъ, призывающій уже месть народа. Но объясненія неумѣстны, когда кровь дымится еще. Одинъ работникъ, вооруженный двуствольнымъ ружьемъ, слѣдовалъ за офицеромъ; онъ бросается вслѣдъ за нимъ въ кофейную и прицѣливается въ него; къ счастью его окружаютъ ояцеры національной гвардіи и заслоняютъ собственной грудью. Работникъ исчезаетъ, но бѣднаго Балье не безъ труда, среди волнующагося народа, отводятъ къ его батальону ⁽¹⁾.

Узнавъ о приключившемся отъ національной гвардіи, которая вѣстѣ съ народомъ припасала все измѣнѣ, меръ второго округа приказалъ бить сборъ; бьютъ въ набатъ; вскорѣ слышно паденіе деревьевъ бульвара и рытье земли на мостовой: народъ возстаетъ своя барикады. Гнѣвъ его, на минуту утихшій, просыпается съ страшной яростью.

Полночь. Бульвары слабо освѣщены догорающей иллюминаціей. Двери, окна, магазины все — закрыто. Молчаніе улицъ кажется скрываетъ въ себѣ засады. Жители незнаютъ чего должны опасаться или желать, но чувствуютъ приближенія большого несчастья. Никто почти не ложится спать.

Вдругъ на улицѣ раздается глухой шумъ; нѣкоторыя окна открываются съ предосторожностями. Что же видѣли тѣ, которые такъ скоро прячутся? Какое отталкивающее зрѣлище притягиваетъ ихъ снова, морозить холодомъ? Что это за звуки, непонятныя слова? Что значить это похоронное шествіе, вѣдомое какъ-будто народными фуріями?

Въ телегѣ, заложеной бѣлою лошадыю, которую ведетъ работникъ съ голыми руками, уложены съ страшной симетріей пять труповъ. Воклѣ нихъ стоятъ ребенокъ, блѣдный, съ огненнымъ и неподвижнымъ взглядомъ, протянутой рукой, какъ бы можно было изобразить генія мести, и красноватымъ свѣтомъ факела, освѣщаетъ тѣло молодой женщины, которой шея и грудь открыты кровавыми пятнами. Другой работникъ отъ времени до времени приподнимаетъ это безжизненное тѣло, водить дикимъ взглядомъ по окружающей толпѣ и восклицаетъ потряхивая факеломъ: «Ме-

(1) О темномъ происшествіи этомъ каждый рассказываетъ по-своему, но ни одинъ рассказъ не имѣетъ достаточно достовѣрнаго характера. Положительно только то, что солдатъ по имени Гейнрихъ былъ убитъ выстрѣломъ неизвѣстнымъ чьимъ и что тотчасъ за выстрѣломъ послѣдовалъ залпъ со стороны солдатъ.

ств! мести! рѣжутъ народъ!» И трупъ опускается снова на дно телѣги и все возирается къ прежнему молчанію.

Телѣга подвигается къ дому въ улицѣ Лепеллетте, гдѣ два часа тому назадъ толпа народа останавливалась для выслушанія и привѣтствованія одного изъ предводителей демократовъ. И теперь толпа адѣсь останавливается. Ее встрѣчаетъ Гарнье — Пажэ (Garnier-Pagés).

«Несчаствіе, которое насъ поразило — говоритъ онъ дрожащимъ голосомъ — можетъ быть приписано только недоразумѣнію. Радубога воротитесь домой. Не нарушайте порядка. Безъ сомнѣнія есть виновный; онъ будетъ наказанъ. Мы похлопочемъ, чтобы правительство приняло на свое попеченіе семейства убитыхъ. Но откажитесь отъ этой демонстраціи, которая можетъ вызвать еще большія несчастія.» Народъ остается глухъ къ этимъ мольбамъ. Онъ требуетъ, чтобы его поддерживали, чтобы раздували возстаніе. Онъ хочетъ начальниковъ для дѣйствія, а не ораторовъ. Онъ удаляется, собираетъ еще по дорогѣ приверженцевъ, которые хотятъ умереть за его дѣло и направляется къ конторѣ *Реформы*, этому гнѣзду республиканской партіи. Тамъ народъ находитъ людей, готовыхъ жертвовать своею жизнью и обещающихъ ему, что слѣдующій день не пройдетъ безъ наказанія виновныхъ. Послѣ краткой остановки похоронное шествіе двигается въ путь и входитъ въ предмѣстья. Не прибывши на площадь Бастильи, трупы складываютъ у подножья іюльскаго колоны, тушатъ факелы, народъ расходится. Одни бѣгутъ къ церкви и бьютъ въ набатъ; другіе ходятъ по домамъ и требуютъ оружія. Баррикады воздвигаются вездѣ.

У

Пока звонъ набата наполняетъ воздухъ грустью и страхомъ, пока стрѣльба слышится вдали, король, погруженный въ свои мысли, которыхъ не сообщаетъ никому, ожидаетъ въ Тюльери развязки министерскаго кризиса.

Около одиннадцати часовъ онъ узнаетъ отъ нѣсколькихъ адъютантовъ о злополучномъ происшествіи на бульварѣ Капуциновъ (des Capucines); но расказъ, смягченный вѣроятіемъ услужливыми устами, мало производитъ впечатлѣнія на Людовика-Филипа. Несмотря на опасенія, которыя явно показываютъ герцога Немурскій и Монцаксъ, несмотря на волненіе и нерѣшительность генераловъ Жакмано и Себастьяни, король остается въ бездѣйствіи.

Делессеръ, прибывшій послѣднею изъ префектуры полиціи, едва

можетъ вывести короля изъ апатіи, тѣмъ болѣе поразительной, что она страшно несогласна съ обыкновенной дѣятельностью Людовика-Филиппа. Король показался столь противорѣчащимъ самому себѣ, что во дворцѣ разнесся слухъ, будто въ предшествовавшій день, при полученіи извѣстія объ измѣнѣ національной гвардіи, съ нимъ приключился апоплексическій ударъ. Но слухъ этотъ былъ безъ всякаго основанія: физическое здоровье короля находилось въ самомъ лучшемъ состояніи.

Время уходило, а Моле не являлся. Переговоры его съ Ремюза, Дюфоромъ, Пасси были вдругъ прерваны страшнымъ извѣстіемъ, на которое Людовикъ-Филиппъ обращалъ такъ мало вниманія. По-нявъ тотчасъ, что роль его кончилась, Моле, нежелая показываться въ Тюльери, далъ знать королю, что онъ не могъ составить министерства. Людовикъ-Филиппъ, совѣщавшійся въ это время съ Гизо, изъяснилъ удивленіе и неудовольствіе по случаю этого отказа, необходимости котораго онъ не хотѣлъ понять; онъ видѣлъ только, что положеніе его было весьма непріятное. Нечего было колебаться; пришла очередь Тьера; пришлось спуститься еще на одну ступень и приблизиться къ реформистской оппозиціи. Самъ Гизо не могъ посоветовать ничего другаго. А только, чтобы уравнивать выборъ подобнаго предсѣдателя кабинета, онъ предложилъ назначить маршала Бюжо (1) главнокомандующимъ арміей; по его мнѣнію узелъ теперешняго положенія долженъ былъ, раньше или позже, развязаться при содѣйствіи меча. Людовикъ-Филиппъ согласился съ этимъ мнѣніемъ и назначеніе маршала Бюжо было тотчасъ подписано, тогда какъ одна изъ придворныхъ каретъ была отправлена за Тьеромъ. Было около часу ночи. Маршалъ Бюжо принялъ опасную должность, которую ему вручали уже въ крайности. Онъ не сдѣлалъ никакихъ условій, изъ устъ его не вышло ни одного упрека. Солдатъ, онъ думалъ и дѣйствовалъ какъ солдатъ. Вѣра его въ самого себя и въ армію была безграничная; неудачи дня онъ приписывалъ неспособности начальниковъ и занялся тотчасъ принятіемъ мѣръ способныхъ вознаградить потерянное время и возвратить войску нравственную его силу.

Тьеръ видѣлъ строчущіяся вокругъ его дома баррикады. (Стран-

(1) Парижское народонаселеніе ненавидѣло маршала Бюжо со времени возстанія 5 и 6 іюня, называя его «massacrer de la rue Transnoain». Это клевета партій, которая однако засѣла глубоко въ народной памяти. Было тысячу разъ доказано, что маршалъ Бюжо не принималъ участія въ кровавомъ происшествіи, которое ему приписываютъ. Военныя силы, назначенныя для усмиренія возмущенія, были раздѣлены на три бригады; генералъ Бюжо командовалъ одной изъ нихъ, но улица Трансноанъ находилась не въ его округѣ.

нымъ стеченіемъ обстоятельствъ, онъ приказалъ подать закусить одной толпѣ барикадистовъ, которые, не зная его, просили позволенія отдохнуть на дворѣ его дома; разговоръ съ этими людьми, не скрывавшими ни ненависти къ династии, ни вѣры въ успѣхъ борьбы, доказалъ ему необходимость обширныхъ и немедленныхъ уступокъ. Поэтому, одобряя назначеніе маршала Бюжо и несмотря на болѣе чѣмъ холодный приемъ Людовика-Филипа, Тьеръ потребовалъ назначенія Одилона-Барро въ совѣтъ парламентской реформы и распущенія палаты.

Возбужденный присутствіемъ человѣка, котораго онъ считалъ неблагодарнымъ, едвали не бунтовщикомъ, Людовикъ-Филиппъ, соглашаясь съ назначеніемъ Одилона Барро, показалъ явное отвращеніе къ двумъ другимъ уступкамъ, казавшимся ему преждевременными (1). Тьеръ, удивленный столь слѣпымъ упорствомъ и опасаясь потерять дорогое время, не настаивалъ. Окончательное рѣшеніе по этому вопросу онъ отложилъ до сформированія министерства, и министръ въ глазахъ короля составилъ записку для «Монитера», возвѣщавшую Франціи, что Тьеру и Одилону-Барро поручено составленіе новаго кабинета (2). Назначеніе маршала Бюжо слѣдовало тотчасъ за этой запиской, какъ-будто для уничтоженія хорошаго ея впечатлѣнія. Король между тѣмъ, поговоривъ немного съ Гизо, который ожидалъ въ сосѣдней комнатѣ отъѣзда Тьера, пошелъ отдохнуть, не допуская и тѣни сомнѣнія, что Парижъ приметъ отлично слѣданныя имъ уступки. Было около четырехъ часовъ; онъ спалъ спокойно до семи часовъ утра.

А между тѣмъ въ настоящую критическую минуту нельзя было кажется прибѣгнуть къ мѣрѣ болѣе непосредственной, болѣе способной возбудить революціонный духъ. Бросить вооруженной толпѣ имя Одилона-Барро значило показать ей, что королевская власть находится въ крайности, что она унижена. Отдать начальство надъ національной гвардіей маршалу Бюжо, человѣку противному парижанамъ, заклеяменному въ ихъ памяти однимъ изъ неизгладимыхъ воспоминаній ихъ междоусобныхъ войнъ, человѣку наконецъ, котораго имя устранило всякую надежду соглашенія, значило лишать себя нравственной силы, которая, поддерживая новое министерство, могла бы благопріятно подѣйствовать на народъ и дать цѣну поздней уступкѣ.

Въ двухъ этихъ мѣрахъ, столь противоположныхъ одна другой,

(1) «Я знаю что имѣю, но не знаю что буду имѣть», отвѣчалъ Людовикъ на предложеніе распущенія палаты.

(2) Записка эта или прокламація была отправлена въ презентуру полиціи, но оттуда ее забыли послать въ контору *Монитера*.

была слабость и вызовъ, недостатокъ ловкости и недостатокъ откровенности. Самый опытный и самый благоразумный изъ государей казался съ чувствомъ своей законности потерялъ и политическое чутье.

Около часу по полуночи маршалъ Бюжо, въ сопровожденіи генераловъ Рюльера (Rulhières), Бедо, Ламорисьера (Lamoricière), Салля (Salles) и другихъ, отправился въ главный штабъ въ Тюльери для принятія начальства надъ войскомъ. Принявъ его отъ герцога немурскаго, Бюжо съ свойственною ему быстротою сдѣлалъ тотчасъ нѣкоторыя распоряженія. Онъ напомнилъ офицерамъ, что тотъ, который поведетъ ихъ въ огонь, никогда не былъ побѣждаемъ ни на полѣ брани, ни въ возмущеніяхъ, и общалъ имъ, что и на этотъ разъ скорая побѣда незамедлитъ образумить толпу бунтовщиковъ.

— Если національная гвардія будетъ съ нами, сказалъ въ заключеніе маршалъ: — тѣмъ лучше; ежели же нѣтъ, тогда, господа, мы обойдемся и безъ нея.

Когда онъ кончалъ эту краткую рѣчь, которая въ устахъ наждаго другого показалась бы только смѣшнымъ хвастовствомъ, вошелъ Тьеръ съ задумчивымъ видомъ; онъ грустно принималъ поздравленія окружающихъ, и когда маршалъ сказалъ ему о необходимости составленія прокламаціи о перевѣнѣ кабинета, министръ отѣтилъ съ видимымъ увѣнїемъ: «Да успѣю ли я составить министерство?» Въ дѣйствительности програма новаго кабинета была составлена Тьеромъ, Одлюномъ-Барро, Дювержье де-Гаранномъ (Duviergiet de Hauganne) и Ремюза только послѣ продолжительнаго и щекотливаго превія. Неизвѣстно еще было, согласятся ли Пасси и Дюфортъ принять портфели; равнымъ образомъ съ Ламорисьеромъ, Кузеномъ (Cousin) и Леовомъ де-Мальвиллемъ (de Maleville) завязались только переговоры. Далекое было отъ этой нерѣшительности до энергическихъ и быстрыхъ мѣръ, которыхъ заставляло надѣяться одно имя маршала Бюжо, такъ безразсудно брошенное народу. Донесенія, получаемыя маршаломъ о состояніи войскъ въ Парижѣ, не были удовлетворительны. Десять тысячъ человекъ, собранныхъ на площади Каруселя, десять тысячъ человекъ измученныхъ, дурно снабженныхъ амуниціей, — вотъ все что генералъ Себастіани могъ отдать въ распоряженіе маршала. Остальная часть гарнизона разбросана по всему городу; многіе караулы захвачены и обезоружены; многія казармы окружены возставшими; транспортъ пороху, шедшій изъ Венсена, захваченъ народомъ въ предмѣстьи св. Антонія. На всѣ эти донесенія маршалъ отвѣчалъ составленіемъ плана атаки.

Онъ приказалъ впервыхъ дать отдыхъ солдатамъ, дозволивъ

снять каждой ротѣ по очереди всякіе два часа. Потомъ раздѣлилъ армию на нѣсколько главныхъ отрядовъ, почти одинаковой силы. Первый отрядъ, подъ начальствомъ генерала Себастьяни, долженъ былъ съ разсвѣтомъ соединиться у ратуши со второй дивизіей, находившейся тамъ подъ командою генерала Тальяндье. Третій, ввѣренный генералу Бедо, получилъ приказаніе направиться на бульвары по улицамъ Монмартръ и Поассоньеръ и достигнуть площади Бастильи, занятой четвертой дивизіей подъ начальствомъ генерала Дюго (Duhof). Пятый отрядъ, находившійся подъ командою генерала Рено (Renaut), стоялъ на площади Пантеона. Шестой, составлявшій резерву Каруселя, порученъ былъ генералу Рюльеру. Кавалерія, ввѣренная генералу Рено де Сентъ-Жанъ д'Анжела (de Saint-Jean d'Angely), занимала площадь Согласія. Въ инструкціи приказано было атаковать на всѣхъ пунктахъ, ежели извѣстіе о назначеніи Тьера и Барро не возстановитъ порядка.

Пока маршалъ дѣлалъ эти распоряженія, усиліемъ которыхъ въ стратегическомъ отношеніи былъ несомнѣнный, политическіе люди, отъ которыхъ онъ ожидалъ содѣйствія, оспаривали уже данную ему власть и заранѣе уничтожали ожидаемый успѣхъ.

Ново-формирующееся министерство, собранное у Олилона-Барро, объявило себя противъ возобновленія военныхъ дѣйствій. Барро, имѣя поддержку въ Дювержье де Гораннѣ, согласился принять перемиріе съ условіемъ немедленнаго прекращенія огня. Ремюза соглашался вручить начальство надъ національной гвардіей генералу Ламорсьеру. Олимпъ Тьеръ, соглашаясь, что предварительно должно было прибѣгнуть къ путямъ примиренія, не вѣрилъ ихъ дѣйствительности и поддерживалъ назначеніе маршала Бюжо какъ послѣднее средство спасенія, въ случаѣ ежели народъ не захочетъ довольствоваться возможными уступками и между монархіей и республикой завяжется смертный бой.

Еще не порѣшили этого важнаго вопроса, какъ уже занялся день, освѣщая холоднымъ своимъ свѣтомъ самую странную смѣсь, самый непомытный хаосъ желаній, яростей, надеждъ и опасеній, которыя когда-либо потрясали общество, слѣвавшееся добычей анархіи.

Парижъ покрылся баррикадами (1), охраняемыми большею частью республиканскими предводителями и воздвигнутыми отъ самыхъ отдаленныхъ предмѣстій почти до самаго тюльерійскаго дворца. Деревья бульваровъ были срублены; улицы со взломанной мостовой, покрытыя осколками посуды и стекла, были почти непроходи-

(1) Ихъ насчитывали до 1600.

мы для артилеріи и кавалеріи. Гаутовхаты, будки, скамьи опрокинуты, сожжены, изломаны; всѣ магазины закрыты. Груды пеплу, остатки бивачныхъ огней, придавали улицамъ видъ еще болѣе мрачный. Работники, національная гвардія, воспитанники школъ выходили толпами на площади и улицы, съ негодоваіемъ сообщая другъ другу новость ночи: назначеніе маршала Бюжо. Имя это, презираемое парижскимъ народонаселеніемъ, оставляло въ тѣни всѣ остальные; въ сборищахъ едва слушали благонамѣренныхъ людей, говорившихъ о примирительномъ министерствѣ и надѣявшихся успокоить раздраженіе народа именемъ Одилона-Барро. Прокламація, никѣмъ неподписанная и наклеенная на стѣнахъ, народъ срывалъ и растаптывалъ ногами. Вездѣ, гдѣ ни собиралась національная гвардія, принимая назначеніе маршала Бюжо за новую для себя обиду, она кричала: «Долой Бюжо! долой челоуѣка улицы Транспоневъ!» и единогласно отказывалась повиноваться ему.

Демократическіе журналы «Реформа» и «Националь» печатали съ своей стороны протестацію, составленную Луи-Бланомъ; призывы къ возстанію, вышедшіи изъ конторы журнала «*Sonnetier Français*», раздавались также на всѣхъ баррикадахъ.

Такимъ образомъ революціонное движеніе не усмиралось, а напротивъ того распространялось, и пришло уже время не только уступить, но и сопротивленія.

Генераль Бедо, не зная что дѣлалось во дворцѣ, гдѣ король, преслушавшись, былъ оглушонъ тысячами разногласныхъ совѣтовъ, генераль Бедо, къ которому присоединился генераль Салль, исполнялъ приказанія главнокомандующаго.

Привѣтствовать на площади Каруселя вѣрными ему войска краткой рѣчью, онъ пошелъ по дорогѣ назначенной маршаломъ и въ улицахъ Нёвъ-де-Пти-Шанъ (*Neuve-des-Petits-Champs*), Вивьевъ (*Vivienne*) и Фейдо (*Feudau*) сломалъ нѣсколько баррикадъ. Въ половинѣ осьмого, поровнявшись съ театромъ Жимназъ, Бедо увидѣлъ огромную баррикаду, выстроенную по правиламъ и хорошо укрѣпленную. Вокругъ волновалась толпа народа. При видѣ войска поднялся грозный говоръ. Тогда изъ середины перепуганныхъ зрителей многіе обратились къ генералу съ просьбою не начинать атаки. Желая, какъ и тѣ, которые съ нимъ говорили, избѣжать кровавой схватки, генераль обратился къ ближайшей группѣ и объявилъ о перемѣнѣ министерства. Но подозрительность народа была очень велика и шумъ не стихалъ (1). «Именемъ населенія, которое настъ

(1) Народъ и даже большая часть офицеровъ національной гвардіи были убѣждены, что катастрофа бульвара Капюсинъ была преднамѣренна; что народъ

окружаетъ, — воскликнулъ одинъ изъ жителей квартала, Фовель-Дельбаръ (Fauvelle-Dellebarre) — позвольте мнѣ, генералъ, сдѣлать вамъ нѣсколько вопросовъ. Мы были обмануты вчера, насъ можетъ быть обманываютъ и сегодня. Мы вѣримъ вашей чести; общаете ли вы отвѣчать намъ чистосердечно?»

Генералъ кивнулъ головой въ знакъ согласія.

Толпа замолкла.

— Генералъ, сказалъ Фовель-Дельбаръ: — правда ли, достоверно ли извѣстно, что Гизо уволенъ?

— Да, отвѣтилъ Бедо.

— Кто же у насъ министръ въ настоящее время?

— Тьеру и Одилону-Барро поручено составить новое министерство.

— Если еще нѣтъ министерства, то кто же васъ присылаетъ сюда?

— Маршалъ Бюжо.

При этомъ имени поднялись страшные крики.

Толпа не хотѣла ничего слушать.

— Вы видите, генералъ, продолжалъ Фовель, — какъ одно имя маршала Бюжо раздражаетъ народъ; умоляю васъ, не начинайте борьбы, которая будетъ ужасна.

— Я получилъ приказаніе, отвѣчаетъ генералъ: — я солдатъ, долженъ повиноваться.

— По крайней мѣрѣ подождите новыхъ приказаній; кто знаетъ какія происшяія перемѣны въ тюльрійскомъ дворцѣ съ тѣхъ поръ какъ вы его оставили? Дайте мнѣ часть времени; пошлите со мной офицера, который проводилъ бы меня до маршала Бюжо; я ему представлю положеніе, въ которомъ вы находитесь, и я увѣренъ, вы получите приказаніе не стрѣлять.

Бедо видѣлъ вблизи колебаніе и подвижность идей въ Тюльери, а потому возможность перемѣны въ рѣшеніяхъ короля поразила его. Притомъ, какъ и всѣ офицеры арміи, онъ былъ убѣжденъ, что войско безъ національной гвардіи не можетъ ничего сдѣлать противъ возмущенія, а проходя черезъ бульвары онъ убѣдился, что легіоны не будутъ ему помогать. Генералъ рѣшился следовательно ожидать новыхъ инструкцій; онъ считалъ минуты этого часа, который казался ему вѣчностью.

Фовель между тѣмъ продолжалъ всѣ препятствія и въ союствѣнн

обманули ложнымъ слухомъ о перемѣнѣ министерства; что правительство хотѣло устроить новую варфоломеевскую ночь и вырвать всѣхъ демократовъ и т. д. Национальная гвардія объявляла, что она будетъ защищать народъ противъ столь наглой и безстыдной зѣмны.

Корбона (Corbon), офицера главнаго штаба національной гвардіи, прибылъ въ Тюльери и просилъ дозволенія видѣться съ маршаломъ Бюжо.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ ожиданія, его ввели. Маршалъ слушалъ Фовеля съ видимою подозрительностью и нѣсколько разъ дѣлалъ движенія недовѣрія, которыя смутили бы Фовеля, еслибы герцогъ Немурскій и Тьеръ, присутствовавшіе при разговорѣ, одобрительнымъ молчаніемъ не поощряли его продолжать. Проникнутый, вмѣстѣ со всей парижской буржуазіей, единственнымъ желаніемъ остановить пролитіе крови, Фовель представилъ маршалу оживленную картину плачевнаго положенія войска въ схваткѣ съ огромной массой раздражнаго народа; онъ изобразилъ ему весь ужасъ рѣзни, въ случаѣ если войско завяжетъ сраженіе, и старался доказать, что соглашеніе еще возможно, если позволить дѣйствовать одной національной гвардіи. Потомъ обращаясь къ герцогу Немурскому, который казалось соглашался съ этимъ мнѣніемъ, онъ сказалъ съ силой: «Ваше высочество, поддержите просьбу объ отозваніи войскъ. Не потерпите, чтобы хотя одна капля крови пала на имя вашего отца и ваше... Еще ничто не потеряно; но если кровь будетъ пролита, не будетъ предѣла народной мести.» Удивленный такой настойчивостью и впечатлѣніемъ, которое она произвела на герцога и предсѣдателя кабинета, маршалъ сказалъ сухо Фовель-Дельбару, что онъ вскорѣ сообщитъ отвѣтъ, и вышелъ съ герцогомъ Немурскимъ и Тьеромъ.

Совѣщаніе было непродолжительно. Бюжо, въ присутствіи Людовика-Филиппа, поддерживалъ одинъ необходимость и неминуемый успѣхъ сраженія на-смерть, но не скрывалъ, что побѣда будетъ куплена многочисленными жертвами. «Я не хочу царствовать надъ трупами», отвѣтилъ наконецъ король, котораго члены новаго кабинета успѣли уже поколебать въ отношеніи къ маршалу. Подобный отвѣтъ не допускалъ никакого разсужденія. Бюжо⁽¹⁾, возвратившись въ главный штабъ, продиктовалъ и подписалъ враскоря приказъ генералу Бедо не завязывать непріязненныхъ дѣйствій и возвратиться

(1) Годъ спустя послѣ объявленія республики маршалъ Бюжо, замѣтивъ въ одномъ домѣ Фовель-Дельбара, подошелъ къ нему и взявъ за руку, сказалъ: «Я васъ узнаю; вы намъ много сдѣлали вреда. Мнѣ бы слѣдовало, не слушая, выгнать васъ, и девятая стонамъ вашихъ парижскихъ буржуа и вашей національной гвардіи, круглыхъ дураковъ, защищать моего короля въ Тюльери, а васъ засыпать картечью безъ милосердія. Людвигъ-Филиппъ оставался бы до сихъ поръ на престолѣ, и вы бы меня превозносили теперь до небесъ. Но, что вы хотите! Я былъ окруженъ толпой трусовъ, они сдѣлали изъ меня такого же безумнаго какъ были сами.»

на набережныя, для сохраненія сообщенія между тюльерійскимъ дворцомъ и ратушей.

Вмѣстѣ съ этимъ приказомъ маршалъ вручилъ Фовелю лоскутъ исписаной бумаги, помѣченный въ восемь часовъ утра, въ которой подъ заглавіемъ: «увѣдомленіе» объявлялось народу о сформированіи министерства Тьеръ-Барро и о назначеніи маршала главнокомандующимъ арміей и національной гвардіей. Черезъ два часа увѣдомленіе это должно было быть наклеено на стѣнахъ Парижа. Бюжо поручилъ Фовелю читать его всѣмъ сборищамъ, на всѣхъ баррикадахъ.

Могъ ли еще въ настоящую минуту маршалъ обманывать себя дѣйствительностью подобной прокламаціи, или же, въ ожиданіи лучшаго, онъ сообразовался съ наставленіями начальника кабинета? Можно предполагать, что несмотря на обыкновенную ясность своего сужденія, Бюжо не понималъ еще несомнѣнности своего имени съ системой примиренія. Нѣсколько минутъ спустя послѣ описанной нами сцены онъ сѣлъ на лошадь, чтобы произвести рекогносцировку. Въ сопутствіи генераловъ де-ла Рю (de la Rüe) и д'Арбувиля (d'Arbouville), онъ направился къ улицѣ Риволи, гдѣ стоялъ батальонъ 10 легіона, и приказалъ ему слѣдовать за собой. Батальонъ не двинулся съ мѣста. Маршалъ, озабоченный, продолжалъ ѣхать впередъ, незамѣчая этого, и подвигался черезъ площадь Пирамидъ, къ улицѣ Ст. Гоноре. Тогда капитанъ главнаго штаба національной гвардіи Ламиньяръ (Lamignard), подошелъ къ генералу де-ла Рю, объявилъ ему, что національная гвардія отказывается повиноваться маршалу и что съ его стороны безразсудно отправляться одному навстрѣчу возмущенію. Маршалъ, услышавъ этотъ разговоръ, спросилъ въ чемъ дѣло; ему не рѣшались отвѣтить; тогда онъ обратился къ капитану Ламиньяру. «Маршалъ, сказалъ тотъ: — я объявлялъ этимъ господамъ, что вы не можете ничего сдѣлать, потому что національная гвардія васъ не хочетъ.» Маршалъ плюнулъ и хотѣлъ продолжать путь. Но генералъ де-ла Рю уговорилъ его возвратиться къ площади Каруселя, чтобы взять съ собой батальонъ арміи; Бюжо уступилъ и возвратившись къ тюльерійскому дворцу, не выходилъ изъ него болѣе.

Съ другой стороны Одилонъ-Барро все еще лаская себя пустой вѣрой въ свою популярность, хотѣлъ тоже показаться на баррикадахъ. Во главѣ шестіи, въ которомъ участвовали Орасъ Верне (Vernet), Кинетъ (Quinette), Оскаръ Лафайетъ (de Lafayette) и генералъ Ламориясьеръ, онъ хотѣлъ пройти по бульварамъ до ратуши, надѣясь чистосердечными объясненіями разсѣять недоразумѣніе, ки-

торое со времени принятія имъ портфеля одно только могло быть настоящей причиной продолжающихся стычекъ.

Грустное разочарованіе гордаго тщеславія! При появленіи на бульварахъ, окруженный любопытной, но не сочувствующей толпой, которая казалось отдавала ему честь, а въ дѣйствительности мѣшала подвигаться впередъ, Барро, сидя верхомъ на лошади, слышалъ со всѣхъ сторонъ только восклицанія: «Долой льстецы! Намъ неужно подлецовъ! долой Моле! долой Тьеръ! долой Барро! Народъ повелеваетъ!» Наконецъ страшно разочарованный, подвигаясь впередъ посреди толпы все болѣе и болѣе враждебной, Барро, измученный усиліями и уныніемъ, которое имъ овладѣло, остановился у барикады на бульварѣ Бонъ-Нувель (Bonaparte-Nouvelle), только-что оставленномъ генераломъ Бедо. Тамъ, несмотря на шумъ, несмотря на изступленіе, въ которомъ находился народъ, Барро прибѣгнувъ къ послѣдней попыткѣ. «Друзья мои, сказалъ онъ возвышая голосъ: — наши общія усилія одержали верхъ. Мы завоевали свободу, а что лучше — честь.» Страшные возгласы прерываютъ его; какой-то человѣкъ бросается впередъ и грознымъ движеніемъ руки заставляетъ его молчать. Другіе толкаютъ его, опрокидываютъ. Увлеченный своими друзьями, Барро возвращается назадъ, съ растерзаннымъ сердцемъ, убѣдившись наконецъ, но слишкомъ поздно, что онъ способствовалъ раздраженію бури, которой ни онъ, ни никто не въ состояніи усмирить, и принимая передъ лицомъ своей совѣсти обязанность все сдѣлать для спасенія короля или, если это уже невозможно, для спасенія династіи.

Приказъ, подписанный маршаломъ Бюжо и принесенный Фовель-Дельбаромъ, уничтожилъ дѣйствительно послѣднюю надежду къ спасенію правительства Людовика-Филипа. Когда генералъ Бедо, рѣшаясь возвратиться на площадь Согласія, приказалъ войску начать отступательное движеніе, народъ вѣвъ себя отъ радости наполнилъ воздухъ восклицаніями. *Да здравствуетъ армія!* кричали со всѣхъ сторонъ съ неописаннымъ восторгомъ; и толпа, напирая на фланги колонны, завязывая разговоры, стараясь брататься, затруднила шествіе и безъ того весьма утомительное по причинѣ многочисленныхъ барикадъ, разломанныхъ поутру и построенныхъ снова впоследствии. Солдаты, проходя черезъ нихъ, обмѣнивались съ народомъ пожатіями рукъ и поздравленіями по случаю счастливаго окончанія междоусобной войны. Кавалерія и артилерія едва могла двигаться по разломаной мостовой.

Всѣ эти демонстраціи, всѣ эти препятствія растягивали страшно отрядъ. Генералъ Бедо, шедшій впереди, задумчивый, безпокойный, видѣлъ братанье съ народомъ, столь несогласное съ дисципли-

ной, но не могъ ему препятствовать. Онъ приближался къ улицѣ Мира, когда арьергардъ, состоящій подъ начальствомъ генерала Салля, былъ остановленъ на углу улицы Шоазель многочисленнымъ сборищемъ. Народъ не хотѣлъ пропустить пушекъ и началъ откладывать лошадей. Солдаты едва противились. Нетерпѣливая толпа бросилась на ящики и начала ихъ грабить. «Именемъ мира, сказалъ генералу Саллю командиръ батальона второго легіона, выходявшаго изъ улицы Шоссе д'Антенъ : — отдайте мнѣ ваши пушки. Вы видите, что онѣ не могутъ подвигаться впередъ. Народъ раздражается; солдаты ваши находятся въ опасности. Именемъ мира, который заключенъ между правительствомъ и народомъ, прикажите поднять приклады вверхъ.»

Слова эти, слышанныя національной гвардіей, окружавшей командира, были немедленно повторены всѣми. «Приклады вверхъ! приклады вверхъ! миръ! миръ!» Вотъ единогласныя восклицанія, раздававшіяся вокругъ солдатъ. Растерянные, упавшіе духомъ вслѣдствіе непонятнаго для нихъ отступленія, они машинально повинуются; пушки остаются въ рукахъ національной гвардіи.

Между тѣмъ генералъ Бедо, видя безпорядокъ въ своемъ отрядѣ и народную массу все болѣе бурную, по мѣрѣ того какъ приближались къ площадь Согласія, послалъ одного изъ своихъ адъютантовъ, Эспивана (Espivant), предупредить войско, что онъ приходитъ въ сопровожденіи національной гвардіи и что народъ не имѣетъ дурныхъ намѣреній. Пѣхота, разбросанная по площади, не показывала никакого опасенія; но отрядъ муниципальной гвардіи, состоявшій изъ двадцати шести человекъ и занимавшій, подъ начальствомъ сержанта Фуке (Fouquet), караулъ у турецкаго посольства, при входѣ въ аллею Габріель, замѣтивъ хлынувшій потокъ народа и зная, что самъ онъ долженъ опасаться всего, выстроился впереди рѣшотки гауптвахты и приготовилъ ружья. При этомъ видѣ въ народѣ поднялись крики ярости.

Испуганный мыслью о несчастіяхъ, какія могли послѣдовать въ случаѣ стычки, генералъ Бедо послалъ сказать караулу, что дано приказаніе прекратить вездѣ огонь и что отрядъ долженъ сложить оружіе. Сержантъ проситъ, чтобы войска были выдвинуты впередъ для защиты его солдатъ, которые безъ того будутъ неминуемо перебиты. Во время этихъ переговоровъ кто-то выстрѣлилъ въ муниципальную гвардію изъ пистолета; та отвѣчаетъ. Эспиванъ приказываетъ ей войти въ гауптвахту. Генералъ Бедо, съ фуражкой въ рукѣ, бросается въ середину сражающихся, дѣлаетъ знакъ муниципальной гвардіи не стрѣлять и въ тоже время умоляетъ народъ отступить; но напрасно: жребій брошенъ. Въ этомъ волнующемся

морѣ никакой голосъ не можетъ быть слышенъ, никакое приказаніе не можетъ быть исполнено. Раздается новый залпъ. «Измѣна! измѣна!» кричатъ народъ. Національная гвардія бьеть бой. Венсенскіе стрѣлки, думая что они атакованы, стрѣляютъ въ свою очередь. Суматоха дѣлается страшная; на муниципальную гвардію нападаютъ съ яростью. Несмотря на старанія генерала Бело и его адъютантовъ, народъ бросается на гауптвахту и ломаетъ ее въ одно мгновеніе; онъ убиваетъ, наноситъ раны штыками, саблями, прикладами, этимъ стойкимъ, но несчастнымъ защитникамъ проиграннаго дѣла. Сержантъ Фуке, пораженный нѣсколькими ударами топоромъ, успѣлъ добѣжать до моста Турнанъ (Tourgnant). Чтобы остановить бѣгущихъ за нимъ, начальникъ караула приказываетъ сдѣлать залпъ. Эти выстрѣлы наносятъ раны Кальвьеру (de Calvières), убиваютъ Жолливе (Jollivet), депутата, и нѣсколькихъ другихъ лицъ, искавшихъ убѣжища въ тюльерійскомъ саду.

Между тѣмъ пятьсотъ или шестьсотъ человекъ національной гвардіи, разбросанные по площади, стараются успокоить народъ. Но малѣйшее обстоятельство можетъ возбуждать снова его гнѣвъ, а время уходитъ. Генералъ Бело, находясь въ столь опасномъ положеніи, не получалъ никакихъ приказаній. Когда наконецъ, утомившись ждать и посылая своихъ адъютантовъ въ Тюльери, онъ приказалъ въ послѣдній разъ настоять у герцога Немурскаго о необходимости принять какое-либо рѣшеніе, принцъ отвѣчалъ. «Я больше не командую». «Пусть генералъ дѣлаетъ что хочетъ», сказалъ въ свою очередь маршалъ Бюжо. Не было уже ни начальника, ни воли: все было замѣшательство, беспорядокъ, всѣ пали духомъ, всѣ отступали.

Со времени пробужденія короля кабинетъ тюльерійскаго дворца и главный штабъ сдѣлался добычей прилива и отлива разныхъ извѣстій, предостереженій и противорѣчивыхъ распоряженій.

Въ семь часовъ утра Гизо въ соупутствіи Брольи и Госсонвилля (d'Haussouville) хотѣлъ видѣть Людовика-Филипа, но не былъ принятъ. Въ настоящую минуту брали верхъ противоположные софѣты; вліяніе Одилона-Барро и его друзей увлекало короля на путь уступокъ. Мы видѣли, что кружокъ политическихъ людей, которые должны были составить или поддерживать новый кабинетъ, требовалъ распущенія палаты, увольненія маршала Бюжо и прекращенія испріязненныхъ дѣйствій. Король ни уступалъ, ни противился; все было неопредѣленно, тогда какъ народъ, торжествуя на всѣхъ цунктахъ, подвигался все болѣе и болѣе къ тюльерійскому дворцу.

Около девяти часовъ Жирарденъ (Girardin), который пробѣ-

жалъ большую часть города и убѣдился въ деморализаціи арміи, слѣпомъ упорствѣ національной гвардіи и силѣ возмущенія, явился во дворецъ и просилъ позволенія говорить съ королемъ, чтобы открыть ему глаза. Генераль Рюиньи (de Rumigny), дежурный адъютантъ, посоветовалъ редактору «Прессы» переговорить сперва съ Тьеромъ, находившимся тогда въ главномъ штабѣ съ герцогомъ Немурскимъ, Барро, Ремюза, Дювержье де-Гораномъ и Ламорисьеромъ. Несмотря на живость, съ которою Жирарденъ изобразилъ этимъ государственнымъ людямъ опасность угрожающую королевской власти, несмотря на замѣчаніе болѣе откровенное, чѣмъ почтительное, слѣланное герцогу Немурскому, которому онъ предложилъ выйти на улицу для воодушевленія войска, несмотря на все это Жирарденъ не могъ вдохнуть въ умы ихъ спасительнаго страха, который въ крайней опасности учить прибѣгать къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Колеблясь между страхомъ и несбыточными надеждами, люди эти сумѣли прибѣгнуть только къ прокламаціи, прокламаціи весьма поздней, составленной наскоро Ремюза въ слѣдующихъ словахъ :

«Граждане города Парижа !

«Дано приказаніе прекратить огонь. Король поручилъ намъ составить министерство. Палата будетъ распущена. Будетъ слѣлано «воззваніе къ странѣ. Генераль Ламорисьеръ назначенъ главнокомандующимъ національной гвардіей. Одилонъ-Барро, Тьеръ, Ламорисьеръ, Дювержье де-Горанъ — министрами.

«Свобода, порядокъ, реформа.

«Подписали : Одилонъ-Барро, Тьеръ.»

Копіи съ этой прокламаціи были тотчасъ отнесены въ типографіи журналовъ «Прессы», «Конститусьоннеля» и «Насьоналя» господами Жирарденомъ, Меррюю (Merguau) и Реймсомъ (de Reims). Чась спустя ее начали наклеивать на стѣнахъ ; но ничто уже не могло остановить народа въ его чувствѣ всемогущества. Кромѣ того республиканцы сторожили и обращали въ ничто всѣ уступки правительства. Прокламаціи министерства Барро была вездѣ сорвана и замѣнена немедленно слѣдующимъ лаконическимъ объявленіемъ, составленнымъ Флокономъ и набравшимъ въ типографіи *Реформы* Прудономъ (Proudhon), бывшимъ наборщикомъ :

«Людовикъ-Филипп хочетъ перебить васъ какъ Карлъ X; пусть «и онъ отправится по слѣдамъ Карла X !»

Нельзя было ошибаться. Республиканская партія подымала голову и овладѣвала движеніемъ. Контора *Реформы* давала единственное направленіе, сообщаемое предприимчивыми людьми съ барикады на барикаду цѣлой арміи возставшихъ. Флоконъ, Бонъ

(Banne), Коссидьеръ (Caussidière), Лагранжъ, Араго, Собрье (Sobrier), Рибейроль (Ribeyrolles) и т. д., возбуждали сражающихся, сообщали приказанія, раздавали амуницію, раздражали толпу распуская страшные слухи, проматія, анафему противъ короля, и рѣшались провозносить, хотя еще съ предосторожностями, слово *республика*.

Говоря правду, народъ не встрѣчалъ нигдѣ серьезнаго сопротивленія. Почти всадѣ національная гвардія, вмѣшиваясь въ среду сражающихся, заставляла колебаться армию. Нѣсколько залповъ на бульварѣ Тампля и въ особенности въ предмѣстіи св. Антонія, на площади Бастильи, убили и ранили съ одной и съ другой стороны незначительное число человекъ. Но стычки эти кончались обезоруженіемъ солдатъ и братаніемъ при крикахъ: *Да здравствуетъ армія!*..

Въ десять часовъ Людовикъ-Филипъ завтракалъ съ своимъ семействомъ въ галереѣ Діаны, когда пришла доложить, что Ремюза и Дювержье де-Горанъ желаютъ видѣть герцога Монпансье. «Пусть войдутъ», сказалъ король, и съ большою предупредительностью предложилъ новымъ своимъ министрамъ занять мѣста за столомъ.

Тѣ отказались; они были взволнованы; хотѣли и не смѣли говорить. Послѣ нѣсколькихъ минутъ смущенія, которое всѣ, исключая короля, читали на ихъ лицахъ, замѣчая наконецъ, что вѣроятне идетъ дѣло о какомъ-либо важномъ извѣстіи, Людовикъ-Филипъ отвелъ Ремюза къ окну и спросилъ: «Что случилось?»

Королева, герцогъ Монпансье и принцессы остались неподвижны на своихъ мѣстахъ, устремивъ глаза на разговаривающихъ.

— Государь, сказалъ Ремюза, понижая голосъ: — нельзя терять ни одной минуты; возмущеніе торжествуетъ на всѣхъ пунктахъ; оно поднимается впередъ гигантскими шагами. Караулъ при Шато-До (Château-d'Eu), который держится съ геройской храбростью, не можетъ устоять долго; черезъ часъ можетъ-быть дворецъ Тюльери будетъ атакованъ. Жизнь короля въ опасности.

Королева, услышавъ послѣднія слова, вскочила и бросилась къ Людовику-Филипу, какъ-будто для защиты его. Всѣ остальные встали изъ-за стола.

«Г. Ремюза полагаетъ, что тюльерійскій дворецъ будетъ атакованъ», сказалъ король съ притворнымъ спокойствіемъ. Между тѣмъ, безъ всякаго доклада, вошло въ залу нѣсколько человекъ. Тьеръ, Брольи, Пискатори, Кинетъ, Барошъ, Лакроссъ, подтвердили слова Ремюза.

Лобеспенъ (de Laubespin), капитанъ генеральнаго штаба, принесть извѣстіе еще болѣе печальное: отрядъ генерала Бедо поималъ при-

клады вверхъ; бунтовщики ограбили ящики и завладѣли двумя пушками; тюльерійскій дворець совершенно открытъ со стороны площади Согласія.

Герцогъ Эслингенъ, невѣря своимъ ушамъ и подозревая какой-нибудь обманъ, выбѣжалъ поспѣшно. Черезъ пять минутъ онъ возвратился. «Не вѣрьте, ваше величество, воскликнулъ онъ: — я только-что говорилъ съ генераломъ Реньо де Севъ-Жанъ д'Анжели. Бригада его остается вѣрною, готовою пролить кровь за ваше величество. Тюльерійскій дворець не можетъ быть взятъ. Садитесь на лошадь, государь: ваше присутствіе воодушевитъ войска и можетъ еще все спасти.»

Порѣшили, что король произведетъ смотръ войскамъ.

Пока онъ надѣваетъ генеральскій мундиръ національной гвардіи и ленту ордена почетнаго легіона скорѣе съ хладнокровіемъ челоувѣка, который, соглашаясь съ мнѣніемъ большинства, готовъ исполнить пустую церемонію, чѣмъ какъ государь, рѣшившійся дорого продать свою жизнь и свой престолъ, — даютъ знать ближайшимъ отрядамъ, что король произведетъ смотръ войскамъ и желаетъ показать имъ національную гвардію. Сильные отряды легіоновъ начинаютъ двигаться. Какъ только они появляются у луврскихъ воротъ, король выходитъ изъ дворца; онъ садится на лошадь, богато украшенную золотыми галунами и кистями. Герцоги Немурскій и Монпансье, маршалъ Бюжо находятся по правой его рукъ; по лѣвой генералъ Ламорисьеръ; онъ вступаетъ въ свою должность.

Тьеръ и Ремюза слѣдуютъ за нимъ иѣшкомъ. Многочисленная свита, состоящая изъ офицеровъ конной національной гвардіи, адъютантовъ, между которыми видны генералъ Рюиньи въ штатскомъ платьѣ, генералъ Трезель, Монталиве и проч., замыкаетъ шествіе.

При проѣздѣ передъ фронтомъ внутреннихъ карауловъ, Людовика-Филипа привѣтствуютъ многочисленными криками; королева Марія-Амалия показывается у окна перваго этажа; ее окружаютъ герцогиня орлеанская, принцессы и маленькіе принцы. Съ гордой осанкой, съ глазами блестящими надеждой, она благодаритъ жестомъ всѣхъ тѣхъ, кто проходя передъ нею, привѣтствуетъ ее крикомъ: *да здравствуетъ королева!*

Между тѣмъ Людовикъ-Филиппъ, проѣхавъ вдоль рѣшетки, приблизился къ триумфальной аркѣ и начинаетъ смотреть съ лѣвой стороны площади, гдѣ стоитъ первый легіонъ. Здѣсь крики: *да здравствуетъ король!* заглушаются тотчасъ криками: *да здравствуетъ реформа!* Группа національныхъ гвардейцевъ выходитъ изъ лѣвицъ, живо подходитъ къ Людовику-Филиппу и почти требуетъ у него се-

гласія на реформу. Король, видимо взволнованный, прибавляетъ шагу, повторяя съ сердцемъ: «Согласіе дано, согласіе дано!» Но объявленіе о такой уступкѣ, сдѣланное безъ восторга, принятое также безъ восторга, было только лишнимъ знакомъ окончательнаго бѣдствія. Людовикъ-Филиппъ, видя угрюмыя лица своихъ защитниковъ, совершенно упалъ духомъ. Онъ возвратился во дворецъ, возложивъ на маршала Бюжо обязанность привѣтствовать войско.

Маршалъ выходилъ изъ себя отъ гнѣва. Облеченный насмѣшливой властью, онъ видѣлъ, непонимая, что всѣ распоряженія его остались безъ успѣха, что предложенные имъ планы защиты правда принимались, но разбирались въ его отсутствіе и потомъ отвергались; вокругъ него всѣ смотрѣли грустно, слышались только слова недоверія и трусости. Несмотря на то онъ не терялъ еще надежды отплатить разомъ за все толпѣ бездѣльныхъ бунтовщиковъ. Приказавъ пострелъ войско въ каре, Бюжо сказалъ:

«Офицеры и солдаты. Политическій вопросъ разрѣшонъ назначеніемъ новаго министерства. Тѣ, которые за симъ не поддадутся, будутъ почитаемы какъ матежники и тогда мы будемъ знать, господа, что намъ остается дѣлать.» Слова эти были приняты громкими рукоплесканіями.

Тотчасъ послѣ того національную гвардію направили на префектуру полиціи, которой угрожало возстаніе; а войска заняли прежнія свои мѣста на дворѣ и въ саду Тюльери.

Возвратившись въ кабинетъ послѣ смотра, Людовикъ-Филиппъ бросился въ кресла стоявшія у окна. Измученную голову онъ облокотилъ на руку и сохранилъ глубокое молчаніе. Его друзья и слуги, которыхъ ожиданіе неминуемой опасности держало въ страшномъ безпокойствѣ, обмѣнивались шопотомъ нѣсколькими словами.

А время уходило. Приближалось двѣнадцать часовъ, когда Кремье вошелъ въ залу, смежную съ кабинетомъ короля. Герцогъ Монпансье, окруженный принцами вюртембергскимъ и кобургскимъ, депутатами, перами Франціи, генералами и толпой дежурныхъ офицеровъ, подошелъ къ нему и спросилъ живо: что слышно?

«Еще ничто не потеряно, сказалъ Кремье. — Я пробѣжалъ часть Парижа. Национальная гвардія можетъ къ намъ возвратиться; назначеніе Барро президентомъ совѣта, людей лѣвой стороны министрами, увольненіе Тьера и маршала Бюжо, самыя широкія уступки сдѣланныя безотлагательно, могутъ успокоить возмущеніе; но нельзя терять ни одной минуты.» Пока онъ такъ говорилъ, герцогъ Монпансье открылъ дверь въ кабинетъ и доложилъ о приходѣ Кремье.

«Что сияжете?» проговорилъ Людовикъ-Филиппъ подымая голову.

Кремь повторилъ свои слова.

Тогда Тьеръ, стоявшій въ сторонѣ, подошелъ къ королю и подалъ ему свою отставку. Недѣлая ему никакихъ замѣчаній, неизъявляя ни сожалѣнія, ни удовольствія, ни опасеній, Людовикъ-Филиппъ потребовалъ Фена (Fain), своего секретаря, для написанія назначенія Барро президентомъ совѣта. Генералъ Трезель контрасигновалъ это назначеніе и Кремь, унося его поспѣшно, совѣтовалъ королю призвать маршала Жерара (Gégarde) и вручить ему начальство надъ войскомъ.

Послѣ ухода Кремья блеснула лучъ надежды. Король и окружающіе его полагали, что депутатъ самой крайней оппозиціи долженъ хорошо знать расположеніе умовъ и дѣйствительность предлагаемыхъ имъ мѣръ. Но въ настоящую минуту никто не могъ оцѣнить уже въ цѣлости народное движеніе. Оно дѣйствовало въ столь обширныхъ размѣрахъ, что общій характеръ его не могъ быть подмѣченъ. Здѣсь господствовала національная гвардія и довольствовалась министерствомъ Барро; далѣе говорили уже объ отреченіи короля отъ престола; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ наконецъ республиканцы сбрасывали маску и возбуждали вопросъ объ изгнаніи династїи.

Между тѣмъ Реймсъ, который вошелъ въ редакцію *Насомала* прокламацію министерства Тьеръ-Барро, сообщилъ возвратившись, что народъ не будетъ довольствоваться болѣе ничѣмъ, исключая развѣ отреченіемъ отъ престола. Уже за нѣсколько времени до того Дювержье де-Горанъ, произнося этого слова, слегка напомнилъ о самомъ фактѣ. Но кто осмѣлится объявить о подобномъ рѣшеніи государю, дорожившему въ такой степени своей властью, пропитанному убѣжденіемъ о своемъ политическомъ превосходствѣ, смотрѣвшему съ такимъ презрѣніемъ на мнѣнья достоинства членовъ своего семейства, которые должны были ему наследовать? Каждый отклонялъ отъ себя подобное порученіе.

Однако рѣшаются произнести это злополучное слово у самыхъ ушей Людовика-Филиппа, но такъ тихо, что онъ можетъ его и не слышать; приходятъ какъ-будто въ негодованіе; Тьеръ, съ тѣхъ поръ какъ пересталъ быть министромъ, не имѣетъ своего мѣста. Въ эту минуту дверь кабинета отворилась; вошелъ человекъ очень блѣдный, очень взволнованный и приблизился къ королю.

«Что такое, г. Жирарденъ? сказалъ Людовикъ-Филиппъ, обращая на редактора «Прессы» свой потухшій взоръ. — «Васъ заставляютъ, государь, терять дорогое время; и ежели самыя рѣшитель-

ныя мѣры не будутъ приняты тотчасъ, то черезъ часъ во Франціи не станетъ ни короля, ни королевской власти.» Молчаніе изумленія отвѣчало на эту выходку.

Жирарденъ замѣтивъ, въ сторонѣ главнаго редактора «Конституціонска», воскликнулъ съ нетерпѣніемъ :

«Спросите г. Мерриу, какъ прокламація о перемѣнѣ министерства была принята народомъ.» Молчаніе продолжалось. Наконецъ послышался голосъ короля : «Чтоже дѣлать?»

— Отречься отъ престола, государь, сказалъ Жирарденъ со смѣлостью, которая всѣхъ поразила.

— Отречься отъ престола!

— Да, государь, и поручить регентство герцогинѣ орлеанской, потомучто герцогъ немурскій не будетъ принимать.

— Лучше здѣсь умереть! воскликнула королева.

Король, какъ-будто просыпаясь при этихъ словахъ, сказанныхъ съ страшной энергіей, всталъ и обращаясь къ окружающимъ произнесъ : «Господа, нельзя ли защищать тюльерійскій дворецъ?.. Мы говорили, что Тюльери можно защитить», повторилъ онъ, видя что никто ему не отвѣчаетъ.

— Откажитесь отъ престола, государь! воскликнулъ герцогъ Монпансье.

Людовикъ-Филиппъ призадумался, казалось соображалъ что-то. «Кои хотять, я отрекаюсь», сказалъ онъ наконецъ.

Слыша эти слова, Жирарденъ бросается къ дверямъ, а Людовикъ-Филиппъ переходитъ въ сосѣдную комнату, гдѣ находилась герцогиня орлеанская и принцесы. «Я отрекаюсь отъ престола», сказалъ онъ твердымъ голосомъ, останавливаясь въ дверяхъ. Герцогиня орлеанская бросается къ его ногамъ и умоляетъ со слезами не дѣлать этого. Король не показываетъ никакого волненія и вырываясь изъ объятій принцесъ, возвращается въ кабинетъ, гдѣ толпится множество народу, журналисты, національная гвардія, офицеры всѣхъ степеней, каждый сообщая ложныя или истинныя извѣстія, каждый разсуждая и совѣтуя.

Король сѣлъ за свой письменный столъ и взялъ перо, но не писалъ. Тогда герцогъ Монпансье съ живостью пододвинулъ къ нему листъ бумаги.

«Именемъ отечества, государь, послышался вдругъ звонкій голосъ. — именемъ вашего семейства и всѣхъ семействъ Франціи, не отрекайтесь отъ престола. Лучше намъ сражаться сегодня чѣмъ завтра, потомучто завтра у насъ будетъ республика!» Взоры всѣхъ обратились на Пискатори.

Королева, восторженная, какъ-будто видя себя, схватила за руку

этого вѣрнаго друга и сказала въ замѣшательствѣ: «Берегитесь, здѣсь есть измѣнники.»

И подозрительный взглядъ Маріи-Амеліи переходилъ отъ Тьера къ герцогинѣ орлеанской, которая съ дрожавшими устами, съ глазами полными слезъ, стояла вдали отъ принцессъ державшихся за руки, и повторяла прерывающимся голосомъ: «Не отрекайтесь, государь, не отрекайтесь!»

Раздался залпъ, пальба приближалась.

— Скорѣе, государь, воскликнулъ герцогъ Монпансье, толкнувъ руку Людовика-Филипа весьма непочтительно. «Пусть король сифшить,» повторилъ Кремьё.

— Я никогда не писалъ скорѣе, отвѣтилъ король, который не снимая перчатокъ, писалъ крупными буквами столь нетерпѣливо ожидаемое отреченіе: — дайте мнѣ время.

— Вы будете раскаяваться, господа! воскликнула королева: — вы требуете отреченія лучшаго изъ королей.

— Пусть покрайней-мѣрѣ король попробуетъ отразить возмущеніе, продолжалъ Пискатори. — Во дворѣ Тюльери есть еще триста человѣкъ⁽¹⁾; примите надъ ними начальство, принцъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ герцогу Монпансье. «Что вы посоветуете?» спросилъ герцогъ у Тьера съ видимымъ замѣшательствомъ. «Я не могу давать болѣе совѣтовъ, отвѣтилъ тотъ: — я теперъ ничто.»

Одна Марія-Амелія продолжала поддерживать Пискатори. Гордая, благородная, смѣлая, она была какъ Марія-Антуанета въ подобную минуту, предпочитала умереть королевой, чѣмъ жить униженной.

Растроганный этимъ великимъ мужествомъ, ненаследшимъ никакой поддержки, Пискатори всталъ передъ ней на колѣни и сказалъ тихо, цѣлуя ей руку:

— Государыня, я благоговѣю передъ одними вами.

— Вы не знаете короля, продолжала она съ отчаяніемъ: — это самый честный человѣкъ въ государствѣ.

Между тѣмъ Людовикъ-Филиппъ кончилъ писать; отреченіе было составлено слѣдующимъ образомъ:

«Я отрекаюсь въ пользу моего внука графа парижскаго отъ короны, которую народный голосъ призвалъ меня носить.

«Да преуспѣетъ онъ въ великой обязанности, которая падаетъ на него сегодня.

(1) Въ Тюльери находилось: три тысячи пѣхоты, два эскадрона драгунъ, шесть пушекъ заряженныхъ картечью, несчитая вооруженной стражи и муниципальной гвардіи.

«Парижъ, 24 февраля 1848 г.

«Подписано: Людовикъ-Филиппъ».

— Да, походить онъ на своего дѣда! воскликнула королева.

Людовикъ-Филиппъ взглянулъ на нее съ состраданіемъ.

Бумага, еще сырая, схвачена была Кремье, стоявшимъ все время за стуломъ короля; онъ ее передалъ маршалу Жерару, входившему въ кабинетъ, незнавшему чего отъ него требуютъ и ненадѣвшему даже мундира.

— Маршалъ, спасите что можно еще спасти! воскликнула королева, сжимая руки его съ отчаяніемъ.

И маршалъ, котораго вывели на лѣстницу и посадили на лошадь, выѣхалъ черезъ большія ворота тюльерійскаго дворца и направился къ площади Каруселя, навстрѣчу возмущенію.

— Неправда ли, государь, воскликнулъ Кремье: — что герцогиня орлеанская назначена регентшей?

— Этого быть не можетъ, отвѣтилъ король: — на то есть законъ палаты.

Кремье не слышалъ или не хотѣлъ слышать. Онъ сошелъ съ генераломъ Гурго (Gourgaud) на дворъ тюльерійскаго дворца; оба распространили слухъ объ отреченіи короля, которое находило много невѣрующихъ и опровергалось уже въ ближайшихъ къ кабинету залахъ.

Въ то же время Тьеръ пошелъ предупредить маршала Бюжо, чтобы тотъ привалъ мѣры къ прикрытію отступленія короля, несомнѣваясь, что тюльерійскій дворецъ будетъ вскорѣ атакованъ. Частая стрѣльба продолжалась со стороны площади Пале-Рояля. Площади Каруселя угрожали съ обѣихъ сторонъ. Пули республиканскаго авангарда свистали уже близъ ушей маршала, который съ яростью въ сердцѣ, приговоренный къ злополучной недѣятельности, раздражался бранью противъ трусовъ, которые съ такимъ войскомъ заставляли его отступать. Была минута, когда онъ намѣревался дѣйствовать, несмотря на дворцовыхъ трусовъ и спасти престолъ, принимая все на свою отвѣтственность. Но герцогъ немурскій, угадывая его мысль, старался остановить его именемъ короля и своимъ собственнымъ; маршалъ покорился; онъ приказалъ поставить въ саду полкъ кавалеріи для прикрытія бѣгства короля.

Пока все это происходило во дворцѣ, стычки продолжались на площади Пале-Рояля. Въ десять часовъ утра муниципальная гвардія, занимавшая караулъ въ Шато-До, была смѣнена двумя ротами четырнадцатаго линейнаго полка, подъ командою поручиковъ Переса (Péres) и Одуи (Audouy).

Караулъ этотъ былъ весьма важенъ въ стратегическомъ отно-

шевиі, потому что онъ прикрывалъ въ одно время Пале-Рояль и улицы Шартръ, св. Томаса дуврсакаго, Музея, которыя всѣ выходили на площадь Каруселя.

Въ постоянномъ ожиданіи народнаго возстанія, правительство сильно укрѣпило этотъ пунктъ; одни пушечные выстрѣлы могли бы разрушить толстыя стѣны и крѣпкія двери Шато-До.

Возстаніе, невстрѣчая нигдѣ серьезнаго сопротивленія, хлынуло толпой къ Пале-Роялю. Во всѣхъ близлежащихъ улицахъ они выстроили огромныя баррикады и совершенно окружили Шато-До. Возбуждаемый республиканцами, которые боялись идти на Тюльери, оставляя за собой столь сильную позицію, народъ, знавшій впрочемъ, что въ караулѣ находятся солдаты четырнадцатаго линейнаго полка, жаждалъ отомстить за катастрофу бульвара Капюсинъ. Говорили также, что тамъ находится муниципальная гвардія и большое число арестованныхъ (1); тысячи разнородныхъ слуховъ вѣкружили головы, все готовилось къ страшному штурму. Офицеры національной гвардіи старались усмирить народное волненіе и вступали въ переговоры съ войскомъ, требуя очищенія поста, но безуспѣшно. Одинъ изъ поручиковъ, молодой человекъ геройской храбрости, стоялъ у открытой двери и выдерживалъ напоръ атакующихъ, неслушая просьбъ республиканскихъ предводителей Этьеня Араго и Шарля Лагранжа. Три раза вытащенный за дверь, онъ три раза возвращался на свое мѣсто.

— Вы мнѣ предлагаете безчестіе! восклицалъ онъ: — мы скорѣе всѣ погибнемъ, чѣмъ сдадимъ наше оружіе.

А народъ удвоивалъ усилія, чтобы вырвать ружья изъ судорожно-сжатыхъ рукъ солдатъ. Этотъ рукопашный бой продолжался около четверти часа, когда на площади показался офицеръ главнаго штаба и приказалъ солдатамъ очистить караулъ. Всеобщее рукоплесканіе толпы послѣдовало за этимъ приказаніемъ; но народъ хотеть еще больше: онъ требуетъ ружей.

— А наши ружья? говорятъ поручикъ, поглядывая съ безпокойствомъ на офицера: — должны ли мы отдать наши ружья?

Не слышалъ ли офицеръ этого вопроса, или не смѣлъ дать храбруму солдату такое приказаніе, но только онъ ничего не отвѣтилъ, повернулъ лошадь и скрылся.

Тогда Араго выступилъ снова съ своими предложеніями; но поручикъ былъ непоколебимъ.

(1) Въ Шато-До находилось: 10 человекъ муниципальной гвардіи и 100 человекъ армейской пѣхоты; 48 человекъ, взятыхъ ночью, были отосланы въ пять часовъ утра въ казармы улицы Риволи.

— Мы согласны оставить караулъ, говорилъ онъ : — но съ оружіемъ въ рукахъ.

Во время этого какъ-будто перемирія , солдаты построились плотно у стѣны , готовые дорого продать свою жизньъ. Вдругъ раздалась стрѣльба по ту сторону площади. Работники сломали рѣшотку Пале-Рояля , и гарнизонъ бѣжалъ стрѣляя въ народъ. Этотъ неожиданный залпъ бросилъ смятеніе между осаждающими ; они воспѣшно отхлынули. Солдаты караула этимъ воспользовались , выдвинулись на очистившееся крыльцо и дали всеобщій залпъ , очистившій совершенно площадь.

Втеченіи нѣсколькихъ минутъ она представляла слѣдующую картину :

Впередѣ крыльца вода разрушеннаго фонтана течетъ во всѣ стороны , смѣшиваясь съ кровью раненыхъ и образуя обширную красноватую лужу ; на ступеняхъ два трупа лежащіе крестъ-накрестъ ; тамъ и сямъ на площади ружья , доскутки платья , пятна крови ; рѣшотка дворца сломана , дворъ пустой. Надъ барикадою улицы Валуа нѣсколько грозныхъ головъ ; въ углу площади сжатая группа , которая уже стыдится за свое бѣгство , останавливается , возвращается , прицѣливается въ солдатъ. Раздается нѣсколько выстрѣловъ ; солдаты отвѣчаютъ. Народъ возвращается и наплываетъ вдругъ со всѣхъ улицъ ; барикады улицъ Валуа , Роганъ , св. Гонорія покрываются возставшими ; ихъ воодушевляютъ смѣлые предводители : Гранмениль (Grandménil) , Жанти-Сарръ (Jeanty-Sarr) , Фарженъ-Фейоль (Fargin-Fayolle) , Тиссерандо (Tisserandot) и проч.

Тѣмъ временемъ придворные наполняютъ еще залы тюльерійскаго дворца. Герцогъ немурскій ходитъ взадъ и впередъ по лѣстницамъ , коридорамъ , спрашивая и слушая , ничего незная , ни на что верѣвшаяся. Герцогъ Монпансье совершенно растерялся. Людовикъ-Филиппъ кажется живетъ только машинально. Пока послано приказаніе въ конюшни Лувра доставить ко дворцу четыре кареты и войскамъ предписано держаться столько времени , чтобы прикрыть бѣгство короля , королева Марія-Амелія помогала ему снять мундиръ и ордена и надѣть штатское платье. Невладѣя болѣе собой , она раздражалась упреками противъ тѣхъ , которыхъ подозрѣвала въ измѣнѣ.

— Какъ вы передъ нами виноваты , какъ вы были намъ неблагодарны ! вы недостойны такого добраго короля ! говорила она , обращаясь къ Тьеру.

Кремьё , который настаивалъ , чтобы спѣшили , былъ также предметомъ подозрѣній королевы ; никто ей не отвѣчалъ ; всѣ молчали изъ уваженія къ ея отчаянію.

Стрѣльба все была слышна. Королевскія кареты были остановлены. Рѣшились идти пѣшкомъ до площади Согласія. Въ сумятицѣ этого поспѣшнаго бѣгства все дѣлалось, все говорилось какъ-будто наугадъ.

Герцогиня орлеанская полагала, что она регентша. Такое возвышеніе въ такую минуту, когда она не чувствовала при себѣ ни сердца, ни руки, ни генія, столь могущественнаго, столь преданнаго, чтобы броситься между ея сыномъ и революціей, было для души ея страшнымъ испытаніемъ. Король не далъ ей никакого приказанія, никакого объясненія, никакого совѣта; онъ сказалъ только: «Елена, оставайтесь.» Людовикъ-Филиппъ не думалъ, что бѣгство его будетъ изгнаніемъ. Онъ не думалъ даже, что герцогиня орлеанская будетъ регентшей. Вслѣдствіе его отреченія герцогъ немурскій вступалъ въ права, дарованныя ему закономъ палатъ. Изъ Севъ-Клу, гдѣ король намѣренъ былъ остановиться, онъ надѣялся руководить совѣщаніями, царствовать на дѣлѣ подъ именемъ ребенка. Такова была его тайная мысль.

Между тѣмъ всѣ настаиваютъ на необходимости спѣшить. Король спрашиваетъ то свои часы, то свой портфель; онъ казалось былъ занятъ одними этими пустыми подробностями и совершенно чуждъ болѣзненнымъ слезамъ, проливающимся вокругъ него. Герцогъ Монпансье поцѣловалъ свою молодую беременную жену и поручилъ ее попеченіямъ доктора Пакье и Ластери. Принцеса Клементина, герцогиня Немурская, держа за руки своихъ дѣтей, приготовились слѣдовать за королемъ. Руки сжимались; взглядами передавались мысли, которыхъ не смѣли сообщить громко.

Наконецъ Людовикъ-Филиппъ, облокотясь на руку королевы, имѣлъ за собой герцога Монпансье, Кремье, Арш Шеффера, Ластера, Гурго, Монталиве, Ребеля и Лавалетта, вышелъ изъ дворца черезъ темный и узкій коридоръ, ведущій къ сѣнямъ часовъ (de l'Horloge) и направился черезъ садъ къ площади. Пѣшая и конная національная гвардія и отрядъ муниципальной гвардіи занимали аллею; эскадронъ драгунъ раздѣлился на два отряда. Грустное шествіе подвигалось въ молчаніи; ему отдавали послѣднія почести. Кое-гдѣ слышны были крики: *да здравствуетъ король!*

Когда подошли къ рѣшоткѣ подъемнаго моста, гдѣ должны были находиться кареты, ихъ не оказалось. Король, до сего времени невозмутимый, началъ обнаруживать признаки безпокойства. И дѣйствительно видъ площади не имѣлъ въ себѣ ничего успокоивающаго. Войска генерала Бедо были собраны вокругъobeliska, но ихъ окружала страшная масса народу. Солдаты, провожавшихъ короля, отталкивали то въ одну, то въ другую сторону; они не

сѣли слишкомъ сопротивляться, онасясь обнаружить присутствіе короля. Кое-гдѣ слышались зловѣщіе крики: *Смерть Гизо! Смерть Людовику-Филиппу!*

— Кареты! да гдѣ же кареты? повторялъ король.

Когда шествіе направилось къ обелиску, гдѣ вслѣдствіе недоразумѣнія дожидались кареты, кто-то въ толпѣ толкнулъ королеву и отдѣлил ее отъ мужа. Она крикнула и пошатнулась; одинъ молодой человѣкъ хотѣлъ ее поддержать.

— Оставьте меня, сказала королева.

Хотя полуживая, она нашла еще силы обидѣться помощью, которой не просила. Король схватилъ ее за руку и почти поднялъ въ одну изъ каретъ, въ которую и самъ сѣлъ послѣшно. Дѣти герцогини Немурской были посажены въ другую карету; они скорѣе съ любопытствомъ, чѣмъ со страхомъ смотрѣли на картину, представлявшуюся ихъ глазамъ въ первый разъ въ жизни. Мать сѣла возлѣ нихъ. Тогда дали знакъ къ отъѣзду. Бросили еще послѣшно въ карету портфель, упавшій на землю, и мѣшокъ.

— Поѣзжайте, поѣзжайте же! воскликнулъ Кремьё.

Гучера ударили по лошадямъ и обѣ кареты понеслись быстро по набережной Пасси, окруженный отрядомъ конной національной гвардіи и эскадрономъ драгунъ, подъ командою генерала Реньо де-Сенъ-Жанъ д'Анжели. Герцогъ Монпансье присоединился къ конвою.

Спротивленіе караула въ Шато-До способствовало постыдному бѣгству Людовика-Филиппа.

Мы видѣли, что революціонеры разломали рѣшотку Пале-Рояля со стороны галереи Валуа. Въ одно мгновеніе залы наполнились народомъ, въ окнахъ толпились сражающіеся; дворецъ и караулъ обмѣнивались выстрѣлами, пули падали на площадь какъ градъ. Несмотря на то стѣны Шато-До оставались непроницаемыми. Отъ времени до времени солдаты дѣлали вылазки, но падали мертвые. Ожидали, что вскорѣ не хватитъ боевыхъ снарядовъ, что умершихъ внутри зданія болѣе, чѣмъ живыхъ; храбрость однако не ослабѣвала; мысль о капитуляціи не приходила и въ голову этимъ храбрецамъ. А народъ бросался на ступени крыльца, противъ дверей, которыя потрясалъ ударами желѣзныхъ полосъ, старался взлѣзть на окна.

Вдругъ адская мысль пришла въ голову этой толпѣ.

Народъ разбилъ королевскія конюшни на площади Каруселя. Мальчишки подложили огонь подъ экипажи. «Огня! огня въ Шато-До!» воскликнули всѣ.

Охотники впрягаются тотчасъ въ пламенѣющіе экипажи, тащатъ ихъ подъ окна караула. Приносятъ пучки соломы, щепки;

притаскиваютъ бочку спирту. Вѣтеръ раздуваетъ пожаръ, пламя подымается, расширяется, вьется, окружаетъ какъ поясомъ старинное зданіе; наконецъ проникаетъ, врывается вовнутрь. Несчастливымъ мученикамъ остается только выборъ смерти; несмотря на то, сквозь красноватый дымъ, наполняющій площадь, слышатся еще выстрѣлы, но одинокіе, все рѣже и рѣже. Солдаты падаютъ удушенные дымомъ, придавленные брѣвнами, пробитые насквозь штыками, которые отбрасываютъ ихъ въ пожаръ.

Наконецъ выстрѣлы прекращаются; слышенъ только трескъ балокъ, свистъ пламени раздуваемаго вѣтромъ.

Вдругъ огромный столбъ пламени показался наверху зданія, которое разомъ обрушилось. Толпа завывала отъ радости. Но тотчасъ же проявилось и чувство состраданія. Народъ, обезумѣвшій на время отъ ярости, бросается спасать своихъ враговъ. Онъ льетъ воду, стараясь потушить пожаръ, который самъ же заожогъ. Что за картина! и какъ ее описать! Когда народъ проникнулъ въ зданіе черезъ дымящіеся обломки, спотыкаясь о почернѣвшіе трупы, обокровавленные платья, о перегорѣвшія человѣческія кости, онъ смотрѣлъ съ отвращеніемъ на свою побѣду. Онъ бросился спасать умирающихъ, переносилъ ихъ на своихъ рукахъ въ галерею Пале-Рояля. Тамъ солдаты монархіи, солдаты республики, побѣжденные и побѣдители лежатъ на кроватяхъ, тюфякахъ, диванахъ, разставленныхъ наскоро вдоль стѣнъ. Доктора, женщины перевязываютъ раны, останавливаютъ кровь, утоляютъ жажду засохшихъ устъ, услаждаютъ предсмертныя страданія.

Въ тоже время, подъ той же крышей, люди, которые ничего не уважаютъ, вандалы, уничтожали богатства дворца: картины, статуи, книги, дорогія вазы, произведенія искусства, сокровища науки, ничто не щадилось, ничто не избѣгало опустошенія. Слѣпая ненависть возстала противъ этихъ безжизненныхъ остатковъ, какъ будто противъ живыхъ враговъ. Вскорѣ опьяненіе отъ вина прибавилось къ упоенію побѣдою; народъ пронакъ въ погреба. Национальная гвардія дѣлала всевозможныя, но безуспѣшныя усилія, чтобы остановить эту позорную оргію...

Между тѣмъ герцогиня орлеанская, оставленная въ Тюльери, направилась поспѣшно въ свои покои. Въ замѣшательствѣ послѣдняго прощанія она обмѣнялась нѣсколькими словами съ депутатами, окружавшими короля и думая, что они за ней слѣдуютъ, рассчитывала на ихъ совѣтъ и содѣйствіе.

Можно себѣ вообразить ея ужасъ, когда пробѣжавъ залы и коридоры, куда доходили уже крики народной толпы; бушевавшей на площади Каруселя и перелѣзавшей черезъ рѣшетки дворца; она

оглянулась и увидѣла себя совершенно одной, одной съ нѣсколькими лицами ея свиты. Блѣдныя щеки герцогини поблѣднѣли еще болѣе... (1)

Въ эту минуту во дворѣ дворца раздался пушечный выстрѣлъ. Герцогиня вообразила себѣ, что завязалась отчаянная борьба. Она знала, что войско не въ состояніи держаться и думала что ее убьютъ.

Тогда, движимая вдохновеніемъ сердца, столь частымъ въ исторіи женщинъ, она схватила дѣтей своихъ за руки и ожидая только помощи свыше, бросилась къ портрету отца вхъ, восклицая: «Мнѣ остается только умереть здѣсь!»

Вдругъ дверь въ кабинетъ отворилась; лучъ надежды блеснулъ въ глазахъ герцогини, она бросилась на встрѣчу входящаго. Это былъ Дюпенъ, который въ сопровожденіи адмирала Бодена, Граммона и нѣсколькихъ депутатовъ пришелъ пригласить *регентшу* въ палату. Герцогъ Немурскій далъ приказаніе очистить дворецъ и приготовился сопутствовать ея королевскому высочеству. Онъ хотѣлъ въ присутствіи страны сложить съ себя власть, полученную отъ закона. Одилонъ-Барро и Тьеръ были предупреждены и ожидали герцогиню орлеанскую у подъемнаго моста. Вотъ извѣстія, которыя привнесъ Дюпенъ. «Я слѣдую за вами, — воскликнула герцогиня, неразслышавъ и половины его словъ: — располагайте мною! моя жизнь принадлежитъ моему сыну.»

Схвативъ Дюпена за руку, она вышла на дворъ, гдѣ герцогъ Немурскій ожидалъ ее верхомъ. Регентшу окружили, чтобы предохранить отъ выстрѣловъ и двинулись въ путь черезъ садъ. Герцогиня держала за руку графа парижскаго. Маленькаго герцога Шартрскаго, большаго, дрожавшаго въ лихорадкѣ, несъ дежурный офицеръ. Солдаты дѣлали на-караулъ, били походъ.

Когда подошли къ мосту, раздались нѣсколько симпатическихъ голосовъ. Одилона-Барро не было на мѣстѣ свиданья. Герцогъ Немурскій отсталъ для прикрытія шествія. Была минута колебанія.

«Въ палату!» воскликнулъ какой-то голосъ. «Въ палату!» повторилъ всѣмъ окружавшіе герцогиню орлеанскую; вбѣдная принцесса снова двинулась въ путь. Колѣни подъ ней подгибались, но сила воли оставалась непреклонною. Она шла не для удовольвенія давно сдержаннаго честолюбія, какъ говорили многіе, а просто для исполненія обязанности матери.

Еслибы въ герцогинѣ орлеанской было честолюбіе, которое ей

(1) Тьеръ, Дювержье де-Горанъ, Ремюза, Баррошъ, находя, что дѣло совершенно проиграно, оставили Тюльери тотчасъ послѣ бѣгства короля, имало не заботясь о томъ, что сдѣлалось съ герцогиней.

приписывали нѣкоторые члены королевской фамиліи, попытка ея быть-можетъ была бы успѣшна. Умная, образованная, нѣжная тѣломъ и душой, она поддержала бы съ достоинствомъ высокое свое положеніе, но въ ней не было смѣлой энергіи, которая завладѣваетъ властью. Это была достойная принцеса, но не гениальная женщина и не героиня; чтобы остановить въ эту страшную минуту волны революціи, нужно было быть и гениемъ и героемъ.

VI

Начиная съ полудня толпа депутатовъ, журналистовъ, лицъ чуждыхъ совершенно палатѣ, сбѣжалась со всѣхъ сторонъ, озабоченная, испуганная; въ общемъ паническомъ страхѣ никто не старался скрывать своихъ личныхъ опасеній.

Открытіе засѣданія назначено было въ три часа. Созе (Sauzet), президентъ, еще не являлся. Ожидая его въ залѣ Pas-Perdus, въ залѣ совѣщаній, въ коридорахъ, въ отдѣленіяхъ, въ трибунѣ журналистовъ, ходили, выходили, сообщали другъ другу извѣстія и въ особенности предположенія; никто не зналъ съ достовѣрностью положенія дѣлъ; самые противоположные слухи находили вѣру. Спрашивали, король ли еще Людовикъ-Филиппъ, оставилъ ли онъ Тюльери, на чью сторону перешла національная гвардія, сражалось ли еще войско, кто имъ командовалъ; чувствовали, что все было дѣломъ случая.

Около часу явился Созе и сѣлъ въ свои кресла. Галереи зрительной пусты; на скамьѣ министровъ нѣтъ никого. Въ трибунѣ журналистовъ Жерве де Канъ (Jervais de Caen), Дюпра (Duprat) и нѣсколько другихъ редакторовъ *Реформы* говорятъ громко о республикѣ; Марра старается заставить ихъ молчать.

Лафиттъ предлагаетъ, чтобы палата объявила себя въ постоянномъ собраніи. Предложеніе это принято; но депутаты, все болѣе и болѣе встревоженные извѣстіями извнѣ, не принимаютъ никакого рѣшенія. Засѣданіе прервано.

Наконецъ въ половинѣ второго вводятъ офицера въ мундирѣ, который говоритъ тихо съ Созе. Тотъ объявляетъ тотчасъ палатѣ, съ видимымъ замѣшательствомъ, что герцогиня орлеанская будетъ присутствовать при засѣданіи. Внизу трибуны ставятъ три кресла. Нѣсколько минутъ спустя входитъ герцогиня орлеанская, держа за руку графа парижскаго; герцогъ Шатртрскій идетъ впереди ея; за ней слѣдуетъ герцогъ Немурскій; нѣсколько адъютантовъ, офицеры арміи и національной гвардіи составляютъ ея свиту. При видѣ этой

женщины, этой матери, какое-то чувство умиленія овладѣваетъ сердцами. «Да здравствуетъ герцогиня орлеанская! да здравствуетъ графъ парижскій! да здравствуетъ регентша! да здравствуетъ король!» раздастся во всѣхъ трибунахъ и почти на всѣхъ скамьяхъ. Герцогиня кланяется; полуопущенный вуаль не можетъ скрыть ея блѣдныхъ щекъ и красныхъ отъ слезъ глазъ. Она водитъ безпокойнымъ взглядомъ по собранію, какъ-будто ища защитниковъ. Увы! при входѣ она слышала столько противоположныхъ словъ! При проходѣ черезъ залу *Pas-Perdus*, вокругъ нея толпились республиканцы, прибѣжавшіе, чтобы помѣшать ея усиліямъ, а когда герцогиня входила въ собраніе, за ней ворвалось нѣсколько рѣшительныхъ людей, чтобы протестовать именемъ народа вступленію на престолъ ея сына.

Эммануилъ Араго, Сарранъ (*Sarrans*), Ше (*Chais*) и Дюмериль (*Duméril*) прибыли изъ конторы *Насціонала*, гдѣ съ девяти часовъ утра собрался комитетъ, состоявшій изъ избранныхъ всѣхъ кварталовъ Парижа и республиканцевъ всѣхъ оттѣнковъ. Старались условиться съ комитетомъ *Реформы*. Всѣ понимали, что должно соединиться, чтобы на всякій случай приготовить временное правительство; но слияніе было весьма трудно вслѣдствіе соперничества лицъ и ядовитой полемики обоихъ журналовъ втеченіи послѣднихъ лѣтъ. Однако какъ время не ждало и многіе опасались, чтобы палата депутатовъ, защищаемая войскомъ, не рѣшилась на шагъ, равно вредный для *Насціонала* какъ и для *Реформы*, то Мартенъ (изъ Стразбурга), хлотившій отъ одного комитета къ другому, сумѣлъ заставить оба лагеря подписать слѣдующій списокъ: Францискъ Араго, Дюпонъ де Лёръ, (*Dupont de l' Eure*), Ледрю-Ролленъ, Флоконъ, Луи-Бланъ, Мари, Гарнье-Пажесъ, Ламартинъ. Порѣшено также было отправить въ палату депутатовъ делегацію, чтобы поддержать революціонное движеніе, и Араго, Ше, Дюмериль и Сарранъ двинулись немедленно въ путь къ Пале-Бурбону, совершенно одни.

Когда Араго вошелъ въ залу *Pas-Perdus*, беспорядокъ и шумъ въ ней былъ страшный. Воодушевленные группы разбирали съ оживленіемъ разныя предположенія, которыя всѣ однако больше или меньше склонялись въ пользу регентства. Араго при помощи огромнаго своего роста и громкаго голоса сумѣлъ пробраться сквозь эту толпу, опровергалъ тутъ и тамъ непослѣдовательныя рѣчи сторонниковъ династїи и бросилъ имъ смѣло слово: республика. Вдругъ послышался барабанъ и въ залѣ появилась женщина, одѣтая въ черномъ, которая прошла поспѣшно впередъ. Это герцогиня орлеанская и герцогъ Немурскій. Она должна войти съ гра-

фомъ парижскимъ въ залу засѣданій. Нельзя терять ни минуты. Араго и друзья его бросаются вслѣдъ за ней; они входятъ въ полукружіе черезъ противоположную дверь въ одно время съ герцогиней. Араго уже на ступеняхъ трибуны; многіе депутаты его удерживаютъ. Созе хочетъ заставить его молчать. Завязывается живой разговоръ. Между тѣмъ Дюпенъ, по приглашенію Лакросса, почти противъ воли входитъ на трибуну; онъ понимаетъ, что вмѣшательство постоянного гостя Тюльери можетъ испортить дѣло.

«Господа, — говоритъ онъ — вамъ извѣстно положеніе столицы, вамъ извѣстны сдѣланныя манифестаціи. Послѣдствіемъ ихъ было отреченіе его величества короля Людовика-Филиппа отъ престола, который объявилъ въ то же время, что онъ перелаетъ власть свою графу парижскому съ назначеніемъ герцогини орлеанской регентшей.»

Многочисленные возгласы прерываютъ это торжественное объявленіе, подтверждающееся присутствіемъ герцога Немурскаго. Мы видѣли однако, что Людовикъ-Филиппъ, вѣрный закону до послѣдней минуты, не поставилъ ничего въ отношеніи регентства. Подставленіе имени герцогини орлеанской намѣсто герцога Немурскаго было незаконнымъ актомъ, который въ виду необходимости дозволили себѣ друзья династіи Дюпенъ, Жирарденъ, Кремьё, Одилонъ-Барро. Герцогъ Немурскій, должно сказать въ его похвалу, не только не противился подобному нарушенію его правъ, но хотѣлъ присутствіемъ своимъ освятить рѣшеніе палаты и раздѣлить съ женой своего брата всѣ ожидавшіе ее опасности.

Возгласы, привѣтствовавшіе имя герцогини орлеанской, ободрили Дюпена; онъ проситъ, чтобы они были внесены въ протоколъ. «Господа, — продолжаетъ ораторъ — ваши возгласы, столь дорогіе для новаго короля и регентши, не первые, которыми они были привѣтствованы: они прошли иѣшкомъ отъ Тюльери, черезъ площадь Согласія, въ сопровожденіи народа, національной гвардіи, изъясняя намѣреніе, пристекающее изъ глубины ихъ сердца, управлять страной согласно съ желаніемъ народа, славой и благоденствіемъ Франціи. Пока актъ отреченія будетъ намъ доставленъ Одилонемъ-Барро, я прошу палату приказать внести въ протоколъ восклицанія, привѣтствовавшія въ здѣшнемъ собраніи графа парижскаго какъ будущаго короля Франціи и герцогиню орлеанскую какъ регентшу.»

«Господа, — говоритъ президентъ — мнѣ кажется, что палата своими единодушными восклицаніями...»

При этихъ словахъ, на скамьяхъ лѣвой и правой сторонъ и въ особенности въ толпѣ, стоявшей у подножья трибуны, раздается громкій ропотъ. Герцогиню орлеанскую и дѣтей ея толкаетъ, окру-

жаеть толпа, которая ихъ не видитъ или не хочетъ видѣть. Мамартинъ съ своего мѣста проситъ прервать засѣданіе, изъ уваженія къ парламентному представительству и присутствію герцогини. Президентъ объявляетъ палатѣ, что засѣданіе прервано впредь до выхода герцогини орлеанской и молодого короля.

Герцогъ Немурскій и нѣсколько человѣкъ депутатовъ уговариваютъ принцессу выйти; но она отказывается. Материнскій инстинктъ ее предупреждаетъ. Сердце ея болѣе непреклонно, чѣмъ сердца всѣхъ окружающихъ. Она стоитъ, держа за руки дѣтей, противясь нестерпимому напору толпы. Она понимаетъ, что ежели оставить палату, дѣло ея сына проиграно. Генераль Удино говоритъ, чтобы поддержать права герцогини орлеанской: «Ежели принцесса желаетъ уйти, выходы будутъ свободны. Ежели она желаетъ остаться, пусть остается; она будетъ подъ покровительствомъ нашей преданности.»

Входить на трибуну Мари, но не можетъ добиться, чтобы его слушали. «Барро! гдѣ Барро?» восклицаютъ со всѣхъ сторонъ. Его ищутъ, ожидаютъ съ нетерпѣніемъ. Думаютъ, что онъ одинъ можетъ дать окончательное направленіе всему волненію. Наконецъ министръ регентства появляется въ залѣ. Взгляды всѣхъ обращаются на него; его окружаютъ; кричатъ ему, чтобы онъ вошелъ на трибуну. Наступаетъ торжественная минута.

Между тѣмъ Мари все еще находится на трибунѣ. Именемъ закона, который влагалъ регенство въ руки герцога Немурскаго, онъ возстаетъ противъ всякаго поспѣшнаго рѣшенія и требуетъ назначенія временнаго правительства. «Когда правительство это составится, — говоритъ Мари — оно придумаетъ что дѣлать; оно приметъ рѣшеніе при соучастіи палатъ и будетъ имѣть силу въ странѣ. Все это слѣдуетъ сдѣлать тотчасъ и тотчасъ же объявить столицѣ; это единственное средство возстановить спокойствіе. Не должно терять времени въ пустыхъ разговорахъ. Я требую составленія немедленно временнаго правительства.»

Внизу, въ полукружій давка дѣлалась столь страшною, жара такую душливою, что герцогиня орлеанская, уступая просьбамъ окружающихъ ее, встаетъ съ своего мѣста, подымается вверхъ по средней лѣстницѣ и садится съ сыновьями на верхнихъ ступеняхъ. Герцогъ Немурскій находится при ней и записываетъ что-то карандашомъ. Дюпенъ, Жирарденъ, нѣсколько офицеровъ двора графа парижскаго, нѣсколько человѣкъ національной гвардіи, составляя вокругъ герцогини полукружіе, скрываютъ ее отъ взоровъ.

Наконецъ Барро рѣшается вступить на трибуну. «Барро! Барро! дайте говорить Одилону-Барро!» кричатъ со всѣхъ сторонъ. Послѣ

страшнаго шума наступаетъ глубокая тишина. Барро, взволнованный, но подавляя въ себѣ волненіе, начинаетъ говорить. Онъ описываетъ вкратцѣ настоящее положеніе, что публика выслушиваетъ довольно благосклонно. «Юльская корона лежитъ на главѣ ребенка и женщины», говоритъ онъ торжественнымъ голосомъ.

Центръ хлопаютъ. Герцогиня орлеанская встаетъ и кланяется собранію. Она держитъ въ рукахъ бумагу, которую ей подалъ Кремль; старается знаками показать президенту, что она желаетъ говорить. «Войдите на трибуну, ваше высочество», говоритъ Жирарденъ. Герцогъ немурскій ее останавливаетъ. Оробѣвшая, колеблющаяся, герцогиня собираетъ всѣ свои силы и хочетъ попробовать говорить. «Господа, мы пришли сюда...» Слова эти едва слышать близь стоящіе. Шумъ, продолжающійся вокругъ трибуны, и лица, стояція передъ герцогиней, не позволяютъ Одиону-Барро и Созе ни видѣть, ни слышать ничего. Герцогиня орлеанская приходитъ въ уныніе и садится. Подобная борьба свыше ея физическихъ силъ, слишкомъ неожиданна для ея нѣжнаго духа, который не имѣлъ ни возможности привыкнуть къ власти, ни времени приготовиться къ политической роли.

Одионъ-Барро, все еще воображая, что онъ владѣетъ событіями, остается на трибунѣ. Онъ говоритъ о политической свободѣ, о соединеніи, о порядкѣ, о затруднительныхъ обстоятельствахъ. Когда Ларошжакленъ (Rochejacquelein) прервалъ его, онъ повелъ злобно глазами по скамьямъ лѣвой и правой стороны. «Не захочетъ ли кто-нибудь — сказалъ онъ съ гордостью — возобновить вопросъ о томъ, что уже разрѣшено юльской революціей?..» И онъ продолжаетъ съ удивительнымъ хладнокровіемъ, говорить именемъ интересовъ страны, именемъ истинной свободы и объявляетъ себя въ пользу регентства.

Ларошжакленъ, который во все время рѣчи Одиона-Барро не переставалъ давать знаковъ нетерпѣнія, бросается на трибуну. «Никто болѣе меня — восклицаетъ онъ — не уважаетъ болѣе того, что можетъ быть прекраснаго въ нѣкоторыхъ положеніяхъ. Я отвѣчу Одиону-Барро, что я не имѣю намѣренія выступать здѣсь съ противоположными претензіями: нѣтъ; но я думаю, что г. Барро не служилъ такъ, какъ хотѣлъ бы служить интересамъ, которые теперь защищаетъ на этой трибунѣ. Господа, право говорить о странѣ, о народѣ, принадлежитъ теперь скорѣе тѣмъ, которые въ прошедшемъ постоянно служили королямъ. *Сегодня вы здѣсь ничто...*»

Въ то же мгновеніе, какъ-будто въ подтвержденіе этихъ словъ, страшный шумъ раздается въ коридорахъ; въ дверь налѣво отъ

трибуны начинаютъ стучать прикладами ружей; она растворяется съ трескомъ и въ залу вбѣгаетъ толпа вооруженныхъ людей, при крикахъ: «*Да здравствуетъ свобода! долой умьренные! долой регенство!*» Во главѣ этой шайки находится капитанъ четвертаго батальона національной гвардіи Дюнойе (Dupouey). Онъ бросается на трибуну и ударяя съ силой древкомъ знамени о мраморъ пола, восклицаетъ громовымъ голосомъ, подымая кверху обнаженную саблю: «Здѣсь нѣтъ другой власти, кромѣ власти національной гвардіи, которой представителемъ здѣсь — я, и власти народа, котораго 40,000 вооруженныхъ представителей окружаютъ это собраніе.»

При этомъ видѣ, при этой неслыханной рѣчи, депутаты пришедшіе въ ужасъ, отхлынули къ верхнимъ ступенямъ. Президентъ, блѣдный и встревоженный, держитъ въ дрожащей рукѣ колокольчикъ. У самой трибуны, неподвижный, съ руками сложенными на груди, съ спокойнымъ лицомъ, стоитъ Одилонъ-Барро, какъ-будто ожидая, что безуміе этой толпы испарится само собою.

«Г. президентъ, накройте! Это ужасно! это недостойно! восклицаетъ Морне (Morney): — нѣтъ болѣе свободы, мы въ рукахъ шайки разбойниковъ.» Выразительный жестъ одного работника заставляетъ его молчать. Президентъ накрывается.

Безпорядокъ увеличивался; это была борьба криковъ, жестовъ, угрозъ; на трибунѣ спорили при помощи кулаковъ. Наконецъ человекъ, чуждый палатѣ, Шевадье, бывший редакторъ исторической библиотеки, добившись минуты молчанія, произноситъ громкимъ голосомъ слѣдующія слова: «Единственная вещь, господа, которую вы должны сдѣлать, это дать намъ тотчасъ какое-нибудь правительство. Должно провозгласить графа парижскаго.» — «Онъ здѣсь!» сказалъ чей-то голосъ. Взоры всѣхъ обращаются вверхъ и ищутъ герцогини орлеанской. «*Долой Бурбоны! да здравствуетъ республика!*» восклицаютъ ворвавшіеся. Трибуна и лѣстницы, ведущія къ ней, наполнены нѣсколькими ораторами, говорящими вдругъ. Между ними видны Дюмуленъ, Кремьё, Ледрю-Ролленъ, Ламартинъ. Капитанъ Дюнойе машетъ надъ ихъ головами своимъ знаменемъ.

Ламартинъ, непокидавшій трибуны, старается выдвинуться впередъ и машетъ, давая знать, что онъ хочетъ что-то сказать.

Лица, окружающія герцогиню орлеанскую, отодвигаются, чтобы она могла видѣть и слышать оратора. Въ сердцахъ друзей ея блеснулъ лучъ надежды. Должно было предполагать, что Ламартинъ объявитъ себя въ пользу регенства. Во время преній 1842 г. онъ поддерживалъ столь краснорѣчиво права герцогини орлеанской. Въ настоящемъ году онъ ниразу не участвовалъ въ банкетахъ ради-

каловъ. Народныя насилія должны были быть противны его аристократической натурѣ. Его честолюбіе, согласное съ идеями, которыя онъ защищалъ во время всей своей политической карьеры, не было ли заинтересовано въ отраженіи правительства, родившагося отъ возмущенія, республики якобинцевъ? Правда, въ «Исторіи жирондистовъ» Ламартинъ прославлялъ Робеспьера, но сколько слезъ въ томъ же сочиненіи для Маріи-Антуанеты! сколько сердца для благородныхъ жертвъ революціи! Поэтъ, человѣкъ чувства и воображенія, не долженъ ли онъ оцѣнить патетической картины, представляющей царственный и молящій образъ матери въ борьбѣ съ возмущеніемъ народа, ведомаго второстепенными предводителями?

Улучивъ минуту, Ламартинъ началъ: «Господа, отъ глубины души моей я раздѣляю то двойственное чувство, которое волновало наше собраніе при видѣ самой трогательной картины, какую представляли когда-либо человѣческія лѣтописи, при видѣ знаменитой принцессы, защищающейся съ невиннымъ ея сыномъ и бѣгущей изъ опустѣлаго дворца къ представителямъ народа.»

Слова эти подняли бурю. «Васъ не слышали; повторите, повторите!» кричитъ толпа. Ближайшія народныя группы волнуются, полагая, что Ламартинъ заключить въ пользу регентства. Старикъ съ длинной бѣлой бородой, съ обнаженной саблей въ рукѣ, стоитъ у подножья трибуны и вливается въ него своимъ грознымъ и неподвижнымъ взглядомъ. На улицѣ слышенъ глухой шумъ.

— «Я хочу, продолжаетъ ораторъ, замѣтивъ впечатлѣніе которое произвели его двусмысленныя слова, — я хочу повторить мою фразу.» Потомъ онъ продолжаетъ слѣдующее, часто прерываемый рукоплесканіями: «Я хочу повторить мою фразу и прошу васъ выслушать ту, которая за ней послѣдуетъ. Я сказалъ, господа, что я раздѣляю отъ глубины души то двойственное чувство, которое только-что волновало наше собраніе. Я не дѣлаю никакого различія, потомучто обстоятельства того не позволяютъ, между народнымъ представительствомъ и представительствомъ гражданъ всего народа; и кромѣ того теперь время равенства, а равенство это послужить, я не сомнѣваюсь, къ признанію полномочія, которое избранные люди получили отъ страны, не для униженія ея, а для возстановленія согласія и общественнаго спокойствія.

«Но, господа, если я раздѣляю душевное ваше смущеніе при видѣ великаго несчастія, если я раздѣляю чувство уваженія, которое одушевляетъ васъ всѣхъ, къ какой бы партіи вы ни принадлежали, то я не менѣе того раздѣляю живо уваженіе къ народу, дравшемуся втеченіи трехъ дней для испроверженія недостойнаго правитель-

ства и для восстановленія на незыблемомъ основаніи владычества порядка и свободы.

«Но, господа, я не обманываю себя такъ, какъ это только-что сдѣлали на этой трибунѣ: я не допускаю, чтобы изъ мгновеннаго рѣшенія могъ выдти законъ твердый и ненарушимый, правительство для тридцати пяти миллионовъ людей. Я знаю, что каково бы ни было правительство, которое заравый смыслъ страны изберетъ себѣ въ настоящихъ обстоятельствахъ, для народа, для всѣхъ классовъ населенія, для каждаго, кто пролилъ въ эти дни хотя каплю крови, необходимо чтобы правительство это было твердое, незыблемое, народное.

«Итакъ, господа, чтоже дѣлать? какъ отыскать среди столькихъ волнующихся элементовъ, среди бури, которая насъ уноситъ и гдѣ оляна волна слѣдуетъ за другой, — какъ отыскать это незыблемое основаніе? Его надо отыскать нисходя въ нѣдра самой страны. Поэтому-то, неприбѣгая къ уверткамъ, нечаяностямъ, душевнымъ смущеніямъ, въ которыхъ страна, какъ вы видите, раскаивается рано или поздно, когда исчезаютъ всѣ вымыслы, неоставляя послѣ себя ничего твердаго, ничего дѣйствительно народнаго, ничего незыблемаго, поэтому-то я поддерживаю всѣми моими силами требованіе, которое я выразилъ бы давно на этой трибунѣ, еслибъ мнѣ позволили говорить, требованіе правительства — оно необходимо — правительства порядка, соотвѣтственнаго нашимъ обстоятельствамъ, правительства, которое бы остановило текущую кровь, которое бы прекратило междоусобную войну, которое бы уничтожило страшное недоразумѣніе, существующее нѣсколько лѣтъ уже между разными классами населенія и которое, препятствуя намъ быть единымъ народомъ, препятствуетъ намъ также любить другъ друга.

«Я требую слѣдовательно на основаніи необходимости общественнаго спокойствія, на основаніи крови, которая еще течетъ, я требую, чтобы было составлено немедленно временное правительство.»

— Это другое дѣло! воскликнулъ старикъ, котораго строгое лицо вдругъ прояснилось, и говоря это, онъ вложилъ саблю въ ножны.

— Еще слово, господа, продолжаетъ Ламартинъ. — Правительства, которыхъ втеченіи пятидесяти лѣтъ слѣдовали одно за другимъ...

Онъ не кончаетъ. Въ коридорахъ раздаются выстрѣлы. Шумъ на улицѣ все увеличивался. Теперь онъ гремитъ какъ разъяренное море. Дверь одной изъ публичныхъ галерей въ верхнемъ этажѣ выламывается съ трескомъ. Вбѣгаетъ толпа, вооруженная пиками и ножами, пьяная, полуумная, при крикахъ: *долой палата! долой подкупленные!* Одинъ изъ нихъ кричитъ: *смерть Гизор!* и невѣрной ру-

кой прицѣливается въ Ламартина. Капитанъ Дюноме заслонаетъ его своею грудью. «Въ васъ цѣлятся», говоритъ онъ. — «Онъ цѣлить невѣрно, отвѣчаетъ Ламартинъ хладнокровно; — да если и убьютъ меня, то я умру на своемъ мѣстѣ.»

Страшный испугъ овладѣлъ всѣми депутатами. Они бросаются къ дверямъ. Толпа эта уносить съ собою герцогиню орлеанскую и дѣтей ея. Работники, студенты, національная гвардія занимаютъ мѣста депутатовъ. Своды залы дрожать. «Президентъ подкупленныхъ долой!» восклицаетъ одинъ изъ толпы, срывая шляпу съ Сوزه, который тотчасъ исчезаетъ. Человѣкъ двадцать депутатовъ лѣвой стороны остаются на своихъ мѣстахъ.

— Именемъ народа, молчите! восклицаетъ капитанъ Дюноме: — дайте говорить Ламартину!

«Долой Бурбоны, долой подкупленные! Да здравствуетъ республика!» Крики эти покрываютъ совершенно звучный голосъ Ламартина. Послѣ неописанныхъ усилій онъ добивается наконецъ минуты молчанія. «Господа! предложеніе, которое я сдѣлалъ, которое я поддерживалъ на этой трибунѣ, которое вы освятили вашими восклицаніями, приведено въ исполненіе. Вамъ будетъ объявленъ составъ временнаго правительства.»

Пользуясь воцарившимся молчаніемъ, Дюпонъ произноситъ слѣдующія имена, которыя громко повторяютъ стенографы: Араго, Ламартинъ, Дюпонъ де Лёръ, Ледрю-Ролленъ, Мари, Кремьё. «Республика! республика! Пусть знаютъ, что мы хотимъ республики! Пойдемъ въ ратушу! Нужно проводить членовъ временнаго правительства въ ратушу!» Эти восклицанія прерываютъ чтеніе.

— Мы хотимъ правительства благоразумнаго, умѣреннаго, безъ пролитія крови, но непременно республики, говоритъ чей-то голосъ въ толпѣ.

— Въ ратушу, Ламартинъ во главѣ насъ всѣхъ! восклицаетъ Бокажъ (Bocage).

— Господа, говоритъ Ледрю-Ролленъ: — на временномъ правительствѣ лежитъ много великихъ обязанностей. Оно находится въ необходимости прервать настоящее засѣданіе, чтобы принять всѣ нужныя мѣры къ прекращенію пролитія крови, чтобы права народа были освящены.

«Да здравствуетъ республика! да здравствуетъ Ледрю-Ролленъ! Не позволимъ обмануть себя какъ въ 1830 году! Въ ратушу!» восклицаютъ всѣ. И Ледрю-Ролленъ выходитъ изъ залы, окруженный шумной толпой. Дюпонъ де Лёръ, Кремьё, Мари вышли прежде него.

Толпа, неразоряя залы, расходится понемногу; вскорѣ палата

депутатовъ стала совершенно пуста. Было четыре часа. Съ тѣхъ поръ ратуша сдѣлалась единственнымъ центромъ, гдѣ стекались, чтобы сражаться съ ожесточеніемъ, чтобы возставать другъ противъ друга, всѣ принципы, всѣ интересы, всѣ страсти воскресшей революціи.

Этимъ мы кончаемъ краткій очеркъ нашъ паденія іюльской монархіи.

* * *

Подъ сѣрой тучей городъ мой —
Шумливый, безпокойный —
Въ послѣдній разъ передо мной
Стоитъ громадой стройной.

Какъ ненавиждѣлъ я его,
Съ его тревогой праздною,
Какъ я рвался туда, въ поля,
Отъ этой жизни грязной —

Туда, гдѣ рѣки ужъ пошли,
Гдѣ, ярко зеленѣли,
Идетъ весна — свѣжа, ясна —
Вездѣ цвѣтами сѣя...

Какъ мнѣ хотѣлось позабыть
Его дворцы, туманы
И сердца бѣднаго едва
Запекшіяся раны!

Но тутъ же страстно такъ жилось,
Такъ много чувствъ губилось,
И столько любящихъ сердець
Въ отвѣтъ мнѣ жарко билось...

Какъ ихъ забыть? А тамъ яныхъ
Похороню быть-можетъ...
И вотъ, незнаю отчего,
Тоска мнѣ сердце гложетъ.

Такъ изъ тюрьмы идешь — и вдругъ
Чего-то жалко станеть,
И сердце мрачный сводъ ея
Потомъ неразъ помянетъ.

О. ВЕРГЪ...

ЗАКОНЫ О ПЕЧАТИ ВО ФРАНЦІИ

(ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ)

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

Придуманнѣй Гутенбергомъ злокозненно-хитрый аппаратъ, состоящій изъ маленькихъ четырехугольныхъ столбиковъ, съ буквою изверху, перевернулъ свѣтъ вверхъ дномъ. вмѣстѣ съ его выдумкою явилась на свѣтѣ новая сила, новая власть, никогда не виданная на свѣтѣ, небывалая: явилась книга, печатная страница; мысль воплотилась, стала видима и доступна для всѣхъ; до тѣхъ поръ она была закована въ слова и неподвижно приростала къ драгоценнымъ листамъ рукописи, а тутъ, размножаясь до безконечности, она возвратила себѣ почти прежнюю духовную быстроту свою. Какъ всякая новорожденная власть, и печатная страница имѣла множество хвалителей, куртизановъ, поклонниковъ, льстецовъ, корыстно и безкорыстно преданныхъ служителей. Государи и вельможи принимали горячее участіе въ успѣхахъ книгопечатанія и служили новой силѣ со всею преданностью новообращенныхъ адептовъ. Даже король Францискъ I, знаменитый своею распутною жизнью, вѣроломствомъ, презрѣніемъ къ законности, неукротимымъ деспотизмомъ и звѣрскою жестокостію, и онъ приходилъ въ типографію и не хотѣлъ тамъ сѣсть, смотрѣлъ на работу стоя, изъ уваженія къ наукѣ, къ раждающейся книгѣ. И новая сила росла, мужала, крѣпла, стремилась впередъ, окружаемая безусловнымъ почетомъ, любопытствомъ и удивленіемъ.

Но мало-помалу начала она возбуждать опасенія, потому что стала развиваться совершенно непринужденно и своимъ развитіемъ стѣснять другія силы. Естественно, что другія силы, прежде и прочно установившіяся, допустить этого не могли, такъ какъ всякая сила по существу своему вступаетъ въ борьбу со всѣмъ что

препятствуетъ ея развитію, и уступаетъ только побѣжденная. Новая сила съ неслыханнымъ спокойствіемъ вызывала къ себѣ на судъ всевозможныя злоупотребленія, какъ бы прочно они ни укоренились; она не щадила самыхъ старинныхъ, повидимому веколѣбимо-твердыхъ предразсудковъ; она безо всякой деликатности побивала невѣжество, срывала маски съ лицемѣрія, исправляла всевозможныя заблужденія и — какъ все человѣческое — порою заблуждалась и сама. Незамѣчая и стараясь не замѣтить, что противъ собственныхъ заблужденій въ этой силѣ заключаются свои вѣрнѣйшія лекарства, всѣ злоупотребленія, предразсудки, суевѣрія, заблужденія вооружились противъ новой силы и противъ ея заблужденій. Во Франціи знаменитая сорбонна (тогдашняя академія наукъ) яростно преслѣдовала философскія сочиненія, и не одна сорбонна, а все, что чувствовало въ себѣ какую-нибудь силу, возстало противъ книгопечатанія. Послѣ сраженія при Павіи парламентъ постановилъ и университетъ подтвердилъ правило, которымъ строго запрещалось дѣлать какой бы то нибыло намекъ на тогдашнія затруднительныя обстоятельства Франціи. Королева наваррская написала книгу подѣ заглавіемъ: «Зерцало грѣшной души.» Въ 1533 году на эту книгу сдѣланъ былъ доносъ, и самъ король долженъ былъ вступиться, чтобы избавить принцесу отъ обвиненія въ ереси. По требованію парижскаго университета изданъ былъ законъ, которымъ назначается *смертная казнь* тому, у кого найдется запрещенная книга. Университетъ составилъ списокъ этихъ книгъ и передалъ его генераль-прокурору къ исполненію. Въ этомъ списокѣ особенно бросается въ глаза переводъ псалтыря Маро, сочиненія Рабеле и изданіе библіи Этьена. Наконецъ самъ Францискъ I, сначала показывавшій такое уваженіе къ книгѣ, въ одинъ пасмурный день просто запретилъ печатаніе какой бы то нибыло книги, подѣ страхомъ наказанія позорнымъ столбомъ, и весьма хвалилъ усердіе университета.

Такимъ образомъ книгопечатаніе не только было поставлено въ затруднительное положеніе, но было положительно запрещено. Физическая сила одержала верхъ надъ мыслью. Но понятно само-собою, что такое ненормальное положеніе долго продолжаться не могло, и понятно также, которая изъ двухъ силъ наконецъ должна была восторжествовать. Борьба однакоже была не легкая и продолжительная. Все что напечатано было въ XVI вѣкѣ во Франціи, подвергалось тамъ жесточайшимъ преслѣдованіямъ, все было безжалостно истребляемо, и авторы наказывались совершенно произвольнымъ образомъ. Положено было даже не привозить никакой книги, напечатанной за границей. Всякій безъ исключенія сундукъ, приве-

званный изъ чужой земли, на границѣ вскрывался, и неначе какъ въ присутствіи двухъ докторовъ богословія. Всякое новое ученіе, даже въ наукахъ точныхъ, преслѣдовалось съ ожесточеніемъ и строго запрещалось. Ученые открыли и указали нѣкоторыя заблужденія въ ученіи Аристотеля. Казалось бы, что такого рода успѣхъ долженъ былъ радовать и быть поводомъ къ всевозможнымъ поощреніямъ; но въ 1624 году парижскій парламентъ, «для обузданія мысли, выбивающейся изъ всякаго порядка и изъ всякой дисциплины», провозгласилъ особеннымъ постановленіемъ безошибочность ученія Аристотеля, причемъ разумѣется упоминалось, что всякій усомнившійся въ непогрѣшимости греческаго философа — преступникъ, подлежащій наказанію позорнымъ столбомъ. Несмотря на такую строгость, трое ученыхъ не раздѣляли мнѣній Аристотеля касательно категорій и даже рѣшились поддерживать свои взгляды въ особенныхъ диссертаціяхъ. Сорбонна и университетъ подняли крикъ, обвинили авторовъ ни болѣе ни менѣе какъ въ ереси, и просили парламентъ надлежащимъ образомъ наказать еретиковъ. Даже приняты были еще болѣе рѣшительныя цензурныя мѣры: постановлено было, подь страхомъ смертной казни, не преподавать, ни придерживатъсѣ никакого мнѣнія, противнаго ученію древнихъ. Это постановленіе замѣчательно въ томъ отношеніи, что здѣсь дѣлается насиліе противъ того, что происходитъ въ головѣ человека, стало-быть что по существу своему совершенно свободно и было свободно еще во времена глубочайшаго рабства.

— Книгопечатаніе открыло широкій путь для обмѣна мнѣній между людьми всѣхъ странъ и народовъ. Правительства между тѣмъ привнимали мѣры, чтобы защититься отъ напора новыхъ ученій. Они забыли, что истина всецѣльна и вѣчна, что ежели есть возможность придавить ее, не давая ей ходу, приостановить, запретить, то это только на время, а потомъ она все-таки возьметъ свое. Въ наше время уже самыя неподвижныя, ретроградныя правительства далеко опередили то, что въ XVI вѣкѣ считалось новымъ ученіемъ, изъ чего и слѣдуетъ, что истина взяла верхъ надъ препятствіями, одолѣла всѣ запрещенія и безусловно покорила своихъ сильнѣйшихъ противниковъ. Почти всѣ книги, напечатанныя въ XVI вѣкѣ, относились къ свободѣ совѣсти, то-есть къ свободѣ всяческихъ мнѣній и убѣжденій. Ясно, что это принципъ въ одно и тоже время религіозный и политическій, и цензура книгъ была предоставлена богословскому факультету, какъ самому охранительному изъ всѣхъ. Но книгопечатаніе скоро подвинуло впередъ потребности, расширило кругъ человѣческихъ знацій, такъ что область цензуры увеличилась, а доктора богословія все-таки не выпускали изъ рукъ обуздывающей

власти и считали себя въ правѣ обсуживать сочиненія, относящіяся къ точнымъ наукамъ, къ искусствамъ и ремесламъ, къ общественному праву. На нихъ бѣду, невѣжество ихъ сдѣлалось слишкомъ очевиднымъ; всѣ почувствовали необходимость положить предѣлы ихъ претензіямъ; общественное мнѣніе сдѣлало уже такіе усилкіи, что сами правительства обратили вниманіе на цензурную црквила. Поэтому положено было, что подвергаются цензурѣ богословскіе только сочиненія, исключительно посвященныя разсмотрѣнію релігіозныхъ вопросовъ. Всякое сочиненіе такого рода прочитывалось двумя докторами, которые потомъ докладывали факультету содержание книги и свои замѣренія касательно ея будущности. Приговоръ произносился цѣлымъ факультетомъ, и сверхъ того парижскій парламентъ на каждый случай особенно утверждалъ постановленія сорбонны. Такимъ образомъ въ началѣ XVII вѣка мысль писателя подвергалась тройному разсмотрѣнію, и какъ это теперь ни кажется многосложнымъ и затруднительнымъ, все же это не вызывало въ некоторую степень уваженія къ дѣлу, къ мысли, которая составляетъ собственность автора, показываетъ, что личное это этой собственности не считалось дѣломъ ничтожнымъ, пустымъ, нестоющимъ серьезнаго вниманія. Но вскорѣ книги стали выходить одна за другою такъ скоро, стало набираться ихъ въ разсмотрѣніи такъ много, что факультету уже не было ни малѣйшей возможности произносить приговоры въ полномъ своемъ собраніи. Доктора, которымъ поручалось разсмотрѣніе книгъ, перестали обращаться къ факультету и сами стали произносить приговоры касательно достоинствъ и недостатковъ прочитанныхъ сочиненій, такъ что ихъ сужденіе сдѣлалось окончательнымъ. Отъ этого произошло, что доктора давали свои мнѣнія на основаніи какихъ-нибудь особенныхъ, личныя соображеній, неотнесающихся къ дѣлу, а иной разъ судили вовсе безъ знанія дѣла. Пошли жалобы. Факультетъ въ общемъ собраніи вынуждалъ ихъ необходимость быть болѣе точными и осмотрительными, подъ угрозой на полгода потерять привилегіи, соединенныя съ докторствомъ, и на четыре года лишиться права разсматривать книги. Такія факультетскія постановленія указывали на злоупотребленія, нисколько ихъ не уничтожая.

Но въ 1662 году произошелъ великій соборъ: по поводу одного вопроса, сами члены факультета раздѣлялись. Дѣло шло о томъ, что выше — власть ли папы, или власть вселенскаго собора? Обѣ партіи обвинялись запяжками въ видѣ цѣлыхъ солиситовъ. Докторъ Дюваль, предводитель одной изъ этихъ партій, боясь захлопнуться подъ массою записокъ своихъ противниковъ, просилъ и получилъ въ 1664 году грамоту на исключительное право цензуры,

съ тѣмъ, что онъ возьметъ себѣ въ помощь еще троихъ товарищей и будетъ вмѣстѣ съ нами получать 2400 ливровъ жалованья. Сорбонна исполнилась; она стала посылать королю прошеніе за прошеніемъ, утверждая, что право цензуры принадлежитъ всѣмъ ея членамъ и не можетъ быть сдѣлано привилегіею нѣкоторыхъ. Король уступилъ: новыми грамотами постановлено было, что впредь будутъ шесть цензоровъ; четверо изъ нихъ будутъ выбирасмы сорбонной, а двое въ Наваррѣ. Это не помирно однако спорщиковъ, и канцлеръ Сегье отнялъ наконецъ у факультета право цензуры и самъ сталъ назначать цензоровъ съ вознагражденіемъ по 600 ливровъ каждому.

Книги, относящіяся до наукъ и искусствъ, всегда разсматривались лицами, назначенными канцлеромъ, который и былъ верховнымъ цензоромъ. Каждый цензоръ отдавалъ отчетъ только одному канцлеру; поэтому въ концѣ или въ началѣ каждой книги, издаваемой до революціи 1789 года, всегда была напечатана извѣстная формула апробаціи отъ канцлера. Такъ какъ цензора обязаны были запрещать все «противное нравственности, религіи и интересамъ государства», то дѣятельность ихъ была усѣяна подводными камнями. Напримеръ въ XVII вѣкѣ запрещено было печатать переводъ верана, какъ книгу противную нравственности, религіи и интересамъ государства, а въ XVIII вѣкѣ она была разрѣшена, какъ не противная этимъ тремъ вещамъ. Что же это показываетъ — понятно само-собою. Самые прочныя, крѣпко установившіяся цензурныя правила не могутъ устоять противъ духа времени и приходятъ наконецъ вора, когда они становятся неисполнимыми, потому что дѣлаются смѣшны самимъ исполнителямъ.

Людовикъ XIV приказалъ архіепископу парижскому собрать университетскіе факультеты для разсмотрѣнія системы Декарта. и мудрое собраніе единогласно полвергло порицанію предложенія Философа. Сорбонна съ своей стороны тоже оказала немалое усердіе: она отвергла ученіе Декарта и тутъ же кстати подтвердила запрещеніе отступать въ чемъ бы то нибыло отъ ученія Аристотеля. «Духъ Законовъ» Монтескьё былъ запрещенъ «за атеизмъ, деизмъ и бунтъ», а теперь эта книга спокойно дается дѣтямъ. Сорбонна и тутъ не отстала, и проработавъ два года, откопала восемнадцать воложскій, достойныхъ порицанія. Ктому еще медленность цензуры приводила въ отчаяніе авторовъ и издателей, и потому очень многія книги печатались въ Авиньонѣ, въ Женевѣ, въ Гагѣ, въ Амстердамѣ, въ Лондонѣ, или иногда печатались и во Франціи, но только съ подлинью иностранныхъ городовъ. Такія книги тоже разсматривались, и въ случаѣ нужды конфисковались. Такъ конфи-

скована была невиннѣйшая книга подъ заглавіемъ: «Мѣщадская кухарка», за то что тамъ, въ противность религіи, описанъ былъ способъ «готовить карасей скоромными».

Касательно газетъ дѣла шли нѣсколько иначе. Въ Парижѣ давно издавалась «Gazette de France»; она имѣла привилегію печатать политическія новости, и тощія столбцы ея дополнялись извѣстіями о погодѣ, о высотѣ рѣки, о придворныхъ событіяхъ и т. д. Можно догадываться, что въ половинѣ прошлаго столѣтія были попытки издавать и частныя газеты возлѣ казенной «Gazette de France», потому что въ 1761 году вышелъ указъ: «Запрещаемъ всякому лицу, какого бы то нибыло званія, составлять, продавать и сбывать какую бы то нибыло французскую газету и какіе-либо печатные листы съ реляціями и новостями, какъ обыкновенными, такъ и необычайными, письма, копія или извлеченія изъ оныхъ, и нынѣ вообще какія бы то нибыло бумаги, съ отчетами о происходящемъ какъ внутри, такъ и внѣ нашего королевства». Эта газета была основана въ замѣну строго запрещенныхъ листовъ, которые ходили по рукамъ еще въ XVII вѣкѣ. Но эти листки продолжали издаваться, несмотря на строжайшія запрещенія, на заключеніе въ бастиліи, на множество шпионовъ и на домовые обыски; успѣхъ ихъ былъ невѣроятный, и хотя иногда въ нихъ нечего было читать, вслѣдствіе крайней пустоты содержанія, но какъ все запрещенное, они привлекали множество любопытныхъ.

Оказалось, что чтеніе періодическихъ листовъ сдѣлалось насущною потребностью общества, такъ что правительство рѣшилось наконецъ позволить новыя изданія, но подъ надзоромъ и подъ отвѣтственностью особыхъ цензоровъ, которые опредѣлялись канцлеромъ. Но помимо канцлера, каждый министръ считалъ себя начальникомъ цензуры. Такъ на примѣръ маршалъ Сегюръ требовалъ примѣрнаго наказанія цензора Сюара зато, что 22 декабря 1786 года онъ разрѣшилъ напечатать статью въ похвалу графа Гибера, губернатора инвалиднаго дома. Маршалъ требовалъ, «чтобы редактору запрещено было печатать въ своей газетѣ что-бы то нибыло о военныхъ, непредставивъ сначала статьи на его разсмотрѣніе, и въ особенности ни подъ какимъ видомъ не печатать его имени, не упоминать о немъ ни въ хорошую, ни въ дурную сторону; если же запрещенія этого редакторъ не послушается, то онъ будетъ испрашивать королевскаго повелѣнія для его наказанія.» Министры, принцы, всевозможныя важныя лица нападали на журналистовъ и на цензоровъ, которые конечно чтобы удержаться на своихъ мѣстахъ, брали сторону сильнѣйшихъ, въ то же время стараясь удовлетворить всѣ высокія щекотливости и выполнять приказанія, часто противо-

рѣшился. Нечего и говорить, достигнута ли была цѣль всѣми этими строгостями, такъ какъ письмо маршала Сегюра, гдѣ онъ запрещалъ упоминаеть въ печати свое имя, пришлось всего только за три года до революціи.

Театральныя пьесы подвергались еще болѣе строгой цензурѣ, и еслибы много было комедій такихъ, какъ «Женитьба Фигаро», то всѣ цензоры обились бы съ ногъ. У Бомарше явилось множество отъявленныхъ враговъ и преданнѣйшихъ друзей, такъ что разрѣшеніе его пьесъ получило важность государственнаго событія. Напечатаніе вольтеровскаго «Магомета» было предметомъ обширной переписки между министрами, начальникомъ полиціи и цензурой. Вольтеръ оиѣлся всей этой суматохѣ и для довершенія замѣшательства писалъ назъ Брюсселя министру, будто пьеса была напечатана безъ его вѣдома, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ самъ заказалъ ее напечатать. Министръ написалъ на письмѣ Вольтера: «Отрѣзать ему не ближе, какъ черезъ недѣлю. Если издатель не объявитъ, откуда онъ получалъ «Магомета», то засадить его на восемь или на десять дней въ тюрьму». — Но всѣ они забыли въ ту пору, что лучшій, вѣрнѣйшій и ничего нестоющій казнѣ судья всѣхъ сочиненій есть сама публика и что никогда мнѣніе цензора не имѣло ни малѣйшаго вліанія на судьбу пьесы. Еще не было примѣра, чтобы цензура могла помѣшать распространенію истинно полезнаго и прекраснаго произведенія. Запрещенія и приговоры, произнесенные надъ лучшими произведеніями восемнадцатаго столѣтія, только обезпечивали имъ успѣхъ и дѣлали его несомнѣннымъ.

Общественное мнѣніе единогласно отвергало цензуру, и къ 1789 году она сдѣлалась только пустою формальностью, несмотря на то, что опиралась на королевскіе бланки и на государственныя тюрьмы. Генеральныя штаты, вслѣдъ затѣмъ какъ собрались, стали требовать ея уничтоженія. Съ начала революціи она дѣйствительно не существовала, но формально уничтожена была только особымъ закономъ 14 сентября 1791 года. Но директорія распорядилась уже совершенно произвольно и устроила болѣе нежели цензуру: она просто мѣшала изданію газетъ, которыя подвергали своей цензурѣ дѣйствія правительства и указывали общественному мнѣнію на пошлукъ, которые казались противными основному закону.

Консульство формально возстановило цензуру; послѣ, во время имперіи, цензура была учреждена на болѣе широкихъ основаніяхъ, подъ именемъ *свободы печати*, при особенномъ министерствѣ, которое называлось главнымъ управленіемъ книгопечатанія. Драматическія произведенія разсматривались тамъ же и сверхъ того въ министерствѣ полиціи. На вновь издаваемыхъ пьесахъ было напеча-

тано: «Разсмотрѣно и одобрено къ напечатанію и къ продажѣ съ согласія его превосходительства сенатора министра полиціи 9 сего преріала XIII года. По приказанію его превосходительства, подансая начальникъ отдѣленія *свободы печати* П. Лагардъ: *Писемъ, назначаемыхъ для представленія на сценѣ, предсказались въ рукописи министру полиціи на предварительное разсмотрѣніе. Старинныя, даже классическія сочиненія не могли перепечатываться безъ разрѣшенія, и рѣдко ножницы не дѣлали прорѣхъ въ самыхъ essentialныхъ текстахъ. Такъ продолжалось во все время первой имперіи. Императоръ Наполеонъ I, надѣясь на свое могущество, рассчитывала, что онъ можетъ обойтись безъ нравственной поддержки общественного мнѣнія, которое выражается не въ одной какой-нибудь газетѣ или журналѣ, а въ цѣломъ итогѣ печати. Но онъ палъ.*

Людовикъ XVIII, сдѣлавшись королемъ, объявлялъ, что свобода печати принадлежитъ къ числу неотъемлемыхъ правъ наждаго Француза. Но въ VIII главѣ хартіи, подписанной 9 іюня 1814 года, является уже значительная переиѣна этого здраваго мнѣнія. Тамъ нѣтъ слова цензура, но неопредѣленныя выраженія отырыли широкій путь къ ея возстановленію: «Французы имѣютъ право свободно издавать и печатать свои мнѣнія, соображаясь съ законами, которые должны *подаалать* злоупотребленія этой свободы». Потому королевское правительство нашло, что *подаалать* именно значить *предупредить*, и законъ 21 октября 1814 года снова учредилъ цензуру предупредительную. Но съ острова Эльбы явилася опять Наполеонъ. Тамъ, въ своемъ заключеніи, онъ успѣлъ обдумать, что лучшею для него поддержкою будетъ общественное мнѣніе и 24 марта 1815 уничтожилъ цензуру. Однако онъ не откровенно обратился къ общественному мнѣнію, а напротивъ обмазнулъ его, и — не удержался. Онъ все увѣрялъ, что воевать больше не хочетъ и не будетъ, а между тѣмъ опять кинулся въ войну и палъ окончательно. Когда вернулся бѣжавшій король, онъ счелъ нужнымъ наконецъ учредить свободу печати, но только для книги, а не для газетъ и журналовъ. Въ 1824 году министерство Виллеля возстановило полную предупредительную цензуру для всего, что печаталось, но въ томъ же году вступившій на престолъ Карлъ X снова ее уничтожилъ и возобновилъ только въ 1827 году, устроивъ комитетъ изъ десяти цензоровъ и особенный цензурный совѣтъ, составленный изъ черковъ, депутатовъ и судей. Но это упрещеніе существовало недолго. Общественное мнѣніе выразилось по его новоду совершенно явственно; новые цензоры, между которыми было нѣсколько писателей, пользовавшихся любовью публики, были признаны такъ же дурно, какъ и безвѣстные или предшественники. Наконецъ здѣсь снѣтаны указы на въ

июль 1830 года восстановлена была во всей густотѣ прежняя императорская цензура. Она должна была сдѣлаться совершенно произвольною, безъ всякой защиты писателя и общественнаго мнѣнія отъ произвола министровъ. Но въ томъ же мѣсяцѣ и указы и тропѣ нечестивы подѣ народными барикадами июльской революціи.

Хартією 1830 года цензура была окончательно уничтожена, въ ясныхъ и точныхъ выраженіяхъ: *Цензура никогда не будетъ возстановлена*. Несмотря на это, въ 1835 году она была опять формально возстановлена для театральныхъ пьесъ, гравюръ и медалей. Книги и газеты не были другихъ цензуровъ, кромѣ типографскихъ (какъ увидимъ далѣе), до самой февральской революціи, когда печати возвращена полная свобода.

Это продолжалось однако недолго. Генералъ Кавеньякъ, своею диктаторскою властью, безъ церемоній запрещалъ ту или другую газету во имя общественной безопасности, а потомъ закономъ возвращены штемпеля, залогов и все что съ ними связано. Затѣмъ опять восстановлена театральная цензура, а съ своей стороны присяжные, судившіе преступленія противъ печати, были свирѣпо-неумолимы, и несмотря на усиленіе наказаній, всякій судъ оканчивался обвиненіемъ: мѣщанство ревниво берегло свои карманы противъ газетныхъ статей.

Второго декабря 1851 года, безъ особенно обнародованнаго распоряженія, постановленія или указа, цензура была восстановлена на дѣлѣ: всѣ типографіи были заняты солдатами; газеты потеряли право выходить безъ особеннаго разрѣшенія; типографщикамъ приказано не печатать ничего безъ особеннаго разрѣшенія. Такъ продолжалось во все время переходнаго состоянія, а потомъ и начались вышшіе порядки, залогов, штемпеля, предостереженія, остановка газеты и совершенное запрещеніе. Мы далѣе сдѣлаемъ краткій обзоръ существующихъ порядковъ, но скажемъ заранѣе, что они оказываются не столь дѣйствительными, какъ того хотѣлъ бы императоръ Луи-Наполеонъ. Несмотря на тысячи глазъ и тысячи ушей полиціи и цензуры, все читается, все можно достать; разница только въ томъ, что народъ платитъ дороже, съ большею жадностью поглощаетъ запрещенный плодъ и лучше прежняго усваиваетъ прочитанное. Только нѣкоторыя различія, часто неимѣющіе никакого мнѣнія, какъ настоящіе контрабандисты мысли, попадаютъ и платятъ нѣсколькими мѣсяцами или годами тюремнаго заключенія или каторжной работы за любопытство однихъ и трусость другихъ.

Нынѣ дѣйствующіе законы о печати во Франціи состоятъ изъ постановленій, выданныхъ въ разное время, отъ 1819 до нынѣшняго года, такъ-что не существуетъ одного, стройнаго устава. Это не мѣшаетъ однако дѣламъ о печати идти самымъ правильнымъ и бесспорнымъ образомъ. Законъ 17 мая 1819 года до сихъ поръ остается основнымъ и въ случаѣ нужды прилагается.

Статья 1. Кто рѣчами, криками или угрозами, произнесенными въ мѣстахъ или собраніяхъ публичныхъ, или письменно, печатно, рисунками, гравюрами, живописью или эмблемами, проданными или раздаваемыми, продающимися или выставленными въ публичныхъ мѣстахъ или собраніяхъ, или объявленіями и афишами, выставленными на видъ публики, вызоветъ одного человѣка или нѣсколько людей на совершеніе поступка, называемаго преступленіемъ или проступкомъ, тотъ признается соучастникомъ, и какъ соучастникъ наказывается.

2. Кто однимъ изъ названныхъ въ первой статьѣ средствъ будетъ вызывать одно или нѣсколько преступленій, и вызовъ этотъ останется безо всякихъ послѣдствій, тотъ будетъ наказанъ тюремнымъ заключеніемъ неменѣе трехъ мѣсяцевъ и неболѣе пяти лѣтъ, и штрафомъ неменѣе 50 и неболѣе 6,000 франковъ.

3. Кто однимъ изъ тѣхъ же средствъ будетъ вызывать одинъ или нѣсколько проступковъ, и вызовъ этотъ останется безъ послѣдствій; тотъ будетъ наказанъ тюремнымъ заключеніемъ отъ трехъ дней до двухъ лѣтъ и штрафомъ отъ 30 до 4,000 франковъ, или только однимъ изъ этихъ двухъ наказаній, смотря по обстоятельствамъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда законъ опредѣляетъ меньшее наказаніе виновному въ самомъ проступкѣ, и тогда это наказаніе опредѣляется и вызывавшему на проступокъ.

6. Подстрекательство тѣми же средствами къ неповиновенію законамъ наказывается по статьѣ 3.

8. Всякое оскорбленіе общественной и религіозной нравственности или добрыхъ нравовъ однимъ изъ средствъ, упомянутыхъ въ статьѣ 1, наказывается тюремнымъ заключеніемъ отъ 1 мѣсяца до 1 года и штрафомъ отъ 16 до 500 франковъ.

9. Кто однимъ изъ способовъ, упомянутыхъ въ 1 статьѣ, будетъ виновенъ въ оскорбленіи личности короля, тотъ будетъ наказанъ тюремнымъ заключеніемъ неменѣе 6 мѣсяцевъ и неболѣе 5 лѣтъ и штрафомъ отъ 500 до 10,000 франковъ.

10. Оскорбленіе однимъ изъ тѣхъ же средствъ членовъ королевской фамиліи наказывается тюремнымъ заключеніемъ отъ одного мѣсяца до трехъ лѣтъ и штрафомъ отъ 100 до 5,000 франковъ.

11. Оскорбленіе однимъ изъ тѣхъ же средствъ напечатать или одной изъ нихъ называется по статьѣ 10.

12. Оскорбленіе однимъ изъ тѣхъ же средствъ личности государя или личности главы правительства иностраннаго называется по статьѣ 10.

Несколько въ слишкомъ большія подробности касательно грамотности и степени точности этихъ законовъ, допустимъ показать, что они очень хороши и посмотримъ на удобство ихъ прирѣшенія. Для этого слѣдуетъ обратиться къ прирѣзамъ.

Подъ которую статью надо подвести Гоголя за его «Ревизора», если при выходѣ изъ театра кто-нибудь назвалъ дежурнаго квартальнаго Держимордой и не исполнилъ его законныхъ и справедливыхъ требованій? По смыслу первой статьи, Гоголь — соучастникъ совершеннаго проступка. Ему приходится по третьей статьѣ отъ трехъ дней до двухъ лѣтъ тюремнаго заключенія и отъ 30 до 4,000 франковъ штрафа. Но смѣло же думать? Если судьей будетъ городской Сквозникъ-Дмухановскій или его другъ судья Лизинъ-Тамкинъ, то они будутъ имѣть возможность назначить Гоголя на два года въ тюрьму и взыскать съ него 4,000 фр. штрафа, не считая того, что онъ до произнесенія приговора года два просядуть въ тюрьмѣ. При другомъ устройствѣ суда Гоголя будетъ оправданъ, даже еслибы Держиморда рѣшился его преслѣдовать. Такимъ образомъ выходитъ, что вся сила не въ законѣ, а въ его прирѣшеніи и исполненіи, такъ-что дѣла книгопечатанія могутъ идти такъ или иначе, смотря по обстоятельствамъ. Если почему-либо Сквозникъ-Дмухановскій считаетъ свое положеніе упроченнымъ и общественное мнѣніе горожанъ на своей сторонѣ, то онъ скажетъ обвиненному Держимордѣ, что Гоголя преслѣдовать нельзя и незачто; дѣло останется безъ послѣдствій. Но ежели городъ недоволенъ Сквозникомъ-Дмухановскимъ, ежели онъ увѣренъ, что въ случаѣ спроса всѣ туземцы будутъ противъ него, и даже пожалуй готовы безъ всякаго спроса прогнать его, то Гоголю тюрьмы не миновать.

На дѣлѣ это точно такъ и было во Франціи, и таже исторія повторилась нѣсколько разъ. Втеченіи первыхъ мѣсяцевъ послѣ утвержденія какого-нибудь изъ правительствъ, которыхъ такъ много переимѣнилось въ нынѣшнемъ столѣтіи, печать была свободна; народъ радовался переимѣнѣ, и очень былъ доволенъ, если не новымъ правительствомъ, то самой переимѣной. Потомъ, когда первый жаръ утихалъ, наступала пора болѣе спокойнаго взгляда. Оказывалось, что новое правительство несовсѣмъ намѣрено согласоваться съ желаніями народа, а кое-что хочетъ дѣлать самовластно, по-своему, деспотически. Вопли противъ этого начинали появляться въ печати,

а въ отвѣтъ на нихъ начинались преслѣдованія мнѣнія, невысказанныхъ словесно, или выражаемыхъ голосомъ, письменно, печатно, въ книжкахъ или въ театральныхъ пьесахъ, — это уже въ сущности совершенно одно и то же. Всякій разъ наступала реакція противъ печати, какъ мы упоминали въ вышеприведенномъ очеркѣ. Тогда или издавались особые законы касательно печати, или просто на основаніи старыхъ законовъ начиналось преслѣдованіе, и суть представлялась обвинительные приговоры.

Тамъ, гдѣ судъ зависитъ отъ администраціи, само собою разумеется, приговоры произносятся администраціею, только придѣется имъ форма судебныхъ. Въ обществѣ могутъ быть элементы строгихъ организаціи, но конечно не въ администраціи, а внѣ ея и даже совершенно внѣ предѣловъ ея вліянія. Тамъ же, гдѣ судъ независимъ, гдѣ судьи беззависимы и не могутъ быть по одному произволу какой бы то ни было высшей инстанціи терять мѣста, гдѣ даже ищется судъ присяжныхъ, по какому лучшему изъ известнаго людскому суду учрежденій, тамъ мысля и убѣжденія значительно болѣе обеспечены, однако все же не настолько, сколько слѣдуетъ того жадать великому уважающему человѣческому достоинству. Притѣръ неслыханной свѣрзости присяжныхъ мы видимъ въ 1849 году во Франціи, во время диктаторства Кавеньяля. Во имя общественной безопасности, законники-присяжные, рождавше оберегавшіе не правительство, а свои карманы, подъ видомъ отарпаннаго общественного стрела и социальныхъ отношеній, утвердившихся втеченіе тысячелѣтій, произносили приговоры, которые самому Гизо, когда еще онъ былъ министромъ Луи-Филиппа, показались бы деспотическими. То, что при Луи-Филиппѣ печатное совершенно спокойно, при Кавеньялѣ вело къ тюрьмѣ и къ штрафу. Дѣло въ томъ, что судья и присяжные могутъ быть и введупны и независимы, но они могутъ или подлежать вліяніямъ, или быть настроены въ известномъ направленіи, и тогда противъ нихъ уже нѣтъ апелліаціи не только передъ кассационными судами, но даже и передъ судомъ общественнаго мнѣнія. Тогда общественное мнѣніе, совершенно довольно устройствомъ суда, возтому самому бываетъ довольно и приговорами, или по крайней мѣрѣ старается въ этихъ приговорахъ не видѣть несправедливости, насилия.

Это чрезвычайно широкое и утѣснительное понятіе — *кломмареблие*, всегда было камнемъ преткновенія для правительствъ, возлагавшихъ надежду только на свои собственные силы, а не на общественное мнѣніе. Стоить выкинуть въ него камень, чтобы убедиться въ совершенной, полной несоотвѣстности его ии чести, что касается къ слухамъ, словамъ, печати.

Злоупотребленіе есть дурное, чрезвычайное, вредное или несправедливое употребленіе чего-нибудь. Злоупотребленія, по природѣ человеческой, чрезвычайно легко проникаютъ вошу, гдѣ только есть какое-нибудь употребленіе. Поискивая хорошенько, чуть не во всемъ можно найти злоупотребленіе; оно часто бросается въ глаза и безъ поисковъ. Начиная съ религій, все подвержено злоупотребленіямъ. Девъ X повелѣлъ августинскихъ монаховъ предавать индульгенціи, то-есть ивста въ рай. Монахъ другого ордена, Люторъ, написалъ, что это злоупотребленіе и произвелъ реформацию. Но Кальвинъ, точно также подошольный предѣлами Рима, точно также совершилъ умное злоупотребленіе, именуемое ринского, когда заставилъ свецъ Мирамла Серво. Въ администраціи злоупотребленіи составляютъ вѣчное и постоянное свойство во всѣхъ образованныхъ и необразованныхъ странахъ свѣта. Иначе и быть не можетъ, потому что когда хотятъ преобразовать какое-нибудь злоупотребленіе, преобразователь дѣлается преемникомъ своего предшественника, и злоупотребленіе только видоизмѣняется. И тереше еще, если человѣкъ живеть злоупотребленіемъ, не злоупотребляетъ своего мнѣнія.

Но итъ возможности перечислить всѣхъ злоупотребленій. Посмотрите на этого знаменитаго врача, который съ великимъ лечить очень, когда болѣшь въ сердцѣ, и выписываетъ лекарства только изъ одной аптеки или дѣлаетъ вамъ десять визитовъ въ неделю. Посмотрите итати на этого пациента, который во время болѣзни считаетъ своего врача голубогемъ, а по выздоровленіи одна увидѣтъ его на улицѣ и едва кланяется ему, какъ неисправный должникъ. Взгляните на этого крилика, который пронесетъ книгу или кончатъ ее въ грязь, даже непрочитавъ ее, или на дециальнаго оратора, который вслѣдствіи старается дѣлать видъ, что онъ свободенъ, но преданъ, или на депутата, который платитъ за сочиненіе своей рѣчи безвѣстному публицисту не столько-то съ листа. Злоупотребленіи кругомъ, вездѣ злоупотребленіи! А этотъ учитель, который преподаеть то, чего не знаетъ? А этотъ докторъ, который изъ лѣнства, чтобы ничего не изучать, прымываетъ къ гуслямъ, не лжкимъ радимъ стриндасей вонто бы то шотало и злоупотребляетъ словами, чувствуя себя тѣмъ-то предѣ проповѣ? А этотъ крикутъ не части философіи, сильно оживившій на терпѣеа, только въ своемъ замравленіи? Много бывало ханкой, въ тоже время великимъ итгедимъ, зато было и есть немало размышляющихъ съ шротеніемъ на философованію съ тѣмъ же правымъ внутреннимъ свойствомъ. А этотъ судья, который вездѣ видитъ виновныхъ и шротеніемъ шротеніемъ шротеніемъ закона, тогда какъ въ обществѣ, въ

частной жизни—какой еще можно господничать и какъ незлобно играть въ карты по маленькой! А этотъ пошаренный и адвокатъ, который такъ благородно, широко живетъ на счетъ своихъ довѣрителей? А этотъ другъ, который такъ дружески, такъ настойчиво добивается благосклонности жены своего друга?..

Но въ безчисленномъ множествѣ злоупотребленій самыя существенныя, самыя безарнаныя суть злоупотребленія мысли, слова, рѣчи, печати, потому что противодіе ложить въ нихъ самикъ; они такъ складируются и нейтрализуются съ величайшимъ удобствомъ, если никому не вразумъ ротъ, ни у кого не отнято перо, тогда какъ всѣ остальные злоупотребленія не заключаютъ въ себѣ этой цѣлебной силы. Администраторъ, судья, врачъ, адвокатъ, ханжа, архитекторъ, крестьянинъ, злоупотребляющіе своимъ вліяніемъ, не встрѣчаютъ противодѣйствія въ другихъ администраторахъ, судьяхъ, врачахъ и т. д. Даже вопреки, выкалить не несловацъ: воронъ ворону глаза не выколупать. Между тѣмъ правительство не очень равнодушно заботится объ исправленіи этихъ установившихся злоупотребленій, тогда какъ злоупотребленія слова остаются предметъ ихъ исключительной заботливости, хотя лекарство лежитъ въ нихъ самикъ. Противъ одного врага говорума найдется не одинъ, а нѣсколько антагонистовъ, если только онъ не встрѣтитъ сильнаго отпора въ самомъ обществѣ, такъ что правительство, при полной свободѣ печати, при отсутствіи всякой цензуры, весьма удобно можетъ слѣзать за общественнымъ мнѣніемъ и лопернать себѣ изъ него необходимыя указанія. А эти указанія потому между прочимъ необходимы, что проче и надменно бываетъ только то правительство, которое согласно съ общественнымъ мнѣніемъ, тогда какъ несогласное съ мнѣніемъ и съ потребностями большинства держится только насильемъ, и потому непрочное, шаткое, подвержено опасности исчезнуть даже отъ напая.

Чрезвычайно важныя доказательства этого мы видимъ въ исторіи Франціи нынѣшняго столѣтія и въ исторіи Англій. Всякій знаетъ, что тронъ королевы Викторіи несравненно прочнѣе трона Луи-Наполеона, а между тѣмъ въ Англій цензуры не существуетъ, нѣтъ ни залоговъ при изданіи газетъ, ни поманыхъ штенделей, ни предостереженій, ни запрещеній, ни отвѣтственности типографіковъ, тогда какъ во Франціи все это есть. Помыте нѣтъ этого само собою, что не цензура составляетъ прочность тронныхъ и правительствъ, а свободно, безцензурно выраженное общественное мнѣніе. Извѣстно, что въ пятидесятыхъ годахъ въ Англій издавался нѣсколько мѣсячный еженедѣльный журналъ подъ названіемъ «Атлантъ». Всякій четвертъ выходилъ номеръ этого журнала съ десятилетъ-

ствием того, что Бога нѣтъ; это доказывалось разсужденіями въ философской формѣ, анекдотами, повѣстями, романами, фельетонами, стихотвореніями, все на тему: нѣтъ Бога. Правительство не обращало на это явленіе никакого вниманія или лучше—сказать принимало его къ свѣдѣнію наравнѣ съ остальными журналами. Религіозные журналы отвѣчали «Атеисту» въ своихъ столбцахъ, политика на эту избитую тему продолжалось довольно долго, и наконецъ безбожный журнал прекратился по недостатку подписчиковъ. Общественное мнѣніе его не поддержало, стало-быть онъ былъ неуживчивъ, бесполезенъ. Но нетрудно расчитать, что могло бы выдти, еслибы его преслѣдовали и запрещали, чего однакоже въ Англіи быть не могло. Положимъ, что въ одну туманную ночь редакторъ и сотрудники исчезаютъ, и негодъ въ городѣ начинаетъ ходить слухъ, что всѣ эти господа сидятъ гдѣ-нибудь въ крѣпости, въ тюрьмѣ или въ монастырѣ. Тутъ возбуждается не простое, безцѣльное любопытство. Тутъ все общество, оскорбленное насильемъ, принимаетъ къ сердцу положеніе заключенныхъ; все что имъ есть благороднаго въ обществѣ, негодуетъ на деспотизмъ и выселенно становится на сторону угнетенныхъ: однимъ этимъ поступкомъ правительство возбуждаетъ оппозицію, создаетъ множество недовольныхъ и распространяетъ произведенія, которыхъ безъ того не обращали бы на себя вниманія. Общество, оскорбленное насильемъ, бросается читать запрещенное и читаетъ уже съ особеннымъ отгѣнкомъ страстнаго сочувствія, и предудрежденное въ пользу заключенныхъ, смотритъ на нихъ произведенія пристрастно, усомнится лигетое, что прошло бы безъ слѣда, и оказывается, что правительство достигаетъ цѣли противоположной той, какой хотѣло достигнуть.

Послѣ маленкой революціи положеніе Луи-Филиппа было чрезвычайно прочно; всевозможныя карикатуры на него и на его министровъ немногія не колебали твердости основаній его престола, и большинство французовъ увѣрено было, что ихъ «шоархис — лучшая изъ республикъ». Но трусливые совѣтники его испортили все дѣло, постепенно привели февральскую революцію. Понятно само собою, что карикатура поколебать престолъ неможетъ. Чтo же значило шприниръ сдѣланное угломъ на заберѣ грубое изображеніе фигуры Луи-Филиппа съ какою-нибудь остроумною или вовсе не острою надписью? Ровно ничего; оно смывалось дождемъ, а дѣла государственныхъ или своихъ чередомъ. Но министры думали иначе. Какъ-то выдана была антеграфированная карикатура, очень плоскаго содержанія. Известно, что Луи-Филиппъ былъ очень полонъ, щени его висѣли, лобъ былъ довольно высокъ и узокъ, носъ харач-

терпеливостей, бурбонский. Фарма лица его сильно напоминала ярушу, обращенную толстыми кожными висками. Нарисована была обыкновенная груба, и на ней несколько пятнышек и точек, темъ гдѣ на человеческомъ лицѣ глаза и ротъ; а тамъ, гдѣ носъ, нарисованъ былъ большой паукъ, довольно сходно играющій на рисункѣ ромбуса. Издали этотъ рисунокъ совершенно напоминалъ эмблему Луи-Филиппа. Внизу рисунка, по поводу паука, была подпись: «*Le chat animal est arrosé araignée*». Французскій языкъ такъ удобно поддается на каламбуръ.

Королевскіе советники исполнились такъ, какъ-будто отъ этой карикатуры зависѣлъ успѣхъ амширеной экспедиціи или покуда переговоры объ оглашеніи Магмета-Али отъ Турціи, и принялись обдумывать различные мѣры. Но какъ-быть? Преслѣдовать медетода судомъ за оскорбленіе особы короля — было бы совершенно неприлично, уронило бы королевское достоинство. Или догадываясь они, что преслѣдованіе, — все равно, административное или судебное, или цензурное, или какое бы то ни было другое — уронитъ достоинство короля. Надогадывались, они издали законъ 9 сентября 1835 года, которымъ запрещалось (статья 20) издавать, выставлять или продавать рисунки, гравюры, литографіи, эстампы, эмблемы, медали, какого бы рода и свойства ни было безъ предварительнаго разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ въ Парижѣ, или провѣста въ департаменталь. Разумѣется карикатура была глупая, и было бы думно, солгбы ея небыло. Глава государства въ правленіи предостанитальномъ на въ законѣ случаѣ не отвѣчаетъ за ошибки своихъ министровъ и долженъ быть окруженъ всевозможнымъ уваженіемъ. Это вошло даже въ законъ 9 сентября 1835 года, статья 4: «*Кто будетъ возводить до короля порицаніе или отвѣтственность за дѣйствіе его правительствъ, тотъ наказывается тюремнымъ заключеніемъ отъ одного мѣсяца до одного года и штрафомъ отъ 500 до 5000 франковъ*». Дѣйствительно, когда есть отвѣтственные министры, какое порицаніе главы государства становится безцѣльнымъ, бесполезнымъ, потому что тогда глава государства становится прекраснѣйшимъ, верховнымъ представителемъ всей страны. Всякая насмѣшка надъ нимъ становится насмѣшкой надъ отечествомъ. Но карикатуръ на Луи-Филиппа было множество. Отчего же это происходило? Отчего въ началѣ его правленія карикатуръ вовсе не было, отчего ихъ очень мало является въ Анналахъ на королеву Викторію? Само собой разумѣется, оттого, что Луи-Филиппъ началъ своего царствованія, а королева Викторіа и во все то время какъ занимаетъ англійскій престолъ, никогда не шла цанеркарь общественному мнѣнію, не поступала признавъ интересамъ страны.

А когда правительство согласено съ народомъ, когда оно имеетъ поддержку народа, но въ одномъ съ нимъ направленіи, а не врозь, по различнымъ дорогамъ, — самыя точныя и опредѣленныя цензурныя законы и самыя рѣшительныя мѣры, принимаемыя властью, никаки не могутъ одолѣть другую, высшую, гораздо болѣе сильную власть, именно мысль, или ея воплощеніе — слово, или твердо установленное общественное мнѣніе. Но во все времена, даже и ранѣе воображенія книгочеевцевъ, правительства мѣры претонаію управлять не только волевыми, но и ихъ мыслями, ихъ убѣжденіями, ихъ общественнымъ мнѣніемъ, при помощи разныхъ цензурныхъ мѣръ и при помощи разныхъ официальныхъ органовъ, вроде «Монарха», или гг. Бюле и Барона. На на дѣлѣ всегда оказывалось, что это совершенно напрасно, и мнѣніе долѣе продолжалось воспитаніе общественнаго мнѣнія, гнѣвъ долѣе она разгорался съ правительствомъ, которое невольно оставалось аликвизитомъ и стояло какъ—буало лагеремъ въ неприступной странѣ. Но этому поводу можно возразить, что правительства стоятъ всегда впереди народа, что она долѣе двигаетъ народъ, дѣйствуя на его общественное мнѣніе и давая простора старымъ, укоренившимся понятіямъ, или не старымъ, но ложнымъ. На это въ отвѣтъ можно указать на петровскую реформу въ Россіи, когда укоренившіяся старыя понятія были уничтожены попытками, крутостью, коломъ, конюскаціями. Дѣйствительно, небольшая часть Россіи расшаталась, подвинулась въ другую сторону отъ народа, волевымъ можно допустить, что впередъ, болѣе совѣдала, но именно совѣдала замѣтила, что полтораэта дѣтъ она шла по ложному направленію и что ты только направленіе ложно, которое не раздѣляетъ народъ на два лагера, не враждебныя между собою, но вовсе другъ друга не понимающіе, до такой степени, что правая сторона считается лѣвую глупецкою, несмысленною, какъ малецъ, а лѣвая сторона считается правую необразованною, грубою, ничего не понимающею.

При этомъ попутно можетъ возникнуть предположеніе, что общественное мнѣніе можетъ быть истреблено, подавлено дѣятельными запротестительными мѣрами, если это признано будетъ удобнымъ въ административномъ отношеніи. Но въ нашемъ мѣкѣ даже на минуту подумать это — неблагопріятно, непотребно, и если Луи-Навольсонъ это дѣлать, то всякій сколько-нибудь опытный машинистъ скажетъ, что это даже неблагоуразумно. Стѣнки всякаго парового котла устроены такъ, что могутъ выдержать большое давленіе запертого внутри пара; но всему есть мѣра, и если плотно запереть всѣ предохранительныя клапаны, то котелъ нѣсколько времени продержится, а потомъ, внезапно въ которую именно минуту, нежданно

дашно ложается и откидывается трупъ неосторожнаго нациниста на грудь труноца всѣхъ его друзей и испуганниковъ.

Къ числу средствъ, замирающихъ планы общественаго шибнѣ и останавливающихъ развитіе страны, принадлежатъ залогъ, требуемый съ издателей газетъ. Залогъ, по закону 9-го іюня 1810 года, назначается на то, чтобы вычитать изъ него протори, убытки и штрафы, къ уплатѣ которыхъ хозяева или издатели газеты могутъ быть приговорены. Въ случаѣ недостаточности залога, поборъ вносится съ собственности хозяевъ или отвѣтственныхъ издателей газеты, съ авторовъ и редакторовъ осужденныхъ статей. Закономъ 18 іюля 1828 года избавлены отъ залога залоговъ 1) журналы, выходящіе одинъ разъ въ мѣсяцъ, или рѣже; 2) журналы или періодическіе выпуски, исключительно посвященные или научнымъ математическимъ, физическимъ или естественнымъ, или работамъ и исследованиямъ научнымъ, или искусствамъ механическимъ и художественнымъ, то-есть наукамъ и искусствамъ, которыми занимаются три академіи: наукъ, надписей и художествъ; 3) журналы и періодическіе выпуски, чуждые содержания политическаго и исключительно посвященные литературѣ или другимъ отраслямъ знанія, именованнымъ выше, если только они не выходятъ болѣе двухъ разъ въ недѣлю; 4) всѣ періодическіе выпуски, чуждые политическаго содержания, издающіеся на другомъ, не французскомъ языкѣ; 5) періодическіе листы, исключительно посвященные объявленіямъ о дѣлахъ торговыхъ, судебныхъ, о приходѣ и отходѣ кораблей, о цѣнахъ товаровъ. Закономъ 9 сентября 1835 года, ст. 13, залогъ опредѣлено вносить въ казначейство, которое и платитъ на него проценты, постольку, сколько положено для залоговъ. Если журналъ выходитъ въ опредѣленные дни или неопредѣленно выпусками, но болѣе двухъ разъ въ недѣлю, то залогъ будетъ 100,000 франковъ. Залогъ будетъ въ 75,000 фр., если газета или періодическіе выпуски выходятъ не болѣе двухъ разъ въ недѣлю. Онъ будетъ въ 50,000 фр., если журналъ выходитъ разъ въ недѣлю. Онъ будетъ въ 25,000 фр., если журналъ выходитъ болѣе одного раза въ мѣсяцъ. Въ департаментахъ, не прилегающихъ къ Парижу, залогъ въ четыре и въ шесть разъ меньше. По мѣрѣ уменьшенія залога отъ вычетовъ за протори, убытки и штрафы, залогъ немедленно уменьшается, безъ чего нельзя и продолжать изданія газеты. Слѣдуетъ замѣтить, что закономъ 16 іюля 1850 г. наибольшій залогъ уменьшенъ со 100,000 до 24,000 франковъ.

При внимательномъ разсмотрѣніи этого закона и послѣдующихъ событій оказывается, что онъ былъ чрезвычайно вреденъ какъ правительству, такъ и народу. Сначала слѣдуетъ обратить вниманіе на

то, что залогъ въ провинціяхъ былъ несравненно меньше, чѣмъ въ столицѣ. Но почему это? Чѣмъ объяснили бы это почтенные буржуа-депутаты, утвердившіе этотъ законъ въ 1835 году? Можетъ-быть они сказали бы, что они утверждали залогъ только для газетъ политическихъ, а всѣ остальные изданія освобождены отъ залоговъ, и при этомъ съ похвалою отозвались бы объ успѣхахъ наукъ и искусствъ во Франціи, и о томъ, что французы первая нація въ мірѣ, гдѣ столица — Парижъ. Далѣе они сказали бы, что для спокойствія страны всего опаснѣе политическія мнѣнія, несогласныя съ правительственными цѣлями и мѣрѣніями, и что тѣ, которые высказываются въ столицѣ, гораздо вреднѣе провинціальныя, потому что Парижъ всегда служилъ камертономъ, по которому цѣля вся Франція. Вотъ и прекрасно; съ этимъ мнѣніемъ нельзя не согласиться; оно совершенно справедливо; Парижъ столько же административный, сколько и умственный центръ Франціи. Но если такъ, если въ провинціи залогъ полагается меньше, то вѣроятно и штрафъ за печатные проступки берется тамъ во столько же разъ меньшій? Нѣтъ, по закону штрафы эти и тюремныя заключенія издателей по всей странѣ одинаковы. Такъ зачѣмъ же уменьшонъ залогъ? — Какъ зачѣмъ? отвѣчаетъ буржуа-депутатъ: — мы, законодатели, очень хорошо знаемъ, что общественное мнѣніе страны должно быть развито, что странѣ необходимо политическое воспитаніе, безъ чего гражданствъ не можетъ быть гражданномъ. Непринимая участія въ политической жизни отечества и неимѣя понятія о политическомъ бытѣ другихъ странъ, гражданствъ остается только глухонѣмымъ ирронеоданнымъ, чего не можетъ и не должно допускать просвѣщенное правительство. Если мы не хотимъ, чтобъ наши граждане были безсловеснымъ и бессмысленнымъ стадомъ, то должны поощрять развитіе журналистики въ провинціяхъ, гдѣ мало капиталовъ для взноса стотысячнаго залога. И это прекрасно; и съ этимъ нельзя не согласиться; надо если не поощрять, то по крайней мѣрѣ не стѣснять политическое воспитаніе гражданъ; пусть они воспитываются. Но стало-быть стотысячный залогъ не поощрять, а стѣснять это воспитаніе, и такъ какъ въ провинціяхъ по большей части читаются столичныя газеты, то столичный залогъ стѣсняетъ, затрудняетъ политическое воспитаніе. Какже можно помирить это противорѣчіе? Надо поощрять и въ тоже время стѣснять. Это сильно напоминаетъ виноградъ, который въ сѣверной Франціи часто разводится на ювалерахъ. Тамъ свободное развитіе его во всѣ стороны стѣснено, и поощряется только развитіе по направленію шпалеры: стѣны бѣднаго растенія прикладываются къ колыямъ и поперечнымъ брускамъ, и получаютъ съ распятого такимъ образомъ растенія про-

красные, сочные плоды; но дѣло въ томъ, что общество не растеніе, а животный организмъ, для котораго искусственное дѣвствіе, отъ нѣхъ частей насчетъ другихъ всегда гибельно, составляетъ прямую причину смерти.

На дѣлѣ оказалось, что залоги, утверждаемые въ 1835 году въ такихъ широкихъ размѣрахъ, ровно ничему не пособили, съ точки зрѣнія буржуа-депутатовъ. Во Франціи политическія мнѣнія раздѣляются по партіямъ: есть тамъ орлеанцсты, легитимисты, республиканцы, бонапартисты, съ нѣсколькими видоизмѣненіями д. отъ тѣхъ-ка, Газета служила тамъ всегда органомъ какой-нибудь партіи и обыкновенно издавалась на акціяхъ или на чаяхъ. Для сохраненія новой газеты, или для приобрѣтенія старой соединяется обыкновенно нѣсколько капиталистовъ съ тѣмъ, чтобы получить отъ дѣла нѣкакую вырѣдку. Но въ то же время духъ партій очень часто заставляетъ члѣновъ совершенно пренебрегать барышами: они закладываютъ залоги, стараются себѣ редактора сообразно съ своимъ стремленіемъ, и говорятъ ему, что выгода имъ не надо, что всѣ выгоды свои отдаютъ они на своевременное поновленіе залога, по мѣрѣ того какъ онъ будетъ уменьшаться вычетами штрафовъ, но ядо гдѣ-нибудь цѣль — проводить въ дубавку свои воззрѣнія, свои убѣжденія, дѣлать своей партіи, и поэтому со стороны отвѣтственности редактора требуются всевозможныя усилія, чтобы штрафовъ было какъ можно больше; ятоже касается до тюремныхъ заключеній редактора, то онъ за каждый день будетъ получать сто-два-то. Съ 1835 года дѣлались такъ и шли дѣла французской журналистики. Оппозиція не могла денегъ на залоговъ и штрафы, а банзорокое правительство Луи-Филиппа воображало, что денежнымъ штрафомъ можно остановить разпространеніе идей, тогда какъ оно не останавливается обыкновенно ни кострами, ни казнями, ни пытками. Императоръ Луи-Наполеонъ поиздѣ это очень хорошо; онъ видѣлъ, что для какой-нибудь политической партіи ровно ничего не значитъ кака-нибудь сотня-двѣсти тысячъ франковъ; одному человеку это трудно, а цѣлая партія легко заплатитъ еще и не такую сумму, сложившись не гниденіемъ. Поэтому онъ не увеличилъ назначенный закономъ 16 іюля 1830 года залогъ въ 24,000 фр., даже внимательно наблюдаетъ, чтобы штрафовъ было не слишкомъ много, но установилъ предостереженія, противъ которыхъ уже совершенно безсильно вслѣдствіе смертвенности людей, державшихъ сторону той или другой партіи.

Нынѣшніе ораторы оппозиціи часто называютъ послѣднее средство цензурныхъ предостереженій мечемъ Дамокла, который простираетъ надъ французской журналистикой. Сравненіе весьма цѣлостное, но далеко не вѣрное. Сморфе можно сказать, что это не

рота развѣдчика, распушенная настолько, чтобы пэціентъ замкнулся не сейчасъ же. Законъ о предостереженіяхъ есть цензура парализованная. Здѣсь повсѣлному существуетъ полная свобода журналистики. Всѣмъ пишеть и печатаетъ что ему угодно въ своей газетѣ, съ тѣмъ только, что ежели статья не понравится администраціи, та газета получаетъ первое предостереженіе. Ежели на другой день выйдетъ новая статья, которая не понравится начальству, та газета получаетъ предостереженіе второе. Наконецъ, ежели на третій день вы хоть черезъ нѣсколько дней явится въ той же газетѣ еще статья, подобная двумъ первымъ не по содержанію своему, а по впечатлѣнію, какое произведеть она на администрацію, то пятая затѣгивается задушко, газета окончательно запрещается, закрывается, перестаетъ выходить. Противъ такого порядка совершенно безсилуетъ голосъ какой бы то нибыло партіи. Какъ ни смѣлы иногда бываютъ говоруньи въ словахъ раскатахъ, но не бываетъ между ними такихъ храбростей, которые подгадали бы, что они могутъ доставить своей партіи торжество тремя газетными статьями. Стало-быть тутъ ничьяя личная жертва ничего не значитъ, ничего не слѣдуетъ, — и партіи приподкал, по случаю совершенной невозможности толково спорить съ переводкою на дѣлѣ. Эту истину конечно подтвердилъ бы всякій удавленникъ, еслибы только онъ могъ что-нибудь утверждать.

Такимъ образомъ оппозиція во Франціи не существуетъ явно, открыто. Но полицейскіе знаютъ тамъ очень хорошо, что въ тайникахъ человеческой мысли, по существу своему неоплачивенныхъ ни предупредительной, ни карательной цензурѣ, оппозиція есть, хранится всяцѣло, накопается, сгущается; но что будетъ затѣмъ, именно въ которую изъ слѣдующихъ минутъ котелъ лопнетъ, этого они положительнаго не знаютъ. А послѣ насъ — хоть потопъ, говорятъ они; а на насъ вѣкъ хватить. Но въ томъ-то и вопросъ, хватить ли?

Само собой разумѣется, что ежели правительству Луи-Наполеона предстоятъ впередъ трудныя времена, то конечно главною причиною ихъ будетъ принятая во Франціи система предостереженій или система литературнаго молчанія. Давно доказано и тысячу разъ было доказываемо, что никакой нѣтъ возможности разумно управлять обществомъ разумныхъ существъ безъ помощи великой двигательной и направляющей силы, называемой оппозиціею. Когда человекъ управляетъ стадомъ коровъ или овецъ, то оппозиція ему не нужна; однакоже и здѣсь благоразумный пастухъ предоставляетъ иногда животнымъ разбредиться въ разныя стороны, туда, куда влечетъ ихъ инстинктъ, потребности, которыя не могутъ быть всѣ

извѣстны одному человѣку. Тамъ трава пообивше, видѣвша что и суше, но нѣтъ ту приность, которая иногда тоже необходима организму, тутъ научиться можно, и т. д. — невозможно же одному человѣку за всѣмъ усмотрѣть, одному вѣру и вѣрѣніи угодити на каждый организмъ. При управленіи существами разумными — се-вольи другое. Всякое на свѣтъ равнине правительство, независимое отъ своей формы, желая блага, пользы и процвѣтанія себѣ, въ то же время желаетъ всѣхъ физическихъ и духовныхъ благъ и управле-мымъ. Иначе и быть не можетъ. Кромѣ того, что этого требуютъ христіанское человѣколюбіе, это еще и полезно, и выгодно, и пріятно, и почетно. Но какъ же узнать, что для управленія бо-го, или вѣрѣе сказать, что они сами для себя считаютъ благомъ? Управитель весьма легко можетъ ошибаться, и со всею честностью, со всею добросовѣстностью и благонамѣренностью онъ можетъ вызывать управлемымъ такіа блага, отъ которыхъ они не будутъ знать какъ отдѣлаться и отболтаться. Вслѣдствіе этого мало-помалу довѣріе вовсе должно исчезнуть, такъ что потомъ и истинное благо уже не будетъ принимаемо. Въ исторіи можно указать немало при-мѣровъ такого развѣдненія правительства съ народомъ. Если бы оппозиція, свободно выражаемой, то какъ же узнать истинныя по-требности націи? Ихъ никакъ не можетъ угадать ни г. Балло, ни г. Барошъ, никто изъ подобныхъ имъ господъ, которые впервыиъ видятъ все въ розовомъ свѣтѣ, а вовторыхъ, все время свое упо-требляютъ на изученіе выгодныхъ сторонъ существующаго поря-ка, чтобы расхваливать ихъ потомъ, когда повалобится, во дворцѣ, въ сенатѣ или въ такъ-называемомъ законодательномъ собраніи. Луи-Наполеонъ, какъ человѣкъ весьма умный, угадываетъ многое; еще болѣе узнаетъ онъ изъ полицейскихъ донесеній, но далеко не знаетъ всей правды, какъ встарину директоры училищъ не знали истинныхъ потребностей своихъ учениковъ, въ тѣ темныя времена, когда приказывали только молчать, не разсуждать и повиноваться. Вообразите умнаго человѣка надзирателемъ большого заведенія, въ которомъ живетъ множество глухонѣмыхъ, получившихъ уже нѣ-которое развитіе, и при этомъ представьте себѣ, что у надзира-теля какимъ-нибудь образомъ отнята возможность изучить языкъ, приемы мышленія и способъ выраженія мыслей всѣхъ надзирае-мыхъ. Усердный, ревностный и честный надзиратель не спитъ, заботится о благосостояніи вѣрннаго ему общества, и ку-шанье пробуетъ, и сапоги отдааетъ въ починку, и сертуки самъ при-мѣряетъ, и во все входитъ самъ, строго провѣряя дѣйствія подчи-ненныхъ ему надзирателей. Выраженіе лица глухонѣмыхъ обыкновенно бываетъ довольно безразлично, однообразно, такъ что по

ничего не узнаешь; кому же еще надзиратель будетъ видѣть на лицахъ выраженіе удовольствія, съ какимъ глухонѣмые всякій разъ станутъ его встрѣчать. Но между такимъ начальникомъ и такими подчиненными будетъ существовать полная разрозненность, сверхчеловѣчій разладъ; онъ для нихъ будетъ чужой, онъ не въ состояніи будетъ одѣлать ихъ довольными, потому что между нимъ и ими существуетъ неодолима преграда, состоящая въ отсутствіи оцѣнокъ, въ невольной, но тѣмъ менѣе сильнѣе дѣйствующей системѣ предостереженій. И тутъ уже никто не виноватъ, кромѣ самой системы. Надзиратель честнѣйшимъ образомъ желаетъ я добивается добра, блага, по ровню ничего не можетъ сдѣлать до тѣхъ поръ, пока между нимъ и управляемыми не установится откровенный обменъ знаменій, то-есть пока онъ не научитъ ихъ языку и не дозволитъ высказывать ему всѣхъ потребностей. Это высказыванье и называется оппозиціей, потому что глухонѣмымъ вѣроятно придется сначала доказывать ему, что многое онъ дѣлалъ и продолжаетъ дѣлать вопреки ихъ истиннымъ потребностямъ.

Разумѣется само собою, что добросовѣстный надзиратель, для предупрежденія несчастнаго удаленія своего отъ управляемыхъ, для побѣжденія весьма возможныхъ, даже неизбежныхъ ошибокъ, постарается научить ихъ языку и дозволитъ имъ свободно выражать свои потребности и желанія.

Остается еще многое сказать о французскихъ законахъ, касающихся печати. Существуютъ законы объ оскорбленіи частныхъ лицъ, о безчестіи печатномъ, о порядкѣ преслѣдованія преступленій противъ законовъ о печати, объ отвѣтственныхъ редакторахъ, о штемпеляхъ, о пересылкѣ по почтѣ, о театральнхъ пьесахъ, о литературной собственности и т. д. Но обо всемъ этомъ мы поговоримъ еще черезъ мѣсяць. Покамѣстъ изъ нынѣшняго бѣлаго очерка какой же можно сдѣлать выводъ?

Во Франціи существуетъ предупредительная цензура и карательная цензура. Первая — для театральнхъ пьесъ, гравюръ, литографій и рисунковъ, причемъ произведеніе не выпускается въ свѣтъ безъ предварительнаго дозволенія администраціи; вторая — для всѣхъ остальныхъ произведеній мысли человѣческой. Предупредительная цензура со временъ Галилея запрещала всякую новую мысль, все равно — истинна была она, или ложна. Цензоры, присутствовавшіе Галилея къ сожженію на кострѣ, были люди совершенно честные, благонамѣренные, образованные. Они дѣйствовали по убѣжденію; они увѣрены были, что новое ученіе Галилея о движеніи земли и о неподвижности солнца — ересь, вредная для религіи и для нравственности. Но они вовсе не обязаны были всѣ быть геніаль-

наши люди, чтобы верно обвинить нового атеиста. Поэтому невозможно винить их за приговоръ новому учению Галилея; но зато великаго сощивнаго принципъ, въ силу котораго Галилей былъ осужденъ, принципъ связывающа, заковычата и мысли — принципъ вреднаго. Несмотря на запрещеніе новалъ мыслей, цензура не успела помешать нѣтъ распространенію: со времени Галилея мысль сдѣлала огромные успѣхи. Для религій цензура не могла оказать никакой услуги, начиная отъ Рабала до Вольтера; для церкви тоже ничего, начиная отъ Аретина до маркиза де-Сада. Для власти — тоже ничего, потому что передъ революціей «директоры печати» не смѣли, стыдясь запрещать печатать то, что уже успѣло быть напечатанъ. Стало-было въ прошломъ столѣтіи предпринималась цензура не успела ничего предупредить. Съ тѣмъ перъ печати освобождлась отъ оковъ во всей Америкѣ, въ Великобританіи, въ Нидерландахъ, въ Португаліи, въ Бельгій, въ Италіи. Время сдѣлало и воадъ свое дѣло.

Цензура карательная (наговоръ о шлангитамъ, безармированна въ исторіи в безразномъ состояніи печати во Франціи) вошла въ представительномъ правленіи, или вѣдѣтъ съ нимъ. Всѣ правительства нынѣшняго столѣтія во Франціи по принципу признавали свободу печати, но спутывали эту свободу предварительными разными побочными постановленіи касательно типографій, книжной торговли и т. д. Гдѣ же свобода печати безъ свободы печатанья и продажи книги? Тамъ какъ типографчикъ отвѣчаетъ тамъ за цензурное достоинство книги наравнѣ съ авторомъ и редакторомъ, то всакій авторъ подвергается тамъ часто невѣдомой цензурѣ типографчика и тоже не очень просвѣщенному разсмотрѣнію книгопродавца. Такимъ образомъ наданная книга воставаена подъ законы карательные, а печатаніе этой книги осталось подъ гнетомъ предварительной и преувеличенно-осторожной всѣдѣствственной цензуры типографчиковъ. Такая путаница принадлежитъ къ переломнымъ временамъ, когда еще хорошенько неизвѣстно, что умерло вѣдѣтъ съ прошедшимъ и что будетъ жить съ будущимъ.

ЗИМНИЙ ВЕЧЕРЬ ВЪ БУРСѢ

Физиологическій очеркъ

(Н. А-ЧУ БЛ-МУ)

Классъ кончился. Дѣти играютъ.

Отрпнная комната, вмѣщающая въ себѣ второуѣздый классъ учителя, носитъ характеръ казенщины, выражающей полное отсутствіе домовитости и пріюта. Стѣны съ промерзшими насквозь углами грязны, — въ чернобурыхъ полосахъ и пятнахъ, въ плѣсени и ржавчинѣ; потолокъ подпертъ деревянными столбами, потомучто онъ давно погнулся и безъ подпорокъ грозилъ паденіемъ; полъ въ зимнее время посыпался пескомъ либо опилками: иначе на немъ была бы постоянная грязь и слякоть отъ снѣгу, приносимаго учениками на сапогахъ съ улицы. Отъ задней стѣны идутъ парты (учебные столы); у передней стѣны, между окнами, столъ и стулъ для учителя; вправо отъ него — черная учебная доска; влѣво, въ углу у дверей на табуретѣ — ведро воды для жаждущихъ; въ противоположномъ углу — печка; между печкой и дверями вѣшалка, на снѣгахъ которой висятъ цѣлый рядъ тряпичный: шинели, шубы, халаты, накидки разнаго рода, все перешитое изъ матерныхъ капотовъ и отцовскихъ подрясниковъ — нагольное, крытое сукномъ, шерстяное и тиковое; на всемъ этомъ виднѣются клочья, ваты и дыры и много въ томъ мѣстѣ значимъ и прохладившъ паразитовъ, подающихъ тѣло плохо-кормленнаго бурсака. Въ пять оконъ, съ пурпурчатыми и зеленоватыми стеклами, пробивается мало свѣту. Вонь и копотъ въ классѣ; воздухъ мозгляй, какой-то прогорѣлыи, сырой и холодный.

Мы беремъ училище въ то время, когда кончался *периодъ велико-возрастнаго образованія* и начиналъ дѣйствовать законъ *велико-возрастнаго*. Были года — давно они прошли — не только малолѣтнихъ, но и бородатыхъ дѣтей по приказанію начальства насильно гнали изъ деревень, часто съ дьяческихъ и пономарскихъ мѣстъ, для наученія ихъ въ бурсѣ писью, чтенію, счету и церковному уставу. Нѣкоторые были обрученъ своимъ невѣстамъ и сладостно мечтали о медовомъ мѣсцѣ, какъ нагрянула гроза и повѣвчала съ Пожарскимъ, Меморскимъ, псалтыремъ и обыходомъ церковнаго пѣнія, познакомила съ майскими (розгами), проморила голодомъ и холодомъ. Въ тѣ времена и въ приходскомъ классѣ большинство было взрослыхъ, а о другихъ классахъ, особенно семинарскихъ, и говорить нечего. Достаточно пожилыхъ долго не держали, а поучивъ грамотѣ года три-четыре, отпускали *дьячить*; а ученики помоложе и поусерднѣе къ наукѣ, лѣтъ подѣ тридцать, часто слишкомъ, достигали *велико-возрастнаго* курса (старшаго класса семинаріи). Родные съ плачемъ, всемъ и причитаньями отправляли своихъ птенцовъ въ науку; птенцы съ глубокой ненавистью и отвращеніемъ къ мѣсту образованія возвращались домой. Но это было очень давно.

Время перешло. Въ общество мало-помалу проникло сознаніе — не пользы науки, а неизбежности ея. Надо было пройти хоть приходское ученье, чтобы имѣть право даже на пономарское мѣсто въ деревнѣ. Отцы сами везли дѣтей въ школу, парты загибались быстро, число учениковъ увеличивалось и наконецъ доросло до того, что не помѣщалось въ училищѣ. Тогда изобрѣли знаменитый законъ *велико-возрастнаго*. Отцы не всѣ еще оставили привычку отдавать въ науку своихъ дѣтей взрослыми и вербально привозили шестнадцатилѣтнихъ парней. Проучившись въ четырехъ классахъ училища по два года, такіе дѣлались *велико-возрастными*; эту причину отмѣчали въ *титулкѣ* ученика (въ аттестатѣ) и отправляли *за ворота* (исключали). Въ училищѣ было до пятисотъ учениковъ; изъ нихъ ежегодно получали титулку человекъ сто и болѣе; на смѣну прибывала новая масса изъ деревень (большинство) и городовъ, а черезъ годъ отправлялась *за ворота* новая сотня. Получившіе титулку дѣлались дослушниками, дьячками, сторожами церковными и консисторскими писцами; но на-половину шаталось безъ опредѣленныхъ *дѣлъ* по епархіи, не зная куда дѣться со своими титулками, а *дѣла*...

пронеслась грозная вѣсть, что всѣхъ божьихъ будутъ вер-
стать въ солдаты. Теперь яматно какимъ образомъ поддержи-
ваемъ училищный моментъ и монѣтно, отчего это въ темномъ
и грязномъ классѣ мы встречаемъ на-половину сильно пере-
слыхъ.

На дворѣ слякоть и рѣзкій вѣтеръ. Ученики и не думаютъ
идти на дворъ; съ перваго взгляда замѣтно, что ихъ въ огром-
номъ классѣ болѣе ста человекъ. Какое разнохарактерное насе-
леніе класса, какая смѣсь одеждъ и лицъ!.. Есть двадцати-четы-
рехъ-годовалые, есть и двѣнадцати лѣтъ. Ученики раздѣлились
на множество кучекъ; идутъ игры — оригинальнѣйшія, какъ и все
оригинально въ бурѣ; нѣкоторые ходятъ въ одиночку, нѣкто-
рые спятъ, несмотря на шумъ не только по полу, но и по пар-
тамъ, надъ головами товарищей. Столъ стоитъ въ классѣ отъ го-
лоса.

Большая часть лицъ, которыхъ встрѣтятъ въ нашемъ очеркѣ,
будутъ носить тѣ клички, которыми нарекли ихъ въ товарище-
ствѣ, напримеръ *Митяга*, *Эпиха*, *Тася*, *Шестиухал*, *Чабра*,
Херъ, *Плюнь*, *Омолъ*, *Ерра-Кокета*, *Катка* и т. п., но этого не
можемъ сдѣлать съ Семеновымъ: бурсаки дали ему прозвище,
какого не пропуститъ никакая цезаура — крайне неприличное.

Семеновъ былъ мальчикъ хорошенькій, лѣтъ шестнадцать.
Сынъ городского священника, онъ держитъ себя прилично,
одѣтъ чистенько; сразу видно, что училище не успѣло стереть
съ него окончательно слѣдовъ домашней жизни. Семеновъ чув-
ствуетъ, что онъ *городской*, а на городскихъ товарищество смо-
трѣло презрительно, называло бабами; они любятъ маменекъ да
мамочкины булочки и пряники, не умѣютъ драться, трусятъ
розга, народъ безсильный и состоящій подъ покровительствомъ
начальства. Для товарищества рѣдкой городской составлялъ
исключеніе изъ этого правила. Странно было лице у Семенова —
нельзя не разгадать его: грустно и въ тоже время хитро; боязнь
къ товарищамъ смѣшана съ затаенной ненавистью. Ему теперь
скучно, и онъ, шатаясь изъ угла въ уголъ, не знаетъ чѣмъ раз-
влечься. Онъ усиливается удержатъ себя вдали отъ товарищей,
въ одиночку; но всѣ составили партію, играютъ въ разные игры,
поютъ пѣсни, разговариваютъ; и ему захотѣлось раздѣлить съ
нѣмъ — нѣбудь досугъ свой. Онъ подошелъ къ играющимъ въ ка-
зуиши и раба проговорилъ:

— Прощай, прощайте меня.

— Гусь сытый не товарищ, отвечал ему.

— Этого не хочешь ли? проговорил другой, подставив под свой сапег носъ его сытый свой пухлый съ большими черными ногтями на большомъ пальцѣ...

— Пока по шей не пошло, убирайся! прибавил третій. Семеновъ отошелъ убито в сторону; но на него не произвелъ особеннаго впечатлѣнія слова товарищей. Онъ точно дико улыбнулся и отвернулся съ грубыми обращеніями.

— Господа, съ выслу сердцами!

— Кому, Тавля? отозвался голоса.

— Гороблагодатскому.

Семеновъ вмѣстѣ съ другими направился къ столу, около котораго тоже шла игра въ камушки между двумя великобразными и притомъ Гороблагодатскій былъ второй силой въ классѣ, а Тавля — четвертый. Дѣла, окружившія игроковъ, притомъ осклаблялись, ожидая увеселительнаго зрѣлища.

— Ну! сказала Тавля.

Гороблагодатскій положилъ на столъ руку, растопыривъ на ней пальцы. Тавля развѣстилъ на рукѣ его пять небольшихъ камней самыми неудобнымъ образомъ.

— Вали! сказала онъ.

Тотъ вскинулъ вверхъ камни и поймалъ изъ нихъ только три;

— За два! подхватили окружающіе.

— Ниши, братъ, къ родителямъ письма, прибавилъ Тавля съ своей стороны.

Гороблагодатскій, ничего не отвѣчая, положилъ лѣвую руку на столъ. Тавля кинулъ камень въ воздухъ, во время его полета успѣвъ съ страшною силой щипнуть руку Гороблагодатскаго и опять поймалъ камень.

Толпа захохотала.

Игра въ камушки вѣроятно весьма извѣстна; но въ учившихъ она имѣла оригинальныя дополненія: здѣсь она съ щипчиками и притомъ щипчиками солодовенькими, тепленькими, сердитыми и съ выслу сердцами, которые доставались проигравшему. Безъ щипчиковъ играла самая молодая, самая зеленая приобщенная щипчиха съ выслу горячихъ присутствуетъ теперь чужакомъ.

Между тѣмъ локте (главный камень) летала въ воздухѣ и Тавля своими здоровенными руками охватывая локте, шарилъ

партнери и держали ее съ односторонности. Пѣснь дождя ринула
черезъ руки сильно покрѣпла; послѣ пятидесяти вѣдѣлась
снова.

— Любо ли? спрашиваетъ Тавля, заглядывая ему въ глаза,
Противники молчатъ.

— Любо ли?

Она въ отвѣтъ шибь.

— Возвращаю, возвращаю все! гонятъ окружающіе!

— Замлачи, тамъ проку! завернуть Тавля.

— Сестри, чтобы самому плакать не пришлось! отбѣгала Го-
роблагодатскій: Зорьковъ дѣтина вынесла сильную боль въ
руки, но только красивый взглядъ обнаруживалъ что они чувст-
вуютъ.

— Что, дяди, больно?

Тавля дѣлѣ такого шепота, что Гороблагодатскій позволено
сплюнуть зубы. Все захлопотали.

— Живота аль смерти?

Сильный шепокъ повторился при холотѣ зрителей. Въ этомъ
хотѣ не слышалось злорадованья или неприязненной насмѣш-
ки; товарищи видѣли во всемъ только комическую сторону.
Олимпъ динь Семеновъ улыбался какъ-то особенно; его удоволь-
ствие не переходило на удовольствіе другихъ, и дѣйствительно онъ
загадкою повторялъ въ душѣ:

— Такъ и надо, такъ и надо!

Дондо до ста...

— Ну, чертъ съ тобой! заключилъ напонецъ Тавля.

Гороблагодатскій глубоко ненавидѣлъ Тавлю и рѣшился по
игру съ нимъ въ надеждѣ остаться побѣдителемъ и задать ему
больше, чѣмъ съ нилу горячка. Оба они были старокуршмы.
Каждое учебное заведеніе имѣетъ свои преданія. Аборигены учу-
лища, насильно посаженные за книгу, образовали изъ себя ме-
серрицистско, которое стало во враждебныя отношенія къ на-
чальству и забывало своимъ вотникамъ невѣстность къ нему. На-
чальству со своей стороны также отало во враждебныя отноше-
нія къ товариществу и чтобы сдерживать его въ границахъ учи-
лнщной дисциплины (кодексъ правилъ для новоселовъ и ученикъ);
выбрѣло изъ лую бюрократическую систему. Знаю, что
всегда маршкъ, раздѣльшеся на сл, но усомнѣт, оно отдало
однакъ товарищій подѣ власть другимъ, желая донести въ средѣ

ить междоусобіе. Такими властями были : старшіе сѣкунды — изъ второ-уѣдныкъ; старшіе декурны — изъ спальнякъ, справляя недѣльную очередь по всему училищу; цензора — надзирающіе за поведеніемъ въ классахъ; аудиторы — выслушивающіе по утрамъ уроки и отмѣчающіе балы въ книжкахъ (особой тетради для баловъ); наконецъ послѣдняя власть и едва ли не самая страшная — сѣкундаторъ, ученикъ, который по призванію учителя былъ своимъ товарищемъ. Всѣ эти власти избирались изъ *второкурсныхъ*. Ученикъ, просидѣвъ за партою два года, за лѣтності и малолетностію оставался въ томъ же классѣ еще на два : этотъ и назывался второкурснымъ. Отецъ естественно, отъ такой уверенности что-нибудь да вынесилъ изъ уроковъ учителей и потому больше зналъ, чѣмъ первокурсный ; это бралось начальствомъ во вниманіе и расчетъ былъ вѣрнѣе : второкурсные, желая удерживать власть въ рукахъ, учились усердно и большинство изъ нихъ заняло первыя мѣста, потому что не бездарности, а дѣла дѣлала ихъ второкурсными. Вотъ основы училищной бюрократіи, при помощи которой начальство хотѣло разрушить товарищества.

Изъ всего этого вышла одна гадость. Ко второкурснымъ было полное довѣріе начальства ; жалоба на нихъ была оскорбленіемъ для смотрителя и инспектора ; деспотизмъ ихъ развился въ высшей степени, и ничто такъ не оподляетъ духъ учебнаго заведенія, какъ власть товарища надъ товарищемъ ; цензора, аудитора, старшіе и сѣкундаторы получили полную возможность дѣлать что угодно. Цензоръ былъ чѣмъ-то вродѣ царька въ своемъ царствѣ, аудиторы составляли придворный штатъ, а второкурсные — аристократію. Притомъ второкурсные, просидѣвъ лѣтнихъ два года, понятно, дѣлались взрослыми, а потому и общественная сила была на ихъ сторонѣ. Наконецъ по той же причинѣ они знали обычаи и формы своего класса, характеръ учителей, умѣли надуть ихъ. Новичекъ безъ помощи второкурснаго не умѣлъ ступить шагу. Начальство, вводя такой деспотизмъ, думало, что оно поселитъ въ товариществѣ лбоду и доброту. случилось совсѣмъ не то : при училищномъ *второкурсномъ* только наредились въ товариществѣ такія гадины, отвратительныя гадины, какъ Тизла, и такіе дикіе характеры, какъ Гороблюкостей. Они невидѣли другъ друга, потому что воспитывались въ разныхъ классахъ для разныхъ цѣлей : Тизла пона-

забавлялись другъ съ другомъ — Давыдовъ и Венедиктовъ; его же не приглашали в просярале.

Тавла, въ качествѣ второкурснаго аудитора, притомъ въ качествѣ слугача, былъ несговорчивый вояточникъ, драгъ съ подчиненными деловыми, булкой, порціями говядины, бумагой, книжками. Въ основу этому Тавла былъ ростовщикъ. Ростъ въ училищѣ при помощи его педагогическомъ устройствѣ былъ безсовестенъ, варъ и жестокъ. Въ такихъ разборахъ онъ нигдѣ и никогда не былъ и не будетъ. Все не рѣдкость, а напротивъ норма, когда *дослать копилку*, ваятыя на *недѣльный срокъ*, оплачивались *пятинадцатью копѣйками*, т. е. по общепринятому займу на годъ, сто выйдеть *двадцать пять разъ капиталъ на капиталъ*. При этомъ должно замѣтить, если должникъ не приносилъ по уселенію долгу черезъ недѣлю, то черезъ слѣдующую недѣлю онъ обязанъ былъ принести вмѣсто *пятинадцати двадцать копѣекъ*. Такой ростъ неизвѣстно съ какихъ поръ возполъ въ обычаѣ буремъ; не одинъ Тавла живодерничалъ; онъ былъ только видѣе другихъ. Необходимость въ займѣ всегда существовала. Цензоръ или аудиторъ требовали вестки; не дать — бѣда, а денегъ нѣтъ, вотъ и дають первокурсный изъ своему же товарищу, но ростовщику, согласенъ на какой угодно процентъ, лишь бы избавиться отъ престоющихъ грядущихъ разгачей. Кредитъ обыкновенно гарантируется кулакомъ либо всегдашнейю возможностью нагадить должнику, потому что рисковали на ростъ только второкурсники. Надо замѣтить, что большая часть тягостей въ этомъ отношеніи падала на городскихъ, потому что они каждое воскресенье ходили домой и приносили съ собою деньжонки; поэтому на городскихъ налегали всѣ, хотя и нѣтъ ихъ считался уже богачемъ, кто получалъ на недѣлю какой-нибудь гривенникъ. Поэтому многіе были въ неоплатномъ долгу и перѣдко состояли въ бѣгахъ. Пошлая, гнилая и развратная натура Тавла провинилась вся при деспотизмѣ второкурсія. Онъ жилъ баринишъ, никого знать не хотѣлъ; ему писались записки и вокабулы, по которымъ онъ учился; самъ не встанеть для того, чтобы напиться воды, а кричить: «эй, Натъка, пить!» Подъаудиторные чесали ему пятки, а него велить взять перочинный ножъ и скоблить ему между волосами въ головѣ, очищая эту потаную голову отъ перхоти, которая почему-то называлась *плотью*; заставлялъ говорить ему сказки, да испреимѣнно

справился, а не страшно, такъ стучать; да и лѣтъ только при глубокомъ развратѣ Тавли не служили для него поддѣлаторами? При этомъ этомъ онъ былъ жестокъ съ тѣми, кто слушалъ ея. — «Хочешь, говоритъ, Катяна, рѣбчики съѣсть?» и беретъ часть щипать подчиненнаго за волосы. — «Тебя маленька зовутъ такъ гладко по головахъ; построй же, я покажу, какъ щипемъ гладить»; послѣ этого, усаждаетъ наездъ противъ моряки (вордотъ), янъ плетне проводилъ имъ отъ начала яба и до конца ватрыда. — «Видалъ ли ты Москву?» спрашиваетъ ея ученика, и прикладываетъ свои широкія, потные, окочервѣлыя ладони къ ушамъ поддѣлаторнаго, сжимаетъ между ними голову его и вѣтомъ, приподнимая на воздухъ, говоритъ: «теперь видишь ли Москву? вотъ она!» Онъ загибалъ своими товарищамъ салазки, т. е. положилъ уловка на едѣщье парры, лицомъ вверхъ, возвращаетъ его носъ и плетъ плетъ къ лицу. Плечутъ въ лицо товарищу, ударитъ его и всячески мѣсидѣтъ составляла потребилсъ его души. Известно было товарищамъ, что онъ всегда въ дѣло былъ въ гѣбала несопорничкомъ воробейныхъ итениковъ, вѣвалъ за тѣмъ жеги и разорвалъ воробьевъ на части. Меньшинство его неперидѣло; большинство боялось и неперидѣло.

Гороблагодатскій былъ сильная, но дикая натура. Второкурснѣ отразилсъ на немъ совершенно иначе, нежели на Тавдѣ. Онъ былъ положительнымъ доказательствомъ, что начальство ошибдася въ расчетѣ, вводя деспотизмъ ученика малъ ученикомъ и черевъ то желая внести въ товарищество ябеду и доносъ. Товарищество въ самомъ деспотизмѣ нашло себѣ опору. Второкурсныя сдѣлались хранителями преданій, и получивъ по наследству нецарискѣ изъ начальству, употребляли власть, имъ ланную, на то, чтобы гадить тому же начальству. Цензоръ, аудиторъ, сѣдидлаторъ отали на сторонѣ товарищества, а во главѣ ихъ всѣхъ, въ котъ курсѣ, который описываемъ мы, стоялъ Гороблагодатскій. Дѣланство, нюканье табаку, самовластные отлучки изъ училища, драки и шумъ, разные нехдѣлыя игры — все это было запрещено начальствомъ и все это нарушалось товариществомъ. Нехдѣла дѣлбдѣ в спартанскія наказанія ожесточали учениковъ, и никогдѣ они такъ не ожесточали, какъ Гороблагодатскаго.

Онъ былъ отидишдѣ.

Отидѣтый характеристиченъ и по внутреннему, и по внѣшнему складу. Онъ ходитъ задомъ къ козырь на шанкѣ, руки на-

кресты; прохвиль плечомъ двора; съ отбавными довереностъ съ ноги да ногу; вся его фигура такъ и говоритъ: «хочешь, тресну въ руку? думаетъ на носомъ!» — и вѣдетъ дуетъ кому дорогу, обойдетъ начальства далеко, чтобы только мѣшкать подложа. Гороблагодатскій поддерживаетъ самое невѣрильное дѣло, если оно относится ко ярему высшихъ властей, онъ манипулируетъ дѣломъ неделями. Онъ ревнитель старины и преданій, стоитъ за свободу и величавость бурсака, и если нужно будетъ, не пощадитъ для этого священнаго дѣла ни репутаціи, ни титулки. Онъ основной столбъ товарищества. Бурсаки съ такими доблестями обыкновенно значатъ отпѣтыи. Но отпѣтые были разнаго рода; одни рѣдъ чихъ назывались бляхми: это были дураковатые господа, но держались тѣхъ же принциповъ; другіе назывались отпѣтыми; эти были вообще неглупы, но дѣлали безшабашныя; Гороблагодатскій же былъ отпѣтый — баяка: онъ шло въ первыхъ не учено и въ послѣднихъ по поведенію. Баяка и отчвалый умъ, но складыв началству, а благой главо; напридѣръ вдругъ захочетъ учитьдо въ арпо и покажетъ ему кукишь; вадеруть благого, а черезъ вѣсколко времени онъ опять выкинетъ какую-нибудь глущую дерзость. Но никто изъ отпѣтыхъ такъ не солилъ началству, какъ Гороблагодатскій. Если вымазали эконому двери нестерпамоу размазней (жидкая грешивая каша), нелюбимому учителю вшей (¹) напустили въ шубу, свиньѣ инспектора передомади ноги или оторвали хвостъ, обокради погребъ смотрителя, выбили ночью цѣлый рядъ стеколъ — все это были дѣла Гороблагодатскаго, который смѣло велъ за собою на пакость началству благихъ и отчвалыхъ. Когда требовалось устроить стычку противъ началства, то опять коноводомъ былъ Гороблагодатскій: подъ его вліяніемъ отпѣтые настраивали недавно съезныхъ и вообще недовольныхъ; эти волнують весь классъ, самыя смиренныя и хроткіе начинаютъ шумѣть и грозить, товарищество возбуждено — и рѣбеть бурсацкій скандалъ, который на мѣстномъ языкѣ называется *бунтомъ*. Протестанты напередъ знаютъ,

(¹) Этихъ члѣвонныхъ было огромное количество въ бурсѣ. Не повѣрять, что свиньѣ ученика была почти съдѣло въ немъ; онъ едучилъ какии-то огромныя гнѣдомъ для парвантовъ; цѣлыя стада на виду ходили въ его нестриженой и нечесаной головѣ; когда однажды сняли съ него рубашку и вынесли ее на свѣтъ, то свиньѣ зачернѣлся отъ нихъ. Вообще неоприятность бурсы была неогрѣвима; заветува, лесона и грѣтъ такъ было бурсака.

что они ничего не добьются от начальства: если напримѣръ ить кормили убойной, похожей на надыль, то они увѣрены, что и послѣ возмущенія будутъ ѣсть ту же убойну; но они покрайней мѣрѣ гнѣвъ сорвутъ, а тамъ поря себѣ десятого.

Гороблагодатскому, какъ отставному, часто доставалось отъ начальства; продолженіи семи лѣтъ онъ былъ съченъ разъ триста и безконечное число разъ подвергался другимъ разнообразнымъ наказаніямъ бурсы; но во всякомъ случаѣ должно сказать, что его все-таки мало сѣкли: за его разныя провинки ему слѣдовало бы подвергнуться наказаніямъ покрайней-мѣрѣ въ пять разъ больше, но онъ былъ ловокъ и хитеръ. Въ бурѣ отпѣтыми было изобрѣтено много способовъ, чтобы надуть начальство. Особенно замѣчательнъ былъ пріемъ подъ названіемъ — *пустимъ съ кругосую*. Напримѣръ отнимуть табакерку у А.; А. говорить, что она не его, а В.; В. ссылается на Д., Д. на А., А. опять на В. — вотъ и круговая: размещите, чья табакерка. Въ круговую вводился человекъ тридцать, и тогда самъ Соломонъ не разбереть, кого слѣдуетъ выпоротъ. При бунтахъ всегда прибѣгали къ круговой. — «Ты зачѣмъ кричалъ во время класса?» — Менья научилъ такой-то. — «А ты зачѣмъ?» — Тотъ ссылается на другого, и пошла коловоротница, въ которой самъ чертъ ногу сломить. Надуть товарищество считалось преступленіемъ, надуть начальство — подвигомъ и добродѣтелью. Случалось, что сѣкли не того, кого слѣдуетъ, но наказываемый рѣдко выдавалъ виноватаго. Добровольное сознание въ проступкѣ ученики признавали за пошлость и трусость; напротивъ, кто больше и наглѣе лгалъ передъ начальникомъ, безсовѣстно заирался, путалъ дѣло мастерски, божился и клялся на чемъ свѣтъ стоитъ, тотъ высоко стоялъ въ глазахъ бурсацкой общины. Но и въ этомъ отношеніи Гороблагодатскій стоялъ выше всѣхъ; послѣ долгой практики въ скандалахъ разнаго рода онъ приобрѣлъ навыкъ въ самомъ изворотливомъ заирательствѣ. Другіе только не сознавались въ проступкѣ, а онъ съ самоувѣренной дерзостью, глядя прямо въ глаза начальнику, огрызался, и въ то время такая оскорбленная невинность была написана на его лицѣ, что опытный физиономистъ и психологъ сбился бы съ толку. Онъ вводилъ дотога въ роль невиннаго, что самъ считалъ себя невиннымъ и подъ ложами никогда не сознавался. Все что исходило отъ начальства онъ презиралъ и ставилъ ни во что: постоу розги, ослухи,

лишенія обѣда, стоянье на колѣняхъ, земные поклоны и т. п. для него положительно не имѣли никакого моральнаго значенія. Наказанія было до такой степени дѣло непозорное, лишенное смыслу и полное только боли и крику, что Гороблагодатскій, сѣченый публично въ столовой, предъ лицомъ пятисотъ чело-вѣкъ, не только не стѣснялся сряду же послѣ порки явиться передъ товарищами, но даже похвалялся передъ ними. Полное безстыдство предъ начальнической розгой создало мѣстную поговорку: *не рпу съють, а съкутъ только*. Да чего лучше: сѣкундаторъ, товарищъ, сѣкущій своихъ товарищей, уважаемъ и любимъ былъ ими, потому что и онъ служилъ въ ихъ видахъ: искусный въ своемъ дѣлѣ, онъ сильно дралъ своихъ товарищей и свистѣли дозы по воздуху, когда подъ ними лежала добрая голова. Гороблагодатскаго много сѣкли; случалось ему вкушать даже до ста ударовъ и потому онъ переносилъ розги легче нежели его товарищи, вслѣдствіе чего съ абсолютнымъ презрѣніемъ относился къ какому бы то нибыло наказанію. Ставили его колѣнами на покатою доскѣ парты, на выдающееся ребро ея, заставляли въ двухъ шубахъ волчьихъ дѣлать до двухсотъ земныхъ поклоновъ, приговаривали держать въ поднятой рукѣ, неопуская ее, тяжелый камень по получасу и болѣе (нечего сказать, изобрѣтательно было начальство), жарили его линейкой по ладони, били по щекамъ, посыпали сѣченное тѣло солью (вѣрьте, что это факты) — все онъ переносилъ спартански: лицо его дѣлалось послѣ наказанья свирѣпо и дико, а на душѣ копилась ненависть къ начальству. Мы видѣли въ Гороблагодатскомъ переносчивость физической боли, когда Тавля задавалъ ему съ пылу горячихъ.

Но кража, сплетня, порча чужихъ вещей и всякая гадость не считались пороками только относительно начальства, а въ себѣ самомъ товарищество было честно, и съ этой стороны Гороблагодатскій является въ новомъ свѣтѣ. Онъ не взял ни одной взятки, безпристрастно и справедливо отмѣчалъ подъявдиторнымъ балы, не куражился надъ ними, часто защищалъ слабосильныхъ, любилъ вмѣшиваться въ ссоры, и хотя деспотически, но всегда справедливо рѣшалъ ихъ; онъ постоянно солилъ ростовщикамъ и вѣточникамъ. Товарищество его любило и уважало.

Мы сказали, что Гороблагодатскій глубоко ненавидѣлъ Тавлю за его гнусную натуру; но онъ съ нимъ играетъ въ ка-нушки: ему хочется выиграть и помучить Тавлю.

Кончивъ щипчики, Тавля предложилъ лукаво :

— Не хочешь ли еще?

Тавля отлично игралъ въ камушки и надѣялся на себя.

— Давай ! упорно отвѣчалъ Гороблагодатскій.

Камни опять зашлокали.

Семеновъ издали наблюдалъ за игроками. Семеновъ былъ третій типъ училищный, созданный тою же бурсацкою администраціею. Товарищество сегодня огласило его *фискаломъ*.

Начальство понимало, что черезъ свое педагогическое устройство бурсы оно не достигло цѣли, но вмѣсто того чтобы отказаться отъ училищныхъ порядковъ, оно пошло по пути нелѣпостей далѣе. Явилось новое должностное лицо — фискаль, который тайно сообщалъ начальству все что дѣлалось въ товариществѣ. Понятно, какую ненависть питали ученики къ наушнику; и дѣйствительно, требовался громадный запасъ подлости, чтобы рѣшиться на фискальство. Способные и прилежные ученики не наушничали никогда, они и безъ того занимали видное мѣсто въ спискѣ; тайными доносчиками всегда были люди бездарные и подловатенькіе трусы; за низкую послугу начальство переводило ихъ изъ класса въ классъ, какъ дѣльныхъ учениковъ. По мы сказали, что товарищество само въ себѣ было честно и потому не уважало тѣхъ учениковъ, которые за взятку начальнику, по родственнымъ связямъ, по протекціи, а тѣмъ болѣе за фискальство, занимали не свое мѣсто въ спискѣ. Кромѣ того ученики вполне справедливо были увѣрены, что наушникъ переносилъ не только то, что въ самомъ дѣлѣ было въ товариществѣ, но и клеветалъ на нихъ, потому что фискаль долженъ былъ всячески доказать свое усердіе къ начальству. Но когда онъ передавалъ инспектору или смотрителю даже правду, и тогда онъ возбуждалъ въ классѣ ненависть и злобу: напримѣръ дѣти собираются устроить попойку, оторвать хвостъ экономской свиньи, улизнуть къ знакомой прачкѣ или чѣмъ инымъ развлечься, и вдругъ инспекторъ, предупредительный заранѣе, вмѣсто развлечения драгъ ихъ не на животъ, а на смерть. Правда, въ большинствѣ случаевъ, при непобѣдимомъ упорствѣ бурсаковъ, доносы не вели къ наказанію, но начальство изъ доносовъ все-таки умѣло сдѣлать полезное для себя употребленіе. Какъ объяснить, отчего инспекторъ за одинаковое преступленіе двоихъ учениковъ наказывалъ неодинаково? Это большею частью объяснялось

тъмъ, что на ученика сильно наказаннаго были доносы черезъ фискаловъ. Начальство особенно не терѣло тѣхъ лицъ, которые неавидѣли и преслѣдовали наушниковъ. Вся ябеда, добытая черезъ наушниковъ, вносила въ *черную книгу*. Эта книга имѣла огромное значеніе при переводѣ изъ класса въ классъ; тогда многомъ неожиданно вручались *волчьи пачворты*: это тѣже титулки, только съ отиѣткою въ нихъ о дурномъ поведеніи; такія титулки объяснялись единственно черною книгою.

Семеновъ чувствовалъ, но страшно вѣрить ему было, что товарищество догадалось, что онъ фискалъ. Онъ ясно замѣтилъ, что съ нимъ никто не хочетъ слова сказать, а первой мѣрой противъ наушника было *молчаніе*: цѣлый классъ, а иногда все училище соглашалось не говорить ни слова, исключая брани, съ фискаломъ. Положеніе ужасное: жить цѣлыя недѣли среди живыхъ людей и не слышать ни одного привѣтливаго звука, видѣть на всѣхъ лицахъ отталкивающее презрѣніе и отвращеніе, исполнѣ быть увѣрену, что никто ни въ чемъ не поможетъ, а напротивъ съ радостью сдѣлаетъ зло... И дѣйствительно фискалъ становился въ товариществѣ внѣ покровительства всякихъ законовъ: на него клеветали, подводили подъ наказанія, крали и ломали его вещи, рвали одежду и книги, били его и мучили. Иное поведеніе относительно фискала считалось *безчестнымъ*.

Но начальство все-таки напрасно развратило навѣки нѣскольکو десятковъ человекъ, сдѣлавъ изъ нихъ наушниковъ: училищная жизнь развивалась въ своихъ негнѣпныхъ формахъ и товарищество дѣлало что хотѣло.

Семеновъ, смотря на играющихъ въ камушки, злорадно усмѣхнулся.

— Съ пылу горячіе! закричалъ Гороблагодатскій.

Въ его голосѣ было что-то злобщее. Тавля струсилъ и побѣднѣлъ на минуту. Около стола опять толпа. Опять камень летаетъ въ воздухѣ, но теперь Тавлина рука лежитъ на столѣ; напрасно онъ понадѣялся на себя: Гороблагодатскій въ одинъ пріемъ взялъ всѣ восемь коновъ, а Тавля срѣзался на пятомъ...

— Конца не будетъ! сказалъ сурово Гороблагодатскій.

Тавля видимо трусилъ. Окружающіе не смѣялись: они видѣли, что дѣло идетъ венапутку, что Гороблагодатскій мститъ.

Дошло до ста. Отъ здоровенныхъ щипчиковъ аснухла рука

Тавли. Онъ вынесилъ страшную боль, наконецъ не вытерпѣлъ и проговорилъ просительно :

— Да ну, полно же!..

— Послѣ двухсотъ проси пощады, отвѣчалъ Гороблагодатскій.

— Вѣдь больно!..

— Еще больнѣе будетъ.

На сто-семидесятомъ щипкѣ у Тавли рука покрылась темно-синимъ цвѣтомъ. Онъ чувствовалъ ломъ до самаго плеча...

— Довольно же, Ваня... чтоже это будетъ?

Гороблагодатскій вмѣсто отвѣта съ ожесточеніемъ щипнулъ Тавлю.

Тавля зналъ, что слово Гороблагодатскаго ненарушимо, однако онъ ощущалъ дотога сильную боль во всей рукѣ, что не могъ не преснуть :

— Оставь... вѣдь натѣшился.

— Скажи только слово, еще двѣсти закачу!..

Гороблагодатскій далъ щипчикъ болѣе чѣмъ съ пылу горячій. Тавля не вынесъ : по щекамъ его потекли слезы.

Наконецъ двѣсти.

— Теперь прощенья проси!

Какъ ни больно Тавлѣ, а стыдно прощенья просить.

— Да ну, оставь же!

— Зачѣмъ насмѣхался давечъ?

— Такъ то вѣдь шутка!

— Такъ ты смѣешь, животное, надо мной шутить!

Жестоко щипнулъ онъ Тавлю.

— Ну прости меня, Ваня...

Гороблагодатскому точно жаль было прекратить мученія ненавистнаго для него Тавли. Онъ собралъ всѣ силы, и отъ послѣдняго щипка рука Тавли почернѣла.

— Будетъ съ тебя. Сытъ ли?.. епросилъ Гороблагодатскій.

Лишь только освободился Тавля, страхъ въ душѣ его смѣнился бѣшенствомъ и злостью.

— Подлецъ! проговорилъ онъ.

— Слышь, не задѣвай! въ зубы съѣзжу!

— Ты?

— Я. А вотъ и харя, съѣзди, сказалъ Гороблагодатскій, подставляя свое лицо...

Тавля забылся въ бышенствѣ и залѣпилъ оглушительную плюху своему врагу, но въ отвѣтъ получилъ еще здоровѣйшую. Завязалась драка...

— Такъ и надо, такъ и надо!.. шевелжлось въ душѣ Семенова...

Тавля такъ ошалѣлъ отъ злости, что несмотря на истерзанную свою руку, не уступалъ Гороблагодатскому, хотя тотъ былъ сильнѣе его. Злость дотога охмѣлила Тавлю и увеличила его силы, что трудно было рѣшить, на чьей сторонѣ осталась побѣда... Гороблагодатскій затаилъ и эту обиду въ душѣ.

Гороблагодатскій послѣ драки пошелъ къ ведру напиться; на дорогѣ ему попался Семеновъ. Онъ далъ Семенову затрепичину и какъ ни въ чемъ не бывало продолжалъ свой путь. Семеновъ съ злостью посмотрѣлъ на него, но не смѣлъ пикнуть слова.

Постоявъ немного посреди класса, Семеновъ сталъ безцѣльно шляться изъ угла въ уголь и между партами, останавливаясь то здѣсь, то тамъ.

Посмотрѣлъ онъ какъ играютъ въ *чезарду* — игра вѣроятно всѣмъ извѣстная, а потому и не будемъ ее описывать. Въ другомъ мѣстѣ два парня *ложали пряники*, то-есть вставъ спинами одинъ къ другому и сцепившись руками около локтей, поочередно взваливали себѣ на спину другъ друга; это дѣлалось быстро, отчего и составлялась изъ двухъ лицъ одна качающаяся фигура. У печки сѣкундаторъ, по прозванію Супина, учился своему мастерству: въ рукахъ его отличныя лозы; онъ помахивалъ ими и выстѣгивалъ въ воздухѣ полосы, которыя должны будутъ лечь на тѣло его товарища. На третьей партѣ играли въ *швычки*: эта деликатная игра состоитъ въ томъ, что одному игроку закрываютъ глаза, наклоняютъ голову и сыплютъ въ голову щелчки, а онъ долженъ угадать, кто его ударилъ; не угадалъ — опять ложись; угадалъ — на смѣну его ляжетъ угаданный. Семеновъ увидѣлъ, какъ его товарищу пустили въ голову цѣлый зарядъ швычковъ и какъ тотъ вставая схватился руками за голову.

— Такъ и надо! повторилъ онъ въ душѣ и пошелъ къ пятой партѣ.

Тамъ одна партія дулась въ три листика, а другая въ носки: извѣстная игра въ карты, въ которой проигравшему бьютъ по носу колодой картъ.

Семеновъ перешелъ къ седьмой партѣ и полюбовался, какъ

шесть *нахаживали*. Эти шестеро, вазвши руками за парту, качали взадъ и впередъ.

На слѣдующей партѣ Митаха выдѣлывалъ *бозородичень на швычкахъ*, т. е. онъ вѣлъ тихимъ гласомъ «Всемирную славу» и въ тактъ подщелкивалъ пальцами. Тутъ же Ерундія (прозвище) игралъ на *белендрясалъ*, перебирая свои жирныя губы, которыя, шлепаясь одна о другую, по мѣстному выраженію *белендрясали*. Третій артистъ старался возможно быстро выговаривать: «подъ потолкомъ полкешъ полколпака гороху», «нашего пономара не перепономаривать стать», «сыворотка изъ-подъ простокващи.»

Наконецъ Семеновъ пробрался до стѣны. Здѣсь Омега и Шестнухая Чабря играли въ *плювки*. Оба старались какъ можно выше плюнуть на стѣну. Игра шла на *смазъ*. Шестнухая Чабря плюнулъ выше.

— Подставляй! сказалъ онъ, расправляя въ воздухѣ свою пятерню.

Омега выпятывалъ свою *лупетку* (лицо).

— Надувайся! сказалъ Чабря.

Омега надулъ щоки.

— Шире бери!

Омега дотого надулся, что покраснѣлъ.

— *Верховая*, началъ Чабря, прикладывая свою руку ко лбу Омеги: — *мизовая*, — прикладывая къ подбородку, — *дѣвъ боковыя*, — прикладывая къ одной и другой щекѣ. — Надувайся!

Омега надулся.

— И *всеобщая!* торжественно вскрикнулъ Шестнухая Чабря.

Послѣ этого онъ забралъ лицо Омеги въ пасть, такъ что оно между пальцами проступило жирными и лоснящимися складками, и трясъ его за упитанныя мордасы и кверху, и книзу.

Семенову было скучно. Онъ не зналъ что дѣлать...

— Леденковъ, пряниковъ! Пряниковъ, леденчиковъ!

Это былъ голосъ Элпахъ, который обыкновенно торговалъ пряниками и леденцами, отъ чего получалъ немалую выгоду, потомучто покупалъ фунтами, а продавалъ по мелочи.

Семеновъ очутился около него.

— На сколько? спросилъ его Элпахъ, оглядываясь вокругъ около, потомучто товарищество запрещало говорить съ Семеновымъ, но кушечка корысть Элпахъ взяла свое.

- На пять копѣекъ.
- Деньги?
- Вотъ!
- Держись.
- Чтожъ ты обсосанныхъ даешь?
- Лучшій сортъ.
- Пережъви, Элпахъ.

— Леденчиковъ, пряниковъ! закричалъ Элпахъ, отворачиваясь всторону.

Семеновъ, держа на ладони, разсматривалъ леденцы, незная съѣсть ихъ или бросить, и уже рѣшился съѣсть, какъ кто-то сзади подкрался, схватилъ съ руки лакомство и быстро скрылся. Семеновъ со злобой посмотрѣлъ на товарищѣй, но безсильна была его злоба и въ тоже время одурь брала его отъ скуки.

— Давай играть въ *костяжки*, сказалъ ему Хорь.

Семеновъ самъ удивился, что съ нимъ заговорилъ товарищъ. Онъ недоувѣрчиво смотрѣлъ на Хоря.

- Что *ладьлы*—то пучишь? не бойся!
- Надуешь...
- Ну вотъ дуракъ... что ты!
- Побожись.
- Ейбогу, вотъ-те Христось!
- Право не надуешь?
- Побожился! чего-жъ тебѣ еще?

— Ну ладно, отвѣтилъ Семеновъ, отъ души обрадовавшись, что съ нимъ заговорило живое существо, хоть это живое существо и было Хорь.

Въ училищѣ была своя монета — *костяжки* отъ брюкъ, жилетовъ и сертуковъ. За единицу принималась *однодырочная* *костяжка*; двѣ однодырочныхъ равнялись *четыредырочной* или *парь*; пять паръ *кучь* или *грошу*, пять кучъ *великой кучь*. *Костяжки* имѣли цѣну опредѣленную разъ навсегда, и во всякое время за пять паръ можно было получить грошъ. Огромное количество *костяной* монеты обращалось въ бурсѣ. Ею платили при игрѣ *въ юлу* и *въ четъ-нечетъ*. Бывали владѣтели сотни великихъ кучъ и болѣе; ихъ можно узвать по тому, что они всегда держатъ руку въ карманѣ и роются тамъ въ *костяномъ* богатствѣ. Употребленіе *костяной* монеты породило особаго рода промышленниковъ, которые по ночамъ обрѣзывали *костяжки* на одеждѣ то-

варищей или дѣлали это во время классовъ, подъ партами, спарывая бурсацкую монету сзади сертуковъ.

Хорь былъ одинъ изъ такихъ промышленниковъ. У Хоря ничего не было своего — все казенное, и еслибы не казна, вы увидѣли бы въ лицѣ его возможность на Руси совершенно голаго человѣка. У него почти никогда не водилось денегъ. Въ продолженіи семи лѣтъ у него не перебивало в семи рублей, такъ что настоящая монета для него была менѣе дѣйствительна, чѣмъ костьяжки. Эта былъ нищій второуѣзднаго класса, и мастеръ же онъ былъ *кальяхить*. Узнавъ, что у товарища есть булка или какое-нибудь лакомство, онъ приставалъ къ нему какъ съ ножомъ къ горлу, конючилъ и выпрашивалъ до тѣхъ поръ, пока не удовлетворять его желаніе. Будучи безъ роду и племени, круглый сирота, онъ безвыходно жилъ въ училищѣ, на каникулы никогда не ѣздилъ и дотога втѣнулся во всѣ формы бурсацкой жизни, что кромѣ ея другой не существовало для него. Только въ каникулярное время посѣщалъ онъ базаръ сосѣдній, рѣку да лѣсъ: здѣсь былъ конецъ его свѣта. Учиться Хорь терпѣть не могъ, но учился, потому что не могъ терпѣть и розги: изъ двухъ золъ (а бурсацкое ученье — зло) приходилось выбирать меньшее. Онъ былъ страстный игрокъ въ костьяжки; но наживши кое-какъ великую кучу, онъ либо вымѣнивалъ ее на деньги и проѣдалъ ихъ съ жадностью нищаго, либо опять проигрывалъ, потому что игралъ несовсѣмъ счастливо. Тогда съ перочиннымъ ножомъ онъ промышлялъ подъ партами, либо по ночамъ подъ подушками товарищей, куда ученики прятали свою одежду. У одного товарища такимъ образомъ онъ споролъ съ одежды всѣ костьяжки, такъ что не-начто было застегнуться — все валилось долой, хоть умирай. Однажды Бенелявдовъ, первый силачъ класса, во время урока, при учителѣ, поймалъ его за волоса подъ партой и задалъ ему *волосянку*. Просить пощады нельзя было: замѣтить учитель. Послѣ долго смѣялись надъ Хоремъ, говоря, что у него волоса распухли. Теперь у Хоря только и было пол-пары, то-есть однодырочная.

— Четъ аль нечетъ? спросилъ онъ загадывая.

— Пусть нечетъ, отвѣчалъ Семеновъ.

— Твое. Теперь ты.

Семеновъ загадалъ, но лишь только открылъ онъ ладонь, что-

бы сосчитать, вѣрно ли Хорь сказалъ «нечетъ», какъ хищный Хорь схватилъ костяжки и спряталъ ихъ себѣ въ карманъ.

— Чтоже это, Хорь? говорилъ Семеновъ.

— Я тебѣ Хорь?.. а въ ухо хочешь?

— Оплетохомъ, сказалъ одинъ изъ товарищей.

— Беззаконновахомъ, прибавилъ другой.

— И неправдовахомъ, заключилъ третій.

— Отдай, Хорь; право, отдай.

— Опять Хорь?.. Рожу растворожу, зубы на зубы помножу!

Семеновъ не сталъ болѣе разговаривать. Несчастный отошелъ всторону. Нигдѣ не было для него пріюта. Онъ вспомнилъ, что у него въ партѣ есть горбушка съ кашей. Семеновъ хотѣлъ позавтракать, но горбушки не оказалось. Раздраженный постоянными столкновениями съ товарищами, онъ обратился къ нимъ со словами:

— Господа, это подло наконецъ!

— Что такое?

— Кто взялъ горбушку?

— Съ кашей? отвѣчали ему насмѣшливо.

— *Стибрили?*

— *Сбондили?*

— *Сляпсили?*

— *Сперли?*

— *Лафа*, братъ!

Все эти слова въ переводѣ съ бурсацкаго на человѣческій языкъ означали: «украли», а *лафа* — лихо!

— Комедо! раздался голосъ Тавли.

— Иду! было отвѣтомъ.

Семеновъ еще послѣ обѣда подслушалъ, что у Комеды съ Тавлей состоялся странный споръ на пари, и потому посмѣшился на голосъ Тавли, забывъ о своей горбушкѣ.

— Готово? спросилъ Комедо.

— Есть! отвѣчалъ Тавля и развязалъ узелъ, въ которомъ оказалось шесть трехкопѣчныхъ булокъ.

— Сожрешь?

— Сказано.

Толпа любопытныхъ обступила ихъ. Комедо былъ парень

лѣтъ девятнадцать, высокаго роста, худощавый, съ стареобразнымъ лицомъ, сгорбленный.

— Условія?

— Не стрескаешь— за булки деньги заплати, а стрескаешь— съ меня двадцать копѣекъ.

— Давай.

— Смотри, ничего не пить, пока не съѣшь.

Вмѣсто отвѣта Комедо сталъ уплетать бѣлый хлѣбъ, который такъ рѣдко ѣдятъ бурсаки.

— Разъ! считали въ толпѣ: — два, три, четыре...

— Ну-ка пятаю...

Комедо улыбнулся и съѣлъ пятаю.

— Хоть на шестой-то подавись!

Комедо улыбнулся и съѣлъ шестую.

— Прорва! говорилъ Тавля, отдавая двадцать копѣекъ.

— Теперь и напитокъ можно, сказалъ Комедо.

Когда онъ напился, его спрашивали:

— А еще можешь съѣсть что-нибудь?

— Хлѣба съ масломъ съѣлъ бы.

Достали ломоть хлѣба и масла достали.

— Ну-ка попробуй!

Онъ съѣлъ.

— А еще?

— Горбушку съ кашей съѣлъ бы.

Добыли и горбушку. Его кормили изъ любопытства. Онъ съѣлъ и горбушку.

— Эка тварь!.. Куда это лѣзетъ въ тебя, животное ты эдакая! Скоть! Какъ ты не лопнешь, подлецъ?

— А что брюхо? спросилъ кто-то.

— Тугое, отвѣчалъ Комедо, тупо глядя на всѣхъ...

— Очень?

— Пошугай.

Стали брюхо щупать у Комеды.

— Ишь ты, стерва!.. какъ барабанъ!..

— А что, два фунта патоки съѣшь?

— Съѣмъ.

— А четыре миски каши?

— Съѣмъ...

— А пять рѣдекъ?

— А четыре кофша воды выпьешь?

— Не знаю... не пробовалъ... Я спать хочу...

Комедо отправился въ Камчатку. Долго толпа ругала Комеду и стервой, и прорвой, и всячески...

Между тѣмъ Тавля, накормивъ на свой счетъ Комеду, по обыкновенію озлился. Одному изъ первокурсныхъ попала отъ него затрепщина, другому онъ загнулъ салазки, третьему сдѣлалъ смазь. Гороблагодатскій видѣлъ это и въ душѣ называлъ Тавлю скотиной. Потомъ Тавля посматрѣлъ на игру въ *скоромные*. Васенда навелъ: онъ выставляетъ руку на партѣ, а Гришкецъ со всегд маху ладонью бьетъ его по рукѣ. Васенда старается отдернуть руку, чтобы Гришкецъ далъ промахъ: тогда уже будетъ подставлять руку Гришкецъ. Это Тавлю не развлекло.

— Не *садануть* ли въ *постные*? пробормоталъ онъ.

Онъ сталъ оглядываться, желая узнать, не играютъ ли гдѣ въ *постные*.

— А, вонъ гдѣ! сказалъ онъ отыскавъ то что требовалось.

Около заднихъ партѣ подлѣ Камчатки собралось человѣкъ восемь. Одинъ изъ нихъ, положивъ голову на руки, такъ что не могъ видѣть окружающихъ, навелъ; сивна его была открыта и выпячена впередъ. Поднялись надъ спиной руки и съ трескомъ опустились на нее. Къ ударамъ другихъ присоединился и ударъ Тавли. По силѣ удара наводившій догадался, чей онъ былъ...

— Тавля ударилъ, сказалъ онъ.

Тавля легъ подъ удары.

Гороблагодатскій между тѣмъ направлялся правѣмъ плечомъ впередъ, помедвѣжьн, къ той же кучкѣ. Увидѣвъ, что Тавля наводитъ, онъ присоединился къ играющимъ.

Ударили Тавлю.

— Хлестко! говорили въ толпѣ.

— Ты восчувствуй, дорогая, я за что тебя люблю!

— Кто ударилъ?

— Ты.

— Вали его... вали снова!..

Тавля наклонился...

— Вабутетень его!

— Взьерепень его!

— Чтобъ насквозь прошло!

Трехпудовый ударъ упалъ на спину Тавля.

— Гороблагодатскій, сказалъ Тавля, едва переводя духъ...

— Растянуть его снова!

Опять повторился сильный ударъ...

— Бенелявдовъ, указалъ Тавля.

— Вали еще!..

— Чтожъ, братцы, эдакъ убить можно человѣка...

— Зачѣмъ мало каши ѣлъ?

— Жарь ему въ становой.

Опять сильный ударъ и опять не угадалъ Тавля.

— Чтожъ это, братцы?.. убить чтоли хотите?

— Значить любимъ тебя, почитаемъ, сказалъ Гороблагодатскій.

— Братцы, я не лягу.... чтоже такое!.. другихъ такъ не бьютъ ..

— А тебя вотъ бьютъ!

— Жилить?

— Вадуемъ!

— Морду расквашу! сказалъ Гороблагодатскій.

— Братцы...

— Ну! крикнулъ грозно Бенелявдовъ.

Тавля угадалъ наконецъ... Игроки захохотали, когда онъ сказалъ:

— Я не хочу больше играть...

— Отчего же, душа моя? спросилъ Гороблагодатскій.

Тавля взглянулъ на него съ ненавистью, но не сказавъ ни слова удалился потѣшаться надъ первокурсными... Кучка продолжала игру въ постные. Но вдругъ одинъ изъ играющихъ поднялъ носъ и понюхалъ воздухъ.

— Кто это? спросилъ онъ.

Поднялись носы и другихъ игроковъ. Потомъ всѣ подозрительно посмотрѣли на Хорька.

— Ейбогу, братцы, не я... вотъ те Христочъ, не я... хотъ общите...

— Чичерь!.. провозгласилъ Гороблагодатскій.

Человѣкъ десять вцѣпились Хорьку въ волоса, а одинъ изъ нихъ заплѣлъ:

— Чичерь, ячеръ, на-вечерь; кто не былъ на пиру, тому

волосы деру; съ кровью, съ мясомъ, съ печенью, перепеченью. Кочена или пирога?

— Пирога, пищаль Хорь...

— Не проси пирога, мука дорога. Чичерь, ячеръ, на-пе-черъ; кто не былъ на пару, тому волосы деру; съ кровью, съ мясомъ, печенью, перепеченью... Кочена или пирога?

— Кочена.

Снова почали, и опять прошѣли «чичерь»...

— Кокъ или вилки въ бокъ?

— Кокъ! отвѣчалъ истасканный Хорь.

Послѣ этого, отпустивъ въ его голову нѣсколько щелчковъ, отпустили его съ миромъ, говоря:

— Не безчинствуй!..

— Черти эдакіе! отвѣчалъ Хорь: — я въ другой разъ еще не такъ!

Семеновъ, видя какъ таскали Хоря, шепталъ:

— Такъ и надо, такъ и надо!

Но Гороблагодатскій схватилъ Семенова сзади и положилъ на парту вмѣсто того, кто долженъ былъ наводить; съ другой стороны придержали Семенова за голову. На спину его обрушились жесточайшіе удары. Онъ шатался, когда поднялся. Не его спина было переносить такую тяжесть здоровыхъ ладоней. Осмотрѣлся онъ безмысленно кругомъ. Кто билъ? за что?.. Семеновъ ужалъ на парту и зарыдалъ. Темнѣло въ классѣ; еще нѣсколько минутъ, и зги не увидишь.

— Братцы, заговорилъ Семеновъ опомнившись: — за что вы меня ненавидите?.. всѣ!.. всѣ!..

Голосъ его былъ заглушонъ хоровою пѣсней. Сумерки развивались быстро; едва можно разсмотрѣть лица; цвѣта и линіи пропадаютъ въ воздухѣ, остаются одни звуки.

Семеновъ пробрался къ окну и съ гентущей тоской и злобой на сердцѣ смотрѣлъ на непривѣтливый дворъ, въ непроглядную тьму зимняго сквернаго вечера. Припомнилась ему родная семья. Отецъ давно уже всталъ отъ послѣобѣденнаго сна; добрая мать, которой онъ былъ любимцемъ, вноситъ теперь самоваръ въ гостиную; братъ и двѣ сестренки уже около стола, щебечутъ и смѣются; звенятъ чайныя ложки и блюда, и легкій паръ идетъ отъ живительной влаги. «Домой бы теперь!..» Онъ закрылъ лицо руками, приклонился къ стеклу и опять зарыдалъ... Но вдругъ

плачъ его пресѣкся... Ужасъ напалъ на него, и онъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ. Страшна такая жизнь, какую онъ испыталъ сегодня. Онъ забылъ физическую боль тѣла, лишь только въ груди залегло что-то и мѣшало дышать. Отупѣлъ онъ отъ страху, и неотразимо-ясно представилось ему: «отверженецъ!.. тебя всѣ ненавидятъ! и даже предвидѣть нельзя, что съ тобой сдѣлаютъ! быть-можетъ сейчасъ ударятъ въ спину, вырвутъ клокъ волосъ изъ головы, плюнутъ въ лицо...» Въ классѣ совершенно темно, потому что начальство изъ экономическаго расчета зажигало лампу только въ часы занятій. Въ этой темнотѣ могутъ сдѣлать съ нимъ что угодно, и не узнаешь кто надъ тобой сорветъ гнѣвъ свой и отомститъ за товарищество. «Не буду больше», прошепталъ онъ, и не было тѣни злобы въ его душѣ. «Того и стою!» прокрадывалось въ его сознание. Онъ желалъ примириться съ товариществомъ и душевно просилъ пощады. Онъ уже ненавидѣлъ начальство, сдѣлавшее его фискаломъ, и готовъ былъ самъ вырвать клокъ волосъ изъ головы того товарища, который займетъ его мѣсто. Семеновъ рѣшился просить у всего класса прошенія и публично отказаться отъ шпионства. Но вдругъ онъ услышалъ, что будто кто-то крадется къ нему; онъ въ страхѣ поспѣшно оставилъ окно и неизвѣстно куда скрылся въ темнотѣ.

Въ классѣ такъ темно, что за два шага не распознать лица человѣческаго. Всякія игры прекращались въ эти часы и бурсакъ могъ развлекаться только звуками, странными и разнообразными. Общее впечатлѣніе было дико...

Звуки мѣшаются и переплетаются. Раздается крикъ какого-то несчастнаго, которому вѣроятно *въпали въ загорбокъ*; слышенъ напѣвъ на «*Господи воззвахъ, гласъ осьмый*»; вырывается изъ концерта патетическая нота въ *верхнее re*; кого-то еще треснули по рожъ; у печки поютъ: «отроцы семинарстїи, посредѣ кабака стояще, пояху: подавай, наливай; мы книги продадимъ, тебѣ деньги отладимъ»; слышенъ плачъ; *грегочеть* какая-то тварь, т. е. ржать по-лошадиному, выдѣлывая «и-и-го-го-го-го!» Ругань виситъ въ воздухѣ, крики и хохотъ, козлоглагольствуютъ, грегочуть и поютъ на гласы и вкушаютъ затрещины. Въ Камчаткѣ, подъ управленіемъ заматорѣлаго Митахи, хранителя училищныхъ преданій, поется стихъ, сложенный еще аборигенами бурсы:

Сколь блаженны тѣ народы,
 Конхъ крѣпкія природы
 Не знали нашихъ мукъ,
 Не вѣдали наукъ!

Тутъ въ столовую заглянешь,
 Щей негодныхъ похлебаешь,
 Опять въ свой классъ идешь,
 Идешь, хоть и воешь...

А тутъ архангелы подскочать,
 Изъ-за парты поволочать,
 Давай раба терзать,
 Лозой его стегать...

Бѣдняги! недаромъ же такъ дико въ вашемъ классѣ. Васъ волочать, терзаютъ, стегаютъ!.. Сочувственно подстаютъ къ голосу Митахи голоса ея товарищей. Къ сожалѣнію конецъ пѣсни, которая пѣлась какимъ-то замогильнымъ, грустнымъ напѣвомъ, забылся и не дошелъ до насъ...

Въ другомъ мѣстѣ слышно :

На поповой-то на дачѣ
 Мужичокъ ѣдетъ на клячѣ,
 Хлибушку везе,
 Хлибушку везе...

Мужичье къ возѣмъ бѣжали,
 Кулачѣмъ въ возѣ совали:
 — Щѣ, бра', продаешь?
 Щѣ, бра', продаешь?

Имъ сиззали, щѣ овесъ;
 Мужикъ вынулъ, да потрѣсъ
 На горсти своей,
 На горсти своей.

Еще слышно:

А какъ взяли козла
 Поперегъ живота,

Какъ ударили козла
 О сырую мать землю; —

Его ноженьки
 При дороженьки,

Голова его, языкъ
Подъ колодою лежитъ...

Послѣ каждаго двустипшія припѣвалось :

Ти-ли-ли-ли-ли-ли-ли

и потомъ повтореніе второго стиха.

А вотъ и еще отрывокъ :

Любимцы. . . . Аполлона
Сидятъ безопасно in сауропа,
Вдѣтъ селѣдки, тегимъ пьютъ
И Вакху ди-фирамбъ поютъ :
• О, какъ ты силенъ, добрый Вакхъ!
• Мы tuum regnum чтимъ въ мозгахъ.
• Dum caput postquam посѣщаешь;
• Оттуда cugas выгоняешь,
• Блаженство въ наши льешь сердца
• И dignus domini отца.
• Мы любимъ Феба, любимъ музъ:
• Они съ богами насъ равняютъ,
• Они путь къ счастью прокладаютъ,
• Они даютъ намъ лучшей вкусъ;
• Sed omnes haec плоды ученья
• Coniunctae sunt всегда съ томленьемъ ..
• Давно-бъ нашъ юный цѣтъ увялъ,
• Когда-бъ ты насъ не подкрѣплялъ!

Восьмипѣсенная «Семинаріада» составлена давно и переходитъ по преданію отъ одного поколѣнія къ другому. Въ мѣстныхъ пѣсняхъ и стихахъ отразилось какъ товарищество смотрѣло на науку и на своихъ начальниковъ...

Изъ общаго же вѣснѣ репертуара пѣвались здѣсь либо жестокіе романсы : «Стонетъ сизый голубчикъ», «Ночною темнотою», «Я, бѣдная пастушка», «Ужъ солнце зашло ввѣрхъ, горя» и т. п., либо чисто-народныя пѣсни : «Ахъ вы сѣни», «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ», «Какъ за рѣченькою, какъ за бытоубою», «Полно, полно намъ, ребята, чужо пиво пить» и т. п.

Но вотъ какой-то отпѣтый возглашаетъ еще стихъ домашняго надѣлія :

Въ восьмомъ часу по утрамъ,
Лишь лампы блеснутъ на стѣнахъ,
Мужикъ Суковатовъ несется,
Несется въ личинныхъ сапогахъ...

Появились въ воздухѣ хохотъ, остроты и крѣпкая ругань противъ начальства... Опять какая-то шельма грегочеть... десятеро загреготали... двадцать пеловѣтъ... счету нѣтъ... Появились лай, мяуканье и криканье, свистъ и визгъ... Ко всей этой ерундѣ присоединилась голосовъ въ сорокъ бурсацкая разноголосица: участвующие въ ней разбираютъ между собою всѣ ноты, употребляемыя въ пѣніи и всѣ ноты берутъ сразу. Между тѣмъ сырость и холодъ принимаютъ приходчину до костей; благимъ матомъ затаргивается: «холодно, холодно!» — это призывный къ согреванію звукъ, послѣ котораго ученики начинаютъ махать руками на подобіе тому, какъ грѣются извозчики, и стонуть — думу надрываютъ: «холодно, холодно!» — «Домового ли хоронять, вѣдьму ль замужъ выдаютъ?» — Пастей во сто выработывается безшабашный гвалтъ, и все это совершается въ непроглядной темнотѣ. Еслибы привести въ классъ свѣжаго человѣка, вслѣдствіе стenanій бурсака, онъ подумалъ бы, что это грѣшныя души воютъ въ аду. Грегочутъ, тянутъ «холодно», дуютъ разноголосину во всѣ ноты, въ воиющихъ и зывающихъ звукахъ растутъ—разрастаются голоса и отдаются дрожью въ оконныхъ стеклахъ... Существуетъ ли на свѣтѣ еще какой-нибудь пелѣный звукъ, который не отыскался бы въ этой массѣ крика, визга и гудѣнья! Не вотъ что-то новое зарождается въ душномъ, промозглѣмъ воздухѣ кромѣшнаго класса; что-то встало надъ всѣми головами. Заслышали товарищи знаменитый громадный басъ Великосвятскаго, гласящаго «благоденственное и мирное житіе»; съ неудержимою силою оглушаются товарищи послѣдними словами: «благополучно нынѣ почивающему на лаврахъ курсу многая лѣта!» — На необъятной нотицѣ разрѣшается послѣдній звукъ... Въ одно мгновеніе, точно по одному темпу, смолкли всѣ... Товарищество наслаждается; оно страстно любитъ крѣпкій звукъ... Но минута—и стоголосое «многая лѣта!» отбѣжало басу... Надо замѣтить, что товарищество уважало, кромѣ стѣпныхъ, потомъ силачей, потомъ головъ, выносящихъ многоградуенный хмѣль, — уважало и обширныхъ басовъ. Бурса любитъ хорошіе голоса, бережотъ ихъ, лелѣетъ, выручаетъ изъ всякой бѣды. Ученики еще дома привыкли пѣть въ церкви, славить Христа, служить панихиды и молебны, чытать часы и апостолы, отчего у нихъ развиваются голоса и любовь къ пѣнію.

Въ училищахъ часто бываютъ превосходные пѣвческіе хоры. Около Велікосятскаго слышно одобреніе.

— Господа, концертъ! предлагалъ кто-то.

— На рѣкахъ вавилонскихъ.

— Да ночь пѣтъ!..

— На память!

— Зови малевкнхъ пѣвчихъ.

Черезъ нѣсколько минутъ поется концертъ. Ни одного легкаго звука нѣтъ въ классѣ. Дисканты плачутъ дѣтскими голосами; басъ, какъ подавленная сила, гудитъ и сдержанно ропщетъ; слышенъ крикъ вавилонянина: «воспойте намъ отъ нѣней сіонскихъ!» чудится, какъ въ гнѣвѣ и нетерпѣніи тонаетъ ногами грозный деспотъ... «Какъ воспоишь на землѣ чуждей пѣсть господню?» отвѣчаютъ плачущіе, робкіе голоса дѣтей; женскія слезы слышны въ грудныхъ дискантахъ. Высокими, тихими и страстными нотами восходитъ плачь и наконецъ переходитъ въ сильные, грозные голоса: «дщи вавилова, окаянная! Блаженъ, кто возьметъ твоихъ младенцевъ и расшибетъ ихъ головою о камень!»

Послѣ концерта все стихло. Ученики, укреощенные на время стройными пѣніемъ, рассказываютъ другъ другу сказки, вспоминаютъ каникулы, толкуютъ о начальствѣ и товариществѣ. Нерѣдка кого-нибудь треснуть по шеѣ. Митаха, хранитель преданій, поетъ заунывнымъ голосомъ:

А какъ вziali козла

Поперегъ живота...

Но ученики недолго сидѣли скромно и тихо.

— Приходчину дуть! раздался чей-то голосъ.

— Идетъ! отвѣчаютъ на голосъ.

Собирается партія человекъ двадцать и полбръскимъ вечеромъ крадутся черезъ дворъ, въ классъ приходскихъ учениковъ. Приходчина, тоже сидящая въ сѣни смертнѣй, ничего не омидала. Второуѣздные, сдѣлавши набѣгъ, разсыпались по классу, бьютъ приходчину въ лицо, загибаютъ ей салазки, дѣлаютъ смази, разсыпаютъ постные и скоромные, швычки и податильники. Кто бьетъ? за что бьетъ? чортъ ихъ знаетъ и чортъ ихъ носить!.. Плачь, вопль, избіеніе младенцевъ! На партахъ и подъ партами уничтожается горе-счастливая приходчина. Больно

ей. Въ этихъ дняхъ побіеніяхъ приходчины, совершаемыхъ вопотемкахъ, выражалась съ одной стороны какая-то недѣлая удаля: «раззудись плечо, размахнись кулакъ!» а съ другой стороны — «трепещи, приходчина, и покоряйся!» Впрочемъ въ такихъ случаяхъ большинство только удовлетворяло своей потребности побить кого-нибудь, дать встряску, лупку, волосянку, отлупить, отвалить, взъерепенить, отмордасить, чтобы чувствовалось, что въ твоихъ рукахъ пищать что-то живое, страдаетъ и проситъ пощады, и все это дѣлается не изъ мести, не изъ вражды, а просто изъ любви къ искусству. Натѣшившись вдоволь и всласть, рыцари съ торжественнымъ хохотомъ отправляются восвояси. Испрепанная приходчина охаетъ, плачетъ и шупаетъ бока свои.

Когда рыцари вернулись въ классъ, тамъ шла новая забава.

— Мала куча! кричало нѣсколько человекъ.

Среди класса, въ темнотѣ, шла какаѣ-то возня — нето игра, нето драка... Смѣхъ и брань раздавались оттуда.

Усиливается возня. Обыкновенно, когда кричали «мала куча», то это значило, что кого-нибудь повалили на полъ, на этого другого, потомъ третьяго и т. д. Упавшимъ не даютъ вставать. Человѣкъ тридцать рожется въ кучѣ, сплетаясь руками и ногами и тискакая другъ другу животы. Успѣвшіе выбиться изъ кучи и встать на ноги стараются повалить другихъ, еще не упавшихъ на полъ, и постоянно раздается въ нѣсколько голосовъ:

— Мала куча!

Не окончилась еще эта возня, какъ затѣялась новая.

— Масло жать! кричали изъ угла у печки.

Слышно, какъ толпа пробирается въ уголъ, напираетъ и давить своею массою попавшихъ къ стѣнѣ, при крикахъ:

— Мехалка, вали!

— Васеида, прѣ!

— Работай, Шестиухая Чабра...

— Тисни, Хорь, тисни!

Попавшіе къ стѣнѣ еле дышать, силятся выбиться наружу, а выбившись, въ свою очередь жмутъ масло.

Но обѣ игры неожиданно прекратились... Раздался пронзительный, умоляющій вопль, который однако слышался не оттуда, гдѣ игралась «мала куча», и не оттуда, гдѣ «жали масло».

— Братцы, что это? братцы, оставьте!.. караулъ!..

Товарищи не сразу узнали, чей это голос... Кому-то зажали ротъ... вотъ повалили на полъ... слышно только мычанье... Что тамъ такое творится? Прошло минуты три мертвой тишины... потомъ ясно обозначился свистъ розогъ въ воздухъ и удары ихъ по тѣлу человѣка. Очевидно, кого-то сбькутъ. Сначала была мертвая тишина въ классѣ, а потомъ едва слышный шопотъ...

— Десять... двадцать... тридцать...

Идетъ счетъ ударовъ.

— Сорокъ... пятьдесятъ...

— А-я-яй! вырвался крикъ...

Теперь всѣ узнали голосъ Семенова и поняли въ чемъ дѣло...

— Ты, сволочь, кусаться! — Это былъ голосъ Тавли.

— Ай, братцы, простите!.. не буду!.. ейбогу не бу...

Ему опять зажали ротъ...

— Такъ и слѣдуетъ, шептались въ товариществѣ...

— Не фискаль впередъ!..

Уже семьдесятъ...

Боже мой, наконецъ-то кончили!

Семеновъ рыдалъ сначала неговоря слова... Въ классѣ было тихо, потомучто всячески совершилось дѣло изъ ряду вонъ... Облегчившись нѣсколько слезами, но все-таки непереставая рыдать, Семеновъ, потерявъ всякій страхъ отъ обиды и позора, кричалъ на весь классъ :

— Подлецы вы эдакіе!.. Чтобы вамъ всѣмъ... — И при этомъ онъ прибавилъ непечатную брань.

— Полайся!

— На зло же расскажу все инспектору... про всѣхъ...

Неизвѣстно отъ кого онъ получилъ затрепину и опять зарыдалъ на весь классъ благимъ воемъ. Нѣкоторые захохотали, но многимъ было жутко... отчего? потомучто при подобныхъ случаяхъ товарищество возбуждалось сильно, отыскивало въ потемкахъ своихъ нелюбимцевъ и крѣпко било ихъ.

Между тѣмъ рыдалъ Семеновъ. Невыразимая злость на обиду душила его; онъ въ клочья разорвалъ чью-то попавшуюся подъ руку книгу, кусалъ свои пальцы, драгъ себя за волосы и не находилъ словъ, какими бы слѣдовало изругаться на чемъ свѣтъ стоитъ. Измученный, избитый, изсѣченный, нѣсколько разъ въ продолженіи вечера оскорбленный и обиженный, онъ теперь со-

вершено одурѣлъ отъ горя. Жаль и страшно было слышать, какъ онъ шепталъ :

— Сбѣгу.. сбѣгу... зарѣжусь... жить нельзя!..

Надобно честь отдать товарищамъ : большая часть, особенно первокурсные, въ эту минуту сочувствовали горю Семенова. У нѣкоторыхъ были даже слезы на глазахъ — благо темно, не замѣтять. Второкурсные храбрились, но и на нихъ напала тоска, смѣшанная со страхомъ. Всѣ понимали, что такое дѣло даромъ не пройдетъ и что великаго сѣченья должна ожидать бурса. Тихо было въ классѣ ; лишь Семеновъ рыдалъ... Что-то злое было въ его рыданіяхъ... но вотъ онѣ вдругъ прекратились и настала мертвая тишина.

— Что съ нимъ ? спрашивали ученики.

— Не случилось ли бѣды ?

— Да живъ ли онъ ?

— Братцы, закричалъ Гороблагодатскій, освидѣтельствовавъ парту ; на которой сидѣлъ Семеновъ : — онъ пошелъ жаловаться !

— Опять фискалить ! раздались нѣсколько голосовъ.

Расположеніе товарищей мгновенно пережилось ; посыпалась на Семенова злая брань.

— Смотрите не выдавать, ребята !

— Э, не рѣду сѣять !., слышались отвѣтные голоса.

— А ты какже, Тавля ?

— Я скажу, что хотѣлъ заступиться за него и въ то время, какъ отдергивалъ отъ его рта чью-то руку, онъ и укусалъ мою.

— Молодецъ Тавля.

Однако Тавля дрожалъ какъ осиновый листъ.

— А что цензоръ будетъ говорить ? онъ долженъ донести, а то ему придется отвѣчать.

— А скажу, что меня не было въ классѣ — вотъ и все !

Въ это время раздался звонокъ, возвѣстившій часъ занятій. Отворилась дверь и въ комнату внесли лампу о трехъ рожкахъ. Отъ столбовъ полосами легли тѣни по классу и освѣтились неуклюжія здоровенныя парты, голыя и ржавыя стѣны, грязныя окна, освѣтились угрюмымъ и непривѣтливымъ свѣтомъ.

Второкурсные собрались на первыхъ партахъ и вели совѣщанія о текущихъ событіяхъ. Начались занятія ; но странно, несмотря на презестокія розги учителей, покрайней-мѣрѣ чело-

вѣкъ сорокъ и не думали взяться за книжку. Иные надѣялись получить въ нотатѣ хорошую отмѣтку, подкупивъ аудитора взяткой; иные думали безопасно: «авось-либо и такъ сойдесть!» а человекъ пятнадцать, на заднихъ партахъ въ Камчаткѣ, ничего не боялись, зная, что учителя не тронуть ихъ: учителя давно махнули на нихъ рукой, испытавъ на дѣлѣ, что никакое сѣченье не заставитъ ихъ учиться; эти счастливицы готовились къ исключенію и знать ничего не хотѣли. Лѣнь была развита въ высшей степени, а отсутствіе всякой дѣятельности во время занятыхъ часовъ заставило ученика выработать тотъ элементъ училищной жизни, который извѣстенъ подъ именемъ школьничества, элементъ, общій всякому воспитательному заведенію, но который здѣсь, какъ и все въ бурсѣ, является въ оригинальныхъ формахъ.

Сидящіе въ Камчаткѣ пользовались нѣкоторыми привилегіями; на ихъ шалости цензоръ, наблюдающій тишину и порядокъ, смотрѣлъ сквозь пальцы, лишь бы не шумѣли камчадалы. Пользуясь такими льготами, камчадалы развлекались какъ умѣли. Гришкецъ толкаетъ Васенду и шепчетъ «сѣдующему», Васенда толкаетъ Караса, Карасъ Шестиухую Чабрю, передавая то же слово; этотъ передаетъ дальнѣйшему, толчокъ переходитъ на другую парту, потомъ на третью и такъ перебираетъ всѣхъ учениковъ. Вотъ Комедо, обѣжавши, снятъ, а Хоръ, нажавъ бумага сдѣлалъ комокъ, который называется *жескомъ*, и пустилъ его въ лицо спящаго товарища. Комедо проснулся и пишетъ къ Хорю записку: «послѣ занятія тебѣ я сижу сломаю, потому что не приставай, если къ тебѣ не пристають», и опять засыпаетъ. Записокъ много пересылается по комнатѣ: въ одной можно читать: «дай пожитка или карандаша», въ другой: «эй, Рабыня! (прозвище ученика) я уже съ тобой на маткахъ въ чехарду»; въ третьей: «пришли, дружкае, табачку понюшку, послѣ ейбогу отдашь»; а вотъ Хитоновъ получилъ безымянную ругательную записку: «ты, Хитоновъ, рыжій, а рыжій, красный—человѣкъ опасный; рыжій, пламенный сожогъ домъ каменный». Отвѣты и требуемыя вещи идутъ по той же почтѣ. Дѣти развлекаются по мѣрѣ возможности. Многие корчатъ гримасы, ловятъ вѣсь языкомъ, косятъ глаза, плятятъ ротъ пальцами, показывая искривленное лицо другимъ или рассматривая его въ трехкопѣечное зеркальцо. Илюнь умѣетъ корчить рожи на номера: онъ вы-

сунуль языкъ къ лѣвую сторону, носъ подперъ пальцемъ къ правой щекѣ, глаза вышучилъ, щеки отдулъ — это номеръ пятый. Всѣхъ номеровъ двѣнадцать. Аудиторъ, по прозванью Богиня, жуеъ резину, третій день невыпуская ее изо рта; она скоро превратится въ мягкую массу; потомъ надо надуть ее воздухомъ, сжать пальцами, вслѣдствіе чего образуется пузырекъ; пузырекъ великовозрастный ударитъ себя по лбу и услышитъ легкій трескъ; чтобы насладиться такимъ счастьемъ, онъ работаетъ усердно, вещада своихъ челюстей, а когда устанетъ, то даетъ пожевать подъаудиторному. Мямля сдѣлалъ панораму изъ конфектиныхъ картинокъ и любитъ ею дѣлать, часть и въ сотый разъ; у него же изъ билетиковъ отъ леденцовъ сдѣлать орacula; но леденечнымъ билетикамъ красны дѣвѣцы гадаютъ о женихахъ, а онъ — споритъ его завтра или нѣтъ. Сосѣдъ его сдѣлалъ леденечника, т. е. деревянную куклу съ пилою, и отыскавъ раздѣлѣіе, поставилъ ее на краю парты и заставляеть ее качаться. Чеснокъ заихнулъ себѣ въ носъ нитку, потомъ сильнымъ вдыханіемъ воздуха проводитъ ее въ ротъ, и передергивая нитку, вадъ и впередъ, показываетъ эту штуку своему законсервнику (другу) Мямлѣ. Одинъ великовозрастный камчадалъ оттачиваетъ перочинный ножъ и потомъ брѣетъ верхнюю губу и щеки. Выбрившись, онъ начинаетъ долбить въ партѣ ящичекъ. Другой великовозрастный дѣлаетъ цѣпочку изъ сутуги. Третій великовозрастный свернулъ бумагу въ тонкую трубочку и щекочетъ ею себѣ въ носу; рожа его сморщилась, онъ чихнулъ громко и ему весело. Двое камчадаловъ учатся иностраннымъ языкамъ; одинъ говоритъ: «херъ-я, херъ-ни, херъ-че, херъ-го, херъ-не, херъ-зна, херъ-ю, херъ-изъ зав, херъ-тро, херъ-му»; слѣдуетъ лишь вставить послѣ каждаго слога «херъ» и выйдетъ на порусски, а не херамъ. Другой отвѣчаетъ ему еще хитрѣе: «ши-чего не-цы, ши-дѣя не бо-цы», т. е. «ничего, не бойся». Это опять не порусски, а не ши-цы; здѣсь слово дѣлится на двѣ половины, напримеръ: ро-зга, къ послѣдней прибавляется ши и произносится она сначала, а къ первой цы и произносится она послѣ; выходитъ ши-зис ро-цы. Пентюхъ на послѣдней партѣ занимается гипографскимъ искусствомъ: онъ слюнитъ кость на суставъ пальца, прикладываетъ суставъ на печатную букву въ учебникѣ и потомъ вырываетъ ее; сплывши букву съ пальца, онъ переводитъ ее на бумагу; такимъ образомъ печатается каков-нибудь слово. Подъ

последними партами улеглись на посланные на полъ шубы челоуѣкъ пять и рассказываютъ сказки и побывальщины. На многихъ скучное, монотонное, безъ всякаго содержанія занятное время нагнало непобѣдимый сонъ; спать на пятой партѣ, спать на седьмой, спать на двѣнадцатой, спать подъ партами. Такъ камчатники и второкурсные, приготовившіе уроки, проводятъ занятные часы. Веселая жизнь!

Но только записные, безнадежные лѣнтяи, готовящіеся получить титулку, пользовались правомъ развлекаться въ занятные часы. Кромѣ ихъ было еще много лѣнтяевъ, кандидатовъ въ камчадалы, но еще не камчадаловъ. Провожденіе времени этими учениками было еще безпѣтнѣе. Они тоже развлекались по-своему, но такъ какъ имъ необходимо было притвориться, будто они дѣло дѣлаютъ, то и развлеченія ихъ были другія. Цифла со всеусердіемъ пишетъ что-то; со стороны посмотрѣть, онъ прилежнѣйшій ученикъ, а между тѣмъ онъ вотъ что дѣлаетъ: напишетъ цифру, подъ ней другую, потомъ умножитъ ихъ; подъ произведеніемъ опять подпишетъ первую цифру, опять умножитъ числа и т. д. работаетъ, желая узнать, что изъ этого выйдетъ. Порося придавилъ глазъ пальцомъ и любитъ, какъ предъ нимъ двоятся и троятся предметы; потомъ затыкая и оттыкая уши, слушаетъ жужжанье и легкій говоръ въ классѣ, какъ оно прерывающимися звуками отдается въ его ушаты; и нето онъ приставитъ ухо къ партѣ и разсуждаетъ, вѣчего вѣго черезъ дерево усиливается звукъ. Одинъ первокурсный нащипываетъ себѣ руку, желая приучить ее хоть къ тепленькимъ щипчикамъ. Другой завязалъ конецъ пальца ниткой и любитъ на затекшійся кровью палець. Третій насасываетъ руку до крови... Изобрѣтаютъ самыя пустыя и кажется неинтересныя занятія, напримѣръ прислушиваются какъ бьется шудецъ, даберутъ въ легкія воздуху и усиливаются какъ можно дольше удержатъ его въ груди, задаютъ себѣ задачу — не мигнуть ниразу, пока не сосчитаютъ тысячу, сбиваютъ слюну во рту и потомъ вытлевываютъ на полъ, читаютъ страницу сзадю напередъ и притомъ снизу вверхъ, положить натаскать изъ головы сотню волосъ и натаскають; кто болтаетъ ногами, кто ковыряетъ въ носу, перемигиваются, передаютъ другъ другу разные знаки, руками выдѣлываютъ разныя акробатическія штуки... Иной сидитъ, положивъ голову на ладони и смотритъ въ воздухъ безпредметно:

онъ мечтаетъ о матери, сестрахъ, о сосѣднемъ садѣ помѣщика, о прудѣ, въ которомъ лопилъ карасей... и урокъ ему нейдетъ на умъ. Нѣкоторые, зажмуривъ глаза и стараясь попасть пальцемъ въ палецъ, гадаютъ, будетъ ли съѣчь завтра учитель или нѣтъ, и когда выходить — будетъ, то соображаютъ, гдѣ бы взять денегъ въ долгъ, чтобы подкупить аудитора, а за книжку и не думаютъ братья. Иные сидятъ обезсмыслѣвши и мѣютъ въ тоскѣ невыходной, ожидая, скоро ли пройдутъ три узаконенныхъ часа и ударитъ благодатный звонокъ, возвѣщающій ужинъ, туго глядя на тускло-горящую лампу. У этихъ бурсаковъ не хватаетъ силы воли взяться за урокъ. Но что это значитъ? спроситъ читатель: неужли занимательнѣе читать страничку снизу вверхъ, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые для развлечения, нежели сверку внизъ?.. Да пожалуй что и занимательнѣе. Недаромъ же сложилась въ бурсѣ пѣсня, которая говоритъ, что «блаженны народы, неведующіе наукъ», что нужно имѣть «крѣпкую природу» для училищныхъ «мукъ», что ученикъ идя въ классъ «сweistъ; онъ «рабъ», его «стерзаютъ»... Пѣсня, переходящая отъ похвалы къ похвалѣ, недаромъ сложилась.

Главное свойство педагогической системы въ бурсѣ — это долбня, долбня ужасная и мертвая. Она пробивала въ кровь и кости ученика. Пропустить букву, переставить слово считалось преступленіемъ. Ученики, сидя надъ книгою, повторяли безъ конца и безъ смысла: «стыдъ и срамъ; стыдъ и срамъ, стыдъ и срамъ... потемъ, потемъ... постигли, стигли, стигли... стыдъ и срамъ потемъ постигли...» Такая египетская работа продолжалась до тѣхъ поръ, пока навѣки нерушимо не запечатлѣвалось въ головѣ ученика «стыдъ и срамъ»... Сильно мучался воспитанныкъ во время урока, такъ что ученіе здѣсь являлось физическимъ страданіемъ, которое и выразилось въ пѣснѣ: «сколь блаженны тѣ народы». При глухой долбнѣ замѣчательны въ училищной наукѣ возраженія. Педагоги получали воспитаніе схоластическое, произвели всевозможную синекдоху и гиперболу, острѣмъ священной хрипъ вскормлены, воспитаны тою философией, которая учитъ что «всѣ люди смертны, Кай — человѣкъ, слѣдовательно Кай смертенъ», или, что «всѣ люди бессмертны, Кай — человекъ, слѣдовательно Кай бессмертенъ», что «душа соединяется съ тѣломъ но однажды установленному закону», что «законы тождества и противорѣчія неукоснительно вы-

текають изъ нашего я или изъ нашего самосозданія», что «гдѣ является свѣтъ, тамъ уничтожается тьма», что «смирненіе есть источникъ всякаго блага, а вольнодумство пагубно и злобно» и т. п. Окончательно же окрѣпли ихъ мозги въ диспутахъ, когда они небѣдоносно витѣйствовали на одну и ту же тему про и сонца, смотря потому, какъ прикажетъ начальство, причемъ пускались въ дѣло всѣ сто фразъ схоластическихъ предложеній, всѣ роды и виды софизмовъ и паралогизмовъ. Еще во время дѣтства у нихъ явилось расположеніе разрѣзать: «что такое сущность?» «что такое цѣлое?» «спасется ли Сократъ и другіе благочестивые философы язычества, или нѣтъ?» и имъ очень хотѣлось, чтобы нѣтъ. Особенно же любилъ учителя доказывать, что чело-вѣкъ есть существо бессмертное, одаренное свободно-разумной душою, царь вселенной, — хотя странно, въ дѣйствительной жизни, они едвали не обнаруживали того убѣжденія, что чело-вѣкъ есть ни болѣе ни менѣе какъ безсмерный вѣтухъ. Все это слышалось въ возраженіяхъ педагоговъ. Ученикъ до боли въ щекахъ напрягалъ голову, когда приходилось разрѣзать великіе вопросы педагоговъ-философовъ, но въ благоволеніе его, возраженія давались рѣдко и вообще считались ученою роскошью. Надъ всѣмъ царилъ всепоглощающая дробня... Чего-то удивительнаго, что такая наука воссала только отвращеніе въ ученикъ и что оны, скорѣе начинаютъ играть въ плеваніи или предвѣтъ изъ носу въ ротъ другу, нежели стануть учить урокъ? Ученикъ, вступая въ учительское мѣсто подъ родительскаго крова, скоро чувствовалъ, что съ нимъ совершается что-то новое, никогда имъ не испытанное, какъ-будто предъ глазами его ослѣпляютъ сѣти одна за другою, въ безконечномъ рядѣ, и мѣшаютъ видѣть предметы ясно; что голова его перестала дѣйствовать любознательно; и смѣло и смѣлалось; но хобла на какой-то препаратъ, въ которомъ стѣбитъ лежать иружину — и вотъ ротъ раскрывается и начинаютъ дымить слова, а въ словахъ — удивительно! — нѣтъ мысли, какъ бывало прежде. Только ученики, соединившіе въ себѣ способность долбить со способностью отвѣчать на возраженія, изкося до задумывались надъ урокомъ. Но для этого надо было родителю башкой. Бывали удивительныя башки. Такъ вѣкто Свѣтловаровъ выучилъ изъ латинскаго лексикона Розовова слова и выразы на четыре буквы; началъ съ «А, аВ, аВВ», онъ открывалъ въ нѣсколько печатныхъ листовъ, пропустилъ ни одного слова, и

такой подвигъ былъ предпринятъ единственно изъ любви къ искусству. Но не многие были способны къ училищнымъ работамъ; большинству онѣ давались трудно и лишь рожки заставляли заниматься. Вонъ Давидъ Песковъ, мальчикъ умный и прилежный, но рѣшительно неспособный делить слово въ слово, просидѣть надъ книгой два часа съ половиной, поводить помутвившимся глазами... и что-то?.. онъ видитъ, много измучился еще болѣе чѣмъ онъ, много еще доканчиваютъ свою порцію изъ учебниковъ, ослабленно вычитывая урокъ и поднимая голову вверхъ, какъ вяющія куры. Иные чуть не плачутъ, потому-то невысокій баякъ будетъ выставляться противъ ихъ фамиліи въ потатѣ. Одинъ, желая возбудить въ себѣ энергію, треплетъ самъ себя за волоса... Э, бѣднага, хоть самъ-то пожалѣй себя! брось ты книгу подъ парту, либо вышлой изъ нее — все равно, завтра твое гѣло будетъ страдать подъ лосами... ступай-на, дружище, въ Камчатку — тамъ легче живется; а дѣлныкъ знаій у камчатчинокъ право не меньше, нежели у самого закаленного байки. Ученикъ, взглядывалосъ въ измученныя долбисю лица товарищей, невольно спрашиваетъ себя: «зачѣмъ эти труды и страданія? кому эта возня съ утра до вечера надъ опротивѣвшимъ учебникомъ? развѣ мы не люди?» Среди такихъ размышленій выскочить безъ спросу, самъ собою, кончикъ урока и простучать всѣми словами въ головѣ. Подъ конецъ занятія у прилежнаго ученика голова ниваетъ; въ ней послышно жи одной мысли, хотя и являются онѣ, послушныя сдѣленію идей, какъ это бываетъ съ человѣкомъ во снѣ. Невесела картина класса... Лица у всѣхъ скучныя и апатическія, а послѣдніе полчаса идутъ тихо и кажется конца не будетъ занятію... Счастливецъ, кто уснуть сумѣлъ, сидя за партией: онъ и не замѣтитъ, какъ подойдетъ минута, возвѣщающая ужинъ.

Но вечеръ кончился очень занимательно. Минутъ за тридцать до звонка явился въ классъ Семеновъ. Блѣдный и дрожащій отъ волненія, вошелъ онъ въ комнату и потулся, ни на кого не глядя, отыравался на свое мѣсто. Занятая оживилась: всѣ смотрѣли на него. Семеновъ чувствовалъ, что на него обращены сотни любовныхъ и злобныхъ глазъ, холодно было у его на душѣ, и замеръ онъ въ какомъ-то окаменѣломъ состояніи. Онъ ждалъ чего-то. Минуты черезъ четыре снова отворилась дверь; среди холоднаго пара, ворвавшася съ улицы въ комнату, по-

назались четыре солдатскія фигуры — служителя при учителяхъ : одинъ изъ нихъ былъ Захаренко , другой Кропченко — на нихъ была обязанность сѣчь учениковъ ; двое другихъ, Цѣпка и Елавоу , обыкновенно держали учениковъ за ноги и за голову во время сѣченія. Мертвая тишина настала въ классѣ... Тавля поблѣднѣлъ и тяжело дышалъ. Скоро явился инспекторъ , огромнаго роста и мрачнаго вида. Всѣ встали. Онъ , ни слова неговоря , прешолся по классу , временами останавливаясь у партъ , и ученикъ , около котораго онъ останавливался , дрожалъ и трепеталъ всѣмъ тѣломъ... Наконецъ инспекторъ остановился около Тавли... Тавля готовъ былъ провалиться сквозь землю.

— Къ порогу ! сказалъ ему инспекторъ , неслѣ некотораго молчанія .

— Я... хотѣлъ было оправдываться Тавля .

— Къ порогу ! крикнулъ инспекторъ .

— Я заступался за него... онъ не виноватъ...

Инспекторъ былъ весьма всапаго бурсакъ . Онъ схватилъ Тавлю за волосы и далъ ему трепку ; потомъ намылилъ его въ волосы лбомъ изъ партъ , а другою рукою , кулакомъ , ударилъ ему въ спину , такъ что гулъ раздавался отъ здороваго удара по крѣпкой спинѣ ; потомъ , стинувъ Тавлю назадъ , инспектора закричалъ :

— Къ порогу !

Тавля послѣ этого не смѣлъ рта разинуть . Онъ отправился къ порогу , раздвѣая медленно , лезъ на грядный полъ голыми брѣхомъ ; на плеча и ноги его сѣли Цѣпка и Елавоу...

— Хоронченко его ! сказалъ инспекторъ .

Захаренко и Кропченко взмахнули съ двухъ сторонъ лозами ; лезы вилыос въ тѣло Тавли , и онъ , дико крича , сталъ оправдываться , говоря , что онъ хотѣлъ заступиться за Семеновъ , а тотъ не виноватъ въ томъ дѣлѣ и укусилъ ему руку . Инспекторъ не обращалъ вниманія на его вопли . Долго сѣдилъ Тавлю и жестоко . Инспекторъ съ сосредоточенной злобой ходилъ по классу , ни слова неговоря , а это былъ дурной признакъ : когда онъ кричалъ и ругался , тогда крикомъ и руганьемъ негодилось гнѣваться . Ученики поворотомъ считали число ударовъ и насчитали уже шестьдесятъ . Тавля все кричалъ «не виноватъ!» болѣе , господь-богомъ , клялся отцомъ и матерью подл лозами . Короблягодатскій злобно смотрѣлъ то на инспектора , то на Семенова ;

Семеновъ не понималъ самъ себя: и тѣмъ наслажденію местию не было въ его сердцѣ, онъ почти трясся всѣмъ тѣломъ отъ предчувствія чего-то страшнаго, необъяснимаго. Богъ-знаетъ на что бы онъ согласился, чтобы только не сѣкли Тавлю въ эту минуту. Тавля вынесъ уже болѣе ста ударовъ, галось его отъ крику началъ хрипеть, но все еще продолжалъ кричать: «не виновать, сѣбогу не виновать... напрасно!» Но онъ долженъ былъ вынести полтора ста.

— Довольно, сказалъ инспекторъ, и прешаеся по комнатамъ. Все ожидали, что будетъ дакъ.

— Цензоръ! сказалъ инспекторъ.

— Здѣсь, отвѣчалъ цензоръ.

— Кто еще сѣкъ Семенова?

— Я не знаю... меня...

— Что? крикнулъ грозно инспекторъ.

— Меня небыло въ классѣ...

— А, тебя небыло, скоть эдакой, въ классѣ!.. Завтра буду сѣкъ десятаго, а начну съ тебя... — И тебя отпорю, сказалъ онъ Гороблагодатскому, — и тебя, сказалъ онъ Хору. Потомъ инспекторъ указалъ еще на нѣсколько лицъ. Гороблагодатскій грубовато отвѣтилъ:

— Я не виновать ни въ чемъ...

— Ты всегда виновать, подлець ты эдакой, и каждую минуту тебя драть слѣдуетъ...

— Я не виновать, отвѣтилъ рѣзко Гороблагодатскій.

— Ты грубить еще задумалъ, скотина? закричалъ инспекторъ съ яростью.

Гороблагодатскій замолчалъ, но все-таки, стиснувъ зубы, взглянулъ съ ненавистью на инспектора...

Выругавъ весь классъ, инспекторъ отправился домой. На товарищество началъ маняческій страхъ. Въ училищѣ бывали случаи, что нетолько сѣкли десятаго, но сѣкли поголовно весь классъ. Никто не могъ сказать навѣрное, будутъ его завтра сѣкъ или нѣтъ. Лица вытянулись; нѣкоторые были блѣдны; двое городскихъ тихонько отъ товарищей плакали: что, если по счету придется въ спискѣ инспектора десятымъ?.. Только Гороблагодатскій проворчалъ: «не рѣпу сѣять!» и остервенился въ душѣ своей, и съ наслажденіемъ смотрѣлъ на Тавлю, который не могъ ни стать, ни сѣсть послѣ экзекуціи. Гороблагодатскій намѣре-

хотѣлъ идти къ Семенову и побить его окончательно; онъ уже сказалъ себѣ: «сонъ бѣдъ — однакъ отвѣтъ»; но вдругъ лицо его ошарилась новой мыслью, онъ злорадостно усмѣкнулся и проговорилъ:

— Пѣнфа!

Семеновъ совершенно заморь... Онъ былъ въ томъ состояніи, когда человѣкъ чувствуетъ, что надъ нимъ поднятъ кулакъ, готовый упасть на его темя каждую минуту, а онъ каждую минуту ждетъ удара тяжелого. Онъ былъ точно стиснутъ и сдавленъ со всѣхъ сторонъ... дышать почти нельзя... Черти, черти! каждая минуту приходилось переживать буряку...

— Пѣнфа! сказалъ Гороблагодаевскій, подходя къ цензору и стали они шептаться...

Ударилъ звонокъ къ ужину. Сердца нѣсколько повеселѣли...

— Становись въ пары! закричалъ цензоръ...

Минуты черезъ двѣ ученики отправлялись въ столовую, и прогнѣвши въ пятьсотъ голосовъ «сече нашу», принимались за скудную пищу... Когда толпа обратилась валила изъ столовой, цензоръ подошелъ къ Бенелавдову и повторишь загадочное слово:

— Пѣнфа!

— Слѣдуетъ! отвѣтилъ Бенелавдовъ.

.....

- Уже въ обители священной
- Привратникъ заперъ крѣпко входъ
- И схимникъ въ кельѣ единенной
- На сонъ грядущій преслезъ чветъ...
- Морсѣй на городъ сыплетъ мани,
- Заснулъ народъ мастеровой;
- Одиъ не дремлютъ лишь собаки,
- Да кой-гдѣ вскрикнетъ часовой...
- Вторично пѣтухи кричали...
- Былъ ночи часъ; всѣ крѣпко спали...

Такъ «Семинариада» описываетъ ночь...

Во второмъ этажѣ, по правую руку огромнаго училищнаго двора, помѣщаются 6, 7, 8, 9 и 10-й номера спаленъ. Эти спальни соединены между собою. Задній отдѣлъ трехъ номеровъ не-

силъ завываніе вѣтровъ. Это были степныя свирепѣющія ; поэтому утромъ и вечеромъ, особенно въ первые недѣли большаго праздника, въ Сидогѣ и другія двѣ комнаты отирывался чистотой обгорѣлый рядъ. Сюда стекалось все училище ; ученики толпами переходили отъ одной кровати къ другой ; изъ-подъ кроватей, тесномъ до двухсотъ въ этихъ номерахъ, выдвигались сундуки, инвентарные, кромѣ книгъ, разными съботными припасами. Съ дрова, особенно съ деревины, привозилась въ запасъ огромныя бѣлые хлѣбы, масло, толкно, грибы въ сметанѣ, моченые яблоки. Отъ этихъ припасовъ отдѣлялись особаго рода запахи и наполняли собою воздухъ ; съ этими запахами вѣшалась нецеллюрные вѣзны ; отъ стѣтъ, промерзавшихъ зимою въ сильныя морозы насквозь, несла сырость, сальныя свѣчи въ изодалахъ дѣлали атмосферу горькою и фѣкою, и къ всему этому надо прибавить, что въ углу у дверей стоялъ огромный ушатъ, наполненный до половины какою-то жидкостью и вапнявшій мѣсто нечистоты. Къ такой ядовитой атмосферѣ долженъ былъ привыкать ученикъ, и повѣрить ли кто, что большинство, живя въ зараженномъ воздухѣ, утрачивало наконецъ способность чувствовать отвращеніе къ нему!.. Другая бѣда — холодъ былъ для ученика болѣе невыносимъ. Начальство печей не топило по недѣлѣ ; ученики воровали дрова, но это не всегда случалось, и товарищество, лежа въ холодныя одеяла, должно было покрываться своими шубами и шинелями. Огромныя комнаты спалень, со столбами посрединѣ какъ и въ классахъ, слабо освѣщались, и темныя тѣни ложились полосами по кроватямъ. Ученики храпѣли и бредили ; нѣкоторые воснѣ скрипѣли зубами.

Доскажемъ послѣднія событія зимняго вечера въ бурсѣ. Изъ комнатъ Сапога неожиданно появилась фигура и отправилась въ уголокъ девятаго номера ; тамъ поднялись еще двѣ фигуры... Между ними начались совѣщанія.

— У тебя пѣмфа ? спрашивалъ одинъ.

— У меня.

— Давай сюда.

Все три фигуры отправились въ уголокъ и тамъ остановились около кровати Семенова... Одинъ изъ участниковъ держалъ въ рукахъ свертокъ бумаги, въ видѣ конуса, набитый хлопчаткою. Это и была пѣмфа, одно изъ варварскихъ изобрѣтеній бурсы. Державшій пѣмфу босыми ногами подкрался къ Семено-

су. Онъ заложилъ вату съ широкаго отверстия свертка, а ушки осторожно вставлялъ въ носъ Семенову. Семеновъ было сдѣлалъ во снѣ движеніе, но держащій вату сильно дунулъ въ горящую вату; густая струя сѣраго дыму окватила мозги Семенова: онъ застоналъ въ безпамятствѣ. Послѣ втораго, еще сильнѣйшаго дуновенія, онъ соскочилъ какъ сумашедшій. Онъ усиливался крикнуть, но вся внутренность его груди была обожжена и прокопчена дымомъ. Задыхаясь онъ упалъ на кровать. Участники этого инквизиторскаго дѣла тотчасъ же скрылись. Слышалось глубокое храпѣніе Семенова, прерываемое тяжкими стонами. На другой день его замертво стащили въ больницу. Докторъ понять не могъ, что такое случилось въ Семеновымъ, а когда самъ Семеновъ оживился и получилъ способность говорить, то оказалось, что онъ самъ не помнитъ что съ нимъ было. Начальство подозрѣвало, что враги Семенова что-нибудь да сдѣлали съ нимъ, но розыскать ничего не могло. На другой день были магіе пересѣчены въ училищѣ и многіе напрасно...

Н. ПОМЯЛОВСКІЙ

ВРАЧИ И НАРОДЪ

(ПО ПОВОДУ СТАТЬИ Г. ЛЪСКОВА)

Въ февральской книгѣ «Времени» г. Лѣсковъ помѣстилъ «Вопросъ о народномъ здоровьи», въ которомъ излагаетъ свое мнѣніе о будущемъ устройствѣ нашей сельской медицины. Мысль автора хотя не нова, тѣмъ неменѣе обнаруживаетъ въ немъ желаніе быть полезнымъ этому важному по общему мнѣнію дѣлу улучшенія быта сельскихъ обывателей. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своей статьи г. Лѣсковъ ссылается на меня, какъ на раздѣляющаго его убѣжденія, и даже въ подтвержденіе своихъ словъ приводитъ нѣкоторыя изъ моихъ наблюденій въ «Современной Медицинѣ», раскрывающихъ кое-что о томъ, въ какихъ отношеніяхъ другъ къ другу живутъ въ нашихъ провинціяхъ врачи и народъ. Изъ этихъ наблюденій г. Лѣсковъ частью выводитъ и свой взглядъ на образованіе сельскихъ врачей. Соглашаясь дѣйствительно съ нѣкоторыми мыслями его, я долженъ впрочемъ замѣтить, что мои наблюденія, помѣщенные въ «Современной Медицинѣ», относились не къ селамъ, а къ городамъ и вообще далеко еще не такъ полны, чтобы изъ нихъ можно было выводить какое-нибудь совершенное заключеніе. Это были ничто иное, какъ бѣглыя, краткія замѣтки, сказанныя мимоходомъ при очеркѣ жизни провинціального врача и вовсе не имѣвшія цѣлью выставить факты, на которыхъ можно основывать что-нибудь для сельской медицины, а потому намъ кажется, что взглядъ автора «Вопроса о народномъ здоровьи», основанный на нѣсколькихъ неполныхъ фактахъ или картинахъ, въ нѣкоторомъ отношеніи довольно поверхностный и отвлеченный. Разумѣется мы нисколько не ставимъ ему этого въ вину, но сознаемъ, что чѣмъ болѣе въ литературу нашей стануть раскрываться потребности и бытъ нашихъ врачей и народа въ разныхъ мѣстахъ необъятнаго нашего отечества, тѣмъ многостороннѣе могутъ судить благонамѣ-

ренные люди о сближеніи ихъ между собою. Но до сихъ поръ въ этомъ отношеніи сдѣлано очень мало и вопросы болѣе крупныя и болѣе солидныя, чѣмъ наша сельская медицина, составляютъ еще главный предметъ нашей литературы. Въ самомъ дѣлѣ мысль о примѣненіи научной медицины въ селахъ и деревняхъ и о водвореніи врачей внѣ предѣловъ городовъ проявлялась до сихъ поръ только у немногихъ врачей и нѣкоторыхъ другихъ филантроповъ, а въ самыхъ сельскихъ общинахъ кажется до сихъ поръ объ этомъ еще не было и рѣчи. Покрайней-мѣрѣ мы нигдѣ не читали еще, чтобы вызовъ врачей сдѣлался бы въ наше время уже насущною потребностью самихъ сельскихъ общинъ. Въ газетахъ нашихъ до сихъ поръ попадались статьи о разныхъ способахъ водворенія у насъ сельской медицины, писанныя врачами и неврачами, но почти всѣ онѣ показываютъ слишкомъ односторонній, поверхностный взглядъ на предметъ; оттого эти статьи и остались безъ послѣдствій и отвѣтовъ. Впрочемъ мы должны быть благодарны и за это начало: односторонность и увлеченіе можно поправить, а изъ ничего — ничего бы и не вышло. Многие авторы—врачи, пробовавшіе говорить о провинціальной медицинѣ, смотрѣли на этотъ предметъ съ своей многосторонне-ученой точки зрѣнія, и рисуя въ своемъ воображеніи будущую сельскую лечебницу, не могли представить ее себѣ иначе, какъ со всѣми учеными атрибутами: микрокопозамъ, химической лабораторіей, анатомическими кабинетами, кучей ученыхъ диссертаций о спорныхъ предметахъ и т. п. принадлежностей высшаго ученаго медицинскаго міра. Нѣкоторые даже вносили сюда какъ необходимую принадлежность и элементъ медицинской бюрократіи, которая такъ глубоко вѣлалась въ душу нашего русского «дохтура». Авторы—неврачи смотрѣли на предметъ только съ чисто-христіанской точки зрѣнія, воображая врачей какою-то олицетворенной филантропіей, какими-то существами, постоянно вздыхающими, еслибы имъ подобно Титу не удалось сдѣлать въ такой-то день добра — прописать бѣдному горемычному крестьянину какой-нибудь слабенькой микстуры, отъ которой сейчасъ пройдетъ и весь его недугъ; существами, одно слово которыхъ, даже прикосновеніе къ пульсу страждущаго собрата, проливаетъ уже *цѣлительный бальзамъ* во все *чувствія* его больного тѣла. Къ такимъ бы существамъ, но мнѣнію авторовъ—неврачей, могъ приходить нашъ «сѣрый людъ» и за двадцать копѣекъ получать бы сегодня лекарьство, а завтра уже опять принимался бы за свой привычный тяжелый трудъ въ пахѣ лица — и все было бы прекрасно! Все это впрочемъ отзывается пона одною аркадіей. Утопія, маниловщина какая-то, скажутъ многіе. Развѣ возможно это у насъ, въ нашемъ *срубомъ*, необразован-

нонъ народъ? Ничего этого у насъ быть не можетъ. Видъ мы слышимъ еще, но выраженію нѣкоторыхъ, *стедобразны!*

Дѣйствительно многіе взгляды этихъ почтенныхъ авторовъ обнаруживаютъ только ихъ *глубокое непониманіе быта народной жизни* и современнаго значенія медицины, какъ науки, въ обществѣ. Удивляться этому впрочемъ нечего. Нетолько врачи, но даже и многіе изъ такъ-называемыхъ передовыхъ нашихъ людей, посвятившихъ себя кричанію на всю православную Русь объ ея современныхъ интересахъ, обнаруживаютъ, какъ замѣтили уже многіе, почти тоже самое. Вездѣ мы слышимъ только общія фразы современнаго прогресса, общія мѣста о народной нуждѣ, общія примѣненія нововведеній и преобразованій. О частностяхъ же или умалчиваютъ, или стараются поговорить какъ-то вскользь, предоставляя это болѣе компетентнымъ людямъ, или же, вмѣсто того чтобы анализировать, просто начинаютъ кричать: «Впередъ, господа, впередъ! намъ теперь робить нечего: мы выжили уже изъ дѣтской одежды; мы на пути прогресса! Само время покажетъ какъ надо дѣйствовать!» Но какъ, съ чего начать, кому взяться прежде и какъ дѣйствовать, какия нужны для этого средства, понимаемъ ли мы наконецъ, что станутъ дѣлать и выйдетъ ли изъ этого что-нибудь путное? Эти вопросы, говорятъ намъ, должны уже рѣшить тѣ, которые *станутъ дѣйствовать*. Намъ нужно только возбуждать вопросъ, дать ему такъ-сказать общій взглядъ, показать идеалъ, къ которому должна стремиться масса, а ужъ средства пусть находятъ сами тѣ, кто пойдетъ къ нему. Это не наше дѣло. Мы прогрессисты! Намъ некогда останавливаться на мелочахъ, намъ нужно идти еще далѣе... Путь прогресса — путь безконечный!

Господинъ Лѣсковъ не принадлежитъ вполнѣ къ числу этихъ прогрессистовъ съ общими фразами и его статья дышетъ неподдѣльнымъ чувствомъ любви къ меньшимъ братьямъ; мы видимъ его искреннее желаніе помочь народу мѣрами, идущими не свыше, а предоставленными самимъ же народнымъ общинамъ, чувству ихъ собственнаго самосохраненія. Онъ боится только, что его не поймутъ, не прочувствуютъ вмѣстѣ съ нимъ всей важности и необходимости сближенія народа съ врачами и еще болѣе врачей съ народомъ. Исключеніе онъ дѣлаетъ только для нѣсколькихъ молодыхъ врачей, понимающихъ неестественное положеніе русскаго врачебнаго сословія въ русскомъ обществѣ, въ число которыхъ онъ включилъ и насъ. Смѣемъ утѣшить автора «Вопроса о народномъ здоровьи», что мы поняли все его благородное стремленіе; но къ сожалѣнію и въ его статьѣ мы нашли нѣсколько общихъ фразъ нашего всеугоднаго прогресса, вытекшихъ собственно изъ несовершеннаго

пониманія жизни нашего народа и состоянія нашихъ врачей. Это общія мѣста и могутъ составить пожалуй препятствіе къ тому, что большинство врачей можетъ не только не раздѣлять, но даже и не понять мыслей г. Лѣскова, чего онъ такъ хлопочетъ избѣжать. Онъ самъ вызываетъ мнѣніе о своей статьѣ сотрудниковъ газеты профессора Вальтера, и мы съ охотою отзываемся помочь ему въ этомъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе что г. Лѣсковъ въ тѣхъ мѣстахъ своей статьи, гдѣ онъ говоритъ объ отношеніи народа къ врачамъ, основываетъ свой взглядъ *отчасти* на нашихъ же статьяхъ, помѣщенныхъ въ «Современной Медицинѣ». Задача съ нашей стороны трудная и болѣе тяжелая, потомучто намъ приходится сказать, будто мы сами уже вполне изучили жизнь русскаго народа, что у насъ повтому нѣтъ общихъ фразъ, нѣтъ экзальтированныхъ мыслей, а все такъ прямо, непогрѣшимо и выходитъ изъ многосторонняго званія русской избы и ея обитателей съ ихъ сѣрыми свитами и грязными лаптями. Нѣтъ, спѣшимъ оговориться. Мы знаемъ эту жизнь настолько, насколько она сама успѣла броситься намъ въ глаза и заявить разныя фазы своего существованія. Мы не старались изучать ее съ напередъ-расчитаннымъ и размѣреннымъ взглядомъ, подводя подъ узкія рамки нашего собственнаго кругозора, и если мы взялись судить о предметѣ, который долженъ войти въ среду нашей народной жизни, то будемъ говорить о немъ только на основаніи того, что сами видѣли и испытали, различая тутъ, насколько можно, отвлеченныя теоріи отъ практики. Мы также можемъ быть нѣсколько односторонни или общи, ибо не весь же народъ русскій имѣлъ удовольствіе показать себя передъ нами и раскрыть свои язвы, но зато по мѣрѣ силъ выикнемъ *нѣсколько глубоко* въ ту жизнь нашего сѣраго люда и нашихъ врачей, которая протекла передъ нашими глазами. Начнемъ съ исторіи.

Костомаровъ (въ статьѣ о значеніи В. Новгорода, «Отеч. Зап.» 1862) раздѣляетъ русскую народность на двѣ совершенно отличныя одна отъ другой: государственную, захватившую въ себя верхній слой народа, и народность массы, лишонную своего проявленія и всякихъ правъ самостоятельности. Наше служащее врачебное сословіе входило до сихъ поръ въ составъ первой изъ этихъ народностей и долго вращалось только въ ея кругу, забывая, что на Руси существуетъ еще особый міръ съ его глубоко-затаенными вѣрованіями въ свою самобытность и въ право на собственную самостоятельность. Врачъ считался чиновникомъ. Его водили въ мундирѣ, давали чины и съ самаго момента полученія диплома налагали на него тяжелую обязанность лечить съ отвѣтственностью и штрафами за неисполненіе; мундиръ и чины впрочемъ не дали врачамъ ника-

кихъ правъ самодѣтельности для народной пользы и только подчинили ихъ безпрекословно различнымъ властямъ и контролямъ. Изъ разныхъ статей нашихъ современныхъ медицинскихъ газетъ видно, что въ городахъ даже самыя мелкія гражданскія власти, какой-нибудь Держиморда или тюремный надзиратель могли располагать ими по своему произволу; начальники инвалидныхъ командъ ежегодно *атестовали* поведеніе врачей при городскихъ больницахъ. Ограничивъ гуманный кругъ дѣйствій врача формальною обязанностью, дали ему очень незначительное жалованье и предоставили въ тоже время заботу о бѣдной меньшей братіи его собственному человеколюбію. Врачамъ *уезднымъ* сказано было, чтобы они, если не имѣютъ служебныхъ обязанностей въ уѣздѣ, имѣли *постоянное пребываніе въ городахъ*. Впослѣдствіи учреждены врачи окружныя, которымъ дано въ распоряженіе отъ трехъ до четырехъ уѣздовъ (часто болѣе тысячи верстъ въ окружности и съ нѣсколькими десятками тысячъ крестьянъ). На разѣзды и для леченія этой массы назначали нѣсколько десятковъ рублей, объ расходѣ которыхъ требовалось самаго акуратнаго отчета до копѣйки. Въ имѣніяхъ удѣльныхъ одному врачу поручали лечить крестьянъ чуть ли не цѣлой губерніи. Принявъ нѣмецкую систему раздѣленія медицинскаго труда, предоставили приготовленіе лекарствъ и *дробную продажу* ихъ особому классу — аптекарямъ, причѣмъ содержаніе послѣднихъ основано единственно на барышахъ, которые можно было извлечь изъ этой продажи: такимъ образомъ въ медицинскій міръ, кромѣ бюрократіи, внесень спекулятивный духъ торговли и барышничества насчетъ страждущаго человечества! Въ городскихъ больницахъ главными начальниками поставлены лица, вовсе незнакомыя съ медициною, стѣснившія до-нельзя всякое свободное проявленіе гуманной дѣятельности врача и его личности, которая чрезъ то обратилась въ какое-то пассивное лицо, равное нулю. Изъ столичныхъ аптекъ на счетъ казны возили въ больницы такихъ городовъ черезъ сотни верстъ ящики лекарствъ, въ число которыхъ входили конопляное сѣмя, ячмень, медъ, бумага, холстъ и поношенныя тряпки, какъ-будто всего этого нельзя было нигдѣ достать кромѣ столичныхъ аптекъ!

Тяжелымъ гнетомъ легло на провинціальное врачебное сословіе наше такое неестественное устройство. Постоянная зависимость отъ бюрократическаго управленія, ежегодныя поборы за право держаться на мѣстѣ дали мундирному врачебному сословию нашихъ городовъ направленіе совершенно отличное отъ его настоящаго назначенія. Волей-неволей врачи дѣлались взяточниками — *conditio sine qua non* существованія. Еще недалеко улетѣло то счаст-

ливое время, когда за мѣста врачей въ рекрутскія присутствія давались большія деньги съ правомъ приобретать еще большія. Сожалѣніе и состраданіе къ ближнему, которое всѣ привыкли ставить идеаломъ врача, были только однимъ словомъ, маскою, которою покрывалось недоброе, безчувственное сердце, точно также какъ подъ личиною правосудія скрывалась продажа совѣста и не- правда. Нелегко было каждому входившему въ эту жизнь по- лому поколѣнію побороть и изгладить всѣ тѣ добрыя начала, кото- рыя оно выносило изъ своего образованія; не сила брала свое, ибо выхода не было. Старшее поколѣніе своею онекою поглатило эти начала; гнетъ, нужда и время неказывали, что прямою дорогою идти къ цѣли трудно, а опереться было неначто. Лучшія силы наши гибли даже безъ всякой борьбы, ибо довольно было и одного страха. Въмѣсто чувства внутреннего долга у насъ была только одна обрядность, бесполезная вышность, пустой формализмъ. Мы по- вратились, и въ инерціи своей исторической жизни мы безотчетно и безгласно неслись по ложной дорогѣ точно такъ же, какъ неслись и другія извращенныя силы нашего чиновнаго ядра. Общественную пользу замѣнили у насъ узкій эгоизмъ и личные интересы. Нѣтъ, не до этой пользы было нашимъ офиціальнымъ врачамъ, не до сельскихъ лечебницъ, не до миссіонерства къ православному рус- скому народу! Да и кому вообще было въ то время дѣло до этого производительнаго населенія? Почему же только врачи, жившіе сами подъ гнетомъ тяжелыхъ обстоятельствъ, должны были соста- влять исключенія? Впрочемъ исключенія были, но они доставля- лись въ удѣлъ болѣе счастливымъ и болѣе свободнымъ личнос- тямъ.

Въ такомъ состояніи прожили мы вѣковую жизнь почти до той поры, когда силы наши стали откликаться на общій зовъ всероссій- скихъ нуждъ. Органомъ нашихъ потребностей сдѣлалась болѣе все- го провинціальная газетка «Современная Медицина». Новое поглядѣ- ніе стало поговаривать въ ней объ устарѣвшихъ уже недостаткахъ, стало толковать о господствовавшей до сихъ поръ страшной духотѣ, сжимающей просторъ свѣжихъ, еще не испорченныхъ силъ медицин- ской молодежи. Инициатива этого пробужденія безспорно принадле- жить кievскому профессору Вальтеру и доктору Лѣскову. Старое по- колѣніе врачей, привыкшее впопалѣ къ ненормальному порядку ве- щей, сжившееся съ рутинною, въ первое время жестоко оскорблялоя этими стремленіями молодежи и порывалось отстоять своимъ веткія права или лучше свое дряхлое безправіе. Какой-то членъ управы чуть не продалъ проклятію г. Лѣскова и его послѣдователей. Но свѣжее вѣяніе жизни взяло таки верхъ и теперь мы на рубежѣ не-

вой жизни. Вирочемъ потокъ медицинской журналистики о нашихъ социальныхъ интересахъ неуспѣлъ и до сихъ поръ еще слиться съ общими литературнымъ русскомъ потокомъ. Наши интересы до сихъ поръ мало ходили въ кругъ литературы или оставались ею незамѣченными. Авторъ «Вопроса о народномъ здоровьи» въ началѣ своей статьи говоритъ, что причиною этого была односторонность взглядовъ: одни писали о страданіи большого народа, другіе о тяжелыхъ положеніи врачей. Мы замѣтимъ при этомъ, что невыносимое положеніе самыхъ врачей давало имъ право заговорить сперва о себѣ самихъ и о способахъ выдти изъ этого положенія, чтобы имѣть возможность быть вполне полезными народу. Въ самомъ дѣлѣ, пока сами врачи будутъ лишь пассивными орудіями медицинской и немедицинской бюрократіи, лишенными правъ на человѣческое достоинство, до тѣхъ поръ не можетъ быть и рѣчи о сближеніи ихъ съ народною массою. Мы должны имъ быть благодарны и зато, что врачи сами уже стали по крайней мѣрѣ разоблачать свои собственные недуги, хотя и между ними до сихъ поръ существуютъ двѣ партіи, изъ которыхъ старая пожалуй стоитъ противъ всякой реформы. Еще недавно, въ прошломъ году, нашу официальную медицину называли «больнымъ организмомъ». Дайте же время этому организму самому избавиться отъ своихъ недуговъ, окрѣпнуть въ своихъ силахъ и тогда уже требуйте отъ него, чтобы онъ началъ дѣйствовать и для народа! Мы сомнѣваемся, чтобы наши официальныя врачи при теперешнемъ ихъ положеніи могли сдѣлать что-нибудь совершенное для сельской медицины. Въ наше время молодое поколѣніе врачей, только-что выходящее изъ стѣнъ университетовъ, кажется со страхомъ смотритъ на своихъ собратій, облеченныхъ уже въ гражданскій мундиръ. Правда, военная медицина наша успѣла уже уйти нѣсколько впередъ и вздохнуть свободнѣе, но въ ней уже нѣтъ мѣсты: такъ два года назадъ въ военно-медицинскомъ департаментѣ на двѣ вакансіи было 124 прошенія (Совр. Мед. 1861 № 36). На это-то молодое, еще неиспорченное, но по немнѣнію лучшихъ нѣтъ вольнопрактикующее поколѣніе врачей, которыхъ г. Лѣсковъ называетъ *враздвошатающимися*, и должно обратить все вниманіе тѣмъ, кто такъ ратуетъ о пользѣ сельской медицины. Странно, что мы, почти ежедневно слыша вопли о ненормальномъ положеніи официальныхъ врачей и устарѣломъ, безобразномъ устройствѣ нашихъ госпиталей и больницъ, въ тоже время жаждемъ заводить врачей и лечебницы въ селахъ по примѣру существующихъ въ городахъ. Не значить ли это только расширять прежній ригоризмъ, вносить въ непочатый еще міръ рутину, разгружающуюся остатки гнилого зданія? Медицинская молодежь какъ тся

хорошо стала понимать это и предпочитаетъ лучше шатающаяся вслухъ, чѣмъ вступать въ область мертваго застоя. Зато какое широкое поле прище для дѣятельности ея могъ бы открыть собою этотъ незначительный еще quasi-необразованный міръ, замкнутый въ самокъ себя, съ своими грубыми, но дѣтски-простодушными вѣровавіями и тысячелѣтнимъ опытомъ тяжелой исторической жизни!

Оставивъ нашей официальной медицинѣ думать о своей резервѣ, хлопотать о новыхъ правахъ на свою самостоятельность и труднымъ, медленнымъ путемъ совершать свое возрожденіе, мы взглянемъ лучше теперь на то новое дѣло, которое только-что начало занимать наши мысли. Нашему времени предстоитъ раздѣлится тѣ возможные пути, которыми слѣдуетъ идти миссіонерамъ-врачамъ на столь трудное дѣло — устройство сельской медицины. Это кажется своего рода новый крестьянскій вопросъ. Народъ нашъ до сихъ поръ былъ напуганъ нашими чиновными врачами, долго смѣтрѣвшими на него презрительными взглядами съ высоты своей государственной народности. Онъ до сихъ поръ не понималъ настоящаго значенія врачей, потому что видѣлъ по большей части ихъ ложную сторону, ненормальное проявленіе ихъ мнимой чиновной власти, выходящей изъ той народности, къ которой они до сихъ поръ принадлежали. Въмѣсто человѣческаго достоинства онъ видѣлъ въ нихъ чиновную силу, частицу той общей силы, предъ которою онъ вообще привыкъ преклоняться. Намъ приходится на умъ одинъ фактъ, который можетъ нѣсколько охарактеризовать это отношеніе нашего простолюдина къ официальному врачу. Нѣсколько лѣтъ назадъ одинъ изъ нашихъ хирурговъ дѣлалъ кровавую операцію на лицѣ—крестьянину или солдату, ужъ не помню. Долго терпѣлъ этотъ послѣдній, молча сносилъ необходимые разрѣзы; наконецъ стало невмочь. «Ваше вскородіе, *позвольте* крикнуть! сказалъ онъ: — не могу... не-всутерпѣ!» Хирургъ засмѣялся и позволялъ. «А-а-а-ай!» заревѣлъ во все горло оперируемый и чуть не зашалакалъ отъ неожиданной лоброты сердца хирурга! А пусть полюбуются защитники стараго порядка хоть тѣми сценами, которыя представлены наприимѣръ въ статьѣ «Неспособный», помѣщенной въ «Современникѣ» 1860 г., гдѣ главный докторъ госпиталя тыкаетъ пальцемъ въ животъ больного солдата, а концомъ своей перчатки пробуетъ пульсъ его, и этими приемами глубокомысленнымъ тономъ рѣшаетъ его участь! А вѣдъ все это снято съ натуры! Не дай-богъ, если нашему народу навяжутъ этихъ чопорныхъ, надутыхъ quasi-врачей, требующихъ, чтобы больной стоялъ передъ ними на вытяжку. Вообще вопросъ о сближеніи врачей съ народомъ кажется въ сущности почти тотъ же, какъ и вопросъ о сближеніи съ нимъ нашего *образованнаго* со-

словіи вообще, который теперь занимает нашу литературу. Какъ тутъ, такъ и тамъ въ настоящее время видно только пока *одно желаніе* благомыслящихъ людей, — чтобы наше образованное сословіе освободило съ себя лишнюю гордость и сбросило обветшалыя формы своей барской спѣси, — желаніе, которое нелегко перевести въ дѣйствительность. И тутъ затрогивается вопросъ о вѣковыхъ различіяхъ нашихъ сословій и ихъ преимуществахъ, о самопожертвованіи, воинахъ и о самоуничтоженіи, объ которомъ недавно возбудилъ столько толковъ органъ славянофиловъ «День». Вотъ почему, говоря о сельской медицинѣ, мы полагаемъ болѣе надежды на врачей, которыхъ г. Дѣсковъ придаетъ названіе «праздношатающихъ», но у которыхъ наша служебная привилегированная спѣси можетъ быть еще не вполне вошла въ плоть и кровь, а неестественное устройство нашей больной медицины еще не лишило обычной энергіи и не врывало въ анацію. Врачебная помощь въ селеніяхъ до сихъ поръ возлагалась на врачей уѣздныхъ, но и то только тогда, когда въ нихъ открывались болѣзни эпидемическія, вроде тифа, осы и проч. Главными распорядителями тутъ были «уѣздные комитеты народнаго здравія», въ которыхъ впрочемъ уѣздные врачи играютъ пассивную, совершенно подчиненную роль. Тутъ все зависитъ отъ исправниковъ, предводителей дворянства и прочихъ полюбившихъ же блюстителей народнаго здравія вовсе съ ними незнакомыхъ.

Чтобы дать читателямъ понять, какъ обеспечивается въ нашихъ селеніяхъ народное здоровье даже и теперь, мы приводимъ слѣдующій отрывокъ изъ жизни уѣзднаго врача.

Если въ какой-нибудь деревенькѣ откроется людской моръ или скотскій падежъ, то вотъ какой затѣвается длинный процессъ для его прекращенія. Десятскій этой деревни, видя что людъ или скотъ мереть уже повашутку и что уже многія Акулины, Ховри, Степанылы воюютъ во весь голосъ по своимъ мужьямъ и отцамъ или по коровамъ и бычкамъ, отправляется, почесавъ затылокъ, къ сотскому. Сотскій долженъ пріѣхать въ эту деревню и освѣдомиться въ дѣйствительности факта; потомъ въ свою очередь обязанъ отправиться къ становому съ приличными поклонами для донесенія ихъ милости, что вотъ такъ и такъ. Становой, поругавъ сотскаго, зачѣмъ онъ допустилъ въ свой участокъ чортъ-знаетъ какія болѣзни, о донесеніи сотскаго доноситъ земскому сулу, а сей въ лицѣ исправника, какъ главы комитета народнаго здравія, извѣщаетъ уѣзднаго врача и проситъ его отправиться въ такую-то деревню для ~~прекращенія~~ зловреднаго опустошенія «чернаго населенія или рога-таго скота». Процедура эта тянется обыкновенно недѣли двѣ. Уѣзд-

ный врач отвечает суду, чтобы тот сдѣлалъ распоряженіе о выдачѣ ему изъ казначейства на оный проѣздъ прогонныхъ денегъ. Судъ увѣдомляетъ, что денегъ оныхъ выдать нельзя, ибо о семъ не было разрѣшенія высшаго начальства. Врачъ снова проситъ судъ объ отысканіи какой-нибудь возможности доставить его на мѣсто происшествія (а людей-то или скотъ между тѣмъ все отправляется да отправляется въ елисейскія). Наконецъ судъ присылаетъ врачу обывательскихъ лошадей. И вотъ наконецъ-то уѣздная медицина выѣхала на парѣ деревенскихъ клачь!

Прѣзжаютъ на перемѣнный пунктъ.

— Лошадей! кричитъ врачъ на какую-то бородастую фигуру.

— Пожалуйте ваше высокое... благо... билетъ? вѣсто отъѣзда спрашивается въ свою очередь фигура.

— Какой билетъ?

— Билетъ... изъ суда билетъ... на получение стало-быть лошадей билетъ. Нонѣ безъ билета лошадей давать не велѣно. Имя тепереча, нужно-нужно, разные... те-есть... стали на вширикъ лошадей вѣтеръ гонать: опрости значить ставевого и...

— Да какъ ты смѣешь еще рассказывать? Давай лошадей — вотъ и все! Я по казенной надобности! Миѣ часъ дорогъ! кричитъ се взрывомъ глѣва уѣздный медикъ.

— Не моглиъ знать! отвѣчаетъ мужикъ. — Сами можете пострадать за еѣто... отъ начальства значить приказъ, чтобы безъ билета...

Часовой споръ впрочемъ оканчивается мировою. Въ городъ обратно посылается гонецъ, что дескать прѣехалъ какой-то барникъ и кричитъ значить что-пниаестъ мочи — подавай лошадей! вѣзде и записку прислалъ къ исправнику. Исправникъ, прочитавъ записку, заливается смѣхомъ. — «Ха-ха-ха! восклицаетъ онъ. — Нашему доктору мужики не даютъ лошадей! Вотъ умора! Да ктожь это сдѣлалъ? Эй! позвать, кто тамъ привезъ эту записку? Скажи ты братецъ своимъ, — обращается онъ къ гонцу — что я вамъ, мерзавцы, всѣмъ борода приказу выщипать, передеру васъ всѣхъ до единого! Какъ вы смѣли распорядиться тамъ по-своему? Сейчасъ чтобы была тройка, слышишь? И билетъ отдай въ руки самому барнику. Вотъ потѣха! скажите право!» продолжаетъ исправникъ, радуясь въ душѣ, что успѣлъ показать свое служебное превосходство передъ своимъ врачомъ.

Разсерженный врачъ, проспавъ часовъ пять въ ожиданіи отѣѣта, прѣзжаетъ кой-какъ въ деревню превращать моръ. Мужики обыкновенно стараются не мустить его къ себѣ на квартиру, по той простой причинѣ, что намѣстивіе инновлеменниковъ въ деревнѣ во-

обще похоже на извѣщеніе сарани въ полѣ; но раболѣпный десятскій, если онъ только еще случится на-лицо, *отведать* ему наконецъ квартиру въ *лучшей* избѣ, выгоняя изъ нея все живущее и выбрасывая все лишнее, могущее оскорбить взоръ уѣздной власти. Глухой десятскій! ему и въ умъ не приходитъ, что уѣздному врачу во двѣднъ его службы квартиры въ селеніи по закону не полагаются.

— Ну что, ребята, сколько васъ перемерло? обращается наконецъ успокоившись врачъ-чиловникъ къ созванному деревенскому міру.

— Таперь слава-бogu не такъ стало, отъбачаетъ міръ: — а вотъ *от перной-то* ящерицы, неча-сказать, вышло! У Прохора Дыкелерова двѣ бабы да пару ребятшекъ въ одну медвѣжу на погостъ свисали, у Дениса...

— Всего-то сколько, всего? что ты мнѣ Дениса припутываешь! перебиваетъ врачъ, которому для своего годового отчета нужна болѣе всего *цифра*.

— Хтожъ ихъ считать-то будетъ? Извѣстное дѣло, помретъ, — ну и похоронятъ, а считать ихъ кому дѣло? Мертвыхъ душъ, кормилецъ, нечего считать! Это уже по ревизіи будетъ видно.

— Чѣмъ же вы лечитесь?

— Да что, ваше благородіе! всѣмъ, *кто что* раетъ: острую водку съ дегтемъ давали, рѣдкой терли; да нѣтъ, не беретъ: брехня это все!

— Покажите-жъ мнѣ хоть одного. Гдѣ ваши больные?

— Извольте, ваше благородіе, вотъ хоть сюда, въ первую хату! спымаются все тотъ же десятскій. — Тутъ у Пантелея Сидорова невѣстка шестой день на ноги не встаетъ.

Входятъ. Авдоровы собаки первыя привѣтствуютъ почтенную компанію, залазаясь своимъ выглитыиъ лапъ. Запеченая курица наба полна дыму, выходящаго изъ затопленной селомою печи и вылетающаго во всѣ возможные отверстія избы. На полу возлѣ стола лежитъ больная крестьянка на соломѣ, уткнувшись носомъ въ подушку, покрытая какою-то грязною воддевкой. Рядомъ съ нею талешекъ, привязанный къ лавкѣ и лежащій на матеріалхъ собственнаго приготовленія. Самъ дядя Пантелей, чинившій на дворѣ конуть, оставилъ свою работу, снялъ шанку и вопресительно смотритъ, что будетъ дальше?

— Куда-жъ тутъ идти-то? спрашиваетъ подождая къ двери докторъ, которому пахнувшій въ носъ и глаза дымъ загородилъ дорогу.

— Воть большая-то, ваше высокородіе, на полу лежитъ, указываеъ десатскій.

— Ахъ вы изверги! Развѣ жъ можно больную держать въ дыму-то? Вѣдь она задохнется.

— Ничего, ничего, баринъ, виѣшиваеъся дядя Пантелей: — намъ не привыкать-стать; дымъ не доходитъ до полу, не то еще бываеътъ, а сносимъ...

— Тѣщи же ее сюда!

Дядя Пантелей первый входитъ въ избу и кое-какъ выводитъ больную невѣстку предъ свѣтлыя очи доктора.

— Ну скажи, чѣмъ ты, матушка, больна? спрашиваетъ этотъ.

— А? отвѣчаеътъ ошеломленная баба, сама незная о чемъ ее спрашиваютъ и чего имъ отъ нея нужно.

— Что акаешъ-то? Что ты чувствуеъшь теперь, спрашиваетъ а? Вѣсть хочешъ?

— Нѣтъ, баринъ, не вѣсть она уже день пять, перебиваеътъ вздыхая дядя Пантелей.

— Что ты, что ты, Сидорычъ! не грѣши, батюшка! вдругъ отъывается старуха, жена пантелеева. — Вчера ввечеру она два огурочка соленыхъ съѣла, сердечная, и то не всѣ, отъ другого половинка осталась; а что пить, такъ вотъ, баринушка, все гущу квасную да гущу; кажется она бы ее ведро въ день выпила.

— Вотъ и лечи васъ! начинаеътъ опять докторъ, которому послѣ богатыхъ городскихъ будуаровъ становится какъ-то оскорбительно-неловко глядѣть на этотъ будуаръ русскаго мужика: — вы живете, прости-господи, какъ свиньи; больная ничего не вѣсть, а вы ей на пустой желудокъ суеъте огурцы да квасъ и хотите, чтобъ выздоравливать. Такъ вамъ и надо. Всѣ перемрете, коли будете кормить ее всякою дрянью.

— Ахъ, батюшка! вновь заговариваеътъ, скрещивая руки, жена пантелеева: — сама она просить, сама; нѣшто-жъ ей помирать-стать не вѣмши? Стало-быть нутро ее требуетъ, коли просить. Какая-жъ я мать-то ей, что отказывать стану? Вѣдь всякая скотина, кормилецъ ты мой, и та... Но Пантелей, толкнувъ ее въ бокъ, шепчеътъ ей: — Молчи, дура баба; иди себѣ, ишь языкъ-то у тебя длинный!

А докторъ прибавляеътъ, указывая на больную: — Ну, убирай ее опять къ телятамъ. А гдѣже другіе больные?

Мужики переглядываются: кому стало-быть опять идти на очередь? потому видать, что дѣло идетъ уже съ начала несовсѣмъ ладно.

Обойдя дворовъ пять, докторъ опять обращаеътся къ міру со слѣдующими словами:

— Нуе, ребята, вижу что дѣло-то у васъ плохо; больныхъ ва-

нихъ надо лечить. Вотъ вы выберете-ка кого-нибудь, да пусть онъ съѣздитъ съ городъ за лекарствами, а я пропущу, да расскажу вамъ, что съ ними надо дѣлать; слышите?

— А съ кого же, ваше высокородіе, деньги будутъ брать за эти лекарства? спрашиваетъ десятскій.

— Съ кого деньги? это, братецъ, ужь не мое дѣло. Послѣ будете вѣдаться: тамъ ваше начальство само разбереть, съ кого деньги. Васъ лечить, съ васъ и деньги.

— Нѣтъ, баринъ, ужь помилосердствуйте вы надъ нами, начинаеть хоромъ все собраніе: — окажите уже намъ эдакую, что-пинаость милость! Неизвольте вы лечить насъ бѣдныхъ-то, горемычныхъ: и такъ мы уже пострадалисъ! мы за васъ вѣчно будемъ Бога молить! Неутруждайте вы насъ лекарствами; обдерутъ они съ насъ за нихъ цѣну-то непомерную! Нерады мы будемъ и жистя своей черезъ нихъ, да и больеть-то наша проходить уже сама стала! Ахъ, Богъ милостивъ, скоро и совсѣмъ перестанеть! Ваше благородіе! мы вамъ ужь и лошадокъ-то изготовили. Гдѣ вамъ жить тутъ у насъ, въ хатахъ-то нашихъ закопченныхъ, марать свои бѣлыя руки! Недостойны мы значить, чтобы ваше благородіе пребывали тутъ. Извольте вотъ откушать у насъ вина да хлѣба-соли, что Богъ послалъ, да и не безнойтеса тутъ!..

Умилостививенный чѣмъ Богъ послалъ, докторъ не возражаетъ.

— Хорошо, хорошо! Я сейчасъ ѣду; только ты, десятскій, поди сосчитай, сколько умерло и сколько всѣхъ больныхъ — для статистики государственной вѣдь нужно, понимаешь? Да живѣе!

— Слушаю-съ.

— А вы, ребята, ступайте по домамъ: дѣла больше нѣту! Да огурцовъ не давать! а то я къ вамъ опять приѣду.

— Не будемъ, не будемъ! отвѣчаетъ расходящійся съ поклономъ ширь, радуясь, что баринъ-то человекъ еще добрый, много зла не сдѣлалъ.

— Во, черти его принесли! Ливизоръ! мертвыхъ ему подавай! слышитесь потому между расходящеюся толпою. — Не горюй, Ерема; скоро принесли, скоро и вынесутъ!

И докторъ, выѣзжая за околицу деревни, также радуется, что исполнилъ съ точностью свой служебный долгъ, возмеченный на него судомъ по землію уѣзднаго врача, и можетъ теперь донести, что имъ приняты всевозможныя и зависѣвшія отъ него мѣры къ прекращенію болѣзни.

— Ударю же и я тебя когда-нибудь, думаетъ онъ только, прощипывая шею. — Постой, будешь а ты пыхтѣть!

Мы нарочно привели этотъ небольшой эпизодъ изъ жизни уклад-

наго врача, чтобы хотя нѣсколько познакомиться тѣмъ, которые не отыскали еще смѣтритъ на все общество радужныя цвѣты призма. Это одна изъ картинъ нашей современной оффициальной медицины въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ, обнаруживающая то отношеніе, въ какомъ доселѣ стояли между собою наша служебныя врачи и народъ. Показавъ, что эти врачи непризнанны для сельской медицины. Хорошо еще, что они по закону обязаны жить поочередно въ городахъ и выѣзжать въ уѣзды только по *долгамъ службы* (для «отропшенія» и «уничтоженія надешей») и те не на своей волѣ. Если г. Лѣвовъ хотируетъ за избирательный, или что то же, за именной способъ введенія врачей въ селенъ, то очевидно, что этого при настоящемъ порядкѣ вещей нельзя примѣнить къ нашимъ уѣзднымъ врачамъ, не очень любимымъ народомъ. Почти подобнымъ же образомъ практикуются у насъ и обязанности врачей окружныхъ и кажется уѣздныхъ. Недостаточность средствъ на содержаніе и на разѣзды, обширность пространства возрѣннаго района, ограниченный кругъ въ дѣйствіяхъ, скудный каталогъ медикаментовъ, наконецъ требованіе строгой отчетности въ численныхъ данныхъ относительно заболѣвшихъ, умершихъ, выздоровѣвшихъ, прибывшихъ и пр., заставляющее врачей выдумывать и писать пообумъ имъ къ чему поведущія числа, наконецъ суевѣріе, невоздержность, беспочвенность, неподвѣріе и бѣдность самихъ престолянъ — суть причины, по которымъ и тутъ стоитъ на первомъ планѣ одна формальность. Оттого этихъ врачамъ выгодише сидѣть у себя дома, чѣмъ разѣзжать безъ всякой пользы. Да это кажется и справедливо. Впрочемъ здѣсь обстановка все-таки лучше и потому исключеній найдется гораздо больше, чѣмъ между уѣздными врачами. Вѣроятно наши сельскія общины при свободѣ найма вовсе не будутъ имѣть желанія собирать себѣ врачей изъ того класса, который вводитъ въ разрядъ его начальства. Мысль нанять себѣ начальника покажется всякому странною, а оффициальныхъ врачей простонародіе до сихъ поръ считало дѣйствительно начальниками. Всѣ же попытки сближенія, которыя были до сихъ поръ сдѣланы врачами, поселившимися въ селахъ, во большей части принадлежатъ врачамъ вольнопрактикующимъ. Итакъ вольнопрактикующими врачами въ селахъ могутъ быть только неоффициальные, т. е. сложившіе или еще не возложившіе на себя бюрократической одежды современнаго покроя. Эти также врачи могутъ еще принести себя въ жертву народной пользѣ и выстѣтъ съ собою внести свѣжіе плоды науки въ невоздѣланное поле народной жизни, перосшее до сихъ поръ бурьяномъ. Они могутъ положить собою сѣмена для дальнѣйшаго развитія научной сельской медицины. Этихъ только врачей и можетъ пожалуй принять къ себѣ народъ. Надобно

желать только, чтобы обстоятельства для этого развитія были болѣе благопріятны, нежели тѣ, при которыхъ, какъ показываетъ наша исторія, развилась у насъ бюрократическая медицина. Въ особенности неудобно желать этого потому, что первый шагъ всегда бываетъ труденъ и что все зависитъ отъ начала: тутъ что посеешь, то и пожнешь. Прежде всего нужно возможности опредѣлить и уничтожить разные препятствія, которыя могутъ встрѣтаться намъ на пути нововведенія. Со стороны молодыхъ врачей кромѣ самоотверженія потребуется прежде всего извѣстнаго рода практичность и знаніе условій народной жизни: безъ этого они не могутъ скоро сблизиться. Народъ нельзя перемѣнить сразу; но для того, чтобы замѣнить его къ лучшему, необходимо, по словамъ г. Лѣскова, жить съ жнццо т. е. его интересами, обычаями, преданіями, пожелай даже его суевѣріемъ и предрассудками: тутъ нужно пожалуй дѣйствовать сперва съ *подходцемъ*, нужна нѣкотораго рода двуличность, но вмѣстѣ съ тѣмъ и искусство не казаться двуличнымъ, и выродить народъ изъ суевѣрія. Врача, который выросъ не на почвѣ народной, народъ сводимъ и не признаетъ и будетъ смотрѣть на него какъ на барина, котораго не грѣшно и надуть, потому что онъ хотя и живетъ съ нами, да все же не свой братъ. Однимъ словомъ, чтобы быть врачомъ крестьянина нужно самому пересоздать самого себя въ крестьянина, сохранивъ только превосходство своего образованія. Таковы требованія отъ будущаго сельскаго врача, проводимыя и г. Лѣсковымъ. Задача и трудъ несомнѣнъ-то легкиа и не всякимъ выполнимыя.

Разберемъ дальнѣйшія примѣненія наемной системы.

Всякій наемъ требуетъ знанія взаимныхъ условій, а главное — взаимное пониманіе требованій другъ друга. Такъ, если вы хотите нанять себя домъ, то прежде всего узнаете все его подробности и цѣну, а въ свою очередь узнаете и о васъ, о вашей честности на раскладу, умѣнь пользоваться домомъ безъ вреда хозяину и пр. Это заставляетъ и насъ взглянуть нѣсколько глубже въ тѣ условія введенія сельской медицины, знаніе которыхъ необходимо для взаимной пользы обѣихъ сторонъ. Посмотримъ сперва съ медицинской точки зрѣнія, какова та масса народонаселенія, которая готовится для нашихъ будущихъ сельскихъ врачей, каковы въ настоящее время принципы ея жизни, какой взглядъ ея на самое сословіе врачующихъ?

Масса эта, составляющая собой сѣрое населеніе, представляетъ, какъ известно, и до сихъ поръ еще загадку для образованныхъ людей несомнѣнъ-то легко позволяющую разгадывать свой внутренній міръ дже дѣлтъ, которые вертятся ежедневно въ ея средѣ. Масса эта,

прожившая тысячу лѣтъ, выработала свой собственный взгляд на всякій предметъ, взглядъ пожалуй странный и непонятный для насъ, но глубоко запавшій въ ея духовное созерцаніе жизни, вошедшій въ ея кровь, воплотившійся въ ея нравы, обывалъ и составляющій ту загадочную особенность русскаго крестьянина, которою мы всѣ такъ интересуемся. Эта же масса имѣетъ свой особенный взглядъ и на медицину и на врачей. Взглядъ этотъ выработывался не теоріею науки, а постепенно самъ собою выходилъ изъ природы русскаго человѣка, изъ его исторической жизни, точно также какъ выработывался у народа его взглядъ на своего батюшку царя, на духовенство, барина-помѣщика, чиновника, молодого купчину, на добраго молодца, на свѣтъ красную дѣвицу. И у него образовалась своя народная медицина, точно также какъ народная поэзія, свои колдуны-знахары, дѣды-порченики, старухи-заговорщицы и шепотухи, свои чѣры и зелья, свой особенный гербарій приворотныхъ связобій и кореньевъ. Не на нѣмецкой наукѣ было все это основано, а на преданіяхъ старины, на наследственной передалѣ, на болѣзни непосвященныхъ въ силу непостижимаго и необъяснимаго обыденнаго живннго; на глубокомъ знаніи семейной жизни и умственныхъ недостатковъ народа со стороны его знахарей. О медицинскомъ анализѣ почти не имѣла никакого понятія. Вѣра въ чудесное, разукрошеннаго пылаю, живою народною фантазіею, была одною изъ тѣхъ общенародныхъ дружинъ, за которыя крѣпко держались народные врачи. Обычай, суевѣріе вѣка, отчасти таинственный страхъ и особенно вѣра во всемогущество знахарства поддерживали этихъ врачей въ мнѣніи народа и въ свою очередь были ими поддерживаемы. Контроль во всѣхъ дѣйствіяхъ отлагался одному Богу и суду собственной совѣсти, неосвѣщаемой вышнимъ, духовно-образованнымъ чувствомъ. Ясно, что все знаніе этихъ врачей основывалось отчасти на грубой эмпириі, отчасти на бессознательномъ приобретеніи разныхъ секретовъ врачеванія. Дѣйствія ихъ сосредоточивали въ себѣ и добро и зло, и пользу и вредъ; но не всѣ знахары могли привести себя въ сознаніе своихъ дѣйствій и дать себѣ полный отчетъ: чего они доставляли больше — пользы или вреда? Никогдѣ возбужденія страстей не заставляли ихъ иногда злоупотреблять своими доморощенными знаніями съ умысломъ. Народъ могъ ихъ любить и наказывать не своему; нѣкоторые пользовались у него авторитетомъ; это нѣкоторые были часто жестоки и колдуновъ иногда топили въ рѣкахъ и жгли на кострахъ. Иные занимали въ одно и тоже время мѣсто и врачей и шутовъ; но главная особенность ихъ состояла въ томъ, что всѣ они не составляли собою никакой отдѣльной, привилегированной касты съ особыми правами, а принадлежали самому же народу. Не-

лщина составляла для нихъ тоже что умѣнье играть; у иныхъ была даже некуствомъ для искусства, хотя у насъ она не достигла такого значенія, какъ напримѣръ у египтянъ и грековъ, гдѣ она пошла въ руки жрецовъ и пріютилась въ языческихъ крамахъ, исходныхъ точкахъ будущей науки.

Болѣзнь народъ почиталъ чѣмъ-то единичнымъ (*ens*), олицетворяя ее въ видѣ какой-то неясной силы, загадочныхъ существъ, которымъ безграничная фантазія его придавала видъ то страшныхъ чудовищъ, гнѣдящихся въ невиданныхъ мѣстахъ тѣла, то какой-то невѣдомой морчи, напущенной злымъ колдуномъ—недругомъ, то просто недоброму глазу. Весьма многія болѣзни различнаго рода сводились въ одно неопредѣленное слово — *кровь* или *простуда*. Вообще болѣе заботились о словахъ, чѣмъ о сущности болѣзней, которыя считали чѣмъ-то враждебнымъ, находящимся *внѣ* природы человѣка. Объяснить зависимость происхожденія болѣзней отъ ненормальнаго образа жизни, воздуха, пищи, жилища итд и въ умъ не приходило. Было ли хорошо, худо, а всё жили такъ же какъ жили и предки, и то-же ѣли и пили что дѣды и отцы: а предки наши, какъ извѣстно, любили, невѣдая никакой гигиены, поѣсть и попить въволю, начиная отъ столицы до послѣдней деревеньки.

Точно также какъ болѣзнь олицетворяли въ злую, нечистую, разрушающую силу, инстинктъ или опытъ выставляла какъ антагонизмъ ея — добрую, цѣлительную силу, олицетворявъ ее во всемогущемъ словѣ знахаря или его снадобъяхъ. Сила выгоняетъ силу — вотъ девизъ нашей народной медицины, и какъ первая вѣдряется въ тѣло почти мгновенно, такъ требовалось, чтобы и противоположная ей лекарственная сила дѣйствовала какъ можно скорѣе. Тотъ изъ колдуновъ почитался болѣе всемогущимъ, кто однимъ уже наговоромъ усылалъ ех *abiguro*, сразу, какъ рукой снять всё козьи, напущенныя злымъ человекомъ. Какъ во время вечерней или утренней зари знахарь можетъ силою невѣдомой власти распускать болѣзнь во всѣ четыре стороны, также точно можетъ онъ и снимать ихъ единымъ словомъ своего могущества, но уже болѣе сильнымъ, чѣмъ то, которымъ болѣзнь нанущена. Потому допускались знахаря съ различною степенью могущества и силы. Они могли наказать ихъ и снимать ихъ по произволу. Народъ отчасти уважалъ ихъ, отчасти боялся, но не тѣмъ дрожавшимъ страхомъ, какъ предъ лицомъ воеводы или капитанъ—исправника, а внутреннимъ инстинктивнымъ страхомъ собственной фантазіи. Очевидно, что въ кругу знахарей былъ произволъ дѣйствій, которому не было границъ.

Замѣчательно, что знахаря были у насъ всегда враждебны другъ другу, отчего у насъ никогда не успѣла образоваться народная вра-

чебная корпорация, и все ихъ званія и чары, будучи скрытыми до-
етовиємъ только немногихъ, представляли собою какой-то хаосъ,
изъ котораго никогда не могла выработаться никакая наука. Сколь-
ко они доставляли царю пользы или вреда, мы не знаемъ, но ви-
димъ по крайней-мѣрѣ, что дѣйствія ихъ были безсознательны и
основывались на одномъ произволѣ. Въ ихъ рукахъ польза и вредъ
были безразличны, потому что знахари не объясняли себѣ ни суще-
ности, ни законовъ болѣзненныхъ разстройствъ, ни дѣйствій сво-
ихъ чаръ и зелий иначе, какъ одними невѣдомыми силами и вѣрою
въ то, чего сами не понимали. Все они своими вліяніемъ на народъ
поддерживали въ немъ суевѣріе и были настоящею помѣхою для
проведенія въ народѣ истины, выработанныхъ враческою наукою.
Народъ не имѣлъ никакого понятія о важности гигиены и о простѣй-
шемъ взглядѣ на здоровье и болѣзнь, основанномъ на законахъ ра-
зума. Не разумность, а вѣра руководила имъ, когда ему нужно было
обратиться къ врачу. Знахари превращали эту вѣру въ суевѣріе.
На знахаря народъ смотрѣлъ какъ на особеннаго человѣка, знаніе
котораго дано откуда-то свыше и состояло во всевѣдѣніи и всемо-
гуществѣ. Такой же взглядъ народъ имѣетъ и на врачей.

Все это въ нашихъ городахъ, селахъ и деревняхъ сохранилось
въ основныхъ своихъ чертахъ и донынѣ, съ разными отгѣнками,
зависающими отъ времени, мѣстностей, понятій, обычаевъ и усилъ-
ховъ цивилизаціи, съ тою только разницею, что въ некоторые кол-
дуны ходятъ теперь даже въ иришеляхъ и что знахарей уже не
топятъ и не жгутъ, а сѣкутъ и сажаютъ въ тюрьмы, а самое заня-
тіе ихъ получило названіе «шарлатанскаго леченія».

Нынѣшняя научная медицина и ея современные послѣдователи
имѣютъ взглядъ совершенно противоположный вышеописанному
нами вѣрованію народа. Не безотчетное слѣдованіе преданію, но
суевѣріе и мистицизмъ составляютъ нынѣ ея принципы, а вытѣл-
вый анализъ, законы разума, даже отрицаніе человѣческаго моу-
щества, которымъ такъ гордятся послѣдователи знахарства. Бо-
лѣзнь не считаютъ за силу, напущенную невѣдомымъ лиходѣемъ и
находящуюся внѣ природы человѣка, а нарушеніемъ гармониче-
скаго устройства его тѣла и его отправленій, подлежащимъ общимъ
законамъ природы. Болѣзнь не признаютъ за что-либо единичное,
особое существо, котораго удалить мы можемъ словомъ или невѣ-
домыми чарами. И лекарство (въ тѣсномъ смыслѣ) также не есть
сила, противоположная разрушительной силѣ, а такое же вещество,
какъ и все тѣла природы съ физическими и химическими свойства-
ми. Въ нихъ нѣтъ ничего сверхъестественнаго, и называя ихъ, мы
дѣйствуемъ не на болѣзнь, какъ силу или существо, а только на са-

ную матерію или на процессы, которые совершаются въ ней, измѣняя ихъ качественно или количественно, чѣмъ собственно и обуславливается выздоровленіе. Такъ мы нисколько не можемъ дѣйствовать на самое воспаленіе, но можемъ оставить больного въ тѣхъ условіяхъ, при которыхъ этотъ процессъ могъ бы окончиться безъ вреда для тѣла, но и то не абсолютно. Тутъ дѣло идетъ не въ обладаніи всемогущею тайною силою, сосредоточивающеюся въ лекарствахъ и изгоняющею другую, также неизлечимую силу, а только въ условіяхъ, при которыхъ возможно выздоровленіе. Мы доставляемъ помощь собственно не лекарствами, а извѣстными дѣйствіями (*methodus medendi*), которыя производятъ лекарства. Такъ лекарства могутъ доставлять сонъ, успокоивать, увеличить или уменьшить какое-нибудь отдѣленіе или выдѣленіе организма, произвести жаръ или холодъ въ немъ и тѣмъ только могутъ дѣйствовать на ходъ и причины болѣзни, но не на самую болѣзнь, напримеръ воспаленіе. Вся разница между врачами не въ большей или меньшей силѣ ихъ неизлечимаго всемогущества, а въ умѣнныя примѣнять эти методы. Не «сила должна выгонять силу» служить девизомъ вышедшей медицины, а возможность поставить больного въ хорошія условія, при которыхъ болѣзнь могла бы окончиться выздоровленіемъ силами самой природы человѣка, причемъ лекарства могутъ только помогать природѣ, а не измѣнять ее, и дѣйствуютъ не на болѣзненную силу, а на организмъ человѣка. Врачъ поэтому есть во мгновенный цѣлитель, а руководитель для исцѣленія. Понятно, что не отъ назначенія одного только лекарства зависитъ излеченіе.

Мы привели эти два противоположные взгляда — народа и врачей — для того, чтобы показать, какъ разнятся ихъ пониманія одного и того же предмета и какъ различны между собою должны быть ихъ требованія, а въ виду предстоящаго введенія научной медицины въ селахъ и основаннаго еще на наймѣ, т. е. на взаимномъ согласіи взаимныхъ сторонъ, знаніе этихъ противоположностей намъ казалось необходимымъ. Тутъ дѣло не въ одномъ только назначеніи лекарствъ за 20 коп. сер.: это будетъ лишь одна внѣшняя сторона, которая можетъ правиться развѣ людямъ, глядящимъ на предметъ весьма поверхностно. Условія выздоровленія состоятъ главнымъ образомъ не въ эликсирахъ долголѣтствія, но въ устраненіи всего что можетъ *препятствовать* этимъ условіямъ; а препятствій для выздоровленія (или что тоже, для успѣшныхъ дѣйствій врача) въ нашемъ простонародьи очень много: одна бѣдность да суевѣріе стоятъ всѣхъ другихъ. Мы желали поэтому показать, что будущимъ нашимъ сельскимъ врачамъ предстоитъ много труда при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ для свободнаго сближенія съ на-

родомъ, и что прежде нежели броситься въ село, нужно многое пообсудить и поразмыслить, какъ еще примѣнить свои познанія въ новой обстановкѣ и въ тоже время неударить себя лицомъ въ грязь. Съ другой стороны мы хотѣли показать, чего должно и можно требовать в отъ самихъ врачей.

Поэтому, некасаясь еще экономическихъ расчетовъ, мы теперь уже спросимъ: возможно ли при такихъ условіяхъ вполнѣ примѣнить въ селеніяхъ *избирательный способъ* введенія врачей, какъ предлагаетъ авторъ «Вопроса о народномъ здоровьи», т. е. способъ избирать и удалять врача по произволу? На чемъ будетъ основываться это избраніе и удаленіе? Народъ пожалуй скажетъ: если хорошъ — будемъ держать, если негоденъ — удалимъ; но на чемъ будетъ основываться это сужденіе: хорошъ или худъ? Это не наемъ работника или учителя, и не избраніе сельскаго старосты, и не приобрѣтеніе пожарной трубы! Дѣло какъ-видно не такъ легко, какъ бы думалось съ перваго раза. Тутъ нужно вочто бы вистало угодить какому-нибудь дядѣ Пантелею и угодить какъ можно *скорѣе*, несмотря на то, что его невѣстка будетъ лежать въ дыму вмѣстѣ съ телятами и ѣсть огурцы да квасную гущу! Иначе дядя Пантелей пожалуй закричитъ: «нехорошъ, долой его! деньги беретъ, а пользы съ него нѣтут!» Докторскій дипломъ, для полученія котораго нужно убить половину жизни, обратится при этихъ словахъ дяди Пантелея въ совершенный нуль. Самый послѣдній деревенскій знахарь станетъ поддерживать мнѣніе дяди Пантелея и всѣми силами стараться о томъ, какъ бы скорѣе сбыли съ рукъ нанятого врача, а г. Лѣсковъ между тѣмъ будетъ вотировать за освобожденіе врачей отъ обязанности противодѣйствовать какимъ бы то нибыло образомъ доморощеннымъ врагамъ научной медицины. И вотъ изъ-за двухгривеннаго да десятка яицъ и куска масла начинается страшная конкуренція между образованнымъ студентомъ, невѣрующимъ въ могущество своей науки, и сѣденькимъ старичкомъ, наивно нашептывающимъ заговорную водицу и въ простотѣ сердца прибавляющимъ въ нее «мелкаго сахарцу» съ порошкомъ бѣлены и смѣло увѣряющимъ, что лихо пройдетъ черезъ три зоря. Старичку знаніе не стоило ни гроша, студенту медицинское образованіе обошлось тысячами. На чьей сторонѣ будетъ перевѣсъ, мы рѣшать не беремъ; мы знаемъ только, что въ медицинѣ нѣтъ ничего абсолютнаго и что въ жизни врача, какъ говоритъ почтенный ветеранъ нашей науки, Н. И. Пироговъ, бываетъ время разочарованія.

Если ввести избирательный способъ, то примѣненіе его возможно только тогда, если опредѣлится въ точности требованія народа; а удовлетворить имъ при наймѣ могутъ и не одни врачи образован-

ные: на эти условія могутъ явиться и знахаря, и фельдшера, и даже люди, ищущіе разныхъ приключеній; а по теоріи г. Лѣскова никто не вправѣ запретить народу избирать кого ему угодно. Народъ прежде всего станетъ смотрѣть на цѣну; чѣмъ дешевле, тѣмъ оно и лучше. Пожалуй онъ припомнитъ и свою пословицу: дорого да мило, дешево да гнило; но кто же его узнаеть, которое тутъ мило, которое гнило? въ голову къ нему не влѣзешь! А народъ нашъ и до сихъ поръ не знаетъ никакого различія между своимъ простякомъ-знахаремъ или фельдшеромъ и заморскими лекарями и докторами. Для него это рѣшительно все равно. Ему нуженъ только тотъ, кто *скоро* лечить да *дешево* беретъ, а не ученые теоретики съ докторскимъ дипломомъ, проповѣдывающіе отрицаніе могущества науки, которыхъ число на земномъ шарѣ размножается съ каждымъ годомъ. Народъ пожалуй рассуждаетъ о какомъ-нибудь врачѣ и такъ: «онъ, когда твердѣзъ, ничего не понимаетъ, а кола порядкомъ выпьетъ, то насквозь видитъ все въ человѣкѣ: тутъ-то у него и самый умъ!» Мы не думаемъ, чтобы кто-нибудь изъ образованныхъ врачей, въ виду сближенія съ народомъ, сталъ бы исполнять это требованіе его. Кромѣ того избирательный способъ предполагаетъ уже понятіе о *нѣсколькихъ* врачахъ, явившихся къ народу на конкурсъ, а не объ одномъ лицѣ. Совмѣстить это въ одно время очень трудно; но если община, избравъ одного врача, дастъ ему извѣстный участокъ земли, который онъ успѣетъ обработать и станетъ уже ожидать жатвы, и въ то же самое время вдругъ изберетъ другого, то этимъ рушится всякое довѣріе врачей къ обезпеченію своего труда со стороны общины, тѣмъ болѣе что право избранія и удаленія будетъ основываться на одномъ произволѣ. Вотъ почему намъ и казалось, что сказать: «врача должна избирать сама община», непонимая разныхъ частности, какія при этомъ могутъ встрѣтиться, какъ сдѣлалъ авторъ «Вопроса о народномъ здоровьи», будетъ только общее мѣсто. Г. Лѣсковъ сравниваетъ введеніе врачей въ селенія съ общественнымъ устройствомъ пожарной части; но намъ кажется, что ни одинъ изъ врачей не согласился бы поставить себя въ одну паралель съ инструментомъ, изъ котораго можно только выкачивать воду! Время сравненій кажется ушло у насъ уже далеко вмѣстѣ съ своимъ представителемъ Марлинскимъ. Мы требуемъ уже не сравненій, а анализа. Пожарный снарядъ есть *вещь*, которою дѣйствуетъ *народъ* для охраненія *собственности*, а врачъ есть *лицо*, которое дѣйствуетъ *на народъ* для сохраненія его *здоровья*. Разница тутъ весьма велика какъ въ сущности, такъ и въ способѣ содержанія.

Первообразомъ нашей сельской научной медицины, несомнѣннѣй въ вѣдѣніи общихъ правительственныхъ медицинскихъ учрежденій, были у насъ до уничтоженія крѣпостного права врачи въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, которые почти всюду теперь отживаютъ уже свое время. Тутъ также существовалъ наемный или избирательный способъ. Ценою этого избранія былъ качество диплома по ученую степень, отчасти личный взглядъ помѣщика и болѣе для него хорошая плата деньгами и натурою. Врачъ тутъ зависѣлъ единственно отъ воли помѣщика; единица зависѣла отъ единицы. Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ были свои больницы, и аптеки, и прислуга, и лошади для разъѣздовъ врача. Въ наше время воля одного лица уже переходитъ въ цѣлую общину: воля прежней единицы дробится на части. Прежде эти части *должны* были принимать участіе въ дѣлѣ цѣлой единицы, такъ какъ содержаніе больницы и врача *невольнo* падало на долю каждаго крестьянина. Прежде плата врачу шла огуломъ; теперь она должна дробиться на части. Прежде каждая часть неминуемо должна была *платить*; теперь это невозможно дѣлать или вовсе отказаться: никто не принудитъ извѣстныхъ членовъ общины нанимать врача, потому что наемъ желаютъ сдѣлать свободнымъ, необязательнымъ отъ правительства. Г. Лѣсковъ, предлагая свой избирательный способъ, именно упустилъ изъ виду это обстоятельство: если общинамъ дать право избирать врачей, не обязавъ имѣть ихъ, то можно быть увѣреннымъ, что никакого избранія не послѣдуетъ.

Взглянемъ теперь на экономическія условія найма, которыя разумѣется составляютъ его главную основу.

Всего болѣе надобно бы было желать, чтобы въ нашихъ селеніяхъ поселились врачи, одушевленные истиннымъ человеколюбіемъ къ своимъ меньшимъ братьямъ и посвятившіе всю жизнь свою и средства на уходъ и утѣшеніе страждущихъ за самую ничтожную плату или, если можно, даже вовсе безвозмездно. Это было бы съ ихъ стороны высокое христіанское самоотворженіе. Такихъ обыкновенно и представляютъ идеаль врачъ. Но къ сожалѣнію такіе идеалы въ свѣтѣ подаются рѣдко, точно также какъ очень рѣдко въ жизни можно встрѣтить такого богача, который бы раздалъ все свое имѣніе нищимъ и взялъ на себя тяжелый крестъ жизни. Въ нашемъ обществѣ, какъ извѣстно, обыкновенно смотрятъ на науку не какъ на цѣль, а какъ на средство жизни. Справедливы ли или нѣтъ такой взглядъ, но обыкновенно изученію медицины посвящаютъ себя небогатые люди, предполагая, что примѣненіе ея къ практикѣ можетъ доставить болѣе выгодъ, чѣмъ изученіе другихъ наукъ. На изученіе медицины тратится капиталъ, который,

предполагается, въ послѣдствіи долженъ приносить огромные проценты. Довольство, выпавшее на долю нѣкоторымъ счастливымъ практикамъ, обыкновенно служитъ примѣромъ, подстрекающимъ молодежь безотчетно изучать эту трудную, но довольно вѣтрную науку. О сельской медицинѣ нѣтъ у ней тогда еще и помину. Большая часть молодыхъ людей прежде всего стараются по большей части отыскать — золотую арену практики! Люди же, посвятившіе себя одной наукѣ, часто избѣгаютъ практики вовсе. Это отчасти опровергаетъ тотъ взглядъ, что медицина есть наука чисто-практическая. Золотая арена практики основывается такимъ образомъ на маломъ прибрѣтенныхъ куплею знаній на матеріальныя выгоды.

Такой взглядъ на жизнь впрочемъ присущъ нашему времени во всемъ и во всѣхъ и потому не станемъ слишкомъ строго осуждать, если и послѣдователи медицины также слѣдуютъ этому направленію своего вѣка. Самоотверженіе очень похвально, но ни для кого не обязательно, а человеколюбіе и состраданіе къ ближнему составляютъ вообще принадлежность всякаго человѣка, а не одного врача, и составляя проявленіе одного сердца, не прибрѣтаются никакимъ знаніемъ и образованіемъ ума. Правда, разсматривая предметъ съ такой точки зрѣнія, мы отступаемъ отъ представленія идеала врача, но мы разсматриваемъ не идеалы, а живыхъ людей съ ихъ слабостями и недостатками, а потому и смотримъ на жизнь неупуская изъ виду и темной стороны ея.

Итакъ чѣмъ болѣе прибрѣтенныя знанія доставляютъ врачу матеріальныхъ выгодъ, тѣмъ и стараніе его бываетъ усерднѣе, даже самое человеколюбіе его можетъ тогда обнаружить себя въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Вообще и здѣсь исполнѣ примѣнимо то правило политической экономіи, по которому чѣмъ больше вознагражденіе, тѣмъ трудъ производительнѣе, хотя наоборотъ (чѣмъ трудъ производительнѣе, тѣмъ болѣе вознагражденіе) случается вообще гораздо рѣже. Изъ этого слѣдуетъ, что привлечь въ селенія врачей можно только ничѣмъ другимъ, какъ выгодными условіями жизни и хорошимъ вознагражденіемъ за трудъ. Если же въ настоящее время, по словамъ г. Дѣскова, въ университетскихъ городахъ молодые врачи сидятъ сотнями безъ дѣла и не идутъ въ села, подобно г. Тулушеву, то это показываетъ только, что или они къ этому не приготовлены своимъ образованіемъ, или что для нихъ такая служба невыгодна, что вознагражденіе за трудъ въ селахъ вѣрно не можетъ соответствовать цѣнности предполагаемаго труда и времени и не скоро можетъ вознаградить потерянный капиталъ на изученіе медицины. Разумѣется и въ можно слѣдуетъ упрекъ, что у нихъ мало человеколюбія къ своимъ низшимъ братьямъ, которые, какъ говоритъ г. Дѣсковъ,

гибнуть безъ врачебной помощи; но замѣтимъ, что *заставить* кого бы то нибыло приносить себя въ жертву другому никто не имѣетъ права. Заставить любить другого наружно еще можно, но внутренне никогда: это житейская истина. И кажется, что лучше основать устройство сельской медицины на прочныхъ экономическихъ началахъ, чѣмъ на какомъ-то неопредѣленномъ чувствѣ, которое въ примѣненіи къ медицинѣ — въ сущности общая фраза. Человѣколюбіе въ медицинѣ есть что-то неопредѣленное и существуетъ только въ идеѣ: кто не знаетъ какіе нечеловѣколюбивые приемы употребляетъ она изъ человѣколюбія! Этими мы впрочемъ не сколько не отрицаемъ у врачей ихъ человѣколюбія и милосердія, но желаемъ только замѣтить, что неслѣдуетъ также требовать со стороны врачей и совершеннаго отрицанія самихъ себя въ пользу народа. Вообще ревнители народной пользы въ порывѣ увлеченія *требуютъ* для народа жертвъ, между тѣмъ какъ это должно быть предоставлено на *волю* cadaго. Два года назадъ, когда составлялось общество вспомошествованія нуждающимся литераторамъ, наши первые журналы пожертвовали только *по одной копѣйкѣ съ подписчика*, а когда дошло дѣло до врачей, то уже и кричатъ, чтобы еще жертвовали *всѣмъ*, чѣмъ можно; между тѣмъ какъ въ то же самое время университетское образованіе, а слѣдовательно и *изученіе медицины*, становится съ каждымъ годомъ все *дороже и дороже*, и на это не обращается уже никакого вниманія. Врачи повтому требуютъ для себя большаго вознагражденія, а для пользы народа желаютъ, чтобы оно было сколь возможно малое, даже если можно равное нулю: требованія, противоположныя совершенно одно другому! Но должно замѣтить, что дѣятельность практическаго врача принесетъ пользу только при извѣстномъ количествѣ платы, потребномъ на покрытіе его издержекъ, необходимыхъ при подобнаго рода службѣ, втеченіи всей жизни. Всякое вознагражденіе ниже этого уровня будетъ производить ущербъ и для его дѣятельности: уменьшится вознагражденіе, уменьшится и трудъ и польза. Можно пожалуй и за ничтожную плату найти охотника, но въ сущности это будетъ лишь удовлетвореніе одной внѣшней сторонѣ, другими словами — *только замѣщеніе ваканціи*; а будетъ ли изъ этого польза — это вопросъ уже другой. Г. Лсковъ предлагаетъ обезпечить сельскаго врача какъ обезпеченъ сельскій священникъ; мы замѣтимъ, что наше сельское духовенство очень бѣдно: кто не знаетъ, какъ часто наши сельскіе священники пашутъ сами землю и молотятъ *вмѣстѣ съ своими прихожанами*? Наконецъ обязанность священника большею частью ограничивается однимъ отправленіемъ *требъ*; искусства, особаго знанія и опытности отъ него никто не требуетъ. Дѣло

врача совѣтъ другое: отъ него требуется постоянное занятіе наукою, усовершенствованіе въ ней, что сопряжено всегда съ издержками, тѣмъ болѣе что сельскій врачъ долженъ уже поневоля быть специалистомъ по всѣмъ частямъ своей науки; а ежели онъ будетъ такъ же бѣденъ, какъ сельскій священникъ, то пользы для народа ожидать отъ него нельзя.

Плата врачамъ можетъ быть денежная, и что гораздо выгоднѣе для народа, — натурою: землею, сѣнокосами и другими произведеніями; но это не такъ важно. Важнѣе рѣшить, что выгоднѣе — плата ли огуломъ или дробная, подобно тому, какъ ее получаетъ сельское духовенство? И та и другая имѣтъ свои выгоды и невыгоды. Плата огуломъ при круговой порукѣ выгоднѣе для врача, потому что вполне можетъ гарантировать его существованіе и заставить его имѣть условіе съ одною общиною, а не съ каждымъ членомъ ея въ отдѣльности; для народа она невыгодна потому, что тогда врачъ будетъ дѣйствовать въ пользу отвлеченной идеи общины, часто минуя интересы отдѣльныхъ личностей, хотя эти послѣднія будутъ въ отношеніи его имѣть всѣ и всегда одинаковое, равное значеніе. Плата дробная невыгодна для врача потому, что слишкомъ хлопотлива и не можетъ его вполне обезпечить, ибо многія личности найдутъ выгоднымъ для себя и не вносить ее; а не внесетъ одинъ, тоже сдѣлаетъ и другой, и третій; прибѣгать же вслѣдъ за тѣмъ къ судебному разбирательству общины тутъ вовсе нейдетъ. Невыгодна она и для народа, потому что врачи будутъ тогда оказывать предпочтеніе людямъ богатымъ и равенство отдѣльныхъ членовъ общины предъ врачомъ исчезнетъ: на первомъ планѣ будетъ тогда уже интересъ врача, а не интересъ цѣлой общины.

Но однимъ условіемъ найма врачей въ селенія еще не кончается все дѣло устройства сельской медицины. Мы обращаемся теперь къ другимъ вспомогательнымъ средствамъ врачеванія. На первомъ планѣ тутъ стоитъ устройство аптекъ и лечебницъ. Какъ завести въ селеніяхъ аптеки? Принять ли тутъ за основаніе нынѣшнее учрежденіе официальныхъ аптекъ въ городахъ, или искать другихъ средствъ? Если учредить въ селеніяхъ аптеки подобно существующимъ въ городахъ, то для народа не будутъ уничтожены тѣ препятствія, какія существуютъ теперь; разница будетъ только въ уменьшеніи разстоянія въ полученіи лекарствъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ неминуемо рухнетъ вся теперешняя система содержанія аптекъ въ городахъ, основанная на монополіи, признанной правительствомъ. Въ статьѣ своей «о провинціальныхъ аптекахъ» (Совр. Мед. 1862, № 7) мы показали, что нарушеніе монополіи аптекъ, т. е. увеличеніе количества ихъ ведетъ къ ухудшенію качества ихъ, т. е. къ не-

дестаткамъ, которые не могутъ быть терпимы безъ вреда для общественнаго здоровья, хотя плата за худой матерьялъ остается все-таки тою же самою, какъ и за хорошиЙ. По нашему мнѣнію вовсе не слѣдуетъ отнимать отъ врача права отпускать лекарства, въ чемъ мы совершенно согласны съ г. Лѣсковымъ; но прибавимъ къ этому, что слѣдуетъ предоставить врачу полное право и имѣть самому аптеку. Община должна нанять врача со всѣми его принадлежностями, а раздѣленіе труда будетъ зависѣть уже отъ него самого; не нанять же община отдѣльно аптекаря, хирурга, химика и пр.; объ этомъ она не имѣетъ и понятія. Но предоставивъ врачу самому готовить и отпускать, община должна платить ему уже огуломъ; дробная же плата въ такомъ случаѣ поведетъ къ самымъ мелкимъ безпорядкамъ и системѣ мелкаго барышничества. Г. Лѣсковъ предлагаетъ увеличить количество аптекъ, но онъ не предвидитъ, что это имѣетъ то вредное послѣдствіе, что при конкуренціи аптекари вмѣсто приготовленія и отпуска лекарствъ займутся сами леченіемъ. Впрочемъ авторъ и не желаетъ предоставлять монополію научному врачебному сословію: изъ его статьи видно, что онъ защищаетъ свободу всѣхъ возможныхъ людей, претендующихъ на професію врача. Не говоритъ онъ также, кому долженъ принадлежать и надзоръ за аптеками, безъ котораго вредныя послѣдствія неминуемы. По нашему мнѣнію, если аптеки сосредоточатся въ рукахъ самихъ врачей, то выгоды будутъ очень велики для всѣхъ: 1) для народа уничтожится такса, которая въ наше время представляетъ самую крайнія несоразмѣрности; 2) при платѣ врачу огуломъ, поселянинъ не будетъ платить вовсе за лекарства; 3) лекарства будутъ идти отъ самого врача, а не изъ разныхъ мѣстъ, гдѣ они могутъ имѣть разное качество, часто вовсе несогласное съ вѣрностію врача; 4) лекарства не будутъ назначаться попусту, для пользы одной аптеки, и по возможности будутъ употребляться въ простомъ видѣ, недорого, слѣдовательно по большей части *незаграничными*. Этимъ самымъ установится *престота леченія*, о которой такъ много хлопочетъ современная наука, и въ тоже время сберегутся въ рукахъ общины аптекарскіе барыши и уничтожится привозъ изъ заграницы веществъ дорогихъ и часто лишнѣхъ. 5) Уничтожатся многія мелкія аптеки, неудовлетворяющія самымъ необходимымъ потребностямъ и только обманывающія врачей; зато возвысятся хорошія; уничтожится конкуренція мелкіхъ, зато сохранится монополія лучшихъ и богатѣхъ столическихъ и губернскихъ аптекъ, а конкурсъ между ними долженъ въ нихъ еще болѣе. Врачи могутъ получать все нужное для нихъ изъ этихъ послѣднихъ, а не изъ провинціальныхъ, гдѣ чѣ

ваеть только гниль да негодный бракъ. Даже желательнo бы было вовсе изгнать изъ нашихъ рецептовъ латинскія названія лекарствъ, а писать ихъ порусски; французы уже давно пишутъ ихъ на своемъ отечественномъ языкѣ. Зачѣмъ скрывать отъ народа то, что должно быть извѣстно всякому? Если же не дать врачу никакой самостоятельности, то безъ лекарствъ и другихъ необходимыхъ принадлежностей леченія онъ дѣйствительно будетъ похожъ на пустую пожарную трубу: какъ эта послѣдняя сама по себѣ нисколько не можетъ обезпечить знаніе отъ пожара, такъ наемъ и персоны врача самой по себѣ нисколько не будетъ полезенъ для народнаго здоровья.

Устройство лечебницъ въ селеніяхъ составляетъ также дѣло не легкое, хотя необходимое. Уже одно то, что лечебница, *правильно* устроенная, можетъ представить многія удобства для выздоровленія въ отношеніи воздуха, чистоты, пищи, правильнаго ухода и пр., чего не найдется во всякой крестьянской избѣ, доказываетъ ея необходимость. Сколько крестьянъ совершенно теряютъ зрѣніе единственно оттого, что во время болѣзни глазъ живутъ въ дымной кагѣ, а разныя заразительныя болѣзни кожи, поддерживаемыя постоянною нечистотою, распространяются въ деревняхъ часто на всю семью только оттого, что въ первое время некуда отдѣлить зараженнаго! Тутъ назначеніе лекарствъ не только бесполезно, но и составляетъ лишніи издержки. Народъ нашъ не любитъ больницы; но это оттого, что у насъ онѣ представляли до сихъ поръ уродливое устройство, что сами врачи лишены въ нихъ всякаго значенія, а больные подчинены орунговому порядку. Въ вышешнемъ уставѣ о больницахъ изложены даже правила, въ какомъ положеніи долженъ находиться больной въ постелѣ; рассчитано кажется даже разстояніе отъ вожекъ кровати, гдѣ должны стоять его туалы и даже сказано, въ какую сторону они должны быть обращены носами! Вообще вездѣ проведена военная субординація. Поэтому устройство сельскихъ лечебницъ съ такимъ же уставомъ для народа разумѣется есть дѣло совершенно лишнее. Народъ такъ же будетъ чуждаться какъ и прежде. Наконецъ въ нашихъ больницахъ нестерпимая скука; въ нихъ не существуетъ никакого различія между большими и выздоравливающими, которымъ приходится часто сидѣть сложа руки по недѣлѣ и по двѣ, даже запрещается прогуляться виѣ больницы. Я самъ однажды не могъ въ одной изъ лучшихъ казенныхъ больницъ быть болѣе недѣли, между тѣмъ какъ болѣзня моя, хотя требовала мѣсяца для излеченія, но позволяла мнѣ ходить и работать. Въ этомъ отношеніи наши больницы похожи на тюрьмы; между тѣмъ, еслибы не сознавали пользы существованія больницъ, то

ихъ бы не заводили. Чтобы онѣ приносили дѣйствительную пользу, нужно только устроить ихъ попрактичнѣе, веруководствуясь одними кабинетными и отвлеченными идеями. Впрочемъ нашъ офиціальнѣй уставъ относится собственно для больницъ губернскихъ городовъ; для уѣздныхъ даже нѣтъ собственно никакого устава: велѣно только руководствоваться тѣмъ, который написанъ для губернскихъ, хотя между тѣми и другими больницами огромная разница. Впрочемъ въ настоящее время кажется еще рано думать объ устройствѣ сельскихъ лечебницъ; онѣ могутъ быть основаны только при обстоятельствахъ лучшихъ, нежели теперь, когда процвѣтутъ и возьмутъ настоящую силу сельскія общины, когда образуются сельскіе банки и свободные капиталы. Вообще медицинское устройство можетъ процвѣтать только при изобиліи и привольѣ извѣстнаго края. Бѣдность же не создаетъ ничего, а особливо бѣдность, соединенная съ невѣжествомъ и стѣсненіемъ свободы.

Изъ всего этого мы видимъ, что процессъ введенія врачей въ селенія довольно сложенъ и не можетъ обойтись кажется дешево для народонаселенія, если только хотятъ, чтобы это введеніе было не одною формальностью, а приносило существенную пользу.

На многихъ дворянскихъ выборахъ былъ уже предложенъ вопросъ о сельской медицинѣ, но намъ къ сожалѣнію нигдѣ не приходилось читать, какъ онъ рѣшился. Мы напрасно передвѣстывали равныя періодическія изданія и не нашли ровно ничего.

Такъ мало занимаютъ нашу литературу медицинскіе вопросы! А дѣло требуетъ участія не однихъ врачей. Оно касается собою многихъ сторонъ нашего быта и не можетъ быть рѣшено односторонними выводами. Здѣсь нужны будутъ *посредники*, безъ которыхъ дѣло не обойдется, ибо интересы врачей и народа не кажутся совершенно одинаковыми, какъ утверждаютъ судя по теоріи, и жертвы должны быть обоюдныя. Такъ покрайней-мѣрѣ кажется намъ, смотрящимъ на предметъ безъ всякаго пристрастія къ какой-либо одной сторонѣ.

Кто же возьметъ на себя инициативу введенія сельской медицины? Само ли правительство, или врачи, или наконецъ общины и особые посредники? Г. авторъ «Вопроса» говоритъ, что вся работа не можетъ быть возложена на правительство, ибо дѣло не таково, чтобы его можно было устроить одними какими-нибудь мѣрами или распоряженіями. Онъ желаетъ, чтобы врачи первые сами сдѣлались *миссіонерами* къ народу. Нельзя не сочувствовать этому желанію почтеннаго автора, но въ тоже время нельзя и не замѣтить непрактичность такого желанія въ отношеніи *всей массы* врачей. Чтобы быть миссіонеромъ, нужно сперва быть къ этому достаточно приго-

товленнымъ и имѣть всѣ средства для выполненія трудной обязанности, нерасчитывая на известное вознагражденіе; а достаточно ли мы приготовили себя для этого дѣла? Вѣдь одной теоріи науки еще кажется слишкомъ мало. Неслѣдуетъ также утѣшать себя мыслью, что народъ (въ общемъ смыслѣ) не можетъ оставить безъ награды того, кто посвящалъ себя для него самого. Кто знаетъ духъ нашего народа, тотъ легко повѣритъ хотя наиримѣръ тому анекдоту, помещенному во «Времени», гдѣ русскій мужичекъ, увидѣвъ своего небожителя, который вытащилъ его утопающаго изъ воды, вмѣсто выраженія благодарности равнодушно говоритъ ему: «Ишь, собачій сынъ, вытащилъ!» Отчего наконецъ въ самой же средѣ нашего народа выработалась пословица: «не кормя, не поя, врага не наживешь?» По крайней-мѣрѣ по теоріи вѣроятностей мы не думаемъ, чтобы одни миссіонеры имѣли много шансовъ создать собою сельскую медицину на такомъ огромномъ пространствѣ, какъ Россія. Исключеніе, и то для немногихъ мѣстъ, могутъ развѣ сдѣлать тѣ врачи, которые приложеніе медицины не считаютъ средствомъ къ жизни; но этого нельзя отнести къ большинству врачей, которымъ образованіе обходится не дешево, а на однихъ исключеніяхъ далеко не уѣдешь. Виною этого разумѣется тѣ ненормальные принципы, на которыхъ основана отчасти жизнь нашего общества; но если этого не принять въ расчетъ, говоря о предметѣ чисто-практическомъ, то можно впасть только въ одну отвлеченности, которая легче сказать, чѣмъ примѣнить къ дѣлу. Если возстановленіе здоровья съ одной стороны, а изученіе медицины съ другой никому необходимо безъ издержекъ, то нельзя избѣгнуть и финансовыхъ воззрѣній. Г. Лѣсковъ говорить, что не общество создано для врачей, а врачи для общества. Мы не смѣемъ оспаривать эту великую истину, но прибавимъ, что врачи могутъ быть созданы для общества только *на счетъ* этого же самого общества. Иначе не можетъ быть никакой справедливости; а гдѣ нѣтъ справедливости, тамъ и невозможны никакія прочныя основанія жизни. Изъ этого очевидно вытекаетъ, что инициативы со стороны однихъ только врачей еще недостаточно для устройства сельской медицины. Нужно желаніе и содѣйствіе и со стороны самаго народа или его общины, и еще больше чѣмъ со стороны врачей. Г. Лѣсковъ дѣлаетъ выводъ, что народъ *гибнетъ* безъ врачебной помощи. Мы всеосвѣмъ раздѣляемъ этотъ выводъ. По нашему мнѣнію народъ живетъ только безъ врачей, имѣющихъ университетскіе дипломы, во *гибнетъ* ли онъ потому только, что у него нѣтъ этихъ врачей, а не по другимъ причинамъ — это еще вопросъ. Изъ того же, что къ народу пойдутъ миссіонеры-врачи, еще не слѣдуетъ, что онъ пере-

станетъ уже и гибнуть. Необходимо еще, чтобы врачи приносили пользу: а для этого, помимо ихъ присутствія, нужно много и другихъ условий, которыя отъ нихъ не зависятъ. Всякій согласится, что сами по себѣ врачи не могутъ еще гарантировать народное здоровье. Въ наше время помощью народу, кроме разныхъ дипломатовъ на врачебную науку, оказываютъ ему и фельдшера, число которыхъ въ селеніяхъ сравнительно велико. Они обладаютъ большими правами, нежели сами врачи, хотя эти права въ смыслѣ закона составляютъ контрабанду. Фельдшерамъ законъ далъ право *ходить за большими*; запрещая въ тоже время писать рецепты. Въ практикѣ вышло то, что фельдшера не пишутъ рецептовъ, но просто *продаютъ лекарства и лечатъ*. Они владѣютъ давно уже тѣмъ, чѣмъ врачи пока еще *домогаются владѣть*. Во многихъ селеніяхъ фельдшера распространяются волюнтарно и почти безконтрольно; власть же врачей стѣснена и подлежитъ постоянному контролю. Во многихъ селеніяхъ фельдшера давно уже живутъ почти на тѣхъ же условіяхъ со стороны народа, которыя теперь только-что стали предлагать врачамъ, хотя правительство объ этомъ ничего не знаетъ. Законъ, въ виду окрашенія принятой имъ монополіи врачей и аптекъ, запрещаетъ фельдшерамъ заниматься леченіемъ, но нисколько не наказываетъ за преступленіе себя, и этимъ самымъ гарантируетъ ихъ исполнѣ. Фельдшера говорятъ: «законъ запрещаетъ намъ лечить и продавать лекарства; но если мы не исполняемъ этого закона, то онъ не ставитъ намъ этого въ вину, ergo — мы можемъ лечить, т. е. имѣемъ тѣмъ же права, какъ врачи и аптекари *вмѣстѣ* и ничѣмъ отъ нихъ не отличаемся.» О томъ, каковы ихъ дѣйствія въ отношеніи народнаго здоровья, мы распространяться не будемъ, но скажемъ, что народъ безъ врачебной помощи гибнетъ далеко не вездѣ и не весь, какъ думаетъ г. Лѣсковъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ гибнетъ и при помощи фельдшеровъ! Результатъ слѣдовательно сводится къ тому, что общины могутъ развѣ замѣнить врачами фельдшеровъ на тѣхъ же условіяхъ жизни, на какихъ существовали эти послѣдніе, т. е. врачи должны замѣнить или лучше-сказать войти въ конкуренцію съ фельдшеризмомъ, который въ настоящее время *de facto* выигрываетъ за собою гораздо болѣе хорошихъ условій, нежели какія встрѣчаютъ нововводимые врачи. Такъ покрайней-мѣрѣ выйдетъ по теоріи доктора Лѣскова, отрицающаго монополію научнаго врачебнаго сословія. Но тѣ условія, какія выгодны для фельдшеровъ, могутъ быть невыгодными для врачей и для самыхъ общинъ. Последнимъ естественно придется возвысить бюджетъ на содержаніе медицинскаго части, отчего общины могутъ и отказаться и оставить дѣло *in statu quo*.

Такихъ образцовъ кажется трудно обойтись безъ вліянія посредниковъ. Только посредники не должны быть крайними сторонниками и увлекаться отвлеченностями дѣла. Надобно судить безпристрастно, принимая во вниманіе требованія, интересы и экономическій бытъ обѣихъ сторонъ, чтобы было такъ-сказать для каждаго «безобидно». Врачи разумѣется охотно пойдутъ въ селенія, но въ особенности тогда, если устранятся многія препятствія для свободы ихъ дѣйствій, въ особенности конкуренція съ фельдшеризмомъ и знахарствомъ.

Авторъ «Вопроса о народномъ здоровьѣ», допуская непркосновенность послѣдняго, основывался на одной статьѣ «Русской Рѣчи» за прошлый годъ. И «Русская Рѣчь», и г. Льсковъ, позаимствовавъ у насъ выраженіе, что «знахари умѣютъ успокоить и капризную жену, и дерзкаго мужа», вывели заключеніе, будто знахари горяче принимаютъ къ сердцу страданія народа и составляютъ для него чуть ли не ангеловъ-хранителей. Но въ нашей статьѣ это выраженіе имѣетъ совсѣмъ другой смыслъ, который незнаю почему «Русской Рѣчи» угодно было переименовать. Мы приводимъ это мѣсто цѣлкомъ изъ № 22 «Совр. Мел.» 1861 г.:

«Къ числу причаять, поддерживающихъ знахарей во мнѣніи народа, надобно отнести ихъ умѣнье жить, извѣстный тактъ аккомодации къ народнымъ нравамъ и обычаямъ: разумѣется, что этого никто не исполнитъ лучше бабушекъ, покрытыхъ морщинами, съ лукавою улыбкою, съ прибаутками, поговорками и обаятельными рѣчами, успокоивающими и плаксивое дитя, и капризную жену, и дерзкаго мужа.»

И далее:

«Врачи-самоучки въ свою очередь всѣми силами стараются усилить (къ врачамъ) антипатію въ народѣ. Но еслибы они ограничились только вышоптываніемъ и невинными травмами съ непремѣннымъ атрибутомъ ихъ — наставаніемъ на водкѣ, а главное, еслибы они имѣли необходимое качество врача — добросовѣстность, то бѣда была бы не очень велика. Тогда бы ихъ надобно было еще поддерживать въ народѣ и оставалось бы только дать имъ хорошее направленіе. Но для исполненія этого непреодолимымъ препятствіемъ служить: 1) вражда этихъ людей противъ врачей, порожденная корыстолюбіемъ; 2) желаніе совершенной свободы въ своихъ дѣйствіяхъ, безконтрольность дѣйствій, между тѣмъ какъ въ этихъ дѣйствіяхъ лежитъ часто ужасный источникъ зла...» Затѣмъ въ нашей статьѣ слѣзуютъ примѣры этого зла.

Ясно, что мы тутъ хотѣли выразить наше сожалѣніе о томъ, что невѣжество народа допускаетъ гнѣздиться въ себѣ вреду и об-

ману, дѣйствующему на него во имя пользы и унижающему наружкою ласкою влѣзть ему въ душу. Мы хотѣли сказать, что бѣдный народъ нашъ не въ состояніи понять, какое пагубное дѣйствіе часто происходитъ отъ его безсознательнаго довѣрія лицамъ, берущимся за дѣло, котораго они не понимаютъ, но которое можетъ удовлетворять ихъ корыстолюбивымъ цѣлямъ. Очень часто намъ приходилось видѣть ужасные примѣры слѣдотвій знахарскаго леченія: совершенную слѣпоту, обезображеніе лица, медленное отравленіе на всю жизнь ядовитыми лекарствами, самые мучительные приемы во время родовъ, ведущіе не къ пользѣ, а вреду и пр., предъ которыми упокоеніе пьянаго мужа или крика дитяти ровно ничего незначить. Мы сожалѣли о томъ, что врачи не могутъ замѣнить у народа его знахарей, находящихся въ самомъ бытѣ нашей общественной жизни. Ошибка автора «Вопроса о народномъ здоровьи» состоитъ именно въ томъ, что онъ не замѣтилъ этихъ грустныхъ для человечества фактовъ, которые мы приводили въ нашей статьѣ, и что говоря о народной пользѣ, онъ самъ старается поддержать тѣхъ, которые приносятъ народу одинъ вредъ. «Русская Рѣчь» пошла еще далѣе: въ послѣдній день своей земной жизни (31 дек. 1861) она извергла на насъ за тоже самое такую ожесточенную брань, что сама даже не перенесла ее и въ тотъ же самый день и умерла. Мы хотѣли возражать ей, но вспомнили, что *de mortuis aut bene, aut nihil*, и намъ осталось только утѣшать себя развѣ тѣмъ, что умерла «Русская Рѣчь», но никогда не умереть «русская рѣчь»! Есть еще одинъ способъ, могущій по нашему мнѣнію мирнымъ путемъ сблизить народъ съ научными врачами и въ тоже время скорѣе и глубже подѣйствовать на народную жизнь самымъ живительнымъ образомъ. Этотъ способъ состоитъ въ *соединеніи сельскаго священника и сельскаго врача въ одну личность*. Намъ по крайней мѣрѣ рассказывали объ одномъ подобномъ примѣрѣ, который сдѣлалъ бывшій орловскій архіепископомъ Смарагомъ, дозволившамъ одному врачу выслушать двухлѣтній богословскій курсъ въ семинаріи и сдѣлаться потомъ священникомъ. Матеріальное вознагражденіе такого лица въ селеніи тогда бы дѣйствительно удвоилось и могло вполне обезпечить его существованіе. Такой священникъ-врачъ соединялъ бы въ себѣ врачеваніе души и тѣла, былъ бы образованъ многостороннѣе нынѣшнихъ воспитанниковъ семинарій и многостороннѣе могъ бы дѣйствовать на народную нравственность, проводя въ народѣ религіозно-гигіеническія правила жизни. Тогда бы быть-можетъ и при самыхъ храмахъ образовались бы у насъ и ломы для призранія разныхъ несчастныхъ и лечебницы; тогда бы можетъ-быть уничтожилось само-собою и знахарство, и разнымъ сус-

вѣрїя, которыхъ въ настоящее время не совершенно чуждо и самосельское духовенство. Припомнимъ, что медицина родилась въ языческихъ храмахъ подъ вліяніемъ мистицизма жрецовъ: отчего же и христіанскимъ храмамъ не дать у себя мѣста этому благодѣтельному гению чловѣколюбія подъ вліяніемъ христіанскихъ началъ священниковъ—врачей?

Разсмотрѣвъ разбираемый нами предметъ насколько было возможно по мѣрѣ нашихъ наблюденій народной жизни, мы въ свою очередь заявляемъ, что далеко не исчерпали всего, что предстоитъ сдѣлать для сельской медицины. Это дѣло анализа не одного, а многихъ и компетентныхъ людей. Можетъ-быть мы и сами многое упустили изъ виду, поговоривъ только общими мѣстами, но всякое дѣло вначалѣ бываетъ не легко. Мы желаемъ только одного: чтобы вопросъ о сельской медицинѣ возбудилъ участіе людей, желающихъ добра нашему народу и чтобы наша литература не чуждалась оказать ему свое многостороннее содѣйствіе. Тогда сами собою устранятся всѣ недоразумѣнія и недостатки, въ которыхъ могутъ впадать односторонніе взгляды.

И. ДОВЫЧИНЪ

СЕМЕЙСТВО МОНСОВЪ

1688—1721

(ОЧЕРКЪ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ)

V

ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢВНА

(1717—1723)

Отношенія Петра къ Екатеринѣ оставались прежнія: нѣжная заботливость, ласка, любовь со стороны Петра, и шутивое выраженіе любви со стороны Екатерины — вотъ общій тонъ переписки ихъ съ 1717 по 1723 годъ⁽¹⁾. Государь съ самаго начала этого времени, еще въ январѣ 1717 года, жаловался на свою недужность, *на обыкновенное безсиліе да чечюй*; Петръ чувствовалъ, что старѣеть, что нравиться женщинамъ, почти на-половину его моложе — дѣло трудное, и вотъ въ виду этого обстоятельства, едвали для него пріятнаго, онъ чаще и чаще сталъ трунить и надъ своей фигурой, и надъ своими годами: «Благодарствую за присылку: портреты, а не хари; только жаль, что стара; присланной — кто говорилъ — племянникъ, а то-бъ мочно за сіе слово наказанье учинить; также (благодарю) и за лекарство»... «Сіе письмо посылаю (27 іюня 1719 г.), чтобъ поспѣло позавтрее къ вамъ къ именинамъ вашего старика.» Или: «Сожалѣю, что розна празднуемъ (головщину полтавской битвы), также и цозавтнешній день святыхъ апостолъ, — старика твоего именины и шишечки» (Петра Петровича) и т. д. Скука по-

(1) Переписка имп. Петра I съ государынею Екатериною Алексѣвною, изд. Комиссіею печат. госуд. грамотъ и договоровъ. М. 1861, стр. 60—141 и 157—166.

прежнему неизменно сопровождала у него разлуку съ женой: «...а что ты навнешь ко мнѣ, чтобъ я скорѣе прѣвхалъ, что вамъ зѣло скучно, тому я вѣрю; только шлюсь на доносителя, каково и мнѣ безъ васъ (въ Сиа, 1717 г.)... когда отомью воды, того же дня поѣду... дай-богъ въ радости видѣть васъ, что отъ сердца желаю...» Также тоска разлуки томить государя пять лѣтъ спустя: «дай-боже васъ видѣть въ радости, а безъ васъ скучно очень.» «Я бы желалъ, чтобы и вы... были, — приглашаетъ Петръ Екатерину въ Петергофъ, — ежели вамъ нетрудно (государь уже не приказываетъ, какъ прежде, а преситъ); и лучше бы позавтрее туда прямо проѣхали, понеже лучше дорога, нежели отъ Питергофа, которая зѣло трудна; а пустить воду (изъ фонтановъ) безъ васъ нехочется...» «Хотя слава-богу все хорошо здѣсь (близъ Ревеля, июль 1723 г.), только безъ васъ скучно, и для того на берегу не живу» и проч.

Съ обычнымъ лаконизмомъ въ нисьмахъ извѣщаетъ Петръ «сердешнишкаго друга» о впечатлѣніяхъ, выносимыхъ имъ во время безпрерывныхъ переездовъ своихъ съ мѣста на мѣсто, въ особенности въ бытность свою за границей. Такъ онъ дѣлится замѣчаніями насчетъ видѣнныхъ садовъ, крѣпостей и гаваней, великой бѣдности «людей подлыхъ» (во Франціи), сообщаетъ разныя реляціи о битвѣ австрійцевъ съ испанцами, о побѣдѣ своего адмирала надъ шведскимъ флотомъ, высказываетъ желанія по поводу воспоминанія о той или другой побѣдѣ, того или другого событія, словомъ — важное и неважное, дѣло и думы, все сообщается супругѣ. Какъ хозяйкѣ своей, онъ дѣлаетъ порученія прислать то ту, то другую вещь, — портретъ свой, чертежъ корабля, фрукты, разныя запасы; въ особенности часто проситъ «крѣпша», т. е. водки, «армитажа» (вино); поручаетъ озаботиться о починкѣ корабля или сдѣлать постели на новое морское судно (предъ скорымъ свиданьемъ, июль 1717 г.), съ англійскими матрасами, «и чтобъ не богаты были постели, да чистеньки»; напоминаетъ объ устройствѣ пирушки, ради семейнаго праздника или годовщины викторіи. Недужный «старикъ», Петръ продолжалъ осматривать свою Катеринушку подарками, не столько цѣнными, сколько выражавшими его любовь къ ней и вниманіе. То онъ шлетъ попугаевъ, канареекъ, мартышку, разныя деревья; то посылаетъ изъ Брюсселя кружева, съ просьбой прислать образецъ, какіе имена или гербы въ оныхъ дѣлать, — а та, какъ женщина исполненная большого такта, проситъ его въ отвѣтъ заказать на кружевахъ ихъ общій вензель; вслѣдъ за кружевами посланъ изъ Кале другой подарокъ — «карло-французевинъ»: «извольте его въ прирѣвніи имѣть, чтобъ нужды не имѣлъ»; изъ ревельскаго дворцоваго сада отправлены Петромъ цвѣты да

мята, что сама садила Катеринушка. «Слава-богу — вамѣчаетъ при этомъ нѣжный старикъ (1719 г.) — все весело залъсь; только когда па загородный дворъ прїѣдешь, а тебя нѣтъ, то очень скучно... «И у насъ (въ Спб.) гулянья есть довольно — новтизируетъ въ отвѣтъ Катеринушка устами своего секретаря: — огородаъ (т. е. садъ) раскинулся изрядно и лучше прошлагоднаго; дорога, что отъ полать, кленомъ и дубомъ едва не вся закрылась, и когда ни выду, часто сожалѣю, что не вмѣстѣ съ вами гуляю. Благодарствую, другъ мой, за презентъ (за цвѣты и мятъ). Мнѣ это не дорого, что сама садила: то мнѣ прїятно, что изъ твоихъ ручекъ... Посылаю къ вашей милости зѣшняго огорода фруктовъ... дай-боже во здорovie кушать!»

Неменѣе нѣжными голубками являлись державные супруги при свиданїи. Вотъ зайдите вапримѣръ въ палату къ госуларынѣ. Докторъ Арескинъ показываетъ ей опыты: онъ вытягиваетъ изъ-подъ хрустальнаго колокола воздухъ; подъ колоколомъ тревещется ласточка. — «Полно, не отнимай жизни у твари безвредной! говоритъ госуларь: она не разбѣйникъ.» — «Я думаю дѣти по ней въ гнѣздѣ плачуть», добавляетъ «Катеринушка», беретъ ласточку и выпускаетъ ее въ окно... «Не изъявляетъ ли сіе мягкосердія монаршаго даже до животной итички? восклицаетъ одинъ изъ нашегиривстрѣтъ: — кольми жъ паче имѣлъ Петръ сожалѣніе о человекѣхъ!..» А между тѣмъ подъ воркованье голубковъ и одновременно съ подвигами мягкосердія державныхъ супруговъ идетъ дѣло царевича Алексея, а затѣмъ производятся московскіе и суздальскіе розыски... Воркованье со стороны «сердешнаго друга» сопровождалось гостинцами и пересыпалось обычными шутками; между гостинцами были апельсины, цитроны (ими, какъ мы видѣли, любилъ угощать Петра и первый другъ его сердца), «крепишь съ племянникомъ» (водка), причеиъ предписывалось пить помалости, ради недужности любезнаго батюшки. «И то правда, — отвѣчалъ Петръ, — всего болѣе пяти въ день не пью, а крѣпиша по одной или по двѣ, только не всегда: иное для того, что сіе вино крѣпко, а иное для того, что его рѣдко. Окончиваю, что зѣло скучно, что... не видяся (Спа, 1717 г.). Дай-боже скорѣе! При окончанїи сего (письма) пьемъ по одной про ваше здорovie...» «И мы — отвѣчаетъ Екатерина — «Ивашку Хмѣльницкаго не оставимъ», т. е. выпьемъ про ваше здравіе. Хозяюшка посылала не всегда одно вино да водку: ова посылала клубнику и разные запасы, какъ-то сельди; дарала рубашки, галстуки, шлафроки, камзолъ; обѣщала — сжелибъ былъ при ней хозяйшъ, «то-бъ новаго шишевку зѣлала бы». — «Дай-боже, — восклицалъ въ отвѣтъ тотъ, — чтобъ пророчество твое сбылось!.. «Одна-

кожъ я чаю, — пишетъ Екатерина (апрѣль 1717 г., изъ Амстердама), — что вашей милости не такъ скучно, какъ вамъ; ибо вы всегда можете Оминъ понедѣльникъ тамъ (во Франціи) сыскать, а намъ здѣсь трудно сыскивать, понеже изволите сами знать какіе здѣсь люди упрямые...» Достоинно вниманія, что *подобнаго рода* шутки со стороны Екатерины, какъ-то заявленія мнимой ревности и т. п., особенно часто стали повторяться съ 1717 года.

«Хотя и есть, чаю, у васъ новыя портомои, — пишетъ она въ маѣ сего года, — однакожъ и старая не забываетъ...» — «Другъ мой, ты, чаю, описалась (о портомоѣ), понеже у Шафирова то есть, а не у меня: сама знаешь, что я не таковской, да и старь...» а «Понеже во время питія водъ — отшучивался между прочимъ государь — домашней забавы доктора употреблять запрещаютъ, того ради я матрису свою отпустилъ къ вамъ...»

«...а я больше мню, что вы оную (матресишку) изволили отпустить за ея болѣзнь, въ которой она и нынѣ пребываетъ, и для леченья изволила поѣхать въ Гагу; и не желала бъ я, отъ чего боже-сохрани, чтобъ и галашъ (любовникъ) той матресишки таковъ здоровъ пріѣхалъ, какова она пріѣхала.»

«Дай-богъ мнѣ, дождавшись, — ласкается Екатерина (въ 1719 г.), — вѣрно дорогимъ называть старикомъ, а нынѣ не признаваю, и наирасво затѣлю, что старикъ: ибо могу поставить свидѣтелей — старыхъ посестрей; а надѣюсь, что и вновь къ такому дорогому старику съ охотою съшутся» и проч., въ томъ же родѣ.

Въ какомъ отношеніи интересна дошедшая до насъ переписка Петра съ Екатериной относительно исторіи злополучнаго Алексѣя? Есть ли въ ней какія-нибудь указанія на тѣ злые разговоры матихи, въ которыхъ винилъ ее самъ страдалецъ-царевичъ? Въ извѣстныхъ до сихъ поръ цыдулкахъ Екатерины невидю подобныхъ козней противъ пасынка, но зато о немъ почти и не упоминаетъ царица: а ужъ и это знакъ недобрый, являющій если не ненависть ея, то полное верасположеніе къ царевичу; зато своего «шишечку» Петра Петровича она постоянно называетъ «с. петербургскимъ хозяиномъ», забывая, что въ той же столицѣ есть первенецъ сынъ Петра, за которымъ и должно бы было быть это названье. Итакъ, если не содержание, то тонъ, характеръ переписки Петра съ женой несомненно между прочимъ и для исторіи Алексѣя: въ общемъ тонъ писемъ слышна необыкновенная любовь государя къ женѣ, болѣе и болѣе обхватывающая его монцую душу, любовь, которая вела его на всѣ жертвы ради любимой женщины.

И жертвы, чисто въ духѣ Петра, закладываются съ февраля 1718 года.

Одна изъ процесій осужденныхъ нѣкогда важнѣйшихъ лицъ петровскаго синклита слѣдуетъ въ Петербургъ грена цѣлыми и ножакая встрѣчныхъ истерзанными своими фигурами... Впередѣ идетъ монархъ и шлетъ цидулку :

«Катеринушка, другъ мой сердешненькой, здравствуй! Объявляю тебѣ, чтобъ ты тою дорогою, которою я изъ Новгорода ѣхалъ, отнюдь не ѣздила, понеже ледъ худъ, и мы гораздо съ нуждою проѣхали и одну ночь принуждены ночевать. Для чего я писалъ, двадцать верстъ отъѣхавъ отъ Новгорода, къ комсданту, чтобъ тебѣ велѣлъ подводы ставить старою дорогою. Петръ. Въ 23 д. марта 1718 г.»

Съ одной стороны страшная жестокость, съ трудомъ оправдываемая духомъ времени, современнымъ законодательствомъ, еще труднѣе — государственными цѣлями; съ другой — тотъ же характеръ являетъ черты нѣжности, необыкновенной предупредительности и любви, обратившейся въ глубокую и сильную страсть. Въ виду этого нельзя не признать въ Петрѣ, вслѣдъ за его панегиристами, характеръ полного драматизма, характеръ цѣльный, мощный, заслуживающій вниманія и изученія. И съ какими тактомъ примѣняется къ нему «сердешный другъ». Петръ сказалъ сына, скасовалъ и скасовываетъ его сторонниковъ — и вотъ Екатерина отводитъ взоръ его, отуманенный кровью, на картинку семейнаго счастья: «прошу, батюшка мой, обороны отъ Шотрушки (в. кн. Петръ Петровичъ), понеже немалую имѣетъ оми со мною за васъ ссору, а иманно за то, что когда я вро васъ помяну ему, что папа уѣхалъ, то не любить той рѣчи, что уѣхалъ; но болѣе любить то и радуется, — заключаетъ Екатерина (24 іюля 1718 года) — какъ молвишь, что здѣсь папа.»⁽¹⁾

Папа, бывшій въ это время въ Ревелѣ, послалъ мамѣ остриженные свои волосы, и съ этой «вепріятной», какъ онъ выражался, посылкой писалъ, какъ кажется по поводу царевича Алексѣя: «что приказывала съ Макаровымъ, что покойникъ нѣчто открылъ, — когда Богъ изволитъ васъ видѣть: я здѣсь услышалъ такую диковинку про него, что чуть не лучше всего что льно явилось...» Екатерина однако помнитъ слова одного изъ прежнихъ своихъ патрочновъ — Меньшикова: «слава-де богу, что оный крышечкой огня

(1) О здоровьѣ Петра Петропича писались родителямъ доклады отъ доктора Ивана Блюментраста: «... государь-царевичъ слава-богу въ добромъ обрѣтается здравіи и глазку его высочества есть полегче, такожъ и зубокъ на другой сторонѣ внизу оказался. Изволитъ нынѣ дальѣ пальчиками шупать: званно что и шренные хотять выходить» (Іюля 14-го, 1718 г.) и т. п. Каб. II пол., т. LIII, л. 22.

(т. е. партія царевича съ ея мнимыми замыслами) по Его, Сотворшаго насъ, къ вашему величеству челоуѣколюбивой милости, ясно открылся, который уже нынѣ съ помощію Божіею весьма искоренить и оное зло занавеніе погашеніемъ истребить возможно.»⁽¹⁾ Екатерина видѣла, что возможность осуществлена на дѣлѣ, огонь потушенъ, и ея дѣло — «сверхсокомудрыиъ своимъ разсужденіемъ уничтожить» въ Петрѣ всякое «сумнѣніе». И вотъ она разсѣиваетъ то шутиками, то мнимою ревностію, то знаками заботливости и любви, то цидулками о «шишечкѣ»...⁽²⁾ На этомъ шишечкѣ съ любовью и надеждой останавливаются взоры Петра...

«Онѣй дорогой цашъ шишечка часто своего дражайшаго папа упоминаетъ и, при помощи божіей, во свое состояніе происходитъ и непрестанно веселится пуштироваемъ солдатъ и пушечною стрельбою...» Этихъ забавъ не любилъ заштанннй братъ его Алексѣй: вотъ почему Екатерина рисуетъ картинку, какъ теперешнй насладившій престола тѣшатся солдатами. Это же она повторяетъ и въ послѣдующихъ письмахъ; подобныя извѣстія нравятся «сердечному дружечку-старикку».

Между тѣмъ, несмотря на всѣ нѣжности и предупредительность Екатерины въ ея письмахъ къ государю, все-таки видно, что съ этого, именно съ этого времени, т. е. около 1718 года, она охладѣваетъ къ старикку, что-то такое дѣлаетъ ее, женщину съ такимъ тактомъ, даже неосторожною: она напримѣръ не торопится отвѣчать мужу, и Петръ вынужденъ упрекать ее за молчаніе. Впрочемъ самый тонъ упрековъ долженъ былъ ее успокоить насчетъ чувствъ къ ней супруга; упреки были въ такомъ родѣ: «пятое ... письмо пишу къ тебѣ, а отъ тебя только три получилъ, въ чемъ не безъ сумнѣнія о тебѣ, для чего не пишешь. Для-бога пиши чаще»⁽³⁾.

«Уже восемь дней какъ я отъ тебя не получилъ письма, чего-для

(¹) Отрывокъ изъ письма Меньшикова къ Екатеринѣ. См. «Царевичъ Алексѣй Петровичъ, по свидѣтельствамъ вновь открытымъ». Изд. подъ ред. М. И. Могодина. М. 1861, стр. 305.

(²) Въ Петровской галереѣ зимняго дворца виситъ портретъ его. Вели. кн. Петръ Петровичъ представленъ трехлѣтнимъ мальчикомъ, голый, обхваченный кисеей; онъ стоитъ на лѣвомъ колѣнкѣ и правой рукой патлгиваетъ лукъ; его русая курчавая головка озарена сіяшемъ; свѣтъ падаетъ и на корону: она выветъ съ голубой лентой лежить подлѣ него на подушкѣ.

(³) Для собирателей и издателей переписки Екатерины приводимъ счетъ полковницы Кампегаузенши, что она заплатила за письма государыни-царицы, которыя присылались съ почты. Письма эти были отъ слѣдующихъ чиселъ: 1717 г. октября: 10, 13, 17, 18, 20, 25, 28 (два); ноября: 1 (два), 4, 8, 15, 18, 21, 25; декабря: 9 и 16 (два). 1718 г.: февралъ: 3, 24; марта: 1, 10, 18 и 23. Сумма за эти письма — 24 руб. 76 коп. Подаль счетъ Гейрихъ Готлибъ.

не безъ сумнѣнія, а напротивъ что не отвѣтствуешь на письмо (мое) и послѣду...» и т. д.

Но вотъ отправляетъ она къ нему «крепшиа, (какихъ-то) колечекъ, травачки», а то вотъ «яблокъ да орѣховъ свѣжихъ» или «венгерскаго крѣпкаго и сладкаго по полудюжинѣ и дюжану полпива, такожъ нѣсколько фруктовъ»; проситъ его, «батюшку» своего, чтобъ тотъ поберечь себя изволилъ, да почаще о здоровьѣ своемъ увѣдомлялъ, «паче же всего — такъ она заявляетъ — самихъ васъ вскорѣ и въ добромъ здоровьѣ видѣть.» И «батюшка» доволенъ, счастливъ и шутивно отписывается съ корабля своего «Игерманландъ», отъ Ламеланта: «радъ бы, прося у Бога милости, что-нибудь сдѣлать, да негда и не надъ кѣмъ (государь воевалъ въ то время, въ 1719 г., на Балтійскомъ морѣ со шведами); ты меня хотя и жалѣешь, однакожъ не такъ, понеже съ 800 верстъ отпустила, какъ жена господина Тоуба (начальникъ шипригельской эскадры), которая его со всѣмъ флотомъ такъ спрятала, что не только его видимъ, но мало и слышимъ, ибо въ полуторѣ мили только отъ Стокгольма стоитъ за кастелемъ Вакъсгольмомъ и всѣми батареями.» Государь приказалъ реляцію адмирала Апраксина, уничтожившаго въ это время берега Швеціи; изъ приложенія Екатерина могла узнать, какъ «адмиралъ нашъ едва не всю Швецію растлмилъ своимъ великимъ спирономъ» (копьемъ).

«Всепокорно прошу вашу милость, — отвѣчала супруга — дабы ... писаніями своими оставлять меня не изволили, понеже въ нынѣшнее съ вами разлученіе есть не безъ скуки, и только то и радости, что ваши писанія; ибо и въ упомянутомъ своемъ (письмѣ) изволите жаловать, что я жалѣю васъ спуста уже 800 верстъ. Это можетъ быть правда! Таково-то мнѣ отъ васъ! Да и я имѣю — шутля да-лѣ Екатерина — отъ нѣкоторыхъ вѣдомости, будто королева швецкая желаетъ съ вами въ любви быть; въ томъ та не безъ сумнѣнія. А ктому-жъ заподлинно признаваемъ, какъ и сами изволили написать о поступкахъ господина адмирала, что онъ надъ всею Швеціею учинилъ. Этакъ-ста господинъ адмиралъ подъ такіе уже толь немалые лѣта да какое счастье получилъ, чего изъ молодыхъ лѣтъ небыло! Для-бога прошу вашу милость — одного его сюда не отпустить, а извольте съ собою вмѣстѣ привести.»

Петръ счастливъ, онъ не сердитъ за молчанье, онъ шлетъ ей взаимно-любезные презенты: «редьку да бутылку венгерскаго», а иногда вина бургонскаго бутылочъ семь, или краснаго дюжину, и все это разумѣется съ обычнымъ желаньемъ: «дай-боже вамъ здорово пить»; вино смѣнялось десяткомъ боченковъ сельдей «гораздо хорошихъ и свѣжихъ»; изъ нихъ только одинъ боченочъ государь

оставилъ у себя, а девять послалъ жевѣ... Въ персидскомъ походѣ те-же вниманіе: безпрестанно обгоняя ее на обратномъ пути въ Россію, государь то шлетъ «новины — звѣно лососи», то проситъ свою *юсударыню императрицу* «не подосадовать», что замѣшкалъ присылкой ей конвоа; окружаетъ ее заботами о спокойномъ совершеіи путешествія, указываетъ какую ѣхать дорогою, и все это съ вниманіемъ и вѣжностью; повелительнаго тона неслышно уже ни въ одной строчкѣ: напротивъ, Петръ *проситъ* жену «не досадовать», «не гнѣваться» на него!

Любовь, дошедшая до послѣдней степени, закрѣпляется со стороны государя весьма важными дѣйствіями: такъ въ началѣ 1722 года (1) обнародованъ имъ уставъ о наслѣдіи престола. Въ этомъ любопытномъ документѣ упоминалъ Петръ о авесаломской злости царевича Алексѣя, строго порицалъ «старый недобрый обычай» — большому сыну наслѣдство давать, удивлялся изъ-за чего этотъ обычай людьми былъ такъ затвержденъ, между тѣмъ какъ по разсужденію «умныхъ родителей» дѣлались ему частыя отмѣны, что-де видно и изъ священнои, и изъ свѣтской исторіи. Государь приводилъ примѣры, утверждалъ, что въ такомъ же разсужденіи въ 1711 году было имъ приказано, чтобъ партикулярныя лица отдавали бы недвижимыя имѣнія одному своему сыну — достойнѣйшему, хотя бы и меньшому; а сдѣлано это было для того, чтобъ «партикулярные дома не приходили отъ недостойныхъ наслѣдниковъ въ разореніе». «Кольмя же паче — гласилъ составитель устава — должны мы имѣть попеченіе о цѣлости всего нашего государства!» Это попеченіе выразилось въ уставѣ: отъ воли-де государя зависить опредѣленіе наслѣдства; кому онъ захочетъ, тому и завѣщаетъ престоль. «Дѣти и потомки» такимъ образомъ, по имѣнію преобразователя, «не впадутъ въ злость авесаломскую: они будутъ имѣть на себѣ эту узду — уставъ.»

Вся Россія должна была учинить присягу, что не отступится отъ воли монарха; она признаетъ наслѣдникомъ того, кого онъ похочетъ ей дать, кого онъ ей завѣщаетъ. Уставъ былъ ничто иное какъ переходная мѣра къ объявленію «Катерины» преемницей державы: ея «Петрушеньки» небыло уже на свѣтѣ.

Въ церквахъ у присяги стояли капитаны и разные чины воинскіе, по городамъ разосланы были солдаты. За «благополучнымъ и порядкомъ продолженіемъ присяги» наблюдалъ ревностнѣйшій изъ птенцовъ Петра, Павелъ Ивановичъ Ягужинскій (*).

(1) П. С. З. т. VI, № 3893.

(*) Письмо его къ А. В. Макарову. Каб. II пол., т. LXI, л. 870 и 871.

Россія присягнула.

Но ни солдаты и капитаны, ни страхъ встязаній и торговлѣ не за-
жалъ рты многимъ изъ тѣхъ, которые не считали вслѣдъ за Пет-
ромъ старыхъ обычаевъ недобрыми и вредными.

— Нашъ императоръ живетъ... неподобно... говорилъ народъ: —
мы присягали о наслѣдствіи престола всероссійскаго, а именно имя
не объявлено, кого учинить (наслѣдникомъ); а прежніе цари все-
гда прямо наслѣдниками чинили и всенародно публиковали; а то
кому присягаемъ — незнаемъ! Такая присяга по тѣхъ мѣстѣ, пока
императоръ самъ живъ, и присягаемъ-то мы ему лукавыиъ сер-
дцемъ. (1)

Нарушеніе стариннаго обычая, исполненіе котораго всегда слу-
жило къ спокойствію страны и хотъ въ выборѣ наслѣдника устраи-
вало произволь государя, вызвало въ народѣ рѣзкія сужденія; оно
усилило общій ропотъ и недовольство.

Народъ и солдатство видѣли, что государь рѣшительно хочеть
упрочить за своей супругой мѣсто на россійскомъ престолѣ, и въ
полкахъ слышались такого рода укоризны: «Государь царицу вы-
нѣшнюю взялъ не изъ большого шляхетства, а прежнюю царицу
богъ-знаеть куда дѣвалъ! (2)»

Въ эти-то годы, когда царицѣ не изъ высокаго шляхетства рас-
точались государемъ знаки самой пылкой страсти, когда ради ее
онъ нарушалъ стариннѣйшіе обычаи, которыхъ не дерзнулъ даже
нарушить его прототипъ Иванъ Васильевичъ Грозный, — въ эти
годы «Катерина не изъ шляхетства», какъ мы видѣли, дала полную
мочь в силу красавцу камеръ-юнкеру. Виллимъ Ивановичъ не встрѣ-
чалъ уже себѣ ни въ чемъ отказу. И немудрено...

Здоровье державнаго супруга Екатерины Алексѣевны было пло-
хо. Какъ видно изъ его же цидулокъ за пять, за шесть лѣтъ до своей
смерти, Петръ рѣдко разставался съ лекарствами. Блюментросту,
Арескину и другимъ придворнымъ медикамъ была довольно трудная
работа съ больнымъ, такъ какъ пациентъ никакъ не могъ вы-
держивать строгой діеты. Больнымъ возвращался государь и изъ
персидскаго похода; птенцы въ заботахъ о его здоровьѣ выслали
навстрѣчу барона Бера. «Баронъ обнадеживаетъ весьма, — пи-
салъ Ягужинскій — что его лекарство дѣйствительно будетъ, кото-
рое онъ востокмо на собственную похвалу полагаетъ, но предаеть
сверхъ того на экзаминацію медиковъ. Дай всевышній-боже, чтобъ

(1) Д. Т. К., к. XXII, д. 46 (1722—1723 г.).

(2) В. Д. Р. Д. Т. К., карт. XI, д. 3 (1723 г.).

овый его аркавумъ къ содержанію многолѣтню вашего величества здравія служилъ.» (1)

А подлѣ больного Петра — еще блестяще, еще эфемерно шаржированность поволою, высокой, далеко еще на недужной Екаторины. Благодаря современнымъ живописнымъ портретамъ съ 1716 по 1724 годы, она какъ живая подымается въ нашемъ воображеніи. Вотъ она — то въ дорогомъ серебряной матеріи платьѣ, въ атласномъ, въ оранжевомъ, то въ красномъ великолѣпнѣйшемъ костюмѣ, въ томъ сажомъ, въ которомъ встрѣчала она день торжества индѣйскаго міра; роскошная черная коса убрана со вкусомъ, на алыхъ полныхъ губахъ играетъ пріятная улыбка, черные глаза блестятъ огнемъ, гремятъ страстью; носъ слегка приподнятый, выпуклыя тонко-розоваго цвѣта ноздри, высоко поднятыя брови, полныя щеки, горящія румянцемъ, полный подбородокъ, вѣжная бѣлизна шеи, плечъ, высоко поднятой груди, — все вѣстѣ, если это было такъ въ дѣйствительности, какъ изображено на портретахъ, дѣлало изъ Екаторины еще въ 1720-хъ годахъ женщищу блестящей наружности (2).

Печалуясь въ цидулкахъ къ мужу на постоянную почти съ нимъ ревную, Екаторина, какъ мы видѣли, выражала эту печаль въ еривѣ шутки, среди разныхъ прибаутокъ и балагурствъ: дѣло въ томъ, что по характеру своему, она небыла способна всецѣло отдаться одному человѣку, тосковать, терзаться, серьезно ревновать его; притомъ и набѣгавшая тоска разсѣивалась интимнымъ другомъ Владимѣромъ Монсомъ Монсомъ съ его семьей.

Но неужели не нашлось ни одного голоса, который бы въ ту пору не шепнулъ суровому и ревнивому монарху, что-де оловѣкъ изъ камеръ-юнкеровъ его супруга — необыкновенной властью, своимъ вѣшателствомъ въ важнѣйшія дѣла по разнымъ судебнымъ и правительственнымъ учрежденіямъ, даетъ пищу неблагопріятнымъ толкамъ, бросаетъ тѣнь на его «сердешиньнаго друга»? Такой голосъ казался всего скорѣе долженъ былъ раздаться со стороны птенцовъ государя; но птенцы не только молчали, но ползали предъ фаворитомъ: они нуждались въ немъ, нуждались для ходатайства предъ «премудросердой государыней», короче — имъ было неумогно открывать глаза «старикю-батюшкѣ». Довольно сказать, что князь Меньшиковъ, этотъ сильнѣйшій изъ птенцовъ Петра, держалъ

(1) Письма Ягужинскаго. Каб. II, к. LXI, л. 900, 869 и друг.

(2) Портреты Екаторины въ Петровской и Романовской галереяхъ, №№ 1358, 1352 и друг. А вотъ между ними портретъ Екаторины I въ профиль: лицо обрюзгое, багрово-краснаго цвѣта, щеки какъ-то взборожжены, подбородокъ отвисъ. Явно, что этотъ портретъ сдѣланъ незадолго до ея смерти.

ся въ это время только заступничествомъ Екатерины, то-есть — Монса. И это онъ понималъ, лучше-сказать объ этомъ онъ радѣлъ безпреставно. Меньшиковъ въ 1722—1723 годахъ былъ обвиняемъ въ разныхъ злоупотребленіяхъ, въ превышеніи своей власти, въ захватѣ частной и казенной собственности и т. под. преступленіяхъ, которыя такъ были велики, что ихъ бы не искупилъ всѣ прежнія заслуги «Алексашки» предъ грознымъ монархомъ. Онъ уже въ немилости, о его неправдахъ наводять слѣдствіе, ему грозитъ не только опала, — вѣтъ, даже казнь — и онъ сѣвшить за помощью къ Монсу и его сестрѣ. Скуной, гордый и тщеславный, князь не стыдился дѣлать ямъ подарки: такъ напримѣръ онъ подарилъ Монсу лошадь съ полнымъ уборомъ, — подарокъ правда не цѣнный, но достаточно грозоздкіе для того, чтобъ судить о его трусости. Въ 1723 году влюбившій Монса, Петръ Балкѣ женился на Полевой; свадьба была играма въ Москвѣ и притомъ въ чертогахъ Меньшикова. Князь самъ предложилъ ихъ къ услугамъ Монсовъ, и мало того: забывавъ обычную свою скупость, на свой счетъ угощалъ многочисленныхъ гостей своихъ «патроновъ». — Трудъ и издержки не пропали. Выллизъ и сестра его похлопотали объ опальномъ предъ «милостивой матерью». Та востступно просила государя о прощеніи Меньшикова: «Если, Катенька, — сказалъ Петръ — онъ не исправится, то быть ему безъ головы. Я для тебя его на первый разъ прощаю.» — «Его императорское величество и ея императорское величество — послѣшила извѣстить Меньшикова-знакомая намъ Матрена Ивановна — какъ къ вамъ милостивы, о чемъ пакъ нетивно всесердечною радостью радуюсь и желаю всегда вашей свѣтлости... получить милость отъ ихъ величествъ» (1).

Петръ ни въ чемъ не можетъ отказать «Катеринушкѣ»; та въ свою очередь не имѣетъ твердости устоять противъ просьбъ, своего камеръ-юнкера. Къ прежнимъ фактамъ приведемъ еще одинъ, впрочемъ не послѣдній.

При Екатеринѣ состоялъ камеръ-пажомъ Павловъ; молодой человекъ гульмивый, дерзкій, онъ только и держался милостью Монса, милостью, какъ мы видѣли, закупленной золотыми часами и т. под. подарками. Однажды Павловъ жестоко избилъ, безъ сомнѣнія въ пьяномъ видѣ, одного изъ придворныхъ чиновниковъ. Избѣнный взмолился о удовлетвореніи за обиду (2); онъ былъ правъ; гуляка и буличъ

(1) Письмо отъ 3 іюня 1723 г. Бумаги кн. Меньшикова.

(2) Жаловался я оному Павлову — писалъ челобитникъ — на человека его въ показанныхъ мнѣ обидахъ... и онъ Павловъ... учалъ меня бранить всякою неподобною бранью, и сталъ меня бить по щекамъ, и ухвати шандаль со стола со

кругомъ виноватъ; безпутство пажы превзошло терпѣныя Екатерины и по ея просьбѣ, государь приказалъ выписать буяна въ армию къ солдаты. Казалось дѣло на этомъ и кончилось, но Павловъ нашолъ свасителя: то былъ могущественный Монсъ.

«Вселижайше ваше величество прошу — писалъ камеръ-юнкеръ — о всемилостивѣйшемъ прощеніи камеръ-пажа Павлова, понеже увѣдомился я, что ваше величество высокоблагонзволили назначить онаго въ солдаты. И смели оное вашего величества изволеніе превратно, покорнѣйше всемилостивѣйшую государыню прошу помаловать онаго сержантомъ отъ двора отпустить. Буде же той милости не позволите съ нимъ учинить, покорнѣйше прошу оное вашего величества изволеніе до благополучнаго прощенія его величества отиѣвать. Вторично всемилостивѣйшую государыню прошу, чтобъ для бѣднаго прошенія моего изволили учинить съ нимъ милость, въ чемъ на великодушіе вашего величества имѣю надежду.»

Содержаніе просьбы, лучше-сказать поводъ, ее вызвавшій, маловаженъ; но тонъ просьбы, та увѣренность, которая такъ и слышится въ каждомъ словѣ челобитья, весьма знаменательны. Говорить ли, что просьба была принята, Павловъ не только оставленъ при дворѣ, но даже получилъ награду въ годъ полнѣйшаго торжества Екатерины Алексѣевны и одновременнаго съ нимъ возвеличенія Виллима Монса?

VI

КОРОНАЦІЯ И НАМЕРГЕРСТВО

1724

Въ концѣ 1723 года Петербургъ и Москва были очень заняты толками и приготовлениями двора къ предстоящей коронаціи Елизаветы. Одинъ изъ усерднѣйшихъ ея сторонниковъ Петръ Андреевичъ Толстой, въ виду новыхъ наградъ и отличій, уже въ достаточномъ числѣ пожалыхъ имъ за изловленіе, допросы и пытанія

сѣчею бросилъ въ меня и ушибъ меня въ затылокъ. Да въ другой разъ ухвати стулъ, бросилъ въ меня-жъ и ушибъ меня въ голову, и тѣми разами проломилъ мнѣ голову до крови, отъ которыхъ его ударовъ едва не изшелъ кровью. Отчего ненадѣясь себѣ живота и отцемъ духовнымъ исповѣдыванъ; и нынѣ отъ его тазовъ лежу при смерти, и слухъ весь заложило, и великой обморокъ охватилъ... и въ разумъ... едва прихожу... и жена моя отъ такого великаго страху нынѣ лежитъ при смерти... Того ради и проч.

царевича, — тотъ самый Толстой отправленъ въ Москву въ качествѣ главнаго руководителя всѣми приготовлениями. Онъ заказывалъ корону и разные уборы для императрицы, подъ его наблюдениемъ шли ей епанчу съ гербами, обшива дорогими ливреями придворные чины, напей, гайдуковъ, трубачей, волтернистовъ, обвали въ грановитой и въ столовой палатахъ стѣны, полы, лѣстницы, вышивали вензеля государыни на всѣхъ уборахъ, воздвигались триумфальные ворота, производились закупки разныхъ занавосовъ и т. п. Но всѣмъ возникавшимъ вопросамъ въ случаяхъ сомнительныхъ онъ обращался къ Монсу, и эта переписка знакомитъ насъ съ приготовлениями къ необычному торжеству ⁽¹⁾. Между дѣловой перепиской о дѣланіи ливрей, о цвѣтѣ суконъ для нихъ, о величій гербовъ, себеѣдники обиживались любезностями. Монсъ передавалъ Толстому увѣренность государыни, что тотъ ничего не упустилъ изъ виду: «за такую ея величества высокую милость — отвѣчалъ старый придворный — всенюдавиѣше благодарствую, и востыяно со великимъ мощи прилежнѣмъ попеченіемъ, презря мою болѣзнь, труждаюся, чтобъ во всемъ изволеніе ея величества исполнить.»

Петръ Андреевичъ «труждался» съ необыкновеннымъ усердіемъ и основательностью; ничего-то онъ не упустилъ изъ виду: онъ не дѣлалъ напримѣръ гербовъ на епанчу Екатерины, либо ливрей на ея музыкантовъ безъ того, чтобы не спросить какой ей нравится фасонъ, цвѣтъ, «сколь богато устроить»; предъявлялъ свое «слабое мнѣніе» о необходимости прислать къ нему вѣсто модели нѣсколькихъ изъ музыкантовъ для офшивки ихъ нарядами, и какъ соизволить гербы шить, и выбирать ли изъ столовой палаты рундуки противъ того, какъ это сдѣлаю въ Грановитой? А Грановитая палата безъ рундуковъ — замѣчалъ Толстой — зѣло лучше и веселѣе стала.» Надписи, и тѣ посылались къ Монсу на предварительное его разсмотрѣніе или докладъ государыни; къ нему шли рапорты о разныхъ помощникахъ Толстого, о свозѣ изъ городовъ въ Москву всякихъ звановъ для ожидаемаго тамъ двора. «Для господа-бога — писалъ Толстой Монса — всему вышеписанному опредѣленіе учинить и меня увѣдомить неупедлите о всемъ обстоятельно.»

Въ виду предстоящаго торжества Екатерины, счастливаго камеръ-юнкера ея засыпали просьбами, порученіями, письмами съ «намаматованіями» по дѣламъ, наконецъ цидулками съ извѣщеніями о подаркахъ ⁽²⁾.

⁽¹⁾ Письма Петра Толстого. Москва, 1724 г., января 3, 17, 21, неизв. числа одно, и см. въ Прилож. № X: 1, 2, 3; Ивана Толстого — неизв. числа письмо; Чернышевъ — М. 1724 г., 31 января.

⁽²⁾ Укажемъ на извѣстныя намъ лица, искавшіе въ Моусѣ или дарившіе его

Такъ Анна Ивановна чрезъ своего гофмаршала Бестужева просила Монса извѣстить ее о «платѣ», какимъ образомъ для своего выѣзда (въ день коронаванія Екатерины) изволила бы сдѣлать; поже ее высочество — писалъ гофмаршалъ — изволила слышать, что при коронаціи... при дворѣ платя будутъ особымъ шанеромъ, и вы, мой государь, о томъ увѣдомьте подлинно и съ первую нечтою кнѣ отпишите.»

Вотъ аристократка и богачка Анна Шереметьева проситъ Монса «предстательствовать» предъ государыней объ освобожденіи изъ тайшиковъ преображенскихъ — людей ея: «а тѣ мои люди сидятъ въ исцовыхъ дѣлахъ — пишетъ Шереметева — и лакеи, и возницы побраны, и многое время уже держатся, въ чемъ я имѣю заключеніе въ домѣ своемъ, что выѣхать мнѣ изъ двора не съ кѣмъ; поже ѣздила я къ обѣднѣ до церкви божіей, и въ то время послѣд-

въ 1724 году любезностями, обѣщаніями, а чаще всего всевозможными презентами: Леонтій *Арцыбушевъ*, Семенъ *Абрамовъ* — состоявшій при дворѣ персидскаго князя, графъ *Бонде*, Вильгельмъ *Берн* — шведъ, Петръ Михайловичъ *Бестужевъ Рюминъ*, князь Михайлъ *Белосельскій* — офицеръ, Артѣмій Петровичъ *Волынский*, Ларіонъ *Головинъ*, Никита *Грузинцовъ* — завѣд. нижегородскими вочинами Екатерины, фельдмаршалъ князь Мих. Мих. *Голыцынъ*, Михайлъ Гавриловичъ *Головкинъ*, негоціантка *Гутманъ*, кн. Алексѣй Григорьевичъ *Долгоруковъ*, с. петербургскій оберъ-полиціймейстеръ А. М. *Досіеръ*, Иванъ *Дмитріевъ*, дворц. служ. Петръ *Евдокимъ*, Андрей *Евсеровъ* — агентъ въ Шемахѣ, Данила *Ефремовъ* — старшина въ войскѣ донскомъ, *Іоаннестейнъ* изъ Риги, *Климовъ* — харьковск. подкамовъ писарь, Ив. *Константиновъ* — ревизоръ по имѣніямъ Екатерины, Александръ *Кайсаровъ* — служ. при ея дворѣ, *Кузьминъ* — тоже, Тимофей *Кутузовъ* — сборщикъ оброковъ въ имѣн. государыни, *Корнѣичій*, Родіонъ *Котляковъ* — служ. при дворѣ, *Оусанна Юзовъ* — негоціантка, Степанъ Васильевичъ *Додушкинъ*, *Мерморо* — управл. имѣн. Екатерины, Алексѣй Васильевичъ *Макаровъ*, *Мелкосаровскій* — служ. по имѣніямъ Екатерины, *Михайловъ* — помѣщикъ, стряпчій Федоръ *Масловъ*, Василій и Петръ *Мошковы*, *Новоселскій*, *Артемьевскій*, *Малаякинъ* и *Кулопъ* — крестовые дьяки; Захарій *Митюковъ* — шорникъ, Борисъ *Нероновъ* — придворн., Александръ *Шарманнъ*, Алексѣй *Носовъ* — придворн., баронъ Андрей Ивановичъ *Остерманъ*, Иванъ *Патриковъ* — придворн., Петръ *Поспеловъ* — деньщикъ Петра, Георгій *Полкола* — госуд. докторъ, камеръ-пажи Никита и Федоръ *Павловы*, главный управляющій имѣніями Екатерины Григорій *Полибинъ*, *Потемкинъ* — кораб. мастеръ, князь Борисъ Ивановичъ *Прозоровскій*, Яковъ *Рыцковъ* — винный погребщикъ, Степанъ *Саволовъ* — придворн., *Салуца* — негоціантъ, придворный факторъ; Фердинандъ *Суровцевъ* — сибирскій помѣщикъ, Петръ Андреевичъ *Толстой*, Иванъ Петровичъ *Телетой*, Андрей Ивановичъ *Ушаковъ*, кн. Василій *Хованскій*, Дмитрій *Чернышевъ* — придворн., *Челищевъ*, Иванъ *Шуваловъ* — комендантъ Выборга, Анна *Шереметева*, Федоръ *Шушеринъ* — заводчикъ, капитанъ Иванъ Ивановичъ *Шульцъ*, кн. Николай *Щербатовъ*, и нѣк. друг. — Всѣ писема этого года, подобно предыдущимъ, преимущественно на нѣмецкомъ и на русскомъ языкахъ.

наго лакея отъ кареты моей взяли... е семъ прошу Вашего милости-ваго предстательства.»

О предстательствѣ же просилъ Арцыбушевъ, правитель восточной канцеляріи императрицы; рядомъ писемъ въ началѣ 1724 года онъ вымаливалъ у Монаха ходатайствовать о дачѣ ему жалованья, «такъ какъ въ санктъ-петербургѣ безъ денегъ и безъ хлѣба житіе трудное»; а въ тоже время убогій правитель щедрою рукою выдавалъ изъ дворцовыхъ амбаровъ въ домъ «милостивца» рожь, крупу, горохъ, снитковъ, овесъ, сѣно — и выдавалось то въ избыткѣ, сверхъ оклада: это была своего рода взятка. А вотъ какъ приглашаетъ къ себѣ Виллима Ивановича нѣкто Иванъ Воронинъ: «уповаю, или могу хотя чрезъ многой трудъ я вашу милость къ себѣ получить, того ради милости у тебя, моего государя, покорно прошу: помилуй, помилуй, не оставь убогаго просьбы... Пріѣзжалъ (я) до вашей милости персонально просить... (но) въ домъ васъ не получилъ. Въ надѣяніи вашего милосердія униженно кланяюся.»

Этотъ униженный поклонъ отдавался кажется однимъ изъ свойственниковъ Ворониныхъ, сосланныхъ по суздальскому розыску: грядущее празднество вообще давало надежду родственникамъ опальныхъ по дѣлу царевича на милостивое прощеніе; но для полученія его надобнѣе ходатая: его видѣли въ Монсѣ⁽¹⁾. Такъ Чернышевъ особенно хлопоталъ, при его посредствѣ, о возвращеніи изъ ссылки княгини Троекуровой, столь нещадно избитой батогами въ 1718 году; просилъ о чемъ-то таинственно кн. Николай Щербатовъ, безъ сомнѣнія о своихъ родственникахъ, также пострадавшихъ въ то страдное время; просилъ и Степанъ Лопухинъ... но нѣтъ, у того были свои заботы: писалъ онъ Виллиму Ивановичу, что-де осматриваетъ онъ да холить лошадей его, своего «дядюшки и отца», тѣхъ самыхъ лошадей, которыхъ «присовокупилъ» дядюшка въ бытность свою въ Астрахани въ 1722 году отъ г. Вольнскаго. Хлопочетъ Степанъ Васильевичъ о покупкѣ позументовъ и другихъ гардеробныхъ принадлежностей опять—таки для дядюшки. Кажется все заботы такіа невѣстныя, столь безкорыстныя, но тутъ же въ письмѣ вложена цидулка другого почерка и безъ подписи: «въ московскомъ уѣздѣ сельцо Суханово съ деревнями — 25 дворовъ, въ суздаль-

(1) Впрочемъ по случаю коронаціи Монсѣ докладывалъ о прощеніи, о снятіи ареста и о возвращеніи нѣмнѣя многимъ неполитическимъ преступникамъ. Такъ онъ просилъ о бывшемъ комендантѣ Кошкаревѣ, кн. Иванѣ Щербатовѣ, о оберъ-комендантѣ Карновѣ, о стольникѣ Зубовѣ, поручикѣ Рязиннѣ, стольникѣ Беклемишевѣ, комисарѣ Молчановѣ: всѣ эти лица, въ особенности послѣдніе двое, виновны были и осуждены за взятки. Они прославились воровствомъ въ Сибиріи при князѣ Гагаринѣ и нашли себѣ заступника въ Монсѣ.

скомъ уѣздѣ село Слудово съ деревнями — 300 дворовъ. Цидулка краснорѣчиво свидѣтельствовала, что и зять камеръ-юнкера не хотѣлъ упустить благопріятнаго случая поживиться отъ щедротъ государыни. Сблзаниъ вообще такъ былъ великъ, съ коронаціей соединялось столько надеждъ на милости, что даже честный воинъ, фельдмаршалъ князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ, и тотъ не хотѣлъ остаться вдали отъ мѣста торжества: «увѣдомился я — писалъ князь къ Виллиму Монсу изъ Ахтырки — увѣдомился, якобы ихъ величества въ Москву изволятъ прибыть вскорости: того ради васъ, моего государя, прошу, дабы для такого великаго дѣла, которое между всею Европіею надъ ея величествомъ... прославится, излуча часть доложить, чтобъ хотя на малое время былъ (я) уволенъ въ Москву... и какой на докладъ изволите получить указъ, прошу *приказать* меня увѣдомить.»

Подарки между тѣмъ идутъ да идутъ Монсу; у него правило — ничѣмъ не брезгать. Иванъ Толстой прислалъ собаку «для веселія»; сибирскій помѣщикъ Суровцевъ подарилъ нарочно приведенную изъ своей вотчины лошадь и дарить на томъ основаніи, что она «будетъ сходна» съ одной изъ лошадей Монса; Михаилъ Головкинъ, посолъ въ Берлинъ, при посредствѣ канцлера, отца своего, презентовалъ Виллиму Ивановичу иноходца, такъ какъ «его милость до такихъ лошадей охотникъ». Князь Алексѣй Долгоруковъ, какъ мы видѣли, одолжилъ брата и сестру Монсовъ двумя шестерями лошадей и козлской (1). Причина столь щедраго одолженія состояла въ слѣдующемъ: нѣкто иноземець Стельсъ владѣлъ по указу государя, нѣсколькими дворцовыми деревнями, приписанными къ воровоннымъ его заведеніямъ; по смерти Стельса не осталось прямыхъ вассаловъ, тѣмъ неменѣе шуринъ его Марян продалъ деревни къ Долгорукову; оберъ-фискалъ протестовалъ противъ незаконной продажи, и вотъ покушникъ снѣшилъ сдѣлать ее законною щедрыми «посулами»; сенатъ позамѣшкался, рѣшенія не положилъ — и дѣло, стараніями Монса, скоро очутилось въ вотчинной коллегіи. — Повидимому скромнѣе другихъ подарковъ была посылочка изъ Вологды иноземки-негоціантки Готманъ. Она хлопотала о жалованной грамотѣ на вольную покупку въ Вологдаѣ и въ другихъ городахъ пеньки и другого товара, съ тѣмъ чтобы отпущать

(1) Ловкій придворный, Долгоруковъ какъ кажется не забылъ одарить и зятя Монса, Степана Лопухина. Покрайней-мѣрѣ послѣдній также хлопоталъ о его дѣлѣ: «вамъ самимъ извѣстна — писалъ Степанъ къ Виллиму, убѣждая его продать о дѣлѣ князя — вамъ самимъ извѣстна его любовь ко всемъ намъ, такъ же и къ вамъ; а что же съ моей стороны, истинно никого не имѣю такого себя, какъ его».

его чрезъ архангельскій портъ за границу. Отпускъ товаровъ затрону, въ силу указовъ Петра, долженъ былъ производиться чрезъ петербургскій портъ: вотъ почему просьбу Готманъ трудно было удовлетворить; зная это, она для лучшаго «старательства» послала къ высокой милости Монса *рыжескою мльелькиль въ сулецьки*. «Соблаговляете принять — заключила она свою просьбу — и купать на здоровье, и на сію мою малую посылку подивить не извольте.» Не много нужно догадливости, чтобъ понять, что «шляенскіе рыжички» были ничто другое какъ голандскіе червонцы.

Они подошли кетати: среди приготовленій къ коронаціи Екатерины Виллямъ Ивановичъ развлекался постройкой обширнаго, богатаго; комфортабельнаго дома — на мѣстѣ дома, купленаго имъ у доктора Поликкола, находившагося какъ кажется на Мойкѣ. Придворный страпчій Масловъ привалъ на себя хлопоты о наймѣ и заключеніи контракта съ рабочими, о покупкѣ материаловъ, наблюденіи за работами и проч. (1); изъ вѣдомства кабинета ея величества на постройку дома камеръ-юнкера отпустили даромъ плитняку (12 куб. сажень), кирпичу (150 тыс.), извести (650 боч.) и прочаго матеріалу; оберъ-полиціймейстеръ Девіеръ хлопоталъ между тѣмъ по дѣлу покупки Монсомъ другаго двора, на Васильевской островѣ, у флотскаго поручика Арсеньева. Государевы указы однако строго-настрого запрещала — никакихъ дворовъ на Васильевскомъ острову, кромѣ излишнихъ противъ указаго числа, ни подъ какимъ видомъ не продавать и не закладывать (2), доколь чтобъ островъ «не удовольствуется строеніемъ». Дворъ поручика не былъ въ числѣ излишнихъ; покупка не состоялась, и извѣщая Монса о неудачѣ хлопотъ, Девіеръ тутъ же въ описаніи осторожно вложилъ безыменную, своей впрочемъ руну, цидулку: «объявляю вашей милости: шибю у себя двѣ лошади — кони да рыскаючая лошадь, и еже-

(1) Не безынтересно указать во что обходились въ то время постройки деревянныя въ Петербургѣ. Изъ контракта страпчаго, повѣреннаго Монса, съ плотниками (1724 г. мѣсяцъ февраль) видно, что іпсѣдніе облызвались: «на приморскаго онаго, геоводина де Монса, мѣстѣ адѣлаеъ плотничнаго, емво де-брою и гладкою работою, безъ всякіе окулки, кромѣ тежароной работы, а имено баясь, — сдѣлать: по обѣ стороны хоромъ галлерей на 20 саж., двое воротъ рѣшетчатыхъ, погребъ и свѣтлицу на 10 саж.; между обрубамы погребя насыпать землю; огъ погребя провести въ прудъ трубу, на 23 саж.; выстроить конюшню, сарай, межъ ими ворота; на пруду сдѣлать плотину въ 200 свай въ три яруса, свай трехъ-саженные; старую плотину разобрать и землю выбрать; въ хоромы сдѣлать двери, наличники, окна и наличники на окна, и выходъ, и рундуки, и слуховые окна, и землю на потолки насыпать и проч. За всю работу плотники должны были получать по контракту 410 рублей.

(2) Указы 30 июня 1719 г., 4 іюля и 10 дек. 1726 г., 14 дек. 1721 г.

ли которая вамъ будетъ угода, имѣю по мнѣ отписать, куда ее къ вашей милости преподать. Какъ богато былъ въ это время Монсъ отъ всевозможныхъ презентовъ, можно судить по тѣмъ вещамъ, какия наполняли его комнаты: такъ у него была ставушка изъ радной рѣчкины изъ чистаго золота, были часы, одна починка которыхъ стоила 400 рублей, и многіе другіе предметы роскоши (1). Изъ недвижимыхъ имѣній за нимъ были близокрѣпостные дворы съ строениями въ Петербургѣ, домъ материнскій въ Москвѣ, другой домъ тамъ же, купленный для него государыней у Нарышкина, близъ двора Салтыкова (2); дворъ съ строеніемъ, съ землемъ и угольями близъ Стрѣланы — подаркомъ царицы Прасковьи; земля въ Амаланди: какъ досталась ему, неизвѣстно; сада съ деревьями, вырощенныя въ разное время и въ разныхъ уѣздахъ чрезъ государыню; ему же подарилъ царица Прасковья за долготѣлетіе по ея домовымъ распоряжаніямъ, кроми другіихъ «счастливомъ», громаднѣйшее имѣніе — село Оршу съ деревьями и 1500 жителей обоаго пола, въ вусторжевскомъ уѣздѣ; въ началѣ 1723 года туда уже посланъ отъ Монсы одинъ изъ придворныхъ чиновниковъ, который имѣемъ императрицы долженъ собрать объ имѣніи самыя обстоятельныя свѣдѣнія. Царица вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ сильно нуждалась въ такомъ искусномъ контролѣ, какия была для нея Монсы; вотъ почему она такъ щедро его одаривала (3). Къ несчастію, Виллиме Ивановича встрѣтились какия-то формальности, вслѣдствіе которыхъ онъ не могъ сдѣлаться владѣльцемъ

(1) Письмо Мешкова къ Монсу 30 марта 1724 г. — Въ началѣ 1724 года за Монсомъ утверждёнъ былъ сенатомъ шведскій залогъ Смилтенскаго имѣнія въ Амаланди, принадлежавшій Венгартскимъ наследникамъ. «Поспѣшите дальнѣйшими распоряженіями по этому дѣлу, — писалъ Монсу вѣкто Вильгельмъ Бергъ 9 февр. 1724 г., — потомучто въ настоящее время — наилучнѣйшее для принятія имѣнія, такъ какъ прошлогдніе доходы съ имѣнія находятся еще налицо и не вошли въ раздѣлъ между прежними владѣтелями».

(2) «А тотъ дворъ — описывалъ одинъ изъ слугъ Монсы — всемирно хорошъ и на красномъ мѣстѣ стоитъ, съ котораго какъ Москва, такъ и вѣмечая слобода въ видны; лучше красотою двора Василья Федоровича Салтыкова, только что тотъ его дворъ противъ вашего (письмо къ Монсу) очень великъ. И содержитя тотъ вашъ дворъ баша самаго лѣтняго двора во 120 саженахъ, и пришель огородамъ къ самой Яузѣ рѣкѣ, и вѣло тотъ дворъ сухъ...» и проч. Московскій подарокъ Монсу состоялъ изъ слѣдующихъ построекъ: горницъ, кузарни, сарая, лѣбныхъ амбаровъ, помойни и двухъ людскихъ избъ. (Письмо Корнидскаго 22 сент. 1724 г.)

(3) Быть-можетъ къ тому убѣдилъ ее кабинетъ-секретарь Алексѣй Васильевичъ Макаровъ, задушевный другъ Монсы. Съ 1723 года Макарову поручено было отъ государя главный надзоръ за хозяйствомъ царевнѣ Екатеринѣ и Царсковнѣ.

Орши; тогда Прасковья Ивановна вошла съ нимъ въ спальку: нѣтъ осталось за ней, но оброкъ съ крестьянъ предоставлялся въ распоряженіе ея «милостивца, заступника и ходатая» (1).

Въ то время какъ Виллимъ Ивановичъ часы своего досуга отдавалъ приятнымъ для него хлопотамъ, посмотримъ что дѣлали въ это время Петръ съ Екатериной, какъ проходила жизнь всего двора, какія событія разнообразили обычное препровожденіе времени.

Обычное препровожденіе времени Петра состояло въ его занятіяхъ государственными дѣлами, совѣщаніяхъ въ сонатѣ, разѣздахъ въ Кронштатъ, въ Петергофъ, Ораниенбаумъ, Сарское село; остальныя свободныя часы пролетали въ шашкахъ, въ посѣщеніи нѣмецкихъ «комедій», въ театовальныхъ ассамблеяхъ, въ маскерадахъ, въ пивадахъ на дома вельможъ съ «безмокейной братей», т. е. «восемьдесятѣшннхъ и сумасброднѣшннхъ соборомъ»; наконецъ время проводило въ устройствѣ фейерверковъ и разныхъ шутовскихъ процессій; хотя бы и по поводу погребенія того или другого лица, состоявшаго при дворѣ. Петръ, какъ извѣстно, былъ необыкновенно изобрѣтателемъ въ подобныя церемоніи.

Полобуйтесь на него и на его шенцовъ въ ихъ забавахъ 1724 года. Вотъ государь описываетъ хуленькаго, невзрачнаго и больно недалскаго герцога голштинскаго; описываетъ—то онъ его не въ первый и не въ послѣдній разъ, но въ настоящую пирушку эта свинья производится съ особую цѣлью: Петру почему—то хочется пристрашнть герцога къ венгерскому и отучнть отъ мозельвейна. Съ пирушекъ и пннственныихъ загуловъ дворъ ѣзднлъ въ комедію; спектакля тянулись вяло, скучно, такъ что государь рѣшнтельно приказалъ, чтобы комедіи имѣли не болѣе трехъ дѣйствій и не заключали бы въ себѣ никакихъ любовныхъ интригъ; но и въ этомъ видѣ онѣ все—таки не развлекали государя, такъ что снла въ ложѣ съ семействомъ, Петръ развлекался только шутками надъ своимъ поваромъ. Гораздо интереснѣе была комедія, сочищенная самимъ Петромъ для забавы себя и своего двора. Главнымъ сюжетомъ по-

(1) Чтобъ дать понятіе о тогдашнихъ оброкахъ, привожу вѣдомость оброчную: «вотчины боярина Алексѣя Петровича Салтыкова въ рязанскомъ уѣздѣ. Въ жеребь, въ селѣ Ижевскомъ было у него 50 дворовъ съ 304 д. муж. пола и 310 дуп. жен. пола. Всѣхъ обоого пола 614 чел., на каждый дворъ по 12 чел., остатокъ 14. Оброку платили: оброчныхъ денегъ по 100 р. За омадной медъ по 25 р. Свиного мяса по 200 пудъ, гусей по 200 шт.: утокъ по 22; поросятъ по 25; куръ по 50; яицъ по 700; вина по 100 вед.; пшеницы по 25 четвертей; крупъ гречневыхъ по 25 четв.; сукна по 50 арш.; холста по 50 арш.; сѣбжей рыбы: щукъ по 500, карасей по 300. А земли въ дачѣ — 350 четвертей, да три озера, да притомъ еще два озера общнхъ. И ежели положить — сказано далѣе въ вѣдомости — всяку душу по 10 убловъ, и того будетъ 6140 руб., кромѣ земли и озеръ».

тѣмъ былъ трупъ государева карлика (1); похоронная процессія его была обставлена слѣдующимъ образомъ: впереди шли попарно тридцать нѣвчихъ, все маленькіе мальчнши; за ними слѣдовалъ въ полномъ облаченіи крошечный попъ; затѣмъ шесть крошечныхъ лошадей въ черныхъ пополахъ, ведомыя маленькими пажами, безъ сани особаго устройства; на саняхъ лежалъ трупъ карлика въ гробу, подъ бархатнымъ покровомъ. Маршалъ съ маршалскими жеzlомъ и множество толстыхъ, безобразныхъ, большоголовые карловъ и карлицъ вытнчивались въ длинной процессіи въ траурныхъ костюмахъ, причеиъ карлицы, игравшія роли «черныхъ траурныхъ дамъ», были подъ вуалями. Для контраста и большого эффекта по бокамъ процессіи шли громаднѣйшаго роста гренадеры и гайдуки съ факелами. Какъ ни обычны были въ тогдашнее время потѣхи высокоихъ персонъ надъ личностью низшаго, но при видѣ этого зрѣлища заѣзжіе нѣмцы невольно говорили: «такой-де странной процессіи едвали гдѣ-нибудь придется увидѣть кромѣ какъ въ Россіи!» Зато здѣсь ихъ было множество. Такъ въ первыхъ числахъ февраля 1724 года втеченіи нѣсколькихъ дней по улицамъ Петербурга прогуливались и разѣзжали голландскіе матросы, нидѣльскіе браминны, павіаны, арменны, французскіе поселане и поселаннн и т. п. лица: то были замаскированные государь, государыня, весь сенатъ, знатнѣйшія дамы и дѣвнцы, генеральскія-адъютанты, денщики и разные придворные чины. Члены разныхъ коллегій и сената въ эти дни официальной шутовства нигдѣ, *ли даже на похоронахъ* не смѣли скидывать масокъ и шутовскихъ варьяловъ; въ нихъ она являлись на службу въ сенатъ и въ коллегіи. «Мнѣ кажется это неприличнымъ, — замѣчаетъ по этому случаю современникъ, — тѣмъ болѣе что многія лица наряжены были такъ, какъ вовсе неподобаеиъ старикамъ, судьямъ и совѣтникамъ. Не покориться-ли волѣ государя было несовсѣмъ благоразумно; тому были ежедневныя доказательства, и еще во время февральскихъ потѣхъ 1724 года одинъ поручикъ, состоявшій при дворѣ, былъ жестоко высѣченъ. Преступленіе его состояло въ нарушеніи какого-то маскараднаго постановленія. Героями маскарадныхъ потѣхъ были «всеопьяннѣйшіе и сумазброднѣйшіе члены конклавіи князь-панн»; синклятъ его доходилъ до восьмидесяти человекъ и состоялъ изъ князѣй, бояръ, вообще потомковъ знатнѣйшихъ фамилій; тутъ же были и простолюдины. Крикливыми и забавными выходками она должны были развеселить императора, когда онъ бывалъ не въ духѣ.

(1) Того самаго карлика, шутовскую свадьбу котораго Петръ устраивалъ въ 1710 году. См. статью: «Царица Прасковья».

Въ это же мѣсяцъ дворъ былъ очень занятъ толканиемъ ирушонъ веровствѣ одного придворнаго брильянтика Рокентина. Мы встрѣчали его уже въ числѣ искателей милостей Момса, видѣли изъ его челобитья какъ онъ метался, не зная куда дѣться отъ тѣснѣншихъ его кредиторовъ. Защита Момса видно не укрыла его отъ нихъ и онъ наконецъ додумался до средства весьма рискованнаго. Князь Меншиковъ далъ ему, какъ лучшему брильянтику, множество драгоценныхъ камней, цѣною тысячу на сто рублей, для сдѣланія изъ нихъ заставки для мантии императрицы. Князь Александръ Даниловичъ хотѣлъ презентовать заставку Елисаветѣ при ея коронаціи. Вдругъ Рокентинъ объявляетъ, что какіе-то пять человекъ, назвавшись посланными князя Меншикова, обманомъ заставили его за-городъ, отняли драгоценный уборъ, раздѣли его, грозныи удавить, если тотъ будетъ кричать, и наконецъ избитого и связаннаго бросили въ лѣсу. Все это оказалось выдуманное самого ювелира. Скоро заподозрѣнный Рокентинъ былъ арестованъ, и по дворцѣ государя, въ высочайшемъ присутствіи цѣлый часъ болтался на вывороченныхъ назалъ рукахъ; государь, лично занимавшись допросомъ, убѣждалъ его сознаться; давалъ слово, что въ случаѣ раскаянія съ нимъ ничего не будетъ дурного и даже, чтобъ лучше вырвать у него признаніе, приказалъ при немъ битъ кнутомъ другого преступника. Но и это оригинальное средство привлечь къ раскаянію не достигло своей цѣли, такъ что государь приказалъ дать Рокентину двадцать-пять ударовъ. Но и въ этотъ разъ, ни на слѣдующей вытѣхъ, о которой государь весьма весело и кинистивою рассказывалъ герцогу голштинскому, ни на третьей вислѣ Рокентинъ ни въ чемъ не сознался. Наконецъ только убѣжденія суверинтендента вызвали вера на откровенность. Онъ повинился, что самъ укралъ брильянты и зарылъ ихъ на дворѣ своего дома въ кучѣ песку. Такъ какъ суверинтендентъ добился признанія только тѣмъ, что обѣщалъ вору прощеніе, то Рокентинъ и былъ освобожденъ; но недѣлю дѣтъ спустя опять взятъ въ полицію, допрашиванъ по тому же дѣлу и по другимъ поступившимъ на него жалобамъ; наконецъ послѣ полнаго признанія онъ былъ жестоко истязанъ кнутомъ, вклеимонъ и сосланъ въ Сибирь. «Не будь онъ иностранецъ, его бы казнили смертью»: такъ говорили современники (1).

(1) О причинахъ вторичной арестаціи ювелира ходили тогда въ Петербургѣ разные слухи; между прочимъ утверждали, что его для того взяли въ полицію, чтобъ смотрѣть за нимъ, потому что онъ будтобы въ нѣсколько дней страшно распухъ, и подозрѣвали, что его кто-нибудь вытался отравить ядомъ — такъ какъ весьма многіе имѣли съ нимъ разные сдѣлки, и изъ боязни быть имъ оговоренными старались его извести. Любопытно, что 16 января 1724 года, въ

Впрочемъ дворъ на лимонъ былъ и этого рода зрѣлища: утромъ 24 января 1724 года совершены были казни оберъ-фискала Нестерова и его трехъ товарищей-фискаловъ, обвиненныхъ въ страшнѣйшемъ извѣщанствѣ. Казни были совершены на Васильевскомъ острову, противъ админіа коллегій. Подъ высокой висѣлицей, на которой такъ недавно еще висѣлъ князь Гагаринъ, устроили апафотъ; подле его возвышались четыре высокія шеста съ колесами, спицы которыхъ на поларшина были обиты желѣзомъ. Шесты эти назначены для взоткнутія головъ преступниковъ, когда тѣла ихъ будутъ привязаны къ колесамъ. Когда декорациі были готовы, стала публика: большую часть ея составляли канцеларскіе и приказные чиновники, получившіе приказъ непремѣнно быть при казни; государь съ множествомъ вельможъ смотрѣлъ изъ оконъ ревизионъ-колегіи. Въ три старца-фискала одинъ за другимъ мужественно сложил головы на плахѣ. Мучительнѣе всѣхъ была казнь Нестерова. Его заживо колесовали: раздробили ему сперва одну руку, потомъ ногу, потомъ другую руку и другую ногу. Послѣ того къ нему подошелъ одинъ изъ священниковъ и сталъ его уговаривать, чтобъ онъ сознался въ своей винѣ; тоже самое, отъ имени императора, сдѣлалъ и майоръ Мамоновъ; государь общалъ въ такомъ случаѣ оказать милость, т. е. немедленно отрубить голову. Но оберъ-фискалъ свободно отвѣчалъ, что все уже высказалъ что зналъ, и затѣмъ, какъ и до колесованья, непронесъ болѣе ни слова. Наконецъ его, все еще живого, повлекли къ тому мѣсту, гдѣ отрублены были головы тремъ другимъ, положили лицомъ въ нихъ кровь и также обезглавили. Девять человекъ получили каждый по пятидесяти ударовъ кнутомъ; четверымъ изъ нихъ щипцами вырвали ноздри и т. д.

Весь этотъ кровавый спектакль былъ явленіемъ обычнымъ; съ нимъ свыклись и привычныя нѣмцы, свыклись дотога, что напримѣръ Беркгольдъ, безстрастно записавши подробности курьознаго зрѣлища, сейчасъ же вносилъ въ дневникъ замѣтку о погодѣ. — Былъ ли при казни взятчиковъ нашъ взятчикъ-дилетантъ, Владиміи Ивановичъ? Едвали, такъ какъ государыня не изволила присутствовать; онъ, зная о казни, толковалъ разумѣется о правосудіи великаго монарха и несколько не думалъ, что и онъ не-

тоже именно день, когда Ремонтиъ объявилъ свою выдумку, онъ два раза былъ у Монса: о чемъ они толковали, неизвѣстно. Деньги помогли остаться Монсу внѣ всякаго подозрѣнія по соучастию въ дѣлѣ съ мошенникомъ-иноземцемъ, но едвали межъ ними не было какихъ-нибудь тайныхъ сдѣлокъ, если не по этому, то по другимъ дѣламъ. (Письмо Девиера къ Монсу 18 янв. 1724 г. о присяжѣ въ полицію, по указу государя, людей Монса.)

далекъ отъ такой же катастрофы. Да и могъ ли, видѣвъ ли онъ время думать объ этомъ? Ему все такъ радостно улыбается, его съ такой любовью осыпаютъ любезностями, предлагаютъ услуги и дорогие презенты; во всей аристократіи, среди всѣхъ названнѣйшихъ персонъ мужского и женскаго пола онъ не имѣетъ враговъ, да и не можетъ ихъ имѣть: такъ всѣмъ онъ нуженъ, всѣ въ немъ ищутъ холодата, заступника, челобитчика, милостивца по всѣмъ правымъ и неправымъ, честнымъ и нечестнымъ дѣламъ. Ему ли наконецъ, счастливому фавориту, въ виду полнѣйшаго торжества «иремлюстивой монархіи» задумываться надъ трагическою смертію русскихъ взяточниковъ?

Торжество близко: съ первыхъ же чиселъ февраля придворные чиновники и служители отправились въ Москву; въ послѣднихъ числахъ сего мѣсяца «отправили» дочерей царицы Прасковьи Катерину и Прасковью; пріѣхала изъ Митавы герцогиня курляндская съ небольшою свитой, среди которой былъ и камеръ юнкеръ Виронъ; незамедляя отъѣздомъ герцогъ голштинскій; наконецъ въѣхала и государь съ государыней: они отправились въ Олоонецъ, съ тѣмъ чтобъ проѣхать оттуда въ Москву. 27 февраля всѣ съѣхались въ первопрестольную столицу.

Съ пріѣздомъ въ Москву весь дворъ сталъ нетерпѣливо ждать дня коронаціи. Въ кремлевскихъ палатахъ ежедневно толкались придворные, дивившіеся коронѣ императрицы: она была одѣлана съ большимъ изяществомъ, осыпана дорогими камнями; осматривали разные старинныя короны и драгоценности, какъ-то сосуды и тому подобныя дары иноземныхъ посольствъ московскимъ царямъ. Голштинскій герцогъ съ своимъ дворикомъ съ особеннымъ любопытствомъ спрашивалъ то Монса, то сестру его: когда именно предполагается коронація? Но ничего небыло извѣстно положительно, такъ какъ большія приготовленія разныхъ принадлежностей торжества отсрочивали возжеланный день. И тутъ, среди этихъ приготовленій, Петръ заявилъ свой своеобразный взглядъ на личные права каждаго человѣка: частная собственность, по мнѣнію Петра, всецѣло принадлежала государю. На основаніи этого убѣжденія, отданъ былъ приказъ, чтобъ всѣ иностранные и русскіе купцы присылали къ князю Меншикову своихъ лошадей; князю поручено было выбрать изъ нихъ самыхъ лучшихъ шестьдесятъ лошадей для лейбъ-гвардіи (роты кавалергардовъ) на время коронаціи. Нѣкоторые купцы должны были дать отъ четырехъ до шести лошадей, а у другихъ собственно для себя не осталось ни одной.

Всѣ придворные съ необыкновенной озабоченностью толковали о уборахъ, о томъ, кто поведетъ государыню на тронъ и съ трона,

какъ расставляемы будутъ обѣденные столы и разсажены присутствующие, будутъ ли приглашены иностранные министры, какія будутъ рабы на дамахъ, привезутъ ли изъ Петербурга великаго князя, сына злополучнаго Алексѣя; словомъ — толкамъ, пересудамъ, неостыжъ небыло конца, пока наконецъ 5 мая все это прекрѣлось трубными звуками герольдовъ. Москва узнала, что коронаваніе государыни Екатерины Алексѣевны будетъ въ четвергъ, 7-ня.

Мы не станемъ передавать подробности этого дня, быть-можетъ навѣчательнѣйшаго и безъ сомнѣнія на торжественнѣйшаго въ жизни Екатерины. Не станемъ рассказывать о церемонномъ шествіи вѣнчъ священниковъ съ разными регалиями въ церковь, о костюмахъ дѣйствующихъ лицъ, о убранствѣ кремлевскихъ налатъ, о общемъ видѣ войска и народа, громаднѣйшими толпами наводнившихъ кремлевскія площади и улицы, прилетавшія къ Кремлю; не поведемъ насъ въ соборъ, не услышимъ при видѣ вѣсколькихъ слезинокъ, скатывшихся по лицу колѣнопреклоненной Екатерины, когда императоръ неложилъ корону на ея голову; не останемся и на обѣдѣ, на которомъ недурно было бы полюбоваться на ловкость, съ которою услуживали императрицѣ ея камеръ-юнкеры Монсъ и Балъ, — а предложимъ охотникамъ до высокоторжественныхъ празднествъ развернуть «Дѣянія Петра» Голикова или дневникъ Берхгольца и усладиться чтеніемъ лживѣйшихъ описаній этого дня (1).

«Ты, о Россія! вѣщалъ въ этотъ день Феофанъ Прокоповичъ: — не завидѣтельствуеша ли о богомвѣчанной императрицѣ твоей, что прочимъ раздѣленные дары (т. е. добродѣтели и достоинства Семiramиды вавилонской, Тамары скифской, Певфесилей амазонской, Елены, Пульхеріи, Евлокіи императрицы римской и другихъ знаменитыхъ жонъ) всѣ раздѣленные дары Екатерина въ себѣ имѣетъ совокупленные? Не довольно ли видиши въ ней нелицемѣрное благочестіе къ Богу, неизмѣнную любовь и вѣрность къ мужу и государю своему, неусыпное призрѣніе къ порфиророднымъ дщерямъ, великому внуку (т. е. сыну царевича Алексѣя!) и всей высокой фамиліи, щедроты къ нищимъ, милосердіе къ бѣднымъ и виноватымъ, матернее ко всѣмъ подланнымъ усердіе? И зри вещь весьма дивную: силы поманутыхъ добродѣтелей виновныя, которыя но

(1) Особенно обстоятеленъ расказъ Берхгольца IV, 44—58. Онъ съ особенною любовью и тщаніемъ, какъ чиновникъ на церемоннѣйшаго дворяна, описалъ всѣ мелочи праздника 7 мая и даже сдѣлалъ планъ Грановитой-палаты съ ея обѣденными столами и убранствомъ.

миръню аки огнь съ водою совокупити не могутъ, въ себъ великой душѣ во вселенскую арменію согласуются: женская плоть не умаляетъ великодушія, высота чести не отнимаетъ умѣренности нравовъ, умѣренность волебною не мѣшаетъ, вселеніе иномыслию не вредитъ: и всякихъ красеть, утѣхъ, сладостей и вообще мужественной на труды готовности и алмазтова въ подвигахъ терпѣнія не умаляетъ. О необычная!.. великая геронна... а честная есудя... И яко отецъ отечества, благоутробную сію мать российскую иждивай, всю нынѣ Россію твою вѣнчалъ еси!.. Твое, о Россіи сіе благоволеніе, твоя красота, твой веркъ поаломитъ солнца едина протсіа!» (1)

Лучи отъ этого соннаго нупола, несогрѣвъ и неожививъ чужацкіе чувствами Россію, согрѣли однако и «алмаз ралесть въ сердцахъ лицамъ приближеннымъ къ свѣтилу. Въ числѣ вероныхъ и въ агражданыхъ былъ Владиміръ Ивановичъ Моссо. «Былъ онъ... читаемъ въ офціальномъ документѣ — былъ онъ... при нашей мѣбозащитней суиругѣ въ величествѣ императрицы... поестлучно... въ всѣхъ ему повѣренныхъ дѣлахъ съ такою вѣрностью, радѣніемъ и прилежаніемъ поступалъ, что мы тѣмъ всемоштивѣйше доволны были, и нынѣ для вящаго засвидѣтельствованія того, мы съ особливоу нашей императорской милости, онаго Виллима Моссо въ камергеры всемоштивѣйше пожаловали и опредѣлили... и мы надѣемся, что онъ въ семъ отъ насъ... пожалованномъ новомъ чинѣ такъ вѣрно и прилежно поступать будетъ, какъ то вѣрному и доброму человѣку надлежитъ.» (2)

VII

ДОМОСТЬ

1724

Между тѣмъ, въ то время когда Россія, по увѣренію льстеца-Феофана, въ его лицѣ умилялась предъ «неизмѣнной любовью, вѣрностью къ мужу» и предъ другими превысокими добродѣтелями

(1) См. Слово въ день коронаціи г. и. Екатерины Алексѣевны, говоренное въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ, 7 мая 1724 г. Соч. Феофана Прокоповича, Свѣд. 1761, ч. II, 103—111.

(2) Патентъ В. И. Моссо. Одновременно съ нимъ награжденъ былъ званіемъ камергера Петръ Федоровичъ Балкъ-Полега; отецъ его Федоръ Балкъ произведенъ былъ въ генералъ-майоры.

Витеринны; въ то время, когда фаворитъ ей получалъ «видное за- свидѣтельствоваіе особенной милости», — надъ ней подымалась гроза. Туча склонилась не со стороны какихъ-либо соперниковъ, не со стороны напиривъ «великихъ вивизиторовъ» а тому подобнаго лица, которое въ другихъ случаяхъ тщательно доносили о немъ Петру: вѣдь, туча надъ Монсомъ исходила изъ самыхъ низшихъ слоевъ дворянскаго общества; — со стороны его служителей и мастеровыхъ.

Газетившимъ изъ служителей, лучше-сказать изъ чиновни- ковъ, канцелярія Монса былъ Егоръ Михайловичъ Столѣтовъ. Простой служитель царяцы Марфы Матвѣевны, потомъ писецъ адмирала Анраксина, малый весьма и весьма неглухой, промыш- ливый, вероватный, бойкій на языкъ и яснымъ, онъ сумѣлъ вте- реться на службу къ Виллиму Ивановичу; и стало то ему теплое мѣсто недорого: онъ завладалъ за него Монсу пипалью въ шесть червонныхъ, антелешъ венгерскаго вина, англійскими шелковыми чулками, кубкомъ краснаго сукна и лившимъ мѣхомъ въ двадцать рублей. Всѣ эти издержки онъ носившимъ окупить сторницею. Дѣло въ томъ, что послѣдніе годы Монсъ былъ заваленъ всевозможными просьбами; невѣжа въ русской грамотѣ, весь погруженный въ хлопоты объ устройствѣ своихъ домовъ, скопленіи состоянія, за- нятый поддержкой своего фавора, онъ естественно нуждался въ челоуѣкѣ, который бы взялъ на себя трудъ принимать, прочи- тывать челобитья, входить въ разныя соглашенія съ просителями (разумеется болѣе мелкими) относительно презентовъ, составлять доклады, словомъ — быть его первымъ секретаремъ и чиновникомъ разныхъ особаыхъ порученій. Такимъ и одѣлалъ онъ Егора Столѣ- това, «канцеляриста корешонденціи ея величества». Канцеляристъ скоро понялъ въ какой степени нуженъ онъ фавориту и незамедлилъ закрѣпить за собой разныя права, точно обозначавшія степень его власти и значенія; для этого онъ самъ составилъ инструкцію, Монсъ ее утвердилъ: всѣ приходящія и отходящія письма ея вели- чества вѣдать ему одному, а другого къ нимъ не допускать; онъ одинъ являлся въ коллегіи для объявленія разныхъ указовъ государ- ства, указовъ, составлявшихся подъ руководствомъ его патрона — Монса; на немъ лежала обязанность составлять докладъ для госу- дарянина изъ разныхъ челобитенъ просителей а просительницъ, ит. д.

Подобная инструкція ясно очерчивала сферу дѣятельности а власти Столѣтова; скоро почувствовали это почти всѣ искатели милости Монса; всѣ они, отъ мелкихъ придворныхъ служителей до свѣтлѣйшаго князя Меньшикова — въ 1723—1724 годахъ, от- правляя подарки Монсу, не обходили и его дѣлопроизводителя.

Хлюсты: Столѣтовъ сестеламъ въ напоминаніяхъ Момсу о тѣхъ или другихъ просьбахъ, въ отвѣдѣ имъ побольше мѣсте во воспоминающіихъ докладахъ, въ ходатайствахъ у разныхъ предѣлателей коллегій, эти въ свою очередь стали оказывать своимъ дружескимъ расположеніемъ къ канцеляристу (1). Служба Столѣтова покупалась разными подарками: тутъ были бѣлье, галстуки, камзолы, тулумы, серебряныя чайники, кофейники, сумки, шѣлка, бамрама, камка, золотая парча, овесъ, дорожная коляска, лошади, наконецъ деньги отъ 50 до 220 рублей одновременно. Въ числѣ просителей и дарителей, кромѣ множества разныхъ слугъ дворцовыхъ, привазинокъ, поставщиковъ, управителей дворцовыми наѣзнями, чиновниковъ, мы встрѣчаемъ Льва Исайлова, Ив. Шувалова, Степана Лопухина, князя Гагарина, ин. Василія Лукча Долгорукова, князя Алексѣя Долгорукова — столь неутомимаго, задарившаго семейство Момса, князя Шербатова — глухого, князя Момышина и царевну Прасковью Ивановну. Подарки Столѣтовъ, какъ вѣчно ухѣрля вносилъ дѣйствій, «сбивалъ» не во взятки, но въ благодаріе и въ признаніе, за исключеніемъ впрочемъ царевны Прасковьи Ивановны, которая жаловала его за то, «чтобъ онъ приводилъ Момса, а тотъ государыню императрицу, чтобъ та ее содержать въ милости своей изволила и домашнее бы имъ (царевнѣ и ея сестрѣ) опредѣленіе учинила».

Секретарь былъ малый хвастливый, тщеславный, болтливый на языкъ, какъ человекъ вышедшій изъ ничтожества — чрезвычайно зазнавался и вообще велъ себя крайне неосторожно. Какъ Момсъ дѣйствовалъ именемъ императрицы, такъ Столѣтовъ, бродя по разнымъ канцеляриямъ и коллегіямъ по дѣламъ своимъ «милостивымъ»

(1) Приведемъ перечень лицъ, оказывавшихъ *пріязнь* Столѣтову, т. е. обращавшихся къ нему съ письменными просьбами и нѣкоторые изъ нихъ съ подарками: Арцыбушевъ, ввозедецъ Амандеръ, Воронинъ, Гладковъ, Грузинцовъ, ин. Юрій Гагаринъ, Брончаковъ, Грибоѣдовъ, Генингъ, Дмитріевъ, Федоръ Валеной — другъ и родственникъ Столѣтова, Левъ Измайловъ, Калугинъ, Константиновъ, Кашкаровъ, Литвиновъ, Ст. Лопухинъ, Фед. Масловъ, Мишуковъ, Мошковъ, Нестеровъ, Носовъ, Павловъ, Василій Поспѣловъ, Рукипъ, Родоновъ, Розановъ, Селетренниковъ, Марфа Столѣтова, Суворцевъ, Стрельниковъ, ввозедецъ Хлебидъ, Ив. Шуваловъ, купецъ Янковъ, протопопъ Яриѣвковскій и другія лица, фамилія которыхъ переаборщилъ. Всѣхъ денежныхъ до насъ имосилъ къ Столѣтову 114; всѣ они на русскомъ языкѣ. Въ нихъ между прочимъ просила Столѣтова о передачѣ того или другого прошенія его высокограбскому сіятельству Момсу, просила похлопотать у П. А. Толстого, А. И. Рѣпина, Д. И. Татищева, Ф. М. Апраксина, В. П. Поспѣлова и у другихъ лицъ о разныхъ дѣлахъ: о деревняхъ, о вершеніи тяжобъ, о жалованьяхъ, объ оторочкѣ денеговъ и проч.

цевъ и пріятелей, употреблялъ нѣя Монса въ видѣ поудительнаго средства. Все это сдѣлалось извѣстнымъ родственникамъ камергера; объ этомъ же говорили адмиралъ Апраксинъ и Павелъ Ивановичъ Ягужинскій.

— Столѣтовъ у меня жилъ, рассказывалъ адмиралъ Петру Балку, — и Столѣтова я знаю: онъ бездѣльникъ, я имъ былъ недоволенъ и сбиль его съ двора.

— Брось ты Егора, убѣждалъ Ягужинскій Монса: — онъ твоимъ именовъ много шалить, чего ты и незнаешь.

— Ради-бога брось его отъ себя! со слезами умоляла Виллима Ивановича вся его фамилія: — буде не бросишь, то зтогъ Столѣтовъ тебя укуситъ и ты отъ него пропадешь.

— Висѣлицъ—то много! самоувѣренно отвѣчалъ Виллима Ивановичъ: — если Егоръ какую пакость сдѣлаеть, то... не мновать ему висѣлицы.

Не одна увѣренность въ своей силѣ мѣшала Монсу «отбросить» болтливаго, вороватаго и заносчиваго Столѣтова: этому мѣшало то обстоятельство, что онъ посвятилъ секретаря во всѣ тайны взяточничества; на его попеченіе возложены были многія дѣла, по которымъ Монсъ уже взялъ презенты и которыя слѣдовательно надо было привести къ благополучному исходу; наконецъ Столѣтовъ вообще заявлялъ большія способности къ секретарской должности и былъ человѣкъ по своему времени довольно образованный: такъ онъ зналъ языки нѣмецкій, польскій, а на русскомъ кропалъ даже чувствительные романсы:

- О, коль тягость голубю безъ перья летати,
 Столь мнѣ безъ друга мила тошно пребывати. 2.
 И теперъ я младенька въ слезахъ унываю,
 Что я друга сердечна давно не выдаю. 2.
 Никакой въ сердцѣ своемъ радости не маю,
 Ниже коей утѣхи въ себѣ обрѣтаю. 2.
 Только всегда младенька горько болѣваю,
 Что я безъ друга мила въ свѣтѣ семь горюю. 2.
 Не могу въ сердцѣ своемъ радости ниѣти,
 Доколѣ друга мила не возмогу зрѣти. 2.
 Языкъ бо мой не можетъ ни съ кѣмъ говорити
 И очи мои не могутъ на многа зрѣти. 2.
 Точію азъ слезами себя утѣшаю,
 Своего мила друга часто вспоминаю: 2.
 Чтѣ ты, любезный друже, меня покидаешь,
 Никогда ма горькую не воспоминаешь! 2.
 Спомини мя, сердечный другъ, въ рвую дѣвицу,
 Аки згибшую въ темномъ лѣсѣ голубицу, 2.

Ахъ также по всякъ часъ тебя спомину

И всегда непрестанно о тебѣ мысль маю! 2. (4)

Несмотря на чувствительность, высказываемую въ романсахъ, Столѣтовъ не являлъ чувствительности въ обращеніи съ высшими; напротивъ, онъ велъ себя съ крайнею заносчивостью и «гордиль» съ ними, такъ что его никто не любилъ.

Кромѣ Столѣтова, пособника во взяткахъ, Монсъ имѣлъ другого весьма полезнаго для себя помощника въ дѣлахъ чисто-дворцовыхъ: то былъ извѣстный Балакиревъ (3).

Стряпчій Хутынского монастыря Иванъ Балакиревъ вѣдалъ въ 1703 году сборомъ подушныхъ денегъ съ крестьянъ и монастырскими дѣлами по разнымъ приказамъ (3); вѣскольکو лѣтъ спустя ны его видимъ гвардейскимъ солдатомъ. Солдатская лямка была тяжела Балакиреву; въ неисчерпаемой веселости своего характера, въ остроуміи, въ находчивости и способности ко всякаго рода шуткамъ и балагурству онъ нашолъ таланъ «принять на себя шутовство» и этимъ самымъ, при посредствѣ Монса, втереться ко двору его императорскаго величества. Вамъ извѣстны многочисленныя анекдоты о провицательности, умѣ, находчивости, смѣлости, правдолюбіи, добротѣ, честности и т. под. достоинствахъ придворнаго шута Балакирева. Все это расказано въ вѣсколькихъ изданіяхъ «анекдотовъ» и все это болѣе нежели на-половину выдумка досужныхъ издателей площадныхъ книжонокъ. Вѣрно одно: что Балакиревъ умѣлъ пользоваться обстоятельствами, умѣлъ дѣлаться полезнымъ разнымъ придворнымъ, былъ дѣйствительно изъ шутовъ не

(4) Въ бумагахъ Столѣтова сохранилось много стихотвореній; всѣ они въ чувствительномъ родѣ: въ нихъ воспѣвается супружеская вѣрность, любовь, высказывается ревность дѣвицы-голубицы, тоска, или мольба къ Богу. Въ прилож. XI № 1 и 2 помѣщено два образчика имѣ написанныхъ стихотвореній. Есть стихотворенія — буквальный переводъ чуть ли не съ нѣмецкаго, быть-можетъ съ тѣхъ виршей Монса, которые не дошли до насъ; есть наконецъ ятсини малорусскія: вѣроятно Столѣтовъ, какъ любитель поэзій, записалъ ихъ со словъ какого-нибудь парня или дѣвицы. Въ его же и монсовыхъ бумагахъ сохранился длинный реестръ разныхъ книгъ богословскаго и преимущественно историческаго содержанія, на нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ. Кому принадлежали означенныя въ реестрѣ книги — Монсу ли, его ли секретарю, или кому-нибудь другому — неизвѣстно.

(3) Замѣтимъ кстати, что даже дворецкій Монса, Иванъ Кузьминъ, получалъ иногда подарки, доходившіе до 50 руб. одновременно, зато что брался обдѣлывать кой-какія дѣлишки чрезъ своего могучаго господина.

(3) Роспись Хутынь монастыря стряпчаго Ивана Балакирева издержаннымъ имѣ деньгамъ по монастырскому дѣлу на приказные расходы; роспись его же о сборѣ съ крестьянъ подушныхъ денегъ. 1703 г. № 491, 504.

дожившихъ, но всё его высокія добродѣтели и высокое значеніе его шутокъ — для развѣванія черныхъ думъ Петра, для спасенія невинныхъ и проч., — все это разлетается дымомъ при первомъ знакомствѣ съ подлинными документами.

Какъ умный человѣкъ, Балакиревъ вторся подъ крылышко Монса; у него онъ былъ домашнимъ человѣкомъ; служилъ разсѣльнымъ между швѣ и Екатериной, высматривалъ и выслушивалъ для него о разныхъ дворцовыхъ дѣлахъ, словомъ былъ его кліентъ, расторопный, но къ несчастію Монса, подобно Столѣтову, невоздерженъ на языкъ.

Таковы были главныя изъ ближнихъ кліентовъ Монса. Познакомившись съ ними, заѣдемъ съ однимъ изъ нихъ, съ Балакиревымъ, къ его пріятелю — обоему дѣла ученику, къ Ивану Ивановичу Суворову.

Балакиревъ не въ духѣ.

— Письма я вожу нѣкоторыя изъ Преображенскаго къ Виллиму Монсу нужныя, говорилъ шутъ, — а мнѣ такія письма скучныя, и опасенъ отъ нихъ: мнѣ (шбдъ) первому пропадать будетъ.

— Отъ кого-жъ тѣ письма и какія?

— А вотъ Егоръ Столѣтовъ донбгается ключи у Монса отъ кабинета его (взять), продолжалъ Балакиревъ послѣ нѣкотораго молчанія и уклоняясь отъ прішого отвѣта: — а въ томъ кабинетѣ нужныя письма лежатъ, и Монсъ еще Егору въ томъ не вѣрнть. Я же вотъ — хвасталъ шутъ — въ великомъ кредитѣ у Монса: что хочю у него, то и дѣлаю.

Разговоръ этотъ происходилъ 26 апрѣля 1724 года въ селѣ Покровскомъ, гдѣ проживалъ въ то время Монсъ и куда приписались записки изъ Преображенскаго; резиденціи Екатерины (1).

Суворовъ зналъ не отъ одного Балакирева о «опасномъ» романѣ. Былъ у него однажды «Мишка», слуга царскаго денщика Писцова. Между прочю болтовнею Суворовъ замѣчалъ:

— Куда-де какія причины дѣлаются во дворѣ! Какъ это Монсъ очень (—то ужъ) силеяъ сталъ!

— Я еще лучше причину знаю; отвѣтилъ Мишка: — Кобыляковой женѣ (служавиѣ государыни) табакерку дали. И она ту табакерку бросила, говоря: «мнѣ-е въ этомъ пропасть! я-де донесу, какъ хотите!»

Подобныхъ извѣстій Суворовъ, какъ надо думать, понабрался и отъ другихъ служителей и служанокъ; свидѣніями своими онъ не-

(1) Кто писалъ эти записки? Не Матрена ли Ивановна Балкъ, неотлучно бывшая при государынѣ?

замедлил подѣлиться съ своимъ товарищемъ Михѣемъ Ершовымъ. Михѣй заочевалъ съ 26 на 27 апрѣля у Суворова; въ ночной тишинѣ между пріятелями завязалась интимная бесѣда.

— Нѣкоторое письмо — говорилъ хозяинъ — передетѣло нужное изъ Преображенскаго въ Покровское къ Монсу. Я самъ видѣлъ у него подмоченныхъ писемъ много; оныя не опасно лежали, такъ что люди, которымъ не надлежало видѣть тѣхъ писемъ, могутъ смотрѣть, чего секретарю, какъ Столѣтовъ, не надлежитъ дѣлать; а когда сушили тѣ письма, тогда унесъ Егоръ Михайловъ (Столѣтовъ) изъ тѣхъ писемъ одно письмо сильненское, что и рта разинуть боится. И говорили Монсу сестра его Балкина, Петръ Балжъ и Степанъ Допухнякъ, чтобъ онъ Егора отъ себя отбросилъ.

— А что-то это письмо? спрашивалъ Ершовъ.

— Хорошенькое письмо! Отдалъ его Егоръ Алексѣю Макарову, а Алексѣй отдалъ Василю Поспѣлову.

Нѣсколько дней спустя, въ первыхъ числахъ мая 1794 года встрѣтился Суворовъ съ своимъ знакомымъ — Борисомъ Смирновымъ у сената, который былъ въ то время въ Покровскомъ.

— Гдѣ ты былъ? спросилъ Смирновъ.

— Въ сенатѣ, для подавнн челоубитной о себѣ просительной, о причтенн къ добрымъ людямъ.

— Ты бы челоубитную-то подалъ Монсу.

— Опасаюсь, отдалъ Смирновъ: — чаю ево себѣ неблагодѣтелемъ, понеже и въ панинѣ дѣлѣ Монсъ ево, паниной, стороны былъ.

— Видимъ (-то Монсъ)? Хорошо! говорилъ Суворовъ. — Хорошо ево подѣли на арканъ! Живетъ (вишь) у него секретаръ ево, который все что онъ ни дѣлаетъ — записываетъ.

— Чтѣ во многихъ искать! передавалъ потомъ эту доность Смирновъ Ершову: — чтѣ во многихъ искать! И лучшаго-то — Монса — Егорка подѣвилъ на арканъ.

Страшно было бы, еслибы въ тогдашнее время изъ всѣхъ этихъ собесѣдниковъ о вѣщахъ «вельми противныхъ» не нашлось бы ни одного извѣтника. Такимъ объявился Михѣй Ершовъ. Страхъ ли наказанія за то, что о слышанныхъ словахъ не донесъ, надежда ли на награду, желанье ли погубить ненавистнаго всѣмъ имъ Егорку Столѣтова изъ чего-бы то нибыло, только Ершовъ рѣшился подать доность.

Рѣшеніе ево однако не могло скоро осуществиться: этому помѣшала коронація. Начался рядъ празднествъ, всѣ были заняты и едваи кому охота была припимать, а тѣмъ болѣе розыскивать по доносу. Но вотъ шумъ и суетня великихъ торжествъ угонимъ-

лись, придворные заговорили о скоромъ отъѣздѣ царской фамиліи въ Петербургъ, начались сборы; государыня и ея дочери принимали уже прощальные визиты герцога голштинскаго и другихъ знатныхъ персонъ. Ершовъ побоялся дальѣ мѣшкать, и во вторникъ 26 мая подалъ доносъ.

«Я, Михѣй Ершовъ, — писалъ извѣтчикъ, — объявляю: сего 1724 года апрѣля 26 числа ночевалъ я у Ивана Иванова-сына Суворова, и между прочими разговорами говорилъ Иванъ мнѣ, что когда сушали письма Виллиа Монса, тогда де унесъ Егоръ Михайловъ изъ тѣхъ писемъ одно письмо сильненькое, что и рта разинуть боится...» Наконецъ добавилъ замѣчаніе Смирнова: Егорка-де поцѣпилъ Монса на арканъ.

Допросили Смирнова; тотъ подтвердилъ о своемъ разговорѣ съ Суворовымъ у сената. Дѣло первой важности. Тутъ не извѣтъ на какое-нибудь пьяное слово, будтобы вредительное къ чести его императорскаго величества: тутъ дѣло идетъ нешуточное, указывается на письменный документъ, называются лица, и лица все близкія, довѣренныя Петру. Чтожъ, въ тотъ же день ихъ призвали къ допросу, арестовали, застѣнокъ огласился воплями истязуемыхъ? — Ничего небывало. Кому поданъ доносъ, кто выслушивалъ объявленіе Ершова, гдѣ происходило съ нимъ объясненіе, наконецъ почему немедленно не допросили оговоренныхъ въ немъ, если не Макарова и Поспѣлова, то менѣе важное лицо — Ивана Суворова, — всѣ эти вопросы остаются неразрѣшонными. Доносъ точно канулъ въ воду. Петръ не узналъ о немъ. Но человѣкъ, рѣшившійся скрѣзь извѣтъ и наложить молчаніе на Ершова и Смирнова, какъ кажется, немедленно далъ знать о всемъ случившемся Екатеринѣ.

Она въ это время наслаждалась полнѣйшимъ счастіемъ. Каждый день маленькій домикъ Преображенской слободы наполнялся именитыми гостями; угощеніе не прекращалось; самъ государь былъ какъ нельзя болѣе въ духѣ все время, щеголялъ — ради коронованной хозяйки — въ новыхъ французскихъ кафтанахъ, и ради веселья и собственнаго счастья радушно поилъ всѣхъ и cadaго изъ собственныхъ рукъ. Словомъ Екатерина была весела, спокойна, довольна и пользовалась вождѣльнымъ здоровьемъ. Вдругъ 26 мая, во вторникъ, когда Петръ былъ гдѣ-то въ отлучкѣ, съ Екатериной дѣлается сильнѣйшій припадокъ, родъ удара. Большой немедленно пустила кровь; она очнь ослабѣла, такъ что отданъ былъ приказъ по церквамъ — впродолженіи недѣли пѣть молебны за ея выздоровленіе. 31 мая ей опять стало хуже.

Государь, незная причины болѣзни, былъ довольно спокоенъ,

ѣздить на желѣзные заводы, и 16 июня, лишь только замѣтилъ, что жевѣ лучше, оставилъ ее опрaвляться, а самъ поспѣшилъ въ дорожное для него петербургское болото.

Здѣсь-то, шесть мѣсяцевъ спустя, вновь вынырнулъ страшный доносъ Ершова.

НИХАНЪ СЕРГЕЕВСКІЙ

(Окончаніе слѣдуетъ)

ЗАПИСКИ ИЗЪ МЕРТВАГО ДОМА

VII

И Р Е Т Е Н З І Я

Начиная эту главу, издатель записокъ покойнаго Александра Петровича Горяничкова считаетъ своею обязанностию сдѣлать читателямъ слѣдующее сообщеніе.

Въ первой главѣ «Записокъ изъ Мертваго Дома» сказано нѣсколько словъ объ одномъ отцеубійцѣ, изъ дворянъ. Между прочимъ онъ поставленъ былъ въ примѣръ того, съ какой безчувственности говорятъ иногда арестанты о совершенныхъ ими преступленіяхъ. Сказано было тоже, что убійца не сознался передъ судомъ въ своемъ преступленіи, но что, судя по рассказамъ людей, знавшихъ всѣ подробности его исторіи, факты были дотого ясны, что невозможно было не вѣрить преступленію. Эти же люди рассказывали автору «Записокъ», что преступникъ поведенія былъ совершенно безпутнаго, ввязался въ долги, и убилъ своего отца, жаждая послѣ него наслѣдства. Впрочемъ весь городъ, въ которомъ прежде служилъ этотъ отцеубійца, рассказывалъ эту исторію одинаково. Объ этомъ послѣднемъ фактѣ издатель «Записокъ» имѣетъ довольно вѣрныя свѣдѣнія. Наконецъ въ «Запискахъ» сказано, что въ острогѣ убійца былъ востановивъ въ превосходнѣйшемъ, въ веселѣйшемъ расположеніи духа; что это былъ вѣзломощный, легкомысленный, мерзасудительный въ высшей степени человѣкъ, хотя отнюдь не глупецъ, и что авторъ «Записокъ» никогда не замѣчалъ въ немъ какой-нибудь особенной жестокости. И тутъ же прибавлены слова: «Разумѣется я не вѣрилъ этому преступленію.»

На днях издатель «Записокъ изъ Мертваго Дома» получилъ увѣдомленіе изъ Сибири, что преступникъ былъ дѣйствительно правъ и десять лѣтъ страдалъ въ каторжной работѣ напрасно; что невинность его обнаружена по суду, официально. Что настоящіе преступники нашлись и сознались, и что несчастный уже освобожденъ изъ острога. Издатель никакъ не можетъ сомнѣваться въ достовѣрности этого извѣстія...

Прибавлять больше нечего. Нечего говорить и распространяться о всей глубинѣ трагическаго въ этомъ фактѣ, о загубленной еще смолоду жизни, подѣ такимъ ужаснымъ обвиненіемъ. Фактъ слишкомъ понятенъ, слишкомъ поразителенъ самъ по себѣ.

Мы думаемъ тоже, что если такой фактъ оказался возможнымъ, то уже самая эта возможность прибавляетъ еще новую и чрезвычайно яркую черту къ характеристикѣ и полнотѣ картины Мертваго Дома.

А теперь продолжаемъ.

Я уже говорилъ прежде, что я наконецъ освоился съ новымъ положеніемъ въ острогѣ. Но это «наконецъ» совершилось отъ туги и мучительно, слишкомъ мало-помалу. Въ сущности мнѣ надо было почти годъ времени для этого, и это былъ самый трудный годъ моей жизни. Оттого-то онъ такъ весь, нѣсколько и уложился въ моей памяти. Мнѣ кажется, я каждый часъ этого года помню въ послѣдовательности. Говорилъ я тоже, что привыкнуть къ этой жизни не могли и другіе арестанты. Помню, какъ въ этотъ первый годъ я часто размышлялъ про себя: «кто они, какъ? неужели могли привыкнуть? неужели спокойны?» И вопросы эти очень меня занимали. Я уже упоминалъ, что всѣ арестанты жили здѣсь какъ бы не у себя дома, а какъ будто на постояломъ дворѣ, на походѣ, на этапѣ какомъ-то. Люди, присланные на всю жизнь, и тѣ суетились или тосковали, и уживавшіеся временно каждый изъ нихъ про себя мечталъ о чемъ-нибудь почти невозможномъ. Это всегдашнее безпокойство, высказавшееся хоть и молча, но видимо; эта странная горячность и нетерпѣливость иногда невольна высказанныхъ надеждъ, и часъ до того неосновательныхъ, что онѣ какъ бы походили на бредъ и, что болѣе всего поражало, уживавшіеся порядкомъ

самыхъ практическихъ повидному умахъ, — все это придавало необыкновенный видъ и характеръ этому мѣсту, дотого, что можетъ-быть эти-то черты и составляли самое характерное его свойство. Какъ-то чувствовалось, почти съ перваго взгляда, что этого нѣтъ за острогомъ. Тутъ всё были мечтатели и это бросалось въ глаза. Это чувствовалось болѣзненно, именно потому, что мечтательность сообщала большинству острога видъ угрюмый и мрачный, нездоровый какой-то видъ. Огромное большинство было молчаливо и злобно до ненависти, не любило выставлять своихъ надеждъ напоказъ. Простодушіе, откровенность были въ презрѣніи. Чѣмъ несбыточнѣе были надежды и тѣмъ больше чувствовалъ эту несбыточность самъ мечтатель, тѣмъ упорнѣе и цѣломудреннѣе онъ ихъ таилъ про себя, но отказать отъ нихъ онъ не могъ. Кто знаетъ, можетъ-быть иной стыдился ихъ про себя. Въ русскомъ характерѣ столько положительности и трезвости взгляда, столько внутренней насмѣшки надъ первымъ собою... Можетъ-быть отъ этого постоянного затаеннаго ведоводства собою и было столько нетерпѣливости у этихъ людей въ повседневныхъ отношеніяхъ другъ съ другомъ, столько непримиримости и насмѣшки другъ надъ другомъ. И если напримѣръ высказывалъ вдругъ, изъ нихъ же, какой-нибудь понаивнѣе и нетерпѣливѣе, и высказывалъ иной разъ вслухъ то, что у всѣхъ было про себя на умѣ, пускался въ мечты и надежды, то его тотчасъ же грубо осаживали, обрывали, осмѣивали; но сдается мнѣ, что самые рьяные изъ преслѣдователей были именно тѣ, которые можетъ-быть сами-то еще дальше него пошли въ своихъ мечтахъ и надеждахъ. На наивныхъ и простоватыхъ, я сказалъ уже, смотрѣли у насъ всё вообще какъ на самыхъ цошлыхъ дураковъ и относились къ нимъ презрительно. Каждый былъ дотого угрюмъ и самолюбивъ, что начиналъ презирать чловѣка добраго и безъ самолюбія. Кромѣ этихъ наивныхъ и простоватыхъ болтуновъ всё остальные, то-есть молчаливые, рѣзко раздѣлялись на добрыхъ и злыхъ, на угрюмыхъ и свѣтлыхъ. Угрюмыхъ и злыхъ было несравненно больше; если-жъ изъ нихъ и случались иные ужъ такъ по природѣ своей голоруны, то всё они непремѣнно были безпокойные сплетники и тревожные завистники. До всего чужого имъ было дѣло, хотя своей собственной души, своихъ собственныхъ тайныхъ дѣлъ и они никому не выдавали напоказъ. Это было не въ

модѣ, непринято. Добрые — очень маленькая кучка — были тихи, молчаливо таили про себя свои упования и разумеется болѣе врачныхъ склонны были къ надеждѣ и вѣрѣ въ нихъ. Впрочемъ, едастся мнѣ, что въ острогѣ былъ еще отдѣлъ: вполне отчаявшихся. Таковъ былъ наприимѣръ и старикъ изъ Стародубскихъ слободъ; во всякомъ случаѣ такихъ было очень мало. Старикъ былъ съ виду спокоенъ (я уже говорилъ о немъ), но по нѣкоторымъ признакамъ я полагаю, душевное состояніе его было ужасное. Впрочемъ у него было свое спасеніе, свой выходъ: молитва и идея о мученичествѣ. Сшедшій съ ума, зачитавшійся библіей арестантъ, о которомъ я уже упоминалъ и который бросился съ кирпичемъ на майора, вѣроятно тоже былъ изъ отчаявшихся, изъ тѣхъ, кого покинула послѣдняя надежда; а такъ какъ совершенно безъ надежды жить невозможно, то онъ и выдумалъ себѣ исходъ въ добровольномъ, почти искусственномъ мученичествѣ. Онъ объявлялъ, что онъ бросился на майора безъ злобы, а единственно желая принять муки. И кто знаетъ какой психологическій процессъ совершился тогда въ душѣ его! Безъ какой-нибудь цѣли и стремленія къ ней не живетъ ни одинъ живъ человѣкъ. Потерявъ цѣль и надежду, человѣкъ съ тоски обращается нерѣдко въ чудовище... Цѣль у всѣхъ нашихъ была свобода и выходъ изъ каторги.

Впрочемъ вотъ я теперь силюсь подвести весь нашъ острогъ подъ разряды; но возможно ли это? Дѣйствительность безконечно разнообразна, сравнительно со всѣми даже и самыми хитрейшими выводами отвлеченной мысли и не терпитъ рѣзкихъ и крупныхъ различій. Дѣйствительность стремится къ раздробленію. Жизнь своя особенная была у насъ, хоть какая-нибудь, да все-же была, и не одна официальная, а внутренняя, своя собственная жизнь.

Но какъ уже и упоминалъ я отчасти, я не могъ и даже не умѣлъ проникнуть во внутреннюю глубину этой жизни въ началѣ моего острога, а потому всѣ внѣшнія проявленія ея изучали меня тогда невыразимой тоской. Я иногда просто начиналъ ненавидѣть этихъ такихъ же страдальцевъ, какъ я. Я даже закидывалъ имъ и обвинялъ судьбу. Я завидовалъ имъ въ томъ, что они все-таки между своими, въ товариществѣ, понимаютъ другъ друга, хотя въ сущности имъ всѣмъ, какъ и мнѣ, надежде и омерзѣло это товарищество изъ-подъ плети и палки, эта насиль-

наивысшая и величайшая про себя смотрѣль отъ себя куда-нибудь въ сторону. Повторю опять, эта зависть, посѣщавшая меня въ минуты злобы, имѣла свое законное основаніе. Въ самомъ дѣлѣ возмнителяно поправитѣ, которые говорятъ, что дворянину, образованному и т. д. совершенно одинаково тяжело въ нашихъ каторгахъ и острогахъ, какъ и всякому мужику. Я знаю, я слышалъ объ этомъ предположеніи въ послѣднее время, я читалъ про это. Основаніе этой идеи вѣрное, гуманное. Всѣ люди, всѣ человѣки. Но идея-то слишкомъ отвлеченная. Упущено изъ виду очень много практическихъ условий, которыя не такъ просто понять, какъ въ самой дѣйствительности. Я говорю это не потому, что дворянскіе и образованный будто-бы чувствуютъ утонченнѣе, больнѣе, что они болѣе развиты. Душу и развитіе ея трудно подводить подъ какую-нибудь дѣйствительный уровень. Даже само образованіе въ этомъ случаѣ не мѣрка. Я первый готовъ свидѣтельствовать, что и въ самой необразованной, въ самой придавленной средѣ, между этими страдальцами встрѣчалъ черты самаго утонченнаго развитія душевнаго. Въ острогѣ было иногда такъ, что знаешь человѣка вѣскольکو лѣтъ и думаешь про него, что это звѣрь, а не человѣкъ, презираешь его. И вдругъ приходитъ случайно минута, въ которую душа его невольнымъ порывомъ открывается наружу и вы видите въ ней такое богатство, чувство, сердце, такое яркое пониманіе и собственнаго и чужого страданія, что у васъ какъ бы глаза открываются и въ первую минуту даже не вѣрите тому, что вы сами увидѣли и услышали. Бываетъ и обратное: образованіе уживается иногда съ такимъ варварствомъ, съ такимъ дикимъ дикимъ, что вамъ мерзятъ и какъ бы вы ни были добры или предубѣждены, вы не находите въ сердцѣ своемъ ни извиненій, ни оправданій.

Не говорю я тоже ничего о пережвѣннѣйшихъ привычекъ, образа жизни, лица, и проч., что для человѣка изъ высшаго слоя общества конечно тяжелѣе, чѣмъ для мужика, который нѣрѣдко годовалъ на волѣ, а въ острогѣ покрайней-мѣрѣ сыто наѣдался. Не буду и объ этомъ спорить. Положимъ, что человѣку хоть немного сильному волей все это вздоръ сравнительно съ другими неудобствами, хотя въ сущности пережвѣннѣйшихъ привычекъ дѣло вовсе не вздорное и не послѣднее. Но есть неудобства, передъ которыми все это блѣднѣетъ, до того что не обращаешь вниманія ни на грязь содержанія, ни на тиски, ни на тощую, неопрятную

щипцу. Самый гладенькой бѣлоручка, самый вѣжливый пѣшканин, пороботаеъ день въ потѣ лица, такъ, какъ онъ никогда не работалъ на свободѣ, будетъ ѣсть и черный хлѣбъ, и щи съ заращенными. Къ этому еще можно прибавить, какъ и упомянуто въ юмористической арестантской пѣснѣ о прожизнѣ бѣлоручкѣ, поделавшемъ въ каторгу:

Дадутъ капусты мнѣ съ водою —
И ѣсть, такъ за уши трещить.

Нѣтъ; вамиѣе всего этого то, что всякій изъ несоприкосновенныхъ въ острогѣ, черезъ два часа по прибытіи становится такимъ же, какъ и всѣ другіе, становится *у себя дома*, такимъ же равноправнымъ хозяиномъ въ острожной артели, какъ и всякой другой. Онъ всѣмъ понятенъ и самъ всѣхъ понимаетъ, всѣмъ знаменъ, и всѣ считаютъ его за *своего*. Не то съ благородными, съ дворянскими. Какъ ни будь онъ справедливъ, добръ, умнъ, его цѣлые годы будутъ ненавидѣть и презирать всѣ, цѣлой массой; его не поймутъ, и главное — не повѣрятъ ему. Онъ не другъ и не товарищъ, и хоть и достигнетъ онъ наконецъ, съ годами того, что его обижать не будутъ, но все-таки онъ будетъ не свой, и вѣчно, мучительно будетъ сознавать свое отчужденіе и одиночество. Это отчужденіе дѣлается иногда совсѣмъ безъ злобы со стороны арестантовъ, а такъ, безосознательно. Не свой человекъ, да и только. Ничего нѣтъ ужаснѣе какъ жить не въ своей средѣ. Мужикъ, переселенный изъ Таганрога въ Петропавловскій портъ, тотчасъ же найдетъ тамъ такого же точно русскаго мужика, тотчасъ же сговорится и сладится съ нимъ, и черезъ два часа они пожалуй заживутъ самымъ мирнымъ образомъ въ одной избѣ или въ одномъ шалашѣ. Не то для благородныхъ. Они раздѣлены съ простонародьемъ глубочайшею бездною и это замѣчается *только* тогда, когда *благородный* вдругъ самъ, силою вѣншихъ обстоятельствъ, дѣйствительно, на дѣлѣ лишается прежнихъ правъ своихъ и обратится въ простонародье. Нето хоть всю жизнь свою знайте съ народомъ, хоть сорокъ лѣтъ сразу каждый день сходитесь съ нимъ, по службѣ наиримѣръ, въ условно-административныхъ формахъ, или даже такъ, просто подружески, въ видѣ благодѣтеля и въ вѣкоторомъ смыслѣ отца, — никогда самой сущности не узнаете. Все будетъ только оптический обманъ и ничего больше. Я вѣдь знаю, что всѣ, рѣшительно всѣ,

читая мое замѣчаніе скажутъ, что я преувеличиваю. Но я убѣждаюсь, что оно вѣрно. Я убѣдился не книжно, не умозрительно, а въ дѣйствительности и мнѣль очень довольно времени, чтобъ проверить мои убѣжденія. Можетъ-быть въ послѣдствіи всѣ узнаютъ до какой степени это справедливо...

Событія какъ нарочито съ перваго шагу подтверждали мои наблюденія и нервно и болѣзненно дѣйствовали на меня. Въ это первое лѣто я считался во острогу почти одинъ-одинехомекъ. Я сказалъ уже, что былъ въ такомъ состояніи духа, что даже не могъ отличить и отличить тѣхъ изъ каторжныхъ, которые могли бы любить меня, которые и любилъ меня въслѣдствіи, хоть я никогда не сходился со мною на ровную ногу. Были товарищи и мнѣ, изъ дворянъ, но не снимало съ души моей всего бремени это товарищество. Не смотрѣлъ бы на то что кажется, а бѣжать мѣлука. И вотъ въпримѣръ одинъ изъ тѣхъ случаевъ, которые съ перваго разу наиболѣе дали мнѣ понятіе мою отчужденность и особенность моего положенія въ острогѣ. Однажды, въ это же лѣто, уже къ августу мѣсяцу, въ будній ясный и жаркій день, въ первомъ часу пополудни, когда по обыкновенію всѣ отдыхали передъ поелобѣденной работой, вдругъ вся каторга поднялась какъ одинъ человекъ и начала строиться на острожномъ дворѣ. Я ни о чемъ не зналъ до самой этой минуты. Въ это время, подчасъ я дотого бывалъ углубленъ въ самого себя, что почти не замѣчалъ, что вокругъ происходитъ. А между тѣмъ каторга уже два три глухо волновалась. Можетъ-быть и гораздо раньше началось это волненіе, какъ сообразилъ я уже потомъ, невольные припоминанья кое-что изъ арестантскихъ разговоровъ, а вѣстѣ съ тѣмъ и усиленную сварливость арестантовъ, угрюмость и особенно-озобленное состояніе, замѣчавшееся въ нихъ въ послѣднее время. Я приписывалъ это тяжелой работѣ, скучнымъ, длиннымъ лѣтнимъ днямъ, невольнымъ мечтамъ о лѣсахъ и о вольной-волюшкѣ, короткимъ ночамъ, въ которыя трудно было въ волю выспаться. Можетъ-быть все это и соединилось теперь вѣстѣ, въ одинъ взрывъ, но предлогъ этого взрыва былъ — нища. Уже нѣсколько дней въ послѣднее время громко жаловались, негодовали въ казармахъ и особенно сходясь въ кухни за обѣдню и ужиномъ, были недовольны стряпками, даже попробовали смѣнить одного изъ нихъ, но тотчасъ прогнали новаго и во-

релии стараго. Однигъ словомъ всё были въ какомъ-то безпечномъ настроеніи духа.

— Работа тимолаи, а шась брюшинной кормить, заверчатъ бывало кто-нибудь на кухнѣ.

— А не нравится, такъ бламаиже закажи, подхватятъ другой.

— Шди съ брюшинной, братцы, я очинно люблю, подхватываетъ третій, — потому скусны.

— А какъ все время тебя одной брюшинной кормить, будотъ скусно?

— Оно конечно, теперь масляя пора, говорятъ четвертый: мы на заводъ-то маемся-миемоя, послѣ урка-то жрать хочотся. А брюшина какая ѣда!

— А не съ брюшинной, тамъ съ усердіемъ (¹).

— Вотъ хотъ-бы еще взить это усердіе. Брюшина да усердіе только одно и нагадали. Это какаи ѣда! Вотъ тутъ правда, алы вѣтъ?

— Да, корыть плохой.

— Карманъ-то набиваетъ небось.

— Не твоего ума это дѣло.

— А чьего же? Брюхо-то мое. А всѣмъ бы міромъ сказать претензію, и было бы дѣло.

— Претензію?

— Да.

— Мало тебя знать за еоту претензію прежде драани. Статуи!

— Оно правда, прибавляетъ ворчливо другой, до сихъ поря молчаливый, — хотъ и скоро да не опоро. Что говорить-то на претензіи будешь, ты вотъ что сперва скажи, голова съ затѣвкомъ?

— Ну и скажу. Коли-бъ всё вошли, и я-бъ тогда со всѣми геверилъ. Вѣднестъ значить. У насъ кто свое ѣсть, а кто и на одномъ казенномъ сидить.

— Ишь; завидокъ востроглазый! Разгорѣлась глаза на чужое добро.

— На чужой кусокъ не разѣвай ротокъ, а ральше встанай да свой затѣвай.

— Затѣвай!... Я съ тобой да обѣдыкъ возмось въ еономъ дѣлѣ

(¹) То-есть съ осердіемъ. Арестанты въ насмѣшку выговаривали: съ усердіемъ.

торговаться буду. Значить ты богатый, коли сложа руки сидѣть хочешь?

— Богать Ерощка, есть собака да кошка.

— А и вправду, братцы, чего сидѣть! Значить полно ихнимъ дурачествамъ подражать. Шкуру деруть. Чего нейти?

— Чего! Тебѣ небось разжуй, да въ ротъ положи; привыкъ жованое ѣсть. Значить каторга — вотъ отчего!

— Выходить что: поessorь Боже народъ, накорми воеводъ.

— Оно самое. Растолетѣвъ восьмиглазый. Пару сѣрыхъ ку-
палъ.

— Ну и не любить выпить.

— Намеллись съ ветиринаромъ за картами подрались. Всю ночь козыряли. Нашъ-то два часа прожилъ на кулакахъ. Федьки сказывалъ.

— Оттого и щи съ усердіемъ.

— Эхъ вы дураки! Да не съ нашимъ мѣстомъ выходить-то.

— А вотъ выдати всѣмъ, такъ посмотримъ какое онъ оправданіе произнесетъ. На томъ и стоять.

— Оправданіе! Онъ тебя по идоламъ (1), да и былъ таковъ.

— Да еще подъ судъ отдадутъ...

Однимъ словомъ всѣ волновались. Въ это время дѣйствительно у насъ была плохая ѣда. Да ужъ и все одно къ одному привалило. А главное — общій тоскливый настрой, всегдашняя затаянная мука. Каторжный сварливъ и подымчивъ уже по природѣ своей; но подымаются всѣ мѣстѣ или большой кучей рѣдко. Причиной тому всегдашнее разногласіе. Это всякой изъ нихъ самъ чувствовалъ: вотъ почему и было у насъ больше руготни, нежели дѣла. И однакожъ въ этотъ разъ волненіе не прошло даромъ. Начали собираться по кучкамъ, толковали по казармамъ, ругались, припоминали со злобой все управленіе нашего майора, вывѣдывали всю подноготную. Особенно волновались вѣкторые. Во всякомъ подобномъ дѣлѣ всегда являются зачинщики, коноводы. Коноводы въ этихъ случаяхъ, то-есть въ случаяхъ претензій — вообще презамѣчательный народъ, и не въ одномъ острогѣ, а во всѣхъ артеляхъ, командахъ и проч. Это особенный типъ, повсемѣстно между собою схожий. Это народъ горячій, жаждущій справедливости и самымъ наивнымъ, са-

(1) По зубамъ.

мымъ честнымъ образомъ увѣренный въ ея непремѣнной, непреодолимой, и главное немедленной возможности. Народъ этотъ на глупѣе другихъ, даже бываютъ изъ нихъ и очень умные, но они слишкомъ горячи, чтобъ быть хитрыми и расчетливыми. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, если и бываютъ люди, которые умѣютъ ловко направить массу и выиграть дѣло, то ужь эти составляютъ другой типъ народныхъ вожаковъ и естественныхъ предводителей его, типъ чрезвычайно у насъ рѣдкій. Но эти, про которыхъ я теперь говорю, зачинщики и коноводы претензій, почти всегда проигрываютъ дѣло и населяютъ за это потомъ остроги и каторги. Черезъ горячку свою они проигрываютъ, но черезъ горячку же и вліяніе имѣютъ на массу. За ними наконецъ одошно идутъ. Ихъ жаръ и честное негодованіе дѣйствуютъ на всѣхъ и подъ конецъ самыя нерѣшительныя къ нимъ примыкаютъ. Ихъ слѣпая увѣренность въ успѣхѣ обладаетъ даже самыхъ задоренныхъ скептиковъ, несмотря на то, что иногда эта увѣренность имѣетъ такія шаткія, такія младенческія основанія, что дивяшься вчужѣ какъ это за ними пошли. А главное то, что они идутъ первые и идутъ ничего не боясь. Они какъ быки бросаются прямо внизъ рогами, часто безъ знанія дѣла, безъ осторожности, безъ того практическаго езуитизма, съ которымъ нерѣдко даже самый подлый и замаранный человѣкъ выигрываетъ дѣло, достигаетъ цѣли и выходитъ сухъ изъ воды. Они же непремѣнно ломаютъ рога. Въ обыкновенной жизни это народъ жолчный, брезгливый, раздражительный и нетерпимый. Чаше же всего ужасно ограниченный, что впрочемъ отчасти и составляетъ ихъ силу. Досадиѣ же всего въ нихъ-то, что вмѣсто прямой цѣли, они часто бросаются вкось, вмѣсто главнаго дѣла на мелочи. Это-то ихъ и губить. Но они понятны массамъ; въ этомъ ихъ сила... Впрочемъ надо сказать еще два слова о томъ: что такое значить *претензія*?

Въ нашемъ острогѣ было нѣсколько человѣкъ такихъ, которые пришла за претензію. Они-то и волновались наиболѣе. Особоенно одинъ, Мартыновъ, служившій прежде въ гусарахъ, горячій, безпокойный и подозрительный человѣкъ, впрочемъ честный и правдивый. Другой былъ Василій Антоновъ, человѣкъ какъ-то хладнокровно раздражавшійся, съ наглымъ взглядомъ, съ высокомерной саркастической улыбкой, чрезвычайно развитой, впрочемъ тоже честный и правдивый. Но всѣхъ не перебе-

рош; ничего ихъ было. Петровъ между прочимъ такъ и сновалъ назадъ и впередъ, прислушивался ко всѣмъ кучкамъ, мало говорилъ, но видимо былъ въ волненіи и первый выскочилъ изъ казармы, когда начали строятся.

Нашъ осторожный унтеръ-офицеръ, исправлявшій у насъ должность фельдфебеля, тотчасъ же вышелъ испуганный. Построившись, люди вѣжливо попросили его сказать майору, что каторга желаетъ съ нимъ говорить и лично просить его насчетъ нѣкоторыхъ пунктовъ. Вслѣдъ за унтеръ-офицеромъ вышли и всѣ инвалиды и построились съ другой стороны, напротивъ каторги. Порученіе, данное унтеръ-офицеру, было чрезвычайное и повергло его въ ужасъ. Но не доложить немедленно майору онъ не смѣлъ. Впервые ужъ если поднялась каторга, то могло выйти и что-нибудь хуже. Все начальство наше насчетъ каторги было какъ-то усиленно-трусливо. Вовторыхъ, еслибъ даже и ничего небыло, такъ что всѣ бы тотчасъ же одумались и разошлись, то и тогда бы унтеръ-офицеръ немедленно долженъ былъ доложить о всемъ происходившемъ начальству. Блѣдный и дрожащій отъ страха отправился онъ поспѣшно къ майору, даже и не пробуя самъ опрашивать и увѣщевать арестантовъ. Онъ видѣлъ, что съ нимъ теперъ и говорить-то не стануть.

Совершенно незная ничего, и я вышелъ строятся. Всѣ подробности дѣла я узналъ уже потомъ. Теперъ же, я думалъ, происходитъ какая-нибудь повѣрка; но невидя караульныхъ, которые производятъ повѣрку, удивился и сталъ осматриваться кругомъ. Лица были взволнованныя и раздраженныя. Иные были даже блѣдны. Всѣ вообще были озабочены и молчаливы въ ожиданіи того, какъ-то придется заговорить передъ майоромъ. Я замѣтилъ, что многіе посмотрѣли на меня съ чрезвычайнымъ удивленіемъ, но молча отворотились. Имъ было видимо странно, что и я съ ними построился. Они очевидно не вѣрили, чтобъ и я тоже показывалъ претензію. Вскорѣ однакожъ почти всѣ бывшіе кругомъ меня стали снова обращаться ко мнѣ. Всѣ глядѣли на меня вопросительно.

— Ты здѣсь зачѣмъ? грубо и громко спросилъ меня Василій Антоновъ, стоявшій отъ меня подалеже другихъ и до сихъ поръ всегда говорившій мнѣ *вы* и обращавшійся со мной вѣжливо.

Я посмотрѣлъ на него въ недоумѣвіи, все еще стараясь по-

нять, что это значитъ и уже догадывался, что проекадуть что-то необыкновенное.

— Въ самомъ дѣлѣ, чего тебѣ здѣсь стоять? ступай въ мазарму, проговорилъ одинъ молодой царень, изъ военныхъ, съ которымъ я до сихъ поръ вовсе былъ незнакомъ, малый добрый и тихій. — Не твоего ума это дѣло.

— Да вѣдь строятся, отвѣчалъ я ему: — я думалъ повѣрка.

— Ишь тоже выползъ, крикнулъ одинъ.

— Желѣзный носъ, проговорилъ другой.

— Муходавы! проговорилъ третій съ невыразимымъ презрѣниемъ. Это новое прозвище вызвало всеобщій хохоть.

— При милости на кухнѣ состоитъ, прибавилъ еще кто-то.

— Имъ вездѣ рай. Тутъ каторга, а они казая бѣдятъ да поросять покупаютъ. Ты вѣдь собственное ѣшь; чего жъ сюда лѣзешь?

— Здѣсь вамъ не мѣсто, проговорилъ Куликовъ, развязно подходя ко мнѣ; онъ взялъ меня за руку и вывелъ изъ рядовъ.

Самъ онъ былъ блѣденъ, черные глаза его сверкали и нижняя губа была закусана. Онъ не хладнокровно ожидалъ майора. Кстати: я ужасно любилъ смотрѣть на Куликова во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, то-есть во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда требовалось ему показать себя. Онъ рисовался ужасно, но и дѣло дѣлалъ. Мнѣ кажется онъ и на казнь бы пошолъ съ вѣкоторымъ шикомъ, щеголеватостью. Теперь, когда всѣ говорили мнѣ ты и ругали меня, онъ видимо нарочно удвоилъ свою вѣжливость со мною, а вмѣстѣ съ тѣмъ слова его были какъ-то особенно, даже высокоумно настойчивы, нетерпѣвшія никакого возраженія.

— Мы здѣсь про свое, Александръ Петровичъ, а вамъ здѣсь нечего дѣлать. Ступайте куда-нибудь, переждите... Вонъ ваши всѣ на кухнѣ, идите туда.

— Подъ девятую сваю, гдѣ Антипка безпятий живетъ! подхватилъ кто-то.

Сквозь приподнятое окно въ кухнѣ я дѣйствительно разглядѣлъ нашихъ поляковъ; впрочемъ мнѣ показалось, что тамъ кромѣ нихъ много народу. Озадаченный я пошолъ на кухню. Свѣтъ, ругательства и тюканье (замѣнявшее у каторжныхъ свистки) раздались мнѣ вслѣдъ.

— Не понравились!.. тю-тю-тю! бери его!..

Никогда еще я не былъ до сихъ поръ такъ оскорбленъ въ

острогѣ, и въ этотъ разъ мнѣ было очень тяжело. Но я попалъ въ такую минуту. Въ сѣняхъ въ кухнѣ мнѣ встрѣтился Т-вскій, изъ дворянъ, твердый и великодушный молодой человекъ безъ большого образования и любившій ужасно Б. Его изъ всѣхъ другихъ различали каторжные и даже отчасти любили. Онъ былъ храбръ, мужественъ и силенъ, и это какъ-то выказывалось въ каждомъ жестѣ его.

— Что вы, Горяничковъ, закричалъ онъ мнѣ: — идите сюда!

— Да что тамъ такое?

— Они претензію показываютъ, развѣ вы не знаете? Имъ разумѣется неудастся: кто повѣритъ каторжнымъ? Станутъ разыскивать зачинщиковъ, и если мы тамъ будемъ, разумѣется на насъ первыхъ свалить обвиненіе въ бунтъ. Вспомните за что мы пришли сюда. Ихъ просто высѣкутъ, а насъ подѣ судъ. Майоръ насъ всѣхъ ненавидитъ и радъ погубить. Онъ нами самъ оправдается.

— Да и каторжные выдаютъ насъ головою, прибавилъ М-дкій, когда мы вошли на кухню.

— Не беспокойтесь, не пожалѣютъ! подхватилъ Т-вскій.

Въ кухнѣ кромѣ дворянъ было еще много народу, всего человекъ тридцать. Всѣ они остались немалая показывать претензію, — одни изъ трусости, другіе по рѣшительному убѣжденію въ полной бесполезности всякой претензіи. Былъ тутъ и Акимъ Акимычъ, закоренѣлый и естественный врагъ всѣхъ подобныхъ претензій, мѣшающихъ правильному теченію службы и благоправію. Онъ молча и чрезвычайно спокойно выжидалъ окончанія дѣла, нимало не тревожась его исходомъ, напротивъ совершенно увѣренный въ неминуемомъ торжествѣ порядка и воли начальства. Былъ тутъ и Исая Фомичъ, стоявшій въ чрезвычайномъ недоумѣніи, повѣсивъ носъ, жадно и трусливо прислушиваясь къ нашему говору. Онъ былъ въ большомъ беспокойствѣ. Были тутъ всѣ острожные полаты изъ простыхъ, вранкнувшіе тоже къ дворянамъ. Было нѣсколько робкихъ личностей изъ русскихъ, народу всегда молчаливаго и забитаго. Выйти съ прочими они не осмѣлились и съ грустью ожидали чѣмъ кончится дѣло. Было наконецъ нѣсколько угрюмыхъ и всегда суровыхъ арестантовъ, народу неробкаго. Они остались по упрямому и брезгливому убѣжденію, что все это вздоръ и ничего кромѣ худого изъ этого дѣла не будетъ. Но мнѣ кажется, что

они все-таки чувствовали себя теперь как-то неловко, смотрѣли несовѣсть самоувѣренно. Они хоть и понимали, что совершенно правы насчетъ претензій, что и подтвердилось впоследствии, но все-таки сознавали себя какъ бы отщепенцами, оставившими артель, точно выдали товарищей плацъ-майору. Очутился тутъ и Елкимъ, тотъ самый хитрый мужичокъ-сибирякъ, пришедшій за фальшивую монету и отбившій ветеринарную практику у Куликова. Старичокъ изъ стародубовскихъ слободъ былъ тоже тутъ. Стряпки рѣшительно всё до единого остались на кухнѣ, вѣроятно по убѣжденію, что они тоже составляютъ часть администраціи, а слѣдственно и неприлично имъ выходить противъ нея.

— Однако, началъ я нерѣшительно, обращаясь къ М-ну, — кромѣ этихъ почти всё вышли.

— Да намъ-то что? проворчалъ Б.

— Мы во сто разъ больше ихъ рисковали бы, еслибъ вышли; а для чего? Je haïs les brigands. И неужели вы думаете хоть одну минуту, что ихъ претензія состоится? Что за охота совать-ся въ нелѣпость?

— Ничего изъ этого не будетъ, подхватилъ одинъ изъ каторжныхъ, упрямый и озлобленный старикъ. Алмазовъ, бывшій тутъ же, поспѣшилъ поддакнуть ему въ отвѣтъ.

— Окромѣ того, что пересѣкутъ съ полсотни, — ничего изъ этого не будетъ.

— Майоръ пріѣхалъ! крикнулъ кто-то и всё жадно бросились къ окошкамъ.

Майоръ влетѣлъ злой, взбѣсившійся, красный, въ очкахъ. Молча, но рѣшительно подошелъ онъ къ фрунту. Въ этихъ случаяхъ онъ дѣйствительно былъ смѣлъ и не терялъ присутствія духа. Впрочемъ онъ почти всегда былъ воодѣяна. Даже его засаленная фуражка съ оранжевымъ околышкомъ и грязные серебряные эполеты имѣли въ эту минуту что-то зловѣщее. За нимъ шелъ писарь Дятловъ, чрезвычайно важная особа въ нашемъ острогѣ, въ сущности управлявшій всёю въ острогѣ и даже имѣвшій вліяніе на майора, малый хитрый, очень себѣ на умѣ, но и не дурной человекъ. Арестанты были имъ довольны. Вслѣдъ за нимъ шелъ нашъ унтеръ-офицеръ, очевидно уже успѣвшій получить страшнѣйшую распеканцію и ожидавшій еще вдесатеро больше; за нимъ конвойные, три или четыре человекъ

на болѣе. Арестанты, которые стояли безъ фуражекъ кажется еще съ того самаго времени какъ послали за майоромъ, теперь всѣ выпрямились, подправились; каждый изъ нихъ переступилъ съ ноги на ногу, а затѣмъ всѣ такъ и замерли на мѣстѣ, ожидая перваго слова, или лучше сказать перваго крика вышшаго начальства.

Онъ немедленно послѣдовалъ; со втораго слова майоръ заоралъ во все горло, даже съ какнишъ—то визгомъ на этотъ разъ: оченъ ужъ онъ былъ разбѣшонъ. Изъ оконъ намъ видно было какъ онъ бѣгалъ по фрунту, бросался, допрашивалъ. Впрочемъ вопросовъ его, равно какъ и арестантскихъ отвѣтовъ, намъ за дальностью мѣста не было слышно. Только и разслышали мы, какъ онъ визгливо кричалъ:

— Бунтовщики!.. сквозь строй... Зачинщики! Ты зачинщикъ! Ты зачинщикъ! накинулся онъ на кого—то.

Отвѣта не было слышно. Но черезъ минуту мы увидѣли какъ арестантъ отбѣлился и отправился въ кордегардію. Еще черезъ минуту отправился вслѣдъ за нимъ другой, потомъ третій.

— Всѣхъ подъ судъ! я васъ! Это кто тамъ на кухнѣ? взвизгнулъ онъ, увидя насъ въ отворенныя окошки. — Всѣхъ сюда! гнать ихъ сейчасъ сюда!

Писарь Дятловъ отправился къ намъ на кухню. Въ кухнѣ сказали ему, что не имѣютъ претензіи. Онъ немедленно воротился и доложилъ майору.

— А, не имѣютъ! проговорилъ онъ двумя тонами ниже, видимо обрадованный. — Все равно, всѣхъ сюда!

Мы вышли. Я чувствовалъ, что какъ—то совѣстно намъ выходить. Да и всѣ шли точно понуривъ голову.

— А, Прокофьевъ! Елкинъ тоже, это ты Алмазовъ... Становитесь, становитесь сюда, въ кучку, говорилъ намъ майоръ какнишъ—то уторопленнымъ, но мягкимъ голосомъ, ласково на насъ поглядывая. — М—цкій, ты тоже здѣсь... вотъ и переписать. Дятловъ! Сейчасъ же переписать всѣхъ, довольныхъ особо и всѣхъ недовольныхъ особо, всѣхъ до одинаго, и бумагу ко мнѣ. Я всѣхъ васъ представляю... подъ судъ! Я васъ, мошенники!

Бумага подѣйствовала.

— Мы довольны! угрюмо крикнулъ вдругъ одинъ голосъ изъ толпы недовольныхъ, но какъ—то не очень рѣшительно.

— А, довольны! Кто доволенъ? Кто доволенъ, тотъ выходитъ.

— Довольны, довольны! прибавилось нѣсколько голосовъ.

— Довольны! Значитъ васъ смущала? значитъ были зачинщики, бунтовщики? Тѣмъ хуже для нихъ!...

— Господи, чтожъ это такое! раздался чей-то голосъ въ толпѣ.

— Кто, кто это крикнулъ, кто? заревѣлъ майоръ, бросающъ въ ту сторону, откуда послышался голосъ. — Это ты, Расторгуевъ, ты крикнулъ? Въ кордегардію!

Расторгуевъ, одутловатый и высокій молодой парень, вышелъ и медленно отправился въ кордегардію. Крикнулъ вовсе не онъ, но такъ какъ на него указали, то онъ и не противорѣчилъ.

— Съ жиру бѣситесь! завопилъ ему видѣлъ майоръ. — Нишъ толстая рожа, въ три дня не ...! Вотъ я васъ всѣхъ розыщу! Выходите довольные!

— Довольны, ваше высокоблагородіе! мрачно раздались нѣсколько десятковъ голосовъ; остальные упрямно молчали. Но майору только того и надо было. Ему очевидно самому было выгодно кончать скорѣе дѣло, и какъ-нибудь кончить соглашеніемъ.

— А, теперь всѣ довольны! проговорилъ онъ торжась. — Я это и видѣлъ... зналъ. Это зачинщики! Между ними очевидно есть зачинщики! продолжалъ онъ обращаясь къ Дятлову: — это надо подробнѣе розыскать. А теперь... Теперь на работу время. Бей въ барабанъ!

Онъ самъ присутствовалъ на разводкѣ. Арестантъ молча и грустно расходился по работамъ, довольные по крайней мѣрѣ тѣмъ, что поскорѣй съ глазъ долой уходили. Но послѣ разводки майоръ немедленно навѣдлся въ кордегардію и распорядился съ «зачинщиками», впрочемъ не очень жестоко. Даже спѣшилъ. Одинъ изъ нихъ, говорили потомъ, попросилъ прощенія и онъ тотчасъ простилъ его. Видно было, что майоръ отчасти не въ своей тарелкѣ и даже можетъ-быть струснулъ. Претензія во всякомъ случаѣ вещь щекотливая, и хотя жалоба арестантовъ въ сущности и не могла назваться претензіей, потому что показывали ее не высшему начальству, а самому же майору, но все-таки было какъ-то неловко, нехорошо. Особенно смущало, что всѣ поголовно возстали. Слѣдовало затушить дѣло, во что бы ни стало. «Зачинщиковъ» скоро выпустили. Назавтра же пища улучши-

зась, хотя впрочемъ ненадолго. Майоръ въ первые дни сталъ чаще навѣщать острогъ и чаще находилъ безпорядки. Нашъ унтеръ-офицеръ ходилъ озабоченный и сбившійся съ толку, какъ-будто все еще не могъ прийти въ себя отъ удивленія. Что же касается арестантовъ, то долго еще послѣ этого, они не могли успокоиться, но уже не волновались попрежнему, а были молча растревожены, озадачены какъ-то. Иные даже повѣсили голову. Другіе ворчливо, хоть и не словоохотно отзывались о всемъ этомъ дѣлѣ. Многіе какъ-то озлобленно и вслухъ подсмѣивались сами надъ собою, точно казня себя за претензію.

— Натко братъ, возьми, закуси! говоритъ бывало одинъ.

— Чему посмѣившся, тому и поработаешь! прибавляетъ другой.

— Гдѣ та нышь, чтобъ ногу звономъ привѣсила? замѣчаетъ третій.

— Нашего брата безъ дубины не увѣришь, извѣстно. Хорошо еще, что не всѣхъ высѣкъ.

— А ты впередъ больше знай, да меньше болтай, крѣпче будетъ! озлобленно замѣчаетъ кто-нибудь.

— Да ты что учишь-то, учитель?

— Знамо дѣло учу.

— Да ты кто таковъ выскочилъ?

— Да я-то покажишь еще человекъ, а ты-то кто?

— Огрывокъ собачій, вотъ ты кто.

— Это ты самъ.

— Ну-ну, довольно вамъ! чего загадѣли! кричатъ со всѣхъ сторонъ на спорящихъ...

Въ тотъ же вечеръ, то-есть въ самый день претензіи, возвращаясь съ работы, я встрѣтился за казармами съ Петровымъ. Онъ меня ужъ искалъ. Подойдя ко мнѣ, онъ что-то пробормоталъ, что-то вродѣ двухъ трехъ неопредѣленныхъ восклицаній, но скорѣ разсѣянно замолчалъ и машинально пошелъ со мной рядомъ. Все это дѣло еще больно лежало у меня на сердцѣ, и мнѣ показалось, что Петровъ мнѣ кое-что разъяснить.

— Скажите, Петровъ, спросилъ я его: — ваши на насъ не сердятся?

— Кто сердится? спросилъ онъ какбы очнувшись.

— Арестанты, на насъ... на дворянъ?

— А за что на васъ сердиться?

— Ну, да зато что мы не вышли на претензію.

— Да вамъ зачѣмъ показывать претензію? спросилъ онъ, каковы стараясь понять меня: — вѣдь вы свое кушаете.

— Ахъ боже-мой! Да вѣдь и изъ вашихъ есть, что свое ѣдятъ, а вышли же. Ну и намъ надо было... изъ товарищества.

— Да... да какой же вы намъ товарищъ? спросилъ онъ съ недоумѣніемъ.

Я поскорѣй взглянулъ на него: онъ рѣшительно не понималъ меня, не понималъ чего я добиваюсь. Но зато я понялъ его въ это мгновеніе совершенно. Въ первый разъ теперь одна мысль, уже давно неясно во мнѣ шевелившаяся и меня преслѣдовавшая, разъяснилась мнѣ окончательно, и я вдругъ повялъ то; о чемъ до сихъ поръ плохо догадывался. Я понялъ, что меня никогда не примутъ въ товарищество, будь я разъарестантъ, хоть на вѣки вѣчные, хоть особаго отдѣленія. Но особенно остался мнѣ въ памяти видъ Петрова въ эту минуту. Въ его вопросѣ: «какой же вы намъ товарищъ?» слышалась такая неподдѣльная наивность, такое простодушное недоумѣніе. Я думалъ: нѣтъ ли въ этихъ словахъ какой-нибудь ироніи, злобы, насмѣшки? Ничего не бывало: просто не товарищъ да и только. Ты иди своей дорогой, а мы своей; у тебя свои дѣла, а у насъ свои.

И дѣйствительно: я было думалъ, что послѣ претензіи они просто загрызутъ насъ и намъ житья не будетъ. Ничуть не бывало: ни малѣйшаго упрека, ни малѣйшаго намека на упрекъ мы не слышали, никакой особенной злобы не прибавилось. Просто пилили насъ понемногу при случаѣ, какъ и прежде пилили, и больше ничего. Впрочемъ не сердились тоже нисколько и на всѣхъ тѣхъ, которые не хотѣли показывать претензію и оставались на кухнѣ, равно какъ я на тѣхъ, которые изъ первыхъ крикнули, что всѣмъ довольны. Даже и не помянулъ объ этомъ никто. Особенно послѣдняго я не могъ понять.

VIII

.....

.....

IX

Н О В Ъ Г Ъ

Вскорѣ послѣ смѣны нашего плацъ-майора случились коренныя измѣненія въ нашемъ острогѣ. Каторгу уничтожили и вмѣсто нея основали арестанскую роту военного вѣдомства на основаніи россійскихъ арестантскихъ ротъ. Это значило, что уже ссыльныхъ каторжныхъ второго разряда въ нашъ острогъ больше не приводили. Началъ же онъ заселяться съ сей поры единственно только арестантами военного вѣдомства, стало-быть людьми не лишонными правъ состоянія, тѣми же солдатами, какъ и всѣ солдаты, только наказанными, приходившими на короткіе сроки (до шести лѣтъ наибольше) и по выходѣ изъ острога поступавшими опять въ свои батальоны рядовыми, какими были они прежде. Впрочемъ возвращавшіеся въ острогъ по вторичнымъ преступленіямъ наказывались, какъ и прежде, двадцатилѣтнимъ срокомъ. У насъ впрочемъ и до этой перемѣны было отдѣленіе арестантовъ военного разряда, но они жили съ нами потому, что имъ не было другого мѣста. Теперь же весь острогъ сталъ этимъ военнымъ разрядомъ. Само собою разумѣется, что прежніе каторжные, настоящіе гражданскіе каторжные, лишонные всѣхъ своихъ правъ, клейменые и обритые вдоль головы, остались при острогѣ до окончанія ихъ полныхъ сроковъ; новыхъ болѣе не приходило, а оставшіеся помаленьку отживали сроки и уходили, такъ что лѣтъ черезъ десять въ нашемъ острогѣ не могло остаться ни одного каторжного. Особое отдѣленіе тоже осталось при острогѣ и въ него все еще отъ времени до времени присылались тяжкіе преступники военного вѣдомства, впредь до открытія въ Сибири самыхъ тяжелыхъ каторжныхъ работъ. Такимъ образомъ для насъ жизнь продолжалась въ сущности попрежнему: тоже содержаніе, таже работа и почти тѣже порядки, только начальство измѣнилось и усложнилось. Назначенъ былъ штабъ-офицеръ, командиръ роты, и сверхъ того четыре оберъ-офицера, дежурившихъ поочередно по острогу. Уничтожены были тоже инвалиды; вмѣсто нихъ уяреждены двѣнадцать унтеръ-офицеровъ и кауценармусъ. Завелись раздѣлы по десят-

камъ, завелись ефрейтора изъ самихъ арестантовъ, номинально разумѣется, и ужь само собою Акимъ Акимычъ тотчасъ же оказался ефрейторомъ. Все это новое учрежденіе и весь острогъ со всѣми его чинами и арестантами попрежнему остались въ вѣдомствѣ коменданта, какъ въѣснаго начальника. Вотъ и все что произошло. Разумѣется арестанты сначала очень волновались, толковали, угадывали и раскусывали новыхъ начальниковъ; но когда увидѣли, что въ сущности все осталось попрежнему, тотчасъ же успокоились и жизнь наша пошла постарому. Но главное то, что всѣ были избавлены отъ прежняго майора; всѣ какбы отдохнули и ободрились. Исчезъ зачуманный видъ; всякъ зналъ теперь, что въ случаѣ нужды могъ объявиться съ начальникомъ, что праваго развѣ по ошибкѣ накажутъ вмѣсто виноватаго. Даже вино продолжало продаваться у насъ точно такъ же и на тѣхъ же основаніяхъ какъ и прежде, несмотря на то, что вмѣсто прежнихъ инвалидовъ настали унтеръ-офицеры. Эти унтеръ-офицеры оказались большею частью людьми порядочными и смыслеными, понимающими свое положеніе. Иные изъ нихъ впрочемъ выказывали вначалѣ пополузновеніе покуражиться, и конечно по неовытности, думала обращаться съ арестантами какъ съ солдатами. Но скоро и эти переняли въ чемъ дѣло. Другимъ же, одинокомъ долго исполнявшимъ, доказали ужь сущность дѣла сами арестанты. Бывали довольно рѣзкія столкновенія: напримѣръ соблазнять, нанять унтеръ-офицера, да послѣ того и доложуть ему, восвойски разумѣется, что онъ пилъ вмѣстѣ съ нами, а слѣдственно... Кончилось тѣмъ, что унтеръ-офицеры равнодушно смотрѣли, или лучше старались не смотрѣть какъ проносятъ пузыри и продаютъ водку. Мало того: какъ и прежніе инвалиды, они ходили на базаръ и приносили арестантамъ калачей, говядины и все прочее, то есть такое, за что могли взяться безъ большого зазору. Для чего это все такъ перемѣнилось, для чего завели арестантскую роту, этого ужь я незнаю. Случилось уже это въ послѣдніе годы моей каторги. Но два года еще суждено мнѣ было прожить при этихъ новыхъ порядкахъ...

Записывать ли всю эту жизнь, всѣ мои годы въ острогѣ? Не думаю. Если писать по порядку, кряду все что случилось и что я видѣлъ и испыталъ въ эти годы, можно бы разумѣется еще написать втрое, вчетверо больше главъ, чѣмъ до сихъ поръ написано.

Не такое описаніе поневоля́ станетъ наконецъ слишкомъ однообразно. Всѣ приключенія выйдутъ слишкомъ въ одномъ и томъ же тонѣ, особенно если читатель уже успѣлъ, по тѣмъ главамъ, которыя написаны, составить себѣ хоть нѣсколько удовлетворительное понятіе о каторжной жизни второго разряда. Мнѣ хотѣлось представить весь нашъ острогъ и все что я прожилъ въ эти годы, въ одной наглядной и яркой картинѣ. Достигъ ли я этой цѣли, незнаю. Да отчасти и не мнѣ судить объ этомъ. Не я убѣжденъ, что на этомъ можно и кончить. Ктому же меня самого беретъ иногда тоска при этихъ воспоминаніяхъ. Да врядъ ли я и могу все припомнить. Дальнѣйшіе годы какъ-то стерлись въ моей памяти. Многія обстоятельства, я убѣжденъ въ этомъ, совсѣмъ забыты мною. Я помню напримѣръ, что всѣ эти годы, въ сущности одинъ на другой такъ похожіе, проходили вяло, тоскливо. Помню, что эти долгіе, скучные дни были такъ однообразны, точно вода послѣ дождя капала съ крыши по каплѣ. Помню, что едине только страстное желаніе воскресенія, обновленія, новой жизни укрѣпило меня ждать и надѣяться. И я наконецъ скрѣпился; я ждалъ, я отсчитывалъ каждый день и несмотря на то что оставалось ихъ тысячу, съ наслажденіемъ отсчитывалъ по одному, провожалъ, хоронилъ его и съ наступленіемъ другого дня радъ былъ, что остается уже не тысяча дней, а девятьсотъ-девяносто-девять. Помню, что до все это время, несмотря на сотни товарищей, я былъ въ страшномъ уединеніи, и я полюбилъ наконецъ это уединеніе. Одинокій душевно, я пересматривалъ всю прошлую жизнь мою, перебиралъ все до послѣднихъ мелочей, вдумывался въ мое прошлое, судилъ себя одинъ неумолимо и строго, и даже въ иной часъ благословлялъ судьбу за то, что она послала мнѣ это уединеніе, безъ котораго не состоялись бы ни этотъ судъ надъ собой, ни этотъ строгій пересмотръ прежней жизни. И какими надеждами забилось тогда мое сердце! Я думалъ, я рѣшилъ, я клялся себѣ, что уже не будетъ въ моей будущей жизни ни тѣхъ ошибокъ, ни тѣхъ паденій, которыя были прежде. Я начерталъ себѣ программу всего будущаго и положилъ твердо слѣдовать ей. Во мнѣ возродилась слѣпая вѣра, что я все это исполню и могу исполнить... Я ждалъ, я звалъ поскорѣе свободу; я хотѣлъ испробовать себя вновь, на новой борьбѣ. Порой захватывало меня судорожное нетерпѣніе... Но мнѣ больно вспоминать теперь о тогдашнемъ настроеніи души моей. Конечно все

это одного только меня касается... Но я оттого и записалъ это, что мнѣ кажется всякой это пойметъ, потому что со всякимъ тоже самое должно случиться, если онъ попадетъ въ тюрьму, на срокъ, въ цвѣтъ лѣтъ и силъ.

Но что объ этомъ!.. Лучше расскажу еще что-нибудь, чтобъ ужъ не кончить слишкомъ рѣзкимъ отрубомъ.

Мнѣ пришло въ голову, что пожалуй кто-нибудь спроситъ: неужели изъ каторги нельзя было никому убѣжать и во все эти года никто у насъ не бѣжалъ? Я писалъ уже, что арестантъ, пробывшій два-три года въ острогѣ, вачинаетъ уже дѣлать эти годы и невольно приходитъ къ расчету, что лучше дожить остальное безъ хлопотъ, безъ опасностей и выйти наконецъ законнымъ образомъ на поселеніе. По такой расчетъ поощряется только въ головѣ арестанта, прислаиваго не на долгій срокъ. Долголѣтній пожалуй бы и готовъ рискнуть... Но у насъ какъ-то этого не дѣлалось. Незнаю, труслили ль очень, присмотрѣ ли былъ особенно строгій, военный, мѣстность ли нашего города во многомъ неблагопріятствовала (степная, открытая)? — трудно сказать. Я думаю все эти причины имѣли свое вліяніе. Дѣйствительно убѣжать отъ насъ было трудновато. А между тѣмъ и при мнѣ случилось одно такое дѣло: двое рискнули, и даже изъ самыхъ важныхъ преступниковъ...

Послѣ смѣны майора А-въ (тотъ, который шпионилъ ему на острогѣ) остался совершенно одинъ, безъ протекціи. Онъ былъ еще очень молодой человѣкъ, но характеръ его укрѣплялся и устанавливался съ лѣтами. Вообще это былъ человѣкъ дерзкій, рѣшительный и даже очень смысленый. Онъ хоть бы и продолжалъ шпионить и промышлять разными подземными способами, еслибъ ему дали свободу, но ужъ не попался бы теперь такъ глупо и нерасчетливо какъ прежде, поплатившись за свою глупость ссылкой. Онъ упрямялся у насъ отчасти и въ фальшивыхъ паспортахъ. Не говорю впрочемъ утвердительно. Такъ слышалъ я отъ нашихъ арестантовъ. Говорили, что онъ работалъ въ этомъ родѣ еще когда ходилъ къ плацъ-майору на кухню, и разумѣется извлекалъ изъ этого considerable доходъ. Однимъ словомъ, онъ кажется могъ рѣшиться на все, чтобъ переменить свою участь. Я имѣлъ случай отчасти узнать его душу: цинизмъ его доходилъ до всеумерительной дерзости, до самой холодной насмѣшки и возбу-

ждать непреодолимое отвращеніе. Мнѣ кажется, еслибъ ему очень захотѣлось выпить шкаликъ вина, и еслибъ этотъ шкаликъ можно было получить не иначе какъ зарѣзавъ кого-нибудь, то онъ бы непременно зарѣзалъ, еслибъ только это можно было сдѣлать втихомолку, чтобъ никто не узналъ. Въ острогѣ онъ научился расчету. Вотъ на этого-то человѣка и обратилъ свое вниманіе особаго отдѣленія арестантъ Куликовъ.

Я уже говорилъ о Куликовѣ. Человѣкъ онъ былъ молодой, но страстный, живучій, сильный, съ чрезвычайными и разнообразными способностями. Въ немъ была сила, и ему еще хотѣлось пожить; такимъ людямъ до самой глубокой старости все еще хочется жить. И еслибъ я сталъ дивиться, отчего у насъ не бѣгутъ, то разумѣется подивился бы на перваго Куликова. Но Куликовъ рѣшился. Кто на кого изъ нихъ имѣлъ больше вліянія: А-въ ли на Куликова или Куликовъ на А-ва? не знаю, но оба другъ друга стояли и для этого дѣла были люди взаимно подходящіе. Они сдружились. Мнѣ кажется Куликовъ рассчитывалъ, что А-въ приготовитъ паспорта. А-въ былъ изъ дворянъ, былъ хорошаго общества — это сулило нѣкоторое разнообразіе въ будущихъ приключеніяхъ, только бы добраться до Россіи. Кто-знаетъ какъ они сговорились и какія у нихъ были надежды; но ужь вѣрно надежды ихъ выходили изъ обыкновенной рутинны сибирскаго бродяжничества. Куликовъ былъ отъ природы актеръ, могъ выбирать многія и разнообразныя роли въ жизни; могъ на многое надѣяться, по крайней-мѣрѣ на разнообразіе. Такихъ людей долженъ былъ давить острогъ. Они сговорились бѣжать.

Но безъ конвойнаго бѣжать было невозможно. Надо было подговорить съ собой вѣстѣ конвойнаго. Въ одномъ изъ батальоновъ, стоявшихъ въ крѣпости, служилъ одинъ полякъ, энергическій человѣкъ и можетъ-быть достойный лучшей участи, человѣкъ уже пожилой, молодцоватый, серьезный. Смолоду, только-что прийдя на службу въ Сибирь, онъ бѣжалъ отъ глубокой тоски по родинѣ. Его поймали, наказали и года два продержали въ арестантскихъ ротахъ. Когда его поворотили опять въ солдаты, онъ одумался и сталъ служить ревностно, изо всѣхъ силъ. За отличіе его сдѣлали ефрейторомъ. Это былъ человѣкъ съ честолюбіемъ, самонадѣянный и знавшій себѣ цѣну. Онъ такъ и смотрѣлъ, такъ и говорилъ, какъ знающій себѣ цѣну. Я нѣсколько

по разъ въ эти годы встрѣчалъ его между машинными конвойными. Миѣ кое-что говорили о немъ и поляки. Миѣ показалось, что прежняя тоска обратилась въ немъ въ ненависть, скрытную, глухую, всегдашнюю. Этотъ человѣкъ могъ рѣшиться на все, и Куликовъ не ошибся, выбравъ его товарищемъ. Фамилія его была Коллеръ. Они еговорились и назначили день. Это было въ іюні мѣсяцѣ, въ жаркіе дни. Климатъ въ этомъ городѣ довольно реальный; лѣтомъ погода стоитъ постоянная, горячая: а это и на руку бродягѣ. Разумѣется они никакъ не могли пуститься прямо съ мѣста, изъ крѣпости: весь городъ стоитъ на юру, открытый со всѣхъ сторонъ. Кругомъ на довольно далекое пространство нѣтъ лѣса. Надо было переодѣться въ обывательскій костюмъ, а для этого сначала пробраться въ форштадтъ, гдѣ у Куликова издавна былъ притонъ. Незнаю были ли форштадтскіе благопріятели ихъ въ полномъ секретѣ. Надо полагать, что были, хотя вѣтомъ, при дѣлѣ, это не совсѣмъ объяснелось. Въ этотъ годъ въ одномъ углу форштата только-что начинала свое поприще одна молодая и весьма пригожая дѣвица, по прозвищу Ванька-Ташка, подававшая большія надежды и отчасти осуществлявшая ихъ въосажденіи. Звали ее тоже: огонь. Кажется и она тутъ принимала нѣкоторое участіе. Куликовъ разорялся на нее уже цѣлый годъ. Наши молодцы вышли утромъ на разводку и лодке устроили такъ, что ихъ отаравили съ арестантомъ Шилкинымъ, печникомъ и штукатурщикомъ, штукатурить батальонныя пустыя казармы, изъ которыхъ солдаты давно уже вышли въ лагери. А-въ и Куликовъ отправились съ нимъ въ качествѣ подносчиковъ, Коллеръ подвернулся въ конвойные, а такъ какъ за троимъ требовалось двухъ конвойныхъ, то Коллеру какъ старому служивому и ефрейтору охотно поручили молодого рекрутчика, въ видахъ наставленія и обученія его конвойному дѣлу. Стало-быть имѣли же наши бѣглецы сильнѣйшее вліаніе на Коллера и повѣрилъ же онъ имъ, когда послѣ долголѣтней и удачной въ послѣдніе годы службы, онъ, человѣкъ умный, солидный, расчетливый, рѣшился за ними слѣдовать.

Они пришли въ казармы. Было часовъ шесть утра. Кромѣ ихъ никого не было. Поработавъ съ часъ, Куликовъ и А-въ сказали Шилкиву, что пойдутъ въ мастерскую, впервыхъ чтобъ повидать кого-то, а вовторыхъ кетати ужъ и захватятъ какой-то инструментъ, который оказался въ недостатѣ. Съ

Шилкинѣмъ надо было вести дѣло хитро, то—естъ какъ можно натуральнѣе. Онъ былъ москвичъ, печникъ по ремеслу, изъ московскихъ мѣщанъ, хитрый, пронырливый, умный, малорѣчивый. Наружностью онъ былъ щедушный и испитой. Ему бы вѣкъ ходить въ жилеткѣ и халатѣ, по-москвовски, но судьба сдѣлала иначе и послѣ долгихъ странствій онъ засѣлъ у насъ навсегда въ особомъ отдѣленіи, т. е. въ рязрядѣ самыхъ страшныхъ военныхъ преступниковъ. Чѣмъ онъ заслужилъ такую карьеру, незнаю; но особеннаго недовольства въ немъ никогда не замѣчалось; велъ онъ себя смиренно и ровно; иногда только начинался какъ саножникъ, но велъ себя и тутъ хорошо. Въ секретѣ разумѣлся онъ не былъ, а глаза у него были зоркіе. Само собою что Куликовъ мигнулъ ему, что они идутъ за вѣномъ, которое привасено въ мастерской еще со вчерашняго дня. Это требовало Шилкина; онъ рязстался съ ними безо всякихъ подозрѣній и остался съ однимъ рекруткомъ, а Куликовъ, А-въ и Коламеръ отправились въ форштадтъ.

Прошло полчаса; отсутствующіе не возвращались, и вдругъ, спохватившись, Шилкинъ началъ задумываться. Паромъ прошель сквозь всѣ мѣдныя трубы. Началъ онъ припоминать: Куликовъ былъ какъ-то особенно настроенъ, А-въ два раза какъ-будто съ нимъ вошептала, покрайней-мѣрѣ Куликовъ мигнулъ ему два два, онъ это видѣлъ; теперь онъ это все помнить. Въ Коламерѣ тоже что-то замѣчалось: покрайней-мѣрѣ уходилъ съ ними, онъ началъ читать наставленія рекрутику, какъ вести себя въ его отсутствіе, а это было какъ-то несовсѣмъ естественно, покрайней-мѣрѣ отъ Коллера. Однимъ словомъ чѣмъ дальше припоминалъ Шилкинъ, тѣмъ подозрительнѣе онъ становился. Время между тѣмъ шло, они не возвращались и безпокойство его достигло крайнихъ предѣловъ. Онъ очень хорошо понималъ сколько онъ рисковалъ въ этомъ дѣлѣ: на него могли обратиться подозрѣнія начальства. Могли подумать, что онъ отпустилъ товарищей зазнамо, по взаимному соглашенію, и еслибъ онъ премедлилъ объявить объ нечестовеніи Куликова и А-ва, подозрѣнія эти получили бы еще болѣе вѣроятія. Времени терять было нечего. Тутъ онъ вспомнилъ, что въ послѣднее время Куликовъ и А-въ были какъ-то особенно близки между собою, часто шептались, часто ходили за казармами, вдали отъ всѣхъ глазъ. Вспомнилъ онъ, что и тогда ушь что-то подумалъ про нихъ... Пытливо

поглядѣлъ онъ на своего конвойнаго; тотъ зѣвалъ, облокотясь на ружье, и невнимательнѣйшимъ образомъ прочищалъ палецъ своей носъ, такъ что Шилкинъ и не удостоилъ сообщить ему своихъ мыслей, а просто-запросто сказалъ ему, чтобъ онъ слѣдовалъ за нимъ въ нижеверную мастерскую. Въ мастерской надо было спросить, не приходили-ль они туда? Но оказалось, что тамъ ихъ никто не видалъ. Всѣ сомнѣнія Шилкина разсѣялись: «Едва-ль онъ просто пошелъ поить да погулять въ форштатъ, что иногда дѣлалъ Куликовъ — думалъ Шилкинъ — то даже и этого тутъ быть не могло. Они бы сказались ему, потому этого не стоило бы отъ него таить.» Шилкинъ бросилъ работу, и не заходя въ казарму, отправился прямо въ острогъ.

Было уже почти девять часовъ, когда онъ явился къ фельдфебелю и обвинилъ ему въ чемъ дѣло. Фельдфебель струхнулъ и даже вѣрять не хотѣлъ сначала. Разумѣется и Шилкинъ объявилъ ему все это только въ видѣ догадки, подозрѣнія. Фельдфебель прямо кинулся къ майору. Майоръ немедленно къ коменданту. Черезъ четверть часа уже взяты были всѣ необходимыя мѣры. Доложили самому генералъ-губернатору. Преступники были важные и за нихъ могъ быть сильный нагоняй изъ Петербурга. Правильно или нѣтъ, но А-въ причислялся къ преступникамъ политическимъ; Куликовъ былъ «особаго отдѣленія», то-есть архипреступникъ, да еще военный вдобавокъ. Примѣру еще не было до сихъ поръ, чтобъ бѣжалъ кто-нибудь изъ «особаго отдѣленія». Припомнили кстати, что по правиламъ на каждого арестанта изъ «особаго отдѣленія» полагалось на работѣ по два конвойныхъ, или покрайней-мѣрѣ одинъ за каждымъ. Правила этого не было соблюдено. Выходило стало-быть неприятое дѣло. Посланы были нарочные по всѣмъ волостямъ, по всѣмъ окрестнымъ мѣстечкамъ, чтобъ заявить о бѣжавшихъ и оставить всодѣ ихъ приняты. Послали казаковъ въ догоню, на лошадю; написали и въ сосѣдніе уѣзды и губерніи... Однимъ словомъ струхнули очень.

Между тѣмъ у насъ въ острогѣ начиналось другого рода волненіе. Арестанты, по мѣрѣ того какъ подходили съ работъ, тотчасъ же узнавали въ чемъ дѣло. Вѣсть уже облетѣла всѣхъ. Всѣ принимали извѣстіе съ какою-то необыкновенною, затаенною радостью. У всѣхъ какъ-то вздрогнуло сердце... Кромѣ того, что этотъ случай нарушилъ монотонную жизнь острога и расконала

муравейникъ, — побѣгъ, и такой побѣгъ, какъ-то родственно отозвался во всѣхъ душахъ и расшевелилъ въ нихъ давно забытыя струны; что-то вродѣ надежды, удали, возможности перемѣнить свою участь зашевелилось во всѣхъ сердцахъ. «Бѣжали же вѣдь люди: почемужъ?..» И каждый при этой мысли приободрился и съ вызывающимъ видомъ смотрѣлъ на другихъ. По крайней-мѣрѣ всѣ вдругъ стали какіе-то гордые и свысока начали поглядывать на унтеръ-офицеровъ. Разумѣется въ острогѣ тотчасъ же налетѣло начальство. Приѣхалъ и самъ комендантъ. Наши приободрились и смотрѣли смѣло, даже нѣсколько презрительно и съ какой-то молчаливой, строгой солидностью: «мы дескать умѣемъ дѣла обдѣлывать». Само собой, что о всеобщемъ посѣщеніи начальства у насъ тотчасъ же предугадали. Предугадали тоже, что непремѣнно будутъ обыски и заранѣе все припрятали. Знали, что начальство въ этихъ случаяхъ всегда крѣпко заднимъ умомъ. Такъ и случилось: была большая суматоха; все перерыли, все перенесли и — ничего не нашли разумѣется. На послѣ-обѣденную работу отправили арестантовъ подѣ конвоемъ усиленнымъ. Вечеру караульные навѣдывались въ острогѣ по минутно; пересчитали людей лишній разъ противъ обыкновеннаго; при этомъ обсчитались раза два противъ обыкновеннаго. Отъ этого вышла опять суетня: выгнали всѣхъ на дворъ и сосчитали сызнова. Потомъ просчитали еще разъ по казармамъ... Однимъ словомъ много было хлопотъ.

Но арестанты и въ усь себѣ не дули. Всѣ они смотрѣли чрезвычайно независимо, и какъ это всегда водится въ такихъ случаяхъ, вели себя необыкновенно чинно во весь этотъ вечеръ: «Ни къ чему значить придраться нельзя». Само собою начальство думало: «не остались ли въ острогѣ соумышленники бѣжавшихъ?» и велѣло присматривать, прислушиваться къ арестантамъ. Но арестанты только смѣялись. «Таково ли это дѣло, чтобъ оставлять по себѣ соумышленниковъ!» «Дѣло это тихими стопами дѣлается, а не какъ иначе». «Да и такой ли человекъ Куликовъ, такой ли человекъ А-въ, чтобъ въ эдакомъ дѣлѣ концовъ не схоронить? Сдѣлано мастерски, шито-крыто. Народъ сквозь мѣдныя трубы прошолъ; сквозь запертыя двери пройти!» Однимъ словомъ Куликовъ и А-въ возросли въ своей славы; всѣ гордились ими. Чувствовали, что подвигъ ихъ дойдетъ до отдаленнѣйшаго потомства каторжныхъ, острогѣ переживетъ.

— Народъ мастеръ! говорили одни.

— Вотъ думали, что у насъ не бѣгутъ. Бѣжали же!.. прибавляли другіе.

— Бѣжали! выискался третій, съ нѣкоторою властью озираясь кругомъ. — Да кто бѣжалъ-то?.. Тебѣ чтоли пара?

Въ другое время арестантъ, къ которому относились эти слова, непремѣнно отвѣчалъ бы на вызовъ и защитилъ свою честь. Но теперь онъ скромно промолчалъ. «Въ самомъ дѣлѣ: не всё-жъ такіе какъ Куликовъ и А-въ; покажи себя сначала...»

— И чего это мы, братцы, взаправду живемъ здѣсь? прерываетъ молчаніе четвертый, скромно сидящій у кухоннаго окошка, говоря нѣсколько нараспѣвъ отъ какого-то расслабленнаго, но втайнѣ самодовольнаго чувства, и подпирая ладонью щеку. — Что мы здѣсь? Жили — не люди, померли — не покойники. Ээхъ!

— Дѣло не башмакъ. Съ ноги не сбросишь. Чего ээхъ?

— Да вотъ же Куликовъ... ввязался было одинъ изъ горькихъ, молодой и желторотый паренекъ.

— Куликовъ! подхватываетъ тотчасъ же другой, презрительно скосивъ глаза на желторотаго парня: — Куликовъ!..

То-есть это значить: много ли Куликовыхъ-то?

— Ну и А-въ же, братцы! дошлый, ухъ дошлый!

— Куды! Этотъ и Куликова между пальцами обернетъ. Кольцовъ не найти концовъ!

— А далеко-ль они теперь ушли, братцы, желательно знать!..

И тотчасъ же пошли разговоры, далеко-ль они ушли? и въ какую сторону пошли? и гдѣ бы имъ лучше идти? и какая вѣлость ближе? Нашлись люди, знающіе окрестности. Ихъ съ любовью слушали. Говорили о жителяхъ сосѣднихъ деревень и рѣшили, что это народъ неподходящій. Вблизи къ городу, ватерный народъ; арестантамъ не дадутъ потачки, изловятъ и выдадутъ.

— Мужикъ-отъ тутъ, братцы, лихой живетъ. У-у-у мужикъ!

— Неосновательный мужикъ!

— Сибирякъ соленыя уши. Не попадайся, убьетъ.

— Ну да наши-то...

— Само-собой, тутъ ужъ чья возьметъ. И наши не такой народъ.

— А вотъ не поремъ, такъ услышимъ.

— А ты что думалъ? изловить?

— Я думаю ихъ ни въ жисть не изловить! подхватываетъ другой изъ горячихъ, ударивъ кулакомъ по столу.

— Гм. Ну, тутъ ужь какъ обернется.

— А я вотъ что, братцы, думаю, подхватываетъ Скуратовъ: — будь я бродяга, меня бы ни въ жисть не поймали!

— Тебя-то!

Начинается смѣхъ, другіе дѣлаютъ видъ, что и слушать-то не хотятъ. Но Скуратовъ уже расходился.

— Ни въ жисть не поймаютъ! подхватываетъ онъ съ энергіей: — я, братцы, часто про себя это думаю, и самъ на себя давлюсь: вотъ кажись сквозь щелку бы пролѣзть, а не поймали-бы.

— Небось проголодаешься, къ мужику за хлѣбомъ придешь.

Общій хохоть.

— За хлѣбомъ? врешь!

— Да ты что языкомъ-то колотишь? Вы съ дядей Васей по-ровню смерть убали (1), оттого и сюда пришли.

Хохоть подымается сманѣе. Серьезные смотрятъ еще съ большимъ негодованіемъ.

— Ань врешь! кричитъ Скуратовъ: — это Микитка про меня забухвостила, да и не про меня, а про Ваську, а меня ужь такъ злобно приклепи. Я москвичъ и сыздѣства на бродяжествѣ испытанъ. Меня какъ дѣточкѣ еще грамотѣ училъ, тянетъ бывало за ухо: тверди «помилуй мя Боже по величій милости твоей и такъ дальше»... А я и твержу за нимъ: «повели меня въ волицію по милости твоей и такъ дальше»... Такъ вотъ я какъ съ самаго сызмалѣства поступать началъ.

Всѣ опять захохотали. Но Скуратову того и надо было. Онъ не могъ не дурачиться. Скоро его бросили и принялись опять за серьезные разговоры. Судили больше старики и знатоки дѣла. Люди помоложе и пѣсмирнѣе только радовались на нихъ глядя и просовывали головы послушать; толпа собралась на кухнѣ большая; разумѣется утеръ-офицеровъ тутъ не было. При нихъ бы всего не стали говорить. Изъ особенно радовавшихся я замѣтилъ одного татарина Манетку, невысокаго роста, скулиста-

(1) То-есть убали мужика или бабу, подозрѣвая, что они пустили по вѣтру ворчу, отъ которой падаетъ скоть. У насъ былъ одинъ такой убійца.

го, чрезвычайно комическую фигуру. Онъ почти ничего не говорилъ норусски и почти ничего не понималъ, что другіе говорятъ, но туда же просовывалъ голову изъ-за толпы и слушалъ, съ наслажденіемъ слушалъ.

— Что, Маметка, якши? присталъ къ нему отъ нечего дѣлать отвергнутый всѣми Скуратовъ.

— Якши! ухъ якши! забормоталъ весь оживляясь Маметка, кивая Скуратову своей смѣшной головой; — якши!

— Не поймають ихъ? іокъ?

— Іокъ, іокъ! и Маметка заболталъ опять, на этотъ разъ уже размахивая руками.

— Значить твоя врала, моя не разобрала, такъ чтоли?

— Такъ, такъ, якши! подхватилъ Маметка, кивая головою.

— Ну и якши!

И Скуратовъ, щелкнувъ его по шапкѣ и нахлобучивъ ее ему на глаза, вышелъ изъ кухни въ веселѣйшемъ расположеніи духа, оставивъ въ нѣкоторомъ изумленіи Маметку.

Цѣлую недѣлю продолжались строгости въ острогѣ и усиленныя погони и поиски въ окрестностяхъ. Незнаю какимъ образомъ, но арестанты тотчасъ же и въ точности получали всѣ извѣстія о маневрахъ начальства внѣ острога. Въ первые дни всѣ извѣстія были въ пользу бѣжавшихъ: ни слуху ни духу, провали да и только. Наши только посмѣивались. Всякое безпокойство о судьбѣ бѣжавшихъ исчезло. «Ничего не найдутъ, никого не поймають!» говорили у насъ съ самодовольствіемъ.

— Нѣтъ ничего; пуля!

— Прощайте, не стражайте, скоро ворочусь!

Знали у насъ, что всѣхъ окрестныхъ крестьянъ сбили на ноги, сторожили всѣ подозрительныя мѣста, всѣ лѣса, всѣ овраги.

— Вздоръ! говорили наши, подсмѣиваясь: — у нихъ вѣрно есть такой человѣкъ, у котораго они теперь проживаютъ.

— Безпремѣнно есть! говорили другіе: — не такой народъ; все впередъ изготовили.

Пошли еще дальше въ предположеніяхъ: стали говорить, что бѣглецы до сихъ поръ можетъ еще въ форштатѣ сидятъ, гдѣ-нибудь въ погребѣ пережидаютъ, пока «трелога» пройдетъ да волоса обростутъ. Полгода, годъ проживуть, а тамъ и поймутъ...

Однимъ словомъ всѣ были даже въ какомъ-то романиче-

скомъ настроеніи духа. Какъ вдругъ, дней восемь спустя послѣ побѣга, пронесся первый слухъ, что напали на слѣдъ. Разумѣется нелѣпный слухъ былъ тотчасъ же отвергнутъ съ презрѣніемъ. Но въ тотъ же вечеръ слухъ подтвердился. Арестанты начали тревожиться. На другой день поутру стали по городу говорить, что уже изловили, везуть. Послѣ обѣда узнали еще больше подробностей: изловили въ семидесяти верстахъ, въ такой-то деревнѣ. Наконецъ получилось точное извѣстіе. Фельдфебель, воротясь отъ майора, объявилъ положительно, что къ вечеру ихъ привезуть, прямо въ кордегардію при острогѣ. Сомнѣваться уже было невозможно. Трудно передать впечатлѣніе, произведенное этимъ извѣстіемъ на арестантовъ. Сначала точно всѣ разсердились, потомъ приуныли. Потомъ проглянуло какое-то поползновеніе къ насмѣшкѣ. Стали смѣяться, но ужъ не надъ ловившими, а надъ пойманными, сначала немногіе, потомъ почти всѣ, кромѣ нѣкоторыхъ серьезныхъ и твердыхъ, думавшихъ самостоятельно и которыхъ не могли сбить съ толку насмѣшками. Они съ презрѣніемъ смотрѣли на легкомысліе массы и молчали про себя.

Однимъ словомъ, въ той же мѣрѣ какъ прежде вознесли Куликова и А—ва, такъ теперь унижали ихъ, даже съ наслажденіемъ унижали. Точно они всѣхъ чѣмъ-то обидѣли. Рассказывали съ презрительнымъ видомъ, что имъ ѣсть очень захотѣлось, что они не вынесли голоду и пошли въ деревню къ мужикамъ просить хлѣба. Это уже была послѣдняя степень униженія для бродяги. Впрочемъ эти рассказы были невѣрны. Бѣглецовъ выслѣдили; они скрылись въ лѣсу; окружили лѣсъ со всѣхъ сторонъ народомъ. Тѣ, видя, что нѣтъ возможности спастись, сдались сами. Больше имъ ничего не оставалось дѣлать.

Но когда ихъ повечеру дѣйствительно привезли, связанныхъ по рукамъ и по ногамъ, съ жанدارмами, вся каторга высыпала къ палаткѣ смотрѣть что съ ними будутъ дѣлать. Разумѣется ничего не увидали кромѣ майорскаго и комендантскаго экипажа у кордегардіи. Бѣглецовъ посадили въ секретную, заковали и на завтра же отдали подъ судъ. Насмѣшки и презрѣніе арестантовъ вскорѣ упали сами собою. Узнали дѣло подробнѣе, узнали, что нечего было больше и дѣлать какъ сдаться, и всѣ стали сердечно слѣдить за ходомъ дѣла въ судѣ.

— Пробуровать тысячу, говорили одни.

— Куда тысячу! говорили другіе: — забьютъ. А—ву пожалуй тысячу, а того забьютъ, потому, братецъ ты мой, особаго отдѣленія.

Однакожь не угадали. А—ву вышло всего пятьсотъ; взяди во вниманіе его удовлетворительное прежнее поведеніе и первый проступокъ. Куликову дали кажется полторы тысячи. Наказы-вали довольно милосердно. Они, какъ люди толковые, нѣкого передъ судомъ не запутали, говорили ясно, точно, говорили, что прямо бѣжали изъ крѣпости, не заходя никуда. Всѣхъ большіе мнѣ было жаль Коллера: онъ все потерялъ, послѣднія надежды свои, прошолъ больше всѣхъ, кажется двѣ тысячи и отправленъ былъ куда-то арестантомъ, только не въ нашъ острогъ. А—ва наказали слабо, жалѣючи; помогали этому лекаря. Но онъ куражился и громко говорилъ въ гошпиталѣ, что ужъ теперь онъ на все пошолъ, на все готовъ и не то еще сдѣлаеть. Куликовъ велъ себя по-всегдашнему, то-есть солидно, прилично, и воротился послѣ наказанія въ острогъ, смотрѣлъ такъ, какъ-будто некогда изъ него не отлучался. Но не такъ смотрѣли на него арестанты: несмотря на то, что Куликовъ всегда и вездѣ умѣлъ поддержать себя, арестанты въ душѣ какъ-то перестали уважать его, какъ-то болѣе заванибрата стали съ нимъ обходиться. Однимъ словомъ съ этого побѣга слава Куликова сильно померкла. Успѣвъ такъ много значить между людьми...

Х

ВЫХОДЪ ИЗЪ КАТОРГИ

Все это случилось уже въ послѣдній годъ моей каторги. Этотъ послѣдній годъ почти такъ же памятенъ мнѣ, какъ и первый, особенно самое послѣднее время въ острогѣ. Но что говорить о подробностяхъ. Помню только, что въ этотъ годъ, несмотря на все мое нетерпѣніе поскорѣй кончить орокъ, мнѣ было легче жить, чѣмъ во всѣ предыдущіе годы ссылки. Впрочемъ между арестантами у меня было уже много друзей и пріятелей, окончательно рѣшившихъ, что я хорошій человекъ. Многіе изъ нихъ были очень мнѣ преданы и искренно любили меня. Понедѣль-

чуть не заплакалъ, провожая меня и товарища моего изъ острога, и когда мы потомъ, уже по выходѣ, еще цѣлый мѣсяць жили въ этомъ городѣ, въ одномъ казенномъ зданіи, онъ почти каждый день заходилъ къ намъ, такъ только, чтобъ поглядѣть на насъ. Были однако и личности суровыя и непривѣтливыя до конца, которымъ кажется тяжело было сказать со мной слово — Богъ знаетъ отчего. Казалось между нами стояла какая-то перегородка.

Въ послѣднее время я вообще имѣлъ больше льготъ, чѣмъ во все время каторги. Въ томъ городѣ между служащими военными у меня оказались знакомые, и даже давнишніе школьные товарища. Я возобновилъ съ ними сношенія. Черезъ нихъ я могъ имѣть больше денегъ, могъ писать на родину и даже могъ имѣть книги. Уже нѣсколько лѣтъ какъ я не читалъ ни одной книги и трудно отдать отчетъ о томъ странномъ и вмѣстѣ волнующемъ впечатлѣніи, которое произвело во мнѣ первая прочитанная мною въ острогѣ книга. Помню, я началъ читать съ вечера, когда заперли казарму, и прочиталъ всю ночь до зари. Это былъ номеръ одного журнала. Точно вѣсть съ того свѣта прилетѣла ко мнѣ; прежняя жизнь вся ярко и свѣтло востала передо мной, и я старался угадать по прочитанному: много-ль я отсталъ отъ этой жизни? много-ль прожили тамъ они безъ меня, что ихъ теперь волнуетъ, какіе вопросы ихъ теперь занимаютъ? Я придирался къ словамъ, читалъ между строчками, старался находить таинственный смыслъ, намеки на прежнее; отыскивалъ слѣды того, что прежде въ мое время волновало людей, и какъ грустно мнѣ было теперь на дѣлѣ сознать до какой степени я былъ чужой въ новой жизни, сталъ ломтемъ отрѣзаннымъ. Надо было привыкать къ новому, знакомиться съ новымъ поколѣніемъ. Особенно бросался я на статью, подъ которой находилъ имя знакомаго, близкаго прежде человѣка... Но уже звучали и новыя имена; явились новые дѣятели, и я съ жадностью спѣшилъ съ ними знакомиться и досадовалъ, что у меня такъ мало книгъ въ виду, и что такъ трудно добираться до нихъ. Прежде же, при прежнемъ плацъ-майорѣ, даже опасно было носить книги въ каторгу. Въ случаѣ обыска были бы непремѣнно запросы: «откуда книги? гдѣ взялъ? Стало-быть имѣешь сношенія?..» А что могъ я отвѣчать на такіе запросы? И потому, живя безъ книгъ, я поневолѣ углублялся въ самого себя, задавалъ себѣ вопросы, старался

разрѣшить ихъ, мучился ими иногда... Но вѣдь всего этого такъ не перескажешь!..

Поступилъ я въ острогъ зимой и потому зимой же долженъ былъ выдти на волю, въ то самое число мѣсяца, въ которое прибылъ. Съ какимъ нетерпѣніемъ я ждалъ зимы, съ какимъ наслажденіемъ смотрѣлъ въ концѣ лѣта, какъ вянетъ листь на деревѣ и блекнетъ трава въ степь. Но вотъ уже и прошло лѣто, завылъ осенній вѣтеръ; вотъ уже началъ порхать первый снѣгъ... Настала наконецъ эта зима, давно ожидаемая! Сердце мое начинало подчасъ глухо и крѣпко биться отъ великаго предчувствія свободы. Но странное дѣло: чѣмъ больше истекало время и чѣмъ ближе подходилъ срокъ, тѣмъ все терпѣливѣе и терпѣливѣе я становился. Около самыхъ послѣднихъ дней я даже удивился и попрекнулъ себя: мнѣ показалось, что я сталъ совершенно хладнокровенъ и равнодушенъ. Многіе встрѣчавшіеся мнѣ на дворѣ въ шабашное время арестанты заговаривали со мной, поздравляли меня:

— Вотъ выйдете, батюшка Александръ Петровичъ на свободу, скоро, скоро. Оставьте насъ однихъ, бобылей.

— А что Мартыновъ, вамъ-то скоро ли? отвѣчаю я.

— Мнѣ-то! ну да ужъ что! Лѣтъ семь еще и я промаюсь...

И вздохнетъ про себя, остановится, посмотритъ разсѣянно, точно заглядывая въ будущее... Да, многіе искренно и радостно поздравляли меня. Мнѣ показалось, что и всѣ какъ-будто стали со мной обращаться пріятливѣе. Я видимо становился имъ уже не свой; они уже прощались со мной. К-чинскій, полякъ изъ дворянъ, тихій и кроткій молодой человекъ, тоже какъ и я любилъ много ходить въ шабашное время по двору. Онъ думалъ чистымъ воздухомъ и моціономъ сохранить свое здоровье и наверстать весь вредъ душныхъ казарменныхъ ночей. «Я съ нетерпѣніемъ жду вашего выхода, сказалъ онъ мнѣ съ улыбкою, встрѣтись однажды со мной на прогулкѣ: — вы выйдете и ужъ я буду знать тогда, что мнѣ ровно годъ остается до выхода.»

Замѣчу здѣсь мимоходомъ, что вслѣдствіе мечтательности и долгой отвычки, свобода казалась у насъ въ острогѣ какъ-то свободнѣе настоящей свободы, то-есть той, которая есть въ самомъ дѣлѣ, въ дѣйствительности. Арестанты преувеличивали понятіе о дѣйствительной свободѣ, и это такъ естественно, такъ свойственно всякому арестанту. Какой-нибудь оборванный офи-

царскій деньщикъ считался у насъ чуть не королемъ, чуть не идеаломъ свободнаго человѣка, сравнительно съ арестантами, оттого что онъ ходилъ небритый, безъ кандаловъ и безъ конвоя.

Наканувъ самого послѣдняго дня, въ сумерки, я обошелъ въ послѣдній разъ около палъ весь нашъ острогъ. Сколько тысячъ разъ я обошелъ эти пали во всѣ эти годы! Здѣсь за казармами считался я въ первый годъ моей каторги одинъ, сиротливый, убитый. Помню какъ я считалъ тогда, сколько тысячъ душъ мнѣ остается. Господи, какъ давно это было! Вотъ здѣсь, въ этомъ углу, проживалъ въ палѣ нашъ орелъ; вотъ здѣсь встрѣчалъ меня часто Петровъ. Онъ и теперь не отставалъ отъ меня. Подбѣжить, и какбы угадывая мысли мои, молча идетъ подлѣ меня и точно про себя чему-то удивляется. Мысленно прощался я съ этими почерклыми бревенчатыми срубамъ нашихъ казармъ. Какъ непривѣтливо поразили они меня *тогда*, въ первое время. Должно-быть и они теперь постарѣли противъ тогдашняго; но мнѣ это было непримѣтно. И сколько въ этихъ стѣнахъ погребено напрасно молодости, сколько великихъ силъ погибло здѣсь даромъ! Вѣдь надо ужъ все сказать: вѣдь этотъ народъ необыкновенный былъ народъ. Вѣдь это можетъ быть и есть самый даровитый, самый сильный народъ изъ всего народа нашего. Но погибли даромъ могучія силы, погибли ненормально, незаконно, безвозвратно. А кто виноватъ?

То-то, кто виноватъ?

На другое утро рано, еще передъ выходомъ на работу, когда только еще начинало свѣтать, обошелъ я всѣ казармы, чтобъ попрощаться со всѣми арестантами. Много мозолистыхъ, сильныхъ рукъ протянулось ко мнѣ привѣтливо. Иные жали ихъ совсѣмъ потоварщески, но такихъ было немного. Другіе уже очень хорошо понимали, что я сейчасъ стану совсѣмъ другой человѣкъ, чѣмъ они. Звали, что у меня въ городѣ есть знакомство, что я тотчасъ же отправлюсь отсюда къ *исподамъ* и рядомъ сяду съ этими господами, какъ ровный. Они это понимали и прощались со мной хоть и привѣтливо, хоть и ласково, но далеко не какъ съ товарищемъ, а будто съ баринномъ. Иные отвертывались отъ меня и сурово не отвѣчали на мое прощаніе. Нѣкоторые посмотрѣли даже съ какою-то ненавистью.

Пробилъ барабанъ и всѣ отправились на работу, а я остался дома. Сушиловъ въ это утро всталъ чуть не раньше всѣхъ, и изъ

всѣхъ силъ хлопоталъ, чтобъ успѣть приготовить мнѣ чай. Бѣдный Сушиловъ! онъ заплакалъ, когда я подарилъ ему мои арестантскіе обноски, рубашки, подкандаляники и нѣсколько денегъ. «Мнѣ не это, не это! говорилъ онъ, черезъ силу сдерживая свои дрожавшія губы: — мнѣ вась-то какво потерять, Александръ Петровичъ? на кого безъ вась-то я здѣсь останусь!» Въ послѣдній разъ простились мы и съ Акимъ Акимычемъ:

— Вотъ и вамъ скоро! сказалъ я ему.

— Мнѣ долго-съ, мнѣ еще очень долго здѣсь быть-съ, бормоталъ онъ, пожимая мою руку. Я бросился ему на шею и мы поцѣловались.

Минутъ десять спустя послѣ выхода арестантовъ, вышелъ и мы изъ острога, чтобъ никогда въ него не возвращаться, — я и мой товарищъ, съ которымъ я прибылъ. Надо было идти прямо въ кузницу, чтобъ расковать кандалы. Но уже конвойный съ ружьемъ не сопровождалъ насъ: мы пошли съ унтеръ-офицеромъ. Расковывали насъ наши же арестанты, въ инженерной мастерской. Я подождалъ покажѣтъ раскуютъ товарища, а потомъ подошелъ и самъ къ наковальнѣ. Кузнецы обернули меня спиной къ себѣ, подняли сзади мою ногу, положили на наковальню... Они суетились, хотѣли сдѣлать ловчѣе, лучше.

— Заклепку-то, заклепку-то повороти перво-наперво!.. командовалъ старшій: — установь ее, вотъ такъ, ладно... Бей теперь молотомъ...

Кандалы упали. Я поднялъ ихъ... Мнѣ хотѣлось подержать ихъ въ рукѣ, взглянуть на нихъ въ послѣдній разъ. Точно я дивился теперь, что они сейчасъ были на моихъ же ногахъ.

— Ну съ-богомъ! съ-богомъ! говорили арестанты отрывистыми, грубыми, но какъ-будто чѣмъ-то довольными головами.

Да, съ-богомъ! Свобода, новая жизнь, воскресенье изъ мертвыхъ... Экая славная минута!

ФЕДОРЪ ДОСТОЕВСКІЙ

КОНЕЦЪ

ИНСЪМО ВЪ РЕДАКЦІЮ ВРЕМЕНИ ПО НОВОДУ ЦВѢТНОЙ ВЫСТАВКИ

Давно уже существуетъ въ Петербургѣ одно прелестное общество почитателей цвѣтовъ, общество прекрасное, граціозно-благодарушанное, милое, очаровательно-наивное, общество поклонниковъ искусства для искусства, — руссiйское общество садоводства. Главный, едва ли не единственный предметъ его заботъ — цвѣты, «сіи дщери утра, очарованіе весны, источникъ ароматовъ, украшеніе дѣвъ, любовь поэтовъ: какбы самою натурою цвѣты назначены для орошенія жизни человѣческой невиняѣйшими удовольствіями, сладостями и пріятностями.» Эту сентиментальную фразу Шатобріана общество садоводства могло бы взять эпиграфомъ своего каталога выставки.

Но если не Шатобріана, то уже Делиля съ его скучнѣйшею дидактическою поэмой живо напоминаетъ намъ общество садоводства. Оно устроено тоже съ дидактическою цѣлю: развивать въ нашей публикѣ вкусъ и наклонности къ садоводству и поощрять тѣхъ, кто занимается садоводствомъ и цвѣтоводствомъ. Цѣль прекрасная, нечего и говорить; но «умыселъ другой тутъ былъ», какъ увидимъ далѣе. И вотъ каждый годъ устраивается выставка цвѣтовъ. Въ нынѣшнемъ году уже пятая выставка со времени основанія общества.

Огромный манежъ разукрашенъ прекрасно. Зритель прогуливается въ великолѣпномъ саду, который со всѣхъ сторонъ окруженъ густымъ еловымъ лѣсомъ. Всѣ промежутки между окнами плотно уставлены елками и соснами довольно большихъ размѣровъ, болышею частію деревьями лѣтъ пятнадцати или двадцати. Противоположная входу стѣна закрыта цѣлымъ лѣсомъ. Для этого было вырублено въ лѣсу нѣсколько сотъ здоровыхъ деревьевъ. Первый прекрасный подвигъ садоводства: истребленіе порядочнаго лѣса, чтобы устроить фонъ выставки. И безъ того уже лѣсу у насъ мало, и безъ того Петербургъ мало-помалу замерзаетъ, такъ что гро-

зять скоро превратиться въ ледяную сосульку. А тутъ общество, основанное спеціально для поощренія разведенія растений, валять гѣсь безъ милосердія. Но эта странность объясняется довольно просто, какъ увидимъ далѣе.

Надергано еще изъ болота большое количество моху, который совершенно удовлетворительно играетъ роль травы, разостланный довольно правильно. Устроенъ маленькій водопадъ между скалами. Въ него вода доставляется особымъ насосомъ, который скрытъ отъ почтеннѣйшей публики, такъ что гуляющіе не видятъ, какъ для ихъ удовольствія поденщики работаютъ, качаютъ воду въ потъ лица своего и такимъ образомъ представляютъ водопадъ. Вода скопляется въ жестяномъ бассейнѣ, дно котораго усыпано пескомъ. Далѣе изъ бассейна, другимъ крошечнымъ водопадикомъ, вода переходитъ ниже, въ другой, большій бассейнъ, украшенный парюю полнвлятыхъ лебедей. Въ разныхъ мѣстахъ манежа устроены деревянныя возвышенія, горы, наставлено бесѣдокъ, и все это виѣстѣ составляетъ фонъ, на которомъ разставлены группами и въ одиночку разныя тепличныя растенія.

Какъ размножаются у насъ тепличныя растенія, всякому извѣстно. Первоначальные экземпляры получаютъ всѣ изъ-заграницы, отъ голландскихъ торговцевъ, которые имѣютъ дѣятельную корреспонденцію съ своими конторами во всѣхъ странахъ и поясахъ свѣта. Иногда получаютъ сѣмена, но большею частью привозятъ къ намъ уже растущіе экземпляры. Содержатся они разумѣется въ теплицѣ, причемъ обогрѣваются печами, въ которыхъ сгораетъ за зиму огромное количество дровъ, цѣлые лѣса. Такимъ образомъ наше общество садоводства дѣлаетъ прямой и сильный подрывъ лѣсоводству. Чтобы слѣдить за новостями по части тепличныхъ растеній, главные садовники читаютъ спеціальныя журналы и прейскуранты. Привозится напимѣръ въ Голандію какой-нибудь новый видъ, хоть филодендронъ акантостахидумъ. Тогда главный садовникъ одной или нѣсколькихъ здѣшнихъ теплицъ посылаетъ куда слѣдуетъ хозяйскія деньги, съ первымъ пароходомъ получаетъ новое растеніе, ставитъ его въ хозяйскую оранжерею, на хозяйскія дрова, а на слѣдующую весну отъ общества садоводства получаетъ за это среднюю золотую медаль.

Но за чтоже? За операцію выписки растенія? Но за это онъ получаетъ жалованье. За то, что топилъ печи, когда на дворѣ было тридцать градусовъ морозу? Или можетъ-быть не за то ли, что въ мѣру поливалъ новое растеніе? Но развѣ это садоводство? Развѣ это нуждается въ поощренія? Слѣдуетъ ли хлопотать о развитіи въ

публикѣ вкуса къ тепличнымъ растеніямъ? — Само собою разумеется, что нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ.

Тепличныя растенія — предметъ утонченной роскоши. Они идутъ на украшеніе будуаровъ, гостинныхъ, дѣстницъ и т. п. въ домахъ богачей и сильныхъ міра сего. Эти господа совершенно достаточно поощряютъ своихъ поставщиковъ; но какъ-видно поставщики недовольны этимъ поощреніемъ и придумали другой, добавочный способъ поощряться, именно собирая деньги съ публики и дѣля ихъ потомъ между собою въ видѣ золотыхъ и серебряныхъ медалей.

Чтобы вы не подумали, будто это съ моей стороны простая, малоосновательная догадка, приведу нѣсколько цифръ. Изъ каталога выставки оказывается, что всѣхъ экспонентовъ семьдесятъ семь. Изъ нихъ двадцать два съ русскими фамиліями и пятьдесятъ пять съ иностранными, большею частью нѣмецкими. Изъ числа экспонентовъ награждено медалями шестьдесятъ семь, стало-быть только однанадцать человекъ не получили медалей. Для оцѣнки предметовъ выставки назначено было шестеро экспертовъ; изъ нихъ пятеро съ нѣмецкими фамиліями и одинъ русскій. Всѣ эти эксперты, какъ значится въ ихъ протоколѣ, *единогласно* присудили въ награду экспонентамъ сто пятнадцать медалей, причемъ нѣкоторые экспоненты получили по пяти медалей, а одинъ изъ нихъ даже восемь. Но при сравненіи фамилій оказывается, что пятеро изъ экспертовъ были въ тоже время и экспонентами. Они *единогласно* присудили себѣ пятеромъ шестнадцать медалей: шесть среднихъ золотыхъ, двѣ малыя золотыя, шесть большихъ серебряныхъ и двѣ малыя серебряныя. Такимъ образомъ на каждого эксперта пришлось по три-пятихъ медалей, а на каждого изъ остальныхъ экспонентовъ досталось немногимъ болѣе, чѣмъ по полторы медалей. Это, надо признаться, очень трогательно, мило, наивно, хотя и напоминаетъ, что «эта часть моя по уговору» и т. д. Злые языки могутъ пожалуй сказать, что въ другихъ обществахъ это не принято, что въ цѣломъ образованномъ мірѣ эксперты не могутъ быть въ тоже время соискателями награды, что экспертъ уважающій себя не можетъ назначить самому себѣ награды, хотя бы онъ въ самомъ дѣлѣ занималъ между соискателями первое мѣсто. Но нельзя же всегда слушать злыхъ языковъ. Злѣсь такой уже вышелъ случай, что экспертами назначены были весьма естественно лучшіе знатоки дѣла; а виноваты-ли они, что выставленные ими предметы всѣхъ лучше? Ну, и пришлось себѣ взять относительно бѣльшую часть медалей. Чтоже тутъ такого предосудительнаго?

Чтобы понять мысль и намеренія благоухающаго общества, надо выкинуть, за что розданы всѣ сто пятнадцать медалей? Восемь ме-

далее получил г. Дарценсъ, торгующій саловникъ. Малую золотую медаль онъ получилъ за группу розъ; большую серебряную медаль за двуглаваго орла, искусно составленнаго изъ цвѣтовъ, и еще серебряныя медали за букетъ, за овощи, за группы цинерарій и родолендровъ и за гарденіи въ цвѣту. Но этотъ господинъ, въ качествѣ торгующаго садовника выписываетъ изъ-заграницы или разводитъ въ своихъ теплицахъ только такія растенія, которыя хорошо идутъ въ продажу. Для другой цѣли вѣроятно и вѣтъ у него растеній, и поступаетъ онъ совершенно благоразумно. Онъ знаетъ очень хорошо потребности публики, онъ хлопочетъ о сбытѣ своихъ продуктовъ, знаетъ что кому нравится, и устроиваетъ свои дѣла... изъ цвѣтовъ. Такимъ образомъ восемь медалей, которыми онъ осыпанъ, составляютъ уже совершенную роскошь: онъ награжденъ за то, что старательно заботится о своихъ барышахъ. Очень благоразумно и совершенно логично присужденная награда.

Среднихъ золотыхъ медалей роздано четырнадцать; изъ нихъ шесть досталось пятерымъ экспертамъ; стало-быть о нихъ, по уваженію къ громадности ихъ заслугъ и къ ихъ безпристрастію, мы говорить не будемъ. Остальныя восемь розданы за выписку изъ-за границы на казенный счетъ группъ тепличныхъ растеній, главнымъ придворнымъ садовникамъ въ Петергофѣ, въ Знаменскомъ, въ Таврическомъ саду, въ Стрѣльнѣ, въ Павловскѣ и т. п. Г. Рейхенбахъ, главный садовникъ при дачѣ министровъ внутреннихъ дѣлъ на Аптекарскомъ островѣ, получилъ большую серебряную медаль зато, что на счетъ суммъ министерства выписалъ изъ-заграницы собраніе бегоній; г. Букъ — тоже медаль, зато что выписалъ изъ Англій на продажу въ своемъ магазинѣ желѣзныя лопаты; медаль г-ну Штанге за лампы и т. д.

Но чтоже се есть, о россияне? Что видимъ? Что дѣлаемъ? Саловодство-ли все это? Ничуть не бывало.

Теплица относится къ саду точно такъ же, какъ искусственный цвѣтокъ изъ тафты, коленкору или воску относится къ цвѣтку натуральному, и нынѣшняя выставка есть выставка искусственныхъ цвѣтовъ. Всѣ эти глоксиніи, бегоніи, азалеи, драцены и т. п. не выростутъ у насъ въ саду даже при помощи большихъ, не только среднихъ золотыхъ медалей. Многія изъ этихъ растеній перевозились черезъ Неву въ то время, какъ по ней шолъ ледъ, почему часть ихъ и замерзла. Какое же тутъ садоводство — на зло уму, наперекоръ стихіямъ? Вся выставка показываетъ только, что посредствомъ большого количества дровъ, сожженныхъ въ печкѣ, можно заставить растеніе расцвѣсти почти такъ, какъ оно можетъ цвѣ-

сти у себя на родинѣ, то-есть что дрова даютъ тепло. Общество, разрабатывающее такую практическую истину, какъ видите, очень полезно. Опять-таки и здѣсь злые языки могутъ сказать, что эта роскошь оскорбительна, разорительна, непроеводительна, тогда какъ настоящее садоводство было бы дѣломъ весьма полезнымъ. Но нечего слушать злыхъ языковъ. Дѣло напротивъ представляется въ наилучшемъ свѣтѣ, если взглянуть на него съ нѣскольکو болѣе эlegantной точки зрѣнія. Нынче уже вѣкъ такой, что счастливые и богатые міра сего заботятся о меньшей брати своей и дѣлятся своими удовольствіями съ младшими братьями. Точно такъ и теперь большинство призвано къ участию въ тѣхъ удовольствіяхъ, которыя получаютъ счастливыми отъ обладанія экзотическими растеніями. Иной бѣднякъ по своимъ средствамъ не имѣетъ даже права мечтать о томъ, чтобы имѣть при своей квартирѣ зимній садъ, а теперь, благодаря великодушію общества, всякій можетъ, заплатя цѣлковый или полтинникъ, любоваться сколько душѣ угодно великолѣпнѣйшими растеніями, какія только произрастаютъ подъ тропиками. Великое, плодотворное дѣло выставки состоитъ въ томъ, что бѣдный любитъ и наслаждается тѣмъ, что имѣетъ богатый, безъ какого-нибудь гадкаго, недостойнаго чувства зависти или негодованія на бесплодную трату, а съ мягкою, кроткою, цвѣтущею благодарностью. Бѣдный, заплатя за полученное имъ удовольствіе деньги, можетъ видѣть между прочимъ какую толстую спаржу кушаютъ богатые и какая крупная, сочная, ароматная земляника и клубника подается у нихъ на столъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Бѣдный можетъ даже нюхать эту землянику, все за ту же цѣну, которую заплатилъ за входъ. Пусть же не говорятъ ничего худого про выставку злые языки. Она имѣетъ благотворное, примиряющее, хотя нѣсколько и растлѣвающее вліяніе. Тутъ на выставкѣ — музыка, цвѣты, журчащая вода, ароматы, женщины съ сверхъестественно-длинными шейфами, красивыя бесѣдки въ такую цѣну, за которую можно выстроить двѣ крестьянскія избы, тропическія растенія, молодой картофель въ то время, какъ по рѣкѣ еще идетъ ледъ, земляника-громадище, что ждетъ дурака, который заплатитъ за нее сто рублей, — все это необыкновенно мило, усладительно раздражаетъ нервы и вноситъ благотворный миръ въ душу пролетарія, у котораго найдется цѣлковый на плату за входъ, или даже полтинникъ, если онъ согласенъ заплатить подешевле, съ условіемъ — видѣть поблеклые и отцвѣтающіе, хотя все-таки искусственные цвѣты.

Исторія садовъ — старая исторія, такъ что о ней нечего говорить подробно. Стоитъ только вспомнить гесперидовъ съ золотыми

блоками, разукрашенный остров Калипсо, которая не могла утѣшиться по Улиссѣ, вавилонскіе висячіе сады, Laugentium, описанный Плиніемъ-младшимъ, и непростительное коверканье и насло-ваніе природы, противъ котораго такъ энергически писалъ (въ 1620 году) Бэконъ-веруламскій. Но и въ XVII вѣкѣ трезвый и прямой го-лосъ философа былъ гласомъ вопіющаго въ пустынь. Извращенный вкусъ тогдашней публики не понималъ вѣчной красоты природы и украшалъ ее всевозможными хитростями. Французскіе сады дошли до крайняго безобразія вычурности: деревья сажались правильными рядами и подстригались въ самыя странныя формы; архитектурныя украшенія вставлялись на каждомъ шагу; цвѣточнымъ клумбамъ да-валась такая форма и цвѣты въ нихъ разсаживались такъ, что все вмѣстѣ вовсе не казалось цвѣточною куртиной; а скорѣе выткан-ными орнаментами, вродѣ тѣхъ, какіе ткуются на турецкихъ шаляхъ. Въ началѣ прошлаго столѣтія вся Европа подражала этому искаже-нію природы. Голандцы дѣятельно заботились о разведеніи такихъ тюльпановъ, которые какъ можно меньше походили бы на есте-ственные цвѣты, а казались бы сдѣланными изъ воску. Тюльпано-любцы съ сладострастнымъ увлеченіемъ предавались заботамъ о подобномъ улучшеніи цвѣтовъ, и любитель, показывая гостямъ свою колекцію, непременно вооружался палочкой, и называя тюль-панъ, непременно дѣлалъ видъ, будто онъ этой палочкой старается и никакъ не можетъ наклонить стебель цвѣтка. Отъ желанія выро-стить цвѣтокъ похожій на носковой, на стеблѣ чуть не желѣзношъ, до любви къ искусственнымъ цвѣтамъ — уже недалеко. Развратъ вкуса дошелъ до того, что въ Голандіи устраивались цѣлыя сады изъ жолтыхъ и зеленоватыхъ поздраватыхъ камней и раковинъ, игравшихъ роль травы, а между ними располагались красиво-рас-писанные горшки съ фарфоровыми цвѣтами и деревьями. Это было въ ту странную пору, когда можно было спокойно, безъ негодованія видѣть на сценѣ Сидя или Андромаху въ напудренныхъ паринахъ и въ башмакахъ съ золотыми пряжками.

Такой садъ, сдѣланный цѣлякомъ изъ камня, можетъ показаться безвкусицей и уродливостью нынѣшнимъ посѣтителямъ выставки нашего россійскаго общества садоводства. «Какъ! скажутъ они: — цвѣты, листья, стволы — все каменное! Да это варварство, это ки-тайское искаженіе! Хуже китайскаго! Тамъ дѣлаютъ тѣже сады, съ живыми растеніями, только въ маломъ видѣ, всѣ растенія — кар-лики. Это еще сколько-нибудь понятно. Но камень, голый, безжиз-ненный камень — развѣ садъ? Это несчастное, безжизненное подра-жаніе саду можетъ возбудить только смѣхъ и сожалѣніе объ истра-ченныхъ на это безобразіе деньгахъ. Намъ нужна жизнь, нуженъ

ароматъ, нужна природа, пожалуй и украшенная искусствомъ, но настолько, чтобы она все-таки не переставала быть природой.»

Но наслаждающіеся выставкой могутъ быть совершенно спокойны. Они ходятъ любоваться тѣмъ же каменнымъ садомъ, только не въ Гарлемъ, а въ манежъ на дворцовой площади. У насъ выставлены тѣже фарфоровые цвѣты; ихъ обжиганіе стоило не меньшаго количества дровъ, ихъ окраска подъ натуральный цвѣтъ точно также стоила большихъ трудовъ и точно также несовсѣмъ похожа на природу.

А между тѣмъ общество садоводства могло бы быть въ самомъ дѣлѣ полезно, еслибы дѣятельность его была направлена сколько-нибудь разумнымъ образомъ. Изъ всей нынѣшней выставки можно указать на одно только растеніе, которое показываетъ, куда слѣдуетъ идти обществу садоводства, это *lilium tenuifolium*, или прощесказать сарана полевая или манджурская. Это ничто иное какъ сибирскій лукъ, только гораздо вкуснѣе нашего луку, безъ сквернаго его запаха, и сверхъ того съ прелестнымъ краснымъ цвѣткомъ. Въ южныхъ частяхъ Сибири это растеніе водится въ дикомъ состояніи и охотно употребляется въ пищу. Туземцы выкапываютъ его въ поляхъ осенью и дѣлаютъ себѣ на зиму порядочные запасы этого знакомаго блюда. Если сарана растетъ въ Сибири, то немного нужно заботы, чтобы акклиматизировать или оклиматовать ее у насъ въ Петербургѣ. Не въ теплицахъ императорскаго ботаническаго сада слѣдовало ее разводить, а на открытомъ воздухѣ, слѣдуетъ это прекрасное и въ тоже время полезное растеніе обыкновеннымъ, чтобы его луковица продавалась на рынкѣ четвериками, — вотъ чего должно добиваться русское общество садоводства. Невелика бѣда, что цвѣтокъ его чрезвычайно красивъ; это еще не составляетъ слишкомъ важнаго недостатка: тутъ очень могутъ помприться прекрасное съ полезнымъ. Конечно если сарана сдѣлается очень обыкновенною луковицей, то цѣнность ея, какъ растенія украшающаго, пропадетъ; но общество садоводства должно въ этомъ случаѣ бросить свой эгоизмъ. Пусть оно вспомнитъ, что и картофельные цвѣты когда-то были украшеніемъ великолѣпнѣйшихъ букетовъ, а теперь картофель сдѣлался украшеніемъ убогаго котелка рабочаго. Нечего и говорить, которая роль честнѣе.

Общество садоводства должно хлопотать объ акклиматизаціи чужихъ растений на открытомъ воздухѣ, и въ этомъ направленіи оно можетъ принести большую пользу. Полезныя растенія мало-помалу могутъ быть переведены далѣе къ сѣверу; для исполненія задачи такого рода неостанетъ ни усилій, ни жизни одного человѣка; но общество, которое бессмертно, смѣло можетъ предпринимать работы

такого рода безъ боязни не успѣть. Потому оно должно заботиться объ улучшеніи тѣхъ видовъ, которые растутъ у насъ кругомъ въ дикомъ состояніи. Въ нашихъ лѣсахъ, вокругъ Петербурга, попадается дикая яблоня: стало-быть яблоки у насъ могутъ расти. Есть конечно возможность улучшить наши яблоки. Зачѣмъ же общество этого не дѣлаетъ? Облагороженное яблоко, вродѣ напримѣръ калвилля или опорто, растетъ на такомъ же точно дичкѣ, какіе дико растутъ и у насъ. Но во Франціи яблоки были предметомъ посвященныхъ и разумныхъ заботъ. Вотъ такихъ-то заботъ публика и имѣетъ право требовать и ожидать отъ общества садоводства. Хорошее французское яблоко такъ отличается отъ своего дикаго, нецивилизованнаго предка, что вѣтъ ничего схожаго между ними. Кромѣ того у насъ кругомъ множество дикихъ растений, которыя жаутъ разумнаго садовода или общества, чтобы переродиться точно такъ же. Почему общество садоводства не обратитъ вниманія на землянику, бруснику, чернику, костянику, голубику? Кто знаетъ, что выйдетъ изъ этихъ ягодъ, когда онѣ цивилизуются разумнымъ воспитаніемъ и уходомъ втеченіи нѣсколькихъ поколѣній? Несомнѣнно только, что достоинство ихъ возвысится во сто разъ. Это будетъ прекрасное приобрѣтеніе, когда и теперь эти ягоды вовсе не дурны. Въ новгородской губерніи есть ягода, имѣющая въ дикомъ состояніи великолѣпнѣйшій аромать ананаса и вкусъ малины, именно поляника. При разумномъ уходѣ она будетъ великолѣпнѣйшимъ украшеніемъ нашихъ садовъ и обѣдовъ. Да мало ли еще можно указать истинно-полезнаго дѣла обществу садоводства!

Но бѣда въ томъ, что на все это нужны заботы, время, труды; все это несравненно труднѣе, нежели просто послать за границу деньги и получить оттуда коллекціи какихъ-нибудь новѣйшихъ рододендровъ, бегоній и таксоліумовъ, вогнать ихъ въ цвѣтъ какими-нибудь даровыми дровами и присудить себѣ за это золотую медаль. Кому же дѣло это гораздо менѣе видно, дѣло тривиальное, плебейское — возиться съ какою-нибудь черникой. Тутъ нечего будетъ выставить въ манежѣ, съ музыкой и линючими лебедами. Ктоже знаетъ какую-нибудь приземистую полянику? Еслибы она извѣстна была за границей, то это дѣло другое, можно бы ее выписать, и дѣло съ концомъ. Мы слышали напримѣръ объ извѣстной ягодѣ обліпникѣ: это, какъ видите по названію, чисто-русская ягода. Но если вы захотите посадить такое растеніе къ себѣ въ садъ, то обратитесь въ Гарлемъ или въ Парижъ: здѣсь этого кустарника не достать ниса что. Вышлите деньги, и получите русскую обліпнику изъ Франціи. За такой подвигъ можетъ-быть получите медаль, если не золотую, то хоть бронзовую, такъ какъ растеніе русское, не аристократиче-

ская бегонія *comtesse Alice de Limigny*, не вѣчно-цвѣтущая роза *muscosa bifera impératrice Eugénie* или поздно-цвѣтущая камелія *reine de Tours*.

Такимъ образомъ прелестное общество садоводства выставило искусственные продукты энергическаго истребленія дровъ въ тепличныхъ печахъ, и при высокомъ аристократизмѣ своемъ показало совершенное пренебреженіе къ практическому, истинно полезному, хотя нѣсколько и плебейскому направленію, которое однакоже одно и оправдывало бы существованіе подобнаго общества. Былъ одинъ въ самомъ дѣлѣ полезный предметъ: садовые и дренажныя лопаты, приготавлиаемыя на заводѣ г-жи Вороновой, въ олонецкой губерніи, *что въ Россіи*. Но общество упрятало эти предметы куда-то въ подвалъ, и выставило на первый планъ пальмы, камеліи и цинераріи, отъ отсутствія которыхъ общество выиграло бы весьма много.

НЕУДАВШИЙСЯ АНТАГОНИЗМЪ

Литературная собственность. Современникъ, 1862,

№ 3

Съ удовольствіемъ взяли мы за чтеніе статьи «Литературная собственность». Ну вотъ, подумали мы: наконецъ-то и «Современникъ» хочетъ преподать намъ наставленіе, какъ обращаться съ вещами, которыя называются литературною собственностью. Оно конечно, толки о литературѣ собственно, особенно русской, теперь вообще въ модѣ. Октябрь, ноябрь и декабрь прошлаго года были временемъ преимущественнаго процвѣтанія ихъ. Тогда «Русскій Вѣстникъ» громилъ весь литературный лагерь своими московскими громами, тогда же и «День» затѣвалъ крестовый походъ противъ современной литературной лжи. Подъ вліяніемъ такихъ авторитетовъ всѣ принялись разсуждать о литературномъ злѣ, о литературной пошлости и т. п. На рекогносцировку литературныхъ болѣзней потрачено было много силъ и энергій. Неизвѣстно, что добраго выиграла литература въ ту достопамятную эпоху. Нѣкоторые изъ литературныхъ громобоевъ откровенно признавались послѣ, что разбивая въ пухъ и прахъ литературу, научая публику съ презрѣніемъ относиться къ ней и нескрывая собственнаго къ пей презрѣнія, они имѣли въ виду не разгромленіе литературы собственно, а тѣ условія, при которыхъ возникаетъ ненормальность и пошлость нѣкоторыхъ ея явленій. Разумѣется въ нѣкоторой части нашего общества сейчасъ-же родилось удивленіе къ такой тонкости и дальновидности ума человѣческаго, потому что памски эти до того искусно проведены были и такъ глубоко скрывались подъ виѣшней оболочкой, что о нихъ непремѣнно нужно было напомнить тутъ-же читателямъ; иначе могло-бъ показаться, что походъ на литературу и ея дѣятелей имѣеть въ виду именно разбитіе этой литературы и основывается просто на милomъ доктринѣрствѣ.

Мы должны сказать, почему мы съ удовольствіемъ взялись за чтеніе въ Современникѣ «Литературной собственности». Признаемся, что намъ до крайности надоѣло безконечное пересыпанье фразъ о литературномъ козачествѣ, о литературномъ невѣжествѣ и вообще о всѣхъ тѣхъ милыхъ вещахъ, на которыя и устно и печатно указывалось съ легкой руки московскаго Зевеса — Русскаго Вѣстника. Намъ казалось иногда, что подъ этими фразами кроется беззубая старость, непонимающая ничего изъ узкихъ своихъ кружковъ и теорій, или же то нестерпимое доктринерство, которое во всѣхъ другихъ, несогласныхъ съ нимъ взглядахъ желаетъ видѣть только мальчишество, глупую заносчивость и невѣжество. Поэтому неразъ казалось намъ, что въ этихъ крикахъ противъ литературы, повидимому столь степенныхъ и серьезныхъ, больше мальчишества и непониманья, чѣмъ въ тѣхъ джентльменахъ, противъ которыхъ сооружались крестовые походы. Не такихъ вещей конечно мы всегда ожидаемъ отъ «Современника». Взгляды его всегда бываютъ шире и радикальнѣе, чѣмъ напримѣръ у «Русскаго Вѣстника». Правда, и «Русскій Вѣстникъ» и «Современникъ» имѣютъ чрезвычайно много общаго въ своихъ взглядахъ на литературу. Оба они смотрятъ на нее чрезвычайно свысока. *Высокость* воззрѣнія «Русскаго Вѣстника» ясно доказывается его *осенними* статьями. Онъ не только не признавалъ за литературой какой-либо силы и значенія, а находилъ ее чрезвычайно пошлою, неглубокою и недалесою въ своихъ взглядахъ, обвинялъ ее въ тенденціяхъ къ свистопляскѣ и т. д. «Современникъ» конечно о свистопляскѣ много не толкуетъ, но кстати не преминетъ ввернуть словечко о *мизерности* нашей литературы и ея крайней *молодости*. Но затѣмъ оба они уже совершенно расходятся во взглядахъ на нее. «Современникъ» толкуетъ о мизерности литературы болѣе потому, что онъ вообще литературѣ придаетъ неслыханно-то большое значеніе, — не одной только русской, а какой угодно, даже и англійской. Если онъ говоритъ иногда о русской литературѣ, то это дѣлается болѣе изъ *снисхожденія* къ ней, какъ слабому существу, чѣмъ изъ уваженія. Совѣмъ не то «Русскій Вѣстникъ» напримѣръ... Охотно соглашаясь съ «Современникомъ» въ мизерности нашей литературы, хотя и понимая эту мизерность по-своему, онъ никакъ не можетъ согласиться, чтобы *пресса* вообще и особенно англійская напр. имѣла въ жизни мизерное значеніе... Далекое нѣтъ! По его міросозерцанію, пресса (замѣтьте — пресса, а не литература) есть сила въ странѣ, и стоитъ изобрѣсть нѣкоторыя искусныя политическія комбинаціи, чтобы она могла имѣть вѣсь и значеніе въ быту страны. Онъ согласится поострить надъ нашей литературой — молодой, задавленной, постоянно находящейся подъ вліяніемъ реакцій и

потому *нелюбимой* быть нормальною въ своемъ ростѣ, и охотно похвалить васъ, если вы имѣете въ себѣ подобнаго рода похвальныя тенденціи; но лишь заикнулись вы объ англійской прессѣ, — дружба врозь. Ну, а «Современникъ» не стѣсняется и англійской прессой и убѣждаетъ, что отъ слава, называемаго гартонъ, даже англійскаго, никакихъ особенно важныхъ вещей для жизни никогда не бываетъ.

Поэтому лишь только въ какомъ бы то нибыло отношеніи коснется «Современникъ» литературы, всегда ожидаешь отъ него чего-либо эдакого грандіознаго, въ нѣкоторомъ родѣ величественнаго. Широта его взглядовъ извѣстна. Слѣдовательно, ужъ если онъ рѣшится заговорить о литературѣ, то подниметь что-называется самую суть вопроса и найденное зло поразить въ самомъ корнѣ. Его громъ далеко не то, что громы «Русскаго Вѣстника» наприимѣрь. Этотъ путается въ разнаго рода комбинаціяхъ, безъ которыхъ онъ никогда шагу не дѣлаетъ, а «Современникъ» о комбинаціяхъ никогда и рѣчи не заводитъ, какъ-будто ему до нихъ нѣтъ никакого дѣла. Поэтому, отправляясь къ рѣшенію вопросовъ безъ лишняго груза, налегкѣ, онъ всегда съ большею легкостью, скоростью и безпощадностью рѣшаетъ ихъ. Въ доказательство сказаннаго нами мы укажемъ факты. Осенью «Русскій Вѣстникъ» говорилъ, что литераторы *плохо, скверно* пишутъ, говорятъ дичь, немнѣя никакихъ въ головѣ здоровыхъ самостоятельныхъ комбинацій, что прессѣ такъ вести себя негодится, нехорошо, и выражалъ при этомъ надежду, что современемъ, при лучшихъ комбинаціяхъ, она исправитъ свое зловерное поведеніе. «Современникъ» на дѣло посмотрѣлъ иначе: онъ не сказалъ, что наши литераторы *плохо* пишутъ и что имъ лучше нужно писать, а прямо, устами Т. Э., задалъ вопросъ: зачѣмъ теперь пишеть вся эта масса литераторовъ? вѣдь ужъ давно сказано и написано все, о чемъ ни распространяются устно и печатно всѣ наши литераторы. Вопросъ такимъ образомъ касался самой сущности дѣла и шире обнималъ его, чѣмъ всѣ подобнаго рода вопросы «Русскаго Вѣстника». Этотъ касался только современныхъ явленій литературы и непрочъ былъ дать ей мѣсто въ своихъ *комбинаціяхъ*. «Современникъ» откровенно и прямо спросилъ, зачѣмъ вписываются и печатаются тысячи тоннъ бумаги (не злобный-ли намекъ это на англійскую литературу?) вѣдь при этомъ перепечатывается нѣсколько разъ только старое, давно ужъ написанное? Лучше ужъ взяли бы да перепечатавали старыя книжки... Такимъ образомъ стремленіе Т. Э. оказалось несравненно болѣе широкимъ, чѣмъ у «Русскаго Вѣстника». Онъ открывалъ крестовый походъ не противъ литературныхъ дѣателей, а противъ литературы и не скрывалъ

при этомъ чисто-омаровскихъ знаменитыхъ библіофильскихъ стремленій.

Согласитесь, что въ широтѣ взгляда и полнѣйшей безцеремонности его рѣшенія всегда есть что-то привлекательное, что-то грандіозное, плѣнительное для ума и сердца. Конечно въ этомъ случаѣ иногда приходится удивляться *только* широтѣ взгляда и ничему болѣе; но одно это обстоятельство еще несовсѣмъ обезкураживаетъ любознательный умъ. Въ широтѣ какъ-то живется лучше, оттого и ищешь ея, хотя-бы повски въ этомъ случаѣ оканчивались *однимъ только* результатомъ: благоговѣйнымъ изумленіемъ предъ широкостью человѣческихъ взглядовъ на вещи.

Взглядъ «Современника» на литературную собственность дѣйствительно очень широкъ. Статья эта такая же рѣшительная, какою была въ свое время «Литературный пролетаріатъ» Т. З. Самъ авторъ повидимому сомнѣвался въ ея реальномъ значеніи, потому что называлъ ее между прочимъ фантазіей. Правда конечно, что всякому барону вольно имѣть свою фантазію и что на фантазіи разныхъ господъ не стоить слишкомъ много обращать вниманія. Но вѣдь литературная фантазія вродѣ упоминаемой вами — дѣло другое. Она слишкомъ *фантазія* для того, чтобъ на нее не обратить никакого вниманія. Авторъ съ жаромъ, достойнымъ лучшаго употребленія, возстаетъ противъ того, что мы называемъ «литературной собственностью»; онъ краснорѣчиво рассказываетъ намъ о томъ злѣ, какое производитъ въ литературѣ меркантильное направленіе, и дѣлаетъ попытку представить образецъ лучшаго, сравнительно съ те-перешнимъ, устройства литературнаго міра.

Подобнаго рода попытки внести порядокъ и благоустройство въ литературный міръ — очень не новы. Въ этомъ отношеніи русская литература очень счастлива. Она никуда не выходила изъ положенія безнадежнаго пациента, за которымъ ухаживаютъ много разныхъ докторовъ. И литераторы, и особенно нелитераторы окружали ее чрезвычайною заботливостью и по силамъ, по мѣрѣ разумѣнья своего, предлагали разныя, иногда дѣйствительно сильныя средства противъ искорененія литературнаго зла... Давно, назадъ тому годовъ ужь пожалуй сорокъ будетъ, почтенный ординарный профессоръ и впоследствии академикъ Шевыревъ выступалъ кажется въ «Московскомъ Наблюдателѣ» противъ литературнаго зла статьей «Словесность и торговля». Будущій академикъ крѣпко вооружался тоже противъ меркантильнаго направленія литературы и бранилъ литераторовъ за то, что они берутъ отъ редакторовъ деньги за свои статьи. Оно понятно, почему г. Шевыревъ обваружилъ тогда подобнаго рода рыцарское недовольство. Впервыхъ то время было эпо-

хой сильнаго господства романтизма; тогда не говорили: «деньги», а уж непременно «презрѣнный металлъ»; не говорили просто «любовь», а «божественное чувство, невидимыми узами соединяющее одно существо съ другимъ»; не говорили «женщина», а непременно, «неземная подруга жизни» или что-то въ этомъ родѣ. При такихъ тенденціяхъ эпохи дѣйствительно какъ-то целовко казалось брать деньги отъ редакторовъ за тѣ статьи, въ которыхъ толковалось именно о «презрѣнномъ металлѣ», о неземныхъ чувствахъ и т. п. Ктому же и г. Шевыревъ былъ въ то время очень молодъ и слѣдовательно непрочъ переломить концы въ борьбѣ съ тѣмъ, что ему представлялось крайнимъ зломъ. Незнаемъ, держался ли онъ впоследствии, особенно когда былъ редакторомъ «Москвитянина», на практикѣ своихъ молодыхъ убѣжденій; или и онъ, когда ему стали не новы «впечатлѣнья бытія», пошелъ по дорогѣ всѣхъ другихъ сводѣ литературныхъ собратій? Но и при всей кажущейся естественности и исторической законности появленія статьи г. Шевырева, она появилась нѣсколько некстати, непопадъ, какъ говорятъ, даже тогдашніе романтики заговорили, что нехорошо отрицать у литературнаго труда право вознагражденія въ то время, когда онъ началъ только-что занимать почетное мѣсто въ категоріи труда. Г. Шевыревъ смолкъ и затѣмъ занялся открытіемъ совершенно новыхъ, литературы въ древнѣйшія эпохи существованія Руси. Съ тѣхъ поръ во все послѣдующее время кажется не было попытокъ къ изобрѣтенію специфическихъ средствъ для исцѣленія литературныхъ золъ. Но прогрессъ какъ-видно шолъ тайными путями и выработывалъ новые результаты, сообщенные міру прежде всего Т. З. а потомъ уже авторомъ «Литературной собственности». Вотъ тутъ мы нѣсколько и цовѣримъ мѣбніе г. Т. З. о новостяхъ всякихъ литературныхъ явленій. Вѣдь вотъ — подумали мы — авторъ «Литературной собственности» въ сущности говорить почти тоже самое, что во время оно говорилъ ординарный профессоръ и академикъ. Разница тутъ невелика. Г. Шевыревъ отрицалъ у литературнаго труда право вознагражденія потому что трудъ-де ужъ очень идеальный не долженъ входить въ какія-либо матеріальныя сдѣлки. Авторъ «Литературной собственности» отрицаетъ у литературнаго труда право собственности потому, что все производимое имъ собственно не принадлежитъ ему. Вопросъ здѣсь конечно ставится гораздо шире, чѣмъ у г. Шевырева. Но такой прогрессъ и долженъ быть, потому что оба эти литературныя явленія, выражаясь риторически, подають другъ другу руку на разстояніи цѣлыхъ сорока лѣтъ.

Замахъ у автора очень широкій; для него какъ-будто несуществуетъ никакихъ затрудненій и онъ вездѣ побѣдоносно торжес-

стаетъ надъ всякаго рода препятствіями. Говорятъ наприимѣръ, что «основная мысль законодательства о литературной собственности заключается въ томъ, что переиздательство есть посягательство на чужую собственность и должно быть преслѣдуемо». Но у автора оказывается, что напрасно люди считаютъ собственностью своею то, что ни въ какомъ случаѣ не принадлежитъ имъ. «Если войти въ дѣло ближе, то легко прийти къ убѣжденію, что у мыслителя отдѣльнаго хозяина, какъ нѣтъ хозяина у воздуха, и что рѣшительно несправедливо говорить, что такая-то мысль принадлежитъ такому-то, а такая-то такому.» Проще мышленія ушь такая органическая потребность ума человѣка, что онъ не можетъ не мыслить, какъ зрѣчій не можетъ не видѣть. Да и впечатлѣнія, изъ которыхъ вырабатывается его внутренний міръ, онъ не самъ собою создаетъ для себя, а получаетъ отъ внѣ. Кому-жъ онъ получаетъ готовое умственное наслѣдство отъ предшествующихъ поколѣній. Какъ же, спрашивается, тутъ указать, кто хозяинъ той или другой мысли? Въдь вотъ говоритъ авторъ: «кому первому принадлежитъ мысль, хотя бы того правдильнаго пониманія общественныхъ вопросовъ и отношеній, какое служить основой новой теоріи общественной науки? Перваго тутъ нѣтъ, потому что всѣ, кто былъ заинтересованъ вопросомъ, разрѣшали его вмѣстѣ. Кому было неловко, тѣ и работали; все это были отдѣльныя желанія и чувстваванія; они жили, высказывались, обобщались. Явился грамотный человѣкъ между этими людьми, послушалъ, собралъ, понял, слылъ въ одно, впечаталъ и говоритъ, что эта мысль его и просать на немъ денегъ.»

Такимъ образомъ никакой литературной собственности нѣтъ и не можетъ быть. Какъ же это не догадались всѣ прежде насъ жившія умныя головы, особенно толковавшія о законахъ противъ литературной кражи?.. Но вотъ что затрудняетъ насъ въ этомъ случаѣ. Положимъ даже, что трудъ извѣстнаго автора состоитъ только въ томъ, что онъ собираетъ въ своемъ произведеніи труды предшествовавшихъ ему поколѣній и то, что невольно, безъ всякаго участія его личной свободы возбуждается въ немъ окружающимъ его обществомъ и вообще внѣшнимъ міромъ. Но въдь, спрашивается, отчего же другой не займется этимъ собираніемъ умственнаго матеріала, которымъ владѣетъ общество въ данное время? Представьте себѣ, что въ извѣстномъ мѣстѣ много кирпичной глины. Появляется какой-нибудь промышленникъ и начинаетъ дѣлать изъ этой глины кирпичи. Замѣтите, что на эту глину никто не предъявлялъ прежде никакого права, да пожалуй никто и не догадывался прежде о существованіи ея. Имѣетъ ли право упомянутый джентльменъ не только

дѣлать кирпичи, но и продавать ихъ? По взгляду нашего автора, онъ кажется не долженъ имѣть этого права. Вѣдь глина не кирпичъ, не сдѣлана самимъ промышленникомъ, а добыта изъ земли готовая, да и форма кирпича не придумана кирпичникомъ, она давно известна всѣмъ. А между тѣмъ вѣроятно никто никогда не откажетъ ему въ правѣ получать деньги не за глину, а за трудъ, за потраченный капиталъ при добываніи изъ глины кирпича. Вотъ еслибы нашъ авторъ обратилъ вниманіе хоть бы на то, что вѣдь и на литературное произведеніе употребленъ своего рода трудъ, положимъ даже чисто-механическій, — онъ нашолъ бы, что если авторъ не можетъ имѣть никакого права на матерьялы въ своемъ произведеніи, то онъ можетъ предъявить свое право на вознагражденіе за трудъ, потраченный на самое собраніе ихъ, и въ этомъ случаѣ можетъ требовать у общества защиты отъ эксплуатаціи его труда другими, нетрудившимися джентльменами. Даже такой трудъ, какъ напримѣръ библиографическіе сборники, гдѣ ужъ авторъ рѣшительно ничего отъ себя не привноситъ, а только указываетъ на известныя книги и содержаніе ихъ, — и тотъ долженъ быть тоже защищенъ отъ спекуляціи. И если подобнаго рода авторъ пойдетъ защищать въ этомъ случаѣ свой трудъ, какъ собственность, то вѣдь онъ будетъ доказывать не то, что такой-то журналъ, указанный имъ въ сборникѣ, составляетъ изобрѣтеніе его собственной фантазіи, а будетъ защищать свое право пользоваться платой за трудъ, въ настоящее время оплачиваемый въ известной формѣ. Перепечатавшій его произведеніе подвергается судебному штрафу не за то, что онъ перепечаталъ матерьялъ, несоставляющій ничьей личной собственности, а за то, что воспользовался чужимъ трудомъ и вмѣсто платы за него человѣку дѣйствительно трудившемуся самъ присвоилъ себѣ эту плату, т. е. просто значить, что отнял у другого и употребилъ въ свою пользу чужой трудъ, чужой кусокъ хлѣба.

Но главное дѣло въ томъ, что нельзя всякое литературное произведеніе считать только собраніемъ мыслей, усвоенныхъ авторомъ извнѣ, какъ полагаетъ «Современникъ». Конечно, могутъ быть такія компиляціи, въ которыхъ не много принималъ участія личный трудъ автора. Но и здѣсь мы должны замѣтить, что искусно составленная компиляція стоить, а иногда и требуетъ большаго труда, чѣмъ посредственное оригинальное произведеніе. Чтоже сказать напримѣръ объ ученыхъ произведеніяхъ, особенно о тѣхъ, въ которыхъ сообщаются публикѣ новыя выводы изъ старыхъ открытій и новыя открытія? Въ обществѣ — не въ одномъ нашемъ русскомъ, а въ какомъ угодно западно-европейскомъ — наука распро-

странена очень мало. Наука поэтому до сихъ поръ двигалась впередъ не цѣлымъ обществомъ, а ее развивалъ преимущественно личный трудъ частныхъ дѣателей. Слѣдовательно объ ученomъ, написавшемъ извѣстное руководство или статью по какой-либо наукѣ, въ которыхъ сообщаются нѣкоторыя новыя данныя или новыя выводы изъ старыхъ данныхъ, — ни въ какомъ случаѣ нельзя сказать, что онъ послушалъ-послушалъ что говорить въ обществѣ объ извѣстной наукѣ, собралъ все это въ одно, да и напечаталъ. Конечно и всѣ частныя открытія подготовлены трудами предшествовавшихъ поколѣній, такъ что въ этомъ отношеніи есть преимущество открытій. Объ электрическомъ телеграфѣ никто и не думалъ, пока не знали гальванизма; о локомотивѣ — пока неизвѣстно было давленіе паровъ и т. под. Но вѣдь давнымъ-давно знали давленіе паровъ, знали и объ рычагахъ и умѣли дѣлать разныя комбинаціи изъ нихъ. — а до Уатта и Фультона никому не пришло въ голову воспользоваться этимъ знаніемъ для устройства разнаго рода паровыхъ машинъ. Нужно же было явиться замѣчательному, догадливому уму, чтобъ умѣть извлечь изъ нихъ практическую пользу. Мы далеко не приверженцы историческаго фатализма, исторической необходимости и не думаемъ, что не будь Уатта, открытіе непременно было бы сдѣлано кѣмъ-нибудь другимъ. Конечно, нѣтъ причинъ полагать, что впоследствии, когда-нибудь не было бы оно сдѣлано; но также нѣтъ большихъ основаній думать, что оно сдѣлано было бы современниками Уатта. Значить *личная* заслуга въ открытіяхъ непременно есть и ее отрицать ни въ какомъ случаѣ нельзя; а заключая отсюда далѣе, мы находимъ, что еслибы подобный ученый захотѣлъ написать свою статью о подобномъ открытіи, она принадлежала бы именно ему, и никому другому, и составляла бы его личную собственность. Тоже должно быть сказано и о тѣхъ ученыхъ статьяхъ, которыя сообщаютъ новыя научныя выводы изъ старыхъ данныхъ. До нихъ ученый доходилъ усиленнымъ трудомъ, на открытіе ихъ онъ потратилъ можетъ-быть много силъ и здоровья; они добыты *его* потомъ, *его* умомъ, тогда какъ о нихъ не приходило въ голову никакому другому ученому: значить опять-таки подобнаго рода статья составляла бы плодъ личнаго труда автора и слѣдовательно его литературную собственность. Правда, другіе ученые сообщали ему факты, уже добытые наукой, но заслуга свѣтлаго пониманья ихъ, трудъ комбинаціи ихъ сообразно съ извѣстнымъ взглядомъ, трудъ указанія новой точки зрѣнія на нихъ, трудъ развитія выводовъ изъ нихъ, — это принадлежитъ уже самой личности автора. То, что авторъ говоритъ о наукѣ новыхъ общественныхъ отношеній, вовсе нейдетъ къ другимъ наукамъ. Можетъ-быть, что цѣлое

общество вырабатываетъ эту науку, потому что сама наука-то непосредственнымъ образомъ занимается бытомъ общества, и оттого въ этомъ случаѣ можно какой-нибудь личности собрать кое-какія данныя и нѣкоторые выводы изъ устъ именно общества. Но отъ этой одной науки ни въ какомъ случаѣ нельзя заключать ко всѣмъ другимъ, оттого что для другихъ наукъ существуютъ особыя условія развитія.

Правда ли и то, что художественныя произведенія пластики, музыки, и такъ называемой бельетристики не составляютъ плода именно личнаго авторскаго труда? Много было и есть на свѣтѣ разнаго рода ваятелей, но олимпійскаго Зевса никто изъ нихъ не изваялъ такъ, какъ Фидіасъ, да что-то не повторяются изваянія, подобныя изваяніямъ Кановы. Знатоки такъ умѣютъ различать личныя художественныя манеры разныхъ живописцевъ, что сейчасъ же при взглядѣ на извѣстную картину безошибочно могутъ рѣшить, кому принадлежитъ она или крайней-мѣрѣ кому не можетъ она принадлежать. Тоже самое и въ музыкѣ, и въ бельетристикѣ. Для того чтобы создать бетховенское или моцартовское безсмертное произведеніе, нужно быть именно самому Бетховеномъ или Моцартомъ. Чтобы написать сонату вродѣ бетховенской, — мало послушать, какъ играютъ разные музыканты въ обществѣ, собрать разные мотивы и потомъ сѣсть за фортепьяно, да и сыграть сонату. При подобныхъ усиліяхъ создается не гениальная вещь, а что-то вродѣ музыкальной ерунды. Вѣдь никакое же общество не сообщитъ вамъ силы пониманья музыкальной мысли, не заставитъ васъ проникнуться ею и съ силою выразить ее въ гармоническихъ звукахъ, если въ васъ самихъ нѣтъ того чисто-личнаго достоинства, которое обыкновенно называется музыкальнымъ талантомъ. Сила мысли, форма ея выраженія — несомнѣнно принадлежатъ уже самъ самимъ, что доказывается уже тѣмъ, что при отсутствіи истиннаго таланта можно сыграть любую сонату Бетховена совершенно вѣрно, но вяло, безжизненно, и превратить ее въ орудіе пытки для музыкальнаго уха. Конечно, явленіе въ музыкальномъ мірѣ Бетховена обусловлено было развитіемъ до него существовавшей музыки. Но изъ этого не слѣдуетъ какого-либо убійственнаго для нашей мысли результата. Васъ довели извѣстной дорогой до лѣсу и тутъ оставили. Вы принялись далѣе прокладывать дорогу, пользуясь до васъ еще изобрѣтеннымъ топоромъ... Слѣдуетъ ли отнимать у васъ личную заслугу прокладыванія дороги впередъ на томъ одномъ основаніи, что вы пользовались готовымъ топоромъ и васъ *подвели* къ лѣсу, а не сами вы пришли? Или вотъ напр. въ бельетристикѣ. Нѣтъ ни одного искусства, которое находилось бы въ болѣе близкихъ отно-

шеніяхъ къ обществу, какъ изящная словесность. Художники выводятъ въ ней типы, данные обществомъ, и чѣмъ болѣе художественное произведеніе находится въ согласіи съ дѣйствительностью, которая разумѣется уже ни въ какомъ случаѣ не создается самимъ художникомъ, тѣмъ оно считается художественнѣй. Тутъ-то кажутся и должно бы оправдаться мнѣніе автора о способѣ составленія литературныхъ произведеній: дескать послушаетъ художникъ, что говорить въ обществѣ, да потомъ и напишетъ произведеніе. А вѣдь вотъ выходитъ и тутъ съ художникомъ довольно странная и несовсѣмъ согласная съ воззрѣніями «Современника» исторія. Общество-то у насъ одно для всѣхъ художниковъ, и берутся они часто за воспроизведеніе однихъ и тѣхъ же вещей, а у разныхъ джентльменовъ оказываются въ результатѣ совершенно разныя вещи. Объ одномъ художникѣ говорятъ, что онъ любитъ поэтически изображать такія-то стороны «бытія», другой другія; у одного и типы выходятъ полнѣе, всестороннѣе, и образы ярче, чѣмъ у другого. Художническое чутье значитъ не у всѣхъ художниковъ бываетъ одинаково; оттого и произведенія ихъ дѣлятся различнымъ образомъ. Толковать ли еще о томъ, что въ произведеніе свое истинный художникъ непремѣнно вноситъ свои чувства, свои художническія манеры, что уже составляетъ чисто его личную собственность?

Но вѣдь говорить подобныя вещи значитъ толковать азы, — скажете вы, читатель. Пожалуй и мы съ вами согласимся. Но что же станете дѣлать, если есть джентльмены и журналы, которые не понимаютъ такихъ простыхъ вещей и рѣшаются публично основывать на подобнаго рода положеніяхъ особенно важныя выводы? Нашему автору какъ-видно незнакомъ простой механизмъ литературнаго труда. Ему кажется, что всякій литературный дѣятель только собираетъ готовые матерьялы, и какъ болѣе грамотный, передаетъ тисненію чужія мысли, и какъ болѣе хитрый, говоритъ, что это тисненіе его собственность и проситъ за то денегъ. Авторъ не понимаетъ, что одинъ сборъ матерьяла, подслушиванье ни къ чему не ведетъ, что нужно всѣмъ этимъ матерьяламъ придать форму, а иначе выйдетъ одинъ только сумбуръ, беспорядочная смѣсь; нужно одушевить эти матерьялы какою-либо мыслью, указать справедливый уголъ зрѣнія на нихъ, чтобъ эти матерьялы могли войти въ настоящее литературное произведеніе. Для Вольтера конечно была подготовлена почва всѣмъ предшествовавшимъ ему развитіемъ общества... Но то, что онъ высказалъ съ особенной силой и энергіей, взгляды и убѣжденія общества, и притомъ далъ своимъ мыслямъ изящную форму — составляетъ чисто личный трудъ и слѣдовательно его

личную собственность. Многое въ обществѣ таится безсознательно, невидимо для него самого, доколѣ не появится среди его человѣкъ со властью и не раскроетъ передъ нимъ его же тайныхъ думъ. Въ томъ, что личность прочувствовала, сознала и затѣмъ съ силой выразила безсознательно хранимое обществомъ, нельзя не видѣть личной заслуги. Намъ возразятъ пожалуй, что вѣдь здѣсь нѣтъ еще особенной заслуги, если извѣстная личность болѣе чѣмъ другая способна усвоить себѣ матерьялъ, даваемый современнымъ обществомъ, потомучто не ставимъ же мы въ заслугу слону его способность везти бѣольшую тяжесть, чѣмъ лошадь. Человѣкъ такъ устроенъ, — говоритъ нашъ авторъ — что не можетъ не мыслить, когда есть предметы и лица, вызывающіе на размышленіе, не можетъ и даровитая натура не высказываться, именно потому, что она даровита. Самое это удовлетвореніе потребности высказаться въ извѣстной формѣ уже и есть награда для нея, и больше ей нечего требовать отъ общества. Но положимъ, что человѣкъ дѣйствительно такъ устроенъ, что не можетъ не мыслить... Тѣмъ неменѣе люди какъ-то вообще цѣнятъ хорошее мышленіе. Не говорятъ же они: NN не стоитъ хвалить за то, что онъ хорошо мыслить; у него дескать хорошая голова, а хорошая голова не можетъ мыслить нелогично. Слонъ дѣйствительно везетъ гораздо больше лошади, потомучто силы у него больше; но вѣдь никто же и не смѣшиваетъ его съ лошадью и не говоритъ, что для перевозки нѣкоторыхъ громоздкихъ тяжестей лошадь пригоднѣе, чѣмъ слонъ. Если онъ работаетъ больше лошади, то за нимъ и уходу больше, и больше о немъ заботится всякій расчетливый хозяинъ. Береза невиновата въ томъ, что она не пальма; но никто вѣдь не станетъ ставить выше пальмы простую березу. Намъ кажется, что какое-то тонкое безчеловѣчіе проглядываетъ въ подобныхъ разсужденіяхъ. Положимъ, трудится извѣстный человѣкъ: неужели его трудъ не стоитъ вознагражденія, потомучто онъ, какъ человѣкъ трудолюбивый, не можетъ не трудиться?.. Вѣдь такъ говорить значитъ утверждать ни болѣе ни менѣе, что трудъ не заслуживаетъ никакого вознагражденія. Но о нелѣпости такихъ аксіомъ можно справиться даже и въ новой наукѣ общественныхъ отношеній...

Такъ вотъ и думается намъ, что во всякомъ истинно-литературномъ произведеніи непремѣнно есть что-то такое, что принадлежитъ собственно авторской личности и что слѣдовательно можетъ составлять литературную собственность ея. Говоря такимъ образомъ, мы вовсе не думаемъ, чтобъ все составляющее матерьялъ литературнаго произведенія было предметомъ авторской собственности. Мы соглашаемся, что большая часть умственного достоянія въ из-

вѣстной личности передана ей отъ предшествовавшихъ поколѣній, что образованіемъ многихъ мыслей она обязана предметамъ и лицамъ, ее окружающимъ, что слѣдовательно во всякомъ литературномъ произведеніи участвуетъ трудъ многихъ другихъ лицъ, выразителемъ которыхъ дѣлается авторъ въ своемъ трудѣ. Понятно, что только безконечною глупостью и тупостью можно бы было объяснить притязаніе челоуѣка, пишущаго исторію вавилонскаго государства, на исключительное право заниматься этимъ предметомъ. Вавилонская исторія не составляетъ ничьей собственности. Матерьялы для нея всегда будутъ открыты для всѣхъ желающихъ заниматься ею. Вотъ еслибы кто сталъ обращать ихъ въ свою собственность и во имя этого права сталъ бы отнимать у всякаго другого изслѣдователя возможность разрабатывать ихъ, то стоило бы вооружаться противъ него и говорить, что дескать въ матерьялахъ этихъ нѣтъ ничего составляющаго его *собственность*. Такимъ образомъ рабочее поле для всѣхъ открыто и каждый можетъ вати на него работать; но каждый при этомъ вырабатываетъ результаты, соотвѣтственные степени своихъ силъ и трудолюбія. Комбинація этихъ выводовъ составляетъ во всякомъ случаѣ уже плодъ личнаго труда автора.

Если авторъ не можетъ называть своей собственностью тѣ матерьялы, какими онъ воспользовался для своего литературнаго труда, вато безъ сомнѣнія онъ имѣетъ неотъемлемыя права на форму, въ какой они излагаются и на комбинацію ихъ, сдѣланную съ тѣмъ или другимъ достоинствомъ. Публицистъ положимъ изображаетъ то или другое состояніе общества въ извѣстную эпоху. Онъ пожалуй выражаетъ въ своихъ статьяхъ убѣжденія своего кружка и т. под. Но выразить ихъ въ той или другой формѣ, съ той или другой силой, — это зависитъ отъ самой личности публициста, и дѣльная публицистическая статья при всей легкости матерьяловъ требуетъ для себя значительнаго *личнаго* труда. Предъявлять права на матерьялы, вошедшіе въ статью, публицистъ въ этомъ случаѣ не можетъ, а на комбинацію ихъ, на внѣшнюю форму можетъ.

Поэтому и могутъ быть въ литературномъ мірѣ кража и поддѣлки, чего никакъ не признаетъ нашъ авторъ.

•Разсматривая вопросъ съ точки зрѣнія права собственности на мысль, защитники должны были придти къ тому, что нарушеніе авторскаго права должно принадлежать къ одному изъ видовъ кражи. Хотѣли видѣть поэтому «поддѣлку», но поддѣлка предполагаетъ заимъву одного другимъ, скрытіе истины. Какое же скрытіе истины въ томъ, что является перепечатка? Тутъ никто не обмануть: и имя, и мысли, и способъ ихъ изложенія совершенно одинаковы въ обонхъ из-

даніяхъ. Другое дѣло, если будетъ сохранена фирма издателя, вхо-
дившаго въ сношеніе съ авторомъ; т. е. на перепечатанномъ сочине-
ніи будетъ показанъ первый издатель и даже его типографія. Но и
тутъ нѣтъ еще никакой поддѣлки, потомучто сочиненіе перепечатано
вполнѣ вѣрно, а указано невѣрно только имя издателя, до котораго
въ сущности читателю нѣтъ никакого дѣла. Значитъ тутъ не под-
дѣлка, а только невѣрное показаніе имени лица, играющаго въ дѣлѣ
наименѣе видную роль.

• Другіе хотѣли видѣть въ этомъ дѣлѣ обманъ, потомучто перепе-
чатчикъ занимается тихонько, скрываясь отъ автора и его издателя;
а нѣкоторые говорили, что перепечатки — кража. Но и это невѣрно.
Кражей называется пользованіе чужою вещью, а книга, съ которой
дѣлалась перепечатка, не была украдена. Она могла быть добыта
честнымъ путемъ и затѣмъ уже перепечатана. *Чтожь тутъ украдено?*
Еслижъ думать, что украдена мысль, то это еще менѣе вѣрно. Мысль
не имѣетъ матерьяльной формы; *украденъ же можетъ быть только
предметъ матерьяльный, вещь, которая можетъ быть взята въ руки*
(замѣчательный афоризмъ). Видѣть въ этомъ посягательство на духов-
ную собственность менѣе всего вѣрно. Что значитъ духовная соб-
ственность? Какъ можно вторгнуться въ предѣлы чужого міросозер-
панія? Чѣмъ опредѣляются границы сферы умственной дѣятельности
каждаго человѣка? Границъ этихъ нѣтъ и невозможно опредѣлять ихъ
никакими инструкціями...

Читая эти строки, чувствуешь какъ лавируетъ авторъ, чтобъ до-
казать невозможность поддѣлки и кражи въ литературномъ мірѣ.
Для этого онъ намѣренно не понимаетъ самыхъ простыхъ вещей,
какъ напримѣръ того, что украденъ можетъ быть не одинъ только
предметъ матерьяльный, вещь, которая можетъ быть взята въ руки.
Онъ хочетъ смотрѣть на предметъ съ одной только точки зрѣнія,
именно со стороны читателей, которымъ конечно нѣтъ никакого
дѣла до автора книги, до ея издателя, и которымъ одно только ну-
жно: дешовая и хорошая книга. Толкуя о невозможности поддѣлки и
кражи въ литературномъ мірѣ, онъ забываетъ совершенно объ эконо-
мическихъ условіяхъ изданія въ свѣтъ всякой книги, хотя и го-
воритъ, что ему знакома новая наука общественныхъ отношеній, а
эти экономическія условія повели бы его къ нѣсколько инымъ ре-
зультатамъ. Литературный трудъ въ экономическомъ отношеніи
подлежитъ тѣмъ же почти условіямъ, какъ и всякій другой произ-
водительный трудъ. Всякое литературное произведеніе требуетъ во-
первыхъ нѣкоторое количество времени на собраніе для него ма-
терьяловъ, умственную переработку ихъ и потомъ на изложеніе до-
бытыхъ результатовъ. А «время—деньги», по англійской пословицѣ.
Вмѣсто писанья статьи литераторъ могъ бы это время употребить

на какое-либо другое выгодное производство. Да при этомъ же онъ затрачиваетъ извѣстный капиталъ (помимо затраты его въ изданіи), потому что онъ платитъ, пока пишетъ статью, за матерьяльный комфортъ. Кроме того литературный трудъ болѣе всякаго другого требуетъ траты здоровья и силъ. Если авторъ самъ издаетъ свое сочиненіе, то онъ еще затрачиваетъ съ рискомъ (потому что въ случаѣ неудачи капиталъ и не воротится къ нему) извѣстный капиталъ, или эту затрату принимаетъ на себя издатель. Такимъ образомъ на литературное произведеніе тратится очень много труда и капитала. Успѣхъ книги въ публикѣ и служитъ автору вознагражденіемъ за трудъ и даетъ средства или капиталъ для новаго умственнаго производства; успѣхъ даетъ автору возможность окружать себя болѣшими матерьяльными удобствами, даетъ средства къ наслажденію. Станетъ ли нашъ авторъ отрицать у литературнаго труда право на наслажденіе? Если фабричный рабочій по двѣнадцати часовъ въ сутки работаетъ для того, чтобы доставить себѣ какой-нибудь комфортъ въ жизни, можетъ ли литературный трудъ предъявлять право на наслажденіе? Но этого онъ никакъ не можетъ сказать, потому что и новая наука общественныхъ отношеній признаетъ литературный трудъ *трудомъ*, и притомъ трудомъ въ высшей степени *производительнымъ*. Нельзя же ему сказать, что за литературный трудъ не стоитъ платить. Это было бы ужъ слишкомъ.

И бѣда-то наша въ томъ, что экономическія условія литературнаго труда останутся всегда неизбѣжными въ литературѣ, при всѣхъ формахъ общественныхъ отношеній. Положимъ, литераторъ или ученый будетъ поставленъ въ такое положеніе, что не будетъ зависѣть отъ успѣха или неуспѣха своихъ сочиненій. Представимъ себѣ, что вся издательская дѣятельность перейдетъ современемъ въ руки общества, какъ и мечтастъ о томъ нашъ авторъ, и литераторъ будетъ получать готовые средства къ жизни не въ видѣ платы за его книгу, теперь доставляемой случайными покупателями ея, а непосредственно отъ общества, въ мѣрѣ, сообразной съ дѣйствительнымъ достоинствомъ его труда. Опять-таки дѣло тутъ нисколько не измѣнится въ самой сущности. Капиталъ все-таки будетъ растрачиваться: во-первыхъ на изданіе книгъ (разница здѣсь только въ томъ, что затрачивать будетъ не одно лицо, самъ авторъ, или другое постороннее лицо, издатель, а нѣсколько лицъ, общество); во-вторыхъ на плату жалованья автору, потому что и тогда трудъ долженъ будетъ все-таки оплачиваться и никто не рѣшится безъ надежды на матерьяльныя удобства тратить свои силы и время на литературный трудъ. Следовательно какое угодно общество непременно должно будетъ назначать цѣны за книги, опредѣляемыя коли-

чествомъ затраченнаго капитала, или по истощеніи безвозвратно затрачиваемаго капитала оно должно будетъ современемъ прекратить свою издательскую дѣятельность. Какъ-видно условія и при всякомъ другомъ веденіи литературнаго дѣла остаются тѣже, какія и теперь существуютъ при частномъ издаваніи книгъ. Вѣдь и теперь при всякихъ частныхъ издательскихъ предпріятіяхъ стоимость въ продажѣ извѣстной книги опредѣляется количествомъ капитала, употребленнаго на самое издавіе ея, на плату автору, количествомъ риска и современной стоимостью самаго капитала. А авторъ всегда опредѣляетъ степень вознагражденія за трудъ впервыхъ количествомъ потраченнаго капитала на производство его, а повторыхъ количествомъ новой траты во время отдыха для возстановленія потраченныхъ на трудъ здоровья и силъ и для приготовленія себя къ новому произведенію.

Поэтому «перепечатка» всегда будетъ имѣть характеръ кражи, похищенія чужой собственности. Не о похищеніи мысли тутъ идетъ рѣчь, какъ полагаетъ нашъ авторъ. Мысль справедливо называется космополиткой; она не привязывается исключительно къ одной какой-либо странѣ и ни одна страна не рѣшится какую-либо мысль называть своею собственностью. Тѣмъ менѣе шансовъ полагать, чтобъ она могла привязаться исключительно къ одной какой-либо головѣ и стать ея исключительной собственностью. Но положимъ Пушкинъ издалъ напримѣръ Евгенія Онѣгина. Какой-нибудь спекулянтъ вздумалъ бы съ одного купленнаго экземпляра перепечатать цѣликомъ Онѣгина, какъ онъ есть, и пустить въ продажу. Чтò собственно безнравственно въ этомъ поступкѣ? Вѣдь конечно не то, что спекулянтъ напечаталъ въ своемъ новомъ изданіи мысли о воспитаніи, объ обществѣ, о занятіяхъ его и т. п. Все это извѣстно было въ тогдашнее время конечно не одному Пушкину и слѣдовательно за это нельзя было бы преслѣдовать афериста. Но несомненно, что онъ при перепечатываніи похитилъ, обратилъ въ свою пользу пушкинскія выраженія извѣстныхъ мыслей, чтò уже во всякомъ случаѣ составляетъ собственность одного только Пушкина. Не говоримъ уже о томъ, что еслибы онъ вздумалъ утаить имя автора и приписать твореніе себѣ, то это было бы дѣломъ уже положительо безнравственнымъ. Въ такомъ случаѣ его слѣдовало бы преслѣдовать какъ публичнаго лжеца, который дѣйствія одного лица *намышленно* вмѣняетъ другому. Такая указанная нами перепечатка пушкинскаго Онѣгина цѣликомъ, слово въ слово спекулянтомъ *была* бы похищеніемъ чужого труда. Собраніе матерьяловъ, обдумываніе ихъ, сообщеніе имъ вѣншей формы потребовало отъ Пушкина много труда и времени. На сочиненіе и издавіе его Пушкинъ потра-

тивъ извѣстный умственный и матерьяльный капиталъ. Расходъ изданія долженъ былъ впервыхъ воротить ему потраченный капиталъ, воторыхъ дать за трудъ средства къ улучшенію жизненнаго комфорта и къ новому умственному производству. Но спекулянтъ является тутъ съ нимъ конкурентомъ, и что особенно нужно замѣтить — совсѣмъ при другихъ условіяхъ. Пустить въ продажу книгу по той же цѣнѣ, какую назначилъ авторъ, онъ не можетъ, потому что въ этомъ случаѣ онъ ужь *положительно* уличается въ кражѣ. Когда Пушкинъ назначалъ цѣну своему труду, то при этомъ онъ имѣлъ въ виду затраченный капиталъ на самое производство, тогда какъ перепечатчикъ почти ничего не тратилъ на трудъ сочиненія Онѣгина, а только купилъ одинъ или два экземпляра его. Слѣдовательно, пустивъ его въ продажу по авторской же цѣнѣ, онъ просто опускалъ бы въ свой карманъ то, что слѣдуетъ собственно автору-производителю. Значить опредѣлителемъ цѣны книги у перепечатчика остается только количество капитала, употребленнаго на самое вѣщное изданіе его. Но въ этомъ случаѣ конкуренція съ нимъ самого автора становится невозможной, потому что перепечатчикъ можетъ вдвое понизить цѣну книги и авторъ-издатель уже не можетъ рассчитывать на то, что его трудъ окупится. Слѣдовательно подобная конкуренція отнимаетъ, похищаетъ у автора право на возвратъ затраченнаго капитала и возможность пользоваться выгодами отъ своего труда. Допускать подобную конкуренцію значить ни болѣе ни менѣ какъ отрицать у всякаго труда возможность поддерживать себя собственными средствами, быть самостоятельнымъ. Выгоды отъ него тогда стали бы обращаться въ пользу не того, кто былъ производителемъ, а кто сумѣлъ ловко вырвать его изъ рукъ самого виновника труда и употребить въ свою пользу. Такимъ образомъ перепечатчикъ получаетъ характеръ литературнаго вора, безнравственнаго челоѣка, пользующагося даровымъ трудомъ, похищающаго у труженника выгоды его труда.

Вопросъ поэтому, нужны ли какіе-нибудь законы, которые обезпечивали бы автору его литературную собственность, — будетъ вопросомъ о гарантіи труду плодовъ, результатовъ его. Полагаемъ, что при всевозможномъ измѣненіи условій общественной жизни, покуда общество на трудѣ будетъ основывать свое благосостояніе, всегда будетъ необходимость обезпечить челоѣку вознагражденіе за его трудъ. Съ точки зрѣнія нашего автора, этого кажется не должно быть. По его принципу литературный трудъ оканчивается такимъ производствомъ, которое не можетъ ни въ какомъ случаѣ принадлежать самому автору; все въ немъ прямо или непрямо заимствовано авторомъ отъ общества, среди котораго онъ живетъ. На чело-

вѣка въ этомъ случаѣ онъ смотритъ какъ на какое-то слѣпое орудіе дѣйствующихъ на него силъ. Въ локомотивѣ дѣйствуетъ парь на разныя комбинаціи рычаговъ и приводитъ въ движеніе его колеса, съ ними движется цѣлый поѣздъ. Но никто не думаетъ же хвалить и ставить въ личную заслугу локомотиву то обстоятельство, что онъ движется и тащитъ за собой вагоны; движется онъ потому, что и не можетъ недвигаться, когда давленіе пара вертитъ его колеса. Подобный взглядъ нашъ авторъ перенесъ и на человѣка. Литераторъ пишетъ статью, но матеріалы для нея онъ беретъ изъ-виѣ; то, о чемъ онъ говоритъ въ ней, возбуждено въ немъ окружающими его предметами, и пишетъ—то онъ потому, что не можетъ не писать, коль скоро родилась въ немъ потребность высказаться, продѣлаться *даровыми* впечатлѣніями. Отсюда выходитъ, что литераторъ своего-то ничего не производитъ, собственности значить у него нѣтъ, и платитъ ergo ему незачто. Мы жалѣемъ, что авторъ не справился въ новой, какъ-видно извѣстной ему наукѣ общественныхъ отношеній и не посмотрѣлъ, къ какой категоріи труда относится литературный трудъ и за что собственно литераторъ имѣетъ право на вознагражденіе, какъ и всякой другой труженникъ. Тогда онъ не сталъ бы отрицать у труда право на вознагражденіе и не сталъ бы сводить трудъ на одну доску съ искусствомъ для искусства.

Что современное законодательство о литературной собственности неудовлетворительно, объ этомъ и говорить нечего. Но неудовлетворительность его въ этомъ отношеніи, по нашему мнѣнію, вовсе не даетъ повода къ тѣмъ радикальнымъ заключеніямъ, какія выводитъ авторъ разбираемой статьи. Онъ не разграничиваетъ самыхъ простыхъ понятій, не хочетъ понять, что неудовлетворительность законовъ *de facto* не даетъ права отвергать его *de jure*, въ самомъ его принципѣ. Приведемъ въ примѣръ законъ объ оскорбленіи личной чести. За оскорбленіе въ крупныхъ случаяхъ онъ назначаетъ штрафы въ пользу оскорбленнаго лица. Но вѣдь закону невозможно формулировать безчисленные случаи, когда личная честь подвергается оскорбленію. И смѣшно было бы ожидать, чтобъ онъ взялъ на себя такой громадный трудъ. Съ него довольно, если онъ станетъ защищать самый принципъ чести и выразится относительно его совершенно ясно и опредѣлительно, стараясь *возможности* дать постановленія въ самыхъ крупныхъ и важныхъ случаяхъ оскорбленія. При этомъ можетъ случиться, что законодательство будетъ крайне неудовлетворительно, будетъ не въ силахъ всегда и вездѣ защищать лицо отъ безнаказанныхъ оскорбленій, будетъ сбивчиво и т. п. Но можно ли отсюда заключать, что невѣрнѣ

самый принципъ защиты одного безсильнаго лица отъ оскорбленія со стороны сильнаго? Вѣроятно нѣтъ. Законъ можетъ быть сбивчивъ отъ недостаточной разработки юридическихъ понятій, отъ фальшиваго пониманья нѣкоторыхъ сторонъ ихъ, но неясность, неудовлетворительность его ни въ какомъ случаѣ не даетъ повода къ отрицанію нужды и состоятельности самаго закона. Если законъ плохъ, неудовлетворителенъ, плохо защищаетъ то что хочетъ защищать,—нужно пересмотрѣть, рассмотреть фальшь, какая въ немъ есть; но чѣмъ же виноватъ самый принципъ, если онъ плохо проводится въ законъ?

Мы соглашаемся, что законы о литературной собственности вслѣдъ неудовлетворительны; но отсюда еще не слѣдуетъ, что намъ не нужно никакихъ законовъ о предупрежденіи кражи литературнаго труда. Совершенную правду говоритъ авторъ, что «границы сферы умственной дѣятельности каждаго человѣка невозможно опредѣлять никакими инструкціями и законодательствами». Законы о литературной собственности оттого и вышли неудовлетворительны, что они хотѣли опредѣлять эти границы, что при извѣстныхъ понятіяхъ о собственности вообще, они старались сохранить право автору на самую мысль, тогда какъ этого ни въ какомъ случаѣ не должно быть. Правда, что на «мысли нельзя смотрѣть какъ на разнородныя хлѣбныя зерна, насыпанныя въ одинъ общій мѣшокъ, такъ что безъ всякаго труда можно рассортировать или отдѣлить овесъ отъ ячменя и пшеницу отъ ржи». Но во имя подобныхъ, конечно справедливыхъ положеній можно доказывать только то, что всякій, который дѣлаетъ мысль собственностью какихъ-нибудь личностей и пытается въ этомъ смыслѣ опредѣлять границы умственной дѣятельности одного человѣка отъ умственной дѣятельности другого, совершенно несостоятеленъ. Если теперь современный законъ имѣетъ подобныя тенденціи, то онъ долженъ быть измѣненъ, и только. Больше заключать на основаніи указаннаго положенія было бы нелогично и несправедливо. А нашъ авторъ именно это дѣлаетъ. Изъ того, что нынѣшніе законы о литературной собственности имѣютъ въ виду ограбить право личности на самую мысль, онъ заключаетъ, что не нужно никакихъ законовъ для защиты литературнаго труда. Это ужъ называется скачкомъ въ доказательствахъ.

Вмѣсто того чтобы защищать право собственности на мысль, чего дѣйствительно никогда не защитить, законъ долженъ былъ бы по нашему мнѣнію защищать собственно литературный трудъ. Какъ въ самомъ дѣлѣ опредѣлить, что въ извѣстномъ планѣ составляетъ личную мысль архитектора и что заимствовано имъ отъ

другихъ? Гдѣ провести границу между художественнымъ произведеніемъ скульптора и ремесленнымъ скульптурнымъ издѣліемъ? Какъ сказать, чѣмъ извѣстный поэтъ-художникъ заимствовался отъ другихъ и что можетъ быть приписано собственно ему? Конечно, эстетическое чувство развитого, знающаго человѣка пожалуй сумѣетъ отличить искусство отъ ремесла. Но закону писать руководящія опредѣленія для такихъ случаевъ чрезвычайно трудно, почти невозможно. Отказавшись отъ невозможныхъ для себя задачъ, законъ-удобій могъ бы защитить литературный трудъ. Мы говорили уже о томъ, что во всякомъ литературномъ произведеніи его высшая форма составляетъ плодъ чисто-личнаго труда. Мысль можетъ быть заимствована отъиць, можетъ быть возбуждена въ авторѣ высшими предметами, но то или другое ея выраженіе, та или другая комбинація мыслей, трудъ комбинирования и изложенія ихъ долженъ быть приписанъ самой уже личности. Отвергать подобнаго рода авторскія права значить прямо отрицать возможность *личныхъ* заслугъ, лишать правъ на славу и благодарность потомства всѣхъ литературныхъ знаменитостей. Или точнѣе говоря, подобное отрицаніе будетъ отрицаніемъ литературнаго труда, какъ труда; на это вѣроятно несогласится и самъ авторъ литературной собственности. Поэтому перепечатка цѣликомъ наприимѣръ литературнаго произведенія помимо воли автора или вообще того человѣка, кѣмъ оплачивается его литературный трудъ, будетъ ли то посторонній издатель или цѣлое общество, должна быть отнесена просто къ одному изъ видовъ кражи, особенно при нынѣшнихъ условіяхъ литературнаго труда. Конкуренція тутъ перепечатчика съ авторомъ, котораго трудъ и капиталъ, убитый на литературное произведеніе, еще неоплаченъ, имѣетъ характеръ конкуренціи для болѣе успѣшной кражи чужого труда. При перепечаткѣ главнымъ образомъ страдаютъ экономическія условія литературнаго труда. Вотъ и нужно похлопотать, чтобъ трудъ не похищался всецѣло спекуляціей, чтобъ онъ не убивался ею.

Исполненіе подобной задачи очень возможно и удобно для законодательства. Оно всегда можетъ опредѣлить извѣстное число изданій, которыя должны окупать ученый и литературный трудъ, или извѣстное число лѣтъ, въ продолженіе которыхъ авторъ имѣетъ право пользоваться матеріальными выгодами отъ своихъ литературныхъ трудовъ. Въ этомъ случаѣ нѣтъ нужды опредѣлять число экземпляровъ каждаго изданія и цѣну ихъ. Все это можетъ быть предоставлено самому автору. Если онъ употребилъ много труда на свое произведеніе и если онъ считаетъ свой трудъ довольно цѣннымъ, то пусть и печатаетъ его въ большомъ количествѣ экзем-

илляровъ и назначаетъ ему дорогую цѣну. Если первое изданіе разошлось скоро и оказался большой запросъ на его книгу, — ничто не мѣшаетъ ему произвольно увеличить количество экземпляровъ второго изданія. Но при этомъ законъ долженъ отказаться отъ преслѣдованія компиляцій, потому что это дѣйствительно отзывается признаніемъ за авторомъ права собственности въ области мысли. И въ компиляціи, какъ мы уже сказали, нельзя не признать большую долю личнаго труда автора. Иная компиляція можетъ быть гораздо лучше самого оригинала, и на компилятора въ этомъ случаѣ можно смотрѣть какъ на автора. Пусть конкурируютъ съ авторомъ компиляторы. Если они будутъ дѣлать компиляціи лучше чѣмъ оригиналы, тогда они становятся самими авторами, пользовавшимися однимъ источникомъ, тогда какъ оригиналъ составленъ при пособіяхъ нѣсколькихъ. Если они станутъ вредить успѣху оригинала, то это потому только, что они лучше его, и защиты отъ подобной конкуренціи авторъ не вправѣ требовать, все равно какъ недалекій человѣкъ не вправѣ требовать, чтобъ его недалекія мысли объ извѣстномъ предметѣ предпочитались лучшимъ и основательнѣйшимъ, чтобъ его безсвязное лепетанье порядочныхъ мыслей предпочиталось болѣе связному изложенію тѣхъ же мыслей. А если компиляціи будутъ хуже оригинала, то онѣ не повредятъ ему, потому что никто же не станетъ покунать худую вещь, когда есть возможность купить хорошую. Славы литературной никогда компиляціи не отнимутъ, потому что всякій знающій человѣкъ сейчасъ отличить, что составляетъ самостоятельный литературный трудъ. Подобнаго рода конкуренція имѣетъ вовсе уже не тотъ характеръ, какой имѣла бы конкуренція автора съ простымъ перепечатчикомъ. При компиляціи сохраняются почти тѣже условія, какія неизбѣжны и для самостоятельнаго литературнаго труда. Какъ ни легки повидному компиляціи, но онѣ, особенно хорошія, все-таки требуютъ напряженія силъ, времени, труда, хотя и меньше чѣмъ трудъ самостоятельный. Перепечатка же дѣло совсѣмъ другое. Тутъ дѣлается очень просто: берется готовая книга, отдается въ типографію и затѣмъ продается. Автору перепечатчикъ вредитъ не тѣмъ, что дѣлаетъ дѣло въ какомъ бы то нибыло отношеніи лучше его, а тѣмъ, что захвативъ чужой трудъ, эксплуатируетъ его въ свою пользу, тѣмъ, что перепродаетъ чужой трудъ цѣлкомъ. Сказанное нами могло бы быть приложено не къ однимъ литературнымъ произведеніямъ, а ко всѣмъ другимъ произведеніямъ искусства, еслибы воспроизведеніе ихъ было возможно совершенно при такихъ же условіяхъ, какъ воспроизведеніе книги простой перепечаткой. Но дѣло въ томъ, что копіи напрымѣръ съ картинъ, даже при

нынѣшнихъ фотографическихъ средствахъ, вовсе не имѣютъ характера перепечатки, потомучто копія никогда не удается стать рядомъ съ оригиналомъ. Достоинство его и матерьяльная цѣнность не только не понижается, а напротивъ возвышается съ увеличеніемъ числа копій; они играютъ въ этомъ случаѣ роль газетныхъ объявленій о содержаніи и достоинствахъ оригинала. Такъ же трудно, почти невозможно воспроизвести какую-нибудь статую Кановы или Фидіаса; копія съ нея никогда не будетъ равною оригиналу. Цѣнность оригинала, а слѣдовательно и матерьяльныя выгоды его автора поэтому нисколько не страдаютъ отъ копировки. Но скажутъ: можетъ-быть самъ авторъ вздумаетъ сдѣлать копія съ своего произведенія, а у него станутъ отбивать хлѣбъ другіе конкуренты — копіисты. Но дѣло въ томъ, что авторъ здѣсь въ самомъ выгодномъ положеніи сравнительно съ другими конкурентами, потомучто *онъ самъ* писалъ оригиналъ. Его копія разумѣется будутъ гораздо лучше, ближе подходить къ оригиналу, чѣмъ копія постороннихъ художниковъ. У автора копія можетъ выдти еще лучше оригинала, потомучто въ ней онъ можетъ исправить недостатки, замѣченные уже по окончаніи труда надъ оригиналомъ. Вообще и въ пластическихъ искусствахъ для контрафакціи и копирования требуется много самодѣтельнаго труда. По условіямъ своимъ они близки къ авторскому труду; кромѣ того они не вредятъ матерьяльному интересу автора, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ еще помогаютъ ему. На перепечатку же архитектурныхъ плановъ, музыкальныхъ нотъ можно смотрѣть такъ же, какъ и на перепечатку литературныхъ произведеній, потомучто при этомъ матерьяльныя выгоды авторовъ нотъ и плановъ страдаютъ такъ же, какъ и авторовъ книгъ; чисто-механическими способами тутъ похищается самодѣтельный трудъ.

Когда прошло извѣстное число лѣтъ или когда извѣстное число изданій оплатило авторскій трудъ, законодательству нѣтъ дѣла до автора. Авторъ послѣ этого становится издателемъ-конкурентомъ, и если можетъ потребовать помощи закона, то въ томъ только случаѣ, если умышленно какой-либо издатель станетъ отнимать у него авторство или искажать его трудъ. Право на подобную защиту онъ имѣетъ какъ человѣкъ, трудившійся надъ изложеніемъ мыслей, надъ ихъ вѣншей формой. Перепечатка здѣсь ему не вредитъ, потомучто и трудъ и капиталъ уже оплаченъ. Законъ вступается только за отрицаніе работы надъ извѣстнымъ предметомъ, надъ собраніемъ и изложеніемъ извѣстныхъ мыслей, потомучто авторство въ этомъ смыслѣ никогда не прекращается. Но тутъ могутъ возразить: почему же не можетъ авторъ навсегда удержать за собою право изданія въ свѣтъ своихъ сочиненій? По-

чему мы только на вѣкоторое время признаемъ за нимъ это право изданія и пользованія отъ нихъ выгодами? Если мною сдѣлана статуя, то почему же по прошествіи вѣ котораго времени она будетъ считаться уже не моей собственностью? Почему дохода отъ нея я не могу передать дѣтямъ или родственникамъ и т. п.? Последнее возраженіе дѣйствительно сильно и неопровержимо при высѣшнихъ понятіяхъ о собственности вообще, когда не одинъ только личный трудъ даетъ право на пользованіе извѣстными удобствами жизни. Конечно, будетъ и такое время, когда бездѣйствію и лѣности придется учиться не безумнымъ тратамъ и безумной роскоши, а просто голоду. Никто не отнимаетъ отъ васъ правъ на выгоды отъ вашего литературнаго труда: мы напротивъ полагаемъ совершенно необходимымъ, чтобъ въ экономическомъ отношеніи литературный трудъ также имѣлъ экономическія выгоды, или, какъ говорятъ политико-экономы, былъ для васъ производителемъ наравнѣ со всякимъ трудомъ. Но вотъ противъ чего мы идемъ: говоря, что нельзя отрицать въ авторѣ правъ на личную заслугу въ дѣлѣ мысли, мы тогда-же говорили, что нельзя и *все* въ авторскомъ дѣлѣ считать совершенной *собственностью* автора. Мы тогда же старались яснѣй опредѣлить что именно въ каждомъ литературномъ произведеніи принадлежитъ всегда авторамъ: это по нашему мнѣнію трудъ комбинированья мыслей, ихъ выраженія, — высѣшняя ихъ форма. На нее авторъ имѣетъ право, можетъ пользоваться выгодами отъ нея, какъ вообще человекъ имѣетъ право на наслажденіе за свой трудъ. Когда вопросъ идетъ только о личныхъ заслугахъ автора, никто *никогда* не можетъ отнимать ихъ у него, т. е. отрицать его авторство. Онѣгинъ Пушкина и черезъ тысячу лѣтъ останется Онѣгинымъ Пушкина же. Смѣшно и безконечно глупо было бы сказать, что въ первыя положимъ десять лѣтъ со дня появленія на свѣтѣ Онѣгинъ могъ быть приписываемъ Пушкину, а послѣ этого срока на Онѣгина всѣ могутъ предъявить свое авторское право и какой-нибудь NN можетъ безъ обвиняковъ выставить свое имя, какъ сочинителя, на заглавной вѣнкеткѣ къ изданію Онѣгина. Объ этомъ конечно и толковать много нечего. Но дѣло въ томъ, что когда вы говорите, почему дескать невозможно навсегда удержать за собою право литературной собственности и передавать его въ наследство другимъ, — вы имѣете въ виду экономическія выгоды. Вопросъ значитъ переносится на экономическую почву. А въ экономическомъ отношеніи литературный трудъ подлежитъ общимъ условіямъ всякаго другого труда. Коль скоро я получилъ плату — вознагражденіе за трудъ, дѣйствительное пропорціональное коли-

честву и качеству его, — я не имѣю никакого права предъявлять правъ своихъ на новыя вознагражденія. Вѣдь я не имѣю права десять разъ продавать одну и ту же вещь. Какъ скоро трудъ мой и затраченный на него капиталъ оплатился, не могу же я требовать новыхъ платъ, новыхъ вознагражденій. Иначе я буду требовать несправедливаго, большаго, чѣмъ я затратилъ, — и въ этомъ случаѣ долженъ быть отнесенъ къ разряду ростовщиковъ, готовыхъ со ста брать не настоящіе, справедливыя, опредѣляемые стоимостью капитала въ извѣстной странѣ, проценты, а въ три, четыре и болѣе разъ большіе, — сколько удастся, сколько можно получить. Вотъ поэтому, какъ скоро окупился мой литературный трудъ при извѣстномъ числѣ его изданій, когда онъ поступилъ въ число *проданныхъ* трудовъ, всякія экономическія притязанія мои на него уже не должны быть дѣйствительны, всякія претензіи вѣчно продавать его не должны быть законны. Если мы признаемъ за авторомъ личную заслугу въ литературномъ произведеніи, т. е. приписываемъ ему нѣчто вродѣ духовной собственности, то ради послѣдовательности должны признать за нимъ и право такого же духовнаго свойства, т. е. право называть сочиненіе своимъ, справедливо пользоваться авторскою славой въ потомствѣ. Здѣсь мы должны соблюсти тотъ логическій, общепризнанный законъ составленія заключеній во всякомъ силогизмѣ, по которому въ заключеніи не должно быть больше, чѣмъ въ основаніи. Но этотъ-то законъ мы и нарушаемъ, когда изъ указаннаго выше основанія выводимъ право — безконечное число разъ *продавать* плоды своего авторства. Не говоримъ уже о томъ, что и самая вѣрность основанія — вещь несовѣмъ доказанная и требуетъ значительныхъ ограниченій. Если мы признаемъ за авторомъ личный трудъ надъ собраніемъ, усвоеніемъ себѣ извѣстныхъ мыслей, трудъ выраженія ихъ въ извѣстномъ произведеніи, то опять ради послѣдовательности должны признать право труда на наслажденіе, на извѣстныя выгоды, должны дать ему возможность окупиться. Изъ этого принципа *только* долженъ выходить законъ объ авторскихъ экономическихъ правахъ. Законъ и долженъ брать на себя эту именно задачу — охрану труда, гарантировку правъ его на заслуженныя, заработанныя выгоды, и опять ради послѣдовательности долженъ убраться со сцены, когда исполнить свою задачу, долженъ потерять свою силу для автора, когда исполнилъ все что могъ и долженъ былъ общать. Авторъ послѣ этого остается только *авторомъ* извѣстнаго литературнаго произведенія, и если хочетъ, можетъ выступить на сцену въ качествѣ издателя-капиталиста, и въ этомъ только своемъ значеніи долженъ пользоваться покровительствомъ законовъ, какъ пользуется-

ся и всякій другой конкурирующей съ нимъ издатель-капиталистъ. Оттого и не должно быть ничего страннаго въ томъ мнѣніи, что послѣ нѣсколькихъ изданій авторъ теряетъ право защиты отъ конкуренціи при изданіи своихъ сочиненій.

Такимъ образомъ, по нашему принципу пониманія литературной собственности, всякой литературной трудъ, разъ достойно оплаченный и вознагражденный, не долженъ требовать себѣ новыхъ платъ и вознагражденій. Вотъ почему и не должно быть признаваемо подобнаго авторскаго права за правительственными постановленіями и законами. Всякое правительство дорого обходится странѣ; ему платится отъ нея жалованье и въ этомъ жалованьи оно получаетъ плату за свой трудъ. Такъ какъ странѣ нужно знать что дѣлаетъ правительство въ интересахъ общаго благосостоянія, чѣмъ оно вознаграждаетъ ее за пожертвованія, а наилучшимъ средствомъ для подобныхъ публикацій служить печать, — то правительство и печатаетъ свои постановленія и законы; такія публикаціи входятъ въ кругъ его обязанностей, въ число условій контракта между нимъ и странюю, за исполненіе котораго оно получаетъ вознагражденіе, жалованье. Если я плачу по 200 руб. въ мѣсяцъ извѣстному агенту, который обязался хлопотать о моемъ дѣлѣ въ извѣстномъ городѣ и о всякомъ важномъ своемъ дѣйствіи даетъ мнѣ отчетъ, то за чтожъ я стану ему платить, какъ автору отчетовъ? Я конечно скажу, что отчетъ этотъ писанъ имъ, написанъ хорошо, умно, основательно, отчетливо, что онъ дѣлаетъ честь его уму, все равно какъ умная, дѣльная редакція извѣстнаго правительственнаго постановленія и закона дѣлаетъ честь ихъ редакторамъ, — этого никто никогда и не рѣшится отрицать, — но и только. Въ этомъ смыслѣ авторское право ни у кого никогда не отрицается. Но еслибы мой агентъ сталъ требовать платы за отчетъ собственно, какъ авторъ его, я сказалъ бы ему, что вѣдь за него заплачено въ данномъ ему жалованьи и что два раза платить за одинъ трудъ я не намѣренъ, да такой платы онъ и не долженъ требовать. Еслибы какое-нибудь правительство запретило бесплатную перепечатку своихъ законовъ и инструкцій, оно поступило бы въ этомъ случаѣ какъ указанный корреспондентъ, т. е. потребовало бы платы уже за оплаченный трудъ. Точно также не можетъ требовать себѣ авторскихъ привилегій на извѣстное число изданій и ученый, который, получая совершенно достаточное жалованье отъ общества или правительства, публикуетъ отчеты о своихъ розысканіяхъ, открытіяхъ. Честь ихъ конечно никогда отъ него не отнимется, но онъ не долженъ обнаруживать притязаній извлекать матерьяльныя выгоды отъ своего труда, потому что онъ уже получилъ ихъ въ данномъ

ему жалованья. Этица правомъ можетъ воспользоваться только тотъ, кто покупалъ его трудъ.

Но вотъ то-то и худо, — говоритъ нашъ авторъ — что литература у насъ установилась на коммерческомъ основаніи. «Существующая система защиты (литературной собственности) вноситъ развратъ въ литературные нравы. Установивъ все дѣло на коммерческомъ основаніи, литературная промышленность преслѣдуетъ только одиѣ денежные выгоды, гонится за большими барышами. Торгаши-надеатели покупаютъ и продаютъ только тотъ товаръ, на который существуетъ большой спросъ. А отъ этого за скандальное сочиненіе вродѣ «Улики пылкихъ мужчинъ и женщинъ» она платитъ дороже чѣмъ за сочиненіе дѣйствительно полезное, какого-нибудь ученаго содержанія, если на него не можетъ быть большого запроса. При такомъ порядкѣ вещей, дѣйствительный ученый трудъ, по предмету положимъ химіи, физики, математики, даже исторіи, не найдетъ себѣ издателя, если нельзя рассчитывать на немедленный, сильный сбытъ. И такія вещи не издаются промышленниками-издателями, для которыхъ тотъ товаръ и выше, который выгоднѣе. По этой логикѣ всѣ мысли Ньютона, открытія и розысканія Лавуазье и вообще всѣ ученые труды современныхъ людей, разработывавшихъ науку, какъ недоступныя и неинтересныя для большинства, не значатъ ничего предъ романомъ какого-нибудь Поль-де-Кока, если романъ этотъ дастъ больше выгодъ.» Автора какъ-видно ужасно тревожитъ то обстоятельство, что литературное дѣло основано на коммерческомъ основаніи... Но можетъ ли оно быть не основано на немъ? Конечно, коммерція и литература — двѣ вещи совершенно разныя и для непривычнаго уха слово «коммерція» выходитъ нѣсколько пикантнымъ, когда толкъ идетъ о литературѣ... Коммерція отзывается чѣмъ-то матерьяльнымъ, а литература должна быть чѣмъ-то духовнымъ, безъ всякихъ заднихъ видовъ должна посвящать себя на служеніе обществу.... Между тѣмъ оказывается, что литераторы пишутъ не безъ расчетовъ и требуютъ денегъ за свои статьи... Неприлично какъ-то. Конечно, подобныя тенденціи нашего автора заслуживаютъ полнаго нашего одобренія и сочувствія. Онѣ отзываются идеализмомъ самымъ возвышеннымъ и чистымъ. Но бѣда наша въ томъ, что оторвать литературу отъ всякой коммерціи, поднять ее надъ всѣмъ такъ-сказать матерьяльнымъ, мы не видимъ рѣшительно никакой возможности. Мы не знаемъ ни одного вида труда, который былъ бы поставленъ внѣ всякихъ экономическихъ условій. Всякій вообще производительный, дѣйствительный трудъ требуетъ непремѣнно извѣстнаго капитала вещественнаго и невещественнаго. Онъ невозможенъ тамъ, гдѣ не даетъ ни-

нашихъ выгодъ производительно. Трудъ для труда — немилосливая вещь. Литературныя занятія — самый тяжелый и серьезный трудъ, требующій большихъ вещественныхъ и невещественныхъ затратъ. Какимъ же образомъ возможно требовать, чтобы при сужденіи о немъ были опущены изъ виду всѣ экономическія его условія? Можно толковать о томъ, какъ лучше устроить ихъ, какъ оградить литературныя занятія отъ ремесленного, спекуляторскаго характера. Но жаловаться на то, что они имѣютъ и коммерческія основанія, значить жаловаться на то, что нумень воздухъ для дыханія, вода для питья. Можетъ-быть и неудобно для насъ то обстоятельство, что дышать можно только воздухомъ, но вѣдь что же дѣлать? Чѣмъ требовать совершеннаго уничтоженія воздуха, не лучше ли постараться о томъ, чтобы дышать чистымъ воздухомъ? Вы скажете, очень много зла отъ того, что литература получила коммерческій характеръ? Да, зла много въ современной литературной сферѣ. Мы ниже скажемъ свое мнѣніе, отчего происходитъ оно: причина эта кажется вовсе не въ томъ, что литературный трудъ, какъ и великій другой, подчиненъ экономическимъ условіямъ. Теперь же положимъ даже, что литературное зло происходитъ единственно отъ этихъ коммерческихъ основаній. Что же слѣдуетъ изъ этого? Та очень печальная, хотя и очень знакомая всѣмъ и каждому истина, что злоупотребленія вездѣ возможны, даже въ самыхъ святыхъ и чистыхъ дѣлахъ. Мы совершенно согласны съ авторомъ, что большая часть издателей (но не всѣ же) имѣютъ въ виду единственно большій сбытъ литературнаго товара въ видахъ большихъ барышей, что они здѣсь руководятся принципомъ угожденія грубымъ и сильнымъ страстямъ публики, предпочитаютъ скандальныя сочиненія, отъ которыхъ всего скорѣй можно ожидать успѣха, ученныхъ, но скучныхъ для большинства. Соглашаемся и съ тѣмъ, что подобныя вещи раскладываютъ литературный пролетаріатъ. Надежда на деньги привлекаетъ нѣкоторыхъ ея любителей въ литературный лагерь; есть изъ нихъ джентльмены, которые, выражаясь словами автора, готовы писать все, только бы имъ платили деньги. Все это пожалуй и такъ. Но во первыхъ, есть честные издатели, которые понимаютъ все значеніе честной издательской дѣятельности и стараются согласить свои выгоды съ выгодами общества. Да есть и честные авторы, которые хотя и смотрятъ на литературу какъ на средство существованія, но отнюдь не готовы писать все что угодно, лишь бы платили за то деньги. Мы повинемся, сколько безнравственнаго заключается въ томъ, что люди пишутъ иногда вопреки своимъ убѣжденіямъ, по заказу, чисто изъ-за денежныхъ интересовъ; въ этомъ отношеніи наши антипа-

ти совершенно совпадают съ антипатіями автора. Но вотъ чего не можемъ взять себѣ въ толкъ : что безнравственнаго и жалкаго въ томъ, что иные литераторы живутъ единственно литературой? Развѣ литературный трудъ не можетъ составлять особую категорію труда? Въ такомъ случаѣ отчего педагогическій трудъ признается особымъ видомъ труда? Вы чувствуете въ себѣ способность быть воспитателемъ юношества, имѣете достаточныя для этого свѣдѣнія, вы обрекаете себя на занятія педагогическія и живете именно этимъ педагогическимъ трудомъ. При всѣхъ условіяхъ общественной жизни, эти педагоги останутся, потому что всегда будетъ настоятельная потребность — дѣло воспитанія предоставлять особымъ, хорошо къ тому подготовленнымъ лицамъ. По принципу автора «Литературной собственности» слѣдовало бы удивляться, какимъ образомъ люди такое важное и святое дѣло, каково дѣло образованія и воспитанія дѣятелей общества, обращаютъ въ средство существованія, въ ремесло.... Между тѣмъ такому порядку вещей никто же вѣдь не удивляется; на него снисходительно смотритъ вѣроятно и самъ авторъ. Много-ль у насъ теперь педагоговъ по призванію? Неправда ли, что большая часть ихъ смотритъ на свое дѣло какъ на ремесло, какъ на средство къ полученію жалованья? Но ремесленный характеръ нынѣшнихъ педагоговъ даетъ ли намъ право посягать на самые принципы исключительнаго занятія въ жизни педагогіей? Можно ли на томъ основаніи, что нѣкоторые джентльмены внесли въ воспитательную дѣятельность духъ спекуляціи, отрицать, что педагогическимъ трудомъ, какъ и всякимъ другимъ честнымъ трудомъ, человѣкъ можетъ получать средства къ жизни? Такъ почему же не допустить, чтобъ ученый человѣкъ не жилъ изданіемъ своихъ ученыхъ трудовъ, художникъ не получалъ средствъ къ жизни отъ своихъ художественныхъ произведеній, публицистъ — отъ своихъ публицистическихъ этюдовъ? Ничего тутъ безнравственнаго нѣтъ, если всѣ они честно пишутъ только о томъ, что знаютъ, о чемъ дѣйствительно «понаслушались», что выразить составляетъ для нихъ настоятельную потребность. Неужели авторъ полагаетъ, что такого рода честный трудъ не можетъ дать средствъ къ жизни и не долженъ давать? Онъ говоритъ, что люди, обратившіе литературу въ средство къ существованію, пишутъ о всемъ что угодно, лишь бы получать за то деньги. Но отъ чего зависитъ такая готовность въ нѣкоторыхъ людяхъ? Если отъ того, что при специальномъ занятіи нѣкоторыми литературными предметами имъ нечѣмъ стало бы жить, слишкомъ мало бы нацисали, то значитъ они плохо подготовлены къ нимъ, тогда слишкомъ мало было бы предметовъ для ихъ литературныхъ занятій.

Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же отнимать у всѣхъ литераторовъ, которые могутъ спеціально заниматься какими-нибудь одними литературными занятіями, которые потому не смогутъ писать о всемъ что угодно, а станутъ писать только о томъ, что составляетъ ихъ спеціальнѣйшій предметъ? А тѣхъ джентльменовъ, которые не иначе могутъ жить литературными занятіями, какъ только при готовности писать обо всемъ, нужно просто послать поучиться прежде, узнать хорошо что-нибудь и потомъ выступать на литературную арену.

Возставая такимъ образомъ противъ нашего автора, мы хотимъ сказать, что въ томъ дѣлѣ, причину котораго онъ сваливаетъ на существующее право литературной собственности, это право вовсе не виновато, что ее нужно искать совершенно въ другомъ. Но отсюда не слѣдуетъ, чтобъ это право, въ нѣкоторыхъ сторонахъ своихъ фальшивое по нашему убѣжденію, не производило вреднаго вліянія на литераторовъ. Какъ и всякая ложь, незаконная привилегія, оно отзывается въ литературной сферѣ. Взглядъ на цѣлое литературное произведеніе, на всѣ мысли, заключающіяся въ немъ, какъ именно на личную собственность автора, заставляетъ законъ дать авторамъ право обратять свои произведенія въ постоянныя, долговременныя статьи дохода. Возможность продать нѣсколько разъ свои произведенія, особенно при успѣхѣ ихъ, развиваетъ въ нѣкоторыхъ литераторахъ лѣнь и склонность къ бездѣйствію. Разъ написавши хорошее произведеніе, авторъ, при долговременномъ правѣ литературной собственности, можетъ спокойно почить отъ трудовъ своихъ. Если есть запросъ на его произведеніе, публикѣ нравится оно и хорошо раскупается, то автору всю литературную дѣятельность можно перемѣнить просто на корректурную. Въмѣсто того чтобъ писать и трудиться вновь, онъ можетъ ограничиваться чтеніемъ корректуръ своихъ произведеній при каждомъ новомъ ихъ изданіи. Такъ дѣйствительно и дѣлаютъ нѣкоторые литераторы. Такой господинъ дѣлается своего рода богатымъ помѣщикомъ, у котораго есть богатое имѣніе. Жить онъ можетъ безъ всякаго труда, потому что трудись онъ и не трудись, во всякомъ случаѣ сѣть будетъ. Разница между тѣмъ и другимъ только та, что одинъ когда-то хорошо и успѣшно трудился, а другой сдѣлалъ только ту заслугу, что родился богатымъ наследникомъ. Возможность жить безъ труда сильно парализуетъ всякія, даже въ высшей степени энергичныя силы. Извѣстно какъ тупѣютъ и жирѣютъ умные и нѣкогда энергичные люди, засидѣвшись долго на тепломъ местечкѣ. Въ томъ самомъ, что къ литературнымъ занятіямъ подстрекають иногда матеріальныя нужды, нельзя не видѣть и свѣтлой стороны. Онѣ заставляютъ человѣка работать, и работать успѣшно, производительно, тогда

какъ онъ быть-можетъ не работалъ бы при сознанин обезпеченности своей и возможности для себя жить безъ всякаго труда. Въ этомъ случаѣ нужды служить очень полезнымъ стимуломъ къ дѣятельности. Тѣмъ и худо право безграничной литературной собственности, что оно не требуетъ отъ автора, чтобъ онъ свои средства къ жизни, свое наслажденіе поставлялъ въ зависимость отъ постоянного труда, а единственно отъ уснѣха, послѣ котораго онъ можетъ спокойно почивать отъ всякихъ зачатій, да наблюдать, чтобъ не похищены были нѣмъ-нибудь самыя мысли его произведеній.

Если есть теперь какое зло въ литературѣ, то причину его скорѣй всего нужно искать въ самомъ обществѣ, котораго она служитъ выраженіемъ. Если литература дурна, то зачѣмъ же общество терпитъ такую литературу? Вы говорите, что издатели больше всего заботятся изданіемъ «Уликъ нылкихъ женщинъ и мужчинъ», а не ученыхъ, дѣйствительно полезныхъ сочиненій. Но отчего издательская дѣятельность направлена преимущественно на такія сочиненія? Оттого что на ученыхъ сочиненія нѣтъ запроса: общество мало образованно, вкусъ у него ложный... Издай ученую книгу, она не пойдетъ въ продажу. Ктожъ виноватъ, что издатели не хотятъ рисковать своими капиталами на безполезныя изданія? У общества молочные зубы, а вы хотите, чтобъ было оно одиѣ только корки черстваго хлѣба. Положимъ, всѣ бы существующіе теперь издатели согласились издавать только ученые и серьезныя книги. Стало ли бы ихъ читать общество, въ которомъ преимущественно расколется «Улики нылкихъ женщинъ и мужчинъ»? Вѣдь насильно не всунешь книжку г. Писаревского портному, котораго литературный вкусъ не пошелъ далѣе «Бовы-королевича» и «Гуака». И наоборотъ. Человѣкъ, привыкшій къ серьезнымъ занятіямъ, не кинется напримѣръ на «Улики», хотя бы всѣ издатели въ мірѣ стали издавать единственно подобныя вещи. Если издаются дурныя книги, значитъ есть возможность издавать ихъ, и за эту возможность главнымъ образомъ отвѣчаютъ тѣ, кто покупаетъ ихъ, кто читаетъ; вѣдь не покупай они, ктожъ бы тогда рѣшился губить свой капиталъ на изданіе, которое принесетъ ту только пользу, что вѣчно будетъ лежать и занимать мѣсто въ кладовой? Авторъ нападаетъ на газеты и журналы, что въ нихъ пишется много вздору, что невозможно всю книжку или номеръ газеты наполнить исключительно умными вещами и талантливыми литературными произведеніями... Положимъ и такъ. Но на комъ главнымъ образомъ лежитъ отвѣтственность за подобный вздоръ? Очевидно на публикѣ: она не шокируется вздоромъ, читаетъ его, покупаетъ, поддерживаетъ олимпій-словомъ. Стань публика взыскательнѣй, требовательнѣе въ

своемъ литературной вкѣсѣ, вздоръ сдѣлался бы невозможенъ въ журналахъ, потому что онъ сталъ бы невыгоденъ для ихъ редакторовъ. Помѣстить вздоръ въ журналъ значило бы тогда окончательно убить свою репутацію въ глазахъ публики, потерять подписчиковъ. Если на литературную арену выступаютъ люди, которые составляютъ литературный пролетаріатъ, пишутъ обо всемъ что угодно, и разумѣется плохо, то значить есть возможность для нихъ писать такъ и получать за то еще деньги; а въ подобнаго рода возможности виновато опять-таки главнымъ образомъ общество. За вздоръ потому и платятъ деньги теперь, что и вздоръ можетъ легко сойти съ рукъ и даже понравиться невзыскательной публикѣ. Надежда зарабатывать деньги несерьезнымъ литературнымъ трудомъ въ неразвитомъ обществѣ и плодитъ литературный пролетаріатъ. На хорошую фабрику, гдѣ нужно и знаніе и ловкость, не пойдетъ работать ничего незнающій и неумѣющій человекъ; онъ побоялся и носъ показать туда, потому что тамъ не только не дадутъ ему денегъ за плохую работу, а еще посмѣются надъ его безстыдствомъ. Если бы общество не терпѣло ничего вздорнаго, а для всякихъ предлагаемыхъ ему для чтенія статей требовало бы ума и знаній отъ автора, пролетаріатъ не плодился бы, потому что ни одинъ издатель за написанный вздоръ не заплатилъ бы ни копѣйки. Литературная ерунда должна бы была искать себѣ изданія вроде «Петербургскаго Вѣстника» г. Льва Камбека и платить еще деньги за то, что онъ позволитъ ей напечататься. Да и вообще если коммерческій характеръ одолевъ всѣми литературами, то вѣдь онъ изъ общества же перешолъ въ литературу. Въ странѣ, гдѣ развита страсть къ спекуляціямъ, жадность къ быстрымъ наживамъ, неизбѣжно подобныя пороки отразятся на литературѣ. Вѣдь литераторы не циклопы, тѣже люди, воспитавшіеся въ обществѣ подъ его вліяніемъ; въ нихъ тѣже страсти, какъ и во всѣхъ другихъ его современникахъ—соотечественникахъ. Вотъ и слѣдовало бы автору «Литературной собственности» главнымъ образомъ обратить вниманіе на общество при изслѣдованіи литературныхъ золь: дурной корень у дерева, дурныя и плоды.

Какія же, спрашивается, нужно вымыслить пружины, чтобъ поправить литературное дѣло? Авторъ указываетъ тотъ порядокъ, при которомъ литература уже не будетъ такою дурной, какова она теперь. Все зло — говоритъ онъ — происходитъ отъ того, что литераторы извлекаютъ матеріальныя выгоды отъ своихъ литературныхъ трудовъ; слѣдовательно нужно хлопотать объ одномъ: чтобъ литература не служила кускомъ насущнаго хлѣба. «И въ теоріи и въ практикѣ вопросъ этотъ вовсе не такъ труденъ для разрѣ-

шенія. Мы надѣялись, что вотъ наконецъ легкий вопросъ совершенно удовлетворительно разрѣшится писателемъ, и жестоко ошиблись. Для публицистовъ и ученыхъ онъ нашолъ еще кое-какія мѣста, но для художниковъ мѣста не оказалось; такъ и остались они предоставленные самимъ себѣ.

Публицистъ, по мнѣнію автора, принадлежитъ къ числу людей, ищущихъ общественной дѣятельности. Они потому бросаются въ журнальную дѣятельность, что для нихъ нѣтъ въ общественной жизни такого рода занятій, какія нужны имъ сообразно съ ихъ способностями. Поэтому при общественной жизни, развитой изъ началъ самоуправленія, всякій публицистъ превратится въ общественного оратора, который говоритъ разные сличы, которому писать своихъ рѣчей незачѣмъ и продавать некому. «Положеніе политическое научить его быть и краснорѣчивымъ и убѣдительнымъ, научить развить свой талантъ и дать ему и поощрительность мыслей, которая при извѣстныхъ условіяхъ литературнаго развитія замѣчается очень у немногихъ.» Вотъ первая пружина, вымышленная авторомъ для улучшенія современной публицистики. Авторъ полагаетъ, что при общественной жизни, развитой изъ началъ самоуправленія, всѣ эти публицисты какъ-разъ пойдутъ въ общественные ораторы. Такимъ образомъ публицистическимъ отдѣломъ въ журналахъ и вообще въ литературѣ онъ покончилъ дѣло. Мы охотно повѣрили бы въ дѣйствительность этой пружины, если бы насъ не смущало здѣсь одно обстоятельство. Въ Англіи напримѣръ развито начало самоуправленія; конечно не всѣ имѣющіе стремленіе къ общественной дѣятельности попадаютъ въ число ораторовъ нижней палаты, но можно сказать, что всѣмъ чувствующимъ потребность высказаться, предоставляется полная возможность говорить что угодно на разныхъ митингахъ. Тоже можно сказать, въ большей еще степени, объ общественной жизни Соединенныхъ-Штатовъ. Но какъ на зло, публицистика есть и въ этихъ обѣихъ странахъ и на грѣхъ развита тѣмъ въ большей степени, чѣмъ больше развито въ нихъ начало самоуправленія. Что жъ это въ самомъ дѣлѣ? И стенографы есть, которые записываютъ разные рѣчи общественныхъ ораторовъ, и можно говорить сличы кому угодно и сколько угодно. А публицистика все-таки составляетъ самый видный отдѣлъ въ журналистикѣ и литературѣ. Что-то есть значитъ фальшивое «въ теоріи» автора. Значитъ публицистика возникла не отъ одного только условія — невозможности для публицистовъ общественной дѣятельности. Тутъ дѣйствительно есть другія пружины и на нихъ-то авторъ не потрудился обратить вниманія. Вопервыхъ по нашему мнѣнію нельзя сказать, что всѣ тепе-

решіе публицисты при жизни, развитой изъ началъ самоуправленія, какъ-разъ попадутъ въ общественные спикеры. Для того чтобы говорить предъ собраніемъ, нужно имѣть особый талантъ помимо публицистическаго. Возьмите любого прекраснѣйшаго публициста и заставьте его говорить въ обществѣ: онъ можетъ спутаться, наговорить то, чего ни въ какомъ случаѣ ужъ не написалъ бы; владѣть перомъ и владѣть даромъ слова не одно и тоже. Конечно отъ того, кто хорошо пишетъ, скорѣй можно ожидать дѣльнаго слова, чѣмъ отъ того, кто пишетъ худо. Но не всегда — и это положительно можно заявить, — пишущій хорошо такъ же хорошо и говорить. Да вотъ напримѣръ хотя бы знаменитый историкъ-публицистъ Маколей. Рѣчи его въ парламентѣ далеко непохожи были на блестящія страницы его исторіи и Essays. Тогда какъ въ публицистикѣ онъ былъ какъ у себя дома, на парламентскомъ поприщѣ онъ чувствовалъ себя неловко; роль оратора для него была не по плечу. Онъ потому и оставилъ парламентское поприще. Вотъ значитъ и не всякій публицистъ можетъ понасть туда, куда хочетъ поставить ихъ нашъ авторъ. Напрасно также полагаетъ авторъ, что лордъ Пальмерстонъ или король прусскій, еслибы не имѣли возможности произносить рѣчей, то ужъ непременно превратились бы въ литераторовъ-публицистовъ. Останутся слѣдовательно такіе агентльмены, которымъ, чтобы высказаться, нужно публицистическое журнальное поприще. Куда же ихъ? Запретить имъ чтоли писать? Но вотъ еще другое обстоятельство, заставляющее насъ сомнѣваться въ осуществимости проекта «Современника». Есть такіе вопросы въ общественной жизни, всестороннее обсужденіе которыхъ невозможно въ рѣчи, произносимой предъ собраніемъ. Подобные вопросы требуютъ многихъ объясненій, большихъ изслѣдованій, что невозможно въ тѣхъ короткихъ рѣчахъ, на произношеніе которыхъ обрекаетъ авторъ всѣхъ публицистовъ. Даже полагая, что и возможно превращеніе публицистовъ въ ораторы; исправится ли при этомъ самая сущность дѣла? Теперь пишутъ плохія публицистическія статьи, тогда станутъ говорить плохія рѣчи, потому что не прибудетъ же у публицистовъ ума оттого только, что они перестанутъ писать, а станутъ говорить. Теперь платятъ за плохія статьи; тогда станутъ платить за плохія рѣчи, — только въ видѣ жалованья оратору, какъ общественному дѣтелю. Теперь надежда сбыта плохихъ статей привлекаетъ въ журнальный публицистическій лагерь разныя пролетаріевъ; тогда надежда сбыта плохихъ рѣчей привлечетъ на общественную арену пролетаріевъ-ораторовъ. Скажутъ: тогда не станутъ слушать плохихъ рѣчей; да кто же теперь заставляетъ читать плохія статьи?

Съ изящной литературой авторъ какъ будтобы вѣсколько по-списходительнѣе, чѣмъ съ публицистикою. Онъ полагаетъ, что для устранения всего безталаннаго въ литературѣ стоитъ только перестать журналистикѣ просить повѣстей для пополненія своихъ бѣльлетристическихъ отдѣловъ и предоставить имъ печататься отдѣльными книгами. Такимъ образомъ къ изящной литературѣ авторъ прилагаетъ принципъ полнѣйшей самостоятельности: оставьте дескать ее, пусть она живетъ сама собой и не прильпается къ журналамъ; журналы испортили ее, заставляя авторовъ писать разную бѣльлетрическую дрянь; тогда она будетъ дѣйствительно хороша и безталаннаго ничего въ ней не будетъ. Но вотъ въ чемъ дѣло. Гарантируется ли этимъ однимъ невозможность изданія безталанныхъ сочиненій? Какъ теперь редакторы иногда помѣщаютъ слабыя произведенія, такъ и тогда издатели станутъ издавать разную литературную дребедень; если читается она въ журналахъ, то почему же не станетъ расходиться она въ публикѣ и отдѣльными изданіями? И тогда откроется возможность жить разными безталанными произведеніями сырой литературы. Вѣдь вотъ примѣръ у насъ былъ очень недавно: Александръ Анфимовичъ Орловъ не помѣщалъ своихъ произведеній ни въ какомъ журналѣ. Но вѣдь какая же громадная у него была литературная дѣятельность. Его произведенія являлись почти безпромежуточно, а на что безталаннѣе его произведеній! Тотъ фактъ, что ни одинъ журналъ не принималъ его твореній, не помѣщалъ же дѣятельности его таланта. Виѣсто того чтобъ печататься въ журналѣ, онъ открылъ свою фабрику сырой литературы.

• Чтоже касается до ученыхъ сочиненій, то это дѣло школъ, ученыхъ обществъ, академій, университетовъ. Кто оказался способнымъ къ дѣлу воспитанія или къ разработкѣ науки, тотъ найдетъ себѣ мѣсто между учеными, посвятившими себя общественной службѣ. Академіи и ученые общества, находясь подъ контролемъ общественнаго мнѣнія, разумѣется станутъ заниматься своими дѣлами и не получатъ даромъ общественныхъ денегъ. *Эд все оне сочиненія, написанныя на общественный счетъ; можетъ быть дана ѣ общественная награда.*

Разумѣется при этомъ *conditio sine qua non* — даровая раздача книгъ. Но въ такомъ случаѣ достаточно ли будетъ на печатанье ихъ всѣхъ общественныхъ суммъ? Или тогда будетъ раздача по достоинству и заслугамъ требующихъ? Въ такомъ случаѣ повторятся тѣ нилыя исторіи, которыя ежегодно дѣлаются на разныхъ публичныхъ и непубличныхъ экзаменахъ. Будемъ дожидаться!..

Но зачѣмъ же авторъ говорить объ общественной наградѣ авторамъ? За чтоже ихъ награждать? Вѣдь онъ отвергаетъ всякую личную заслугу въ дѣлѣ мысли? По его взгляду, авторы только под-

слушиваютъ что говорятъ въ обществѣ, а что собственно въ нихъ возбуждается, все это не имъ собственно принадлежитъ. Зачѣмъ же даромъ тратить общественныя суммы? Коли авторы отъ себя ничего не приносятъ въ свое литературное произведеніе, такъ пусть и работаютъ безъ всякихъ наградъ. По всему видно, что авторъ не достигнулъ своей канители и пошелъ на уступки. Вѣдь сдѣлалъ же онъ уступку, когда романахъ и повѣстямъ предоставилъ право печататься отдѣльными изданіями; помимо журналовъ. Ктожь ихъ будетъ печатать? Авторы не должны наживаться отъ своихъ сочиненій, потому что права собственности на нихъ ни въ какомъ случаѣ у нихъ нѣтъ. А къ издателямъ авторъ уже положительно не чувствуетъ никакого расположенія. Ужь подъ этииъ снисхожденіемъ не кроется ли просто невнимательность автора къ изящной литературѣ? объ ней—де не стоитъ и говорить, пускай себѣ какъ хочетъ. Не хочетъ ли авторъ подобной хитростью своего проекта уморить совсѣмъ беллетристику?

И во всей этой попыткѣ автора провести новый взглядъ на литературную собственность, искоренить существующее зло въ литературѣ, видно совершенное отсутствіе серьезной вдуманности въ предметъ, видѣнъ самый крайній теоретизмъ. Оттого его критика современныхъ понятій о литературной собственности похожа на холостые выстрѣлы въ воздухъ. Онъ, какъ намъ кажется, не знаетъ мѣры въ своемъ отрицаніи. Есть джентльмены, готовые утверждать, что всякая мысль въ ихъ литературныхъ произведеніяхъ принадлежитъ собственно и исключительно имъ самимъ, и что требуя себѣ защиты закона отъ литературной кражи, они при этомъ представляютъ свои права на мысли именно какъ на собственность? Ограничься авторъ филиппикой противъ нихъ, никто бы не поднялъ и голоса противъ него. Но ему показалось мало этого. Онъ сталъ доказывать, что во всякомъ литературномъ произведеніи нѣтъ ничего собственно авторскаго, что авторъ какое-то слѣпое орудіе дѣйствующихъ на него впечатлѣній, *tabula rasa*, на которой отпечатлѣвается только то, что находится внѣ ея. Задача конечно оказалась невозможной. И посмотрите, въ какой теоретизмъ пускается авторъ! Ему нѣтъ дѣла до того, что литературу нельзя разсматривать отвлеченно отъ общества, среди котораго она держится, что въ неразвитомъ, нравственно некрѣпкомъ обществѣ и литература можетъ быть богата разными злоупотребленіями, можетъ принимать ненормальный ростъ и т. д. До всего этого автору нѣтъ никакого дѣла, да оно не подходило бы близко къ его цѣли. Ему нужно было во-что-бы то ни стало въ практикѣ показать все зло, какое производитъ право литературной собственности. Онъ и усиливается дока-

зывать, что именно отъ него происходитъ литературная бѣда. Онъ не затрудняется дѣлать по этому случаю самые рискованные выводы, и фальшь его заключеній выступаетъ еще рельефнѣе.

Подобнаго рода попытки чрезвычайно много вредятъ дѣлу. Ничего дурного нѣтъ въ радикализмѣ тамъ, гдѣ дѣйствительно оказывается все несостоятельнымъ и требуетъ замѣны чѣмъ-нибудь новымъ. Но тамъ, гдѣ радикализмъ дѣлается ради радикализма, онъ становится жалкимъ, какъ своего рода искусство для искусства. Мало показывать одни только *ria desideria*: нужно, чтобъ они имѣли за себя логику и основательность; иначе заподозривается и самая состоятельность благочестивыхъ желаній. Вѣдь нельзя безцеремонно обращаться съ дѣйствительностью, превратно толковать факты, не видѣть въ дѣйствительности ничего, что противорѣчитъ извѣстнымъ тенденціямъ. Объ этомъ стоитъ подумать тѣмъ джентльменамъ, которые недовольны дѣйствительностью и хотятъ лучшаго *наряда*.

Въ нашей критикѣ мы большею частію относились къ автору «Литературной собственности». Чувствуемъ, что было бы гораздо справедливѣе относиться къ «Современнику», напечатавшему эту статью, потому что подобнаго рода статьи всегда выражаютъ направленіе журнала, его мысли, его мнѣнія. Такъ-какъ такіа статьи годятся не для всѣхъ журналовъ, а для одного развѣ, который раздѣляетъ тѣже мысли и взгляды, то авторы такихъ статей отождествляются на второй планъ и статья становится принадлежностью редакціи журнала, напечатавшаго ее. Авторы большею частію и не подписываются подъ подобными статьями.

КРИТИЧЕСКІЯ ВАРИАЦІИ НА РАЗНЫЯ ТЕМЫ

Что это за вариации на разные темы? вѣрно что-нибудь полемическое? съ неудовольствіемъ скажетъ иной чрезвычайно солидный читатель: — и безъ того полемика у насъ ужъ очень развилась, такъ что хоть затыкай отъ нея уши. Дайте намъ чего-нибудь серьезнаго, капитальнаго, въ нѣкоторомъ родѣ величественнаго, напримеръ хотя бы вродѣ статьи: «Къ какой мы принадлежимъ партіи». Мы съ удовольствіемъ исполнили бы особенно послѣднее желаніе, читателя, еслибы намъ не мѣшали здѣсь кое-какія обстоятельства, совершенно зависящія отъ редакціи. Впервыхъ намъ никогда не возвыситься до такого безмятежнаго, спокойнаго созерцанія, какимъ проникнута указанная въ примѣръ намъ статья: слѣдовательно мы и не можемъ общать такихъ величественныхъ, но спокойныхъ литературныхъ нотъ. Натура у «Времени» нѣсколько иная, чѣмъ напримеръ у «Русскаго Вѣстника». Этотъ всегда старается выбрать себѣ такой уголокъ, такую точку, съ которой онъ могъ бы въ качествѣ безпристрастнаго, спокойнаго зрителя читать нравоученія всѣмъ этимъ *misérables*, которые о чемъ-то хлопочутъ, чего-то ищутъ, нерѣдко попадаютъ какъ куры во щи, горячатся, пожалуй скандализируются и т. д. «Время» сознаетъ, что хорошо бы побольше заимствоваться олимпійскимъ величіемъ, придать себѣ характеръ грандіозности и удивлять весь литературный міръ важностью своихъ внушительныхъ рѣчей. Но вѣдь чтожь ставете дѣлать, коли его натура принадлежитъ къ числу неудавшихся натуръ? Завязалось дѣло гдѣ-нибудь, откинулъ кто-нибудь эдакую штуку, ему ужъ нетерпится, чтобы не ввязаться со стороны. Еще когда «Время» объявляло о своемъ рожденіи въ свѣтъ, оно ужъ предчувствовало, что не утерпѣтъ ему будетъ отъ полемики, — натура непременно ввяжетъ его въ разные споры, и потому тогда же сказало, что оно «не будетъ уклоняться отъ полемики». За полтора года своей литературной жизни оно успѣло уже уяснить въ собственномъ сознаніи нѣкоторымъ образомъ «прирожденные свойства своей природы» и съ ужасомъ

должно было признаться самому себѣ, что «полемизмъ» въ нѣкоторомъ родѣ есть неисправимое, прирожденное ему зло. Что тутъ станете дѣлать, особенно въ виду нѣкоторыхъ раздражающихъ возгласовъ? «Время» и порѣшило: «коли натура у него склонна къ полемикѣ, такъ ужъ нечего дѣлать препятствій своему нраву». Такъ теперь оно и будетъ постоянно уклоняться въ полемику.

А доказательство безпокойности нашего нрава и нашей задорности (по стилю «Русскаго Вѣстника» — заблѣчивости) мы сами же и представимъ читателямъ. Вѣдь вотъ теперь напримѣръ мы хотимъ говорить о разныхъ замѣткахъ, преимущественно г. Лонгинова, разсѣянныхъ по «Современной Лѣтописи» и по «Нашему Времени». Мы сами представляли себѣ всѣ резоны, долженствовавшіе удержатъ насъ отъ полемики съ воззрѣніями г. Лонгинова. Вопервыхъ, стоитъ ли дѣлать мелкія произведенія «литературнаго досужества» (выраженіе самого же г. Лонгинова) предметомъ особой статьи, имѣющей тенденцію, къ вѣщему огорченію всѣхъ серьезныхъ российскихъ критиковъ, понасть (вообразите!) въ критическое обозрѣніе. Вторыхъ, обратить ли на нее вниманіе г. Лонгиновъ, который, какъ увидать ниже читатели, сдѣлалъ уже давноожидаемое и какбы предчувствуемое уже многими, открытіе, что вообще люди его закала стремятся «освободиться отъ опеки журналовъ», присвоенной ими себѣ благодаря разнымъ благопріятнымъ для нихъ обстоятельствамъ; мы не смѣемъ уже говорить о вниманіи къ намъ «Русскаго Вѣстника». Третьихъ, мы напоминали себѣ, что вѣдь читатели и вообще серьезные люди могутъ въ самомъ же дѣлѣ возымѣть мнѣнія о мелочности и придирчивости «Времени». Но всѣ резоны наши пропали совершенно даромъ; натура сказала въ томъ, что началъ возбуждать въ головѣ мысли, нѣсколько ослабляющія силу вышеприведенныхъ резоновъ. Намъ пришло въ голову, что полемизмъ вовсе не считается такимъ страшнымъ, какъ его вные малюютъ. Ну вотъ напримѣръ, угѣшали мы себя, «Отечественныя Записки», журналъ куда какой ученый и серьезный: и какъ сильно ратовалъ очень недавно о вредѣ для прогресса полемизма и его выраженія — «Свистокъ». А вѣдь завелъ же онъ теперь у себя «Свистокъ», да еще удѣлалъ ему чуть не цѣлыхъ два отдѣла въ своемъ ученомъ и серьезномъ журналѣ. Мало того, выпустилъ цѣлакомъ все критическое обозрѣніе и перенесъ его въ свистковые отдѣленія, такъ что судьба критическаго обозрѣнія въ будущемъ остается подъ знакомъ неизвѣстности. Правда, нѣкоторые находятъ, что свистокъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» слишкомъ тяжелъ на ногу, худо поворачивается, вмѣсто смѣха корчитъ какія-то гримасы... Но вѣдь это говорить зныя языки, неопытающіе сунти дѣла. Что тутъ тол-

когда о худомъ исполненіи? Въ милостивые государя, обращайтесь вниманіе на цѣли, на намѣренія, на святыхъ, нѣкоторымъ образомъ *vis desideria*, — вотъ что должно прежде всего имѣться въ виду. Но главное заѣсь въ томъ, что подобный фактъ, случившійся въ одномъ изъ самыхъ степенныхъ журналовъ, совершенно разбилъ наши соображенія, противодѣйствовавшія природнымъ склонностямъ нашей натуры. Чтожъ, думали мы, если ученый журналъ заведетъ у себя Свистокъ, то отчего же и намъ *иногда* не заняться разборомъ курьозными мелочами русской литературы: вѣдь подобными своими дѣйствіями мы будемъ претендовать не на заведеніе у себя «Свистка», а просто на критическій анализъ, приложенный къ какому-либо (количествомъ, но не всегда мелкимъ въ тоже время качествомъ) произведеніямъ «литературнаго досужества». Вѣдь какіе случаи иные изъ нихъ перлы! Объ насъ говорятъ же «Отечественныя Записки», что «Время» журналъ молодой, юный. А юному не трудно увлечься приѣромъ старшихъ.

г. Лонгиновымъ мы хотимъ немножко объясниться по слѣдующему случаю.

Въ № 17 № «Современной Лѣтописи» онъ напечаталъ статью подъ заглавіемъ: «Новый прогресистъ въ русской литературѣ». Читатели наши ошибутся, если предположатъ въ насъ стремленіе защищать «новаго прогресиста». Конечно, есть приемы, которые могли бы насъ увлечь и къ подобнаго рода заведенію. Въ Русскомъ же Вѣстникѣ г. Гротъ въ началѣ прошлаго года глубоко сожалѣлъ, что слово «ученый» начало принимать въ русскомъ смыслъ и такого рода фактъ отнесъ къ числу печальныхъ для русской литературы. Примѣръ правда увлекаетъ, но не долженъ служить. Поэтому и теперь взяли мы за веро вовсе не то, чтобы по примѣру ученаго академика защищать отъ г. Лонгинова «новаго прогресиста». Намъ показался весьма интереснымъ фактъ защиты г. Лонгинова отъ нападенія на дворянство «новаго прогресиста». На него-то и еще на кое-что соприкосновенныхъ мы хотимъ обратить теперь свое вниманіе.

Въ № 17 «Современника» были напечатаны сцены г. Зиновьева подъ заглавіемъ «Дворянскіе выборы». Намъ самимъ не очень нравится произведеніе г. Зиновьева, но полагаемъ, что если мы не имеемъ ему въ талантѣ, то ужъ вовсе не на тѣхъ основаніяхъ приводить г. Лонгиновъ. Мы бы согласились съ г. Лонгиновымъ, если бы стали говорить, что г. Зиновьевъ взялъ въ своемъ произведеніи одни только извѣстныя стороны и ихъ сдѣлалъ сценою, а не въ томъ, что во всемъ его произведеніи господствуетъ одинъ только мотивъ, нѣтъ богатства и разнообразія

въ его приѣмахъ, что оно чрезвычайно длинно и скучно. Доказывайте, что у него не вышло ни одного лица, что сцены написаны на заданную тему, фальшивы и т. д., представьте при этомъ дѣльные основанія и мы совершенно охотно согласимся съ вами. Но вѣдь посмотрите чѣмъ хочетъ доказать *нехудожественность* «Дворянскихъ выборов» г. Лонгиновъ. Онъ говоритъ: «У автора нѣтъ никакихъ оправданій. Онъ вывелъ до сотни дворянъ одной губерніи въ эпоху 1858 года и всѣ они, за исключеніемъ трехъ, играющихъ самую незначительную роль, такіе негодаи, какихъ только можетъ нарисовать или слѣпое озлобленіе, или жалкая зависть, или ребяческое увлеченіе молодой, существующею въ извѣстнаго рода общественной и quasi-литературной сферѣ. Когда упрекали Гоголя въ клевету, упреки эти были смѣшны и нелѣпы. Ревизоръ его — произведеніе художественное, здѣь всякая черта должна способствовать гармоніи и общему впечатлѣнію цѣлаго. Поэтому собраніе его негодяевъ не только не удивляетъ своимъ существованіемъ, но является необходимостью. Притомъ всѣ знаютъ, что на селѣ есть и такой городничій, и такой судья, и такой почтмейстеръ и т. под. Гениальный писатель имѣлъ полное право свести ихъ въ одинъ городъ и завязать между ними и пробѣжимъ Хлестаковымъ драму, столь мастерски имъ развитую. Г. Зиновьевъ кажется неимѣетъ не только притязаній на талантъ, равный гоголевскому, но и на то, чтобы сцены его были названы даже попыткой на художественное произведеніе.» Г. Лонгинова шокируетъ то обстоятельство, что авторъ вывелъ на сцену мерзавцевъ, какихъ только можетъ нарисовать или слѣпое озлобленіе, или жалкая зависть, или ребяческое увлеченіе людей, существующее въ извѣстнаго рода общественной и quasi-литературной сферѣ. А почему же нельзя было автору упомянутыхъ сценъ выводить на арену мерзавцевъ? Потому дескать, что у него не такой талантъ, какой былъ на примѣръ у Гоголя. «Вотъ на примѣръ Гоголь, — разсуждаетъ г. Лонгиновъ — такъ тотъ ужъ былъ талантъ, г. Зиновьевъ, — не чета вамъ. Ему можно было написать «Ревизора», потому что онъ опять-таки былъ талантъ. Притомъ же всѣ знаютъ, что есть такіе почтмейстеры и судьи, и городничіе...» Чтожь это въ самомъ дѣлѣ? Неужели это непониманіе *азовъ* въ эстетической критикѣ? Но если такъ, то зачѣмъ же браться уличать авторовъ на художественномъ поприщѣ? Гоголь могъ выводить мерзавцевъ, потому что онъ былъ талантъ, гений, а никто другой не можетъ этого дѣлать, если только онъ не гений, не талантъ! По этому принципу всякій неталантъ вѣроятно не долженъ имѣть права выводить на сцену и положительные типы. Но тогда какъ же, спрашивается, талантъ можетъ заявить себя талантомъ? По вашему

принципу выхолить, что прежде нежели писать, нужно доказать, что дескать есть въ желающемъ писать талантъ и талантъ вродѣ Гоголя. На какомъ же основаніи г. Щедринъ выступилъ съ своими губернскими очерками въ «Русскомъ Вѣстникѣ»? Вѣдь у него нѣтъ кажется положительныхъ типовъ, а все заѣденные средой типы, все мерзавцы. Никто до выхода его и не зналъ о немъ, какъ о талантѣ. Почему же это не отказали ему въ художественности его произведенія и въ законности его приѣмовъ и созданныхъ имъ лицъ? Намъ кажется всякое художественное произведеніе должно прежде всего отвѣчать само за себя... Прежде нежели справляться, извѣстенъ ли авторъ какъ талантъ, есть ли у него талантъ и т. под., нужно посмотреть, что за лица, выводимыя авторомъ, насколько въ нихъ жизненности, художественной правды, не составляютъ ли они просто идеекъ автора, плохо скрытыхъ и замалеванныхъ. Если въ нихъ не оказывается художественности, нѣтъ жизненности, такъ съ такимъ произведеніемъ и возиться долго нечего. Попытка на художественность и останется только попыткой, попытка вывести на сцену лицъ и останется только одной попыткой. «Ревизоръ» не потому законное художественное произведеніе, что его написалъ Гоголь, а потому, что всѣ эти Хлестаковы, Добчинскіе, городничій — лица мастерски очерчены, взятыя изъ нашей жизни. Поэтому при разсужденіи о «Дворянскихъ выборахъ» дѣло не въ томъ, есть ли талантъ у г. Зиновьева и потому имѣетъ ли онъ право создавать сцены вродѣ «Ревизора»; а въ томъ, — лица ли онъ вывелъ на сцену. Мы всѣ конечно знаемъ, что есть на свѣтѣ такой городничій, Хлестаковъ и т. д., какіе выведены въ «Ревизорѣ». Но зачѣмъ же г. Лонгиновъ не сказалъ: мы не знаемъ тѣхъ лицъ, какія выведены на сцену г. Зиновьевымъ? Тогда онъ сразу бы уничтожилъ его, потому что жизнь циклоповъ не можетъ быть предметомъ художественнаго произведенія.

Но г. Лонгиновъ не любитъ самыхъ общепринятыхъ критическихъ приѣмовъ. Онъ продолжаетъ самымъ оригинальнымъ образомъ доказывать несостоятельность такого взгляда на дворянство, какой видѣнъ въ «Дворянскихъ выборахъ». Пасквили, по его мнѣнію, легко писать на все и на всѣхъ: ну вотъ наприимѣръ есдабы кто-нибудь вздумалъ изобразить быть простолюдиновъ въ еще болѣе отвратительномъ видѣ, чѣмъ дворяне въ «Дворянскихъ выборахъ». Онъ полагаетъ, что это было бы еще удобнѣе, потому что главные пороки простолюдиновъ ничто иное, какъ пороки дворянъ, только еще въ грубѣйшей формѣ и въ обширнѣйшихъ размѣрахъ. Или наприимѣръ кто-нибудь «вздумаетъ воспользоваться также правомъ выбрать печальныя, но стоже истинныя» событія изъ такихъ

сферъ общества, которыя *почли себя призванными по праву «primi occupantis» перестроить Россію по планамъ своей фантазіи*: что если онъ обобщить эти черты и произнесетъ *страшный* приговоръ той или другой изъ этихъ сферъ, обвиняя ее огуломъ во всѣхъ порокахъ и преступленіяхъ.» Мысль у г. Лонгинова какъ—видно такая: ны дескать хотите представить въ пошломъ видѣ дворянское сословіе; пріятно ли будетъ вамъ самимъ, если кто-нибудь возьметъ да въ пошломъ видѣ представить народъ, любовью къ которому вы гордитесь, или еще хуже—пріятно ли будетъ, если одну гадость вывести на сцену изъ сферъ, которыя по праву *primi occupantis* хотятъ перестроить Россію по планамъ своей фантазіи, т. е. просто изъ литературной сферы? Но чтожъ тутъ *страшно*? Пусть попробуетъ сдѣлать это хотя бы самъ г. Лонгиновъ, если только въ немъ художественнаго таланта больше, чѣмъ критическаго. Спрашивать, пріятно ли это будетъ, кажется намъ совершенно лишнимъ. Мало ли вѣдь что можетъ показаться непріятнымъ. Никакой художникъ не обязанъ писать только *пріятное* разнымъ общественнымъ сферамъ. Если гадостей много и въ сферѣ, пользующейся правомъ «*primi occupantis*», сдѣлайте одолженіе преслѣдуйте ихъ. Если есть дурное въ народѣ,—пишите, изображайте его своей художественной кистью. Объ успѣхахъ предпріятія будутъ судить не потому, насколько это будетъ пріятно или непріятно кому бы то нибыло, а обратятъ прежде всего вниманіе на то, есть ли правда въ вашей художественной картинѣ, совладали ли вы съ матерьяломъ, нахлывшимся у васъ подъ рукой; поняли вы хорошо жизнь, которую взились изображать, глубоки ли ваши наблюденія и т. д. въ этомъ родѣ. Вѣдь вотъ напримѣръ г. Успенскій постоянно рисуетъ простолюдиновъ въ самомъ непривлекательномъ видѣ. Но если находить его не слишкомъ далекимъ художникомъ и недовольны его непривлекательными эскизами изъ быта народа, то вѣдь вовсе не потому, что они какъ—то непріятны для людей, любящихъ народъ. Подобнаго рода доказательствами никто не рѣшался уличать г. Успенскаго. А если говорили противъ него, то говорили, что въ его рассказахъ много клеветы на народъ, что ему не удалось заглянуть въ него поглубже и подсмотрѣть дѣйствительную жизнь, что онъ ограничился фотографическими снимками, въ которыхъ много несовсѣмъ осмысленнаго. О пріятности или непріятности результатовъ, выводовъ изъ его наблюденій тутъ и рѣчи нѣтъ. Такимъ образомъ, еслибы кому и вздумалось заняться составленіемъ художественныхъ сценъ изъ литературной сферы, еслибы кто-нибудь вывелъ на чистую воду литературное зло, то опять стали бы судить автора вовсе не на тѣхъ основаніяхъ, что подобныя сцены

унижаютъ литературную сферу и поэтому непріятны литераторамъ. Если зло, выведенное такимъ авторомъ, повсемѣстно, то конечно авторскій приговоръ былъ бы страшнѣе; но вѣдь для кого собственно страшнѣе? для тѣхъ литераторовъ, которые знаютъ за собой грѣшки, и еслибы они убрались со сцены, то литература отъ того нѣтълько не проиграла бы, а напротивъ безконечно выиграла бы. А если авторъ взялъ предметомъ зло случайное, существующее какъ исключеніе изъ общаго хода жизни, то его приговоръ вовсе не былъ бы страшнѣе: ему сказали бы, что онъ ошибается, не знаетъ сферы, которую взялся изображать и вывелъ потому ложные результаты. Чтожъ тутъ страшнаго вышло бы въ приговорѣ недалеовиднаго и нелогичнаго quasi-художника? Вотъ точно такъ слѣдовало бы г. Лонгинову поступить и съ г. Зиновьевымъ. Ему бы просто слѣдовало доказать, что предметомъ для своихъ цѣлей взялъ онъ зло случайное, слѣлалъ поспѣшный выводъ. А онъ началъ толковать о непріятности подобнаго литературнаго явленія для дворянъ и объ удобствахъ подобнымъ же образомъ очернить простолюдиновъ и литераторовъ. На подобныхъ доказательствахъ конечно нельзя далеко уѣхать. Равно какъ нельзя считать людей озадаченными — вопроса ми вродѣ слѣдующаго: «почему дескать клевета на высшій классъ народа не клевета на Россію, а оскорбительны для нея только клеветы на нисшій?» или такого рода: «чтожъ Россія по вашему, вся въ простонародья чтоли?» Впрочемъ о дѣйствительности клеветы — то на дворянство и слѣдовало бы заняться г. Лонгинову. А то онъ вовсе и не задалъ такого вопроса. Онъ употребляетъ способъ защиты, идущій скорѣй къ челооѣку, который сидитъ еще на школьной скамьѣ. Вѣдь эта система взаимныхъ попрековъ водится только между мальчуганами-школьниками.

И удивительное дѣло: въ томъ же самомъ 17 № «Современной Лѣтописи», гдѣ помѣщена филипика г. Лонгинова противъ непохвальныхъ отзывовъ о дворянствѣ, рядомъ же съ нею, выше нѣсколько, помѣщена статья г. В. Скарятина подъ громкимъ названіемъ: «О табунныхъ и нѣкоторыхъ другихъ свойствахъ русскаго челооѣка». «Русскій Вѣстникъ» въ лицѣ г. Лонгинова обидѣлся на общіе отзывы г. Зиновьева о дворянствѣ. Отчего же это ему не показалась обидною выходка г. Скарятина противъ *русскаго вообще челооѣка*? Вѣдь тутъ дѣло — то кажись поважше... Г. Скарятинъ беретъ два случая: одинъ изъ жизни низшаго сословія — исторію одного дворника, который до крови избилъ мастерового, при одобрительныхъ возгласахъ толпы. Доколѣ побѣда была на сторонѣ дворника, толпа одобряла его; а какъ скоро одинъ знакомый г. Скарятина прогналъ дворника, то толпа приняла сторону изби-

таго. Другой — исторія изъ жизни высшаго сословія, которая выводитъ на сцену отвратительнаго циника, обыгрывавшаго, обманывавшаго всѣхъ, и всѣми же по наружности уважаемаго, доколѣ публичная пощечина не сгубила этого циника во мнѣніи большинства. Г. Скарятинъ вывелъ заключеніе, что русскій человекъ вообще одаренъ табунными свойствами, нѣтъ въ немъ самостоятельности, самоопредѣляемости въ дѣйствіяхъ; онъ непостояненъ, его не поражаетъ цинизмъ, ложь, обманъ и онъ вездѣ и во всѣхъ цѣнитъ только одинъ успѣхъ, побѣду. Замѣьте, что исторія съ дворникомъ *передана* г. Скарятину однимъ знакомымъ, а при логической оцѣнкѣ степени достовѣрности свидѣтельства это обстоятельство важное. Такъ вотъ, говоримъ, не поцеремонился же г. Скарятинъ на основаніи *одной* исторіи, которой онъ не былъ очевидцемъ, однимъ разомъ осудить цѣлую массу нашего народонаселенія; не поцеремонился онъ на основаніи тоже одной исторіи, случившейся въ какомъ-то кружку, *заразъ* произнести свой судъ о другой части русскаго общества. Какія оправданія за себя имѣетъ этотъ *странный* приговоръ г. Скарятина? А чтобъ не показалось читателямъ, что мы приписываемъ г. Скарятину такое обобщеніе выводовъ, какого нѣтъ въ его статьѣ, мы приведемъ слѣдующую выдержку. Рассказавъ двѣ исторіи, онъ рассуждаетъ такимъ образомъ: «Что за табунныя свойства! Почему общество ждетъ какого-то огорошенья, чтобъ отвернуться отъ Ивана Степановича (старика, успѣшно обманывавшаго до полученія публичной пощечины), чтобъ перестать считать Базарова за провозвѣстника истины? Неужели всѣ понятія нашего общества такъ шатки, что оно разѣваетъ ротъ передъ всякой выходкой? Неужели общество такъ несостоятельно, что у него не хватаетъ силы устоять на ногахъ, когда предъ нимъ являются люди, у которыхъ достаеетъ дерзости сказать: я не вѣрую потому только, что боюсь Сибиря? *Откуда это совершенное отсутствіе самостоятельности? Почему крестьянинъ не подписываетъ уставную грамоту и не идетъ на оброкъ? Почему онъ врѣтъ прохожему богомольцу, который увѣряетъ, что у помѣщиковъ землю возьмутъ даромъ? Почему наконецъ, когда пройдетъ срокъ полюбовной сдѣлки, придутъ чиновники, напишутъ грамоты, введутъ ихъ и тотъ же крестьянинъ подчинится тому, чего прежде самъ же не хотѣлъ устроить? Не печально ли это?»*

Печально, печально, г. Скарятинъ, и даже очень печально, — скажемъ мы вамъ — только не то, о чемъ вы говорите. Очень грустно непониманіе самыхъ простыхъ фактовъ, совершающихся въ теперешней нашей жизни. Мы совершенно сомнѣваемся, чтобъ неподписываніе крестьянами уставныхъ грамотъ, нежеланіе идти на

оброкъ, довѣрчивость къ слухамъ, что у помѣщиковъ возьмутъ землю даромъ, отреченіе отъ полюбовныхъ сдѣлокъ и согласіе на нихъ когда придутъ чиновники, напишутъ грамоты, введутъ ихъ, — сомнѣваемся, говоримъ, чтобы подобные факты происходили отъ табунаго свойства русскаго человѣка, узкаго пониманья вещей, отъ жданья огорашиванья со стороны. Мы чрезвычайно сожалѣемъ, что неудобно для насъ объяснить здѣсь, почему все это бываетъ на свѣтѣ и почему иныя огораживанья дѣйствительно заставляютъ вступать въ добровольныя сдѣлки... Такъ вотъ немѣшало бы г. Лонгинову въ *своей* газетѣ посмотреть какъ дѣлаются иныя обобщенія, и еще какія широкія и радикальныя! Онъ бы тогда понялъ, сколько такта и добросовѣстности заключается въ томъ, что рядомъ помѣщаются двѣ статьи, изъ которыхъ въ одной, на основаніи двухъ неизвѣстно еще достовѣрныхъ ли исторій, выводятся результаты вообще о табуновыхъ и *другихъ* свойствахъ русскаго человѣка съ нѣкоторыми практическими приложеніями, а въ другой заявляется протестъ противъ обобщеній касательно *одного сословія*. На примѣрѣ же г. Скарятина можетъ быть видно, какъ *страшны* бываютъ вообще самыя широкіе приговоры, основанные на сомнительныхъ фактахъ, на произвольномъ ихъ толкованіи. Вѣроятно ни одинъ читавшій статейку г. Скарятина не согласился съ нимъ въ дѣйствительности табуновыхъ свойствъ въ русскомъ человѣкѣ, да вѣроятно и не оскорбился его выводами, потому что оно не стоить капли жолчи, потому что не стоить тратить чувство на всякую безтолковую выходку. И если мы упомянули о ней здѣсь, такъ это потому, что на это вызвалъ насъ случай.

Но волею страннѣе окончательный выводъ, какой сдѣлалъ г. Лонгиновъ по поводу найденнаго имъ «новаго прогрессиста въ русской литературѣ». «Если такіе у насъ дворяне, какими они описываются въ «Дворянскихъ выборахъ», то зачѣмъ дескать толковать о соединеніи, сліянніи сословіи?.. кто захочетъ соединяться съ нимъ или сливаться, если оно дѣйствительно такъ гнусно?» Намъ очень жаль, что г. Лонгиновъ не понимаетъ смысла журнальныхъ толковъ о сліянніи сословіи и о сословныхъ недостаткахъ дворянства, какіе только возможны для публичнаго обсужденія. Не г. Зиновьевъ имѣется тутъ въ виду: дѣло идетъ здѣсь вообще о смыслѣ журнальныхъ толковъ о недостаткахъ дворянства. Когда говорится о нуждѣ сліяннія сословіи, то простой смыслъ долженъ предположить, что вѣдь здѣсь толкъ идетъ о сліянніи лучшихъ ихъ элементовъ въ одно, что и тутъ имѣется въ виду взаимное оживотвореніе и усиленіе всѣхъ въ необходимомъ взаимномъ соединеніи. А неужели, когда я говорю, что сословія должны слиться, подать другъ другу руку, можно

предположить, что я здѣсь разумѣю о сліянiи въ одно рутины, образовавшейся въ каждомъ сословіи отъ разныхъ историческихъ обстоятельствъ? Богъ съ ней, съ этой рутинной; она и разрозненная, несцентрализованная, порядочно даетъ чувствовать себя. Поэтому, если говорятъ, что дворянство должно подать руку народу, то разумѣютъ здѣсь не тѣхъ дворянъ, о которыхъ толкуется въ «Дворянскихъ выборахъ», въ «Очеркахъ» Щедрина и всей отрицательной литературѣ: съ такими дворянами покончить дѣло сырая земля матушка. Она если и соединится съ земствомъ, то останутся въ душѣ и въ дѣйствіяхъ такими же дворянами, какими и прежде были. Новаго въ общественную жизнь они не принесутъ ничего. Конечно, есть и изъ застарѣлыхъ повидимому личностей люди способные къ перерожденію, когда ихъ выведутъ изъ затхлой атмосферы, когда охватитъ ихъ чистый воздухъ и повеетъ на нихъ народная жизнь; эти люди способны къ жизни. Если заговорили о сліянiи дворянства съ прочими сословіями, то здѣсь имѣется въ виду здоровые его элементы, существованіе которыхъ доказано уже фактами. Но факты же доказали и то, что эти личности не имѣютъ ничего общаго съ дворянами вродѣ щедринскихъ, что они не стоятъ за свои привилегіи, прерогативы. Не о нихъ потому идетъ рѣчь во всѣхъ тѣхъ журнальныхъ толкахъ, гдѣ говорится о разной сословной гнусности и гадости; на это мы особенно настаиваемъ. Если бы даже огуломъ произносились иногда разные приговоры, благородныя личности изъ дворянскаго сословія все-таки имѣютъ всѣ права — себя покрайней-мѣрѣ исключать изъ подобныхъ приговоровъ. Но такихъ окончательныхъ и рѣшительныхъ приговоровъ въ литературѣ мы пока еще не встрѣчали. Говорятъ наприимѣръ о злоупотребленіяхъ разныхъ чиновниковъ, о чиновническомъ злѣ и т. под., но никто не рѣшался устранять всякія при этомъ исключенія, никто не сомнѣвался, что у насъ есть дѣльные, честные, просвѣщенные чиновники. Толкуютъ о семинарской схоластикѣ, о семинарской системѣ неуваженія человѣческой личности и ея правъ, но никто не рѣшался отрицать того, что и изъ семинаристовъ выходятъ люди не съ однимъ только схоластическимъ закаломъ и люди несомнѣмъ-то гнилые. Говорятъ теперь, что въ дворянскомъ сословіи много пошлой рутины, много необразованныхъ, глупыхъ, помѣщичьихъ натуръ, но никто до сихъ поръ не отрицалъ того, что въ немъ есть и много прекраснѣйшихъ личностей. И когда говорятъ: посмотрите какія уродливыя, пошлыя личности производить такое-то сословіе, то здѣсь имѣютъ въ виду тѣ условія сословнаго быта, при которыхъ возможно развитіе подобныхъ натуръ. Подобными картинами сословной пошлости задается вопросъ

не о томъ, на всѣхъ ли членовъ извѣстнаго сословія можно распространять подобнаго рода приговоры, а о томъ, состоятеленъ ли этотъ быть, при которомъ большое число людей доходитъ до такой степени деморализаціи. Подобныя вещи не только не должны ослаблять *человѣческихъ* усилій лучшихъ личностей въ извѣстномъ сословіи, а помогать имъ добывать старое зло, разоблачать его до послѣдней степени, выводить его на свѣжую воду, оправдывать шаги лучшихъ людей *отъ стороны*. Подобныя сужденія о сословномъ злѣ производятся вѣдь во имя челоѣческихъ интересовъ, во имя правды и добра... Зачѣмъ же смущаться лучшимъ дѣлателямъ? Тѣмъ-то болѣе имъ хвалы и чести, что изъ членовъ сословія они сдѣлались людьми, среди господства узкихъ интересовъ сохранили *человѣческіе* интересы. Намъ кажется, что осмысленныя толки о сословной рутинѣ и пошлости должны имѣть именно такое значеніе и такъ именно приниматься публикой. А на бессмысленныя возгласы, которые впрочемъ очень и рѣдки, никогда не стоитъ обращать вниманія.

Ужъ если дѣло пошло на объясненія, такъ мы вѣтъ что доложимъ г. Лонгинову, а вмѣстѣ и «Русскому Вѣстнику». Они говорятъ, что нвыя толки бывають иногда не кстати, что когда толкують о слияніи сословіи, незачѣмъ распространяться о пошлости извѣстнаго сословія. Хорошо-сть. Но вонерыхъ, какой смыслъ имѣють уномянутыя разсужденія г. Скарятина о табунныхъ и другихъ свойствахъ русскаго челоѣвка? Когда дѣло идетъ о расширеніи правъ народа, о призваніи къ политической жизни лучшихъ элементовъ страны, — появляется статья, въ которой толкуется, что одна часть народонаселенія позволяетъ въ глазахъ своихъ избить кого угодно до крови, если только не огорошитъ бьющаго кто-нибудь со стороны: тогда она закричитъ на того, кто билъ; другая же половина позволить вамъ мошенничать, съ совершеннѣйшимъ цинизмомъ говорить себѣ въ глаза: «я не ворую потому, что боюсь Сибири». Общій выводъ на концѣ: что нѣтъ-де въ русскомъ челоѣвкѣ ни капли самостоятельности, нужно его со стороны огорошивать, — тогда развѣ выйдетъ изъ него толкъ. Вонерыхъ, мы желали бы знать, какое значеніе придать замѣткамъ г. Лонгинова «по помѣщичьему дѣлу», которыми далъ мѣсто тотъ же «Русскій Вѣстникъ». Но объ этомъ нужно поговорить поподробнѣе, потому что это тоже одинъ изъ фактовъ, заслуживающихъ вниманія.

Въ журналахъ и газетахъ теперь, какъ извѣстно читателямъ ихъ, постоянно помѣщаются извѣстія о ходѣ крестьянскаго дѣла. По особымъ обстоятельствамъ, общій тонъ ихъ таковъ, что «въ такой-то губерніи крестьяне хотя и обнаружили нѣкоторое безпокойство по одному случаю, но...» Что *такого* рода свѣдѣнія сли-

шкомъ недостаточны, что ихъ слѣдовало бы расширить, это давно ужъ признавалось людьми, интересующимися вообще ходомъ всякаго рода російскихъ дѣлъ. Г. Лонгиновъ и обратилъ вниманіе на эту недостаточность, только требовалъ подробностей себѣ въ другомъ родѣ: почему дескать пишутъ все по крестьянскому дѣлу, а не упоминаютъ ничего по помѣщичьему дѣлу? Мы совершенно согласны съ г. Лонгиновымъ, что нужно бы намъ побольше свѣдѣній, чѣмъ какія теперь у насъ подъ руками, и по помѣщичьему дѣлу. Намъ бы немишало напримѣръ знать, сколько гуманности обнаружено помѣщиками при введеніи новаго устава, какія истинныя причины частыхъ безпокойствъ крестьянъ и насколько въ нихъ *новоты* сами же помѣщики. Тогда уяснилось бы можетъ-быть, какими воззрѣніями на вещи и убѣжденіями руководителя народъ, затѣвая споры съ помѣщиками и обнаруживая неповиновеніе имъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда помѣщикъ совершенно честно исполнилъ все что требовалось отъ него по закону. Тогда можетъ-быть открылось бы и то, почему это даже у самыхъ хорошихъ помѣщиковъ крестьяне не исполняютъ работъ и оставляютъ въ полѣ гнить хлѣбъ. Такъ, говоримъ, желательно было бы болѣе обстоятельное объясненіе помѣщичьяго дѣла. Но г. Лонгинову хочется извѣстій совсѣмъ съ другимъ направленіемъ. Онъ печатаетъ, какбы въ образецъ для другихъ, меморіалъ своихъ утеръ въ помѣстьѣ, причиной которыхъ было, по собственнымъ его словамъ, *нерадѣніе крестьянъ, которые не слушали никакихъ объясненій, работали чрезвычайно бурно и сжогли хлѣбъ въ полѣ, слѣдствіемъ чего было для помѣщика такое положеніе, въ которомъ онъ не бывалъ даже въ голодные годы.* Мы вполне сочувствуемъ экономическимъ потерямъ г. Лонгинова, можетъ-быть незаслуженнымъ, но не думаемъ, чтобъ человекъ, незадившій въ свое имѣніе (и это видно изъ его отвѣта г. А., помѣщеннаго въ 95 № «Нашего Времени») могъ категорически объяснить причину своихъ потерь нерадѣніемъ ничего неслушавшихся крестьянъ. Даже предположимъ, что именно нерадѣніе крестьянъ было причиною потерь г. Лонгинова, мы все-таки имравѣ требовать отъ людей подобныхъ ему, чтобъ они въ объясненіяхъ своихъ утеръ не устанавливали на этой одной причинѣ. Вѣроятно самъ г. Лонгиновъ не удовлетворился бы, еслибы на его вопросъ о причинахъ безуспѣшности извѣстнаго воспитанника педагогъ отвѣчалъ, что дескать ученикъ этотъ нерадивъ къ занятіямъ. Ясно кажется, что человекъ не учится потому, что не хочетъ учиться; но здѣсь еще нѣтъ объясненія истинныхъ причинъ его безуспѣшности. И нерадѣніе возникаетъ отъ особыхъ причинъ. За ними иногда нѣтъ нужды и ходить далеко. Или напримѣръ у васъ нанять работника вы

одъ и работаетъ онъ худо. Вы говорите, что онъ по нерадѣнію не исполняетъ своихъ обязанностей? Хорошо-съ, по наружности конечно такъ. Но вѣдь могутъ здѣсь быть особыя причины его нерадѣнія. Напримѣръ хотя бы то, что обстоятельства, сверхъ его желанія и ожиданія, закабалили его въ работу къ вамъ: оттого онъ нерадиво и работаетъ на хозяина. Это говоримъ къ примѣру, вовсе не предполагая возможныхъ обстоятельствъ въ теперешнихъ отношеніяхъ помѣщиковъ къ крестьянамъ. Такъ вотъ и слѣдовало бы людямъ вродѣ г. Лонгинова, понимающимъ кое-что побольше чѣмъ обыкновенные помѣщики, не останавливаться на одномъ нерадѣніи крестьянъ и не хотѣть ихъ слушаться, когда рѣшается вопросъ о причинахъ нынѣшнихъ утеръ помѣщиковъ. Но тутъ можно возразить, что дальнѣйшее разсмотрѣніе причинъ ихъ невозможно, неудобно при нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Согласны. Зачѣмъ же послѣ этого и задавать вопросъ и *главное* — давать при этомъ *наружное* только, ни къ чему доброму неведущее, его рѣшеніе? Обратимся опять къ одному, упомянутому выше примѣру. Умный отецъ безуспѣшнаго ученика не удовлетверится объясненіемъ, что причины его безуспѣшности заключаются просто въ его нерадѣніи къ дѣлу: онъ станетъ доискиваться болѣе глубокихъ причинъ и позаботится объ ихъ устраненіи. А для другого отца и это объясненіе будетъ удовлетворительно: онъ пожалуй придетъ къ мысли, что глѣвъ, нерадивость можно прогнать розгой и станетъ безъ церемоній съечь его. Хорошій педагогъ долженъ предвидѣть это обстоятельство и долженъ прямо разъяснить истинныя причины худого положенія дѣла и постоянно требовать отъ отца удаленія ихъ; а если это невозможно, то самому постараться удалить ихъ; а если и это невозможно, такъ не говорить по крайней мѣрѣ, что нерадѣніе воспитанника — главная причина его безуспѣшности и не подводить его такимъ образомъ подъ отеческія розги.

Вотъ и выставляемъ на видъ самому же г. Лонгинову, какъ *некстати* онъ самъ заявляетъ факты съ извѣстнаго рода объясненіями въ той же самой газетѣ, въ которой недѣлю спустя говоритъ противъ такого же рода объясненій, только въ приложеніи къ людямъ другой сферы. Напрасно онъ пытался въ своемъ отвѣтѣ г-ну А. ослабить значеніе своей замѣтки «по помѣщичьему дѣлу». — «За что такой глѣвъ на мою коротенькую замѣтку? пишетъ онъ въ 95 № «Нашего Времени»: — вѣдь еслибы кто-нибудь напечаталъ вѣсколькострочъ о томъ, что напримѣръ ситцевая фабрика принесла ему четверть прежняго дохода вслѣдствіе безденежья, дороговизны рабочихъ, жизненныхъ припасовъ, матерьяловъ и проч., присвокупилъ тому, что такое явленіе болѣе или менѣе повторилось на многихъ

другихъ фабрикахъ, вы не подвигли бы шума.» Конечно не подвигли бы, *еслибы только подобными объясненіями ограничился авторъ*, даже и не прочитали бы, потому что намъ нѣтъ нужды знать, сколько каждому фабриканту принесла доходу фабрика, особенно если отсюда нельзя дѣлать никакихъ выводовъ, касающихся лично самого фабриканта. Но *еслибы этотъ фабрикантъ сталъ говорить, что дескать я потерялъ уменьшеніе дохода на три четверти собственно изъ-за нерадѣнія рабочихъ къ своимъ обязанностямъ, изъ-за того, что они не хотѣли ничего слушаться*, тогда мы подвигли бы шумъ, особенно когда мы знаемъ, что какъ-нибудь да отзовутся на ихъ участіи подобнаго рода объявленія. «Погодите, г. фабрикантъ, сказали бы мы, сваливать причины вашихъ утеръ просто на нерадѣніе рабочихъ. Подумайте, поищите, нѣтъ ли другихъ причинъ, которыя заставляютъ рабочихъ быть нерадѣвыми въ работѣ на васъ.» И мы никакъ не успокоились бы, *еслибы фабрикантъ не далъ такого рода объясненія: «я написалъ о своихъ утеряхъ потому, что дескать любопытно было бы знать, сколько вообще потерь понесено у всѣхъ фабрикантовъ, что свѣдѣнія вродѣ объявленныхъ мной обогатятъ статистику» и т. п.* И вамъ, г. Донгиновъ, нечего оправдываться любопытствомъ свѣдѣній тамъ, гдѣ дѣло ни въ какомъ случаѣ не можетъ кончиться *однимъ только любопытствомъ*. Нечего ввязывать объясненія, которыя несколько не объясняютъ дѣла, а могутъ незаслуженно впутать въ несправедности вашу меньшую братію.

Г. Донгиновъ еще радъ, что ему «представился случай, позволившій прервать молчаніе, бывшее слѣдствіемъ робости; произведенной журнальными возгласами и модой». Но если онъ увѣряетъ, что собственно статистическіе интересы заставили его напечатать замѣтку «по помѣшечьему дѣлу», то какое-же онъ «прервалъ этнмъ молчаніе, бывшее слѣдствіемъ робости, произведенной журнальными возгласами и модой»? Кажется ни люди, ни журнальные возгласы никогда не возставали противъ статистики? Онъ совершенно можетъ быть увѣренъ, что его чисто-статистическія занятія въ кабинетѣ не прерветъ ни одинъ журнальный возгласъ; ужь развѣ окажется много невѣрности въ цифрахъ и на нихъ г. Донгиновъ попытается построить какое-нибудь блестящее объясненіе, тогда противъ него пожалуй поднимутся журнальные возгласы. Въ томъ-то и дѣло, что г. Донгиновъ представилъ опытъ «немедиаго» объясненія, а этому именно радуется. Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же прятаться за статистическіе интересы? Ужь говорилъ бы г. Донгиновъ прямо, что у него есть на душѣ...

Но пора кончить намъ съ г. Донгиновымъ. Хотѣли мы была

закончить свои варіаціи нѣкотораго рода разсужденіями, да гдѣ чловѣкъ—то онъ особенный, не въ урядъ другимъ. Вопервыхъ онъ теперь чрезвычайно занятъ благодарными письмами за свою попытку «прервать молчаніе, бывшее слѣдствіемъ робости, произведенной журнальными возгласами и модой», о чемъ самъ же онъ заявилъ въ своемъ отвѣтѣ. Вотъ вторыхъ онъ, какъ видно изъ этого же документа, освободился «отъ опеки журналовъ, присвоившихъ себѣ, благодаря разнымъ благопріятнымъ для нихъ обстоятельствамъ, право выдавать свой голосъ за выраженіе общественнаго мнѣнія». Съ такимъ господиномъ ничего нельзя подѣлать: что ни говори ему, для него все трынъ—трава, потому дескать, что голосъ журналовъ вовсе еще не отголосокъ общаго мнѣнія, и наши разсужденія отзывались бы для него опекой, присвоенной себѣ журналами, благодаря и проч. и проч. Наконецъ, мало того, что самъ г. Лонгиновъ освободился отъ опеки, присвоенной и т. д.—онъ поднѣтилъ даже и въ обществѣ такое же благотѣльное стремленіе освободиться отъ опеки. Вѣроятно онъ занятъ теперь разработкой этого открытія и носится слухъ, что онъ приметъ дѣятельное участіе въ эманципации всей Москвы отъ подобнаго зловреднаго журнальнаго вниманія. Одно только насъ затрудняетъ: какъ онъ обойдется съ «Русскимъ Вѣстникомъ»? Вѣдь и онъ журналъ тоже. Или нѣтъ?.. Впрочемъ — свои люди, сочтутся.

Читатель видитъ, что только особенныя обстоятельства г. Лонгинова помѣшали намъ должнымъ образомъ закончить свои варіаціи на разныхъ темы и потому вѣроятно онъ не обвинитъ насъ.

ОТВѢТЪ Г. А. АЛЕКСАНДРОВУ (25 № «Дня»)

ПО ПОВОДУ ЕГО НАБѢГА НА ТАЛМУДЪ (1)

Я усталъ отъ вашихъ фразъ бездушныхъ,
Отъ дрожащихъ ненавистью словъ!
Мнѣ противно глать и лицемѣрить...

А. АПУХТИНЪ.

Читающей публикѣ извѣстно, какимъ негодованіемъ журналъ «День» разразился противъзакона 27 ноября 1861 г., предоставившаго гражданскія права евреямъ, имѣющимъ дипломы на ученые степени доктора, магистра или кандидата. Эта неблагонамѣренность, какъ и слѣдовало ожидать, нашла себѣ сильное опроверженіе со

(1) Мы получили эту статью при слѣдующемъ письмѣ:

Милостивый государь,

Во имя истины, справедливости и прогреса прибѣгаю къ вамъ въ первый разъ съ покорнѣйшею моею просьбою о напечатаніи подлежащей статьи моей на страницахъ издаваемого вами журнала. Слово истины, высказанное въ февральской книгѣ «Времени» по поводу № 19 «Дня» о евреяхъ, побуждаетъ меня обратиться съ этой моей просьбой именно къ вамъ, милостивый государь. Въ статьѣ «19 № Дня» — «Время» съ рѣдкимъ безпристрастіемъ оправдало вопросъ о гражданственности евреевъ съ общечеловѣческой точки зрѣнія, за что я и всѣ прочіе мои товарищи-евреи по университету приносите вамъ свою величественную благодарность. «Жалкіе друзья, которые вредятъ христіанству болѣе, чѣмъ его враги! Нѣтъ ничего особеннаго въ поношеніи враговъ; но поношеніе друзей, но позоръ, навлекаемый дѣлу его защитниками и приверженцами, — вотъ зло нестерпимое и обидное въ высочайшей степени.» Эти слова такъ глубоко и справедливы, что къ нимъ ничего уже не остается прибавить; они глубоко врѣзались въ мою душу. Но вотъ появился 25 № «Дня» съ данными изъ талмуда, который будто служитъ сильнымъ доводомъ противъ гражданственности евреевъ... Но эти доводы, почерпнутые изъ талмуда, до того искажены и перетолкованы сообразно съ дѣлю г. Александровымъ, что возмутятъ всякаго, кто когда-либо учился талмуду.

Милостивый государь, я считаю своимъ долгомъ сказать вамъ, что я принялся за опроверженіе нареканій г. Александрова nicht auf's Statistisches: бывши

стороны русской журналистики, краснорѣчиво заявившей этимъ вою вѣротерпимость и свое безпристрастіе. (1)

Въ 25 номерѣ «Дня» нѣкто г. Александровъ, враждебно выступилъ противъ евреевъ и талмуда. Къ этому славному подвигу возбудили его, какъ онъ объявляетъ, «единодушно подъявшіися со всѣхъ сторонъ, печатно и устно, возраженія на статью 19 номера «Дня» объ евреяхъ.» Съ какимъ восхищеніемъ редація «Дня» встрѣтила статью г. Александрова, видно изъ того, что она *послашила* (въ выноскѣ къ статьѣ) искренно поблагодарить его, «цензурнаго ей автора, изъ г. Бузульмы, за доставленіе такой, «въ высшей степени любопытной и замѣчательной статьи.» Вслѣдствіе такого лестнаго для г. Александрова отзыва редація «Дня», мы беремъ на себя легкій, но вмѣстѣ и скучный трудъ — рассмотреть насколько именно эта статья *любопытна и замѣчательна*... Мы рѣшились на это, подстрекаемые единственно любопытствомъ.

Г. Александровъ начинаетъ свою «въ высшей степени любопытную» статью такими словами: «Единоголосно подъявшіися со всѣхъ сторонъ, печатно и устно, возраженія на статью «Дня» объ евреяхъ заставляютъ обратить на нее особенное вниманіе. Это единодушное

питомцемъ раввинскаго училища, а потомъ нѣсколько лѣтъ ордуя учителемъ еврейскаго закона въ одномъ изъ казенныхъ еврейскихъ училищъ, я вполне могу сказать, что мнѣ не чужда вся *суть* талмуда. Это самое и заставило меня не остаться равнодушнымъ къ обвиненіямъ, взведеннымъ г. Александровымъ на евреевъ. Кто изъ насъ правъ, кто неправъ — это я представляю судить вамъ, милостивый государь.

Правда, что я, подобно всѣмъ благомыслящимъ единовѣрцамъ можѣ, редъ видѣть преусиываніе евреевъ на пути просвѣщенія и гражданственности: но не скрою, что ношу вмѣстѣ съ тѣмъ въ душѣ то теплое убѣжденіе, что мои единовѣрцы еще далеко не совершенны: эти мои убѣжденія я неоднократно выразилъ и печатно. Но требовать отъ евреевъ полнаго, безусловнаго совершенства, котораго будто желаетъ г. Александровъ, мнѣ кажется болѣе чѣмъ предосудительно: наступленію полнаго дневнаго свѣта вѣдъ предшествуетъ утрення заря; а этой послѣдней евреи наши ждали долго, долго... Поэтому наши взгляды на евреевъ должны быть отчетливы, чужды предубѣжденій, въ особенности задней мысли. Въ статьѣ же г. Александрова перваго изъ этихъ условій вовсе не видать, а послѣднія два отражаются на каждомъ шагу, въ каждой строкѣ его; но этимъ онъ ничуть не поправляетъ дѣла (еслибъ даже была у него такая цѣль): напротивъ онъ затемняетъ и портитъ его. Кромѣ того, наши взгляды на вещи должны быть искренни, по возможности человеколюбивы и обдуманы, — это кажется несомнѣнно и противъ этого едва ли человекъ честный станеть и спорить.

Съ истиннымъ почтеніемъ и проч.

Петръ Лякубъ.

(1) См. № 19, и отвѣтъ на него въ критическомъ обзорѣ журнала «Время» (н. 2).

возстаніе слишком замѣчательно... Еврейскій вопросъ, сколько можно судить, не остался вопросомъ поднятымъ и забытымъ, какъ интересъ мимолетный... Нѣтъ! онъ прирастаетъ къ нашей почвѣ силой закона (какое отчаяніе!..), онъ облекается въ положительную истину факта и вмѣстѣ съ этимъ получаетъ естественное право дальнѣйшаго развитія.» Вотъ это послѣднее, вотъ что беспокоитъ неизвѣстно и намъ автора! Но мы уже поневолѣ знакомимся съ нимъ по образу и подобию его мыслей и разсужденій. Приятное знакомство!.. Итакъ г. Александрову пришлось вовсе не по-сердцу «единодушное возстаніе», выразившееся, по его собственному признанію, «устно и печатно» противъ привязчивой выходки «Дня», направленной ко вреду и уничтоженію обширной семьи русскихъ евреевъ. Какъ выразилось это *возстаніе* печатно и устно — это вопросъ, при которомъ авторъ, какъ увидите, путается, терлется и не знаетъ что отвѣчать. А ларчикъ просто открывается: *печатно* — въ лучшихъ и наиболее распространенныхъ органахъ нашей литературы; *устно* — какъ неопровержимый фактъ общественнаго мнѣнія. Кажется ясно. Но автору до этого дѣла вѣтъ, и вѣтъ потому, что онъ вѣроятно полагаетъ въ простотѣ душевной, что еще въ модѣ разить евреевъ, дѣлая на нихъ нападенія съ той или другой стороны, — и вотъ онъ обращается къ талмуду и глоссамъ его, думая, что это вѣрнѣйшій способъ поразить *идействующихъ* насмерть... Согласитесь сами; вѣдь въ немъ, въ талмудѣ-то, лежитъ сильный доводъ противъ гражданскихъ правъ евреевъ, въ немъ вѣдь содержится столько страшныхъ вещей!.. Такъ послѣдуемъ же и мы въ г. Александровымъ.

Да, въ талмудѣ много, много страшнаго... Поэтому самому мы не видимъ ничего предосудительнаго во влеченіи нашего автора къ талмуду; напротивъ, желая поразить на-голову все страшное талмуда, онъ этимъ доказываетъ геройство, отвагу и даже презрѣніе величайшею опасностью въ пользу общаго блага... Намъ только показывается предосудительнымъ то, что вставши въ одно прекрасное утро, онъ вдругъ, какбы по мановенію волшебнаго жезла, вздумалъ сдѣлаться реформаторомъ еврейской націи, Лютеромъ нашихъ временъ: долой талмудъ — и дѣло съ концомъ! Но спросимъ нашего ревностнаго реформатора объ одномъ: неужели достаточно одного минутнаго настроенія фантазіи, одной забавной запальчивости, одной неразборчивости въ выраженіяхъ, для того чтобы пересоздать какое бы то нибыло ученіе, а тѣмъ болѣе такое, которое утвердилось и упрочилось вѣками и страданіями? Наврядъ ли... Впрочемъ г. Александровъ преступилъ въ дѣлу какъ герой: онъ началъ шарить въ талмудѣ и рыться въ немъ, и наконецъ какъ

идно рѣшился даже выполнить свою высокую миссію при посредствѣ московскаго изданія «Дневъ» (замѣтите при этомъ, что этотъ журналъ вовсе не распространенъ между евреями, которыхъ авторъ реформируетъ), помѣстивъ въ немъ статью о задуманной имъ реформѣ на шести столбцахъ съ половиною... Посмотрите же, какими путями авторъ стремится къ достиженію своей *косвенной* цѣли; принявъ же цѣль его намъ болѣе чѣмъ понятна...

Но прежде чѣмъ пристушимъ къ разсмотрѣнію положеній г. Александрова, мы считаемъ за нужное бросить бѣглый взглядъ на сущность и значеніе талмуда.

«Талмудъ есть сочиненіе не одного человѣка, даже не одного столѣтія: это умственная жизнь сотни поколѣній, это завѣтъ предковъ потомству.

«Вотъ какъ объясняется его происхожденіе, согласно съ вѣровавіями евреевъ. Моисей получилъ на горѣ Синаѣ только десять заповѣдей. Пятикнижіе есть продолженіе или дальнѣйшая разработка десяти заповѣдей. Пророки суть продолженіе пятикнижія. Но въ библии же говорится, что Богъ имѣлъ еще тайныя совѣщанія съ Моисеемъ въ скинии завѣта (эгель-меель), гдѣ онъ изъяснилъ ему полный смыслъ закона и примѣненія его ко всѣмъ частнымъ случаямъ. Эти устные изъясненія писанія Моисей передалъ Іисусу Мавину, этотъ — старѣйшинамъ, эти — пророкамъ, а эти послѣдніе передали ихъ членамъ великой синагоги (Keneset Hagedola), которые въ свою очередь передали эти устные толкованія знаменитѣйшимъ раввинамъ, — что продолжалось до любимица римскаго императора Марка Аврелія, знаменитаго раба Іегуды — святаго, который, видя, что толкованія эти не могутъ болѣе устно сохраняться во всей чистотѣ и непогрѣшительности, собралъ главнѣйшія изъ нихъ въ одинъ сводъ — «Мишну», въ концѣ II столѣтія по р. х. Дальнѣйшее разработываніе Мишны, на основаніи устнаго же преданія и смысла писанія, составляетъ «талмудъ» (ученіе), который первоначально преподавался въ синагогахъ и академіяхъ (какъ въ Іавнин, Бетъ-Шеоримъ, Тиверіадъ, Сифорисъ, Цезарѣй, Нагардеъ, Пумпелитъ, Суръ и пр.) устно, а потомъ въ концѣ V столѣтія послѣ христіанской эры составленъ былъ письменно знаменитымъ раввиномъ Аше и Раввина. Дальнѣйшее разъясненіе темныхъ мѣстъ талмуда составляетъ труды послѣдующихъ раввиновъ.

«Вотъ краткій очеркъ происхожденія и сущности талмуда, который въ настоящее время составляетъ до 40 большихъ фолиантовъ и раздѣляется на 60 трактатовъ. Что же касается содержанія, достоинства и духа талмуда, то послушаемъ лучше мнѣніе объ этомъ самихъ христіанъ.

«Переводчикъ Мишны, Surenhesius, издавшій свой трудъ въ Амстердамѣ въ 1698—1703 г., говоритъ объ этомъ твореніи съ вѣдчайшими похвалами, нисколько несомнѣваясь, что оно основано на истинныхъ преданіяхъ, какъ вѣруютъ евреи.

«Чтоже касается до талмуда, то вотъ что говоритъ о немъ знаменитый ориенталистъ Joh. Viktorf (1): «Талмудъ есть ученое твореніе или великое знаніе учености, составленное разными ученѣйшими раввинами. Онъ заключаетъ многостороннюю ученость по всѣмъ наукамъ и учитъ подробнѣйшему и совершеннѣйшему гражданскому и каноническому праву евреевъ, такъ что синагоги и народъ еврейскіе, слѣдуя оному, могли бы жить счастливо и какъ нельзя желать лучше. Къ нему примѣшаны разныя сказанія, которыя, заключаая въ себѣ большею частію глубокія мистическія и аллегорическія понятія, только немногимъ бывають понятны, и поэтому ссылають даже безсмысленными баснями» (2). Далѣе авторъ этотъ подтверждаетъ сказанное нами выше о содержаніи, происхожденіи и авторитетѣ талмуда.

Мы могли бы привести еще немалое число цитатъ другихъ христіанскихъ писателей, громко говорящихъ за раввиновъ и талмудъ, какъ напримѣръ Оригена, Климента, Евсевія, Иеронима (творца Вульгаты) и др.; но считаемъ изложенное нами пока достаточно для оправданія талмуда въ глазахъ иновѣрцевъ и защитенія его отъ нападокъ и смѣшного лжезнанія и т. д.

Итакъ вотъ г. Александровъ взялся разрушить это талмудическое знаніе, надъ которымъ работали гении и вѣка, и онъ разрушаетъ его — чѣмъ бы вы думали? — однимъ почеркомъ, однимъ взмахомъ пера: долой его да и только! Въ этомъ памятникѣ древности, состоящемъ изъ сорока огромнѣйшихъ фолиантовъ или шестидесяти большихъ трактатовъ и сверхъ того изъ нѣсколькихъ десятковъ тоже довольно объемистыхъ твореній, объясняющихъ и дополняющихъ его; въ этомъ громадномъ памятникѣ учености евреевъ онъ нашолъ, или лучше сказать вырылъ нѣсколько такыхъ мѣстъ, которыя съ легкой руки могъ пересоздать сообразно съ своею цѣлью и стремленіями, — и этимъ-то жалкимъ лжезнаніемъ талмуда обличаетъ онъ евреевъ въ ненависти къ христіанамъ!.. До чего дошло это лжезнаніе и умышленно-превратное толк-

(1) De abbrev. hebr. Онъ жилъ отъ 1564 до 1629 года.

(2) Многія изъ этихъ мистическихъ и аллегорическихъ понятій, во множествѣ разсѣянныхъ здѣсь и тамъ по цѣлому талмуду, мастерски объяснены И. Б. Шершневскимъ и изданы въ особой книгѣ подъ заглавіемъ: «Нуръ Лазгага», т. е. объясненіе разныхъ талмудическихъ легендъ. Вильно, 1858 года.

озваніе его, въ соединеніи съ постыдливой невѣжествою и враждой противъ евреевъ — это мы сейчасъ докажемъ.

Г. Александровъ приводитъ въ своей статьѣ слѣдующія слова р. Эліэзера: «Богъ, поразившій египтянъ однимъ пальцемъ своимъ, истребить сыновъ нечестивыхъ (тутъ онъ поспѣшилъ поставить въ скобкахъ, вѣроятно для большей эффектности, слово «христіанъ») и сыновъ измѣнливыхъ (мусульманъ) всюю дланью своею, ибо первыя — враги народа его, а вторыя — его собственныя враги». Но почему же авторъ, заявляя себя такимъ знатокомъ талмуда и всего относящагося къ нему, забылъ про то, что въ «*Minian Hamitzvot*» Маймонида, отпечатаннаго въ 1852 г. въ С. Петербургѣ съ нѣмецкимъ переводомъ подъ заглавіемъ: «*Die Anzahl der Gebote*», во второмъ отдѣлѣ (*Le taase — Verbote*), параграфы 54 и 55 совершенно уничтожаютъ всю силу возведеннаго имъ на евреевъ обвиненія? Вотъ что гласитъ § 54: «потомковъ Исава ты можешь исключити изъ среды своей не далѣе какъ до третьяго пололвія, ибо сказано: не унижай эдомита (христіанина)». Тоже самое говорится въ слѣдующемъ параграфѣ (55) относительно египтянъ. Будь авторъ, напротивъ, человѣкъ благонамѣренный, онъ могъ бы напомнить евреямъ объ этихъ религіозныхъ постановленіяхъ синагоги, если ему удалось усмотрѣть, что она, эти евреи, не выполняютъ догматовъ своей религіи со всюю точностью; онъ могъ бы этимъ доказывать евреямъ, что они въ настоящее время обязаны, на основаніи своего ученія, уважать и любить христіанъ какъ самихъ себя; но это не входитъ въ его программы. Если угодно познакомиться съ совершенно новымъ, никому еще невѣдомымъ комментариемъ г. Александрова на талмудъ, такъ вотъ читайте: «Человѣку праведному (тутъ авторъ счелъ нужнымъ приплести въ скобкахъ «іудею»: это не въ похвалу; нѣтъ! это слѣдано имъ по необходимости, съ цѣлю...) дозволяется... обманывать» (!?!). И чтожь? чѣмъ подкрѣпилъ онъ это *свое* положеніе? — Вотъ чѣмъ: «съ невиннымъ будь невиненъ, съ нечестивымъ (тутъ ужъ ему необходимо было поставить тоже въ скобкахъ «христіаниномъ»), контраста ради...» будь нечестивъ». Но такъ какъ первая фраза: «человѣку праведному и т. д.» составляетъ чистый вымыселъ автора, плодъ ныкаго его воображенія, то объ этомъ не стоитъ и говорить: само дѣло уже говорить за себя; во второй же фразѣ: «съ невиннымъ и т. д.», выкинувъ совершенно произвольно прилетѣнное имъ слово «христіаниномъ», вы получите весьма простое, велишонное смысла, талмудическое изреченіе (см. *Talm. Baba Batra, f. 123, a*). Чего добраго, быть-можетъ г. Александровъ скажетъ, что и такое изреченіе несовсѣмъ то еще гуманно. Не споримъ, что гораздо выше стоитъ изреченіе напрямѣръ

Солемена: «Не говори: хочу отплатить зломъ» (Прит. 20, 20); но съ насъ, какъ хотите, довольно было бы одно точное выполненіе и талмудическаго правила: ибо намъ какъ-то плохо вѣрится въ существованіе въ наше время идеала совершеннаго праведника, котораго в видѣмъ невидать, и слыхѣмъ неслыхать. Кто согласится теперь подставить и другую свою щеку, получивши ударъ въ одну? Возможное ли дѣло, чтобы человекъ, будь онъ хотя бы и еврей, могъ благоговѣть предъ своимъ преслѣдователемъ? Поэтому самому нашимъ составителямъ талмуда, ищущавшіе не одну передрагу, знавшіе, что законъ въ самыхъ суровыхъ словахъ объявляетъ всѣхъ евреевъ безъ изъятія недостойными вѣчности⁽¹⁾, а гражданское состояніе ихъ такъ же отверженнымъ, какъ отвержена была душа ихъ⁽²⁾, и въ то же время чувствовавшіе гнетъ этого же самого закона по отношенію къ налогамъ, какъ-то были съ своей стороны готовы сказать, что и «иудеи воскреснутъ и насладятся блаженствомъ жизни вѣчной...» Странное дѣло: отчего тогдашнимъ евреямъ было «своего сужденія не имѣть» и не претендовать на жизнь лучшую, вѣчную? И г. Александровъ, мы думаемъ, неспрочь отъ нея? Что это за дѣтскость болтаться, чтобы одни иудеи (у страха глаза велики) не завладѣли ею?.. Что за предусмотрительность!..

Но посмотрите какъ нецеремонно онъ продолжаетъ владѣть евреями. Нисколько не обиниваясь, онъ прямо выдумалъ вотъ такую фразу: «обманъ всякаго не-еврея дозволенъ.» Но здѣсь авторъ не ступилъ уже нѣсколько благоразумнѣе: онъ покрайней-мѣрѣ не подтверждалъ этого своего вымысла какими-нибудь талмудическимъ изреченіемъ, котораго конечно не нашолъ и которое онъ могъ бы поврежнему пересоздать не-своему, сообразно съ своею цѣлью. Такимъ образомъ, повторяешь, г. Александровъ не подтвердилъ своего нареканія ничѣмъ. Мы съ своей стороны могли бы сказать просто, что это ложь; но нежелая, чтобы намъ повѣрили на-слово, мы сейчасъ приведемъ доказательства тому, что обманъ не-еврея, по ученію нашему, на зло нашимъ претивникамъ, строго запрещенъ. Смотри объ этомъ Min. Hamitz. отъ § 250 по 256: въ § 250 говорится такъ: «въ куплѣ и продажѣ да не будетъ обманъ»; въ § 253 наказывается не обманывать чужеземца, ибо сказано: «ты не долженъ притѣснять его»; § 251 гласитъ: «спольза обманывать ближняго выше словани», а что — вопреки нареканіямъ г. Александрова — подъ «ближнимъ» разумѣется не только иудей, но и

(1) Abrah. ben Zacuth, Sepher Juchasin. — De Boissi, Dissertation sur Aben-Hezrah.

(2) Ibid. — Manuel Aboob, Nomolog. — D. Ganz. Tschémach David.

интерпретъ, въ отъѣтъ убѣждаютъ насъ какъ нельзя яснѣе §§ 252 и 255.

Пойдемъ далѣе. Г. Александровъ, негодуя на евреевъ и талмудъ, говоритъ (опять отъ своего имени, т. е. опять выдумываетъ невымышленную), что «всѣ прочіе народы (въпрямую кромѣ еврейскаго) останутся на вѣки (!?) въ гробахъ (своихъ) или въ аду, что душа ихъ неспособна воскреснуть.» И вотъ читайте, только безъ шутокъ, подтвержденіе этой могучей мысли, почерпнутой г. Александровымъ уже не изъ талмуда, а изъ псалмовъ Давида: «вернетесь въ адъ нечестивые, всѣ народы, забывающіе Бога». (Пс. IX, ст. 18.) Удачное подтвержденіе, неправда ли?.. Но г. Александрову уже вѣдомо, что мы углубляемся въ его статью любовитства ради, желая именно знать насколько она дѣйствительно любовитна и замѣчательна, какъ о томъ свидѣльствуетъ «День». Любовитство просто одолеваетъ насъ: мы наиримѣрь очень любовитствуемъ знать какъ читаетъ псалтырь г. Александровъ. Неужели онъ дотого благочестивъ, что доходя въ своемъ чтеніи до слова «нечестивые», вовсе не промолвитъ его? Неправда ли, онъ говоритъ, что іудеи или іудействующіе (пускай уже будетъ по немъ) подлѣ словомъ «нечестивые» разумѣютъ — что само собой весьма забавно — христіанъ; но не выражъ ли и мы съ своей стороны предположить, что онъ разумѣетъ подлѣ намиъ — еврея?.. Понимаемъ ли г. Александровъ изъ-за чего мы тутъ тратимъ время, которое намъ, признаться сказать, очень дорого?.. Но чтожь прикажете дѣлать? Любовитство!.. Такъ пойдѣмъ же далѣе, и прибавимъ къ упомянутому авторомъ изъ IX псалма 18-му стиху слѣдующій стихъ, 19-й, служащій ему какбы продолженіемъ и дополненіемъ, отдѣляясь отъ него лишь жонкою *се* *завлечю* (зри «Книгу экзегезисъ или псалтырь на руссійскомъ языкѣ». С. Петербургъ. 1823 г.): «ибо не навсегда забыть будетъ бѣднѣй, и надежда угнетенныхъ не погибнетъ на вѣкъ». Теперь, прочтя оба стиха (18 и 19) IX псалма вмѣстѣ, легко открыть мыслъ, уже ничѣмъ не заслоненную. Не такъ ли? А вотъ возьмемъ какъ г. Александрову, а намъ такъ нравится другой стихъ, а именно 14-ый XXXIII псалма: «удерживай языкъ твой отъ зла, и уста твои отъ коварныхъ словъ». Хорошій стихъ, неправда ли?

Не оставимъ псалтырь, и обратимся къ молитвамъ *іудействующимъ*, на которыя обращалъ свое вниманіе нашъ ученый авторъ. Быть-можетъ и здѣсь найдемъ мы что-нибудь для утоленія нашего любовитства...

Г. Александровъ говоритъ слѣдующее: «въ молитвахъ своихъ іудеи говорятъ: «благословенъ господь-богъ нашъ, царь міра всего,

не сотворившій меня акумомъ, и не сотворившій меня рабомъ (службой).» Что правда, то правда: евреи повторяютъ это въ молитвахъ своихъ каждый божій день. Но г. автору угодно было и это мѣсто нетолковать по-своему: акумъ, говоритъ онъ, значить ией, а гой значить христіанинъ. Это совсѣмъ невѣрно. А вотъ позвольте, г. Александровъ, объяснить вамъ, откуда происходитъ слово «акумъ». Оно составляетъ сокращеніе и состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ словъ и союза «и»: «а» значитъ «содать» («служеніе» по-еврейски), «к» — «кашомъ» («звѣзды»), «у» — «и», «и» — «мазолетъ» («палатки»). Такимъ образомъ подъ словомъ «акумъ» разумѣются тѣ, кои поклоняются звѣздамъ и палаткамъ, или кругу небесному. Это, какъ учитъ исторія, первая степенъ языческой религіи или *сабенизма*; слѣдовательно «акумъ» значитъ *язычникъ*, а не христіанинъ. Понимаете?.. О, какъ мы были бы любознательны знать, каково было бы мнѣніе или сужденіе г. Александрова насчетъ слѣдующихъ импримѣръ благословеній, ежедневно творимыхъ евреями! Вотъ они: «благословенъ господь-богъ нашъ, царь міра всего, оновсывающій насъ смыою», или «благословенъ господь-богъ нашъ, царь міра всего, вѣнчающій Израиля доблестью». Судя по его статьѣ, мы не можемъ не быть того убѣжденія, что онъ, махнувъ рукою, отъ души расхохотался бы надъ такими молитвами *юдействующими*, саркастически приговаривая: хороша смыя! хороша доблесть!.. Поэтому самому мы считаемъ великимъ привнести здѣсь, въ видѣ отступленія, соображенія объ этихъ благословеніяхъ учениковъ одинадцати или двѣнадцатилѣтняго возраста, сообщенныя какъ фактъ въ «Иудейскомъ народномъ листкѣ» (№№ 51 и 52 за 1860 г.). Очевидецъ тутъ рассказываетъ слѣдующее: «Дословно перевода съ еврейскаго на нѣмецкій языкъ первое изъ означенныхъ благословеній, наставникъ обратился въ классѣ къ ученикамъ своимъ съ вопросомъ: не находятъ ли они въ высказываемыхъ ими словахъ чего-нибудь страннаго или непонятнаго? На это одинъ изъ учениковъ отвѣчалъ такими словами: мнѣ при этомъ приходитъ въ голову, что евреи славословятъ Бога за ту смыю, посредствомъ которой чудесно сохранился этотъ слабый, угнетенный и преслѣдуемый народъ, который въ настоящее время лучшимъ своимъ положеніемъ въ нѣкоторыхъ государствахъ обязанъ не своей смыѣ, а справедливости и челоуколюбію господствующахъ народовъ. Точно также — вродолжалъ ученикъ — кажется мнѣ, что мы благодаримъ Бога за ту доблесть, съ которою онъ вѣнчаетъ насъ въ то время, когда мы со всѣхъ сторонъ подвергаемся презрѣнію, осмѣянію и отверженію со стороны суетвѣрной толпы...»

Историки. Если мы не имѣемъ понятія о какой-либо вещи, то какъ же намъ убѣдиться въ ея сущности?

Ученикъ. Посредствомъ дѣйствій этой вещи, которыя и убѣждаютъ насъ въ ея сущности.

И. А судьбы евреевъ могутъ ли служить этому доказательствомъ?

У. Конечно могутъ.

И. Въ мирѣ ли и спокойствіи провелъ этотъ народъ прошедшія тысячелѣтія?

У. Конечно нѣтъ. Напротивъ: исторія учитъ насъ, что никакой народъ въ мірѣ не долженъ былъ столько бороться за свое существованіе, какъ именно народъ еврейскій, которому ежеминутно угрожали преслѣдованія, уничтоженіе и даже истребленіе.

И. Если кто-либо бываетъ побѣдителемъ, что это доказываетъ?

У. То, что онъ слабѣе своего побѣдителя.

И. А что доказываетъ тотъ, который выдерживаетъ борьбу, такъ что не бываетъ побѣжденъ?

У. То, что онъ сильнѣе своего противника.

И. Если же евреи выдержали всю эту многотрудную борьбу съ вѣками, и имъ стало лучше чѣмъ прежде, то чѣмъ же они обладаютъ?

У. Силою и могуществомъ.

И. Итакъ вы видите, что это наше благословеніе имѣетъ глубокий внутренній смыслъ. Только надобно вамъ знать, что сила бываетъ разнаго рода: одна ищетъ приобрѣтеній и завоеваній съ оружіемъ въ рукахъ; другая сосредоточена въ себѣ самой и есть оборонительная: она неутомимо защищаетъ то, чѣмъ владѣетъ, не щадя для этой цѣли ни добра, ни крови и неотступая отъ своего поста ни на шагъ. Если измѣрить могущество и силу надлежащимъ масштабомъ, то нетрудно убѣдиться, что сила наступательная или нападающая всегда уступаетъ въ своихъ результатахъ силѣ оборонительной, защищающейся, такъ-сказать пассивной. Эта-то пассивная сила и составляетъ силу нашего еврейскаго народа. Такимъ образомъ мы должны благодарить Бога за то, что мы, одолженные этой силѣ, такъ неизбѣжно сохранили свое бытіе. Наше благословеніе именно и указываетъ на могущество этой силы; оно гласитъ: «опоясывающій Израиля силою». Сила же наступательная, нападающая, лежитъ въ мышцахъ, и если подразумѣвалась бы такая сила въ благословеніи нашемъ, то оно гласило бы иначе, а именно: «укрѣпляющій силою мышцы Израиля»; *опоясываніе* же силой — предполагаетъ могущество въ оборонѣ.»

Показать какой истинно-глубокий смыслъ сокрытъ и во второмъ изъ вышеозначенныхъ благословеній — мы считаемъ излишнимъ:

для насъ покуда достаточно и объясненіе перваго, чтобы убѣдить читателя въ томъ, что легко пояснить вещи такъ, какъ диктуется здравый разумъ, и что напротивъ, легко также людямъ злымъ перевернуть вверхъ дномъ истинный смыслъ въ вещахъ самыхъ разумныхъ и глубокомысленныхъ, для того чтобы усмотрѣть въ нихъ ничтожество, вздоръ... Къ этому послѣднему способу возвращенія на вещи прибѣгаетъ именно нашъ г. Александровъ. Чтобы еще нагляднѣе показать всю истину нашихъ словъ, мы заглянемъ опять въ его статью.

«Всякій подкупъ, — говоритъ авторъ (это снова собственное предположеніе его), — несправедливъ и лицемеріе дозволяется іудеямъ относительно христіанъ». Ненашедши въ талмудѣ ничего такого, чѣмъ бы можно было подкрѣпить этотъ свой вымыселъ, нашъ антагонистъ прибѣгаетъ уже въ этомъ случаѣ не къ псалмамъ, а къ св. писанію... Не посмотрите какимъ могучимъ стихомъ онъ подтвердилъ эти свои гаманскіе поклевы... Вотъ онъ, этотъ стихъ: *«дары бо ослѣпляютъ очи видящимъ и возлюбляютъ словеса праведна»* (Исх. XXIII, 8). И это онъ считаетъ удачнымъ и справедливымъ доказательствомъ! Грустно подумать... Однакоже мы не отрицаемъ того, что эта выходка, если не любопытна, то по крайней мѣрѣ замѣчательна, и «въ высшей степени замѣчательна» по своей неподражаемой оригинальности... Изъ этого достаточно уже явствуетъ, что «День» имѣлъ полное, неотъемлемое право — свидѣтельствовать о статьѣ г. Александрова какъ о замѣчательномъ явленіи въ нашей литературѣ... Но впередъ, впередъ! «Также сказано, — продолжаетъ авторъ, — *«ниже да помилуеши ихъ»* (Второз. VII, 2), что значитъ — это его объясненіе — *«не давай не-іудеямъ что-либо даромъ»*. Ито только на своемъ вѣку когда-нибудь читалъ библію, тотъ вѣроятно припомнитъ, что «не помилуеши ихъ» относится не къ христіанамъ, которыхъ (это долженъ бы знать и г. Александровъ) во времена Моисея и на свѣтѣ не было, а прямо къ язычникамъ, которыхъ законодатель преслѣдуетъ единственно изъ опасенія, чтобы его народъ не впалъ въ язычество. Чтоже до объясненія автора «не давай не-іудеямъ что-либо даромъ», то мы только спросимъ его: а дастъ ли онъ что-либо даромъ намъ, *іудеиствующимъ*?.. Впрочемъ нашъ талмудъ гласитъ вотъ какъ: *«колы гапотаахъ лѣ — ноткиахъ ло»*, т. е.: «слѣдуетъ подавать каждому протягивающему руку»; а г. Александровъ къ талмуду не обращается, который кажется ему чѣмъ-то страшнымъ, недолимымъ, враждебнымъ и пр.

Мы безъ труда могли бы доказать, что все прочее въ статьѣ г. Александрова похоже на то, что уже нами рассмотрѣно, но мы; признаться, отказываемся отъ этого удовольствія потому, что скучно и

грустно долго оставаться на подобномъ положеніи въ русской журналистикѣ... Такое положеніе могло показаться «въ высшей степени любезнѣйшимъ и замѣчательнымъ» одной лишь можетъ-быть редакціи «Дня», которая долго увлекалась «ученою добросовѣтностью» г. Александрова, что немогла не вымолвить: «пусть-(ка) гг. еврейскіе ученые непробуютъ сами опровергнуть справедливость его ссылокъ и указаній. Мы полагаемъ, что читателямъ (нашимъ) будетъ довольно интересно познакомиться съ нѣкоторыми нравственными (тонкая неумѣльность ред....) наставленіями талмуда. Съ этой точки зрѣнія глядя мы сами на эту статью». И безъ этого неслабшаго престодушнаго признанія мы бы не сомнѣвались въ образѣ мыслей и дѣйствій «Дня», но пословица русской: «душа душъ лезетъ мѣсть». Словомъ сказать, еврей — это такой предметецъ для «Дня», гдѣ редакція его можно было развернуться широко... Этотъ насыщенный тонъ «Дня» какъ нельзя яростнѣе напоминаетъ намъ одинъ весьма забавный анекдотецъ, рассказанный въ «Jüdisches Volksblatt» (1860 г. № 43) о редакторѣ «Прусскаго народнаго листа» въ Берлинѣ, Кейпѣ. Однажды потребовался опытный корректоръ для газеты «Отечество», издававшейся тѣмъ же Кейпомъ. Немедленно нашолся человекъ, который имѣлъ всѣ необходимыя достоинства для занятія этого мѣста. Кейпъ заключилъ съ нимъ условіе, и дѣло казалось было окончено. Но не тутъ-то было: предусмотрительному Кейпу пришло на память спросить будущаго своего корректора — каково онъ въропоговѣданія?

— Я еврей, твердо отвѣчалъ вопрошенный.

Услышавъ таковъ ужасный отвѣтъ, Кейпъ чуть не отскочилъ въ сторону.

— Такъ вѣтъ, м. г., хотя вы и способный человекъ, однако этого мѣста вы у меня занять не можете, произнесъ Кейпъ.

— А почему-то вашнй позволено мнѣ будетъ мнѣ остаться у васъ? спросилъ еврей.

— И вычитая уже нанъ разговоръ прерваннымъ, отвѣчалъ остроумный Кейпъ, пасивннно удаляясь въ сосѣдную комнату.

Указавши на то, какъ удачно и благодушно г. Александровъ сгруппировалъ свои факты, свидѣтельствующіе, по словамъ «Дня», о нѣкоторыхъ нравственныхъ наставленіяхъ талмуда, мы обратимся къ еще замѣчательнѣйшимъ, которая само собой уже должны быть столь же удачны и благодушны: удачнее и благодушное начало ведетъ разумнѣе къ самымъ удачнымъ и благодушнымъ заключеніямъ. На-добно имѣть, съ ладнѣй торжествомъ, съ какою злой усмѣшкою нанъ актеръ вослицаетъ (думая въдоотно стнмъ уже окончательно паразитъ талмудъ и еврей): «Вотъ вратцѣ развитіе тѣхъ десяти

заповѣдей, которыя одинаково лежатъ въ основаніи ученія христіанъ и іудеевъ, и которыя, какъ говорятъ шнее, одинаково ими понимаются! Будутъ ли неслѣ этого истерять: да въ чемъ же противоречатъ? Да гдѣ взялъ «Девъ», что евреи проповѣдуютъ и исповѣдуютъ христіанство? Въ дальнѣйшія мысли (если только можно назвать описками то, что вышло изъ-подъ редакціи г. Александра въ совершенно превратномъ видѣ) и подробности я не вдаюсь, потому что думаю — достаточно того, что уже высказано (и мною), чтобъ дать понятіе о духѣ и направленіи всего остального. Видите ли, мы съ своей стороны тоже даемъ понятіе о духѣ и направленіи самого г. Александра... Его заключеніе мы могли бы считать возможнымъ лишь тогда, когда онъ не приточивалъ бы и не вострачалъ бы ничего своего, по своей волѣ и прихотямъ, сообразно съ своей цѣлью. Но такъ какъ возрѣнія его на талмудъ диаметрально противоположны истинѣ и составляютъ недоноски его воображенія, то мы и принуждены считать всю его компиляцію — ему лично-приваловавшую сечилемлю, которое онъ, какъ авторъ, и вынулъ полное своею пустить въ публику за своею подписью и печатью. Но цѣль... оправдывается ли она средствами?..

«Если нѣкоторые будутъ говорить, — продолжаетъ авторъ — что талмудъ есть только исчерченное ученіе (онъ вѣрно думалъ сказать: толкованіе?) монсеова закона (вотъ оно куда пошло!), не обязательное для іудеевъ, то это значитъ давать іудаизму опредѣленіе произвольное и т. д.» Какъ не удивляться намъ мыслию той пропорности, съ какою г. Александровъ во всей своей статьѣ все дѣлаетъ своеобразныя предположенія и своеобразно же отвѣчаетъ на нихъ, какъ ни въ чемъ не бывало, такъ что онъ ни въ чемъ и не затрудняется, и не задумывается, и не боится никакихъ исключеній?.. Это изумительная способность! По благодушному его заключенію такъ и думаешь уже, что еврей будто дикая орда кавказъ, что талмудъ будто только и содержитъ въ себѣ такія красноречивыя сентенціи, какія, какъ мы уже замѣтили, получены мною подъ холодецкимъ перомъ его, способнымъ на все... Но мы объяснимъ г. Александрову, что такой взглядъ его на суть талмуда стоитъ выше всякой критики. Талмудъ (см. выше слова Іоанна Бунстера) есть кодексъ, въ которомъ говорится о заветахъ уголовныхъ и полицейскихъ, о правилахъ общежитія, о молитвѣ и благословеніяхъ, о праздникахъ и о субботахъ, о пасхѣ, о жертвоприношеніяхъ, о рѣзаніи скота съ анатомическими изслѣдованіями, о запрещеніи употребленія мяса животнаго, имѣющаго недостатки въ организаціи (горлопотъ), о запрещеніи употребленія въ пищу крови, о омытіи мяса

(мелка), о предметахъ права личности и вообще о законахъ гражданскихъ, о разводахъ и проч. и проч. (1). Вотъ что составляетъ предметъ талмуда. И мы болѣе чѣмъ увѣрены въ томъ, что никакой порочный острей (въ хорошемъ смыслѣ этого слова) не станетъ считать его «исчерченнымъ учениемъ моисеева закона», какъ это говоритъ авторъ въ видѣ предположенія, чтобъ ему удобно было вывести такое заключеніе: «те это значитъ давать іудеямъ опредѣленіе произвольное». Это опредѣленіе действительно произвольное въ устахъ г. Александра въ значеніи себѣ «искусственныхъ разсужденій» (авторъ можетъ быть знаетъ реторику Кошанскаго), встрѣчающихся «у ораторовъ, писемо-писателей и писателей». Да, это искусственное разсужденіе! Но кромѣ искусства, въ этомъ послѣднемъ заключается еще и другой элементъ... Это — самонадѣанность.

Далѣе г. авторъ становится уже ученымъ исследователемъ и открываетъ міру новыя, дотождь неизвѣданныя истины. «Іудей — говоритъ онъ — дѣлится между собою на каранитовъ и раввинитовъ, а все различіе (между ними) состоитъ именно въ томъ, что первые держатся одного только писаннаго закона моисеева, а вторые признають также же авторитетомъ и законъ устный, изложенный преимущественно въ талмудѣ. Но какъ же, мы думаемъ, изумится онъ, если мы ему откроемъ, и откроемъ не за тайну, что караниты тоже, какъ и евреи, не обходятся безъ толкованій на библію или, что все равно — дѣло не въ названіи — имѣютъ свой талмудъ? А это сущая правда.

Слѣдуя за всѣмъ словобитіемъ г. Александра, въ статьѣ некто все отъ начала до конца хорошо перефразировано и перепутано, мы уже должны теперь столкнуться... съ статистикой и даже... географіей. Вотъ онъ выѣстъ. «Первые же (т. е. караниты) — говоритъ онъ (для доказательства чего это здѣсь говорится — мы не можемъ повторить) — по численности своей относятся къ послѣднимъ (т. е. раввинитъ) какъ $\frac{1}{10}$ къ 1 (однакъ!), а у насъ (посмотрите какой дивный переходъ!) они (кто это — они? караниты или послѣдніе: евреи или караниты? но мы сами догадываемся, что это должно быть караниты) живутъ въ одномъ только (только?) Чуфутъ-Кале». Не правда ли, что тутъ все хорошо: и мысль, и логика, и вѣрность? Но дальше еще лучше: что шагъ, то фраза, несвязывающаяся въ статьѣ г. Александра ни съ предыдущимъ, ни съ послѣдующимъ, и какъ-

(1) Подробнѣе объ этомъ см. «Die Anzahl der Gebote nach Maimonides.» St. Petersburg, 1852, а также переводъ маймонидова юридическаго сборника, изданный съ 1850—53 г. въ С.-Петербургѣ, въ особенноти 4 и 5 томы.

будто висающая въ воздухѣ... Такъ за словомъ «Чуфутъ-Кале» читаемъ слѣдующее: «Раввиниты утверждаютъ, что не только законы Моисеи даны имъ отъ Бога, но что Богъ далъ имъ и талмудъ таинный, каковыи онъ нынѣ». Чтѣмъ признаете ли это отвѣчать: Александрову? Намъ уже удивляеть одно то обстоятельство, что она можетъ этому удивляеться... Мы же на этомъ болѣе не остановимся фактомъ, что уже выше привели и свой взглядъ, и взглядъ нѣкоторыхъ христіанскихъ писателей на сущность и значеніе талмуда. Не обратимся къ предыдущей фразѣ, которая хотя внешне не важна, однако тѣмъ ярче доказываетъ, что авторъ принимаетъ противъ истины даже относительно такихъ вещей, которыя всѣмъ болѣе или менѣе извѣстны. «Караимы — какъ сказано авторомъ — живутъ въ одномъ только Чуфутъ-Калѣ». Мы сами прошивали нѣсколько лѣтъ въ Крыму, потому очень хорошо знаемъ, что они живутъ въ значительномъ числѣ во всѣхъ крымскихъ городахъ, въ особенности же въ Евпаторіи, гдѣ они составляютъ почти исключительное населеніе города. А Трои (нин. губ.), а Луцкъ (вольн. губ.) и проч. Мы остановились на этихъ повидному мелочахъ именно потому, что по нимъ легко можно уже судить, насколько должна быть у г. Александрова память по отношенію къ вещамъ большой важности... Это значитъ, что она принимается за все на свое. Не дѣло въ томъ, что вѣрныя гдѣ вѣрныя живутъ караимы в горахъ, что они живутъ въ одномъ только Чуфутъ-Калѣ, онъ этимъ никому не повеситъ вреда, ибо отъ этого никому ни тепло, ни холодно; но коснувшись съ заднею мыслью основныхъ началъ юдаизма и сдѣлавъ изъ нихъ какую-то шутовскую комедію, онъ думаетъ послѣдовать за собою и свободу цѣлой націи, которой не могли устранишь въ нѣтъ страдальческой доль нареканія еще не такія господь; какъ г. Александровъ...

Послушаемъ теперь какъ г. Александровъ рѣшаетъ новый вопросъ: «... если еврей — говоритъ онъ — не держится талмуда (ибо нѣкоторые журналы говорятъ, что образованные евреи считаютъ талмудъ за вторичное сочиненіе, а не за законъ свой) и не называетъ себя караимомъ, то вопросъ именно въ томъ, чему же онъ открытъ (1), что-же онъ особенно такое? Пусть онъ тогда торжественно отречется отъ талмуда или гласно изложитъ свое новое (?) исповѣданіе». Клянусь вамъ истиннымъ богомъ, г. Александровъ, что вы горячитесь попустому: мы готовы сейчасъ же вамъ доказать, что мы, избави-богъ, вовсе не нуждаемся въ построеніи какого-либо новаго исповѣданія; вы это знаете — мы

(1) Курсивъ въ подлинникѣ.

нѣшемъ ученіе, опирающееся именно на св. писаніи и талмудъ, на этия два могучихъ виновникахъ нашего долговѣчнаго существованія, ученіе, которое никому и ничему не враждебно (!). Что талмудъ никому не враждебенъ, это ясно доказываютъ похвальный отзывъ Раббину Гаходоша объ Антошиаѣ (Sanhedrin 91, b); наши въ-роучители приказывали намъ не отвергать полезнаго, если оно будетъ намъ предложено другими народами. Маймонидъ подтверждаетъ тоже самое. Онъ говоритъ, что для евреевъ должны быть интересны не только труды своихъ собственныхъ ученыхъ (пророковъ), но что для нихъ должны быть также интересны и труды ученыхъ другихъ народовъ и проч. (Идушаъ Гаходошаъ, перемъ 17, галакта 26; Мегилла 15, а). А если г. Александровъ желаетъ удостоверить, что евреи не язычники и что они такое, то пускай прочтетъ хоть бы слѣдующія творенія, относящіяся до религій евреевъ: «Lehrbuch der Israelitischen Religion», St. Peterburg, 1859 (на нѣмецкомъ языкѣ), или же «Katechismus der Israelitischen Religion», Königsberg, 1849 (на языкѣ еврейскомъ). Тутъ онъ найдетъ и совершенноный символъ еврейской вѣры, который состоитъ изъ 13-ти членовъ. Раввиныъ образомъ рекомендуетъ ны ему прочесть: «Kurze Auseinandersetzung der Gebräuche des israelitischen Cultus nach Schulchan-Aruch», Riga und Leipzig, 1852. По философіи еврейской религій ны ему укажемъ на «Козри», — «Religion in Zusammenhang mit der Gesellschaft», соч. рабба Садая Гаона, «Хобать-галебаботъ» (объ обязанностяхъ нравственнаго человека), на «Бину-хантмиъ» и проч. Да мало ли твореній, обвиняющихъ религію евреевъ! И такъ вопросы нашего антагониста: «чему же онъ (еврей) вѣруетъ? что же онъ особенно такое?» такъ голословны, что не стоило бы собственно на нихъ серьезно отвѣчать. Нѣтъ, нашъ народъ вовсе не такъ безсмысленъ и глупъ, какъ авторъ необинулся полагаетъ въ своей сердечной простотѣ... Неудобно ли прочесть подлинныя слова его, доказывающія какими онъ почитаетъ умными евреевъ: или самому — говорить онъ — случалось бесѣдовать съ весьма умными, образованными и добродѣтельными евреями; изъ которыхъ нѣкто прямо говорили, что если дѣлаютъ нѣмѣ добро христіанамъ, то дѣлаютъ это по лицемерію (!), потому что они слабѣйшіе въ государствѣ и покупаютъ этимъ добромъ благоволеніе самовластнаго большинства; а другіе — что дѣлаютъ добро по влеченію сердца, никому въ душѣ зла не желаютъ, сснчавалась однажды (полно! шутите печатнымъ словомъ, г. Александровъ !); что это противно ихъ закону, но такъ какъ, съ другой стороны, законъ дозволяетъ имъ жи-

(!) Читай Теуда Вейзраел, соч. И. Б. Левинсона, Вильно, 1865.

цѣмѣрять (?!?!), то они и могутъ разрѣшить себѣ это добро; что впрочемъ еслибъ они господствовали въ государствѣ (вотъ богатое воображеніе какое у нашего автора!), то поставили бы напередъ условіе этому добру, т. е. обращеніе въ свою вѣру». Ну мастеръ г. Александровъ, неправда ли? Однакоже это вередливанье изъ пустого въ перожее приковываетъ къ себѣ наше вниманіе тѣмъ, что авторъ подтверждаетъ это «Ядъ Гахазакъ» Маймонида. Сказать, что все это выдумка и ложь, недостаточно: мы лучше приведемъ доказательство тому, что авторъ безъ зазрѣнія совѣсти порочить этого нашего великаго философа, астронома, юриста и врача султана Саладина. Вотъ что говоритъ объ этомъ сочиненіи Маймонида знаменитый Дешингъ, который оставилъ по себѣ весьма замѣчательный трудъ — «Исторію евреевъ»: въ «Ядъ Гахазакъ» Маймонидъ уважаетъ преданія талмудистовъ, проповѣдуетъ уваженіе по отношенію къ другимъ народамъ и религіямъ и такимъ образомъ законитъ евреевъ съ надлежащимъ духомъ юдаизма. Въ 14-ти книгахъ онъ говоритъ о вѣдѣніи, любви къ Богу, о праздникахъ, объ отношеніи мужчинъ къ женщинамъ, о первенцахъ, о посѣвахъ, о жертвахъ, о возмездіи, о приобрѣтеніи, о судѣ, — однимъ словомъ представляетъ еврейскій кодексъ религіозный, гражданскій и уголовный, и руководство къ нимъ. (См. Ист. Евр. Дешинга, эпох. II, гл. I — отъ X до XIII в.). Но авторъ идетъ дальше, становясь еще болѣе остроумнымъ. «Случается, — говоритъ онъ, — что тѣ изъ евреевъ, которые нехитры, увѣряютъ, что уважаютъ въ христіанахъ народъ, который поклоняется одному съ ними Богу». Г. Александровъ повидному недоволенъ такимъ *увереніемъ* евреевъ, ибо на его взглядъ это чистѣйшіе язычники... Поэтому самому онъ ужъ не могъ говорить болѣе спойиво и менѣе обидно, чѣмъ разумеется въ виду «пользы общую». Здѣсь онъ удивляется еще и тому, что *стакія слова даже начертаны на перемѣхъ страницъхъ новаго изданія талмуда еврейскаго и въ молитвенныхъ книгахъ*. Это обстоятельство сильно разсодовало его: какъ же это евреи и христіане поклоняются одному и тому же Богу? подумалъ авторъ — и давай брешить несчастныхъ ему евреевъ на чѣмъ свѣтъ стоитъ за такую неслыханную дерзость...

Его. «Изъ всего сказаннаго — утверждаетъ почтеннѣйшій г. Александровъ — вовсе не слѣдуетъ, что я воздвигаю брань и гоненіе на самихъ евреевъ; я (это «я» напоминаетъ намъ эвреческое знаменитаго французскаго трагика: «Moi, moi dis-je, et c'est assez!») возстаю только на современное понятіе и убѣжденіе наше о способности евреевъ *въ настоящее время* быть равноправными гражданами въ любомъ христіанскомъ государствѣ». Такъ вотъ ужъ

г. Александровъ не признавать и способностей у евреевъ... Недаромъ же мы сейчасъ приведемъ собственные слова его, для убѣжденія всѣхъ и cadaго въ томъ, какими онъ считаетъ умниками евреевъ. Но едвали кто раздѣлитъ съ нимъ такое голословное мнѣніе объ отсутствіи способностей у евреевъ *въ настоящее время*, какъ онъ выразился. Нѣтъ, постоянное внутреннее развитіе еврейскаго народа въ нравственномъ и научномъ отношеніяхъ, развитіе, присущее ему не со вчерашняго дня, доказываетъ въ-очью, что-бы на горючили враги его, что онъ одаренъ великими умственными способностями; не только въ настоящее время, но и въ прошедшемъ, во время тяжкой своей жизни, онъ не чуждался быстрого внѣшняго возрожденія: кто знаетъ внутреннюю исторію этого народа, тотъ и не усомнится въ этомъ истинномъ фактѣ. Г. Александровъ, возставши противъ «воображеннаго» понятія о способности евреевъ *въ настоящее время* быть равноправными гражданами въ *любомъ христіанскомъ государствѣ*, отдѣлялся относительно такого важнаго вопроса одною лишь шипищей фразой. Это просто смѣху подобно... Затѣмъ онъ проводитъ еще одну чрезвычайно любезную мысль, говоря, что «такими (т. е. полноправными гражданами) онъ признаетъ евреевъ, когда ихъ образованность и просвѣщеніе станутъ общими до того, что проникнуть во всѣ низшіе слои народа (еврейскаго), во всю его массу...» Изъ этого замѣчаешь, что г. Александровъ будто беспокоится о томъ, чтобы какіе-нибудь Мошки и Юськи съ пилкой или лопатой въ рукахъ не сдѣлались бы *одруж* государственными людьми... И странное дѣло: у всѣхъ народовъ міра сего есть и образованный, просвѣтленный классъ общества, есть и *чернь*, а у евреевъ (русскихъ) этой послѣдней и не должно существовать... Незнаемъ право, отчего это евреи должны непременно быть образованнѣе другихъ народовъ? Хотя и неоспоримо, что всякій Мошка и Юська, умѣя читать и писать ⁽¹⁾, въ отношеніи первоначальнаго развитія стоитъ выше всякаго безграмотнаго; но развѣ изъ этого слѣдуетъ, что эта Мошки и Юськи непременно должны быть людьми вполнѣ просвѣщенными, для того чтобы евреи, имѣющіе дипломы на ученые степени доктора, магистра или кандидата, могли пользоваться правами, дарованными намъ закономъ 27 ноября? При этомъ замѣтимъ, что скорѣе цивилизованному меньшинству надлежитъ сближаться съ массой, чѣмъ ожидать, чтобы эта послѣдняя пришла къ нему; въ противномъ случаѣ чѣмъ же цивилизованное меньшинство будетъ лучше темной массы?..

(1) Это не простая фраза: она доказывается фактомъ.

Незнаемъ почему авторъ затѣмъ говоритъ, что «есть евреи, они мала де велика, знаютъ еесь талмудъ и есю библію наизустъ». Ну можно ли въ этомъ ему повѣрять? А между тѣмъ все это выскazujeается имъ такъ машино...

Еще одно, послѣднее сказанье.

«Ясно мнѣ кажется теперь, — говоритъ г. Александровъ, — въ какомъ свѣтѣ является этотъ вопросъ, какъ еантъ общественнаго мнѣнія, *едмокдумно*, *безомладно* занимавшаго себя въ пользу его! Много у насъ (только не у нашего автора разумѣется) хорошихъ стремленій, много сознанія того, чему бы слѣдовало быть, но итъ у насъ того *знанія дѣла* (2), безъ котораго мы постоянно будемъ увлекаться, *либеральничать*, *идаться* опретью за идеями вѣка» и т. д. Тутъ, какъ видите, и *оразерство*, и туманность мыслей и стремленій, и хвастливость, и *циническое* высокомеріе, и *патріотизмъ*...

Вотъ слово любви и примиренія, съ которымъ г. Александровъ обратился къ евреямъ съ цѣлью «обратить ихъ *отъ іудеяма* къ чистому мозаизму» / *Procul eіote, profani!*

(2) Курсивъ въ подлинникѣ.

НУЖНО ОБЪ «ОНАЛЬНОМЪ ЖУРНАЛѢ»

(ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ)

«Въ ерундѣ, говорить г. Антоновичъ, можетъ заключаться весь корень человѣческихъ бѣдствій.» Никогда, милостивый государь, я не держался этой мысли и всегда вчиталъ ее весьма опасною и вредною мыслью. Кто приписываетъ ерундѣ такую силу и такое значеніе въ дѣлахъ человѣческихъ, тотъ есть мизантропъ самого худшаго свойства. По моему мнѣнію какъ изъ ничего ничего не бываетъ, такъ и изъ ерунды ничего не можетъ произойти, кромѣ ерунды. Вотъ почему обличеніе ерунды, составляющее предметъ моихъ писемъ, я не считалъ дѣломъ важнымъ, а потому позволилъ себѣ не писать къ вамъ уже четыре мѣсяца и охотно бы отозвался писать теперь. Дѣло въ томъ, что у меня нѣсколько слабѣетъ та особенная охота къ наблюденіямъ надъ русскою словесностью, которая воодушевляла меня въ первыхъ моихъ письмахъ, писанныхъ уже болѣе года назадъ. Скажу нехвалясь, что только человѣкъ пристрастный не отдастъ справедливости своимъ трудамъ. Пусть разницы ихъ не велики (всѣ семь писемъ, включая и настоящее, составляютъ меньше семи печатныхъ листовъ), пусть результаты ихъ весьма малы, общее значеніе незначительно; тѣмъ неменше ихъ строгость, отчетливость, ясность — стоили мнѣ немалыхъ усилій и, какъ я думаю, заслуживаютъ полной похвалы. Что удивительнаго, что я утомился? Ужели вы думаете легко обработывать предметы, которые я избралъ? Какой трудъ — вникать въ безцвѣтныя, безсвязныя, вялыя статьи! Какая трудность — отыскать ихъ смыслъ и связь, отметить малое ядро отъ многократной скорлупы! Мало-помалу мое любознательство охладѣло; мнѣ стало скучно вглядываться въ эти пустынные умозаключенія, невесело пробираться по этимъ болотистымъ и кочковатымъ соображеніямъ, и противно возиться съ этими неопрытанными мыслями. Въ критикѣ на романъ Тургенева у васъ сказано: «Мы поговорили бы объ статьѣ г. Антоновича гораздо болѣе, еслибы могли сколько-нибудь понять отношеніе ея подробностей, еслибы намъ удалось извлечь изъ нея хоть что-нибудь цѣльное и отчетливое и какъ-нибудь нанести на нить, связующую идеи автора.» Очевидно это пресувеличено. «Извлечь нить» и

«понять отношеніе подробностей» всегда возможно ; нужно только потрудиться — и вашъ критикъ уклонился , устрашенный тяжестью этого труда. Миѣ же приходится теперь взять такой трудъ на себя.

Но что же дѣлать ! Нельзя не писать. «Современникъ» шумитъ и ратуетъ ; «Современникъ» *все свое критическое обозрѣніе* въ апрѣльской книжкѣ посвящалъ вашему журналу, и въ немъ преимущественно миѣ. Нельзя же покидать наблюдательный постъ въ такую повидному опасную минуту ; нельзя принимать въ соображеніе только одного себя : нужно имѣть въ виду и другихъ.

Итакъ начнемъ же. Долгомъ считаю увѣдомить васъ , милостивый государь , что въ нашемъ литературномъ мірѣ , по моему замѣчанію , случилась нѣкоторая важная переиѣна. Виновникъ этой переиѣны есть никто иной какъ г. Антоновичъ , который по злобному замѣчанію нѣкоторыхъ людей вѣроятно уже стоитъ во главѣ нашей литературы. Слѣдовательно дѣло не маловажное. Г. Антоновичъ , какъ миѣ кажется , уже успѣлъ внести въ нашу критику новое направленіе ; по крайней мѣрѣ характеръ двухъ его послѣднихъ статей — «Асмодей нашего времени» и «О духѣ «Времени», статей капитальныхъ по объему и содержанию , обозначилась весьма рѣзко. Манера или лучше — сказать метода этой новой критики отличается необыкновенною простотою и опредѣленностью. Она состоитъ въ томъ , что предметы критики осуждаются что — называется огуломъ , гуртомъ , въ цѣломъ и въ частяхъ , безъ малѣйшей пощады или такъ называемаго исключенія. Сія критика , милостивый государь , въ настоящее время поражаетъ новизною собственно только не своей древности. Ибо происхожденіе ея можно отнести не только къ гомерическимъ , но даже къ допотопнымъ временамъ. Въ тоже время образчики ея , какъ вообще образчики всего элементарнаго , постоянно можно встрѣчать и нынѣ , а именно всякій разъ какъ обратятся дѣвѣ пьяница надъ даже трезвыми бабы. Напримѣръ : «и отецъ твой пьяница , и мать твоя потаскуха , и если дѣти будутъ , то будутъ воры и мошенники !» Или въ другой формѣ , именно въ той , въ которой употребила эту методу извѣстная слесарша : «свобой Богъ его и на томъ и на этомъ свѣтѣ ! Чтобы ему , есди и тетка есть , то и теткѣ всама пакость , и отецъ есди живъ у него , то чтобы и онъ , каналья , околѣлъ или поперхнулся на вѣки , мошенникъ такой !»

Совершенно ту же методу употребилъ г. Антоновичъ въ отношеніи къ г. Тургеневу и къ вашему журналу. Въ «Отцахъ и дѣтахъ» онъ осуждаетъ все безъ исключенія : всѣ лица невыдержаны , всѣ разговоры невѣрны и нѣтъ ни психическаго анализа , ни хорошихъ изображеній природы. Но этого мало. По методѣ слесарши г. Антоновичъ не упустилъ и прежнихъ произведеній поэта ; не только со-

вершено дурень послѣдній расказъ Тургенева, но малымъ чѣмъ лучше и всѣ предыдущіе. А если ихъ хвалили, то это потому, что «критика ошибалась въ ихъ объясненіи».

Точно также въ вашемъ журналѣ г. Антоновичъ не пощадилъ ничего, за исключеніемъ «Униженныхъ и оскорбленныхъ» и «Записокъ изъ мертваго дома». Это исключеніе заявлено тщательно, потому что иначе читатель легко бы подумалъ, что всеобщій потокъ осужденія простарается и на эти произведенія. Затѣмъ — у васъ ничего нѣтъ: ни духа, ни направленія, ни серьезной мысли; ваши объявленія — шарады; ваши статьи отучаютъ мыслить, а критическій отдѣлъ — самый слабый изъ всѣхъ отдѣловъ. Для того чтобы твердо держаться своей методы, г. Антоновичъ, какъ видно, употребилъ нарочитые труды; онъ прочелъ все «Время» и даже статью г. Страхова «Жители планетъ», на которую и налегаетъ съ особеннымъ усердіемъ. Въ такой критикѣ все будетъ кстати.

Прибавьте къ этому самыя безцеремонныя искаженія въ выпискахъ, приписываніе автору того, чего онъ не говорилъ, и вы получите полное понятіе объ этой новой критической методѣ. ⁽¹⁾

Сія критика, милостивый государь, имѣетъ многія невыгоды, но имѣетъ также и свои удобства. Невыгоды ея состоятъ въ нѣкоторомъ недовѣрїи, которое она возбуждаетъ и которое весьма значительно въ наше скептическое время. Положимъ вы скажете, что Тургеневъ не понимаетъ матерьялизма; легко можетъ быть, что найдутся люди, которые вамъ повѣрятъ, особенно если вы подтвердите ваши рѣчи разительнымъ доказательствомъ, что Тургеневъ, вмѣсто «Kraft und Stoff» (заглавіе книжки Бюхнера) написалъ «Stoff und Kraft». Но пусть вы прибавите, что въ его романѣ нѣтъ ни одного живого лица, — на читателей нападетъ уже нѣкоторое сомнѣніе. Если вы по усердію еще присовокупите, что и описанія природы никуда не годятся, сомнѣніе читателей увеличится; если наконецъ вы станете увѣрять, что по своему направленію Тургеневъ всего ближе къ Аскаченскому, то вамъ уже рѣшительно никто не повѣритъ.

Но у этой критики есть также свои выгоды. Она можетъ имѣть

(1) Замѣтимъ здѣсь только одно искаженіе изъ многихъ. Г. Антоновичъ нѣсколько разъ упоминаетъ объ «обстоятельныхъ и основательныхъ статьяхъ о народности», на которыя я будтобы ссылался; онъ утверждаетъ, что не нашолъ ихъ. Но я ссылался не на статьи о народности, а на статьи, касающіяся исторїи вопроса о народности. Не все равно народность и вопросъ о народности. Не все равно вопросъ о народности и исторїя этого вопроса. Статьи, которыя касаются этой исторїи и на которыя я ссылался, принадлежать г. Григорьеву: «Народность и литература», «Западничество въ русской литературѣ», «Блѣнный и отрицательный взглядъ въ литературѣ», «Опозиція застою».

большой вѣсъ у такихъ людей, которые сами не думаютъ, а вѣрятъ другимъ на-слово. А такихъ людей еще довольно на свѣтѣ. Если при этомъ они считаютъ своимъ священнымъ долгомъ читать «Современникъ» и не читаютъ другихъ книгъ, если для нихъ г. Антоновичъ авторитетъ (вѣдь и это возможно), то такая критика можетъ надѣяться у нихъ на большой успѣхъ.

Во всякомъ случаѣ метода, о которой мы говоримъ, всегда свидѣтельствуешь о нѣкоторомъ увлеченіи, о нѣкоторой потерѣ хладнокровія. И дѣйствительно не трудно видѣть, что есть тѣсная связь между новою методою г. Антоновича и тѣми предметами, о которыхъ идетъ рѣчь въ его статьяхъ. Въ первой статьѣ дѣло шло о романѣ Тургенева, во второй о журналѣ «Время». Романъ Тургенева, если его разсматривать съ извѣстной стороны, представляетъ какъ многимъ было замѣчено, художественное изображеніе «Современника». Журналъ же «Время» во многихъ и различныхъ своихъ статьяхъ старался представить читателямъ критическое изображеніе «Современника». Такимъ образомъ этотъ романъ и этотъ журналъ составляютъ какбы два зеркала, въ которыхъ можетъ поглядѣться «Современникъ», если желаетъ полюбоваться собою. Двѣ же статьи г. Антоновича означаютъ, что «Современникъ» поглядѣлся, но остался очень недоволенъ: плохи дескать зеркала! Вотъ отчего и приемы критики потребовались первобытные, допотопные. Забылъ онъ пословицу: «нечего на зеркало нѣнять, коли рожа крива!»

Можетъ-быть вы предполагаете, милостивый государь, что у «Современника» гораздо больше догадливости, что онъ смекаетъ въ чемъ дѣло? Нимало, увѣряю васъ. «Современникъ», какъ мнѣ кажется, до сихъ поръ нисколько не понимаетъ, за что на него нападаютъ. Я сейчасъ докажу это изъ статьи г. Антоновича.

Г. Антоновичъ упрекаетъ меня въ трусливости. Онъ основываетъ свой упрекъ на томъ, что я будтобы прячусь подъ маскою, что мое настоящее имя не Косица; чтобы ясно показать мнѣ мою трусость, онъ противопоставляетъ ей свою храбрость. «Я, говоритъ онъ — я Антоновичъ, а вы кто такой?»

Вы недоумѣваете, въ чемъ тутъ смѣлость и великодушіе? Вы не догадываетесь, какая важность можетъ быть въ томъ, что Антоновичъ есть дѣйствительное имя г. Антоновича? Между тѣмъ важность великая. По всему видно, что г. Антоновичъ только теперь начинать подозревать, что ставя свое имя подъ своими статьями, онъ поступаетъ очень отважно. Прежде онъ не предполагалъ, что дѣло это вовсе не безопасное и что для него нуженъ нѣкоторый героизмъ. Очевидно многократное упоминаніе его имени не только не кажется ему фиміамомъ славы, но даже составляетъ для него

нѣчто непріятное и досадное. Вотъ почему, когда онъ хвалится своею скромностію, онъ доказываетъ се тѣмъ, что *не называлъ* тѣхъ лицъ, о которыхъ писалъ; когда же упрекаетъ меня въ томъ, что я будтобы позволяю себѣ въ отношеніи къ нему личности, яли, какъ онъ оригинально выражается, что я «придираюсь къ его фizioноміи», то онъ ставитъ на первое мѣсто то, что *имя его постоянно у меня на языкѣ*.

Какая же причина такого страннаго настроенія мыслей? Причина, милостивый государь, кроется въ тѣхъ «оскорбленіяхъ и поруганіяхъ», которымъ подвергся г. Антоновичъ, которыя онъ подробно исчисляетъ и на которыя горько жалуется. Какъ-видно г. Антоновичъ совершенно недоумѣваетъ, отчего такъ жестоко нападаютъ на «Современникъ» вообще и на него въ частности.

• Отчего вы — спрашиваетъ онъ, обращаясь ко мнѣ — исключительно напали на меня и на «Современникъ» вообще? Ужели мои статьи такъ зловредны, что онѣ требуютъ немедленнаго и сильнаго обличенія, составляютъ настоящій ядъ, которому вы думаете служить противоядіемъ? Пересмотрите фельетоны «С.вѣтербургскихъ Вѣдомостей» и другихъ газетъ, переберите другіе журналы: развѣ тамъ ничего не найдется, что заслуживало бы болѣе сильнаго опроверженія и болѣе безпощаднаго обличенія, чѣмъ мысли высказываемыя мною? А если ужъ нигдѣ нѣтъ статей хуже моихъ, то во всякомъ случаѣ есть такія худыя какъ мои; отчего же вы ихъ оставляли безъ вниманія, а съ яростію и съ какимъ-то озлобленіемъ бросаетесь именно на мои статьи?» (1)

Съ такимъ же недоумѣніемъ онъ смотритъ вообще на нападенія другихъ журналовъ. Исчисливъ всѣ ихъ жестокости, онъ наконецъ говоритъ:

«Изъ такого поведенія журналовъ я вывожу слѣдующее заключеніе: «Современникъ» находится въ исключительномъ положеніи, онъ журналъ опальный, лишенный тѣхъ правъ, которыми пользуются другіе журналы. Если кто-нибудь назоветъ «Современникъ» пустоголовымъ и пустозвоннымъ прогресистомъ, онъ долженъ принимать это названіе какъ лестный комплиментъ, съ величайшею благодарностію; если же онъ назоветъ узкоголовымъ, то это названіе должно считаться величайшимъ оскорбленіемъ человѣческой личности. Если «Современникъ» назоветъ дуракомъ ненавѣстно кого, неопредѣленную величину X, можетъ-быть въ самомъ дѣлѣ дурака, тогда всѣ должны вознегодовать на «Современникъ» за его нестерпимую дерзость и нахальство; если же другіе прямо и лично назовутъ пишущихъ въ «Современникѣ» сумашедшими, безсмысленными, дикими, то они должны счесть это почетомъ для своихъ личностей и лобзать руку, карающую ихъ. Если каждая ванжка всякаго журнала возстаетъ и бравурствуетъ противъ «Современ-

(1) Долгомъ считаю отвѣтить, что г. Антоновичъ напрасно притворяется скромнымъ. Два раза, и только два я писалъ о немъ: въ письмѣ «Объ индюшкахъ и о Гегелѣ» и въ письмѣ «Примѣръ апатіи»; оба раза я писалъ по поводу *нападенія*. Теперь онъ нападаетъ въ третій разъ; не обвинитъ ли онъ меня опять въ ярости?

ника, то это принимается за доказательство ширюлюбия журналовъ и ихъ отвращенія отъ полемики. Если же «Современникъ» соберется отвѣтить на нападки, то это значить только, что онъ бранчивъ и дерзокъ и безъ полемики жить не можетъ, что онъ безъ ругательства тоже что рыба безъ воды и образованное общество безъ почвы.

Горькія чувства проглядываютъ, милостивый государь, въ этихъ словахъ; немало въ нихъ досады и внутренняго уязвленія. Въ то же время нельзя не чувствовать, что въ нихъ много глубокой и искренней правды. Всякій съ любовью слѣдящій за нашею литературой согласится, что главная черта въ отношеніяхъ нашихъ журналовъ къ «Современнику» есть непомѣрное *высокомѣріе*, а главная черта въ отношеніяхъ «Современника» къ другимъ журналамъ есть непомѣрная *наглость*. Одно вызываетъ другое и одно другимъ поддерживается.

Вопросъ очевидно интересный и важный. Почему въ самомъ дѣлѣ позволяютъ себѣ *бравурствовать* противъ «Современника»? почему его сотрудниковъ такъ легко признаютъ *сумасшедшими* и *дикими*? Не сомнѣваюсь что этотъ вопросъ немало любопытенъ не только для пишущихъ въ «Современникѣ», но и вообще для всего нашего литературнаго міра.

Какъ же его рѣшитъ самъ «Современникъ»? Понимаетъ ли онъ свое положеніе среди того хаотическаго міра, который именуется русской словесностью? Едвали! Покрайней-мѣрѣ г. Антоновичъ даетъ на вопросъ очень темные отвѣты. По его мнѣнію все происходитъ не отъ чего иного, какъ отъ злобы и ярости. «Иной — говоритъ онъ — понесетъ такую ахинею, что ее и опровергать не стоитъ, разбранить онъ васъ, но его брань и на ворота у васъ не виснетъ. А другой (подразумѣвается «Современникъ») скажетъ объ васъ только нѣсколько словъ, и эти слова зашевелятъ всѣ ваши мозги и уколятъ васъ въ самое сердце. Вотъ почему вы и поставили для себя иссцѣлительной задачей ратовать противъ «Современника» и проч. — Вотъ самая главная, самая существенная причина, которую «Современникъ» выставляетъ, чтобы объяснить, почему его сотрудники признаются сумасшедшими и дикими.

Но посмотримъ, хорошо ли осмотрѣлся г. Антоновичъ; признаетъ ли онъ во вниманіе все что слѣдуетъ? Нельзя не отдать ему справедливости, что онъ отлично помнитъ все, что въ чужихъ словахъ показалось ему непріятнымъ. Неразъ уже онъ жаловался на обиды и теперь перечисляетъ ихъ подробице прежняго. Онъ упоминаетъ о томъ, что «Русскій Вѣстникъ» поставилъ его на одну доску съ Иваномъ Яковлевичемъ. Помнитъ онъ и то, что «Отечественныя Записки» назвали его прямо сумасшедшимъ, нуждающимся въ медицинскою помощи. Вообще въ отношеніи къ порицанію г. Антоновичъ оказывается необыкновенно чуткимъ. Въ одномъ изъ моихъ писемъ

я упомянулъ, что по мнѣнію «Русскаго Вѣстника» г. Антоновичъ понятія ценитъ о томъ, что значить мыслить. Г. Антоновичъ положительно говоритъ, что я раздѣляю это мнѣніе. Въ другой разъ я высказалъ въ видѣ осторожнаго предположенія, что можетъ-быть г. Антоновичъ еще негодится для того, чтобы писать о Гегелѣ; г. Антоновичъ говоритъ такъ, какъ-будто я считаю это предположеніе несомнѣннымъ. Наконецъ однажды я заимствовалъ изъ одной нѣмецкой книги мысль, что «недолжно писать о томъ, чего незнаешь» и украсилъ этою мыслью свое письмо къ вамъ, неотнося ее ни къ кому особенно. Г. Антоновичъ и ее принялъ на свой счетъ. Это вы мнѣ, говоритъ, правоученія читаете.

Все это безъ сомнѣнія прекрасно. Очень хорошо дѣлаетъ г. Антоновичъ, что онъ помнитъ рѣчи, о немъ сказанныя; очень похвально, что онъ примѣняетъ къ себѣ правоученія, которыя находятъ въ книгахъ.

Но вѣдь этого еще очень недостаточно, слишкомъ мало для того, чтобы понимать свое положеніе. Для такого пониманія нужно помнить не только то, что сказано, но и то, за что сказано. И въ этомъ отношеніи, какъ оказывается, г. Антоновичъ совсѣмъ не такъ памятливъ, какъ нужно бы желать.

Объ одной изъ статей «Современника» я сказалъ, что судить о ней легко, что она есть *совершенная дичь*. Г. Антоновичъ это помнить и жалуется на такой отзывъ. Дурно онъ дѣлаетъ только то, что забываетъ статью, о которой шло дѣло. Это была статья г. Чернышевскаго о паденіи Рима, статья, въ которой утверждалось, что Римъ палъ *только отъ варваровъ, что никакихъ внутреннихъ причинъ для его паденія не было*. «Современникъ» раза три пытался опровергать нѣкоторыя мысли, высказанныя мною по этому поводу; а теперь уже молчитъ, и о знаменитой статьѣ нѣтъ и помину.

Помнить г. Антоновичъ, что я предполагалъ его неспособнымъ писать о Гегелѣ. Онъ обижается отзывомъ, и чтобы устранить его, начинаетъ разсуждать о категоріяхъ. Гм! категоріи! Какой важный и, смѣлюсь сказать, трудный предметъ! Г. Антоновичъ прежде утверждалъ, что существуетъ два рода категорій; теперь онъ онъ даетъ дѣлу такой видъ, будтобы онъ хотѣлъ только сказать, что Кантъ и Гегель различно смотрѣли на категоріи. Еслибы такъ, кто бы съ нимъ не согласился? Но въ заключеніе Гегель все-таки выходитъ у г. Антоновича какимъ-то *полупомышаннымъ* (по выраженію г. Антоновича). «По Гегелю — говоритъ онъ — категоріи принадлежатъ не человѣку, не человѣческому мышленію. Онѣ существуютъ не въ головѣ человѣка» и проч. Чтобы дать нѣкоторое понятіе о томъ, какъ остроумно толкуетъ Гегеля г. Антоновичъ, возьмемъ простой примѣръ. Положимъ: человѣкъ видитъ домъ. Представьте, что

Гегель по этому случаю сдѣлалъ бы слѣдующее простое замѣчаніе: домъ однакоже не находится въ человѣкѣ. А г. Антоновичъ кричитъ: смотрите, смотрите! Гегель утверждаетъ, что *не человекъ видитъ домъ, что видѣніе совершается виль человека!*

Еслибы дѣйствительно было два рода категорій, какъ сперва полагалъ г. Антоновичъ; еслибы напримѣръ въ головѣ человека были однѣ категоріи, а дѣйствительности другія, тогда конечно Гегель былъ бы полупомѣшаннымъ. Но въ томъ все и дѣло, что существуютъ только одного рода категорій, что то самое, что видитъ человекъ, существуетъ однакоже внѣ человека. И этому не противорѣчитъ то обстоятельство, что иногда человеку мерещатся вещи несуществующія.

Да впрочемъ — что категоріи! Зачѣмъ г. Антоновичъ даетъ себѣ важный видъ, будтобы онъ споритъ о категоріяхъ? Вѣдь въ прежнемъ моемъ письмѣ я сдѣлалъ о нихъ замѣчаніе мимоходомъ; вѣдь заключеніе о томъ, что г. Антоновичъ можетъ-быть негодится еще для того, чтобы писать о Гегелѣ, было строго выведено мною *ранше тѣхъ десяти строкъ*, которыя столь усердно выписываетъ и разбираетъ г. Антоновичъ. Отчего же онъ помнитъ заключеніе, а не помнитъ посылку, изъ которыхъ оно прямо вытекаетъ?

Г. Антоновичъ сердится, что его называютъ юнымъ; въ этомъ случаѣ онъ повидимому справедливо жалуется на личность. Но собственно говоря, каждый разъ, когда дѣло идетъ объ его юности, онъ долженъ бы былъ вспоминать, что объ этой юности возвѣстия читающему міру г. Чернышевскій. Вотъ грѣхъ, на который намекаютъ эти шутки.

Г. Антоновичъ примѣнилъ къ себѣ правоученіе: недолжно писать о томъ, чего незнаешь. Но онъ какъ-видно забылъ почему это правоученіе такъ удобно къ нему примѣняется: примѣняется потому, что онъ вздумалъ утверждать, будтобы нѣмцы стали опровергать цѣлыя науки и будтобы Гаймъ отрицаетъ философію.

Г. Антоновичъ припоминаетъ, какъ объ обидномъ отзывѣ, о томъ, что сказано въ вашей критикѣ: что Тургеневъ показалъ «Современнику», что онъ понимаетъ «Современникъ» лучше самого «Современника». Но г. Антоновичъ совершенно забываетъ, что у васъ это не только сказано, но и доказано. Ни одинъ журналъ столько не возился съ «Современникомъ», какъ вашъ, но ни одинъ же не отдавалъ ему такой справедливости и такъ вѣрно не цѣнилъ его.

Еслибы г. Антоновичъ все это и многое другое подобное помнилъ и сообразилъ, то можетъ-быть онъ иначе бы понялъ и оцѣнилъ жестокіе отзывы о «Современникѣ» вообще и о немъ въ частности. Безъ причины ничего не бываетъ. Теперь же г. Антоновичъ только дивится и жалуется. «Это все одна злоба», говорятъ онъ. «И

зависть», прибавляет почтенный, но веселый хроникеръ въ той же книжкѣ «Современника». Такіе отзывы всего лучше показываютъ, какъ мало сотрудники «Современника» понимаютъ, почему они попали въ *опальное* положеніе.

Всѣмъ извѣстно, съ какимъ уваженіемъ «Время» смотритъ на литературу; оно считаетъ ее самымъ правильнымъ, наиболѣе органическимъ явленіемъ нашей современной жизни. «Время» усердно занимается литературой, постоянно слѣдитъ за ней. Понятно, что оно должно было придти въ антагонизмъ съ «Современникомъ», какъ съ журналомъ, который также занимается критикою и который не даетъ литературѣ ея настоящаго значенія и называетъ ее «праздною болтовнею». Понятно, что этотъ антагонизмъ долженъ былъ выражаться не только въ каждой книжкѣ, но почти въ каждой критической статьѣ. А г. Антоновичъ говоритъ: «все это — одна злоба!» «И зависть», прибавляетъ хроникеръ.

«Время» указывало на народность, заявляло желаніе искать народнаго духа во всѣхъ проявленіяхъ нашей жизни, искать сближенія съ нимъ. Для «Современника» все это были пустыя фразы и онъ ждалъ спасенія отъ «хорошихъ книжекъ» г. Чернышевскаго. Антагонизмъ былъ неизбѣженъ. «Все одна злоба», говоритъ г. Антоновичъ. «И зависть», прибавляетъ хроникеръ.

Въ выборѣ своихъ беллетристическихъ статей «Время» останавливалось особенно на такихъ, въ которыхъ просвѣчиваютъ положительныя стороны нашей народной жизни. «Современникъ» до сихъ поръ держится въ своей беллетристичѣскаго направленія. «Время» высоко чтитъ Пушкина, какъ единственную звѣзду первой величины въ нашей литературѣ; для «Современника» Пушкинъ есть поэтъ эротическій и военный. «Современникъ» сравнилъ Тургенева съ Аскоченскимъ; «Время» вооружилось за романиста. «Все одна злоба», говоритъ г. Антоновичъ. «И зависть», прибавляетъ хроникеръ.

Что касается до меня, то я указалъ на то, что «Современникъ», поддерживая свои идеи, доходитъ до отрицанія *общихъ авторитетовъ*, напримѣръ поэзіи, исторіи, философіи, литературы. Три раза «Современникъ» пробовалъ отстранить этотъ упрекъ, а теперь онъ о немъ и не помнитъ. «Все одна злоба», говоритъ г. Антоновичъ. «И зависть», прибавляетъ хроникеръ.

Зависть и злоба! Не странно ли, что дѣло принимаетъ такой исключительно личный характеръ въ глазахъ сотрудниковъ «Современника»? Послушать ихъ, такъ «Время» только изъ-за того и бьется, чтобы доказать, что г. Антоновичъ не умѣетъ мыслить; какъ-будто кому-нибудь это нужно!

Чтоже удивительнаго, что на «опальный журналъ» ссылаются

упреки въ сумашествіи и дикости, когда онъ въ самомъ дѣлѣ не всегда отличается здравомысліемъ и образованностію? Пишущіе въ этомъ журналѣ какъ кажется не могутъ себѣ представить, чтобы можно было стоять за что-нибудь, кромѣ какъ за себя, чтобы у человѣка могли быть какіе-нибудь высшіе интересы, кромѣ самолюбія, чтобы можно было безъ всякаго своекорыстія ревностно служить наукѣ, литературѣ, поэзіи. Между тѣмъ такое служеніе есть истинно человѣческое дѣло и должно быть особенно понятно именно писателямъ. Только это служеніе даетъ писателю сознаніе собственного достоинства и право на то уваженіе, съ которымъ обыкновенно смотрятъ на него простые читатели. Если мы и враждуемъ между собою, если оспариваемъ и осмѣиваемъ другъ друга, то уваженіе къ намъ не утрачивается только потому, что въ этихъ бояхъ видятъ не одну борьбу своекорыстія, не одни зловѣстическіе интересы, но чувствуютъ въ нихъ также присутствіе безконечно высокаго и драгоцѣннаго интереса — истины.

И слѣдовательно люди, которые даютъ всему дѣлу личный характеръ, которые въ поемахъ противъ нихъ видятъ одно *нападеніе, преслѣдованіе, одну зависть и злобу*, которые пришли къ мысли, что изобличеніе ихъ даже на поприщѣ истины не есть услуга для общаго блага, а только враждебное дѣйствіе противъ нихъ, — однимъ словомъ люди, которые бываютъ склонны ставить личности выше истины, обнаруживаютъ этимъ глубокой цинизмъ своихъ понятій. Они не вѣрятъ, что можно выше всего дорожить истиною; а кто этому не вѣритъ, тотъ вмѣстѣ показываетъ, что и самъ онъ мало дорожитъ ею.

По этому случаю приведу здѣсь жестокое слово, которое было произнесено по поводу вашей статьи о Добролюбовѣ и о которомъ кстати упомянуть здѣсь. Въ одномъ журнальцѣ было сказано, а въ другомъ повторено, что эта статья представляетъ нѣкотораго рода «преслѣдованіе человѣка за гробомъ». Преслѣдованіе за гробомъ! Какое упрекъ? Какое чудовищное предположеніе, высказываемое однакоже съ величайшею легкостью! Какъ не узнать въ этомъ уже не поклоненія авторитету, а даже прямо фанатизма, то-есть слѣпотаго поклоненія, при которомъ предметъ поклоненія стоитъ выше всякой критики? Даже самая формула напоминаетъ нѣчто священное: — за гробомъ! Очевидно все похожее на *изслѣдованіе* должно имѣть названіе *преслѣдованіемъ*. Они хорошо чувствуютъ, что кто началъ мыслить о предметѣ, тотъ уже пересталъ благоговѣть передъ нимъ, и потому статья, которая дѣйствительно говоритъ о Добролюбовѣ, имъ непремѣнно кажется статьею *противъ* Добролюбова.

Сотрудники «опальнаго» журнала не даромъ чувствуютъ, что ихъ трактуютъ высокомерно, что каждый разъ, когда о нихъ су-

дять, сужденіе получаетъ непріятную для нихъ вѣсковость. Но откуда же это высокоумѣріе? Отчего люди въ сущности скромные, заговоривъ о «Современникѣ», кажутся высокоумѣрными? Что придаетъ тяжесть сужденіямъ? Легко убѣдиться, что эти рѣчи становятся гордыми и тяжолыми не отъ того, кто ихъ произноситъ, а отъ того, *во имя чего* онѣ произносятся. Немудрено, что судъ, произносимый во имя логики, науки, искусства, литературы, является высокоумѣрнымъ, безошаднымъ; въ самомъ дѣлѣ на него вѣтъ апелляціи.

Итакъ я опять говорю объ общихъ авторитетахъ, объ истинѣ, наукѣ, литературѣ и проч. Пусть не ошибается г. Антоновичъ въ смыслѣ моего письма; я не сталъ бы писать, еслибы дѣло состояло только въ защитѣ отъ его нападеній. И это не высокоумѣріе, не натянутое презрѣніе: это настоящее, правильное отношеніе къ дѣлу.

Правильная точка зрѣнія всего менѣе понятна для людей, для которыхъ личности заслоняютъ предметъ рѣчи. Что-бы ни говорилось и какъ бы ни говорилось, они во всемъ этомъ хотятъ видѣть только одно: говорится ли за нихъ, или *противъ* нихъ. Поэтому самыя простыя и ясныя рѣчи получаютъ въ ихъ глазахъ превратный смыслъ. Они доходятъ до того, что рѣчей безпристрастныхъ вовсе не повимаютъ. Если хотите видѣть доказательство этому, прочтите то что говорится въ «Искрѣ» противъ вашей статьи о Добролюбовѣ. То что у васъ сказано явно въ похвалу Добролюбову, тамъ принимается за порицаніе, и «Искра», опровергая васъ, пытается объяснить читателямъ то самое, что у васъ же объяснено гораздо отчетливѣе.

Однѣ изъ самыхъ забавныхъ случаевъ непониманія представляется между прочимъ тотъ же № 4 «Современника», гдѣ красуется статья г. Антоновича противъ васъ. Въ «внутреннемъ обозрѣніи» нѣразъ упоминается о томъ, что «Время» будтобы *злостно продериваетъ* слово *бесподовать*. Очень живо помню, гдѣ и о комъ сказано во «Времени» это слово. Оно имѣетъ тамъ свой естественный, законный смыслъ и не содержитъ ни малѣйшаго злобнаго намека. Очень странно, что такимъ образомъ простѣйшія въ мірѣ слова подвергаются особенному толкованію и подозрѣваются въ нѣкоторомъ злоумышленіи. Это непониманіе, это уклоненіе отъ прямого смысла рѣчи, происходитъ вслѣдствіе того, что непремѣнно желаютъ отыскать похвалу или порицаніе, и потому утрачиваютъ способность понимать простое сужденіе, способность мыслить внѣ заколдованнаго круга личностей.

Въ этомъ отношеніи какъ много выше пишущихъ въ «Современникѣ», г. Писаревъ, писатель, котораго важное значеніе я первый

открылъ и которымъ я всегда пользуюсь, когда мнѣ въ видѣ укоризны нужно привести примѣръ чистосердечія и прямоты.

Одинъ только разъ возражалъ мнѣ г. Писаревъ и вотъ что онъ сказалъ :

«Возрѣнія не могутъ быть ни истинны, ни ложны; есть мое, ваше возрѣніе, третье, четвертое и т. д. Которое истинно? Для каждаго свое. и потому я совершенно согласенъ съ словами г. Н. Ко, который онъ хотѣлъ сказать мнѣ *въ нику*: «Давайте всѣ мыслить самостоятельно, и чуръ одинъ другому не мѣшать!». Нашоу въ чемъ упрекнуть! Въ самостоятельности мысли. Давай-богъ побольше такихъ обличителей, которые, желая обругать, говорятъ комплименты.» («Р. Слово» 1861 г. № IX.)

Какъ видите, г. Писаревъ совершенно согласенъ съ моимъ замѣчаніемъ, хотя считаетъ его съ моей стороны упрекомъ; можно ли же его сравнить съ тѣми, которые не соглашались даже съ похвалами только потому, что никакъ не разберутъ въ чемъ дѣло и подозреваютъ въ нихъ *желаніе обругать*? (1)

И. КОСИЦА.

(1) Мы находимъ это письмо весьма недостаточнымъ и удивляемся легкомыслию и односторонности своего сотрудника. Считаю нужнымъ прибавить крайней-мѣрѣ слѣдующія замѣчания :

1) Г. Антоновичъ нашолъ у насъ множество противорѣчій и требуетъ ихъ разъясненія. Эхъ вы! Чудачина! (Мы пародируемъ здѣсь манеру г. Антоновича и допускаемъ такое обращеніе только въ этомъ смыслѣ.) Да мало ли противорѣчій мы вамъ указывали у васъ, а вѣдь вы имъ *одного* изъ нихъ и не подумали разъяснить. Чтоже вы къ намъ-то пристали?

2) Г. Антоновичъ опять предлагаетъ «Времени» множество вопросовъ. Онъ проситъ, чтобы «Время» его *научило* и основываетъ свою просьбу на томъ, что онъ подписчикъ «Времени» и заплатилъ за журналъ 16 рублей. Редакція самъ уведомляетъ его, что она никакъ не брала, а равно не можетъ взять на себя и впредь трудную обязанность научить его, а потому готова по первому востребованію возвратитъ ему деньги, съ вычетомъ однакоже за полученныя имъ книжки.

3) Г. Антоновичъ требуетъ отъ г. Косицы, чтобы тотъ объяснилъ ему, о какомъ идеализмѣ идетъ рѣчь въ письмѣ: «Примѣръ апатіи». Неимѣя нмало въ виду «придираться къ физиономіи» г. Антоновича (извините за его собственное выраженіе), мы замѣтимъ вообще, что всякій человекъ, дѣлающій такой вопросъ, очевидно съ трудомъ еще понимаетъ связь предложеній, стоящихъ одно возлѣ другого. Иначе онъ не могъ бы упустить изъ виду, что въ разбираемой имъ статьѣ тутъ же стоитъ прямое опредѣленіе идеализма, съ его вредной стороны. «Не все ли зло — сказано нами — происходитъ оттого, что мы слишкомъ уважаемъ то, что не слѣдуетъ уважать, считаемъ важнымъ то, что не имѣетъ никакой важности? Что мы такъ охотно признаемъ право тамъ, гдѣ нѣтъ права, что мы такъ легко жертвуемъ собою, такъ легко вездѣ творимъ себѣ идоловъ и кумиры?»

А потомъ вотъ еще: съ какой стати г. Антоновичъ клеветъ на насъ, будто мы «Современникъ» сравнивали съ Базаровымъ? Это было бы ужъ непростительно дерзко съ нашей стороны. Мы разъ какъ-то осмѣлились уподобить его Ситникову, да и это сдѣлали съ разными оговорками. Нужно же вѣдь и врагамъ отдавать справедливость. *Ред.*

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Французскія дѣла. — Великодушіе Миреса. — Заботы правительства о семействѣмъ нѣкоторыхъ дамъ. — Полицейскія преобразованія. — Собачья выставка. — Финансовыя дѣла. — Пріѣздъ египетскаго вице-короля.

Германскія дѣла. — Гессенскій вопросъ. — Прусско-австрійское либеральничанье. — Покорность гессенскаго курфюрста. — Открытіе прусскаго парламента.

Итальянскія дѣла. — Римскій вопросъ. — Гойонъ-лавалеттовское перемѣщеніе. — Король въ Неаполь. — Арестъ волонтеровъ.

Мексиканскія дѣла. — Распаденіе англо-испано-французскаго союза. — Дѣйствія и оправданія французскихъ войскъ.

Американскія дѣла. — Взятіе Новаго-Орлеана. — Изобрѣтательность въ свободныхъ штатахъ. — Сущность войны.

Последнія извѣстія.

Французскія дѣла

Нынешній мѣсяцъ необыкновенно благопріятенъ по части политикѣ во Франціи. Извѣстія все такія пріятныя, успокоивающія, такъ усладительно дѣйствующія на благомыслящаго и благонамѣреннаго читателя, что нѣтъ овладѣваетъ умиленіе. Прогрессъ дошелъ до того, что высшимъ двигателемъ человѣчества повиданному сдѣлалось чувство приличія, чувство вѣшняго благообразія поступковъ. Отъ этого политическія дѣла имѣютъ теперь пріятно-улыбающійся видъ, а человѣчество въ своемъ благополучномъ спокойствіи похоже на отдыхающаго капиталиста. Добродушіе проникаетъ во всѣ человѣческія отношенія, такъ что даже знаменитый Миресь сдѣлался добродѣтельнѣйшимъ изъ смертныхъ: онъ теперь заботится о вознагражденіи своихъ бывшихъ довѣрителей и акціонеровъ за всѣ понесенныя ими убытки. О себѣ самомъ никогда онъ не заботился и не хлопоталъ, потому что вся его дѣятельность обращена была на выгоды людей, ввѣрившихъ ему свои капиталы; если же у него

оказалось немалое количество мильоновъ, а довѣрители разорились, то это такъ только случилось, можетъ-быть потому, что судьба вознаграждала его за прекрасныя намѣренія, а злонамѣренные люди, изъ зависти, посредствомъ процесса не дали этимъ намѣреніямъ исполниться. Тутъ онъ уже невиновать, если у него остались мильоны, а довѣрителямъ досталось разоренье.

Но вотъ онъ вторичнымъ судомъ оправданъ, и совѣстно ему своихъ мильоновъ. Онъ непремѣнно хочетъ доставить и имъ мильоны, только конечно не свои. И вотъ онъ предпринялъ новую продѣлку, которая однакоже ему не удалась, все по злонамѣренности завистниковъ. Онъ объявилъ новый государственный заемъ, величиною въ какую-нибудь сотню мильоновъ франковъ, необозначая, какое это государство занимаетъ. Человѣчество такъ добродушно, что нашлись простаки, которые довѣряли ему, приносили ему деньги въ его знаменитую кассу желѣзныхъ дорогъ. Вотъ что онъ потомъ самъ напечаталъ въ газетахъ:

«Въ своемъ пламенномъ желаніи вознаградить акціонеровъ кассы желѣзныхъ дорогъ за потери, понесенныя ими вслѣдствіе всѣхъ извѣстныхъ обстоятельствъ, я старался прискать операцію, которая была бы и выгодна, и въ тоже время не лежала бы на моей личной отвѣтственности. Мнѣ показалось, что государственные займы заключаютъ въ себѣ это двойное свойство, и чтобы лучше достигнуть своей цѣли, я придумалъ замѣнить обыкновеніе банкировъ, которые договариваются съ государствами, еще неимѣя въ рукахъ капиталовъ, — другою системой: собрать прежде капиталы. Такимъ образомъ будущій заемный контрактъ долженъ былъ составляться не въ пользу занимающаго государства и банкира, а въ пользу настоящихъ заимодавцевъ, то-есть подписчиковъ займа, которые одни и даютъ капиталы всѣхъ займовъ. Эта операція должна была въ тоже время доказать и довѣріе ко мнѣ, и уже являлись, подобно какъ въ турецкомъ займѣ 1860 года, счастливые симптомы успѣха; стало-быть я пользовался общою симпатіей. Мнѣ явразу не пришло въ голову, чтобъ эта операція, назначавшаяся для вознагражденія столькихъ потерь, могла возбудить какія-нибудь затрудненія. Но вчера поутру политическія и финансовыя газеты получили слѣдующее сообщеніе (тогда какъ мнѣ ничего не было возвыщено заранѣе): «Дирекція печати приглашаетъ газеты воздерживаться впредь до новаго распоряженія, говорить съ публикой посредствомъ объявленій или иначе, о проектѣ займа Миреса.» Я тотчасъ отправился въ министерство внутреннихъ дѣлъ, но не могъ встрѣтить е. пр. г. министра, я долженъ былъ осѣдомиться о поводахъ этого неожиданнаго распоряженія у г. директора печати. Онъ не могъ

сдобивать мнѣ ладныхъ объясненій, и я ожидалъ, что отъ меня въразумно будутъ требовать объясненій, такъ какъ самая форма вышеприведеннаго извѣщенія показываетъ, что вопросъ не окончательно рѣшенъ. Но слѣдующее письмо, полученное мною вчера вечеромъ, показало мое положеніе въ другомъ свѣтѣ. Секретарь французскаго банка явственно объявлялъ мнѣ, что данная мнѣ банкомъ возможность помѣщать туда капиталы на текущіе счета у меня отнята. Ясно, что рѣшеніе постановлено окончательно и мнѣ не позволяютъ жидовать предположенной операціи. А сегодня утромъ въ «Монитерѣ» напечатано вотъ что: «Нѣкоторыя газеты вчера вечеромъ и сегодня утромъ напечатали программу войны; содержаніе программы принудило правительство пригласить газеты не перепечатывать ее.» Какъ бы то ни было, хоть я и не выношу въ погребъ, понесенныхъ акціонерами кассы желѣзныхъ дорогъ, потерь немоща я настаиваю на предположенной цѣли: беречь ихъ выгоды. И я надѣюсь еще, что своими объясненіями докажу, въ какомъ охранительномъ духѣ была задумана объявленная мною финансовая операція. Но покаместъ до новаго объявленія молиться отлагается.»

Ну гдѣ же встарину можно было найти подобнаго банкира? Онъ и спать не знаетъ, какъ бы доставить барыши своимъ довѣрителямъ, а правительство озабочиваетъ ему руки, а банкъ даромъ не беретъ отъ него денегъ. И гдѣ же, съ другой стороны, бывали встарину такіа повелительная правительства, которыя такъ внимательно озирали гражданъ и ихъ карманы отъ вожделѣній добродѣтельныхъ господъ Мирзевъ? Да встарину не было и правительства, которыя такъ усердно заботились бы о чистотѣ нравовъ гражданъ!

Напримѣръ въ булонскомъ клубѣ происходила на дняхъ кобытія, возбужденіе дѣятельность прашельства въ львоней степени. На тамошнихъ гуляньяхъ бывають всаній, отъ рабочаго съ женою до банкира съ супругой; бывають и дамы, нѣбующія отъ дула до патшалати и болѣе мужей. Эти дамы являютса на гулянья въ великолѣпнѣйшихъ аманьякахъ, въ роскошнѣйшихъ костюмахъ, въ граціозныхъ подолжечныхъ положепіяхъ, съ своими спокойными; насладистами а парюю и нахальными взаладами. Помятно, что въ некоторыхъ группахъ гуляющихъ, честныхъ, хотя и не очень денежныхъ людей омерзблается присутствіемъ подобныхъ особъ; вокругъ ихъ вышней образовались даже враждебныя скопища рабочихъ, такъ что эти дамы сочла для себя болѣе удобнымъ удалиться во всю прыть своихъ рысаковъ. Потому на гуляньяхъ публича вообще стала дурно встрѣчать эту даму. Одна изъ нихъ, похрабрѣе и поспокойнѣе другихъ, не убажала и держала себя такъ, какъ-

будто презирала свистки публички; за это конечно публичка выпустила въ нее нѣсколько камней и комковъ грязи. Прискорбныя сцены эти повторялись даже въ театрахъ, такъ что правительство поручило полицейской префектурѣ подвергнуть вопросъ объ этихъ дамахъ тщательному изученію. Какъ же въ этомъ случаѣ распорядиться? Задача трудная. Попечительнаго-заботливаго правительства Франціи этихъ не доволъствуется: оно хочетъ, чтобы всѣмъ на свѣтѣ было хорошо и удобно, и потому обдумываетъ, какъ распорядиться съ этими дамами. Преслѣдовать ихъ роскошью и запрещать ее? Но тогда гдѣ же уваженіе къ личной свободѣ? Или не приставить ли къ каждой публичной женщинѣ по полицейскому сержанту, въ видѣ охранительной стражи и въ видѣкъ арестованія любителей кидать грязью? Но эти дамы сами не захотятъ такого почета: это совершенно подорветъ ихъ прелесть, которая выгодна только въ такомъ случаѣ, когда онѣ съ виду ничѣмъ не отличаются отъ порядочныхъ женщинъ. Говорать, что полиція намѣрена выгнать этихъ дамъ изъ Парижа. Но тутъ возникаетъ весьма щекотливый вопросъ: какъ доказать, что подобная дѣла разработываетъ карманы нѣсколькихъ дураковъ? Многія изъ нихъ, самыя отъявленныя, обрабатываютъ не вдругъ по нѣскольку простаконъ, а сначала одного, потомъ другого, потомъ третьяго, и такъ далѣе, до безпомощности или до слишкомъ рѣзкихъ морщинъ. Какъ бы тутъ на первыхъ порахъ не надѣлать промаховъ? Развѣ принять за правило — выгонять, только извѣстнѣйшихъ вредъ Ригельбени? Но тутъ возникаютъ важныя затрудненія. Впервыхъ это бесполезно, потомучто подниметъ цѣну остающихся, которая въ скоромъ времени тоже сдѣлается извѣстнѣе, а вторыхъ это вредно, потомучто эти дамы будутъ проживать доходы своихъ дорогихъ любителей въ другомъ мѣстѣ, не въ столицѣ роскоши и моды, стало-быть произойдутъ очевидныя убытки для промышленности и торговли. Какъ же тутъ быть? Вѣдь скандальныя исторіи могутъ повториться на гулянкахъ и въ театрахъ. Ужасно мудреная задача! Но въ полицейской префектурѣ засѣдаютъ умныя головы; онѣ вѣрно придумаютъ рѣшеніе къ вѣщой славѣ Франціи и въ тоже время къ торжеству спокойствія, порядка и промышленности.

А что полиція найдетъ рѣшеніе, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія: она, несмотря на высокую степень своего совершенства, все стремится еще къ совершенствованію. Самъ его вр. генераль-прокуроръ убѣжалъ въ Англію для изученія на мѣстѣ тамошнихъ полицейскихъ порядковъ. Ему не давалъ до сихъ поръ свѣтъ одинъ случай, бывшій много лѣтъ тому назадъ съ однимъ принцемъ, изгнаннымъ и жившимъ въ Лондонѣ, именно съ Луи Бона-

картомъ. Возвратясь какъ-то вечеромъ домой, этотъ принцъ замѣтилъ, что у него украденъ кошелекъ. На другой день, только-что онъ собирался вставать, является полиціонъ съ его кошелькомъ и говоритъ: «Человѣкъ, который васъ обокралъ, былъ остановленъ почти на мѣстѣ. Сведенный въ полицію, а потомъ въ судъ, онъ приговоренъ къ тюремному заключенію на нѣсколько мѣсяцевъ, и наказаніе его началось сегодня.» Пораженный такою судьбою быстротю, принцъ далъ себѣ слово, что если когда-нибудь судьба вручитъ ему власть, то онъ постарается ввести въ своей странѣ эти быстрые и хорошіе судебные порядки.

Неизвѣстно, что генераль-прокуроръ не спалъ ночей; неизвѣстно, что онъ поблалъ въ Англію учиться. А тамъ есть-таки чему поучиться по судебной части. На дняхъ тамъ произнесенъ блистательный приговоръ надъ осмыслитиимъ дитятей, приговоръ, который вставлялъ бы призвудуматься самого царя Соломона и всю мудрость его. Осмыслитнее дитя забавлялось разставляньемъ силковъ у кроличьихъ норъ. Но эти норы и эти кролики принадлежатъ не ребенку; въ этомъ весь вопросъ; а то почему не позаботиться устройствомъ силковъ? На-бѣду попался въ одну изъ ветель кроликъ. Вообразите же восторгъ дитяти! Кроликъ! живой, настоящій кроликъ! Побѣда неоцѣненная! Бѣжитъ дитя домой въ припрыжку, неслова подъ собою ногу, и попадаетъ съ добычей своею въ тюрьму и въ судъ. По надлежащемъ разсмотрѣніи дѣла и по соображеніи подлежащихъ обстоятельствъ, судъ приговорилъ его или къ четырехмѣсячному тюремному заключенію, или къ уплатѣ шести фунтовъ стерлинговъ штрафу, то-есть около сорока рублей серебромъ. По этому случаю бѣдная мать имѣла по крайней мѣрѣ право заложить себя или продать, чтобъ избавить свое дитя отъ тюрьмы.

Дѣло въ томъ, что стоитъ ли ѣздить за море учиться такой нечеловѣческой юстиціи? Гораздо проще — оставаться дома и заниматься домашними дѣлами, напримеръ собачьей выставкой.

Эта собачья выставка — вовсе не шутка. Во Франціи дѣла такъ широко устроились, приняли такое однообразно-правильное теченіе, что внутри страны не превосходитъ ровно ничего необыкновеннаго, страннаго, замѣчательнаго, выходящаго изъ колен. Блаженна страна, гдѣ уже замѣчательное событіе составляетъ проектъ выставки собакъ!

11 мая въ ботаническомъ саду въ Парижѣ собралось нѣсколько ученыхъ знаменитостей на важное совѣщаніе. Они рѣшили единогласно: устроить въ Парижѣ всемірную выставку собачьихъ породъ, разбланныхъ по земному шару. Выставка будетъ въ маѣ нѣслѣ будущаго года, чтобы визионары успѣли прилѣтъ изъ са-

мыкъ отдаленныхъ странъ сѣта, для устройства зрѣлища столь же новаго, сколь и поучительнаго. Дизеяны европейскыхъ породъ должны быть какъ можно чище, то-есть соединять въ себѣ всѣ наиболѣе рѣзкіе отличительные признаки своихъ свойствъ. Позиція конечно непреминетъ сдѣлать надлежащія распоряженія о поддержаніи надлежащаго порядка какъ между субъектами, такъ и между объектами.

Большо я нѣтъ никакихъ политическихъ извѣстій изъ Франціи. Вотарину, при королѣ Луи-Филиппъ была говорившая трибуна и съ значительной степенью свобода печатъ. Съ голосу той и другой прислушивалась Европа. Теперь же нѣтъ ни научной, ни политичной болтовни, зато дѣла и идутъ какъ по маслу. Наканникъ нѣтъ програна на пути гармоническаго развитія внутреннихъ и внешнихъ силъ государства, процвѣтанія, благополучія и т. д. Какой-нибудь недочетъ въ нѣсколько сотъ миліоновъ — ничего: потомство будетъ за него платить проценты. Бросить корпусъ войска за осыаи — ничего: потомство заплатитъ проценты на всемыа издержки, а слава останется въ чистомъ барышѣ. Перестроить городъ — ничего не значить: за все отбѣтитъ потомство. И теперь городъ Парижъ дѣлаетъ новый заемъ во 125 миліоновъ франковъ на новыа работы для общественной пользы. Между этими общепользыа работами первое мѣсто занимаетъ постройка громаднаго триумфальнаго арка въ память побѣды французскихъ войскъ во вторую имперію въ Крымъ, въ Италію, въ Китаѣ, въ Кохинхинѣ, въ Мексикѣ. На этотъ моментъ войдетъ 30 миліоновъ, а остальное — оидеть на перестройку города.

Но не рано ли невозможно строить арку въ память побѣды второй имперіи? Вѣдь она еще не кончилась, не сошла со сцены, и такъ какъ война составляетъ повидному необходимое условие ея существованія, то побѣды еще впереди. Какъ можетъ-быть и послѣдующія побѣды всѣ войдутъ въ эту арку? Надо бы предложить комиссійской префектурѣ подвергнуть наученію и этотъ вопросъ, такъ какъ триумфальная арка имѣетъ послѣдующее дѣйствіе, а не сдѣлано еще, чтобы она дѣйствовала на побѣды какъ-нибудь предупредительно.

Но для возведенія перестройки Парижа, для триумфальныхъ арокъ и оперныхъ театровъ далеко недостаетъ на 1868 годъ войска въ 125 миліоновъ. На эти общепользыа работы сверхъ того положено въ бюджетѣ 139 миліоновъ. Въ концѣ года ожидается еще, сколько будетъ передержано сверхъ вѣдѣ 264 миліоновъ. Но что же значить теперь эти миліоны, когда проценты на нихъ будутъ платить государство, благодаря системѣ займовъ!

Франція дѣйствительно чрезвычайно богата. Государственный доход ея, или правильнѣе сказать, общественная складчина увеличивается каждый годъ среднимъ счетомъ на 50 миліоновъ франковъ, а въ единдцать лѣтъ на 550 миліоновъ. Въ 1853 году складчина была 1450 миліоновъ, а на 1863 годъ исчислено 2000 миліоновъ. Съ тѣхъ поръ каждый годъ были передержки, и расколъ на будущій годъ опредѣленъ въ 2100 миліоновъ, что составляетъ недочетъ въ 100 миліоновъ, не считая того, что будетъ еще передержано. Вотъ свѣта расхода :

Уплата процентовъ по государственнымъ займамъ и пенсін	667,000,000 фр.
Расходъ по сбору доходовъ и уплатамъ	235,000,000 —
Расходъ по провинціямъ	223,000,000 —
Гражданскіе чины	272,000,000 —
Военные чины	536,000,000 —
Экстраординарныя работы	139,000,000 —
	<hr/>
	2,002,000,000 —

Если уже невозможно убавить расходы на столько, чтобы убавить сборы, то во крайней-мѣрѣ весьма легко израсходовать не больше того, что будетъ получено. Нетрудно указать, въ которыхъ статьяхъ должно бы сдѣлать сокращенія. Собрать вмѣсто 100,000 рекрутъ только 80,000, которыхъ съ излишкомъ будетъ довольно: вотъ уже экономія въ 64 миліона. Отнять отъ построекъ 39 миліоновъ: и то останется почтенная цифра. Убавить по нѣкоторымъ секретнымъ расходамъ на полицію миліоновъ на двадцать, такъ какъ въ этомъ отношеніи французское правительство дошло уже до мѣльчайшей роскоши въ количественномъ отношеніи. Такимъ образомъ будетъ остатокъ въ 31 миліонъ, который могъ бы пойти на погашеніе долга.

Но никакъ нѣтъ надобности и указывать это. Понятно само собою, что налоги дѣлаются сообразно съ предполагаемымъ расходомъ, вѣдь въ не долженъ быть тягостенъ, чтобы платежи были возможности всѣ довольны; поэтому расходъ долженъ быть какъ можно меньше, и передерживать нельзя, неестественно, нелогично.

Но все-таки не важно. Главное дѣло въ томъ, что во Франціи царствуетъ спокойствіе, что французскій націю сдѣлалась бы скучна, еслибы отъ времени до времени не развлекались они слухами объ усѣбахъ своего оружія въ Мексикѣ, въ Китаѣ и въ Кохинчинѣ, да пріѣздами разныхъ вѣнчаныхъ особъ.

Теперь Францію сильно занимаетъ пріѣздъ египетскаго вице-

короля Саада-пашы. Навстрѣчу ему въ Марсель было послано нѣсколько важныхъ лицъ. Французовъ очень занимаетъ его шаржажность, его умѣнье что-то говорить по-французски, и любители слуховъ разносятъ по городу различные болѣе или менѣе удачные его отвѣты. Напримѣръ его спросили: благополучно ли онъ совершилъ перѣздъ по Средиземному морю? — «Несомнѣнъ, отвѣчалъ Саадъ-паша, — потому что мы запасались углемъ въ Неаполѣ и въ Чивитавеккiи; эти два горючіе матеріала, итальянскій и римскій, никакъ не соглашались горѣть вмѣстѣ, и потому мы заповоздали».

— Какія у него счастливыя возраженія! говорятъ рассказчики.

— У него часто французскій умъ, замѣчаютъ слушатели.

— Воспитателемъ его былъ французъ, говорятъ болѣе серьезные люди, любящіе во всемъ отыскивать причины и начала.

Путешественіе вице-короля до Парижа было весьма торжественно: народъ вездѣ собирался на его пути и привѣтствовалъ гостя Франціи, какъ у насъ по станціямъ желѣзныя дорогъ обѣгались смотрѣть Шампль или друга его Александра Дюма. 17 мая его королевское высочество благополучно прибылъ въ Парижъ въ 5 часовъ вечера. Батальонъ 78 пѣхотнаго полка съ музыкой и знаменемъ стоялъ по обѣ стороны его пути по направлению къ дворцу. Затѣмъ произошло событіе, раздѣлившее много недоумѣній, сомнѣній и споровъ.

Многіе любители, принимая дѣятельное участіе въ придворныхъ слухахъ, спорили о томъ, какъ императоръ встрѣтитъ Саада-пашу: въ дверяхъ пріемной, наверху лѣстницы, среди лѣстницы или внизу лѣстницы. Вышло, что наверху, и спорщики усвоились. Остался первѣнонымъ одинъ вопросъ: кто встрѣтитъ его высочество внизу лѣстницы, первый камерлакей или первый камергеръ? Но послѣ встрѣчи императоръ ввелъ своего гостя въ залъ, гдѣ находилась императрица съ своимъ дворомъ.

Вотъ и всѣ политическія новости Франціи за послѣдній мѣсяцъ. Важнѣе этихъ событій ничего не было. Даже нѣтъ возможности занести въ нашу лѣтопись какихъ-нибудь желаній, наирѣній, надеждъ. Ничего этого нѣтъ, а если и есть, то все молчитъ и не выступаетъ наружу, благодаря заведенному порядку. Кое-что происходитъ во внутренней политикѣ, но корень, источникъ, центръ политики заключается въ головѣ императора; онъ конечно не дастъ никому отчета въ своихъ планахъ и наирѣнiяхъ, и потому французамъ не знаютъ, будетъ ли у нихъ завтра война, или переимѣнится царство, или все останется такъ, какъ сегодня.

ГЕРМАНСКІЯ ДѢЛА

Роли совсѣмъ перемѣнились. Въ противоположность французскому спокойствію теперь Германія находится въ большомъ волненіи. Гессенскій вопросъ поставилъ на ноги всю германскую дипломатію, и миролюбивыя, спокойныя нѣмцы волнуются точно французы — истарину. Въ первый разъ со времени основанія германскаго союза военная сила собралась для защиты народа противъ широконжнаго правительства. Чтобы понять эту бурю, надо нѣсколько оглянуться назадъ: исторія очень интересная.

Нѣтъ никакой надобности вспоминать далекую старину и подвиги владѣтельныхъ особъ Гессенъ-Касселя. Начнемъ съ герцога Фридриха II, во второй половинѣ прошлаго столѣтія, когда идея человеколюбія и справедливости проникали уже всюду. Фридрихъ II имѣлъ блестящій дворъ, содержалъ огромное относительно объема своихъ владѣній войско и съ 1776 года до 1784 постоянно имѣлъ 22,000 солдатъ въ распоряженіи Англіи, которая употребляла это войско въ Америкѣ, для покоренія возставшей колоніи своей, образовавшейся потомъ Соединенные-Штаты. По мановенію своего герцога нѣмецкіе люди отправлялись въ американскіе лѣса умирать за англійское дѣло. Теперь это уже не дѣлается, это уже невозможно; но въ прошломъ столѣтіи это дѣлалось зачастую. За свои послуги герцогъ получалъ отъ англійскаго правительства около 80 милліоновъ франковъ. Народъ конечно возмнилъ это очень хорошо. Его преемникъ Вильгельмъ IX принималъ участіе въ первыхъ войнахъ противъ французской революціи и въ 1803 году былъ возведенъ въ званіе курфюрста и тогда перемѣнилъ свою цѣну: сталъ называться Вильгельмомъ I. Послѣ сраженія при Іенѣ Наполеонъ, недовольный двусмысленною ролью, которую разыгрывалъ курфюрстъ, приказалъ занять его столицу Кассель французскимъ отрядомъ, а таллинскіи миромъ курфюрстъ гессенъ-кассельскій вычоркнутъ изъ списка государей: его владѣнія присоединены къ вестфальскому королевству.

Черезъ семь лѣтъ, въ концѣ 1813 года, курфюрстъ Вильгельмъ I возвратился въ свое государство. Ему непремѣнно хотѣлось вовсе выкинуть эти семь лѣтъ изъ исторіи, изъ природы, изъ дѣйствительности, и потому онъ рѣшилъ — не признавать никакой заочности въ законодательныхъ, политическихъ и административныхъ актахъ за все то время, когда Гессенъ-Кассель принадлежалъ къ вестфальскому королевству. Отъ этого въ частныхъ отношеніяхъ гражданъ возникло множество тяжбъ, процессовъ, особенно по ново-

ду совершенныхъ въ теченіе семи лѣтъ продажъ и покупокъ земель. Многіе изъ процесовъ не кончены и до сихъ поръ : дѣйствительность не соглашается быть вычеркнутою.

Въ своемъ крѣпкомъ пристрастіи къ старымъ формамъ курфирствъ даже возвратилъ своему войску мудраго того цесаря, какіе были до войнъ революціи : на три угла залпнутую шляпу, тосу и пудру на волосахъ. Возстановлены были и палки при обученіи солдатъ крикамъ. Восходя снова на тронъ своихъ предковъ, курфирствъ торжественнымъ манифестомъ объявилъ своимъ подданнымъ возвратити имъ собранія государственныя чины, какъ было до 1806 года, но съ уничтоженіемъ всѣхъ вѣдомствъ и принадлежій, которыя установились при старинномъ порядкѣ вещей. Дѣйствительно, въ 1815 и 1816. годахъ собирались государственныя чины. Тогда было повѣтріе на дарованіе конституцій; курфирствъ хотѣлъ также дать свою, и назначилъ комиссію важныхъ чиновниковъ, для сочиненія уставной грамоты. Сочиненіе это было уже совершенно готово и утверждено, какъ вдругъ курфирствъ замѣтилъ, что государственныя чины выказываютъ дополненіе къ независимости по поводу вопроса о финансахъ, и потому объявилъ, что конституція имъ никакой не будетъ. Вѣсто нея въ 1817 году онъ издалъ вѣсто вродѣ органическаго статута, отрывки изъ выработанной конституціи, но государственныя чины не созывалъ, собиралъ подати и издавалъ законы безъ нихъ. Смерть его въ 1821 году не измѣнила положенія дѣлъ. Его сынъ и преемникъ Вильгельмъ II увеличилъ число чиновниковъ, увеличилъ расходы и сдѣлалъ себѣ множество вартушеній. Общественное мнѣніе было возмущено между прочимъ и связью курфирста съ графиней фонъ-Рейхенбахъ, и въ сентябрѣ 1830 года, когда курфирствъ съ графиней возвращались въ Кассель, свою столицу, вспыхнуло маленькое возстаніе. Потому возстаніе приняло такіе размѣры, что власти вынуждены были предоставить гражданамъ устроить изъ среды себя гражданскую стражу, чтобы возстановити порядокъ на улицахъ и спокойствіе въ домахъ. Подобныя беспорядки были и въ другихъ городахъ, такъ что произошло маленькое подобіе революціи. Курфирствъ понялъ, что одна спасеніе — въ конституціи. Составленная и подписанная имъ тогда грамота была въ высшей степени монархическая, однако гнѣвъ немнѣе онъ былъ сердитъ на своихъ подданныхъ, и чтобы заставить ихъ вѣкъ, онъ рѣшился впредь не жить *ex seorsum* добромъ городѣ Кассель, котораго населеніе все-таки было привязанно къ его графинѣ фонъ-Рейхенбахъ. Жители Касселя не очень печальлись отсутствіемъ своего курфирста; но ходъ дѣлъ значительно замедлился отъ того, что государь не жилъ въ томъ городѣ, гдѣ

погибались все центральныя и высшія власти. Поэтому курфюрстъ былъ приглашенъ вернуться въ свою столицу. Но безъ границъ онъ не хотѣлъ жить, а граница сдѣлалась предметомъ общей ненависти и общаго презрѣнія, такъ что кратковременное пребываніе ея въ загородномъ дворцѣ близъ Касселя вызвало самымъ оживленнымъ образомъ демонстраціи, средѣ тѣхъ, которыя изучаются теперь въ шварцбургской полицейской прокуратурѣ. Въслѣствіе этого курфюрстъ рѣшился объявить своего сына соправителемъ и раздѣлить съ нимъ верховную власть до тѣхъ поръ, пока сынъ не будетъ жить въ столицѣ. Манифестъ объ этихъ распоряженіяхъ и о нѣсколькихъ большихъ правахъ гражданъ опубликованъ былъ 30 сентября 1831 года, а черезъ недѣлю принцъ-соправитель торжественно въѣхалъ въ Кассель. Само собою разувѣется, что вечеромъ городъ былъ блистательно иллюминированъ. Можно было думать, что новыя вліяніемъ новыхъ учреждений правительственныхъ дѣла пойдутъ легко и правильно. Ничуть не бывало. Власть, дѣлая уступки, соглашалась опредѣлять границы своихъ правъ, соглашалась отдавать странѣ отчетъ въ своихъ дѣланіяхъ, никогда не поступала добросовѣстно. Конституція въ ея глазахъ была клочкомъ ничего незначащей бумаги, которой смыслъ и значеніе можно было толковать какъ угодно. Страна, напротивъ, серьезно смотрѣла на конституцію, какъ она и была несудебнорыбительна. Отъ этого тотчасъ же начались столкновенія между правительствомъ и парламентомъ. На-бѣду еще принцъ-соправитель женился морганатически на жонѣ прусскаго поручика Лопана, купивъ согласіе мужа на разводъ. Парламентъ очень ощерчился этимъ, и его отношенія къ правительству сдѣлались хуже: образовалась дѣятельная оппозиція. Борьба завязалась по поводу годовой сѣбты, общественныхъ расходовъ, какъ это всегда бываетъ въ государствахъ конституціонныхъ. Министръ Гессенлоугъ въ 1833 году былъ подвергнутъ формальному обвиненію за то, что онъ смѣлъ созвать третій сеймъ. Въ отвѣтъ на эту рѣшительную цѣру парламента собраніе было распущено правительствомъ. Слѣдующее собраніе опять обвинило министра, но верховный судъ оправдалъ его. Отъ 1834 года до 1847 въ исторіи Гессенъ-Касселя единообразно повторятся одно и то же. Съ одной стороны власть дѣлаетъ что хочетъ, не стѣсняясь въ случаѣ нужды поступить вопреки конституціи, управитъ держитъ министровъ, нѣмъ некашндивать, и тратитъ денегъ какъ можно больше; съ другой стороны парламентъ борется противъ беззаконной власти, противъ злоупотребленій и безумныхъ тратъ: народъ все это видитъ, платитъ огромныя подати — и не смѣетъ возмущаться, раздавленный нуждою.

Въ концѣ 1847 года курфюрстъ Вильгельмъ II умеръ, и мѣсто его занялъ съправитель, подъ именемъ Фридриха-Вильгельма I. Министры никакъ не могли согласиться съ парламентомъ по денежнымъ дѣламъ. Такъ въ началѣ 1848 года они требовали на придворные расходы громадную сумму, чуть не треть всего государственнаго сбора. Палата не согласилась платить столько. Тогда приказомъ 22 февраля 1848 года палата была распущена подъ тѣмъ предлогомъ, что она бунтуетъ. Но черезъ два дня послѣ того произошла въ Парижѣ февральская революція, и вся Германія вспыхнула. Всѣ маленькіе германскіе владѣтели подписали акты разныхъ уступокъ. Фридрихъ-Вильгельмъ I уничтожилъ цензуру газетъ и журналовъ, а черезъ пять дней принялъ либеральное министерство. Парламентъ, распущенный 22 февраля, снова началъ свои засѣданія 13 марта. Составъ его пополнился депутатами, которые сначала не были допустимы правительствомъ. Это собраніе тотчасъ постановило рядъ организательскихъ законовъ, соотвѣтственно тогдашнимъ обстоятельствамъ. Министерство принуждено было бороться уже не съ парламентомъ, а съ курфюрствомъ, который послѣ перваго движенія уже сталъ жалѣть о сдѣланныхъ уступкахъ. Однакоже 1848 годъ и слѣдующій прошли настолько мирно, сколько это было возможно средъ общаго раздраженія итальцкихъ умовъ по случаю успѣховъ германской революціи и стремленія къ единству. Но въ 1850 году повсюду началась реакція, поворотъ на старыя дѣла, вслѣдствіе ошибокъ и преувеличеній людей, ставшихъ во главѣ прогресса и свободы. 22 февраля курфюрстъ безъ церемоній прогналъ свое либеральное министерство и составилъ новое, подъ предсѣдательствомъ того же Гессеншолуга, отъ всякой реакціи.

Этотъ Гессеншолугъ сначала хотѣлъ обмануть парламентъ дозволено утѣренною программой; но собраніе не далося въ обманъ и отвѣчало единогласнымъ выраженіемъ недовѣрія, послѣ чего палата была распущена. Вновь созванная, она тотчасъ опять была распущена, опять созвана, опять разогнана, и 12 сентября 1850 года вся страна объявлена съ ордномъ полковника, за то только, что народныя представители не согласились платить громадныхъ придворныхъ сибтъ. Генералу Бауру, главнокомандующему гессенскими войсками, дана была неограниченная власть распоряжаться усмиреніемъ бунта. Очевиднымъ образомъ Гессеншолугъ дѣйствовалъ незаконно противъ народа; но народъ, несмотря на вызовы, оставался спокоенъ. Но довольно было малѣйшей искры, чтобы произвести взрывъ и пожаръ: такъ общее положеніе было нагнано. Въ такихъ обстоятельствахъ по-

столичный комитетъ парламента обвинилъ министровъ, за нарушеніе конституціи, въ вѣрности отечеству. 13 сентября городъ Кассель съ великимъ удивленіемъ узналъ, что ночью курфирстъ и совѣтникъ его Гессенполугъ убѣжали въ Ганноверъ. Изъ своего прекраснаго замка курфирстъ и любимый его министръ хотѣли продолжать управленіе, для чего и опредѣлили на мѣсто отставленнаго генерала Вауера — другого, генерала Гайнау, брата знаменитаго венгерскаго диктатора Гайнау, окончившаго свое достопамятное поприще въ лондонской пивоварнѣ Берклея и Меркинса. Но гессенскій братъ не былъ въ состояніи оправдать славу своей фамиліи. Напрасно угрожалъ онъ своимъ офицерамъ оказать надлежащее усердіе и стрѣлять въ небооруженныхъ мирныхъ гражданъ, спешно занимающихся своими дѣлами, зато что они злокозненнымъ образомъ не дадутъ денегъ на ненужные расходы. Его воля разбилась о неспособность и законное сопротивленіе народа, а правительственное возстаніе противъ гражданъ обошлось безъ кровопролитія.

Оставалось только обратиться къ германскому сейму, который тогда только-что опять преобразовался на старыхъ основаніяхъ, какъ нестановлено было на вѣнскомъ конгрессѣ. Голосъ Гессенполуга былъ услышанъ. 1 ноября 1850 австрійско-баварскій корпусъ перешолъ гессенскую границу и занялъ городъ Ганау, а съ сѣвера вступилъ прусскій корпусъ и занялъ Кассель и Фульду. Тогда гессенское войско было обезоружено и распущено, свобода печати уничтожена и положено силою собирать налоги, на которые представители не соглашались. Когда обезоружена была и гражданская стража, а присутственныя мѣста были очищены отъ чиновниковъ, которые считали себя связанными присягою конституціи, курфирстъ торжественно вступилъ въ Кассель 27 декабря.

Внемотра на все это, народъ продолжалъ себя держать съ благороднымъ спокойствіемъ. Газеты цѣлой Европы, особливо англійскія, выражали чрезвычайное негодованіе. А правительство приняло свирѣпыя мѣры. Обыкновенные суды были замѣнены произволомъ иностранныхъ офицеровъ, и хотя конституція должна была считаться окончательно отмѣненною фактомъ насилія, однако законное сопротивленіе продолжалось; и когда правительство пропустило назначенный закономъ срокъ для созванія новаго парламента, постановилъ парламентскій комитетъ опять объявить министра Гессенполуга виновникомъ и потребовать его къ суду. Затѣмъ комитетъ былъ арестованъ. Жители продолжали существовать внѣ законовъ. Къ реакціи политической присоединилась и религіозная нетерпимость: пѣтухеты получали полнѣйшее вліяніе на всѣ дѣла религіи и народнаго просвѣщенія. Вслѣдствіе этого ничего нѣтъ удив-

толького, что изъ всей Германіи нигде не было столько переселеній, сколько изъ Курляндіи, гдѣ развилась страшная бѣдность и раздѣленіе расколовъ на содержаніе австрійско-баварско-прусскихъ войнъ. Движась множество политическихъ процессовъ, и самый вопиющій изъ нихъ былъ противъ четверыхъ членовъ постояннаго парламентскаго комитета; пятый ушелъ въгнѣвъ. Все четверо приговорены были къ тюремному заключенію на много летъ. Наконецъ, чтобы привести дѣла цѣлкомъ въ порядокъ, франкфуртскій сеймъ постановленіемъ 27 марта 1852 года отменилъ совершенно конституцію 1831 года со всеми дополненіями и измѣненіями 1848 и 1849 годовъ, и пригласилъ курляндцевъ принять новый государственный законъ. Онъ былъ данъ 13 апрѣля 1852 года.

По конституціи 1831 года была одна законодательная палата. Въ 1852 году положено, чтобы было ихъ двѣ: въ первой засѣдаютъ представители владѣтельнаго дома, крупныя собственники и старшее дворянство; вторая палата состоитъ изъ 16 крупныхъ собственниковъ, 16 городскихъ депутатовъ и 16 депутатовъ изъ крестьянъ. Чиновники (стало-быть и министры) отвѣтственны только въ такомъ случаѣ, когда дѣйствуютъ сами, безъ приказанія свыше. Обвиненіе чиновника въ нарушеніи конституціи можетъ быть произведено только съ согласія обѣихъ палатъ. Но на двѣхъ верхнихъ палатахъ всегда противорѣчитъ нижней, придерживаясь, по самому существу своему, стороны министерства.

Надо однакоже замѣтить, что вся эта исторія происходитъ на небольшомъ пространствѣ, на 166 квадратныхъ миляхъ, съ 726,000 жителей. Стало-быть это равняется нашему ямбургскому уѣзду съ половиною нарвскаго и съ населеніемъ нѣсколько болѣе исковской губерніи и значительно менѣе витебской. Страна эта богата, плодородная, прекрасная, но сильно страдающая отъ поставившейся распри власти съ народомъ. Въ послѣднее время происходитъ рознь и грызня этой печальной исторіи.

До сихъ поръ, сколько разъ ни собирается была нижняя палата, всякій разъ оказывалось, что всѣ 48 членовъ или наибольшая ихъ часть несогласна разрушать конституцію и дѣлать отъ нея отступленія. Очень точно рассчитывая, сколько страна можетъ выдерживать на свои правительственныя нужды, палата не соглашалась на чрезмѣрные расходы. За это правительство палату распускало, но въ постановленный конституціею срокъ почти всегда созывало ее снова, чтобы вытребовать согласіе на поборы. По повелу несогласія палата снова распускалась, и такъ продолжалось постоянно, а деньги собирались насильно, причемъ не обращалось вниманія на то, что народъ вовсе несогласенъ со всѣми существующими парла-

комъ. Выше предстоили опять выборы во вторую палату. Чтобы избиратели опять не прислали такихъ непокорныхъ депутатовъ, курфирстъ выдалъ декретъ 26 апрѣля, которымъ повелѣвается, чтобы всякій избиратель и каждый избранный заранее отказался отъ всякихъ притязаній и заранее призналъ законность законовъ, изданныхъ для ограниченія и искаженія конституціи. Такимъ образомъ самыя выборы сдѣлались невозможны, потому что избиратели восторженно шѣли въ виду законность, и никакъ не хотѣли разстаться съ своимъ правомъ протестовать противъ самовластия министровъ и требовать законности. Но передъ тѣмъ еще, именно 8 марта, австрійское и прусское правительства предлагали курфирсту обратить его милостивое вниманіе на пламенные и законныя желанія его подданныхъ. Декретъ 26 апрѣля былъ со стороны курфирста презрительнымъ отвѣтомъ на желанія великихъ германскихъ державъ. Затѣмъ избиратели послали франкфуртскому сейму адресъ, въ которомъ съ твердостью и почтительно объявили, что они не могутъ и ни въ какомъ случаѣ не согласны сообразоваться съ декретомъ, окончательно отнимающимъ у конституціи всякій смыслъ, а будутъ придерживаться основныхъ правъ своихъ, основанныхъ на конституціи 5 января 1831 года.

Вслѣдствіе этого Пруссія вступила въ переговоры съ Австріей и другими германскими державами, чтобы вызвать на франкфуртскомъ сеймѣ рѣшительный приговоръ противъ самовластия гессенскаго министерства. А между тѣмъ на представленія сейма о необходимости обращаться съ подданными нѣсколько снисходительнѣе и впредь до дальнѣйшихъ распоряженій приостановить выборы, гессенское правительство отвѣчало насмѣшкой, ссылаясь на законность, которую попирало много лѣтъ сряду. Оно писало, что очень радо принять въ соображеніе общее предложеніе Австріи и Пруссіи, но теперь пока не можетъ еще понять сущности предложеній обоихъ кабинетовъ.

Собственно говоря, намѣренія кабинетовъ понять было мудрено. Немногимъ болѣе одинадцати лѣтъ передъ тѣмъ австрійско-баварско-прусскія войска поспѣшили на помощь выѣхавшему изъ Гессена курфирсту, притиснули мирныя населенія, разорили ихъ постояли, ввели порядокъ, разыграли чисто-полицейскую роль. А теперь, когда обстоятельства нисколько не пережвнились, когда точно такъ же народъ несогласенъ на мѣры; предпринимаемыя правительствомъ, мѣры совершенно въ духѣ 1850 года, кабинеты идутъ на помощь не курфирсту, а народу. Это вовсе непонятно. Почему же такая пережвнѣна, когда самъ курфирстъ не пережвнился нисколько и даже не замѣтилъ, что самое время пережвнилось, что прошлое

прошло невозвратно и наступило другое, совершить новое время? Самъ прусскій король сдѣлалъ уступки общественному мнѣнію, само австрійское правительство даровало конституцію. Какова эта конституція — это другой вопросъ; но она дана, существуетъ.

Для предупрежденія такого безпорядка, который ядобавокъ еще имѣеть непріятное свойство быть заразительнымъ, Пруссія и Австрія приняли рѣшительныя мѣры, чтобы гессенское правительство непремѣнно прекратило выборы. Пруссія иривадила къ Гессену два корпуса своихъ войскъ. Курфюрстъ отиѣвилъ свой декретъ 26 апрѣля. Но этого мало, и этимъ дѣло не кончилось. Въ этой исторіи задѣто еще самолюбіе, и потому — будетъ продолженіе.

Прусское правительство послало генерала Виллизена съ письмомъ прусскаго короля къ курфюрсту. Сначала курфюрстъ рѣшительно отказался принять генерала, и только вечеромъ, по совѣщаніи съ министрами, принялъ его, взялъ изъ рукъ его письмо, и нераспечатывая отложилъ его въ сторону. Такое неуваженіе къ посланному заставило генерала Виллизена требовать удовлетворенія: именно онъ требовалъ втеченіе 24 часовъ новой аудіенціи, росписки въ полученіи королевскаго письма и отставки министровъ. Генералъ не получалъ этихъ удовлетвореній, и потому гессенскій посланникъ вызванъ изъ Берлина, а прусскій въ Кассель получилъ приказаніе воротиться въ Берлинъ.

Ясно, что продолженіе будетъ.

Это происшествіе, повидимому весьма незначительное, будетъ имѣть однако весьма важныя послѣдствія. Пруссія и Австрія дѣйствовали вмѣстѣ въ либеральномъ направленіи, вступились за народъ, приняли мѣры противъ притѣснителей. Дѣйствуя такъ благородно по отношенію къ чужому народу, эти правительства конечно будутъ точно такъ же благородно поступать и въ отношеніи къ своимъ подданнымъ. Исторія гессенскаго курфюршества отразится на всѣ слѣдующія дѣла въ Германіи.

19 мая открытъ прусскій парламентъ рѣчью президента совѣта. Эта до нѣкоторой степени тронная рѣчь поясняетъ уступки, сдѣланныя правительствомъ на всѣ тѣ требованія, какія заявлены были прогрессистскою партіею распущенной палаты. Только неизвѣстно зачѣмъ въ концѣ рѣчи говорится, что правительство не дастъ себя одолѣть перемѣнчивымъ партіямъ и совѣтливо будетъ поддерживать права короны. Правда, что эти бесполезныя фразы смягчены нотомъ еще тѣмъ, что правительство точно такъ же добросовѣстно будетъ поддерживать и конституціонныя права народнаго представительства. Дѣло состоитъ въ томъ, что ни въ одномъ конститу-

ціонномъ государствѣ представители не имѣютъ поводовъ желать уменьшенія правъ короны, которая оберегается какъ прекраснѣйшее олицетвореніе всего государства, какъ фокусъ, въ которомъ скопляются всѣ лучи государственнаго блеска.

По окончаніи рѣчи собраніе три раза прокричало: «да здравствуетъ король!»

ИТАЛЬЯНСКІЯ ДѢЛА

Нѣкоторыя газеты рассказывали, будто король Викторъ-Эммануилъ, проѣздомъ въ Неаполь черезъ Геную, сказалъ, что «прежде истеченія половины 1862 года вѣчный городъ будетъ возвращенъ итальянцамъ». Другія газеты утверждаютъ, будто король сказалъ только, что «можно надѣяться на хорошее направленіе римскаго вопроса».

Первая фраза оживила надеждою всѣ итальянскія сердца; второй вариантъ простужаетъ эту надежду, показывая, что дѣла попрежнему таутся и близкаго разрѣшенія невидать. Французскія газеты отъ этого въ восторгѣ и тяжеловѣсно подшучиваютъ. «Имѣется какъ-видно — говорятъ онѣ — довольно значительная разница между этими двумя вариантами.» Такъ умирающій отъ жажды въ степи путникъ, увидѣвъ въ миражѣ воду, оживляется надеждою, принимаетъ миражъ за дѣйствительность и уже надѣется, что невыносимыя муки его кончатся; но потомъ съ величайшею, раздрающею тоскою узнаетъ, что это онъ ошибся, что разгоряченное воображеніе нарисовало ему небывалую картину. Тутъ встрѣчается ему другой путникъ, сытый и напившійся, и ухмыляясь говорить: «Что, любезнѣйшій? померещилось? Какъ-видно есть значительная разница между тѣмъ, что есть и тѣмъ, что мерещится.»

Затѣмъ французскія газеты стараются подробно растолковать положеніе Франціи въ отношеніи къ Риму и Италіи, растолковать политику Луи-Наполеона. Великія ихъ усилія чрезвычайно забавны: имъ кажется, будто можно объяснить в какомъ-нибудь образомъ истолковать проявленіе силы иначе, какъ сущностью самой этой силы. «Франція — говорятъ газеты — не отвѣчаетъ за политику Цезаря; она не одобряла ее. ниразу со'времени вила-Франккаго мира; но Франція совѣтовала итальянской революціи требовать себѣ Рима, какъ столицы (будто можно совѣтовать или не совѣтовать кому-нибудь считать свою голову своею головою), и вкогда не общала этой столицы. Впродолженіе четырнадцати лѣтъ французское знамя покровительствуетъ въ Римѣ свѣтскую власть папы, и цѣль этого покровительства — примиреніе папы съ

королемъ Викторомъ-Эммануиломъ. Но еслибы французскія войска вышли изъ Рима, то это значить, что она отдали бы Виктору-Эммануилу то, что отняли бы насильно у папы. Развѣ это было бы примиреніе? Согласится ли Франція разбить то, что оберегала четырнадцать лѣтъ, разбить вѣковую власть, окружонную благочестивымъ ея уваженіемъ, чтобъ увеличить владѣнія и силу державы, о которой императоръ сказалъ въ знаменитомъ письмѣ своемъ, что она дурно устроена, что равнѣ провозглашенія единства Италіи слѣдовало совершить соединеніе итальянцевъ? Правдоподобно ли, чтобы Франція согласилась опрокинуть римское правительство, какъ бы оно несовершенно ни было, чтобы поставить на его мѣсто другое правительство, признанное, но порицаемое точно такъ же? Приверженцы итальянскаго единства увѣряютъ, будто Римъ долженъ быть столицею Италіи для того, чтобы итальянское правительство могло укрѣпиться на твердыхъ основаніяхъ и имѣть дѣйствительное вліяніе на всю страну. Только въ Римѣ — говорятъ они — можетъ быть крѣпко связанъ узелъ единства. На это католичество отвѣчаетъ и Франція отвѣчала до сихъ поръ, что если Римъ необходимъ для прочнаго устройства королевства итальянскаго, то свѣтская власть папы необходима для римско-католической религіи, которой папа есть и долженъ оставаться верховнымъ и независимымъ главою; что интересы католичества выше интересовъ одной страны; что ежели наконецъ чувство единства такъ глубоко врѣзалось въ сердца всѣхъ итальянцевъ, то они могутъ избрать себѣ столицею другой городъ, не Римъ, потому что выбрали же они себѣ государя въ Туринѣ.»

Итальянскія газеты отвѣчаютъ на эти доводы на тысячу ладовъ. То является карикатура, въ которой изображенъ семейный совѣтъ: прекрасная дѣвушка, миссъ Италія, робко увѣряетъ, что она уже совершеннолѣтняя и желаетъ вступить во владѣніе своимъ свадебнымъ вѣнцомъ. Почтенный старикъ-опекунъ съ лицомъ Піа IX говоритъ, что онъ уже такъ давно носитъ этотъ драгоценный вѣнецъ, что привыкъ считать его своимъ, а на старости лѣтъ такъ трудно отставать отъ старыхъ привычекъ! Другой опекунъ, съ лицомъ императора Луи-Наполеона, говоритъ, что онъ никогда не совѣтовалъ миссъ Италія считать принадлежащій ей вѣнецъ своимъ. Третій, претендентъ, съ лицомъ Виктора-Эммануила, замѣчаетъ, что хотя опека и невыносима, но онъ готовъ подождать, хотя даже дѣтъхъ поръ, пока миссъ Италія сама прогонитъ своихъ опекуновъ.

Но главнѣйшее возраженіе состоитъ въ томъ, что религіозныя убѣжденія всего католичества ни въ какомъ случаѣ не находятся въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что гдѣ-нибудь въ маленькомъ

городкѣ близъ Рима, въ какой-нибудь Палестринѣ или Чивитавеккій городничій не свѣтскій человекъ, а монахъ. Чтоже касается до независимости папы, то объ этомъ смѣшно теперь говорить, когда его поминутно оберегаютъ иноземные штыки, и безъ нихъ онъ ни минуты не усидитъ на мѣстѣ.

Что бы однакоже ни говорили ревностно-преданныя газеты, духъ времени неотразимо требуетъ своей дани. Главнокомандующій французскихъ войскъ въ Римѣ генералъ Гойонъ отозванъ въ Парижъ, а маркизъ де-Лавалеттъ уѣхалъ въ Римъ. Маркизъ, какъ извѣстно, пріѣхалъ въ Римъ съ какимъ-то невѣдомымъ для обыкновенныхъ смертныхъ порученіемъ императора Луи-Наполеона, а генералъ, совершенно покоренный клерикальнымъ вліяніемъ, противодѣйствовалъ переговорамъ, начатымъ маркизомъ. Изъ этого можно догадываться, что маркизу поручено было что-нибудь не особенно пріятное для клерикаловъ, стало-быть весьма пріятное для Италіи. Такимъ образомъ клерикальная партія получила жестокой толчокъ, и горько призадумавшись надъ своимъ пораженіемъ, въ тоже время не упала духомъ, а всячески старается противодѣйствовать новымъ стремленіямъ. Въ этомъ впрочемъ всегда заключалась главная задача ея жизни. Но что выйдетъ изъ этого перемѣщенія, велико ли окажется на дѣлѣ значеніе вызова изъ Рима генерала преданнаго папскому престолу для итальянскаго дѣла, это вовсе неизвѣстно, какъ неизвѣстны никому изъ смертныхъ намѣренія и планы, гнѣздящіеся въ головѣ Луи-Наполеона. Впрочемъ вѣстовщики увѣряютъ, что нынѣшнимъ лѣтомъ не можетъ произойти въ Европѣ ничего особенно важнаго, потому что весна прошла, время года позднее, когда его величество обыкновенно отдыхаетъ отъ государственныхъ трудовъ и заботъ, живетъ въ Біарицѣ или въ Виши, помышляетъ только объ укрѣпленіи своего, впрочемъ не слабаго, здоровья. Стало-быть Италія тоже можетъ успокоиться, отложить свои надежды и не ждать никакихъ перемѣнъ покрайней-мѣрѣ до осени.

Изъ правительственныхъ мѣръ, принятыхъ въ послѣднее время въ Италіи, первое мѣсто занимаетъ присоединеніе прежнихъ волоптеровъ къ регулярному войску и контрактъ на постройку желѣзныхъ дорогъ. Остальныя событія принадлежатъ болѣе къ разряду торжественныхъ представленій, которыя однакоже занимаютъ далеко не послѣднее мѣсто въ администраціи всякаго народа, а тѣмъ болѣе народа южнаго, впечатлительнаго и восторженнаго, каковы итальянцы.

Король Викторъ-Эммануэль предпринялъ поѣздку въ южныя провинціи королевства итальянскаго. Влекли его туда не дѣла, а не-

обходимость только показать, вызвать своимъ присутствіемъ нѣсколько патріотическихъ возгласовъ и такимъ образомъ подновить чувства вѣрнопопдаданничества и стремленіе къ единству Италіи.

Короля ожидали въ Неаполь къ тремъ часамъ, 28 апрѣля, но уже съ утра народъ толпился по набережнымъ и прилежно смотрѣлъ на ясно-синее море. Вода близь берега сплошь покрыта была лодками. Въ четыре часа пушка возвѣстила прибытіе королевскаго парохода, и въ тоже время на берегу раздался восторженный возгласъ, состоявшій изъ трехсотъ тысячъ криковъ. Король вышелъ на берегъ въ сопровожденіи г. Ратацци, генерала Ламармора, адмирала Персано и свиты. Синдикъ Неаполя сказалъ привѣтственную рѣчь, король отвѣтилъ на нее нѣсколькими словами, на которыя отвѣчали безчисленные восторженные клики. По всей дорогѣ короля ко дворцу народъ стоялъ на улицѣ, въ окнахъ, на балконахъ, на крышахъ, и провожалъ криками торжественный поѣздъ. Цвѣты сыпались изъ оконъ, дамы махали платками, и слышалось только: «да здравствуетъ король! да здравствуетъ Викторъ-Эммануилъ!» Другихъ кликовъ не было.

И весьма достойно замѣчанія, что полумиллионное населеніе Неаполя, обожающее своего народнаго героя, спасителя и избавителя, выразу не крикнуло: «да здравствуетъ Гарибальди!» Народъ понялъ, что въ присутствіи короля возгласить другое имя было бы почти невѣжливо, или можетъ-быть этимъ воздержаніемъ онъ выражалъ покорность волѣ своего бывшаго диктатора.

Во дворцѣ король вышелъ на балконъ, и передъ нимъ торжественнымъ маршемъ прошла гражданская стража, превосходнымъ образомъ вооруженная, числомъ до пятнадцати тысячъ. Затѣмъ прошелъ неаполитанскій гарнизонъ съ военною школою впереди, а потомъ шли сардинскіе берсальеры, особенно отличившіеся истребленіемъ разбойничьихъ шакъ. Замѣчательно, что этотъ отрядъ, который отличается весьма воинственнымъ видомъ, былъ встречаемъ и провожаемъ рукоплесканіями и криками: браво! Пусть говорятъ что хотятъ противники итальянскаго единства, а жители Венеціи никогда еще не аплодировали австрійскимъ солдатамъ, хотя это тоже прекрасное войско. Выходитъ, что клерикалы сильно ошибаются, увѣряя, будто сардинское войско въ Неаполѣ играетъ ту же самую роль, что австрійцы въ Венеціи. Какъ-видио есть нѣкоторая разница.

Выѣстъ съ королемъ прибыла въ портъ французская эскадра, состоящая изъ девяти кораблей. Видъ этой морской силы произвелъ довольно сильное впечатлѣніе на бурбонскую партію, которая съ

великою важностью воображала, будто императоръ Луп-Наполеонъ къ ней благоволяетъ.

Все время пребыванія короля въ Неаполѣ было ряломъ праздниковъ, баловъ, плюминацій. Къ дополненію торжествъ, съ королемъ былъ въ Неаполѣ весь дипломатическій корпусъ, посланники державъ, признающихъ итальянское королевство, именно представители Франціи, Англіи, Швеціи, Греціи, Португаліи, Бразиліи, Голландіи и Турціи. Французская эскадра особенно много заставляла о себѣ говорить. Кромѣ того, что ея присутствіе доказывало сочувствіе императора французовъ къ итальянскому единству, она еще дала великолѣпное представленіе: образчикъ большого морского сраженія. Корабли двигались, пушки гремѣли, и менѣе нежели въ четверть часа было выпалено до пяти тысячъ пушечныхъ выстрѣловъ и до десяти тысячъ ружейныхъ. Дѣло было вечеромъ, и въ концѣ маневровъ, когда уже смеркалось, французы, по обычной своей любезности, устроили маленькій сюрпризъ для зрителей, плотно наполнявшихъ набережную: вся эскадра въ одно мгновеніе освѣтилась разноцвѣтными бенгальскими огнями. На палубахъ, на марсахъ и на ряяхъ разставлено было человѣкъ восемьдесятъ матросовъ, съ площадками, въ которыхъ горѣлъ бенгальскій огонь. Всѣ эти огни тысячу разъ отразились въ волнахъ спокойно волновавшагося моря, и все это вмѣстѣ составило зрѣлище такое великолѣпное, что десятки тысячъ зрителей принялись аплодировать, и эхо Позилипова грота еще разъ повторило эти рукоплесканія. Этотъ маленькій праздникъ обошелся Франціи покрайней-мѣрѣ въ 60,000 франковъ. Да еще наканунѣ король Викторъ Эммануиль ѣздилъ съ визитомъ на французскій адмиральскій корабль. Тогда его прибытіе привѣтствовано было салютомъ въ 4800 пушечныхъ выстрѣловъ, которыя обошлись Франціи въ 48,000 франковъ, считая каждый выстрѣлъ по 10 франковъ. Вся канонада стоила болѣе ста тысячъ франковъ, стало-быть на нее пошло съ cadaго совершеннолѣтняго французскаго работника не болѣе полутора сантима, или по $\frac{1}{8}$ фунта хлѣба, а считая всѣ издержки этой эскадры — около $\frac{1}{2}$ фунта хлѣба. Надо признаться, что не слишкомъ дорого покупаютъ французы удовольствіе слышать, что на такомъ-то морѣ ихъ пушки гремѣли для удовольствія такого-то короля и его подданныхъ.

Судя по тому приему, какой вездѣ дѣлался королю, можно заключить, — какъ доносить французскій посланникъ своему правительству, — что единство Италіи достигнуто и можетъ считаться совершившимся фактомъ. Что королю аплодировали бѣлыя перчатки и махали кружевные платки, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: всякій, кто знаетъ и понимаетъ дѣло, стоитъ за Виктора-Эмма-

дула. Но можно было сомнѣваться въ народѣ. Можно было ожидать, что онъ выкажетъ оппозицію крикомъ очень легкимъ, привычнымъ, вовсе не возмутительнымъ, а такъ-сказать нешкоронымъ: «да здравствуетъ Гарибальди!» Правда, что вездѣ еще поютъ и играютъ обычный гимнъ Гарибальди, но не въ видѣ оппозиціи, а просто потому, что онъ вошелъ уже въ привычки, въ натуру неаполитанцевъ. Король точно такъ же популяренъ. Онъ очень часто выѣзжаетъ въ коляскѣ, и всякій разъ его встрѣчаетъ и провожаетъ толпа народу. Своими руками онъ принимаетъ прошенія. Одинъ разъ онъ даже всталъ въ коляскѣ и протянулъ руку за прошеніемъ, которое подавалось ему изъ-за четвертаго ряда людей, окружавшихъ экипажъ. Это движеніе возбудило такой восторгъ, что толпа едва не задушила лошадей, запряженныхъ въ королевскую коляску. Теперь Викторъ-Эммануэль смѣло можетъ сказать, что Италия сдѣлана. Весь вопросъ только въ томъ, чтобы вывести изъ Рима враждебный Италии гарнизонъ.

А папа кажется не думаетъ разрѣшать этого вопроса въ утвердительномъ смыслѣ, хотя несомнѣнно веселъ и повидимому готовится къ чему-то неурядному. Въ поведѣніи на святой педѣлѣ папа уѣзжалъ въ Порто-Анціо и передъ отъѣздомъ принималъ множество разныхъ лицъ, домогавшихся чести быть ему представленными. Такъ какъ онъ очень торопился, то не могъ принимать каждаго изъ посѣтителей отдѣльно, а принималъ группами, по шести или по семи человекъ. Последняя изъ этихъ аудіенцій замѣчательна по одному обстоятельству, которое, по словамъ вѣстовщиковъ, бросаетъ яркій свѣтъ на римскій вопросъ. Говоря съ нѣсколькими французами, которые очень извѣстны своею преданностью папѣ, онъ въ припадкѣ откровенности взялъ двоихъ изъ нихъ за руки и печально возвѣстилъ имъ, что «грядетъ часъ», намекая на переворотъ, который скоро долженъ совершиться. «Господь нашъ — сказалъ онъ еще — не провелъ ни одного дня своей жизни безъ страданій... И потому будемъ готовы всякую минуту, *ибо не вѣсте ни дня, ни часа, въ оноеже сыиъ человѣческой придетъ.*»—Эти слова и печальный видъ и вздохи, съ какими они были сказаны, до нѣкоторой степени подтверждаютъ слухи о скоромъ окончательномъ выѣздѣ папы изъ Рима. Замѣчено было еще, что въ эту поѣздку папа взялъ съ собою очень много вещей для личнаго своего ежедневнаго употребленія и множество драгоценностей. Кардиналъ Антонелли обдумалъ уже все на случай прибытія въ Римъ Виктора-Эммануила: онъ немедленно отправится въ Венецію. Назначены уже и три кардинала, которымъ вѣрено будетъ управленіе въ отсутствіе папы. Это монсеньоръ Раушеръ, архіепископъ вѣвскій, монсеньоръ Визе-

манъ и еще одинъ монсеньоръ нѣмецкаго происхожденія. Но окружающіе папу не согласились еще между собою въ томъ, какимъ образомъ произойдетъ это бѣгство изъ Мемми въ Медину. Одни хотятъ, чтобы папа уѣхалъ тайкомъ, а другіе напротивъ требуютъ при этомъ большой пышности, торжественности и громкаго протеста.

А между тѣмъ, пока еще все это совершится, дѣла идутъ своимъ чередомъ, и въ день пасхи происходило обычное торжество благословенія съ балкона церкви св. Петра, послѣ обѣдни.

На огромной площади передъ церковью собрались всѣ крестьяне изъ окрестностей Рима, всѣ жители вѣчнаго города и построенныя въ каре французскія и папскія войска, съ генералами и съ музыкой. Ровно въ полдень, когда назначено благословеніе, всѣ взоры обратились къ балкону. Сначала вынесли папскій шестиконечный крестъ, потомъ вынесли тиары, митры и прочія папскія регаліи и расположили ихъ на балконѣ, потомъ вышли кардиналы, по два въ рядъ, мимоходомъ посмотрѣли на громадную массу народа и скрылись въ другую дверь. Наконецъ является папа. Въ это мгновеніе колокола замолкаютъ, пушки въ крѣпости перестаютъ гремѣть, вся толпа преклоняетъ колѣна и въ торжественномъ молчаніи принимаетъ папское благословеніе. Затѣмъ тотчасъ же въ замкѣ Свѣт-Анджело начинаютъ гремѣть пушки, колокола звонятъ во весь размахъ, военная музыка играетъ, а народъ, большой любитель всего театральнаго, кричитъ: «да здравствуетъ Пій IX!»

Послѣ того, 24 числа папа обозрѣвалъ лагерь своихъ зуавовъ. Его святѣйшество заходилъ въ палатки, а потомъ дѣлалъ смотръ. Церемониальнымъ маршемъ и другими маневрами и построениями зуавовъ командовалъ кардиналъ Меродъ: все было исполнено съ величайшею исправностью подъ начальствомъ генерала Канслера.

Если подумаешь, что папа есть, въ понятіяхъ католиковъ, представитель Христа на землѣ, глава религіи любви, прощенія, братства, а что зуавы отличаются свирѣною храбростью и неумолимою жестокостью, то этотъ папскій смотръ по командѣ кардинала покажется какинъ-то дикимъ, нелѣпымъ, безтолковымъ сномъ, а нѣмецкій генералъ — доновымъ, который мучительно давитъ и душитъ и не даетъ проснуться.

Франція разумѣется не можетъ дать погибнуть такимъ приятнымъ воинственнымъ зачаткамъ, и вотъ 24 мая доставлена была въ Римъ нота французскаго министра иностранныхъ дѣлъ Тувенеля, въ которой сказано, что «Франція ничего не переѣмнитъ въ вышнемъ положеніи римскаго вопроса и приглашаетъ папу имѣть болѣе довѣрія къ правительству императора Наполеона III.»

Казалось все шло хорошо. Италия была въ медовомъ мѣсяцѣ; король блаженствовалъ въ Неаполѣ, вкушая всю прелесть народныхъ восторговъ; министры, пріѣхавшіе тоже въ Неаполь, упражнялись въ сочиненіи разныхъ пріятныхъ проектовъ. Вдругъ надъ отдыхающимъ правительствомъ неожиданно разразился громъ.

Сдѣлалось извѣстнымъ, что готовится на сѣверѣ Италіи экспедиція волонтеровъ, собравшаяся за границу. Доносили также, что происходитъ тайный какой-то наборъ, что собирается оружіе. Вслѣдствіе подобныхъ слуховъ приняты были мѣры, чтобы предотвратить возможную бѣду. Въ Палаццо 14 мая одинъ капитанъ королевскихъ карабинеровъ арестовалъ гг. Нулло и Амбивера, бывшихъ офицеровъ южнаго волонтернаго войска, по подозрѣнію въ томъ, что они — начальники готовящейся экспедиціи. Въ слѣдующую ночь арестовано было еще пятьдесятъ четыре человѣка по тому же дѣлу въ Сарнико, на слѣдующій день еще тридцать человѣкъ въ Альцано Малжіоре. Всѣ арестованные составляли будтобы часть будущей колонны волонтеровъ. Полковникъ Нулло съ товарищами на время заперты были въ тюрьму въ Брешіи и были поводомъ къ народной демонстраціи. Народъ хотѣлъ ворваться въ тюрьму и освободить заключенныхъ, а стража защищала входъ и наконецъ сдѣлала залпъ по толпѣ своихъ земляковъ. Трое было ранено, одинъ убитъ на мѣстѣ. Затѣмъ арестованныхъ свезли въ крѣпость Алессандрію, и началось судебное слѣдствіе. Пятнадцатаго же числа напечатанъ циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ къ префектамъ:

«Правительство узнало, что во многихъ частяхъ королевства многія лица дурно направленные дѣлаютъ военныя приготовленія и тайно набираютъ волонтеровъ для экспедиціи, которая по ихъ словамъ предпринимается съ согласія будтобы правительства. Для оправданія такого предпріятія выставляется впередъ имя, дорогое странѣ и высокоуважаемое правительствомъ, чтобы народъ считалъ, будтобы эта безумная попытка поднята и направлена имъ. Правительство имѣетъ полное право объявить, что знаменитый генералъ не принимаетъ никакого участія въ подобныхъ предпріятіяхъ, которыя поведутъ только къ тому, чтобы разстроить все что Италия до сихъ поръ приобрѣла своею мудростью.» Далѣе говорится, что префекты должны совѣтами, а въ случаѣ нужды и силою предотвращать подобныя попытки и внимательно слѣдить, чтобы онѣ не повторялись.

Только-что Гарибальди узналъ объ этихъ арестахъ, какъ пріѣхалъ въ Бергамо и потребовалъ, чтобы арестованные были освобождены. Но ему было наотрѣзь отказано. Тогда онъ напечаталъ въ газетахъ за своею подписью такое письмо:

«Полковникъ Каттабени, храбрый офицеръ, покрытый благородными ранами, безупречнаго поведенія, арестованъ въ прошлую ночь безъ формальностей, требуемыхъ закономъ, и отвезенъ въ Миланъ какъ разбойникъ. Взываю къ странѣ! Если правительство обязано требовать уваженія къ справедливости, то оно также обязано уважать достоинство гражданъ, и особенно тѣхъ, кто оказалъ услуги отечеству.»

Австрійскій императоръ, только-что прїѣхавшій въ Венецію на нѣсколько дней, поспѣшно выѣхалъ въ Вѣну.

Между тѣмъ аресты продолжались и семнадцатаго числа остановлено было до 180 человекъ. Гарибальди написалъ имъ слѣдующее письмо :

«Дорогіе друзья мои, совѣтую вамъ вести себя спокойно и уполномочиваю васъ сказать, что вы мною созваны были въ Бергамо. Я не сомнѣваюсь, что нація будетъ благодарна за вашъ патріотическій порывъ и ваше самоотверженіе. Кланяюсь вамъ всѣмъ. Всея вашей на всю жизнь Осипъ Гарибальди.»

Затѣмъ Гарибальди возвратился въ Трескорре.

Національныя общества стрѣльбы въ цѣль закрыты. Въ Генуѣ былъ обыскъ въ помѣщеніи общества освобожденія и бумаги его забраны. Во Флоренціи забрано сорокъ четыре ящика ружей и произведено множество арестовъ. Король поспѣшно возвратился въ Туринъ, чтобы быть ближе къ мѣсту опасности. Министры вернулись тоже, и затѣмъ все обстоитъ благополучно.

Чѣмъ же это кончится? Знающіе характеръ Гарибальди знаютъ очень хорошо, что этотъ человекъ, по любви своей къ Италіи, уступитъ, не разгорячится, проживетъ еще на островѣ Капрерѣ и выждавъ удобную минуту, не остановится ни передъ чѣмъ, когда затѣетъ новый походъ на выручку Венеціи. Нынѣшняя неудавшаяся экспедиція очевидно затѣяна не имъ. Онъ знаетъ очень хорошо, что войско волонтеровъ должно освобождать Венецію не черезъ Тироль, а черезъ Герцеговину, Триелиное королевство и Венгрію. Тамъ успѣхъ его не подлежитъ никакому сомнѣнію.

МЕКСИКАНСКІЯ ДѢЛА

Тройной союзъ англо-испанско-французскій болѣе не существуетъ. Войско императора Наполеона III осталось въ Мексикѣ устроивать престолъ для эрцгерцога Максимилиана, а войска англійское и испанское отправились воссоединиться. Это сдѣлано совершенно наперекоръ лондонской конвенціи; французы остались дѣйствовать только отъ себя, и предлогомъ своего нарушенія конвенціи взяли

необходимость будтобы оказать покровительство разнымъ мексиканскимъ выходцамъ вродѣ генерала Альмонте и подобныхъ ему людей, которые высадились въ Вера-Круцъ съ явно провозглашаемымъ наміреніемъ: уничтожить республику и устроить монархическій престолъ въ пользу эрцгерцога Максимилиана. 10 апрѣля французскіе уполномоченные объявили, что они впредь не будутъ вступать ни въ какіе переговоры съ правительствомъ президента Хуареза.

Испанскій главнокомандующій генералъ Примъ потребовалъ кораблей изъ Гаваны, чтобы везти назадъ свое войско. Но губернаторъ Гаваны отказалъ; тогда генералъ Примъ нанялъ купеческіе корабли. Англійскія войска уплыли на собственныхъ корабляхъ, и теперь французскіе орлы будутъ одни пожирать лавры: съ высоты мексиканскихъ снѣговыхъ горъ, какъ въ высоты пирамидъ, «сотни вѣковъ будутъ взирать на подвиги французовъ»; они тамъ покроются «чистѣйшею славой, проливая чистѣйшую свою кровь» и т. д., сообразно смыслу или безсмыслицѣ давно принятыхъ и освещенныхъ частымъ употребленіемъ фразъ.

Затѣяна была мексиканская экспедиція подѣ предлогомъ покровительства англичанъ, испанцевъ и французовъ, торговавшихъ въ Мексикѣ. Предполагалось силою оружія вытребовать у мексиканскаго правительства вознагражденія за разные потери, понесенныя подданными державъ, вступившихъ въ договоръ. А этимъ договоромъ обезпечивалось правильное употребленіе союзныхъ силъ, предтврщалось ихъ употребленіе въ смыслѣ честолюбія чьего бы то нибыло, или одной изъ державъ, или одной изъ политическихъ партій, существующихъ въ мексиканской республикѣ. Именно сказано было, что право получить вознагражденіе за разные убытки отнюдь не можетъ быть предлогомъ для вмѣшательства въ устройство или въ администрацію Мексики. Англійское правительство очень твердо держится принципа невмѣшательства, особенно когда въ отступленіи отъ этого принципа нѣтъ прямыхъ, непосредственныхъ торговыхъ выгодъ. Такъ Англія не вмѣшалась въ итальянское дѣло; такъ она требовала вывода французскихъ войскъ изъ Сиріи; такъ въ сѣвероамериканской междоусобной войнѣ она не приняла никакого участія; такъ она поступила нынче и въ Мексикѣ. Въ Соледадѣ заключенъ былъ договоръ, которымъ правительство Хуареза обязалось въ непродолжительномъ времени исполнять требованіе союзниковъ. Затѣмъ оставалось только дожидаться исполненія, пожалуй невыходя изъ Мексики. Испанія и Англія не входили во внутреннія дѣла Мексики и выполняли такимъ образомъ лондонскую конвенцію съ точностью.

Но Франція поступила иначе: ея правительство не одобрило соледадскаго договора, и взяло подъ свое покровительство, если только не специально для этой цѣли пригласило, генерала Альмонте съ роялистскими стремленіями. Мексиканское правительство отказалось вести переговоры съ уполномоченными союзныхъ державъ, прежде нежели генераль Альмонте и другіе эмигранты не будутъ высланы изъ страны, какъ явные и заклятые враги существующаго въ ихъ отечествѣ порядка. Англійскій и испанскій уполномоченные сочли это требованіе совершенно законнымъ, а французскіе отвергли его, такъ что изъ самаго отвѣта ихъ сдѣлалось ясно, что генераль Альмонте былъ ими приглашовъ. Въ такихъ обстоятельствахъ генераль Примъ, испанскій уполномоченный, и г. Уайкъ, уполномоченный со стороны Англій, объявили французамъ, что они не могутъ принимать дальнѣйшаго участія въ общей экспедиціи. Французы остаются воевать одни. Они уже успѣли дать блестящее кавалерійское сраженіе и вступили въ Оризабу. Между тѣмъ въ Мексикѣ уже вспыхнуло междоусобіе: монархическая партія признала генерала Альмонте своимъ главою; пять туземныхъ генераловъ объявили свою готовность ему повиноваться и уже напечатали манифестъ, которымъ они свергаютъ президента Хуареца; только-что французскія войска вступаютъ въ столицу, генераль Альмонте будетъ провозглашовъ временнымъ главою правительства, а потомъ, посредствомъ поголовной подачи голосовъ, будутъ окончательно определены желанія мексиканскаго народа. По всему видно, что планъ этотъ былъ въ Парижѣ задуманъ давно, и нѣтъ надобности сказывать, кто его авторъ.

Въ Монитерѣ напечатано письмо, которымъ пытаются оправдать принятыя мѣры, и покровительство генерала Альмонте объясняютъ тѣмъ, что *честь французскаго знамени* требуетъ, чтобы всѣ находящіяся подъ его защитой были оберегаемы какъ свои и отнять у него это покровительство нельзя безъ оскорбленія французскихъ орловъ. Но въ дѣйствительности честь Франціи вовсе не замѣшана въ этомъ вопросѣ, а если и замѣшана, то совершенно въ другомъ смыслѣ. При исполненіи ясно и точно обозначенныхъ условій конвенціи, честь великой державы требуетъ того, чтобы съ величайшею точностью держаться духа и буквы этой конвенціи. Положимъ, что Англія и Франція вступили бы въ союзъ съ точно опредѣленною цѣлью — получить напримѣръ отъ Австріи удовлетвореніе за какіе-нибудь убытки, посредствомъ занятія Триеста союзнымъ корпусомъ. Съ какимъ чувствомъ во Франціи получено было бы извѣстіе, что англійское правительство пригласило Кошута и Клауку принять участіе въ экспедиціи, причемъ Англія стара-

лась бы о возведеніи на будущій венгерскій престолъ какого-нибудь изъ многихъ германскихъ принцевъ? Развѣ австрійское правительство не имѣло бы полнѣйшаго права отказаться отъ переговоровъ съ союзными уполномоченными до тѣхъ поръ, пока Кошутъ и Клапка не будутъ отосланы назадъ въ Англію? Въ случаѣ еслибы Англія отказалась исполнить такое благоразумное требованіе, развѣ представители Луи-Наполеона не имѣли бы права, не были бы обязаны бросить экспедицію, которая уже несоотвѣтствуетъ первоначальнымъ своимъ цѣлямъ? — Нѣчто совершенно подобное этому произошло внынче по отношенію къ Мексикѣ.

Когда французскіе уполномоченные говорятъ о существующемъ въ Мексикѣ правительствѣ какъ объ угнетающемъ меньшинство; когда они указываютъ на насилія, къ которымъ тамъ прибѣгаютъ, чтобы задушить истинныя желанія страны и направленіе общественнаго мнѣнія; когда они объявляютъ сверхъ того, что воздерживаясь отъ враждебныхъ дѣйствій, они были бы участниками того угнетенія, подъ которымъ страдаетъ большинство мексиканскаго народа, — то все это отзывается схоластическими уловками, изъ-за которыхъ ясно видно намѣреніе бросить мечъ Франція на политическіе вѣсы Мексики.

Всѣ европейскія газеты, кромѣ официальныхъ французскихъ и вѣнскихъ, возстаютъ противъ этого отступленія отъ лондонской конвенціи. Между прочимъ «Times» печатаетъ рядъ превосходныхъ статей о мексиканскихъ дѣлахъ. Вотъ одинъ отрывокъ.

«Франція вѣроятно думаетъ и о себѣ точно такъ же, какъ о Мексикѣ. Хотя она *ведетъ войну за идею*, однако вѣдь должно же быть, что если Франція жертвуетъ для Мексики французскими войсками и французскими деньгами, то она можетъ по справедливости рассчитывать на свои выгоды неменѣе того, какъ на славу предпріятія. Мы не оспориваемъ у нея этого права; напротивъ, желаемъ ей всевозможныхъ успѣховъ. Если французы 1862 года настолько отличаются отъ нынѣшнихъ же англичанъ, что смотрятъ на заграничныя побѣды и завоеванія съ удовольствіемъ, и съ надеждой, то — пусть наслаждаются. Занятіе Мексики французскими войсками будетъ конечно стоить денегъ Франціи, но зато оно можетъ быть будетъ пріятно французскому народу, а всему остальному міру оно навѣрное будетъ выгодно.

«Въ Мексикѣ Франція можетъ сдѣлать чрезвычайно много добра, весьма мало риска сдѣлать вредъ, развѣ самой себѣ. Тамъ можетъ быть придется уничтожить національность, придумать свободу и перекричать народный голосъ; да это не бѣда: дѣлается же это теперь въ Италіи. Но мексиканцы показали чрезвычайную неспо-

способность управляться самимъ собою. Если имъ суждено когда-нибудь организовать въ государство, то ясно, что кто-нибудь долженъ это сдѣлать за нихъ, а сами они до этого никогда не добьются. Можно сказать, что такой конецъ всѣми считался неизбѣжнымъ, хотя соображенія выражались въ весьма различныхъ формахъ. Американцы знали очень хорошо, что Мексика никогда противъ нихъ не удержится; они рассчитывали, что ей выгодно будетъ присоединиться къ могущественной республикѣ. Испанцы тоже очень хорошо знали, что ихъ древняя колонія удобно можетъ быть взята, и горестъ, которая проглядываетъ въ словахъ генерала Прима происходитъ скорѣе отъ того, что Испанія была тутъ замѣщена, чѣмъ отъ его антипатіи къ предложенному разрѣшенію вопроса. Всѣ знали вѣроятно съ самаго начала, что если вся экспедиція была не пустая шутка, то она должна была кончиться вмѣшательствомъ какой-нибудь силы, для измѣненія желѣзною рукою всего положенія Мексики. Такъ какъ Франція была къ этому особенно расположена, то дѣло и досталось на ея долю, а такъ какъ Испанія такимъ образомъ не оставалось ни мѣста, ни надежды, то испанцы и удалились.

«Ни къ чему не повели бы догадки относительно того, какъ пойдутъ дѣла далѣе, при новыхъ условіяхъ, и въ какой формѣ Франція получить вознагражденіе за свои жертвы и труды. Вопросъ о томъ, можетъ ли восшествіе австрійскаго принца на мексиканскій престолъ входить въ какія-нибудь европейскія политическія соображенія, или скорѣе французское вліяніе будетъ играть важнѣйшую роль въ будущемъ королевствѣ,—это задачи, которыя намъ разсматривать не любопытно. Мы готовы думать, что Франція рассчитываетъ на какое-нибудь равномѣрное вознагражденіе за свои издержки и усилія, не отрицаемъ справедливости подобныхъ расчетовъ и безъ опасеній смотримъ на результаты этого предпріятія. Если границы французской имперіи слишкомъ тѣсны для народной энергіи, то Мексика представляетъ прекрасное поле для ея употребленія. Торговля и цивилизація могутъ тамъ развиваться въ одно и тоже время, и всякій изучавшій Мексику за послѣднія тридцать лѣтъ согласится, что она тутъ не можетъ не выиграть. Мы сами такого труда не предпримемъ; но если нашимъ сосѣдямъ это удобно, то мы отъ души желаемъ имъ успѣха. Французское войско найдетъ несравненно лучшее и полезнѣйшее дѣло въ Мексикѣ, чѣмъ въ Римѣ.»

Газетѣ «Times» и другимъ англійскимъ газетамъ очень легко подшучивать такимъ образомъ, но Франціи отъ этого не легче. Какъ-видно французамъ до нѣкоторой степени пріѣлась слава, за которую надо платить кровныя, трудовыя деньги, и уже очень многія газеты, именно не получающія денежнаго пособія отъ прави-

тельства, находятъ, что Франція очень удобно могла бы обойтись безъ мексиканскаго похода, который только-что начинается, а кожда невидво ни ему, ни сопряженнымъ съ нимъ издержкамъ. Поговариваютъ даже, что министръ финансовъ Фульдъ выходитъ въ отставку, нежелая нести на себѣ нравственной отвѣтственности за полное разстройство сочиненной имъ смѣты расколовъ. А что смѣта разстроится, въ этомъ не сомнѣвается никто. Но французское правительство знаетъ очень хорошо, что весьма легко одолѣть растущее неудовольствіе посредствомъ пологрѣванья воинственнаго жара. Для этой цѣли помѣщаются въ газетахъ «преданныхъ» самыя цвѣтистыя описанія французскихъ подвиговъ. Напримѣръ первое сраженіе при Оризабѣ покрыло французское оружіе новымъ свѣтомъ славы, такимъ ослѣпительнымъ свѣтомъ, какой и не снился ни Леониду при Термопилахъ, ни Эпамивонду при Мантиней, ни Гарибальди при Капуѣ, ни одному изъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ полководцевъ. Французская кавалерія состояла изъ отряда африканскихъ егерей и небольшого отряда жандармовъ, всего около 300 человекъ. Передъ ними находилось болѣе 2000 хорошо вооруженныхъ всадниковъ, составляющихъ первую дивизію генерала Сарагоза. Непріятель занималъ равнину, закрывая собою входъ въ ущелье, ведущее къ городу Оризаба. Онъ имѣлъ — говорятъ французскія газеты — забавную претензію остановить наше мѣрное и твердое шествіе. Но наша кавалерія, которой нѣтъ равной въ мірѣ, бросилась съ быстротою и съ силою молніи въ атаку, и послѣ краткаго сраженія смаяла непріятели и проглотила его въ одинъ глотокъ, запивъ потомъ глоткомъ бургонскаго вина, которое съ такою любезностью предлагается нашими красавицами-маркитанками въ живописнѣйшихъ полувоенныхъ, полуженскихъ костюмахъ. Мы вступили въ городъ и были приняты жителями съ восторгомъ. Непозже 15 мая мы будемъ въ Мехико, въ столицѣ. Знамя наше, развѣваясь въ центральной Америкѣ, еще разъ покажетъ изумленному міру, что вездѣ, гдѣ только есть справедливое дѣло, тамъ за него стоятъ французское знамя; гдѣ только есть угнетенные, тамъ всегда имъ готова помощь французскихъ штыковъ; гдѣ только царитъ негласная несправедливость — слышите! — карающій громъ! Это громъ французскихъ пушекъ.

Генералъ Альмонте дѣйствуетъ съ своей стороны. Онъ уже образовалъ кавалерійскій корпусъ почти въ шесть тысячъ человекъ. Подъ его начальство вступаютъ члены самыхъ богатыхъ, аристократическихкихъ и землевладѣльческихъ семействъ, всегда такъ преданныхъ монархическому началу. Надо надѣяться, что при помощи такихъ союзниковъ дѣло Франціи, дѣло порядка, дѣло законности, состоя-

щее въ разрушеніи существующей власти и возстановленіи другой, монархической, восторжествуетъ весьма скоро.

Но остава шутки, положеніе несчастной Мексики становится невыносимымъ; беспорядки со дня на день увеличиваются — отъ *крикомнозъ*. Это преувеличивающее, упругое и топорщащееся украшеніе женскаго костюма послужило поводомъ къ названію цѣлой политической партіи достаточныхъ людей, которыхъ средства позволяютъ жованъ носить криволины. Недавно въ провинціи Тамаули-насъ были выборы губернатора. Большинство голосовъ было въ пользу г. Серна, кандидата партіи рабочихъ, *рохо*. Выборъ былъ утвержденъ конгрессомъ и верховнымъ судилищемъ въ Мехико. Но партія *крикомнозъ* въ городѣ Матаморосъ стала утверждать, будто выборы были произведены неправильно, и не признала новаго губернатора. Съ обѣихъ сторонъ схватились за оружіе. Генералъ партіи *рохо*, Карваалъ, явился съ двухтысячнымъ отрядомъ осаждать Матаморосъ. Съ обѣихъ сторонъ служились униловствительныя обѣды, съ просьбами оказать покровительство правдѣ и покарать нечестіе. Полилась кровь, и дѣло могло бы очень худо кончиться для криволиновъ, еслибы одинъ изъ нихъ не догадался откопать старинную испанскую пушку, врытую гдѣ-то на площади вмѣсто столба. Тайно устроили нѣчто вродѣ лафета, положили пороху, начили пушку по горло картечью и стали ожидать нападенія. Дѣйствіе этой машины было самое рѣшительное: огромное количество мертвыхъ и раненыхъ осталось на мѣстѣ; нападающіе, никакъ не ожидавшіе пушечнаго выстрѣла, разбѣжались и не показывались бодрѣ. Криволины одержали побѣду, губернатора не признали; но партія *рохо*, говорятъ, намѣрена тоже гдѣ-то добыть себѣ пушку и выместить свое поражение.

Вотъ въ какомъ положеніи находится Матаморосъ, и точно также вся Мексика. Трудно будетъ эрцгерцогу Максимилиану завести тамъ какіе-нибудь, хоть австрійскіе порядки.

СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКІЯ ДѢЛА

Рабовладѣльцы вездѣ разбиты. Свободные одолеваютъ и все подвигаются впередъ. Понятно, составляетъ ли это поводъ къ радости для цѣлаго человѣчества. Рабовладѣльцы разумѣется считаютъ свое дѣло правымъ, точно также какъ и свободные, и считаютъ себя вправѣ выражать благородное негодованіе на завоевательныя движенія свободныхъ. И дѣйствительно, съ рабовладѣльческой точки зрѣнія, негодованіе ихъ благородно. Вотъ напри- мѣръ, что вышетъ меръ города Новаго-Орлеана, когда равола-

дѣльческія войска должны были удалиться и главнокомандующій свободныхъ потребовалъ сдачи города:

«Въ силу принятой нами рѣшимости для сохраненія жизни женщинъ и дѣтей, остающихся въ нашей столицѣ, генералъ Ловелъ вышелъ отсюда съ своими войсками, поручивъ мнѣ управление и охрану его чести. (?) Въѣхавъ съ городскими старшинами я рассмотрѣлъ ваше требованіе сдать вамъ городъ безусловно и поднять на общественныхъ зданіяхъ флагъ Соединенныхъ—Штатовъ, опутивъ флагъ, теперь еще развѣвающійся на городской ратушѣ. Я обязанъ вамъ отвѣчать сообразно съ чувствами моихъ довѣрителей и съ тѣмъ, что подсказываетъ мнѣ мое сердце въ нынѣшнихъ прискорбныхъ и торжественныхъ обстоятельствахъ. Городъ не имѣетъ средствъ къ защитѣ; онъ вовсе не имѣетъ ни войскъ, ни оружія, при помощи которыхъ онъ могъ бы сопротивляться огромнымъ стоящимъ передъ нимъ силамъ. Я не солдатъ. У меня одна только власть — исполнять законы Нового-Орлеана. Съ моей стороны было бы огромною опрометчивостью — вести въ бой войско, еслибъ у меня войско было. Еще менѣе того сумѣю я сдать городъ беззащитный, оставленный на произволъ вашихъ пушекъ и мортиръ. Въ такихъ обстоятельствахъ сдачи города была бы ничего незначащею, бесполезною церемоніей. Городъ вашъ, вслѣдствіе силы вашей, а не по согласію его жителей. Вы и скажете, какая судьба насъ ожидаетъ. Чтоже касается до поднатія непринятаго нами флага, то позвольте вамъ сказать, что между нами не найдется ни одного человѣка, у котораго не отнялись бы и рука и сердце при мысли о подобномъ поступкѣ. Между здѣшнимъ населеніемъ, даже между самыми испорченными его членами, нѣтъ ни одного отступника, который рѣшился бы осквернить своею рукою священный символъ нашихъ желаній. (Надо замѣтить, что такая пышная фраза говоритса—о чемъ же? О флагѣ невольничества, о символѣ презрѣнія къ половинѣ человѣческаго рода! Послѣ этого обо всемъ на свѣтѣ можно говорить съ благоговѣніемъ, съ извѣстной точкой зрѣнія.) Вы выразили чувства, которыя могли бы принадлежать человѣку, сражающемуся за лучшее дѣло. Я увѣренъ, что источникъ этихъ чувствъ — природа, хотя заблуждающаяся, но благородная, и умѣю ихъ цѣнить. Занявъ нашъ городъ, вы будете управлять народомъ храбрымъ, чувствительнымъ ко всему, что можетъ сколько-нибудь оскорбить его самоуваженіе. Прошу васъ осторожно обращаться съ его щекотливостью. То, въ чемъ я буду ручаться отъ имени народа, будетъ свято исполняемо. Вы можете положиться на честь этого народа, хотя не можете рассчитывать, чтобы онъ покорялся незаслужоннымъ оскорбленіямъ. Короче сказать, прошу васъ понять хоро-

щенько, что населеніе Нового-Орлеана хотя и не можетъ противиться вашимъ силамъ, однако оно не дастъ себя въ обиду людямъ, которые подлымъ образомъ покинули наши ряды въ минуту грозившей намъ опасности; оно не будетъ также выносить людей, которые насильно будутъ напоминать ему, что оно покорено, а вы — завоеватели. Миръ можетъ быть сохраненъ, неприбѣгая къ мѣрамъ, которыхъ отстранить я не буду въ состояніи. Ваше занятіе города не переноситъ нашей присяги избранному нами правительству на другое, обдуманно отринутое нами правительство. Расчитывайте только на повиновеніе, которое можетъ быть вытребовано побѣдителемъ у побѣжденнаго.»

Подрешая словенъ дурнаго вѣра, можно было бы сказать, что вършеннаго нѣтъ чувства должны бы принадлежать человеку, стѣсненному не за такое скверное дѣло, какъ рабовладѣльчество. Подрешности военныя дѣйствія для насъ весьма мало любопытны; во всѣхъ войнахъ, и въ этой, повторяется одно и то же: люди стрѣляютъ въ людей, рѣжутъ людей, колотъ; ядра разбиваютъ головы, пули пробиваютъ грудь, ломаютъ кости. Сирадъ крови разнесется въ жаркомъ воздухѣ, слышны стоны, топотъ лошадей заглушается артиллерійскою канонадой; народъ умираетъ, страдаетъ; тамъ лежатъ живые человекъ съ оторванной рукой и истекаетъ кровью; тамъ христіанинъ, спрятавшисъ за кустъ, старательно дѣлается изъ парижскаго ружья, заряженнаго пулей. Во всемъ этомъ всего удивительнѣе те обстоятельство, что въ случаяхъ бѣгства съ поля сраженія, бѣгутъ не обѣ стороны, чтобы только не видѣть этихъ отвратительныхъ картинъ, чтобы только не быть въ нихъ дѣйствующими лицами.

Какъ бы то нибыло, результаты таковы, что рабовладѣльцы стѣснены со всѣхъ сторонъ; множество городовъ ихъ взято, множество фортговъ завоевано; во многихъ мѣстахъ были кровавыя стычки, даже цѣлыя сраженія, въ которыхъ съ обѣихъ сторонъ люди падали тысячами, десятками тысячъ; истреблено множество кораблей, канонерскихъ лодокъ, мортирныхъ батарей. Устье Миссисипи, отца рѣкъ, находится въ свободныхъ рукахъ; рабовладѣльцы, спасаясь бѣгствомъ изъ Норфолька, истребили всѣ свои корабли и даже взорвали свой прославленный Меримакъ, панцырный корабль, надежду и опору всѣхъ ихъ морскихъ силъ, которыхъ теперь уже нѣтъ. Со всѣхъ сторонъ стѣснены рабовладѣльцы съ своими невольниками, но до сихъ поръ не унываютъ, покрайней-мѣрѣ еще не думаютъ о сдачѣ. Вездѣ они истребляютъ, когда приходится отступать, свои замасы хлопка и сахарнаго песку: хлопокъ они жгутъ, сахарный

песокъ бросаютъ въ рѣку. Опустошенія такого рода сдѣланы въ Мемфисѣ, въ Новомъ-Орлеанѣ, въ Норфолкѣ.

Для нихъ однакоже не такъ хороши, какъ они ихъ выставляютъ. Рабовладельческій президентъ предложилъ своему конгрессу сдѣлать военную службу обязательною для всѣхъ безъ исключенія свободныхъ гражданъ отъ 18 до 50 лѣтъ, способныхъ носить оружіе. Это показываетъ конечно большой недостатокъ въ солдатахъ. Свободные напротивъ объявили, что они больше не принимаютъ волонтеровъ, потому что въ войскѣ ихъ уже имѣется полмилліона солдатъ, и болѣе ненужно.

Свободные продолжаютъ строить новые панцирные корабли, помняуще предумышляя новыя системы, новыя орудія, приспособленія для дѣйствительнѣйшей защиты своихъ и потребенія неприятеля. Теперь въ Нью-Йоркѣ достраивается батарея Стевена, отъ которой идутъ чудеса. Это корабль, одѣтый желѣзомъ, съ медною съ стальными пановечникомъ подводною шпорою, сидящій въ водѣ до самой верхней палубы, такъ что на поверхности пемѣщаются только пушки. Пушекъ этихъ восемь, громаднѣйшаго калибра; онѣ спрятаны за толстыми желѣзными стѣнами. Но главная сила этого корабля заключается въ огромной силѣ его двигающаго паровой машины, отъ которой долучается скорость исключительная. Такиимъ образомъ ударъ подводной шпору въ подводную часть неприятельскаго корабля будетъ ужасенъ, причемъ сама батарея не пострадаетъ нисколько, благодаря впрочемъ своему устройству и перегородкамъ, которыми онъ снабженъ внутри. Двигатель состоитъ изъ пары винтовъ, помѣщенныхъ во бакамъ корабля, въ задней узкой его части. Паровая машина, приводящая въ движеніе этотъ корабль и составляющая тутъ не только двигательную, но и боевую силу, устроена на 8.000 силъ. Это самая сильная паровая машина, какая только помѣщена на кораблѣ, и больше ея — одна только, приводящая въ движеніе знаменитый Левиафанъ или Греть-Истертъ.

Но несмотря на огромныя средства свободнаго сѣвера, несмотря на плодovitѣйшую изобрѣтательность его, на неукротимую дѣятельность, неслѣдуетъ ждать слишкомъ скорого окончанія нынѣшней войны. Свободный сѣверъ не жалѣетъ денегъ, жертвуемыхъ добровольно разными богачами, не колеблется производить громаднѣйшіе займы, на которые очень исправно уплачиваются проценты, во до сихъ поръ еще не избавился отъ предразсудка, который можетъ продлить войну еще на многіе годы или покрайней-мѣрѣ, если война и кончится скоро, то затрудненія и неприятели будутъ еще продолжительныя. Этотъ гибельный предразсудокъ состоитъ въ томъ, что вашингтонскій конгрессъ до сихъ поръ еще уважаетъ права рабо-

владѣльцевъ на беззачетное владѣніе ихъ невольниками. При нынѣшнемъ ходѣ войны чрезвычайно было бы полезно объявить, что если рабовладѣльческіе штаты не покорятся добровольно, то во время тѣхъ штурмовъ, осадъ или провинцій, которые будутъ считаться свободными войсками, невольничество уничтожается безвозвратно и навсегда. Это заставило бы южные штаты прекратить провинціальное, которое до сихъ поръ не объяснено еще открытнѣе.

Великій американецъ знаетъ очень хорошо, что война началась дѣла за невольничество. Рабовладѣльческіе штаты отложились отъ союза вслѣдъ затѣмъ, какъ провозглашонъ былъ предсѣдателемъ извѣстный аболіціонистъ Линкольнъ. До него ни одинъ президентъ не былъ такимъ яростнымъ врагомъ невольничества, покуда что каждый былъ выбранъ вождь вліятельнѣе рабовладѣльческой партіи. Тамъ гдѣ существуетъ обязательный трудъ, промышленность невозможна, и въ южныхъ штатахъ онъ шѣтъ, или нѣтъ никакой, кромѣ земледѣльческой. По этому рабовладѣльцамъ выгодно получать произведенія американской промышленности безъ пощаниъ, тогда какъ жителямъ янвера лучше еще нѣкоторое покровительство для ихъ несовѣтъ установившихся фабрикъ. Выходитъ, что защитники невольничества сдѣлываютъ въ тоже время свободу торговли, а противники невольничества въ тоже время противятся свободѣ заграничной торговли. Обстоятельства сложились такъ, что свобода торговли выгодна для рабовладѣльцевъ, составляетъ нѣчто родѣ покровительственной системы для ихъ рабовладѣльческихъ правъ, а съ другой стороны вышняя торговля, ограниченная покровительственнымъ тарифомъ, поощряетъ свободный трудъ и уснѣчаетъ рабовладѣльскіе интересы. Какъ бы то нибыло, вся разгадка дѣла заключается въ невольничествѣ, а до сихъ поръ война ведется все еще такъ, что невольничество будто въ сторонѣ, будто оно не составляетъ сущности войны. Предполагается даже, что въ случаѣ успѣшнаго окончанія войны невольничество останется тамъ, гдѣ оно есть. Неоткровенность, содрожная съ тысячами смертей и съ миллиардами расходовъ, чрезвычайно вредна, какъ она вредна впрочемъ и вездѣ. Либо сейчасъ же прекратить войну и приступить къ выкупу невольниковъ, либо продолжать войну и освобождать рабовъ по мѣрѣ занятія свободными войсками рабовладѣльческихъ провинцій.

Но вслѣдствіе ложныхъ понятій или предразсудковъ касательно собственности и войны, вашингтонскій конгрессъ не смѣетъ высказаться прямо, не рѣшается принять твердыя и логическія мѣры. На дняхъ въ конгрессѣ постановлено, что впредь въ территоріяхъ Союза невольничество допускаемо не будетъ, а территорія, какъ извѣстно,

есть только пространство земли, которое также — что намъ известно — заселяется колонистами и еще не заключаетъ въ себѣ столько жителей, чтобы можно было образовывать изъ нея отдельные штаты. Газеты, въ восторгѣ отъ этой рѣшительной мѣры, принятой конгрессомъ, утверждаютъ будто это рѣшительный, великій шагъ, разгадавъ воѣхъ будущихъ затрудненій и т. д. Конечно въ новомъ законѣ много хорошаго, но это только полумѣра или лучше — начало мѣры, которая должна бы съ самаго начала войны быть распространена на весь Союзъ, на территоріи, точно также какъ и на штаты.

ПОСЛѢДНІЯ ИЗВѢСТІЯ

Въ Португаліи совершилось счастливое для страны событіе: король донъ Луишъ I объявилъ палатамъ, что онъ въпрямь вступитъ въ законный бракъ. Известно, что король донъ Луишъ I есть второй сынъ королевы доньи Маріа да-Глоріа, умершей въ 1853 году; и короля дона Фердинанда, герцога саксенъ-кобургскаго. Нынѣшній король наследовалъ брату своему королю дону Педро V, столь рано похищенному смертью у своего народа. Король Луишъ I родился 24 октября 1838 года, стало-быть ему теперь двадцать четыре года.

Будущая королева португальская — дочь итальянскаго короля Виктора-Эммануила и покойной королевы Александры, эрцгерцогини австрійской, умершей въ 1855 году. Принцесса Маріа-Низъ родилась 6 октября 1847 года, стало-быть ей теперь пятнадцать лѣтъ. Она младшая сестра принцессы Клотильды, супруги принца Наполеона. Такимъ образомъ она становится новою связью между королевско-португальскимъ и императорско-французскимъ домами, которые однакоже и безъ того находятся уже въ родствѣ: принцесса донна Антонія, сестра короля дона Луиша I, находится въ супружествѣ съ наследнымъ княземъ гогенцоллернъ-зитмарингенскимъ, который приходится сродня (cousin-germain) императору Луи-Наполеону.

Въ Испаніи для страны совершилось радостное событіе: палатѣ депутатовъ сообщено отъ правительства извѣстіе, что ея величество королева изволила вступить въ девятый и послѣдній мѣсяцъ своей беременности и продолжаетъ находиться въ вожделѣнномъ здравіи.

Въ Греціи случилось событіе, которое могло бы имѣть ужасныя послѣдствія, но къ счастью для страны, все кончилось благополучно. 28 апрѣля, въ 5 часовъ вечера, королева каталась верхомъ, въ сопровожденіи одной придворной дамы, ординарца, адъютанта и великаго начальника конюшенъ (оберъ-штальмейстера). Во время этой

прогулки королева упала съ лошади и ушибла себѣ голову повѣше виска. Непотерявъ сознанія, ея величество встала и была отведена въ находившійся тутъ домъ сенатора Паксимоди, гдѣ и была подана помощь, состоявшая изъ холодной воды. Причина паденія заключается въ томъ, что когда королева ѣхала крупною рысью, черезъ улицу перешло дитя. Въ высококомъ челобѣтѣ своемъ, королева, нежелая задавить ребенка, вдругъ остановила свою лошадь, но сама не удержалась въ сѣдлѣ и упала головой впередъ, на мраморную мостовую.

Одинъ англійскій журналъ *спорта*, скачекъ и охоты, пересказывая этотъ случай по другимъ газетамъ, увѣряетъ, что упасть такимъ образомъ нѣтъ возможности, что когда приходится остановить лошадь; корпусъ всадника подается назадъ, этимъ уже движеніемъ напрягаются поводья, что и заставляетъ лошадь остановиться, такъ что упасть впередъ нѣтъ возможности, если только лошадь не остановится сама собою.

Что происходитъ въ Герцеговинѣ — никакой нѣтъ возможности понять. По однимъ извѣстіямъ возстаніе христіанъ противъ мусульманъ совершенно подавлено; христіане, разбитые при Дугѣ и въ другихъ мѣстахъ, потеряли нѣсколько тысячъ убитыхъ и раненыхъ и бѣжали. По другимъ извѣстіямъ христіане вездѣ торжествуютъ, и турки, разбитые тоже при Дугѣ и въ разныхъ другихъ встрѣчахъ, потеряли несметное множество народу убитыми и ранеными, бѣгутъ съ позоромъ. Въ тоже время получается извѣстіе, что султанъ слышать не хочетъ о самостоятельности Черногорья и далъ Омеру-пашѣ строгое повелѣніе покорить черногорцевъ. Незавѣстно только, какимъ образомъ Омеръ-паша возьмется за исполненіе этого повелѣнія.

О лондонской выставкѣ извѣстія не очень блестящія. Говорятъ, что она далеко не такъ выгодна какъ первая, что предметовъ выставлено гораздо больше, зато посѣтителей бываетъ ежедневно вдвое и втрое меньше. Французы надѣются, что ихъ собачья выставка будетъ несравненно удачливѣе.

НАШИ ДОМАШНЯЯ ДѢЛА

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ

Весна и ея вліяніе. — Весеннее движеніе. — Притча объ отрицателькѣ съ правоученіемъ. — Анекдотъ о должникѣ, также съ правоученіемъ. — Что объ атракціи, кринолинѣ, женственности и мужественности. — Замѣчанія г. Пирогова на проектъ университетскаго устава. — Предположеніе о кафедрѣ строительнаго искусства. — Въ какихъ городахъ лучше быть университетамъ. — Неожиданное появленіе русскаго народа на пьедесталѣ. — Слухъ о сибирскомъ проектѣ Рейтера. — Протестъ г. Сіяльскаго.

Мы рассчитывали начать и кончить эту статью подъ благодатнымъ вліяніемъ первыхъ теплыхъ дней поэтического мѣсяца мая, и признаемся — чрезвычайно многого ожидали отъ этого вліянія. Вотъ, мечталось намъ; пройдетъ ладожскій ледъ, станетъ тепло, вдругъ распустится зелень; всѣ эти кое-гдѣ мелькнушіе голые и мертвые прутья оживутъ, обнаружатъ дыханіе, и мы... мы, зловольные полюбимъ божинъ, — не пасынки-же мы у природы! И на насъ должна капнуть частица благодатнаго вліянія, на все наше существо — и на воображеніе, и на мысли; а тѣ мысли, которыми мы вознамѣрились украсить нашу статью, распустантся и расквітнутъ полнымъ цвѣтомъ, асныя и свѣтлыя, на радость намъ и читателямъ... Очарованные этою мечтою, мы какъ-будто и въ самомъ дѣлѣ почували близость тепла, тотчасъ вынули зимнія рукавицы, и тщетельно запрятавъ руки въ рукава, стали озирааь воспресонія природы, со всѣми ея счастливыми послѣдствіями. Сидимъ и ждемъ... Но что за чудо! лопнули почки на деревьяхъ, на улицахъ стало ужасно много пыли, — стало-быть весна; а у насъ въ воображеніи все какъ-будто идетъ ладожскій ледъ, и неприятно-рѣзкій вѣтеръ прохватываетъ до костей. Гдѣ тутъ расквітнуть мыслямъ! Холодно, милостивые государи, очень холодно! Пришлось начинать безъ благодатнаго вліянія...

Не подумайте однако, что мы рѣшились угощать васъ разговоромъ о погодѣ: какъ можно! Не о состояніи погоды, а о состояніи собственнаго духа хотѣли мы упомянуть, пояснивъ, что оно не весеннее, мало соответствующее вздревле установленному понятію объ этомъ времени года. Но вы скажете, что и это до васъ не касается, — какое-дескать намъ дѣло до состоянія вашего духа! Оно было бы такъ, еслибы мы готовились предложить вамъ спокойно-медленный трудъ, избравъ предметомъ его что-либо давноминувшее; но говоря наскоро о текущихъ дѣлахъ, трудно спрятать или отмахнуть отъ себя собственное состояніе духа, которое можетъ быть и порождено текущими дѣлами, или можетъ какъ-нибудь отозваться въ нашемъ взглядѣ на нихъ; повтому и пытаться спрятать его намъ кажется совершенно лишнимъ... Да! такъ весна на насъ не подѣйствовала. Странно! Вступила она въ должность съ строгимъ соблюденіемъ порядка, выполнила всѣ требуемыя въ этомъ случаѣ формальности, учинивъ надлежащія распоряженія по всѣмъ частямъ своего управленія, — такъ что еслибы по жалобѣ какого-нибудь прозябшаго пролетарія была наряжена надъ нею ревизіонная или даже слѣдственная коммиссія, то она, весна, вышла бы правою и по документамъ неукоризненно-чистою: нашлись бы и лопнувшія почки, и узаконенное количество пыли, и солнечные лучи, падающіе подъ установленнымъ, а не какимъ другимъ угломъ. Между тѣмъ вы знаете сколь благотворны были въ дѣйствительности результаты ея распоряженій, хоть напримѣръ къ половинѣ мая, которымъ она преимущественно имѣетъ обыкновеніе гордиться и хвастаться: солнечные лучи грѣли вамъ одинъ бокъ, а подъ другой непріязненно забирался рѣзкій и холодный вѣтеръ; лопнувшія почки нехотя выпустили самую блѣдную, чахоточную зелень; пыль точно была, но она, какъ извѣстно, только и годна для показанія въ весенней отчетности, больше же рѣшительно ни для чего...

Въ чемъ же заключалось или еще заключается наше наибольшее весеннее движеніе? Если не наибольшее, то весьма значительное движеніе явилось намъ въ сборахъ за границу. Очень много слышали мы именъ отъѣзжающихъ; бѣдутъ разные люди: мнимо-больные и истинно-страждущіе, ученые и учащіеся, любознательные и любопытные, свѣта жаждущіе и отъ скуки зѣвующіе, дѣло пытающіе и отъ дѣла летающіе... Исчислить всѣ роды отъѣзжающихъ людей, всѣ добрыя, благородныя или ничего незначащія побужденія ихъ — трудно, да и не въ томъ дѣло; насъ занимаетъ тутъ другой вопросъ: что привезутъ въ себѣ эти путешественники намъ, домо-сѣдамъ? какіе образуются въ нихъ взгляды и мысли въ отношеніи къ намъ и къ нашимъ дѣламъ? Какъ отразятся на нихъ путевыя

впечатлѣнія — все такъ же ли, какъ отражались на вѣдвшихъ подобно имъ назадъ тому пять, десять или пятнадцать лѣтъ, или какъ иначе? Надо ожидать, что иначе: отбѣжая подъ иными впечатлѣніями, они должны и воротиться также подъ иными. На основаніи этого предположенія, желая имъ благополучнаго пути и благопріятнаго возвращенія, мы будемъ съ нетерпѣніемъ ожидать этого возвращенія, въ надеждѣ услышать что-нибудь свѣжее и искреннее...

Другое движеніе было у насъ... исключительно словесное, литературное. Это — шумный говоръ объ отрицателяхъ. Онъ долженъ быть записанъ въ хронику по органической связи его съ «нашими домашними дѣлами». Поводомъ къ нему, какъ безъ сомнѣнія вамъ извѣстно, былъ романъ г. Тургенева, въ которомъ очень сильно описанъ отрицатель. По значительности, по важности повода, говоръ былъ конечно неизбѣженъ; но мы замѣтили одну странность: нѣкоторые люди, видимо обрадовавшись поводу, накинулись на отрицателей съ такимъ жаромъ, который только и свойственъ неожиданной радости. И вотъ какія внушительныя рѣчи между прочимъ случилось намъ услышать среди излияній этой радости:

«Потребовалось одному хозяину каменнаго дома одѣлать перестройку. Вотъ онъ созвалъ своихъ сосѣдей да пріятелей, и пообѣщавъ имъ хорошее угощеніе, просилъ помочь сначала сломать старое зданіе, а потомъ выстроить на его мѣстѣ новое.

«Пріятели собрались и принялись за дѣло. Работа закипѣла живо. Только ломая, многіе замѣтили хозяину, что неслѣдуетъ разрушать домъ окончательно, что фундаментъ и нѣкоторыя капитальныя стѣны очень крѣпки, могутъ войти въ составъ новаго дома, а потому и неслѣдуетъ ихъ ломать. Хозяинъ посмотрѣлъ, видитъ, что пріятели правы, и поблагодарилъ ихъ за добрый совѣтъ.

«Окончивъ ломку всего, что можно было ломать, работники принялись за постройку новаго дома и уже начали выводить стѣны... какъ прибѣжалъ еще одинъ изъ приглашенныхъ пріятелей и видя, что не всѣ стѣны доломаны, началъ разбивать ломомъ первую, которая попалась ему.

«— Эй! крикнулъ хозяинъ: — что ты, братецъ, тамъ дѣлаешь? Зачѣмъ ломаешь стѣну?

«— Да вѣдь ты же просилъ меня помочь разломать старый домъ?

«— Просить-то просилъ, кто говорить что нѣтъ, только просилъ-то я пораньше; а теперь, братецъ, ужъ нечего ломать: нужно строить. Если не умѣешь камня класть, такъ лучше уходи вонъ, а добра моего напрасно не порти.»

Это видите ли притча, или вѣрнѣе — мудрая притча, за которой слѣдуетъ правоученіе :

«Въ жизни всякаго народа случаются иногда минуты, когда онъ вдругъ находитъ неудобною дорогу, по которой шолъ прежде, и сворачиваетъ на другую... Народъ чувствуетъ необходимость начать новую жизнь... Чтобъ начать ее, нужно уничтожить многое старое.

«Являются люди, которые берутъ это на себя и начинаютъ рубить все что кажется имъ помѣхою на новомъ пути. Они гремятъ своими проповѣдями противъ застарѣлыхъ привычекъ, мнѣній, убѣжденій, обычаевъ... они ломаютъ, т. е. отвергаютъ многое старое, ные и все старое, и ничего не хотятъ признавать. Они все уничтожаютъ, бросаютъ, коверкаютъ, неоставляя ничего живымъ и здоровымъ. Это — *отрицатели* или... *кикислы*. Это своего рода чернорабочіе, которые бывають способны только на ломку чего-нибудь стараго, но предъ созданіемъ новаго — они отступаютъ, благоразумно оставая мѣсто дѣятельности другимъ.

«Когда нигилисты поступаютъ такимъ образомъ, то они честные и умные люди... Но не всѣ нигилисты таковы. Между нигилистами бывають люди, которые не умѣютъ понять предѣла своей дѣятельности, или не хотятъ отступить отъ нея, потому что самолюбіе мѣшаетъ. Начавъ отрицать, они продолжаютъ отрицать безъ конца... Эти упорные нигилисты, бывши въ свое время *передовыми* людьми, подъ конецъ дѣлаются *отсталыми*, потому что продолжаютъ свое отрицаніе въ то время какъ общество, отрицувъ что нужно было, начинаетъ уже постройку новаго...

«Мы всѣ въ свое время бываемъ нигилистами, какъ недавно еще все образованное Россіи выразило свое отрицательное направленіе во многихъ фактахъ общественной жизни. Было отринуто крѣпостное право, сословныя различія и многое множество другихъ застарѣлыхъ болѣзней, и *многое* изъ этого было отринуто *не только на словахъ, но и на дѣлѣ*. Эти первыя и капитальныя отрицанія повели за собой другія, которыя потянули третьи, и такъ далѣе. Но дѣло въ томъ, что общество, удовлетворивъ главнѣйшими своимъ отрицательнымъ потребностямъ, сейчасъ же осмотрѣлось, и не продолжало безсмысленную ломку всего стараго, а рѣшилось кое-что и оставить, что нашло крѣпкимъ и здоровымъ въ народѣ... *Не отказываясь* еще совершенно *отъ поломокъ*, которыя можетъ быть *придется сдѣлать*, оно однако почувствовало необходимость работать, строить, создавать новое... Нигилисты этого не замѣтили...»

Строго, нравственно и внушительно!.. Такъ внушительно, что

вы уже догадываетесь изъ какого журнала мы дѣлаемъ эту выписку. Но вотъ — поворотъ къ тургеневскому Базарову, какъ къ художественному образу, въ которомъ воплощена вся порода отрицателей. Тутъ оказывается, что Базаровъ — самый «отстапой», самый «запададѣй» нигилистъ.

«Срабатать что-нибудь, создать самому, онъ не могъ; отвергать больше не приходилось ничего, потому что онъ уже все отвергнулъ; что же оставалось ему дѣлать?»

«Умереть.

«И слава-богу, скажемъ мы по смерти Базарова. Правда, авторъ заставилъ его умереть случайно, но все-таки *если Базаровъ померъ, то благодареніе Господу за это.*» («От. Зап.» № 4)

Съ нами крестная сила! Да ужъ не слѣдовало ли догадаться употребить при его погребеніи осиноый колъ? Какъ вы думаете?...

Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ,
На жизнь насильливо глядѣлъ,
И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ!

«Благодареніе Господу, что онъ померъ!»

Тяжело быть помѣхой на землѣ! И жаль намъ нигилистовъ, заслужившихъ въ глазахъ нѣкоторыхъ благоразумныхъ людей эту тяжелую участь! Страшно однако и непонятно: не отказываются еще благоразумные люди «отъ поломокъ, которыя можетъ-быть придется сдѣлать», а въ то-же время какъ-будто желаютъ со свѣта сжить людей, спеціально признанныхъ къ ломкѣ! Если сами не отказываются отъ поломокъ, то почему жъ бы кажется не позволить и Базаровымъ пожить еще на свѣтѣ и поломать?.. Мы, говорятъ, уже сломали все что нужно было сломать изъ стараго, и многое сломали ветолюк на словахъ, но и на дѣлѣ; теперь уже не нужны ломщики, а нужны строители... Вотъ и любопытно было бы разузнать хорошенько, что именно сломано на словахъ и что на дѣлѣ. Крѣпостное право — на дѣлѣ? Сословныя различія... на дѣлѣ или только на словахъ? А еще что? — «Многое другое». Нужно бы однако помненовать это «многое»; указать бы хоть на осколки разрушеннаго старья. Вѣроятно въ этомъ хламѣ оказались бы поломанными всѣ «двастарѣнья привычки, мнѣнія, убѣжденія, обычаи» и пр. Все это, если вѣрить благоразумнымъ людямъ, должно быть уже подорвано, дсковеркадо, уничтожено, потому что иначе придется сказать, что не было бы большой бѣды, еслибы Базаровъ и пожилъ еще на свѣтѣ нѣсколько годковъ...

Въ какомъ-то столичномъ учрежденіи два юные чиновника бл-

лей лести, опестившіе курсъ въ назначить убытокъ изъ заведеній, а одинъ даже выпущенный чуть не съ штабъ-фондерскимъ чиномъ, выходили однажды изъ директорскаго кабинета. Ихъ благородныя лица были омрачены выраженіемъ горькаго негодованія; они вразлось были возмущены до глубины сердца,

— Какая дерзость! воскликнулъ одинъ, вскнипуть плечами.

— Какая безстыдная наглость! подтверждалъ другой, вверля научлонный взоръ на перваго.

— Кто? что? спросилъ ихъ собратъ изъ рода акроткихъ, къ столу втораго подошли вегодующіе.

Они объяснили ему въ чемъ дѣло. Канцелярскій чиновникъ пожималъ лѣтъ, которому было на роду написано жить и умереть канцелярскимъ чиновникомъ, получая десять или двѣнадцать рублей въ мѣсяцъ, какъ-то задолжалъ въ мелочную лавочку десятка два рублей. Лавочникъ, утомясь долгимъ ожиданіемъ уплаты, представилъ свой счетъ на начальству и просилъ о законномъ взысканіи. Директоръ оговорившись должникъ къ себѣ въ кабинетъ для объясненія. Объясненіе послѣдовало въ присутствіи двухъ чиновниковъ бѣлой кости.

— На васъ искъ: вы должны? спросилъ директоръ.

— Долженъ.

— Отчего жь не платите?

— Нѣтъмъ.

— Дѣлая долги, надо знать чѣмъ платить.

Молчаніе.

— Говорите!

— Въ настоящее время не имѣю чѣмъ заплатить.

— Но вѣдь неплатящихъ долги сажаютъ въ долговое отдѣленіе.

— Чтожъ? помѣщеніе въ долговомъ отдѣленіи не хуже моей квартиры.

— Въ такомъ случаѣ вы будете исключены изъ службы.

— Извольте исключить.

— Ступайте.

Кроткій собратъ выслушалъ до конца повѣствованіе вегодующихъ и уставилъ на нихъ вопросительный взглядъ.

— На кого же вы вегодуете?

— Какъ на кого?

— Такъ... на кого?

— Да помидуйте! Развѣ можно такъ отвѣчать?

— А какъ же надо было отвѣчать?

— Мало ли какъ можно! Войдите дескать, дайте д—ство, въ мое

положеніе... Ну, выставить причины... просить пощады... обратиться къ состраданію... Мало ли что можно сказать! А вѣдь этотъ человѣкъ какъ-будто заросъ какой-то грубѣйшей корой...

Проткій слушатель уткнулся въ лежавшія передъ нимъ бумаги и... не возразилъ ничего.

Простой случай рассказали мы вамъ, читатель, — самый простой и обыденный; но потому-то мы и позволили себѣ рассказать его, что въ немъ нѣтъ ничего необыкновеннаго, исключительнаго. Юные чиновники безъ сомнѣнія держатся самыхъ новѣйшихъ понятій о человѣческомъ достоинствѣ; въ другой разъ, разсуждая теоретически, не передъ самымъ лицомъ дѣйствительнаго житейскаго событія, они непременно выскажутся въ пользу несостоятельнаго бѣдняка, неумѣвшаго потнуться ни впередъ, ни исторону, можетъ-быть именно по причинѣ наростей на него грубѣйшей коры. Вознегодовали же они забывшись; негодованіе печально сорвалось у нихъ съ сердца, потому только, что они не успѣли въ ту минуту вспомнить принциповъ, стройно сложившихъ у нихъ въ головѣ, независимо отъ сердца, отъ котораго еще не оторвались «застарѣлыя привычки», прилипленныя сдѣлства, можетъ быть-безъ вѣдома ихъ самихъ. Эти наросты должны постепенно отболѣть и отвалиться, послѣ чего въ освободившееся отъ нихъ сердце немедленно перельются изъ головы наготовленные тамъ новѣйшіе принципы, и тогда они уже никоимъ образомъ не могутъ быть забываемы въ минуты практической житейской дѣятельности. Но на весь этотъ процессъ потребно извѣстное время, и пока оно длится... нельзя ли было бы позволить еще пожить Базарову? Хорошо владѣя хирургическимъ вожемъ, онъ можетъ-быть и ускорилъ бы исцѣленіе страдающихъ подобными наростами.

Такъ вотъ и думаемъ мы: да точно ли многое поломано у насъ на дѣлѣ? Не на словахъ ли еще только посломали мы кой-какое старье, начиная съ огромнѣйшей и наиболѣе безобразившей нашу почву башни — крѣпостнаго состоянія? Духъ-то нашъ бессмертный, та часть существа нашего, по которой мы зовемъ подобіемъ божіимъ, сложила ли она съ себя крѣпостную зависимость отъ «застарѣлыхъ привычекъ, мнѣній, убѣжденій, обычаевъ» и пр. и пр.?.. Загляните, *благоразумные* люди, въ собственное сердце: нѣтъ ли и тамъ чего-нибудь вродѣ противорѣчій между словомъ и дѣломъ, вообще чего-нибудь подлежащаго сломкѣ, и если есть... не возсылайте преждевременныхъ благодареній за смерть вашего собрата: не примутся ваши благодаренія. И повѣрьте, нехорошее это слово сорвалось у васъ: оно право ничуть не лучше негодованія юныхъ чиновниковъ на задолжавшаго и непогнувшагоса бѣд-

яка!.. Наконецъ — призываетъ, гл. благодушные, что сама-то вы говорите все больше такое, что еще не спустилось у васъ изъ головы въ сердце. «Общество дескать осматрѣлось и не захотѣло ломать все, а рѣшилось кое-что оставить, что нашло крѣпкимъ и здоровымъ въ народѣ». Гдѣ это вы подслушали? Какое, подумаешь, у васъ доброе и великодушное общество! Ужь такъ и быть, говорить, не буду ломать крѣпкаго и здороваго дѣла народѣ. Сказало еще это вашими устами, да и вышло вмѣстѣ съ вами сущица,

Какъ разрумяненный трагическій актеръ,
Махающій мечемъ картоннымъ.

А «здоровое въ народѣ», нисколько не нуждающееся въ милостивой пощадѣ общества, нисколько не боющееся стѣснительныхъ инструментовъ отрицателей и даже нисколько не угрожаемое ими, — очутилось у васъ кое-чѣмъ схваченнымъ въ воздухѣ и употребленнымъ для красоты слога, чтобы только послѣднѣе выразиться насчетъ отрицателей.

Вмѣсто того чтобы возиться такъ долго съ отрицателями, которыми и безъ вашихъ грѣшныхъ молитвъ придетъ своевременно пора преобразиться изъ ломщиковъ въ строителей, — лучше бы вы спустились на время съ высоты общихъ взглядовъ и проникли поглубже въ творящееся подъ шумокъ этихъ взглядовъ, въ происходящее на душѣ у тѣхъ, которые сами смѣло бросаютъ эти взгляды. Тогда, если вы наблюдатели и сердецѣвѣцы, подслушали бы вы можетъ-быть трагическій разладъ и колебанье тамъ, гдѣ предполагаете одно величавое спокойствіе твердыхъ убѣжденій. А нето — хотя бы съ голоса «Сѣверной Пчелы», по старой памяти, пофилософствовали вы филантропически о той странной средѣ, изъ которой выходятъ вотъ эти убогіе должники подъ грубѣйшей корою, налѣвшей на нихъ изъ мглстой, безразсвѣтной жизни. «Пчела» упрекаетъ васъ, благоразумныхъ дѣятелей отечественнаго слова, зато что вы, пошумѣвши какъ-то разъ объ участи этой усердствующей въ бумагописаніи братіи, потолковавши неможко о надѣленіи ея земельными участками, объ обращеніи ея въ сельскихъ учителей и пр., вдругъ замолчали, занялись исключительно «здоровымъ въ народѣ», а братію съ рукъ сбросили. «Пчела» конечно не думаетъ о томъ, что этотъ минутный шумокъ тоже былъ попыткою произвестъ ломку на словахъ, которымъ не перейти въ дѣло до тѣхъ поръ, пока существуютъ въ наличности всѣ мѣста, питающія братію двѣнадцати и семнадцати-рублевыми мѣсячными порціями. Братія такъ принаровилась къ этимъ мѣстамъ, такъ сумѣла приспособить себя къ нимъ исключительно, что о крутомъ

никогдашишь поворотъ, предъ переселеніемъ на основательный участокъ или въ сельскую школу, и мыслила пока не выйти. Каждый чловкъ ей, усердствуя утромъ на службу, только и мечтаетъ что о добытій частной порциею на вечернее время, и добывши работу, усердствуетъ какъ всю ночь, что и не почувствъ, какъ иногда проберется къ нему въ грудь непрошеная гостья подъ видомъ ничего незначащаго кашля, и какъ этотъ незначащій кашель будетъ потихоньку становиться все глуше и глуше. Вы, строители, а не ломщики, облагодѣтельствуйте насъ построеніемъ наилегчайшаго плана ликвидаціи всѣхъ копѣчныхъ долговъ этихъ людей въ мелочныя лавочки и ремесленныя заведенія, и затѣмъ благополучнаго вывода ихъ куда-нибудь на болѣе чистой воздухъ, какъ чтобы все это сдѣлать, ничего не ломая, а только совдая.

Таже «Пчела» можетъ указать вамъ и другое поприще, другую ожидающую вашихъ архитектурныхъ подвиговъ среду, которую она называетъ *торговляю мальчишками*. Только вы пожалуйста и тутъ ничего существующаго не ломайте, потому что если и были какія-нибудь «застарѣлыя привычки и обычаи», заѣдавшіе эту среду, то всѣ они безъ сомнѣнія уже поломаны, и вамъ остается только созидать на готовомъ, расчищенной ибѣстѣ.

Кажется ни одинъ предметъ, ни одинъ вопросъ не представляетъ такъ наглядно существующаго въ насъ разлада, нашей головной неурядицы, какъ вопросъ о такъ-называемой эманципаціи женщинъ, который ведется у насъ какъ-то неровно, нескладно, порывами: то онъ завадетъ, и нѣтъ о немъ ни слуху ни духу, то вдругъ опять послышится въ какомъ-нибудь углу. Видно что еще долго ему не уясниться и не придти въ общее сознаніе. И чрезъ какіе фазы, чрезъ какіе взгляды ни перешолъ уже у насъ этотъ вопросъ! въ какой формѣ ни переминали его! и въ серьезныхъ трактатахъ, и въ легкихъ фельетонахъ, и въ прозѣ, и въ стихахъ, — и въ какихъ стихахъ! Но какъ далеко ушолъ онъ впередъ и идти ли вообще впередъ — это вещь очень сомнительная. Въ послѣднее время онъ какъ-то попалъ въ самую серьезную и самую благоразумную газету — «Сѣверную Почту»; въ 86 № этой газеты напечатана «Замѣтка» насчетъ допущенія женщинъ слушать университетскія лекціи, съ примѣчаніемъ г. главнаго редактора газеты. Любопытно было прочесть замѣтку и примѣчаніе; замѣтка не длинна, примѣчаніе подлиннѣе, но мы съ должнымъ вниманіемъ прочли и то и другое. Въ началѣ замѣтки говорится такъ:

«— Женщинъ, дѣвушкамъ надо допустить до университетскаго образованія, раздаются восклицанія.—«Почему жъ нѣтъ. Развѣ онѣ

не люди? Какое различіе въ способностяхъ у мужчинъ и женщинъ? Не было ли примѣровъ ихъ гениальности?» — И пошли, и пошли!

«Милостивые государи! отвѣчаетъ авторъ на эти восклицанія: — да подумали ли вы, что женщины не получаютъ у насъ еще порядочнаго гимназическаго образованія? Въ чемъ состоитъ до сихъ поръ ихъ образованіе? — *tenez-vous droit, parlez français, ne faites pas de bruit, allez jouer au piano, faites bien la révérence...* Кому же хотите вы давать университетское образованіе?.. Сколько найдется у насъ женщинъ, для которыхъ нужно и возможно университетское образованіе?..»

Милостивый государь! позволимъ мы себѣ отвѣтить автору замѣтки: — да гдѣ вы слышали, кто вамъ сказалъ, что хотятъ нашими женщинами *наглядывать* университетское образованіе, хотятъ *заставить* ихъ слушать университетскія лекціи? Вѣдь добиваются только того, чтобы общественное мнѣніе не возмущалось такимъ явленіемъ, что женщина, почувствовавшая потребность высшаго образованія, придетъ въ университетъ и сядетъ на студенческую скамью; чтобы не смотрѣли на нее какъ на диковинку, не сторонились бы отъ нея какъ отъ прокаженной. Не найдется ни одной подготовленной женщины? Ну, на нѣтъ и суда нѣтъ; а найдется хоть пять, десять, — не кивайте на нихъ головами, не смотрите на нихъ подозрительно. Неужели и этого нельзя? О чемъ же вы хлопчете?..

Но по мнѣнію автора замѣтки и этого нельзя, потому что дальше онъ говорить о «собственной атмосферѣ», объ «особенной аттракціи» женщинъ и объ опасности, вслѣдствіе этого, для молодого человека «сидѣть подлѣ широкой кринолины, задѣвая ее локтемъ». Ну, на этотъ пунктъ мы уже не дерзнемъ возражать, потому что о немъ можно спорить съ равняго вечера до нѣтуховъ, очень весело провести время, а спора все-таки не кончить; вѣдь этому вопросу семь тысячъ лѣтъ отроду, и мы знаемъ еще только одинъ, столь же неразрѣшимый и столь же занимательный вопросъ: это о томъ, что прочіе — любовь или дружба?

Въ примѣчаніи г. главнаго редактора не говорится ни слова ни объ *аттракціи*, ни о широкой кринолинѣ, но зато обращается особенное вниманіе на различіе между женской и мужской натурой, между *женственностью* и *мужественностью*, какъ двумя элементами человѣчества, и изъ этого различія, посредствомъ множества спорѣчивыхъ положеній, выводится заключеніе, что «мужчинѣ принадлежитъ вмѣстѣ и духъ и техника науки, а женщинѣ принадлежитъ преимущественно духъ ея», и что слѣдовательно женщинѣ «нужны не университеты, гдѣ она расточила бы свое время безъ

всякой пользы и во вредъ существеннымъ своимъ обязанностямъ и мѣшала бы другимъ (должно-быть широкою криволиною), а публичные курсы особенные, устроенные, если угодно, въ тѣхъ же университетахъ, но въ иные часы и при соблюденіи иныхъ условий.» Непосредственно за этимъ выводомъ слѣдуетъ интереснѣйшее свѣдѣніе, именно: что «комиссія изъ профессоровъ, занимавшаяся въ прошедшемъ году, по порученію правительства, начертаніемъ новаго устава университетовъ, имѣла это въ виду и полагала установить именно съ этою цѣлью особые курсы при университетахъ.»

Все это очень интересно, и женщины безъ сомнѣнія будутъ благодарны комиссіи за ея вниманіе къ нимъ. Если предположеніе комиссіи осуществится, то конечно программы этихъ особенныхъ курсовъ будутъ приравнены къ условіямъ *женственности*, такъ чтобы въ нихъ вошелъ только духъ науки, а никакъ не ея техника, вредящая, какъ мы сейчасъ видѣли, существеннымъ обязанностямъ женщины. Признаемся, мы очарованы этой мыслью: женщины такимъ образомъ будутъ осянены духомъ науки, который послужитъ имъ только *украшеніемъ*; вредная же техника науки, какъ сторона грубая, чисто *утилитарная*, до нихъ не коснется, и останется уделомъ чернорабочей *мужственности*... Кажется мы такъ поняли мысль г. главнаго редактора, что подтверждаетъ и еще одно мѣсто въ его примѣчаніи, гдѣ онъ вопрошаетъ:

«Да ктожъ сомнѣвается въ правѣ женщины на высшее образованіе? Не въ духѣ ли сознанія этого права у насъ устроены огромныя общественныя заведенія, гдѣ уму женщины предоставлены способы развиваться, совершенствоваться, удовлетворять стремленіямъ своимъ къ знанію?»

Если въ предполагаемыхъ особенныхъ курсахъ будутъ предоставлены такія же способы развиваться, то и кончено! Всѣ должны быть довольны и счастливы. Г. главный редакторъ, оканчивая свое примѣчаніе, предоставляетъ себѣ разсмотрѣть впослѣдствіи два относящіяся къ женинѣ вопроса, которые, по его выраженію, «гораздо нужнѣе пустыхъ умствованій и разглагольствій объ эманципациі или о допущеніи ея (женщины) въ число студентовъ и къ экзаменамъ на званіе кандидатовъ, магистровъ и докторовъ всѣхъ наукъ». Эти вопросы суть: 1) «вопросъ о приведеніи системы воспитанія женщины въ тѣснѣйшее соотвѣтствіе съ ея *назначеніемъ и будущностью*» (для этого конечно нужно прежде опредѣлить назначеніе и будущность женщины, предметъ, о которомъ словоохотливый человекъ можетъ говорить до безконечности); 2) «вопросъ объ открытіи для безсемейныхъ и несмущихъ женщинъ источниковъ труда, изъ коихъ бы онѣ могли почерпнуть средства безбѣднаго су-

ществованія... Въ обществѣ — продолжаетъ авторъ — есть роды дѣятельности, которые по закоренѣлымъ обычаямъ принадлежатъ мужчинамъ, между тѣмъ какъ ихъ легко и съ честью могла бы исполнять женщина. Эти роды дѣятельности удобно могутъ быть выдѣлены изъ общей массы общественнаго труда и общественныхъ обязанностей и ввѣрены честности, уму и способностямъ женщины.»

Что эти вопросы гораздо нужнѣе пустыхъ разглагольствій, въ томъ никто не можетъ усомниться, и г. главный редакторъ, обѣщающій произнести о нихъ «подробныя сужденія», безъ сомнѣнія возьмется самъ выдѣлить изъ общей массы общественнаго труда извѣстные роды дѣятельности и ввѣрить ихъ честности, уму и способностямъ женщины. Ужь конечно онъ въ состояніи будетъ немеленно привести въ исполненіе эту административную мѣру, благія послѣдствія которой будутъ неисчислимы. Ну, разумѣется тутъ не обойдется безъ нѣкоторой ломки, — да чтожь дѣлать? въ виду благой цѣли позволительно дѣйствовать энергически. А мы, легкомысленные, думали-было, что таже благая цѣль достигнется гораздо естественнѣе, если общественное мнѣніе позволитъ женщинамъ, по желанію, расширить кругъ ихъ знаній и даже прикоснуться слегка и къ самой техникѣ науки; что тогда онѣ сами, безъ подробныхъ сужденій со стороны элемента *мужественности*, выдѣлили бы себѣ постепенно извѣстные роды дѣятельности, свойственные ихъ уму и способностямъ. Думая такъ, мы тоже конечно разумѣли безсемейныхъ и немущихъ, да развѣ еще причисляли къ нимъ тѣхъ немногихъ избранныхъ, которыхъ внутренній голосъ увлечетъ на поприще умственной дѣятельности. Теперь ясно, что мы все-таки заблуждались, упуская изъ вида, что техника науки вредитъ элементу *женственности*.

О существованіи новаго проекта общаго устава русскихъ университетовъ мы знаемъ изъ напечатанныхъ въ «Спб. Вѣдомостяхъ» замѣчаній Н. И. Пирогова на этотъ проектъ. Самый проектъ намъ неизвѣстенъ; замѣчанія же обнародованы по желанію автора ихъ, признающаго «для самаго дѣла полезнымъ узнать, путемъ гласности, всѣ возраженія, которыя будутъ на нихъ сдѣланы». Мы уже гдѣ-то и встрѣтили подобныя возраженія, но они таковы, что самыхъ замѣчаній въ сущности не опровергаютъ, а только требуютъ большаго развитія и обработки нѣкоторыхъ изъ нихъ. Въ самомъ дѣлѣ противъ существенныхъ мыслей и общаго духа замѣчаній г. Пирогова возражать мудрено. Важнѣе всего представляется намъ въ этихъ замѣчаніяхъ мысль о необходимости усилить и возвысить значеніе университетскаго совѣта. По поводу § 51 проекта устава, въ которомъ сказано: «*Попечитель употребляетъ всѣ средства къ*

приведенію университета въ цвѣтущее состояніе», г. Пироговъ говорить :

«Вмѣсто того чтобы возлагать на попечителя обязанность, едва ли для него исполнимую, «привести университетъ въ цвѣтущее состояніе», мнѣ кажется слѣдовало бы опредѣлить яснѣе и положительнѣе его главное назначеніе, сказавъ въ уставѣ, что попечитель есть ближайшій и непосредственный контролеръ университета и всего учебнаго округа со стороны министерства народнаго просвѣщенія, имѣющій обязанностью наблюдать за точнымъ исполненіемъ всѣхъ постановленій вѣрными его контролю учебными учрежденіями. Болѣе этого попечитель не можетъ и не долженъ ничего дѣлать. Обязывать его «къ употребленію средствъ для приведенія университета въ цвѣтущее состояніе» значитъ давать ему право вмѣшательства въ научныя дѣла университета, въ которыхъ онъ не можетъ быть компетентнымъ судьей. Поэтому и другое право попечителя — «предсѣдательствовать по своему усмотрѣнію въ совѣтѣ», даруемое ему § 54 проекта, не представляетъ никакой очевидной пользы для университета; въ этомъ случаѣ попечитель принялъ бы на себя временныя обязанности ректора и пользовался бы еще болѣшимъ правомъ вмѣшательства въ дѣла коллегіи, что не можетъ остаться безъ вреднаго вліянія на автономію совѣта. Между тѣмъ, чтобы поднять упавшее у насъ значеніе совѣта въ глазахъ учащихся и цѣлаго образованнаго общества, необходимо усилить его автономію. Отъ ослабленія власти и правъ совѣта, отъ его малой самостоятельности происходятъ у насъ и безпорядки между студентами, потерявшими довѣріе и уваженіе къ совѣту. Безъ этой автономіи невозможно и процвѣтаніе университета, который процвѣтаетъ тамъ, гдѣ сами правительства заботятся усилить его самостоятельность, а съ тѣмъ вмѣстѣ и его научно-нравственное вліяніе на цѣлое общество.»

По поводу §§ 81 и 83 проекта, по которымъ профессоръ, по выслугѣ срока на полную пенсію (двадцати-пяти лѣтъ), остается на службѣ всиначе какъ по избранію и неалѣе какъ на пять лѣтъ, послѣ которыхъ подвергается новому избранію на такой же періодъ, — г. Пироговъ указываетъ на настоятельную потребность вывести изъ нашихъ университетовъ застои и отсталость въ наукѣ, и для этого предлагаетъ на половинѣ двадцати-пятилѣтняго поприща профессора, т. е. чрезъ 12—13 лѣтъ по вступленіи на кафедру, дѣлать переоцѣнку его научныхъ заслугъ, требуя «фактическихъ доказательствъ» его научно-учебной дѣятельности, посредствомъ открытія конкурса.

Плата за ученіе (по § 101) — по пятидесяти руб. въ столич-

ныхъ университетехъ и по сорока руб. въ провинціальныхъ университетахъ въ годъ, по мнѣнію г. Пирогова, слишкомъ высока. Онъ предлагаетъ значительно понизить ее, съ тѣмъ чтобы уже никого отъ нея не освобождать. Общій сборъ чрезъ это не уменьшится, потому что теперь университетъ принужденъ многихъ освобождать отъ платы, а тогда гораздо меньше будетъ студентовъ, немогущихъ внести малую сумму, да и за этихъ неимущихъ внесутъ богатые товарищи.

Въ § 125, слова: «наблюденіе за студентами лежитъ на обязанности университета только въ зданіяхъ и учрежденіяхъ онаго» — г. Пироговъ полагаетъ замѣнить словами: «университетское начальство судить студентовъ только за проступки, совершенные ими въ зданіяхъ университета, и за несоблюденіе университетскихъ постановленій». Это измѣненіе онъ предлагаетъ для того, «чтобы избѣжать *наблюденія за студентами*, на дѣлѣ невозможнаго».

Наконецъ еще одно мѣсто въ замѣчаніяхъ г. Пирогова кажется намъ столь важнымъ, по новости высказанной въ немъ мысли, что мы не можемъ не привести его. На § 17, гдѣ сказано: «Для догматическаго и нравственнаго богословія и церковной исторіи опредѣляется особая, непринадлежащая ни къ какому факультету кафедра для всѣхъ вообще студентовъ православнаго исповѣданія», — г. Пироговъ замѣчаетъ:

«Судя по тому, что проектъ опредѣляетъ «особую кафедру для всѣхъ студентовъ православнаго исповѣданія», нужно заключить, что *посѣщеніе лекцій богословія будетъ обязательно для студентовъ всѣхъ факультетовъ*. Это заставляетъ меня выразить мое мнѣніе о мнимой пользѣ и объ истинномъ вредѣ, который происходитъ отъ *обязательнаго* посѣщенія богословія студентами факультетовъ, что заслуживаетъ серьезнаго вниманія со стороны учебнаго начальства. Въ дѣлѣ *такой важности*, каково *религіозное образованіе юношества*, соблюденіе одного только *decoium* можетъ отозваться самыми худыми послѣдствіями въ будущемъ. Страшно ошибаются тѣ, которые думаютъ *обязательнымъ* преподаваніемъ богословія сдѣлать учащихся нравственнѣе и предохранить ихъ отъ *матеріализма и безвѣрія*. Богословіе, какъ наука, преподаваемая всѣмъ, безъ связи съ предыдущимъ и будущимъ, не можетъ этого сдѣлать и даже не послужитъ къ распространенію благочестія между учащимися; это дѣло *задушевныхъ и теплыхъ религіозныхъ убѣжденій*, внушонныхъ съ колыбели или вызванныхъ изъ души превратностями жизни, а не дѣло науки. И еще можно было бы допустить вліяніе богословія на нравственность, еслибы къ изученію богословской науки въ университетѣ приступали люди, достаточно-приготовленные къ тому въ

дѣтствѣ, по внутреннему призванію, или сдѣлавшіе себѣ серьезное изученіе этого предмета *цѣлью жизни*. Такимъ конечно неопасны сомнѣнія и недоумѣнія — неизбежныя слѣдствія всякаго научнаго анализа. Но если опытъ научаешь, что и у такихъ посвященныхъ научныя занятія богословскими предметами развиваютъ иногда скептицизмъ и направленіе духа совершенно-противоположное *чисто-религіозному*, то чего должно ожидать отъ поверхностнаго изученія богословія студентами различныхъ факультетовъ? И вотъ мы видимъ, что именно молодые, развитые люди, посвятившіе себя изученію исторіи, математики, медицины, естественныхъ наукъ, *обязанные* формально посѣщать лекціи богословія, вносятъ въ изученіе этого предмета то-же критическое направленіе и тотъ же скептицизмъ, которые необходимы при занятіи науками историческими, математическими и естественными. Прямое же слѣдствіе анализа и скептицизма, всезнаго въ *поверхностное* занятіе богословіемъ, есть *безвѣріе*. Я это говорю изъ опыта: я зналъ многихъ молодыхъ людей университетскаго образованія, которыми овладѣвало безвѣріе по мѣрѣ того какъ они принимались за *обязательное* изученіе богословія. Пусть богословіе преподается въ нашихъ университетахъ, неимѣющихъ богословскаго факультета, какъ вспомогательная наука, или еще лучше — пусть вмѣсто богословія излагается: въ историко-филологическомъ факультетѣ исторія церкви, а въ юридическомъ каноническое право; пусть семинаріи и духовныя академіи замѣняютъ для насъ недостатокъ богословскихъ факультетовъ; пусть богословіе излагается въ нихъ для посвященныхъ въ полномъ его объемѣ: *sancta sanctis!* Но *обязательный*, неполный курсъ этой науки въ университетѣ, назначенный подъ видомъ отдѣльной и самостоятельной кафедры для *всѣхъ* учащихся, принесетъ, повторяю, не пользу, а вредъ благочестію молодыхъ людей, образующихся въ университетахъ.»

Есть или бываютъ иногда въ университетахъ кафедры, почему-то непользующіяся никакимъ кредитомъ. Онѣ существуютъ номинально, значатся въ росписаніи, и только: предметы ихъ считаются студентами ничто. Въ такомъ положеніи была когда-то въ математическомъ факультетѣ одного изъ нашихъ университетовъ кафедра архитектуры. Студенты рѣшительно не занимались этимъ предметомъ и подшучивали надъ записками старика-профессора, составленными имъ когда-то въ молодости и ходившими съ тѣхъ поръ по рукамъ въ пожелтѣвшихъ и залоснившихся тетрадкахъ. Подобное ли процвѣтанье преподаванія архитектуры, или что другое навело членовъ факультета кіевскаго университета на мысль, которая недавно обсуждалась въ засѣданіи университетскаго совѣта

и которая, если осуществится, должна поднять кафедру архитектуры въ уровень съ другими. Это — мысль о введеніи въ университетѣ преподаванія строительнаго искусства и практической механики. Факультетъ соображалъ, что «строительная механика, какъ теорія строительнаго искусства, въ настоящее время достигла до той степени развитія, что сдѣлалась самостоятельною наукой, входящею въ рядъ наукъ прикладной математики, и представляетъ собою непосредственное приложеніе теоретической механики. Теорія сопротивленія матерьяловъ, теорія арокъ, теорія цѣпныхъ мостовъ и проч. суть непосредственныя приложенія статики и имѣютъ важное значеніе какъ въ теоретическомъ, такъ и въ практическомъ отношеніяхъ.» Поэтому факультетъ призвалъ полезнымъ «кафедру архитектуры преобразовать въ кафедру строительнаго искусства и архитектуры». При этомъ факультетъ просилъ, чтобы университету дозволено было, въ случаѣ надобности, замѣщать означенную кафедру офицерами, кончившими курсъ въ инженерной академіи или въ институтѣ корпуса путей сообщенія съ чиномъ инженеръ-поручика, и которые сверхъ того заявили свою ученую дѣятельность печатными сочиненіями, или уже состояли преподавателями строительнаго искусства въ одномъ изъ сказанныхъ заведеній... Если существованіе medico-хирургической академіи не мѣшаетъ процвѣтать медицинскимъ факультетамъ въ нашихъ университетахъ, то почему-жъ бы кажется не быть въ нихъ и строительному отдѣленію математическаго факультета? Увеличилось бы число развитыхъ и просвѣщенныхъ строителей, въ которыхъ у насъ излишка быть не можетъ: запросъ на строителей (принимая ихъ на этотъ разъ въ буквальномъ, а не въ переносномъ смыслѣ) долженъ у насъ усиливаться съ каждымъ днемъ, ибо земля наша велика и обильна... всѣмъ, только не сооруженіями, знаменующими полное страны процвѣтанье...

Говоря объ университетахъ, не можемъ не указать на появившуюся намъ въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» (№ 34) статью г. И. Сокальского, по вопросу: въ какихъ городахъ лучше быть университетамъ — большихъ или небольшихъ? Авторъ рѣшительно становится на сторонѣ большихъ городовъ и примѣняетъ эту мысль къ Одессѣ, которая по его мнѣнію соединяетъ въ себѣ всѣ условія для процвѣтанія университета. Читателямъ извѣстно, что давно уже были толки о преобразованіи одесскаго лицея въ университетъ; потомъ эти толки запали и послышалась вѣсть о предположеніи правительства основать для новороссійскаго края университетъ въ Николаевѣ. Исполнится ли это послѣднее предположеніе, или возстановится мысль объ образованіи университета изъ одесскаго лицея — мы не

знаемъ и предпрѣшать этого дѣла, такъ сильно интересующаго жителей нашего юга, не можемъ; но доводы г. Сокальскаго о преимуществахъ, представляемыхъ для жизни университетовъ большими и наиболѣе цивилизованными городами вообще, — неговоря объ Одессѣ или Николаевѣ, Харьковѣ или Ахтыркѣ, Москвѣ или Клинѣ, — доводы эти кажутся намъ такъ основательны, что противъ нихъ трудно придумать что-либо въ пользу посадки такого большого растенія какъ университетъ, въ такую мелкую и тощую почву, какъ нравственно-общественная почва небольшого провинціального городка. Невдаваясь въ подробности вопроса, довольно только сказать, что многіе изъ нашихъ городовъ, едва прозябая, могутъ служить живымъ указаніемъ, что значатъ произвольно взятая мѣстность, насильственная посадка и искусственная поддержка жизни въ какомъ бы то нибыло организмѣ...

Въ газетахъ описанъ высочайше утвержденный проектъ памятника Пушкину, составленный *Л. Бахманомъ*. Описаніе скульптурнаго произведенія, еще только проектированнаго, никогда не можетъ дать вѣрнаго понятія о томъ, что это будетъ въ окончательномъ исполненіи, поэтому мы не повторимъ теперь всего описанія, а только упомнимъ. Въ описаніи говорится, что памятникъ будетъ состоять изъ группы, помѣщенной на самородной глыбѣ гранита. Пушкинъ, занимающій главное мѣсто въ группѣ, правою рукою передаетъ перо отроку, въ лицѣ котораго представляется слѣдующее поколѣніе русскихъ писателей, а лѣвою утѣшаетъ колышопреклоненную музу. Позади фигуры Пушкина помѣщается юноша, прижимающій къ сердцу полученную отъ поэта книгу его твореній. Въ этой-то фигурѣ юноши олицетворенъ... русскій народъ.

Это, въ строгомъ смыслѣ, пророческое олицетвореніе; это будущій народъ, еще имѣющій прижать къ сердцу книгу твореній Пушкина, — какъ и на гранитной глыбѣ, служащей пьедесталомъ памятнику, будутъ начертаны пророческіе же стихи:

• Я памятникъ себѣ воздвигъ верукотворный,
Къ нему не заростетъ народная тропа. •

Русскій народъ еще долженъ пробить эту тропу и потомъ уже не дать зарости ей.

Русскому народу все сулятъ будущность, отвою сулятъ; говорятъ даже, что въ Англии какой-то профессоръ, предлагая учить англичанъ русскому языку, выразился такъ, что «Россія со дня на день приобретаетъ все большее значеніе». Какъ это лестно въ самомъ дѣлѣ! А узнали мы объ этомъ отъ корреспондента «Сѣверной Пчелы», по поводу сообщаемаго имъ, съ большимъ одушевленіемъ,

извѣстія о проектѣ Рейтера учредить телеграфное сообщеніе между Европой и Китаемъ чрезъ Россію. Онъ хочетъ открыть свое телеграфическое отдѣленіе въ Омскѣ, гдѣ поселится корреспондентъ лондонскаго телеграфическаго агентства, и оттуда начнется правильная посылка курьеровъ чрезъ Красный-Яръ, Иркутскъ, Кахту и Ургу въ Пекинъ, гдѣ будетъ жить главный агентъ Рейтера. Рассказывая довольно подробно объ этомъ проектѣ, корреспондентъ между прочимъ прибавляетъ :

«Какъ ни велико всемірное значеніе этого предпріятія, но оно имѣетъ свое особенное, несравненно болѣе важное значеніе для Россіи. Посредствомъ его Англія, отъ лица всего міра, признаетъ Россію посредницею между двумя частями земного шара, бывшими такъ мало знакомыми другъ другу и такъ много ждущими отъ болѣе короткаго взаимнаго знакомства. Я не вдаюсь въ преувеличеніе, назвавъ Англію вѣсто Рейтера: проектъ Рейтера одобренъ Англією, ея торговымъ миромъ и ея правительствомъ. Все лондонское кушечество безъ исключенія на сторонѣ проекта, а дома Бернингъ и Ко, Матисонъ и Ко, Дентъ, Пальмеръ и Ко и многіе другіе львы биржи не только изъявили полную симпатію, но и предложили съ своей стороны полную поддержку для приведенія проекта въ исполненіе. Недавно у Рейтера собирався митингъ по этому дѣлу — очень небольшая компанія, всего человекъ двѣнадцать съ небольшимъ; но эта кучка людей представляла собою, по слухамъ, капиталъ въ 140,000,000 руб. наличными деньгами... Рѣшеніе митинга было вполне за проектъ. Итакъ, полагаю, я правъ, сказавъ что Англія признала за Россією право посредничества между Европою и Китаемъ.»

Все это возбуждаетъ въ насъ патріотическія чувства и сильное желаніе — не позволить никому наступать намъ на ногу; а между тѣмъ мы сейчасъ же слышимъ, что кто-то наступаетъ... Этого мы, при настоящемъ своемъ настроеніи, стерпѣть не можемъ, и потому исполняемъ желаніе г. Н. Сіяльскаго, который проситъ всѣ наши періодическія изданія перепечатать его протестъ на французское консульство. Вотъ что пишетъ г. Сіяльскій (въ 102 № «Сѣв. Пч.»):

«Въ 1860 году умеръ проживавшій въ С. Петербургѣ французскій подданный Эдмондъ Луи Давелуи, оставшись должнымъ 6,000 руб. сер. по заемнымъ письмамъ, переданнымъ мнѣ для взысканія. Узнавъ объ этомъ чрезъ нѣсколько дней, я представилъ эти заемныя письма въ первый департаментъ управы благочанія съ просьбою, дабы приняты были мѣры къ охраненію оставшагося послѣ должника имущества отъ растраты, объ описи и продажѣ этого

имуще́ства, для удовлетворенія меня по сказаннымъ заемнымъ письмамъ.

«По этой просьбѣ первый департаментъ управы благочинія далъ мѣстной полиціи предписаніе описать оставшееся по смерти должника имущество, пригласивъ и меня къ описи, и затѣмъ опись эту представить въ тотъ департаментъ для разсмотрѣнія и дальнѣйшихъ распоряженій.

«Секретарь французскаго консула, недопуская полиціи къ описи и устраняя мое присутствіе при описи, самъ описалъ имущество Давелуи и распорядился продажей имущества съ аукціона, выручивъ чрезъ продажу всего 1,637 руб.

«Хотя я еще до продажи вещей, по личному объясненію съ предсѣдателемъ перваго департамента управы благочинія, заявлялъ департаменту особымъ прошеніемъ о дѣйствіяхъ консульства и просилъ войти, чрезъ кого слѣдуетъ, съ представленіемъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ, о разъясненіи консулу его обязанностей и правъ, во первый департаментъ управы благочинія, потребовать отъ полиціи по моей просьбѣ объясненія, хотя и убѣдился въ описанныхъ мною дѣйствіяхъ консульства, во тѣмъ неменѣе не вошелъ ни съ какимъ по моей просьбѣ представленіемъ, и неслѣлавъ по сей никакаго заключенія, передалъ дѣло въ надворный гражданскій судъ.

«Надворный судъ, распорядившись произвести публикацію въ вѣдомостяхъ о вызовѣ наслѣдниковъ, кредиторовъ и должниковъ Давелуи, отнесся въ консульство, прося прислать въ судъ: сумму, вырученную отъ продажи имущества Давелуи, деньги издержавшія на публикацію, и переписку по означенному дѣлу.

«На это французскій консулъ Ливіо, въ письмѣ на имя судьи, выразилъ удивленіе свое о такомъ притязаніи суда и поставилъ на видъ, что вѣроятно г. судья не читалъ постановленной между Россією и Францією въ 1857 году деклараціи, по § 20-му коей права, присвоиваемыя судомъ, принадлежатъ консульству, и что я долженъ предъявить искъ мой консульству, куда уже и обратился какіе-то кредиторы умершаго Давелуи.

«§ 20 деклараціи, на который французскій консулъ ссылается, предоставляетъ консуламъ право: принимать всѣ надлежащія мѣры для сохраненія наслѣдства послѣ умершихъ французскихъ подданныхъ, совокупно съ мѣстнымъ начальствомъ; а также, предупредивъ мѣстное начальство, принять отъ имени наслѣдниковъ въ свое завѣдываніе движимое и недвижимое имущество, составляющее наслѣдство, произвести оному ликвидацію и управлять онымъ лично или посредствомъ своихъ повѣренныхъ, такъ какъ они, т. е. кон-

сулы, имѣютъ прямое право *заступать мѣсто наследниковъ* отсутствующихъ, неспособныхъ или несовершеннолѣтнихъ, не представляя особенныхъ на то документовъ. Для каждаго ясенъ смыслъ этого параграфа: консулы въ этихъ случаяхъ суть назначенные своимъ правительствомъ повѣренные наследниковъ, дѣйствующие *отъ имени наследниковъ, заступающіе мѣсто наследниковъ*. Слѣдственно въ этомъ случаѣ консулы обязаы и вправѣ дозволить себѣ только то, что въ отношеніи къ имуществу Давелуи вправѣ были бы сдѣлать законные наследники его, еслибы таковыя были налицо, никакъ не прикрываясь официализмомъ виѣземельности.

«По международному праву, иностранцы, пребывающіе временно на территоріи другого государства, подчиняются власти и законамъ сего послѣдняго. Законы же, дѣйствующіе въ Россіи, предоставляютъ наследникамъ, по обзорѣни наследства, принять оное, или отказаться отъ него по несоразмѣрному обремененію его долгами; а затѣмъ въ первомъ случаѣ платить сполна всѣ долги умершаго, а во второмъ предоставить самое наследство на удовлетвореніе кредиторовъ. Поэтому консульство, избравъ для своихъ дѣйствій первый способъ, должно подчиниться и послѣдствіямъ такого образа дѣйствій, т. е. удовлетворить сполна долги Давелуи.

«Другого исхода этому дѣлу быть не должно, потому что нельзя же согласиться съ требованіемъ консульства, дабы кредиторы Давелуи подчинились суду консульства; мы, русскіе, имѣемъ свои судебныя учрежденія, которыми вправѣ пользоваться, неприбѣгая у себя дома къ импровизированному судилищу иноземному, не спеціальному въ обсужденіи законности актовъ, правильности формы ихъ и содержанія; *locus regit actum*.

«Объяснивъ образъ воззрѣнія французскаго консула на свои обязанности и на право государственное и международное, а также указавъ на равнодушіе, съ какимъ первый департаментъ управы благочинія отнесся къ этому дѣлу, оставивъ мою просьбу безъ всякаго вниманія, мнѣ пріятно заявить, что надворный гражданскій судъ не удовлетворился изъясненнымъ мною отвѣтомъ консула и вошелъ въ с. петербургское губернское правленіе въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1860 года съ представленіемъ о сношеніи съ кѣмъ слѣдуетъ, для возобновленія правильныхъ отношеній консульства къ дѣламъ подобнаго рода. Къ сожалѣнію губернское правленіе, сдѣлавъ на представленіи суда помѣту «къ дѣлу», оставило его втеченіе года безъ всякаго движенія. Почитаю своимъ долгомъ не умалчивать о семъ, потому что отъ подобнаго бездѣйствія присутственныхъ мѣстъ (чиновники коихъ даютъ присягу — охранять государственные интересы), дѣлается ущербъ самой чести государства въ его между-

народныхъ сношеніяхъ , а иностранные консулы , не встрѣчая въ подобныхъ дѣйствіяхъ своихъ законнаго противодѣйствія , могутъ принять ихъ за обычай , который возводятъ затѣмъ въ оскорбительный для чести государства и вредный законъ.»

Очень желательно было бы услышать по этому дѣлу голосъ безпристрастныхъ юристовъ , къ которымъ обращается г. Сіяльскій , а затѣмъ — узнать чѣмъ кончилось самое дѣло.

СОДЕРЖАНІЕ

МАЙ. № 3

Голая правда. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ. Н. Полевцова	5
Людовикъ-Филиппъ и три дня февральской революціи	88
<i>Подъ срой тучей горюетъ мой</i> .. Стих. О. Вирга	158
Законы о печати во Франціи (историческій очеркъ). Статья первая.	159
Зимній вечеръ въ бурѣ. Физиологическій очеркъ. Н. Помяловскаго	183
Врачи и народъ (по поводу статьи г. Лѣскова). Ш. Довычина	225
Семейство Монсовъ. (Очеркъ изъ русской исторіи) Статья четвертая. Глава V. Екатерина Алексѣевна. — Глава VI. Коронація и камергерство. — Глава VII. Доносъ. Михаила Смирнскаго	258
Записки изъ Мертваго Дома. Часть вторая. Глава VIII. Претензія. — Глава VIII. — Глава IX. Побѣда. — Глава X и послѣдняя. Выходъ изъ каторги. О. М. Достоевскаго	313

КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Письмо въ редакцію по поводу пѣвочной выставки	1
Неудавшійся антагонизмъ. Литературная собственность. Современникъ, 1862, № 3	10
Критическія варіаціи на разныя темы	45
Отвѣтъ г. А. Александрову (25 № «Дня»). По поводу его набѣга на талмудъ. П. Якува	60
Нѣчто объ «опальномъ журналѣ» (письмо въ редакцію). Н. Косицы	79

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Французскія дѣла. — Великодушіе Миреса. — Заботы правительства о спокойствіи нѣкоторыхъ дамъ. — Полицейскія преобразованія. — Собачья выставка. — Финансовыя дѣла. — Пріѣздъ египетскаго вице-короля	1
Германскія дѣла. — Гессенскій вопросъ. — Прусско-австрійское вмѣшательство. — Покорность гессенскаго курфюрста. — Открытіе прусскаго парламента	9
Итальянскія дѣла. — Римскій вопросъ. — Гойонъ-лавалеттовское перемѣщеніе. — Король въ Неаполѣ. — Арестъ волонтеровъ.	17
Мексиканскія дѣла. — Распаденіе англо-испано-французскаго союза. — Дѣйствія и оправданія французскихъ войскъ	23
Американскія дѣла. — Взятіе Нового-Орлеана. — Изобрѣтательность въ свободныхъ штатахъ. — Сущность войны	31
Последнія извѣстія.	36

НАШИ ДОМАШНІЯ ДѢЛА

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ

Весна и ея вліаніе. — Весеннее движеніе. — Притча объ отрицателяхъ съ правоученіемъ. — Анекдотъ о должникѣ, также съ правоученіемъ. — Нѣчто объ <i>аттракціи</i> , <i>криволиніи</i> , <i>женственности</i> и <i>мужественности</i> . — Замѣчанія г. Пирогова на проектъ университетскаго устава. — Предположеніе о кафедрѣ строительнаго искусства. — Въ какихъ городахъ лучше быть университетамъ. — Неожиданное возмаленіе русскаго народа на пьедесталѣ. — Слухъ о сибирскомъ проектѣ Рейтера. — Протестъ г. Сіяльского.	38
--	----

ВРЕМЯ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

1862

І Ю Н Ъ

(ГОДЪ ВТОРОЙ)

ВЫШЕЛЪ 2 ІЮЛЯ

СОДЕРЖАНІЕ

Праздные люди. (Эпизодъ). Ө. Стулли.	5
Воспоминанія и размышленія. Евгеніи Туръ.	45
<i>Спасибо, добрая моя!</i> . Стих. В. В. Крестовскаго.	68
Лекціи изъ средней исторіи Т. Н. Грановскаго. Лекція IV. Августъ. Тиверій. Калигула. Клавдій. Неронъ	75
Три сцены изъ мѣщанской жизни. Н. Г.	99
Цѣвецъ Кубры, графъ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ. (Психологическій очеркъ). Е. Колвасина.	139
Естественно-историческій методъ въ философіи (по Тэню). В. Ф—а	182
Семейство Монсовъ. (Очеркъ изъ русской исторіи). Статья пятая и послѣдняя. Глава VIII. Предъ розыскомъ. — Глава IX. Розыскъ. — Глава X. Казнь камергера Монса. — Глава XI и послѣдняя. Смерть императора Петра. Михаила Семеновскаго.	203
Законы о печати. Статья вторая.	284
Весна. Стих. А. Апухтина.	305
Воспоминанія въ глеца. (Очерки американскихъ нравовъ). Соч. Гильдрета. (Въ особомъ приложеніи)	1

СМ. НА ОБОРОТѢ

ПЕТЕРБУРГЪ

1862

КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Плоды ученаго педантизма. Какъ бываетъ и какъ быть могло-бъ. Педагогическія мысли Федора Кестнера . . .	1
О значеніи Бокля. Исторія цивилизаціи въ Англии	18
О судѣ по преступленіямъ противъ законовъ печати. (По поводу одной журнальной статьи). Ткачева	40

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Общее положеніе. — Франція. — Австрія.	1
Турецкія дѣла. — Финансовое положеніе Турціи. — Черногорская война. — Бомбардированіе Бѣлграда. — Начало байрама	6
Итальянскія дѣла. — Канонизація японскихъ мучениковъ. — Рѣчь папы. — Адресъ епископовъ. — Отвѣтъ на него итальянскаго парламента. — Пренія объ арестѣ волонтеровъ. — Желѣзныя дороги.	13
Прусскія дѣла. — Пренія объ адресѣ и оправданія министерства . .	25
Дѣла въ Соединенныхъ-Штатахъ. — Успѣхи свободныхъ войскъ.	30
Мексиканскія дѣла. — Несогласія между Испанією, Англією и Францією по мексиканскому вопросу. — Внутреннее положеніе Мексики. — Неудачи французовъ	35
Послѣднія извѣстія.	42

НАШИ ДОМАШНІЯ ДѢЛА

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ

Впечатлѣнія, произведенныя на Петербургъ пожарами. — Погибшая со-кровищница. — Мѣры противъ пожаровъ и другія правительственныя распоряженія. — Прекращеніе изданія двухъ журналовъ. — Способы противъ вторженія ложныхъ идей. — Новороссійскій университетъ. — Занимательность «донесенія» одной ревизіонной комиссіи и одинъ крупный недочетъ. — Другой занимательный предметъ по питейно-дорожной части. — Московское поощреніе отечественной промышленности. — Преобразование московскаго городского управленія. — Сличеніе прошедшаго съ настоящимъ и настоящаго съ будущимъ: отношенія издателей къ подписчикамъ и обратно; отношенія изобрѣтателей мыслей къ современникамъ и потомству и обратно.	43
---	----

ВРЕМЯ

893

ВРЕМЯ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ М. ДОСТОВСКАГО

ТОМЪ XI

ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА

1862

1862

С П Б

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ , чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
уаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 8 іюня 1862 года.

Ценсоръ *Ө. Весслаго*

С П Б

— Очень вамъ благодарна. Нечего спрашивать, отчего вы ее бросили: понятно, изъ любви ко мнѣ; но для чего рассказали мнѣ эту исторію?

— Для чего рассказалъ? Послушайте, Вѣра: это было минутное заблужденіе, шалость. Мнѣ казалось, что лучшее средство загладить вину — признаться въ ней.

— Вообще въ васъ бездна великодушія. Но мнѣ кажется, что ваша добродѣтель нисколько бы не потеряла цѣны, еслибы вмѣсто позднихъ раскаяній и признаній вы просто обдумали дѣло прежде и не пускались въ волокитство.

— Вы женщина, вы не можете понять того страннаго, непреодолимаго чувства, которое заставляетъ мужчину добиваться побѣды надъ женщиной.

— Нѣтъ, теперь я все очень хорошо понимаю. Я понимаю, что могущество вашего духа, выразившееся этой побѣдой, было бы даже несомнѣнъ полно, еслибы вы ею не похвастали.

— Сблагоситесь, что еслибы мнѣ пришла охота хвастать, я могъ бы похвастать побѣдами болѣе трудными.

И слова и тонъ, которымъ говорилъ Александръ, были грубы до пошлости. Непонимаю, какъ я могла любить такого человека. Я позвонила, велѣла запретъ карету и дать мнѣ одѣться.

— Вы уѣзжаете? до свиданья! сказалъ Александръ, взявшись за шляпу.

— Прощайте.

Я разумѣется никуда не поѣхала и весь вечеръ проплакала, — не изъ ревности: мнѣ не было досадно или стыдно за Александра (что мнѣ за дѣло до него!); мнѣ было стыдно за себя, мнѣ было гадко всей этой исторіи.

30 декабря.

Три дня я просидѣла совершенно одна. Я сказала большому и не выходила даже къ мужу обѣдать. Онъ безпрестанно присаживалъ узнать о моемъ здоровьи, предлагалъ доктора. Его заботливость еще болѣе выводила меня изъ терпѣнья. Я не знала куда дѣваться отъ тоски. Я послала къ мужу за газетами и разомъ прочла ихъ за двѣ недѣли. И тамъ тоже.

3 января.

Вчера пріѣхалъ Александръ. Я въ это время лежала съ кин-

гой въ рукахъ, которой однако не читала. Мнѣ не хотѣлось его видѣть. Я сказала, что одѣваюсь, и просила подождать въ соседней комнатѣ. Онъ сталъ играть на фортепьяно элегію Эрнста. Онъ играетъ превосходно. Задумчивые звуки прямо лились мнѣ въ душу. Мнѣ стало грустно, грустно. Я почти помирилась съ Александромъ и кивнула его. Онъ вошелъ, какъ и всегда, безпечный и веселый, и сталъ рассказывать о городскихъ новостяхъ, объ оперѣ. О послѣднемъ нашемъ свиданіи ни слова. Мнѣ опять стало досадно. Я ждала объясненій; мнѣ хотѣлось не извиненій — начто онъ! — мнѣ хотѣлось, чтобы Александръ поднялся въ моихъ глазахъ; мнѣ хотѣлось хотя нѣсколькихъ искреннихъ, задумевныхъ словъ, какихъ — не знаю: не мнѣ же было придумывать ихъ за Александра. Наконецъ, покончивъ свои рассказы, Александръ вздумалъ быть любезенъ и подселъ ко мнѣ.

— Сядьте пожалуйста подальше.

— А что?

— Ничего.

— Вы все еще сердитесь за исторію, которую я рассказала вамъ? Какъ ни лестна для меня ваша ревность, но ради истины я должна заявить, что она не имѣетъ никакого основанія. Право вы были бы черезчуръ прѣстодушны, еслибы стали обращать вниманіе на такіе пустяки. Подѣрите, что чувства мои къ вамъ...

... — Я буду еще болѣе прѣстодушна и попрошу васъ не бывать у меня.

Александръ пристально посмотрѣлъ мнѣ въ глаза. Я тоже глядѣла на него, стараясь казаться покойною. Онъ замѣтно поблѣднѣлъ и тотчасъ же всталъ. Впрочемъ, раскланываясь, онъ счелъ долгомъ изобразить на лицѣ своемъ насильшливую улыбку, — къ чести его нужно прибавить — несовсѣмъ удачно.

Когда онъ ушелъ, я впала въ какое-то странное состояніе. Я ни о чемъ не думала, ничемъ не чувствовала. У меня кружилась голова; мнѣ казалось, что всѣ предметы становятся отъ меня дальше и дальше, что вокругъ образуется пустыня безъ предѣловъ, пустыня съ невозможною тишиною. Наконецъ я впала въ забытіе. Очнувшись, я встала подать свѣчи и принялась за оставленную книгу. Я читала «Хижину дяди Тома», именно то мѣсто, гдѣ описываются послѣдніе дни и смерть Евы, дочери Сень-Клера. Несмотря на явную идеализацію характера

и понятій этого ребенка, чтеніе произвало на меня потрясающее дѣйствіе. Я рыдала, рыдала болѣзненно; мнѣ было невыносимо грустно, но уже не казалось, что вокругъ меня пусто; душа была полна какихъ-то стремленій; мнѣ хотѣлось дѣлать что-нибудь, хотѣлось приносить пользу, хотѣлось заниматься, учиться. Я вспомнила, что въ вѣдомостяхъ объявлялось о публичныхъ лекціяхъ исторіи, политической экономіи и еще чего-то, послала просить ко мнѣ мужа и принялась перерывать вѣдомости. Мужъ тотчасъ пришолъ. Онъ былъ во фракѣ и собирался куда-то ѣхать. Онъ сталъ заботливо спрашивать меня о здоровьѣ:

— Ты очень перемѣнилась. У тебя глаза красны; ты плакала. О чемъ? Что съ тобою?

— Ничего, ребячество. Я хотѣла просить васъ, не можете ли вы достать билеты на публичныя лекціи?

Онъ взялъ указанные номера вѣдомостей и обѣщавъ на другой же день доставить билеты.

8 января.

Сегодня я получила записку отъ Александра. Во мнѣ мелькнула было мысль возвратить ее нечитая, но сейчасъ же самей стало совѣстно. Вотъ что:

«Послушайте, Вѣра: перестаньте-ка капризничать. Довольно. Не видѣть васъ мнѣ право очень скучно, тѣмъ болѣе что, сказать вамъ на ушко, я васъ очень люблю. Полноте. Отпустите мнѣ всѣ мои прегрѣшенія вольныя и невольныя, какъ я отпущаю вамъ несовсѣмъ лестный для меня способъ, которымъ вы меня выпроводили. Ну же, мой миленькій ангелъ (подчасъ-таки съ душкомъ), вашу ручку. Хорошо?»

Не гратьте словъ, одно лишь напишите, —
И буду я у вашихъ ногъ лежать.

«Не подумайте, что это мои стихи: изъ какого-то волшебнаго Итанъ

Объять тревогой и волненьемъ,
Отъста жду я съ крайнимъ нетерпѣньемъ.

Это ужъ мои собственные. На какіе, подумаешь, подвиги способенъ человѣкъ изъ любви!

«Весь вашъ (буде угодно) Александръ.»

Александръ точно далъ слово постоянно увеличивать мою досаду. Я тотчасъ принялась за отвѣтъ.

«На вапу шутливую записку — писала я ему — я отвѣчу нѣсколько серьезно. Любите ли вы меня, или я служила для васъ игрушкой, какъ и бѣдная гувернантка, какъ служили и будутъ служить вѣроятно сотни другихъ, — не знаю; знаю только то, что вы рѣшительно не понимаете меня. Вы, какъ кажется, продолжаете подозрѣвать во мнѣ ревность, минутную досаду. Увѣряю васъ, что я совершенно покойна и нисколько не сержусь на васъ. Разрывъ нашъ не такъ случаенъ, какъ вы думаете. Меня постоянно возмущала легкость, съ которою вы смотрѣли на наши отношенія. Съ страннымъ ослѣпленіемъ я все ждала въ васъ переменны. Наконецъ чаша переполнилась. Дѣло не въ этой исторіи, дѣло даже не во мнѣ. Меня возмущаетъ дѣтская беззаботность, наивность, — извините за выраженіе — бессмысленность вашей жизни. Въ два года, которые я васъ знаю, я не забыла въ васъ ни слѣда думы, ни слѣда сознанія. Вы во всемъ поступали оцупью, наобумъ. Я не видѣла въ васъ никакого чувства, а только чувствованьица да безотчетныя ощущенья. Вы повидимому не можете повѣрить, что я рѣшилась прервать мои прежнія отношенія къ вамъ: мнѣ напротивъ и непонятно, и досадно, какъ я не сдѣлала этого раньше, давно, черезъ недѣлю послѣ того, какъ узпала васъ. Увѣряю васъ, какъ бы мнѣ ни было больно, я безъ всякаго раздумья стану рвать самыя дорогія для меня связи, но никогда не соглашусь опозлить ихъ.

«Прощайте, Александръ. Извините меня, если письмо мое затронетъ нѣсколько ваше самолюбіе, но мнѣ нужно же было наконецъ ясно выразить вамъ причину нашихъ взаимныхъ недоразумѣній; притомъ вамъ навѣрное нетрудно будетъ найти случай успокоить его новыми побѣдами. Прощайте же. Впрочемъ не думайте, что я рѣшительно нехочу видѣться съ вами; если вамъ угодно будетъ нарѣдка бывать у меня, это можетъ даже доставить мнѣ иногда удовольствіе, особенно если вы захотите ничѣмъ не напоминать прошедшаго.»

Письмо мое не застало Александра дома. Вечеромъ однако я получила отвѣтъ.

«Письмо ваше, — писалъ Александръ — въ которомъ вы такъ открыто объявили мнѣ мою отставку, я имѣлъ честь полу-

читать. Отставка не сопровождалась въ немъ даже тѣми смягчающими и въ тоже время нисколько не мѣшающими дѣлу фразами, которыя вообще употребительны при невольныхъ отставкахъ. Даже безъ благодарности за усердіе! Богъ вамъ судья. Я могу утѣшать себя только сознаниемъ (ваше любимое слово), что вы нисколько не польстили ни моему уму, ни характеру. Говорятъ, что горькія пилюли бываютъ иногда полезны. Я проглотилъ эту довольно благополучно, тѣмъ болѣе что вслѣдъ за ней вы позаботились предложить мнѣ и кусочикъ сахару, хотя тоже немножко посоленый. Я говорю о лестномъ приглашеніи, съ несовсѣмъ лестными оговорками, изрѣдка навѣщать васъ. Постараюсь какъ-нибудь имъ воспользоваться. Во всякомъ случаѣ можете быть покойны: несмотря на хвастливость, открытую вами во мнѣ, смѣю увѣрить, что мнѣ никогда не придетъ желанія хвастать благосклонностью, которой вы меня удостоивали. Отъ возвышенныхъ чувствъ вашихъ и отъ объявленія, что вы станете рвать всѣ связи, лишь бы не опозлить ихъ, я могу приходить только въ благоговѣйный восторгъ. Впрочемъ я позволю себѣ маленькій совѣтъ въ придачу. Я не медикъ, но обратитесь къ нимъ: предосторожность никогда не мѣшаетъ. У медиковъ, какъ вамъ извѣстно, есть и холодная вода, и другія неменѣе душевспасительныя средства.

«Затѣмъ, пожелавъ вамъ всевозможныхъ благъ, особенно спокойствія (оно, судя по тону вашего письма, не такъ полно, какъ бы было желательно), честь имѣю быть съ глубочайшимъ почетомъ и совершенною преданностью
Ал. Навроцкій.»

Мнѣ было больно. Эти господа всегда готовы на дерзость, если увѣрены, что она пройдетъ безнаказанно.

Я задумалась. *Finita la comedia!* говорила я, и въ памяти быстро промелькнули два послѣдніе года. Я вспомнила какъ сошлась съ Александромъ. Это было въ Сокольникахъ, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ объясненія съ мужемъ. Я жила на дачѣ одна. Мужъ разъ или два въ недѣлю прѣзжалъ ко мнѣ обѣдать — какъ онъ говорилъ, для соблюденія приличій. Въ роуцѣ я нѣсколько разъ встрѣтила Александра; онъ сталъ со мною раскланиваться; какъ-то въ дождикъ предложилъ мнѣ зонтикъ и знакомство завязалось. Мы сходились каждый день, гуляли, болтали. Какъ-то Александръ упомянулъ о «Бѣдныхъ людяхъ»

Достоевскаго. Миѣ давно хотѣлось прочесть этотъ романъ; я сказала объ этомъ, и Александръ обѣщаль достать его на другой же день. Утромъ мы по условію сошлись въ рошѣ и усѣлись подь деревомъ, читая попеременно вслухъ. Когда Александръ читаль, какъ у несчастнаго Дѣвушкина, призваннаго за какую-то оплошность на расправу къ начальнику, оторвалась пуговица отъ поношенаго сертука и запрыгала по комнатѣ, какъ Дѣвушкинѣ бросился ловить ее и потомъ съ дѣтски-безсмысленной улыбкой сталъ прилаживать ее къ мѣсту, точно надѣясь, что она прилипнетъ, — я не выдержала. Болѣзненное чувство, давно подступавшее къ сердцу, вдругъ охватило меня всю, и я истерически зарыдала. Александръ бросился ко мнѣ. Онъ поддерживалъ мою голову, цѣловаль руки... Это насъ окончательно сблизило. Я не хотѣла пригласить его къ себѣ, но мы почти не разставались и весь день проводили въ рошѣ. Онъ болталъ, напѣваль аріи и водевальные куплеты, декламировалъ пародіи, которыхъ зналъ множество. Какъ-то заговорили о музыкѣ. Александръ предложилъ миѣ подойти къ его дачѣ и прослушать нѣсколько пьесъ на фортепяно. Я согласилась. Онъ усадилъ меня на скамью противъ своихъ оконъ и сыграль какую-то мазурку Шопена, потомъ сталъ наигрывать варьяціи на русскія пѣсни. Онъ играль долго. Вечеръ былъ чудный. Легкій вѣтерокъ шевелиль деревьями, луна то выбѣгала изъ-за тучъ, то снова пряталась. Я слушала, слушала еще и тогда, когда онъ пересталь играть и вышелъ ко мнѣ. Мы молча пошли по рошѣ. Я не могла говорить, но миѣ было чудно хорошо. Я чувствовала, какъ Александръ обвилъ мой станъ, рука моя горѣла въ его рукѣ, голова кружилась, какой-то сладкій трепетъ пробѣгаль по всему тѣлу. «Ты любишь меня, Вѣра? шепталъ Александръ, наклоняясь ко мнѣ: — любишь, да?» — «Люблю, люблю!» отвѣчала я и обвила его шею руками. Это былъ одинъ изъ тѣхъ вечеровъ, какихъ въ жизни выпадаетъ не много.

Съ этого времени я стала гулять рѣже. Цѣлый день я проводила дома, сидя у окна съ работой или книгой. Александръ по нѣскольку разъ проходилъ мимо; мы обмѣнивались улыбкой и были счастливы, по крайней-мѣрѣ я. Иногда, озираясь по сторонамъ, онъ бросаль миѣ въ окно букетъ или записку. Всѣ записки были одного и того же содержанія, но это не мѣшало миѣ доставлять миѣ удовольствіе. Когда наконецъ темнѣло, когда въ

домѣ и въ рощѣ все успокоивалось, — накинувъ большой платокъ, я украдкой выходила за ворота; Александръ ждалъ за угломъ и мы уходили далеко въ рощу, заходили къ нему... Часы летѣли и только занимавшаяся заря заставляла насъ расходиться.

Какъ-то утромъ мнѣ соскучилось. Я вышла въ рощу и прошла мимо дома, гдѣ жилъ Александръ. Онъ увидѣлъ и пошелъ со мною. При поворотѣ въ одной аллеѣ я вдругъ увидѣла мужа, который шелъ намъ навстрѣчу. Я едва устояла на ногахъ. Но дѣлать было нечего: мужъ подошелъ и я представила ему Александра.

— Да, жена говорила мнѣ о вашемъ знакомствѣ, сказалъ онъ (я никогда въ слова не говорила ему объ этомъ). — Очень радъ, что ей нескучно въ Сокольникахъ. Я этого очень боялся. Ей нуженъ свѣжій воздухъ, а меня служба да дѣла почти постоянно удерживаютъ въ Москвѣ. Однако пойдемъ обѣдать. Пора. Вы вѣдь съ нами обѣдаете?

Александръ молча поклонился и мы пошли. Весь обѣдъ я не сказала ни слова, не смѣла поднять глазъ. Александръ кажется тоже былъ несовсѣмъ по себѣ. Одинъ мужъ ѣлъ за двоихъ и толковалъ о политикѣ, о Людовикѣ-Наполеонѣ, объ индѣйскомъ возстаніи. Я украдкой взглянула на Александра: онъ строилъ пресмѣшныя гримасы, стараясь показать, что вполне понимаетъ и одобряетъ планъ реформъ, которыя по мнѣнію мужа цужно бы произвести въ управленіи Индіей.

Вскорѣ послѣ обѣда Александръ ушелъ. Мужъ, будто нисколько незамѣчая моего смущенія, рассказалъ мнѣ городскія новости, передалъ нѣсколько поклоновъ отъ знакомыхъ и затѣмъ, спросивъ, не дамъ ли я ему въ городѣ какихъ-либо порученій, уѣхалъ. Но я не могла скоро успокоиться; мнѣ было очень неловко. Весь вечеръ я просидѣла дома, несмотря на то, что Александръ нѣсколько разъ принимался слегка стучать въ закрытыя ставнями окна моей спальни. Я не спала почти всю ночь; въ комнатѣ было душно; непрошенные мысли лѣзли въ голову.

На другой день мужъ снова пріѣхалъ. Онъ спросилъ, не знаю ли я гдѣ живетъ Александръ, отправился его отыскивать и снова пригласилъ обѣдать. На этотъ разъ Александръ былъ веселъ и развязенъ, говорилъ неменьше мужа и нѣсколько разъ заговаривалъ со мной, но я ему почти не отвѣчала.

— Что, она всегда такъ любезна съ вами? Въ такомъ случаѣ я не могу поздравить васъ съ очень пріятнымъ обществомъ, говорилъ мужъ.

— Онъ очень милый молодой человекъ, говорилъ онъ мнѣ по уходѣ Александра. — Если тебѣ не будетъ неприятно, то надо бы не прерывать съ нимъ знакомства. Я пригласилъ его и въ Москвѣ почаще бывать у насъ.

Все это было черезчуръ любезно. Выходила сдѣлка, отвратительная, грязная сдѣлка. Я не обвиняла мужа: онъ былъ только послѣдователенъ. Его поведеніе было прямымъ слѣдствіемъ нашихъ отношеній и той важности, которую онъ придавалъ соблюденію чисто внѣшнихъ приличій. Ему хотѣлось, чтобы близость Александра со мной оправдывалась въ глазахъ постороннихъ, еслибы кто узналъ о ней, короткимъ знакомствомъ съ нимъ самимъ. Я тоже не была виновата. Когда я говорила мужу, что впредь считаю себя вправѣ совершенно располагать собою, то дѣлала это просто изъ самолюбія, а не съ намѣреніемъ воспользоваться такимъ правомъ. Полюбивъ Александра и отдаваясь ему, я рѣшительно не думала ни о мужѣ, ни о моихъ правахъ. Полюбивъ кого-нибудь, я поступила бы вѣроятно точно также; еслибы и находилась совершенно въ другомъ положеніи.

По отъѣздѣ мужа на меня напала страшная тоска. Я передумала тысячу плановъ вырваться изъ положенія, которое мнѣ казалось столь позорнымъ. Самое лучшее, какъ я думала, было бросить все и уѣхать съ Александромъ куда-нибудь подальше, за границу.

Вечеромъ я сидѣла у раствореннаго окна. Часовъ въ десять подошелъ Александръ.

— Вы одинъ?

— Одна.

— Можно войти?

— Войдите.

— Что вы сидите дома и еще безъ огня? говорилъ онъ, помящаясь на скамейкѣ у ногъ моихъ. — Да что съ вами? Вы печальны, вы плакали? Не догадался ли мужъ вашъ, не сдѣлалъ ли онъ вамъ какой исторіи?

— Я говорила вамъ, что онъ мнѣ мужъ только по имени.

— Въ чемъ же дѣло?

— Развѣ вы не видите той унижительной снисходительности, того потворства, съ которымъ онъ смотритъ на нашу связь?

— Вотъ тебѣ на! Ну такъ тѣмъ лучше. Что вы за дитя право. Одѣвайтесь—ка лучше, да войдемъ гулять. Смотрите что за славный вечеръ.

Разумѣется послѣ такихъ словъ я непыталась сообщать Александру ни плановъ, ни чувствъ своихъ. Его «тѣмъ лучше» ясно показало мнѣ, что я должна или разстаться съ нимъ навсегда, или подчиниться такому порядку вещей, о которомъ не могла думать некрасивѣя. Рѣшиться на первое не стало силы, по необходимости пришло второе. Мало-помалу привыкла.

Привычка свыше намъ дана:
Замѣна счастью она.

Хороша замѣна!.. Дальше рассказывать нечего. Каждый день приносилъ мнѣ новыя доказательства легкомыслія Александра, каждый день болѣе и болѣе заставлялъ меня видѣть въ немъ ничто иное какъ любовника въ самомъ нехитромъ значеніи слова... Все это прошло. Любила ли я его, люблю ли еще, жаль ли мнѣ разрыва съ нимъ, — право незнаю. Да и что до этого? Между нами все кончено. Глупо жалѣть о невозвратномъ. Я свободна, свободна какъ вѣтеръ... Впередъ же!

«Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать», сказалъ Пушкинъ. Могутъ же люди говорить такую бессмыслицу! Понятно, что коли живемъ, нужно стараться мыслить. Пожалуй, для того чтобы жить и мыслить, можно рѣшиться страдать; но жить для того только, чтобы мыслить, да еще вдобавокъ страдать!..

17 января.

Вчера я была на публичной лекціи исторіи. Она произвела на меня непріятное впечатлѣніе. Толки въ журналахъ о талантѣ профессора, громкія рукоплесканія, которыми встрѣчала и провожала его публика, могли бы заставить меня поколебаться въ моемъ мнѣніи, но все-таки лекція кажется мнѣ черезчуръ многословною, фразы черезчуръ изысканными. Мужъ замѣтилъ мнѣ, что я склонна къ одностороннимъ выводамъ, основаннымъ на мелочахъ. Но во всякомъ случаѣ красивая фраза безъ всякаго внутренняго смысла въ устахъ талантливаго профессора вовсе не мелочь. Онъ говорилъ напримѣръ о смерти Макодея: «Здѣсь

ведая воскликнуть: *le roi est mort, vive le roi*. Въ гениальныхъ людяхъ нѣтъ преэминентности престола. Природа скупа на гениальныхъ людей, быть-можетъ для того, чтобы тѣмъ еще болѣе возвысить ихъ надъ уровнемъ толпы.» Все это весьма звонко, но что хотѣлъ сказать этимъ профессоръ? Вѣдь не думаетъ же онъ къ самому дѣлу, что природа хлопочетъ о возвышеніи гениальныхъ людей надъ какимъ бы то нибыло уровнемъ. Видно на долю всякаго смысла отпущена извѣстная доза бессмыслицы.

20 января.

Отчего подъ ношей крестной
 Весь въ крови влачится правый?
 Отчего вездѣ безчестный
 Встрѣченъ почестью и славой?
 Отчего?.. Иль силъ правды
 На землѣ не все доступно,
 Иль она играетъ нами?
 Это гадко и преступно.
 Такъ мы спрашиваемъ жадно
 Весь свой вѣкъ, пока безмолвно
 Не забьютъ намъ ротъ землею..
 Да отвѣтъ ли это, полно?

25 января.

Вчера я принялась было очень ревностно за газеты, но онѣ мнѣ скоро надоели. Все одно и то же. Императоръ австрійскій толкуетъ о своихъ отеческихъ чувствахъ къ подданнымъ, особенно италіянтамъ, и въ доказательство посылаетъ къ нимъ войска. Дѣло въ томъ, что нѣсколько зловредныхъ бунтовщиковъ мѣшаютъ народу наслаждаться всеми благами австрійской администраціи; вотъ императоръ и принимаетъ мѣры, чтобы ничто не возмущало блаженства ломбардцевъ и венеціанъ. Императоръ Наполеонъ увѣряетъ въ своемъ безкорыстїи и отнѣжномъ миролюбїи, а англійское правительство проповѣдуетъ, что въ мирѣ нѣтъ ничего священнѣе и благодѣтельнѣе свободы и что слѣдовательно австрійцамъ должно предоставить полную свободу угнетать италіянцева. Я бросила газеты. Все это даже не смѣшно.

Мнѣ вздумалось ѣхать въ маскарадъ въ дворянское собраніе, гдѣ я была нѣсколько разъ въ прошедшемъ году съ Александромъ. Я наскоро одѣлась, взяла съ собой Машу и поѣхала. Былъ двѣнадцатый часъ. Въ передней комнатѣ, гдѣ продаются билеты, сидѣло и ходило много масокъ, которыя какбы под-

жидали кого-то. Одна изъ нихъ при мнѣ обратилась къ щегольски одѣтому мужчине съ просьбой ввести ее въ залъ.

— Членскаго билета я не имѣю, отвѣчалъ тотъ, приставивъ къ глазамъ лорнетъ: — но если вы захотите снять на минуту маску...

Она не дослушала и отошла. Я купила лишній билетъ и подала ей.

— Мерси, сказала она. — Мнѣ необходимо быть сегодня въ маскарадѣ.

— Очень рада, что могла услужить вамъ.

— Только пожалуста скажите, какимъ образомъ возвратитъ вамъ эти деньги?

— Знаете ли что? Мнѣ пришла прекрасная мысль: въ слѣдующій разъ, когда будете въ маскарадѣ, купите билетъ и передайте кому-нибудь на такомъ же условіи. Быть-можетъ и мнѣ придется имъ воспользоваться.

— Мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы были увѣрены въ томъ, что я это сдѣлаю.

Въ залахъ было тѣсно. Въ главной — на сѣбну музыкѣ завывали цыгане и ревели какіе-то заѣзжіе нето кроаты, нето тирольцы, одѣтые шутами. Только-что я вошла, ко мнѣ подлетѣлъ какой-то бѣлокурый юноша съ золотымъ ринсе-пез на носу.

— Je te connais, beau masque, говорилъ онъ, пріятно улыбаясь.

— Ты ничего не нашолъ сказать умнѣ? спросила я довольно рѣзко.

Юноша оторопѣлъ, осмотрѣлся и исчезъ еще быстрѣе, нежели подошелъ. Зная, что Александръ не пропускаетъ почти ни одного маскарада, я была увѣрена, что найду его здѣсь и дѣйствительно скоро встрѣтила. Онъ шолъ подъ руку съ маской и въ ней, къ удивленію, я узнала ту, которой предложила билетъ. Когда они проходили мимо насъ, Александръ пристально осмотрѣлъ меня и Машу. Видно было, что онъ узналъ насъ. Спутница въ это время что-то съ жаромъ говорила ему. До меня долетѣло нѣсколько французскихъ словъ: «это дурно съ вашей стороны, я не могла ожидать...» Александръ тотчасъ усадилъ ее и подошелъ ко мнѣ.

— Вы видите, я пользуюсь вашимъ позволеніемъ, подхожу къ вамъ. Хотите дать мнѣ руку? Пожалуста не бойтесь, продол-

жалъ бытъ, замѣтивъ, что я колебалась: — я никакъ не думаю напоминать вамъ прошлаго; если хотите, я даже готовъ помочь вамъ скорѣе забыть его.

— Какимъ образомъ?

— Я покажу вамъ господина подобно вамъ недовольнаго жизнью и ея безсмысленностью. Я встрѣтилъ его здѣсь и вы тотчасъ же пришли мнѣ въ голову. Очень хорошій господинъ. Мы съ нимъ вмѣстѣ были въ университетѣ. Нѣсколько скучный на мой взглядъ, но зато весь исполненный смысла. Хотите?

— Сдѣлайте одолженіе: человекъ со смысломъ для меня большая новость, отвѣчала я, подлаживаясь подъ тонъ Александра.

— Да, вы познакомьтесь. Сначала быть-можетъ вы его не совсемъ поймете, но это ничего, не теряйте терпѣнія. Вы знаете, сумасшедшіе, — и тѣ не вдругъ же начинаютъ понимать одинъ другого.

— Непременно познакомлюсь. Кстати, что же вы бросили даму, съ которой ходили?

— Не бросилъ ее, а просто оставилъ; хотѣлось съ вами поговорить; да правду сказать, она уже мнѣ надоѣла.

— Что такъ скоро?

— Какъ скоро?

— Да она только-что вошла. Хотите, я скажу кто она?

— Кто же?

— Гувернантка.

— Вы откуда узнали?

— Я нанимаю шпионовъ слѣдить за вами. Прощайте, идите-ка къ ней. Вмѣсто того чтобы снова возбуждать ея ревность, ступайте да объясните, зачѣмъ вы ее обманули и пріѣхали въ маскарадъ.

Александръ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня.

— Вы ее видѣли в распросили?

Я разсмѣялась. — Успокойтесь: и не спрашивала, и шпионовъ не нанимала; просто болтала что взбрело на умъ. Очень рада, что угадала. Прощайте. Да, а господинъ со смысломъ?

— Вонъ онъ стоитъ у двери.

— Какъ его зовутъ?

— Андрей Васильевичъ Воцинниковъ.

Мы съ Машей направились въ ту сторону. Наружность Во-

щинникова говорила въ его пользу. Это былъ высокій черно-волосый, нѣсколько смуглый молодой человекъ съ серьезными и правильными чертами лица. Я остановилась въ нѣсколькихъ шагахъ у колонны. Онъ разсѣянно смотрѣлъ вдоль залы и казалось размышлялъ о чемъ-то. Въ это время къ нему подошли двѣ маски и заговорили съ нимъ; онъ отвѣчалъ имъ нѣсколько словъ, тѣ повернулись и пошли. «L'imbécile!» проговорила одна изъ нихъ довольно громко. Вощениковъ улыбнулся. Я подошла къ нему.

— О чемъ ты говорилъ съ этими масками?

— Онѣ спрашивали о чемъ я задумался.

— Чтоже ты отвѣчалъ?

— Что думаю о томъ, какъ бы люди вообще, а женщины въ особенности, сперва бы подумали о чемъ хотять спросить, а потомъ бы спрашивали.

— Надѣюсь, въ твоихъ словахъ нѣтъ намековъ?

— Нѣтъ. Я буквально передаю тебѣ нашъ разговоръ.

— Чтоже сказали маски?

— Ты вѣроятно слышала: что я глупъ.

— И ты согласился?

— Отчасти.

— Ты въ самомъ дѣлѣ былъ неправъ. Я долго глядѣла на тебя: ты задумался такъ глубокомысленно, что каждый былъ вправѣ ожидать отъ тебя какого-нибудь важнаго открытія по крайней-мѣрѣ относительно маскараровъ. Я чуть не подошла къ тебѣ съ такимъ же вопросомъ, да спасибо этимъ маскамъ: избавили на первый разъ отъ бѣды.

— Тебѣ вѣроятно я отвѣчалъ бы иначе: *c'est le ton qui fait la musique.*

— Ты кажется дѣлаешься любезнѣе. Позволь въ такомъ случаѣ другой вопросъ: зачѣмъ ты пріѣхалъ въ маскараръ? Вѣдь не для того же, чтобы погружаться въ задумчивость?

— Я пріѣхалъ сюда рѣшительно безъ всякой цѣли, въ качествѣ невиннаго и степеннаго провожателя двухъ забалмошанныхъ кузинъ; задумался же оттого, что не нашолъ ничего лучшаго. Впрочемъ задумчивость моя была несовсѣмъ некстати: безъ нея ты бы пожалуй и не подошла.

— Положимъ и такъ. Но знаешь ли для чего я подошла къ тебѣ? Миѣ пришло въ голову: не занимаетъ ли тебя въ эту ми-

нуту тотъ же вопросъ, о которомъ я думаю вотъ уже двѣ недѣли?

— Какой вопросъ?

— Для чего созданы люди.

— Вотъ тебѣ на! Ужъ не велисылаешь ли ты статеекъ хоть въ московскія вѣдомости?

— Нѣтъ; а что?

— Сперва нотацию прочтала, теперь впустилась въ философію. Послушай, маска: ну-ка откровенно, который тебѣ годъ?

— Двадцать второй.

— Ты хороша собой?

— Не хороша и не дурна. Впрочемъ больше хороша, нежели дурна.

— Не сочти моего вопроса очень неделикатнымъ: не забудь, что половину твоего лица я вижу. Ты наконецъ замужемъ?

— Замужемъ. К чему эти вопросы?

— Я боялся попасть на нерезрѣлую дѣву: тѣ резонерствуютъ чисто изъ любви къ искусству. Какимъ же образомъ пришолъ тебѣ въ голову этотъ отчаянный вопросъ?

— Было бы удивительнѣе, еслибы онъ не пришолъ: для того чтобы жить, нужна какая-нибудь цѣль въ жизни. Иначе жить скучно. А мнѣ кажется, только тогда и можно опредѣлить цѣль собственной жизни, когда будетъ опредѣлено общее назначеніе людей. Не такъ ли?

— Совсе не такъ. Назначеніе людей и цѣль, къ которой они должны стремиться, могутъ совсе не совпадать. Твой вопросъ распадается на два. Рѣшить, какое назначеніе имѣетъ вообще человѣческая жизнь — нелегко, да правду сказать и некому. Гораздо полезнѣе, хотя и не легче, другой вопросъ: что люди должны положить цѣлью своей жизни. Этотъ вопросъ рѣшается различно, смотря по вкусамъ: одни говорятъ, что цѣлью жизни должно быть счастье, другіе — нравственное развитіе, третьи — исполненіе тѣхъ нравственныхъ обязанностей, которыя лежатъ въ самой идеѣ человѣка.

— Мнѣ кажется второе и третье одно и тоже.

— Несовсѣмъ. Послѣднее значитъ насиловать свои инстинкты во имя отвлеченной, надуманной идеи долга; стремиться же къ развитію значитъ такъ воспитывать свои инстинкты, чтобы все благородное и хорошее доставляло удовольствіе, все низкое

и дурное внушало отвращеніе. Въ такомъ случаѣ человекъ избавляется отъ необходимости вѣчно стоять на-сторожѣ; онъ смѣло можетъ вѣрится своимъ склонностямъ. Воспитайте въ себѣ эстетическое чувство — и тогда напримѣръ вы не станете подличать и лгать, потому что это нравственно некрасиво, а не потому, что это вредитъ достоинству человека. Съ хорошо направленными инстинктами съ пути не собьешься; развѣ приманка будетъ чересчуръ сильна: они постоянно будутъ напоминать о себѣ. А съ отвлеченной идеей не то: какъ-разъ цѣлью станешь оправдывать средства, а такъ какъ достиженіе цѣли не въ нашей волѣ, то и выйдетъ, что съ гадкими средствами придешь къ отвратительному результату.

— Но воспитать въ себѣ инстинкты, какъ ты ихъ называешь, можно иначе какъ именно подъ вліяніемъ общей идеи объ обязанностяхъ и достоинствахъ человека.

— Разумѣется такъ, но воспитаніе это совершается по мелочамъ, въ спокойныя минуты; иногда впрочемъ оно есть чисто дѣло случая. Соединить одно съ другимъ весьма хорошо; но если выбирать, то разумѣется хорошо направленнымъ инстинктамъ должно отдать преимущество предъ самой великолѣпной идеей о назначеніи человека.

— Все это быть-можетъ такъ. Я подумалъ объ этомъ. Но я спрашивала не о томъ, какимъ образомъ человекъ можетъ совершенствоваться: я спрашивала, какая цѣль жизни.

— «Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать», сказалъ Пушкинъ.

— Это я ужъ слышала. Къ чему же мыслить, изъ-за чего страдать?

— Ну, такъ наслаждаться, если это больше тебѣ нравится, и пожалуй вовсе не мыслить. Последнее даже необходимо для достиженія перваго.

— Это бы еще хорошо; но къ несчастію, наслажденій въ жизни гораздо менѣе, нежели страданій. Начто же жить?

— Вотъ видишь ли: всѣмъ, даже школьникамъ, — имъ пожалуй еще лучше, нежели кому-нибудь другому, извѣстно, — что есть рядъ вещей, которыя сами для себя служатъ цѣлью и никакимъ другимъ цѣлямъ не служатъ; именно: истина, знаніе, красота, благо. Къ разряду ихъ относится и жизнь. Сюда же принадлежала средневѣковая любовь, въ расчетъ которой на-

слажденье даже не входило. Рыцарь влюблялся только для того, чтобы почувствовать въ сердцѣ присутствіе благородной страсти.

— Съ тобой видне не добиться мнѣ рѣшенія моего вопроса.

— Добивайся одна: скорѣй достигнешь результата, т. е. это скорѣй надоѣсти тебя. Было время, и для меня цѣль жизни

Была таинственной загадкой.
Надъ ней я голову ломалъ
И чудеса подозрѣвалъ.

И вотъ я пришолъ было къ великолѣпному презенту взереть перономъ земной шаръ. Я даже хотѣлъ съ этимъ цѣлью составить акціонерное общество, но не зналъ удастся ли мнѣ добиться разрѣшенія. Потому я одумался: какъ жить ни скучно, а все умирать бы не хотѣлось. Видно жизнь сама по себѣ составляетъ же какое-нибудь благо, если насъ такъ тянетъ къ ней. Будемъ же жить и постараемся жить какъ можно дольше. Оставимъ доискиваться цѣли жизни и постараемся не упустить изъ-подъ носу другихъ мелкихъ, но тѣмъ не менѣе интересныхъ цѣлей.

— Намъ не хочется умирать, хочется жить! Да это лѣнь, привычка, рутиня, отъ которой именно я и незнаю куда дѣться.

— Царъ тебя могъ бы выйти отличный реформаторъ.

— А ты кажется прикидываешься философомъ.

— Я не прикидываюсь, а въ самомъ дѣлѣ философъ, и глубокій, впрочемъ совершенно безвредный.. Вся тайна такой философіи заключается въ невозмутимомъ спокойствіи.

— Да если оно не дается?

— Добиться его нетрудно: стоять только положить себѣ за правило не вмѣшиваться въ дѣла людей, не тревожиться ими, уповать, уповать какъ можно больше, уповать на всѣхъ и вся, и главное — самому ничего не дѣлать. Это необходимо: во-первыхъ полный досугъ философствовать, т. е. соображать, какъ часто вещи одинаковыя по названію обладаютъ весьма различными свойствами, какъ напримѣръ хлѣбъ, который мы беремъ у вѣмца-булочника, и хлѣбъ, который пекутъ наши мужики изъ смѣси отрубей съ водою, или что-нибудь подобное. Вотъ вторыхъ: ничего недѣлая, менѣе рискуешь слѣлать глупость. Наконецъ таже философія доказываетъ мнѣ, что я по-ложительно долженъ ничего не дѣлать; что если я ничего не

дѣлаю, то перестать ничего не дѣлать было бы съ моей стороны преступленіемъ — я не говорю въ отношеніи общественной жизни, это само собою разумѣется, но даже въ отношеніи разума, потому что то, что есть, разумно, а что разумно, то необходимо. Эта истина была особенно въ ходу дѣтъ тридцать назадъ у историко-философской школы; теперь къ сожалѣнію ее нѣсколько забыли, но я крѣпко держусь ея. На основаніи ея я вывелъ другую неменѣе ослзательную истину: что необходимо (по разумнѣіи историковъ-философовъ — разумно), то должно быть; а что должно быть, то есть даже и въ такомъ случаѣ, еслибъ его и не было.

— Въ твоихъ словахъ даже не карикатура, а просто должно-быть плевета на философію. Ты или знаешь что-нибудь, тогда скажи что, или не знаешь, тогда просто признайся въ этомъ.

— Но тебѣ должно быть извѣстно, что величайшая мудрость и заключается именно въ сознаніи собственнаго незнанія, по словамъ какого-то древняго философа. Наши новые философы доказываютъ это на дѣлѣ, но только обратнымъ образомъ: они увѣряютъ, что знаютъ все.

— Перестань наясничать и пожалуста отвѣчай.

— На что и что стану отвѣчать я? Начто созданы люди? Положимъ я могъ бы отвѣтить тебѣ, но отвѣтъ мой повлечетъ новый вопросъ. Древніе индусы говорили, что назначеніе земной жизни человѣка — заслужить ему блаженство въ будущей. Ты спросишь: къ чему же поведетъ это блаженство? Отъ вопроса къ вопросу придется добратся до конца концовъ, или что то же, до начала началъ. А ты знаешь, что ни того, ни другого быть не можетъ: до начала одного былъ конецъ чего-нибудь другого; за концомъ стараго необходимо начало чего-нибудь новаго. Опытъ ищи начала и конца, и опять та же исторія.

— Что же наконецъ такое эта непрерывная снѣна одного другима?

— Жизнь.

— Что жъ такое жизнь?

— Придется повторить: непрерывная снѣна однихъ явленій другима.

— Этима ты ничего не рѣшилъ.

— Въ самомъ дѣлѣ! Ты наконецъ догадалась. Удивительно! А я, какъ кажется, цѣлый часъ хлопоталъ убѣдить тебя въ

тошъ, что ничего рѣшить не могу. Хорошо было бы жить на свѣтѣ, еслибы стояло только побѣхать въ маскарадъ да потолковать съ добрымъ человѣкомъ, такъ бы и открылась предъ тобой тайна жизни. Эта загадка не одного съ ума свела.

Вощинниковъ произнесъ эти слова съ видимымъ раздраженіемъ. Въ это время къ нему подошла какая-то дама въ домино и что-то шепнула.

— Извини, меня ждутъ. Пойдемъ отыщемъ твою спутницу. Кстати: часто ты прѣзжаешь въ маскарадъ для рѣшенія мировыхъ вопросовъ?

— Не очень, а что?

— Хотѣлось бы узнать о результатахъ. Серьезно, прѣдешь въ слѣдующій четвергъ?

— Зачѣмъ?

— Опять зачѣмъ. Вотъ рационалистка! Что зачѣмъ? Зачѣмъ ты прѣдешь сюда? — я почему знаю. Или зачѣмъ я прошу тебя прѣхать? Зачѣмъ что мнѣ пріятно будетъ увидѣться съ тобою.

— Хорошо, я буду. Прощай.

Мы отыскали Машу и я уѣхала.

Я до сихъ поръ не могу отдать себѣ хорошенько отчета въ томъ, какое впечатлѣніе произвелъ на меня Вощинниковъ; во всякомъ случаѣ кажется болѣе дурное, нежели хорошее. То въра въ какую-то благодатную натуру человѣка, то глумленье надъ нею. Забавляется ли онъ, или это маска, подъ которой кроется горькое чувство? Въ такомъ случаѣ к чему она?

Истина для истины, жизнь для жизни — это нелѣпость. Да ужъ не нелѣпость ли сама жизнь, не потому ли въ ней встрѣчается сплошь да рядомъ такъ много нелѣпостей?

26 января.

Я вооружаюсь самымъ невозмутимымъ хладнокровіемъ и спрашиваю, что мнѣ дѣлать? Отвѣтъ нетрудный: заниматься. Чѣмъ? хозяйствомъ? Не завести ли утятъ и по утрамъ кормить ихъ? Когда мнѣ было семь лѣтъ, это очень занимало меня. Музыкой и разыгрывать чувствительныя аріи, которыя возбуждаютъ во мнѣ одно чувство — скуку? Политикой и соображать, удастся ли Австріи и Турціи протурить двойного господара или Иуцѣ наклеить носъ той и другой и тѣмъ поддержать славу румынской націи? Вспомнимъ, что мы румыне! кричать они.

Вспомнимъ, что мы ослы! кричали бы ослы, готовясь на какой-нибудь великій подвигъ, еслибы только обладали даромъ слуха, такъ какъ и ихъ нельзя заподозрить въ недостатокъ національнаго чувства. — Чѣмъ же наконецъ? Интригами? Не попробовывать ли снова плѣнить Александра, отбивъ его у гусарянки, которая какъ кажется сильно сидитъ у него на шее? Побѣда была бы очень лестная. Или попытаться влюбить въ себя Вошинникова? Но чтоже дѣлають другіе? «Живуть», отвѣчалъ бы Вошинниковъ. Живуть!.. Да и живутъ ли?

2 февраля.

Третьяго-дня я снова поѣхала въ маскарадъ и скоро отыскала Вошинникова. Онъ сидѣлъ въ боковой залѣ, посматривая на двери и оглядывая проходящихъ. Оставивъ Машу, я пошла къ нему. Онъ всталъ мнѣ навстрѣчу.

— Вы узнали меня, или подошли къ первой одинокой маскѣ? спросила я.

— Узналъ.

— Почему?

— По стану, по походкѣ, наконецъ по камеристкѣ, которую ты усадила. Но дѣло не въ томъ: скажи лучше, какой важный вопросъ будемъ мы рѣшать сегодня?

— Вѣроятно никакаго.

— Зачѣмъ же ты пріѣхала?

— Вопервыхъ затѣмъ, что дома было скучно, а во вторыхъ потому что общала тебѣ пріѣхать.

— Хоть меня ты и спрягала на второй планъ, но я напрямикъ поблагодарилъ бы тебя, еслибы умѣлъ дѣлать комплименты.

— Мнѣ кажется можно бы поблагодарить и безъ комплиментовъ.

— За что?

— Зато что согласилась на твою просьбу и пріѣхала.

— Да вѣдь ты согласилась бы не на всякую просьбу пріѣхать.

— Разумѣется нѣтъ.

— Слѣдовательно на мою ты согласилась только потому, что тебѣ самой было не непріятно меня видѣть. Въ такомъ случаѣ благодарность должна быть взаимная, или, что проще, ни одному, ни другому благодарить незачто.

— Это, пожалуй, и правда, только ты кажется несколько оригинальничаетъ.

— Вотъ на! Сама же толкуешь о предметахъ, вызывающихъ на размыщленіе, а попробуй размыщлять — упрекаешь въ оригинальничаньи. Да, кстати: что же вопросъ о жизни? Царьщина?

— Объяснись пожалуйста: считаешь ты этотъ вопросъ несуществующимъ вниманія?

— Нѣтъ, я считаю его неразрѣшимымъ.

— Почему?

— Потому что не рѣшается. Все что можно было сказать о немъ, давно сказано. Вѣрить или не вѣрить — въ твоей волѣ, но нового ничего не выдумаешь, а напрасно водноваться не стоитъ: смыслъ можно употребить на что-нибудь болѣе благодарное.

— На что напримѣръ?

— На мысль о чемъ-нибудь болѣе доступномъ, на чувство.

— Не заказу? Да на какую мысль, на какое чувство? Не на любовь ли?

— Да хоть и на любовь. Что ты отзываешься о ней съ такой пропойей? Ужь не насолила ли она тебѣ? не оттого ли ты и пустилась въ глубокомыслие?

— Скажи же мнѣ, что такое любовь?

— Ты вѣчно съ опредѣленіями. Опредѣлить мы ничего не можемъ: опредѣленіе должно касаться сущности предметовъ, а никакая сущность для насъ недоступна; мы можемъ имѣть дѣло только съ явленіями и формами. Я попрошу тебя напримѣръ опредѣлить что такое дерево; ты пожалуй отвѣтишь, что это есть соединеніе азота, кислорода, углерода и пр.; опредѣлить животное, — опять соединеніе азота, кислорода и пр. Вотъ и опредѣленіе, да и то благодаря тому, что не опредѣлили, что такое азотъ или углеродъ, а то пришлось бы добратъся до такого, что по своей безвѣтности, безвидности весьма близко граничить съ ничѣмъ и слѣдовательно никакого опредѣленія имѣть не можетъ. Потому-то обыкновенно и говорится, что анализъ мертвить, т. е. приводитъ къ нулю.

— Мнѣ случалось однако слышать, что анализъ весьма полезенъ.

— Чему? въ чемъ?

— Онъ принесъ напримѣръ большую пользу наукамъ.

— Какую? Ту напримѣръ, что вмѣсто живого понятія о де-

ровѣ далъ отвлеченное представленіе о соединеніи газовъ, необъяснивъ почему (а не чѣмъ) одинъ газъ разнится отъ другого, почему одни и тѣже газы въ одномъ случаѣ образуютъ одну форму, въ другомъ другую, что наконецъ заставляетъ ихъ соединяться, — и такимъ образомъ одно неизвѣстное замѣнилъ десятью? «Наше знаніе состоитъ въ томъ, чтобы черпать незнаніе изъ самыхъ глубокихъ источниковъ», сказалъ кажется Ройс-Колларъ. Анализъ и полезность развѣ на то, чтобы яснѣе доказать, что мы ничего знать не можемъ. Невелика заслуга! Въ нравственномъ отношеніи еще хуже. Какую-нибудь мысль, какое-нибудь побужденіе ты готовъ считать великими; станешь разбирать — и откроется такая бездна мелкихъ гаденькихъ побужденійъ и зачатковъ противорѣчащихъ мыслей, что изъ нихъ никакому искуснику не составитъ повидимому ничего хотя сколько-нибудь похожего на мысль или побужденіе. Въ радости найдешь источникъ безконечнаго горя; въ горѣ много такого, что заставитъ до слезъ хохотать и надъ горемъ, и надъ собою въ придачу — и станетъ гадко...

Бросимъ мудрствованія. Слушай лучше увертюру «Севильскаго цирюльника». Ты пожалуй опять пустишься разбирать, что такое звукъ, что такое нервы, сообщающіе впечатлѣніе мозгу, что такое наконецъ мозгъ и ничего не добьешься; а между тѣмъ этотъ чудный назойливый мотивъ, который цемитъ за сердце и въ тоже время заставляетъ его биться страстнымъ и сладостнымъ трепетомъ, будетъ потерянъ. Въ жизни разлито много поэзій; нужно только умѣть уловить ее, неостанавливаясь на одной поверхности явленій, но въ тоже время неслишкомъ углубляясь въ нихъ: иначе поднимешь всю тину со дна. Мѣра — вещь важная. Поймите это — и тогда вы найдете не только много возвышеннаго и благороднаго, но и много жизненной правды въ стихахъ Пушкина, о которыхъ отзывались на дняхъ съ такимъ презрѣніемъ:

Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать.
И вѣдаю, мнѣ будутъ наслажденья:
Порой оиать гармоніей уныюсь,
Надъ вымысломъ слезами обольюсь,
И можетъ-быть на мой закатъ печальный
Мелькнетъ любовь улыбкою прощальной.

Долго ходили мы молча по отдаленнымъ полуосвѣщеннымъ

задать. «Назойливый» мотивъ еще раздавался и становился все быстрее и назойливѣе, и хваталъ за сердце. Опять вспомнились мнѣ и Сокольники, в тихія ночи, и страстные подѣлу. «Много радостей въ жизни!» раздавалось въ ухахъ. «Да всё онѣ прошли безвозвратно для меня», думалось мнѣ.

Голосъ Вошинникова вывелъ меня изъ раздумья.

— У меня есть къ тебѣ убѣдительная просьба, за исполненіе которой я въ самомъ дѣлѣ буду очень благодаренъ.

— Какая?

— Сними на минуту маску : мнѣ хочется знать, насколько ты была права, говоря о своей наружности.

— Ужь не собираешься ли ты ухаживать за мной?

— Пока нѣтъ ; но, говоря серьезно, не видѣть лица значить не знать человѣка, а мнѣ хочется узнать тебя ; повторюхъ всякая таинственность раздражаетъ мои нервы, что весьма вредно дѣйствуетъ на мозговую систему. Такимъ образомъ ты рискуешь услышать покрайней-мѣрѣ одной глупостью больше.

— Аргументъ очень убѣдительный, особенно послѣ того, что ты наговорилъ мнѣ недавно. Хорошо, смотри.—И я на нѣсколько секундъ отдала маску отъ лица. Я видѣла какъ что-то похожее на удивленіе пробѣжало по лицу Вошинникова.

— Чтожь, хороша? спросила я.

— Во всякомъ случаѣ недурна.

— Кстати значить : ты вѣдь любитель мѣры и золотой середины.

— Потомучто крайности ведутъ къ уродливости.

Мы долго еще болтали. Я открыла въ Вошинниковѣ черту, которой никакъ не подозрѣвала : искренность и чрезвычайную простоту, почти наивность. Это сильно расположило меня къ нему. Нѣсколько разъ собиралась я уѣхать, Вошинниковъ постоянно упрашивалъ меня побыть еще немного. Наконецъ окончательно нужно было собираться домой.

— Гдѣ и когда мы увидимся? спрашивалъ онъ меня.

— Незнаю, можетъ-быть опять какъ-нибудь въ маскарадѣ.

— Впервыхъ не какъ-нибудь, повторюхъ пожалуста не въ маскарадѣ : что за пріятность вмѣсто васъ видѣть безобразную маску!

— Будто ужъ маска такъ безобразна?

— Во всякомъ случаѣ не вы. Нельзя ли гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ?

— Гдѣ же?

— Вы никогда не гуляете?

— Очень рѣдко.

— Выйдите какъ-нибудь; но прежде скажите: куда вы пойдете и когда?

— Это очень трудно. Если вы свободны, то прѣзжайте хоть во вторникъ въ большой театр. Я васъ увижу въ фойе.

— Отчего же во вторникъ, а не раньше?

— Оттого что во вторникъ. Вы тоже становитесь рационалистомъ.

6 февраля.

Вчера я попала на лекцію политической экономіи. Огромная, прекрасно освѣщенная зала была набита биткомъ, потому что профессоръ, какъ-видно большой ревнитель просвѣщенія, читалъ свои лекціи даромъ. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали начала. Наконецъ, скромно пробравшись сквозь толпу, профессоръ появился на кафедрѣ и заговорилъ тихимъ голосомъ. Онъ говорилъ о значеніи политической экономіи, говорилъ плавно, толково, вразумительно. Я слушала съ напряженнымъ вниманіемъ и казалось все очень хорошо понимала, но черезъ десять минутъ самая плавность, однообразіе этой рѣчи утомило меня. Подъ обыкновенными, очень простыми словами скрывались понятія совершенно незнакомыя; я не успѣвала ихъ схватывать и почти ничего не поняла. На этотъ разъ я не могла обвинять профессора. Его можно развѣ упрекнуть только въ томъ, что онъ кажется упустилъ изъ виду совершенную неприготовленность слушателей, на что необходимо долженъ былъ рассчитывать по самому характеру своей публички, и потому, вмѣсто заботы о стройности и полнотѣ изложенія, долженъ былъ стараться о томъ, чтобы тщательно выдѣлать и опредѣлить каждое понятіе. По окончаніи лекціи я вышла изъ залы въ огромной досадѣ на себя самоѣ и съ желаніемъ непремѣнно ознакомиться съ политической экономіей. Спрошу Воицнникова, не знаетъ ли онъ ея.

7 февраля.

Сегодня я поѣхала въ театр. Шолъ какой-то балетъ. Въ антрактѣ я вышла съ Машей въ фойе. Воицнниковъ прошолъ мимо меня; я позвала его по имени.

— Откуда вы знаете мое имя?

— А развѣ это тайна?

— Не тайна, но я вамъ не говорилъ его.

— Видно говорили; если я знаю. А вы не узнали меня?

— Узналъ.

— Отчего же вы не подошли?

— Я боялся подойти невпопадъ.

— Вы знаете, что излишняя предосторожность бываетъ иногда неумѣстна въ неосторожности.

— Въ такомъ случаѣ я провну вамъ назвать меня, слезамъ онъ съ маленькой досадою.

Я разсмѣялась.

— И вы кажется не всякія истины принимаете достаточно хладнокровно?

— Покрайней-мѣрѣ за всякій урокъ я очень благодаренъ.

— Перестаньте же. Мы пока еще такъ мало знакомы, что намъ странно начать уже ссориться. Для меня это тѣмъ болѣе невыгодно, что я имѣю къ вамъ просьбу.

— Какую?

— Вы знаете политическую экономію?

— Немножко.

— Учите меня ей.

— Хорошо. Гдѣ прикажете: въ маскарадахъ или въ театрѣ?

— Нѣтъ, не въ театрѣ и не въ маскарадахъ... Въ самомъ дѣлѣ негдѣ; я не подумала. Хотя я могу принимать кого хочу, но все-таки было бы странно...

— Если только дѣло въ мѣстѣ, приѣзжайте ко мнѣ. Что вы такъ посмотрѣли? Не сочли ли вы какъ-нибудь предложеніе мое оскорбительнымъ?

— Нѣтъ, оно для меня очень неожиданно.

— Видите вы въ немъ что-нибудь дурное или неудобноисполнимое?

— Особенно дурного ничего, очень неудобноисполнимаго тоже нѣтъ, но... оставимъ это пока.

— Оставимъ. На всякій случай, я живу недалеко отсюда.

Онъ назвалъ домъ.

— Послушайте, продолжалъ Вошинниковъ: — меня беспокоитъ мысль, что въ одинъ прекрасный или прескверный день я могу совершенно потерять васъ изъ виду. Вы легко забудете о на-

нихъ мимолетныхъ встрѣчѣхъ, а для меня это будетъ очень больно, потомучто я имѣю несчастную привычку очень скоро ко всему привязываться. Скажите покрайней-мѣрѣ, какимъ образомъ я могъ бы писать вамъ, хоть не на ваше имя, но такъ, чтобы мои письма непременно доходили? Скажите хоть адресъ вашей модистки, наконецъ назначьте какой-нибудь магазинъ, непрямоу музыкальный...

Я почти расехоталась.

— Что у васъ за странныя предложенія! Вы вѣрно начитались плохихъ романовъ. Если найдете писать мнѣ о чемъ-нибудь, пишите просто на мое имя.

Я сказала ему свой адресъ. Онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня.

— Пожалуста простите меня, Вѣра Николавна; не думайте обо мнѣ такъ дурно, какъ я заслужилъ своей неловкостью.

Я хотѣла было пригласить Вошинникова въ свою ложу, какъ вдругъ совершенно неожиданно подошелъ Александръ, котораго я не замѣтила до сихъ поръ въ театрѣ. Онъ подалъ руку мнѣ, потомъ Вошинникову.

— Здравствуйте, Вѣра Николавна; какъ ваше здоровье, Андрей Васильчъ? Вы также какъ и мы грѣшные охотникъ до балетовъ? Я никакъ не предполагалъ этого. Да! я не спросилъ васъ, Вѣра Николавна: довольны ли вы мной? Вѣрно довольны и ради послѣдняго простили преждее. Всему на свѣтѣ свой чередъ... Вы, Маша, не заснули еще? Какъ вамъ нравится балетъ? Вѣрно не очень. Вы вѣдь нето-что мы съ Андреемъ Васильевичемъ: мы еще въ университетѣ слушали теоріи разныхъ искусствъ и крѣпко наострились въ фокусахъ и штукахъ разнаго рода.

— Но искусству разыгрывать комедіи васъ вѣроятно не учили?

— Комедіи? Нѣтъ. Но что дѣлать, не у всякаго трагическій талантъ: не сумѣешь разыгрывать трагедій—придется красоваться въ комедіяхъ, да и то не на первомъ планѣ. Тутъ только и утѣшаешь себя нѣсколько избитой истиной, что *tu zablimes au ridicule il n'y a qu'un pas*. Самые записные трагики, посмотрѣть со стороны, ломаютъ презабавную комедію, хотя и несовсѣмъ умышленно. Но я пускаюсь въ философію; это не по моей части. Неправда ли, Андрей Васильчъ?

— Смотря по философии. Вашу вы развиваете съ замѣчательнымъ талантомъ.

— Но въ философии дѣло не столько въ талантѣ, сколько въ направленіи. Направленіе главное, какъ говорятъ Григорій Ивановичъ. Кстати, какъ его здоровье? Я съ нимъ давно не видѣлся. Его нѣтъ здѣсь? Счастливецъ: не вѣдаетъ ни балетовъ, ни комедій. Впрочемъ у него вкусъ дурной: трагедія рядомъ съ философіей ему пожалуй тоже не очень понравится. Однако пора, сейчасъ начнутъ. До свиданья, Вѣра Николаевна. Что мы такъ рѣдко видимся, Андрей Васильичъ? Я на дняхъ побываю у васъ.

Я простилась тоже съ Вошняниковымъ. — До слѣдующаго антракта, говорилъ онъ мнѣ, но я тотчасъ уѣхала домой.

10 февраля.

Вчера за обѣдомъ мужъ сказалъ, что Александръ, съ которымъ онъ видѣлся утромъ, просилъ позволенія представить ему Вошняникова.

— Александръ говорилъ, что это по моему желанью, прибавилъ мужъ. — Что это за человѣкъ?

— Этого я сама хорошо незнаю, и не думала просить Александра представлять его вамъ.

— Какъ хочешь. Это ужъ сама устрой съ нимъ.

Послѣ обѣда я послала просить къ себѣ Александра. Онъ тотчасъ пришолъ.

— Послушайте, Александръ Алексѣичъ: для чего вы меня преслѣдуете? чего вы хотите?

— Я незнаю, о чемъ вы говорите?

— Очень хорошо знаете: о вашихъ, быть-можетъ и весьма остроумныхъ, но несовсѣмъ умѣстныхъ намекахъ въ театрѣ, о предложеніи мужу познакомить его съ Вошняниковымъ. Просилъ васъ объ этомъ Вошняниковъ?

— Нѣтъ, но я хотѣлъ доставить вамъ удовольствіе.

— Вы мнѣ доставите самое большое удовольствіе, если совершенно оставите меня въ покоѣ. Я не жду отъ васъ... да и не прошу молчать о томъ, что я была вашей любовницей; говорите и показывайте это кому и сколько хотите, но по крайней-мѣрѣ мнѣ самой не колите безпрестанно глазъ моимъ неудачнымъ выборомъ.

— Увѣрены ли вы въ томъ, что второй выборъ будетъ удачнѣе?

— Это ужь мое дѣло и никакъ не ваше.

— Вы слишкомъ раздражены, Вѣра. Выслушайте меня минуту спокойно. Незнаю, настолько ли я виноватъ, какъ вы высказали, но пусть и такъ. Неужели же нѣтъ возможности возвратиться прошедшаго? Неужели вы не видите, что я все-таки...

— Незнаю который это актъ придуманной вами комедіи, но знаю, что самый неудачный. Вы не думаете о чести говорите: вы предлагаете возвратиться къ прошедшему, а я именно-то и не хочу этого.

— Въ такомъ случаѣ прощайте, Вѣра.

Александръ наклонился и поцѣловалъ мою руку; голосъ его показался мнѣ печальнымъ. Мнѣ стало жаль его.

— Александръ, на одну минуту. Мнѣ нехотѣлось бы такъ разстаться съ вами. Согласимся, что и вы и я, мы оба правы: каждый передъ собой, забудемъ наши неудовольствія и... разстанемся друзьями.

— Э, полноте, Вѣра Николаевна, что за церемоніи... между друзьями! Для васъ все равно, какъ бы мы ни разстались, да и для меня, правду сказать, почти тоже. Прощайте.

14 февраля.

Вчера я получила записку отъ Воицнникова. Онъ просилъ дать ему знать, гдѣ и когда онъ можетъ видѣть меня.

Я просила Машу зайти къ нему и сказать, чтобы онъ ждалъ меня около пяти часовъ, что мы вмѣстѣ поѣдемъ кататься. Въ пять часовъ я заѣхала за нимъ. Мы пробѣжали къ Петровскому парку и назадъ. Вечеръ былъ лунный и не очень холодный; Воицнниковъ необыкновенно одушевленъ. Я спросила, что онъ дѣлалъ; онъ отвѣчалъ, что читалъ недавно вышедшую русскую грамматику Б. По этому случаю онъ сталъ толковать мнѣ о родствѣ языковъ и народовъ, приводилъ греческія и санскритскія формы, говорилъ о религіозныхъ вѣрованіяхъ, о прогрессѣ. Дѣло въ томъ, что я никакъ не могла уяснить себѣ что такое прогрессъ. Нѣсколькими примѣрами Воицнниковъ довольно ясно показалъ мнѣ, какимъ образомъ склонности, даже слабости и недостатки человѣка, оставаясь постоянно тѣми же самыми, съ теченіемъ времени проявляются въ лучшихъ, болѣе мягкихъ и ту-

манных формахъ. Разговоръ коснулся какъ-то преступленій и наказаній.

— Но наказанія — необходимость, сказала я.

— Необходимость, но только историческая.

— Что это значитъ?

— То, что они необходимы въ известное время, напримѣръ теперь, но впоследствии могутъ перестать быть необходимыми.

— Но пока будутъ преступленія, до тѣхъ поръ и наказанія будутъ необходимы.

— Да что вы называете преступленіемъ?

— Такой поступокъ, который наноситъ кому-нибудь вредъ.

— Добавьте: поступокъ сознательный и добровольный. Не иначе.

— Разумѣется.

— Кто же добровольно дѣлаетъ зло?

— Всѣ дурные люди.

— Да отчего же они дурны?

— Отчего? Я не могу сказать отчего. Они могутъ быть дурны отъ разныхъ причинъ.

— Миѣ кажется, только отъ двухъ. Положимъ вы хороши, а я дурень. Одно изъ двухъ: или я ужь такъ и родился дурнымъ, а вы хорошей, или мы сдѣлались такими послѣ, вслѣдствіе воспитанія и вообще вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ выборъ зависѣлъ не отъ насъ, слѣдовательно какъ ваше добро, такъ и мое зло недобровольны.

— Но различіе между нами могло произойти еще отъ того, что я старалась быть хорошей, а вы нѣтъ.

— Вы только переносите вопросъ. Чтоже заставило васъ стараться, а меня не заставило? Опять таки вліяніе обстоятельствъ.

— Хорошо; но положимъ что и вы старались, но у васъ не достало воли.

— Почему же у васъ достало, а у меня нѣтъ, если мы родились одинаковы, слѣдовательно и съ одинаковой волей?

— Но въ такомъ случаѣ наказанія — несправедливость. На чемъ же они основаны?

— Именно на томъ, что они играютъ довольно важную роль въ ряду внѣшнихъ обстоятельствъ, помогающихъ волѣ воздерживаться отъ преступленій.

— Значитъ наказываемый преступникъ — искупительная жертва за вины самого общества?

— Къ сожалѣнiю пока такъ.

— Но что же будетъ потомъ? будетъ ли когда иначе?

— Нужно надѣяться, что да, когда найдутся другія средства удерживать отъ преступленiй, съ развитiемъ образованiя, съ совершенствованiемъ самой общественной организацiи. Если бы на примѣръ наши средство ловить всѣхъ воровъ до одного — ихъ не нужно бы и наказывать, а просто отбирать украденое, и воровать бы перестали. Можетъ бы и нашолся одинъ какой-нибудь любитель искусства ради самого искусства, но это былъ бы поврежденный. Его нужно бы не наказывать, а лечить.

— Но когда же это будетъ?

— Что будетъ?

— Когда перестанутъ наказывать?

— Вѣроятно около того времени, когда рѣки потекутъ млеко-мъ и медомъ и на липахъ Петровскаго парка будутъ зрѣть ананасы.

— Боже-мой! вы и здѣсь только шутите!

— Во всякомъ случаѣ гораздо благоразумнѣе шутить, нежели убиваться надъ тѣмъ, чего не предѣлаешь.

— Значитъ ваши толки о прогрессѣ, ваша вѣра въ него — все это тоже шутки и шутки?

— Объ этомъ поговоримъ какъ-нибудь въ другой разъ. Сегодня нехочется.

Мы молчали нѣсколько минутъ.

— Вѣра Николаевна, заговорилъ Вошинниковъ: — заѣзжайте ко мнѣ пить чай.

Я колебалась.

— Если вы не согласитесь, это будетъ нѣсколько похоже на чопорность.

Съ этимъ я была вполне согласна и потому рѣшилась заѣхать.

Вошинниковъ занималъ двѣ небольшiя очень чистенькiя комнаты. Въ первой, меньшей, ничего не было кромѣ дивана, двухъ столовъ и нѣсколькихъ стульевъ. Онъ приказалъ готовить чай и пригласилъ меня пройти въ другую комнату, если я не хочу, чтобы лакей видѣлъ меня. Вторая комната нѣсколько побольше и составляла вмѣстѣ и спальную, и кабинетъ. Въ углу стояла

этажерка съ книгами, у окна столъ, на которомъ лежало нѣсколько книгъ и куча тетрадей.

— Андрей Васильичъ, съ моей стороны не будетъ нескромностью просмотрѣть ваши книги и тетради?

— Смотрите, только едвали найдете что-нибудь интересное.

Книги представляли удивительную смѣсь. Первое, что миѣ бросилось въ глаза, былъ томъ Пушкина; съ загнутой страницей, на которой помѣщено стихотвореніе «Коварность»:

Когда твой другъ на гласъ твоихъ рѣчей
Отвѣтствуетъ извѣтливѣе молчаньемъ и проч.

Потомъ здѣсь же лежала граматика Б., стихотворенія Лермонтова, евангеліе на французскомъ языкѣ, мифологія Шеллинга, раскрытая на половинѣ и наконецъ томикъ стихотвореній Гейне. Я обратилась къ бумагамъ. На двухъ листахъ, мелко написаныхъ, трактовалось о мифологіи; далѣе тетрадь съ выписками изъ какой-то римской исторіи, наконецъ нѣсколько тетрадей стихотвореній. Здѣсь были и мелкія стихотворенія, и цѣлыя поэмы. Въ большей части, насколько я успѣла разсмотрѣть, видны были, та раздвоенность, то сомнѣніе, которыя такъ поражали меня въ Вошинниковѣ.

— Вѣра Николаевна, идите чай пить, звалъ меня Вошинниковъ изъ другой комнаты.

— Вы стихи пишете?

— Вы и до нихъ добрались! Писалъ когда-то, но давно бросилъ.

— Зачѣмъ же бросили?

— О чемъ писать? Востокъ и югъ и проч.? Да притомъ вы видите, что выходитъ весьма дурно.

— Что же вы дѣлаете?

— Ничего.

— Какъ ничего? Нужно же что-нибудь дѣлать.

— Я хотѣлъ сказать — ничего хорошаго, а то мало ли что я дѣлаю: ѣмъ, сплю, даю уроки, перевожу — следовательно добываю деньги, читаю что попадется подъ руку, ѣзжу въ маскарады, наконецъ толкую съ вами о возвышенныхъ предметахъ.

— Последнее тоже относится къ числу нехорошаго?

— Это покрайней-мѣрѣ лучшее. Я не помню начала фразы.

— Вы не занимаетесь какой-нибудь наукой?

— Нѣтъ. Да и какой? Всего не узнаешь, а изъ крохотокъ хлопотать не стоитъ.

— Васъ не поймешь: то вы взводите на науки небыллицы и изъявляете къ нимъ какое-то презрѣнiе, то съ жаромъ говорите о нихъ.

— Это все еще слѣды старой привычки.

— Во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, она лучше новой.

— Дѣло не въ томъ, что лучше, а что вѣрнѣе. Сами же вы упрекали Пушкина за слова:

• Тьмы низкихъ истинъ мнѣ (т. е. ему) дороже
Насъ возвышающій обманъ. •

Впрочемъ почти тоже самое еще прежде Пушкина сказалъ когда-то Цицеронъ. Быть-можетъ они и правы.

— Этого ужь никакъ быть не можетъ, но только и вы не правы.

Вошинниковъ задумался. Разговоръ не клеился. Маша украдкой зѣвала. Я стала собираться.

— Вы хотите ѣхать? Извините мой постоянный приѣзъ: когда мы увидимся. Да! когда же примемся за политическую экономію? Приѣдете?

— Какъ-нибудь приѣду.

— Опять какъ-нибудь. Это не великодушно. Скажите, когда именно?

— Черезъ недѣлю.

— Сегодня вторникъ, слѣдовательно въ понедѣльникъ. Въ которомъ часу?

— Часовъ въ семь.

— Нравится тебѣ Вошинниковъ? спросила я дорогою Машу.

— Ничего, только Александръ Алексѣичъ лучше.

— Чѣмъ же? спросила я и въ тоже время чувствовала какъ краска бросилась мнѣ въ лицо вслѣдствіе такого сближенія Александра съ Вошинниковымъ.

Маша отвѣтила какую-то глупость.

20 февраля.

Сегодня я поѣхала по обѣщанію къ Вошинникову, просидѣла довольно долго, такъ что Маша едва не заснула, однако за политическую экономію мы снова не принимались. Вошинниковъ,

Воцинниковъ! Онъ для меня до сихъ поръ такая же загадка, какъ былъ въ первый разъ. Сегодня впрочемъ я видѣла его съ лучшей стороны. Онъ говорилъ мнѣ о своемъ воспитаніи, о своей, какъ онъ выражался, минувшей молодости. То рассказы-валъ разные случаи изъ своей жизни, то пускался разбирать свой характеръ. Но всѣ эти рассказы дышали невыразимою искренностью. Говоря о себѣ, онъ все-таки на первый планъ ставилъ не свою личность, а мысль или истину. Я не ошиблась: простота, какъ я сказала, наивность, да еще чрезвычайная впечатлительность—отличительныя черты его характера. Но это не безсознательная простота ребенка. Онъ понимаетъ много, онъ понимаетъ все. Для него ясна и каждая мысль, и каждое чувство, и ихъ источникъ. Говоря на дняхъ о прогресѣ, онъ толковалъ, что окончательный результатъ человѣческаго развитія—прийти къ первобытной младенческой чистотѣ побужденій, но очищенной и окрѣпленной сознаниемъ. Въ немъ именно и проявляется эта просвѣтленная простота... Но почему же повременамъ проявляется и другое?..

22 февраля.

Опять неожиданность, нѣчто вроде театральнаго фарса. Въ виду, какъ кажется, имѣлся тотъ эффектъ, который произвелъ онъ на меня.

— Знаешь ли, сказалъ мнѣ сегодня мужъ:—Навроцкій женится на какой-то экс-гувернанткѣ, о которой, какъ онъ сказалъ мнѣ, ты отъ него слышала. Онъ просилъ позволенія для своей невесты прѣхать къ тебѣ познакомиться.

Я промолчала.

— Мнѣ кажется, началъ мужъ, — соблюденіе приличій требуется...

— Ради-бога, наблюдайте съ Навроцкимъ какія хотите приличія, но попросите, чтобы меня онъ оставилъ въ покоѣ.

Я вышла изъ комнаты. Мое раздраженіе мужъ приписалъ вѣроятно... Да пусть думаетъ что хочетъ.

27 февраля.

Маша простудилась и не могла ѣхать со мной къ Воцинникову. Я долго колебалась ѣхать одна, наконецъ рѣшилась остаться дома и потомъ, сама незнаю какъ, поѣхала.

Когда я вошла въ комнату Воишинникова, онъ что-то писалъ и казался озабоченъ.

— Я перестала уже было надѣяться, что вы прїѣдете, говорилъ онъ вставая.

— Я всего опоздала полчаса.

— Это время показалось мнѣ вѣчностью. Снимайте шляпку и садитесь.

— Что вы писали?

— Досадно рассказывать. Выходить рукописный сборникъ, въ которомъ весь университетъ вообще, а затѣмъ всѣ профессора поголовно обвиняются въ обскурантизмъ. Я прочла въ вамъ эту статейку, но она написана ужь черезчуръ грубо и грязно. Есть же вкусы! Понятно, что писавшій ее на лекціяхъ не бывалъ: иначе не написалъ бы подобной галиматии. Я не думаю приходить отъ профессоровъ въ безусловный восторгъ. Особенно замѣчательныхъ личностей между ними не много, самоотверженія ради науки или истины тоже, какъ кажется, искать нечего, но едвали хоть одинъ изъ нихъ способенъ сознательно вводить кого-нибудь въ заблужденіе. Будь эта статейка напечатана, она не принесла бы никакого вреда; цапли бы люди, которые доказали бы ея негѣпость. А теперь она станетъ разгуливать по рукамъ да чернить тебя въ глазахъ добрыхъ людей, а ты изволь ее игнорировать, по выраженію одного журнала, трунишага надъ московскимъ профессоромъ.

— Но вамъ никто не помѣшаетъ и теперь напечатать возраженіе.

— Положимъ такъ, но такому печатному возраженію противъ ненапечатанныхъ обвиненій не повѣритъ никто изъ тѣхъ господъ, которые незнакомы съ дѣломъ, а объ нихъ-то и рѣчь. На подобныя статьи пуще всего бросятся только-что поступившіе въ университетъ студенты, и половина потеряетъ довѣріе, и къ профессорамъ, и къ самой наукѣ.

— Вы кажется опять циничаетесь защищать науку.

— Что вы все ловите меня? Ну да бросимъ это. Богъ съ нами и съ профессорами, и съ наукой, и съ негѣпными статейками.

Все это было бы смѣшно,

Когда бы не было... такъ скучно, скучно!..

Онъ съ минуту молча ходилъ по комнатѣ, потомъ вдругъ подскѣлъ ко мнѣ.

— Какъ вы хороши! Я все не могу насмотрѣться на васъ.

— Вотъ неожиданный комплиментъ, проговорила я, но Вошнинниковъ думалъ совершенно о другомъ.

— Помните, гдѣ-то было напечатано стихотвореніе, каждая строчка котораго начиналась словомъ «еслибы». Еслибы! Еслибы напримѣръ я былъ бы англійскимъ министромъ, я не былъ бы русскимъ праздношатающимся дворяниномъ; еслибы люди были умны, они не были бы глупы. Все это неопровержимыя истины. Касательно послѣдней нужно замѣтить впрочемъ, что изъ нея не слѣдуетъ, чтобы и глупости уменьшились; напротивъ: *les folies les plus folles sont celles que font les sages.*

— Итакъ умъ доказывался бы глупостями?

— Нѣтъ, онъ доказывался бы тѣмъ, что въ самыхъ глупостяхъ не было бы вопервыхъ пошлости, вовторыхъ благоразумія. Замѣтите, что умные люди почти никогда не бывають благоразумны и наоборотъ. Благоразуміе—это убѣжище тупости и безжизненности. Тѣмъ-то и нравитесь вы мнѣ, что въ васъ его мало.

Я расхохоталась. — Я могу отплатить вамъ тѣмъ же комплиментомъ, сказала я.

Вошнинниковъ тоже смѣялся.

— То-есть я вамъ нравлюсь потому, что во мнѣ мало благоразумія?

— Несовсѣмъ такъ. Я говорила только о второй половинѣ фразы.

— Жаль, что не о первой.

— Почему жаль?

— Потому что въ такомъ случаѣ и вамъ и мнѣ было бы всегдѣ.

— Веселье еще небольшое благо.

— Какихъ же благъ вы хотите? пламенныхъ чувствъ, страстей, словомъ трагедіи, какъ говорилъ Навроцкій?

Говоря это онъ подскѣлъ ко мнѣ, одною рукою взявъ мою руку, другою коснулся талии. Я быстро отодвинулась.

— Всего менѣ хочу я служить для васъ забавой.

Вошнинниковъ пристально посмотрѣлъ на меня и всталъ.

— Объ этомъ никто и не думалъ, проговорилъ онъ.—Напротивъ, я готовъ потѣшать васъ чѣмъ вамъ только будетъ угодно :

толканц о философіи вѣмецкой, индѣйской, японской — какой хотите. Не посвятить ли намъ сегоднешній вечеръ этнографіи? На дняхъ мнѣ попалась книжка «L'autre monde», какой-то Marie de Fontenay, нѣчто вродѣ мемуаровъ — ея собственныхъ и нѣкоторыхъ изъ ея друзей о Сѣверо-американскихъ штатахъ. Вы вѣрно не читали? Отличная книга. То-есть, собственно говоря, книга отвратительная: это апофеоза рабства съ приличными проклятіями Бичеръ-Стоу и ея роману, но въ ней описываются нѣкоторыя любопытныя черты сѣверо-американскихъ нравовъ. Объ одной изъ нихъ я и хочу рассказать. Молодой французъ пріѣхалъ, помнится, въ Нью-Орлеанъ и ухаживалъ за дѣвушками, которыя въ сѣверной Америкѣ пользуются неслыханною у насъ свободою и самостоятельностью. Ему особенно приглянулась одна, которой и онъ повидимому не былъ противенъ. Они видѣлись каждый день, французъ гулялъ съ нею, танцевалъ на балахъ, жалъ ей руки, иногда касался губами ея пышныхъ волосъ. Между тѣмъ онъ слышалъ, что между женщиной и дѣвушкой допускаются обычаемъ отношенія болѣе короткія, носившія названіе флиртированія (flirtation). — «Это флиртированіе?» спрашивалъ онъ безпрестанно дѣвушку, когда та склонялась въ забытіи на его плечо или отдавала свою руку его жаркимъ поцѣлуямъ. — «Нѣтъ еще», отвѣчала она, и сладкія, несовсѣмъ чистыя надежды волновали сердце француза. Когда же наконецъ дѣло дошло до флиртированія, то несмотря на пылкія ласки и страстные поцѣлун, французъ не былъ доволенъ. — «И только?» спрашивалъ онъ. — «Только», отвѣчала дѣвушка, и желая яснѣе показать, что далѣе дѣйствительно надѣяться нечего, она символомъ пояснила ему смыслъ флиртированія: подошла къ розовому кусту, выбрала цвѣтущую розу, вертѣла ее во всѣ стороны, вдыхала въ себя ея ароматъ, прикладывала къ волосамъ и груди, и въ заключеніе обратила вниманіе француза на то, что она не сорвала ее, не побредила: на ней ни одного лепестка. Незнаю насколько былъ доволенъ такою осторожностью французъ, но обычай этотъ весьма понравился одной моей знакомой (замужней), и она тоже собиралась кажется флиртировать, хотя и объяснялъ ей, что мы се, сѣверная Америка, что у насъ розъ мало, зато много капусты и рѣпы, и что такое галантерейное обращеніе съ этими, во всякомъ случаѣ весьма почтенными произведеніями природы было бы отчасти черзчуръ тонко.

— Ваша знакомая вѣроятно была вамъ очень благодарна за откровенность? Вполнѣ откровенные люди такъ рѣдки, что нужно считать особенною милостью судьбы, если встрѣтишь хотя одного.

Я стала надѣвать шляпку.

— Вы ужь собираетесь ѣхать? А политическая экономія?

— Какъ-нибудь въ другой разъ.

— Отчего же не сегодня?

— На сегодня съ меня достаточно одного урока этнографическаго. Съ моей стороны было бы непростительно — дурно имъ воспользоваться.

— Вѣра Николаевна, объяснитесь пожалуста.

— Объяснить нечего. Или вы во мнѣ ошибаетесь, или я ошиблась въ васъ. Въ томъ и другомъ случаѣ виновата я. Прощайте.

— Прощайте.

Я уѣхала. Я едва выдержала. Цѣлую дорогу я проплакала. Урокъ былъ жестокъ. Ужели я его заслужила? Чѣмъ же? Тѣмъ что согласилась поѣхать къ нему? Или и этотъ господинъ не лучше другихъ? также какъ и другіе, онъ готовъ пустить комкомъ грязи или даже и совсѣмъ затоптать въ грязь, если представится случай и хватить силы? Нѣтъ, онъ слишкомъ развитъ... Или я такъ низко поставила себя въ его мнѣніи?.. Но чтоже мнѣ дѣлать? Именно то, что я намѣрена: перестать видѣться съ нимъ. И снова скука, снова тоска!.. Да и зачѣмъ я поѣхала къ нему! Ризивъ нельзя было предвидѣть, чѣмъ все это кончится?

«Вѣра Николаевна! Вы ждали разумѣется моего письма, потому что я долженъ былъ написать вамъ, долженъ былъ просить у васъ прощенія, хотя вина моя несовсѣмъ уловима для меня самого. Вы знаете, бываютъ минуты, когда человекъ впадаетъ въ какое-то странное состояніе, похожее нѣсколько на усыпленіе, когда онъ не владѣетъ собою, говоритъ и дѣлаетъ вовсе не то, что хочетъ, когда слова и поступки получаютъ смыслъ, совершенно чуждый его намѣреніямъ. Именно это случилось со мною вчера. То, что я говорилъ вамъ, было дурно, потому что было некстати, но мнѣ кажется лишнее прибавлять, что если не въ

словакъ, то покрайней-мѣрѣ въ намѣреніяхъ моихъ не было и тѣмъ того, что могло бы быть для васъ неприятно. Не требуйте отъ меня болѣе опредѣленныхъ объясненій, но простите мнѣ и эту глупость, какъ имѣли уже случай простить нѣсколько другихъ. Умоляю васъ, не сердитесь на меня и напишите хотя одно слово.

«Преданный вамъ А. Воиновичъ.»

«Андрей Васильевичъ! Я не сердилась на васъ, но мнѣ было очень грустно и очень, очень больно. Слова Александра Алексѣича въ театрѣ не пропали даромъ, но главною причиною недоразумѣнія — моя собственная неосторожность и я рѣшаюсь поправить ее поступкомъ, о которомъ быть-можетъ краснѣя буду вспоминать впослѣдствіи. Но я дотога измучена, дотога устала, что рѣшительно не могу размышлять и соображать послѣдствій. Я посылаю вамъ свой дневникъ, который вела сначала отъ скуки, потомъ по привычкѣ. Боюсь заглянуть въ него теперь: нето я кажется не рѣшилась бы послать его вамъ, а между тѣмъ мнѣ хочется, чтобы вы хотя сколько-нибудь узнали мою жизнь, чтобы вы увидѣли, что при всѣхъ моихъ ошибкахъ, при всей неосторожности, я не заслуживаю той небрежности, которую вы допустили въ обращеніи со мной, которая наконецъ проглатывается въ нашемъ сегодняшнемъ, несовсѣмъ искреннемъ, сдержанномъ письмѣ. Если и этотъ поступокъ мой подастъ поводъ къ такимъ же заключеніямъ, къ какимъ вы пришли послѣ моего неосторожнаго визита, то я прошу васъ вспомнить, что я одна, одна въ цѣломъ мірѣ, что скука и тоска плохіе совѣтники.

«Вѣра.»

«Вѣра Николаевна! Цѣлые два дня я не могу собраться отвѣчать вамъ. Я начиналъ двадцать писемъ и двадцать разъ рвалъ ихъ подъ вліяніемъ различныхъ чувствъ, быстро смѣняющихся одно другимъ: я удивлялся вамъ, чуть не проклиналъ себя за свою близорукость, готовъ былъ у ногъ вашихъ вымолить себѣ прощенье, вымолить любовь вашу, и потомъ самъ смѣялся надъ нецѣлостію словъ и фразъ, которыя мелкали у меня въ головѣ. Наконецъ я остановился на одномъ чувствѣ: на досадѣ на васъ

за то, что при всемъ вашемъ умѣ вы меня не поняли, что мнѣ нечего сказать вамъ. Я долженъ быть откровененъ. Вы рѣшились прислать мнѣ свой дневникъ, для того чтобы сохранить мое уваженіе?.. Мнѣ совѣстно подумать, о какихъ пустякахъ вы хлопотали. Я дѣйствительно не понималъ васъ, но какого бы мѣшнія я о васъ ни былъ, вамъ рѣшительно все-равно :

Мертвый въ гробѣ тихо спи,
Жизнью пользуйся живущій.

Живите же и оставьте меня умирать. Я ничего не могу дать вамъ: ни мыслей, потому что во мнѣ нѣтъ ихъ. — всѣ онѣ, какъ изображеніе предмета въ кругломъ зеркалѣ, обратились въ безформенный хаосъ; ни чувствъ, потому что я до того привыкъ вглядываться въ каждое чувство, разлагать его на составныя части и словно мячикомъ перебрасывать изъ одного въ другое, что потерялъ всякую способность чувствовать. Я способенъ увлекаться; прежде всего я готовъ былъ увлечься и вашей свѣтлой личностью, и смѣлостью вашихъ чувствъ и вашимъ энергическимъ умомъ, но бѣда въ томъ, что рядомъ съ каждымъ увлеченьемъ во мнѣ неизбежно возникаетъ вопросъ о томъ: что будетъ дальше, — а возможный отвѣтъ на это способенъ охладить самое пылкое увлеченье. Вы писали какъ-то, что скорѣе готовы рвать самую дорогія для васъ связи, нежели допустить, чтобы они опошлись; я предлагаю мѣру радикальнѣе: воздерживаться отъ всякихъ связей, потому что онѣ неминуемо опошлятся. Измѣняемость и искаженіе — основной законъ природы. «Развивайся или падай», говоритъ этотъ законъ. Но развиваться можетъ только то, что еще не развилось, развившемуся остается одно — падать. И все лучшее падаетъ, все некажется: постоянство переходитъ въ коснѣніе, свобода въ распущенность, религія въ суевѣріе, простота въ цинизмъ, свобода нравовъ въ развратъ. Тщетно мечетесь вы среди разнообразныхъ, противорѣчащихъ другъ другу понятій, стараясь отыскать хотя одно, которое бы во всѣхъ своихъ степеняхъ оставалось вѣрно самому себѣ. «Все условно, все относительно въ мірѣ», говорятъ вамъ. «Мѣра, мѣра есть законъ вселенной», хоромъ твердятъ разные философы, даже и не китайскіе. Пусть такъ, но гдѣ же норма для этой мѣры?

«Одно изъ двухъ: или погрузитесь въ жизнь со всѣми ея мелочами и задумите въ себѣ желаніе постигнуть общій смыслъ ея,

или, если послѣднее для васъ невозможно, откажитесь отъ жизни для того, чтобы не потеряться въ этомъ хаосѣ, чтобы случайную подробность не принять за окончательную цѣль, — но въ тоже время знайте напередъ, что смысла жизни вы все-таки не поймете, потому что ни въ мелочей и подробностей нѣтъ ни жизни, ни смысла ея. Изъ этихъ двухъ путей, какъ видите, трудно выбрать лучшей: «оба хуже». По натурѣ ли, случайно-ль — я пошолъ по второму; вернуться поздно, да и некуда. Что выберете вы — не знаю. Совѣтовать мнѣ вамъ нечего, но какимъ бы путемъ ни пошли вы, между нами ничего не можетъ быть общаго, потому что, повторяю, во мнѣ нѣтъ ничего, нѣтъ даже надеждъ, нѣтъ ихъ ни для себя, ни для другихъ. Разставаясь съ вами, я немогу даже повторить, что «счастье было такъ возможно, такъ близко»: счастье было невозможно, оттого-то я и рѣшился не просить васъ видѣться со мной; до того невозможно, что даже вамъ я не могу пожелать его.

«Знаете ли, до чего я дохожу иногда? Мнѣ самому страшно выговорить: до желанія скорой смерти всему, что я люблю, что кажется мнѣ прекраснымъ. Вы сочтете это признакомъ помѣшательства? Вѣроятно такъ, но во всякомъ случаѣ изъ этого вы можете видѣть, что сближеніе со мной можетъ сдѣлаться роковымъ. Прощайте же, ради васъ самихъ, я чуть не сказалъ «ради-бога», прощайте. Вѣрьте, что разставаясь съ вами, я приношу большую жертву, гораздо большую, нежели вы можете думать, приношу ее изъ опасенія увлечь и васъ собою въ ту бездну, въ которую я самъ неуклонно падаю, — въ бездну пустоты, мрака, отчаянія, желаній безъ цѣли и бесплоднаго томленья. Вы мелькнули для меня послѣдней звѣздочкой среди этого хаоса... Не тускнѣйте же, звѣздочка, горите! а когда не станеть силъ горѣть, вспыхните ярче прежняго, прокатитесь по темному небу, озаряя окрестность, и потушите разомъ...»

«Воцниниковъ.»

О. СТУДАН

ВОСПОМИНАНІЯ И РАЗМЫШЛЕНІЯ

Въ послѣднее время въ обществѣ нашемъ идетъ такая, до сихъ поръ небывалая разногласица и путаница мнѣній, понятій и сужденій, что приходится поневолѣ, говоря метафорически, взглянуть попристалнѣе на этотъ мотокъ спутавшагося шолку и попытаться — не распутать (эта работа конечно никому не подъ силу), а только разглядѣть, какъ завязались узлы и отчего ихъ такое множество. Отъ узловъ этихъ самый мотокъ шолку потерялъ первоначальную форму свою и представляетъ изъ себя безобразный, мохнатый, цѣпляющій клочъ спутанныхъ нитей. Въ настоящую минуту всякій честный человѣкъ тянетъ въ одиночку, въ свою сторону, всякій общественный дѣятель рвется къ краю; но края бываютъ разные, чисто противоположные одинъ другому. А посерединѣ будто и стоять нельзя. Въ серединѣ давка, схватка, костры общественной инквизиціи и костры разложенные небольшими кружками одномыслящихъ, на которые попасться избави-богъ всякаго. И посреди этой суматохи, неурядицы, смятенія и волненія находятся люди, взывающіе къ общественному мнѣнію. Упорно, трудолюбиво и — увы! — бесплодно отыскиваютъ они его, какъ иголку на днѣ взволнованнаго океана. Всякій рѣзко высказывающій свое мнѣніе (хотя такихъ неслишкомъ много, да и тѣхъ преслѣдуетъ большинство, будто они совершили преступленіе, высказавшись) бываетъ зачастую принятъ многими за провозвѣстника этого общественнаго мнѣнія, особливо если онъ пользуется хотя и небольшимъ авторитетомъ. Такимъ образомъ *личное* мнѣніе нерѣдко принимается за *отголосокъ общаго* мнѣнія. Но отголосокъ можетъ быть когда есть *голосъ*, а у насъ его нѣтъ, а вмѣсто него поднялся, да и то недавно, какой-то безсвязный лепетъ. А отчего нѣтъ этого обще-

ственнаго голоса, который заявляетъ себя вездѣ, во всѣхъ странахъ міра, кромѣ развѣ Турціи и Китая — мы поговорить и желаемъ. Для этого взглянемъ сперва на то, что дѣлается въ нашемъ обществѣ, а потомъ въ семьѣ, и быть-можетъ мы найдемъ настоящую причину того отсутствія общественнаго мнѣнія, которое оплакиваютъ у насъ такъ многіе, о чемъ и мы, признаемся откровенно, не можемъ говорить безъ горечи и боли.

Общественное мнѣніе... легко сказать! А если вникнуть въ понятіе, заключенное въ этомъ словѣ, то тотчасъ сознаемся, что это сила, и сила великая, управляющая цѣлыми государствами. Только сила эта господствуетъ въ обществахъ зрѣлыхъ, цивилизованныхъ, выработавшихъ себѣ права, сознающихъ обязанности каждаго порознь и силу всѣхъ вмѣстѣ. Эта сила не можетъ ни сложиться въполнѣ, ни дѣйствовать на благо общее безъ другой великой силы, съ которой она идетъ вмѣстѣ по одному направленію, завися одна отъ другой, какъ два колеса одной машины. Эта другая сила — гласность. Общественное мнѣніе — это превосходно спѣвшійся хоръ, исполняющій согласно данный въ ту минуту мотивъ. Голоса хора — это голоса частныхъ людей, всѣхъ, безъ различія званія, пола и даже возраста, ибо и дѣти повторяютъ то что говоритъ общество, и общество сызнала развиваетъ и устанавливаетъ ихъ понятія. А у насъ? Возьмите двухъ лицъ одного и того же круга: повидимому оба равно образованы, одинаково почтенны, въ частной своей жизни безупречны — и что же? Они расходятся въ самыхъ основныхъ понятіяхъ, которыя во всякомъ другомъ обществѣ давно получили патентъ на неоспоримую истину. Определенныхъ, установленныхъ на незыблемыхъ основахъ понятій у насъ еще мало, а въ большинствѣ лицъ, принадлежащихъ къ менше образованному слою, нѣтъ даже азбучныхъ понятій. Давно ли мы слышали такія рѣчи: одинъ говоритъ съ важностью, будто сдѣлалъ открытіе: «Кража — большой порокъ!» а другой возражаетъ: «Помилуйте! кража кражѣ розъ. Иная кража добродѣтель, ужь по крайней-мѣрѣ практическое свѣдѣство, крайне полезное въ жизни.» Третій, слыша такія крайнія сужденія, благоразумно держитъ середину и объявляетъ съ самоувѣреннымъ самодовольствомъ, что кражу надо понимать различно, что кражу конечно и добродѣтелью назвать несовсѣмъ справедливо. Разумѣется въ глазахъ людей экзальтированныхъ, которые не разбираютъ по-

бужденій, обстоятельствъ, житейской необходимости, часто нужды, кража *всегда* дорожа. Но кто же говоритъ о такихъ людяхъ? Вѣдь они всегда не на землѣ ходятъ, а на облачѣхъ воздушныхъ витаютъ! Говоря просто, разумно, кража — необходимость, неотъемлемая принадлежность... «Россія?» перебивали вы съ ужасомъ. — «О нѣтъ, зачѣмъ же Россія! а просто всей Европы, всего образованнаго и необразованнаго міра», отвѣтитъ вамъ бывало какой-нибудь крутогорскій конфуцій, привыкшій слыть въ своемъ затиши оракуломъ и придерживающійся середины вездѣ и во всемъ, даже и тамъ, гдѣ середины отыскать невозможно. Напрасно стали бы вы возражать, доказывать, просить почитать книги, журналы и газеты запада. Вамъ возразилъ бы тотъ же конфуцій, что всѣ книги, газеты и журналы запада — ложь, ложь и ложь, что про свои язвы никто писать не станетъ, и выразилъ бы мысль, что только тотъ, кто не любитъ своего отечества, можетъ говорить о злоупотребленіяхъ, неурядицахъ и неустройствѣ, совершающихся внутри его. При этомъ большинство слушающихъ очевидно сочувствовало бы конфуцію и онъ, одушевленный въ свою очередь этимъ сочувствіемъ, развивалъ бы вамъ многія истины, давно всѣми его сосѣдами признанныя. Тутъ вы узнали бы, что въ Англіи берутъ взятки, что она умретъ съ голоду, если только русскіе откажутся снабжать ее хлѣбомъ, что русскій кулакъ сильнѣе всякой силы, а русскій самоучка умнѣе всѣхъ ученыхъ; что въ Англіи и во Франціи великія открытія сдѣлались отъ голода, что въ Европѣ всѣ умираютъ голодною смертью, что люди валяются и спятъ на улицахъ отъ тѣсноты и духоты, и что Россія — самая богатая изъ всѣхъ земель земного шара и проч. и проч.

Каждый изъ насъ не слышалъ ли всего этого не болѣе шести лѣтъ тому назадъ, и кто догадается, что и теперь не услышитъ чего-нибудь подобнаго? Являлся тутъ и лиризмъ, и поэзія, и комизмъ неподдѣльный. Все являлось: и смѣлыя метафоры, и яркія гиперболы. Одинъ такой конфуцій дошелъ до того, что смѣясь рассказывалъ, что коровы пасутся на западѣ на крышахъ! — Какъ на крышахъ? — «Да такъ-съ: травы-то нѣтъ, такъ на крышахъ мохъ щиплютъ.» Это ужъ было *bon mot*, смѣлая гипербола! И все покрывалось смѣхомъ одобренія.

Другой, съ рафосомъ поддявъ чадъ головою дѣйствительно огромный и здоровенный кулакъ, восклицалъ съ ярой запальчи-

востью: — «У нихъ что? (у французовъ.) У насъ все здѣсь!» и потрясалъ кулакъ свой. Слушатели приходили въ восторгъ и удивленіе. Это было при началѣ восточной войны. Были конечно люди менѣе самовѣренныя или смѣлыя, иныхъ вещей сказать не рѣшались: какъ-то совѣстно; но слово гибко, надо знать какъ имъ орудовать. Гдѣ смѣхъ и шутка, а гдѣ гладкій періодъ, чувствительность, неожиданный оборотъ, такъ что самая явная ложь была обернута въ оболъствительную форму правдоподобности, которую выдавали за истину. А человекъ, мнѣнія котораго не установились (а вѣдь ихъ легіонъ), подавался, да и теперь поддастся на эти доводы, пойдетъ на эту удочку. А *табунное свойство*, наиболѣе намъ присущее свойство, поманить, и глядишь — съ краснобаемъ соглашались многіе и очень многіе. Отчего это? Очень просто. Никто не имѣлъ ни малѣйшаго уваженія къ истинѣ, да никто не любилъ ее; иногда говорили о ней и иногда серьезно о ней не заботились. Одному надо сказать красное слово, другому для своихъ цѣлей исказить истину, третьему покичиться своими діалектическими и софистическими способностями, а послѣднимъ наконецъ (и какъ много было ихъ!) пощеголить какимъ-то тупымъ и невѣжественымъ пристрастіемъ ко всему родному, хотя бы то были взятки или насиліе. Этотъ особаго рода псевдо-патріотизмъ, которымъ заражены были многіе, отличался невыносимою кичливостью и нестерпимымъ самохвальствомъ. Напрасно стали бы имъ толковать, что это не патріотизмъ, а дикое невѣжество, что первообразъ такого патріотизма найдется только въ Китаѣ или Японіи.

Страшное смѣшеніе понятій, какъ смѣшеніе языковъ въ столпотвореніи вавилонскомъ, одолеваетъ насъ еще и теперь. Но тогда у большинства небыло даже общей мѣрки, что вотъ это — хорошо, а вотъ это дурно. То что одинъ считалъ верхомъ возмутительнаго насилія, то другой величалъ громкимъ именемъ *права* и даже *долга*, и непременно *священнаго*. То что для одного составляло безчестіе, другимъ считалось честью и ужъ крайней-мѣрѣ житейской мудростью. Доказательствомъ такого смѣшенія понятій служить то, что иной съ непостижимою наивностью рассказывалъ самъ про себя, что онъ сдѣлалъ то или это. Вели вы, пораженный рассказомъ, удивлялись, рассказчикъ удивлялся вашему удивленію и восклицалъ: «Чтожь тутъ такого?» Если вы молчали, онъ и не подозрѣвалъ чувства, вами овладѣв-

шаго; если-жъ вы высказывались горячо и стремительно, рассказчикъ не смущался, а слушалъ васъ какъ помѣшаннаго и дивился, долго дивился, что есть же такіе глупцы на свѣтѣ, которые изъ-за самой обыкновенной, обыденной вещи выходятъ изъ себя. Не привести ли нѣсколько примѣровъ и истинно поучительныхъ разговоровъ?

— Теперь-то я небогатъ, но буду богатъ, говорилъ въ гостиной молодой человѣкъ, имѣвшій повидимому намѣреніе жениться на дочери хозяйки дома и очевидно желавшій выставить себя съ самой выгодной стороны. — Я любимый сынъ; отецъ отдастъ мнѣ лучшую часть имѣнія.

— Но вѣдь у васъ есть сестры? замѣтилъ кто-то.

— Сестры при братѣ не наследницы, возразилъ молодой человѣкъ, хвастая знаніемъ законовъ. — Маменька правда тянетъ руку сестеръ, да вѣдь это пустяки, слава одна; у нея у самой ничего нѣтъ.

— Какъ такъ? возразилъ одинъ изъ слушателей: — вѣдь все состояніе ея? Она была одна изъ самыхъ богатыхъ невѣстъ нашего города.

— Была, да сплыла! говорилъ молодой человѣкъ смѣясь. — Дѣло было вотъ какъ. Батюшка надѣлалъ долговъ и открылся маменькѣ: такъ и такъ, надо заплатить долги. Она его безъ памяти любитъ. Заплати, говоритъ. Онъ продалъ самое лучшее изъ ея имѣній, взялъ большія деньги, да на оставшуюся у него сумму купилъ себѣ великолѣпное имѣніе, все заливные луга на Окѣ. Теперь состояніе его, а у ней осталось владимірское имѣніе, очень плохое. Мѣся-то онъ тамъ тоже повырубилъ и продалъ. Векселя у него тоже есть отъ маменьки.

— Да какъ же это такъ? робко сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ.

— Дѣло житейское! Ихъ дѣло, не наше! Отецъ мой очень умный человѣкъ!

— Умиѣншій! воскликнули всѣ хоромъ...

А вотъ и другой разговоръ.

— Я у себя хозяйинъ, говорилъ широкоплечій, краснощекій здоровякъ-помѣщикъ: — у меня всѣ ходи по виточкѣ. Спуску никому не дамъ! Я все знаю. Порядокъ у меня необыкновенный, знаю что дѣлается на ригѣ, на конномъ дворѣ, въ дворѣ и на селѣ, въ двѣнчей, у дочери въ спальнѣ, у жены въ кабинетѣ.

Все знаю. Это все у меня улажено и прилажено. А отчего? У меня своя полиція. Встаю я, является Федотъ: чгд по его части, то и доноситъ; потомъ приходитъ дворецкій, а тамъ Акютка, женина горничная — я и распоряджусь. Безъ этого можетъ ли быть въ домѣ порядокъ? А ужь какіе молодцы у меня ребята, изъ конюховъ: выдерутъ кого угодно, мигни только глазомъ. Прошлаго года, вѣритѣ ли, купца отодрали. Я ужь давно до него добирался.

— Онъ могъ въ судъ жаловаться!.. Пропесть — разоренье.

— Нѣтъ, батюшка, все подведено было очень искусно. Притомъ я не въ отвѣтъ, знать незнаю, вѣдать невѣдаю, и знаковъ побоевъ нѣтъ.

Затѣмъ слѣдовали отвратительныя подробности самаго дикаго насилія, соединенныя съ чисто-азіятскимъ коварствомъ.

И всѣ слушали, многіе смѣялись, родные называли такого господина молодцомъ и хватомъ, а знакомые быть-можетъ и осуждали тихонько, но продолжали и знакомство и пріязнь.

А вотъ исторія о пропесть по векселю.

— Въ карты обыграли меня, доложу я вамъ, да подѣ пьяную-то руку и взяли вексель во сто тысячъ, — рассказывалъ однажды тридцатилѣтній господинъ. — Былъ я молодъ и неопытенъ. Хвать-хвать — платить надо. Туда-сюда, вотъ и говорить мнѣ одинъ старичекъ, еще покойнику-отцу моему пріятель; человекъ солидный, почтенный: «съѣзди, говоритъ, къ Амаліи Петровнѣ, да подари ей.» А Амалія-то Петровна пріятельница очень важному лицу. Поѣхалъ, подарилъ; обѣщала она; только, говоритъ, съѣздите къ Семену Ивановичу. А Семень Ивановичъ — камердинеръ этого важнаго лица, и самъ лицо важное. Поѣхалъ я, два раза чай пилъ, ласы съ дочерью точилъ. А дочь-то въ пансіонѣ воспитывалась, барышня какъ есть. Можетъ я ей и притянулся — и дѣло обдѣлалъ!

— Какже?

— Да такъ! Важное-то лицо призвало моего заимодавца, да и говорить: «въ карты выигралъ, а?» И вексель-то мой показываетъ. Тотъ на попятный дворъ, да нѣтъ, не на такого попалъ. Кричить: «Знаю я! я все знаю! Жги вексель на свѣчкѣ, либо худо будетъ! Туда сошлю, куда воронъ костей не заносилъ!» Ну и сжогъ, да еще радъ былъ, благодарилъ.

— Васъ-то?

— И, нѣтъ! не меня: меня ругалъ на чемъ свѣтъ стоять, и до сихъ поръ ругаетъ. А благодарилъ того... важное-то лицо.

— Мастерски дѣло обдѣлать изволили! сказалъ старичекъ, сидѣвшій въ углу.

Рассказчикъ потеръ руки съ самодовольствіемъ.

Но, скажетъ читатель, все это очень грязно, — это исключенія. Нѣтъ, въ то очень недавнее время это были дѣла весьма обыкновенныя, и такихъ рассказовъ нашлось бы еще множество; но перейдемъ къ менѣе грязнымъ и болѣе простымъ, мелкимъ, если хотите, но всякая мелочь дорисовываетъ общество и мѣтко помогаетъ его характеристикѣ.

Общество большое. Гостиная щегольская, и гости всѣ полета большого, такъ называемаго высшаго, что предполагаетъ покрайней-мѣрѣ извѣстную степень образованія. Разговоръ зашолъ о женскихъ хитростяхъ и двуличности.

— *Les femmes du monde sont bien perfides*, говорила одна тридцатилѣтняя дама, весьма собою красивая, знатная и великолѣпно одѣтая. — Однажды я ѣхала въ дальній городъ и мнѣ надо было рекомендательное письмо къ женѣ очень важнаго тамъ лица. Это была кузина моей пріятельницы. Я попросила у ней его. Она осыпала меня любезностями и на другой же день прислала письмо. Я уѣхала, но на дорогѣ получила извѣстіе отъ мужа: онъ просилъ меня не ѣздить въ N°, а пріѣхать къ нему. Я разумѣется отправилась. Долго это рекомендательное письмо лежало позабытымъ на днѣ моей шкатулки. Однажды, перебирая вещи, оно попало мнѣ на глаза и я полюбопытствовала узнать что писала обо мнѣ моя пріятельница. Я распечатала письмо — и чтожъ вы думаете? нашла свою характеристику, да какую! вообразить себѣ не можете!

— Что, васъ бранили?

— Да еще какъ! И кокетка-то я, и злой языкъ, и готова всякаго поссорить съ женой и влюбить въ себя. Но я не сердилась: она прибавляла, что я умна какъ бѣсъ, любезна и увлекательна какъ сирена. Спасибо и за это.

— Хороша пріятельница! воскликнулъ кто-то.

— Онѣ всѣ таковы! возразила рассказчица.

— Да какъ же вы рѣшились прочитать письмо? сказала дѣвушка лѣтъ двадцати-трехъ, сидѣвшая около красавицы-рассказчицы.

— Ну да прочла! чтожь такое?

— Да чужія письма не читають! возразила довольно твердо дѣвушка.

— Не читають! воскликнула смѣясь красавица: — такъ я и повѣрю, что у васъ подъ руками чужое письмо и вы его не прочтете!

— Ужь конечно не прочту.

— Полноте пожалуста. Вы говорите все это для этихъ господъ, сказала красавица, указывая на молодыхъ людей, тутъ стоявшихъ. — Знаете какая разница между мной и вами? Я откровенна, а вы хитры и тонки. Все это возвышенные чувства, выставка сентиментальности, а жизнь — дѣло совсѣмъ другое.

— Ктому же, виѣшался въ разговоръ господинъ пожилыхъ лѣтъ почтенной наружности, — письмо письму розъ (какъ и кража кражѣ розъ, вспомнимъ мы отъ себя читателю). Одно письмо витимное, довѣренное такъ-сказать; а другое рекомендательное, испрошенное. Оно такъ-сказать принадлежало вамъ по праву.

— Именно, именно, *c'est bien trouvé*. Это было мое право, и я имъ воспользовалась.

— Конечно это было ваше право, сказала молодая женщина, милостивая, блѣдная и съ виду очень кроткая. — Бываютъ такіе случаи, когда нельзя не воспользоваться своимъ правомъ, чтобы защитить себя. Со мною случилась тоже небольшая исторія, и мнѣ кажется я была въ своемъ правѣ. Незнаю какъ вы посудите. У меня была пріятельница; жила она у злой, ядовитой тетки и любила одного молодого человѣка, за котораго должна была выйти замужъ. Чтобы избавиться отъ распрасовъ, попрековъ и сплетенъ, она просила меня передавать ей письма ея возлюбленнаго. Я имѣла глупость и неосторожность согласиться. Въ благодарность она разсорилась со мной, поссорила меня съ сестрой и ея мужемъ, надѣлала мнѣ тысячу неприятностей и объявила, что съ сихъ поръ она черезъ другія руки будетъ получать свои письма. Между тѣмъ женихъ ея былъ далеко, и какъ она не успѣла дать знать ему, письма продолжали приходить на мое имя. Что мнѣ было съ ними дѣлать? Я взяла ихъ, запечатала въ конвертъ и послала къ теткѣ, съ просьбой передать ихъ племянницѣ. Ну ужь, я вамъ скажу, какая тамъ вышла исторія!

А я что? Мое дѣло сторона. Я не прочла ихъ : сознаюсь , что въ этомъ случаѣ это было бы нехорошо. Я возвратила ихъ кому слѣдуетъ для передачи. Я была въ своемъ правѣ. Послѣ я узнала, что тетна-то всѣ письма прочтала! И подѣломъ! Я была очень рада.

Вотъ это *простое право*; неуждно ли вамъ, читатель, обратиться ваше вниманіе не на простое, но на *священное право*?

Жена распечатываетъ письмо мужа, мать взламываетъ шкапу или бюро взрослого сына или совершеннолѣтней дочери, отыскиваетъ письма, бумаги, дневники, и потомъ говорить съ напыщенною важностью, достодожнымъ къ себѣ самой благоговѣніемъ: «это мой долгъ, мое *священное право!*»

Надо замѣтить, что мужъ можетъ оградить себя отъ жены, и жена, хотя въ меньшей степени, но еще можетъ оградить себя отъ мужа, она еще можетъ бороться за свою самостоятельность; но дѣти, особенно (взрослая, совершеннолѣтняя) дочери, — куда пойдутъ онѣ? Онѣ въ зависимости отъ родителей, идти имъ некуда, да и нельзя. Онѣ должны понеобходимости покориться и молчать. Но чего это стоитъ? Это стоитъ счастья всей жизни, возможности дышать свободно и часто; лучшее время, золотая молодость проходить въ душевной атмосферѣ семейнаго деспотизма. Отсюда бракъ вочто бы то ни стало, замужство съ кѣмъ ни попало и гибельныя послѣдствія такого вынужденнаго обстоятельства брака. Намъ возражать быть-можетъ, что нельзя же позволить дочери получать предосудительныя письма. Мы отвѣтимъ, что это вина дурнаго воспитанія и что *совершеннолѣтнюю* дочь такимъ способомъ остановить невозможно. Захватъ одного или многихъ писемъ не ведетъ за собою прекращенія переписки, *непротящейся* родителямъ, а только тщательное ея продолженіе, но уже втайнѣ. Если дочь ваша по вашей милости такъ дурно воспитана, что получаетъ предосудительныя письма и вы случайно перехватили одно такое, — лучше сожгите его, но не ломайте печати. Цѣль не оправдываетъ средства. Притомъ по какому праву насильственно хотите вы вторгнуться въ чужую душу, прочтете вы искреннія изліянія и войдете самовольно въ ея отношенія съ тѣмъ или другимъ лицомъ? Развѣ *совершеннолѣтняя* дочь не человекъ, или она виновата тѣмъ, что она не замужемъ? Или вы хотите заставить ее сожалѣть, что она еще не вышла замужъ? Если дочь любить отца и мать, привыкла дѣ-

литься съ ними мыслями, чувствами, всей жизнью, она не будетъ имѣть тайнъ; если-жъ нѣтъ, то оставьте ее, какъ человѣка вро-слаго, самостоятельнаго и свободнаго, дѣлаться мыслью, чувствами съ кѣмъ ей угодно. Мы на своемъ вѣку знали многихъ дѣвушекъ, которыя, желая избѣгнуть тяжкаго контроля, считали самыми невинными висяма къ подругамъ или друзьямъ дѣвства, черезъ посредство горничныхъ и нянекъ, и съ восемнадцати лѣтъ привыкали обманывать; ложь входила въ цѣлый строй ихъ жизни и гибельно дѣйствовала на ихъ понятія, на только-что развивавшійся характеръ. Но мы невольно отбились отъ нашего очерка и спѣшимъ къ нему возвратиться.

Слышали вы или нѣтъ повѣствованія, цѣлыя эпопеи о самыхъ возмутительныхъ, душу терзающихъ поступкахъ, которые рассказывались съ комической точки зрѣнія и притомъ съ неподдѣльнымъ комическимъ талантомъ? Еслибъ не было такъ гадко, то дѣйствительно было бы очень смѣшно. Рассказчикъ наслаждается: онъ плаваетъ какъ рыба въ волѣ, ликуетъ и заливается какъ жаворонокъ въ весеннемъ небѣ; слушатели хохочутъ до упаду, и когда одинокій, робкій голосъ протестуетъ, то отвѣтъ бываетъ постоянно двойной.

— Помилуйте! чего жалѣть! Подѣломъ ему (или ей)! Я его (или ее) терпѣть не могу!

— А еслибы это случилось съ вами?

Рассказчикъ не унывалъ, и возражалъ самоувѣренно:

— Со мной этого случиться не можетъ!

— Какъ не можетъ? Вѣдь это жертва самаго грубаго насилія — матерьяльной силы!

Въ отвѣтъ всѣ хохотали, приговаривая: — Толкуйте тамъ!

И приходило тогда на мысль согрѣшить грѣхомъ тяжкимъ и великимъ и просить судьбу распорядиться съ рассказчикомъ и покарать его, если не такъ, то иначе.

Другой отвѣтъ проще. Его и теперь доводится слышать частенько; онъ безъ апелляцій, неотравимъ какъ судьба, простъ какъ сама истина. На всѣ ваши возраженія вамъ отвѣчаютъ смѣясь:

— Полноте! это все фразы!..

Мѣрка и теперь еще не установилась: это видно вездѣ и во всемъ.

И теперь, по выраженію Грибоѣдова, какъ прежде: «видѣ

ругаютъ и всюду принимаютъ!» Мы уже не будемъ говорить о такихъ лицахъ, на которыхъ наше неразвитое, хаотическое общество глядитъ двояко: одни защищаютъ, другіе клеймятъ. Напротивъ обратимъ наше вниманіе на такія лица, которыхъ все общество (а это случается у насъ весьма рѣдко) осуждаетъ единодушно, единогласно. Нѣтъ гостивой, нѣтъ семьи, гдѣ бы не говорили о иномъ господиѣ. Будто мало позорной истины, — является на помощь клевета. Многіе рассказываютъ съ ожесточеніемъ, что такой-то — извергъ и едвали малыхъ дѣтей не рѣжетъ. Всякому слушающему кажется не должно подлежать сомнѣнію, что если такое лицо появится, то раздраженное общество, у котораго недостаетъ словъ, чтобы достойно клеймить его, встанетъ и съ позоромъ выброситъ его изъ своей среды, какъ внушающаго омерзѣніе. Но ничего такого на дѣлѣ не выходитъ: это только *разговоръ*, толченіе воды, работа праздному языку, жадно ищущему пищи, любовь ко всякаго рода скандалу, любовь (увы!) къ грязи и сору. Цѣлые дни, цѣлые вечера, впродолженіи цѣлыхъ недѣль и мѣсяцевъ гостинья пробавляются рассказами о такомъ-то или такой-то. Онъ и воръ, и развратникъ, и шпионъ; но осужденный является — и чтоже? совершается перемѣна декораций, чародѣйство, бѣлая магія! Лицо хозяйки сіяетъ; она граціозно улыбаясь пріѣтствуетъ гостя; хозяйнѣ благодушно схватываетъ его руку и сильно трясетъ и жметъ ее. Герой гость разваливается въ креслѣ и начинаетъ ораторствовать; его слушаютъ и ему удивляются. «Все же, какъ хотите, а въ этомъ человѣкѣ есть что-то особенное, — замѣчаетъ тонкій психологъ, пріѣхавшій на вечеръ: — вѣдь ему нелегко было войти сюда: онъ знаетъ какъ на него глядятъ, что объ немъ рассказываютъ, а вотъ онъ вошелъ очень смѣло, говоритъ какъ ораторъ! И всѣ слушаютъ! Нѣтъ, какъ хотите, обыкновенный человѣкъ не совладѣлъ бы съ такимъ положеніемъ!» И многіе, выслушавъ такія фразы, переходятъ отъ порицанія къ удивленію. А чему удивляются? Мѣдному лбу, безстыдству, подвигающему человека нагло презирать честныхъ людей... и отъ чего? отъ увѣренности, что ни одинъ честный человѣкъ не рѣшается сказать у насъ негодяю, что онъ негодяй, не рѣшается, даже неговоря ему этой истины, перервать съ нимъ знакомство и сношенія. Понятно становится почему у насъ при такомъ строеніи общества такъ много неожиданныхъ сюрпризовъ и удивительныхъ превращеній.

При такомъ положеніи дѣлъ еще очень недавно было нестранно и неудивительно увидѣть заискиваніе благосклоннаго взгляда, ловлю ласковаго слова, гоньбу взапуски для оказанія услуги важному лицу. Страстная преданность, восточная лесть, подобострастное поклоненіе окружали тѣхъ, кто власть имѣлъ, и за этой властью какъ часто не видали и не хотѣли видѣть и судить человѣка! Тогда горе было тому несчастному, дерзкому, который осмѣливался утверждать, что силенъ-то онъ силенъ, но человѣкъ пехоршій и несмотря на богатство, воруетъ не мало. Общество яростно кидалось на обличителя (особенно въ губерніяхъ нашихъ) и на немъ оставалась навсегда несмываемая репутація человѣка опаснаго, вадорнаго, человѣка *зломаньяреннаго*, однимъ словомъ *краснаго*. Голосъ этого *краснаго* былъ хуже голоса въ пустынь: тамъ покрайней-мѣрѣ нѣтъ отвѣта, а тутъ вмѣсто отвѣта кидались камни, камни и камни! Впрочемъ не будемъ очень сожалѣть и умиляться. Такихъ донъ-кихотовъ отыскивалось у насъ не много. Несчастіе часто встрѣчать ихъ не угрожало намъ.

Общество — это нѣчто похожее на огромное семейство; семейство — это маленькое общество, это первообразъ общества. Они солидарны. То что дѣлалось въ обществѣ, повторялось въ семействахъ, и наоборотъ. Оцѣнки не было, правилъ никакихъ слѣдовательно поведенія тоже небыло. Возьмите жену и мужа, брата и сестру, отца и мать. Правда, уваженіе, которымъ обязаны отцу и матери дѣти, должно сковывать языкъ. Дѣти не могутъ судить родителей и потому мы оставимъ въ сторонѣ такія несчастныя отношенія. Они неприкосновенны. Но мужъ и жена — равны; равны братъ и сестра. Не случилось ли вамъ замѣтить, что при домашнихъ столкновеніяхъ и семейныхъ побоищахъ, гдѣ никогда нѣтъ ни побѣжденныхъ, ни побѣдителей, раздавались, да быть-можетъ и раздаются такіе слова, такіе обвиненія, что побоище должно бы быть послѣднимъ и единственнымъ, ибо послѣ него невозможно ни примиреніе, ни сдѣлка? Одинъ обвиненъ, осужденъ, и объ немъ не можетъ быть и рѣчи. Казалось бы, что послѣ всего этого долженъ обнаружиться конечный, рѣшительный разрывъ. Ничего не бывало. На другой же день эти сходятся, цѣлуются, какъ-будто ничего не бывало и повидимому миръ заключенъ на вѣки. Но этотъ миръ продолжается день, два, недѣлю; опять готовится

силы съ той и другой стороны, накаплиются факты — и опять дается генеральное сраженіе, общая схватка, гдѣ никто не щадитъ другъ друга. Удары сыплются, и опять нѣтъ ни побѣжденнаго, ни побѣдителя. И всему этому свидѣтели: вся семья, друзья дома, и что всего страшнѣе и ужаснѣе, малыя дѣти! И повтореніе такихъ сценъ продолжается непрерывно даже до глубокой старости! Гдѣ тутъ чувство собственнаго достоинства, гдѣ чувство нравственное? О нихъ нѣтъ и поминка. Замѣчательно еще то, что у насъ на Руси такія страшныя столкновенія часто совершаются безъ боли, безъ истиннаго страданія, безъ ломки всего существа, а просто сошлись, поругались, наговорили одинъ другому страшныя слова, обозвали одинъ другого: воромъ, негодяемъ, развратникомъ, а тамъ глядишь — сидятъ за однимъ столомъ и чай распиваютъ! Откуда являются въ междудѣйствіи и подарки, и вниманіе, и поцѣлуи, будто въ Богомъ благословенной семьѣ, — и все это до первой стычки, быстро превращающейся въ дикій разгулъ страшной схватки. Зрѣлище ужасное, возмущающее душу, истомляющее сердце, притупляющее всѣ лучшія стороны человѣческой природы.

Нѣтъ, въ большинствѣ нашихъ семей не выработались еще нравственныя понятія и нравственное чувство. Ужъ неговоря о тѣхъ семействахъ, гдѣ дѣти видятъ только-что поименованныя грязныя сцены, много ли семействъ, въ которыхъ воспитываютъ въ нихъ нравственныя понятія, да и кто (мы всегда говоримъ о большинствѣ) будетъ это дѣлать? Конечно у насъ есть много честныхъ людей, но они честны по инстинкту, по чутью, если можно такъ выразиться, честны безсознательно. У нихъ есть какое-то темное, смутное понятіе о правилѣ и правдѣ, постоянно забиваемое текущей жизнью. Такіе люди сами не знаютъ во что вѣрить, во что не вѣрить. Въ книгахъ учили ихъ одному, жизнь учила ихъ другому. Мать въ дѣтствѣ говорила имъ одно, а сама на глазахъ ихъ постоянно дѣлала другое. И вотъ вышли они изъ родительскаго дома въ школу и службу; товарищи, сослуживцы, знакомые, всѣ выше и ниже ихъ стоящіе люди, дѣлали совершенно спокойно то, что осуждали въ однихъ книгахъ да сухихъ сентенціяхъ матери. Въ душѣ ихъ, если они обладали душою, а сложился сбивчивый компромиссъ, въ которомъ всего понемногу: и бѣлаго и чернаго, и свѣта и грязи, и добра и зла. Развѣ это люди? отцы семейства? воспитатели? А мы беремъ еще

лучшихъ изъ большинства нашего общества. Развѣ у всякаго была порядочно воспитанная мать? Развѣ у всякаго были книги? Въдѣ это привилегированныя лица нашего общества, а сколько людей, которые выросли какъ трава въ полѣ и жили такъ же бессознательно, какъ трава прозябаетъ! Чтоже касается до нашихъ женщинъ, то большинство ихъ до сихъ поръ не имѣетъ зловыхъ, опредѣленныхъ, установившихся понятій. Этимъ мы не хотимъ сказать, чтобы большинство было безнравственно. Сохрани боже! Такому молодому обществу, какъ наше, рано быть безнравственнымъ. Если оно кажется такимъ, то именно потому, что масса его не доросла до сознанія, не выработала себѣ привычку.

Женщины въ то недалекое отъ насъ время отличались особеннымъ индифферентизмомъ ко всему, что не вносило въ семейство матерьяльныхъ благъ. Богатыя думали исключительно о тряпкахъ, обожателяхъ и видной роли въ обществѣ. Тщеславіе, спѣсъ, любовь къ роскоши безраздѣльно овладѣвали ими и достиженіе послѣдней стало главною цѣлью ихъ существованія. Кто беспощадно толкалъ мужей дѣлать карьеру вочто бы то ни стало? Жена и мать! Кто сознательно и бессознательно заставлялъ мужей брать взятки? Жена и даже мать! Кто подличалъ выше-стоящимъ и важничалъ передъ низшими до забвенія всякихъ приличій? Жоны и матери. Кто училъ гнуть спину и подставлять ее? Всегда учили этому матери и доучивали жены! Женщины бѣдныя въ своемъ кругу были менте виновны въ этихъ преступленіяхъ, но зато онѣ крѣпко держались за мѣста, занимаемыя мужемъ, в настоянцо подавляли въ мужьяхъ малѣйшія попытки на самостоятельность. «Что тебѣ за дѣло — говорила онѣ — путаться въ чужія дѣла? знай свое мѣсто. Что ты, на улицу чтоли хочешь насъ высунуть? Посмотри, дѣтей-то у насъ мало. Ихъ надо кормить и поить.» Тѣже самыя жоны и матери, жалуясь на бѣдность, ноя съ утра до вечера и съ вечера до утра, жалуясь на домашнія недостатки, заставляли наконецъ мужей прибѣгать къ побочнымъ доходамъ, а потомъ добивались со страстію *доходныхъ* должностей. Это дотого вошло во нравы, что рассказывалось просто и прямо, какіе именно есть доходы въ такой-то должности, съ кого, какъ и сколько берется взятка. Могли ли такія женщины воспитывать дѣтей? Случалось слышать удивительно курьозные и назидательные разговоры. Да-

дась особенная мораль, которую проповѣдывала мать сыну. Часто думалось: прости ей Господи, не вѣдаетъ бо что творить.

Мальчики приходили изъ школы домой; у него, вѣдая и обвиняя, нѣжная мать спрашивала, что онъ дѣлалъ, съ кѣмъ знакомъ, и затѣмъ слѣдовала мораль:

— Ты бы познакомился съ сыномъ того генерала, что съ вами убится.

— Да онъ такой гордый, мама; да и дерется больно — все нарочито какъ бы ущипнуть да побить.

— Ну стерпи, послужи ему. Онъ тебѣ послѣ пригодится: его отецъ человѣкъ знатный; если будешь вхожъ къ нему въ домъ, онъ тебя, Богъ дастъ, полюбитъ, мѣсто достанетъ впослѣдствіи.

Или:

— Былъ ты у начальника? поздравлялъ его съ чиномъ.

— Да меня мама дразнить. Говорятъ я все переносу, ябедникъ, ему подслуживаюсь.

— А тебѣ что глядѣть на нихъ? Ты ихъ не слушай; слушай мать. Мать дурного не посоветуетъ. Кто это тебя дразнить? Голь-то эта, твои товарищи? чай мѣщаниншики какіе-нибудь? Очень они тебѣ нужны! Ты будь послушаемъ, да покорень, да угодивъ. Учителя уважай, надзирателя уважай, начальнику зявни себя, что ты вотъ смиренный, да почтительный.

— Да я, мама, незнаю какъ.

— Стало-быть ты глупъ! Какъ не знаешь? Книжку подыми, вѣсточкѣ подай; кланяйся поплже, когда встрѣтишь. Почаще попадайся на глаза, заискивай. Замѣтитъ. А это-то главное.

Мальчикъ возвращается домой съ подбитымъ глазомъ.

— Что это? восклицаетъ мать, сплеснувъ руками. — Какъ это такъ?

— Да Ваню принялись двое товарищей тормошить. Я, мама, Ваню люблю. Онъ такой тихій и смирный, и мы съ нимъ всегда сидимъ в на одной лавкѣ сидимъ. Миѣ было жаль дать его въ обиду.

— Скажите пожалуйста, вступникъ какой! Тебѣ что за дѣло? Тебя не трогаютъ, чтожь ты лѣзешь? Твое дѣло сторона. А вотъ ты у меня попробуй въ другой разъ вступаться за кого-нибудь — и тамъ небьютъ, да и дома я съ тобой раздѣлаюсь. Сказано, выдумалъ вступаться!

Мальчикъ не является домой въ назначенное время и приходитъ уже вечеромъ.

— Гдѣ ты пропадалъ? спрашиваетъ мать.

— Меня наказали, говорить понуря голову бѣдный мальчуганъ.

— Какъ? за что?

— Да въ классѣ выпустили воробьевъ изъ пюпитровъ; надзиратель разсердился. спрашиваетъ: кто? Классъ молчитъ. Ну насъ всѣхъ на колѣни и поставили.

— Да ктоже у васъ воробьевъ выпустилъ? неужели ты не видалъ?

— Какъ не видать! Федоровъ, Безменкинъ, Апенской принесли ихъ въ корзиночкѣ, да и выпустили.

— Зачѣмъ же ты не сказалъ?

— Да никто не говорилъ, всѣ молчали.

— А тебѣ что до другихъ за дѣло? Ты знай себя; спрашиваютъ — говори.

Затѣмъ слѣдуетъ строгое внушеніе. Бѣдный ребенокъ совершенно сбить съ толку: товарищи требуютъ одного, мать другого.

— Мои дѣти, особенно два меньшіе мальчика, удивительно бережливы, говаривала бывало нѣжная маменька, глядя по головкѣ худенькаго, блѣднаго и угрюмаго мальчика. — Отецъ въ именины даетъ имъ денегъ. Вѣрите ли, никогда они ихъ не растратятъ, а берегутъ; завернуть въ бумажку и дожидаются, когда еще перепадетъ что-нибудь. Случается, я дамъ пятакъ или кто подаритъ — сейчасъ туда же. Да, да! они будутъ у меня скопидомокъ.

— А мой еще домовитѣе, отвѣчаетъ другая: — онъ закупить лакомствъ, да сестрамъ и продать, конечно съ барышомъ, да еще съ какимъ! — И добрая мать заливалась добродушнымъ хохотомъ.

Многіе мальчики изъ семейства переносили эту страсть къ барышамъ въ пансіоны и школы, и поощряемые родительницами, въ десять лѣтъ уже были отъявленными и искусными ростовщиками въ средѣ своихъ товарищей.

Намъ случалось слышать и не такія разсужденія, а болѣе поразительныя по своей конечной безразличности мнѣнія. Возмущаться ими было невозможно, а только большая жалость

недымалась на душѣ душигъ : такъ бессознательно, наивно въсказывалась совершенное незнакомство съ первыми, самыми главными правилами чести.

— Мой сынъ необыкновенно благоразуменъ и ужь вовсе не увлекается. Да, надо отдать ему честь : тамъ гдѣ другой погибъ бы, мой только очень позволительно жуируетъ. Да вотъ недавно : пригласилась ему актриса. И онъ ей очень помравился. Я, признаюсь, испугалась. Человѣкъ онъ молодой : судите сами, всего-то ему двадцать-два года. Я однажды прихожу къ нему вечеркомъ и говорю : «Ты, Коля, молодецъ; не увлекись. Эти актрисы бѣдозна. Манъ-разъ возьметъ она съ тебя вексель, либо разоритъ на подарки.» А онъ смѣется. «Да что ты смѣешься? ты послушай : я тебѣ добра желаю, а тебѣ мать ; отъ кого тебѣ и слышать доброе слово, какъ не отъ меня?» А онъ говоритъ : Будьте покойны! — пошелъ къ столу, выдвинулъ ящикъ да и показываетъ мнѣ футляръ. Открыла я его и ахнула. Печать, да презащная, изъ цѣльнаго юрала и съ его гербомъ. «Что? говоритъ онъ мнѣ : — нѣтъ, мама! не я ей, она мнѣ даритъ и на меня разорится.» Я успокоилась, расцѣловала его и теперь ужь не тужу ни о немъ, ни о этой актрисѣ. Il faut que jeunesse se passe. Вѣдь нельзя же ему въ его лѣта жить отшельникомъ. Пусть повеселится, лишь бы это не повредило его нравственности и карьерѣ. Да, Бога благодарить могу. Такой благоразумный, расчетливый и не увлекается! Не увлекается!

Общество наше не выработало еще себѣ и формъ. Это очень замѣтно, хотя все мы заботимся и даже много толкуемъ о формахъ. Вгляните на всякое у насъ собраніе, какое бы оно нибыло : что это такое? Шумъ, гамъ, крики ; никто ничего не слышитъ, никто ничего не можетъ понять. Аплодируютъ на вѣру, незная чему, потому только, что сосѣдъ аплодируетъ. Точно то-же отзвѣтствіе формъ и въ семейной и частной жизни. Вгляните на этого щеголя въ лайковыхъ перчаткахъ, безукоризненной одеждѣ, съ искусно расчесанными волосами : европеецъ да и только! А посмотрите на этого европейца дома. Вотъ онъ возвратился домой не въ духѣ — онъ былъ въ гостяхъ и любезничалъ съ дамами, говорилъ о прогрессѣ и удивилъ всѣхъ либеральнымъ образомъ мыслей : онъ сыпалъ цѣпты краснорѣчія и блести остроумія, а теперь даетъ волю доморощеннымъ привычкамъ. Очень еще недавно онъ бы отгаскалъ за волосы лакея Федьку ;

но теперь, увы! долженъ ограничиться только криками; онъ взываетъ къ нему такимъ голосомъ, что перепугаетъ старую мать, не-нашутку обезпоятъ жену или сестеръ. Да и пускай къ нему не подвертываются теперь женщины: онъ не задумается прикрикнуть на мать, обозвать сестру дурой, оскорбить гувернантку, при собственныхъ дѣтяхъ разбавить ихъ мать, жену свою, словомъ — этотъ европеецъ дома превращается въ татарина. И такіе люди до сихъ поръ не исключенія, хотя и они замѣтно рѣдѣютъ и болѣе сдерживаютъ себя. Да, сдерживаютъ. А какъ еще недавно (да еще въ провинціяхъ нашихъ такіа лица не вывелись) дѣлалось все это безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, съ какимъ-то упоеніемъ молодечества. «Я-де у себя хозяинъ, у меня не очень!» Или: «Я-де характера крутого, шутить не люблю, скрываться не намѣренъ!» Все это повергало тогда въ отчаяніе: когда — восклицало образованное меньшинство — общество наше придетъ къ сознанію? Когда будетъ всему этому конецъ? Или только внуки наши доживутъ до того, что будутъ сами людьми въ полномъ смыслѣ слова, и вокругъ ихъ будутъ люди съ опредѣленными понятіями, незыблемыми правилами и несокрушимой силой убѣжденія!

Понятно, что при такомъ положеніи общества и семейства, въ нихъ не могло быть настоящаго уваженія ни къ чему. Когда человѣкъ не умѣетъ уважать самъ себя, кого же онъ можетъ уважать? Онъ можетъ только бояться и разумѣется боится многого и многихъ. Отсюда люди-тряпки, люди-трусы, люди-болтуны и говоруны. Торовать на словахъ, до жалости робокъ въ дѣлѣ. А храбрятся всѣ. Неужели не случалось вамъ слышать, какъ разговаривали? Герои да и только. И какъ остроумны! Насмѣшливость ихъ ничего не щадила и границъ не знала. Еще недавно добродѣтель и состраданіе назывались сантиментальностью, высокіе подвиги экзальтаціей, дѣла милосердія филантропіей (вѣдь это слово еще очень недавно употреблялось у насъ въ ироническомъ смыслѣ). Посмѣиваются еще и теперь, но прежде, и очень недавно, смѣялись рѣшительно надо всѣмъ. Смѣялись надъ матерью, которая кормитъ дѣтей: она интересничаетъ; надъ тою, которая ихъ воспитываетъ: она мудритъ и умничаетъ; смѣялись надъ женщиной, которая устроиваетъ школы, заводитъ больницы: «вотъ выскочка! думаетъ удивить! насъ не удивишь!» восклицали деревенскіе мудрецы. Дѣйствительно, чѣмъ удивлять

иждь, когда они не дивились на самих себя, не дивились своему коснѣнію, запустѣнію всѣхъ человѣческихъ чувствъ! Боже мой! Да надъ тѣмъ, еще такъ недавно, не глумилось большинство нашего общества! Женщина-писательница подвергалась осужденію. «Писаки! писаки сидятъ!» слышали мы нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ театрѣ, причемъ указывали на ложу, въ которой сидѣли двѣ жепщины-писательницы. Смѣялись и надъ писателями, которые выражали мысли, пришедшіяся не по вкусу большинству помѣщиковъ. «Это голь! восклицали они: — маратели бумаги, бѣдняки безъ сапогъ! имъ легко, имъ отдавать нечего!» Глумились и надъ сестрами милосердія. Хорошо помнимъ мы эту трудную эпоху, эпоху страшную, пережить которую было нелегко, и не всѣмъ довелось пережить ее! Тогда люди мыслящіе, составлявшіе поразительное меньшинство, любившіе отечество, страдали тяжко. Разнесся слухъ, что для хожденія за ранеными выѣзжали женщины земли русской — и онѣ нашлись. Однѣ оставили монастырскія кельи, другія родной кровь и мирный семейный уголь; многія безпріютныя, израненныя битвой жизни, стремительно ринулись въ иную битву, и заглушая личные страданія посвятили себя трудному подвигу милосердія. Тамъ въ Севастополѣ, подъ картечью и пулями, въ грязи и крови, среди всѣхъ ужасовъ смерти, безъ сна, часто безъ пищи, покрытыя нечистотами, день и ночь, ночь и день онѣ ухаживали за ранеными, принимали послѣдній вздохъ умирающихъ, передавали роднымъ и друзьямъ послѣднія слова погибшихъ. Мать, жена, сестра, невѣста обязаны были имъ, что слышали послѣднія слова и желанія имъ милыхъ. Офицеры, но въ особенности солдаты, дѣлились съ ними послѣднимъ, окружали ихъ уваженіемъ и попеченіями. Спросите у нихъ и теперь о сестрахъ милосердія, — отзывы единодушны: о нихъ говорятъ какъ о святыхъ, вспоминаютъ ихъ подвиги съ благоговѣніемъ. Чтоже высказала масса нашего общества? Когда пронесся слухъ, что эти женщины отправались въ Крымъ, кто изъ насъ не слышалъ презрительныхъ отзывовъ, пошлыхъ насмѣшекъ и дальновидныхъ соображеній? Многіе рассказывали, что на первой же станціи сестры перессорились и даже передрались между собою и разбѣжались; другіе утверждали, что онѣ ѣдутъ ходить не за ранеными, а искать приключеній. Первые письма одной изъ сестеръ, простодушныя, трогательныя, были встрѣчены одной частью публики недовѣрчиво,

другую равнодушно и прошли незамѣченными. Правда, съ тѣхъ поръ многое измѣнилось, но не настолько, чтобы исчезнуть совершенно. Надъ сестрами перестали смѣяться, но до сихъ поръ имъ не оказываютъ того уваженія, котораго онѣ заслуживаютъ. Доказательствомъ тому служить, что всякое слово сочувствія и уваженія чрезмѣрно трогаетъ сестеръ, и въ благодарныхъ словахъ ихъ можно отгадать, что онѣ къ нимъ не привыкли. Общество не избаловало ихъ! Многія изъ нихъ умерли въ Севастополѣ, измуренныя трудами и болѣзнями. Кто знаетъ ихъ могилы? Гдѣ памятники? Гдѣ надгробное слово? Гдѣ имена? Погибли — и кончено; никто публично не помянулъ ихъ добрымъ словомъ, не передалъ имени ихъ потомству. А миссъ Нейтингаль повѣстна всѣмъ намъ. Чужихъ уважаемъ, своихъ незнаемъ!

Но это не все. Кто изъ русскихъ слышалъ о Львовѣ и докторѣ Газѣ? Оба были замѣчательные люди. Еслибъ они жили въ другой странѣ, о нихъ явилось бы уже нѣсколько биографій и статей. Оба раздали свое состояніе бѣднымъ, оба посвятили себе служенію человечества, оба обращали на путь истинный преступниковъ, помогали несчастнымъ, проповѣдывали христіанскія добродѣтели и сами были ихъ живымъ воплощеніемъ. Я видала доктора Газа. Это было замѣчательное лицо и замѣчательная наружность. Благородство, безконечная кротость и доброта дышали въ каждой чертѣ прекраснаго, правильнаго лица. Намъ случалось слышать отзывы о немъ. Раздавъ все состояніе, онъ ужъ не ѣздилъ въ каретѣ, а взявъ самаго бѣднаго изъ всѣхъ московскихъ ванекъ, совершалъ переѣздъ свой въ тюремный замокъ, гдѣ сосредоточивалась его истинно-христіанская дѣятельность. На него показывали пальцами изъ оконъ барскихъ палатъ: «Посмотрите, говаривали практическіе люди: — вотъ ѣдетъ безумный Газъ. Раздалъ всѣ свои деньги, прожилъ имѣніе; теперь самъ нищій и все хлопочетъ о каторжникахъ. Они же надъ нимъ помираютъ со смѣху, и пока онъ говоритъ имъ поученія, крадутъ у него изъ кармана послѣдніе платки. Сумашедшій!» Кажется Газу пришлось борьба не по силамъ; посреди возмущающихъ душу злоупотребленій всякаго рода, посреди равнодушія общества и враждебныхъ распоряженій, въ борьбѣ съ неправдою и ложью, силы его истощились. Чтò онъ долженъ былъ вынести, чтò испытать, пережить, перестрадать!.. Когда онъ умеръ, его нечѣмъ было похоронить. Онъ ждетъ еще биографа до сихъ поръ, а пока о

еще можно сказать только, что онъ былъ въ полномъ смыслѣ слова человѣкъ божій!

Такъ мечтали тогда лучшие люди! У того общества (а вѣдь это времена еще несоветъ ушли отъ насъ) не было ни энтузиазма, ни вѣры, ни жара; оно было невозмутимо какъ восточный ага, неподвижно какъ китаецъ, окостенѣлое какъ мамонтъ и равнодушное какъ опившійся опиумомъ турокъ. Оно умѣло только думать, и думать безразлично. Правда, оно глумилось часто молко, зло и мѣтко, было падко на прозвища; но кого же прельститъ это свойство? Должно клеймить безвѣстное, можно насмѣхаться надъ пошлымъ и мелкимъ, но смѣяться безразлично — признакъ мертвенности, отсутствія всякихъ высшихъ интересовъ, симптомъ растлѣнія, нравственной порчи. Мы не признаемъ впрочемъ совершенную порчу нашего общества, а указываемъ на порчу тогдашняго поколѣнія, которое слава-богу мало-помалу сходять со сцены и замѣняется болѣе свѣжимъ, сильнымъ, здоровымъ, молодымъ элементомъ. Хаотическое состояние большинства нашего общества оттого теперь такъ и ощущается, что молодое поколѣніе несоветъ еще отгѣнило на задній планъ старое. Но и молодое поколѣніе наше, дурно воспитанное, видѣвшее въ дѣтствѣ повсемѣстные злоупотребленія и самоуразаство, выработало въ себѣ только ненависть къ такому общественному строю. Оно не могло и не успѣло запасть на прищипки, асины понятія и опредѣленнымъ образомъ мыслей. Въ немъ преобладаетъ чувство, а не разумное сознаніе; не пониманіе причинъ и слѣдствій, а одно негодованіе. При такомъ положеніи откуда же взяться крѣпкому, стройному, сильному общественному миѣнію? Подымается его зачатокъ въ формѣ неслышимаго, слабого лепета. Но мы вѣримъ, что изъ этого состоящаго общества наше можетъ выдти очень скоро, при помощи новыхъ силъ и соковъ, которыхъ всякій не можетъ не видѣть; отъ гниль и порчи, если бы онѣ были повсемѣстными, было бы трудно освободиться, и впрямъ иначе какъ страшными потрясеніями, болѣзнями. За примѣрами ходить недалеко. Три революціи приводила французское общество каждый разъ къ новому порядку, который однако не могъ устоять, и оно возвращалось къ прежнему. И теперь оно страдаетъ глубокими изъями... Гдѣ имъ лекарство? Предвидится ли исцѣленіе? Мы славу-богу кажется не въ такомъ положеніи. Съ нѣкотораго времени большинство нашего

общества во многомъ измѣнилось, и появилось значительное число меньшинство, которое, сильно сознавъ нравственное ничтожество окружающаго ихъ міра, сильно вопіетъ противъ него и находитъ сочувствіе даже и въ отсталомъ большинствѣ. Признакъ отрадный! Опасно только въ этомъ зародышѣ проявляющейся жизни самодовольство, самообожаніе, заносчивость и превеличенное о себѣ самихъ мнѣніе. Прошло (и кажется безвозвратно) то время, когда мы сами себя хвалили и сами пѣли себѣ гимны: когда мы не только не стыдились своихъ явль, но еще кичились ими: это было гниеніе въ болотѣ, и передъ нами не мерцалъ еще лучъ сознанія, не было надежды на спасеніе. Теперь всѣ мы сознали многіе пороки наши и всю неурядицу нашего общественнаго строя. Кто можетъ подумать, что не тяжело кидать камень въ родную среду! Каждый, кто кидаетъ въ нее камень, кидаетъ въ самого себя, ибо каждый есть членъ того огромнаго числа людей своей страны, которое называется обществомъ. Всякій человекъ, достойный имени человека, любитъ отечество; нельзя не любить матери, нельзя не любить родины. Родина — мать наша, прежде родной матери. Но любовь — чувство самое сильное и притомъ самое разнообразное. Оно принимаетъ всѣ формы и виды. Любовь часто еще сильнѣе, когда она является подъ видомъ ненависти. Это любовь больная, любовь вошедшая внутрь, томящая и мучающая. Страдать ею нелегко. Нельзя обвинять тѣхъ, кто съ горечью и болью обвиняетъ своихъ соотечественниковъ и слѣдственно въ извѣстной степени и себя въ слабостяхъ, недостаткахъ и порокахъ. Но что сказать о людяхъ, ставящихъ себя выше той среды, гдѣ они живутъ и дѣйствуютъ, обвиняющихъ съ презрѣніемъ общество въ его порокахъ и недостаткахъ, говорящихъ о немъ съ пренебреженіемъ и холодно, съ высоты своего величія клеймящихъ его, даже нежелающихъ видѣть сколько громадныхъ шаговъ къ самосознанію и слѣдственно къ исправленію совершило оно въ послѣднее время? Что дѣлалось въявь и безъ зазрѣнія совѣсти, дѣлается тайнѣ и притомъ гораздо рѣже; что говорилось прямо и просто, о томъ не рѣшаются и намекнуть. Многое вовсе исчезло. Но тѣ, которые провозглашаютъ спокойно и высокоумно, что наше общество ни къ чему неспособно и ни на что не годно, которые видятъ его спасеніе внѣ его, а не въ немъ самомъ, не хотятъ и знать объ этомъ. Они напустили на себя безусловное къ обществу презрѣ-

ніе, хотятъ передѣлать и воспитать его посредствомъ той же допотопной розги, и по близорукой теоріи не видятъ, что ничто не можетъ спасти общества, если оно само на себя не хочетъ оглянуться, если оно не хочетъ или не можетъ работать надъ своимъ нравственнымъ развитіемъ. Общественное мнѣніе, еслибъ оно сложилось и существовало у насъ, оцѣнило бы по достоинству такого рода выходки. Еслибъ оно существовало, многое не было бы возможно; оно бы дало отпоръ и посбило бы спѣси и заносчивости со многихъ, и многимъ бы указало ихъ настоящее мѣсто. При существованіи общественнаго мнѣнія многое, что теперь повергаетъ насъ въ негодование или уныніе, не могло бы быть. Множество фразъ, выдуманныхъ въ досужныхъ минуты и выдаваемыхъ за несомнѣнныя истины, пущенныхъ въ ходъ съ непостижимою смѣлостью, несмушали бы слабыхъ, неустановившихся во мнѣніяхъ, людей, не затемняли бы пробуждающагося чувства правды и справедливости. Общественное мнѣніе указало бы должное мѣсто тѣмъ, которые, гениальничая, учатъ давно извѣстнымъ теоріямъ, которыя выдаютъ намъ за верхъ всякой премудрости, изучать которую мы должны съ подобающимъ трепетомъ и должнымъ къ великому Колумбу сей новой Америки удивленіемъ и благоговѣніемъ. Еслибы у насъ было общественное мнѣніе, то нѣтъ сомнѣнія, что его голосъ вовремя остановилъ бы тѣхъ, которые безсознательно быть-можетъ обижаютъ оскорбленныхъ, поносятъ нѣмыхъ, кидаютъ камни въ лежащихъ, язвятъ безсловесныхъ, встаютъ противъ безправныхъ. Общественное мнѣніе напомнило бы многимъ, считающимъ себя непогрѣшимымъ, что *есть предѣлъ, егоже не преидеши*; что предѣлъ этотъ имѣетъ магическую силу. За его роковою чертою доселѣ полезное дѣлается вреднымъ, талантъ становится бездарностью, сила безсилимъ... Да и мало ли что утрачивается! Такова уже страшная сила всякихъ рубиконъ! Общественное мнѣніе можетъ означить, гдѣ именно рубиконъ. Оно можетъ сдерживать, указывать мѣсто, значеніе, путь, вести и останавливать; оно можетъ говорить, за что хвала и честь, за что порицаніе и негодованіе!

ЕВГЕНІЯ ТУРЪ

* * *

Спасибо, добрая моя,
За то, что являешь больному крику,
Ты, въ сердцѣ жалость затая,
Не отогнала горемыку ;
За то, что поняла безъ словъ
Какъ полюбилъ тебя тепло я,
И навѣвала много сновъ
Любви и дѣтскаго покоя ;
За то, что жолчь угомони
Во мнѣ ты кроткими словами,
Порой глядѣла на меня
Своими добрыми глазами —
И пѣла мнѣ, какъ въ чудномъ снѣ,
Вся звукамъ скорби отдаваясь ;
За то, что каждый разъ, прощаясь,
Ты жала крѣпко руку мнѣ ;
За то, что въ грудь мою съ тобою
Влилася свѣжая струя ;
За то, что ты передо мною
Осталась чистою душою —
Спасибо, добрая моя !

ВСЕВОЛОДЪ КРЕСТОВСКІЙ

ЛЕТЦІИ ИЗЪ СРЕДНЕЙ ИСТОРИИ Т. Н. ГРАНОВСКАГО

IV

АВГУСТЪ. ТИВЕРІЙ. КАЛИГУЛА. КЛАВДІЙ. НЕРОНЪ.

Мы знаемъ какимъ образомъ совершился переходъ отъ римской республики къ римской имперіи; причиною этого переворота было не честолюбіе Цезаря, а внутреннія причины, таившіяся въ самомъ организмѣ римскаго государства. Долготерпѣвіе провинцій было истощено; притѣсненіямъ, злоупотребленіямъ проконсульской власти не было мѣры и границы. Во имя страданія угнѣсенныхъ провинцій, во имя требованій высшихъ классовъ Рима и Италіи Цезарь подымаетъ оружіе противъ сената, хранителя республиканскихъ формъ: формы эти оказались несостоятельными при новыхъ требованіяхъ. Фарсальская побѣда и послѣдовавшее за нею пораженіе республиканской партіи по смерти Цезаря кончилась торжествомъ триумвировъ, изъ которыхъ одному суждено было получить наслѣдіе Цезаря въ лучшемъ видѣ. Замѣчательно до какой степени сами заговорщики не были убѣждены въ сочувствіи народа къ своему дѣлу: убивъ Цезаря, они скрылись въ Капитолій, созвали своихъ вооруженныхъ рабовъ и ждали что скажетъ народъ; народъ въ свою очередь, пораженный страшною вѣстью, долго безмолвствовалъ, долго не трогался; наконецъ чрезъ нѣсколько дней послѣдовала ностынная мѣрная сдѣлка между приверженцами Цезаря и ихъ противниками. Забота о будущей формѣ была оставлена въ сторонѣ; рѣшено было подѣлить провинціи, рѣшено, что во главѣ государства останется сенатъ; консулы и другія прежнія власти были возстановлены, но продолжительнаго мира не могло быть. Извѣстна исторія второго триумvirата. Вооруженный однимъ именемъ Цезаря, девятнадцатилѣтній Октавій, его племянникъ, привлекъ на

свою сторону его легионы, одолевъ республиканскую партію, одолевъ потомъ своихъ товарищей Лепида и Антонія. При Августѣ дѣло Цезаря окончательно утвердилось. При Цезарѣ еще были люди, упорно тавшіе, глубоко хранившіе и надежды и сожалѣнія о прошедшемъ; Августъ овладѣлъ римскимъ міромъ, когда всѣ народы изнемогали отъ утомленія, когда общимъ желаніемъ былъ покой, и этой потребности покоя удовлетворилъ Августъ. Странное, можно-сказать двуликое явленіе! Въ молодости Октавій является триумвиромъ хитрымъ, кровожаднымъ, не скрывавшимъ нагло честолюбія; послѣ битвы при Акціумѣ, когда не оставалось ни соперниковъ, ни открытыхъ враговъ, видитъ императора Августа умѣреннаго, заботливаго правителя, подъ управленіемъ котораго залечены были язвы римскихъ провинцій отъ долгихъ междоусобій. Августъ не измѣнилъ внѣшнихъ формъ, не принялъ новаго титула, заботливо скрывалъ отъ согражданъ свое величіе, свою власть; онъ старался не выходить изъ толпы. Въ формахъ жизни былъ онъ чрезвычайно простъ, какбы боясь оскорбить народъ внѣшнимъ блескомъ. Послѣ страшныхъ проскрипцій, которыя проложили ему дорогу, онъ снизошелъ до степени простого гражданина. Когда дѣло шло объ избраніи сановниковъ, онъ старался выбирать людей, ему преданныхъ, но не употреблялъ насилій: вообще онъ не любилъ крутыхъ мѣръ; онъ ходилъ въ собранія отъ одного къ другому, прося подачи голоса въ пользу его кандидата. Ни въ образѣ жизни, ни въ жилищѣ, ни въ одеждѣ нельзя было узнать властителя Рима и подвластныхъ ему областей; а между тѣмъ перемиѣна совершилась: въ рукахъ его сосредоточена была вся власть, къ которой шолъ Цезарь, власть безъ названія; новыхъ титуловъ не было, но всѣ должности римской республики — и диктаторство, и консульство, и трибунаство, и цензорство, и санъ великаго первосвященника, и вѣчная проконсульская власть надъ провинціями — соединены были въ одномъ лицѣ. Нельзя сказать, что Августъ дурно употребилъ свою власть. Провинціи, ужаснувшіяся торжества республиканской партіи, вздохнули свободнѣе при Августѣ: онъ произвелъ значительную, замѣченную современниками, но неощущенную, перемиѣну въ способѣ управленія провинціями, раздѣливъ ихъ на два разряда: такіа провинціи, гдѣ власть утверждена была на прочномъ основаніи, гдѣ нечего было опасаться ни возстанія, ни нападенія, были предоставлены сенату; другія провинціи, пограничныя или несомнѣнно успокоенныя, взялъ онъ себѣ подъ именемъ цезарскихъ, куда императоръ назначалъ своихъ намѣстниковъ. Въ сенатскія сенатъ избиралъ попрежнему изъ бывшихъ консулами въ правители, но списокъ кандидатовъ подвергался предварительному разсмотрѣнію

Августа; вместо слѣпота жребія былъ введенъ болѣе разумный способъ избранія: Августъ избиралъ въ свои правители людей ему извѣстныхъ. Во времена республики, когда консулъ слагалъ годовую власть, обремененный долгами при разстроенномъ состояніи, онъ достигалъ высшихъ должностей куплею голосовъ, получалъ въ качествѣ проконсула провинцію, куда отправлялся на годъ самодержавнымъ царемъ, а съ нимъ родственники и его заимодавцы, которыхъ онъ удовлетворялъ на счетъ вѣрениой провинціи; тамъ находилъ онъ компаніи откупщиковъ изъ римскихъ всадниковъ, бравшихъ на откупъ подати и облегчавшихъ такимъ образомъ проконсулу насильственный сборъ. Жаловаться на проконсула было немому, ибо въ сенатѣ были соучастники злоупотребленій; грабежи оставались безнаказанными. Самая краткость срока дѣлала еще худшимъ положеніе провинцій: каждый проконсулъ спѣшилъ устроить свои обстоятельства, поправить свое имѣніе; черезъ годъ онъ удалялся, являлся другой съ такою же цѣлью. Никогда можетъ-быть не тяготѣло одно сословіе надъ другимъ такъ, какъ тяготѣла римская аристократія надъ провинціями; она питалась ихъ кровью и иѣтомъ. Вотъ почему провинціи съ такимъ участіемъ сдѣлали за подвигами Цезаря, оказывали радостное содѣйствіе, оплакивали его смерть, съ такимъ страхомъ смотрѣли на попытки возстановить республику. При Августѣ проконсулы получали жалованье; это измѣнило ихъ отношенія къ провинціямъ; каждый римскій сановникъ получалъ извѣстную часть хлѣба, масла, овощей, мяса, рыбы, и сверхъ того на каждого, по выраженію лѣтописца, давалось по наложницѣ. Обезнеченный въ своихъ потребностяхъ, проконсулъ не могъ такъ безстыдно грабить, какъ въ то время, когда не выдавалось никакого жалованья. Доказательствомъ того, что эти мѣры принесли плоды, служить то обоготвореніе, предметомъ котораго сдѣлался Августъ преимущественно на востоцкѣ, гдѣ люди обладаютъ живымъ воображеніемъ и легче увлекаются: тамъ ставили ему храмы, жертвенники, статуи, поклонялись какъ божеству. Римъ пересталъ быть всепоглощающимъ городомъ; вниманіе римскихъ правителей обратилось и на провинціи, явилось стремленіе облегчить ихъ участь. Здѣсь совершается сліаніе въ одну большую семью втихъ безчисленныхъ народовъ; тотъ самый процессъ, который выродоуженіи семи вѣковъ римской исторіи поддерживалъ римское владычество, при императорахъ является въ несравненно большемъ размѣрѣ — въ размѣрѣ orbis romanі. Здѣсь можно привести рассказъ Светонія по этому случаю. Однажды, когда Августъ отправился для посѣщенія провинцій, что дѣлалъ иногда, чтобы удостовѣриться въ исполненіи обязанностей правителей,

его полере встрѣтился съ египетской, нагринской темерана, при-
 воевшимися въ Римъ; египтяне узнавъ, что на встрѣченной имъ
 галерѣ находился самъ Цезарь, просили позволенія поклониться
 ему: явились въ бѣлыхъ одеждахъ, съ финианомъ, и принесли
 поклоненіе какъ божеству; Августъ велѣлъ за то надѣть на нихъ
 римскія тоги. Въ этомъ символѣ выражалось сличіе народовъ въ
 одну великую семью. Но настоящимъ основателемъ новаго госу-
 дарственныхъ формъ, начала которыхъ, заложеныя Цезаремъ раз-
 виты были Августомъ, можно-сказать былъ Тиберій. Извѣстно въ
 какомъ видѣ дошла до насъ память о Тиберіи, какъ объ одномъ
 изъ самыхъ жестокихъ государей; онъ ввѣнчанъ заслуженною карою,
 ибо историкомъ его былъ Тацитъ. Подъ безсмертныиъ перомъ ве-
 ликаго писателя имя Тиберія предано вѣчному позору; но отъ него
 полную справедливость его благородному негодоваанію, должно при-
 знаться, что взглядъ Тацита односторонень: Тацитъ смотрѣлъ на
 Тиберія глазами римлянина и республиканца. Не такъ должно смот-
 рѣть на него, чтобы оцѣнить его дѣятельность. Положеніе Тиберія
 при вступленіи на престолъ было самое затруднительное; требова-
 лась великая отвага, великая осторожность. Августу было легко
 править: ему значительно помогала общая усталость; но когда вы-
 росло новое поколѣніе, азвы зачѣпился — партіи подыались онова
 съ своими надеждами и требованіями. Республиканская партія смот-
 рѣла на Августа какъ на старика, который смертию своею от-
 кроетъ свободное попріще для ихъ дѣятельности, и ждала его смер-
 ти. Ктоже былъ представителемъ этой партіи? Сенатъ, аристокра-
 тія. Конечно, аристократія римская значительно измѣнилась въ
 своемъ составѣ, начиная съ Цезаря до Августа: вы видѣли, что Це-
 зарь ввелъ въ сенатъ множество иноплемениковъ; Августъ, какъ
magister populi, очистилъ сенатъ отъ этой уважительной для его
 достоинства чужеземной примѣси; онъ подыалъ сенатъ въ общен-
 нѣвнн массы, давъ сенаторамъ средства жить сообразно съ своимъ
 положеніемъ. Но Августъ не исключалъ и иностранцевъ: великіи
 заслуги сообщали имъ право римскаго гражданства; сдѣлалъ то,
 что талантливому иностранцу можно было возвыситься до высшихъ
 почестей. При Августѣ Римъ съ неуменьіемъ смотрѣлъ на триумфъ
 Корнелія Бальбы, родомъ испанца. Современный историкъ съ уди-
 вленіемъ говоритъ, что иностранецъ съ триумфомъ являеться въ Ка-
 питолій. Этого еще не видалъ Римъ, но этотъ иностранецъ оказалъ
 великія услуги и сдѣлъ между отцами римскаго государства. Многіе
 другіе получали такую же честь отъ Августа. Не надо упускать изъ
 виду современныхъ извѣстій; при Августѣ въ Итали вездорожала
 земля. Провинціальная аристократія начинаеть переселиться въ

Римъ, куда прывыкъ съ Августъ обѣщаніями, гдѣ открыты двери въ сенатъ. Эта аристократія покупаетъ помѣстья и содѣйствуетъ также къ сдѣланію, къ утвержденію единства между народами, Рима съ провинціями. При такомъ составѣ, можно подумать, сенатъ долженъ бы былъ измѣниться въ понятіяхъ, въ направленіи; но этого не было. Новые пришельцы скоро приобщились къ желаніямъ и сожалѣніямъ о древнихъ республиканскихъ формахъ; для тѣхъ не было другого идеала, какъ республика, такая форма, гдѣ всѣмъ правили они. Одни жалѣли о прошедшемъ по своскорыстнымъ расчетамъ, другіе дѣйствительно были убѣждены. Сенатъ сдѣлался орденомъ оппозиціи, вышедшей въ рядахъ своихъ самыхъ богатыхъ, самыхъ образованныхъ и даровитыхъ людей. Дѣти сенаторовъ получали то-же образованіе, какъ во время республики; въ этой формѣ хранились преданія о прошедшемъ, это сословіе было представителемъ прошедшаго противъ новаго порядка вещей, который водвѣрили императоры, стоя въ главѣ арміи. Республика при Августѣ окончательно должна была отречься отъ своихъ надеждъ; утвердился не монархія въ вышшемъ смыслѣ, а единодержавіе — суровое, подозрительное, при Августѣ еще мягкое, но жестокое при его преемникахъ, когда партія успѣла отдохнуть и могла думать о возможности возврата къ прошедшему.

Послѣдніе годы августовой жизни были потрясены семейными раздорами. Вторая жена его Ливія была женщина честолюбивая и безпокойная. Она преслѣдовала со всею ненавистью дочь его Юлію и ея сына. Цѣль была та, чтобы доставить престолъ своему сыну. Юлія умерла въ изгнаніи, дѣти ея отъ Агриппы погибли. Единственнымъ членомъ августова семейства оставался Тиверій. Тиверій происходилъ изъ дома Клавдіевъ, который чрезъ всю римскую исторію носилъ жестокий характеръ, и Тиверій не измѣнилъ этому характеру. Августъ не любилъ Тиверія, но уступалъ желанію супруги, онъ осмѣлялъ его почестями. Въслѣдствіи отношенія между Августомъ и Тиверіемъ до того были тягостны, что Тиверій уѣхалъ на островъ Родосъ, откуда возвратился въ Римъ незадолго до смерти Августа, и когда Августъ умеръ въ Римѣ въ 14 г. по р. х., Тиверій остался наслѣдникомъ престола. Но на чемъ основывались права Тиверія?

Трудно сказать, на чемъ основывались и права Августа. На завѣщаніи Юлія Цезаря? Но Юлій Цезарь не могъ оставить завѣщанія насчетъ престолонаслѣдія; такого завѣщанія не сдѣлалъ даже Тиверій. Понятіе о престолонаслѣдіи было чуждо римскому міру, закона не было никакого, и Тиверій былъ только фактическій наслѣдникъ. Тиверій, когда заступилъ Августа, былъ немолодымъ ему

было за пятьдесятъ лѣтъ; онъ былъ высоко образованъ, зналъ римской и греческой литературы, знаменитый полководецъ, составившій себѣ репутацію походами противъ племенъ алдунайскихъ, потомъ начальствовавшій войсками на Рейнѣ. Онъ былъ недоброжелателемъ; у него вообще не было друзей; онъ былъ человекъ умный, даровитый, но жестокий, подозрительный и крутого характера. Онъ понималъ, что въ сенатѣ для него нѣтъ опоры, что сенатъ, который терпѣлъ Цезаря ради его генія, Августа ради обстоятельствъ, смотрѣлъ на него какъ на человека, незаконно захватившаго власть. Въ то время, повторяю, не могли еще развиться понятія о престолонаследіи. Многие сенаторы сами почитали себя имѣющими полное на престолѣ право; многие ненавидѣли Тиверіа изъ личныхъ побужденій. Первые годы его правленія были счастливы для народа. По словамъ Тацита, онъ отказался отъ громкихъ титуловъ, которые поднесъ ему народъ и раболѣпный сенатъ; вычеркивая личныя имена, которыя писали къ нему въ бумагахъ, онъ говорилъ, что для рабовъ онъ господинъ, для войска императоръ, а въ сенатѣ подписывался только «принсера». Онъ заботился о народѣ, кормилъ его, но не баловалъ играми. Въ войскахъ начался беспорядокъ: войско понимало, что только имъ поддерживается власть императора. По провинціямъ вспыхнули мятежи въ легионахъ, требовавшихъ прибавки жалованья и сокращенія срока службы. Тиверій, строгій блюститель дисциплины, скрѣпя сердце, долженъ былъ сдѣлать уступки. Народъ римскій, праздный, развратный, не вышаль ни дѣвѣрїа, ни сочувствїа. Вниманіе Тиверїа было обращено на провинціи; для провинцій не было лучшаго правителя, и самъ Тацитъ признаетъ это, хотя многого не понималъ относительно провинцій. «Тиверій — говоритъ онъ — обвинялся, не заботился о правильной снѣжкѣ правителей провинцій.» Между тѣмъ это выходило изъ очень правильнаго размышленія, ибо каждая снѣжка вела за собой большіе неудобства. Относительно злоупотребленій онъ былъ безпоощадно строгъ; жалобы провинціаловъ всегда находили его готовымъ выслушивать ихъ; производилъ слѣдствїа строго и безпристрастно. Сверхъ того былъ чрезвычайно бережливъ; эта бережливость была въ пользу провинцій; расточительность вела впоследствии къ жестокости, къ насильственному присвоенію частной собственности, конфискаціямъ и казнямъ, что употребляется нынѣ только на востокѣ. Относительно Рима Тиверій велъ себя иначе. Первоначально онъ подвѣвалъ сенатъ, отнявъ у комицій право избранія сановниковъ. Можете судить о степени равнодушія въ римскихъ массахъ: эта мѣра не вызвала ни возстанїа, ни сильнаго ропота. Народъ послѣдному не ропталъ на отнятіе права, которое перестало доставлять

выгоды; онъ оставался равнодушнымъ вслѣдствіе своего разврата и упадка патріотическихъ чувствъ. Народъ какбы добровольно отказался отъ своего права: выборъ не приносилъ столько доходовъ, искатели должностей менѣ тратили денегъ. Само правительство снабжало хлѣбомъ народъ, давало игры. Народъ покорился волѣ императора. Тиверій, отнявъ у народнаго собранія право избирать сановниковъ, перенесъ это право сенату. Ослабивши съ этой стороны народъ, повидимому Тиверій усилилъ сословіе, наиболѣе для него опасное, именно сенатъ: отнынѣ въ сенатѣ избирались сановники; сенатъ же наполнялся представителями древнихъ римскихъ учреждений, древняго римскаго духа; здѣсь только сохранились предавія и сожалѣніе о прошедшемъ и надежды на возвратъ этаго прошедшаго. Но Тиверій очень хорошо понималъ значеніе своего дѣла: сенатъ былъ у него подъ рукою, онъ могъ дѣйствовать на него легче и удобнѣе, нежели на массы; ему были извѣстны имена подающихъ голоса, были извѣстны партіи; онъ обращался лично къ каждому сенатору съ просьбой, которая равнялась приказанію подать голосъ въ пользу его кандидатовъ. Сосредоточивъ большую часть законодательной и нѣкоторую часть исполнительной власти въ рукахъ сената, Тиверій тѣмъ болѣе подозрительно смотрѣлъ на это сословіе, опасался его. Съ этихъ поръ начинается борьба между сенатомъ и римскими императорами, кровавые слѣды которой находимъ въ римской исторіи.

Тиверій имѣлъ двойкій характеръ. Римскіе историки, и величайшій между ними Тацитъ, представляютъ его чудовищнымъ тираномъ; между тѣмъ у нихъ же вырываются признанія другого рода. Видно, что провинціи любили Тиверія; видно, что онъ радѣлъ объ ихъ благосостояніи; жестокость Тиверія была обращена преимущественно на Римъ, на сенатскія фамиліи, иногда и на людей нисшаго сословія въ Римѣ, возбуждавшихъ его подозрѣніе. Провинціи можно-сказать благоденствовали. Причины другихъ отношеній понять нетрудно. Вы видѣли какъ страшно тяготѣла республика надъ провинціями, какъ разнились интересы республики отъ интересовъ провинцій. Конечно, съ воспоминаніемъ о римской республикѣ соединялось много прекраснаго, великаго и славнаго; но это великое, прекрасное и славное не принадлежало провинціямъ. Отъ этого порядка вещей для нихъ оставался гнетъ постоянный и неслыханный въ исторіи. Въ Римѣ Тиверію приходилось бороться съ явными и тайными оппозиціями; явныя оппозиціи явно и нерѣшительно высказывались въ сенатскихъ засѣданіяхъ; тайныя злоумышленія были несравненно чаще. Нетолько между сенатскими потомками древнихъ аристократическихъ фамилій нахо-

димъ защитниковъ прежняго порядка вещей, но въ самомъ семействѣ Цезаря находимъ мы ихъ отголосокъ. Старшій братъ его Друзъ, умершій еще при Августѣ, не скрывалъ своего сочувствія къ республиканскимъ формамъ; республиканская партія смотрѣла на него какъ на возстановителя республики по смерти Августа. Еще съ большою любовью смотрѣли они на сына Друза, наследовавшаго отцовскую славу и убѣжденіе, на Германника. Юный полководецъ рано приобрѣлъ громкую славу въ Германіи, оттого и прозванъ Германикомъ; онъ жилъ душой прошедшимъ, онъ принадлежалъ къ числу благородныхъ, но терпящихся въ безполезныхъ усиліяхъ мечтателей, которые думали воскресить прошедшее. Тиверій преимущественно былъ администраторъ, государственный человекъ. Не изъ любви къ человечеству Тиверій покровительствовалъ провинціямъ, не изъ благородныхъ побужденій, но изъ любви къ порядку, которая свойственна справедливости строгой, холодной, отчасти изъ ненависти къ аристократіи, которой не давалъ онъ поживиться насчетъ провинціаловъ. Но душа ожесточалась постоянными подозрѣніями. Тиверій былъ отъ природы смѣлъ, но ежеминутная опасность сдѣлала его подлѣ старостью мнительнымъ и трусливымъ. Онъ покинулъ Римъ, боясь жить въ Римѣ; удалился на островъ Капрю и окружалъ себя всевозможными предосторожностями. Тамъ, окруженный грамматиками, риториками и астрологами, по словамъ Светонія, проводилъ онъ дряхлый старикъ, старческіе годы въ самомъ отвратительномъ развратѣ, о которомъ новыя времена конечно не имѣютъ понятія; но руки его не ослабли, мысль сохранила прежнюю энергію; отсюда правилъ онъ судьбами Рима, и его неясныя, двусмысленныя приказанія приводили въ смущеніе сенатъ. Тацитъ сохранилъ намъ нѣсколько этихъ посланій его. Въ нихъ видно и желаніе Тиверія быть непоняту, и видно угрызеніе совѣсти. Невходя въ подробности жизни Тиверія, укажу на главные факты. Германикъ, внушившій опасеніе Тиверію, умеръ на тридцать четвертомъ году въ Сиріи. Общественное мнѣніе подозрѣвало Тиверія въ отравленіи племянника; орудіемъ Тиверія былъ Пизонъ, правитель Сиріи. По общему убѣжденію въ Римѣ, Тиверій долженъ былъ удовлетворить требованію раздраженнаго народа: Пизонъ былъ преданъ суду. Изъ превосходнаго расказа Тацита очевидно, что у Пизона была какая-то тяжелая тайна на душѣ; быть-можетъ онъ не хотѣлъ выдать Тиверія, разоблачить данныя ему инструкціи; онъ не дождался приговора и предалъ себя смерти. Еще съ большей ненавистью возбуждилось общественное мнѣніе противъ жены Тиверія; но она вышла за защитницу въ своей матери Юліи, имѣвшей большое вліяніе при Августѣ и сохранившей его при сынѣ. У Тиверія оставался наслед-

никъ, сынъ Друза; но Друзъ внушилъ подозрѣнiе отцу. Отчасти виновникомъ дурныхъ отношенiй между Тиверiемъ и Друзомъ былъ преторiанцевъ Сениъ; онъ-то раздражалъ императора безпрестанными доносами. Друзъ умеръ отравленъ; въ этомъ преступленiи не былъ виноватъ Тиверiй, но виновата его супруга, которая находилась въ связи съ Сениомъ и которой Сениъ обѣщалъ жениться на ней по смерти Тиверiя. У Сениа были честолюбивые замыслы: чтобы занять мѣсто Цезаря, онъ съ нетерпѣнiемъ ожидалъ смерти Тиверiя, который ему неограниченно вѣрилъ. Ближайшими родственниками оставались сыновья Германника; двое изъ нихъ погибли; супруга его Агрипина подверглась той же участи; оставался меньшой сынъ, который сопровождалъ Тиверiя на островъ Капрю, впоследствии столь знаменитый Калигула, котораго судьба сохранила на горе римскому народу. Въ то время какъ Тиверiй жилъ на островѣ Капрю, исполнителемъ его приказанiй, главнымъ распорядителемъ въ Римѣ оставался Сениъ; власть его была огромная: онъ былъ начальникомъ преторiанской стражи. Нужно сказать о значенiи этого войска, которое имѣло впоследствии такое огромное влiянiе на судьбу римской имперiи. Вамъ извѣстно, что ставка римскаго военачальника называлась «praetorium», и преторiанцы составляли первоначально стражу полководца изъ избраннаго войска, почетную; необходимую для охраненiя особы полководца. Когда римская республика пала, когда Августъ началъ утверждать друиѣ формы правленiя, то онъ привѣнулъ къ самому Риму преторiанскую стражу, которая находилась при немъ въ качествѣ оберегательной его особы, какъ императора, т. е. начальника войска; но вооруженные войска не могли вступать въ Римъ; они жили въ городѣхъ, въ казармахъ; число ихъ сначала было незначительно, но потомъ при каждомъ императорѣ оно увеличивалось. Они рѣдко ходили на войну. Большею частью жили подлѣ Рима и служили лучшею порукою за безопасность императоровъ. Мѣсто начальника преторiанцевъ давалось людямъ, къ которымъ императоры имѣли полное довѣрiе. Такою-то властью былъ облеченъ Сениъ, оставшiйся главнымъ исполнителемъ воли Тиверiя. Но замыслы Сениа были открыты; онъ погибъ. Надобно прочесть виводъ у Тацита; здѣсь превосходно выраженъ характеръ тиверiева правленiя (Annales lib. V. cap. 4—9). Тиверiй перѣшительно дѣйствовалъ противъ Сениа: онъ былъ неувѣренъ въ успѣхѣ, онъ боялся Сениа; онъ видѣлъ, что далъ слишкомъ много власти; но уже было поздно; онъ обращается къ сенату съ двусмысленными грамотами, какбы пробуетъ сенатъ, не рѣшится ли онъ дѣйствовать противъ Сениа, хоть и зналъ, что его сенатъ ненавидѣлъ. Общее мнѣнiе было пре-

тивъ этого временщика. Участь его была ужасна; даже его малолѣтніе дѣти были преданы самой позорной смерти, особенно малолѣтняя дочь, предварительно обезчещеная палачемъ. Всѣ друзья его, которые выразили какое-либо участіе къ судьбѣ его, подверглись гоненію и большею частью казни. Немногіе друзья Селла спаслись. Замѣчательнъ отвѣтъ одного сенатора, котораго обвинили въ сношеніяхъ съ Селломъ: «Я былъ близокъ къ Селлу, потому что раздѣлялъ заблужденіе императора.» Тиверій пощадилъ его. Вскорѣ послѣ Селла погибла Агрипина, вдова Германика. Трудно найти судьбу болѣе трагическую. Время было ужасное. Для того чтобы безпренятственнѣе преслѣдовать личныя враговъ своихъ, Тиверій воскресилъ старинный законъ объ оскорбленіи народнаго величества (*lex de lraa majestate populi*), существовавшій во времена республики. Дѣйствительно этому закону подвергался всякій оскорбитель народа римскаго, однако онъ рѣдко прилагался, а въ послѣднее время республики совсѣмъ не примѣнялся. Тиверій воскресилъ его, но въ свою пользу: оскорбитель его личности былъ оскорбителемъ и римскаго народа, потому что онъ былъ представителемъ римскаго народа, верховнымъ сановникомъ. Этотъ законъ получилъ неопредѣленное значеніе: ему подвергались и нестоящіе заговорщики, и тѣ, которые позволяли себѣ неприличное выраженіе предъ изображеніемъ императора. Непристойное слово, сказанное предъ статуей императора, неприличное выраженіе, употребленное человѣкомъ, у котораго на рукѣ былъ перстень съ изображеніемъ императора, составляли уже достаточную причину для обвиненія. Достаточно было показаніе недовольнаго раба, чтобы подвергнуть знатнаго римлянина слѣдствію, которое кончалось казнью или конфискаціею. Но доносчики были не между одними рабами. Образовался цѣлый классъ людей — *delatores*; объ этомъ страшномъ классѣ римскаго общества римскіе писатели оставили много замѣчательныхъ, потрясающихъ подробностей. Эти *delatores* большею частью принадлежали къ высшей римской аристократіи; ихъ можно причислить къ тому же разряду людей, которые въ послѣднее время республики жаждали переворотовъ государства для своей личной пользы, къ числу которыхъ принадлежалъ Кавдина, какимъ его изображаютъ Салюстій и Цицеронъ. Большею частью эти *delatores* были люди даровитые, честолюбивые, но безнравственныя, разоренныя, пріобрѣтшіе ко всѣмъ средствамъ для поправленія своихъ обстоятельствъ. Многіе отличались ораторскимъ талантомъ, и такой талантъ былъ нуженъ: они говорили предъ сенаторомъ; возражать имъ было опасно; защитникъ человѣка, обвиненнаго въ нарушеніи закона *de majestate*, часто подвергался уча-

сти обвиненнаго, или оставался на замѣчаніи. Вмѣстѣ съ этими аристократическими обвинителями дѣйствовали заодно и жесви-дѣтели. Обвинителя принадлежали къ высшему классу общества, жесви-дѣтели выбирались изъ самыхъ низшихъ рядовъ его; ихъ поощряли общаеиенъ награды; за вслнннъ приговоромъ за оскорбленіе величества императора или народа слѣдовала конфискація имѣнія; часть этихъ имѣній поступала въ казну, другая отдѣлялась въ награду обвинителей и жесви-дѣтелей. Потому самое не-лѣзное обвиненіе находило готовыхъ свидѣтелей. Съ нашей точки зрѣнія несовсѣмъ понятно такое безнравственное явленіе. Оно объясняется многими обстоятельствами римской жизни, вопер-выхъ самымъ воспитаніемъ молодежи. Молодые римляне знатнаго сословія при императорахъ такъ же продолжали воспитываться, какъ ихъ отцы и дѣды; ихъ учили преимущественно краснорѣчію. Во время республики это искусство было необходимо; при императо-рахъ оно утратило свое практическое значеніе, но воспитаніе оста-валось одно и то же. Во времена республики юный гражданинъ, желая начать свое политическое поприще, выступалъ обвинителемъ какого-нибудь государственнаго сановника, вступившаго власть свою; въ этомъ не было ничего постыднаго: это обличало въ гражданинѣ любовь къ закону, ненависть къ неправдѣ. Теперь та-кое явленіе сдѣлалось почти невозможнымъ, такая дѣятельность пресѣклась; но обвинители и теиерь говорили во имя старыхъ пре-даний; многие изъ нихъ были люди съ великими ораторскими да-роваиіями. Тацитъ говорить объ нихъ съ глубокимъ, вполне за-служеннымъ негодованіемъ, но отдастъ справедливость имъ въ отношеніи ихъ дарованій, которыми къ несчастію многие изъ нихъ были одарены на гибель гражданъ. Такое же указаніе можно найти въ письмахъ Плинія-младшаго: тамъ въ нѣсколькихъ письмахъ есть подробное извѣстіе о Регулѣ-delatore, во II столѣтіи дѣйстви-вавшемъ при Домиціанѣ; онъ былъ человекъ чрезвычайно образо-ванный, литераторъ съ большимъ вкусомъ, но жолчный, самолю-бивый, оставшій какъ за самую страшную обиду, такъ и за невин-ную насмѣшку, завистливый, готовый обвинять всѣхъ и каждого. Замѣчательно то впечатлѣніе, которое Регулъ производилъ въ рим-скомъ обществѣ: при появленіи его говорить боялись, молчать также было опасно; молчаніе могло быть объяснено въ другую сто-рону. Этотъ-то порядокъ вещей завелъ Тиверій въ Римъ. По спра-ведливому выраженію римскаго историка, продолжались междоусо-бія въ сенатѣ, гибли лучшіе граждане за то, что ихъ считали вра-ждебными системѣ Тиверія, обвиняли въ нарушеніи народнаго ве-личества. Послѣдніе годы своего правленія Тиверій провелъ на

встрѣвъ Капретъ? Тацитъ и Светоній упоминаютъ, что Тиверій продолженіи одиннадцати лѣтъ не возвращался изъ Капретъ въ Римъ, что онъ будто нѣсколько разъ подѣзжалъ къ стѣнамъ города, но никогда не осмѣливался вѣзхать въ него. Сверхъ того на островѣ онъ велъ жизнь распутную и былъ обезображенъ позорною болѣзнію; поэтому самому онъ стыдился показаться римскому народу и боялся за жизнь свою. Послѣ Тиверія остались его записки, рѣзкіе и смѣльные комментаріи — памятникъ очень важный, но къ несчастію утраченный. Эти комментаріи изучалъ Кай Цезарь, который оставался при Тиверіѣ на островѣ Капретъ и котораго рано разгадалъ Тиверій. Однажды Тиверій заболѣлъ, ему сдѣлалось дурно и онъ оставался нѣсколько часовъ безъ движенія. Преемникъ Селла Мадронъ провозгласилъ императоромъ Кая Цезаря. Но Тиверій очнулся. Мадронъ понялъ, что ему грозила опасность, и задушилъ слабого старика подушками. Такимъ образомъ кончилось это правленіе, нанесшее самыя страшныя удары не только республиканскимъ учрежденіямъ, но и сенату. Но у Тиверія покрайней-мѣрѣ въ государственномъ правленіи лежитъ идея: онъ дѣйствовалъ въ пользу провинцій, ослабляя римскую аристократію, при которой невозможно было благоденствовать провинціямъ. Когда же Тиверій умеръ и мѣсто его заступилъ воспитанникъ его, сынъ благороднаго Германника, Калигула, тогда началась эпоха униженія, каждаго мало встрѣтишь въ исторіи человѣчества.

По смерти Тиверія мѣсто его заступилъ Кай Цезарь, презавѣщій еще въ дѣтствѣ своимъ воинами римскихъ легионовъ Калигулой; ему было 25 лѣтъ отъ роду, когда онъ наследовалъ Тиверію. Народъ римскій привѣтствовалъ его радостно; причины этой радости были слѣдующія: во-первыхъ ненависть, которую всѣ сословія римскаго народонаселенія питали къ Тиверію; вторая — память о Германикѣ, отцѣ Калигулы, молодомъ, блистательномъ полководцѣ, который оставилъ столько сожалѣнія въ себѣ въ Римѣ; наконецъ дѣла, обѣщанія Калигулы въ первые дни правленія. Все это соединилось не только къ обольщенію народа, но и сената. Тиверій съ его глубокимъ умомъ равно помялъ Калигулу; онъ предпочелъ въ немъ страшнаго бича римскому народу; предсказаніе его оправдалось. Первые дни были прекрасны: Калигула аваясь въ Римъ изъ Капретъ, гдѣ онъ находился до самой кончины Тиверія; онъ началъ тѣмъ, что отменилъ законъ о преступленіи противъ величества, возвратилъ всѣхъ изгнанцевъ, смеръ многиму мужествовъ, на основаніи которыхъ могли быть по его мнѣнію преданы суду многіе знатнѣйшіе граждане Рима, и праздновалъ вступленіе на престолъ великолѣпными играми; онъ первый ввелъ въ обычай

давать подарки преторіанцамъ и войску, такъ называемые *donativa*. Нѣтъ сомнѣнія, что Калигула въ эти счастливые дни своей жизни дѣйствовалъ чистосердечно; для притворства не было причины. Но въ самомъ началѣ его правленія нельзя было не замѣтить разстройства умственныхъ способностей, признаковъ помѣшательства, которое обнаружилось очень рано. Бюсты и изображенія его, дошедшіе до насъ, обличаютъ въ немъ болѣзненное тѣлосложеніе: онъ былъ высокъ ростомъ, худощавъ, поврежденъ только тѣло пухло; лицо постоянно блѣдное, глаза сверкающіе; этому лицу онъ придавалъ странное выраженіе постоянными гримасами. Онъ былъ не лишонъ дарованій, образованія: вообще всѣ знатные римляне были хорошо воспитаны; но онъ и между образованными могъ назваться весьма образованнымъ; у него былъ ораторскій талантъ, онъ любилъ говорить рѣчи, отличался восторженнымъ, нѣсколько напыщеннымъ, но страстнымъ краснорѣчіемъ, любилъ показываться передъ народомъ, любилъ искусство, и особенно драматическое, бралъ уроки декламации у знаменитаго въ то время актера; на играхъ, которыми онъ тѣшилъ римлянъ и на которыя Августъ и Тиверій были скупы, онъ не считалъ униженнымъ самому являться. Къ литературѣ его отношенія были другія: при Тиверіѣ начались строго преслѣдоваться сочиненія, въ которыхъ новый порядокъ подвергался осужденію; смѣлыя выходки нѣредко навлекали смерть на сочинителя. Калигула разрѣшилъ не только чтеніе, но даже продажу сочиненій, исполненныхъ республиканскаго духа, негодованія противъ новыхъ формъ. Но это отношеніе къ сенату и народу продолжалось недолго. Калигулѣ нетрудно было быть великодушнымъ и щедрымъ вначалѣ, вслѣдствіе огромныхъ сокровищъ, которыя были оставлены бережливымъ Тиверіемъ: онъ оставилъ 130 миліоновъ серебромъ — если принять въ соображеніе цѣнность нашихъ денегъ, то это выйдетъ 800 мил. сереб. Калигула щедро расточилъ этотъ запасъ, не заботясь о будущемъ; черезъ годъ сокровищъ не стало. Но расточительность обратилась въ правычку; а любовь народная основывалась на этой расточительности. Надобно было прибѣгнуть къ новымъ способамъ добывать деньги. Древній міръ относительно экономическихъ вопросовъ былъ крайне неопытенъ; источники государственныхъ доходовъ отнюдь не были такъ разнообразны, какъ теперь. Только крайней бережливостію Тиверій могъ скопить тотъ запасъ, который онъ завѣщалъ Калигулѣ. У Калигулы не было ни бережливости, ни умѣнья, но онъ нашолъ самый легкій способъ пополнять казну чрезъ конфискацію частной собственности. Законъ *de laesa majestate* не былъ возстановленъ, но Калигула дѣлалъ хуже: безъ предварительнаго суда,

безъ соблюденія нѣкоторыхъ формъ, которыми ограждалась личность подсудимаго, однимъ своимъ повелѣніемъ онъ обрекалъ на смерть гражданъ, ему ненавистныхъ и подозрительныхъ по своему богатству, и подвергалъ ихъ опалѣ; разумѣется эти жертвы принадлежали къ сенаторскимъ фамиліямъ. Поводовъ къ казнямъ было много. У Калигулы умерла сестра Друзиллина, къ которой онъ былъ очень близокъ; онъ предался отчаянной скорби, приказалъ причислить ее къ богамъ и такимъ образомъ задалъ римскому народу кровавую загадку. Тотъ кто надѣвалъ трауръ по ней, подвергался опасности: онъ слѣдовательно не признавалъ ее богиней, ибо по богинямъ траура не носили; кто не надѣвалъ траура, тотъ слѣдовательно не принималъ участія въ потерѣ императора. Многіе граждане заплатили жизнью за подобную выдумку Калигулы. Когда онъ былъ боленъ, одинъ римлянинъ, вѣроятно желая обратить на себя милостивое вниманіе императора, далъ обѣтъ, въ случаѣ выздоровленія Калигулы, принести себя въ жертву богамъ, и Калигула по выздоровленіи велѣлъ ему исполнить свой обѣтъ, а имѣніе его взять въ казну. Вступивши однажды на эту дорогу, Калигула не могъ остановиться. Самое обыкновенное объясненіе такого поведенія заключается въ томъ, что онъ былъ сумашедшій, притомъ злой и безиравственный, испорченный дурнымъ воспитаніемъ и примѣрами при дворѣ Тиверія и наконецъ тѣмъ положеніемъ, въ которомъ онъ находился. Быть-можетъ въ цѣлой исторіи древней и новой Европы мы не найдемъ примѣра такого шаткаго положенія, какъ положеніе первыхъ римскихъ императоровъ. Власть римскихъ императоровъ была чисто фактическая, права не было; каждый изъ императоровъ носилъ сознаніе, что смерть его будетъ принята съ восторгомъ, что большая часть римлянъ смотритъ на нихъ какъ на похитителей, и каждый считалъ себя вправѣ захватить эту власть. Надо было опираться на легіоны, подкупая ихъ деньгами. Тиверій умѣлъ держаться необыкновенной строгостью; онъ поддерживалъ дисциплину, для провинцій онъ былъ отличный правитель; но несмотря на то, онъ не избѣгъ насильственной смерти, и убійцы его не были казнены. Можно представить, какъ это подѣйствовало на Калигулу! Страхъ потерять власть, подозрительность, начатки помѣшательства, все это соединилось для того, чтобы представить психологическую загадку характера Калигулы. У него буквально, можно сказать, кружилась голова. Расточивъ награбленное въ Римѣ, онъ отправился обирать провинціи. Галлія, цвѣтущая, богатая область, была первымъ поприщемъ его дѣятельности. Калигула принялъ полусумашедшія мѣры. Такимъ образомъ онъ продавалъ съ аукціона вещи дома Цезарей; всякая мелочь ихъ дворца продавалась

весьма дорогою цѣною, на томъ основаніи, что она напоминала подданнымъ объ ихъ повелителяхъ; при продажѣ присутствовалъ самъ Калигула, самъ набавлялъ цѣну и заставлялъ подымать ее, самъ назначалъ покупателей, а отказываться несовѣмъ было опасно. Съ этимъ соединялъ онъ забавы, обличавшія его сумашествіе. Такъ въ Ліонѣ (Lugdunum) онъ назначилъ состязаться всѣмъ галльскимъ поэтамъ, писавшимъ полатыни; назначены были призы, награды за лучшія стихотворенія; плохихъ поэтовъ заставлялъ слизывать языкомъ все написанное и бросалъ въ Рону. Но ему сверхъ того хотѣлось поравняться и въ военной славѣ съ своими предшественниками. Онъ двинулся противъ Британіи, съ легіонами подошелъ къ берегу моря и раздумалъ; велѣлъ воинамъ набрать раковинъ и объявилъ себя побѣдителемъ океана, потому что несъ добычу, отнятую у него. Потомъ отправился противъ германцевъ; перешолъ черезъ Рейнъ и возвратился назадъ, не видавъ ни одного германца; онъ велѣлъ изъ легіоновъ отобрать всѣхъ русскихъ и рыжихъ воиновъ и съ триумфомъ вести ихъ въ Римъ, какъ плѣнныхъ германцевъ. Между Италіей и Сициліей онъ хотѣлъ построить мостъ. Безумные, дикіе замыслы его оскорбляли всѣхъ благородныхъ римлянъ, наводили страхъ на бессмысленныя массы. Кроми Светонія и Тацита у насъ есть весьма любопытный памятникъ — описаніе посольства александрійскаго еврея Филона, ходатайствовавшаго по дѣлу своихъ единовѣрцевъ; онъ былъ представителемъ Калигулы, видѣлъ императора, бесѣдовалъ съ нимъ и оставилъ любопытное описаніе. Съ каждымъ днемъ можно-сказать увеличивались раздражительность и сумашествіе; подконецъ Калигула требовалъ себѣ божескаго поклоненія. Не съ него начался обычай причислять къ богамъ императоровъ, но только не при жизни, а по смерти. Калигула поставилъ свою статую въ храмъ Юпитера капитолійскаго; многимъ статуямъ велѣлъ отбить головы и придѣлать свое изображеніе; но скоро почелъ унизительнымъ для себя стоять рядомъ съ Юпитеромъ и выстроилъ себѣ особый храмъ, гдѣ во нѣсколько часовъ стоялъ на пьедесталѣ и принималъ поклоненіе. Онъ продавалъ мѣста жрецамъ за большія деньги, и такимъ образомъ приобрѣлъ новый источникъ для поправленія денежныхъ средствъ. Онъ сталъ являться къ народу въ одеждѣ и атрибутахъ различныхъ божествъ, даже женскихъ: Юоны, Венеры и Діаны; рассказывалъ о своихъ сношеніяхъ съ прочими богами, о побѣдахъ надъ Юпитеромъ. Четыре года терпѣли римляне это унизительное владычество; наконецъ между самими преторіанцами, которыхъ онъ осыпалъ и деньгами и оскорбленіями, состоялся заговоръ, въ главѣ котораго стоялъ одинъ изъ старыхъ центуріоновъ Хересъ. За-

говорщикъ убилъ Калигулу на дворѣ. Тогда Римъ представилъ странное и печальное зрѣлище. Сенатъ собрался немедленно для совѣщанія о новомъ правительствѣ. Мнѣніе большинства было возстановить республику; полицейскіе солдаты (cohortes urbanae) были на сторонѣ сената; между преторіанцами, особенно офицерами, нѣсколько голосовъ раздѣляла такое же мнѣніе; но въ сенатѣ и кромѣ небольшого числа воиновъ, согласныхъ съ его мнѣніемъ, не было сочувствія къ республикѣ. Сенатъ провелъ цѣлую ночь въ совѣщаніяхъ и вдругъ узналъ, что новый императоръ уже провозглашенъ. Во время тревоги преторіанцы бросились грабить дворцы; въ одной изъ отдаленныхъ комнатъ одинъ преторіанецъ нашелъ спрятавшагося челоуѣка, вытащилъ его и узналъ въ немъ дядю Калигулы, Клавдія. Преторіанцы провозгласили его немедленно императоромъ и взяли съ собою въ лагерь; на другой день безсильный сенатъ преклонился предъ ихъ выборомъ. Изъ всѣхъ членовъ августовой фамиліи ни одинъ не обращалъ на себя такъ мало вниманія, какъ сынъ знаменитаго отца Друза, братъ Германика. Клавдій постоянно былъ предметомъ насмѣшекъ и презрѣнія въ собственномъ семействѣ; онъ былъ развѣянъ до крайности; когда онъ родился, мать получила къ нему отвращеніе, она не любила его; онъ былъ безобразенъ, отличался опрямствомъ, безпамятствомъ, просто казался глупостью, имѣлъ тяжелое пониманіе, говорилъ не то что хотѣлъ, языкъ какъ бы ему не повиновался, былъ совершенно недовонокъ. Августъ стыдился его, Тиверій презиралъ, Калигула пощадилъ, потому что онъ не внушалъ никакого опасенія. Забытый, загнанный Клавдій началъ заниматься наукой; онъ былъ не лишенъ нѣкотораго ума, но умъ скрывался подъ страшною, невыгодною наружностью. Наставникъ его былъ Титъ-Дидій; онъ совѣтовалъ ему употребить досугъ, котораго у Клавдія было много, на изученіе римскихъ древностей; по отзывамъ нѣкоторыхъ, даже людей враждебныхъ Клавдію, онъ былъ глубокій знатокъ древности, но мало было у него такта; онъ составилъ подробное описаніе междоусобной войны Цезаря и триумвировъ, и здѣсь откровенно рассказываетъ о преступленіяхъ своихъ родственниковъ дядькинаго дома. На государственныя дѣла не имѣлъ никакого вліянія и не имѣшивался въ нихъ. При Калигулѣ онъ назначенъ былъ консуломъ, но это былъ лишь пустой титулъ. Такимъ образомъ прошла жизнь Клавдія до провозглашенія императоромъ. Онъ былъ не готовъ для этого возвышенія, оно застало его врасплохъ. Но правилъ ли онъ? Можно было напередъ предвидѣть, что Клавдій будетъ править Римомъ не своимъ умомъ, а подъ вліяніемъ людей его окружавшихъ. За него правили его вольноотпущенники: Полл-

блѣ Палатинъ, Наринелъ, въ рукахъ которыхъ была и собственность, и жизнь гражданъ; они составили себѣ огромныя богатства. Это одна изъ характеристическихъ сторонъ римской жизни. Мы удивляемся положеніе образованныхъ рабовъ въ Римѣ, занимавшихъ при господствѣ такія должности, которыя занимаютъ теперь люди свободные; секретари, чтецы были изъ рабовъ и вольноотпущенниковъ. Надо замѣтить, что у римскихъ гражданъ было особое понятіе о чести. Тѣ самыя сенаторы, которые не стыдились рукоприкладствъ, самыя жестокия поступкамъ, сочли бы за униженіе для себя личную службу въ домѣ цезаря. Римскіе цезари жили одиноко въ своихъ дворцахъ; обыкновенно ихъ общество состояло изъ этихъ вольноотпущенниковъ и рабовъ, составлявшихъ дворъ императора. Но еще большую властью пользовалась супруга его Мессалина, известная по энергическимъ грязнымъ стихамъ Ювенала, и, потомъ, Агриппина. Между Мессалиной и вольноотпущенниками шла борьба: они не любили Мессалины, Мессалина ненавидѣла ихъ. Вы найдете превосходную характеристику того времени въ изслѣдованіи профессора Кудрявцева: «Римскія женщины по Тацитѣ». Несмотря на очень благія начинанія, Клавдій постоянно возбуждалъ ихъ въ народѣ своимъ поведеніемъ, а онъ любилъ являться передъ народомъ, любилъ искренно справедливость, самъ заставлялъ въ судахъ и отличался въ некоторомъ здравомысліемъ. Какъ антиварій, онъ старался возстановить обычай страны, которые потеряли всякое значеніе. Къ числу замѣчательныхъ памятниковъ царствованія Клавдія принадлежитъ вновь устроенная гавань при устьяхъ Тибра, потомъ устройство канала, посредствомъ котораго Клавдій хотѣлъ спустить Фуцинское озеро (lacus Fucinus) въ Средиземное море. Описаніе Тацита даетъ намъ вѣрное понятіе о работахъ надъ этимъ каналомъ и празднествахъ, совершонныхъ при окончаніи его. Десять тысячъ человекъ работали надъ этимъ каналомъ; для него нужно было прорѣзать въскольکو горъ. День спуска озера ознаменованъ былъ торжествами. Клавдій въ этотъ день хотѣлъ видѣть дѣйствительное сраженіе; для этого приготовлено было 10,000 преступниковъ-гладіаторовъ, которые должны были битися смертъю. Весьма немногіе изъ нихъ спаслись, и дѣтъ даровано было прощеніе. Озеро, впрочемъ осталось на прежнему мѣстѣ, потому что каналъ былъ неудачно вырытъ. Несмотря на то, что дѣтъ природы онъ не былъ жестокъ, въ Римѣ часто совершались казни въ волѣ жены и вольноотпущенниковъ. Клавдій ничего не зналъ, ничего не видѣлъ, онъ былъ весьма разсѣянъ. Ему случалось нѣмного кого-нибудь приговорить къ смерти, а завтра онъ велѣтъ пригласить его къ столу. Многое совершалъ онъ подъ вліаніемъ

ина. Общее вниманіе было обращено на Мессалину, вродившуюся своимъ прихотямъ. Множество гражданъ были лишены жизни за то только, что у нихъ сады были лучше мессалининныхъ. Мессалина обманывала Клавдія на каждомъ шагѣ; дошедши до крайней степени разврата, она наконецъ при жизни Клавдія торжественно признала свой бракъ съ молодымъ римляниномъ Силіемъ, который ей понравился, бракъ былъ совершенъ съ великолѣпными обрядами и торжествомъ въ виду всего народа. Вольноотпущенники донесли объ этомъ императору и тогда только она была обличена и казнена. Но Клавдій на другой же день забылъ объ этомъ и спрашивалъ: «гдѣ Мессалина? почему она неидетъ сюда?» Клавдій искалъ себѣ новой супруги, или лучше—сказать новой владычицы, и нашолъ эту супругу въ лицѣ Агриппины, дочери Германика. Агриппина была извѣстна въ Римѣ преступными отношеніями къ брату своему Калигулѣ; но на нее палъ выборъ Клавдія, потому что она была хороша собой и умна. Она принесла съ собою Клавдію родовое приданое — знаменитаго Нерона. У Клавдія собственно отъ Мессалины оставался сынъ Британикъ, но когда онъ вступилъ во второй бракъ съ Агриппиною, то она умѣла овладѣть умомъ старика и заставила его назначить преемникомъ не сына Британика, а своего собственнаго сына отъ перваго брака съ Кнесьемъ Домиціемъ Агенобарбомъ — Нерона. Агриппина была съ нимъ въ разводѣ, и такъ она извѣстна была своими порочными наклонностями, такъ и его репутація была не лучше, такъ что самъ Домицій Агенобарбъ говорилъ, что «отъ меня и отъ Агриппины можетъ произойти только чудовище». И въ самомъ дѣлѣ это чудовище родилось. Для скрѣпленія связей, Неронъ былъ обрученъ съ Октавіей, дочерью Клавдія. Есть причины думать, что Клавдій подъ конецъ жизни горько раскаивался въ устраненіи Британика отъ престола, опасаясь за участь сына, предавшаго такимъ образомъ распоряженію наслѣдника, и могъ измѣнить свое рѣшеніе. Между Агриппиною и отпущенниками шла также борьба, которая стоила жизни Мессалинѣ, но Агриппина была осторожна; она постаралась сбыть съ рукъ Клавдія. Мы приводимъ по этому случаю характеристическую черту этого времени. Въ это время въ Римѣ была женщина Локуста, извѣстная своимъ искусствомъ составлять яды; она имѣла цѣлый магазинъ ядовитыхъ травъ, вела ими торговлю и давала средства избавляться отъ нечестивыхъ людей; она, по выраженію Тацита, была въ числѣ средствъ правительства (*diu inter instrumenta regni habita. Annalium lib. XII, cap. 66.*) Эта Локуста снабдила и Агриппину ядомъ, отъ котораго умеръ Клавдій. Партія непріятелей Агриппины увеличивалась и смертью Клавдія она ускорила свое надеаніе. Цѣлая исторія по пред-

стемлетъ такого острашнаго, чудовищнаго разврата. Но, несмотря на эти темныя стороны древней жизни, видно хотя медленное развитіе новыхъ началъ. Такъ Клавдіемъ издано было постановленіе, которое ограничивало власть господина. Онъ не могъ казнить раба и бросить его безъ призрачія больнаго. Это было для того времени несмысленное нововведеніе; въ этомъ мы видимъ развитіе челоуѣчества, проникновеніе новыхъ началъ, которыя впоследствии были провозглашены христіанствомъ. Клавдій, я сказалъ, умеръ отравленный на четырнадцатомъ году своего правленія. Философъ Сенека написалъ по этому поводу сатирическое сочиненіе: «*Luscia de morte Claudii Scaegis*», забавный панегирикъ, въ которомъ Клавдій былъ выставленъ въ самомъ смѣшномъ видѣ; здѣсь осмѣивается и наружность его, и неловкость его. Замѣчательно то, что Сенека порицаетъ между прочимъ самую благородную намѣренія императора, его любовь къ провинціаламъ, его желаніе уравнивать ихъ въ правахъ съ римлянами. Сенека влагаетъ въ уста его слова, что равно или поздно всѣ жители римскаго міра будутъ равны, но притомъ прибавляетъ: «къ счастью, царки прервали дни его, чтобы осталось хотя нѣсколько иностранцевъ для породы». Такимъ образомъ благородныя намѣренія императора встрѣтили дориданіе только со стороны черни, но со стороны просвѣщеннаго и величайшаго философа, который въ теоріи говорилъ совершенно другое.

Подобно Калигулѣ Неронъ прекрасно началъ свое царствованіе. Ему было семнадцать лѣтъ, когда онъ заступилъ мѣсто Клавдія. Разумѣется, сначала правилъ не онъ: онъ руководствовался преимущественно совѣтами Бурра, который былъ префектомъ, былъ старымъ заслуженнымъ воиномъ, сохранившимъ древній римскій патриотизмъ, и Сенеки, одного изъ даровитѣйшихъ и умныхъ людей того времени, о которомъ неразъ придется говорить при изслѣдованіи этого періода. О характерѣ Сенеки, по крайней мѣрѣ въ первые годы его дѣятельности, нельзя отозваться съ особенною похвалою. При Клавдіи онъ жилъ въ изгнаніи и отмстилъ ему язвительной сатирой, не дѣлающей чести его сердцу, хотя въ ней виденъ талантъ и остроуміе. При Неронѣ онъ игралъ двойную роль: онъ даетъ Нерону добрыя совѣты, но отъ времени до времени увлекается личнымъ пристрастіемъ, эгоистическими побужденіями; въ цѣломъ вліяніе его было благотворно. Шесть лѣтъ прошли счастливо, только Агрипина своимъ честолюбіемъ, своими кознями возмущала иногда спокойствіе этой эпохи, но безъ особенно дурныхъ послѣдствій на государство. Никто не предвидѣлъ въ Неронѣ чудовища, какимъ онъ явился впоследствии. Юноша превосходно образованный, даже артистъ, онъ былъ хорошимъ музыкантомъ, былъ драматическій гѣт

лантъ, но именно въ этихъ притязаніяхъ на художества и обнаружилась дурная сторона его характера: зависть и ненависть къ людямъ, которые превосходили его своимъ талантомъ. Съ какою-то психологическою постепенностью раскрывается этотъ характеръ. Сначала онъ дѣйствуетъ жестоко въ кругу близкихъ людей: Британикъ, сводный его братъ, умеръ отравленный за обѣдомъ; съ матерью, которая употребляла всѣ недостойныя средства, чтобы держать его въ повиновеніи, онъ приходилъ въ враждебное столкновение. Бурра, который сдерживалъ его, умеръ. Когда не стало Бурра, онъ сталъ дѣйствовать свободнѣе; онъ пошелъ по слѣдамъ Калигулы; началъ гнать знатныхъ людей въ Римъ за ихъ образъ мыслей, за ихъ богатство; и богатство, и благородный образъ мыслей были равно преступны въ глазахъ Нерона. Низшіе классы мало страдали; онъ тѣшилъ ихъ великолѣпными играми, до которыхъ самъ былъ большой охотникъ; но въ мыслящихъ людяхъ, истинныхъ патриотахъ возбуждалъ ужасъ и презрѣніе. Отношеніе его къ матери кончилось матерубійствомъ. Отравленіе Британика поразило Агрипину, которая надѣялась въ немъ найти себѣ опору. Отравленная отъ ужаса въ дѣлахъ, оскорбленная Агрипина, предвидѣвшая свою участь въ Римѣ, удалилась въ южную Италію. Но вдали отъ Рима опасности для нея было еще болѣе: тамъ можно было скорѣе сойти ее съ рукъ. Въ числѣ ея враговъ былъ и Сенека. Прочтите у Тацита страшное описаніе ея смерти, о мѣрахъ, которыя были приняты съятомъ, дабы мать не избѣгла своей участи. Затрудненіе Нерона ограничилось только въ выборѣ средствъ: лѣтъ и шестъ казались неприличными къ этому необыкновенному злодѣянію, возмущающему нравственное чувство человека. Вольноотпущеникъ Аничета, бывшій прежде дядькою Нерона, взялся за это дѣло и принялъ новое средство умертвить мать Нерона. Онъ предложилъ построить такого рода корабль, который бы могъ разрушиться на водѣ; на этомъ кораблѣ пригласить къ себѣ ѣхать Агрипину, и такимъ образомъ утопить ее. Предложеніе Аничета было одобрено, корабль построенъ. Отъ Нерона немедленно было послано письмо къ Агрипинѣ, въ которомъ онъ дружески просилъ ее, чтобы она пришла на корабль въ Римъ и жила при дворѣ. Но роковой корабль, среди тихой звѣздной ночи плывшій по морю, не оказалъ надлежащаго дѣйствія. Корабль хотя разрушился на водѣ, но Агрипина спаслась. Догадавшись въ намѣреніяхъ Нерона, она тотчасъ извѣстила его; что покровительствомъ боговъ и императора она спаслась отъ кораблекрушенія. Неронъ оцѣпѣвъ отъ ужаса и тотчасъ послалъ отрядъ воиновъ убить ее. Ночью этотъ отрядъ явился къ дому; гдѣ находилась Агрипина, и умертвилъ ее. Извѣстіе объ этомъ пра-

зело ужасомъ Римъ. О состояніи умовъ можно судить по слѣдующему. Сенатъ не зналъ что дѣлать: молчать? но звалъ, что этикъ Неронъ оскорбится; привѣтствовать? — но какъ привѣтствовать челоуѣка, совершившаго самое ужасное изъ преступленій? Самъ Неронъ явился въ сенатъ и произнесъ рѣчь, въ которой оправдывалъ и даже вѣховалъ свое дѣло; эта рѣчь, къ стыду Сенеки, была написана Сенекой. Наконецъ сенатъ рѣшился благодарить Нерона за услугу, оказанную государству; только сенаторъ Petus Thrasea во время совѣщаній вышелъ молча изъ сенатскаго собранія, будучи замѣченъ Нерономъ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ стоиковъ, которые одни поддерживали челоуѣческое достоинство въ развратномъ Римѣ. Когда сенатъ льстилъ Нерону, Тразеа молча удалился, ибо говорить не было возможности. Эта вѣмая оппозиція возбудила гнѣвъ Нерона. Допосчки получили приказаніе обвинить Тразею въ уклоненіи отъ лежащихъ на немъ обязанностей сенатора: почему онъ постоянно молчалъ? Если зналъ лучшее, то отчего не говорилъ? А если не зналъ, то почему не одобрялъ предложенное цезаремъ и гласно не заявлялъ истину? Не только на самого Тразеа; но на его друзей и родственниковъ пало обвиненіе. Тразеа предвидѣлъ свою участь. Когда происходило сенатское совѣщаніе, въ Римѣ были предприняты предосторожности и сенатъ окруженъ стражею. Тразеа хотѣлъ идти въ сенатъ, но друзья ему отсовѣтовали. Тацитъ приводитъ причину. Они говорили: «если ты явишься, то никто не станетъ защищать тебя; напротивъ, станутъ оскорблять и бранить, и всѣ примутъ въ этомъ участіе, чтобы показать свою привязанность къ Нерону». Тразеа остался, и его домъ наполнился посетителями, приходившими изъ сената извѣщать его о ходѣ дѣла. Наконецъ приговоръ произнесенъ: Тразею велѣно умереть. Когда онъ былъ извѣщенъ объ этомъ, то обратился къ гостямъ, благодарилъ ихъ за участіе и просилъ удалиться, чтобы не навлечь на себя гнѣвъ цезаря. Вѣсѣдовалъ съ друзьями о безсмертій души, о цѣли бытія, благословилъ ихъ на предстоящій подвигъ, просилъ жену остаться въ живыхъ и заботиться о дочери, потомъ удалился въ комнату и предалъ себя смерти. Тацитъ вѣкрасно рассказываетъ также о смерти Сенеки, который ею искупилъ всѣ свои пороки.

Можно было бы думать, что такъ умирали одни стоики, но вотъ судьба эпикурейца. Въ числѣ друзей Нерона былъ иъкто Петроній; въ которое время служившій государству, хотя безъ охоты. Когда кончился срокъ его консульства, онъ возвратился въ Римъ и началъ вести жизнь эпикурейца. Тацитъ говоритъ, что его нельзя назвать расточителемъ или обжорою, ибо онъ былъ челоуѣкъ съ изысаннымъ вкусомъ и пользовался наслажденіями по законамъ моды

и вкуса. Неронъ подружился съ Петроніемъ и его вліяніе возбудило зависть другихъ любимцевъ, особенно Тигеллина, который оклеветалъ Петронія. Императоръ хотѣлъ ѣхать въ южную Италію, Петроній отправился за нимъ; но на дорогѣ, получивъ приказаніе остановиться, понялъ свою судьбу. Остановившись въ своей виллѣ, онъ принималъ друзей, обѣдалъ съ ними, купался, занимался дѣлами, награждалъ однихъ рабовъ, а другихъ наказалъ, приказалъ читать себѣ мелкія стихотворенія, вѣрно вродѣ дошедшихъ до насъ эротическихкихъ, любимыхъ римскимъ обществомъ; потомъ открылъ себѣ жилы, написавъ передъ смертію къ Нерону письмо, въ которомъ высказалъ все свое презрѣніе къ нему. Такимъ образомъ онъ умеръ спокойно, весело, продолжая наслаждаться до конца. Такъ же умеръ и другой эпикуреецъ Оттонъ. Въ жизни человѣка бываютъ такія минуты, когда онъ наскутитъ жизнью и умираетъ съ готовностью, насъ поражающею. Жизнь въ Римѣ не была здоровой: она была одержима болѣзнію, отсутствіемъ вѣрованій и убѣжденій, началъ, безъ которыхъ человѣкъ слабъ. У римлянъ не было ни Бога, ни отечества, и потому они мало дорожили жизнью. Образованія было много, но оно не шло въ пользу и только усиливало воспріимчивость. Образование полезно, если оно производитъ благопріятныя впечатлѣнія; но образованные римляне только живѣе чувствовали общественныя недуги и страданія и вначе понимали жизнь. Но страсти Нерона разыгрались. Смерть матери была началомъ новаго правленія Нерона. Въ немъ были замѣтны слѣды того помѣшательства, которое мы видѣли въ Калигулѣ. Укажемъ на нѣкоторыя характеристическія черты. Вамъ извѣстно гоненіе, поднятое на христіанъ, еще непонятыхъ, еще новыхъ въ римскомъ мірѣ. Въ то время когда исчезала древняя цивилизація и развивался стоицизмъ, въ мірѣ уже существовала болѣе сильная стихія, непонятая, отверженная, — стихія христіанская, находившаяся при бѣжище между бѣдлыми иностранцами, рабами и государственными сановниками. Тѣмъ не менѣе христіане, рѣзко отличавшіеся своимъ духомъ, были предметомъ глубочайшей ненависти. Тацитъ называетъ христіанскую религію ненавистною роду человѣческому, «*odium generis humani*». Въ первый разъ христіане обратили на себя большое вниманіе, когда Неронъ воздвигъ на нихъ гоненіе. Поводомъ къ гоненію былъ пожаръ въ Римѣ. Страшный пожаръ постигъ вѣчный городъ и истребилъ большую часть зданій; этотъ пожаръ лишилъ насъ многихъ драгоценныхъ памятниковъ древняго искусства, древней литературы. Римъ, вновь выстроенный, отличался широкими улицами, красивыми зданіями, въ особенности принадлежавшими частнымъ лицамъ, парками, звѣринцами; отъ прежняго Рима осталось мало,

и потеря со стороны искусства и литературы невознаграждена. Рассказываютъ, что во время пожара Неронъ читалъ стихи и игралъ на лирѣ: онъ славилъ пожаръ Иліона. По этому поводу возникла молва, будто бы самъ Неронъ зажогъ Римъ, чтобы имѣть понятіе о пожарѣ Иліона. Этой молвѣ не вѣрятъ даже Тацитъ; но она показываетъ общее мнѣніе о Неронѣ. Такъ какъ молва была пушена въ ходъ, то надобно было приписать кому-нибудь вину, и обвиненіе пало на христіанъ; на нихъ было воздвигнуто страшное гоненіе. Мѣры наказаній, какія постигли христіанъ, были достойны жестокаго характера императора. Неронъ далъ народу праздникъ. Ночью сады были освѣщены страшнымъ образомъ: христіане, прикованные къ столбамъ, были обвернуты горючими веществами и зажжены по приказанію Нерона. Такимъ образомъ горѣли они какъ живые факелы на могилахъ древняго міра. Это возбудило ненависть даже въ самихъ римлянахъ, привыкшихъ къ кровавымъ зрѣлищамъ. Жестокости Нерона вызвали нѣсколько заговоровъ. Между погибшими лицами былъ поэтъ Луканъ, юноша, погибшій безъ вины, за славу своей поэмы и идей, въ ней высказанныхъ, и Сенека не избѣгнулъ такой же участи. Онъ не могъ потворствовать всѣмъ порокамъ Нерона, навлекъ на себя его гнѣвъ и получилъ приказаніе выбрать себѣ родъ смерти. Онъ умеръ съ спокойствіемъ и мужествомъ достойнымъ стоицизма. Печаленъ этотъ примѣръ необычайно гениальнаго человѣка, который понималъ благороднымъ образомъ и жизнь, и достоинства человѣка, а между тѣмъ самъ не умѣлъ сохранить этого достоинства. Это лицо представляетъ сочетаніе слабого характера съ великимъ умомъ; разногласіе теоріи съ жизнью.

Мы не будемъ говорить подробно о жестокостяхъ Нерона. Главною заботой его были искусства; онъ являлся передъ народомъ пѣвцомъ, музыкантомъ, живописцемъ; онъ занимался всѣми родами искусства, участвовалъ во всѣхъ состязаніяхъ, и горе тому, кто превосходилъ цезаря въ искусствѣ. Недовольствуясь рукоплесканіями въ Римѣ, наводнивъ кровью Италію, Неронъ отправился въ Грецію, отчизну искусствъ, и получилъ такія же рукоплесканія, вынужденныя страхомъ. Это былъ страшный артистъ, которому не анлодировать было опасно. Среди этихъ безумныхъ занятій онъ получилъ извѣстіе о движеніи съ запада легионовъ. Первый толчекъ далъ Юлій Виндексъ (Julius Vindex); этотъ благородный галлъ, оскорбленный повеленіемъ императора, призвалъ соотечественниковъ сбросить иго Нерона. Въ то же самое время начинается движеніе легионовъ на Рейнѣ и въ Испаніи. Виндексъ погибъ; но движеніе испанскихъ легионовъ приняло опасный характеръ; въ главѣ стоялъ старый полководецъ Гальба, прославившійся долгой, честной

службой ; ему было за семьдесятъ лѣтъ ; будучи выбранъ легионами въ императоры , онъ пошелъ на Италию . Вѣсть о движеніи испанскихъ и германскихъ легионовъ распространилась и на востокъ ; всюду готовились мятежи . Въ Римѣ Неронъ былъ оставленъ вѣдьями , преторіанцами , непривыкшіе къ войнѣ , боявшіеся столкновенія съ опытными ветеранами легионовъ , представляли ненадежную опору . Впродолженіи двухъ дней срывался Неронъ ; на третій опять объявлялъ его врагомъ отечества и опредѣлялъ ему смерть , и Неронъ приказалъ своему отащенику убить себя . Послѣдніе слова его были : « qualis artifex peccavi ! » Такимъ образомъ онъ умеръ вѣрнымъ жрецомъ искусства .

ТРИ СЦЕНЫ ИЗЪ МЪЩАНСКОЙ ЖИЗНИ

дѣйствующія лица

МИХАЙЛО АЛЕКСѢИЧЪ ЦИПАЧЕВЪ, кузнецъ, остриженъ въ кружокъ, съ бородой. Веселъ и добродушенъ; хозяинъ въ домѣ.

МАТРЕНА СТЕПАНОВНА ЦИПАЧЕВА, его жена, лѣтъ подъ сорокъ; видная женщина; добра, но не изъ дѣвчонки.

АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВНА ИВАНОВА, дочь ихъ; терпѣливое и любящее существо. Замужемъ первый годъ.

ПЕТРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ИВАНОВЪ, тридцати-пяти лѣтъ, ея мужъ; человекъ характерный; служить въ какой-то палатѣ.

ДАРЬЯ СТЕПАНОВНА, старшая сестра Матрены Степановны.

АННУШКА, работница отъ постояльцевъ въ домѣ Иванова; грязная, замаранная баба, сплетница.

ГАВРИЛО (ГАНЬКА), шестнадцати лѣтъ, деревенскій паренъ, живетъ первый годъ въ мальчикахъ у Ципачева.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Небольшая комната въ домѣ Иванова; входная дверь посерединѣ задней стѣны, другая дверь по правой отъ зрителей стѣнѣ въ другую комнату; по правой же стѣнѣ сложенный ломберный столъ. По лѣвой стѣнѣ два окна; между ними въ простѣнкѣ столъ, на которомъ обѣдаютъ и пьютъ чай. По задней стѣнѣ, налѣво отъ входной двери, посудный шкафъ съ комодомъ.

ЯВЛЕНИЕ I

ЩИПАЧЕВЪ въ зеленомъ длиннополомъ сертугѣ, ЩИПАЧЕВА въ хорошемъ ситцевомъ платьѣ съ крупнымъ рисункомъ, ИВАНОВА по домашнему въ простенькомъ платьѣ. Пьютъ чай.

Иванова. А на будущій годъ Петръ Александрычъ хочетъ маку махроваго посѣять. Ему архирейскій садовникъ общалъ.

Щипачевъ. Ну, маку-то махроваго и я достану: скажу какому кучеру, такъ цѣлую шапку принесетъ.

Щипачева. Дождишься! Скажешь на тотъ годъ объ эту пору. Только и знаетъ что собирается, копа эдакой! Нѣтъ-чтобы въ самомъ дѣлѣ сказать!

Щипачевъ (*улыбаясь*). Да ты не бранись, шельма!

Щипачева (*улыбаясь*). Какъ тебя не бранить-то!

Иванова. Скажи-ко, тятинька, какъ ты это ко мнѣ-то надумалъ зайти? Въ кузницу не ходилъ?

Щипачевъ. Да вотъ мать-то твоя потащила сегодня въ городъ: пойдемъ, говорить, научу грибы да картофель покупать.

Щипачева. Слушай ты его! Вретъ все. Желѣзо покупалъ да счеы понесъ барамъ.

Щипачевъ. Ты-то вотъ лучше скажи-ко, чтó рѣдко къ намъ ходишь? Работы много чтоли, али мужъ не пускаетъ?

Иванова. Ой нѣтъ, тятинька, пускаетъ... Да самъ знаешь: утромъ обряды, въ три часа Петръ Александрычъ обѣдать приходитъ, смотришь — день-то и весь.

Щипачевъ. Утромъ-то и прибѣжала тогда; а то смотри-ко, мать-то дня не проживетъ, какъ не увидитъ тебя — умреть!

Щипачева. Экой замола-мученикъ! Мелеть!

Щипачевъ. Чего? Ничего не мелю — умрешь!

Иванова (*смысл*). Все ты, тятинька, ошвѣшься надъ маменькой.

Щипачева. Дѣлать-то нечего, такъ и то дѣло.

Щипачевъ. Ну а что, Саша, скоро намъ съ матерью-то внучка принесешь, а? Къ великому-то посту будетъ? Что молчишь, дурочка? Ты говори, не стыдись — въ этомъ стыда нѣтъ.

Щипачева. Тебѣ-то что?

Иванова (*краснѣетъ и улыбается*). Незнаю, тятинька... божья воля...

Щипачевъ. Смѣйся, смѣйся! Смотри наследника приноси, дѣвочку и опослѣ успѣешь, а первый чтобы наследникъ былъ.

Щипачева. Полнѣ ты, полно, долгоязыкій! Нечего про это говорить, — какъ богъ-дасть.

Щипачевъ. То-то, то-то, я тоже и говорю... Ты моимъ имемъ и окрести: пусть ужъ онъ и мой наследникъ будетъ.

Щипачева. Да перестань, я говорю... Грѣхъ загадывать; что богъ-дасть

Щипачевъ. Ну тебя!.. А погоди, Саша, время-то подойдетъ, мужъ-то начнетъ вокругъ тебя ходить: ты только смотри команду! Что ни захощь — все сбѣлаетъ, какъ скажешь!

Иванова (*смысл*). Ну, тятинька, гдѣ ужъ мнѣ командовать.

Щипачевъ. А что? Это ужъ не мудрено! Поучись.

ВЪВЕДЕНІЕ II

ТѢЖЕ и АННУШКА: рукава у платья засучены по локоть, грязный носковый передникъ однимъ угломъ заткнутъ за поясъ.

Аннушка. Александра Михайловна здравствуйте, Матрена Степановна, Михайло Алексѣичъ. Все ли вы въ добромъ здоровьѣ?

Щипачева. Здравствуй, Аннушка.

Щипачевъ. А, Анна-свѣтъ Яковлевна!

Иванова. Садись-ко, Аннушка, выпей чашечку чайку.

Аннушка. Ой покорно благодарю. Былое дѣло, Александра Михайловна.

Иванова. Садись, садись. *(Подаетъ чашку.)*

Аннушка. Давно я васъ не видала, Михайло Алексѣичъ.

Щипачевъ. Да и не вачѣмъ поди было.

Аннушка. Шутникъ! Какъ вы живете-то можете?

Щипачевъ. Живемъ да хлѣбъ жуемъ. Ты едѣть не перебиваешься?

Аннушка. Слава-богу... А я — что! Машеъ пока мышь головы не отъѣла.

Щипачевъ. А скоро отъѣсть? Вишь у тебя макожа-то свѣтится! *(Смѣется; Иванова тоже.)*

Щипачева *(улыбалась)*. Полно ты, зубанъ!

Аннушка *(кладя себя по задмылку)*. Это что плешь-то? Ничего! Вѣдь мнѣ, Михайло Алексѣичъ, пять десятковъ стукнуло; поминала таки на своемъ вѣку, будѣтъ съ меня!

Щипачевъ. Да ты не умирать ли обираешься?

Аннушка *(серьозно)*. Нѣтъ. *(Вся смѣются.)*

Щипачевъ. То-то. А то кто безъ тебя съ Бабина сапоги будѣтъ сымать? Онъ пожалуй съ горя въ одежѣ и спать-то будѣтъ.

Аннушка. Просмѣешься, Михайло Алексѣичъ! Заставить мужа кадачи ѣсть. Вотъ кабы я замужъ вышла, такъ и заставида бы мужа работать, не стала бы сапоги съ Бабина сымать!

Щипачевъ. То-то и оно, Аннушка, кабы не плешь, такъ в не годо!.. Ну, Александра, давай еще чашку, да я и въ походъ, пора. *(Закуриваетъ трубку съ коротенькими чубуками.)*

Иванова. Кушай, тятинька,

Щипачева. Налей-ко, да и мнѣ будѣтъ!

Иванова. Что ты, маменька! Тебѣ вѣдь идти некуда.

Щипачева. Сытешенька, вспотѣла нани вся. *(Снимаетъ съ шеи платокъ и растягиваетъ веревочку уювку у платья.)* А славный какой огородъ, Аннушка, у Петра-то Александрыча.

Аннушка. Да и хозяинъ-то хоропій: лѣтомъ-то цѣлый день въ огородѣ!

Щипачевъ. Гуляеть все?

Аннушка. Какое гуляеть! съ заступомъ да съ граблями все.

Щипачевъ *(улыбаясь и покрываясь)*. Такъ, такъ!.. Охъ вы бабы, бабы! Правду пословица говорится: у бабы волосъ долото да умъ коротокъ.

Аннушка *(въ недоумльнii)*. А что, Михайло Алексѣичъ?

Щипачева. Взялъ грабли да засучуть въ руки, да ходи по огороду — вотъ и кончили! А съ бани вонъ крыша валится.

Иванова. Петръ Александрычъ ужъ плотника подрядилъ...

Щипачевъ. Я не къ тому говорю, а про наши бабы разговоры: смотрите-то вы въ книгу, да видите фигу! Вонъ Матрена у меня на день десятокъ иголокъ сломаешь, да съ-эстолько потеряешь; другая дура подумаетъ: работы-то у бѣдной!.. А бѣдная цѣлый мѣсяцъ одѣяло шьетъ.

Иванова. Неужто не кончила, маменька?

Щипачева. Какое вѣдичить! Такъ начатое и лежитъ.

Щипачевъ. Пока мѣста не пролежить, либо я не выброшу за окошко.

Щипачева. Полно ладно-добро молоть-то!

Щипачевъ (*улыбается*). Нечего!.. Ну прощай, Александра Спасибо за угощенье. Приходи же къ намъ.

Иванова. За несѣиенье, татинька. Приму. (*Идутся.*)

Щипачевъ. Ты смотри, сударыня, скорѣе домой приходи; а то пожалуй ясы-то распустить. Прощай, Анна-свѣтъ Яковлевна. (*Уходитъ.*)

Щипачева. Ступай, ладно.

Аннушка. Прощайте, Михайло Алексѣвичъ.

ЯВЛЕНИЕ III

ЩИПАЧЕВА, ИВАНОВА и АННУШКА.

Щипачева. Ну, Саша, убирай самоваръ-то да принеси полотно-то изъ чулана; я тебѣ отрѣжу на рубахи. (*Иванова убираетъ самоваръ и чашки.*)

Аннушка (*кланяется*). Покорно благодарю.

Иванова. Не стоять благодарности. Да на что это, маменька! У меня вѣдь много.

Щипачева. Ладно-доброе... много!

Аннушка. Хи-хи... много! А что это полотна купила, Матрена Степановна?

Щипачева. Да.

Аннушка. А вотъ, Матрена Степановна, за-зиму-то я чулокъ дюжины двѣ навязала — купи-ко! Мнѣ хоть бы на платяицко при-

годилось. Хозяинъ у меня не подумаетъ: «дешегі плачу, знать ничего не хочу!» говорить. Ему все равно, хоть нагая ходи...

Щипачева. Да какіе у тебя? тонкіе? Тонкихъ у меня много. *(Иванова уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ IV

ЩИПАЧЕВА и АННУШКА.

Щипачева *(оживленно, тихо)*. Ну что, Аннушка, каково они живутъ-то?

Аннушка. Охъ, Матрена Степановна, что ужъ и говорить! худо, худо! Ой какъ худо!

Щипачева. Что ты?!

Аннушка. Да съ того хоть начать: чаю-то не даетъ. Бабеночка молодая... каково ей безъ чаю-то жить! Слыхано ли — одинъ разъ въ день чай, и то вечеромъ!

Щипачева *(озабоченно)*. Да, да.

Аннушка. Да это что! Бьетъ, матушка, бьетъ, бивня бьетъ...

Щипачева *(съ испугомъ)*. Ой! Неужто?

Аннушка. Каждый день. Да! Провѣдалъ какъ-то, что ты съ чаемъ по утрамъ ходишь, да бить... Билъ, билъ...

Щипачева *(съ сокрушеніемъ)*. Экой аспидъ! Оммънъ! Мнѣ бы и сказалъ; ее то за что бить!

Аннушка. Видимо что незачто.

Щипачева *(на глазахъ у ней навертываются слезы)*. Что и говорить, помается бѣдная Саша съ экимъ борогомъ, помается пока привыкнетъ.

Аннушка. Нѣтъ, Матрена Степановна, привыкають-то къ хорошей жизни, а не къ эдакой. А вгонить онъ ее въ могилу, вотъ что!

Щипачева. Что это тамъ на полу-то валяется? *(Уходитъ въ другую комнату, утирая глаза.)*

Аннушка. Плачь, плачь въ кулакъ-то! Мѣцанна, а наде чтобы дочь да чиновникомъ была! Вотъ вамъ и чиновникъ-зять!

Щипачева *(возвращаясь)*. Саша-то мнѣ ничего не говоритъ. Который ужъ разъ спрашивала: каково молъ живешь? Все — хорошо, да слава-богу.

Аннушка. Пожаостается-то нечѣмъ, матушка.

ЯВЛЕНИЕ V

ТѢЖЕ и ИВАНОВА (подастъ матери посылку).

Щипачева. Сколько тебѣ надо? Дай-ко аршинъ.

Иванова. Да мнѣ ничего не надо.

Щипачева. Дава-ай! (Иванова выходитъ)

Аннушка. Да, не угодилъ Богъ вамъ зятькомъ, Матрена Степановна (Иванова возвращается). Добро прощайте, Матрена Степановна. Прощайте, Александра Михайловна, за угощенье покорно благодарю. Бѣжать домой обрядаться. (Уходитъ.)

Щипачева. Прощай, Аннушка.

Иванова. Какое ужь угощенье!

ЯВЛЕНИЕ VI

ЩИПАЧЕВА и ИВАНОВА.

Щипачева (мрщась). Что ты мнѣ не поскажешь каково съ мужемъ-то живешь?

Иванова. Да что сказать-то? Хорошо слава-богу.

Щипачева. У тебя все хорошо. Да ты говори правду.

Иванова. Право хорошо, маменька.

Щипачева. Что онъ, больно дерется-то?

Иванова. Что ты, маменька! никогда не бывало.

Щипачева. Да что я дура мѣряю-то! И счетъ-отъ потеряла. Возьми все себѣ.

Иванова. Что ты, что ты, маменька, куда мнѣ!

Щипачева. Молчи ладно. Что онъ, ругается, что я по утрамъ-то хожу?

Иванова (потупившись). Да... онъ говорилъ... какъ-то...

Щипачева. Что?

Иванова. Зачѣмъ, говорить, она ходить... мѣшаетъ только...

Щипачева. Окаянный эдакой! Теперь-то мнѣ и походить, пока ты молода да дѣла-то не знаешь: я и поучу. Матери да дочь свою не провѣдать... Еретникъ право!

Иванова. Да отъ кого ты узнаешь все, маменька?

Щипачева. То-то вот! Ты думаешь мать не узнает... А и тебѣ нечего передъ матерью таиться. Матери все надо говорить: не чужая!

Иванова. Я и не таюсь.

Щипачева. Нечего, не таюсь! Все знаю. Мучитель эдакой! Точно у него креста-то нѣтъ на вороту! И чаю не даешь?

Иванова. Да и не надо, — я ужь отвыкать стала.

Щипачева. Молчи ужь. Скаредъ, право скаредъ! (*Молчаніе.*)

Иванова. Не пора ли тебѣ, маменька? Вѣдь Петръ Александрычъ пожалуй скоро придетъ.

Щипачева. Ты смотри же говори мнѣ, какъ будешь съ нимъ жить. Не чужая вѣдь — кому какъ не мнѣ и говорить-то... (*Иванова выходитъ въ другую комнату и приноситъ чай.*) Ничего отъ дѣвки-то не добьешься. Горе, горе право дочь-то замужъ отдать... истоскуешься вся по ней. (*Одъзвастся.*) Я тамъ тебѣ рыжечковъ въ кухню на тарелку отложила... Ну... я ужь не буду по утрамъ ходить, когда онъ не хочетъ... Что дѣлать! Живи, Богъ съ тобой. Я твоему счастью не помѣха. Ужо я съ мальчикомъ фунтъ чаю-то пошлю...

Иванова. Да зачѣмъ, маменька!..

Щипачева. Ну, прощай же. Дай я тебя перекрещу. (*Креститъ.*) Токо драться будетъ, такъ бѣги къ намъ: найдемъ и на его управу. (*Смотритъ на нее съ участіемъ.*) Приходи же къ намъ-то скорѣе, а то мнѣ покою не будетъ, какъ я тебя не увижу да не узнаю какова живешь... Ну прощай, родная. (*Цѣлуется, идетъ и останавливается у дверей.*) Смотри же, Саша, помучь ты меня, приходи скорѣй... все расскажи... слышишь? Ну прощай, Христось съ тобой. (*Уходитъ.*)

Иванова. Хорошо, маменька. Прощай.

ЯВЛЕНІЕ VII

ИВАНОВА, одна.

Иванова. Петръ Александрычъ поди скоро придетъ. (*Садится на скамеечку и плететъ кружева.*) Хорошо что ушла; застала бы, такъ бѣда... Кто это наговариваетъ маменькѣ? Я лажотся никому не говорю про свою жизнь, а она отъ кого-то все знаетъ! Пра-

до вѣрней на кого и недумать.. Да и что я стану ей рассказывать? Рассказать все какъ я живу?.. Нѣтъ, сохрани-богъ! Теперь она, какъ я-то не говорю, все же не все знаетъ; а какъ рассказывать ей все, такъ она тосковать да мучиться обо мнѣ еще больше станетъ.. Лучше не говорить: теперь вѣдь ужъ не подростки. Да она еще пожалуй кому-нибудь расскажетъ, дойдетъ до Петра Александровича, онъ разсердится.. Нѣтъ ужъ Богъ съ ней... Какъ Богъ приведетъ, такъ и буду жить, а ей ничего не стану говорить. (*Молчаніе.*) Зачто голько Петръ Александровичъ не любитъ маменьку?.. Какъ бы онъ опять не узналъ, что она сегодня-то была... (*Входитъ Аннушка.*)

ДВЛЕНІЕ VIII

ИВАНОВА и АННУШКА.

Аннушка. Маменька-то ужъ ушла, Александра Михайловна?

Иванова. Ушла. Садись-ко, посиди.

Аннушка. До сидѣнья ли! (*Садится.*) За дѣломъ вѣдь пришла.

Иванова. Дѣло-то и подождетъ, посиди. Гдѣ побывала сегодня?

Аннушка. Да гдѣ побывать? Одна дорога — въ мясные ряды. Барыня-то — лѣшій ее надавалъ! — сама въ городъ не можетъ ходить: ноги промочить!..

Иванова. Ну гдѣ же, Аннушка, Юльѣ Павловнѣ самой за говядиной ходить! Она вѣдь дворянка.

Аннушка. Была, матушка, дворянка, а теперь и вся приказничиха, такъ нечего бы куражиться-то. Спать до которой поры, прости-господи!.. Хозяйка! а что она дѣлаетъ? Палецъ объ палецъ не стукнетъ, цѣлый день манежится передъ зеркаломъ... Бога-то забыла, право! Съ жиру бѣсится. А заставить бы ее, дворянку, воду поносить да дровъ поколоть... да! Будь другой на моемъ мѣстѣ, сколько бы нажила: по копѣйкѣ каждый день, и то бы деньги! А я вотъ который годъ въ одноѣмъ шугайникѣ все хожу...

Иванова. Зачѣмъ же братъ, Аннушка? жалованье вѣдь они платятъ?

Аннушка. А мужъ — содралъ вчера съ какого-то мужичонка сегодня еще черти въ кулачки не бились — ужъ и нажрался. Книжка-то, вадается на кровати ввертъ воронкой... Дуракъ право у

нихъ председатель-то. Я бы на ивсть его сняла бы съ него панталовы-то, да и присадила бы тамъ на недѣлю!.. Жалованье платять! Не дарожъ вѣд беру — прешъ день-то деньской, какъ каторжная!.. Вотъ сегодня послала бы и барыню-то за говядиной, послушала бы хоть тамъ, какъ Котовъ ругается. И близко не подходи — такъ заворачиваетъ...

Иванова. Опять видно запилъ бѣдный?

Аннушка. Во всю ивановскую катаеть!.. (Молчаніе.) А что, Александра Михайловна, поди ужъ Петръ Александрычъ скоро придетъ?

Иванова. Скоро, я думаю.

Аннушка. Больно ужъ онъ неповадливъ у васъ; какъ вы и угождаете-то ему? Смотрить, такъ кажется съѣсть хотеть... Отдали васъ за какого.

Иванова. Что ты, Аннушка, въ умѣ ли? Петра Александрыча хаешь?

Аннушка. Полно, полно! Будто я не вижу! Не двухъ вѣд годковъ по третьему... Что это за пара! Который вамъ годъ-то? Давно ли еще семнадцать минуло? А ему когда-себѣ за тридцать перевалило... Хорошо что вы смиренница такая, другая бы давно сударика завела.

Иванова. Какіе ты пустяки говоришь, Аннушка, какъ тебѣ не стыдно. Петръ Александрычъ меня любитъ, я...

Аннушка. Любить, любить... а взѣбъется, такъ цѣлую недѣлю слова отъ него не добьешься!

Иванова. Такъ что-что иногда и разсердится? Сама виновата, хозяйничать еще не привыкла: то недосмотрю, другое не такъ сдѣлаю — какъ же не сердиться?

Аннушка. Цолно вамъ, Александра Михайловна! Старого воробья на мякинѣ не проведешь, матушка! Жена молодая, работницы не хотеть нанять; чаемъ одинъ разъ въ день поить, скавалдырникъ эдакой!

Иванова. Перестань, Аннушка. Нехорошо эдакъ женѣ про мужа говорить. Я на Петра Александрыча не могу пожаловаться. (Выходитъ въ другую комнату.)

Аннушка (одна). Смотря-ко ты!.. Фу-ты, ну-ты! Мразь эдакая... Туда же лѣзеть, и губы надула! Знаемъ!.. Прошу поворно — всякая гнида привередничаетъ!.. (Иванова возвращается.)

Да вы не разсердитесь на меня, Александра Михайловна: я вѣдь дура, къ слову болгнула...

Иванова. За что сердаться! Только я не люблю, когда здѣкъ про моего мужа говорятъ. (*Работаетъ.*)

Аннушка (*въ сторону*). Экая фря! задѣли больно! (*Громко.*) Къ слову, къ слову болгнула... Ну добро и прощайте... Ой да, зачѣмъ же я приходила-то? За дѣломъ вѣдь. Экая память-то дурацкая... Ой да! Не одолжите ли, Александра Михайловна, большой сковороды? Караваяецъ завтра печи надо... Бабинъ который годъ собирается купить, да такъ кажись и издохнетъ, не купить...

Иванова (*съ неприятностью отворачивается*). Сейчас принесу. (*Выходитъ.*)

ДѢЙСТВІЕ IX

АННУШКА одна, потомъ ИВАНОВА.

Аннушка. Скорая какая! Это выжить старается. Фря! Не смѣй про мужа говорить! Экая важность. Точно барыня — не люблю!.. Не больно испугалась! Что я работница-то? Да и ты не далеко ушла: отецъ-то кузнецъ, копыта у лошадей обскребаешь да подъ хвостомъ смотришь... Я вотъ Петру-то Александрычу скажу, что matka сегодня приходила, такъ онъ тебя отшлепаешь... Нечего сказать, не бобра убили, отдали дѣвку-то за него... Въ палату идетъ, такъ всѣ ящики, комоды перезапираетъ. (*Иванова возвращается и отдаетъ ей сковороду.*) Ой, покорно благодарю, Александра Михайловна! Сколько я вамъ безпокойства надѣлала...

Иванова. Что за безпокойство!

Аннушка. Какъ же не безпокойство? Ну, пора и домой. (*Встаетъ и останавливается.*) А что, больно сердился Петръ-отъ Александрычъ, какъ узналъ, что Матрена Степановна къ вамъ ходить?

Иванова (*сухо*). Зачто сердиться!

Аннушка. Нѣтъ, я такъ, къ слову... Ну и прощайте, Александра Михайловна, покорно благодарю на сковородкѣ. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ X

ИВАНОВА одна.

Иванова (*работает*). Экая судейша эта Аннушка! Разсердила меня только, право! И что ей за дѣло мѣшаться въ чужія дѣла? Такъ вѣрно языкъ хочется почесать; привыкла ужъ значить переговаривать-то. (*Молчаніе.*) Не надо ли мнѣ еще чего сдѣлать? Не забыла ли я чего?.. Печку скутала, посуду вымыла, прибрала... кажется все. Особаго Петръ Александрычъ ничего не приказывалъ. (*Задумывается опустивши руки.*) Вотъ и скучно одной-то стало. Все одна да одна... Спѣть хоть пѣсенку. (*Поетъ:*)

Стоветъ свѣтъ голубчикъ,
Стоветъ онъ и день и ночь:
Миленькой его дружочикъ
Отлетѣлъ далеко прочь.

Дай-то Богъ, чтобы Петръ Александрычъ веселый сегодня пришелъ!

Онъ ужъ больше не воркуеть
И пшенички не клюеть —
Все тоскуеть, все горюеть...

Ой, да вотъ и онъ! (*Суетливо закрываетъ подушку и заглядываетъ на дворъ.*) Невидно каковъ-то... (*Выдвигаетъ столъ и раскрываетъ его.*)

ЯВЛЕНИЕ XI

ИВАНОВА и ИВАНОВЪ.

Ивановъ. Здравствуй, Саша. Собирай-ко на столъ: я, братъ, въ палатѣ-то проголодался! (*Стираетъ фракъ, влѣзаетъ его и надвигаетъ халатъ.*)

Иванова (*крестится, тихонько*). Не сердитый, слава-богу. (*Громко.*) Сейчасъ, сейчасъ, Петръ Александрычъ (*Накрываетъ на столъ скатерть и ставитъ два прибора.*)

Ивановъ. Что ты со скуки ужъ пѣсни запѣла?

Иванова (*улыбаясь*). Нѣтъ, я такъ.

Ивановъ (*садится къ столу*). Ну что дѣлала? Былъ кто-нибудь у тебя?

Иванова. Аннушка вжодма. (*Ръжестъ з.лбъ.*)

Ивановъ. Ну что она?

Иванова. Жалуется все на Юлью Павловну:

Ивановъ. Экая тварь! Ей ли у Бабина не житье! Ахъ да, вотъ что, Саша: принеси-ко огурчиковъ изъ погреба, мнѣ что-то захотѣлось. Да не устала ли ты? Я и самъ пожалуй схожу.

Иванова. Нѣтъ, нѣтъ, не устала; сейчасъ принесу. (*Беретъ тарелку и уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ XII

ИВАНОВЪ, потомъ **АННУШКА**. **ИВАНОВЪ** сидитъ у стола и переплеваетъ изогнутую вилку.

Аннушка (*входитъ*). Петръ Александрычъ, съ добрымъ утромъ. Александра-то Михайловна дома?

Ивановъ. Въ погребъ ушла.

Аннушка. Я забѣжала спросить: не осталось ли у нея въ самоварѣ воды?

Ивановъ (*нахмурившись*). Ты вѣдь знаешь, что мы по утрамъ чаю не пьемъ.

Аннушка. Знаю, да сегодня у васъ Матрена Степановна и съ Михайломъ Алексѣичемъ были, чай пили. Развѣ вы не знали? Я думала, что Александра Михайловна вамъ сказала... Кажется со своимъ и чаемъ-то приходила...

Ивановъ (*отрывисто*). Нѣтъ воды.

Аннушка. Такъ прощайте. (*Скрывается.*)

ЯВЛЕНИЕ XIII

ИВАНОВЪ и **ИВАНОВА**. **ИВАНОВЪ** постукиваетъ вилкой по тарелкѣ, **ИВАНОВА** ставитъ передъ нимъ огурцы.

Иванова (*испуганно въ сторону*). Ужъ не разсердился ли за что? Господи!

Ивановъ (*встаетъ, подходитъ къ самовару, дотрагивается*).

да мого, пощомъ идеть къ оцадъ.) Ты шидя бееъ меня чай? (Иванова боится посмотреть на него, молчить.) Чтоже, пила? Говори!

Иванова (съ глазами полными слезъ.) Пила, Петръ Александрычъ.

Ивановъ. Кто у тебя былъ? Мать опять?

Иванова (глотая слезы.) Да.

Ивановъ. Да еще съ этимъ кузнецомъ? (Рядко.) Въ который же разъ говоритъ мнѣ чтобы нога тещина не была здѣсь? Чтѣ ты, нищая чтоли? Что ты, жалобами да кляузами ихними хочешь вывести меня изъ терпѣнія, чтобы я прогналъ тебя? (Ударяетъ кулакомъ въ подбородокъ, Иванова поднимаетъ голову.) Да смотри на меня, вѣдь я тебѣ говорю. (Иванова плачетъ.) Г-мъ... (Подноситъ ей кулакъ къ лицу.) Нюня!.. расплакалась... (Замахивается.) Такъ бы... (Отходитъ къ столу, беретъ ломоть хлѣба и кладетъ его на тарелку съ огурцами.) Пошла работай! Ты, я думаю, обѣдать не хочешь — напичкалась пряниками да кренделями... А вотъ если не сыта, такъ огурцы на закуску. Собери со стола да накрой въ кухню, я на тебя и смотрѣть-то не могу! (Иванова собираетъ со стола и уноситъ въ кухню.) Экая плакса! А все это мать. Попалась бы она мнѣ подъ эдакую руку. (Иванова возвращается и хочетъ отнести огурцы.)

Ивановъ (строго). Куда? (Смотритъ на нее.) Ышь!

Иванова (тихо). Я не хочу, Петръ Александрычъ.

Ивановъ. Ну? разговоривать?.. Садись и ѣшь! (Садитъ ее за плеча насильно; Иванова начинаетъ ѣсть.) Ну вотъ эдакъ-то закуси, да матушку за-хлѣбъ за-соль поблагодари! Недаромъ ты распѣлась давеча. (Выходитъ и возвращается съ деревянкой тарелкой съ рыжиками.) Это что? Гостинчики отъ матушки? (Вибрасываетъ рыжики за окно.) Если это будетъ во второй разъ, такъ я съ вами раздѣлаюсь... Слышишь? (Смотритъ на нее и бьетъ тарелкой по головь.) Вѣдь и спрятать-то не умѣеть! (Уходитъ.)

ДВЕНІЕ XIV

Иванова (кончивъ обѣдь, подходитъ къ подушкѣ, утирается рукавомъ, плачетъ; крестясь смотритъ на образъ, шопотожъ). Господи! Матерь божія, прости меня грѣшную! Царица Александра, помоги за меня грѣшную! Успокой его Господи! Дай-господи, что-

бы отъ не вернулся! (Хочетъ работать, но не можетъ; закрываетъ лицо руками, опускаетъ голову на подушку и рыдаетъ.)

Говоритъ Иванова. Что, ты не перестанешь рюмить-то? или унять придти?

СЦЕНА ВТОРАЯ

Комната въ домѣ Щипачева. Двѣ двери: направо въ углу по задней стѣнѣ входная дверь, по лѣвой стѣнѣ въ углу дверь въ другія комнаты; по той же стѣнѣ складной столъ накрытъ скатертью, на немъ графинъ водки съ закуской; направо два окна, подъ ними кожаная софа; въ передней стѣнѣ зеркало. По задней стѣнѣ кровать, закрытая пологомъ, около нея часы въ старинномъ футлярѣ; подушки у стульевъ покрыты пестрой матеріей.

ЯВЛЕНІЕ I

ЩИПАЧЕВЪ въ ситцевой рубахѣ, плисовыхъ шароварахъ и калошахъ, на головѣ шапка; въ разговорѣ онъ передвигаетъ ее съ одной стороны на другую, одной рукой придерживаетъ трубку въ зубахъ, другой подперся въ бокъ. ЩИПАЧЕВА въ шерстяномъ платьѣ съ желтымъ рисункомъ по голубому полю; на головѣ черная косынка. ИВАНОВА въ шерстяномъ праздничномъ платьѣ, гладко причесана. Послѣднія двѣ шьютъ.

ЩИПАЧЕВЪ. Эм!.. радуйся и веселися на всякъ день и часъ. Загуляла Катька съ Митькой!.. (Толкаетъ жену и смѣется.) Матреша, сегодня шьянъ... Эй! Матрена!.. что лѣзь-отъ сморщила, шельма? (Толкаетъ ее.) Эй, курносая...

ЩИПАЧЕВА. Поди ты, отстань отъ меня; глаза-то налилъ!

ЩИПАЧЕВЪ (смотритъ на нее и смѣется). Что ты, шельма, бутусишься, а? (Сдерживаетъ косынку.) Вишь какая черноголовая!

ЩИПАЧЕВА (надвигая косынку). Отстань ты отъ меня, бѣсъ, прощай, господи!

ЩИПАЧЕВЪ. Ну-ну, тише... пошла прочь. (Машетъ рукой.) Не ворчи...

Щипачева. Самъ-то типсе, распялилъ горло-то! Петръ Александрычъ спитъ.

Щипачевъ. А! графъ спитъ? Надо разбудить. *(Направляется къ кровати.)* Вмѣстѣ выпьемъ.

Иванова. Ой, тятинька, не буди его, пусть попросится.

Щипачевъ *(останавливаясь и смотря на дочь)*. Не будить?.. Ладно, Саша! Не будить, такъ не будить... *(Машнетъ рукой.)* Не будить, такъ не надо!.. не надо. Пусть спитъ, Христось съ нимъ! онъ вѣдь у насъ графъ. *(Подходитъ къ матери.)* Матрешенька, а пьянъ, голубушка... Что дѣлать! согрѣшила грѣшная, дала оканному... Радуйся и веселися на всякъ день и часъ... Матрена, что ты молчишь? Что молчишь, шельма? Александра, смотри-ю на мать-то: вишь сидитъ... надулась, какъ мышь на крупу... *(Смѣется.)*

Щипачева. Хоть бы стѣнъ-то постыдилса, коли насъ не стыдно, пьяница эдакой!

Щипачевъ. Ну... не бранись, сударыня! Саша! Сашенька... ты не сердись на меня: у меня сегодня праздникъ.

Иванова. Ничего, тятинька.

Щипачева. Говори ужь, что ничѣго!

Щипачевъ. Ты полно, Матрена, не ругайся... некоротко. Сегодня добрые люди не ругаются...

Щипачева. Добрые-то люди съ утра раннѣго и не машаются.

Щипачевъ. Перестань, дура!.. ворчунья.. Хошь, я тебѣ въ ножку поклонюсь? *(Опускается руками и коленками на полъ; трубка въ зубахъ.)*

Иванова *(слѣстел и останавливается ея)*. Что ты, что ты, тятинька!

Щипачева *(жмнетъ ея пальцемъ въ лобъ, слѣстел)*. Полно лдно-добро дурачиться-то, ляоникъ!

(Щипачевъ поднимается и оправляется.)

Иванова *(слѣстел)*. Какой ты право, тятинька!

Щипачева *(исподлобья, съ улыбкой)*. Прокурать право! Тамъ четса цѣлый день. Вонъ Петръ Александрычъ — умница, спитъ.

Щипачевъ. А! графъ еще спитъ? Пойду будить. *(Идетъ.)* Графъ, вставай.

Иванова. Не буди, тятинька, рано.

Щипачева. Позно ты, шальной, дай ему поспать-тв! Тебѣ вѣдь это только не спится.

Щипачевъ (*посмотря*). Не спится... Пусть спить. Онъ вѣдь у насъ графъ... Цускай почиваетъ, я и одинъ выпью. (*Идетъ къ столу.*)

Щипачева. Напрасно мы для компаніи не выпили. Да будетъ тебѣ, оставь хоть.

Щипачевъ. Зачѣмъ оставить? Не надо оставлять... Еще купишь.

Щипачева. Купимъ! Было бы на что купить-то!

Щипачевъ. На деньги, вотъ на что, балабайка! Я сборъ получилъ... Вонъ возьми въ сундукъ. (*Показываетъ подъ кровать.*)

Щипачева. Жить вѣдь надо чѣмъ.

Щипачевъ. Надо и жить, и... будемъ жить! А, Саша? Будемъ жить!.. Эй, графъ, я выпью!

Щипачева. Закрой ладно пасть-то, лопаи одинъ!

Щипачевъ. Не кричи, не важность... одинъ! (*Наливаетъ и пьетъ.*) Кто бы намъ поднесъ, мы бы выпили-и-и!..

Щипачева (*смысленно*). Возьмешь и самъ.

Щипачевъ (*подходитъ къ ней съ рюжкой и кланяется*). Матрена Степановна! Красное мое солнышко, незакатаемой пестерь!..

Щипачева. Ну-ну, пей, пей! (*Увидя, что вино льется.*) Чтой-то, мои матушки! Да ты вали, вали мнѣ на одбяло-то, такъ я тебѣ... (*Грозитъ кулакомъ; Щипачевъ отодвигается отъ нея, пьетъ, ставитъ рюжку на столъ и уходитъ.*)

ДВѢДЕНІЕ II

ЩИПАЧЕВА, ИВАНОВА и ИВАНОВЪ на кровати за пологомъ.

Щипачева. Этъ вѣдь наливался право!

Иванова. Да что дѣлать-то, маменька?

Щипачева. Бить некому, а надо бы. Прибавить послѣ-то, такъ когда проспится!

Иванова. Да вѣдь ужъ это всегда на другой день праздника...

Ивановъ (*кричитъ*). Теща!

Щипачева. На-ко какъ! Что тебѣ?

Ивановъ (кричитъ). Теща!!

Щипачева. Да что тебѣ?

Ивановъ. Скоро ли обѣдать?

Иванова (смѣется, Щипачева тоже). Что ты, Петръ Александрычъ! еще только одиннадцатой часъ. (Молчаніе.)

Ивановъ (кричитъ). Теща!

Щипачева. Что ты кричишь-то? вѣдь мы не глухіе. Что?

Ивановъ. Теща! Вино есть?

Щипачева (смѣется). Вишь чего захотѣлъ! Все вышло. (Молчаніе.)

ДѢЙСТВІЕ III

ТѢЖЕ и ЩИПАЧЕВЪ

Щипачевъ (поетъ:)

Здравствуй милая, хорошая моя,

Чернобровая, похожа на меня!

Вотъ лё-лёли, лёли, лёли,

Чернобровая, похожа на меня.

Ужъ какъ цekoмy голубушку мою

Безъ меня ли приголубить, приласкать.

Вотъ лё-лёли, лёли, лёли,

Безъ меня ли приголубить, приласкать.

Безъ тебя, мой другъ, постеля холода.

Одѣялечко заиндевьло! (Подписываетъ разстелъ руки.)

Вотъ лё-лёли, лёли, лёли,

Одѣялечко заиндевьло.

Одѣялечко заиндевьло,

Зголовнице потонуло во снѣгахъ.

Вотъ лё-лёли, лёли, лёли,

Зголовнице потонуло во снѣгахъ.

Эхъ!.. Загуляла Катька съ Митькой!

Щипачева (во время пльня). Ну-ну, смотри ты веселье какое!

Ивановъ (съ азартомъ). Тестъ! не кричи, скотина!

Щипачевъ. Ау, графъ! Проснулся баринъ.

Ивановъ (кричитъ). Тестъ!

Щипачевъ. Асѣ-тко?

Ивановъ. Подай табатерку.

Щипачевъ. Слушаю-су. Саша, дай-ко табатерку. *(Иванова подаетъ, онъ беретъ. Ивановъ отдергиваетъ пологъ)*. На! нюхни, графъ. *(Ивановъ нюхаетъ и отдаетъ табатерку; онъ кладетъ въ карманъ.)* Что? зарядилъ? Ну теиерь вставай, баринъ, пора.

Ивановъ *(упирается ногами въ кровать, кровать скрипитъ)*.
Поди ты!

Щипачевъ. Ты не ломай кровать-то. *(Тащитъ за платье.)*

Ивановъ *(отворачивается къ стѣлѣ)*. Поди ты!.. христаряди...

Щипачевъ *(держитъ его)*. Эй, баринъ! безструнная балалайка! что-отворачиваешься? Ваше благородіе безъ четверти! вставай, выпьемъ по рюмочкѣ.

Ивановъ *(поворачивается и садится на кровати)*. Выпьемъ, выпьемъ.

(Онъ одѣтъ въ тещину цвѣтную кацавейку, подпоясанъ большимъ женскимъ платкомъ, отъ котораго висятъ концы; панталоны одна за голенищемъ, другая поверхъ; нечесавый, лицо заспанное.)

Щипачевъ. Вишь выпять, балажайка, такъ и готовъ!

Ивановъ *(встаетъ)*. Выпьемъ, выьемъ. *(Стоитъ и смотритъ на себя.)*

Щипачевъ *(держитъ его и смѣется)*. Александра, Александра! смотри-ко какой хорошій...

Щипачева и Иванова *(смѣются)*. Ну васъ тутъ!

Ивановъ *(защищается локтями)*. Ну тебя къ чорту... Не смотри, Саша... Пойдемъ выпьемъ.

Иванова. Будетъ, Петръ Александрычъ.

Ивановъ. Не будетъ, Саша. *(Идетъ къ столу, вытянувъ руку.)*

Щипачева. Да ты-то хоть полно!

Щипачевъ. Ладно молчи! Выпьемъ, графъ.

Ивановъ *(наливаетъ и кричитъ)*. Цѣй, тещъ! *(Всѣ смѣются.)*

Щипачевъ. Да ты тише команду-то, балажайка! *(Беретъ рюмку и останавливаетъ Иванова.)* Чокнемся.

Ивановъ *(отворачивается и смѣется)*. Ну тебя!.. поди ты... Чокнемся. *(Чокаются.)*

Щипачевъ *(останавливаетъ его)*. погоди, баринъ, говори за мной: матушка фляга...

Ивановъ. Фляга...

Щипачевъ. Я по тебѣ лягу.

Ивановъ (*тянетъ руку*). Поди ты! не лягу... дай выпить.

Щипачевъ. Слушай: ты меня не оставь, я тебя не покину!

Ивановъ. Пошолъ прочь, дай выпить. (*Пьетъ и закусываетъ.*)

Щипачевъ (*ставитъ рюмку на столъ и приготавливаетъ закуску*). Эхъ, братъ, учиться не умѣешь, а венстраторъ еще!.. Радуйся и веселися на всякъ день и часъ! Матушка фляга, я по тебѣ лягу, ты меня не оставь, я тебя не покину. (*Пьетъ.*) Какой ты благородный? Ты не благородный, ты — ваше благородіе, бя!

Ивановъ (*махнетъ на него рукой*). Поди ты, ну тебя!.. Дай-но табакъ.

Щипачева (*подаетъ*). Что часто? На-су.

(*Ивановъ нюхаетъ съ шумомъ и вытирается съ усиліемъ рукавомъ.*)

Щипачева. Ой матушки, кацавейку-то мою всю заволочить въ табакъ! (*Смѣется.*)

Иванова (*тоже*). Я вымою, маменька.

Щипачева. Шучу вѣдь я.

Ивановъ (*отворачивается въ другую сторону, протыкиваетъ руку и кричитъ*). Тестъ! возьми табакъ! (*Всѣ смѣются.*)

Щипачевъ. Давай, зять. (*Кладетъ въ карманъ.*) Не выпить ли еще?

Ивановъ. Выпьемъ.

Щипачева. Будетъ добро, погодить надо.

Щипачевъ. Слышишь: погодить, говорятъ, надо.

Ивановъ. Погодить, говорятъ, надо.

Щипачевъ. Пойдемъ-ко, походимъ лучше.

Ивановъ. Походимъ. (*Идутъ.*)

Щипачева. Пора бы вамъ и честь знать.

Ивановъ (*кричитъ*). Пора, теща!

Щипачевъ. Полно ты шумѣть, баринъ.

Ивановъ. Я не шумлю, тестъ. (*Жоны смѣются.*)

Щипачевъ. Графъ! Настоящій ты у меня баринъ; полѣщикъ!.. Погоди, я тебѣ усадьбу куплю. (*Смѣется.*) Поестой-но, постой! гдѣ ты платокъ-то укралъ? (*Тащитъ его за платокъ; жоны смѣются.*)

Щипачева. Эхъ вѣдь они!..

Ивановъ (смѣясь). Поди ты! не воровалъ... (Сердито) Пошо-оги! (Бьетъ по рукамъ.)

Щипачевъ. Ты не дерись, благородный!.. (Помолчавъ.) Зять, а зять! Подемъ въ огородъ мой собицу смотреть.

Ивановъ. Подемъ. (Уходитъ съ дщерью малъво.)

ЯВЛЕНИЕ IV

ЩИПАЧЕВА и ИВАНОВА.

Щипачева. Давно бы такъ, хотъ провѣтрятъ. (Складываетъ одъяло.) Выпить и мнѣ рюмочку передъ обѣдомъ-то?

Иванова. Не опьянѣй, маменька.

Щипачева. Небось! (Смѣется.) Не впервой вѣдь. (Кладетъ одъяло на кровать и поправляетъ пологъ.)

Иванова. А вонъ и тетенька Дарья идетъ.

ЯВЛЕНИЕ V

ЩИПАЧЕВА, ИВАНОВА и ДАРЬЯ СТЕПАНОВНА, въ цвѣтномъ платьѣ съ мелкимъ рисункомъ, входятъ изъ двери направо.

Дарья Степановна. Здорово, сестра. Здравствуй, Саша. За угощенье покорше благодарю. (Цѣлуются.)

Иванова. Здравствуй, тетенька.

Щипачева. Ну какое ужъ угощенье, сестра!

Дарья Степановна. Гдѣ у васъ мужевья-то? Просыпаются чтоли послѣ вчерашняго?

Иванова. Какое просыпаются! Гулять въ огородъ пошли.

Щипачева. Какъ бы тамъ въ бороуду не упали?

Дарья Степановна. А что, развѣ ужъ есть въ головѣ-то?

Щипачева. Налопались ужъ!

Дарья Степановна. Ну, ничего! Не въ частомъ бываньѣ; вчера гостей подчивали, а сегодня сами себя. И мой опохмѣливаться ужъ ходилъ.

Иванова (смѣясь). Ой, тетенька! насмѣшилъ вчера дядинька-то: переналъ у тятиньки, ходитъ да поетъ: «кто бы намъ поднести, мы бы выпили-и-и!..»

Дарья Степановна. Меня добро не было: я бы хорошему! ватрещину поднесла.

Щипачева. Надаешься имъ затрещинъ, сестра!

Дарья Степановна. Не поспорилъ ли онъ вчера съ кѣмъ?

Иванова. Съ тятинькой немного было начами, да тутъ же и помирились.

Дарья Степановна. Это ужь всегда! Ну, Сашенька, каково ты живешь—то? Привыкла къ мужу—то?

Иванова. Ничего, тетинька, хорошо; привыкла.

Дарья Степановна. Ничего, Петръ—отъ Александрычъ смиренъ?

Иванова. Ничего, тетинька, хорошо живемъ: и не бранится никогда, и къ маменькѣ пускаетъ.

Щипачева. Чего, matka: слышишь, вчера съ самага утра отпустилъ, у насъ и обѣдала.

Иванова. Завтра, — третьеводнись говорить — Саша, у отца праздникъ: ступай къ обѣднѣ сходи, да тамъ и отобѣдаешь, и я изъ налаты туда же приду, говорить.

Щипачева. И чаемъ, matka, поить.

Дарья Степановна. Ладно, хорошо, когда такъ. Живи, живи, Сашенька, привыкай. Да что мы сидимъ—то? Ты и не догадаешься виномъ—то поподчивать, сестра.

Щипачева. И вправду, что я? Сама только хотѣла выпить! (Наливаетъ.)

Дарья Степановна. Сама тамъ какъ хошь, а мнѣ давай. (Смѣется.) Выпей-ко съ нами, Сашенька: обѣдать лучше будешь.

Иванова. Ой нѣтъ, тетенька, не хочу я.

Щипачева. Выпей, глупенькая, за компанію весело будетъ.

Дарья Степановна. Не стыдись, мы никому не скажемъ. Ну!

Иванова. Подите вы! я его и въ ротъ—то не могу вадать!!!

Дарья Степановна. Не хошь, какъ хошь. Съ праздникомъ, сестра! (Пьютъ и закусываютъ.)

ЯВЛЕНИЕ VI

ТЪЖЕ и ШИПАЧЕВЪ.

А
 Шипачевъ. Александра! а Александра! поинци-ко табатерку: графъ пожелать хочетъ.

Иванова. Сейчасъ, тятинька. *(Ицетъ.)*

Дарья Степановна. Здорово, братъ. Что вы, сегодняшняго святого съ праздникомъ поздравляете?

Шипачевъ. Сестрица Дарья! *(Кланяется и принимаетъ грустный видъ.)* Охъ, сестра! обидѣлъ меня вчера твой мужъ, вотъ какъ обидѣлъ!.. такъ обидѣлъ... *(Машетъ рукой.)* Богъ ему судья!.. *(Всѣ слыются.)*

Дарья Степановна. Чѣмъ онъ росквилилъ тебя, мое дитятко?

Шипачевъ *(чуть не плача)*. Ты не смѣйся, сестра... въ мое сердце... вотъ какъ!

Дарья Степановна. Да чѣмъ, чѣмъ, мой голубчикъ?

Шипачева. Слушай ты его враля, вишь кобенится спяна-то!

Шипачевъ *(строго)*. Ты молчи, Матрена, не съ тобой говорить; пошла, ищи табатерку.

Иванова. И въ самомъ дѣлѣ, что я не могу ее найти?

Шипачева. Не проспятъся, растеряютъ все, а мы ищи! *(Ицетъ на кровати.)*

Шипачевъ. Сестра!

Дарья Степановна. Да.

Шипачевъ. Больно онъ меня обидѣлъ. *(Съ расталомой.)* Смѣлъ онъ, свинья...

Шипачева. Постыдись ладно ругаться-то!

Шипачевъ. Не твое дѣло. Смѣлъ онъ, свинья, сказать, что я ничего не дѣлаю, только барствую да хозяйничую. Ему какое дѣло? Что ему за дѣло до меня?.. Я вѣдь къ нему христамъ рѣди не приходилъ просить. Какое ему дѣло?.. Онъ бы, дуракъ, посмотрѣлъ сперва на себя!.. Ну, я вѣдь не въ его! У меня, сестра, добрая душа. Богъ ему судья!.. а я не сержусь на его, потому — не стойтъ!.. наплевать!

Дарья Степановна. Наплюй, наплюй, братецъ.

Шипачева. Проплюешься ладно. Да куды вы дѣли табатерку-то, что ее и найти-то нельзя?

Щипачевъ. Ищи, ищи, Матрена! грабъ дожидается.

Щипачева. Не заморзнетъ, не холодно.

Иванова. Да посмотри-ко, тятинька, нѣтъ ли ее у тебя въ карманъ? Ты ровно даве въ карманъ положилъ.

Щипачевъ (*шаритъ съ карманъ*). Въ карманъ? Нѣтъ... А! вотъ она, бабалайка! найвогъ!

Ивановъ (*съ дверляхъ*). Тестъ! давай, скорѣ, табачка!

Щипачевъ. Поспѣешь ладно! (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ VII

ТѢЖЕ безъ ЩИПАЧЕВА.

Дарья Степановна. Ну зтотъ сердитой какой сегодня!

Щипачева. Пьютъ-пьютъ, да и память-то всю пропьютъ.

Дарья Степановна. Ну, невелика важность, что поискала. А вятюшка все вдакъ воуетъ? Кислаго молока еще не просилъ?

Иванова. Нѣтъ еще.

Дарья Степановна. Къ опослѣму бережотъ значить.

ЯВЛЕНИЕ VIII

ТѢЖЕ и АННУШКА, одѣта довольно прилично: въ ситцевомъ платкѣ и шугаѣ (*).

Аннушка (*цѣлуется съ Щипачевой и кланяется Матреной и Дарьей Степановной; послѣдняя сухо откланивается*). Съ прошедшимъ праздникомъ поздравляю, Матрена Степановна, Александр Михайловна.

Иванова. Здравствуй, Аннушка.

Щипачева. Ладно. Разбодакайся-ко. Къ разу пришла. Какими тебя вѣтрами завѣло?

Аннушка. Вчера еще обиралась забѣгать, да некогда все было, Матрена Степановна, и сегодня-то насиму урвалась.

Щипачева. Пойдемъ-ко, съ дорожки-то рюмочку выпей. (*Шаливость.*)

(* Женское пальто, кацавейка тожъ.

Аннушка. Да напрасно, Матрена Степановна.

Щипачева. Ну какое напрасно! Не осуди ужь, остаточки. (Модаеть.)

Аннушка. А себѣ-то чтоже? Налейте-ко да помажите дорожку.

Щипачева. Пей, пей; я ужь пила.

Аннушка. Съ прошедшимъ праздникомъ поздравляю. (Кладется и пьетъ.)

Щипачева. Кушай на здоровье. А закусить-то?

Аннушка (махнувъ рукой). Никогда не закусываю.

Дарья Степановна. Что, Сашенька, постояльцы-то все живутъ у васъ?

Иванова. Все, тетинька; ни одной квартиры пустой нѣтъ.

Аннушка. У васъ развѣ ужь кого сами хозяева погонятъ, такъ тотъ съѣдетъ: лучше квартиру во всемъ городѣ нѣтъ, да и хозяева-то — и Александра Михайловна, и Петръ Александрычъ — на рѣдкость хозяева!

Дарья Степановна. Значить хороши, коли въ глаза хвалишь.

Аннушка. Отчего же, матушка, правду въ глаза не сказать?

Дарья Степановна. А что, сестра, къ обѣду больше никого не ждешь?

Щипачева. Никого; да мужа-то твоего нѣтъ.

Дарья Степановна. Ну, онъ подойдетъ. Пойдемъ-но, Саша, на столъ собирать.

Иванова. Пойдемте, тетенька. (Уходитъ.)

ЯВЛЕНИЕ IX

ЩИПАЧЕВА и АННУШКА.

Щипачева. Ну что у васъ дома-то дѣлается? хорошо ли все безъ хозяевъ-то?

Аннушка. А чтоже? Ничего, все хорошо.

Щипачева. Ну что, хорошо ли мои-то живутъ? Пересталъ онъ драться-то съ тѣхъ поръ какъ я не хожу?

Аннушка. Пересталъ, пересталъ! какже, пересталъ, матушка.

Щипачева. Слава-богу, слава-богу! Ужъ я рада-радешенька! Пусть, Христосъ съ ними, живутъ. Дай-богъ имъ совѣтъ да любовь.

Аннушка. Да, да.

Щипачева (*таинственно*). Ну а что, Аннушка, на сторонѣ-то какъ онъ живеть? не слышно? Нѣтъ ли у него какой сударушки?

Аннушка. Не знаю, неслыхать... А что Зайчиха-то родила, Матрена Степановна?

Щипачева (*зрѣлко*). Вчера.

Аннушка. А въ крестные-то не Петра ли Александрыча зовуть?

Щипачева. Его, его. И младенца-то Петромъ хотѣтъ окрестить.

Аннушка. Да, да. (*Тихо*). А знаешь ли, Матрена Степановна, что на сторонѣ-то, люди-то объ этомъ говорятъ?

Щипачева. Нѣтъ. А что?

Аннушка (*таинственно, съ значеніемъ*). А говорятъ, матушка, что онъ своего пойдетъ крестить.

Щипачева. Что ты!

Аннушка (*подтвердительно*). Да, матушка.

Щипачева (*недовѣряя*). Подно, Аннушка, ужь не вранье ли это? Она вѣдь ему кума.

Аннушка. Ничего, матушка, что кума. Миѣ что? Какъ хошь, хошь вѣрь, хошь не вѣрь, я для тебя же говорю, Матрена Степановна. А всѣ говорятъ, что отъ его. Это ужь неспроста; даромъ не скажутъ, а всѣ говорятъ.

Щипачева. Неужто всѣ?

Аннушка. Всѣ, матушка, всѣ; такъ и кричатъ: отъ его, говорятъ, отъ его... Да больше и не отъ кого, какъ отъ его.

Щипачева. Ой батюшки, вотъ горе-то! Что теперь дѣлать-то?.. Экой каторжный! Зачѣмъ только эдакіе люди женятся! Чужой вѣкъ только заѣдають!.. Сдѣлать-то не надо фѣдной сказывать.

Аннушка (*поучительно*). Не надо, матушка, не надо.

Щипачева. Эдакой мошенникъ! (*Качаетъ головой*). Вотъ!.. а?.. Что теперь дѣлать-то? Безбожникъ эдакой! Смотри-ка ты!.. изъ молодой жены!.. Не сказать ли ужь это мужу?

Аннушка (*встрепенувшись*). Нѣтъ, нѣтъ, что ты, Матрена Степановна! Не говори, матушка, пожауста не говори. Я вѣдь это тебѣ такъ сказала... А узнаетъ Петръ Александрычъ, да онъ меня со свѣта сживетъ.

(Въ сосѣдней комнатѣ слышны шумъ, говоръ и смѣхъ).

ЯВЛЕНИЕ X

ЩИПАЧЕВА, АННУШКА, ЩИПАЧЕВЪ, ИВАНОВЪ, ДАРЬЯ СТЕПАНОВНА и ИВАНОВА.

Щипачевъ (*тащитъ за руку Дарью Степановну*). Пойдемъ, пойдемъ, балайка, выпьемъ! (*Отънаавливаетъ Иванова, который выскочилъ впереди.*) Постой, графъ, не торопись.

Ивановъ. Пошолъ ты!.. давай рюмку.

Щипачева уходитъ.

Дарья Степановна. Отпусти ты, братъ: будетъ съ васъ и двоихъ, я ужъ пила.

Аннушка. Михайло Алексѣвичъ здравствуйте, съ прошедшимъ праздникомъ поздравляю!

Щипачевъ (*оборачивается къ ней*). А, Анна Яковлевна! Здорово ночевала съ Бабина сапоги сымала?

Аннушка. Экой шутникъ, право!

Дарья Степановна. Развѣ она съ его сапоги сымаетъ?

Щипачевъ. А кто же больше?

Аннушка. Шутникъ, право шутникъ, чего не выдумаетъ!

Ивановъ (*положивши стучить по столу*): Пу, наливай!

Щипачевъ. Ладно, поспѣшь; не на водъ — не унесетъ! (*Наливаетъ. Ивановъ пьетъ скоро первую рюмку и уходитъ*). Ау, графъ! кончилъ?

Аннушка. Петръ Александрычъ здравствуйте.

Ивановъ (*отмахивается*). Пошолъ ты!.. (*Садится посреди-ль комнаты*).

Щипачевъ (*наливаетъ*). Ну, сестра, чокнемся! (*Чокается и кланяется*.) Дай-богъ тебѣ здоровья... дожить до собачьей старости! (*Смѣется*.)

Дарья Степановна (*тоже*). И тебѣ также. (*Пьетъ и закусы-ваетъ*.)

Ивановъ (*кричитъ*). Теща!

Щипачевъ. Запѣлъ, баринъ?

Голосъ Щипачевой. Что надо?

Ивановъ. Простакиша есть?

Дарья Степановна. Вспомнилъ небось! (*Уходитъ*.)

Голосъ Щипачевой. Есть.

Щипачевъ подходитъ и толкаетъ Иванова.

Ивановъ (*отодвигаясь, сердито*). Пошолъ ты!.. (*Наклонивъ голову, грозитъ кулакомъ.*) Я тебя!.. (*Кричить.*) Теща!

Голосъ Щипачевой. Что еще?

Ивановъ. Дай мнѣ огурецъ.

Щипачевъ (*смыется*). Дай, алилуйя съ масломъ. (*Иванова приноситъ огурецъ, Ивановъ начинаетъ лѣсть и сосать, Щипачевъ мѣшаетъ ему.*)

Аннушка. Безобразничаютъ хуже деревенскихъ мужиковъ!

Ивановъ (*старается попасть огурцомъ въ ротъ*). Пошолъ!.. не мѣшай лѣсть!

Щипачевъ (*смотритъ на него и смыется*). Экъ сосѣтъ!

Ивановъ (*бросивъ остатки*). Что ты смотришь на меня, лѣщій на попа?

Щипачевъ. Экое ты сокровище у меня! (*Кланяется и склоняетъ шапку.*) Графъ! ваше благородіе! (*Бьетъ его шапкой.*) Дуракъ, мое дитятко!

Ивановъ (*защищаясь*). Я тебѣ... (*Кричить*). Тестъ!

Щипачевъ. Не кричи, зять!

Ивановъ (*тихо*). Я не кричу, тестъ. Дай табаку.

Щипачевъ (*Беретъ со стола табакерку*). Поцѣлуй, такъ дамъ!

Ивановъ (*оскорбленный*). Что ты!.. пошолъ!..

Щипачевъ. Ну, такъ дамъ.

Ивановъ (*кричитъ*). Тестъ, давай табаку.

Щипачевъ. Не дамъ... поцѣлуй!

Ивановъ (*проситъ*). Да-ай!

Щипачевъ. Поцѣлуй!

Ивановъ (*сначала сердито отворачивается, потомъ вытягиваетъ губы*). На!

Щипачевъ. Да ты встань. (*Ивановъ встаетъ; кланяются.*)

Дарья Степановна (*входитъ*). Обѣдать. (*Хохочетъ.*) Саша, Саша! иди скоряе, посмотри!

Иванова (*смыется*). Что выдумали!..

Голосъ Щипачевой. Идите же, идите обѣдать. Щипачевъ простынуть.

Дарья Степановна. Ой, чтобы васъ тутъ! (*Уходитъ.*)

Иванова. Петръ Александрычъ, татинька, объѣдать идите. Аннушка (показывая на водку), кушай да иди. (*Уходитъ.*)

Аннушка. Покорно благодарю.

Щипачевъ (*Подходитъ къ водкѣ.*) Кто бы намъ поднести, мы бы выпили-и-и! (*Пьетъ и уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ II

ИВАНОВЪ, АННУШКА, ЩИПАЧЕВА и ЩИПАЧЕВЪ.

Ивановъ идетъ къ водкѣ.

Аннушка (*скоро подошла къ нему*). Что Петръ Александрычъ, скоро на крестинѣ?

Ивановъ. Скоро.

Аннушка. Крестиника-то Петромъ звать стануть?

Ивановъ. Стануть. (*Налмась.*)

Аннушка. Крестите, крестите!.. Что это Матрена-то Степановна какая вздорная женщина: говорить, что вы своего крестить-то идете, что и чужой-то все вѣтъ забывает! Экая сплетница!.. а еще мать не-бѣзъ-чего!

Голосъ Щипачевой. Петръ Александрычъ, Аннушка! идите же, Матвѣй Митричъ пришолъ.

Аннушка. Иду, иду. (*Наскоро выпиваетъ рюмку и уходитъ.*)

Ивановъ (*пьетъ*). Ну тебя!.. Дамъ я ей! (*Грозитъ кулакомъ.*) Дура!.. Пойду я къ другой... отъ Саши!.. Гмъ! дамъ я ей!.. (*Кричитъ.*) Теща! дай проставиши.

Щипачева (*вбѣгая*). Что ты! Да иди со всѣми объѣдать; и Матвѣй Дмитричъ пришолъ.

Ивановъ. Давай сюда! (*Стучитъ по столу.*) Не хочу тамъ!..

Щипачева. Да что ты, перебилъ чтоли?

Ивановъ (*съ азартомъ*). Ну?!

Щипачевъ (*входитъ и смѣется*). Тпру, ваше благородіе.

(Щипачева уходитъ).

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Таже комната въ домѣ Щипачева; на столѣ самоваръ, чашки; пологъ у кровати задернутъ; на полу около часовъ валяются подковы.

Дѣйствіе на второй день послѣ крестинъ у Зайцева.

ДВЛЕНІЕ I

ЩИПАЧЕВА разливаетъ чай; ЩИПАЧЕВЪ.

Щипачева. Михайло Алексѣичъ! иди же чай-то пить; пора.

Щипачевъ (*входитъ въ рубашкѣ, брюки на сапогахъ*). Надо бы передъ чаемъ-то опохмѣлиться, Матрена, а то послѣ крестинъ-то голова болитъ.

(Щипачева беретъ съ стола графинчикъ, налиываетъ рюмку и подаетъ).

Щипачевъ. Ай да барыня, спасибо.

Щипачева (*улыбаясь*). Незачто: знала, что захочешь.

Щипачевъ. Ладно, ладно, спасибо. Ужо я тебѣ суслениковъ куплю.

Щипачева. Купи. (*Пьютъ чай.*)

Щипачевъ. А что, больно я былъ грузенъ?

Щипачева. Насилу съ работникомъ притащилъ.

Щипачевъ. Ничего не цапакостилъ тамъ?

Щипачева. Ты-то ничего; а вотъ братъ Матѣй такъ подгадилъ.

Щипачевъ. А что?

Щипачева. Разодрался съ Зайцевымъ.

Щипачевъ. Врешь? За что?

Щипачева. Да какже: дуракъ, подошолъ къ родильницѣ да и говорить: а что, сваха, отъ кого ты ребенка-то родила? отъ мужа, али отъ сусѣда?

Щипачевъ (*смѣется*). Ай да плѣшивый! Съ чего онъ?

Щипачева. Не знаю ужъ. Зайцовъ услышалъ да и въ бороду. Василу розвали. Сестръ-то просто стыдобушка.

Щипачевъ. Я такъ ничего не помню.

ЯВЛЕНИЕ II

ТЪЖЕ и ГАВРИЛО (весь въ сажѣ, панталоны на колѣнѣхъ разорваны).

Гаврило. Дядьшка Михайло! угольщикъ уголье привезъ, куле сосчитать зоветъ.

Щипачева. Рожу-то мыль сегодня?

Гаврило. Мыль, тётшка.

Щипачевъ (*смѣется*). Оно и видно! Да ты развѣ не можешь сосчитать?

Гаврило. Я считалъ, дядьшка, да... въ среднемъ возу сбивался все... угольщикъ меня и прогналъ.

Щипачева. Балбесъ эдакой выросъ, десяти кулей сосчитать не умѣетъ!

Щипачевъ. Сбрасывайте первые-то два воза, я послѣ сосчитаю.

Щипачева. Да панталоны-то зашей, пентюхъ! слышишь?

Гаврило. Слышу, тётшка.

Щипачева. То-то слышу! Который день съ этимъ окошкомъ-то ходишь? Покажись мнѣ еще, такъ я тебѣ дамъ... (*Грозитъ*).

Щипачевъ. Ну ступай, ступай. (*Гаврило уходитъ*).

Щипачева. Экая деревенщина!

Щипачевъ. Погоди, обуркается — будетъ человекъ.

ЯВЛЕНИЕ III

ТЪЖЕ и ДАРЬЯ СТЕПАНОВНА.

Дарья Степановна. Здорово, братъ. Здравствуй, сестра.

Щипачевъ. Здравствуй, токо не врешь.

Щипачева. Здравствуй, сестрица, садись-ко; какъ-разъ къ чаю.

Дарья Степановна. Ну такъ наливай мнѣ чашку. Я только что изъ города.

Щипачева (*нажимает и подает*). Нѣтъ торговала?
 Дарья Степановна. Рѣшн три четвертин кунна; сама
 ягла принести.

Щипачевъ. Такъ одинъ мнѣ.

Дарья Степановна. А ты развѣ любишь?

Щипачева. До смерти, медомъ не корми.

Щипачевъ (*смыется*). Ну-тко, а каково вчера Зайцевъ по-
 малъ брата Матвѣя?

Дарья Степановна (*улыбаясь*). Не говори ужъ, братъ!
 Стыдъ просто съ вами, пьяными-то!.. А свинья Зайцевъ: видитъ,
 мужикъ на ногахъ не стоитъ, — нѣтъ, давай драться!

Щипачевъ. И живеть-таки Матвѣю-то попалось?

Дарья Степановна. Кажись что хорошо. Сегодня сталъ
 бороду чесать: «что это, говоритъ, какъ больно?» — Пощупай-ка,
 я говорю, хорошенько — всѣ ли ключья-то цѣлы? А что, говоритъ,
 развѣ меня пьянаго остригли?» — Да, говорю, Зайцевъ вчера
 объмъ рукамъ подстригалъ. Онъ и глаза вытаращилъ: «что ты,
 говоритъ, врешь?» Ничего не помнитъ! Расказала ему, такъ и
 почалъ ругаться: «да нѣтъ, говоритъ, вѣрно и я таки помалъ его!»

Щипачевъ (*смылся*). Какже, своими-то боками.

Щипачева (*показывая на мужа*). Тоже ничего не помнитъ.

Щипачевъ. Ужъ не врете ли вы, шельмы?

Дарья Степановна. Деньги чтоли вы намъ дали за вранье-то?
 Тоже, голубчикъ, хорошъ былъ: еле-еле душа въ тѣлѣ, такія мы-
 слете выписывалъ! (*Щипачевъ смыется*.)

Щипачева. Выстегать васъ хорошенько, пьяныхъ-то!

Щипачевъ. Вицы не выросли.

Дарья Степановна. А право можно, какъ роскиснуть по
 вчерашнему.

Щипачева. Выстегаемъ, сестра?

Дарья Степановна. Выстегаемъ.

Щипачевъ. Ладно, ладно, шельмы, толкуйте! (*Встаетъ*.)

Щипачева. А вотъ погоди, соберемся когда-нибудь.

Щипачевъ. Послѣ дождика въ четвергъ... Ну, я пойду въ
 сарай куле считать (*Уходитъ*.)

Щипачева. Поди.

ДВЕННАДЕСЯТЬ

ЩИПАЧЕВА и ДАРЬЯ СТЕПАНОВНА.

Щипачева. Ой, сестра, не знаешь ты моего горя-то: что мнѣ съ Сашей-то дѣлать?

Дарья Степановна. Что опять?

Щипачева. За последнее время больно она хорошо съ мужемъ жила; а вчера онъ, какъ привелъ ее, такъ больше и не подошелъ. Да послѣ обѣда сейчасъ домой увезъ... Значитъ бы не остаться до ночи? что ему дома-то дѣлать?

Дарья Степановна. Мало у него дѣла-то! Знаешь, что у нашихъ мужиковъ питье пойдетъ, а ему вѣдь въ службу надо идти, вотъ и ушелъ.

Щипачева. Ой нѣтъ, сестра, не говори! Чуетъ мое сердце, что недаромъ... Что-нибудь да вышло у него съ Сашей... Слова вѣдь не сказалъ съ ней, да такой нехорошій все ходилъ, я съ него глазъ не спустила... Вѣдь не простился, не поздоровался и со мною-то. Что-нибудь да ужъ недаромъ. Сходить-то боюсь къ нимъ. Родильница-то не насудачила ли чего на меня али на Сашу?.. Ехидная! отъ нея станется!

Дарья Степановна. Полно, не наболтала ли чего сама? Ты вѣдь мастерица не последняя! Ему пересказали, онъ и сердится.

Щипачева. Что ты, сестра, кому мнѣ говорить! Да и стану ли я! Знаю вѣдь его, оммѣна: на моей же дочери выместить. Что я, врагъ чтоли ей?

Дарья Степановна. Нечего! знаю, братъ, я тебя: всѣмъ встрѣчнымъ рада на зятя жаловаться. Хорошо другой тебѣ не повѣрять, а другой мало-что повѣрять, да пойдетъ еще рассказывать: вотъ и пошли суды да пересуды... А зять узнаетъ, да женѣ пинковъ да оплеухъ надаетъ! Говорила я тебѣ, что это до добра не доведетъ!

Щипачева (уклончиво). Ничего я никому не говорила.

Дарья Степановна. Ты не сердись, сестра, я правду говорю. Опять ты все съ этой Аннушкой перебиваешь. (Передразниваетъ:) «Шутники, шутники!» А сама такъ бы и съѣла!

Щипачева. Аннушка хорошая дѣвка; я отъ нея только и узнаю, какъ Саша живетъ: намъ вѣдь ничего не говорить.

Дарья Степановна. И хорошо дѣлаетъ! Я бы эту хорошую дѣвку и въ подворотню—то къ себѣ не пустила... (*Грозитъ.*) Это ты съ ней и моего мужа подъ побои вчера подвела! Помнишь, на другой день праздника вечеромъ ты при насъ говорила, что Аннушка тебѣ говорила, что зять пойдетъ къ Зайчихѣ своего крестить? Вотъ онъ съ чего вчера ляпнулъ!

Щипачева. Не ври, сестра; онъ тогда еще спорилъ со мной... Не съ моихъ видно словъ ляпнулъ, а отъ кого другого слышалъ.

Дарья Степановна. Тьфу ты, жаба какая! Мужу—то ты говорила?

Щипачева. Нѣтъ, ничего не говорила.

Дарья Степановна. Нѣтъ, ты скажи, такъ онъ тебѣ съ Петромъ Александрычемъ шею—то вытянетъ! Да и есть за что: не подводи дочь подъ побои!

Щипачева (*укоризненно*). Экая вѣдь ты, сестра!

Дарья Степановна. Нечего!

ЯВЛЕНИЕ V

ТѢЖЕ и ГАВРИЛО

Гаврило. Тѣтшка Дарья, тебѣ тамъ баба рѣпу привезла.

Дарья Степановна. Ладно. Пойдемъ—ка лучше посмотримъ. (*Идутъ.*)

Щипачева. Посмотри, сестра, колышко—то! Вотъ недѣлю эдакъ ходитъ! Убери, неутый, подковы—то подъ кровать да унеси самоваръ. (*Уходятъ.*)

ЯВЛЕНИЕ VI

ГАВРИЛО одинъ.

Гаврило (*слюпитъ два пальца и вытираетъ ихъ лѣвой стороной рубахи*). Украсть кусочикъ сахару?... (*Подходитъ къ цыпочкакъ къ столу и беретъ двумя вытертыми пальцами кусокъ сахару и начинаетъ грызть.*) Рожа, говорить, не мыта. Такъ что? Не надо и мыть, не слѣдуетъ! Вотъ въ воскресенье съ мыломъ вымоюсь — бѣля буду... Кабы я былъ хозяинъ или подмастерье, такъ каждый

бы дець-сымаць-мыла. Возьму еще кусочекъ. (*Береть и опять на-
чинаетъ грызть.*) Теперечи мыться не слѣдуетъ: и время идетъ!..
А панталоны-то? (*Показываетъ на дверь, куда ушелъ Щипачевъ.*) У
него вонъ плисовые да цѣлые, потому онъ хозяинъ! А я маль-
чишка, потому у меня нанковые съ заплатой... Какъ я буду хозяи-
номъ, такъ и у меня будутъ панталоны плисовые, цѣлые... (*Вытя-
гиваетъ руку ладонью вверхъ.*) Зашить велать... Надо иголку, а
иголки не даютъ: «сломилъ, говорятъ: руки какъ крюки». Тѣшка
говоритъ: «Купи, на праздникъ тебѣ деньги даются». Купи! Я луч-
ше конфетку куплю да съемъ!.. А иголка мнѣ нашто?.. Уколешься
еще пожалуй. Купишь нитокъ — надо будетъ вдѣвать въ иголку:
а я вдѣвать неумѣю. Просить надо будетъ. Надаютъ тузовъ, а
не вдѣнуть. Потому я мальчишка! Меня вонъ и угольщикъ выру-
галъ даве да прогналъ. Хозяина не прогонить... а я хошь бы и мы-
ломъ вымылся, все бы прогналъ... потому я мальчишка, вотъ
что!.. Сосчитать подковы-то... (*Садится на полъ и начинаетъ счи-
тать.*) Разъ, два, три, четыре...

ЯВЛЕНИЕ VII

ГАВРИЛО, ЩИПАЧЕВЪ, ЩИПАЧЕВА и ДАРЬЯ СТЕПАНОВНА.

Щипачевъ. Ганька, что ты дѣлаешь?

Гаврило. Тѣшка, дядьшка, велѣла подковы сосчитать.

Щипачева. Подъ кровать велѣла убрать, дуракъ, а не счи-
тать.

Щипачевъ. Сыми лучше самоваръ-то со стола, а подковы въ
сарай снеси. Нечего ихъ считать — онѣ давно сосчитаны.

(Гаврило беретъ самоваръ, потомъ возвращается и
ставитъ столъ на мѣсто.)

ЯВЛЕНИЕ VIII

ТѢЖЕ безъ ГАВРИЛА.

Щипачевъ (*закуривая трубку*). Славная рѣпа, сестра.

Дарья Степановна. Такъ ты что? Оставишь чтоли четверикъ
себѣ?

Щипачевъ. Какже, какже, оставлю. *(Смотритъ въ окно.)* На-ко! зять съ Сашей къ намъ идутъ.

Дарья Степановна *(съ удивленіемъ)*. Воно!

Щипачева *(съ испугъ)*. Ой батюшки! что это?..

ЯВЛЕНІЕ IX

ТѢЖЕ и ГАВРИЛО изъ лѣвой двери, а ИВАНОВЪ и ИВАНОВА изъ правой двери. Гаврило перекладываетъ подковы подъ кровать; Ивановъ смотритъ сурово, Иванова перенугавно. Здравуются; Иванова подходитъ ко всѣмъ и цѣлуется; Ивановъ сухо отцѣпляетъ всѣмъ и садится съ лѣвой стороны. Щипачевъ куритъ трубку и съ удивленіемъ смотритъ на дочь и зятя; Дарья Степановна тоже.

Щипачевъ. А, Петръ Александрычъ, давно не видались!

Ивановъ. Здравствуй, братъ тесть.

Иванова *(подходитъ къ Щипачевой къ послѣдней)*. Здравствуй, маменька! *(Цѣлуется и останавливается въ недоумѣніи посредины комнаты.)*

Щипачева *(тихо)*. Что?

Гаврило *(колчилъ и всталъ, негромко)*. Тётшка!

Щипачевъ. Каково живешь, Петръ Александрычъ?

Ивановъ. Хорошо, тесть. *(Нюхаетъ табакъ.)*

(Молчаніе. Щипачева въ безпокойствѣ; Дарья Степановна какъ-будто поправляетъ пологъ, потомъ возвращается къ столу и смотритъ на всѣхъ; Иванова смотритъ въ землю.)

Гаврило *(негромко)*. Тётшка!

Щипачева *(съ сердцемъ)*. Что тебѣ?

Гаврило. Я подковы спряталъ. Завтракать пора, мнѣ въ кузницу надо идти.

Ивановъ. *(Щипачева оборачивается къ нему и внимательно слушаетъ.)* Чтоже ты, Саша, не садишься? Сядь! Привыкай опять сидѣть у отца да у матеря! *(Всѣ смотрятъ на него съ изумленіемъ; Щипачева въ безпокойствѣ; Иванова беретъ стулъ и садится.)*

Гаврило. Чтоже, тётшка? Мнѣ въ кузницу пора!

Щипачевъ *(Гаврилу)*. Попопъ вошь! *(Гаврило уходитъ.)* Что ты сказалъ, Петръ Александрычъ? я не слышалъ.

Ивановъ. А те, чтобы она привыкла у васъ сидеть жить. *(Неловко качивается потихоньку плакать.)*

Щипачевъ. Какъ такъ? К чему ты это говоришь?

Ивановъ *(остановясь)*. А вотъ къ чему: я привезъ къ вамъ дочь и отдаю съ рукъ на руки. Когда у меня ей нехорошо жить, такъ у васъ можетъ лучше будетъ. Я и единъ прошу. Прощай, Самя!

Щипачева *(съ-сезанамъ)*. Что онъ, разбойникъ!..

Дарья Степановна. И видно что разбойникъ — выдумалъ какую штуку! У добрыхъ людей аданъ не дѣлается: прожилъ съ женой годъ, да и ступай меня къ отцу!

Ивановъ. Ты, тетя Дарья, не оуйся: иначе я и съ тобой раздѣлаюсь!

Дарья Степановна. Испугалась больно! Благородный! Наплевать мнѣ на твое благородство! Мы Сашу не на-смѣхъ тебѣ отдавали.

Щипачевъ. Да чтожъ это, Петръ Александрычъ? Хорошіе люди развѣ такъ дѣлаютъ? Развѣ Александра досадила тебѣ чѣмъ?

Ивановъ. А вотъ что, тещъ: прощай! Ты меня не знаешь, а тебя столько же. *(Хочетъ идти.)*

Щипачевъ. Ты постой! *(Остается и плачетъ ея.)* Я Александрю и не тебѣ въ обиду не дамъ! Когда есть что, такъ говори что. Когда страмить, такъ посмотримъ: ты ли меня острамишь, али я тебя.

Щипачева *(плача около Ивановой)*. Что онъ дѣлаетъ-то?!

Дарья Степановна. Ты скажи изъ чего ты аданую сумятицу-то дѣлаешь; Петръ Александрычъ?

Ивановъ. Мнѣ, братъ тещъ, страму никакого не будетъ. А когда ты хочешь знать изъ-за чего я такъ дѣлаю, такъ слушай. После свадьбы жили мы съ Сашей хорошо и спокойно, кажется лучше не было — хотъ ее спроси. Только видимъ не повѣрили, что мы хорошо живемъ: надо было пораспросить да поразнюхать: вѣрно ли? не обманываю ли я? не бью ли? кормлю хорошо ли? не безъ башкиной ли вожу жену? одѣваю ли ее? Признаюсь тебѣ, тещъ, я этого не терплю и дѣлаю всегда на зло. Какъ узналъ я эти разпросы, вонервыкъ побилъ Сашу, а вонторыхъ не сталъ ее поутренъ чаеиъ пить. Теща-те моя, твоя жена-те, Матрона Степановна *(показываетъ на нее)* давай славить обо мнѣ всему городу, что я свою жену и съ голоду-те морю, и убить хочу, и чортъ знаетъ что! Да каждое утро отава безъ меня!бѣгать къ Сашѣ съ

чаемъ да сахаромъ сплестичать. Давать нечего, а снать побилъ Александру...

Щипачева. Душегубъ эдакой!

Ивановъ. И сказалъ ей, чтобы безъ меня нога тещина не была. Саша сказала ей. Какъ перестала она ходить, опять мы зажили хорошо. Позвалъ меня Зайцевъ въ крестные отцы. Жени-то твоей, теще-то моей, чортъ пособилъ выдумать, что я своего крестить иду... Вчера на крестинахъ-то дядя Матвей при веяхъ вдруг спрашиваетъ Зайчиху: отъ кого она принесла ребенка? Она ужъ (показываетъ на Щипачеву) успѣла распустить, что ребенокъ мой. Ну, когда такъ; когда жени у меня нечего бѣсть, когда я ее въ гробъ вколачиваю, когда изъ-за нея съ другими живу, расуди самъ: зачѣмъ намъ жить вмѣстѣ? Лучше разойтись... (Щипачева слушаетъ внимательно, какъ мурлыкается; Щипачева въ сожалеіи часто хочетъ что-то сказать.)

Щипачевъ. Матрена! Какъ же тебѣ, стерва, не стыдно свою дочь подъ побой да подъ такой страхъ подводить? А? Какъ возьму я тебя за гриву-то да начну рвать, (топнувъ ногой) только пыль пойдетъ, мерзавка!

Щипачева. Вреть онъ, вреть разбойникъ! Ничего я не говорила, ничего не спрашивала: и безъ меня всѣ говорили, всѣ знаютъ его аспида...

Ивановъ. Постой, теща, не горячись, у меня свидѣтели есть: обо всемъ ты спрашивала бабинскую Аннушку; ей же ты и ругала меня на чемъ свѣтъ стоитъ, ей же ты сказала, что я съ Зайчихой шашни завелъ. (Щипачева въ безвыходномъ положеніи.)

Дарья Степановна. Вотъ тебѣ и Аннушка хорошая дѣвка!

Щипачевъ. Ахъ ты шельма! Въ чью ты голову эдакъ врала? Щипачева (плача). Я вѣдь, любя Сашу, разузнавала-то. Думала ли я, что Анька все вреть! Она-то вѣдь меня ко всему и подбивала: нарочно приближить, чтобы взбаламутить меня. Она это все выдумывала да рассказывала мнѣ, а теперь все на меня свалила. Коли бы я не любила Сашу, стала бы я спрашивать, да людямъ говорить!

Ивановъ. Знаю я, что изъ любви ты это дѣлала, да любовь-то это дурацкая! Я не терплю этого. Клянусь тебѣ Богомъ, теще, я съ тѣмъ и велю Сашу, чтобы оставить у насъ: я не могу! Хуже бы было, еслибы я ее опять бить началъ.

Щипачевъ (Щипачевой). Ахъ ты, стерва, поганка! Да въ-

дѣхъ ты вселѣ доживаешь, а ума у тебя нѣтъ. Дочь отдала, а суешься смотреть за ней! Вѣришь ты всякой пошлукѣ! И нѣтъ жить не даешь, да и шибѣ того, думаешь, стоять эдакіе крошки, какой Петръ отъ Александровичъ сегодня загнулъ? Видѣ обмерь я, какъ улыкалъ, что онъ Александру назадъ привелъ! Я думалъ, что она богъ-знаетъ что одѣла. Ну да постой, выучу я тебя! Вотъ изъ сарая арваненникъ привѣсу.

Иванова (*сквозь слезы*). Полно, тятинька, не сердись: мамашки вы въдѣ не виновата, это все Аннушка ее мучила.

Щипачевъ. Какое не сердись! Ее надо такъ отдутъ, чтобы она всю жизнь помнила; да не совалась куда не спрашиваютъ. Вишь она Аннушка, тараторка всеобщей, повѣрила! (*Щипачева плачетъ.*)

Дарья Степановна. Ну да будетъ, братъ! поругалъ — и будетъ. Грѣхъ да обѣда на кого не жила! Только ты, Петръ Александрычъ, напрасно эдакую сумятицу дѣлалъ: чѣмъ Саша-то виновата? А ей больше всѣхъ досталось: пришла даве — лица на ней нѣтъ.

Иванова (*улыбаясь*). Я-то ничего, только на маменьку не сердитесь; она не виновата; и я-то ей ничего не говорила.

Дарья Степановна. Можно бы было тоже сестру Матрену наединѣ уговорить, али брату Михайлу одному сказать; а то эдакой содомъ дѣлать! Я по сихъ поръ не могу въ себя придти.

Щипачева (*плачетъ*). Охъ, это я все дура виновата! Саша, прости меня ради-господа! Ничего бы не было, кабы не эта шкура Анька!.. (*Кидается къ дочери; обѣ плачутъ.*)

Щипачевъ (*со слезами на глазахъ*). Хоть бы ты ее-то пожалѣлъ! Чѣмъ она-то виновата? Кажется ужъ она-то тебя не обидитъ!

Ивановъ. Что братъ дѣлать, тещъ! У меня ужъ такой характеръ, иначе не могу! Ну Саша, не плачь, конечно, будетъ! А тебѣ, тещъ, это урокъ, чтобы ты не ввязывалась не въ свои дѣла. Ну прощайте, мнѣ въ палату пора. Прощай, Саша; отобѣдай здѣсь, а къ вечеру приходи домой. Прощай. (*Цѣлуетъ ее.*)

Иванова (*утирая глаза*). Хорошо, Петръ Александрычъ.

Ивановъ. Ну прощай, тещъ, заходи къ намъ, да только при мнѣ, пока не бросишь свои глупости.

Щипачева. Прощай, Петръ Александрычъ. Что дѣлать! Прощи ужъ Христа-ради.

Дарья Степановна. Вотъ въдѣ говорила я тебѣ, сестра.

Щипачева (*машину рукой*). Кабы знала да вѣдала!.. Пойти хоть рожу-то вымыть. (*Уходитъ.*)

Ивановъ. Прощай, тещь; заходи къ намъ, мы тебѣ всегда рады. (*Подаетъ руку.*)

Щипачевъ (*удерживаетъ ее*). Пожорно благодарю. Только, Петръ Александрычъ, береги пожалуста Сашу-то, не тронь ее, не труди ее больно-то: она вѣдь у насъ одна, кромѣ ее не на кого и порадоваться! А?

Ивановъ. Ладно, не учи ужь, славно заживалъ съ ней. Приходи смотреть. Прощай.

Щипачевъ. Прощай, Петръ Александрычъ.

Ивановъ. Прощай, тетка Дарья. Тоже давеча прикрикнула на меня. (*Уходитъ.*)

Дарья Степановна. Нельзя, братецъ, было — случай такой! Прощай, Петръ Александрычъ.

ЯВЛЕНІЕ X

ЩИПАЧЕВЪ, ИВАНОВЪ и ДАРЬЯ СТЕПАНОВНА.

Щипачевъ (*набиваетъ трубку*). Надо будетъ Матрени вздувку задать, да хорошую!

Дарья Степановна. Ладно, покричалъ, такъ и будетъ! (*Выходитъ нальво.*)

Иванова (*подходитъ къ отцу*). Тятинька, не бей маменьку, голубчикъ! А, тятинька! Не будешь бить? Хотя для меня, тятинька! Она больше не станеть!

Щипачевъ. Да тебѣ-то что, дурочка?

Ивановъ. Да мнѣ жалко будетъ маменьки. Я вѣдь ее больно люблю, тятинька. Вѣдь она не нарочно это дѣлала. Не бей, тятинька, голубчикъ! Право она больше не станеть... не будешь?

И. Г.

ПЬВЕЦЪ КУБРЫ

или

ГРАФЪ ДМИТРІЙ ИВАНОВИЧЪ ХВОСТОВЪ

(психологическій очеркъ)

Въ свѣтскомъ петербургскомъ обществѣ при Александрѣ I три лица пользовались популярностью, хотя совершенно различнаго рода. Эти лица были: Нарышкинъ (Александръ Львовичъ), Башуцкій и Хвостовъ. Всѣ остроуты, блестящія сравненія, мастерскіе каламбуры — обыкновенно приписывались Нарышкину, часто даже такіе, какихъ онъ и не думалъ никогда говорить. Всѣ вопіющіе забавные промахи падали на долю Башуцкаго, и онъ такъ былъ извѣстенъ въ этомъ отношеніи, что даже Аракчеевъ, вѣчно жолчный и никогда нешутливый; при встрѣчѣ съ Башуцкимъ считалъ обязанностью подтрунить на его счетъ. Плохіе вирши и анекдоты о бездарныхъ, навязчивыхъ пѣнтахъ, отравляющихъ своими стихами жизнь другихъ, прямо относили къ Хвостову, и каждый оберегался, чтобъ онъ не навязалъ ему своихъ стиховъ.

Изъ этихъ трехъ личностей остановимъ вниманіе читателя на графѣ Дмитріѣ Ивановичѣ Хвостовѣ, личности правда маленькой, незначительной въ литературномъ отношеніи, но интересной и любопытной въ психологическомъ.

Старикъ одержимъ былъ страшною болѣзнию, извѣстной подъ именемъ *стихоманіи*. Современникъ Фонвизина и свидѣтель почти перваго зарожденія русской литературы, онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ со всѣми прежними литературными корифеями, зналъ два ангела ихъ коня, дѣтей, потомъ внуковъ, и до самой смерти (1)

(1) Хвостовъ умеръ въ концѣ 1835 года.

не покидалъ стиховъ, несмотря ни на какія насмѣшки. Пушкинъ находился уже въ полномъ развитіи своего чудеснаго таланта, а престарѣлый Хвостовъ, желая защититься отъ его эпиграмъ, засылалъ къ женѣ Пушкина различныя пѣсенки, положонныя на музыку, то приглашалъ его къ себѣ на завтракъ, то приносилъ различныя поздравленія. Пушкина старикъ смѣшилъ, но, по своей свиходительности, тотъ былъ ласковъ и къ нему. Самыя шутки Пушкина отзывались добротой, которая составляла коренную черту его характера. Одинъ разъ онъ отвѣтилъ Хвостову слѣдующимъ полупуштинвымъ письмомъ :

«Милостивый государь
графъ Дмитрій Ивановичъ,

«Жена моя искренно благодаритъ васъ за присланный и неожиданный подарокъ. Позвольте и мнѣ принести вашему сіятельству сердечную мою благодарность. Я въ долгу передъ вами: два разъ почтили вы меня лестнымъ ко мнѣ обращеніемъ и пѣснями лары заслуженной и вѣчно юной. На дняхъ буду имѣть честь явиться съ женою на поклоненіе къ нашему славному и любезному патриарху. Александръ Пушкинъ (1).

Передъ нами лежатъ теперь обильные и многотомные матерьялы Дмитрія Ивановича Хвостова, имъ самимъ оставленные для потомства. Всѣ они прекрасно переплетены, пронумерованы, съ щегольскими надписями на корешкахъ — по красному сафьяну золотыми буквами (2). Читая ихъ, видишь ясно, какъ старикъ огорчался и глубоко страдалъ, что его не признаютъ за великаго поэта. Онъ искренно и наивно былъ убѣжденъ, что стихотворенія его — лучшее достояніе и украшеніе русской поэзіи. Современники смѣялись надъ нимъ немилосердно, писали всевозможныя на него сатиры, ко не въ бровь, а въ глазъ, но Хвостовъ не унижался, вѣруя твердо безстрашно, что придетъ время и потомство откроетъ для него и безсмертія.

Кому только и на какія темы не писалъ Хвостовъ! Изъ отвѣтныхъ писемъ видно, что онъ никому не давалъ пощады, навязывая свои сочиненія всѣмъ и каждому: королю прусскому, Аракчеву, Бекендорфу, Паскевичу, Закревскому, митрополитамъ, архіереямъ, институтамъ, университетамъ, семинаріямъ. Литераторы, какъ люди опытные, отдѣлывались какъ могли отъ его назойливыхъ многотомныхъ подарковъ. Но такъ или иначе, Хвостовъ умѣлъ достигнуть цѣли, чтобъ распространить свои сочиненія. Одинъ разъ, красть

(1) Годъ и числа подъ письмомъ неозначено.

(2) Матерьялы эти мы получили отъ М. И. Семевского.

вѣхъ, слонхъ и печатныхъ томовъ стихотвореній, онъ препроводилъ въ кронштадтскую флотскую бібліотеку собственный мраморный бюстъ. Къ этому онъ присоединилъ рукописное стихотвореніе «Морская» и получилъ слѣдующій пріятный для его авторскаго самолюбія отвѣтъ:

«Присланный отъ вашего сіятельства для кронштадтской флотской бібліотеки изображающій особу вашу бюстъ мы съ признательностію имѣли честь получить, который вмѣстѣ съ вашими сочиненіями составляетъ лучшее украшеніе бібліотеки; пріятнымъ имѣяю себя долгомъ — отъ имени всѣхъ членовъ засвидѣтельствовать вашему сіятельству наичувствительнѣйшую нашу благодарность за столь лестный подарокъ, тѣмъ болѣе что сей случай доставилъ вамъ глубокое удовольствіе читать новое и интересное произведеніе пера вашего. Посланіе въ честь моряковъ, которое положено за собственноручнымъ вашимъ подписаніемъ, сохранится при бібліотекѣ въ память грядущаго потомства юныхъ мореплавателей.»

Вообще у храбрыхъ моряковъ Хвостову, какъ стихотворцу, необходимо везло: въ Ревель былъ даже корабль, названный въ честь его «Графъ Хвостовъ». Контръ-адмиралъ Спафарьевъ имѣлъ неосторожность отнести письменно къ Хвостову о разъясненіи ему; какимъ образомъ произошло подобное названіе? Поэтъ въ длинномъ посланіи отвѣчалъ, что произошло обстоятельство это отъ дальнѣйшей равности нарвскаго купца Больтона и тутъ же успѣшилъ приписать:

«Я прилагаю у сего вамъ, вице-адмиралъ, въ подарокъ, новаго изданія первый томъ моихъ сочиненій и впредь по выходѣ оныхъ за честь себя поставлю препровождать къ вамъ тѣ, кои будутъ выходить изъ печати.»

Вѣроятно долго послѣ этого контръ-адмиралъ получалъ отъ него подобные подарки.

Сочиненія Хвостова въ продажѣ положительно не шли, а между тѣмъ бросается въ глаза невольное то обстоятельство, что семь томовъ его сочиненій выдержали три изданія и обѣщано было четвертое. На это есть впрочемъ весьма удовлетворительное объясненіе.

Бездарный стихотворецъ, оскорбляемый равнодушіемъ публики и невниманіемъ критики, обыкновенно самъ скупалъ свои стихотворенія, уничтожалъ ихъ втихомолку и затѣмъ выдавалъ новое изданіе. Руководствуясь однимъ безконечнымъ желаніемъ почаще видѣть свое имя въ печати онъ подобной нерасчетливостію поколебалъ свое огромное состояніе. Онъ считалъ себя меценатомъ и деньги его еще шли на поддержку и подписку журналовъ князя Шаликова, Воейкова, Бориса Федорова и другихъ имъ подобныхъ.

Съ нимъ поступали безцеремоннымъ образомъ. Когда нѣтъ какое-либо литературное изданіе, то обыкновенно присылали ему по пятидесяти, даже по сту билетовъ, прося его способствовать къ увеличенію числа подписчиковъ. Кончалось тѣмъ, что Хвостовъ, желая скрѣпить литературныя связи и раздавъ нѣсколько билетовъ знакомымъ, подписывался на всѣ остальные и просилъ объ одномъ только — чтобъ напечатали въ новомъ журналѣ какое-нибудь новое его стихотвореніе. Но и это ему не помогало. Деньги принимали съ благодарностью, а стиховъ его не печатали подъ разными предлогами.

Полевой напримѣръ отдѣлялся отъ него не однимъ развѣтчимъ образомъ:

«Я хочу — писалъ онъ Хвостову — просить васъ позволить мнѣ нѣкоторую вольность въ разсужденіи вашей стихотворной присылки. Она будетъ состоять въ слѣдующее: желая доставить и большую публику вашему посланію и употребить его съ большимъ пользою для ближнихъ, не позволите ли вы мнѣ напечатать не въ «Телеграфѣ», а особо? Я издаю чудесное изданіе и всю выручку обращаю въ пользу и пособіе претерпѣвшихъ отъ завоженія. Согласитесь, ваше сіятельство, и пришлите поскорѣе заглавный листъ съ довѣріемъ представить въ цензуру; быть полезнымъ страждущему человѣчеству не есть ли обязанность поэта? За работу же, корректуру и хлопоты мои негодно ли вамъ взять нѣсколько экземпляровъ «Телеграфа», которые, по обширному вашему кругу знакомствъ, вамъ легко сбыть, а мнѣ пособіе...»

Полевой, какъ человѣкъ изобрѣтательный, выдумывалъ и другіе способы отдѣляться отъ Хвостова: «Эпиграму вашу цензура не пропускаетъ, потомучто она ужасно зла.» Или: «Оды вашей, къ моему прискорбію, въ «Телеграфѣ» напечатать не могу: слишкомъ сладострастна...»

Несмотря на колкія насмѣшки, на бранныя критики, несмотря даже на растрату состоянія, Хвостовъ не могъ излечься отъ римоплетства, — напротивъ, годъ отъ году въ немъ уславалась несчастная страсть къ печатанію. Насмѣшки на него сыпались не только въ русскяхъ, но даже иностранныхъ журналахъ. Когда онъ перевелъ пресловутую поэму Буало «L'art poétique», то въ тогдашнемъ «Revue Encyclopédique» (1826 г., въ статьѣ: «Россія», стр. 672) была напечатана слѣдующая на него эпиграма:

• Ami, vois-tu Boileau? — Quoi! ce masque, dis-tu?
C'est K..... • Eh! non pas! c'est Boileau, je te jure,
Mais il a pris du comte et l'air et la tournure
Pour ne pas être reconnu .

Хвостовъ чрезвычайно обидѣлся выходящею иноземнаго журнала. Между тѣмъ это былъ почти буквальный переводъ известной эпиграмы Дмитріева на Хвостова, напечатанной сперва въ московскомъ журнальцѣ «Аглая», а потомъ перепечатаной въ «Учебной книгѣ россійской словесности» г. Греча, съ полвой поддѣсью имени сочинителя — Ив. Ив. Дмитріева :

«Ты-ль это, Буало?.. какой смѣшной нарядъ!

Тебя узнать нельзя: совсѣмъ переѣнился!»

— Молчи! нарочно я Графовымъ наряжусь!

Сбираюсь въ маскарадъ.

По поводу французской эпиграмы Хвостовъ поднимъ цѣлую исторію. Онъ написалъ письмо къ Дмитріеву, и хотя не говоритъ прямо, что ему хорошо извѣстенъ первоначальный анонимъ печатной русской эпиграмы, но тонко намекаетъ, будто ее приписываютъ Крымову; заглавіе прибавляетъ :

«Къ русской эпиграмѣ яма переводчика скрыто подъ именемъ Графовъ, которое есть имя вымышленное и такое, что я самъ его употребляю въ моихъ и сочиненіяхъ и переводахъ, означая черезъ Графова худого стихотворца. Во французскомъ же журналѣ эпиграма на переводчика со всѣмъ не та: въ русской скрыты и титулъ, и настоящее имя. Галлы выставили и то и другое. Но я имѣю къ вамъ просьбу, чтобъ вы продолжали всегда ко мнѣ ту благоклонность и дружбу, которую начали въ 1783 году, у Семеновскаго моста, въ той квартирѣ, гдѣ жаль покойный сосѣдъ мой Ф. И. Коздальцевъ.»

Кромѣ письма къ Дмитріеву, очевидно начатаго подъ вліяніемъ сердитаго расположенія духа и кончившагося такимъ наивнымъ образомъ, написано было возраженіе на французскомъ языкѣ и послано въ «Revue Encyclopédique». Къ огорченію Хвостова возраженіе не было принято. Французъ русской службы, полковникъ Дестрема, пріятель Хвостова, защищалъ его переводъ Буало въ большой статьѣ. Она послана была въ «Вѣстникъ Европы» Каченовскаго, гдѣ также не была принята. Хвостовъ сердится и замѣчаетъ, что «знаменитый филологъ Михайло Трофимовичъ Каченовскій струсуя напечатать благородныя сужденія г. Дестрема». Наконецъ защитительная статья Дестрема была напечатана на счетъ графа отдѣльною брошюрою на двухъ языкахъ — на французскомъ и русскомъ, потомъ извлеченіе изъ нея перепечатано въ «Атенеѣ» Павлова.

Этого мало: по усиленному ходатайству Хвостова, филиппика Дестрема противъ «Revue Encyclopédique» читана была въ россійской

академіи. Еще до этого Хвостовъ писалъ къ секретарю академіи Соколову: «Я слышалъ объ эпиграмѣ сей вожорѣ на напечатаніи ея подъ именемъ сочлена нашего, знаменитаго пѣвца «Ершана». Я никогда не уважалъ сію эпиграму и доселѣ не озабочивался узнать, кто истинный сочинитель оной. Но признаюсь, что очень удивился, когда увидѣлъ ее черезъ двадцать лѣтъ переведенную на иностранный языкъ и напечатаную въ очень хорошемъ французскомъ журналѣ. Какъ она туда попала, — недѣлая покла на русскихъ журналистовъ, — не знаю; но если она сдѣлалась извѣстною Европѣ, то я должностію моею почитаю не утаивать сего праншества отъ моихъ соотечественниковъ и особливо отъ россійской академіи. Я прошу ваше превосходительство прочесть записку Достоевца въ обыкновенномъ собраніи, хранить оное при академическихъ рукописяхъ на будущее время.»

Надобно полагать, что подъ академическими словами вышлеи особенно эффектнымъ слѣдующія слова краснорѣчиваго защитника:

«Каждому извѣстно, что эпиграма ничего не опредѣляетъ. Нетрудно въ доказательство сего привести множество прихвостовъ историческихъ, и выборъ весьма легокъ. Лармианъ, членъ французской академіи, осмѣлился же о Лебрюнѣ сказать:

Lebrun de gloire se nourrit:
Aussi voyez comme il maigrit.

«Но колкая сія эпиграма могла ли вредить и повредила ли славу одного изъ величайшихъ лирическихъ поэтовъ?»⁽¹⁾

«Многія выраженія французскаго критика — говорить защитникъ — показываютъ печать недоброжелательства къ графу Дмитрію Ивановичу, наиримѣръ: *ревность переводчика къ словесности, усердіе къ просвѣщенію* — можетъ быть употреблено основательно о государственномъ человѣкѣ, который, посвящая вѣкоторыя только досуги музамъ, особенно бы покровительствовалъ писателямъ. Но, говоря о поэтѣ, сіе не иное что, что выраженіе сатиры. Когда прежде всего выставляютъ ревность и любовь къ словесности, мнѣ кажется, будто похищаютъ нѣчто изъ достоинствъ поэта, отказывая ему въ геніи и даже дарованіи. Выписки ясно докажутъ, что моя похвала знаменитому нашему переводчику Буало не преувеличена. Въ четвертой пѣсни графа Хвостова находится много прелестныхъ сти-

(1) Эпиграму эту Хвостовъ перевелъ весьма забавнымъ образомъ, желая сохранить риму:

Питаюсь славою, поэтъ нашъ пустошня
Примѣтно каждому худѣетъ день отъ дня.

хоть, а некоторые изъ нихъ замѣчательны своєю силою: кажется, что въ нихъ сама добродѣтель гремитъ противъ порока:

За что превозносить опасныхъ мнѣ пѣвцовъ,
Презрѣнныхъ мудрости и чести бѣглецовъ,
Которые перомъ святую оскорбляютъ,
Пороки гнусные любезными являютъ?

«Я думаю, довольно сего къ восчувствованію рѣдкаго достоинства графа Хвостова!»

Переводчикъ нашъ былъ въ восторгѣ отъ своего защитника и поспѣшалъ извѣстить о такомъ знаменитомъ происшествіи почти всѣхъ своихъ знакомыхъ.

«Я почитаю мой переводъ — писалъ онъ къ Каченовскому — можетъ-быть не безъ причины хорошимъ, но дѣло въ томъ, что французы не въ состояніи по словесности порицать нашихъ произведеній. Причина явная: парижане не умѣютъ говорить порусски. Съ чего же напечатали они поверхностные свои суды и плохую эпиграму? Эпиграма сія на русскомъ языкѣ не относится собственно до меня: вымышленное въ ней лицо — Графовъ. А судьи, предводители, законодатели французской словесности, включили меня! Французы сію эпиграму перевели и переименовали, т. е. въ оную включили мою фамилію и мой титулъ. Вотъ причина, о коей я васъ извѣщалъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ и по коей я долженъ былъ огласить не только невѣжество, но клевету тѣхъ, кои пошѣстили на меня разборъ во французскомъ журналѣ. Правда, что мнѣ слѣдовало бы искать на клеветниковъ суда гражданскимъ порядкомъ, но я этого не сдѣлалъ! Сохрани-боже чтобъ я, вромѣ сего случая, сталъ воевать на семьдесятъ четвертомъ году отъ роду противъ такихъ журналистовъ, каковъ навроимѣръ вашъ Полевой. Онъ, объявляя въ прошедшемъ мѣсяцѣ о новомъ моемъ изданіи, дѣлаетъ три непростительныя ошибки и говоритъ: 1) что мой первый томъ напечатанъ въ академіи наукъ, а онъ напечатанъ въ російской академіи; 2) что издателя «Дамскаго журнала» зовутъ княземъ Петромъ Александровичемъ Шаликовымъ, тогда какъ онъ есть князь Петръ Ивановичъ Шаликовъ, и 3) стихъ князя коверкаетъ: вмѣсто «почтенный графъ» пишетъ «любезный графъ». Вотъ, батюшка, что дѣлается въ нашей словесности, а я молчу и повторяю вамъ мой стихъ:

Пускай зовилятся парнасскіе ерши!»

Къ сожалѣнію Хвостовъ не держался такого мудраго правила, ниъ же самымъ сказаннаго, и стихопомѣшательство его принимало колоссальныя размѣры. Онъ официально жаловался поначителю мо-

сковскаго университета Писареву на то, что русскіе журналы почти ничего не говорятъ объ его твореніяхъ, и хотя онъ надѣется, что потомство оцѣнитъ ихъ, однако ему, старѣйшему служителю Аполлона, было бы пріятно, чтобъ и современники не отирашали слуха отъ его музы. Между тѣмъ Полевой въ своемъ «Телеграфѣ» какъ-то печально вспомнилъ о Хвостовѣ и слегка посмѣялся надъ нимъ: опять новая жалоба къ попечителю университета, въ формѣ чуждого докладной записки, подъ заглавіемъ: «Его превосходительству А. А. Писареву отъ пѣвца Кубры графа Хвостова, съ жалобой на журналиста-павлика Полеваго.»

«Принимая всегда совѣты вашего превосходительства — пишу между прочимъ Хвостовъ — съ почтительнымъ удовольствіемъ, принужденнымъ нахожусь, исполняя оныя, жаловаться вамъ самимъ, милостивый государь мой, не въ лицѣ пріятеля, благодѣтеля и покровителя слабыхъ дарованій моихъ, но жалуясь вамъ какъ начальнику московскаго императорскаго университета, блюстителю порядка, приличія и благочравія; жалуясь вамъ не столько на московскую цензуру, сколько на издателя «Телеграфа»; первая, т. е. цензура, могла не проникать затѣй злонамѣреннаго скомороха, пропустить его статью; второй, т. е. Полевой, кукаси много разъ, обрадовался наконецъ случаю, какъ вахаль, мнѣ сдѣлать обиду. Вы увидите сами, имѣетъ ли причину семидесятилѣтній старецъ жаловаться на издателя «Телеграфа», оскорбляющаго безъ всякаго повода честь его.

«Московскій Телеграфъ, говоря, что «*Journal de la littérature étrangère*» (котораго я не читалъ), объявляя о «Наукаѣ стихотворства», поэмѣ дидактической славнаго Дебрео-Боало, переведенной порусски графомъ Хвостовымъ, прибавляетъ отъ себя: «Объявлено — гдѣ бы выдумали? въ отдѣленіи романовъ!! Надобно быть журнальнымъ сыщикомъ, чтобы отыскать такую диковинку. На иѣстѣ переводчика (Хвостова), я отмстилъ бы французскому встрепнику, напечатавъ другое изданіе перевода подъ названіемъ: «Дебрео вывороченный назнанку»: тогда пускай помѣстилъ бы онъ «L'art poétique» въ отдѣленіе роэме burlesque!» Я, милостивый государь мой, не стану исчислять похвальныхъ отзывовъ, въ томъ числѣ и вашихъ, о моемъ переводѣ, хотя нѣкоторые изъ нихъ находятся въ иностранныхъ и многихъ нашихъ журналахъ. И не оскорбляюсь тѣми ругательствами, кои ми угодно злобнымъ и немилосерднымъ чадамъ Аполлона меня огорчатъ за трудъ можетъ-быть достохвальный, или покрайней-мѣрѣ полезный, какъ то говоритъ и г. Гречъ при объявленіи о моемъ переводѣ 1824 г., не помню въ какомъ мѣсяцѣ, журнала своего, называемаго «Сынъ Оте-

чества». Я знаю, что «Московский Телеграфъ» не въ состояніи судить не только о законодателѣ французскаго парламента, ниже обо мнѣ. Его заключенія основываются почти всегда на пристрастіи. Выдержки сего безтолковаго оракула, особливо относительно меня, непростительны; дерзость — не остроуміе, паскьяль — не критика, глупая эпиграма или насмѣшка — не доказательство. Вы сами, какъ начальникъ, ему этого не дозволите. И безъ сомнѣнія воспренятствуете нахальному сыщику говорить съ тономъ презрѣнія о поэмѣ дидактической, чья бы она имѣла. По моему покорно прошу ваше превосходительство оть нехитрое объясненіе мнѣ и самой литературѣ, къ себѣ призывая г. редактора «Телеграфа», воспретать ему отнынѣ впредь касаться глупыми насмѣшками до моего лица и до моихъ сочиненій. Не вѣсь прошу, какъ начальника, объяснить ему, сколько его поступки дерзостны и непростительны. Я долгое время терпѣливо сносилъ вѣдѣныя его шутки и недавно еще улыбался только я сожалѣлъ объ отнынѣ агъ (Ползого) относительно моего «Пятиколоснаго колеска». Но теперь, желая поставить конецъ нестерой дерзости издателя «Московскаго Телеграфа», прошу ему объявить отъ моего имени однажды навсегда, что онъ не имѣетъ подавать мнѣ совѣта и впредь бы не смѣлъ мнѣ никогда мнѣ совѣтовать.»

Дальнѣйшихъ выписокъ изъ этого письма дѣлать не для чего. Приведенныя строки ясно говорятъ сами за себя.

Подобно тому какъ старину любили для подкрѣпленія своей ядси приводить цитаты изъ знаменитыхъ писателей, Хрестовъ свои письма обыкновенно подкрѣплялъ своими же стихами. Жалобу свою къ попечителю московскаго университета онъ заключилъ такимъ образомъ:

«Извините, ваше превосходительство, если я, порицаемый поэтъ господами скоморозами, выдержками, журнальными сыщиками и подобными, заключаю мое отступленіе собственнымъ стихомъ моимъ, напечатаннымъ во второмъ томѣ моихъ стихотвореній въ пославнѣ къ *Уединенному племю*:

«Мнѣ право жалъ его (т. е. Ползого), а не за что сердиться:
 Кто Баміа уишетъ — съ разсудкомъ не бранится!»

Глубоко убѣжденный, что современники не въ состояніи его дѣлать и что только потомство воздастъ ему должное, несчастный стихотворецъ старался однако вразумить ихъ и насильно заставить читать свои творенія. Такъ однажды на актѣ педагогическаго института, инспекторъ классовъ г. Лодій велѣлъ приготовить для почетныхъ гостей завтракъ въ особомъ залѣ. Лодій былъ весьма изу-

..мзось, когда, войдя въ залъ, предназначенный для завтрака, увидѣлъ на каждомъ стулѣ по экземпляру небольшой брошюрки, напечатанной на роскошной бумагѣ со стихами Хвостова. Онъ съ удовольствиемъ успѣвши собрать все экземпляры, со стульевъ и отдать ихъ швейцару.

— Что вы дѣлаете? спросилъ взволнованный Хвостовъ, стоявшій въ углубленіи окна. — Вѣдь это я нарочно старался приготовить литературскій сюрпризъ.

— Помилуйте, графъ, сердито отвѣчалъ инспекторъ: — эти вы можете испортить весь завтракъ.

Ослабленіе безгаламаннаго поэта, въ остальномъ челоуѣка здрамыслящаго и довольно хорошо образованнаго, простиралось до того, что въ 1831 году онъ, какъ членъ бывшей россійской академіи, пришло на одно изъ ученыхъ засѣданій, вынулъ печатную бумагу и прочиталъ слѣдующее:

«Пѣвецъ Кубры, правъ Хвостовъ, за удовольствіе себѣ позволяетъ сообщать гг. членамъ, что онъ получалъ отъ г. издателя «Дамскаго журнала», известнаго прозаика и поэта князя Шаликова, привѣтное письмо отъ 21 декабря прошедшаго года, въ которомъ между прочимъ находится, что поэтъ-князь вспрыгнулъ со стула отъ радости, узнавъ о моемъ повышеніи въ домѣ знаменитой русской мельпомены — княгини Гагаринной⁽¹⁾, которая долго (удивно прыжку) разговаривала съ нимъ два мѣсяца и наконецъ просила отписать ей поклонъ ко мнѣ. Вотъ что я отвѣчалъ, гг. члены, относительно сего предмета, на прошедшей ночь:

КНЯЗЮ ШАЛИКОВУ

Я, чувствуя игру россійской мельпомены,
Дивился ей въ лицѣ Медеи, Поликсены;
Узнавъ черезъ тебя привѣтствіе, поклонъ,
Я, при закатѣ дней, спѣшу на Геликонъ
Сказать: цѣлю привѣтъ и князя и княгиню,
Но чту высоко даръ, волшебный даръ богини.

Затѣмъ онъ почтительно поклонился всему ученому ареопагу и скромно занялъ свое обычное кресло въ залѣ бывшей россійской академіи. Что объ немъ подумали тогда его ученые сосовариинчлены — незнаю, но свидѣтельство объ этомъ подвигѣ сохранилось и даже самъ Хвостовъ съ удовольствіемъ занесъ его въ одну изъ безчисленныхъ тетрадей своихъ рукописныхъ замѣтокъ и дневниковъ.

(1) Бывшая превосходная актриса Семенова.

И вѣтъ же самѣй поэтъ, исполненный самодовольствія и увѣренности въ безукоризненности своего таланта, несмотря на постоянныя шпильки печатныя и вѣустныя, на смѣхъ, который онъ производилъ однимъ своимъ появленіемъ, — не только не замѣчалъ своей комической роли въ литературѣ и обществѣ, но зло еще посмѣивался надъ другими бездарными поэтами, весьма хорошо замѣчая ихъ назойливость и безталанность. Чѣмъ объяснить такое протаворѣчивое сцѣпленіе яснаго изглагола на воступки другихъ и совершенное непониманіе собственной нелѣпности? Твердою увѣренностью въ самого себя и невѣстнымъ невредженіемъ ума, свихнушагося на одной любимой *idée fixe*.

Прочтите для примѣра стихотвореніе Хвостова: «Разговоръ сатирика съ плохимъ поэтомъ». Оно написано было имъ за два года до его смерти, въ 1832 году, следовательно одной старостью нельзя объяснить выходокъ его враждъ той, которую онъ сдѣлалъ въ російской академіи. Посмотрите какъ онъ здраво разсуждаетъ о другихъ :

Писатель дюжинный, на самохвальство щедрый,
Решивъ сатирику однажды говорить:
• Ты наглою острою себѣ бѣду купилъ;
Затѣйливый рѣзецъ твой, слишкомъ грубый, твердый,
Явить безъ устали, какъ выточенный ножъ,
Продажа, игрока, пѣнта и вельможъ.

Шпилькы змѣй, кого печалитъ? •

Сатирикъ отвѣчалъ:

— Меня бранить за то, что въ цѣль попалъ,
Порока червоту какъ въ перкалѣ казалъ;
Но ты, который вѣкъ надилъ и не ругалъ
(Я знаю, что тебя влословіе не жалитъ),

Скажи пожалуй мнѣ: за что

И самого тебя никто

Ни умный, ни глупецъ не хвалитъ?

Стало-быть Хвостовъ, несмотря ни на что, былъ убѣжденъ, что онъ *въ цель попалъ*, и надо полагать, этимъ обстоятельствомъ объяснялъ пренебреженіе къ себѣ своихъ враговъ-современниковъ.

Разстроивъ состояніе печатаніемъ своихъ твореній и литературнымъ меценатствомъ (онъ былъ вѣдь большой меценатъ), Хвостовъ выхлопоталъ, еще въ царствованіе Александра I, временное денежное пособіе. Александръ I, знавшій его лично и познакомившій его, какъ ближайшаго родственника Суворова, съ королемъ прусскимъ Вильгельмомъ III ⁽¹⁾, далъ ему нѣсколько десятковъ тысячъ, — по

(1) Собственно поэтому Хвостовъ и повязалъ Вильгельму III свои стихотворенія.

однимъ свидѣніемъ пятьдесятъ тысячъ, а не другимъ сто. Государь далъ ему эти деньги изъ жалости, чтобъ онъ выкупилъ свое заложное иждивіе. Чтоже сдѣлалъ Хвостовъ? Жена его графиня Аграфена Ивановна обрадовалась и пристала къ мужу, чтобъ онъ употребилъ деньги на дѣло.

— Погоди, матушка, отвѣчалъ ей поэтъ : — прежде всего надо тиснуть мои сочиненія новымъ изданіемъ.

Говорятъ, что онъ такъ и сдѣлалъ, хотя положительныхъ фактовъ на это въ его бумагахъ не находятъ. Такой вопросъ былъ слишкомъ щекотливъ для поэта, и хотя онъ съ мелкою кропотливостью записывалъ для потомства каждое малѣйшее обстоятельство своей жизни, вродѣ того навршибръ, какъ онъ печально упалъ на репетиціи Большого-театра, и какую сказалъ при этомъ остроуту, и какъ подымалъ его Каратыгинъ, — но осторожно обходилъ неприятный вопросъ : кто покупатели его сочиненій? и отвѣчалъ только въ своихъ дневникахъ : «въ типографію такую-то заплатитъ столько-то»; «къ архіерею такому-то отправлено 20 экземпляровъ перваго моего тома, вновь перепечатанаго» и т. д.

Въ очевидныхъ фактахъ, которые могли бы навести на мысль Хвостова о его бездарности, недостатка не было. Державинъ прямо свѣдѣлся надъ нимъ и при каждой встрѣчѣ обходился съ нимъ далеко нецеремоннымъ образомъ. Вотъ письменное доказательство, письмо Державина къ Хвостову :

«Милостивый государь мой, графъ Дмитрій Ивановичъ.

«Почтенное вашего сіятельства письмо и при немъ стихотворное ваше сочиненіе *въ честь снмвоа Вероны*, три экземпляра, имѣлъ удовольствіе получить и прочесть. Вы уже кажется начинаете думать о старости, что напоминаете о ней, а вслѣдствіе того покушаетесь измѣнять рифмамъ. Хотя это красоты вашихъ мыслей не убавляетъ, но мы привыкли къ вамъ чтить благозвучіе, то кажется и недостаетъ чего-то въ ухѣ. Но вы еще не такъ стары, поэтъ, и я увѣренъ, что юность ваша ободрится яко орла, и вы полетите въ страны превыспреннія, такъ что и глазомъ не достигнешь!» (*)

Хвостовъ переплетаетъ это письмо, заноситъ его въ свою ученую переписку и собственноручно приписываетъ такую замѣтку :

«Славный поэтъ Державинъ забылъ, что рифмы совсѣмъ посторонняя вещь отъ благозвучія : Гомеры, Виргиліи, Тассы, Данты (последніе большею частью) писали безъ рифмъ. Нынѣ трагедія

(*) Письмо это писано изъ Званки, 1815 г. и Державинъ въ пику самолюбивому Хвостову прибавляетъ : «я не могу ничего кропать, сижу въ нарочитой скукѣ, читая только чужіе журналы».

пэзмы отвергають рифмы; обычай подражательной французской поэзіи ввелъ у насъ рифмы. Мнѣ кажется, что Гаврило Романовичъ хлопочетъ о пустомъ и ошибается въ своемъ подположеніи или гипотезѣ: царь Давидъ, Исаія пророкъ, Гомеръ и Виргилій писали безъ рифмъ.»

Записавъ въ памятную книжку, что Державинъ не понимаетъ его и *зломочить о пустомъ*, Хвостовъ, любившій хвалить всѣхъ и каждого, съ мыслью, чтобъ и они въ свою очередь его хвалили, написалъ Державину огромное, раболѣпное письмо. Онъ увѣдомлялъ, что преосвященный Евгеній проситъ великаго и славнаго Державина написать свою біографію. Державинъ отвѣчалъ:

«Милостивый государь мой, графъ Дмитрій Ивановичъ..»

«Сейчасъ получилъ письмо вашего сіятельства отъ 15 текущаго мѣсяца; усердѣнно за оное благодарю. Изъ него я вижу, что преосвященный Евгеній новгородскій требуетъ моей біографіи. Охотно желаю познакомиться съ симъ почтеннымъ архипастыремъ. Буду къ нему писать и попрошу его къ себѣ, чрезъ 30 верстъ отъ Званки, можетъ-быть и удостоитъ посѣтить меня въ моей хижинѣ; тогда переговорю съ нимъ о сей матеріи лично: ибо не весьма ловко самому о себѣ класть на бумагу, а особливо нѣкоторыя анекдоты, въ жизни моей случившіеся. Касательно же литературы, то по случаю и мимоходомъ нѣкоторыя краткія черты сообщилъ я гг. Пушкинцѣ. Современемъ дополнить можно, а вамъ вотъ что скажу:

Кто велъ его на Геликонъ
И управлялъ его шагъ?
Не шлоль вайдетвенныхъ содомъ —
Природа, нужда и — враги.

Объясненіе четырехъ сихъ строкъ составляетъ исторію моего стихотворства, причины онаго и необходимость.»

Ничего не найдя въ такомъ отвѣтѣ для себя утѣшительнаго (а этого только и ждалъ Хвостовъ), щедро расточивъ похвалы Державину, онъ однако внесъ въ реестръ полученныхъ писемъ такую замятку: «получилъ письмо отъ знаменитаго Державина со стихами, что его на Геликонъ возвели природа, нужда и враги».

Подражать Державину было любимую мыслью Хвостова. Такимъ образомъ написалъ онъ много одъ, въ томъ числѣ и оду *Богъ, Вельму* и друг., заимствуя даже самыя заглавія у Державина. Одинъ разъ, перепечатавъ свои оды на отдѣльныхъ листкахъ, онъ разослалъ каждому своему знакомому по одной одѣ, и въ числѣ другихъ Державину, Бекендорфу и Карамзину. Самолюбивый Державинъ не удостоилъ его никакимъ отвѣтомъ и только грозился жало-

ваться государю на дерзость и литературное ворство Хвостова, а Карамзинъ, какъ человекъ вѣжливый, нелюбившій никого огорчать, наскоро отвѣчалъ:

«Искренно благодарю ваше сіятельство за обязательное письмо и за доставленіе мнѣ оды, достойнаго произведенія вашей музы... Съ особеннымъ удовольствіемъ замѣчаю прекрасные стихи: три послѣдніе во второй строфѣ; два первые въ пятой; седьмой, осьмой и девятый въ шестой; шесть послѣднихъ въ седьмой; два послѣдніе въ восьмой, и средніе въ десятой. Вотъ какъ надобно писать нашимъ стихотворцамъ: учите ихъ.»

Хвостовъ ломаетъ голову: отчего Карамзину понравился десятый стихъ, а не девятый? почему онъ забылъ третій и чѣмъ же нехорошъ четвертый стихъ? Онъ не хочетъ понять, что Карамзинъ написалъ на удачу первыя попавшіяся ему цифры, желая только успокоить назойливаго поэта, требовавшаго самой строгой критики на то, что ниже всякой критики.

Еще въ 1811 году Хвостовъ написалъ оду «*На построеніе Казанскаго собора*», по обыкновенію своему поднесъ ее государю, но скоро получилъ много писемъ безъ подписи такого содержанія:

Для храма новаго явилось ново чудо:

Хвостовъ скропалъ стихи — и, говорятъ, нехудо.

Въ 1825 году архангельскій губернаторъ С. И. Миницкій, по ходатайству министра просвѣщенія Шишкова, испросилъ позволеніе у Александра I открыть подписку на сооруженіе памятника Ломоносову. Хвостовъ тотчасъ сочинилъ оду и напечаталъ въ томъ же году. Покупателей разумѣется не нашлось, но Хвостовъ, желая доказать, какъ успешно его ода расходуется, прислалъ три тысячи рублей сереб. на памятникъ, заявивъ оффиціальнымъ письмомъ, что эъ прибылъ отъ распродажи его оды.

По поводу этой оды тотчасъ появилась новая сатира:

Великій Ломоносовъ нашъ обиженъ,

По ликъ его Хвостова одой не приниженъ.

По поводу другой какой-то оды Хвостовъ получилъ въ собственные руки, по почтѣ, слѣдующую эпиграму, написанную барономъ Дельвигомъ:

Въ стихахъ Хвостова пользы три:

Читай, зѣвай и... въ печкѣ жи.

Въ 1828 году онъ написалъ стихи «*На выступленіе полковъ ебъ-гвардіи изъ С. Петербурга*» и послалъ ихъ генералъ-лейте-

панту Бекендорфу, для поднесенія государю Николаю Павловичу. (Вручать свои стихи высочайшимъ особамъ было страстью Хвостова и въ продолженіе четырехъ царствованій — Екатерины II, Павла I, Александра I и Николая — онъ не отступалъ отъ этого правила.) Вышесказанные стихи были конечно приняты, но и тутъ стихотворцу досталось отъ рукописной критики (печатныхъ критикъ на него почти не писали), и въ обществѣ скоро распространилось слѣдующее шестисташіе :

Подзобокъ на груди и подогнувъ колѣна (!),
 Нашъ Бавій говорить : «и я теперь пѣтъ!»
 Ему на то отвѣтила Камена :
 — Ты пошлый Бавій, а не Свѣтъ,
 И всѣхъ твоихъ стиховъ статья
 Пойдутъ въ прижѣръ галиматы.

По поводу седьмого тома стихотвореній Хвостова, вновь перепечатанаго и разосланаго ко всѣмъ сильнымъ и несильнымъ міра сего, досужіе зоиы ухитрились сунуть прямо въ карманъ поэта иже слѣдующее двусташіе :

Пегась отъ тяжести лирическихъ стиховъ
 Вдохнувъ, натужился — и выскочилъ Хвостовъ.

Въ числѣ гонителей для Хвостова самымъ неприятнымъ и страшнымъ былъ издатель «Благонамѣреннаго» Алек. Ефимов. Измайловъ. Нашъ Дмитрій Ивановичъ долго не могъ переварить его сатиры : «Поэтъ и чортъ», и очень хорошо зналъ, что она написана на него. Когда Измайловъ уѣхалъ изъ Петербурга въ Тверь на службу, Хвостовъ кадилъ ему письменно, а между тѣмъ съ очевиднымъ наслажденіемъ не записывалъ въ свой реестръ полученныхъ писемъ :

«Изъ Твери пишутъ, что отъ Измайлова («Благонамѣреннаго») бѣгаютъ какъ отъ чумы.»

Между тѣмъ это былъ совершенный вздоръ : Измайлова, бывшаго вице-губернаторомъ въ Твери, всѣ любили, какъ даровитаго писателя, прямого, честнаго человѣка и весьма дѣльнаго провинціального администратора.

Хвостова постоянно тревожило и интересовало, не написалъ ли чего-нибудь новаго тверской вице-губернаторъ на его особу. Недостойный корреспондентъ Хвостова, Петръ Лалинъ, сообщалъ ему куратно всѣ слѣтня.

(!) У Хвостова отъ старости сдѣлалось на подбородкѣ что-то вроде зоба, отчего фигура его представляла комическій видъ, съ опущеною головою на грудь и съ вѣчно согнутыми колѣнами.

«Ваше сіятельство требуетъ отъ меня стихиковъ г. Благонамѣреннаго. Тѣ, которые до меня дошли, при семъ прилагаю, а другіе постараюсь достать. Смѣю быть увѣреннымъ, что они не поправятся вамъ. Вашъ образованный вкусъ отвергнетъ презрительныя плоскости, коими вазлектризованы сатирическія сочиненія нашего г. Благонамѣреннаго. Сегодня, въ воскресенье, я видѣлся съ нимъ въ городскомъ саду, ваше сіятельство. Онъ прогуливался важно, окруженный своимъ семействомъ, и съ увѣренностью автора замѣчалъ, что будто въ тверскихъ жителяхъ, особливо въ благородныхъ, нѣтъ жизни! Г. Измайловъ правитъ теперь должность гражданскаго губернатора и, къ удивленію, съ этимъ прекраснымъ девизомъ заставилъ себя бояться. Въ духовъ день едва онъ показался въ воксалъ и всѣ немедленно начали разъѣзжаться оттуда; причина этому, какъ сказываютъ, сатирическое его перо, которое чертятъ въ карикатурномъ видѣ портреты нашихъ оригиналовъ. Я просилъ его прочесть мнѣ послѣднія его произведенія и онъ мнѣ далъ слово.»

Измайловъ, а по другимъ указаніямъ Милоновъ, передернулъ Хвостова слѣдующими стихами :

Я видѣлъ какъ стихи, валяясь на прилавкѣ,
У лавочниковъ шли оберткой на булавки,
И видѣлъ: съ семгою обившійся судакъ
Въ твоихъ твореніяхъ, сказалъ — что ты дуракъ.

Пушкинъ по поводу объявленія о третьемъ изданіи сочиненій Хвостова, не оставилъ безъ вниманія такого курьознаго явленія и написалъ :

Нашъ русскій Буало, Корнель и Флакъ,
И баснословъ, и драматургъ, и лирикъ!
На, вотъ тебѣ и панегирикъ:
Тѣ были умные, а ты дуракъ. (1)

Всѣ приведенныя нами эпиграмы писались быть-можетъ при другихъ обстоятельствахъ и другими лицами, но достаточно ихъ, чтобъ прийти къ заключенію, что для Хвостова существовала особенная, летучая критика, достигавшая до него скорѣе печатной. Едвали кто изъ русскихъ поэтовъ, невыключая и самого Тредьяковскаго, былъ такъ гонимъ общественнымъ мнѣніемъ, какъ онъ. Значить заблуждаться насчетъ своей геніальности ему не было никакой возможности. Между тѣмъ ничто не могло остановить цѣнти-

(1) Эпиграму эту и всѣ остальные, приведенныя выше, сообщилъ намъ Ков. Ив. М—въ, современникъ и короткій знакомый графа Хвостова.

ческой его деятельности. Известная эпитаграма Воейкова менѣ всего достигла своей цѣли :

— «Ты, Хвостовъ!» къ нему дошедши
Вскрикнулъ я: «тебѣ-ль здѣсь быть?
Ты дуракъ — не сумасшедшій,
Тебѣ не съ чего сходить!»

На глазахъ самого Хвостова затѣялось, и потомъ издалось, «Собрание образцовыхъ сочиненій». Издатели были люди коротко знакомые ему, изданіе — громадное по размѣрамъ, въ восемнадцать томахъ, куда вошли, какъ баластъ, стихи и проза всевозможныхъ бездарныхъ авторовъ; одного несчастнаго Хвостова не влечтало ни строчки. Такое явное, гласное пренебреженіе обидѣе всего было для старика. Онъ заболѣлъ и съ огорченіемъ писалъ къ Н. И. Гречу :

Ахъ, неисключая Цицерона,
Мила для всѣхъ лавровая корона!

По истинѣ, трагическое было положеніе несчастнаго стихотворца. Вездѣ и всюду ему ясно говорили, что онъ бездаренъ, что ему писать неслѣдуетъ. Онъ готовъ былъ кажется отдать всю жизнь, чтобъ хотя одна строка его стиховъ попала въ «Собрание образцовыхъ сочиненій» — и тутъ отказъ. Онъ разстроилъ свое состояніе на перепечатку сочиненій своихъ, на покровительство русскимъ журналамъ — и тутъ одни оскорбленія и насмѣшки. Этого мало: Суворовъ, близкій родственникъ Хвостова, умершій на его рукахъ и въ его домѣ, Суворовъ, котораго онъ обожалъ до фанатизма, печатно сѣрдась, что Полевой и князь Вяземскій не называютъ его полубогомъ, — этотъ Суворовъ нанесъ смертельный ударъ несчастному поэту.

— Митя, сказалъ онъ ему передъ смертью: — ты доброй души человекъ, но не пиши, братецъ, стиховъ. Охота быть тебѣ посмѣшищемъ!

Чѣмъ же объяснить эту неукротимую страсть къ авторству? Вспрось этотъ чисто-психологическій, достойный вниманія по своей рѣдкости.

Не надо думать, что на Хвостова не дѣйствовали никакія сатиры и совѣты. Это опровергаетъ уже одно то, какъ старательно заботивалъ онъ Измайлова, Полевого, Воейкова, Пушкина. Титломъ поэта онъ болѣе гордился, чѣмъ своими званіями, а именно: званіемъ оберъ-прокурора въ синодѣ, потомъ чинномъ тайнаго совѣтника и сенатора, словомъ тѣми отличіями, благодаря которымъ онъ

принять былъ при дворѣ и имѣлъ значеніе въ петербургскомъ обществѣ. Съ одной стороны такое воззрѣніе на значеніе писателя дѣлаетъ ему честь, потому что оно доказываетъ, что Хвостовъ природныя, внутреннія достоинства чедовѣка ставилъ выше внѣшнихъ достоинствъ вообще. Какъ сенаторъ и сильный чедовѣкъ по своимъ аристократическимъ связямъ, Хвостовъ былъ образцомъ для другихъ господъ, находившихся въ его положеніи: онъ былъ скромнень, учтивъ, помогалъ всякому, давалъ мѣста по преимуществу образованнымъ людямъ и не любилъ чиновническаго низкопоклонства. Это свидѣтельствуютъ единогласно тѣ оставшіеся въ живыхъ его современники, которые служили вмѣстѣ съ нимъ. Въ дѣлахъ судебныхъ онъ, какъ сенаторъ, отличался, кромѣ честности, здравымъ пониманіемъ самыхъ сложныхъ вопросовъ и большимъ радѣніемъ къ своимъ сенаторскимъ обязанностямъ. Онъ составлялъ даже проекты, нелпшонные практическаго смысла и пониманія дѣйствительности, какъ напримѣръ объ искорененіи нищенства въ Россіи, о распространеніи элементарныхъ юридическихъ познаній русскихъ законовъ. Покойному своему сыну онъ написалъ на французскомъ языкѣ весьма умное наставленіе, какъ долженъ вести себя молодой чедовѣкъ за границую, не забываясь объ однихъ пустыхъ удовольствіяхъ, но стараясь по преимуществу образоваться науками и выработать чувство чести и чедовѣческаго достоинства.

Но тутъ—то психологическая загадка и усложняется: отчего же этотъ далеко неглупый чедовѣкъ, образованный и честный, забывалъ всякое чедовѣческое достоинство, унижаясь передъ такими людьми, какъ напримѣръ Воейковъ, и даже въ обществѣ снисходительныхъ своихъ друзей Жуковскаго, Ал. Ив. Тургенева, заслужилъ репутацію ваглеца и падшаго во всѣхъ отношеніяхъ чедовѣка, на котораго ни въ чемъ нельзя положиться?

Прежде чѣмъ рѣшить этотъ вопросъ, надо предложить сперва другой: вѣроятно же были причины, или люди, пользовавшіеся простотою и слабостью Хвостова, кадившіе ему и увѣрившіе, что онъ великій поэтъ?

Читатель отвергнетъ подобное предположеніе, находя слишкомъ безнравственнымъ увѣрять чедовѣка, одержимаго нелѣпою до очевидности слабостью, увѣрять его, что это не слабость, а напротивъ — его великое и неотъемлемое достоинство.

А между тѣмъ были такіе люди, говорившіе Хвостову, что иля его безсмертно и не умретъ въ потомствѣ, что его не признаютъ изъ одной лишь зависти. Разумѣется это нимаго не оправдываетъ Хвостова; отъ этого онъ насколько не дѣлается ни лучше, ни хуже. Здѣсь любопытно только то, какъ люди умѣютъ пользоваться ка-

жадою страстью и слабостью ближняго, даже тѣмъ, если онъ пишетъ глупые стихи.

Послушайте какія стихотворныя посланія получалъ Хвостовъ при письмахъ, гдѣ просить у него чина, ордена, или мѣста, съ увѣреніемъ, что нижеслѣдующіе стихи есть сушая и величественная правда :

КЪ ПОРТРЕТУ

ЕГО СІЯТЕЛСТВА ДМИТРІЯ ИВАНОВИЧА ХВОСТОВА

Блаженъ, кто тайну разгадалъ
 Пѣнять сердца, тревожить чувство,
 Чей смѣлый гений сочеталъ
 Съ талантомъ рѣдкое искусство!
 О, какъ завидѣвъ твой удѣлъ,
 Пѣвецъ Кубры, пѣвецъ природы,
 Баяно-россъ! Ты звучно пѣлъ
 И цѣсь любви, и громки оды!
 Ты славилъ дружбу и царей,
 То нѣженъ былъ какъ соловей,
 То вдругъ цѣвницы мирной струны
 Превращались въ перуны.
 Поешь — и живо предъ собой
 Я вижу яркія картины:
 Сады роскошны надъ рѣкой,
 Чертоги фэй, златыя нивы,
 И твой волшебный Петергофъ
 Чудесный памятникъ вѣковъ,
 Гдѣ солнце златомъ всюду блещетъ,
 Самсонъ хрусталь прозрачный мечетъ
 И грозная пучина водъ
 Грозитъ пожрать земли оплотъ;
 На землю съ воздуха катится
 Алмазъ и жемчугъ дорогой,
 И снова кверху бьетъ рѣкой,
 И въ брызгахъ о помость дробится;
 Гдѣ вдохновенія предметъ
 Тебѣ твердить, что ты поэтъ!

Безвѣстенъ я! но нѣтъ забвеній,
 Чтобъ не цѣнить твоихъ твореній,
 Пѣвцовъ завистливый предметъ
 Ихъ цѣнить вѣкъ, ихъ цѣнить свѣтъ!
 Объ нихъ съ отрадою услышитъ
 Потомство будущихъ сыновъ, —

И слава ния твое впишетъ,
Въ скрижалъ завѣтную вѣковъ!

Вамъ странно, что Хвостову серьезно писались такія посланія, какихъ не удостоивались получить при жизни ни Пушкинъ, ни Гоголь? Но эта пошлая лесть подѣйствуетъ на васъ еще неприятели, если вы будете знать, что перомъ панегириста руководила задняя мысль — выслужиться у графа, заискать его протекцію.

Обратимъ вниманіе на хвостовскихъ панегиристовъ. Во главѣ ихъ стоятъ: князь П. И. Шаликовъ, издатель «Дамскаго журнала»; Щедритскій, адъюнктъ московскаго университета; Рындовскій и Городчаниновъ, профессора казанскаго университета; Духовской, Машковъ и Макаровъ.

Эти люди другъ передъ другомъ жужжали въ уши плохому рифмоплету-сенатору, что онъ краса русской литературы. Рифмоплет-сенаторъ сначала чувствовалъ, что хвалители его заходятъ чересчуръ далеко — и въ тоже время глоталъ грубую ихъ лесть съ жадностью. Слыша непрерывныя увѣренія, что похвалы ихъ — похвалы не велицеприятной дружбы, а голосъ самой истины, Хвостовъ сначала скромничаетъ, а потомъ принимаетъ все какъ должное. Рындовскій проситъ poradъть объ немъ у министра народнаго просвѣщенія, а затѣмъ некрасивѣя прибавляетъ:

«Превосходныя творенія пера вашего означены печатью великаго генія. Они были и останутся образцовыми произведеніями языка боговъ. Послѣднія стихотворенія вашего сіятельства, которыми вы удостоили подарить и меня, отличаются прелестью, выразительностью, силою; я съ душевнымъ удовольствіемъ перечитываю ихъ и осмѣливаюсь, со всѣми истинными цѣнителями русской словесности, противорѣчить скромному мнѣнію вашему о себѣ, что для генія вашего парнасъ будто высокъ, утесистъ, скатокъ: нѣтъ, ваше сіятельство! для вашего окрыленнаго духа пропасти, утесы и стремнины не могутъ положить преграды; вы имѣете дивную способность созидать, одушевлять, украшать.»

Трудно допустить, чтобъ это писалъ ученый профессоръ отъ души; тѣмъ болѣе допустить этого невозможно, что въ то время извѣстны уже были всѣмъ стихи Жуковскаго, Батюшкова и Пушкина. Между тѣмъ профессоръ говоритъ съ такимъ азартомъ — по поводу чего бы вы думали? По поводу хвостовскаго «Посланія Домоносову о рудословіи». Достаточно привести начальныя стихи изъ этого *рудословія*, чтобъ убѣдиться, что у профессора умысль другой тутъ былъ:

Народа славнаго пѣвецъ рожденный къ чести!
Тебѣ куреніе не прикоснется лести.

Доколь времени ты подъ державой живь,
 Давая съ юныхъ дѣтъ къ полезному несытость,
 Любя его, некаль Россіи знаменитость.
 То мало: счастье враждебныхъ странъ устроишь,
 Гоциныхъ защитилъ, страдающихъ снокоилъ,
 И, свыше ополченъ, пространство пролеталъ,
 А по слѣдамъ цвѣты душистые металъ, и т. д.

«Что не восхититъ прекраснѣйшее посланіе ваше къ Ломоносову о рудословіи? пишетъ Хвостову Рындовскій: — оно богато силой, выразительностью и плѣнительнымъ разнообразіемъ поэтической живописи; но есть нѣкоторыя отличительнѣйшія мѣста, означенныя невзглядною печатью сѣвернаго барда... ваше сіятельство сами лучше всякаго другого знаете сія такъ-сказать чудесныя мѣста: ихъ нельзя читать безъ восторга, нельзя не восхищаться ими!»

Князь Шашиковъ, по бездарности превосходившій самого Хвостова, — что не мѣшало ему однако въ лести опережать всѣхъ корыстныхъ поклонниковъ Хвостова — покрайней-мѣрѣ не хитрилъ и приступалъ къ дѣлу проще профессора Рындовскаго. Онъ изъ Москвы писалъ такъ:

«Почтеннѣйшій благодѣтель,
 милостивый государь
 графъ Дмитрій Ивановичъ.

«Дозвольте, почтеннѣйшій благодѣтель, мнѣ снова прибѣгнуть къ вашему неизчерпаемому великодушію — вотъ вслѣдствіе какого случая:

«Разсматривая черты лица вашего новаго портрета, который, при новомъ литературномъ подаркѣ отъ васъ, часто бываетъ передъ нашими глазами, я воскликнулъ однажды: «какая милая, добродушная физіономія у графа! все показываетъ въ ней человѣка мыслящаго и чувствующаго благо!» Жена и дѣти, окружавшія меня въ сію минуту, раздѣлившіи со мною удовольствіе разсматривать черты лица вашего благодѣтеля. Наконецъ первая, т. е. жена, въ свою очередь воскликнула: «для чего ты не попросишь графа... о чинѣ? Щедритскій чрезъ ходатайство нашего постоянного милостивца получить же чинъ коллежскаго асессора: вѣрно и тебѣ не откажетъ въ новой милости». И я произнесъ: буду просить!»

«Жребій брошенъ — и вотъ новая просьба къ моему единственному меценату, который не умѣетъ казаться тяготиться просьбами. Но довольно для моего мецената и справедливаго судьи; стану ожидать благихъ дѣйствій его на министра.»

И точно, дѣйствія мецената-поэта оказались благими для журна-

листа и переводчика «Исторіи Генрика IV», князя Петра Ивановича Шаликова: онъ тотчасъ началъ хлопотать о желанномъ чинѣ.

Въ одномъ изъ безчисленныхъ писемъ своихъ къ Хвостову Шаликовъ говорить:

«Такъ, почтеннѣйшій благодѣтель мой и Щедритскаго, мы взглянемъ тѣнь вины нашей, съ вашимъ пятымъ томомъ въ рукахъ. Я замѣтилъ почти всѣ пьесы, вами замѣченныя, при извѣстіи о пятомъ томѣ. Я желалъ бы видѣть еще пятнадцать томовъ вашихъ, но скажу, что нельзя удачнѣе дополнить свои сочиненія: этотъ томъ отличается какою-то особенною свѣжестью, несмотря на нѣкоторыя неновыя пьесы: онѣ всегда будутъ новы своимъ колоритомъ. Я утомилъ моего милостивца! Простите великодушно.»

Въ другомъ письмѣ Шаликовъ говорить:

«Какъ я радъ, почтеннѣйшій благодѣтель и меценатъ мой, что вамъ пріятенъ разборъ Щедритскаго о вашемъ пятомъ томѣ. Другого разбора не могло быть отъ сего умнаго, ученаго и, что всего важнѣе, прекраснаго молодого человѣка. Ободренный милостями вашими, посылаю восемь билетовъ на свой журналъ для будущаго уже года. Въ 22 номерѣ моего журнала мой единственный меценатъ увидитъ собственныхъ чадъ своихъ, присланныхъ имъ самими и полученныхъ мною отъ А. А. Волкова. Благодарность моя, вопреки обыкновенному ходу вещей, возрастаетъ болѣе и болѣе, и не перестанетъ возрастать доколѣ не скажетъ природа моему существу: «разрушься!»

Щедритскій съ своей стороны не отставалъ отъ Шаликова; у нихъ происходило даже соревнованіе, кто возьметъ перевѣсъ надъ сенаторомъ-поэтомъ.

«Писавши разборъ на пятый томъ вашихъ сочиненій, — сообщаетъ Щедритскій — я угадалъ вашу мысль, какъ видѣлъ это изъ послѣдняго вашего письма ко мнѣ: я разсматривалъ васъ особенно какъ нравственнаго поэта, зная совершенно, что сердце ваше чисто. Разборъ мой вамъ понравится, ибо писалъ справедливо и безпристрастно. Доложу вамъ, что я нападалъ въ своемъ разборѣ на романтиковъ, вынѣшнихъ модныхъ писателей, любимцевъ «Телеграфа», и противопоставалъ имъ, съ самой лучшей стороны, ваши сочиненія. По ходатайству вашему дѣло о мнѣ въ университетѣ кончилось успѣшно: я избранъ въ адъюнкты, но не лишите, ваше сіятельство, милостиваго участія: я желаю, чтобы я утвержденъ былъ бы министромъ съ полнымъ окладомъ и другими выгодами, принадлежащими университету. Слѣдовательно отъ власти высшаго начальства будетъ зависѣть предписать университету добавить мнѣ жадованье изъ экономической суммы. Пріятель мой Анд. Из.

Г—ннѣ убѣдительно просилъ меня извѣстить васъ, ваше сіятельство, о своемъ дѣлѣ. Еще въ половинѣ юня имѣлъ честь писать къ вашему сіятельству о ходатайствованіи опредѣленія его въ общее собраніе правительствующаго сената московскихъ департаментовъ.

«Принятому глубочайшую благодарность вашему сіятельству, истинному благодѣтелю ближнихъ, за покровительство ваше и предстательство обо мнѣ передъ монше начальствомъ; съ глубочайшимъ же уваженіемъ къ знаменитому пѣвцу Кубры⁽¹⁾ читаль я пятый томъ стихотвореній вашихъ; черты лица вашего, такъ сходно и живо изображенныя, останутся драгоценнымъ памятникомъ.»

Порою Хвостовъ чувствовалъ, что въ периферіи его хвалителей что-то несовсѣмъ ладно. Они величали его геніемъ, знаменитымъ пѣвцомъ Кубры и т. д., а настоящіе писатели и журналы, точно сговорились, ни слова не упоминали объ немъ. Самъ Хвостовъ жаловался Писареву, не въ официальной, а дружеской запискѣ, что его въ журналахъ не бранятъ даже серьезно, а если вспоминаютъ, то всегда вскользь и съ пренебреженіемъ къ его таланту.

Въ такіа тяжолыя минуты быть—можетъ ему бросалось въ глаза то обстоятельство, что единственные его критики-хвалители, послѣ расточенныхъ похвалъ, обыкновенно обращались съ просьбами о чинахъ, о ходатайствѣ у министровъ, объ опредѣленіи ихъ дѣтей въ заведенія на казенный счетъ. Если же онъ не доходилъ и до такихъ очевидныхъ соображеній, то положительно извѣстно, что нашъ безталанный пита прямо и съ неподдѣльною горечью писалъ своимъ критикамъ-хвалителямъ о томъ, что другіе критики смѣются надъ ними и печатно намекаютъ на ихъ пристрастіе.

На это онъ обыкновенно получалъ такіе отвѣты: «Зависть зюловъ всегда презрительна, — писалъ къ нему Щедритскій отъ 9 ноября 1827 г. — посему *непристойныя выдержки* «Телеграфа» не могутъ помрачить славы, приобретенной трудами и дарованіями. Препровожденные вами ко мнѣ два письма по сему предмету я читалъ съ большимъ любопытствомъ; показывалъ оныя А. Ф. Мерзлякову, князю П. И. Шалякову и другимъ любителямъ словесности: основательность, благородство и сила, заключающіяся въ сихъ письмахъ, единогласно признаны всѣми; я буду хранить ихъ какъ памятники литературныхъ происшествій нашего вѣка!»⁽²⁾ Посланіе

(1) Въ имѣніи графа Хвостова, подъ названіемъ *Слободка*, протекала рѣка Кубра. Эту-то Кубру воспѣлъ Хвостовъ; хвалители его пришли въ восторгъ и съ тѣхъ поръ начали величать его *пѣвцомъ Кубры*.

(2) Это онъ говоритъ по поводу смѣшной жалобы Хвостова попечителю П. Т. XI. — Отд. I.

же къ вамъ, сiятельнiйшій графъ, г. Языкова и отвѣтъ вамъ къ нему — прекрасны. Ктоже, какъ не вы, старiйшiй племя нашего варяса, постоянно идущiй вѣрнымъ путемъ древнякъ, можете дать классическiй совѣтъ шальной и недостойной боготъ музъ, снѣгающей у береговъ нестайскихъ? Кому приличнѣе, какъ не вамъ, масститому пѣвцу, вразумить сына вольнаго бодѣла, подтаудалца слѣдующими словами:

Пѣвецъ! постигни цѣль искусства:
Славь добродѣтели потокъ,
Страстямъ, пороку дай урокъ;
Тебѣ любви высокой чувства
Отпротивь истинны предѣлы.

«Какой высокiй и мудрый совѣтъ, достойный небесной дщери поэзи и земного любимца ея! Сiи стихи ваши должны быть ключемъ къ сочиненiямъ вашимъ и эпитафiомъ похвальнаго вамъ слова: ибо съ сей точки возвышенной надобно разсматривать дѣла и труды ваши; достигая сей цѣли, писатель становится безсмертнымъ, гражданиномъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ! Любовь высокая, добродѣтель и истина! когда и гдѣ вы умирали? И вы не умрете, сiятельнiйшій графъ, хотя часто упоминаете о смерти. Любовь, добродѣтель, слава и истина ограждать васъ щитомъ сводятъ.»

Кажется, что послѣ такихъ возвыщенныхъ и пламенныхъ словъ ничего не остается сказать болѣе. Но Щедритскiй, «прекрасный молодой человекъ», какъ называлъ его Шаликовъ, за одинъ разъ достигаетъ двухъ цѣлей: вслѣдъ за вышеприведенными до наглости льстивыми словами онъ приписываетъ:

«Сестра моя недавно писала просьбу къ министру просвѣщенiя о исхотайствованiи ей у государя-императора пенсiона покойнаго родителя нашего, по причинѣ совершенно безденежнаго состоянiя ея. Ваше сiятельство, какъ другъ человечества, примите участие въ семъ благомъ дѣлѣ и покажите средства къ усрѣднѣйшему его окончанiю. Вамъ безъ сомнѣнiя извѣстно состоянiе наше. Равнымъ образомъ и мое дѣло все еще покоится на столѣ въ Петербургѣ, а мы нетерпѣливо ждемъ прибытiя его въ древнюю столицу.»

сареву. Последнiй, какъ умный человекъ, не дѣлаетъ никакихъ выговоровъ Полевому, а отдѣлался отъ Хвостова экспромтомъ:

Ни въ чемъ поэту нѣтъ препонъ:
Подчасъ онъ — Аполлонъ,
И новые мiры творить его тутъ генiй!
Подчасъ такой задасть трезвонъ —
И Марсомъ онъ средь всѣхъ кровавыхъ истребленiй.

Третій критикъ-хвалитель, Лаличъ, тоже пишетъ :

«Почтеннѣйшій мой благодѣтель! Въ доказательство вашихъ постоянныхъ ко мнѣ милостей вы столь много снисходительны, что хвалите мой, акростихъ и скудный талантъ, если только можно такъ назвать минутный порывъ воображенія молодости. Акростихъ мой очень слабъ, но ваша похвала одоbratesъ меня. Ничего не сомнѣваюсь, что и Пушкину, не только мнѣ, но уласть сказать того, что вамъ сказано къ прелестнымъ глазкамъ идеальной вашей Кубры, и прибавлю еще, что гевій Пушкина не производилъ никогда такого прелестнаго мадригала, какъ выдѣ на игру представленной на благородномъ театрѣ г. Титова комедіи «Вспыльчивая жена». Какъ любитель изящнаго, люблю пламенно вашу гевію, и потому ни одно изъ вашихъ произведеній не ускользаетъ моихъ рукъ, хотя бы вы, по свойственной вамъ скромности, ничего о томъ не говорили.»

Безпрерывно выслушивая, что онъ скромный, не знаетъ цѣны самому себѣ, Хвостовъ, отъ природы робкій и осторожный, дѣлается самоувѣреннымъ. Самолюбіе его, и безъ того значительное, раздувается. Онъ наконецъ начинаетъ самъ величать себя пѣвцомъ Кубры, мастытымъ поэтомъ, приводитъ свои собственные стихи какъ непреложный текстъ, пишетъ къ гр. Боргу и почти требуетъ, чтобъ сдѣлали внимательный разборъ его твореніямъ на нѣмецкомъ языкѣ въ «Дерптскихъ лѣтописяхъ». «Въ Россіи — пишетъ онъ — нѣтъ критики; но я не могу жаловаться на похвалы иностранныхъ литераторовъ и некоторыхъ честныхъ русскихъ знатоковъ и любителей.»

Небудучи отъ природы ни наглымъ, ни самоувѣреннымъ, Хвостовъ все еще роищеть и занскиваетъ расположенія у всѣхъ новыхъ литературныхъ знаменитостей. Отъ этого онъ кажется только смѣшнымъ старикомъ, но далеко не такимъ жалкимъ и слѣпымъ по своему комическому заблужденію, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Кланаясь Пушкину и Баратынскому, онъ въ тоже время невольно припоминалъ фразы своихъ хвалителей, вродѣ знаменитой фразы Щедритскаго: «вы безсмертный писатель, гражданинъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ», или же напечатанные къ нему стихи князя Шаликова: «*Пой, пой Гораций, Меценатъ!*» и краснорѣчивое письменное увѣреніе Е. Лалина, что Пушкинъ не знаетъ склоненій и падежей, и что ему, при всемъ его гевіи, надо поучиться красотѣ стиха у пѣвца Кубры.

При необузданной страсти къ стихотворству и гоньбѣ за литературную славою, дѣлается совершенно понятнымъ, что похвалы корыстныхъ критиковъ сдѣлали наконецъ ничего незначащимъ и

безсильнымъ въ глазахъ Хвостова всеобщее порицаніе другихъ. Тутъ и кроется главная причина того невѣроятнаго ослѣпленія и непоколебимаго убѣжденія Хвостова въ своемъ собственномъ геніѣ, которое было бы невозможно при другихъ, болѣе честныхъ литературныхъ отношеніяхъ.

Въ петербургскомъ литературномъ кружкѣ смотрѣли на Хвостова какъ на забавнаго старика, а на остальную его жизнь не обращали никакого вниманія. Но въ Москвѣ смотрѣли иначе: московскіе литераторы знали, что онъ добрый и честный сенаторъ, растратилъ все состояніе на печатныя глупости, живетъ бѣдно и грязно для своего положенія, и кромѣ того сдѣлался жертвою людей, столько же бездарныхъ, какъ и онъ, но дилекто уступавшихъ ему въ нравственныхъ качествахъ. Въ Москвѣ прямо говорили, что Хвостовъ не беретъ взятокъ въ сенатѣ, но самъ даетъ взятки за литературныя похвалы и содержитъ на жалованьи нѣкоторыхъ господъ.

Москвичи издавна любятъ вмѣшиваться въ чужія дѣла. Они хотя скверно ведутъ свои собственныя, но любятъ открывать глаза другимъ. Это скорѣе ихъ достоинство, чѣмъ порокъ. Но теорія такого воззрѣнія надо было ожидать, что дѣло графа Хвостова рано или поздно разыграется большимъ скандаломъ.

Такъ и случилось.

Нѣкоторые изъ членовъ общества любителей россійской словесности начали поговаривать, что надо исключить изъ своего слова князя П. И. Шаликова, какъ человѣка, берущаго взятки за свои рецензіи съ графа Хвостова. «Это — сказалъ Раичъ, переводчикъ «Освобожденнаго Іерусалима» — наноситъ безчестіе всей русской литературѣ; довольно и того, что въ Петербургѣ занимается этимъ, говорятъ, Булгаринъ.»

Никто не рѣшался однако публично поднять такой щекотливый вопросъ. Одно обстоятельство ускорило дѣло и буря, чуть не кулачная, разыгралась 1827 года въ залѣ московскаго университетскаго правленія. Вотъ какъ рассказываетъ объ этомъ самъ Шаликовъ, прося уничтожить его письмо и сохранить все въ тайнѣ:

«Почтеннѣйшій благодѣтель

графъ Дмитрій Ивановичъ.

«Рѣшаюсь увѣдомить ваше сіятельство о приключеніи, въ которомъ я долженъ былъ явиться вашимъ рыцаремъ, — увѣдомить не для того, чтобы похвалиться исполненіемъ священнон обязанности, но чтобы предупредить слухъ, могущій дойти до моего высшаго начальства невѣрнымъ и повредить мнѣ.

«Итакъ — въ первое засѣданіе общества россійской словесности,

бывшее 7 сентября, подъ председательствомъ Ф. Ф. Кокошкина, сей послѣдній отирылъ собраніе, состоявшее изъ однихъ только дѣйствительныхъ членовъ, чтеніемъ вашего литературнаго письма, въ которомъ вы упоминаете о письмѣ своемъ къ М. А. Дмитріеву, объ отпадѣ его и проч. По окончаніи чтенія председатель обращается къ Дмитріеву съ вопросомъ, на который Дмитріевъ сказалъ, что все содержаніе вашего письма состоитъ въ *согласіи* вашемъ на всѣ его мысли и мнѣнія, изложенныя въ сочиненіи, подавшемъ поводъ къ перепискѣ вашей, и посѣщилъ прочитатъ свой отвѣтъ.

«— Все это надобно предать печати, сказалъ я, — ибо относится къ нашей словесности.

«— Покрайней-мѣрѣ я не напечатаю своего письма, сказалъ Дмитріевъ.

«— Для чего же? спросилъ я.

«— Для того, отвѣчалъ онъ, — чтобъ не заставить думать, будто я, какъ *многие*, въ перепискѣ съ графомъ Хвостовымъ.

«Я. К чему такое презрѣніе?

«Онъ. Именно презрѣніе...

«Я. Графъ Хвостовъ не заслуживаетъ этого, какъ мужъ, достойный всякаго уваженія.

«Онъ. Да уже вы довольно хвалите его въ своемъ журналѣ!

«Я. И буду всегда хвалить, и буду всегда вступаться за графа.

«Онъ. Это не дѣлаетъ вамъ чести.

«Я. Напротивъ того; но безчестно поносить честнаго человѣка!..

«Онъ. Вы хвалите его за *пятьсотъ* рублей: того ли вамъ хотѣлось?

«Все это говорено было черезъ столъ, за которымъ сидѣли, въ первыхъ председатель, въ вторыхъ члены: А. Ф. Мерзляковъ, Аксаковъ, Побѣдоносцевъ, Загоскинъ, Раичъ, Писаревъ (А. И.), Макаровъ, Волковъ; Каченовскій пріѣхалъ послѣ роковыхъ словъ Дмитріева.

«Я умолкъ. Но когда дѣла наши кончились и всѣ встали, я подошкъ къ нему и спрашиваю: о какихъ пятистахъ говорилъ онъ?

«Онъ. Да отойдите отъ меня.

«Я. Нѣтъ, я подойду еще ближе.

«Онъ. Что вы пристааете, какъ лихорадка?

«Я. Я вгоню тебя въ горячку, подлый человѣкъ!..

«И сталъ ругать его нещадно; и нечего таить, еслибы не становились между нами свидѣтели происшествія, то у него слетѣли бы съ носа очки. Мнѣ говорили о зеркалѣ, котораго я, какъ не отецъ, была освѣщена комната, и не замѣтилъ; о томъ, что это зала уни-

верситетскаго правленія; но человекъ, разбиженный вслѣдствіемъ образомъ, могъ ли слышать что-либо иное, кромѣ самого себя?

«— Если Шаликовъ остается въ *обществѣ*, я прошу вынести меня, сказавъ подлый человекъ».

«— Ты и недостойнъ быть въ *обществѣ*, котораго поносишь членовъ, неподавшихъ къ тому ни малѣйшаго повода, сказавъ мнѣ: — графъ Хвостовъ не только почетный членъ нашего *общества*, но онъ почетный членъ и университета, и академіи, а ты публично говоришь о своемъ презрѣніи къ нему! И по какому же случаю? По случаю учтивостейъ къ тебѣ со стороны графа!

«На другой день я послалъ къ предсѣдателю просьбу объ исключеніи меня изъ *общества*».

«Вотъ, почтеннѣйшій мой благодѣтель (какимъ я называлъ вѣсь и при рыцарствѣ моемъ), что случилось! Нѣтъ бумаги болѣе, но есть во мнѣ душа, съ преданностью которой пребуду навѣсегда вашимъ
кн. Шаликовъ.»

Вслѣдъ за письмомъ издатель «Данскаго журнала» послалъ другое къ Хвостову. Въ испугѣ онъ наговорилъ богъ-вѣсть чего: что попечитель, Писаревъ, «хочетъ писать объ этомъ происшествіи къ министру и вѣроятно напишетъ, или можетъ-быть уже и написалъ, самыя неблагопріятныя для меня и для предсѣдателя Кокошкина красками, потому что попечитель желалъ и надѣялся, что его, т. е. Писарева, изберутъ въ предсѣдатели общества, слѣдовательно...» заключаетъ Шаликовъ, и не доканчиваетъ своей фразы. Намекнувъ такимъ тонкимъ образомъ на пронырства попечителя, издатель «Данскаго журнала» заодно начинаетъ бранить его любимцевъ и отдѣлываетъ ихъ на славу, называя «сущими подлецами». Зная короткія отношенія Хвостова къ министру, адмиралу Шипкову, Шаликовъ не безъ гордости заключаетъ: «Могъ ли я снести гдѣ бы то нибыло, при комъ бы то нибыло — поношеніе чести, столь святыми титулами приобретенной моимъ благодѣтелемъ?.. Я спокоенъ: вы будете въ свою череду моимъ щитомъ, который будетъ мнѣ достоинство минервина щита, въ то время когда вы не имѣли конечно нужды въ моемъ. Но я имѣлъ нужду въ отраженіи ядовитыхъ стрѣлъ, пронзавшихъ сердце мое, ибо была направлена на чинаго мною и всѣми достойными почтенія людьми, моего высокаго благодѣтеля.»

Между тѣмъ Шаликовъ о другихъ судилъ по себѣ. Мелкій и подозрительный, самъ способный къ интригамъ, онъ не могъ допустить мысли, что другіе могутъ дѣйствовать чистоюсердечно и безъ интриги.

Дѣло было просто: хотѣли только его, Шаликова, свести изъ

членомъ общества. Кто-то предложилъ, что слѣдуетъ также исклю-
чить и Хвостова; тайно возмъ, предлагающаго возтъи своему рецен-
зенту, но Писаревъ; отвѣчалъ: «господа, онъ честный сенаторъ,
такъ пусть его приваитъ перодъ Аполлономъ, онъ остался чистъ въ
сенатѣ и запачкался въ московскомъ «Дамскомъ журналѣ». Далѣе;
Писаревъ нисколько не думалъ воспользоваться прощаданнмъ
скандаломъ, чтобъ стиснуть Кокоскина съ председательскаго кре-
сла; напротивъ, онъ уладилъ все какъ нельзя лучше и послѣднимъ
успокоилъ Хвостова, что Шаликовъ исключенъ, а его, Хвостова,
напрямую, оставляютъ членомъ ихъ «общества». На претензію
Хвостова, что его и Шаликова оскорбляютъ печатно, почиталъ
шутливо отвѣчалъ, что не любитъ на въ чемъ стѣснять литературу
и свободъ; и что, правду ли Кубры боится критикъ? И заклю-
чить свое письмо прощаскимъ четверостишіемъ:

Кто противъ новаго Тиртея

Возстать возмогъ?

Онъ, лирою влады,

У вависти книжалъ исторгъ!

На экспромтъ Писарева Хвостовъ, принявшій по обыкнове-
нію лукавую насмѣшку за серьезную похвалу, отвѣчалъ экспром-
томъ же:

Мнѣ твой отвѣтъ въ стихахъ коротокъ, точенъ, асенъ —

Бранчивый Телеграфъ нимаю не опасенъ.

Недѣлаго врага — пустой шумихи громъ

Но, будетъ царствовать въ потомствѣ надъ умомъ;

Журнальныхъ сыщиковъ досадна ли обида,

Колѣ Писаревъ — моя эгида? (1)

Пристыжонный Шаликовъ, исключенный изъ общества, былъ
однако въ восторгѣ, что дѣло кончилось такъ мирно и самъ писалъ
къ своему меценату: «Вижу, что меня только пугали и узнаю о мно-
гомъ вымышленномъ относительно почитателя и меня: злые засѣ-
даютъ вездѣ! Но я предаю совершенному забвенію засѣданіе 7 сен-
тября; только не предаю забвенію священнѣйшаго долга — всту-
паться за людей, которыхъ люблю и почитаю: нѣтъ! я ненавижу
никъ махіаделизма...»

(1) При посланіи этихъ стиховъ Хвостовъ писалъ къ Писареву:

«Вы меня побѣдили, любезный и почтенный Александръ Александровичъ: ва-
ши экспромты прекрасны, особенно, если смѣю сказать, послѣдній, т. е. «Кто
противъ новаго Тиртея». Я имъ горжусь, и коли позволите, буду просить кня-
зя Петра Ивановича Шаликова, хотя невыставляя имени автора и даже лица,
къ кому писать, напечатать оный.»

Послѣ этого скандала Хвостовъ еще тѣнѣе сходится съ своими панегристами и видитъ въ нихъ podporу своей литературной славы и чести. Они кадятъ ему наперерывъ другъ передъ другомъ и доносятъ малѣйшія литературныя слетни. Но Шаликовъ беретъ и тутъ рѣшительный перевѣсъ надъ другими.

«Кто можетъ — пишетъ онъ — предупредить васъ въ одолженіяхъ? Вы первый мой благодѣтель и первый подписчикъ на журналъ мой. Примите вторичную благодарность моего сердца за второямыя, возобновляемыя, непрерывныя благодѣанія, которыми вы питаете душу мою, подобно какъ небесная роса цвѣты веснаіе! Да сохранитъ же небесная благодѣть добродѣтельную жизнь моего единственнаго въ мірѣ благодѣтеля. Я чувствую, что слезы готовы заструиться въ глазахъ моихъ, устремленныхъ на изображение моего мецената, висящее передо мною — портретъ вашего сіятельства. Ахъ, ваше сіятельство! грустно быть сиротою на землѣ. Одно только коварство, только предательство окружаетъ сироту!.. Но я поднимаю голову выше, пристальнѣе смотрю на васъ — и ободряюсь духомъ!

«Сію минуту поднесли мнѣ «Сѣверную Пчелу»; развертываю, пахожу прибавленіе къ ней, ищу къ чему оно относится и вижу: новую войну, вѣроятно для новаго года. Незнаю кто будетъ Паскевичемъ или Кодрингомъ, но знаю, что артилерія не падется: «Пчелка» (давно ли такъ нѣжилъ ее любезный П. П. Свиньянъ!), «Пчела», говорю, зажужжала кажется со всѣхъ батарей своихъ. Можно съ Гречемъ, Булгаринымъ, Свиньянымъ подрататься и помариться: они служатъ полъ знаменами чести; но съ Полевымъ надобно поступать такъ, какъ я сказалъ при немъ, въ лавкѣ Ширлеа Снегиреву, котораго однажды нашолъ тамъ съ «Сыномъ Отечества» въ рукахъ:

«— Что вы читаете? спрашиваю.

«— Да вотъ, противъ г. Полевого, отвѣчалъ онъ.

«— Съ Полевымъ, сказалъ я — счетъ коротокъ: изломать палу на него и заплатить безчестье (какъ купцу).

«Полевой (кобель — извините, ваше сіятельство, этоть эпитетъ. столь имъ заслужонный и заслуживаемый!) молча перебиралъ какую-то книжку. Это нашъ преобразователь!!

«Я имѣлъ живѣйшее удовольствіе читать ваши письма къ почителю о разбойникѣ *полевожъ*, не лѣсномъ, ибо онъ рѣшетъ и грабить открытымъ образомъ. Зато и *торювал казнь* вашихъ писемъ и *русскій кнутъ* кладутъ на спину и на рожу этого созданія печать достойную. Незнаю что чувствовалъ попечитель, имѣя подъ вѣдніемъ своимъ столь неукротимую тварь, бывшую неразъ уже причиною подобныхъ жалобъ; но ваши жалобы... примѣрныя!»

Хвостовъ и безъ указанія своихъ друзей отлично зналъ о всѣхъ, но его выраженію, полагательствахъ на литературную его славу, но критики-друзья еще болѣе полжигали его славолюбіе, заставляя добродушнаго старика прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ. Одинъ изъ сотрудниковъ «Данскаго журнала» Михаилъ Макаровъ, авторъ «Провинціала въ Петербургѣ», просилъ Хвостова доставить ему мѣсто директора московской гимназіи, пишетъ :

«Касательно же намека г. Погодина (въ его журналѣ) о вашемъ патомъ томѣ, то я, будучи бы на вашемъ мѣстѣ, именно просилъ бы начальство, чтобъ оно такихъ крошечныхъ намековъ, какъ для васъ, такъ и для другихъ, дѣлать не дозволяло. Критика мѣстѣ свои законныя, положительныя правила, границы, есть и мѣру, а острота намековъ относится только къ личности и касается одно только неуваженіе въ младшихъ къ старшимъ, чему показывается примѣръ и Поленой. Для ихъ системы нѣтъ уваженія ни къ лѣтамъ, ни къ заслугамъ писателя, со всѣми говорятъ какъ съ равными съобща школярами, а на нихъ глядя и нелитераторы также пошевеливаются. Незнѣжество да и только! Г. Погодинъ мальчишка, недоученый студентъ, то нужно бы ему и другимъ некоторымъ, ему же подобнымъ (простите повтореніе, ваше сіятельство!) критикамъ и антикритикамъ напоминать почаще, что у насъ въ русскомъ царствѣ уваженіе къ заслугамъ и лѣтамъ почитается издревле добродѣтелью, священною обязанностью, и что ихъ юная интригастика (по выраженію М. Т. Каченовскаго) должна бы знать и свое мѣсто, в своей ограниченный видъ. Увѣренъ, ваше сіятельство, что вы мою простоту хорошо поняли?

«Въ заключеніе еще о самомъ себѣ: до попечителя дошла слухи, что во мнѣ, по письмамъ Варвары Ивановны (но это между нами), приняла большое участіе одна извѣстная вамъ особа въ Петербургѣ и вы, и другія, а потому, какъ мнѣ кажется, еслибъ теперь хотя кто-нибудь черкнулъ обо мнѣ къ Писареву изъ Питера, тогда Писаревъ, всюю формою, именно бы представилъ меня въ директоръ. Баронъ М-ъ (соперникъ мой) поѣхалъ уже въ Питеръ, прихвастнувъ притомъ, что его карманы полны всѣмъ нужнымъ и что онъ имѣетъ письмо отъ Мороза и отъ тестя его богача Рюмина. Вотъ каково положеніе неруссограмотнаго барона противъ меня грѣшнаго антиварія-писака! Сейчасъ открывъ новую тайну: Д*** (нынешній директоръ гимназіи) не трогается съ мѣста, а видѣлъ его, да и не можетъ тронуться: онъ въ самомъ сильномъ заносѣ и кажется скорѣе умирать, нежели пойдетъ живымъ въ отставку. Это картина ужасная: Пльюшкитъ, оттаенной кварталный А. Е. Назайбона перелъ нимъ вичто! Хулы его летать на повечите-

ли; на весь свѣтъ и кажется болѣе всего на самого себя. Бѣдный и жалкій человекъ! Что принадлежитъ до верускограмотнаго барона, те еще ли не съ нимъ вѣсть, или за нимъ судъ, или же и передъ нимъ, вошла самое полное описание проказъ его властолюбнаго: это новость уже 11 числа, а на прежнихъ я вамъ писалъ только о 10-мъ. Министръ любитъ словари. Не поговаривалъ ли о чѣмъ-нибудь и о моемъ? Простите дерзости спроста. Князь Шалякинъ и Волковъ свидѣтельствуютъ вашему сіятельству свое почтеніе. Последній послалъ вамъ книгу, какъ другу человечества и покровителю просвѣщенія въ нашемъ славномъ отечествѣ.»

Приводить эти длинныя выписки собственно вѣтъ, что они представляютъ довольно яркія черты литературныхъ и общественныхъ нравовъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ. Враги всего свѣдѣнаго и свободнаго, прикрываясь громкими фразами патриотизма; прикидываясь единственными защитниками нравственныхъ истинъ, они безъ устали интриговали, уличая себя и своихъ покровителей.

Писаревъ — недаромъ его недолюбливалъ шалякивскій кружокъ, укоряя за покровительство «Телеграфу», дрянному и независимому журналу того времени — не допустилъ Макарова до званія просвѣтителя юношества. Макаровъ, въ каждомъ письмѣ выдающій себя за простого и добраго христіанина, шипитъ далеко не христіански:

«Извѣстный баронъ (нынѣ уже директоръ гимназій), самое характерное дѣйствующее лицо изъ отставныхъ драгъ покойнаго Коцебу, принявъ возложенную на него *тягу* драматически, на первомъ шагу, взявши по училищамъ, потерялъ и самыя *краткія правила российской драматики* и... и... что-то будетъ? Соцернакъ мой — мужчина възрачный, сильный, и хотя съ неправильнымъ языкомъ русскимъ, но съ важною, положительною причиною знать или вѣдать отъ всего понемножку, равно какъ и съ удаломъ снѣлюстію говорить все что только взбредеть ему на умъ. Вашъ не слуга покорный и болящъ, и тощъ, и озабоченъ трудами только въ пользу одного ролнаго, то-есть и по отношенію къ языку русскому, и по отношенію къ воспитанію матерыхъ дѣтей своихъ. Все, все можетъ сбыться со мною пѣшеходомъ-горемыкою: дородный прилжетъ — и на этотъ разъ тощій вашъ даже и недохветъ.»

«Цензоръ вашъ въ отставкѣ: вотъ бы и еще мѣсто по мнѣ; но думаю, что оно уже занято, или такъ же трудно, какъ и многія другія. Припомните, что куму вашему служить охота смертная. Итакъ въ цензоры бы я поступалъ охотно, и даже какъ въ первые, такъ и во вторые. Да будетъ во всемъ воля божія и поощръ моего бла-

готоворца. А долоть еще востреть? Не могу ли быть тотъ чиновникомъ обобщихъ порученій по министерству? Живучи здѣсь и зная все и все какъ свой карманъ, я бы могъ служить съ большою пользою и доказать бы то на самомъ дѣлѣ. Рвуть быть полезныя — способовъ къ тому не вижу.

«Князь Шаляковъ очень много вамъ признателенъ за всѣ ваши присылки, но в статѣй вѣстей Кирилль что-то С. Н. Глинка не хлопотала и оттого эта статья все еще безъ дѣйствія. Г. Баратынскому, моему незнайному и партизану Полевого съ милостици, ваше письмо давно черезъ Шарьева доставлено. Дѣлаю, дѣлаю модному мальчишкѣ шить!.. Посылаю вамъ и мою шутку насчетъ; какъ вы догадаетесь, моего совиѣтника барона»

КЪ ПОРТРЕТУ УЧЕНАГО ЯЗЫЧНИКА.

Знатокъ словесности австрійской,
 На финскомъ языкѣ, давно ему родномъ:
 Онъ понимаетъ о російской;
 Порусски говоритъ французскимъ языкомъ.

Зная озлобленіе Хвостова противъ Полевого, рѣдко удостоиваемаго вспоминать объ его существованіи, хвалители сенатора-поэта непрерывно разжигаютъ въ немъ ненависть къ нему, называя разбойникомъ, либераломъ, врагомъ отечества, дурнымъ христіаниномъ. Эти благочестивые христіане шингуютъ изъ-за угла Полевого всячески и присылаютъ свои эпиграмы на него, доставляя тѣмъ удовольствіе своему милостивцу и меценату. Макаровъ пишетъ:

«А вотъ вамъ и другая сатира на другой предметъ, вамъ извѣстный:

САНСКРИТСКАЯ ЭПИГРАМА

Парлерздору грозилъ науку бить плеча,
 Но щелкнула его въ Бомбаѣ каланча (1) —
 И нашъ Парлерздору — обонми плечами
 Не сладилъ со щелчками!
 Языкъ хвастливаго возможно ли понять?
 Иной похвалится рукою солнце снять,
 Согнется, вспрыгнетъ онъ — и чтоже? обожжотся!
 Богъ Вишну хвастунамъ смѣется.

«Вотъ мой бездѣлки, сіятельнѣйшій графъ. Худо или хорошо — невѣмъ, но онъ дышать истинною — за это ручаюсь!»

(1) Санскритскій журналъ (т. е. «Джайскій», Шалякова).

Чтобы не утомлять читателя, будемъ кратче.

Подъ вліаніемъ старости и отъ безирерывной лести Хвостовъ въ послѣдніе годы своей жизни представляетъ высоко-комическое и печальное явленіе, до чего можетъ дойти славолюбіе слабого человека.

Называя себя бардомъ береговъ Кубры, онъ проситъ писать къ нему похвальные стихи, отдаетъ ихъ спокойно печатать, хочетъ всѣхъ дѣтей своихъ друзей сдѣлать поэтами и говоритъ, чтобы отцы заранѣе приучали ихъ къ мѣжной поэзіи и заставляли затверживать по преимуществу его стихи. Н. М. Шатрову, написавшему къ нему въ стихахъ похвальное слово: «барду береговъ Кубры», пѣвецъ Кубры выхлопоталъ черезъ посредство министра Шишкова золотую медаль отъ российской академіи. На присланные стихи отъ Шатрова пѣвецъ Кубры отвѣчалъ: «Благодарю васъ. Стихи ваши прекрасны и вы ихъ можете безъ сомнѣнія съ моего согласія, печатать въ «Дамскомъ журналѣ» (1) или гдѣ вамъ угодно; не только вы, но и каждый имѣетъ право судить о любимцахъ музъ какъ вздумается, слѣдственно и вамъ незапрещено меня хвалить. Я увѣренъ, что вы это дѣлаете безпристрастно, по совѣсти и убѣжденію.»

Хвостовъ дотога теряетъ всякій смыслъ — исключительно только въ дѣлахъ, касающихся до его литературной славы, — что самъ посылаетъ въ провинціальный журналъ «Заволжскій Муравей» стихи: «Къ безсмертному пѣвцу Кубры».

Чудачество его достигло отлаженныхъ предѣловъ Россіи, въ Тобольскѣ. И тамъ нашлись панегиристы не хуже московскихъ. присылали оттуда ему цѣлыя массы стиховъ, а нѣкто г. Дмитрій Давыдовъ, авторъ романа «Наташа», прислалъ цѣлый романъ въ стихахъ: «Завѣтный бокалъ» и заключаетъ свое письмо, исполненное цвѣтотныхъ до дикости похвалъ, подобнымъ образомъ: «Я всенижайше прошу, если удостоите своимъ покровительствомъ «Завѣтный бокалъ», предать тисненію. Я смѣло объявляю вашему

(1) Шатровъ радуется, что въ «Телескопѣ» и «Телеграфѣ» напечатать ихъ отказались. Заключение этихъ стишковъ было таково:

Но Хвостовъ и подъ снѣгами
Благовзвучными струнами
Заслужилъ себя вѣнецъ.
Какъ лирическій пѣвецъ,
Какъ любимецъ вдохновенья,
Въ гробовой туманъ забвенья
Вмѣстѣ съ славой не сойдетъ:
Онъ свой гробъ переживаетъ
Какъ любимецъ пѣснопѣній,
До уму и сердцу геній!

снѣдству, что нѣтъ.. необходимы.. 2000 рублей.. Если шлюста будетъ, я вамъ клянусь, что новая черта благодѣяннїя вашего блеснетъ ярче всѣхъ. Въ Сибири умѣютъ помнить и понимать все прекрасное!»

И пѣвецъ Кубры отдавалъ равнѣется въ печать произведенїя продѣ «Завѣтнаго бѣкала», и отъ души вѣрили, что этимъ онъ покровительствуетъ русскую поэзію. Между тѣмъ финансовыя дѣла его годъ отъ году дѣлались плоше, такъ что онъ незадолго до своей смерти вынужденъ былъ отказаться на свой счетъ стихотворную новму Федора Кафтарева: «Петропольскія ночи». Кафтаревъ этотъ ужасно оскорбился и не безъ иронїи отвѣчалъ:

«Вы замѣтить изволили, что многіе авторы печатаютъ сочиненїя свои въ долгъ: мнѣ кажется оттого, что слѣзная «фортуна» особенно къ нимъ неблагоклонна; причѣмъ позвольте доложить вашему снѣдству о гораздо важнѣйшемъ урокъ сего рода людей: авторское самолюбіе нѣжише цвѣта алой розы, который блекнетъ даже отъ солнечныхъ лучей.»

Случай подобнаго отказа чуть ли былъ не единственный втеченіи цѣлой длинной жизни пѣвца Кубры. Между тѣмъ можно ли было укорить его въ томъ, что онъ мало покровительствовалъ бездѣльнымъ писателямъ и талантамъ? Хотя денежныя дѣла его находились въ разстроенномъ состояніи, но князь Шаликовъ справедливо объ немъ выразился: «вы не можете отказывать друзьямъ». И дѣйствительно хвалители его, сдѣлавъ для него огромный вредъ, взяли съ него все что могли. Многимъ изъ нихъ (не станемъ называть по именамъ) онъ выхлопоталъ ордена, мѣста и цѣнные подарки. Когда Хвостовъ незадолго до смерти своей, получивъ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, то на него посыпались дождемъ стихи и привѣтствїя его литературныхъ хвалителей, дружно увѣрившихъ, что «геній пѣвца Кубры крѣпнетъ». Пѣвецъ вовсе не былъ чиновлюбивъ и невидно, чтобъ полученіе важнаго чина произвело на него такое головокруженіе, какъ на его друзей. Старика радовало не дѣйствительное тайное совѣтничество, а то, что «геній его крѣпнетъ», и съ какими восторгомъ ему писали:

«О лебедь, лебедь! пой!»

Чѣмъ наглубе была литературная лѣсть, тѣмъ лучше волновала она старую кровь несчастнаго старца. Онъ давно уже разучился понимать всякую честную насмѣшку; далеко не тонкую иронію принималъ за похвалу. Измайловъ въ письмѣ своемъ къ Хвостову иронически выразился, что онъ въ восторгѣ отъ его творенїй и выѣтъ привычку читать обыкновенно оды Ломоносова поутру, а

оды Хвостова вечеромъ. Вотъ какими строками отъбичаетъ ему Хвостовъ :

«Стократно благодарю за дѣтскій отъбичъ нашъ в первомъ томѣ моего третьяго изданія, и какъ не благодарить : вы пишете, что читаете оды бессмертнаго Демосова поутру, а жонъ вечеромъ; тѣмъ для меня лучше, ибо я нахожу, что вечернее чтеніе полезнѣе автору. Кто знаетъ, можетъ-быть нѣсколько строкъ, прочтенныя въ вечернемъ утомленіи перель тѣмъ какъ недолѣкъ засыпаетъ, на другой день рождаютъ въ немъ и мысли отважныя, и рѣшимость неожиданную. Вотъ, милостивый государь мой, отчего я и горжусь искреннею похвалою вашею, ибо таково мнѣніе о дочернемъ чтеніи и героя эрванскаго. Онъ, по замеченіи съ персїанца, писалъ къ моему пріятелю Егору Борцовичу Фуксу, что его «Исторію» и «Анекдоты» Суворова всегда читаетъ въ вечеру, а слѣдственно пріятно и лестно мнѣ, что оды мои вы позволите читать вечеромъ. Полевой же вѣроятно читалъ мои лирическія сочиненія послѣ обѣда тотчасъ, ибо я ничѣмъ не могу объяснить адр безтолковаго сужденія обо мнѣ и о моихъ стихахъ.»

Забавише всего то, что нѣкоторые господа въ провинціи считали Хвостова большимъ либераломъ, или демократомъ, какъ тогда говорили. Подъшталство его на стихахъ и мещанствѣ объяснили какими-то тайными побужденіями, и провинціальныя туземцы поспрашивали на него, какъ на распространителя всеобщаго равенства. Между тѣмъ самыя стихи, которые онъ имъ безпрерывно присылалъ, могли казаться разубѣдить ихъ совершенно къ противоположъ : «Майскій парадъ», «На холеру», «Розовый лужокъ», «На пріѣздъ герцогини Веймарской» и т. д. Вслѣдствіе ли полученія чина дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, или по другимъ какимъ-либо причинамъ, въ провинціи пронесся слухъ, что Хвостовъ будетъ сдѣланъ министромъ народнаго просвѣщенія. Одинъ изъ именитыхъ провинціаловъ, сосѣдъ по имѣнію Хвостова, князь Голицынъ, тонко намекаетъ ему на опасность распространенія свободныхъ мыслей :

«Въ прошедшемъ столѣтіи — пишеть онъ — и я нѣсколько быль свидѣтелемъ, что сколь были уважаемы въ столицахъ знаменитыхъ философовъ сочиненія : Волтера, Руссо, Рейналя, Даламберта, Дидерота и прочихъ ; благомыслищіе люди и тогда предсказывали, что отъ сихъ сочиненій непременно должно ждаты пагубныхъ послѣдствій. И *Монтиску* неправъ : когда онъ своимъ собратіямъ привезъ изъ Англіи естественныя права, которыми всѣ злодѣанія и укоренились, сіи естественныя его права столь счастливо были приняты не только въ одной Франціи, многія и другія

государства, почувствовали къ нимъ уваженіе; зато въ тѣхъ государствахъ и до сего времени мятежи за мятежами. И Кострички оппозиція мнѣ знакома; когда его привезли въ Петербургъ, я служилъ въ гвардіи; отличныхъ даровъ въ себѣ никакихъ не обнаружилъ и прочее, все въ такомъ же родѣ.

Но пьецъ Кубры, мало думывая о мѣстѣ министра, тѣмъ болѣе о распространеніи, посредствомъ литературы, свободныхъ идей въ Россіи. Онъ начиналъ уже думать о смерти, написалъ «Преданія мата съ землею», разослалъ его сперва въ писаныхъ, а потомъ въ печатныхъ листочкахъ въ самые отдаленные уголки Россіи и съ заботливостью собиралъ материалы для своей біографіи. «Живите, живите! восклицалъ Шапиковъ: — жизнь добродѣтельнаго есть тоже для моральнаго міра, что солнце для физическаго; живите же, живите!» И желая втянуть «барда береговъ Кубры» въ тревоженія литературнаго міра, прибавляетъ:

«Не подотчиваете ли, ваше сіятельство, Воейкова опять, какъ подчивали прежде, нижеслѣдующимъ конфетомъ на 70 № «Литературныхъ» ил., какъ говаривалъ покойный Меркурій, *макулатурныхъ* прибавленій:

Какъ ни острися нашъ Корсаръ,
Но все не будешь ты острѣе:
Твой сумасшедшій домъ ужь старъ —
Займи же самъ его, хозяинъ, поскорѣе!

«Какъ бы я желалъ, чтобы вы гдѣ-нибудь напечатали: здѣсь не пропущены.»

Но пьецъ нашъ имѣлъ теперь уже въ виду преимущественно потомство: исправляя и приводилъ въ порядокъ свои творенія, намѣревался тиснуть ихъ четвертымъ изданіемъ, припоминалъ каждую мелочь изъ своей жизни, дѣлалъ замѣтки: «Очень любопытное въ исторіи литературы», припомнилъ даже проповѣдь, сказанную ему въ 1789 году января 17, при вступленіи въ бракъ его съ племянницею Суворова. Этого мало: изъ боязни, чтобъ потомство не составило какого-нибудь превратнаго взгляда на него, пишетъ огромную *Записку о самомъ себѣ или о произведеніяхъ моихъ въ литературу*. Тутъ онъ говоритъ, что «семейная, гражданская и политическая жизнь моя основана на правилахъ христіанской любви къ человечеству, на желаніи истиннаго просвѣщенія, на постоянной ревности къ прямому счастью» и посѣтовалъ на окончательный упадокъ критика въ Россіи, въ заключеніи прибавляетъ:

«Повторяю, что непристойно мнѣ говорить о самомъ себѣ, о моихъ слабыхъ дарованіяхъ и о поспѣльныхъ произведеніяхъ. Но въ

подтвержденіе предполагаемаго мною довода о томъ, что цѣль поэзіи и цѣль *нововводителей* совершенно различны, имѣю право сказать, что они сами дѣлаютъ предполагаемое мною раздѣленіе: болѣе 30 лѣтъ находясь членомъ россійской академіи, издавъ семь томовъ стихотвореній въ опредѣленныхъ родахъ, кои они называютъ классическою поэзіею, никогда и ни въ какихъ журналахъ не было отголоска объ моихъ произведеніяхъ! Въ журналахъ, въ обзорніяхъ литературы при альманахахъ, имя мое едвали находится! Въ одной учебной книгѣ, гдѣ безъ всякой нужды словесность раздѣляется на три эпохи со временъ Петра-великаго, хотя упоминается обо мнѣ, но съ нѣкоторою насмѣшкою; именно: *нѣкоторые общаются ему (мнѣ) безсмертію*. Впрочемъ и здѣсь говорится только, и то мимоходомъ, о родѣ моихъ стихотвореній, а не опредѣляется нимало о степени достоинства оныхъ и не упоминается вообще о недостаткахъ. Но тутъ же (1) подъ именемъ знаменитаго поэта (2) приложена эпиграма на переводъ мой «*Науки стихотворной*» Буало, котораго я повынѣ выдалъ уже третье изданіе и который кажется не можетъ мнѣ приносить посрамленія. Нѣтъ нужды извлекать молчаніе изъ журналовъ или краткія и часто язвительныя упоминанія о новыхъ хорошихъ сочиненіяхъ. Словомъ, я все сіе исчисляю для показанія, сколько *нововводители* удалены были отъ прямой цѣли словесности, а потому зачѣмъ напоинать объ эпиграмахъ, которыя съ торжествующимъ удовольствіемъ отстудящимъ порядкомъ и въ самой словесности разсыпали?

«Вотъ мое заключеніе и вотъ что я, въ удовольствіе строгой истины и пріятелей моихъ, написалъ безъ всякаго намѣренія обнародовать сей бѣглой листокъ или кому-либо повредить. Желаю убѣдить питомцевъ музъ, что неистовыя ополченія на Александра Семеновича Шишкова, знаменитаго благодѣтеля русской словесности, на меня и на другихъ почтенныхъ по авторству собратій, не иное что въ виду имѣли, какъ цѣль безначалія, препятствующую разсматривать и водѣть достоинство въ тѣхъ людяхъ, кои не могли по талантамъ, по совѣсти, по разуму и опытамъ быть ихъ соучастниками.»

Несокрушимое убѣжденіе, что пойметъ его только потомство, что онъ настоящій благодѣтель и представитель русской литературы, до того глубоко усилились въ пѣвцѣ Кубры, что онъ въ послѣдніе годы своей жизни вообразилъ, что Пушкинъ нуждается въ его защитѣ и сталъ защищать его своими стихами.

(1) Въ учебной книгѣ Греча.

(2) Дмитриева.

Въ 1831 году Хвостовъ былъ въ одномъ литературномъ обществѣ, гдѣ кто-то сказалъ, что не всѣ довольны стихами Пушкина «Къ клеветникамъ Россіи»; къ общему смѣху пѣвецъ Кубры сталъ защищать Пушкина, называя его своимъ преемникомъ. Это было 24 октября; на другой день, 25 числа, Пушкинъ получалъ отъ Хвостова такое письмо:

«Неповстрѣчая васъ лично по пріѣздѣ вашемъ изъ Царскаго-Села, я имѣю честь послать къ вамъ мои стихи, вскорѣ послѣ творенія вашего «Клеветникамъ Россіи» сочиненные. Примите ихъ отъ старика, близкаго къ могилѣ, въ знакъ отличнаго уваженія къ дарованіямъ вашимъ.

Противъ крамолъ писалъ я много,
Изобличалъ безумцевъ строго...

Но убѣдаясь въ печальной истинѣ опытомъ, что развращенныя сердца завистливыхъ крамольниковъ ожесточены и слухи ихъ не внемлютъ прелестной гармоніи сыновъ Аполлона, я, поразивъ враговъ нашихъ, ограничиваюсь желаніемъ, чтобы знаменитая лира ваша предпочтительно впредь воспѣвала только богатырей русскихъ давняго и послѣдняго времени. Не бойтесь и вѣрьте, что творенія ваши и мои будутъ оцѣнены не сыщиками-современниками, а грядущимъ потомствомъ. Оно объ насъ изречетъ настоящую критику правду. Вѣрьте почтенію и преданности, съ коими есмь и буду. Хвостовъ». (1)

Хотя пѣвецъ Кубры утѣшалъ себя мыслью, что его и Пушкина оцѣнитъ одно потомство, однако невольно прислушиваясь къ тому восторгу, который повсюду возбуждалъ Пушкинъ, онъ, несмотря на горькій опытъ, и въ послѣдніе годы своей жизни, презирая глубоко судъ современниковъ, дорожилъ малѣйшей ихъ похвалою.

Въ «Сѣверной Пчелѣ» кто-то въ шутку сравнилъ его съ Жанъ-Полемъ и иронически замѣтилъ, чтобъ изъ его сочиненій составилъ особую христоматию. Хвостовъ и этому обрадовался. Онъ написалъ длиннѣйшее письмо г. Гречу, маскируясь, будто пишетъ не онъ, а другое лицо, издатель сочиненій Хвостова:

«Милостивый государь Николай Ивановичъ.

«Позвольте мнѣ начать мое письмо принесеніемъ вамъ чувствительной благодарности за объявленіе ваше въ «Сѣверной Пчелѣ» о новомъ изданіи сочиненій графа Дмитрія Ивановича Хвостова. Удовольствіе мое при чтеніи онаго безъ сомнѣнія самъ раздѣлялъ ав-

(1) На черновомъ письмѣ сдѣлана помѣтка: «стихи въ защиту Пушкина помѣстить въ 7 моемъ томѣ».

торъ, увидя лестные ваши отзывы и выписки изъ его неподражаемаго (какъ вы говорите) «*Майскаго гулянья*». Каждый человекъ, даже хладнокровный, в авторъ нѣгдѣ сказалъ :

• Не исключая Циперона

Мила для всѣхъ лавровая корона, —

можетъ ли безъ особливаго чувства принимать отличныя и вмѣстѣ чистосердечныя похвалы? Я воображаю, что пѣвецъ Кубры, оцѣня по достоинству ваше вниманіе, проливъ при вашемъ отзывѣ слезы умиленія и благодарности. Скажите по совѣсти, какой авторъ не восхитится, услыша отъ васъ, что «музы уготовили ему долголѣтнее торжество»? Кому не пріятно знать, что соперникъ Державина, Богдановича, Фонъ-Визина и Княгинина сталъ корифеемъ молодыхъ писателей и нашего времени? Наконецъ вы увѣнчиваете достоинство приглащеніемъ къ составленію, по примѣру Жанъ-Поля, собственно изъ твореній его (Хвостова) христоматіи, которая по мнѣнію вашему будетъ книгою музраго. Усердіе ваше и похвальная заботливость о славіи уважаемаго стихотворца нисколько непредѣльны, но средство къ тому избираемое (христоматіи) чуть ли достаточно? Знаменитый поэтъ, котъ уже въ весьма преклонныхъ лѣтахъ, еще живъ, следовательно можетъ и впредь что-либо сочинить достойное вниманія публики и вашего. Во второмъ томѣ новое его твореніе, подѣ названіемъ «*Совить юнымъ питомцамъ музъ*», едва ли уступать, по крайней-мѣрѣ по важности содержанія, столько похваласемому вами «*Майскому гуляню*». Притомъ отважатся ли кто, полагаясь на свое знаніе и вкусъ, увѣрить современниковъ и потомство въ достоинствѣ картинъ, имъ однимъ избранныхъ, о чемъ и авторъ (Хвостовъ) нѣгдѣ сказалъ :

• Я есмь черта рубежна,

За коей гибель неизбѣжна

Для смѣлыхъ будущихъ умовъ.

«Христоматія, почерпнутая изъ одного автора, лишается той привлекательности, которою обилуютъ общія въ учебныхъ книгахъ христоматіи, представляющія избранныя мѣста изъ разныхъ сочиненій. Вы сами такъ-сказать исчерпали изъ «*Майскаго гулянья*» лучшія и превосходныя картины. Безспорно, что вашъ выборъ самый прекрасный, но для чего не полагать, что другой избиратель, пропустя вами означенныя мѣста, поставитъ въ образецъ совершенно новыя изъ «*Майскаго гулянья*», на примѣръ начало; третій немного ошибется, если начавъ со стиха

• Уже вечерная зоря •

дойдетъ безъ остановки до страницы 135. Всего этого мало для христоматіи. Я полагаю, что составленная изъ отрывковъ одного автора, книга, показывая только превосходныя мѣста, затмѣваетъ духъ, связь и достоинство цѣлаго творенія. Самъ авторъ (Хвостовъ) говорить:

« Движеніе страстей, объемъ творенья цѣлый,
Искусства мудрый плодъ и музы плодъ созрѣлый. »

« Наставники юности, озаренные эстетическимъ чувствомъ, могутъ легко извлечь изъ произведеній каждаго поэта красоты мыслей, выраженій, но должны переходить изъ рода въ родъ. Таковая христоматія, ослепшая вкусъ, представитъ грядущимъ поколѣніямъ стихи, достойные быть у каждаго на памяти. Основательный только разборъ искуснаго пера удобенъ открыть и ходъ сочиненія, и прелесть слога. У насъ есть огромнѣйшее собраніе образцовъ очиненій (18 томовъ) разныхъ авторовъ въ стихахъ и прозѣ. Я прочитывалъ оное отъ доски до доски, не нашелъ ни строчки графа Хвостова. Неужели малозвѣстность автора причиною такого молчанія? Вы, достойный и непристрастный превозноситель маститаго поэта, можете упрочить его славу разборомъ нѣкоторыхъ его цѣлыхъ твореній, взятыхъ изъ полнаго изданія, въ какомъ угодно родѣ. Неестно скажу, что вы, Николай Ивановичъ, уже облагодѣтельствовали разъ сочинителя выпискою многихъ картинъ изъ его «*Майскаго гулянья*», употребя средство похвальное для журналиста, полезное публикѣ, пріятное автору и самое удобное, особливо если выписки сопровождаются благонамѣреннымъ разборомъ. Второй томъ наврѣтъ, кромѣ «*Гулянья*», представляетъ запасъ нескудный, а именно: *Благоденствіе Вероны*, *Посланіе къ Суворову*, *Русскіе мореходцы*, три посланія *О критикѣ* и четыре подъ названіемъ: *Сопѣтъ юнымъ питомцамъ музъ*.

« Третій его томъ, хотя большею частью состоитъ изъ сочиненій, въ прежнихъ изданіяхъ помѣщенныхъ, но посланія: *О красотѣ російскаго слова*, *Я. В. Князюкину*, *Н. И. Дмитріеву* (страница 140) и другія — обилуютъ красотами, достойными подражанія.

« Въ четвертомъ томѣ басни его равномѣрно поладутъ случай и къ вниманію и къ похваламъ, какъ-то: *Дровосѣкъ и смерть*, *Ворона и сыръ*, *Разбарчивая невеста*, *Мышь-пустынница*, *Волкъ и ягненокъ*, *Вдова*, *Старый левъ и врачъ*, *Старикъ и три юности* и многія другія.

« Пятый даже томъ, который хотя составленъ изъ нѣкоторыхъ произведеній автора въ его молодости и большею частью изъ тѣхъ,

кон также появились въ журналахъ послѣднихъ изданій 1818 и 1821 годовъ, богатъ статьями, могущими нравиться. Къ числу ихъ я отношу: въ родѣ лирическомъ : *Псаломъ 107*, *Разлитіе Кубры*, *На приездъ герцогини Веймарской*, *Суворова площадь* и другія ; въ посланіяхъ, какъ-то : *Къ ней*, *Слѣднику*, *Благонамъренному*, *Охлестышевой*, *Н. М. Языкову*, а также и въ мелочныхъ піесахъ, надписяхъ, мадригалахъ есть много бездѣлокъ, кои не будутъ отвержены наперсниками Аонидъ.

«Теперь остается мнѣ, милостивый государь, кончить письмо чѣмъ началъ оное, именно : особливою и чувствительною благодарностію за похвалы автору и за любовь вашу къ прекрасному отечественному языку, и примолвить сказанное пѣвцомъ Кубры :

Россия славная! Ревнуй, да твой языкъ
Останется въ числѣ бившательныхъ владыкъ.

«Я снова повторяю, что мысль ваша о выборѣ отличныхъ мѣстъ изъ сочиненій каждаго автора достойна всякой похвалы. Такъ, милостивый государь, мысль ваша очень счастливая, полюбилась многимъ, въ томъ числѣ и мнѣ, и я не оставляю, при первомъ досугѣ, воспользоваться ею и начну разборъ мой съ перваго тома. Говоря же объ одѣ «*Богъ*» и о прочихъ духовныхъ переложеніяхъ нашего автора, постараюсь оправдать отзывы «*Славянина*», который, при объявленіи о выходѣ лирическихъ твореній, осыпаетъ похвалами сочинителя оныхъ. Признаюсь, я и самъ думаю, что въ нихъ много красоты, сближающихъ нашего поэта съ Ломоносовымъ и Державинымъ, знаменитыми отечественными лириками.»

Въ письмѣ этомъ высказалась весь Хвостовъ, какимъ онъ былъ въ послѣдніе годы, со всею его наивностію и несказаннымъ самоослѣпленіемъ. Оно тщательно переписано у него въ двухъ книгахъ: подъ 1832 годомъ и подъ 1829, съ малевькой хитростію : «Письмо пѣвца Кубры къ Николаю Ивановичу Гречу, или лучше сказать отъ его издателя о лестной похвалѣ въ «Сынѣ Отечества» его сочиненіямъ и о уподобленіи его съ Жанъ-Подемъ ; очень любопытное — въ записки о словесности; кто сочинитель сего письма? Не знаю.»

А на другомъ экземплярѣ письма онъ изобличаетъ самого себя во лжи собственноручной припискою : «Г. Гречу благодарность за сравненія меня съ Жанъ-Подемъ и за отзывы о моихъ стихахъ.»

Бѣднякъ хитрилъ самъ предъ собою и свои разборы на собственные стихотворенія хотѣлъ принимать за чужіе. Онъ старался, хотя бы воровскимъ манеромъ, подкупить своихъ современниковъ и обратиться въ потомство. Сближая себя по литературному генію такъ смѣло съ Ломоносовымъ и Державинымъ, а Пушкина считая своимъ

прямымъ наслѣдникомъ въ русской поэзіи, онъ нечувствительно дошелъ до подобнаго нелѣпаго заблужденія какъ всякій человѣкъ, одержимый сильною страстью, хотя его и разочаровывали на каждомъ шагу. Въ подобномъ положеніи человѣкъ уже несправимъ, что не мѣшаетъ ему въ остальныхъ дѣлахъ оставаться здравомыслящимъ существомъ. Лучшее тому доказательство — что этотъ же самый пѣвецъ Кубры со смѣхомъ рассказываетъ объ одномъ псковскомъ честолюбцѣ, который за какія-то малыя дѣла письменно, безъ шутки, требовалъ себѣ и получилъ представленіе отъ своего общества о воздвиженіи ему статуи. Пѣвецъ Кубры недалеко ушелъ отъ этого псковского честолюбца, а между тѣмъ написалъ на чудака этого презлую сатиру и отправилъ ее въ рукописи къ преосвященному Евгенію Болховитинову. Евгеній отвѣчалъ ему: «Чувствительнѣйше благодарю за прекраснѣйшіе стихи весьма худому честолюбцу. Я ихъ роздалъ по Пскову. Тутъ они у мѣста, вмѣсто желаннаго памятника на площади. Не прибѣгъ ли ихъ тамъ кто-нибудь на столбъ?»

Неизвѣстно, чувствовалъ ли Евгеній, что присланную ему стихи на честолюбца написалъ такой же уродливый честолюбецъ, заживо соорудившій себѣ памятникъ — только не на псковской, а на петербургской площади?

Е. КОЛВАСИНЪ

ЕСТЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МЕТОДЪ ВЪ ФИЛОСОФІИ

(ПО ТЭНУ)

I

Анализировать значитъ переводить. Переводить значитъ по признакамъ открывать отдѣльные факты. Я беру наиримѣръ число 27. Я указываю тотъ же часъ, что $27 = 26 + 1$, что $26 = 25 + 1$ и т. д.; это значитъ, что я анализирую число 27. Точно также, произнося слова: «сила», «питаніе», «воля» и всякое другое, я долженъ указать, на какія слова разлагается оно и какиѣ фактамъ эти слова соотвѣтствуютъ. Это значитъ, я анализирую ихъ.

Въ такомъ анализѣ я дѣлаю два шага. Первый — это точный переводъ, второй — это сложный переводъ. Первый былъ указанъ идеологами и сенсуалистами французской школы; второй дается при помощи прогресса наукъ опытныхъ. Пояснимъ примѣромъ.

Вы знаете, что физиологи, описавъ, исчисливъ, расположивъ по порядку отправления и органы, приходили обыкновенно къ одному заключенію, т. е. признавали существованіе въ организмѣ *жизненной силы*. По ихъ мнѣнію, существуетъ сила, находящаяся въ зародышѣ, развивающая его, организующая, — сила, которая поддерживаетъ порядокъ въ частяхъ, дѣлаетъ желудокъ способнымъ переваривать, сердце сокращаться и прогонять кровь, печень выдѣлять желчь, легкія приводятъ кровь въ соприкосновеніе съ воздухомъ, нервы двигать мускулы, мускулы сокращаться и тянутъ сухожилія и кости. Они называли эту силу *жизненною*, потому что она поддерживаетъ операциіи, составляющія жизнь.

Одни представляютъ ее себѣ какъ невидимую и невѣсомую жидкость, разлитую по всему тѣлу; другіе — какъ существо нематерьяльное, непротяжимое; прилагающееся къ матерьяльнымъ и протяжимымъ частямъ; третьи наконецъ — какъ вещь необъяснимую, цело-

ступную для ума человѣческаго. Чтобы убѣдиться въ томъ, кто изъ нихъ правъ, и правъ ли изъ нихъ кто-нибудь, подвергнемъ самое слово анализу. Для этого расположимъ его, наблюдая частные случаи, въ которыхъ оно употребляется.

Посмотрите на зубы, на слюнные желѣзы, на всѣ части рта и на ихъ отправленія. Если какой-нибудь части недостаетъ, животное не можетъ болѣе жевать. Поэтому для того, чтобы животное могло жевать, *необходимо*, чтобы части эти были въ такомъ видѣ и количествѣ, въ какомъ онѣ находятся въ организмѣ. Тоже самое вы замѣчаете, рассматривая процессъ глотанія и пищеваренія. Для того чтобы эти процессы могли совершаться, *необходимо*, чтобы органы были такъ, какъ они устроены. Если жѣ недостаетъ жеванія, глотанія, пищеваренія, то животное не можетъ питаться. Поэтому для того, чтобы питаніе совершалось, *необходимо*, чтобы животное могло жевать, глотать и переваривать. Тоже замѣчаніе можно сдѣлать и обо всѣхъ отправленіяхъ организма. Соединивъ ихъ, вы находите, что если нѣтъ питанія, или дыханія, или кровообращенія, то движенія разрушенія и обновленія, составляющія жизнь, прекращаются. Поэтому для того, чтобы жизнь продолжалась, *необходимо*, чтобы всѣ эти подчиненныя операціи могли дѣйствовать.

Вы замѣтили уже, что слово *необходимо* является безпрестанно въ предыдущихъ фразахъ. *Нужно*, чтобы эти операціи дѣйствовали; есть *необходимость*, чтобы эти силы дѣйствовали; есть *сила*, чтобы эти операціи дѣйствовали: все это различные переводы одного и того же слова. Мы касаемся теперь искомаго смысла. Жизнь есть цѣль, отправленія — средства. Жизнь вынуждаетъ отправленія, точно такъ какъ всякое опредѣленіе вынуждаетъ слѣдствія. Это вынужденіе, необходимость или сила влечетъ за собой и производитъ отправленія, какъ опредѣленіе влечетъ за собой и производитъ слѣдствія. Что же она такое? *Отношеніе*. Отношеніе между жизнью и отправленіями, между опредѣленіемъ и слѣдствіемъ. Если вы хотите, то для удобства языка, преобразуйте это отношеніе въ качество: тогда вы скажете, что оно есть принадлежность живого тѣла. Также для удобства языка вы можете преобразовать его въ субстанцію, и тогда вы скажете, что въ органическомъ тѣлѣ существуетъ сила. Но во всякомъ случаѣ не забывайте объ анализѣ. Жизненная сила не есть ни качество, ни сила, а простое *отношеніе*.

Я не вижу здѣсь ни жидкости, ни вонюды, ни тайны, а только два порядка фактовъ: одинъ фактъ главный — движеніе разрушенія и обновленія, называемое жизнью, другой подчиненный — отправленія и устройство, дѣлающія это движеніе возможнымъ; наконецъ отношеніе, необходимость, связывающая подчиненные факты съ

главнымъ. Факты, отношенія — больше ничего. Мы избавили свой умъ отъ одного метафизическаго предположенія, а это очень велегкая вещь.

Будемъ продолжать анализъ; мы увидимъ, что можно привести къ фактамъ и отношеніямъ всѣ выраженія физическихъ наукъ. Воздухъ напримѣръ есть сила: это значитъ, что если вы приложите воздухъ къ чашечкѣ барометра, то онъ заставитъ ртуть подняться; другими словами, если воздухъ коснется барометра, то ртуть *необходимо* подыметъ. Теплота имѣетъ силу расширять тѣла: это значитъ, что теплота заставитъ эту желѣзную полосу расширяться, другими словами, эта полоса, будучи подвержена теплотѣ, расширится *необходимо*. Желѣзо и кислородъ имѣютъ взаимную силу притяженія: это значитъ, что желѣзо на сыромъ воздухѣ *необходимо* соединится съ кислородомъ. *Необходимость*, *необходимо* — слово повторяется постоянно, и каждый разъ при этомъ есть два факта, и дѣло идетъ объ отношеніи, связывающемъ ихъ: присутствіе воздуха и возвышеніе ртути; присутствіе теплоты и расширеніе желѣзной полосы; присутствіе желѣза, окруженнаго влажнымъ воздухомъ, и необходимость ржавчины. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, если одинъ фактъ данъ, то другой дѣлается необходимымъ, и тогда говорятъ, что первый имѣетъ силу произвести второй. Сила есть неболѣе какъ связь или зависимость второго факта отъ перваго или, если хотите, свойство перваго повлечь за собой необходимо второй. Здѣсь вы также не видите ни жидкости, ни монады, ни тайны.

Переведите точно такимъ же образомъ всѣ другія выраженія, болѣе сложныя и немного неопредѣленныя, приводя такія обстоятельства, при которыхъ они могли произойти. Вы найдете напримѣръ, что *отправленіе* есть группа фактовъ, приспособленныхъ къ одному дѣйствию; что *природою* существа называется группа главныхъ и отличительныхъ фактовъ, составляющихъ его; что *законъ* есть постоянный и общій фактъ; что *индивидуумъ* есть отличительная система фактовъ, зависящихъ одинъ отъ другихъ; что *совершенство* или *несовершенство* существа состоитъ въ сложности или простотѣ фактовъ, составляющихъ его. И всегда и вездѣ, чтобы добиться до подобныхъ опредѣленій, нужно употребить анализъ. Чтобы узнать напримѣръ, что такое *отправленіе*, вы возьмете пищевареніе, кровообращеніе, движеніе, и посмотрите, изъ какого обстоятельства вытекаетъ во всѣхъ этихъ случаяхъ слово «отправленіе». Чтобы узнать что такое *природа* существа, вы возьмете животное, растеніе, минералъ, опредѣляете ихъ свойства и увидите, что слово «природа» является въ то самое мгновеніе, когда вы сдѣлали сумму важнѣйшихъ и отличительныхъ фактовъ. Словомъ, вездѣ заключеніе бу-

дать одно и тоже, и слово, подвергнутое анализу, станетъ означать, либо часть, либо комбинацію, либо какое-нибудь отношеніе факторовъ.

Перенесите этотъ анализъ въ міръ нравственный; попробуйте понять себя, когда говорите о назначеніи народа, о гениѣ націи, о живыхъ силахъ общества, о вліяніи климата или вѣка, о свойствахъ расы, о могуществѣ древнихъ учреждений. Всѣ эти ученые слова означаютъ неопредѣленныя вещи, которыя кажется дѣйствуютъ на какомъ-то темномъ фонѣ, вѣѣ происшествій и явленій. Вызовите ихъ на ясный день и посмотрите, что станется съ ними послѣ перевода.

«Назначеніе Рима было покорить вселенную.» Эта фраза непонятна; нужно быть пророкомъ, чтобы открывать подобныя истины. Это было очень хорошо для Вергилія, поэта, и притомъ поэтъ на жалованьи у правительства; что касается до насъ, то намъ нужна ясная мысль. Эта фраза значитъ, что народъ римскій покорилъ бассейнъ Средиземнаго моря съ нѣкоторыми сѣверо-западными странами и что это было необходимо. Необходимо же это было потому, что Римъ въ продолженіи семи вѣковъ имѣлъ отличныя арміи, хорошихъ генераловъ и политиковъ, и что его противники не были ни такъ храбры, ни такъ дисциплированы, ни такъ ловки, какъ онъ.

Такой переводъ научаетъ насъ смотрѣть на судьбу народа какъ на совокупное дѣйствіе обстоятельствъ, способностей его и наклонностей.

«Геній англійскаго народа предвзначилъ его къ политической свободѣ.» Опять пророчество и откровеніе. Посмотрѣвъ ближе, мы увидимъ, что политическая свобода Англій есть слѣдствіе удачнаго смѣшенія двухъ расъ — англо-саксонской и норманской, физическаго положенія Англій среди океана, что обуславливаетъ большую самостоятельность и свободу движеній въ мореплавателѣ, наконецъ самаго склада англійскаго ума, который одинаково упоренъ какъ въ консерватизмѣ, такъ и въ преслѣдованіи революціоннаго начала. Такимъ образомъ фаталистическая аксіома сводится на историческій фактъ, на группу естественныхъ и нравственныхъ привычекъ.

«Небо Италіи вдохновляетъ и рождаетъ артистовъ.» Это довольно сомнительно. Лапландецъ, перенесенный въ Римъ младенцемъ шести мѣсяцевъ и занятый разсматриваніемъ итальянскаго неба въ продолженіи двадцати часовъ ежедневно, врядъ ли сдѣлается великимъ артистомъ. Переводя эту фразу, мы найдемъ, что здѣсь дѣло идетъ о вопросѣ еще первшномъ. Извѣстно только, что климатъ, пища, наследственность типа, форма правленія и религія, свойство почвы и видъ неба — всѣ эти причины производятъ людей съ силь-

нымъ воображеніемъ, имѣющихъ даръ изобрѣтать и воспринимать поэтически прекрасныя системы формъ, звуковъ и цвѣтовъ. Какое же участіе имѣетъ при этомъ небо — никому неизвѣстно. Анализъ нашъ привелъ къ тому, что въ этой фразѣ кроется фактъ неопредѣленный и сомнительный. Если мы не можемъ разрѣшить его, то по крайней мѣрѣ научимся смотрѣть съ недоувѣреніемъ на подобныя фразы: а это уже много.

Такимъ же образомъ мы найдемъ, что живыя силы общества суть не болѣе какъ степень мускулистой крѣпости каждаго гражданина, его способности находить полезныя идеи или повиноваться отвлеченнымъ формуламъ, что основныя свойства человѣка или расы сводятся къ классамъ идей наиболѣе пріятныхъ этому человѣку или этой расѣ и т. п. До анализа мы разсуждали на авось; послѣ анализа мы подвигаемся съ увѣренностью отъ уравниенія къ уравниенію.

Какимъ же образомъ дойти до подобныхъ переводовъ? Разсматривая жизнь человѣка, народа, животнаго, мы замѣчаемъ, что слово *назначеніе* является всегда послѣ того какъ мы схватимъ главные факты, составляющіе жизнь каждаго изъ нихъ, факты, которые мы считаемъ необходимыми. Разсматривая *геній* поэта, ученаго, политика, государственнаго человѣка, мы находимъ, что это слово является у насъ послѣ того какъ мы замѣтимъ главное дѣйствіе ихъ жизни, вмѣстѣ съ способностями и склонностями, побудившими ихъ къ этому дѣйствію. Также точно мы поступаемъ и со всѣми другими идеями. При всякомъ случаѣ мы возсоздаемъ идею, приводимъ частное обстоятельство, порождающее ее; мы отдѣляемъ потомъ это обстоятельство, дѣлаемъ ощутительнымъ, и повторяя нѣсколько разъ, увеличиваемъ, т. е. обобщаемъ его.

Таковъ первый анализъ, составляющій всю философію такъ-называемыхъ идеалоговъ. Легко понять тотъ же часъ, что онъ слишкомъ узокъ для науки, что онъ есть скорѣе первый шагъ по пути изслѣдованія, чѣмъ самое изслѣдованіе.

Но зато этотъ шагъ очень важенъ: онъ учитъ насъ думать и разсуждать. До него мы имѣли дѣло съ пустыми словами, теперь же предъ нами вещи и факты; если число фактовъ не увеличилось, то по крайней мѣрѣ мы подвергли контролю самыя термины; если незнаніе наше и не уменьшилось, то зато уменьшилось заблужденіе; мы передѣляли свои идеи, перелили такъ-сказать свой умъ. Для этого мы поступили очень просто: мы привели сложныя, общія имена къ частнымъ и простымъ случаямъ, при которыхъ они происходятъ; соединивъ нѣсколько примѣровъ, мы отдѣлили общее

обстоятельство, обозначаемое ими, и свели такимъ образомъ общенія на выраженіе этого обстоятельства.

Этотъ первый шагъ влечетъ за собой другой: отъ анализа словъ мы переходимъ къ анализу самыхъ фактовъ; точный переводъ ведетъ къ полному переводу. Мы поступаемъ въ этомъ случаѣ подобно математикамъ: преобразовавъ данную задачу въ точное уравненіе, мы посредствомъ извѣстныхъ членовъ отыскиваемъ неизвѣстное число.

«Животное переваривается.» Нѣтъ ничего проще этой фразы; мы ее тотчасъ переводимъ фактомъ: я видѣлъ какъ оно проглотило хлѣбъ и мясо; черезъ часъ, вскрывъ его желудокъ, я нашолъ въ немъ пищевую кашу, кислотатаго свойства; это измѣненіе я есть пищевареніе. Но замѣьте, что оно окружено и ему предшествуетъ цѣлый рядъ неизвѣстныхъ намъ еще членовъ. По какимъ промежуточнымъ состояніямъ прошла пища? Какія положенія занимала она одновременно въ желудкѣ? Какія движенія причиняли и измѣняли это положеніе? Какое вещество видоизмѣняло ее? При помощи какихъ составныхъ частей? Какова пропорція этихъ частей? Откуда она происходитъ? Какимъ образомъ образовалась? Какъ она начала дѣйствовать на пищу и какія видоизмѣненія произвели въ ней? Вы видите, что переводъ нашъ небылъ полонъ: выраженіе наше указывало на фактъ, но не на части факта; оно означало измѣненіе состоянія, но оптомъ, неисчисляя того, изъ чего это измѣненіе составляется. Мы были похожи на путешественника на вершинѣ горы; издали онъ видитъ сѣроватое пятно и говоритъ: «это Парижъ!» Имя соотвѣтствуетъ факту, но фактъ переводитъ имя неполно. Вотъ здѣсь и наступаетъ второй анализъ; дѣло идетъ о томъ, чтобы замѣнить сѣроватое пятно правильнымъ планомъ горола. Эта замѣна есть истинный прогрессъ положительныхъ наукъ; весь ихъ трудъ, весь ихъ успѣхъ въ продолженіи трехъ послѣднихъ вѣковъ состоитъ въ преобразованіи грубыхъ массъ предметовъ, видимыхъ повседневымъ опытомъ, въ послѣдовательный и подробный каталогъ фактовъ, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе разлагающихся и усложняющихся.

Сравните два перевода, полный и неполный, новый и старый, и вы увидите анализъ, его сущность, его орудія и слѣствія.

«Желудокъ измѣняетъ пищу въ кашу.» Вотъ старая наука; ее можно умѣстить на одной строчкѣ. Посмотрите же теперь: фактъ разовьется подобно распущенному вѣру.

При помощи ножа и скальпеля вы обнажаете желудокъ и замѣчаете, что когда въ него входитъ пища, то онъ мѣняетъ форму и направленіе. Большая кривизна его идетъ впередъ и вверхъ, онъ

округляется подлѣ надбрюшной части. Сокращеніе нижней части пищепріемнаго горла выѣстъ съ дѣйствіемъ окружной мышцы (сфинктера) препятствуетъ пищѣ выходить изъ желудка. Мышечная ткань расширяется; складки слизистой оболочки исчезаютъ; объемъ желудка увеличивается.

При помощи же скальпеля вы дѣлаете въ желудкѣ отверстіе, фистулу. Вы видите черезъ нее, что сокращеніе мышечныхъ волоконъ гонитъ пищу къ входному отверстию, заставляетъ ее обойти малую кривизну, потомъ бросаетъ въ большую кривизну, приводитъ опять къ входному отверстию — и круговращеніе возобновляется. Глядя черезъ фистулу, вы видите, что на вращающуюся пищу обильно льется особаго рода жидкость. При помощи скальпеля и микроскопа вы убѣждаетесь, что эта жидкость происходитъ отъ различныхъ трубчатыхъ желѣзокъ, изъ которыхъ однѣ состоятъ изъ кругловатыхъ ячеекъ, другія изъ цилиндрическихъ.

Вы собираете сокъ этихъ желѣзокъ и изучаете его при помощи химическихъ реакцій. Вы убѣждаетесь, что онъ кислаго свойства, узнаёте его составъ, называете желудочнымъ сокомъ и заключаете, что онъ истекаетъ только въ присутствіи пищи въ желудкѣ.

Вы наливаете этотъ сокъ на различныя питательныя вещества при извѣстной температурѣ и видите, что вещества растворяются въ немъ мало-помалу и становятся жидкими. Поэтому пищевареніе производитъ желудочный сокъ.

Этотъ сокъ разлагаютъ химическими способами и находятъ въ немъ бродящее вещество (ферментъ) пепсинъ и кислоту. Можно убѣдиться, что сокъ, лишенный этого бродила или кислоты, перестаетъ дѣйствовать, что напротивъ бродила и кислота сами по себѣ дѣйствуютъ. Вы заключаете, что эти два вещества и производятъ пищевареніе.

При помощи химіи вы изслѣдуете измѣненія, которыя претерпѣла пища, обращенная въ жидкость. Вы замѣчаете, что она не только растворилась, но и преобразовалась, не получивъ впрочемъ никакихъ новыхъ веществъ. Вы говорите, что она перебродила.

Посредствомъ химіи же, вы изучаете свойства этой новой жидкости и находите, что всякая пища, состоящая изъ азотныхъ среднихъ веществъ, преобразуется въ одно опредѣленное вещество, называемое бѣлковиною, которая можетъ *ассимилироваться*, т. е. возобновлять потери организма.

Таковъ нашъ второй переводъ. Слово «пищевареніе» выражаетъ теперь не какой-нибудь болѣе отлчительный фактъ, но только фактъ болѣе сложный. Оно сдѣлалось не болѣе яснымъ, но болѣе плодотворнымъ. Оно выражаетъ не болѣе точное обстоятельство,

во; болѣе обстоятельствъ, и всѣ усилія физиологовъ должны быть направлены на увеличеніе количества ихъ.

Но вы въ то же время видите, какимъ способомъ они его увеличиваютъ. Прямой опытъ дастъ имъ мало фактовъ. Еслибы они ограничивались имъ, то при всемъ вниманіи открыли бы не много. Они принуждены всякій разъ измѣнять наблюдаемый предметъ или замѣнять свои собственныя чувства: они измѣняютъ предметъ посредствомъ разрѣзовъ, вымачиваній, инъекцій, химическихъ операцій; они замѣняютъ свои чувства микроскопомъ или указаніями реактивовъ. Вы видите, что анализъ состоитъ въ умноженіи фактовъ, а для умноженія фактовъ необходимо измѣнять наблюдательныя орудія или замѣнять наблюдаемые предметы. Вотъ почему всякое умноженіе фактовъ порождаетъ отдѣльную часть науки, а всякій способъ замѣнять наблюдательное орудіе или измѣнять наблюдаемые предметы увеличиваетъ количество фактовъ. Такъ микроскопъ создалъ эмбриологию, микроскопическую анатомію, анатомію и физиологию низшихъ животныхъ. Такъ химическія сложенія и разложенія создали органическую химию и часть высшей физиологіи. Такъ живосъченія создали почти всю физиологию нервной системы. Телескопъ есть ~~создалъ~~ астрономію; вольтовъ столбъ — электрической фязики; термометръ, барометръ, гигрометръ — метеорологіи. Такимъ-то образомъ растутъ физическія науки, дѣло анализа, которому помогаютъ видоизмѣненія наблюдаемыхъ предметовъ и изобрѣтеніе новыхъ инструментовъ.

Тотъ же самый анализъ и тѣмъ же самымъ способомъ создаетъ нравственныя науки.

Гоголь написалъ «Мертвыя души». Всякій тотчасъ же переводитъ эту фразу болѣе яснымъ фактомъ. Всякому представляется книга въ вѣсколько сотъ страницъ, происшествія, рассказанныя въ ней, характеристика. Но этотъ вѣшній и кажущійся фактъ окруженъ цѣлымъ рядомъ еще неизвѣстныхъ фактовъ. Въ чемъ заключается то, что можно назвать философіей Гоголя? Какимъ образомъ онъ рассуждаетъ? Какое участіе и въ какой мѣрѣ принимаетъ у него воображеніе? Въ какомъ порядкѣ, въ какой пропорціи образы и идеи сцѣпливаются въ его мозгѣ? Въ чемъ заключается его юморъ? Какое участіе имѣютъ при этомъ серьезныя стороны его генія, философіи, сатира, темпераментъ? Въ чемъ заключается сообразность его книги съ нравами окружавшей его среды? Почему въ его поэмѣ встрѣчается столько бездермонныхъ выраженій, оскорбляющихъ чувства извѣстнаго класса цѣломудренной публики? Каковъ слогъ его? Отчего происходитъ эта смѣсь веселаго комизма съ горькимъ, раздражающимъ душу чувствомъ? Какія личныя способности и какія

внѣшнія условія породили этого самобытнаго генія съ такими странными на первый взгляд приемами? Въ чемъ заключалось вліяніе Гоголя на современное ему общество? Вы видите, что здѣсь: предстоитъ такой же анализъ, какой мы сдѣлали говоря о пищевареніи. Издали это единичный фактъ, вблизи это сложный фактъ. Съ перваго взгляда вы наблюдаете одно только видимое дѣйствіе: въ желудкѣ — преобразование пищи, въ книгѣ — нѣскольکو тысячъ фразъ. Но собраніе этихъ нѣсколькихъ тысячъ фразъ, равно какъ преобразование пищи, сопровождается неопредѣленнымъ числомъ неизвѣстныхъ еще обстоятельствъ. Въ книгѣ Гоголя, какъ и въ исторіи пищеваренія, умноженіе фактовъ дополнили нашъ переводъ и образовали анализъ. Въ наукахъ нравственныхъ и въ наукахъ физическихъ прогрессъ заключается въ употребленіи анализа, а всѣ усилія анализа — въ умноженіи фактовъ, обозначаемыхъ какимъ-нибудь именемъ. Вотъ еще напримѣръ *Страсть*, картина Альбрехта Дюрера: каждое движеніе, каждая форма есть видное слѣдствіе невидимыхъ чувствъ. Всякій можетъ видѣть это слѣдствіе, но анализъ объясняетъ его. Жестокость чертъ лица, сильное и всеобщее отвращеніе къ блаженству и красотѣ, глубина чувствъ, грустная мечтательность, фантастическое представленіе привидѣній и апокалипсическихъ чудищъ въ больномъ мозгѣ средневѣковаго человѣка, вмѣстѣ съ этимъ опредѣленность чертъ, сила колорита, изобиліе подробностей и окончености; добросовѣстный, меланхолическій, фантастическій и спиритуалистическій геній нѣнца эпохи возрожденія — вотъ цѣлая группа внутреннихъ, нравственныхъ фактовъ, которые сопровождаютъ видимый и внѣшній фактъ. То же также всякій историческій фактъ влечетъ за собою цѣлый рядъ внутреннихъ: всякое учрежденіе указываетъ на національный характеръ и на состояніе общественнаго духа, установившаго его. Государство, литература, философія, религія, семейство, общество, правительство, всякое учрежденіе и внѣшнее происшествіе влекутъ за собой и раскрываютъ цѣлую совокупность внутреннихъ происшествій и привычекъ. Внѣшность выражаетъ внутренность, исторія проявляетъ психологію, лицо открываетъ душу. Анализъ прибавляетъ къ міру физическому міръ нравственный и дополняетъ происшествія чувствами.

Но вы видите, что и здѣсь, какъ въ физическихъ наукахъ, для того чтобы умножить число наблюдаемыхъ фактовъ, нужно было видоизмѣнить самыя орудія наблюденія. Историкъ создаетъ себѣ свой особый термометръ — свою душу. Наблюдая и изучая людей, описывая и дѣйствуя, онъ наконецъ открываетъ различнаго рода чувствованія, которыя соответствуютъ извѣстнымъ фразамъ, сфр-

намъ и додоженіямъ. Поэтому, если впередъ ему встрѣчается подобная форма, фраза или положеніе, онъ испытываетъ и усматриваетъ соотвѣтствующее имъ чувство, подобно тому какъ химикъ по различнымъ цвѣтамъ своей реактивной бумажки узнаетъ какого свойства данный растворъ. Пусть у васъ будутъ лучшіе глаза въ мірѣ, пусть вы будете ученѣйшимъ человѣкомъ, вы ничего не откроете въ картинѣ громъ ливій, въ картинѣ — письма, если ваше воображеніе не слѣдилось чувствительнымъ и если внутри себя вы не находите реактива-указателя.

Вотъ почему въ настоящее время психологія такъ мало уважается и обречена на безплодіе. Ученые говорятъ, что наука Жофруа, Дугласа-Стюарта, Рейда и пр. имѣетъ предметомъ обучить взрослыхъ дѣтей отечественному языку, и это мнѣніе не бѣзъ основанія. Ограничиваясь непосредственнымъ наблюденіемъ, психологія не можетъ открывать ни важныхъ, ни новыхъ фактовъ. Само упорное вниманіе не откроетъ ничего больше того, что указываетъ намъ повседневный опытъ. Жофруа самъ говоритъ, что онъ идилею новому не учитъ въ своей аудиторіи, что весь его трудъ состоитъ въ томъ, чтобы прояснить темныя идеи своихъ слушателей, что онъ принимаетъ ихъ за своихъ судей и что согласіе или несогласіе ихъ оправдываетъ или отвергаетъ его теоріи. Спросите физика, довольствуется ли онъ проясненіемъ идеи своей аудиторіи и въ исторіи теплорода развиваетъ ли онъ одни повседневныя понятія о теплотѣ? Если психологія наука, то предметъ ея — открывать факты, недоступные непосредственному наблюденію, и если эту науку теперь презираютъ, то это потому, что она не открываетъ подробныхъ фактовъ. Но она можетъ и должна ихъ открывать. Вотъ уже одинъ новый и важнѣйшій психологическій фактъ: пусть она докажетъ, что высшее воспріятіе есть истинная гадюципация. Но чтобы открыть это, она должна подобно прочимъ наукамъ замѣнить свой наблюдательный инструментъ или видоизмѣнить наблюдаемый предметъ. Замѣнить свой наблюдательный инструментъ она можетъ тѣмъ, что вмѣсто непосредственнаго наблюденія, употребленнаго Рейдомъ, она начнетъ изучать признаки, предшествующіе воспріятію или слѣдующіе за нимъ; признаки эти будутъ для него реактивнымъ указателемъ. Она видоизмѣняетъ свой предметъ, хотя и косвеннымъ образомъ, наблюдая какимъ образомъ проявляются идеи и чувства у умалишенныхъ и одержимыхъ манією.

Здѣсь оканчивается первая часть анализа, часть приготовительная. Вы помните въ чемъ она состояла: переводить слова фактами — таково ея опредѣленіе; переводъ точный и переводъ пол-

ный — таковы ея два отдѣла. При точномъ переводѣ темныя, отвлеченныя слова приводятся къ фактамъ, къ частямъ фактовъ, къ отношеніямъ или комбинаціямъ фактовъ. Для этого слово переводятъ какимъ-нибудь частнымъ случаемъ и воспроизводятъ его; повторяя операцію нѣсколько разъ на отдѣльныхъ и подобныхъ примѣрахъ, можно отличить общее обстоятельство, которому слову это соотвѣтствуетъ. Таковъ первый шагъ. При точномъ переводѣ къ каждому опредѣленному уже факту прибавляютъ множество неизвѣстныхъ, окружающихъ его. Для этого либо замѣщаютъ наблюдательное орудіе, либо видоизмѣняютъ наблюдаемый предметъ.

Такимъ образомъ вы прежде всего уничтожили метафизическія существа, потомъ увеличили число дѣйствительныхъ. Вы находились въ большой библіотекѣ, зная имя Вергилія. Въ первое мгновеніе имя это не обозначало для васъ никакой книги. Потомъ вы увидѣли это имя на переплетѣ тома. Наконецъ вы открыли самую книгу и представляете себѣ этимъ именемъ пятьдесятъ страницъ, прочитанныхъ вами. Потомки ваши прочтутъ еще пятьдесятъ страницъ и сдѣлаютъ переводъ болѣе точнымъ. Дѣти ихъ прочтутъ еще дальше, и такъ до безконечности. Книга никогда не окончится.

Представленный нами выше анализъ, составляющій всю философію идеалоговъ и сенсуалистовъ, при всей своей важности не есть еще наука, а скорѣе необходимое введеніе въ науку; онъ долженъ имѣть продолженіе, и главнѣйшая заслуга его состоитъ въ приготовленіи къ этому продолженію.

Были бы вы довольны, напримѣръ еслибы вамъ привезли цѣлую повозку анатомическихъ атласовъ и самый подробный каталогъ всѣхъ жизненныхъ отправленій? Считали бы вы, что вы познакомились вполне съ организмомъ? Этотъ организмъ есть ли не болѣе какъ совокупность частей? Не чувствуете ли вы, что въ этомъ устроенномъ множествѣ, есть какая-нибудь устраивающая причина? Развѣ для образованія армии довольно наполнить солдатами пустые кадры и увеличить до безконечности число солдатъ? Не нужно ли дать имъ еще генерала? И нужно ли для этого, подобно многимъ философамъ, искать далеко ключа разгадки? Какой опытъ отвергаетъ, что причина фактовъ не есть сама фактъ?

Опытъ указываетъ на противное. Каждая группа фактовъ имѣетъ свою причину; эта причина есть фактъ. Вы увидите изъ примѣровъ, какимъ образомъ можно ее найти.

Вотъ животное: собака, человѣкъ, воронъ, карпъ; какова его сущность или причина? Всѣ шаги методы суть не болѣе какъ слѣдствіе этого вопроса.

Распредѣляя по классамъ части и отправленія этого живого

организма и разсмотрѣвъ внимательно отношенія и слѣдствія ихъ, мы выдѣляемъ одинъ общій фактъ, т. е. свойственный всѣмъ частямъ живого тѣла, во всѣ минуты жизни, именно питаніе или возобновленіе органовъ. Я предполагаю, что этотъ фактъ есть причина группы другихъ фактовъ и повѣрю эту гипотезу. Если повѣрка опровергнетъ меня, я буду поочередн брать всякій общій фактъ, встрѣчающійся мнѣ, до тѣхъ поръ пока не попаду на такой, который будетъ причиной.

Чтоже мы называемъ причиной? *Фактъ, изъ котораго можно вывести сущность, отношеніе и измѣненіе другихъ фактовъ.* Если питаніе есть фактъ, то можно вывести изъ него сущность и отношенія цѣлой группы отправленій и органовъ; можно также изъ нея вывести измѣненія, которыя эта група претерпѣваетъ въ различныхъ видахъ животныхъ и въ самомъ индивидуумѣ. Такъ ли это? Опытъ отвѣтитъ намъ. Если онъ отвѣтитъ утвердительно, то питаніе, имѣя всѣ принадлежности причаны, есть причина, и гипотеза наша обращается въ истину.

Первая повѣрка: разсмотрите отношенія и свойства отправленій и органовъ. Побужденія, инстинкты, мускулистая сила, орудія животнаго устроены и скоординированы такимъ образомъ, чтобы оно жевало и могло питаться.

Операции, посредствомъ которыхъ пища пережевывается, смачивается, глотается, переваривается, переходитъ черезъ артеріи и вены въ органы, разлагается для того, чтобы доставить каждому органу необходимое вещество, безчисленныя подробности всѣхъ этихъ измѣненій, игра химическихъ, физическихъ и механическихъ законовъ и другихъ быть-можетъ еще неизвѣстныхъ, строеніе органовъ, безконечно сложеное и совершенно приспособленное, всѣ части и всѣ движенія великой системы способствуютъ своими отношеніями и свойствами произведенію окончательнаго питанія. Слѣдовательно изъ питанія можно вывести отношенія и свойства группы фактовъ.

Вторая повѣрка: переходите отъ одного вида животнаго къ другому. Когда вы видите, что одно второстепенное отправленіе измѣняется, вы убѣждаетесь, что и всѣ остальные измѣняются въ тоже время именно такимъ образомъ, чтобы питаніе могло все-таки совершаться.

Если вы встрѣчаете кишку, способную переваривать сырое мясо, то у такого животнаго челюсти устроены для пожиранія добычи, когти — для того чтобы схватывать и разрывать ее, зубы — чтобы разрѣзывать и раздроблять, цѣлая система двигательныхъ органовъ — чтобы схватывать и наступать ее, чувства, способныя

примѣчать се издали, инстинктъ прятаться и дѣлать загалы, вкусъ къ крови и мясу. Изъ этого слѣдуетъ известная форма соединительнаго бугорка (condyloma), для того чтобы челюсти могли дѣйствовать на подобіе ножницъ, увеличенный объемъ жевательнаго мускула, известное расширение ямки, къ которой онъ прикрѣпляется, и множество свойствъ, определяемыхъ анатомомъ заранѣе. Извѣстите органъ: если нога окружена роговымъ веществомъ, копытомъ, способнымъ поддерживать, но неспособнымъ схватывать, то животное имѣетъ вкусъ къ травѣ, зубы его коренные съ плоскимъ вѣшникомъ, очень длинный питательный каналъ, сложный и объемистый желудокъ и т. д. (См. Кювье.)

Изъ питанія выводятся всѣ эти связи и особенности, слѣдовательно изъ питанія можно вывести измѣненія, которыя отъ нихъ къ виду претерпѣваетъ цѣлая система фактовъ.

Третья повѣрка: рассмотрите метаморфозы животнаго. Когда вы видите, что какое-нибудь подчиненное отправление измѣняется, вы убѣждаетесь, что и всѣ другія измѣняются такъ, чтобы могло совершаться питаніе.

Головастикъ, какъ травоядное, нуждается въ очень длинномъ пищевомъ каналѣ и кишка его въ десять разъ длиннѣе всего тѣла; измѣнившись же въ плотоядную лягушку, лишняя ея уменьшается въ пять разъ въ длину. У прожорливой личинки жула есть пищевпріимное горло, огромный мускулистый желудокъ, окруженный тремя рядами слѣпыхъ кишокъ, тонкая кишка, толстая кишка, къ три раза больше чѣмъ желудокъ и занимающая треть всей задней части тѣла. Сдѣлавшись жукомъ и болѣе умѣреннымъ, у него остается только одинъ каналъ, довольно тощій, безъ всякихъ развѣтвленій. Когда измѣняются инстинкты и потребности, измѣняется и желудокъ, и обратно. Есть сотни подобныхъ кривѣровъ; ихъ даже есть тысячи, потому что внутри или внѣ матери всякое животное претерпѣваетъ тысячи метаморфозъ. Слѣдовательно изъ питанія можно вывести измѣненія, претерпѣаемыя въ одномъ и томъ же индивидуумѣ цѣлою системою фактовъ. Слѣдовательно питаніе есть причина группы фактовъ.

Вотъ мы уже избавились отъ одной группы. Она вся состоитъ теперь изъ однихъ слѣдствій. Мы незначимъ теперь ее разсматривать, такъ какъ при нуждѣ я могу отыскать ее посредствомъ разсужденія. Пятьсотъ фактовъ мы свели къ одному. Въ послѣдующихъ изслѣдованіяхъ мы будемъ имѣть дѣло только съ этимъ сокращеннымъ и обобщающимъ фактомъ.

Но для чего же это непрерывное питаніе? Потому что разрушеніе или разложеніе непрерывно; разложеніе или разрушеніе

есть также общій и постоянный фактъ и можетъ быть также причиной. Повѣримъ же эту новую гипотезу, какъ мы повѣрили первую, и посмотримъ къ какому заключенію мы придемъ.

Первая повѣрка: рассмотримъ сущность и отношенія отправления и органовъ. Если разложеніе есть причина, то всегда будетъ группа отравленій и органовъ, расположенныхъ такимъ образомъ, чтобы живое тѣло могло разлагаться. Опытъ подтверждаетъ это. Живое тѣло образовано изъ веществъ очень сложныхъ, имѣющихъ основнымъ элементомъ *протеинъ*, вещество очень непостоянное и легко разлагающееся. Ткани организма легко проникаются жидкостями и газами, что позволяетъ разложившимся веществамъ извергаться. Вышній кислородъ, разлагающее вещество, смѣшивается съ кровью въ легкихъ — органѣ, построенномъ съ необыкновеннымъ искусствомъ: онъ (т. е. кислородъ) проводится во все живое тѣло посредствомъ системы артерій и разлагаетъ ткани черезъ стѣнки волосныхъ сосудовъ. Мертвые, т. е. негодныя вещества, происшедшія отъ этого разрушенія, выдѣляются легкими въ видѣ углекислоты, почками въ видѣ мочи, кишечнымъ каналомъ и кожу; разные желѣзы, почки, печень устроены по разумному плану, чтобы способствовать этому очищенію. Итакъ есть множество органовъ и отравленій, которые по своей сущности и отношеніямъ способствуютъ окончательному разложенію. Слѣдовательно изъ разложенія можно вывести сущность и отношенія цѣлаго ряда фактовъ.

Вторая повѣрка: если разрушеніе есть причина, то, если отъ вида къ виду условія мѣняются, и самыя операціи должны мѣняться такъ, чтобы разрушеніе это могло совершаться. Опытъ подтверждаетъ это. Поставьте животное въ различныя среды: вы увидите, что дыхательный органъ видоизмѣняется такъ, чтобы дать возможность вводить въ организмъ разрушительный кислородъ. Млекопитающее на воздухѣ дышетъ легкими; жабры рыбы номѣщены въ головѣ, выдѣляютъ изъ воды заключенный въ ней кислородъ и снабжены отверстиями для выбрасыванія негодной воды; цыпленокъ, заключенный въ яйцѣ, дышетъ посредствомъ сосудовъ (*allantoides*) воздухомъ, проходящимъ сквозь поры скорлупы; зародышъ млекопитающаго получаетъ воздухъ посредствомъ сообщенія сосудовъ матери съ своими. Итакъ при измѣненіи среды необходимость разрушенія условливаетъ измѣненія въ органахъ и операціяхъ. Слѣдовательно изъ разложенія можно вывести отъ вида къ виду измѣненія цѣлаго ряда фактовъ.

Третья повѣрка: если разрушеніе есть причина, то въ самомъ индивидуумѣ, при измѣненіи условій, отправления должны измѣ-

няться именно такъ, чтобы разложеніе могло совершаться. Опытъ подтверждаетъ и это. Лагушка въ состояніи головастика — водяное животное и дышитъ жабрами; сдѣлавшись взрослою и земноводною, жабры у ней исчезаютъ, она дышитъ кожею и легкими.

Нѣкоторыя личинки двукрылыхъ насѣкомыхъ (diptera) дышатъ посредствомъ трубочекъ въ воздухѣ, а нимфы ихъ, сдѣлавшись водяными, дышатъ воздухомъ изъ воды и снабжены сѣтчатыми жабрами, прикрѣпленными къ груди. Напротивъ, личинки другихъ насѣкомыхъ дышатъ мѣшотчатыми жабрами, а нимфы ихъ трубочками. Измѣненіе второстепенныхъ органовъ и отправленій влечетъ за собой измѣненіе въ другихъ. Есть тысячи подобныхъ фактовъ, или лучше сказать, такъ какъ всякое животное претерпѣваетъ безчисленное множество метаморфозъ, то такихъ фактовъ безчисленное множество. Итакъ, когда условія мѣняются, то необходимость разрушенія опредѣляетъ измѣненія въ органахъ и отправленіяхъ. Слѣдовательно изъ разрушенія можно вывести измѣненія въ одномъ и томъ же индивидуумѣ для цѣлаго ряда фактовъ.

Итакъ разрушеніе есть причина цѣлой группы фактовъ.

Вотъ мы уже избавились отъ другой группы; предметъ нашъ значительно упростился; изъ множества фактовъ у насъ осталось всего два: разрушеніе и возобновленіе. Притомъ же очевидно, что изъ этихъ двухъ фактовъ одинъ есть слѣдствіе другого; если по природѣ животное безпрестанно разрушается, то чтобы существовать, оно должно и возобновляться. Итакъ ограничимъ еще и положимъ одну причину — разрушеніе.

Это самое открываетъ намъ новую причину. Кто разрушается и кто возобновляется? Животное, т. е. типъ, опредѣленная и ограниченная форма, продолжающаяся отъ поколѣнія къ поколѣнію. Этотъ типъ есть нѣчто существенное, потому что если онъ повреждается, то животное гибнетъ или вырождается; онъ есть нѣчто отличное, потому что неживое тѣло можетъ до безконечности мѣнять свою форму и величину, непогибая и невырождаясь. Мы сейчасъ доказали, что въ извѣстныхъ точкахъ и для нѣкоторыхъ измѣненій онъ зависитъ отъ отправленій и ихъ требованій. Остается узнать; есть ли онъ въ совокупности своей первоначальная причина и независимый фактъ? Какъ же узнать, есть ли онъ слѣдствіе или причина? Сдѣлавъ гипотезу, что онъ есть слѣдствіе, и потомъ поверивъ или опровергнувъ ее опытомъ.

Если отправленіе опредѣляетъ типъ, то изъ отправленія можно будетъ вывести существованіе, разнообразіе и упорство типа. Если отправленія нѣтъ, то и типа не должно быть. Если первое остает-

ся, то и второй долженъ оставаться. Въ противномъ случаѣ типъ независимъ отъ отправленій.

Но мы часто видимъ, что отправленія нѣтъ, между тѣмъ какъ типъ существуетъ. Страусъ не можетъ летать, а между тѣмъ у него есть крыло. У многихъ птицъ на концѣ крыла мы находимъ часто косточку, снабженную у нѣкоторыхъ птенцовъ ногтемъ и служащую единственно для представленія пальца. У удава, ползущей амфибии, находятся слѣды конечностей. У мѣдвяницы (видъ змѣи) есть маленькое плечо, грудная часть, признаки таза и два выдающихся бугорка въ молодомъ возрастѣ, замѣняющіе нижнія конечности. У мужчины есть соски и часто встрѣчаются даже молочныя желѣзы. Самецъ двуутробки имѣетъ въ юности мѣшокъ какъ самка. У одного вида грызуновъ — крота (*mus typhus*) глаза покрыты непрозрачною, покрытою волосами перепонкою, такъ что онъ ничего не видитъ. Итакъ мы видимъ, что отправленіе не опредѣляетъ существованія органа, такъ какъ органъ существуетъ независимо отъ отправленія.

Съ другой стороны, оставьте одно и тоже отправленіе — типъ можетъ измѣняться. Птица летаетъ при помощи крыла, летучая рыба при помощи плавательнаго пера, летучая мышь при помощи руки, насѣкомое при помощи перепонки, несколько непохожей на крыло птицы. Рыба плаваетъ при помощи длиннаго костнаго или хрящеваго аппарата, называемаго плавательнымъ перомъ, китовыя животныя при помощи рукъ, пингвинъ (птица) при помощи крыльевъ, моллюскъ при помощи особаго ростка. Змѣя ходитъ при помощи ребръ и позвонковъ, млекопитающее при помощи ногъ, червякъ при помощи покрововъ. Кровь у позвоночныхъ вращается по сосудамъ; у иныхъ сердце простое, у другихъ двойное, тройное. Дыханіе у млекопитающихъ совершается посредствомъ легкихъ, у лягушекъ посредствомъ кожи, у насѣкомыхъ посредствомъ трахей (особаго рода трубочекъ), у моллюсковъ и рыбъ посредствомъ жабръ всевозможныхъ формъ и положеній. Слѣдовательно отправленіе не опредѣляетъ разнообразія типовъ, такъ какъ типъ измѣняется независимо отъ отправленія.

Итакъ типъ не есть нѣчто производное или зависящее, но онъ независимъ и первообразенъ. Но если отправленіе не есть причина его, то можетъ-быть оно есть причина отправленія; и между отправленіями нужно посмотреть, нельзя ли будетъ произвести отъ него именно то, которое мы нашли такимъ же первообразнымъ какъ и онъ, именно разложеніе. Положимъ, что это возможно; для насъ не важно въ настоящую минуту, произведутъ ли это отправленіе отъ типа или нѣтъ, или можетъ-быть то и другое произведутъ отъ че-

го-нибудь другого. Мы набрасываемъ методу, а не устанавливаемъ теорію. Примемъ эту мысль не какъ фундаментъ, а только какъ вѣху для будущаго фундамента.

Если наиримѣрь разрушеніе выводится изъ типа, то оно повлечетъ за собой всю группу разрушающихъ отравленій и кромѣ того питаніе и группу питательныхъ отравленій. Слѣдовательно типъ будетъ причиною всего остальнаго. Изъ него можно будетъ вывести всѣ факты, составляющіе животное.

Каждая группа этихъ фактовъ выводится изъ одного господствующаго факта. У насъ останется одна только формула, общее опредѣленіе, изъ котораго выйдетъ, посредствомъ системы прогрессивныхъ выводовъ, множество подчиненныхъ фактовъ.

Тогда вы усмотрите цѣль науки и поймете что такое система. Посмотрите же отсюда, какимъ образомъ мы шли. Мы не выходили изъ области фактовъ; мы не призывали на помощь никакого метафизическаго существа; мы думали только о составленіи группъ. Нашедши эти группы, мы замѣщали ихъ общимъ фактомъ. Мы выражали эти факты формулой. Потомъ мы соединили различныя формулы въ одну группу и отыскали высшій фактъ, порождающій ихъ. Мы продолжали такъ далѣе, пока не пришли къ единичному факту, который и есть всеобщая причина. Называя его причиною, мы не хотимъ сказать только, что изъ формулы его можно вывести всѣ прочія и всѣ слѣдствія прочихъ. Мы преобразовали такимъ образомъ разбросанное множество фактовъ въ іерархію предположеній, изъ которыхъ первая порождаетъ группу подчиненныхъ предположеній; эти въ свою очередь производятъ каждая новую группу, и такъ далѣе, пока не явятся подробности и частныя факты, наблюдаемыя органами чувствъ. И въ подобной лѣстницѣ всѣ ступени явственно обозначены. Образовавши группу, мы посредствомъ отвлеченія выбрали изъ нея одинъ общій фактъ и по известной предположили, что онъ есть причина другихъ. Зная свойства причины, мы *повѣряемъ*, содержитъ ли этотъ фактъ эти свойства; если не содержитъ, мы беремъ другой фактъ и снова *повѣряемъ*, его и такъ далѣе, пока не дойдемъ до причины. Соединивъ группу причинъ или общихъ фактовъ, мы тѣмъ же самымъ способомъ ищемъ, какой изъ нихъ порождаетъ всѣ другіе. Такъ мы поступали сейчасъ. Отвлеченіе, гипотеза, повѣрка — таковы три шага метода. Больше не нужно, но зато они нужны всѣ три.

Вспомни́те развѣ, когда вамъ встрѣтител естественная группа фактовъ, вы можете употребить этотъ методъ и оти́ровете цѣлый рядъ необходимостей; тоже самое бываетъ въ мірѣ физическомъ, какъ и въ мірѣ нравственномъ. Цивилизація, народъ, вѣкъ — суть опредѣленія развивающіяся. Человѣкъ есть ходячая формула. Напримѣръ разсматривая римское общество, вы находите въ немъ очень общую способность дѣйствовать массою, вмѣстѣ съ развитіемъ личнаго интереса; способность эта установилась частью отъ его первоначальныхъ наклонностей (что особенно можно видѣть изъ первобытнаго языка и религіи), главнымъ же образомъ отъ того обстоятельства, что Римъ съ самаго происхожденія своего былъ убѣжищемъ, враждебнымъ своимъ сосѣдямъ, образовавшимся изъ разнообразныхъ и враждебныхъ элементовъ, въ которомъ слѣдовательно каждый былъ поглощенъ мыслью о своемъ интересѣ и въ тоже время обязанъ былъ дѣйствовать массою. Вы отдѣляете эту эгоистическую и политическую способность и выводите тотчасъ же характеръ римскаго общества и правительства: искусство сражаться, вести переговоры и управлять, всеобщую любовь къ отечеству, молодое и высокочинное мужество, духъ дисциплины, постоянную мысль о завоеваніи и эксплуатаціи всего міра, уваженіе къ закону, талантъ къ законнымъ надеждямъ и защитѣ, умѣренность и упорство въ гражданской борьбѣ, вездѣ расчетъ и подчиненіе воли разсудку. Изъ этой группы нравственныхъ наклонностей можно вывести всѣ важнѣйшія подробности римской конституціи; а эта группа въ свою очередь выводится изъ эгоистической и политической способности, которую вы прежде всего отдѣлили. Перенесите эту самую способность въ частную жизнь: вы увидите какъ явится духъ выгоды и законности, бережливость, скупость, жадность, всѣ расчетливыя привычки для приобрѣтенія и сохраненія, самыя тонкія формы при законныхъ передачахъ, страсть къ ябедѣ, словомъ всѣ наклонности, которыя могутъ служить гарантіей или законнымъ и публичнымъ оружіемъ. Перенесите ее въ семейную жизнь: семейство, преобразованное въ политическое и деспотическое учрежденіе, основанное не на естественности чувствъ, но на повиновеніи и религіозныхъ обычаяхъ, становится не болѣе какъ вещью или собственностью отца, родъ удѣла, даруемаго каждый разъ закономъ и назначеннаго для доставленія обществу солдатъ. Перенесите ее въ религію: религія, основанная положительнымъ и политическимъ духомъ, лишонная философіи и поэзіи, признаетъ за боговъ сухія абстракціи, бичи, обожаемые только ради страха; она признаетъ и иностранныхъ боговъ, но только ради выгоды; родина обоготворяется изъ гордости; богослуженіе есть глухой и суевѣрный ужасъ,

религиозныя церемоніи мелочны, прозаичны и кровожадны; священнослужители составляютъ организованный корпусъ свѣтскихъ лицъ, простыхъ администраторовъ, назначенныхъ въ виду государственныхъ интересовъ и подчиненныхъ гражданскимъ властямъ. Перенесите ее въ искусство: искусство, презираемое, составленное изъ привозныхъ образцовъ и остатковъ, ограниченное одною пользою, производить само по себѣ только политическія и практическія творенія, документы администраціи, памфлеты, нравоучительныя правила; впоследствии при помощи иностранной культуры оно привело только къ краснорѣчію — оружію на форумѣ, къ сатирѣ — оружію нравственности, къ исторіи — ораторскому сборнику политическихъ воспоминаній; оно развивается только подражаніемъ, и то тогда только, когда римскій геній гибнетъ подъ вліяніемъ новаго духа. Перенесите ее наконецъ въ науку: наука, лишенная научаго и философскаго духа, сведенная на подражанія, переводы, прилеженія, становится популярною только при помощи морали, собранія практическихъ правилъ, изучается только съ практическою цѣлью; ея единственное оригинальное открытіе есть юриспруденція, компиляція законовъ, остающаяся простымъ руководствомъ для судей, до тѣхъ поръ пока греческая философія не организовала ее и не приблизила къ естественному праву.

Сухой и положительный умъ, слѣдствіе первоначальнаго устройства мозга, съ одной стороны, съ другой — могущественное обстоятельство, необходимость думать о своихъ выгодахъ и дѣйствовать массою, — все это произвело въ этомъ народѣ и довело до крайности эгоистическую и политическую свободу. Изъ этой способности выводить различныя группы нравственныхъ привычекъ. Изъ каждой группы въ свою очередь выводить порядокъ фактовъ, сложныхъ и развѣтвленныхъ на безчисленныя подробности, — жизнь частная, жизнь публичная, семейная, религія, наука, искусство. Эта іерархія причинъ есть система исторіи. Всякая исторія имѣетъ свою систему и вы видѣли какимъ образомъ можно достигнуть ея. И здѣсь, какъ въ наукахъ естественныхъ и физическихъ, метода одна и таже; и здѣсь причина есть только фактъ. Эгоистическая и политическая способность есть въ римлянинѣ наследственная привычка, преобладающая надъ всѣми прочими; она устанавливаетъ порядокъ, видъ и строй его чувствъ и идей. Она находится въ немъ, когда онъ работаетъ, сражается, управляетъ, молится, рассуждаетъ, изобрѣтаетъ и пишетъ. Присутствуя при всѣхъ его дѣйствіяхъ, она управляетъ ими, вѣкоторыя увеличиваетъ, другія уменьшаетъ и подчиняетъ, производитъ то силу, то слабость, добродѣтели и пороки, могущество и разрушеніе, и объясняетъ все, потому что дѣдаетъ все.

Поэтому забудьте огромную кучу безчисленныхъ подробностей : обладая формулою, вы знаете все остальное. Въ горсти руки у васъ тысячу дѣтъ и половина всего древняго міра.

Предположите, что трудъ этотъ совершенъ для всѣхъ народовъ, для всей исторіи, для психологіи, для наукъ нравственныхъ, для зоологіи, для физики, для химіи, для астрономіи. Въ ту же минуту видимая нами вселенная исчезаетъ. Факты уменьшились; ихъ замѣтили формулы; міръ упростился, наука готова.

Осталось всего пять или шесть общихъ предложеній или опредѣленій: опредѣленіе челоуѣка, животнаго, растенія, химическаго тѣла, физическихъ законовъ, астрономическихъ тѣлъ. Мы обращаемъ взоры свои на эти верховныя опредѣленія; мы разсматриваемъ эти создающія силы, единственно постоянныя въ безконечности времени, которое развиваетъ и разрушаетъ ихъ творенія, единственно недѣлимыя въ безконечности пространства, которое раздѣляетъ и умножаетъ ихъ дѣйствія. Но мы идемъ еще далѣе: видя, что такихъ опредѣленій нѣсколько и что они факты подобно всѣмъ другимъ, мы открываемъ въ нихъ, посредствомъ такой же методы, одинъ первоначальный фактъ, изъ котораго они всѣ выводятся в который ихъ всѣхъ порождаетъ. Мы открываемъ единство вселенной и понимаемъ что производитъ его. Оно происходитъ не изъи: оно происходитъ отъ общаго факта, похожаго на всѣ другіе факты, отъ обобщающаго закона, изъ котораго выводятся всѣ другіе, подобно тому какъ изъ закона притяженія выводятся всѣ явленія притяженія, подобно тому какъ изъ закона волнообразности выводятся всѣ явленія свѣта, подобно тому какъ изъ существованія типа выводятся всѣ отправления животнаго, подобно тому какъ изъ господствующей способности народа происходятъ всѣ части его учреждений и всѣ происшествія его исторіи. Ковечный предметъ науки есть этотъ высшій законъ; и тотъ, кто однимъ скачкомъ могъ бы перенестись въ вѣдро его, увидѣлъ бы какъ изъ него течетъ вѣчный потокъ происшествій и безконечный океанъ вещей и явленій. По указанному нами пути и по догадкамъ можно перенестись туда; зная свойства закона, можно заключать о его природѣ. Метафизики силятся опредѣлить эту природу, непроходя путемъ опыта и вдругъ. Они сдѣлали эту попытку въ Германіи съ героическою смѣлостью и высокою геніальностью, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ неосторожностью, еще большею чѣмъ смѣлость и геніальность. Они однимъ скачкомъ возвысились до перваго закона, и неглядя на природу, пытались вывести при помощи геометрическаго построенія тотъ міръ, котораго они не знали. Безъ точныхъ познаній, безъ анализа, вознесшись

сразу на вершину пирамиды, по ступенямъ которой имъ хотелось восходить, ихъ постигло великое паденіе; но въ этихъ развалинахъ и въ глубинѣ этой пропасти остатки творенія ихъ превосходятъ все что было когда-либо построено человѣкомъ, и полуразрушенный планъ ихъ указываетъ будущимъ философамъ на цѣль, къ которой они должны стремиться, но только по другому пути.

Въ эту-то минуту человѣкъ начинаетъ чувствовать, какъ рождается въ немъ познаніе природы. Посредствомъ такой іерархіи необходимости міръ образуетъ существо единичное, нецѣльное, члены котораго суть всѣ другія существа. На вершинѣ всѣхъ вещей является вѣчная аксіома и продолжительные отголоски этой создающей аксіомы составляютъ всю огромность вселенной. Всякая форма, всякое измѣненіе, всякое движеніе, всякая идея — есть одна изъ ея актовъ. Она присутствуетъ во всѣхъ вещахъ и не ограничивается ничѣмъ. Матерія и мысль, планета и человѣкъ, безчисленныя солнца и біеніе насѣкомаго, жизнь и смерть, горе и радость — все это выражаетъ ее и все это выражается ею. Она наполняетъ время и пространство и находится выше ихъ. Всякая жизнь есть одна изъ ея мгновеній, всякое существо — одна изъ ея формъ, и цѣлые порядки вещей исходятъ изъ нея согласно необходимостямъ, связаннымъ между собою божественными кольцами неразрывной и неразрушимой цѣпи.

В. Ф.—Ъ

СЕМЕЙСТВО МОНСОВЪ

1666—1724

(ОЦЕРКЪ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ)

VIII

ПРЕДЪ РОЗЫСКОМЪ

1724 г.

16 июня 1724 года, какъ мы видѣли, государь оставилъ Москву, а въ ней подужную супругу. Девыщикъ Древникъ получилъ приказаніе выждать ея выздоровленія, и лишь только она подымется въ отъѣздъ, ѣхать впередъ и извѣстить о томъ императора. По всему было видно, что государь ничего не зналъ о роковомъ доносі: Петръ попрежнему былъ внимателенъ, нѣженъ и заботливъ къ Екатеринѣ. «Катеринушка, другъ мой сердешничкой, здравствуй! — привѣтствовалъ онъ ее съ дороги въ Петербургъ. — Я вчерась прибылъ въ Боровичи слава-богу благополучно, здорово, гдѣ нашолъ нашихъ потрошонковъ (т. е. дѣтей) и съ ними вчерась поплылъ на одномъ суднѣ;зѣло мучился отъ мелей, чего и тебѣ опасаясь, развѣ съ дождемъ вода прибудеть; а ежели не прибудеть и сносно тебѣ будеть, лучше-бъ до Бронницъ ѣхать (тебѣ) сухимъ путемъ; а тамъ ямы (т. е. станціи) частые, — не надобно волостныхъ (подводъ). Мы въ запасъ въ Бронницахъ судно вамъ изготовимъ... дай-боже васъ въ радости и скоро видѣть въ Петербургѣ.» На любительной грамоткѣ, безъ сомнѣнія по желанію Петра, приписывали и «потрошонки» — Анна и Елисавета.

Вѣзжалъ государь въ дорогой для него Петербургъ и незаме-

длинъ въ цидулкѣ подѣлаться чувствами съ «Катеринушкой». «... нашолю все — писалъ онъ между прочимъ — какъ дитя въ красотѣ растущее, и въ огородѣ (т. е. въ Лѣтнемъ саду) повеселились; только въ палаты какъ войдешь, такъ бѣжать хочется: все пусто безъ тебя... и ежелибъ не праздники зашли (т. е. годовщина полтавской битвы и день Петра и Павла), уѣхалъ бы въ Кронштатъ и Питергофъ. ... дай-богъ васъ въ радости здѣсь видѣть вскорѣ! Кораблей чужестранныхъ здѣсь 100 въ приходѣ.»

Только-что отправился гонецъ съ цитованной нами грамоткой, какъ на другой день государь самъ получилъ письмецо отъ «Катеринушки»: та писала, что пришла въ «старое» здоровье, что она отправляется изъ Москвы, и шутила въ прежней родѣ. Какъ обрадовался государь вѣсточкѣ, можно судить изъ того, что онъ въ тотъ же день послалъ ей навстрѣчу суда, а на нихъ обычные презенты: «венгерское, пиво, помаранцы, лимоны и соленые огурцы». Та немедля отвѣтами, писала съ пути, поздравляла съ празднествами 27—29 іюня, заявляла «сердечное желаніе въ радости васъ скорѣ видѣть» (1).

Между тѣмъ какъ государыня, оправившись отъ неожиданнаго удара, спѣшила въ Петербургъ на радостную встрѣчу, втеченіи пути въ толпѣ ея многочисленной свиты шло шушуканье о вещахъ для нея опасныхъ.

— Монсова фамилія, — рассказывалъ придворному стряпчему Константинову знакомый уже намъ Суворовъ — Монсова фамилія вся приходила къ Монсу просить со слезами, чтобъ онъ Егора Столѣтова отъ себя отбросилъ, а то можетъ онъ, Монсъ, отъ Егора иропастъ. Монсъ отяѣчалъ, висѣлицъ де много. Егоръ, свѣдавъ про то, сказалъ: «онъ, Монсъ, прежде меня попадетъ на висѣлицу». И достигалъ Егорка у него, Монса, изъ кабинета одного письма, однако не досталъ.

О силѣ того письма Суворовъ по незванію или по осторожности промолчалъ.

Суворовъ спросилъ у Константинова: «А знаешь ли ты Балакирева?»

— Не очень знаю.

— Этотъ Балакиревъ хотя и шалуномъ кажется, однако не промахъ!

(1) На прогомы государынѣ отъ Москвы до Вышняго-Волочка выдано было изъ кабинета 1000 руб. Макаровъ, препровождая деньги въ распоряженіе Монса, просилъ давать ямщикамъ по 1 деньгѣ на версту за лошадь, а то императрица въ прежнія поѣздки платила по 1 алтыну на 10 верстъ: «и того было гораздо мало, отъ чего бѣдные злыо скучаютъ». Письмо Макарова къ Монсу 17 іюня 1724 г.

Разговоръ, какъ кажется, ничего не заключалъ въ себѣ интереснаго, а между тѣмъ кто-то имъ очень заинтересовался; кто былъ этотъ любопытный, изъ-за чего онъ чутко прислушивался къ подобнымъ толкамъ — неизвѣстно. Зато извѣстно, что въ тотъ же день сооставлена была «записка для памяти, что Иванъ Суворовъ рассказывалъ Андрею Константинову, ѣдучи въ дорогѣ отъ Москвы до Петербурга». Записка спрятана. Кто ее доставилъ, кому подаль, почему она исчезла до времени; все это остается загадкой.

Интрига какъ-виднo обдуманная, осторожная, велась противъ Мовсы; надъ нимъ скоплялась гроза. Отношенія же между тѣмъ государя къ государынѣ, а слѣдовательно и значеніе нашего героя оставались прежнія.

Такъ 8 июля 1724 г. Екатерина была встрѣчена съ большимъ торжествомъ: цѣлая флотилія буеровъ выплыла къ ней навстрѣчу за Александроневскую лавру, и немало пороху было разстрѣляно, немало вина было роздано, прежде нежели окончились поздравленія императрицъ съ благополучнымъ пріѣздомъ. Но глазъ наблюдателя легко могъ замѣтить, что эти поздравленія, тосты, пушечные залпы, не могли придать силу и бодрость государынѣ; замѣтно было, что необъяснимый для двора припадокъ 26 мая сильно потрясъ организмъ Екатерины; она была еще очень слаба и даже не садилась за столъ. Впрочемъ это продолжалось недолго. Скоро послѣдовали обычныя пиры съ обычными явленіями; пиры эти въ лѣто 1724 года задавались при дворѣ какъ-то особенно часто, такъ какъ поводовъ къ нимъ было много: безпреставно спускали нововыстроенные корабли, фрегаты, мелкія морскія и рѣчныя суда. Рѣдкая изъ пиршествъ при этихъ случаяхъ, особенно размахистыхъ, обходилась безъ присутствія императрицы. Государь, оживленный явленіемъ «новорожденнаго» адмиралъ-баса Головина (1), оживленный участіемъ въ его радости «свѣтъ-Катеринушки», былъ обыкновенно въ очень хорошемъ расположеніи духа. Прямымъ слѣдствіемъ было то, что «новорожденныхъ» окрещивали страшнѣйшими водкоизліяніями. Вино оказывало свое дѣйствіе: возникали ссоры, дѣло не обходилось безъ затрещинъ; то птенцы клевали другъ друга... Если «новорожденное» судно было невелико, то государыня иногда не принимала участіе въ пирѣ, но объѣхавъ судно въ своей баркѣ, осушала бокалъ за здоровье «свѣтъ-батюшки», и этого было довольно: «государь опять былъ въ очень хорошемъ расположеніи духа». А запируется онъ и жена ѣдетъ къ нему съ «внанамятованіемъ»:

(1) «Новорожденными» дѣтками Головина назывались новыя корабли.

«нора домой, батюшка.» Батюшка слушается и оставляет сотоварищей.

Бывали ли въ это время свадьбы придворныхъ чиновниковъ и служителей — и на нихъ, по обыкновенію, почти всегда можно было встрѣтить Петра и Екатерину: ихъ величества бывали *очень* веселы. На государя особенно часто въ это время находила шутливость и онъ шутилъ грубо, цинически, но по своему времени остроумно. Что Монсы и Балка ⁽¹⁾ нисколько не теряли «кредита», видно изъ того, что государь съ государыней посѣщали ихъ семейные праздники: такъ 11 августа высочайшія особы были на крестинахъ дочери Балка *Екатерины*; нѣсколько дней спустя мать Балка фигурировала на свадьбѣ тайнаго кабинетъ-секретаря Макарова въ качествѣ «сестры жениха»; словомъ положеніе этого семейства при дворѣ, какъ относительно державныхъ супруговъ, такъ и въ кругу вельможъ и аристократокъ, нисколько не умалилось.

30 августа, въ воскресенье, все блестящее петербургское общество вслѣдъ за государемъ и государыней и во главѣ многочисленнаго скопища народа принимало участіе въ религіозно-политической процессіи. Въ этотъ день Петербургъ вышелъ во срѣтеніе мощей св. Александра-невскаго. Страстный охотникъ до катаній по волѣ, Петръ и эту церемонію устроилъ на рѣкѣ: многочисленная флотилія пушечными залпами встрѣтила мощи славнаго князя. «Звонъ колоколовъ неумолкалъ — повѣствуетъ Бѣрхгольцъ: — необъятное множество зрителей крестились и кланялись. Большая часть изъ нихъ, проникнутая глубокимъ благоговѣніемъ, горько плакала. Императрица съ двумя дочерьми, затѣмъ обѣ герцогини Анна и Екатерина и всѣ дамы, въ великолѣпнѣйшихъ нарядахъ, находились на переднемъ монастырскомъ дворѣ (въ Александроневской лаврѣ), у архіерейскаго дома, и тамъ ждали приближенія мощей. Увидѣвъ ихъ, онѣ также начали креститься и кланяться, причемъ нѣкоторыя старыя дамы заливались слезами неменѣе простодушновъ. Какъ скоро мощи пронесли мимо ея величества императрицы, она послѣдовала за ними въ часовню со всею своею свитою и впереди духовенства» и проч. За религіозными церемоніями слѣдовалъ пиръ; отшельники Невской лавры явились радушными хозяевами. Гостямъ подавалось мясо, провозглашались тосты, въ стѣнахъ мирной обители гремѣли пушки.

Словомъ всѣ церемоніи, празднества, спуски кораблей, свадьбы придворныя, рѣчныя катанія и прогулки въ «огородѣ» рѣдко обхо-

(1) Петръ Федоровичъ Балка одновременно съ Монсомъ пожалованъ былъ камергерствомъ.

длинно и въ это время безъ присутствія государыни. Ее всегда можно было видѣть подлѣ ласкающаго ее супруга, всегда можно было видѣть и знаки вѣрнаго дворянства, рясочаемые ей вельможами; такъ нахрамѣръ при провозглашеніи тоста за ея здоровье на одной изъ пирушекъ, 25 октября 1724 года, всѣ старыя и именитыя сановники пали къ ея ногамъ. Подобныя заавленія «рабской преданности» были иерѣдки.

Въ виду чувствительныхъ снечъ, въ виду нѣжныхъ милудокъ государя (1), словомъ при прежнемъ значеніи Екатерины не уменьшалась власть и сила ея фаворита.

Послѣ удара надъ Екатериной и по отъѣздѣ Петра изъ Москвы, Монсъ скоро былъ обрадованъ грамотой Василья Поспѣлова: «Государь мой братецъ вилимъ Ивановичъ, — писалъ Поспѣловъ — покорию прошу васъ, моего брата, отлат мой долшій поклонъ моеи милостивои государыне матушке, императрице Екатерине Алексѣевне; и слава богу, что слышимъ еѣ величество в дутчемъ состояніи; дай Боже и вперед благополучне слышат. Остаюсь вашъ моего друга и брата слуга Петровъ Поспеловъ.»

Кто былъ Поспѣловъ, мы уже видѣли; понятно, что ласковая цидулка отъ него не могла не быть пріятной Монсу; «на верьху» значить все благополучно, могъ думать онъ, — если любимѣйшій деньщикъ царя нишетъ столь любительно.

И Монсъ, безъ сомнѣнія встревоженный вычалъ доносомъ, мало-помалу уснохнулся. Занятія по службѣ, хлопоты по дѣламъ челоубитчиковъ, милость государыни и ласкательство двора, быстро разсѣвали его опасенія. Служебныя занятія оставались прежнія: онъ вѣдался съ поставщиками какихъ-нибудь «гданскихъ водокъ для двора ея величества», подряжалъ «живописцевъ для нѣкотораго исправленія комедіи», рассчитывался съ разными дворцовыми подрядчиками, списывался съ управляющими по имѣніямъ государыни, выслушивалъ ихъ жалобы другъ на друга (2), отставлялъ отъ мѣста

(1) Последняя (напечатанная) цидулка Петра къ «Катеринушкѣ, другу сердешнику» была отъ 31 октября 1724 года.

(2) Жалобы эти были весьма не мягкаго свойства: напимѣръ нижегородскій приказчикъ государыниныхъ имѣній, Киселевской, доносилъ, и главноуправляющій Палибинъ подтверждалъ доносъ, что другіе приказчики тѣхъ же имѣній, Грузинцовы «чинятъ крестьянамъ обиды и разореніе». Грузинцовы, подаривъ Монсу, Столѣтова, Балашу (последней дано было 100 руб.) и имѣя ходатаевъ въ лицѣ богатыхъ помѣщиковъ Горскихъ, писали къ Монсу въ качествѣ оскорбленной невинности: «со слезами просимъ васъ, своего государя, къ принятію доношенія отъ насъ низайшихъ на вора и душегубицу Киселевскаго, и разбойника, и церковнаго мтежника, и многихъ показанныхъ дѣлъ при розыскѣ доказано свидѣтелями» и т. д. въ томъ же родѣ, въ тѣхъ же крѣпкихъ словахъ, ведущихъ

однихъ, принималъ другихъ, и разумѣется читалъ все то не безъ малыхъ презентовъ. Въ получивъ послѣднихъ, какъ уже извѣстно, принималъ участіе обреченный Моисей на висѣлку, тѣмъ не менѣе все-таки довѣрчивѣйшій его секретарь Столбовъ: «Всѣхъ изъжайше прошу, — писалъ наприимѣръ Степанъ Долухинъ къ Егору Михайловичу: — посланъ человекъ отъ моего друга, князь Алексѣя Григорьевича Долгорукова къ дядюшкѣ, котораго прошу неоставить и дядюшкѣ въ дѣлѣ его (Долгорукова; о дѣлѣ см. выше) воспоминать... и представъ онаго (неславнаго) всегда дядѣ (Моисею) по всякой возможности, чтобъ онъ отъ него все выслушалъ съ покоемъ, и что я вамъ истинно самъ служить потщуся сердечно, и онъ (Долгоруковъ) вамъ будетъ благодарить.» Знатнѣйшіе аристократы, впрочемъ изъ опальныхъ семействъ, въ лицѣ наприимѣръ князя Юрія Гагарина, заискивали у «канцеляриста корреспонденціи»: «въ надеждѣ вашей дружеской милости прошу васъ, ежели возможно, замѣлжаловать облекчигца ко мнѣ сей день откупать; ежели же невозможно, вѣдаю, что вамъ многія суеты (т. е. заботы), то прему хотя на одинъ часъ...» и проч. Свиданія этого жаждеть князь для узнанія о судьбѣ своей и жинной челобитной, вѣроятно по дѣлу о конфешкованныхъ имѣніяхъ кого-нибудь изъ своихъ родственниковъ: «я трижды пріѣзжалъ ко общему нашему милостивому патрону Виллиму Ивановичу, только не получилъ видѣть, и иногда на дворѣ не пускають: по истиннѣ я вѣдаю, что вынѣ дѣло ему суетно» и пр. Какъ однако ни было суетно, но Виллиму Ивановичу все-таки нибѣлъ время принимать подарки; такъ втеченіе времени съ мая по октябрь въ 1724 году — помѣщикъ одинъ прислалъ ему изъ Симбирска персидскую кобылу; въ то же время московская кунчина иноземка просила его «воспріять во благо» два куска тончайшихъ кружевъ да 500 червонныхъ; крестьянинъ подмосковный, по своему дѣлу, поднесъ 400 рублей; другой челобитчикъ, «въ несумѣнной надеждѣ, послалъ къ Виллиму Ивановичу, отцу и государю, иноходца карева, съ просьбой, какое-то прошеніе всенижайшее принять, равно какъ и убогое дарованіе, пршнесенное отъ усердія...» Кузакъ

къ слезаному моленію; «сотвори государь съ нами божескую милость, чтобъ отъ такого вора напрасно не разорится; со слезами и рабски просимъ» и проч. Въ той же надеждѣ «высокой его превосходительства къ себѣ милости, беречь на себя смѣлость» (такъ говорятъ Моисею не простой приказчикъ, а князь Ивановской) — «не неаслугамъ своимъ утрудять его превосходительство, милостиваго своего патрона Виллима Ивановича» по одному своему семейному дѣлу. Въ этихъ просьбахъ важно не содержаніе, но тонъ ихъ и безпрестанныя извѣщенія, «что такъ осмѣлился ваше превосходительство утрудить, ту смѣлость пріимать» и проч.

иноземецъ билъ челою сѣтвей бутылокъ поштучу да нѣсколькими бутылками пива, бочкой базарака, ящичкомъ бургенскаго, ящичкомъ шампанскаго и проч. винъ; Александръ Нарышкинъ подарилъ ему на заводъ двѣ кобылы; Нарышкинъ дарилъ ради «новой пріязни»; другой нашъ знакомый, помѣщикъ Огневъ, подарилъ по «старой дружбѣ» двухъ собакъ да *охотника*. Мошковъ еще въ маѣ презентовалъ для вновь строящагося дома Монса бесѣдку изъ дома царевны Алексѣи; царевна Прасковья, хлопоча о дождю съ сестрами раздѣль, посынала ему постоянно сѣбѣстныя запасы. Словоцъ Виллимъ Ивановичъ попрежнему не брезгаетъ ничѣмъ, и точно предчувствуя близкій расчетъ, беретъ все больше и больше, чаще и чаще. Семь бѣдъ — одинъ отвѣтъ!

«Особливому отцу въ нуждѣ» падаютъ въ ноги цѣлыя товарищества, депутаты: такъ слезно молятъ его нѣсколько крестовыхъ дьяковъ «не отринуть ихнаго прошенья отъ *своего общества* (1)»... о ходатайствѣ ихъ за долговременную службишку «жалованья»; такъ пишетъ къ нему и донское казачество въ лицѣ «старшинъ своихъ съ товарищя»: «вамъ, нашему премилостивому государю и патрону, — пишутъ козаки — вѣло благодарствуемъ, что вы насъ милостиво содержите, и впрядь покорно просимъ, о чемъ посланной нашъ есаулъ будетъ вашего благородія просить, дабы его прошеніе оставлено не было, за что должествуемъ вамъ, нашему премилостивому... патрону сослужить.»

Дѣло казаконъ, какъ кажется, касалось размековки земель ихъ съ владѣльцами сосѣднихъ жалованныхъ помѣстій. Виллимъ Ивановичъ незадумываясь хлопоталъ въ пользу казацкихъ старшинъ, и одновременно съ тѣмъ же *безкорыстіемъ* радѣлъ о удовлетвореніи просьбы лейбъ-кучера Вѣжинскаго. Послѣднему пожелалось получить чинъ и дворянство; чрезъ кого достать и то и другое? ну разумѣется чрезъ Монса. Государыня дала указъ, камергеръ отписалъ къ Остерману: «сочините-де патентъ»; тотъ сочинилъ, ярепроводилъ къ Монсу на разсмотрѣніе, и тутъ же явилъ обычную осторожность: «ежели оный (патентъ) — писалъ Остерманъ Монсу 7 августа 1724 г., — его величество изволитъ апробовать, то надобно его напечатать, ибо всѣ патенты выѣютъ быть печатныя. Впрочемъ вашему благородію довошу, что понеже, по указамъ и регламентамъ его императорскаго величества, на дворянство патенты опредѣлено являть изъ сената, то не изволите-ль ваше благородіе о поманутомъ лейбъ-кучерѣ, что онъ во дворяне пожалованъ, сообщать прямо въ сенатъ, дабы намъ въ сочиненіи такихъ патентовъ не учинить какой противности указамъ и регламентамъ, въ чемъ я не безопасенъ.»

Но какъ трусливъ и осмотрителенъ былъ Андрей Ивановичъ, такъ напротивъ того самоудѣланъ Владимъ Ивановичъ; пожалованіе лейбъ-кучера дворянствомъ принадлежало къ числу неважныхъ для него операций; вѣтъ, онъ не затруднился вмѣшаться въ дѣло первой важности, въ сочлененіе брачнаго союза одной изъ дочерей великаго государя». Монсъ былъ ревностнымъ ходатаемъ герцога голштинскаго.

Герцогъ голштинскій Карлъ-Фридрихъ прибылъ изъ Германіи въ Ригу въ началѣ 1721 года. Это былъ молодой человекъ двадцати одного года, слабаго сложенія, маленькаго роста и бѣдный; жертва сѣверной войны, лишонный своихъ владѣній королею датскимъ, герцогъ сохранилъ за собой только небольшую территорию съ главнымъ городомъ Килемъ. Между тѣмъ Петръ исходомъ сѣверной войны дѣлался сильнѣйшимъ государемъ Европы, и вотъ герцогъ, въ качествѣ бѣднаго претендента, претендента однако съ большими претензіями, является въ Россію искать денегъ, связей, войска. Претендентъ на отнятія у него голштинскія владѣнія, претендентъ (въ качествѣ племянника Карла XII) на шведскій престолъ, Карлъ-Фридрихъ искалъ защиты и помощи въ Петрѣ; а чтобъ получить и то и другое, онъ сталъ добиваться руки одной изъ дочерей государя. Въ годъ его пріѣзда Ашѣ было тринадцать, Елизаветѣ одинадцать лѣтъ. Гости приняли хорошо; государь ласкалъ его, приглашалъ на всѣ празднества, время отъ времени, особенно подъ веселую минуту, являлъ знаки своего расположенія, но дѣла герцога все-таки не подвигались ни въ отношеніи предполагаемаго брака, ни въ отношеніи его династическихъ притязаній. Все оканчивалось полуобѣщаніями. Петръ смотрѣлъ на него какъ на орудіе, которое можетъ при случаѣ пригодиться, чтобы угрозить кому-нибудь или заутать и затянуть какіе-нибудь дипломатическіе вопросы. Дневникъ Берхгольца, безъ сомнѣнія вопреки желанію самого автора, служитъ лучшимъ матеріаломъ для представленія себѣ личности голштинскаго претендента и для представленія себѣ той роли, какая выдалась ему съ 1721 по ноябрь вѣснъ 1724 года.

«Во все это время Петръ съ нимъ шутитъ, поитъ и спавиваетъ его, и большею частью во всемъ этомъ просвѣчиваетъ какое-то небрежное прокровительство; а иногда онъ не только не церемонится съ гостемъ, но и не обращаетъ на него никакого вниманія... Всѣ (т. е. собственно приближенныя герцога) считаютъ его женихомъ великой княжны, а дѣло ограничивается мелкими реверансами или этикетнымъ цѣлованьемъ ручки. Вотъ кажется блеснулъ лучъ надежды и объявятъ ихъ обрученіе. Не тутъ-то было: внезапно великихъ

ниженъ увозить куда-нибудь, или герцога перестаютъ звать во дворецъ за отъездомъ Петра, или по другимъ причинамъ. Герцогъ едва имѣетъ средства къ существованію, не знаетъ какъ помочь мѣстнымъ шведамъ, которыхъ задобриваетъ передъ отправленіемъ ихъ въ Швецію. Но на дары Петра много рассчитывать нечего. Они заключаются по большей части въ красномъ яйцѣ, подаренномъ въ свѣтлое воскресенье, или въ присылкѣ какихъ-нибудь продуктовъ натурой къ обѣду, за что надо отблагодарить напримѣръ серенадой въ именины Екатерины, для него нужны деньги на музыкантовъ и проч. Нужда въ деньгахъ и безъ того настоятельная, а тутъ вдругъ сюрпризъ: царскій приказъ шить костюмы на всю свиту для предстоящаго маскарада, или строить подмостки для какихъ-нибудь иллюминацій, или готовиться къ немедленному отъѣзду въ Москву. Въ награду за все это герцогъ получаетъ улыбку, или шуточку, или нѣсколько стакановъ вина изъ рукъ Екатерины и ея дочерей: и какъ онъ и всѣ его придворные радуются, какому предаются восторгу, если на него обращено хоть малѣйшее вниманіе! Чтобы вызвать его, герцогъ напрягаетъ силы на царскихъ пирушкахъ. Страсть къ пьянству является главнымъ пунктомъ его соприкосновенія съ русскими вельможами. Многочисленные свои досуги Карлъ наполняетъ или попойками, или препровожденіями времени, въ которыхъ проявляются нелѣпые вкусы тогдашнихъ карикатурныхъ и миниатюрныхъ германскихъ двориковъ, формальность и этикетъ, растворенные казарменностью. Онъ учреждаетъ изъ своихъ придворныхъ то форшнейдере-колегію, то тостъ-колегію, уставъ которой опредѣляетъ мельчайшія подробности всякаго ужина, то какое-то обыкновенное свое общество, гдѣ участвуютъ только избранные. Вдругъ устанавливается имъ какой-нибудь орденъ «виноградной кисти», а черезъ нѣсколько времени — «тюльпана», или «дѣвственности», и онъ съ важностью жалуется шутовскіе ихъ знаки нѣкоторымъ приближеннымъ. Лѣтомъ на дачѣ герцогъ составляетъ изъ своей смиты войско, которое располагаетъ въ лагерѣ и мучитъ ученьями, а иногда играть имъ въ войну, и т. п. Таковы были преимущественно... упражненія молодого человека, имѣннаго желаніе и даже шансы не только властвовать въ Голштиніи, но царствовать въ Швеціи или управлять Россіей.» (1)

(1) Дневникъ камеръ-юнкера Берхгольца, веденный имъ въ Россіи въ царствованіе Петра-великаго съ 1721 по 1723 годъ. Перевелъ съ нѣмецкаго И. Аммонъ. 4 ч. 8 д. М. 1857—1860 г. Критическая статья по поводу этого изданія М. П. Лонгинова, въ «Русск. Вѣстн.» 1860 г. кн. XII, с. 448—450.

Въ 1724 году надежды герцога особенно окрылились; онъ съ нетерпѣньемъ ждалъ коронаціи Екатерины, твердо вѣруя съ своими голштинцами, что одновременно съ нею объявятъ его обрученіе. Надежды эти поддерживалъ Монсъ. Голштинцы умѣли свискать пріязнь фаворита, что имъ, какъ вѣмцамъ, было нетрудно; Монса и Балку принимали они съ почетомъ, герцогъ дарилъ какъ ихъ, такъ и Матрену Ивановну золотыми табакерками, лентами, собаками и т. п. игрушками, насколько то позволялъ его скудный достатокъ ⁽¹⁾; ходатайству Монса надо приписывать то, что Екатерина также являла чувство любви и расположенія къ герцогу, посылала ему время отъ времени подарки и вообще смотрѣла на него несравненно милостивѣе и была къ нему внимательнѣе, нежели государь.

Льстя себя надеждой, что время осуществленія его желанія близко, эксъ-женихъ съ января 1724 года рѣшился познакомиться съ русскимъ языкомъ. Учителемъ его былъ переводчикъ шведъ, но кажется на первыхъ урокахъ занятія остановились, покрайней-мѣрѣ акуратный Берхгольдъ не говоритъ далѣе о нихъ ни слова. Да и до ученія ли было человѣку, котораго, какъ самъ онъ рассказывалъ, съ малолѣтства еще отучили отъ всякаго ученія безмысленнымъ заучиваніемъ кучи предметовъ; до ученія ли было тому, кто каждый день, пезная чѣмъ убить время, волновалъ себя мечтами: состоится или не состоится соблазнительно выгодное для него сватовство? Но ктоже его невѣста? А ему все равно — Анна или Елисавета; послѣдняя даже больше ему нравится, но все равно онъ готовъ по первому указанью государя воспылатъ страстью къ любой изъ его дочерей, а пока онъ одинаково нѣжно цѣлуетъ имъ ручки и отвѣшиваетъ глубочайшіе поклоны.

3 февраля 1724 года, въ день ангела Анны Петровны на обѣдѣ и на балѣ государь былъ очень ласковъ съ ея величествомъ: этого было довольно, чтобъ дать надежду голштинцамъ, бывшимъ тутъ же съ герцогомъ, что-де въ этотъ день будетъ объявлено что-нибудь положительное о бракѣ Карла Фридриха; «но увы! ожиданія наши не сбылись, — такъ писалъ по возвращеніи домой Берхгольдъ: — и теперь остается только надѣяться, что авось наконецъ въ корона-

(1) Любимцу царицы голштинцы постоянно расточали знаки особенной пріязни. Такъ еще въ 1721 году тайный совѣтникъ Бассевичъ давалъ обѣдъ иностраннымъ министрамъ и камеръ-юнкерамъ царицы, Монсу и Балку; наконецъ самъ герцогъ нерѣдко бывалъ у «генеральши Балкы», гдѣ онъ по нѣскольку часовъ проводилъ въ приятной болтовнѣ съ хозяйкой, съ ея прелестной дочерью Натальей Лопухиной и съ другими членами этого семейства.

цію, съ божіею помощію, всё приведено будетъ къ желанному окончанію.»

За сиракми, обнадеживаніями, вообще для переговоровъ по этому и другимъ дѣламъ голштинцы обращались къ Монсу. Такъ между прочимъ 17 февраля оберъ-камергеръ герцога, графъ Бонде отправился къ Монсу, чтобъ узнать, когда его королевскому высочеству можно будетъ пріѣхать проститься съ государыней, по случаю ея отъѣзда въ Москву. Камеръ-юнкеръ самъ явился къ герцогу съ извиненіемъ отъ государыни, что проститься теперь она не можетъ, причеиъ Екатерина посылала поклонъ и соболію шубу въ 1500 рублей. Герцогъ поспѣшилъ одарить пооланнаго золотой табакеркой.

Прошолъ февраль, кончался мартъ, — дворъ давно гостилъ въ Москвѣ, шли оживленныя приготовленія къ коронаціи, но объ обрученіи герцога со стороны государя не было и помину. Тщетно на пирушкахъ Карлъ-Фридрихъ провозглашалъ тосты съ понятными для всѣхъ намеками на его желанія; государь отвѣчалъ на нихъ весьма охотно и смѣялся надъ ними. Тосты эти были: за успѣхъ всего хорошаго, за желанія и надежды наши; весна приноситъ розы; чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше и т. п. Тостъ «*чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше*» герцогъ провозгласилъ неначе какъ предварительно посоветовавшись съ Ягужинскимъ. Послѣдній сказалъ о томъ на ухо императору, который отвѣчалъ на своемъ голландскомъ языкѣ: почему же нѣтъ? и тотчасъ же самъ потребовалъ стаканъ вина.

Наконецъ наступилъ день коронаціи; кончились торжества. Герцогъ въ нетерпѣливомъ ожиданіи встрѣчалъ каждый день; вдругъ 21 мая узналъ онъ, и то совершенно случайно, что императорскія принцессы непременно выѣдутъ изъ Москвы въ Петербургъ въ будущій вторникъ. Это было ему очень непріятно, потому что какъ самъ онъ, такъ и почти вся Москва (безъ сомнѣнія только въ воображеніи голштинцевъ) считали за вѣрное, что въ день рожденія императора, т. е. 30 мая, будетъ сдѣлано что-нибудь въ пользу его высочества. «Теперь — восклицалъ Берхгольдъ — всѣ наши надежды разрушатся этимъ внезапнымъ отъѣздомъ!» На другой день голштинцы съ великимъ сожалѣніемъ увѣрились, что цесаревны дѣйствительно уѣдутъ изъ Москвы еще до рожденія императора. Опечаленный герцогъ сообщилъ о своемъ горѣ своему оберъ-камергеру графу Бонде. Тотъ поспѣшилъ къ общему ихъ пріятелю Монсу. Было 7 часовъ по полуночи. Бонде не засталъ Монса дома и оставилъ у него на вѣмецкомъ языкѣ записку. Представляемъ любопытный документъ въ современномъ переводѣ:

остаются. Мысль мнѣ, елибѣ я сказалъ смѣль, что императора собственный вредъ и интересъ въ томъ претерпѣваетъ.»

«И имѣла честь прошлой почты вамъ объявить — писалъ тотъ же Цедергильмъ три дня спустя ⁽¹⁾ — въ явномъ я состояніи обрѣтаюсь и о неспокойствѣ, которое мнѣ приключаютъ пункты, интересованные о маріажѣ и... Въдаа такъ, какъ я извѣстенъ его императорскаго величества разумъ и твердость, менѣ бы насъ тревожило въ продолженіи помянутаго маріажу, ежелибѣ не чинились нѣкоторыя интриги, чтобъ опровергнуть взятыхъ мѣрахи публику оболестить такимъ образомъ, дабы доброжелательные не знали, на что имъ надѣяться. А между тѣмъ противники надеждо себя флатируютъ, что по заключеніи (между Швеціей и Россіей) альянціи, императоръ объ интересѣ герцога бѣже попеченія имѣть не будетъ, отчего онъ можетъ придти въ послѣдствіе и на жертву отданъ быть. И начинаютъ уже шумѣваться, какое окончаніе дѣла его воспринять. Сіе отъѣзжаетъ куражъ и останавливаетъ горячесть, и подаетъ случай къ разнымъ разсужденіямъ; и кажется будто блекнетъ тѣмъ слава монарха, который ему протекцію свою обѣщаль. Я признаваю, что сіе суть токмо проводы, обѣщанія и паролю императорскаго не держится. Но по что сіе продолженіе? Подается токмо тѣмъ пріятелямъ омражъ, а непріятелямъ случай всѣ свои способы къ помѣшательству употреблять. И во истицу, когда непріятели о томъ радуются, то другіе весьма печалются и не утѣшительны. И тако, которой партіи нынѣ хотятъ угодить, и отъ которой надѣются сентиментовъ сходнѣйшихъ? Никогда-бъ повѣрить не можно, чтобъ коронація и Петровъ день напрасно минулись безъ деклараціи. Во истино, общій интересъ въ томъ такъ претерпѣваетъ, что словами оное изобразить не можно и экспрессіи на то нѣтъ. Многими продолжающимися выкрутками можно того къ падецію привести, котораго обѣщано поднять...»

О томъ же писалъ и графъ Велингъ въ мѣстечко Поль къ Бассевичу или къ Бонде ⁽²⁾; словомъ, вся голштинская партія была огорчена и оскорблена тѣми долгими «выкрутками», изъ-за которыхъ не объявлялось до сихъ поръ обрученіе герцога. Письма Цедергильма и Велинга были доставлены Монсу кѣмъ-то изъ близкихъ герцога, вѣроятно графомъ Бонде, и безъ сомнѣнія для доклада государынѣ. Монсъ, какъ можно думать, не переставалъ хлопотать по этому дѣлу, государыня подъ его вліяніемъ продолжала являть свое рас-

⁽¹⁾ Медви. Юля 21 и юля 24 дня 1724 г., современные переводы писемъ Цедергильма.

⁽²⁾ Мѣстечко Поль за Нарвою принадлежало Бассевичу, главнѣйшему совѣтнику герцога; въ юнѣ 1724 г. здѣсь была свадьба граца Бонде.

воложеніе къ герцогу, но государь попрежнему уклонялся отъ деклараціи. Явно, что она еще не входила въ его политическіе расчеты. Но вдругъ исканія герцога уѣзвчались уснѣхомъ; причиною тому былъ возникшій въ ноябрѣ розыскъ.

IX

РОЗЫСКЪ

(1724)

5-ое ноября 1724 г. было роковымъ днемъ для Виллиама Ивановича. Въ этотъ день объявился давнишній доносъ Ершова. Какъ это случилось, кто былъ передовосчикомъ, изъ-за чего вновь возникло дѣло—эти интересные вопросы рѣшительно остаются загадками. Съ недоумѣніемъ останавливаешься предъ Поснѣловымъ, Ягужинскимъ, Макаровымъ, Меншиковымъ, Толстымъ, Анной Крамеръ: но вѣтъ, никто изъ нихъ не могъ сдѣлаться доносчикомъ на Монса, а слѣдовательно и на Екатерину. Почему этого не могло случиться, мы уже объясняли; и что они дѣйствительно не были виновниками розыска, это видно изъ награды и милостей, которыми ихъ осыпала Екатерина по восшествіи своемъ на престолъ⁽¹⁾. Быть-можетъ Ушаковъ? Дѣйствительно онъ не былъ друженъ съ Монсомъ⁽²⁾; ему и поручилъ Петръ чинить допросы, производить слѣдствіе, но все-таки и Ушакова нельзя заподозрить въ доносѣ: въ противномъ случаѣ онъ пострадалъ бы съ воцареніемъ Екатерины, чего, какъ извѣстно, не случилось. Словомъ, вѣрнѣе всего, что государь узналъ о извѣтѣ Ершова путемъ тайнаго, безыменнаго письма. Въ ноябрѣ принесено было одному изъ его лакеевъ Ширяеву будтобы съ по-

(1) Такъ *Поснѣловъ* сдѣланъ былъ въ мартѣ 1723 г. камеръ-юнкеромъ; *Ягужинскій* въ томъ же мѣсяцѣ до такой степени пользовался благоволеніемъ Екатерины, что однажды пьяный сильно забушевалъ въ ея комнатахъ и не повергся за то немилости; *Макаровъ* изъ ея рукъ получилъ орденъ Андрея-первозваннаго, жена Ягужинскаго сдѣлана статсъ-дамой, о Меншиковѣ и нѣкоторыхъ другихъ лицахъ мы не говоримъ: извѣстно, что они были щедро награждены преемницей Петра. — Незабыва была и Анна Крамеръ, одна изъ довѣрнѣйшихъ служанокъ государыни и другъ Монса (она вела черезъ него переписку съ разными лицами). Екатерина пожаловала Крамеръ деревней, что не могло бы имѣть мѣста, еслибъ справедливы были расказы иностранцевъ о томъ, что Крамеръ была въ числѣ извѣтчицъ по дѣлу 1724 года.

(2) Такъ отъ Ушакова было только одно письмо къ Монсу, и то совершенно офціальное.

что письмо. Въ чемъ оно состояло, куда исчезло — неизвѣстно (1); но что оно было и относилось къ дѣлу Монсу, это видно изъ описи сего дѣла 1727 г. Въ ней рукою Черкасова между прочимъ помѣчено: «Пакетъ, а на немъ подписано: письмо подметное, привнесенное въ пакетъ къ Ширяеву въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1724 г; вмѣсто котораго указалъ его императорское величество положить въ тотъ пакетъ бѣлой бумаги столько же и сожжено на площади явно. А сіе письмо указано беречь; а кресты на ономъ ставлены рукою его же императорскаго величества, блаженной и вѣчно достойной памяти.» Итакъ какъ ни свѣдалъ Петръ о доносѣ Ершова, но 5 ноября, по его повелѣнію, взятъ былъ въ тайную Иванъ Суворовъ.

Суворовъ, по выслушаніи доноса, показалъ, что Ершовъ дѣйствительно у него почевалъ, говорилъ онъ съ нимъ про Егора Столѣтова, про то, что письма Монса сушили безъ опаски, что къ камергеру приходила его сестра съ сыномъ съ слезнымъ моленіемъ отбросить Егорку; «говорилъ мнѣ о всемъ этомъ Балакиревъ, — рассказывалъ Суворовъ — тотъ самый Балакиревъ, что живетъ у Монса. А словъ, что написалъ Ершовъ: когда-де сушили письма Монса, тогда унесъ Столѣтовъ изъ тѣхъ писемъ одно сильненькое, что и рта разинуть боялся, и что-то хорошенькое письмо отдалъ Егоръ Макарову, а Макаровъ Поспѣлову — и (ничего этого) я не говорилъ; что же до того, говорилъ я Смирнову: Столѣтовъ-де Монса поддѣлъ или поддѣпнетъ на арканъ, — того подлинно не упомяну, и въ чемъ, того незнаю, только (говорилъ) примѣняясь къ словамъ Балакирева, что Егора не любить.»

На очной ставкѣ струсившій Суворовъ и доносчикъ Ершовъ — каждый стояли на своемъ.

Кажется государь еще не предугадывалъ, какое развитіе получить это дѣло; едвали онъ не смотрѣлъ на него какъ на обыкновенное слѣдо-

(1) Ширяевъ былъ однимъ изъ весьма неважныхъ дворцовыхъ слугъ. Въ первыхъ числахъ ноября 1724 г. къ нему явился незнакомецъ и вручилъ будто бы съ почты письмо на его имя. Податель немедленно удался. Распечатавъ пакетъ, Ширяевъ нашолъ въ немъ другой на имя государя. Онъ доставилъ его по адресу. Весь этотъ маневръ со стороны неизвѣстнаго извѣтчика былъ употребленъ для того, что подметныя письма строго-настрога повелѣвалось жечь, нераспечатывая. Настоящій же способъ «подметыванія» правительствомъ не предвидѣлся и потому увѣнчался успѣхомъ: извѣтъ былъ принять къ свѣдѣнію и исполненію. Впрочемъ государь непреминулъ объявить указъ: «если къ кому придетъ незнакомецъ люди стануть приносить письма, то бы у нихъ просто оныхъ не принимали, но вѣстия его въ покой, хозяинъ распечаталъ для того, чтобъ ежели такое явится, онаго взять и привезть бы въ полицмейстерскую канцелярію. Сіе наврѣико заповѣдуются подъ жестокимъ наказаніемъ и ссылкой въ работу.»

ваніе о противныхъ словахъ. Такъ покрайней-мѣрѣ можно думать, глядя на препровожденіе имъ времени. Въ тотъ день на свадьбѣ одного нѣмецкаго булочника онъ пробылъ три часа, ширя въ обществѣ своихъ деньщиковъ съ нѣмцами-ремесленниками; и все это время онъ былъ «необыкновенно веселъ». Самъ Монсъ, ничего не испытывалъ, хлопоталъ о составленіи патентовъ на камергерство, пожалованное ему при коронаціи: патенты ему и Балку были написаны, но имъ не суждено было украситься подписями государя (1).

Розыскъ продолжался. На другой день Суворовъ на новый допросъ передалъ А. И. Ушакову извѣстный уже намъ разговоръ свой съ Балакиревымъ. Ершовъ объявлялъ, что онъ слышалъ только то отъ Суворова, что показано въ доносѣ.

День 7 ноября прошолъ безъ допросовъ. Не въ этотъ ли день донесено было государю о важности начатаго по его указу розыска, не этотъ ли день таинственное лицо, которое вело интригу противъ Монса, употребило на то, чтобъ раскрыть глаза государю на стражность власти и значенія камергера при ея величествѣ?

Къ сожалѣнію ни въ повседневномъ журналѣ того времени, ни въ извѣстномъ намъ рукописномъ календарѣ, гдѣ попадаются отиѣтки о препровожденіи времени государей, ни изъ записокъ наконецъ Берггольца невидно, гдѣ былъ государь и чѣмъ былъ онъ занятъ въ этотъ день. Зато положительно извѣстны его занятія 8 ноября.

День былъ воскресный; государь отстоялъ обѣдню въ Троицкой церкви, что на Петербургской-сторонѣ, и оттуда прошолъ въ Петропавловскую крѣпость. Въ одномъ изъ ея застѣнковъ Петра ожидали Андрей Ивановичъ Ушаковъ и Иванъ Черкасовъ, помощникъ кабинетъ-секретаря Макарова: Черкасовъ призванъ былъ для заявленія показаній; тутъ же трепетали отъ страху Суворовъ, Столѣтовъ и шутъ Балакиревъ. Дѣло было не до смѣху и шутокъ. Отъ него потребовали отвѣта на показанія Суворова.

«Я говорилъ только — отвѣчалъ Балакиревъ, скрывая все что было опасно въ его болтовнѣ съ Суворовымъ — я говорилъ только, что живу я у Монса въ милости, но всегда на посылкахъ, безъ покою; награжденія-жъ не имѣю. А про Столѣтова говорилъ только, что онъ ищетъ въ Монсѣ и чаеетъ у него быть въ кредитѣ, и имѣетъ письма всѣ у него на рукахъ. Такія слова, что монсова фамилія, вся пришелъ къ нему Монсу, со слезами просила, чтобъ онъ Егора отъ себя бросилъ и проч. (см. выше) я Суворову сказывалъ; говорилъ же ему и про отвѣтъ Столѣтова: что-де они имъ сдѣлаютъ!

(1) Такъ они сохранились до нашего времени. Они заканчиваются следующими словами: «Данъ в санктпетербурхе гѣта 1724, ноября въ день.»

«*Отца-сама (т. е. Монсъ и Балки) прежде меня пропадутъ; про испѣльцу упоминалъ ли или нѣтъ, того не помню.*»

Затѣмъ Балакиревъ на всѣ показанія Суворова и записку неизвѣстнаго о разговорѣ съ Константиновымъ отвѣчалъ или отрицаніемъ, или увѣреніями, что не помнитъ, или наконецъ смѣялся. Фразы: такъ по поводу разговора своего съ Константиновымъ, отъ чего Монсъ не женится, Балакиревъ такъ смѣялся на допросѣ: «сказывалъ я просто: слышалъ я отъ Монса: нечто-де мнѣ жениться, у меня-де ихъ много, лишь бы охота была.»

Дали очную ставку. Суворовъ стоялъ на своемъ; Балакиревъ запырлся. Его величество велѣлъ задернуть придворнаго шута на дыбу. Шутъ, повиновуши на вывороченныхъ рукахъ, повиновшися, стоюмо дылы письма, привезеннаго имъ (въ апрѣлѣ 1724 г.) изъ села Преображенскаго въ Покровское къ Монсу, не сказавъ, а вмѣсто того началъ было называть лица, съ кого его патронъ бралъ взятки. Назвалъ Якова Павлова, который за презентъ Монсу сдѣланъ былъ учителемъ царевны Натальи, жену Люиса; назвалъ купца Мейера, князей Меньшикова и Алексѣя Долгорукова, подарившихъ Монсу лошадей, «а о прочихъ — объявилъ допрашивасмый — надлежитъ подробно написать». (1)

Спросили Столѣтова. «Вѣдалъ я — сказала Егоръ, запершись во всемъ, что дозналъ на него Балакиревъ — вѣдалъ я только, что фамилія монсова ко мнѣ недоброхотлива; а Монсу на меня наговаривали. И говорилъ я, вѣдая все это: что они мнѣ сдѣлаютъ? я ихъ не боюсь! А быть-можетъ я и говорилъ, вѣдая ихъ недоброхотство, что сами вреде меня пропадутъ, а *причины* къ тому незнаю.» Очная ставка съ Балакиревымъ не раскрыла *причины*.

Откровениѣ бытъ Суворовъ. Онъ сообщилъ и то, о чемъ его и не спрашивали. Такъ онъ пересказалъ разговоръ свой съ Мишкой, слугой Поспѣлова.

Всего этого было довольно. Петръ отправился за объясненіями къ Поспѣлову. Что тамъ было, неизвѣстно; нѣсколько времени спустя государь возвратился въ земній дворецъ. Казалось онъ былъ довольно оспокоенъ, покрайней-мѣрѣ въ немъ ничего не замѣтили придворные, весело балагурившіе у Екатерины. Государь сълъ съ ними ужинавать; Монсъ былъ въ ударѣ и «долго имѣлъ честь разговаривать съ императоромъ, неподозрѣвая и тѣни какой-нибудь немилости». «Минуту спустя (послѣ ужина) — такъ рассказываетъ

(1) Весьма вѣроятно, что самъ государь остановилъ дальнѣйшія показанія Балакирева до новаго вопроса, такъ какъ въ настоящемъ случаѣ Петру хотѣлось знать не о взяткахъ Монса, а о предметѣ болѣе интересномъ.

саксонскій посолъ Лефортъ ⁽¹⁾ — государь велѣлъ Монсу посматрѣть на часы. — «Десятый часъ», сказалъ камергеръ.

— «Ну, время разойтись!» и съ этимъ словомъ Петръ отправился въ свою комнату.

Придворные разѣхались; Монсъ, придя домой, раздѣлся и закурилъ трубку. Вдругъ въ комнату вошелъ Ушаковъ. Страшный инквизиторъ объявилъ фавориту, что съ этой минуты онъ арестантъ; взялъ у него шпагу, ключи, запечаталъ бумаги и отвезъ несчастнаго къ себѣ на квартиру. Здѣсь ждалъ ихъ самъ императоръ. «А! и ты тутъ!» сказалъ онъ, окидывая Монса презрительнымъ взглядомъ. Съ рѣдкимъ для себя самообладаніемъ государь удержалъ порывъ гнѣва, не сталъ и допрашивать. Онъ оставилъ Монса на всю ночь терзаться мученіями страха и угрызеній совѣсти, если та несовсѣмъ заглохла въ красавцѣ-камергерѣ. Въ ту же ночь арестованы были Столѣтовъ и Павловъ; обоихъ заперли въ лѣтнемъ дворцѣ. ⁽²⁾

Вѣсть объ арестѣ Монса какъ громомъ поразила сотни сановниковъ и сановицъ петербургскаго общества; Матрена Ивановна, до которой дѣло слишкомъ близко касалось, до такой степени испугалась, что слегла въ постель и была въ совершенномъ отчаяніи; ея семейство и всѣ пріятеля, всѣ имѣвшіе известнаго рода дѣла съ Монсомъ, были въ смущеніи: всѣмъ памяты были розыски Петра надъ царевичемъ Алексѣемъ и его сторонниками, слѣдствіе и судъ надъ Гагариннымъ, надъ нѣсколькими важнѣйшими изъ оберъ и провинціалъ-фискаловъ, надъ важнымъ Шафировымъ; всѣмъ были памяты, что въ каждомъ изъ этихъ розысковъ многое осталось неподмѣченнымъ, и почти никто изъ лицъ малемальски прикосновенныхъ къ дѣлу не остался безъ строгой отвѣтственности. Такъ и теперь: никто еще не зналъ, какъ взглянетъ Петръ на взятки Монса? не взмахнетъ ли онъ мечемъ правосудія и по тѣмъ головамъ, которыя, склоняясь предъ фаворитомъ, подкупали его на разныя несправедливости и происки?

Опасенія ихъ были напрасны: Петръ уже былъ не тотъ, что прежде. Эта желѣзная натура сдѣлалась какъ-то мягче, такъ что открытіе главной вины Монса глубоко его поразило; ударъ былъ такъ силенъ, что государь на всѣ остальные вины арестанта взгля-

(1) Geschichte des russischen Staats, von Dr. *Ernst Herrmann*. Hamburg, 1849 г. ч. IV. стр. 441—443. Рассказъ германскаго историка о «казни Монса» основывается на извѣстіяхъ графа Рабутина и камергера Лефорта; первый былъ вѣнскимъ посломъ, второй — саксонскимъ при дворѣ Петра I.

(2) Зданіе у Лѣтняго сада, на набережной Фонтанки и Невы.

нулъ какъ-то слегка, только какъ на официальный предлогъ къ его осужденію; преслѣдовать же дававшихъ взятки, входившихъ въ постыдныя сдѣлки съ фаворитомъ, это значило протягивать дѣло, откладывая казни, словомъ — болѣе и болѣе растравлять свое сердце присутствіемъ ненавистнаго соперника.

Петръ рѣшился стереть его съ лица земли, и чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше.

Въ понедѣльникъ, 9 ноября, въ канцелярію кабинета внесли ворохи всевозможныхъ бумагъ Виллима Монса; пришолъ государь; ввели по его ордеру, арестанта. Камергеръ не вынесъ взора Петра: въ этомъ взорѣ было столько гнѣва, жажды мести и въ тоже время глубочайшаго презрѣнія, что Монсъ не выдержалъ, затряса и уналъ въ обморокъ. Ему открыли кровь, государь велѣлъ его увезти назадъ подъ караулъ и дать ему время оправиться, а между тѣмъ съ жадностью принялся за пересмотръ его бумагъ. Надо думать, что при этомъ пересмотрѣ были и пособники, такъ что предъ государемъ скоро поднялась большая куча «противныхъ» документовъ, которые потомъ и переплелись въ особую книгу; затѣмъ остальными бумаги остались въ двухъ громаднѣйшихъ связкахъ.

Книга и связки передъ нами; содержаніе первой особенно разнообразно; были ли подобраны сюда бумаги петровскими помощниками по суду, вплетены ли онѣ въ общій корешокъ гораздо позже такъ, случайно, — какъ бы то нибыло, но сюда вошли бумаги всевозможныхъ родовъ. Такъ здѣсь находятся челобитья о разныхъ дѣлахъ съ предложеніями презентовать отъ Хитрово, Люпсовой жены, Льва Измайлова, кн. Алексѣя Долгорукова, документъ о передачѣ въ владѣніе Монса деревни царевны Прасковьи, письма и выписочки о дѣлахъ Отаева, Малевинскаго, архимандрита Писарева, Петра Салтыкова, Камынина, ростовскаго архіерея Дашкова и многія другія бумаги, касающіяся важнѣйшихъ взятокъ Монса. Тутъ же вплетена и нѣмецкая корреспонденція Монса съ матерью, съ сестрами, съ друзьями изъ нѣмецкой слободы, его стихи, письма «амурныя», гадальная книжка, памятные листки о перстняхъ, о травахъ: вообще содержаніе отобранныхъ «противнѣйшихъ» документовъ было, какъ я уже сказалъ, весьма разнообразно (1). Нѣко-

(1) Изъ бумагъ на нѣмецкомъ языкѣ здѣсь находится около 30 писемъ, записокъ, стиховъ и разныхъ «амурныхъ» цидулокъ Виллима Монса; нѣкоторые изъ нихъ, какъ извѣстно, писаны на русскомъ языкѣ, но нѣмецкими буквами. Тутъ же вплетены 28 писемъ *Модесты Монсъ*, 23 письма *Матроны Балка*, 10 пис. Петра *Балка*, 5 пис. Анны фонъ *Кейзерлингъ* (урожд. Монсъ), гадательная книжка и листки изъ записной тетради *Монса*; затѣмъ есть по нѣскольку писемъ: *Брейтшлага*, *Бориціуса Ванденбурга*, художника *Ведкинда* (1 п.), *Виттсера*, *Гер-*

торые изъ документовъ — таковы всѣ *любовныя* записки Монса, письма той же матеріи къ нему отъ Петра Балка, Матрены Ивановны, или Функа и Бретингама, а также и письма голландцевъ, относящихся до исканій герцога, — всѣ эти бумаги были по волю Петра немедленно переведены на русскій языкъ. Государь, по невольнѣ ясному разумѣнію вѣмецкой граммоты, боялся проглядѣть какого-нибудь слова, мало-мальски разясняющаго дѣло. Было ли найдено письмо *сильненское* «съ рецептомъ о составѣ нѣтъя, ни про кого другого, что ни про хозина» — неизвѣстно.

Невѣдно по дошедшимъ до насъ бумагамъ, имѣлъ ли Петръ объясненіе съ Екатериной; иностранцы разумѣется живописуютъ по этому поводу цѣлыя сцены, рассказываютъ какъ государь въ падкѣ гнѣва раздробилъ громадное венеціанское зеркало, какъ грозилъ онъ при этомъ супругѣ, что онъ такъ же въ дребезги разобьетъ и ея существованіе, какъ фельдмаршалъ Рѣвинъ своимъ заступничествомъ спасъ Екатерину и проч. и проч. Подобными романтическими подробностями намъ бы весьма легко было оживить нашъ рассказъ, но мы не хотимъ отступать отъ подлинныхъ документовъ, и тамъ гдѣ молчатъ они, смолчимъ и мы. Это будетъ лучше, нежели повторять рассказы иностранныхъ писателей, бравшихъ многіе факты изъ области собственной фантазіи (1).

Понедѣльникъ, 9 ноября, проведенъ былъ знатно петербургскою крайне смутно. Громова вѣсть объ арестѣ Монса передавалась шепотомъ, по секрету; въ маленькихъ покояхъ зимняго дворца (на этомъ мѣстѣ нынче казармы лейбъ-гвардіи преображенскаго полка) какъ тѣни сновали испуганные девицы и перетрусившія Фрейлины; императрица заперлась во внутреннихъ апартаментахъ, а въ канцеляріи «кабинета» въ ворохѣ захваченныхъ бумагъ истерпѣливо рылся государь. Этотъ день казалось не могъ не потрясти его души; въ разгарѣ настоящаго событія Петръ вспомнилъ, что онъ

Феля, Гольца, Дугласа Пгамета, фонъ Кейзерлина (изъ Гарца, 1 п.), *Козена, Лупа* съ женой, *Менса, Клима, Мормора, Фрике, Функа, Фитингофа-Шелл, Шульца* и нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Всѣ они либо родственники и приятели Монса, либо купцы, ремесленники и вообще разныя лица, имѣвшія пужду въ Монсѣ. Наконецъ въ книгу вплетены, кромѣ русскихъ и вѣмецкихъ писемъ, рецепты лекарствъ, счеты, росписки, описи, приходорасходныя тетрадки и т. п. бумаги. Общее заглавіе книги: «Уголовная секретная: разные черныя отпуски писемъ къ Толстому, Румянцову, Монсу и другіе 1724 г.», листовъ 328.

(1) Въ настоящемъ эпизодѣ мы сдѣлали исключеніе только для Берхгольца и Ледорта; и тотъ и другой, какъ современники, писали то что сами видѣли или слышали отъ очевидцевъ. Затѣмъ нѣкоторые изъ рассказовъ поздѣйшихъ писателей, во многомъ ошибочные, какъ напримѣръ Гельбига и другихъ, см. въ моей статьѣ «Наталя Лопухина» («Русск. Вѣстн.» 1860 г. № 17).

еще не одѣлалъ никакого распоряженія насчетъ преемства престола, лучше сказать, что дѣти его еще «не пристроены», — и вотъ съ обычной ему энергiей, онъ въ нѣсколько часовъ рѣшается на то, что откладывавъ итеченіе четырехъ лѣтъ. Мы говоримъ о обрученіи его дочери Анны съ Карломъ-Фридрихомъ, герцогомъ голштинскимъ. Мы едвали ошибемся если скажемъ, что чтеніе переведенныхъ для него писемъ Цедергiельма, графа Велинга и графа Вовде ускорило его рѣшимость.

На другой день, во вторникъ, въ десять часовъ утра, къ герцогу, опечаленному арестомъ его сторонника Монса, неожиданно явился Остерманъ. Въ полчасаовой секретной аудиенціи съ его высочествомъ, Остерманъ именемъ императора объявилъ, что государь твердо рѣшился покончить дѣло герцога и что обрученіе должно совершиться въ катериндинъ день. Назначенье для этой церемоніи дня ангела государыни — дѣло непонятное. Хотѣлъ ли государь сдѣлать удовольствіе супругѣ, давно уже желавшей этого брака, и въ такомъ случаѣ кажется нельзя сомнѣваться, что Екатерина имѣла съ мужемъ объясненіе и оно кончилось для нея какъ нельзя лучше; или же государь имѣлъ какіе-нибудь другіе виды? Вообще надо придти къ одному изъ слѣдующихъ заключеній: 1) Екатерина съ обычнымъ искусствомъ успѣла вновь возбудить любовь къ себѣ государя, сумѣла совершенно оправдаться; 2) Монсъ не показалъ ничего для нея опаснаго, преполъ многое молчаніемъ, и жизнью запечатлѣлъ къ ней свою преданность, или же наконецъ 3) Петръ узналъ грустную тайну, до сихъ поръ извѣстную всѣмъ кромѣ его самого, но рѣшился не чинить страшнаго розыска надъ той, которой обязанъ былъ счастливыми днями своей жизни. Последнее заключеніе, какъ оно ни противорѣчитъ истинному, ничѣмъ не сдерживаемому характеру Петра, тѣмъ неменѣе кажется вѣрнѣе другихъ.

Въ то же утро, какъ Остерманъ сообщалъ герцогу вождѣльную вѣсть, Монсъ вновь приведенъ былъ къ государю. Допросъ произведенъ былъ среди величайшей тайны. На бумагу тайна не была передана; письменные допросы, отвѣты и отписки касались только взаимности. Тѣ и другіе записаны Черкасовымъ. Вопросы очень коротки, дѣлались какбы нехотя, неполнѣ, какбы единственно только для соблюденія формы слѣдствія; отвѣты Монса многословны, безпорочны: ему видимо было не легко вспоминать о множествѣ лицъ, его подкупавшихъ, и вспоминая ихъ одного за другимъ, важнаго за нещаднымъ, онъ облакалъ получаемые имъ презенты въ форму дружескихъ подарковъ. Камергеръ не зналъ, что лукавство ни къ чему не поведетъ, что необходимость его казни для Петра до та-

кой степени обозначилась, что даже не станут дополнять и провѣрять его отвѣты показаніями лицъ, его дарившихъ.

«Скажи о челобитной Хитрово въ деревняхъ, — спрашивали Мона — о заемномъ письмѣ его тебѣ въ 500 рублѣхъ, также о письмѣ Макарова къ графу Матвѣеву, съ требованіемъ прислать то дѣло въ кабинетъ?»

— «Подалъ ли самъ Хитрово свою челобитную ея величеству, — отвѣчалъ Мона, — или я у него принималъ, не помню; но Хитрово (дѣйствительно) просилъ у меня вспоможенія въ дѣлѣ съ Дашковымъ и общалъ за то 500 рублѣй... (1) Изъ нихъ привезъ 200 въ зачетъ даннаго имъ мнѣ заемнаго письма, а по окончаніи дѣла общалъ достальные 300 р. дать. Только я у него тѣхъ денегъ не требовалъ, а привезъ онъ ихъ своею волею съ прошеніемъ, чтобъ принять, и письмо заемное такимъ же образомъ далъ. Что до письма Макарова (по дѣлу Хитрово), того не помню; о дѣлѣ же самомъ нигдѣ не прашивалъ; только государыня-императрица изволила приказывать князю Ромодановскому о рѣшеніи того дѣла по указамъ государевымъ. А какъ дѣло изъ юстицъ-колегіи перешло къ князю Ивану Федоровичу (Ромодановскому), того незнаю.

«О Любсовой женѣ?»

— «Какъ Любсова жена была челомъ о своемъ отпускѣ (заграницу) тогда я какъ ее, такъ и ее челобитье, по указу государыни, ея величеству представлялъ. Тогда Любша мнѣ ничего не дарила, только въ прошломъ году на мои имянины подарила: кусокъ кружевъ, потомъ еще два куска, да предъ отъѣздомъ своимъ 500 червонныхъ. Тогда-жъ къ имянинамъ прислалъ Мееръ вина (слѣдуетъ исчисленіе бутылокъ и бочекъ). Послалъ я къ нему въ нынѣшнемъ году росписъ, и по той росписи прислалъ онъ мнѣ еще вина (слѣдуетъ исчисленіе). А больше того ни отъ Любши, ни отъ Мейера ничего не бировалъ.

«О письмахъ Льва Измайлова, что просилъ о указѣ въ вотчинную коллегію объ отдачѣ деревень и общалъ деньги?»

— «Тѣ деревни за государыней императрицей; а чьи были, того не помню; только слышалъ отъ Кошелева, что послѣ которой-то царевны ея величеству достались. И о тѣхъ деревняхъ Петръ Измайловъ былъ челомъ ея величеству на Воронежѣ, повеже (незнаю почему) имъ тѣ деревни надлежать. Ея величество изволила обещать отдать половину деревень, и о той половинѣ Левъ Измайловъ

(1) Мы приводимъ отвѣты Мона съ нѣкоторыми сокращеніями, такъ какъ сущность дѣла, по которымъ онъ бралъ взятки, изложена въ предыдущихъ главахъ.

за брата своего просилъ въ Москвѣ. Обѣщалъ (мнѣ) 1000 рублей; но ничего не давалъ, а я не бралъ, и нынѣ тѣ деревни не отланы.

«О псковскихъ деревняхъ царицы Прасковьи Ивановны?»

— «Царевна отдавала мнѣ эти деревни, и я, польстясь на нихъ, взялъ у нея духовную, которою крѣпки были онѣ ей, царицѣ, царицею Прасковьей Федоровной. Однако видя, что ихъ невозможно за собой укрѣпить, я говорилъ царицѣ: «ими не жалуйте, понеже онѣ не могутъ быть мнѣ крѣпки, а поддогомъ крѣпить опасенъ.» Она на то сказала: «коли деревень не возьмешь, то я тебѣ оброкъ съ нихъ пришлю.» Я и отъ этого отрицался. А потомъ, по прошению царицы, государыня изволила приказать оныя деревни, хотя она и о всѣхъ просила, въ вотчинной коллегіи справить за ней царицѣ, ей же и отсылать съ нихъ оброкъ, что и учинено. 600 руб. оброку на прошлый годъ къ ней отослано, а она прислала ихъ ко мнѣ. Я привялъ. На сей годъ ничего не присылывала. Для отказа же тѣхъ деревень посылалъ надворнаго суда прокурора Тимофея Кутузова, для того, чтобъ о нихъ подлинную вѣдомость получить что они стоятъ: я намѣренъ былъ ихъ купить. Печатныя пошлины платилъ и отправлялъ для отказа изъ своихъ денегъ, и то чинилъ по указу Прасковьи Ивановны.»

«О деревняхъ Стельса, что перешли къ князю Алексію Долгорукову и противъ чего есть протестація Нестерова?»

— «Я въ этомъ дѣлѣ никакаго старанія не употреблялъ; а просилъ меня онъ же князь Алексій Долгоруковъ о справкѣ за нимъ, во указу, деревень отцовскихъ, чтобъ ему въ томъ споможеніе учинить. И по тому прошению, говорилъ я Сухотину, президенту вотчинной коллегіи, чтобъ по указу рѣшеніе въ дѣлѣ Долгорукова учинилъ. А понеже — Долгоруковъ мнѣ издавна другъ, то по дружбѣ подарилъ онъ мнѣ девять кобылъ вороныхъ на заводъ; а я ему отдалъ собаку во сто червонныхъ, что подарилъ мнѣ герцогъ голштинскій.»

«О письмѣ Корчмина, что имѣетъ дѣло съ сумскимъ полкомъ въ земляхъ?»

— «Письмо это далъ мнѣ Корчминъ для памяти того дѣла съ прошениемъ: доложить о немъ ея величеству. Но я ничего по немъ не дѣлывалъ, понеже изслѣдовать о томъ вѣдно полковнику Чернышеву.»

На общій вопросъ: что и отъ кого онъ получалъ? Монсъ отвѣчалъ слѣдующимъ, значительно имъ укороченнымъ спискомъ:

— «Какъ свободили Василья Юшкова изъ-за караула, тогда государыня послала меня съ вѣдомостью о томъ къ царицѣ Прасковьѣ Федоровнѣ. Царица дала мнѣ 1000 рублей, Юшковъ другую 1000

да сервисъ серебряный — въ июль 1724 года, съ прошеніемъ: со-
держать его въ протекціи у государыни императрицы.

«Бывшій архимандритъ троицкой Писаревъ просилъ доложить
императрицѣ объ отдачѣ ему сундука ⁽¹⁾; она величество указала ар-
хіерею Феодосію отдать архимандриту сундукъ; архимандритъ далъ
миѣ (за это) 1000 рублей. Но потомъ, какъ эти деньги спросила въ
синодѣ, то я ихъ пакъ отдалъ. Кто же принесъ миѣ грамотку отъ
Писарева съ обѣщаніемъ дать миѣ 1500 рублей, если я возвращу ему
на это время 1000, того не помню, и нигдѣ никакого старанія о томъ
не прилагалъ, и отдалъ тому Писареву первые 1000 рублей, боль-
ше ничего не бирывавъ. Интересовался ли въ этомъ дѣлѣ Маше-
ровъ — не знаю, и отъ него о томъ дѣлѣ не слыжалъ.

Въ вынѣшнюю бытность мою въ Москвѣ крестьянинъ села Топи-
снаго — Солениковъ просилъ меня, чтобъ его по торгамъ и по богат-
ству въ посадѣ не записывать; понеже онъ заводилъ игольный заводъ,
кушилъ къ нему деревню и въ магистратѣ подписался, что ничѣмъ не
торговалъ. По указу государыни Солениковъ опредѣленъ въ стра-
нинные конюхи и за то онъ подарилъ миѣ 400 рублей.

«Яковъ Павловъ, какъ взять ко двору въ пажы, далъ миѣ на вы-
нѣшны часы. Я ихъ продалъ.

«Свѣтлѣйшій князь (Меншиковъ) прошлаго лѣта подарилъ ло-
шадь съ уборомъ.

«Князь Василій Долгорукой далъ парчу на верхній кафтанъ.

«Александръ Нарышкинъ — двѣ кобылы на заводъ.

«Архимандритъ троицкой Гаврилъ меня ни о чемъ не прашивалъ
и ничѣмъ не даривалъ.

«Маленинской просилъ меня по своему дѣлу, чтобъ домики не
править; но я по тому прошенію ничего не дѣлывалъ, ничего не
бирывалъ, а что онъ обѣщалъ, того не помню.

«Отяевъ просилъ меня въ табѣ его съ Волковымъ, говорилъ
я о томъ Ягужинскому. По цидулкѣ своей, Отяевъ 100 червонныхъ
не даывалъ, только по старой дружбѣ подарилъ онъ миѣ двухъ
собакъ, да съ ними охотника на время. А Павла Ивановича (Ягу-
жинскаго) просилъ я о неоставленіи Отяева, рекемедуя его только
добрымъ челоѣкомъ.

«По меморіямъ о Брянчанниновѣ, Войновѣ, о Васильѣ Глѣбо-
вѣ ⁽²⁾ ничего не дѣлывалъ и они миѣ ничего не давали.

(1) Вѣроятно съ вещми, опечатанными при его арестѣ, по извѣстному дѣлу.
См. выше.

(2) Монсу представили при допросахъ связку болѣе подозрительныхъ къ нему
письмъ и записокъ, съ тѣмъ чтобы онъ объяснилъ ихъ значеніе.

«Петръ Салтыковъ просилъ о деревняхъ, взятыхъ у него ко двору. Но я ничего для него не производилъ; онъ меня не дарилъ, а дарилъ ли кого изъ моей фамилиі, того незнаю.

«О выморочныхъ деревняхъ Мартемьянова, по челобитной Камина — нигдѣ не спрашивалъ, козакъ, да камзолъ тканый да 1000 рублей съ него не бирывалъ; взялъ только, хвала мастерство, кошелекъ работы ихъ домового ткача.

«За архіерея Дашкова никого не спрашивалъ; двухъ же чалыхъ лошадей подарилъ онъ мнѣ безъ всякаго дѣла (1).

«О Яковъ Павловъ просилъ я государыню, чтобъ отпустилъ его отъ двора сержантомъ, но за это я на съ отца Павлова, ни съ него и съ брата ничего не бирывалъ.

«Левъ Челищевъ подарилъ иноходца, чтобъ исходатайствовать ему чинъ и заслуженное жалованье.

«Денегъ моихъ лежачихъ, ни въ торгу, ни у кого яѣтъ, кромѣ того, что обрѣтается въ моемъ домѣ. Подписалъ: «De Monso.»

Спросили подтвержденія показаній только у одной царевны Прасковьи; потому ли, что взятка данная ею душами и крестьянскими животами была крупнѣе прочихъ, или по другимъ какимъ соображеніямъ, неизвѣстно. Смущенная царевна призвана была къ государю; въ его присутствіи она должна была вывести своимъ крайне дурнымъ почеркомъ слѣдующія слова:

«дала я Монцу деревню для того што все в немъ искали што-бы добръ...»

На послѣднемъ словѣ государь остановилъ Прасковью: достаточно было для суда и трехъ словъ, остальное царевна могла дополнить устно; притомъ же Петру, въ его нетерпѣливомъ желаніи завершить дѣло возможно скорѣе, было вовсе не до Прасковьи.

Привели между тѣмъ Балка. Его не мучили длинными вопросами; государь удовольствовался однимъ:

«Балакиревъ объявилъ, что вы всею фамилією приходили къ Монсу и со слезами просили его, чтобы онъ Столѣтова отъ себя бросилъ; буде же не броситъ, то Столѣтовъ его укусятъ и Монсъ можетъ отъ него пропасть; а на тѣ слова Монсъ отвѣчалъ: вистѣлицъ-то де много! Вы всею фамилією къ нему приходили ли, такіа слова говорили, отвѣтъ отъ него былъ ли и для чего вы ему тѣ слова говорили?»

(1) Понятно, что вѣрить Монсу никакъ нельзя: еслибы онъ ни отъ кого ничего не бралъ, а главное не усердствовалъ по дѣламъ даригелей, то число ихъ не возрастало бы годъ отъ году. А мы видѣли, что это было такъ: Монса стали задаривать съ 1719 года и это продолжалось въ прогресіи чуть не до дня его ареста.

— «Такія слова говорилъ я со всей фамиліей Монсу для того, что о Егорѣ сказывалъ адмиралъ, у котораго Егоръ прежде служилъ: «Егоръ—де бездѣльникъ, я имъ недоволенъ и хотѣлъ его сбить со двора». Такожъ Ягужинскій говорилъ Монсу: «брось Егора, онъ твоимъ именемъ много шалить, чего ты и не знаешь». А я съ фамиліей — продолжалъ Балкъ — за Столѣтовымъ никакой не видали шалости, а говорили такъ со словъ адмирала да Ягужинскаго; на что и отвѣтилъ намъ Монсъ: «ежели Егоръ какую пакость сдѣластъ, то висѣлицъ много!»

Монса увели; Балка отпустили. Государь, утомленный допросами, ушолъ обѣдать, послѣ стола по обыкновенно отдохнулъ и вечеромъ отправился на имянины къ капитану Гослеру. Цирюшка длилась долго; государь — такъ свидѣтельствуешь очевидецъ — «былъ очень веселъ».

А въ кружкахъ петербургскаго общества не смолкалъ говоръ о арестѣ и допросахъ Монса; старики говорили осторожно, молодые болтали смѣлѣе. Такъ 11 ноября сержантъ Апраксинъ рассказывалъ любопытному Берхгольцу:

— «Монсъ эти дни сидѣлъ полъ арестомъ въ своей комнатѣ, стерегутъ его часовые; теперь перевезли его въ зимній дворецъ, гдѣ засѣдаетъ верховный судъ⁽¹⁾; допросъ дѣлаютъ подъ большою тайной. Монсъ въ эти дни страшно измѣнился; съ нимъ отъ страху былъ ударъ; впрочемъ онъ стоитъ на томъ, что не знаетъ за собой никакой вины. Матрена Ивановна Балкъ отъ страху все еще очень больна и не встаетъ съ постели.»

Такъ рассказывали при дворѣ герцога голштинскаго; другіа свѣдѣнія въ тотъ же день собралъ саксонскій посолъ Лефортъ: «Сегодня, во вторникъ — писалъ онъ къ своему двору — Монса опять приводили къ допросу. И онъ, какъ говорятъ, *тотчасъ во всемъ признался*, такъ что вѣнужно было употреблять пытку. Въ тотъ же день императрица просила у государя помилованія Монсу; ей отвѣчала просьбой разъ навсегда — не вмѣшиваться въ это дѣло. Впрочемъ та велѣла сказать генеральшѣ Балкъ: «не заботьтесь о своемъ братѣ, арестъ его не будетъ имѣть дурныхъ послѣдствій.»

Извѣстія Лефорта едвали не достовѣрнѣе: Монсъ вполне повинился. Если показанія его на бумагѣ были несовсѣмъ чистосердечны, то мы вправѣ думать, что онъ былъ искреннѣе на словахъ. Иначе — рѣшительно непонятно, какъ онъ могъ избѣжать пытки! Если пытали по дѣламъ совершенно ничтожнымъ, то могли ли обой-

(1) Подъ этимъ названіемъ съ 1719 года была постоянная коммиссія по разнымъ судебнымъ дѣламъ первой важности.

тись безъ изглазій въ дѣлѣ первой важности? Такимъ покрайней-мѣрѣ считали дѣло Монса. Но немудрено, что пытка на этотъ разъ оказалась дѣломъ лишнимъ: въ самомъ дѣлѣ, тотъ кто отъ единого страху упалъ въ обморокъ, тотъ кто велъ жизнь среди роскоши и мѣги, могъ ли вынести мысль о томъ, чтобы перенести пытку? Конечно, что недождавшись ея, онъ принесъ полное сознаніе. Только имъ онъ могъ спасти какъ себя, такъ и придворныхъ служителей и служительницъ отъ кнута и жженія.

Между тѣмъ допросы продолжались. 11 ноября, въ среду, дошла очередь до Столѣтова; поданное имъ своеручное показаніе относилось до взятокъ Монса.

Такъ Столѣтовъ рассказалъ нѣкоторыя подробности относительно крупной взятки царевны Прасковьи. «Когда царицы Прасковьи Федоровны не стало, тогда ея дочь Прасковья Ивановна отдала Монсу духовную мамы своей, боярыни Бутурлиной; а въ той духовной мама была челомъ царевнѣ вотчиною своей селомъ Оршо съ деревнями въ пусторжевскомъ уѣздѣ. Виллимъ Монсъ объявилъ духовную мнѣ да секретарю вотчинной ея величества канцеляріи Арцыбушеву и требовалъ резону: какимъ образомъ по этой бумагѣ можно получить деревню? Я, разсмотря духовную, объявилъ: «надо молъ справиться, закрѣплена ли та деревня за Прасковьей Ивановной, и если еще за ней не справлена, то она васъ жалуеть чужимъ; а узнать о справкѣ надо въ вотчинной коллегіи». По моему объявленію, Монсъ докладывалъ государынѣ, и ея величество позволить высокоблагозволила въ той коллегіи справиться. Я справливался, и напюль, что вотчина нигдѣ и никакъ за царевной не справлена. Тогда это поручили сдѣлать Арцыбушеву, понеже весь того дѣла порядокъ чрезъ него обращался. А и я посыланъ былъ, по тому-жъ дѣлу, въ вотчинную коллегію, съ указомъ императрицы, чтобъ (ежели надлежитъ), то за ея величествомъ ту вотчину справить. И вотчинная коллегія о справкѣ чинила немедленно исправленіе.»

Изъ этого расказа видно, какъ домогался Виллимъ Ивановичъ подарка царевны Прасковьи; никакихъ слѣдовательно отказовъ съ его стороны и особенной навязчивости со стороны дарительницы не было и въ поминѣ. Судя по этому, можно быть увѣреннымъ, что и остальные показанія Монса по поводу его взятокъ неменѣе имъ смягчены и искажены.

Къ сожалѣнію о другихъ не много сказалъ его пособникъ Столѣтовъ. Назвавъ княземъ Алексѣя Григорьевича да Василія Лукича Долгорукихъ, секретарь объявилъ затѣмъ: «что принадлежитъ до взятокъ съ партикулярныхъ персонъ, ничего незнаю, понеже отъ всѣхъ дѣлъ таковыхъ, кромѣ партикулярныхъ ея величества, весьма

чуждъ отъ Мюса учиненъ, по зависти и обесевію ему на меня омилія его, которая такъ его преогорчила на меня, какъ ищѣство, что онъ и висѣльцу обѣщаль.»

Уклонившись такимъ образомъ отъ разъясненія продѣлокъ Мюса, секретарь пояснилъ, что онъ принужденъ былъ скрывать своего въ должности опредѣленія. «А опредѣленія сего — писалъ Столѣтовъ, — и донынѣ у него не сыскалъ. Взаль меня Мюсъ въ свою команду (1), обѣщаль всякое благополучіе, вѣсто котораго и весьма неравнаго обрѣлъ себѣ таковое заключеніе, отъ котораго принужденъ всякой въ моей жизни надежды лишиться, токмо имѣю на великодушное его величества милостивое разсмотрѣніе надежду; и для того, въ чемъ я собственно виновенъ, привошу мое чистѣйшее показаніе.»

Въ порывѣ покаянія Столѣтовъ представилъ небольшой списокъ своихъ «виновностей», всего только три: 1) Принялъ я отъ служителей государыни, двухъ Грузинцовыхъ, двѣ мошадѣ съ тѣмъ, «чтобы современемъ въ приключившихся нуждахъ ихъ, по возможности своей, помогать; что я и чинилъ по совѣсти, безъ утраты антересу ея величества.» 2) Князь Алексѣй Долгоруковъ благодарилъ меня за старанія по его дѣлу объ отцовскомъ наслѣдствѣ (то дѣло и донынѣ за нимъ несправлено для нѣкоторой претензіи одного изъ его братьевъ); прислалъ онъ мнѣ на канзолѣ парчи золотой, бахраму и сукно, да потомъ подарилъ жеребчика; а принялъ я все то невѣбная во взятки, но въ благодареніе и приазнь, для того что услуги мои были ни по его прошенію, «но по указу ея величества.» Да 3) царевна Прасковья Ивановна за объявленное мое стараніе (въ дѣлѣ о передачѣ вотчины Мюсу) пожаловала мнѣ 320 рублей въ разное время, съ тѣмъ: «чтобы я приводилъ Мюса, а онъ бы государыню, чтобъ ее царевну, содержать въ милости своей извола и домашнее бы имъ опредѣленіе учинила. Въ вышенисанномъ во всемъ — заключалъ исповѣдь Столѣтовъ — прошу у его величества великодушнаго разсмотрѣнія и милостиваго помилованія.»

Помилованія небыло. 12-ое ноября проведено было судьями, какъ кажется, въ окончательной переборкѣ захваченныхъ бумагъ, быть-можетъ и въ допросахъ, но онѣ либо не дошли до насъ, либо вовсе небыли записаны. Мюсъ продолжалъ содержаться подъ карауломъ, по однимъ извѣстіямъ въ домѣ Ушакова, по другимъ — переведенъ былъ въ свой собственный домъ; Столѣтовъ и Балакиревъ (послѣдній послѣ прогулки въ крѣпость) все еще занерты были въ пустотѣ

(1) Предъ поступленіемъ къ Мюсу Столѣтовъ жилъ у царяцы Марыи Ивѣтѣвны, урожденной Апраксиной.

лѣтнемъ дворцѣ (тамъ еще недавно можно было видѣть темную комнату съ рѣшотчатымъ оконцемъ въ дверяхъ). Въ пятницу, 13 числа, рано по утру страшный вѣстникъ несчастія Ушаковъ предсталъ предъ Матреной Ивановной, измученной страхомъ и надеждой. Генеральша волею-неволею должна была подняться съ постели; ее увезли въ домъ инвентора и — такъ говорили въ городѣ — заперли въ той самой комнатѣ, гдѣ сидѣлъ вѣсколькѣ дней ея братъ. Множество человѣкъ оцѣпляло зданіе, видъ котораго невольно внушалъ страхъ и трепетъ въ жителяхъ Петербурга. Вслѣдъ за Матреной Ивановной арестовали и ея сына, придворнаго щеголя и красавца Петра Федоровича Балка. Ему пока объявленъ былъ арестъ въ своемъ домѣ или въ домѣ матери. Вообще нельзя не подивиться той необычной *деликатности*, если можно такъ выразиться, которую явилъ государь въ настоящемъ случаѣ. Арестаціи были неслыханы, дѣлали ихъ «безъ великаго поспѣшенія»; взятыхъ подъ арестъ не влекли въ крѣпостныя казематы; ноги взятыхъ персонъ, искусшіяся въ арамлейныхъ тапцахъ, не ставили въ ремень, нѣжныя ручки не ввертывали въ хомутъ, кнутъ не бороздилъ ихъ спины. Словомъ, государь или стыдился являть жестокость по дѣлу слишкомъ близкому его сердцу, или же Екатерина, по народному выраженію, «своимъ волшебнымъ корнемъ» продолжала и въ эти страшныя минуты «обводить», т. е. смягчать, ублажать государя.

Въ чемъ состоялъ устный допросъ Матренѣ Ивановнѣ со стороны государя, мы не знаемъ; то-же, что было записано съ ея словъ, отличается необыкновеннымъ лаконизмомъ. Но всему видно, въ такой «объявившейся за ея семействомъ матеріи», каковы взятки, ей не позволили много распространяться. Перепуганная до-мельза, Матрена Ивановна втеченіе двухъ дней 13 и 14 ноября вспоминала и диктовала Черкасову имена своихъ дарителей. Въ этомъ спискѣ были лица всѣхъ состояній, званій и обоюго пола. Представляемъ имена ихъ въ вѣкоторой востепенности.

«Брала я взятка — виниласть Матрена Ивановна — съ :

Служителей *Грузинцовыхъ* 100 рублей, съ тѣмъ чтобъ говорить Мону о разсмотрѣніи ихъ дѣла.

Купецкой человекъ *Красносельцовъ* далъ 400 рублей за заступленіе въ дѣлѣ князя Василя Долгорукова, назадъ тому лѣтъ десять (вѣрнѣе въ 1718 г.).

Купчиха *Юриной*, бывший съ посломъ въ Китаѣ, подарилъ два косака камки и китайскій атласъ.

Купецъ иноземецъ *Мееръ* 300 червошныхъ.

Капитанъ *Альбрехтъ* долгу своего на мнѣ уступилъ 120 рублей.

Сынъ вгуменьи, князь Василя *Ржевскій* вкладныя мои серги

въ 100 рублѣхъ отдать безденежно, въ то время, какъ шибѣлъ дѣлъ съ княземъ Хованскимъ.

Посолъ въ Китаѣ *Левъ Измайловъ* по прїѣздѣ оттуда, подарилъ три косяка камки да 10 фунтовъ чая.

Петръ *Салтыковъ* — старый недорогой возокъ.

Астраханскій губернаторъ *Волыскій* — полпуда кофе.

Великій канцлеръ графъ *Головкинъ* — двадцать возовъ сѣна.

Князь Юрій *Гагаринъ* — четыре серебряныхъ оляши.

Князь Ѳеодоръ *Долгоруковъ* — полпуда кофе.

Князь Алексѣй *Долгоруковъ* далъ, по моему прошенію, старую коляску да шестерикъ недорогихъ лошадей.

Свѣтлѣйшій князь *Меншиковъ* на шляпныи подарилъ мнѣ маленькій перстень алмазный, а потомъ 50 четвертей муки.

Его высочество герцогъ *Голтичскій* — два Флеровыхъ платка, шитыхъ золотомъ я ленту.»

Неменьѣ обильна была жатва генеральши съ прекраснаго поля. Ей презентовали :

«Купчиха *Любскъ* — парчу на кафтанъ, штофу шолковаго на сармать.

Баронеса *Строганова* — балбереку 30 аршинъ.

Баронеса *Шафирова*, жена бывшаго вице-канцлера, — штофъ шолковыи.

Княгиня *Черкасская* — атласъ китайскій.

Княгиня *Долгорукова* (жена посла Василья Лукича) — овакало.

Княгиня Анна *Долгорукова* — запасу разнаго.

Княгиня Анна Ивановна *Голицына* — тоже.

Княгиня *Меншикова* на шляпныи ленту, шитую золотомъ.

Царевна *Прасковья Ивановна* — 400 или 500 рублѣй, того не вѣмю, за убытки мои, что въ Мекленбургѣ получила (въ бытность при Екатеринѣ Ивановнѣ гофмейстериней); отъ нея-жъ кусокъ полотна варандорфскаго и запасы съвотные въ разное время; запасы тѣ за то, чтобъ просила о ея домовомъ раздѣлѣ съ сестрами.

Царевна Анна *Ивановна*, герцогиня курляндская, прислала старое свое платье.

Царица *Прасковья Ѳеодоровна* подарила 200 червонныхъ за убытки мои въ Мекленбургѣ.

Да нынѣ (1724 годъ), — казалась Балаша — въ Москвѣ, изъ шногихъ господскихъ домовъ присылали мнѣ овса, сѣна и прочаго всякаго запаса ломоваго, а сколько и когда, не помню.»

Чтобъ помочь ослабѣвшей памяти сестры и брата, обратилась къ гласности!

Въ ту же пятницу, 13 ноября, по полудни кортежъ солдатъ, шибѣ

во главѣ нѣсколькихъ барабанщиковъ и одного чиновника, прошолъ по улицамъ и площадямъ столицы. На барабанный бой сбѣжался народъ; ему велегласно объявили, что такъ-какъ камергеръ Монсъ и сестра его Балкъ брали взятки и за то арестованы, то каждый кто что-нибудь знаетъ объ этомъ или кому доводилось давать имъ, то тотъ, подъ страхомъ тяжкаго наказанія, долженъ непромѣнно заявить о себѣ. Такія же извѣщенія прибили на стѣнахъ.

«Послѣ такихъ публикацій, — въ тотъ же день заговорили въ публикѣ, — послѣ такого объявленія дѣло арестантовъ приметъ весьма опасный оборотъ. Говорятъ, что они во многомъ уличены изъ собственныхъ ихъ писемъ.»

Уликъ дѣйствительно оказалось такъ много, что арестантовъ безъ дальнѣйшаго слѣдованія предали *«вышнему суду»*. Непремѣннымъ результатомъ его засѣданій (этого желалъ государь, того же требовали его указы) должна была быть.

X

КАЗНЬ КАМЕРГЕРА МОНСА

(1724)

Утромъ въ субботу, 14 ноября, члены суда съѣхались въ винный дворецъ. Пока не привела еще подсудимыхъ, а вазову вамъ имена грозныхъ судей; всѣхъ ихъ девять человекъ: Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ, Иванъ Вахметевъ, Александръ Бродягинъ, графъ Яковъ Брюсъ, Семенъ Блеклый, Иванъ Головинъ, Иванъ Дмитриичъ Мамонтовъ, графъ Иванъ Мусинъ-Пушкинъ, и нашъ старый знакомый, Андрей Ивановичъ Ушаковъ.

Желаете вы познакомиться съ ними поближе? Заглянуть въ ихъ прошлое, узнать значеніе каждаго изъ нихъ при Петрѣ, въ характеры, — все это для того, чтобъ вѣрнѣе могли бы вы обтудить тѣ шпильки, которыя услышите въ засѣданіи? Если таково ваше желаніе, то мы не возъмемъ его выполнить. Не потому, чтобы это было не по нашимъ силамъ, — нѣтъ, со всѣми этими лицами мы черезъ встрѣчались въ нашихъ очеркахъ петровскаго времени, мы ихъ знаемъ близко, но здѣсь рисовать ихъ портреты было бы совершенно напрасно.

Мнѣній, толковъ, споровъ, разсужденій мы не услышимъ со стороны вышнѣго суда. Да не для нихъ онъ и созданъ. Дѣло вышнѣго суда было слѣпое выполненіе указовъ. Вотъ все что намъ требовалось.

Чтенію и засѣданію заключилось общимъ опредѣленіемъ: «выписать указы его императорскаго величества, по которымъ тѣ дѣла судить, и съѣхаться всѣмъ для того завтрашняго, то есть 15 числа сего мѣсяца, въ 5 часу по полуночи.»

Въ то время какъ въ одной изъ низкихъ, темныхъ палатъ тогдашняго зимняго дворца идетъ чтеніе «секретно-уголовнаго» дѣла, по улицамъ вновь гремитъ барабанный бой, вновь вызываются деносчики на взяточничество Момса, Балкши и всей ихъ фамиліи. Отнынѣ никто не сомнѣвался, что дѣло кончится плохо. Въ «публикѣ» говорили, что объявилось много лицъ, дававшихъ Момсу подарки.

Къ сожалѣнію намъ неизвѣстно кто именно являлся? И являлись ли тѣ бароны и баронесы, князья и княгини, которыхъ такъ безцеремовно окрестилъ указъ 13 ноября *плутами*?

Едвали кто-нибудь изъ нихъ дерзнулъ «не объявиться» такому плутомъ, послѣ двукратнаго, всенароднаго вызова. Каждый и каждая, сколь *плутоваты* ни были, а не могли рассчитывать, что сумѣютъ вывернуться въ случаѣ заперательства отъ монаршаго гнѣва.

Ноябрьская ночь покрывала еще своимъ чернымъ пологомъ Петеръ-бурхъ. Сквозь закрытыя ставни деревянныхъ домиковъ рѣдко-рѣдко гдѣ начиналъ брѣжить свѣтъ свѣчи или лампадки; подъ навѣсами гостиныхъ дворовъ да за запертыми воротами лагали псы. Городъ только-что просыпался, а вышніе судьи спѣшили уже во дворецъ.

Расторопный Черкасовъ еще наканунѣ подыскалъ вриличныя дѣла указы и составилъ по нимъ приговоръ. Подойдемъ поближе, и прочитавъ его вслѣдъ за судьями, расскажемъ вкратцѣ содержаніе.

Судьи, какъ видно изъ этого документа, признали за Момсомъ слѣдующія преступленія въ его должности: 1) взялъ онъ у царевны Прасковьи Ивановны село Оршу съ деревнями; справилъ ихъ сначала за царевной, а потомъ одну деревню перевелъ въ вѣдѣніе вотчинной ея величества канцеляріи; оброкъ съ той деревни бралъ себѣ. 2) Для отказа той деревни посылалъ онъ бывшаго прокурора воронежскаго надворнаго суда — Кутузова, безъ сенатскаго разрѣшенія. А по указу 5 февраля 1722 года, безъ повелѣнія совета дворяне ни къ какимъ гражданскимъ дѣламъ не должны быть опредѣляемы; а если къ какому дѣлу опредѣляется дворянинъ, то онъ на то дѣло долженъ имѣть письменный указъ. Кромѣ того Кутузовъ судился по нѣкоторому дѣлу въ московскомъ надворномъ судѣ и обязанъ былъ подпиской никуда ни выѣзжать; Момсъ на то не по-

смотрѣлъ в имевомъ государыни императрицы послалъ въ Москву указъ: Кутузова по тому дѣлу не истязывать и отлучку его въ вину не ставить. 3) Взялъ онъ, Монсъ, четыреста рублей съ посадскаго человѣка Соленикова, и сдѣлалъ его за то стремляннымъ поножомъ ея величества; по указу же 13 апрѣля 1722 г. велѣно всѣхъ выходцевъ изъ посадскихъ выслать въ посады, за которыми ихъ и записать.»

Вотъ три преступленія, которыя, по изслѣдованію вышняго суда, объявились за Монсомъ. Первое изъ нихъ подтверждено было собственноручнымъ показаніемъ царевны Прасковьи, второе признаніемъ Монса, третье — свидѣтельствомъ Столѣтова. Судьи не тратили время на розысканіе о множествѣ остальныхъ статей камергерскаго взяточничества; первыхъ трехъ, было достаточно для законности приговора и онъ завершился небольшою выпиской изъ законовъ. Прочтемъ и ее:

«Вышеписанныя преступленія учинилъ Монсъ въ своей должности; понеже онъ надъ всѣми вотчинами ея величества и надъ всѣмъ управленіемъ командиромъ былъ. А въ указѣ е. и. в., 25 октября 1723 года, написано: кто въ какомъ ни есть дѣлѣ, ему повѣренному, и въ чемъ его должность есть, а онъ то неправдою дѣлать будетъ, по какой страсти, вѣдѣніемъ и волею, такого, яко нарушителя государственныхъ правъ и своей должности, казнить смертію натуральною или политическою, по важности дѣла и всего имѣнія лишить.» На основаніи слѣдующей затѣмъ выписки изъ генеральнаго регламента (гл. 50): взяточникъ за великія посулы долженъ быть казненъ смертію или сосланъ вѣчно на галеры съ вырѣзкой поздрей и отнятіемъ имѣнія.

«А такъ какъ Монсъ — заключалъ судъ — по дѣлу явился во многихъ взяткахъ и вступалъ за оныя въ дѣла, непринадлежащія ему, и за вышеписанныя его вины (мы) согласно приговорили: учинить ему, Виллиму Монсу, смертную казнь, а имѣнье его, движимое и недвижимое взять на его императорское величество. Однако нижеподписавшихся приговоръ предается въ милостивое разсужденіе его императорскаго величества. Подписали:

«Иванъ Бахметевъ, Александръ Брелухинъ, Семенъ Блеклой, Иванъ Дмитріевъ Мамоновъ, Андрей Ушаковъ, Иванъ Головинъ, графъ Иванъ Мусинъ-Пушкинъ, Иванъ Бутурлинъ, графъ Яковъ Брюсъ.»

Петръ на полѣ доклада начерталъ: *учинит по приговору.*

Достойно замѣчанія, что подобныхъ конфирмацій немного у Петра: я хочу указать, что многочисленныя обреченія на плаху либо висѣлицу въ его время обыкновенно объявлялись: по словес-

тому указу его величества кѣмъ-нибудь изъ птенцовъ : Ушаковъ, Толстымъ и другими лицами. Но здѣсь дѣло было близко сердцу; съ одной стороны являлось желаніе личнаго удовлетворенія за свое оскорбленіе, съ другой — хотѣлось прикрыть непохвальное чувство соблюденіемъ всѣхъ формальностей. Первое однако рѣшительно выбивалось изъ законной формы; такъ напримѣръ боясь замедлить исполненіе приговора, государь не сталъ дожидаться ни опредѣленія, ни доклада суда о союзникахъ ненавистнаго ему камергера: онъ въ тоже воскресенье, 15 ноября, написалъ :

«*Матрену Балкшу* — бить кнутомъ и сослать въ Тобольскъ.

«*Стольтова* — бить кнутомъ и сослать въ Рогервикъ на десять лѣтъ.

«*Балакирева* бить батогами и въ Рогервикъ на три года.

«*Пажа Соловова* — въ судъ высѣчь батогами и написать въ солдаты.

«*Павловыхъ* — въ солдаты безъ наказанья.

«Послать указъ въ военную коллегію : *Петра Балкова* — капитаномъ, а брата его (*пажа Балка*) урядникомъ въ гиланскіе новоборные полки» (1).

Въ этомъ спискѣ мы находимъ четырехъ лицъ, которыхъ даже не допрашивали; покрайней-мѣрѣ допросы ихъ не были записаны: это младшій Балкъ, Яковъ да Никита Павловы и пажъ Григорій Солововъ. Что первый невинный двѣнадцатилѣтній мальчикъ обреченъ былъ въ ссылку, тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Въ то страшное время, если туча государевой опалы разражалась надъ семьей, то громъ и молнія разили, за немногимъ исключеніемъ, членовъ семействъ виновныхъ и невинныхъ; что касается до Павловыхъ, то ихъ безъ сомнѣнія сослали за посулы Монсу, а главное за буйство и драки, о которыхъ мы знаемъ изъ предыдущихъ главъ, а государь могъ узнать при пересмотрѣ бумагъ Виллима. Но за что высѣченъ мальчикъ, пажъ Соловова — неизвѣстно... (2) Но некогда теряться въ догадкахъ. Иванъ Антоновичъ Черкасовъ, проводивши вышнихъ

(1) Въ словарь Бантыша-Каменскаго имена Балковъ спутаны: старшій пажемъ Павломъ, младшій Петромъ. (Изд. 1836 г. т. I. с. 82.) Вообще эти братья сипшаны и у Гельбига, и въ нашей статьѣ «Н. Ф. Лопухина», составленной по печатнымъ источникамъ.

(2) Солововъ Григорій стоялъ первымъ между пажами Екатерины. Такъ въ «реестрѣ пажамъ», какъ кажется 1724 года, мы читаемъ: «Григорій Солововъ: отмѣчено: «въ Москвѣ». Далѣе: Петръ Сумароковъ, Андреянъ Шуваловъ, Григорій Самаринъ, Иванъ Кологривовъ, Иванъ Самаринъ, Левъ Кайсаровъ, Федоръ Ватковской, Иванъ Ватковской, Дмитрій Кочетовъ, Петръ Ромеловъ, Петръ Шуваловъ. Итого 12 человекъ.

судей, писать указъ въ полицмейстерскую канцелярію для «спубликованія заблаговременнаго».

И вотъ, еслибы мы могли пройти въ тотъ день, мы бы прочитали на стѣнахъ домовъ слѣдующую публикацію :

«1724 года, ноября въ 15 день, по указу его величества императора и самодержца всероссійскаго объявляется во всенародное вѣдѣніе: завтра, то-есть 16 числа сего ноября, въ 10 часу предъ полуднемъ, будетъ на Троицкой площади экзекуція бывшему камергеру Виллиму Монсу, да сестрѣ его Балкшѣ, подъячему Егору Столѣтову, камеръ-лакею Ивану Балакиреву — за ихъ плутовство такое: что Монсъ, и сестра его, и Егоръ Столѣтовъ, будучи при дворѣ его величества, вступали въ дѣла противныя указамъ его величества не по своему чину, и укрывали *вмнѣхъ плутовъ* отъ обличенія винъ ихъ, и брали зато великія взятки; и Балакиревъ *съ томъ* (?) Монсу и прочимъ служилъ. А подлинное описаніе винъ ихъ будетъ объявлено при экзекуціи.»

Балакиревъ никѣмъ и не былъ обличенъ во взяткахъ; онъ былъ виноватъ въ другомъ: въ переносѣ да въ болтовнѣ о сильненькомъ письмѣ; предать это гласности нашли неудобнымъ, и вмѣсто того ему *присочинили* вину.

Одновременно съ извѣстіемъ о предстоящей экзекуціи, арестантовъ перевели въ крѣпость. Утромъ отведены были Балкша, Столѣтовъ и Балакиревъ; послѣ обѣда отправили изъ кабинета Монса. Когда проводили его по дворцовому двору, онъ увидѣлъ у оконъ великихъ княжонъ. Камергеръ раскланялся съ ними и благодарилъ *за оказанныя ему милости*. Монса посадили въ одинъ изъ домовъ, бывшихъ внутри крѣпости, едвали не въ тотъ самый, въ которомъ скончался Алексѣй. Въ тотъ же день въ городѣ говорили, что самъ государь былъ у Монса. «Ich bedauere es sehr — сказалъ ему Петръ — dich zu verlieren, aber es kann nun einmal nicht anders sein» (мнѣ очень жаль тебя лишиться, но иначе быть не можетъ).

Было уже темно, когда въ комнату заключеннаго вошелъ тотъ, кто бесѣдою во имя милосердаго Христа долженъ былъ усладить послѣднія минуты несчастнаго: этотъ утѣшитель былъ пасторъ Нацціусъ.

Послѣ христіанскаго напутствія въ жизнь загробную ⁽¹⁾ Монсъ остался одинъ. Кругомъ царствовала тишина; лишь изрѣдка къ аре-

(1) Напутствіе изъ устъ Нацціуса едвали было хорошо понято Монсомъ: пасторъ имѣлъ чрезвычайно неприятный, дурной выговоръ; онъ кътому-жъ говорилъ тактихо, что даже трудно было слышать его и понять.

ставити доносились оклики часовыхъ да бой крѣпостныхъ куратовъ...

Многое Теперь, въ предсмертную ночь, среди тяжкаго раздумья о прошломъ, могло придти ему въ голову. Между тѣмъ надежда на прощенье весьма естественно не оставляла его. «Неужели прешло-сердая Екатерина — могла думать Монсъ — покинетъ меня, иъкогда ея фаворита?.. Но поддастся ли государь ея мольбамъ? Строгость и твердость его извѣстна. Итъ, видно смерти не избытъ!..» И въ думахъ о ней несчастный прощался съ жизнью, съ свѣтомъ :

.....

 Welt, ade! ich bin dein müde,
 Ich will nach dem Himmel zu.
 Da wird sein der rechte Friede
 Und die stolzste Seele Ruh.
 Welt! bei dir ist Krieg und Streit,
 Nichts denn lauter Eitelkeit;
 In dem Himmel alle Zeit
 Friede, Ruh und Seeligkeit!.. (1)

Оставимъ Монса одного съ его думами, стихами, его надеждами и отчаяніемъ.

Между тѣмъ по ту стороны Невы, близъ Лѣтняго сада, въ домѣ занимаемомъ герцогомъ голштинскимъ, царствуетъ довольство, веселье. Герцогъ, услажденный вѣстью о предстоящемъ обрученіи, весь исполненъ счастья; его ужь поздравили сановники русскіе, до сихъ поръ задушевные его пріатели только на перепойкахъ; теперь и въ трезвыя минуты сдѣлались они привѣтливѣй, любезнѣй. Герцогъ занятъ расчетами о подаркахъ для невѣсты, увлеченъ мечтами о своемъ значеніи, о тѣхъ средствахъ в томъ могуществѣ, которое получить съ русской царевной. Одно только неприятво ему, мечта его двоится: онъ незнаетъ еще которую изъ великихъ княжонъ выдастъ за него Петръ — старшую или младшую? Въ грезахъ то о той, то о другой засыпаетъ герцогъ... Туманилась ли радость голштинскаго гостя мыслью о Монсѣ, главнѣйшемъ виновникѣ его счастья (2)? Сомнительно: дѣло вѣдь обычное, что тѣ, кому

(1) -Свѣтъ, прощай! Ты мнѣ наскучилъ. Я стремлюсь на небо, туда, гдѣ истинная отрада, гдѣ гордая душа моя успокоится. Свѣтъ! на тебѣ лишь вражда и ссора, пустая суета, а тамъ, тамъ — отрада, покой и блаженство! (Стихи Монса: см. Прилож. III, № 4.)

(2) Мы хотимъ сказать, что дѣло Монса ускорило рѣшеніе государя выдать дочь за Карла-Фридриха.

удревалось счастье, забываютъ тѣхъ, отъ которыхъ отвернулась фортуна. Не печалился даже и Берхгольцъ; счастливый счастьемъ своего господина, онъ только *дивился* внезапности катастрофы, поразившей его бывшего пріятеля:

«...Извѣстіе о казни Монса — записалъ Берхгольцъ вечеромъ 15 ноября 1724 года — на всѣхъ насъ произвело сильное впечатлѣніе: мы никакъ не воображали, что развязка послѣдуетъ такъ быстро и будетъ столь опаснаго свойства. Молодой Апраксинъ говорилъ (сегодня) за вѣрное, что Монсу на слѣдующій день отрубятъ голову, а госпожу Балкъ накажутъ кнутомъ и сошлютъ въ Сибирь.»

Въ понедѣльникъ 16 ноября, рано утромъ на Троицкой площади, предъ зданіемъ сената (1) все было готово къ казни. Среди обшавшагося народа подымался высокій эшафотъ; на немъ лежала плаха да ходилъ налечь съ топоромъ въ рукахъ: мастеръ ждалъ своей жертвы. У помоста торчалъ высокій шестъ: онъ ждалъ шапки, т. е. головы красавца-камергера. Тутъ же можно было видѣть другого заплечнаго мастера съ кнутомъ, да молодцовъ выхваченныхъ изъ сѣраго народа: они должны были замѣнить, по обычаю того времени, полставки; на спины ихъ вскидывали осужденныхъ на кнутабойню (2).

Въ 10 часовъ утра конвой солдатъ показался изъ-подъ «Петровскихъ» воротъ крѣпости; за нимъ слѣдовалъ Монсъ, исхудалый, измученный, если не физическою болью, то нравственными страданіями. Камергеръ былъ въ нагольномъ тулупѣ, шолъ въ сопровожденіи пастора и повидимому былъ довольно твердъ.

Если вѣрять нѣмцу Берхгольцу (а на этотъ разъ въ разказѣ о казни единоземца онъ могъ пожалуй и подкрасить разказъ), то Монсъ при выходѣ еще изъ тюрьмы явилъ замѣчательную твердость. Онъ совершенно спокойно простился со всѣми окружающими. При этомъ очень много, въ особенности же близкіе его знакомые и слуги, горько плакали, хотя и старались, сколько возможно, удерживаться отъ слезъ (3).

(1) На томъ же мѣстѣ, гдѣ нѣкогда повѣшенъ былъ Гагаринъ.

(2) Объ этомъ обычаѣ свидѣтельствуетъ извѣстный путешественникъ Абатъ Шаппъ, посѣтившій Россію въ концѣ тридцатыхъ годовъ XVIII вѣка. Можно догадываться, что этотъ обычай существовалъ и при Петрѣ, хотя есть также свидѣтельства, что преступниковъ для наказанія кнутомъ привязывали къ столбамъ.

(3) Къ сожалѣнію, мы незнаемъ, были ли здѣсь тѣ изъ «задушевныхъ друзей

На эшафотъ прочитали тотъ длинный приговоръ, съ содержаниемъ котораго мы уже знакомы. Выслушавъ его, Монсъ поблагодарилъ читавшаго, простился съ пасторомъ, отдалъ ему на память золотые часы съ портретомъ Екатерины, самъ раздѣлся, попросилъ палача какъ можно поскорѣй приступить къ дѣлу и легъ на плаху. Палачъ исполнилъ просьбу... Нѣсколько минутъ спустя голова красавца мертвыми глазами смотрѣла съ шеста на народъ; кровь сочилась изъ-подъ нея и засыхала на шестѣ.

У братниаго трупа генеральша, бывшая гофмейстерша и статсъ-дама выслушала слѣдующее :

«Матрена Балкова! Понеже ты вступала въ дѣла, которыя дѣлала черезъ брата своего Виллима Монса при дворѣ его императорскаго величества, (дѣла) непристойныя ему, и зато брала великія взятки, и за оныя твои вины указалъ его императорское величество: бить тебя кнутомъ и сослать въ Тобольскъ на вѣчное житье.»

Проводамъ въ ссылку предшествовало пять ударовъ кнутомъ по обаяжонной слянцѣ.

«Егоръ! провозгласилъ подъячій тайной канцеляріи, обращаясь къ Столѣтову: — понеже черезъ дачу (т. е. взятку) добился (ты) къ Виллиму Монсу въ подъячіе съ намѣреніемъ дѣлать при дворѣ его императорскаго величества дѣла, противныя указамъ его императорскаго величества изъ взятокъ, что такъ и учинилъ, въ чемъ и обличенъ. И за оное твое плутовство указалъ его императорское величество бить тебя кнутомъ и сослать въ Рогервикъ къ работѣ на десять лѣтъ.»

Пятнадцать ударовъ.

«Иванъ Балакиревъ! продолжалъ чтець, обращаясь къ камеръ-лакею: — понеже ты, отбывая отъ службы и отъ инженернаго, по указу его величества, ученія, принялъ на себя шутовство и чрезъ то Виллимомъ Монсомъ добился ко двору его императорскаго величества; и въ ту бытность при дворѣ во взяткахъ служилъ Виллиму Монсу и Егору Столѣтову, чего было тебѣ, по должности твоей, чинить не надлежало. И за ту твою вину указалъ его величество высѣчь тебя батоги и послать въ Рогервикъ на три года.»

Дано шестьдесятъ палокъ.

Были ли наказаны тѣ, которые «дачею взятокъ» втягивали емилю Монса и его слугъ въ дѣла «непристойныя»? На этотъ вопросъ можно отвѣтить утвердительно; накануне камергерской казни за архимандритомъ тронцкимъ Писаревымъ посланъ былъ гвардей-

и сердечныхъ братцевъ», которые такъ еще недавно расточали Монсу истинныя завѣренія въ вѣжныхъ къ нему чувствахъ?

скій солдатъ; архимандрита требовали къ отвѣту въ синодъ; точно также подвергнули допросу Кутузова; затѣмъ остальнымъ «дачникамъ» взятокъ государь устроилъ казнь, дѣлавшую честь и его уму, и его времени. Допросы, пытки, заточеніе и тѣлесное штрафованіе относительно всѣхъ ихъ замѣнены были характеристическимъ разочарованіемъ:

На особыхъ столбахъ, близъ эшафота, въ тотъ же день прибили «росписи взяткамъ». Безъ сомнѣнія, была прибита роспись взяткамъ Монса, но до насъ дошли только Балкши и Столѣтова. Объявленія эти были въ слѣдующей формѣ:

Роспись взяткамъ Матрены Балкши:

1. Съ Еремѣя Мсера — 300 червонныхъ.
2. Съ Любсовой жены — парчу на кафтанъ, да штофъ шолковый на самарь.
3. Съ Льва Измайлова — три косяка камки да 10 ф. чаю.
4. Съ царевны Прасковьи Ивановны — 500 рублей, да кусокъ полотна варандарфскаго, да всякіе столовые запасы.
5. Съ князя Алексѣя Долгорукова — 6 лошадей, да коляску.
6. Съ Петра Салтыкова — возокъ.
7. Съ свѣтлѣйшаго князя (Меншикова) — перстень золотой, муки 50 четвертей, да съ княгини его ленту, шитую золотомъ и т. д.

Всѣхъ номеровъ въ росписи двадцать-три. Здѣсь на публичный позоръ, вполне заслуженный, были выставлены между прочими лицами имена князей и княгинь: Долгорукихъ, Голицыныхъ, Черкасскихъ, Гагарина, графа Головкина, баронесы Шафировой, Артемія Волынскаго и другихъ лицъ менѣе важныхъ.

Этихъ менѣе важныхъ лицъ больше значилось въ «росписи взяткамъ Егора Столѣтова». Но и здѣсь, въ перечнѣ четырнадцати именъ подъячихъ, управляющихъ, приказчиковъ, купцовъ, чиновниковъ, выставлены были на общій съ ними позоръ князя: Алексѣй Долгорукій и Щербатовъ-глухой, да царевна Прасковья Ивановна, столь неудачно расщедрившаяся на всѣхъ, кто только имѣлъ значеніе при Монсѣ.

Что было сильнѣе противъ взятокъ: плеть, кнутъ, топоръ да ка-торга, или преданіе гласности именъ взяточниковъ и ихъ дарителей? Въ глазахъ Петра необходимо было и то и другое средство; и въ настоящемъ случаѣ, если всѣ эти князья и княгини отдѣлались одной оглаской, то это случилось вовсе не потому, чтобы Петръ находилъ излишнимъ приструнить ихъ допросами и истязаніями (въ случаяхъ заперательства): нѣтъ, а просто потому, что ему въ настоящее время было недосугъ, да и истомилась его душа. Петръ видимо изнемогъ подъ бременемъ заботъ, сильной болѣзни и душе-

внаго оторченія; ему было уже не по силамъ затѣять новый большой розыскъ, притомъ на этотъ разъ не надъ сторонниками сына, а надъ своими собственными лукавыми и корыстными штецами.

Какъ бы интересно было подслушать толки и пересуды, возникшіе 16 ноября въ тогдашней публичкѣ и въ простомъ народѣ надъ теплымъ еще трупомъ Монса? Въ этихъ пересудахъ вѣроятно выразилось бы многое для характеристики того времени... Къ сожалѣнію, за неимѣніемъ матерьяловъ, мы должны ограничиться тѣмъ, что думали и писали о Монсѣ и его дѣлѣ пѣвцы-современники и пѣвцы позднѣйшаго времени (1).

«Монсу прочитаны были — пишетъ Берхгольцъ — только некоторые пункты его вины... Вообще — продолжаетъ голштинскій камеръ-юнкеръ — многія лица знатаго, средняго и низшаго классовъ сердечно сожалеютъ о добромъ Монсѣ, хоть далеко не всѣ осмѣливаются показывать это. Вотъ ужъ на кошъ какъ нельзя болѣе оправдывается пословица, что кто высоко стоитъ, тотъ и ближе къ паденію! По характеру своему Монсъ хоть и не былъ большимъ человекомъ, однакожъ пользовался немалымъ почетомъ и много значилъ; имѣлъ конечно, подобно другимъ, и свои недостатки; можетъ-быть ужъ слишкомъ надѣялся на милость, которую ему оказывали; но со всѣмъ тѣмъ онъ многимъ дѣлалъ добро, и навѣрно никакъ не воображалъ, что покончитъ такъ скоро и такъ плачевно.»

Берхгольцъ, какъ пріятель, наконецъ единоземецъ Монса, не могъ иначе и отозваться о немъ. Отзывъ его пристрастенъ. Монсъ положительно не могъ вызвать *сердечныхъ сожалѣній* многихъ лицъ, а тѣмъ болѣе изъ *всѣхъ сословій*. Такъ напримѣръ подъ низшимъ классомъ общества едвали можно разумѣть кого-нибудь кромѣ нѣсколькихъ дворцовыхъ лакеевъ, выѣвшихъ въ Монсѣ ходатаями по ихъ челобитьямъ; подъ среднимъ классомъ можно ли разумѣть кого-нибудь кромѣ подрядчиковъ, приказчиковъ, управляющихъ, обкрадывавшихъ императрицу и Монсомъ закрывавшихся отъ преслѣдованія? Жалѣли наконецъ *птенцы*, но жалѣли разумѣется до тѣхъ поръ, пока не нашли другого «патрона», новаго «милостивца» къ ихъ сутяжничеству, воровству, честолюбивымъ и властолюбивымъ просякамъ.

Пристрастный, хотя и осторожный отзывъ Берхгольца въ началѣ нынѣшняго столѣтія былъ раздуть Гельбигомъ въ выспре-

(1) Французскихъ баснословцевъ Лавека, Леклерка, Вильбоа, Шантеро и даже Вольтера (онъ въ своей исторіи Петра могъ бы сказать правду, такъ какъ имѣлъ много матерьяловъ, но не сказалъ) мы оставляемъ въ сторонѣ.

ни не знали. Податель «Resizische Günstlinge» такъ же упоминался предъ безпороднымъ характеромъ Моиса, какъ восторгался преступностью его сестры Анны Ивановны (1).

Спокойно и безстрастно рассказъ дяде Моиса только одинъ ищеще, главный историкъ Россіи — Германъ.

«Въ ноябрѣ 1724 года — говорить онъ въ рассказѣ о царствованіи Петра — государь этотъ испыталъ въ нѣдрахъ собственнаго семейства глубокое огорченіе; оно не могло остаться безнаказаннымъ. Достроеннѣйшими и приближеннѣйшими особами его супруги были: верный ее камергеръ Моиса и его сестра, жена генерала Бала. Моиса приобрѣлъ такое значеніе и такую благосклонность у Елизаветы, что всякій, кто только обращался къ нему съ подарками, могъ быть увѣреннымъ въ искодайствованіи ему милости у императрицы. Петръ свѣдалъ наконецъ о влчочивчествѣ Моиса. Моиса и его семья были арестованы, преданы суду, обвинены въ лихоимствѣ. Впрочемъ — продолжаетъ Германъ — изъ дознанія австрійскаго посла, графа Рабутина, очевидно, что это обвиненіе служило лишь предлогомъ къ казни Моиса и его слишкомъ услужливой сестры; преступленія ихъ были гораздо гнуснѣе» в проч. (2)

И казни вполнѣ заслуженныя постигли преступниковъ. Петръ былъ неутомимъ. Матрону Ивановну, по истеченіи шести дней, только что оправданную отъ страха и боли, отпавила въ Тобольскъ. Ее конвоировали сержантъ съ двумя солдатами. Оба сына ее высланы въ Гилляль — одинъ капитаномъ, другой унтер-офицеромъ; нажи Соловова и оба Павловы, первый послѣ сѣченія розгами, послѣдніе безъ наказанія, опредѣлены рядовыми въ преображенскій полкъ. Долѣе другихъ задержали въ крѣпости Балакирева и Столѣтова. Послѣдній, четыре дня спустя послѣ казни своего награна, представилъ (вѣроятно по требованію) новое добровольное показаніе о взяткахъ Моиса. Въ этомъ запоздаломъ обвиненіи Столѣтовъ сообщилъ о яхонтѣ въ 15,000 рублей: подарилъ его Моису Левъ Измайловъ «съ такимъ договоромъ, чтобъ искодайствовать ему за поларокъ чая и деревню».

Какъ ни интересны были подобные рассказы, но тайная канце-

(1) Отзывъ Гельбига, введенія и насъ въ заблужденіе до знакомства съ подлинными документами, приведены въ статьѣ: «Наталя Федоровна Лопухина», стр. 20—22. Тутъ же смотр. извѣстіе Гельбига о сохраненіи головы Моиса въ спертѣ до временъ Екатерины II. Пока это курьозное извѣстіе не подтвердится свидѣтельствомъ современныхъ документовъ, до тѣхъ поръ оно едва ли заслуживаетъ вниманія.

(2) Geschichte des russischen Staats, von Dr. Ernst Herrmann. Hamburg, 1849 T. IV, отд. V, стр. 441.

двѣри не стала требовать новыхъ подробностей, и въ декабрѣ того же года Ставьтовъ съ Балазаревымъ отправлены въ Рогервикъ въ каторгу (1).

Тѣло Монса съ недѣлю лежало на эшафотѣ, а когда вѣстои стали ломать, трупъ позволили лежать на особо устроенное место.

Между тѣмъ дворъ оживился официальными празднествами по случаю обрученія герцога съ цесаревной. 22 ноября подписанъ былъ свадебный контрактъ; только въ этотъ день жемчужь достоверно узналъ, что изъ двухъ княжонъ ему достался старшая. Полный восторга Карлъ на другой же день устроилъ серенаду подъ окнами государыни и невѣсты. Екатерина милостиво пригласила его въ покои, поила изъ собственныхъ ручекъ вино, а государь ласково звалъ къ домашнему столу обѣдать.

Въ катерининъ день совершенно было обрученіе (2). 7 декабря Петръ Андреевичъ Толстой въ собственномъ домѣ на Петербургской-сторонѣ, недалеко отъ крѣпости, давалъ торжественный обѣдъ. На немъ была императрица съ дочерьми, придворными дамами и кавалерами, былъ разумѣется и герой праздника — герцогъ съ своей свитой. Не было только государя, потому что онъ еще наканунѣ обѣдалъ у Толстого. Пиромъ заправлялъ Ягужинскій. «По глазамъ императрицы — отмѣтилъ Берхгольдъ — видно было, съ какимъ удовольствіемъ она смотрѣла на дружбу и любовь обохъ высокихъ обрученныхъ.»

Удовольствіе не могло не омрачиться другимъ зрѣлищемъ: на обратномъ пути изъ дома Толстого, Екатерина, Анна, Елисавета, Карлъ, а за ними и вся свита, проѣзжали мимо колеса, съ котораго видѣлся трупъ, одѣтый снѣгомъ; съ шеста угрюмо смотрѣла на пышный поѣздъ голова Монса. (3)

(1) Рогервикъ — гавань въ семи верстахъ отъ Ревеля. Въ послѣдніе годы царствованія Петра здѣсь шли большія фортификаціонныя работы.

(2) «...И былъ въ этотъ день фейерверкъ: на планѣ изображена была Венера на колесницѣ, которую везли лебеди съ поднесеніемъ счастливаго согласія. И сидѣли въ палатѣ, въ залѣ, до двѣнадцатаго часу при ихъ величествахъ и ихъ высочествахъ всѣ господа, гдѣ была изрядна музыка, и танцовали.» Отмѣтка въ «Календарѣ» на 1724 годъ, хран. при каб. дѣл. Петра.

(3) Очень жаль, что неизвѣстно сохранился ли гдѣ-нибудь портретъ Монса? Что онъ былъ, это видно изъ письма старухи-Монсъ: «любезное дитя, — писала она къ нему въ 1716 году: — ты меня чрезвычайно обрадовалъ присылкой твоего

Ничь сомнѣнія, что дѣло Монса, какъ мы уже говорили, ускорило рѣшимость Петра выдать дочь за герцога. Но говоря словами Цедеррейца: кромѣ «возстановленія своего крѣвта», не имѣлъ ли при этомъ государь другой, болѣе важной цѣли? Неужели онъ обречалъ любимую старшую дочь на незавидную судьбу быть герцогиней небольшого клочка Германіи? Не имѣлъ ли онъ въ виду завѣщать ей Россію? Не съ этой ли цѣлью началъ онъ было писать завѣщаніе, изъ котораго сохранилось нѣсколько строкъ? Строки эти какъ видно, прямо относились къ Аннѣ Петровнѣ:

«1) Вѣру і законъ, въ ней же радовался, сохрани до конца неотмѣнно.

«2) Народъ свой не забуди, но въ любви і почтении імѣи паче претчатиъ.

«3) Мума люби и почитай, яко Главу, і слушай во всеиъ, кромѣ вѣшепшисниго»... (1)

Намѣренію государя (если только оно было) завѣщать императорскую корону не жевѣ, а старшей дочери, не суждено было осуществиться (2): этому воспрепятствовало событіе, которое и составитъ предметъ главы:

XI

СМЕРТЬ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА

(1725)

Государь сталъ недомогать задолго еще до смерти. Въ письмахъ его къ Екатеринѣ довольно часто встрѣчаются извѣстія о его болѣзняхъ. То онъ страдаетъ «чечюемъ», то завалами или разстройствомъ желудка, отсутствіемъ аппетита, то припадетъ съ нимъ «рѣсь», вообще ему «мало можется». Въ январѣ 1716 года, убѣждая

портрета; я повѣсила его надъ своей кроватью и бесѣдую съ нимъ, проливая горькія слезы. Посылаю тебѣ въ обмѣнъ свой портретъ на память.» Въ описи вещей старухи, заготовленной ею предъ смертью, значится: «портретъ сына моего.»

(1) Собств. зап. Петра. Каб. дѣл., кн. LXIV, л. I.

(2) Правда, во второй статьѣ трактата о супружествѣ герцога мы читаемъ: «царевна, равно какъ и герцогъ, отказываются за себя и за всѣхъ своихъ потомковъ отъ всѣхъ правъ, требованій, дѣлъ и притязаній на корону российской имперіи.» Но изъ этого пункта вовсе нельзя вывести заключенія, чтобы Петръ не имѣлъ намѣренія завѣщать Аннѣ корону: онъ только лишалъ ихъ права *притязать*, и за собой оставилъ произволъ *завѣщать*.

сына или «деломъ» удостоить себя наследникомъ, или быть монахомъ, государь прямо говорилъ: «безъ его духа мой монахъ быть не можетъ, а особливо что мыль мало здоровъ сталъ». По совѣту врачей Петръ прибѣгалъ къ пособію минеральныхъ водъ, пользовался ими и за границей, привозилъ воды и у себя, въ Олонецъ, да въ девяностъ верстахъ за Москвою «два заводахъ», но вообще мало берегся. Сытныя яства, или «Ивашка Хмѣльницкій» съ батареями хмѣльныхъ напитковъ сокращали его твердость. Воздержаніе было не въ его характерѣ; да при его вичуеи дѣятельности, при его порывистой, страстной натурѣ, ищущей широкаго разгула, трудно было и совладать съ требованіями діеты и регулярной жизни. Въ 1722 году, во время персидскаго похода, у него открылись первые симптомы той болѣзни, которая низвела его въ могилу (1). Съ этого времени недугъ государя участился, и въ 1724 году мы особенно часто находимъ его на лекарствахъ, одного, въ теплой комнатѣ, подъ запретомъ выходить на воздухъ. Трудно было Петру выносить ессносный докторскій вѣстъ: его такъ и таяло обойти свое хозяйство, пролазить по верфи, испробовать ходъ того или другаго изъ вновь выстроенныхъ судовъ, либо махнуть куда-нибудь на асаббу, отвести душу на асамлеѣ. И вотъ, лишь только чувствовалъ онъ себя легче, тотчасъ запреты забыты, съ крѣпостныхъ верковъ петербургской «бастили» раздавались выстрѣлы — сигналъ, что государю легче и онъ разрѣшалъ себѣ кататься по рѣкѣ. Слѣдствіемъ же преждевременныхъ прогулокъ и кутежей было возобновленіе недуга.

Возобновленія дѣлались чаще и чаще; лѣто и осень 1724 года государь очень страдалъ; волею-неволею онъ не разставался съ лекарствами, но помощь отъ нихъ была небольшая. Извѣстный случай съ нимъ осенью того же года на Лахтѣ имѣлъ слѣдствіемъ сильнѣйшую простуду. До декабря недугъ его то утихалъ, то снова увеличивался. Кажется не будетъ смѣлымъ предположеніемъ, если мы скажемъ, что дѣло Монса, глубоко оскорбивъ государя, сильно потрясло его организмъ; а тутъ въ день крещенія новая сильнѣйшая простуда — и государь окончательно слегъ въ постель.

(1) Рихтеръ въ сочиненіи: «Исторія медицины въ Россіи», М. 1820, т. III, стр. 84—94, опровергаетъ разныя свидѣтельства о томъ, будтобы Петръ умеръ — по одию отъ яду, принятаго имъ въ молодости, по другимъ отъ каменной болѣзни, по третьимъ отъ сифилиса, отъ чирья въ мочевомъ пузырьѣ и т. д. По мнѣнію Рихтера, основанному на свидѣтельствѣ извѣстнаго Штелина (авторитетъ далеко не надежный), государь умеръ отъ затрудненія мочи, которое обратилось въ воспалительное задержаніе и наконецъ въ мѣстное разстройство мочевого пузыря. Антоновъ огонь ускорилъ смерть.

Такимъ образомъ смерть сразда его не въ одинъ ударъ. Она подкрадывалась къ этому колоссу исподволь, въ видѣ разныхъ болѣзней. Народъ это видѣлъ и въ лицѣ своихъ «вѣдуновъ» еще въ началѣ 1719 года предвѣщалъ скорую кончину.

Такъ однажды въ осенній день 1719 года, въ десяти верстахъ отъ Петербурга, вверхъ по Невѣ, на кирпичныхъ заводахъ, въ кабачкѣ угодилось нѣсколько человѣкъ: тутъ были служители великой княжны Каталыи и нѣвѣ князя Меншикова. «Здравствуй государь-царь Петръ Алексѣевичъ!» вскрикнулъ цѣловальникъ, оеушая стону пива.

— Здравствоваалъ бы свѣтлѣйшій князь, раздался галлолъ одного изъ присутствовавшихъ, — а государю недолго жить!..

Или вотъ зайдемте наприимѣръ въ вольный домъ (т. е. въ трактиръ) на Выборгскую-сторону, въ приходѣ Самсона-страшнопримца. 15 января 1723 года ны застали бы здѣсь веселую «вечерицу» у хозяина заведения, шведскаго плененника Вилькина. Множество гостей, угощаемые хозяиномъ, услаждались пѣніемъ и игрой на гусляхъ и скрипкахъ императрицыныхъ пѣвчихъ. Съ чими-то и велъ «непотребную» бесѣду Вилькинъ:

— А сколько лѣтъ его императорскому величеству? спросилъ онъ ихъ между прочимъ.

— Пятьдесятъ четыре.

— Много, много ему лѣтъ! молвилъ въ отвѣтъ шведъ-вѣдунъ: — а вишь непрестанно онъ въ трудахъ пребываетъ; надобно ему нынѣ покой имѣть; а ежели и впредь — продолжалъ Вилькинъ — въ такихъ же трудѣхъ станетъ государь обращаться, и пани такую же болѣзнью занеможетъ, какъ четыре года тому назадъ былъ боленъ, то *больше трехъ лѣтъ не будетъ его жизни...*

— Врешь ты все, дуракъ! изругали вѣдуна испуганные музыканты.

— Нѣтъ, слова мои не отъ дурасти, а который человѣкъ родился на рождество христово или на пасху въ полночи, и тотъ, какъ выростетъ, можетъ видѣть діавола и станетъ признавать сколько кому лѣтъ жить; самъ я наприимѣръ проживу лѣтъ съ десять... — И пошолъ говорить отъ библии...

— Нѣтъ, сказывали межъ тѣмъ въ колодничьихъ палатахъ Петропавловской крѣпости, — императорскому величеству *и нынѣшняго года не пережить.*

— Смотрите, одновременно шептались солдатки, — государя у насъ скоро изведутъ, а послѣ и царицу всеконечно изведутъ же. Великий князь (сынъ Алексѣи) малъ, стоять некому. И будѣтъ у

насъ великое смяченіе, — пророчески замѣчали въщупни. — Посмотрите, скоро сіе сбудется!

Съ одной стороны подобныя предсказавья, съ другой разныя видѣнья давали обильную пищу народному говору. Да и какъ было не говорить: на колокольнѣ трѣщкаго собора, что на Петербургской-сторонѣ, объявилось привидѣніе. То не была сказка, толковала чернь да духовенство мелкой стати: — часовые-де сами слышали стукъ и бѣготню этого духа: то кто-то бѣгалъ по трапезѣ, то что-то стремглавъ падало. «Недѣли этакъ за три до николаева дня (1729 г.) — рассказывалъ одинъ изъ часовыхъ — ночью, подлинно мѣ довелось слышать превеликой стукъ въ трапезѣ; побѣшалъ я въ камору, разбудилъ псаломщика и солдатъ караульныхъ, и въ-то-время въ трапезѣ встучало опять такъ, якобы кто упалъ.»

Ночь на 9 декабря проходила спокойно; предъ часовыми, смѣнившимъ прежняго рассказчика, лежала пустая площадь; въ австеріяхъ и въ вольныхъ домахъ (тогдашнихъ трактирахъ и кабакахъ) потухали огни, умолкли брань и пѣсни бражниковъ, и на соборной колокольнѣ «оранжарные» часы глухо прогудѣли полночь.

Вдругъ слышались странные звуки. По деревянной лѣстницѣ въ колокольнѣ, кто-то бѣгалъ; ступени дрожали подъ тяжелыми шагами; привидѣніе перебрасывало съ мѣста на мѣсто разныя вещи. «Великій стукъ съ жестокимъ страхомъ, подобіемъ бѣганья» то умолкалъ, то снова начинался. Такъ продолжалось съ часъ.

На утро оглядѣли колокольню; стремянка лѣстница, по которой обыкновенно лазили къ верхнимъ колоколамъ, оторвана и брошена наземь; «порозжіи» канатъ перенесенъ съ одного мѣста на другое; наконецъ веревка, спущенная для благовѣста въ церковь съ нижняго конца на трапезѣ, на прикладѣ обернута вчетверо.

— Никто другой какъ кикимора! говорилъ въ тотъ же день за обѣдней соборный попъ, относясь къ своему дьякону.

— Не кикимора, возражалъ тотъ, — а возится въ той трапезѣ чортъ.

— Нѣтъ, пожалуй что кикимора, а не чортъ, замѣчаетъ отецъ протопопъ.

— Питербурху, Питербурху пустѣть будетъ! пророчествуетъ дьяконъ...

И вотъ молва о томъ, что объявилась-де на троицкой колокольнѣ кикимора, не къ добру-де она, электрическою искрою пробѣжала по площадямъ и задворкамъ столицы.

Пророчества въдуновъ, въщупней, знаменательныя въ глазахъ черни шалости кикиморы скоро осуществились.

28 января 1725 года «Питербурхъ опустѣлъ». Государь Петръ

Алексѣевичъ послѣ мучительной тринадцатидневной агоніи опу-
стилъ духъ.

За нѣсколько дней до рокового расчета его съ жизнью «во всемъ
дому — такъ повѣствуетъ Феофанъ — не вно что, только печаль об-
щую видѣть было и слышать. Сенаторы, архіереи, архимандриты,
фельдмаршалы, генералы, штабъ и оберъ-офицеры, и отъ коллегій
члены первѣйшіе, а иные изъ дворянства знатные присутствовали;
словомъ-сказать множество народа, кромѣ дворцовыхъ служителей,
палаты наполняло. И въ такомъ многочисленіи не было ни одного,
кто видѣ печали на себѣ не имѣлъ бы: иные тихо слезили, иные
съ степеніемъ рыдали, иные молча и опустясь, какъ-бы въ изумле-
ніи бродили, или посиживали. Разный позоръ былъ печали — по
разности, чаю, натурѣ, не аффектовъ; ибо не надѣюсь, чтобы и
единъ такой сыскался, котораго бы не уязвляла смерть настоящая
толкаго государя, героя и отца отечества!

«Печаль же болѣзни — продолжаетъ велегрѣчивый Феофанъ —
самой государыни изобразить словомъ невозможно! Всѣ виды стра-
ждущихъ и болѣзнуюущихъ въ ней единой смѣшанные видѣть было:
ово слезы безмѣрныя, ово шѣквое смутное молчаніе, ово стеваніе
и въздыханіе; временемъ слова печальныя преговаривала, но чест-
ныя и приличныя; иногда весьма изнемогала. Такъ бѣдно и разно-
образно страдаши, день и ночь мужевн больному присѣдѣла и
отходить не хотѣла.»

Государь межъ тѣмъ леденѣлъ все болѣе и болѣе, и въ четвер-
томъ часу по полуночи 28 января, подъ шопоть благочестивыхъ
напутствій и молитвъ тверского архіерея, испустилъ послѣдній
вдохъ.

На одрѣ лежалъ посинѣлый трувь, но присутствующіе все-еще
думали, что въ этомъ тѣлѣ тлѣветъ еще жизнь. Наконецъ сомнѣніе
исчезло.

«И тотчасъ вошль, которые ни были, подняли; сама государыня
отъ сердца глубоко въздохнула чуть жива, и когда-бъ не поддержа-
на была, упала бы; тогда же и всѣ комнаты плачевный голосъ издали,
и весь домъ будто ревѣть казался, и никого не было, кто бы отъ
плача могъ удержаться!..» (1)

«Вообще всѣ люди безъ исключенія предавались неопisanному
плачу и рызаніямъ. Въ это утро не встрѣчалось почти ни одного
человѣка, который бы не плакалъ или не имѣлъ глазъ, опухшихъ
отъ слезъ. Говорятъ, что во всѣхъ трехъ полкахъ (двухъ гвардей-

(1) Кратк. пов. о смерти Петра-великаго, соч. Феофаномъ Прокоповичемъ.
Спб. изд. 1831 г.

скихъ и въ одномъ гренадерскомъ, остававшемся гарнизономъ столицы) не было ни одного человѣка, который бы не плакалъ объ этой неожиданной и горестной кончинѣ мать-ребенкомъ...» (1)

Среди «осиротѣлыхъ дѣтей» сложилась пѣсня :

Ахъ ты батюшка свѣтель мѣсяць!
 Что ты свѣтишь не постарому,
 Не постарому и не попржнему?
 Что со вечера не до полуночи,
 Со полуночи не до бѣла свѣта;
 Все ты прячешься за облаки,
 Укрываешься тучей темною?
 Что у насъ было на святой Руси,
 Въ Петербургѣ въ славномъ городѣ,
 Во соборѣ петропавловскомъ,
 Что у праваго у клироса,
 У гробницы государевой,
 У гробницы Петра-перваго,
 Петра-перваго, великаго,
 Молодой сержантъ Богу молится:
 Самъ оны плачетъ, какъ рѣка льется,
 По кончинѣ встарѣ государевой,
 Государя Петра-перваго.
 Въ козрыданье слово вымолвить:
 Разступись ты мать сыра земля,
 Что на всѣ на четыре стороны!
 Ты раскройся, гробова доска,
 Развернися, золота парча!
 И ты встань-пробудись, государь,
 Пробудись батюшка, православный царь!
 Погляди ты на свое войско милое,
 Что на милое и на храброе;
 Безъ тебя мы осиротѣли,
 Осиротѣвъ обезсѣли...

Умолчимъ о другихъ проявленіяхъ печали всего служиваго сословія отъ сената до солдатства включительно (2). «Но да отыдетъ

(1) Берггольцъ IV, 118.

(2) См. «Петриду или описаніе стихотворное смерти Петра-великаго, написанное *Ментелпримомъ* въ 1730 году.» (Лѣтоп. рус. литературы. М. 1859, I, 16—22). Краткая повѣсть о смерти Петра-великаго, соч. *Ф. Прокоповича*. Изд. 1831 г. Берггольцъ IV, 118—119. Сахаровъ, изд. Спб. 1839, ч. IV, стр. 199. Порошинъ, стр. 128. Рассказни иноземцевъ см. въ «Russische Günstlinge», стр. 38—40. Феофанъ Прокоповичъ: слово на погребеніе Петра-великаго, 1 марта 1725 г., въ изд. соч. Феофана. Спб. 1761, ч. II, стр. 127—133 и прѣч. Въ «Пам. в. р. нар. Акад.» стр. 154 см. варианты приведенной пѣсни на смерть

спорь люта, скажемъ словами Феофана: — Петръ, въ своемъ въ вѣчная отшествіи, не оставилъ россиянь спрыхъ. Какъ бо весьма оспротѣлыхъ насъ наречемъ, когда державное его послѣдіе видимъ, прамаго по немъ помощника въ жизни его и подобравнаго владѣтеля по смерти его въ тебѣ, милостивѣйшая и самодержавнѣйшая государыня наша, великая героиня и монархиня и мать всероссійская? Миръ весь свидѣтель есть, что женская плоть не мѣшаетъ тебѣ быти подобной Петру-великому. Владѣтельское благоразуміе и матернее благоутробіе твоє я прирѣлю тебѣ отъ Бога данное кому неизвѣстнѣю!» (1)

Кому неизвѣстна и то, что вопреки широковѣщательнымъ и льстивымъ глаголамъ Феофана, Екатерина не была внимопомана умирающимъ государемъ его преемницею? «Восшествіе ея на престолъ — по словамъ современника — довольно чуднымъ образомъ воспослѣдовалю, ибо Петръ-великій не съ гнѣвъ се вѣчалъ царскимъ вѣщомъ, чтобъ ее наследницею своею учинить, ниже когда того желалъ... А между гнѣвъ, государь еще не окладѣлъ мертвымъ, а уже не воля его, не право послѣдственное и привязанность къ крови, но самовольное желаніе вольножь рѣшило важнѣйшую вещь въ свѣтѣ, то-есть наследство его престола.» (2)

Такъ или иначе, не Екатерина сѣла на престолѣ, окруженная кн. Меншиковымъ, гр. Толстымъ, Остерманомъ, Ушаковымъ, Феофаномъ и другими свѣтскими и духовными птевцами ея предшественника (3)...

Въ то время, когда бушуютъ страсти примученныхъ поборниковъ старины и народности, когда изрыгаются слова ненависти уже безсильному властелину, что дѣлаетъ его преемница? Она пре-

Петра Алексѣевича: молодой солдатъ, въ слезахъ о его кончинѣ, приглашаетъ покойника встать, пробудиться да посмотрѣть на гвардію, да на «армеюшку, хорошо ображенную», въ нейже всѣ чины на своихъ мѣстахъ, кѣтъ только полковничка преображенскаго, капитана бомбандирскаго, то-есть Петра I и проч.

(1) Слово на погребеніе императора Петра, 1 марта 1725 г. Изд. 14 марта 1725, Спб.

(2) *Щербаковъ*. О поврежденіи правозъ въ Россіи.

(3) Иноземные двory сѣбшиля поздравить Екатерину I съ востшествіемъ на престолъ. Особенно интересно поздравлялъ персидскій шахъ: «Я надѣюсь, моя благовозлюбленная сестра, что Богъ не одарилъ тебя любовью къ крѣпкимъ напиткамъ; я, который пишу къ тебѣ, имѣю глаза подобные рубинамъ, носъ похожій на карбункулъ и огнемъ пылающія щеки; я всѣмъ этимъ обязанъ несчастной привычкѣ, отъ которой я и день и ночь валяюсь на своей бѣдной постелѣ» и т. д. Зап. Дашковой, стр. 18—19.

доставляетъ первыя необходимѣйшія распоряженія по внутреннимъ и внѣшнимъ дѣламъ сенату, который и собирается въ ея покояхъ; ласкаетъ и осѣняетъ подарками и почестями нареченнаго своего зятя, возвышаетъ друга молодости — князя Меньшикова, сидитъ запершись въ своихъ апартаментахъ, куда, по ея указу, никого не допускаютъ безъ доклада, кромѣ Меньшикова, Бутурлина, Ягужинскаго, Девіера, Макарова и Нарышкиныхъ; съ докладу же пускаютъ по регламенту только «то шестой классъ»; выходитъ же сама Екатерина только къ гробу супруга.

Первые мѣсяцы ея царствованія, по исконному обычаю, ознаменовались наградами ея приближенныхъ, а также прощеніями преступниковъ и возвратомъ ссыльныхъ прежняго царствованія. Нѣсколько ввоземцевъ, затѣмъ извѣстные птенцы Петра, бывшіе въ немилости — баронъ Шафировъ, Скорняковъ-Писаревъ, докторъ Лестоковъ получили прежніе чины и отличія. Протопопы, попы и дьяконы покровско-суздальско-дѣвичьяго монастыря, всего шесть человекъ, страдальцы за прелачность царичѣ Авдотьи, были возвращены изъ дальной ссылки и распределены по деревнямъ ея вѣста. Сторонницы той же царичи Авдотьи и ея сына, вдовы: Варвара Головина, княгиня Настасья Троекурова, княгиня Марья Львова, разосланныя въ 1718 году по монастырямъ въ заточеніе, нынѣ получили право жить въ какихъ угодно монастыряхъ, хотя бы въ южовскихъ. Вологодскимъ шести духовнымъ особамъ разнаго чина, судившимся по важнымъ противнымъ словамъ «раздьякона вологодскаго собора Непенна», и нѣкоторымъ другимъ колодникамъ смягчены наказанія, либо и вовсе сказано прощеніе. Изъ Сибири, по свидѣтельству современника, въ мартѣ 1725 года провезли человекъ двѣсти ссыльныхъ, возвращенныхъ на родину: это были лица, пострадавшія за непринесеніе присяги въ 1722 году установленному Петромъ порядку престолонаслѣдія. Нало думать, что прощеніе было имъ объявлено еще по случаю коронаціи Екатерины, въ маѣ 1724 года.

Какъ бы то нибыло, но въ числѣ возвращающихся изъ разныхъ мѣстъ ссылокъ неужели не было нашихъ близкихъ знакомыхъ — Матрены Ивановны съ ея сыновьями, неужели забыли и другихъ пособниковъ камергера Момса? Нѣтъ, о нихъ вспомнили, и вспомнили довольно скоро. Еще тѣло императора стояло во дворцѣ, еще только-что возвѣщалось по улицамъ столицы о предстоящемъ церемоніалѣ его погребенія, а Екатерина изрекла милостивое прощеніе своей довѣрнѣйшей подругѣ. Прощеніе дано было въ формѣ указа ея величества изъ сената на имя генерал-майора и лейб-гвардіи майора Ушакова. Что это за ловкій чело-

дѣла Андрей Ивановичъ! Давно ли на него, какъ на владѣннѣйшаго сынчика и застѣвочнаго инквизитора, возлагалъ Петръ щеколотное дѣло Монса — и вотъ по прошествіи четырехъ мѣсяцевъ тотъ же Андрей Ивановичъ не вызываетъ на себя мнѣнія Екатерины, — нѣтъ, его любятъ, ему довѣряютъ, и ему же поручаютъ заботиться о возвратѣ лицъ, такъ недавно имъ арестованныхъ, допрашиваемыхъ и преданныхъ въ руки заключенныхъ мастеровъ!

Прощеніе перекалось Екатериной подъ обычною формою: «ради поминовенія блаженнаго и вѣчно достойнаго памяти ея императорскаго величества и для своего многолѣтняго здравія: Матрону Балкшу несылать въ Сибирь, какъ было опредѣлено по дѣламъ вышло суда, но вернуть съ дороги и быть ей въ Москвѣ. Дѣтей ея, Петра да Якова, вмѣсто ссылки въ гиланскій гарнизонъ опредѣлить въ армію тѣми же чинами, въ какихъ посылали ихъ въ Гиландъ.» Не забыли Балакирева; вспомнили также о Столѣтовѣ. Тотъ и другой освобождены отъ каторжной работы и возвращены въ столицу. Иванъ Балакиревъ опредѣленъ въ лейбъ-гвардіи преобробженскій полкъ въ солдаты, а Егоръ Столѣтовъ свободенъ на волю, а у дѣла ея величества нигдѣ не быть ⁽¹⁾

Освободили героиню и героиню трагедіи, но самую хроникку, лѣтопись событія, послѣдили запертали подъ замки и печати. Извѣстный уже намъ Иванъ Антоновичъ Черкасовъ, выполняя безъ сомнѣнія высочайшую волю, запечаталъ своею печатью четыре пакета. На первомъ изъ нихъ написалъ онъ своеручно: «дѣло Монсова»; на второмъ: «письма, подлежащія къ дѣлу Монсову»; наконецъ въ четвертый кувертъ спряталъ онъ письмо, подробное къ Шаряеву въ ноябрѣ 1724 года. Къ сожалѣнію столь важный документъ не сохранился. Быть-можетъ какая-нибудь «высокая персона» въ XVIII вѣкѣ перебирала для собственнаго любопытства секретнѣйшія дѣла своихъ предшественниковъ и предшественницъ и нашла нужнымъ уничтожить эту бумагу; или же самъ князь Александръ Даниловичъ повелѣтъ соизволилъ сжечь документъ ⁽²⁾.

Запертали бумаги; долго и долго довелось имъ лежать подъ спудомъ; но не зарыли Балки своихъ талановъ въ землю. Семей-

(1) Въ распоряженія екатерининскаго правительства, относившіяся до дѣйствующихъ лицъ монсовой исторіи, шла въ слѣдующемъ порядкѣ: 1725 годъ: 19 февраля возвращены царевнѣ Прасковѣ ея имѣнія, нѣкогда подарокъ ея Монсу; 22 числа — освобожденъ Балакиревъ; 8 марта свободенъ Столѣтовъ; два дня спустя — указъ о возвращеніи двухъ Балковъ съ матерью; 26 марта — извѣстіе изъ Москвы, что за Матреной Балкъ послано, и т. д.

(2) Запечатаніе документовъ дѣла монсова произведено было Черкасовымъ въ царствованіе Петра II, 20 іюня 1727 года.

ство это, какъ ны видѣли, воссало въ плоть и кровь убитые проклятыя, интригами, заискиваніями достигай цѣлей своего тщеславія и честолюбія. Балки, достойныя питомцы своей матери а длаи, не уналі: вѣтъ, они ирооджали сколазныть среди отшель и камней аркадорной жизни. Мокушонныя опытоны, они были чрезвычайно осторожны. Известно, что одинъ изъ нихъ, и вноное нашъ пріатеаь Петръ Федоровичъ, вмѣстѣ съ оберъ-штальмейстеромъ Куракинымъ шутками своимъ имѣлъ способность развеселить аменитыхъ особъ, астытъ Барону, и хотя ни къ какому уже дѣланію допускаема не была, но получала за свои способности чины и скамья 4 октября 1743 года въ чинѣ генералъ-лейтенанта и дѣйствительнаго камергера (1). Дочери младшаго Балка (2) слѣдали протрасныя партіи: одна вышла за оберъ-егермейстера Нарышкина, а другая вышла за известнаго Сергія Салтыкова.

Что до сестры Балковъ, дочери Матрены Ивановны — Натальи Федоровны Лопухиной, то трагическая судьба ея известна (3): Матрена Ивановна не дождала до катастрофы, постигшей Наталью Федоровну въ 1743 году. Дѣти Лопухиной видѣли возвращеніе матери изъ Сибири и при императрицѣ Екатерицѣ II сами выдвинулось на служебномъ поприщѣ: такъ второй сыноъ Лопухиной былъ генералъ-поручикомъ, третій дѣйствительнымъ камергеромъ и проч. Затѣмъ упоминаемъ также и о томъ, что фамилія *Монса* встрѣчается еще разъ въ первой половинѣ XVIII вѣка. Такъ въ царствованіе Анны Ивановны на скамьяхъ «рыцарской академіи» (нынѣшній первый кадетскій корпусъ), среди сыновей аристократіи и дѣтей разныхъ помещедей мы встрѣчаемъ *Бернарда Монса*. Поступилъ онъ въ кор-

(1) Описаніе Алекс.-нѣвск. лавры, соч. Павлова. Спб. 1842 г., стр. 91.

(2) Въ «Russische Günstlinge» и запискахъ Екатерины называютъ его Павломъ, но въ указѣ 8 марта 1725 года о возвращеніи Балка младшаго изъ ссылки онъ названъ Яковомъ.

(3) «Русск. Вѣстн.» 1860, вѣ. XVII. — «Русск. Рѣчь» 1864, статья: гр. А. Д. Бестужевъ-Рюминъ». Въ высшей степени интересенъ слѣдующій фактъ, относящійся до Натальи Лопухиной (урожденной Балк): сосланная въ 1743 году въ Селенгинскъ, она въ нетерпѣливомъ ожиданіи возврата на родину измѣнила лютеранской вѣрѣ и приняла православіе. Подобное *обращеніе*, вѣтъ сомнѣній, совершенно было въ надеждѣ привлечь къ себѣ милость государыни, но оно только привлекло вниманіе читателей «Петербургскихъ вѣдомостей», такъ какъ въ нихъ оповѣстили объ этомъ событіи: 1758 годъ. № 24, вторникъ 24 марта. Известіе изъ синода о обратившихся въ грекороссійскую вѣру: таковыхъ за 1751, 52, 55 и 57 года было: изъ сибирскихъ инородцевъ 2720 человекъ, да въ томъ же 1757 году, 21 іюля, обратилась въ православіе содержанная въ Селенгинскѣ Степана Лопухина жена Наталья Федорова. — Указаніемъ на это известіе мы обазаны князю П. Туркестанову.

нужь въ 1736 году, выпущенъ въ 1741 г. въ званіи прапорщикамъ. Какъ доводило новый прапорщикъ еминентному камергеру: былъ ли онъ племянникомъ его или выходилъ въ болѣе отдаленной связи родственной, намъ неизвестно ⁽¹⁾; неизвестна также и судьба этого, едва ли не послѣдняго изъ Монсовъ, имя котораго встрѣчается въ числѣ именъ разныхъ званыхъ и старинныхъ дворянскихъ фамилій. Рядарская академія, какъ известно, съ самаго начала была чисто шляхетскимъ заведеніемъ.

Оставилъ главнѣйшихъ членовъ фамилій Балкина и Монса и ихъ потомство, скажемъ въскольکو словъ о послѣдующей судьбѣ двухъ извѣстныхъ именниковъ монсовой и собственной погребеніи. Судьбы Балкина и Бродягина въ послѣдующія царствованія совершенно различны: на долю перваго выпала вѣчный смѣхъ и шутество во дворцѣ, на долю втораго — долгое сѣтанье по тюрьмамъ и позорная смерть на плахѣ.

Причины этого явленія лежали не только въ обществѣ, въ которомъ онъ жила, но и въ ихъ собственныхъ характерахъ: Балкинъ былъ шутъ по профессіи, но страсти; если онъ «привалывалъ на себя шутество» еще при Петрѣ въ званіи «спеціальности» успѣлъ проложить себѣ дорогу во дворецъ, то въ послѣдующее время, при Елизаветѣ, онъ тѣмъ скорѣй нашолъ возможнымъ обратиться къ прежней профессіи: она его кормила, одѣвала, вообще съ избыткомъ обезпечивала его содержаніе. Въ это время дѣйствительно житье было развѣль шутамъ, шутихамъ, дуракамъ и дурамъ, карламъ и карлицамъ. Имя появилось тамъ и тамъ: и вѣнечные покой «эминяго

(1) Бернгардъ Монсъ получилъ при выпускѣ слѣдующій интересный аттестатъ: «геометрію и практику скончалъ, регулярную фортификацію началъ, рисуетъ тушью, поросійски говорить хорошо и переводитъ съ нѣмецкаго на російскій языкъ. скопировуетъ легкаго французскаго автора, универсальную исторію до новѣйшихъ временъ обучилъ, всѣ генеральныя карты Гибнерова малаго атласа прошолъ; сочиняетъ нѣмецкія письма безъ диспозиціи хорошо, фехтуетъ въ контру, верховой вѣздѣ и танцовать обучался». См. *Имяни, списокъ всѣмъ бывшимъ и нынѣ находящимся въ Сух. шлях. кад. корп. штабъ-оберъ-офицерамъ и надетамъ*. Спб. 1761 г. стр. 130. Говоря о послѣднемъ изъ извѣстныхъ намъ Монсовъ, сдѣлаемъ кстати замѣтку, дополняющую скудныя наши свѣдѣнія о родителяхъ Виллима Монса и вообще о его семьѣ въ первыхъ годахъ XVIII вѣка: 9 ноября 1703 года, какъ значится изъ купчей помѣстнаго приказа, жильцы Петръ и Сидоръ Уколовы продали иноземкѣ, *едовн* Матрениѣ Еениовнѣ, иноземца Ивановской жены монсова, да дѣтямъ ея, капитану Флимону, да брату его Виллиму Ивановичу, да дочери ея дѣвицѣ Аннѣ Ивановнѣ Монцовымъ, вотчины свои въ курскомъ уѣздѣ (слѣдуетъ перечень четырехъ деревень за 1550 руб. Изъ этой замѣтки видно 1) что отца молодыхъ Монсовъ и третьяго брата Виллима въ 1703 году небыло на свѣтѣ, 2) достатокъ вдовы такъ былъ великъ, что она покупала уже деревни. (Дѣла по имѣніямъ частн. лицъ, к. LXXXVI.)

дома». Сномородинскій орденъ имѣлъ своимъ членами представители разныхъ старинныхъ княжескихъ фамилій. Въ обществѣ столь знатныхъ и столь талантливыхъ особъ могло ли быть «досадительно» Балакиреву? Правда, частенько доводилось ему таскать за волосы сотоварищей, бить другъ друга по щекамъ, колотить другихъ палками и быть въ свою очередь батышемъ по крамъ, куваркаться, кататься по полу, драться до крови: но все это дѣлалось въ высокомъ присутствіи герцога Бирона и другихъ весьма знатныхъ персонъ для общей потѣхи; въ этой потѣхѣ наконецъ принимали дѣятельное участіе многіе аристократы. Впрочемъ и отказываться-то отъ участія въ потѣхѣ было несомнѣно неудобно: современникъ смѣлительно утверждаетъ, что Балакиревъ однажды подобный отказъ былъ «местою битъ батога». Шутя же онъ былъ добрый, остроумный, и шутки его никогда никому не нравились, но еще многихъ часто рекомендовали (1).

Въ то время, когда Балакиревъ смѣхомъ заглушалъ слезы, шутками облегчалъ боль отъ княжескихъ дивизіонъ и затрещивъ, куваркальми и прыганьемъ разминвалъ ноги, набитыя палками, въ это время пріятель его Егоръ Михайловичъ Столѣтовъ, короткая дни въ Нерчинскѣ.

По возвращеніи изъ Рогеранка къ 1725 году Столѣтовъ проведя время на «свободѣ», потомъ служилъ при дворѣ цесаревны Елисаветы и постоянно вращался въ мірѣ сплетень, интригъ и разныхъ козней придворныхъ чиновъ малой стати. Съ этимъ міромъ онъ издавна обжился. Онъ не обращалъ вниманія на то, что аристократы «гордились» съ нимъ, вообще относились къ нему, къ каторжнику, весьма презрительно, впрочемъ не зато что онъ былъ въ каторгѣ (въ то время многимъ была она знакома), но за его низкое происхожденіе. Столѣтовъ не обращалъ вниманія на ихъ презрѣніе, онъ все-таки продолжалъ соваться въ кружки князя Бѣлосельскаго, князя Куракина, князей Долгорукихъ и др.; нахваливалъ себѣ милостивцевъ, старался быть имъ полезнымъ. Человѣкъ не безъ способностей (2), но тщеславный, самоувѣренный, болтливый, онъ скоро деплатился за то, что вновь отдался интригамъ и сплетнямъ дворцово-го міра. Въ 1731 году, по розыску, за вины Столѣтова сослали въ

(1) «Ледяной домъ, шуты и забавы при дворѣ Анны Ивановны». - Общ. Вѣстн. - 1857 г. № 16.

(2) Такъ Столѣтовъ интересовался современной литературой, попросту — любилъ книги, читалъ, списывалъ разные стихи и чуть ли самъ не кропалъ ихъ въ подражаніе своему покойному патрону, Моисеу. Нѣкоторые, по времени, недурны. См. въ Приложеніи XI, №№ 1 и 2, два стихотворенія, писанныя рукой Столѣтова.

Нерчинскъ. Вѣны его на этотъ разъ воишь неизвѣстны; пострадалъ онъ вообще за связи и службу Долгорукину. Въ отдаленномъ Нерчинскѣ онъ пользовался свободой, былъ принятъ въ домъ начальника, могъ заниматься чѣмъ угодно, ходить куда угодно; но бездѣйствіе, а главное жилось вдали отъ той сферы, среди которой онъ выросъ, скоро его озлобили и вызвали на рядъ опрометчивыхъ поступковъ. Онъ сталъ рассказывать важныя тайны дворцоваго быта, хорошо ему извѣстныя. Говорилъ о царевнѣ Катеринѣ Ивановнѣ и князѣ Михаилѣ Бѣлосельскомъ, о Аннѣ Ивановнѣ и герцогѣ Биронѣ, высказывалъ сочувствіе къ цесаревнѣ Елисаветѣ, завладалъ надежды на ея вѣстество на престолъ, и къ довершенію же собственнаго несчастія поссорился съ комендантомъ Нерчинска, своимъ непосредственнымъ начальникомъ. Результатомъ всего этого былъ: донесъ, судъ и вытки въ Екатеринбургѣ и страшный розыскъ въ Петербургѣ; завязалось толстѣйшее дѣло ⁽¹⁾, продолжавшееся болѣе года. Столѣтовъ, столь же малодушный въ бѣдѣ, сколь самонадѣянный и заносчивый въ счастіи, оговорилъ знакомыхъ, пріятелей, приплелъ къ дѣлу родную сестру и зятя, являвшихъ къ нему во время ссылки чувства глубокой привязанности; клепалъ и на себя, то запирался, то приносилъ повинныя не только въ противныхъ словахъ, когда-либо сказанныхъ, но даже въ мысляхъ, какія только зарождались въ его головѣ и служили «къ умаленію чести ея императорскаго величества».

Развязка, по своему времени, была обыкновенная: 12 іюля 1736 года колодникъ Егоръ Столѣтовъ казненъ смертью: отсѣчена голова на с.-петербургскомъ островѣ, на рынкѣ. Тѣло его зарыто, по указу ея величества, тамъ же на Петербургской-сторонѣ, близъ церкви Спаса-преображенія господня, въ Колтовской ⁽²⁾.

Читатели наши, надѣюсь, не упрекнутъ насъ за то, что мы такъ долго удерживали ихъ вниманіе на такихъ личностяхъ, каковы камергеръ Монсъ, его сестра, племянники, секретарь, слуги и проч. Безъ сомнѣнія достаточно было ясно, что герой настоящаго очерка заинтересовалъ насъ не потому, что самъ по себѣ заслуживалъ бы вниманіе изслѣдователя старины: нѣтъ, а потому, что расказъ о

⁽¹⁾ Дѣло о Столѣтовѣ на 367 листахъ; въ немъ довольно много подробностей для знакомства съ дворомъ Анны Ивановны.

⁽²⁾ При постройкѣ новой каменной церкви на этомъ мѣстѣ въ 1861 году найдено нѣсколько скелетовъ въ цѣпяхъ.

вемъ и его семействѣ выдвигаетъ нѣкоторыя новыя стороны въ жизни и характерахъ Петра и Екатерины, а главное — новыя черты для знакомства съ петровскимъ обществомъ.

Такія личности, какъ Владимъ Мовсъ, выстоявшія въ нравственномъ отношеніи, но брошенныя случайностью въ водоворотъ дворцовой жизни, подымающія счастьемъ и интригами привидишны къ императорскому престолу — всегда интересны именно въ томъ отношеніи, что характеристика ихъ даетъ возможность ближе ознакомиться съ обществомъ того времени, заглянуть такъ-сказать за пышныя декорации и вообще перенестись въ ту среду, въ которой подвизались того времени полководцы, дѣвочки, министры, посланники, важныя духовныя лица и т. поддѣтели. Въ отношеніяхъ своихъ къ фавориту всѣ они, стоящіе, по официальнымъ историкамъ, на какихъ-то ходуляхъ, разоблачаются — и мы видимъ предъ собою не автоматъ, начиненныхъ громами фразамъ царевристовъ, — нѣтъ, а людей изъ плоти, костей и крови, живыхъ, то-есть съ человѣческими страстями и слабостями.

Наша родная историческая литература, вообще говоря, мало еще представляетъ очерковъ и расказовъ, преслѣдующихъ одну цѣль: вскрывать завѣсу надъ частнымъ бытомъ нашего общества за ту или другую эпоху и лицомъ къ лицу ставить съ характеристическими его представителями и представительницами. Мы съ недоумѣніемъ и даже съ насмѣшкой смотримъ иногда на изслѣдованіе о какой-нибудь личности, имя которой не подало въ тѣ учебники да обзоры, по которымъ мы узнали родную исторію.

Мы осуждаемъ подчасъ этихъ дерзкихъ, которые осмѣливаются «оставлять просвѣщенное вниманіе достопочтенныхъ читателей и читательницъ» на какихъ-то фрейливахъ, статсъ-дамахъ, мелкихъ сторонникахъ — какого-нибудь царевича или посвящать многія главы на знакомство съ безвѣстнымъ вырожденкомъ какой-нибудь нѣмецкой слободы.

Но мы забываемъ одно: что наша исторія рано или поздно должна же обхватить общественный и частный бытъ каждой эпохи со всѣми ея характеристическими мелочами, повидному столь *неважными*, что при этомъ неминуемо должны же мы будемъ приблизиться къ личностямъ, хотя и не заявившимъ себя государственной дѣятельностью, но зато игравшимъ роль въ обществѣ своего времени; мы забываемъ, что очень часто какой-нибудь, теперь неизвѣстный, камергеръ или забытая фрейлина, или царица, неигравшая роли политической, въ лицѣ своемъ несравненно скорѣе дадутъ намъ возможность ознакомиться съ образованіемъ, съ нравственнымъ развитіемъ, съ тѣмъ кодексомъ правилъ и взглядовъ тогдашнихъ на об-

ществяныя приличія, отношенія другъ къ другу, къ низшимъ и къ высшимъ себя и т. под., нежели всѣ «патентованныя» историческія лица. Словомъ, мы не хотимъ вѣрить, что первыя лица зачастую несравненно ярче знакомятъ насъ съ общимъ видомъ той среды, надъ которой подымались только нѣкоторые исключительныя личности.

Итакъ, если что иногда и можетъ по этому поводу вызвать наше осужденіе, такъ это ~~бѣдѣ~~ ~~не та одностороннѣ~~ тѣ лица, съ которыми держатъ знакомить насъ нѣкоторые изслѣдователи старины, но развѣ неумѣнье, неискусство ихъ въ составленіи историческихъ картинъ.

Къ этому предмету мы однако еще возвратимся, а теперь позвольте сказать послѣднее прости Виллиму Ивановичу Монсу. Трупъ его убранный, снята и голова съ позорнаго шеста, и мы, невозмущенныя ~~страшнымъ~~ зрѣлищемъ, можемъ съ спокойнымъ духомъ сказать слѣдующее :

Монсъ есть одинъ изъ первыхъ по времени нумеровъ въ той длинной фалангѣ фаворитовъ—временщиковъ, которые отъ времени до времени являются въ русской исторіи XVIII вѣка. Для нихъ (за немногими исключеніями) ничего не существовало кромѣ произвола, направленнаго къ достиженію своекорыстныхъ цѣлей, предъ ними все кланялось, все ползало; для нихъ небыло законовъ, небыло правды, небыло отчужденія...

Монсы еще дѣйствовалъ сравнительно съ своими преемниками скромнѣе, робко; онъ не могъ вполнѣ развернуться, потому что въ глазахъ его постоянно гуляла по снѣгамъ именитыхъ птенцовъ дубина царская, либо брызгала кровью кнутъ заплечнаго мастера, свѣркала събиря палача, да болталось на висѣлицѣ гнѣющее тѣло какого-нибудь сановника. И все-таки, при этихъ нравственныхъ сдержанкахъ, фаворитъ Екатерины *восемь лѣтъ* неустанно нарушалъ указы, былъ приточникомъ и приближенцемъ всякой неправды, имѣвшей только возможность повергать къ его стопамъ богатые презенты...

ПРИЛОЖЕНИЯ

I.

Письмо попа Александра 18 июня 1698 года къ Петру I о стрѣльцкомъ возстаніи (1).

Милостивый Государь!

... достоинству вашему писалъ, государь, къ Москвѣ изъ полку своего князя Михаила Григорьевича, о непослушаніи и о зачатіи воровства четырехъ полковъ стрѣльцкихъ, о чемъ уже чрезъ прежнюю почту милости вашей отсюда не безвѣстно, нынѣ же государь та ихъ окаинныхъ зачатая воровская злоба ясно ими показана; писали государь тѣхъ четырехъ полковъ всѣ полковники, что они вышедъ изъ Торова, пошли къ рѣкѣ Двинѣ, и стали быть всѣмъ полковникамъ во всемъ непослушны, и случась всѣ четыре полка въ одно мѣсто, забунтовали на указныя мѣста, гдѣ имъ велѣно стоять до указа не пошли, и полковниковъ отъ себя отбили, и выбрали ко всякому полку по четыре человека выборныхъ своихъ стрѣльцовъ, кому ихъ въ томъ воровствѣ управлять, и пошли всѣ къ Москвѣ, и здѣсь, государь, божье приговорили, видя ихъ всеконечное воровство, послать противъ такихъ плевосѣальниковъ и враговъ креста Христова твои государевы рати, за ихъ бунтъ; и если непокаратся, то мечъ гнѣвомъ твоимъ да смирять ихъ; и Алексѣй Семеновичъ съ ратными людьми, которые прилучились при семъ зломъ случаѣ на Москвѣ, и которые поспѣшили по грамотамъ изъ ближнихъ городовъ; да съ ними жъ, государь, съ пѣхотными полки генераль Петръ Ивановичъ, и пошли съ Москвы июня 16. дня, а станъ былъ сего государь числа въ Тушинѣ, и сего жъ числа вошелъ съ того става Алексѣй Семеновичъ къ Воскресенскому монастырю;

(1) Въ одинъ день съ этимъ письмомъ духовника государева отправлено донесеніе князя Федора Юрьевича Ромодановскаго. Посл. помѣщено въ III т. соч. Устрялова, стр. 474. Письмо попа Александра, приложение къ I главѣ нашего очерка, является впервые въ печати, также какъ и всѣ послѣдующіе документы, служащіе приложениями къ III, IV, V, VI, VII и XI главамъ.

а про нихъ бунтовщиковъ слухъ есть, что они сего числа будутъ на Волокъ ламскій отъ Москвы за девяносто верстъ; а воскресенскій, государь, монастырь на половинѣ, какъ отъ Москвы, такъ и отъ Волока, по 45 верстъ; а котораго, государь, случатся числа, и что въ томъ дѣлѣ учинится, и то время покажетъ; и отъ насъ милости вашей о томъ впредь безъизвѣстно будетъ, и о всемъ пространнѣ донесено тебѣ, премилостивому моему государю, будетъ, чрезъ другія письма, и въ которыхъ приказѣхъ то дѣло обрѣтается со всякою вѣдомостью хотѣли послать выписки до лица милости вашей. Пространно, государь, писать о возвращеніи къ вамъ милости вашей, за склонною волею твоею не смѣю, понеже приспѣло время для избавленія христіанскаго народа, ко устройенію въ лучшую полѣву, тебѣ моему премилостивому государю, нынѣ быть при послахъ, для совершенія зачатого своего дѣла.

Однакоже государь отъ всего своего сердечнаго рвенія, тебѣ моему государю, по должности моей, доношу, что вѣло государь и здѣсь крайняя нужда зоветъ тебя премилостиваго моего государя, не остави насъ сирыхъ своихъ до конца, дабы намъ не погрязнуть во глубинѣ снѣгъ нашедшія на насъ напасти, и чтобъ воровскіе бунты и всѣ ихъ замыслы разорвать безмедленно, недождавша къ нимъ предводителя, и чтобъ впредь долѣе то ихъ воровство множиться не попустилось.

О корабельномъ государь вѣднѣеши поведеніи о всемъ къ тебѣ, моему государю, писалъ прежь сего числа. Пожалуй премилостивый государь прикажи о манжерахъ меня по милости своей увѣдомить. мастеровъ ли мнѣ отъ милости вашей, кому ихъ лить, ожидать, или готовые ихъ за моремъ промышлять, и каковыми быть нашихъ бомбардирахъ и на галерахъ, а объ инояъ корабельномъ дѣлѣ пространнѣ донесетъ тебѣ государю господинъ адмиралъ комисаръ.

За симъ желая здравія твоего премилостиваго моего государя, пощъ Александръ Бога моля челомъ бьетъ.

Съ Москвы, іюня 17 дня (1698 г.)

II

Письмо Катерины къ Петру I, 7 декабря 1708 г.

Allerdurchleuchtigster und gnädigster Herr Obiemb,

Ich gratülire Ew. Majestet zu den erhaltenen Siegen und wünsche, dass ich bald alhier die Gnade haben möge Ew. Majestet aufzuwarten und zu versichern, dass ich mit einem tiefestem respect alle Zeit verharre,

Gnädigster Herr Obiemb,
Ew. Majestet

unterthänigste
Catharina.

Ismaetof, den 7 December 1708.

III

*Стихи Виллима Монса на немецкомъ языкѣ; одинъ куплетъ,
первый.*

1

Wo ist Mein freyer sinn
Ach das ich nicht mehr Mehn Eigen bin
Balt gehe ich, balt steh ich
Und weiss doch nicht wohin
Wass hat der Völker Macht
Vor ein Verhängniss auf mich bedacht
Hier stüdt zur Stelle, all Unglücksfälle
Die mich allein, erregen solchen Pein, и т. п. (1)

Стихи Виллима Монса на словодскомъ языкѣ.

2

Ach sto gest swet i swete, ach fso pratifnoje,
ne magu schit ne umerty, sertza tasklywaja.
Dolgo ty mutzilsa, net upokoy sertza,
Kupido wor proklaty, welmy radagitsa.

Prebil streloyu sertza, leschu bespamety,
ne magu ja atznutza, i otzi my plakaty,
ta-ka welykaja, schnotze krawawaja,
rudoju sapeklosa, i fso prabitaja. (2)

IV

*Письмо Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина къ Монсу 3 авгу-
ста 1717 г. (3)*

Благородный господинъ камеръ-юнкеръ государь мой Видмъ Ива-
новичъ.

Униженно вашему благородию благодарствую за complimentъ вашъ.

(1) Изъ записной тетради Монса; приводится какъ образчикъ его стихотвор-
ства: всѣ ошибки орфографіи подлинника сохранены.

(2) Изъ записной тетради Монса; приведено какъ образчикъ его стихотвор-
ства на русскомъ языкѣ; за незнаніемъ автора писать порусски написаво нѣ-
нѣмецкими буздами.

(3) Всѣ приводимыя письма тщательно проверены нами съ подлинниками.

каждый изъ васъ господина Бестужева дмитрей Петровичъ мне справиться; при семъ прилагаю писмо отъ одного господина Бестужева по которому прилагаю прошу его и меня одолжитъ не замѣшкавъ сто червонныхъ выходяйствовать и также деньги вручитъ сему листоподателю съ респискою именно господину Авраму Фаншотену (H. Abraham von Notzen), омывъ ваше благородіе по прежнему меня обяжете за что напротивъ вамъ государю моему отслужитъ потщуся, и всегда неотменно со мною почтенивъ пребуду вашимъ государь мой всепокорно послушнымъ слугою Алексей Р. Бестужевъ.

Гамбургъ августа -3- S. H. 1717. -

P. S. (Помѣщенъ адресъ Алексѣя Бестужева).

На оборотѣ: • A monsieur Monsieur de Monss gentil homme de la Chambre de la Majesté Czarinne à Amsterdam.

V

Александры Салтыковой, урожденной кн. Долгоруковой, къ Матрени Ивановнѣ Балкѣ (17 окт. 1719).

1

Государыня мая матрена ивановна много летно здравѣствуй купно съ всеми вашими! писмо милости вашей получила, въ которомъ изволятъ отвѣтъствовать на мое писмо, которое я къ вамъ писала изъ кенезъ Берга; за что я вамъ, матушѣка мая, Благодарствую и въпретъ васъ прошу изволятъ оставить и чаще писать, что светлюю маю радостію омиждать буду (1) прошу на меня и изволятъ прогневаться, что мешкала за нечастіемъ моимъ, на оное ваше писмо отвѣтъствовать; понеже у меня батюшѣка капешно боленъ огреваю четыре недели истенно въ бедахъ моихъ несносныхъ не магу вамъ служить майми писмами; ежели дастъ Богъ Батюшѣку лехъча, буду писать простырано на будущей почте. Сердешно сердешно сожелею о вашей балезьне изволятъ мнѣ отъ писать если вамъ лехъча до сего времени изволятъ ка мнѣ отписать если вамъ лехъча до сего времени изволятъ ка мнѣ отписать писмо мое отъ етана изволятъ получить такошъ надеюсь, что онъ вамъ данесетъ обавсемъ прастыранѣю, которая челабитыи послана къ царскому величеству такошъ и всемиластивой гасударыне маріе екатерине алексѣевне, изволятъ освѣдамитьца и ка мнѣ отписать, ка мнѣ изволятъ принять; а я въ бедахъ свдихъ инова претъстательства нешней крошя ея величества и аше ка мнѣ пишутъ; что мушъ мой хочеть на меня битъ чадомъ, что бутъта я ево покрала и ушла; я етана не байдса извесна всемъ въ митаве и много на то

(1) Неразобрано слово:

свидетелей сыщу не толка ныне что будетъ я неимела къ чемъ батюшкѣ доехать принуждена была себе делать до послѣдней рубашки сие (?) онъ увезъ собою ту бабу, которая завьезетъ халца; она снѣмъ уехала собою ли ане забрали или у людей оставилъ пустой его людей стой бабаю пытаются мне была.ничаво негде брать я уже была давнѣю савьсемъ обрана и отъ него разьбита токмою шмела при себе несколько из маихъ алмазавъ и то у меня послѣдняя аграбаль, какъ поехалъ въ Петербурхъ сказалъ мне: ежели не дашъ хаталъ я смерти убить, я ему с великаю радасцію и то отдала толка обобрагъ и самъ билъ (?) на что есть свидетели. Въ протъчемъ астаюсь на миласць вашу благонадежна что по своему обещанію меня оставитъ неизвольте слуга верная до смерти.

Изваршавы октября 17, 1719 г.

2

Къ М. И. Балкъ, 14 ноября 1719 г.

Гасудараня мая матрена иванавъна многолетню здравствуй купно со всеми вашими! о себе моя гасудараня донашу, еще въ бедлахъ своихъ вживыми обретаюса; писмо ваша. чрезъ господина белашинькова которое послано, я здесь получила; за что вамъ, матушкя мая, благодарствую и прошу меня неоставить въпреть, чево срадастію моею желаю; токмо выразумела из писма вашева, что вы еще въ болезни сваей обретаетесь, о чемъ серъцомъ моимъ сажелею и желаю, светъ мой, какъ наискорее притыти до савершенънаго здаровья; а что вы извольте писать, что писма ка мне будите посылать чрезъ Белашецкова, я чаю лутче чрезъ господина Бестужева, понежа я ево просила, которые писма вы изволили чрезъ него посылать верню камъне дохадил, а что вы мне изволивте писать, что бы я остерегаласа дашькова, его ныне у насъ нетъ, отпушъченъ къ москве, желею, что я прежде не велела я бы нарощню при немъ гаварила, что налележитъ другинъ ведать.

Пача въсево васъ прошу, изволте меня सदержать, по своему обещанію, верню такошъ где вазьможню упоминать въ миласци ес величеству, гасудараве циа (?), вьчемъ на миласць вашу безсужненъною надеждю имю, такошъ пращу матушкя мая изволте камъне писать пространъней, что изволите услышитъ въ деле моемъ какое будетъ самвой миласердне и какую силу будетъ спротивной стараны делать, а я надеюса что вы извесны отъ егана нашева желанія и ежели миластивное будетъ решеніе на нашу суплику, то надеюса васъ скоро видетъ
остаюсь вамъ верная до смерти александара.

Прошу от меня покълавитъца ес миласци анъне шльинишъне.

3

Матрениъ Ивановъ Балкъ, 25 октября 1720 г. (1)

Государыня моя матрена ивановна многолѣтню здравствуй купно со всѣми своими!

Крайняя моя нужда принуждаетъ меня васъ, мою государыню, сими моими писаніемъ трудять и просить, дабы, по своей ко мне склонности, се приложенное мое просительное письмо еѣ величеству всемилоостивѣйшей государыне царице вручить изволили, чрезъ которое я се величеству рабски доносила о приезде моемъ къ москвѣ. О семъ і вамъ, моей государыне, объявляю, что я то учинила неведая об отпуске тиранскаго моего мужа изъ санктъ-петербурха, ради великой нужды, а именно чтобъ мне сыскатъ верныхъ свидетелей, и очиститъ себя въ свосныхъ животахъ, въ чемъ на меня мужъ напрасно бьетъ челомъ, о которой моей нуждѣ прошу донести словесно всемилоостивѣйшей государыне царице понеже я об оной вышеупомянутой моей рабской суплике именно еѣ величеству необъявила; при семъ васъ, мою государыню, прошу содержать меня въ прежней любви вашей, и упоминатъ въ милости всемилоостивѣйшей государыне царице. Такжеже и неоставить меня безвестну въ делѣ моемъ; понеже я ныне кроме васъ пріятелей въ санктъ-Петербургѣ неимѣю, а наипаче васъ, мою государыню, прошу уведомитъ меня, какъ еѣ величество, всемилоостивѣйшая государыня царица изволить иринятъ отъ васъ мою нижайшую суплику, зачто вамъ, моей государыне, всегда благодарить и служить, по своей должности буду; впротчемъ остаюсь вамъ, моей государыне, служебною должна Александра.

P. S. Сего моего посланнаго челоуѣка отдаю въ волю вашу; прошу невольте оного ко мнѣ отпущать напрасно безъ всякой ведомости приездъ, токмо мне принестъ пущую пѣчьаль. Такжеждъ васъ, мою государыню, прошу изволте об отпуске оного челоуека согласитца съ ашвой еедоровной юшковой, понеже я той стороны имѣю некоторую нужду.

Изъ Москвы - 25 - октября 1720 г.

VI

Виллиамъ Монсъ подѣ видомъ женской персоны къ Александрѣ Салтыковой 1719 или 1720 г. (2)

Sdrawstwoy matouska alessandra grigorgefna, bose dai wam dobrago szdorowje; za fse Sameistwa wassei, selaju dabie piessange etage was

(1) Все письмо за исключеніемъ подписи — рукою секретаря.

(2) Собственной рукою Монса, на *свободскомъ* языкѣ.

magu goschudarinu flobrom strafge sastalla, sa katorrom at fsewo fsewo swogewo sertza selaju, praschu wass maju gaschudarinu, dabie ja ne astafenna biela piesangem wasiem, kotoraja prinimaju sebe sa weliekaje stasge, kogda ja uwieschu at wass ksebe piesemo wascha, id bog moi swiedelel, sto ja sweliekoi radassju wosprimagu i trut fsoi stolka prilagaju getlu wasemu, sto bogu anowemu fseadam, i storajuscha stobie skoro akonsat srobrom. sastajange, kfsemu selanju, i nadejusa sio fskore posle prasnika, tokmo was praschu ne iswolde pezallitsa, i noba hewremena sakrusat ab onom dele, fso bogom budet ustracoa, poneze gage weliezeswo welmi kwam milasiewa, i ni wies kak saaclegiel ab was, takkosde i ob radiedele wassem, pri scham astajus wam magoi gaschadareine wernaja wam aschufnosza.

VII

Петръ Михайловичъ Бестужевъ—Рюмиль къ Монсу

1

2 ноября 1719 г.

Государь мой Вилимъ Ивановичъ!

Прошу васъ, государя моего, быть о миѣ всенадежнымъ, и во всепочтѣннѣйшихъ писаннхъ вашихъ неоставить меня, въ чемъ есть весьма благонадеженъ, изволте, государь мой, миѣ поверить, что я zelo обяуюсь вернымъ ко услугамъ вашимъ быть, при вашей корошпанденци изволте оныя писма ко мне при всеприятномъ вашемъ писаннхъ присылать; я оныя в надлежащее место верно и во всякой сохранности отправляю буду; понеже миѣ оное извесно и весьма секретно содержать буду, в чемъ изволте быть паки всенадежны и я в томъ вамъ весьма услужитъ потщусь и сестру вашу, государыню мою, утрудять онымъ не изволте (*). При семъ же полученное писмо прилагаю и со многими почтеннѣмъ пребываю вамъ государю моему слуга вѣрный Петръ Бестужевъ.

Из Митавы - 2 - Ноября, 1719 г.

2

6 февраля 1722 г.

Государь мой, Вилимъ Ивановичъ!

Понеже здесь каргопольского драгунскаго полку при дворѣ госуда-

(*). Дѣло идетъ о секретной корреспонденци Монса съ А. Г. Салтыковой; миѣ видно Матрена Ивановна писала къ ней отъ имени брата, доколѣ Бестужевъ не предложилъ безопаснѣйшаго способа къ передачѣ писемъ непосредственно отъ самого Вилима Ивановича.

рыши царевны (рота) (?) весьма плоха і еѣ высочества повелела мне вас просит чтоб вы изволили доложить еѣ императорскаго величества государыне царіце Екатерине алексеевне і о томъ ваше стараніе приложит чтоб его императорскаго величества доложит дабы повелено было на смену каргопольской роты изъ гранадерскихъ конныхъ полковъ роту с офицеры определит воособливую службу ея высочества, которую-б могли называть здесь еѣ высочества гвардіею і чтоб до генералитета так и до полку дела неимела, но толкоб под еѣ высочества указомъ была, а провиантомъ і фуражемъ довольствоват оную роту изволит от своихъ амтов, но толкоб жалованье офицерамъ і рядовымъ изъ военной коллегіи или от камисариата (1) присылалос понеже (и мундировъ и стола) хотя своего прибавитца здесь полутчей делат; во истинну еѣ высочеству не безъ стыда, что оберраты употребляютъ за собою княжескую гвардію с изряднымъ уборомъ; за что еѣ высочество обещаетъ вамъ удовольствоватъ чесно посему (2) покорно прошу какъ скоряи уведомитъ і пребываю вамъ государя моего слуга верный петръ бестужевъ. Изъ митавы 6 еевраля 1722.

VIII

Артемій Петровичъ Волыньскій къ Виллиму Монсу 1720—1724 г.

1

14 іюня 1720 г.

Государь мой і любѣзныи другъ

Я за особливое несчастье себя причитаю, что неведальъ вашего отъезду и zelo удивляюся что вы такъ тайно збѣжали, і что за причина не знаю! Прошу васъ, Государя моего, уведомить, когда ихъ величество сюда изволятъ прибыть, чтобъ мнѣ о томъ вѣдать а я zelo жалѣю, что неведальъ васъ при отезде, понеже и яб неотсталъ, также изволтъ с моей стороны попечать Петру Федоровичу, чтобъ оны забылъ мою прозбу; сіиъ окончавъ остаюсь

вашъ Государя моего
вѣрно обязанныи слуга
А : волыньскіи.

Изъ С. Р. В. Іюня 14-го 1720 г.

При семъ клаяветца вамъ слѣпной бандорка и репортон ожидается, куда повѣлено будетъ репортовать, однакожъ за слѣпнотою одному ему невозможно схать, не прееит, чтобъ мнѣ проводить.

(1) Два слова неразобрано.

(2) Слово неразобрано.

30 декабря 1720 г.

Государь мой любезный друг и братъ вілімъ івановичъ

Письмо ваше, государя моего, от 21 декабря, я получилъ, за которое zelo благодарствую, а о себѣ доношу, что я несчастливъ мойиъ сюда приездом, понеже такъ немогу, что девятой день, и надворъ не могу вытти, ветокмо куда ездить, от чего в превеликомъ страхе, чтоб не причлося мнѣ въ иное, однакожъ свидѣтельствуюся богомъ і всеми, кто меня видел, понеже жалеютъ, кто здес есть все посещаютъ истинно такова себѣ мученья нікогда не видалъ: вавалила у меня мокротою горло і грудь, такъ что нетокмо свободно есть і спат немогу, и уже от сідня спиноу тронутца немогу, а ежели лягу, то такъ заливаець мокрота, что и духъ захватить, і такъ в сутки мнѣ разве достанецца уснуть два часа, и то сія, оклався подушками, однакож хто у вас можетъ поверить, еще бъ ежели сія болезнь мнѣ пріключилася в петербурхе, тобъ пред глазами вілімо было; пожалуй мой батюшка донеси премилостивоіи матери, всемилостивейшей царіце Государонѣ, что сотворіла со мною рабомъ своимъ милость, ежели случитца в слову, чтоб милостиво предстательствовала, кленуся богом, что неімью німалой прічины, за чем бы могъ до сего времени здес медлть; однакож какъ скоро нетокмо свобожусь, но хотя мало полехче будетъ, поеду, а теперъ сижу какъ уродъ, облепленъ в пластыряхъ, і голова, и горло, и на грудяхъ и обвязан весь. Пожалуй, мой батюшка, неоставить меня писмами своїми, ибо мнѣ нікто такъ неудевителенъ, что андрейнъ, которой такъ меня забылъ, какъ недоброй человекъ, сколько пропу- стилъ оказей, хотабъ от него строку видал; между тем же пріехал к неронову человекъ, с которым онъ к нему писалъ, а ко мнѣ нічево. Извольте меня по совестіи разсудить с ним, такъ же и сестре изволь обявит, которой прошу отдать в благодареніемъ мой нижайшей поклонъ, прітомже и всей вашей любезной еамиліи, а на особливые писма чтоб непрогневаліся, истинно і к вамъ пишу черезъ смы, также пожалуй поклонись от меня дмітрею андреевичу (1), которой с вамі водномъ списке здес записанъ в бѣглецахъ, а протчіе во временщикахъ, о чемъ изволите уведомитца от других, а наче от князь андрея (2). Также разглашено здес про василья дмітревича, что онъ лишень весма милости Государыни царіцы, і бутто уже нікуда не годіца, что ему изволъ сказать, і от меня отдать поклонъ.

Что же, Государь мой, изволіи писать об лошеді, по которую я нарочно в деревню послалъ, толко какъ слышу, сказывал мнѣ мат-

(1) Шепелеву; «путевой маршалъ» двора Екатерины.

(2) Вяземскаго.

вей и люди мои, что очень хороша стала і чиста, і ежели такову увижу, то я человеку степана расписевича (1) неогдамъ, ибо какъ бы несмотрѣлъ, однакожъ такъ нелая, какъ в глазах, того ради посмотрю, ежели мнѣю, то пошлю к вам; будеже еще неискрепчада, то отдамъ князь андрею вязинскому, у котораго бережнѣе будетъ, а онъ пришлетъ к вам по лѣту, о калмыке князь Николаю я посылаю, а самъ ево невідаю, понеже и онъ смостелі невластаетъ, такъ боленъ, также і князю александру черкасскому посылаю, и сверхъ того князь григорью александровичу говорю и своимъ людямъ приказалъ, чтобъ искалі. Инаго вамъ, моему государю, доводитъ неіею, токмо прошу непременно меня в вашей милости і любви содержать, почитая истиннымъ і вѣрнымъ вашимъ слугою, яко есмь і пребуду.

Вашъ, Государя моего, покорный і вѣрнообязанный слуга і братъ

А: волынской.

Изъ москвы. Декабря .30. дня. 1720 г.

На томъ же листкѣ записка къ Петру Балку:

Государь мой Петръ Федоровичъ

Сего часу прислалъ ко мнѣ князь Николай, что люди ево калмыка твоего поимали, я ево велѣлъ, к себѣ привезть, і буду держать скованова у себя в домѣ, а когда будетъ оказія велю к вамъ отослать.

Влімъ Ивановичъ изволь покрічатъ на андреяна полѣхче, ибо я теперъ получилъ от него письма, только чтобъ впредь такъ недѣлалъ и оказей неароускалъ.

3

2 февраля 1721 г. (2)

Государь мой и любезный другъ и братъ Вилимъ Ивановичъ!

Ваше, государя моего, благопріятнѣйшее писаніе, отъ .21. прошедшаго генваря отправленное, исправно принять получилъ, за которое вамъ, государю моему, вѣдо благодарствую. Такожъ и за показанные вами, заочныя мнѣ дружескія милости и благодаренія; прошу и впредь меня неоставить, въ горестномъ моемъ отлученіи, въ чемъ я на васъ моего друга вѣрную надежду имѣю. О себѣ доношу, что я на мѣренъ былъ конечно ѣхать отсюда тридцатаго или тридцать перваго числа, прошедшаго, какъ и къ ихъ величеству чрезъ мои всеподданнѣйшіе доносилъ, однакожъ еще удержала меня покупка лошадей и протчаго, что мнѣ здѣсь принять надлежитъ, для посылки въ Персію. О чемъ хотя ежедневно посылаю къ здѣшнимъ управителямъ, которымъ то отправить и отдать мнѣ повелѣно, однакожъ немогу и по сіе

(1) Лопухина.

(2) Письмо писано рукой секретаря.

время сдѣлать; того ради принужденъ здѣсь затѣмъ остаться, но хотя отдадутъ или нѣтъ, только дайте седьмого числа сего мѣсяца не буду шѣптать, и бросаю все поѣду вѣконечно, понеже слава вышнему отъ болѣзни моей нѣкую свободу, а здѣсь живучи уже отъ страха сердце надеюсь. Однакожь прошу васъ, моего государя и друга, въ томъ меня охранить, что и послѣ того терзана здѣсь остался, въ чемъ вѣрно васъ обнадеживаю, что нѣдолго для больша жить небуду, токмо сіе для прочихъ впрому умолчать; стѣжь окончивъ остаюсь вашъ, государя моего, вѣрный другъ и неопорный слуга

Артемей вольжской. (1)

Из москвы 2 февраля 1721.

При семъ прошу къ величеству доложитъ понеже я увидѣлъ, что в можайскихъ вотчинахъ бѣздельные жеребцы, того ради отдаю грузинцову (2) двухъ жеребцовъ, которые нынѣ покупаются, ибо обѣ лошади неравные, а сторгованы за триста за тридцать рублей, вместо которыхъ бѣру у него такихъ кои тошъ негодны. Обѣ серые и гривы свалились а отдаю одинъ вороной а другой саврасой, от которыхъ чаю, обновитца тамошнѣ заводъ.

Прості (3) мой батюшка, друг мой виліимъ ивановичъ, прошу васъ ежели буду живъ, неоставить, а буде умру поминать.

Такожъ прошу отдатъ поклон мой сестре вашей милостивой Государынѣ моей і всеи вашей любезной еамілі.

4

9 февраля 1721 г.

Государь мой и любезный другъ и братъ виліимъ ивановичъ

Увѣдавъ нашу истинную дружбу и любовь, просилъ меня иванъ петровичъ талстой, чтобъ я его вамъ, государю моему и другу, рекомендовалъ и просилъ васъ; того ради прошу, дабы вы, государь мой, невеликіе его в свою дружбу и любовь принять, і такъ содержать, за котораго я безсумненія обещаюсь порукою быть, что онъ вашу дружбу, какъ і сомною имѣеть чисто содержать будетъ и можетъ быть впротчемъ верный вамъ слугою, вчемъ и тыя твои слепецъ общей нашъ камратъ вамъ порукою будетъ; ибо я здесъ между нми дружбу добрую сосводичель; а слышалъ я, что и с вами у него хотя прямиой дружбы, однакожъ пріятелями были, того ради дай боже, чтобъ я впрямую дружбу васъ сосводичалъ, какъ и надѣюсь, что можетъ быть постоянна собѣ стороны, сімъ прекрата остаюсь, вашъ, государя моего, вѣрно

(1) Отсюда собственноручно.

(2) Управляющему можайскихъ вотчинъ государыни.

(3) Отсюда на двухъ отдѣльныхъ доскуткахъ, вложенныхъ въ письмо.

облавынскій и чистосердечный другъ и братъ и покорный слуга А: пет-
льинской канцеляси, в Москве 9 февраля, 1721.

Дорожну, вам только тайно.

Надучить я надеюся на астраханѣ, что идутъ к терку незваные
послы, которыхъ, хотя нехотятца, однакожь встречать надобно, ибо
судавка важная, чтобъ ведотчивать, хотя у меня и мало такихъ с нем
перчарахъ, только конечно надобно итти туда, хотя мнѣ и безътруда
будеть, понеже слышу, что ихъ весьма, о чемъ донесено и военной
кнѣзю, которой бы надлежало послать указъ и кропотову, чтобъ онъ
комнѣ, хотя два полка отправилъ, также чтобъ и в лошекимъ каванамъ по-
слати указъ подлучиной; а безъ того я могу и проматъ, ежели итти только
сродни, понеже у меня болше 3000 вѣтъ, а ихъ съ 30,000. однакожь
хотя до мнѣ прибавокъ будетъ имъ нетъ, однакожь мнѣ итти не возмо-
жно и поиду крещено, хотя проматъ; а то притчдт, что у меня ма-
тущино сердце, которое во мнѣ и с робятскихъ лѣтъ небыдало.

5

23 июня 1721 г.

Государь мой и любезный другъ нѣдимъ ивановичъ.

Хотя я отъ васъ чрезъ андрейна писма и неполучилъ, однакожь несу-
ществуя прамени в вашей, государя моего, любви и пріязни, но имѣю
всегда на васъ верную надежду; о себѣ доношу, что встрахавъ при-
былъ, которую намолъ пусту и совсемъ разорену, а именно крепостей
адмиралскихъ станы во многихъ мѣстахъ разваалися а худы все: также и
башни некоторые чаю: изволятъ уласть скоро; гварнізонъ здешней
чаю: справятъ, что я члѣт полкахъ выбралъ я с небольшимъ с 2000 год-
ныхъ оубей, а до на сіду; драгунскихъ лошадей по табѣлю только од-
на, а мушкетеры, какъ на драгунахъ, такъ и на салдатахъ ни на одномъ,
и адвнатчетъ лѣтъ не давано; отъ чего многие ходятъ в балаховахъ, а вы-
чтено у нихъ съ 34,000 которые денги в казані и селі; также прови-
анту по пріезде моемъ нашолъ я толко съ 300 четвертей, да прі мнѣ
вывезли съ 5000; и тако, по истиннѣ, что нивѣжу, все надобно вновь
дѣлатъ и такая прішла на меня напасть, что незнаю, за что пріятца,
ктому жъ особливо на меня божей гневъ, что аѣперы здѣсь такіе, что
въ редкомъ путь, а прочіе и дуракі, в пьяницы, которымъ невозмо-
жно быть нѣ надъ бѣстїею, нетоко надъ людмі, і ктому теперь прішло,
что нѣ послат, нѣ приказатъ ничего невозможно. Еще жъ ведомості здѣс
непреставно наъ терка подтверждаютъ, что непріятелі такъ прішли
в сіду, что уже и проездъ струдом; которыхъ (непріятелей) сначала
было несколько согъ но вынѣ умножилос и до 6000 которые какъ око-
ло терка, такъ и около гребѣнскихъ казаковъ все разорилі и пограбі-
лі, о чемъ какъ в севат, такъ і в калегію чаю не одну стопу бумаги
измарали, но революціи о томъ вѣткуды вѣтъ; но знатъ што не нашу
тысечу рубять! однакожь я нехота оставить принужденъ зделатъ туда

транспорты забравъ отсюды всех садат і драгунъ, і сам с ними, а здесь повину толко для карауду і то ссоломеным ружьемъ; я васъ мой батюшка, прошу показат ко мнѣ милость і вручит о томъ всемилоостивейшей царицѣ государынѣ, чтоб показала надомною, работъ своинъ, милость, о чем я і чрез мое всеподданнѣйше просилъ, которое прі сем посылаю и прошу вручит; ибо я віжу, что нарочно такъ делаютъ і оставилі, чтоб я пропагъ, чего и искат сам еду; я віжу, что идолы тѣ болше делают добра, нежели господа наши, ибо хотя я не имелъ указу, однакож віда сію нанастъ, принужденъ просить аюду хана, чтоб онъ помогъ мнѣ, которой тотчасъ обѣщалъ мнѣ от пяти и до шти тысячь калмыкъ послать тудаж к терку, на что у меня и лучшая надежда, а что там зделаю, незнаю; поистиннѣ я теперъ в такой дѣсперанціи, что сам себѣ нерад, понеже здесь дѣл тма, а там пронадеаетъ; однакожъ остави все, принужденъ туда ехат, чтоб там і всего непотерать; болше сего писать к вам неімѣю, токмо прошу показат ко мнѣ какую нѣбудъ милость нынѣ кропотов скомандою бѣз всякаго дѣла, хотяб от него мнѣ уже далі одинъ полкъ, понеже я ні с чемъ еду, то бѣ я с помощію вышшняго надѣялся, что нѣбудъ зделать а теперъ, хотя и еду, токмо напрасно, понеже у меня регулярныхъ и дву тысячь небудетъ, которыми можетъ быт от терка отбитъ мочно, но чтож в томъ ползы. Ежели на нѣх неітѣ і неучівѣт им такова разоренья в жїліщахъ ихъ, какое чїнат оні нам; то чем я от терка отступлю, а оні пакы тожъ будутъ делать, того раді, по моему мнѣвію, ежели на нѣх не ходітъ, то бы мнѣ лучше и на терке быть уже незачемъ, понеже когда я им прїездомъ моимъ нічего неучівю, то відімо будетъ знакъ, что мы ихъ бутто боїмся, что увїда могутъ к нїм і другие многи пристат, которые теперъ бутто еще держатца, бутто под страхомъ, я тако, Боже сохрани, может оттого прїмая война родітца, однакож у насъ того несмотрять что впередъ будетъ; сімъ окончавъ, остаюсь вашъ, моего государя, верный другъ і покорный слуга Артемей вольинской. Из астрахані іюня .23. д. 1721 г.

6

25 сентября 1721 г. (1)

Государь мой вѣрный другъ и любезный братъ!

Вопервыхъ благодарствую вамъ, государю моему, за ваши учивенья мнѣ заочныя дружескія благодѣянія, и потомъ доношу, понеже послалъ я къ ея величеству, всемилоостивѣйшей царицѣ государынѣ Араба съ Арабкою и съ двумя Арабченками, съ поручикомъ Карповымъ, который посланъ съ нѣкоторымъ репортомъ въ военную коллегію, а притомъ и мои ему нужды поручилъ; того ради, васъ моего государя и друга, прошу, о чемъ оный васъ будеть просить, азъ томъ

(1) Рукѡй секретаря.

меня неоставить, також и его въ вашей милости содержать. А что здѣсь дѣлается, ссылаюся на его вамъ изустное доношеніе, ибо оныи на здѣшнее на все самовидецъ, а и на постороннія дѣла отчасти извѣстенъ, между тѣмъ и о моемъ каторжномъ житіи онъ вамъ донесеть; симъ окончивъ, паки васъ, государя моего и друга, прошу меня въ прежней вашей милости и дружбѣ содержать, въ которую вручая и я тако остаюся вамъ государя моего и друга вѣрный и покорный слуга А. Вольнскойіи, изъ Астрахани, сентября .25. д. 1721 г. (1)

P. S. При семъ которую я подарилъ вамъ лошадь, надѣюся, что на весну можно вамъ на ней будетъ ездить, того радіи посылаю вамъ, моему другу, турецкой мушкетъ серебряной и с наперстью и с решмою; прошу в память услугъ моихъ и верной любви принят.

За темъ прошу вас, государя моего, объявить мои должной поклонъ, хотя я и словесно приказывалъ государю моему Петру Фодоровичу такожъ государю моему Степану Васильевичу съ Натальею Фодоровою (2).

7

5 декабря 1721 г.

Государь мой іи любезный другъ іи братъ!

Не роспространяя инаго, токмо прилагаю при семъ мое всеподданнѣйшее прошеніе ко всемилостивѣйшей матеріи царіцѣ государонѣ, не котораго все мои нужды изволите увидеть, и прітомъ васъ, моего государя и друга, прошу, оное же величеству на единѣ вручить; а прочель-бы алексѣй Васильевичъ (3) того радіи, изволите излучить, чтобъ онъ тутъ былъ; я самъ чрезъ Бога прошу показать свою дружескую ко мнѣ милость впреставствіи къ еѣ величеству; а о делахъ здешнихъ пропастныхъ много васъ трудить нехочу, токмо ссылаюся на посланные мои писма къ алексѣю Васильевичу, общаго нашего друга, такожъ и князя Грѣгорья алексѣевича, которые изволите увидеть, чаю и узнатъ, каково мое бѣдное житіе; за темъ немогу васъ много трудить, толко прошу, для милости божьей, зделайте со мною милость, чтобъ я вечно вотчанинъ непропалъ, симъ прекратя остаюся вашъ, государя моего и друга, верный іи покорный слуга А. вольнскойіи изъ гребѣнскова казачья щадрина городка. 5 декабря 1721 г. При семъ прошу, отдать поклонъ мои милостивой моей государонѣ, сестре вашей, іи всей вашей ѳамиліи моимъ милостивымъ.

Намерень я былъ подъ вашими ковертомъ послать государонѣ царіцѣ мое писмо, но сказалъ мнѣ блеклой, что вы посланы къ городу, того радіи оное послалъ под ковертомъ Алексѣя Васильевича.

(1) Отсюда собственноручно.

(2) Лопухинимъ.

(3) Макаровъ.

28 января 1722 г.

Государь мой любезный братъ і верный другъ великъ івановичъ дружеское ваше, государя моего и брата, писаніе на москвы адресъ пріяно, я получилъ, понеому написать, чтобъ беспечалъ было, тогда однакожь всегда вамъ, моему другу, благодарствую за ваше дружеское истинное неоставленіе, за что всевышній саміхъ васъ милостію неостави. Прі семъ доношу, что я по окончаніи известныхъ вамъ торскихъ дѣлъ, съ которыми дозволено было труда, но, слава вышнему, нѣдѣтъ что надобно было, то все неупушено. Чего и я шюитишии нечаялъ, ибо незаппее дело было и воожески (?) рѣлъ дѣлу. Одинокши порубилъ и вполонъ избралъ смоло смоги и бреділі по болотамъ и по степямъ, какъ хотелъ и такъ сщастіиво сію начатую на востокъ пошванію окончал, а шпаги изъ ноженъ невынімалъ (однакожь трудовъ моіхъ і вамъ изъ вятыхъ вилеяъ малчіка изряднаго челомъ бью) потому, нѣтъ прішло ктому, что нѣ тамъ зімовать стало (бесъ хлеба дурно), нѣ сюда нтіть съ малыми людьми нелзя, і такъ уже прішла нѣтъ бѣда не шутка, понеже оакцію детахъ моіхъ калмыковъ намеренъ былъ нтіть на мезъ бахта гирей бѣшеной салтанъ кубанской, вчемъ меня одінъ владелекъ престерегъ, что я уведавъ, прівужденъ політчно дати знатъ хану, что я оакцію ихъ знаю, и чтобъ онъ ведал, что если будетъ нѣтъ отъ кубанцевъ, пакость то онъ в томъ ответъ дастъ: і с темъ отважася, положілся на волю божію и 22 декабря (съ свірепымъ войскомъ убрався) пошелъ, что нѣ будетъ; и хотя по истиннѣ с такимъ трудомъ, какова еще сроду невідалъ, однакожь бѣзбѣдно, и сюда сего, генваря 8 числа, со всеми, слава вышнему, прібылъ, токмо дни праздніка рождества до смерті нѣтъ незабыть, а день новаго года прілучілося торжествоватъ на голой степі бѣзводы и бѣздаровъ; но за все прошедшіе труды и бѣзпокойствы вынешняя почта прінесла нѣтъ великую радость, а то уже со всемъ было укоренілся здесь зімовать і для того пріпасать было сталъ я местічко теплінкое, понеже моі хоромы зело бѣспокойны. По слава всевышнему, что милостію всемілостівѣйшеі Государоніи нашеі милостиво свободілъ; за что незнаю, какое благодареніе могу пріисать, понеже сіе выше моего ума дѣло; и тако неотменно отсел с первой недели поста поеду; естлі дастъ богъ, поуправясь, неотложібы я нѣ до завтрея, токмо некоторые бѣздеіцы навязалісь, которые неучреда, ехати нехочетца; дай всевышній прібыть и чтобъ уже не томо руки, но слѣды ногъ ихъ императорскаго величества получить радуюся всеподданнѣйше целовать; болѣе сего распространять нехочу і о чемъ нынѣ, понеже самъ буду к вамъ непісанная, но живая грамотка, тогда изволте читать о всемъ беспотішн, а сказывать осьтъ что, хотябъ кто былъ і на томъ свѣтѣ, столко ж сталъ бы сказывать, а я и терекъ держу недутче ада, около котораго живуть нлі звері нлі черті;

о чемъ доноситъ вамъ пространно Господи́нъ Блекло́й; сіи́з окончи́въ, остае́сь ва́шъ, госуда́ря моего́ і́ друга, ве́рный бра́тъ і́ покорный слуга́ Арте́мій во́льмской. Изъ астраха́нї 28 дня́ генваря́ 1722.

9

8 февраля 1722 г. (1)

Госуда́рь мой благонаде́жный дру́гъ и бра́тъ!

Мнѣ́ мно́го вамъ госуда́рю моему́ и дру́гу доноси́тъ не ии́бу, то́нко письмо́ю по всеми́лости́вѣи́шей императри́цѣ госуда́рыни́зъ упо́требленію́ сто́ла за́дѣи́кіе дичи; ско́лько сыска́тъ мо́гъ, пять дра́пъ, и 21 о́вазы, да каба́ныи́хъ пороса́тъ ше́сть, кото́рой заво́дъ у́ меня въ до́мѣ отъ дичи́хъ каба́новъ за́велся. И еже́ли въ шѣ́лости сіе́ приве́зено бу́детъ, про́шу ва́съ, госуда́ря моего́ пристойны́мъ обра́зомъ ея́ императри́цѣ вели́честву до́нести, и э́скузовать ме́ня, дабы́ непрогнѣ́вался, что́ такую́ бездѣ́лицу дерзну́лъ послѣ́тъ, въ наде́ждѣ́ ихъ вели́чества́ ко́мѣ́ рабу́ иа́терней шѣ́лости, и о́тъ престо́ты моего́ усерді́а, че́мъ милосе́рдно позво́лили при́нять и ку́шать, о́ чемъ я́ проси́лъ и Алексе́я Васи́льевича; си́и окончи́въ, остае́сь ва́шъ, госуда́ря моего́ и дру́га, ве́рный и покорный слуга́ Арте́мій во́льмской. Изъ Астраха́нн. Февра́ля 8 дня́ 1722 г.

10

28 февраля 1722 г. (2)

Госуда́рь мой и исти́нный дру́гъ и бра́тъ Вильге́мъ Ива́новичъ! Доно́шу вамъ, что́ я́ сего́ febbráля 21 дня́, изъ Астраха́нн вы́ѣхалъ и́ сюда́ въ Цари́цынъ вче́ра прибы́лъ, до́ котора́го вере́тъ за́ десять неде́лѣ́жкая́ до́шолъ́ было́ конца́ та́кимъ обра́зомъ, что́ и но́чью спа́лъ, и та́къ привеза́ли ме́ня къ по́лынье́, подлѣ́ которой́ подлѣ́ мои́ми сана́ми съ́ дву́ма коренны́ми лоша́дыми ле́дъ проло́мился, и по́несло́ ме́ня, какъ́ бы́ на́ плоту́ въ по́лынью́ пря́мо, но́ еще́ тѣ́мъ Бо́гъ спа́съ, что́ пе́редні́а лоша́да уде́ржалася́ на́ крѣ́пкомъ́ ле́ду, и по́томъ вы́тащили́ и сани́; то́кмо та́кихъ́ я́ добры́хъ това́рищей́ имѣ́лъ, что́ не хотѣ́ли отста́тъ отъ́ ме́ня, коня́ за́ мно́ю ѣ́хали, оди́и за́ други́ми пя́теро сана́и вы́ско́лился́ въ во́ду и по́плыли, и та́къ би́лися́ нѣ́ско́лько ми́нутъ, до́ко́лѣ́ при́бѣ́жали оста́више́ съ́ огло́бля́ми и съ́ возжа́ми, и та́къ сла́вобу́ вы́таска́ли лю́дей и во́зы; одна́ко́жъ что́ было́ перепорти́ли та́къ, что́ рѣ́дко́ что́ годи́тся, а́ прочее́ все́ пропа́ло; и та́къ мнѣ́ сдѣ́лаю́ убы́тка́ око́ло 400 ру́блей; че́го ра́ди прину́жденъ́ пере́мѣ́ннать за́вѣ́сь два́ дня́, а́ по́томъ та́кимъ́ же́ путе́мъ ѣ́хать до́ Сара́това; но́ что́ дѣ́-

(1) Рукой секретаря.

(2) Рукой секретаря.

лать, хотя съ убыткомъ и бѣдами, однакожь дай только Боже видѣть ихъ императорское величество; и потомуъ васъ, чему обрадуется все сіе забвенію предать; симъ прекрати и остаюсь вашъ, государя моего и друга, вѣрный и покорный слуга А. волинской.

Изъ царіцына. Февраля 28, 1722 г. (1)

Р. С. Паче другова убытка вело мнѣ жаль перуковъ, повеже что было все, тутже и любимые ваши два, вькуда негодятца. Тутже перуки все полиняли только остались черные и те безъ глазокъ; а вас, всего друга и брата, прошу, потрудитца два перука, тупе, и около волдыжины чулокъ (если у васъ цветныхъ нѣтъ) сыскать, однакожь и слышу, что и васъ заставила неволя щеголять и рубашки уже смину, что почали вы смажкетами носить, что за великое удивленіе почтаю и вовсе небуду верить, нежели глазами моиъ увижу.

Ежели, государь мой братецъ, не сыщется для меня інова двора в слободе, не мошноль вамъ поговорить господину бѣлоу, чтобъ онъ переѣхалъ на загородной свой двор, а мнѣ слоботной уступил, невели, какъ вамъ известно, что мнѣ конечно надобно быть к преображенскому ближе; а кому ж, когда буду (въ) слободе, то надеюсь, что и вамъ со мною жиѣ. однакожь, какъ і вы знаете, что доктор скутъ, то не-возможноль, хотя с наймомъ, яб и тѣмъ былъ благодаренъ, толи чтобъ быт к вамъ ближе.

11

28 іюля 1722 г.

Государь мой и благонадѣжный другъ і братъ виліимъ івановичъ!

Я за особливое несчастіе себя причитаю, что вѣднваго письма от вас, государя моего, не получилъ, хотя многократно к вамъ писал, однакожь вины моея никакой незнаю, что отдаю на ваше разсужденіе. прі семъ доношу авета моя ротіла мнѣ трепіцу, которой далі ны анна, и дѣвка ізрадная естлі будетъ жива, чаю карлица будетъ, чѣмъ я и радъ былъ, понеже когда будетъ неглупа тоб уповал, что будетъ вместо авдотьюшки (2) в милости и яб болше нежелал, чтобъ она со всемъ была такова, какъ она, чтобъ себя за особливое сщастіе причтал, мнѣж бы бѣзубытку. Предъ симъ я просилъ всеподданнѣйше всемилостивѣйшую государыню маму императрицу о милостивомъ позволеніи, чтобъ государыня цесаревна анна петровна соізволила оную под свое высокую протекцію принятъ от купели, о чемъ такожь и еѣ высочество всеподданнѣйше просилъ, однакожь до сего времени несподобилсъ того высокаго указа получить, что за особливое несчастіе причитаю;

(1) Отсюда собственноручно.

(2) Любимая карлица Екатерины.

и имѣю великую печаль, непрогневал ли тѣмъ? того ради, васъ, государя моего і друга, прошу уведоми т меня о том, по милости своей, нет ли на меня гнева, от котораго, боже сохрани, куда я годенъ буду, лутче хочу умерет, нежели чем прогневат и пакі вас, государь мой прошу пожаловат ко мнѣ отписат и из сего сумненія меня вывести; вашъ, государя моего и друга верный і покорный слуга А. вольинской. Из астрахани юліа 28 дня 1723 г.

При сем отдаю должной поклон моі милостивоі государинѣ моей, матревѣ ивановиѣ и всей вашей любѣзной еамиліи.

Надѣюсь я, что вы, государь мой, извѣстны о произшедшей здес бѣзделицѣ? повеже какъ слышу, что уже ихъ величеству донеслося, того ради принужденъ я всеподданѣйше трудитъ еѣ величество, всемілостивѣйшую императрицу государюю и донестъ подробно, какъ было из чего; і вы изволите увидет, естли моя хотя малая вина. богъ свидетель, что я сіе за особливое несчастіе почитаю, паче же печалюся смертельно, можетъ быть, что ихъ императорскому величеству не такъ донесено, какъ было; того ради, боюся ихъ величества гнева.

12

28 мая 1724 г. (1)

Мой милостивой государь, Вилимъ Ивановичь!

Который пакетъ я вамъ, государю моему, при отгѣздѣ моемъ, вручилъ, для самага бога пожалуй, государь мой, покажи со мною милость, изволте неумедля вручить всемілостивѣйшей государинѣ, и притомъ побить челомъ, чтобъ показала надо мною, работъ своихъ, божескую милость, изволила бы податъ его императорскому величеству и притомъ милостиво объявить: что понеже я желалъ, чтобъ его величество, по первому моему меморіалу, изволилъ спроситъ меня, однакожь такъ сдѣлалось, что изволилъ подписать, въ такой силѣ, что ни правды, ни вины моей знатъ *неизволить, кромъ дѣсу и людей* (2).

И тако сіе склоняется къ тому, чтобъ я *показалъ, что моя правда, и что моя вина* (3). Того ради, какіе я посылалъ жестокіе указы о дѣсу въ Сибирекъ, и сколько разъ посылалъ, и зачѣмъ оный дѣсъ въ Астрахань не бывалъ, тому всему въ прошломъ еще году прислана отъ меня въ кабинетъ обстоятельная вѣдомость; чтобъ изволилъ приказать, кому изволить вѣрнитъ, а собливо желалъ бы я, чтобъ высмотрелъ Павелъ Ивановичь. (4)

Людей, что я оставилъ 1000 человекъ въ Астрахани: первое не для моей прихоти, а если то сыщется, приказалъ бы меня за то хотя

(1) Рукой секретаря.

(2) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

(3) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

(4) Ягужинскій.

четвертовать; второе: такая крайняя пужда была, что Михайлъ Аео-насьевичъ людей у меня побралъ съ 400 человекъ, и естлибъ не оы, тобъ ни провіантъ отправлять, ни судовъ таскать было некънъ; третье: что я и оставилъ не собою, но по письму Михайла Аеонасьевича, съ котораго копію тутъ приложилъ (1), а въ прочихъ дѣлахъ я такъ дѣлалъ, какъ вѣрному рабу надлежало; и для того и правду и вину мою написалъ тутъ, чтобъ показала государыня божескую милость, наволнла бъ его императорскаго величества попросить, чтобъ самъ изволилъ прочесть, а потомъ какъ его воля, ибо наволнть нѣтъ того усмотрѣть: добрый ли я человекъ или нѣтъ?

Также прошу и о другомъ меморіалѣ, который я, по приказу все-милостивѣйшей государыни, вручилъ вамъ, о томъ припомннть (2), а что с шурьями (3) аделается о томъ вамъ жена моя донесетъ і пакн васъ, государь мой милостивой, прошу показат надо мною милость вчемъ я благонадѣженъ пребывавъ и остаюсь вашъ, государя моего, покорный і верный слуга А. вольинской. Изъ села Петровскаго, Маа 28 дня. 1724.

13

Года и числа неизвѣстнаго.

Государь мой, любезный братъ и истинный другъ вілгельмъ изво-ничъ.

Прошу вас, государь мой, припомннть о подавнн меморіала, і во немъ о ісходатаіствованнн ннѣ жалованья; понеже управляю я свое дѣло уже 16 нѣсяцовъ, а жалованья нікакова не получаю; того радн, чтоб оное повелено было выдать; и впред учннть ннѣ окладъ дене-жвой и хлѣбной, дабы могъ себя там содержать, ибо как вам известно, что ннѣ бес того содержать себя невозможно; к томуж будутъ ннѣ не-престанные отлучки, которые требуютъ особліво излишннхъ расходовъ.

второе прошу, чтоб опредѣлнть ко мне таварыща, понеже какъ віжу нынѣ, что у меня больше дураковъ, нежели умныхъ. И тако с трудомъ дѣла и прн ннѣ будутъ, а ежели ннѣ куда отлучнтна, то, во истнннѣ, некому вручнть будетъ. Того радн, вездѣ возможноль одною головою все аделать, естлі не будетъ несколькохъ добрыхъ помощн-ковъ; а я-бы уже я одному радъ былъ. Також, мой батюшка, прошу вас особліво припамятовать о том, что ннѣ прн отпускѣ обещано, по-неже ннѣ нічто такъ непотребно, какъ сія милость.

А затѣм уже прошу і об извѣстномъ вамъ дѣлѣ, чтоб о склонности дѣвшнкой доложнть, і к совършенню сіѣ прнвестъ, такъ какъ вамъ с той стороны говорено; а больше и я нынѣ не требую... (4)

(1) То-есть приложилъ при меморіалѣ.

(2) Отсюда собственноручно.

(3) Слово это неразборчиво.

(4) Конецъ письма отрѣзанъ.

IX

*Иванъ Максимовичъ Шуваловъ къ Виллиму Монсу. 13 апрѣля
1722 г. (1).*

Милостивый государь мой, Вилимъ Ивановичъ!

Доношу вамъ, моему государю, въ лапстрандѣ съ господиномъ Ин-
зиномъ обрѣтаемъ всегда въ спорахъ о зачатіи границы. Надлежитъ
начать отъ кирки Вироласкъ, понеже другога мѣста такимъ званіемъ
нѣтъ; а онъ толкуетъ, называя отъ себя заливъ: виролоскомъ. По
приходу тое кирки такожь новыми мѣлами продолжать границы нехо-
четъ, а представляетъ старыя мѣли, которыя въ половину новыихъ,
или мало больше. Прошу, милостивый государь, неоставить меня въ
своей милости. Много къ донощенію немѣлю, токмо остаюсь въ вашей
милости моего государя нижайшій слуга Иванъ Шуваловъ. Лап-
страндъ. 13 апрѣля 1722 года (2).

X

Петръ Андреевичъ Толстой къ Виллиму Монсу

1

9 Декабря. 1723 г.

Государь мой вилимъ ивановичъ!

Прошу вас, государь мой, вначѣ (3) ея величеству всемилостивѣйшей
наше государынѣ императрице при моемъ рабскомъ поклонѣ донести,
что для которыхъ дѣлъ я отправленъ въ Москву, оныя началъ исправлять
и съ помощію божию уповаю бытъ исправнымъ. Токмо вѣло мнѣ пе-
чально, что се время вещи, которыя выписаны изъ италии въ Москву,
еще непривизѣны; однакожъ ожидаемъ ихъ вскоре; а прочіе здѣсѣ на-
чали дѣлатъ, и прошу вас, государь мой, неумедли прислатъ ко мнѣ ри-
сунокъ кавалеріи ея величества, безмерно трудно здѣсѣ сыскатъ масте-
рицъ, доторыя шитъ умѣють, хотя и есть некоторые, токмо плохи,
однакожъ буду и о томъ старатся по возможности; еще мой государь,
прошу донести, что, по указу ея величества, дворы, гдѣ стоятъ госу-

(1) Рукой секретаря, кромѣ подписи.

(2) Иванъ Максимовичъ Шуваловъ, отецъ знаменитаго фаворита Елисаветы
Петровны — Ивана Ивановича, отправленъ былъ Петромъ въ Выборгъ въ
1718 г. для описанія и положенія на планъ морскихъ береговъ до устья рѣки
Урпалы и чрезъ рѣку Воксу до Ладожскаго озера. Въ 1722 году онъ былъ
оберъ-комендантомъ Выборга и размежовывалъ земли между Шведіей и Россіей
согласно вейштадскому договору.

(3) Слово неразборчиво написано.

дарынямъ царевнамъ, по требованію василія салтыкова, очищены и ему оныя вручены, а имянно на чистом пруде двор полковника петра иванова сына лачинова, на котором жилых теплыхъ 9 покоевъ: другой подле тогож, иновещцовъ закремъ да петра меллеровъ, на которомъ 8 покоевъ. Я опасаяся либо вещи изъ италіи умедлятся, сыскалъ здесъ в запасъ бархатовъ красныхъ одного цвету с шесть сот аршинъ также и другихъ цвѣтовъ немало и заказалъ ихъ до указа продаватъ, гравовиталъ полата, хотя и сделана была до моего сюда пріезду, но нынѣ все велелъ переделатъ, и вскоре чаю поспеетъ, также и другіе полаты, для ея величества будутъ готовы, и впрочемъ сколько богъ поможетъ усвою направится и пребываю вашего благородія покорной Петръ Тальстой.

Изъ москвы, декабря . 9 . дня 1723 г.

2

18 декабря 1723 г.

Государь мой велиимъ ивановичъ! Свеликою моею горестію услышавъ я здѣс, что ихъ величество невзволетъ бытъ в москву, к празнику рождества Христова, и по истиннѣ, государь мой отъ тяжкихъ размышленіи едва жизнь моя нескончается. Того ради, великимъ прилежаніемъ вас, мой государь, прошу отписать ко мнѣ причину, для чего ихъ величества походъ свой изволили отложить, притомъ же прошу донестъ ея величеству, всемиловитѣйшей нашей государынѣ императрице, что здесъ предуготовление чинится с великимъ воспешеніемъ, и вещи изъ италіи привезены преизрядныя, токмо неможемъ кроитъ платья на пажеи и на гайдуковъ безъ мѣры, также, прошу неумедля прислатъ ко мнѣ рисунокъ кавалеріи ея величества, за темъ оставилосъ дѣлю, о чемъ я къ вамъ, государь мой, писалъ и напередъ сего; впрочемъ с почтеніемъ пребываю покорной вашъ слуга Петръ Тальстой. Изъ москвы, декабря . 18 . дня 1723 года.

3

Неизвестнаго года и числа.

Государь мой велиимъ Ивановичъ. Сего часа были у меня дербенды, которые присланы отъ тамошняго наипа, и объявили мнѣ, что наипъ прислалъ свини къ ея величеству, всемиловитой нашей государынѣ императрице, одну девочку горского народа; того ради прошу васъ, моего государя, доложить ея величеству, поутѣже оныя дербенды желаютъ, чтобы имъ самимъ оную девочку ея величеству придравить. А присланной отъ наипа — племянникъ ево, которого и ея величество знатъ изволитъ. И что ея величество изволитъ повелетъ, прошу, государь мой, меня уведомитъ покорной слуга П. Тальстой.

XI

*Стихи, писанные рукой Егора Столѣтова, найденные въ его бу-
магахъ.*

1

Охъ свѣтъ мой горкій моей молодости,
Печально терпѣть, не имѣю радости,

Мои утѣхи въ плачь ся превратились,
Мои роскоши уже пременялись,

Тяжкая туга меня сокрушаетъ,
Злая же печаль жизни мя лишаетъ,

Хоть пойду въ сады или въ винограды,
Не имѣю въ сердцѣ ни малой отрады,

Другъ мой сердечный прочь отъѣзжаетъ,
Меня бѣдную въ горѣ оставляетъ,

Иже обязанъ созовомъ сердечнымъ,
Въ любви сопряженъ, въ вѣрности неустой,

Который во всемъ хотѣлъ быть вѣрнымъ,
Мнѣ же до смерти никакъ неостыженнымъ,

Нынѣ отъ очей моихъ онъ сокрылся,
Ахъ горе, горе, уже удался.

Кого бѣдная сердечнѣ любила,
Того несчастьемъ своимъ утратила,

Возьму съ печали преострые мечи,
Промолвлю въ горѣ такія азъ рѣчи:

Безчастный той день, въ онъ же азъ рожденна,
Почто на свѣтѣ такъ сотворенна,

За вѣрность мою легко мнѣ умереть,
Вѣчный слухъ будетъ ахъ! объ моей смерти.

Пробью на мечи свои бѣдные перси,
Отъ чего умру, ты самъ другъ мой вѣси.

9

Охъ! жаль несносны, гдѣ златыя лѣта
 Очи, которые заживаютъ свѣта
 Зѣло убо тяжко оныхъ погубити
 О коль есть прискорбно, безъ зрѣнія жити.
 Не жаль ли то тяжко утраты враки
 Да быся вернули во обитель паки,
 Кто убо-бы не радъ свещей годниѣ,
 Кто убо-бы зѣло не тѣшился нынѣ,
 Днесь-же азъ презвѣльно оными страдаю,
 Сердцемъ, всѣми члены, въ полы умираю.
 Понеже вся радость отъ мене лишена
 Яко глава моя лють уязвена,
 О злобное время не полно-ль ти было,
 Что и въ прежнія дѣта тѣмъ мена дзвигло.
 Нынѣ наипаче горестъ мнѣ являетъ,
 Ясности пріятной отлучить желаетъ.
 Убо-азъ надежду полагаю въ Божѣ,
 Онъ мя да врачуеть въ милости на мнозѣ,
 Аще и зла болѣзнь мена обложила,
 Главу, умъ, мысль, волю жестоко смирила,
 Аще и никто мнѣ о сѣмъ не поможетъ,
 Но Ты, о всецѣдый и всекрѣпкій Боже,
 Ибо всю надежду на тя полагаю,
 И отъ тебѣ пріяти всаку благодѣть чаю.

Стихи Виллима Мюссѣ

1

Welche Hoffnung, dass zu Kriegen,
 Was mich mit Flammen überstreut,
 So gewillet dennoch Mein Vergnügen,
 Auch noch aus der Unmöglichkeit,
 Den darf ich gleich den platz nicht nennen,
 Will ich doch in gedanken Brennen,
 Biss an Mein Letzes Lebens Zeit.

2

Welt ade ich bin dein müde
 Ich will nach dem Himmel zu

Da wird sein der rechte friede,
Und die stoltze seele ruh ;
Welt bei dir ist Krig und streit
Nichts denn lauter eitelkeit.
In dem Himmel alle Zeit
Friede ruh und seligkeit.

.....

МИХАИЛЪ СЕМЕВСКІЙ

К О Н Е Ц Ъ

ЗАКОНЫ О ПЕЧАТИ

СТАТЬЯ ВТОРАЯ

Въ послѣднее время въ нашей литературѣ много было говорено о цензурномъ уставѣ, о законахъ, касающихся печати, о правилахъ, которыя должны быть вновь постановлены для ограниченія свободы слова и т. д. Одинъ еженедѣльный журналъ выступилъ даже съ цѣлымъ проектомъ закона драконовска-строгаго, съ пяти-тысячными штрафами, съ шестилѣтнимъ тюремнымъ заключеніемъ и т. д. Одна московская газета, чрезъ своего петербургскаго сотрудника, находила даже и этотъ проектъ слишкомъ либеральнымъ. Вообще многіе органы нашей литературы показали весьма похвальную готовность къ самоограниченію. Другіе напротивъ находили въ-которыя неудобства въ существующихъ цензурныхъ правилахъ, совершенно основательно полагая, что есть же неудобства, когда само правительство сочло необходимымъ пересмотрѣть цензурный уставъ.

Но въ чемъ же главнѣйшимъ образомъ заключаются неудобства нынѣ дѣйствующихъ цензурныхъ правилъ?

Каждая книга, каждая страница, всякая строчка, предназначенная для печати, поступаютъ предварительно на разсмотрѣніе чиновника, получающаго отъ правительства жалованье, надлежащія инструкціи и сверхъ того полномочіе вычеркивать все то, что въ данную минуту считается вреднымъ или противнымъ нравственности, религіи и правительству. Книги представляются на разсмотрѣніе въ рукописи, изданія періодическія — въ корректурныхъ листахъ. На разсмотрѣніе всего того, что теперь печатается, нужно очень много времени, и издатель, теряя время, теряетъ въ тоже время и деньги, такъ какъ время — тѣже деньги. Сверхъ того издатель весьма часто платитъ деньги за статьи, которыя потомъ запрещаются цензурой, стало-быть теряетъ заплаченные деньги безвозвратно. Кромѣ того, если онъ издаетъ журналъ, платитъ за наборъ этой статьи, стало-

быть опять терпеть. Все эти потери издателю нужно вознаградить на тѣхъ статьяхъ и книгахъ, которыя не будутъ признаны въ настоящую минуту вредными, стало-быть за дозволенные книги и статьи брать цѣну выше той, какая слѣдовала бы по простому, несложившемуся заиреценіями расчету. Отсюда стало-быть дороговизна книгъ, вѣчный, постоянный рискъ со стороны издателя, постоянныя потери и отсутствіе твердости, прочности въ расчетахъ. Если бы даже издателю въ данную минуту извѣстны были все существующія инструкціи, даваемые цензорамъ (что впрочемъ никогда не бывало), то и въ такомъ случаѣ онъ не можетъ безопасно дѣйствовать въ своей сферѣ по двумъ весьма важнымъ и простымъ причинамъ. Во первыхъ пока рукопись разсматривается въ цензурѣ, можетъ возникнуть новая инструкція, которая перевернетъ вверхъ дномъ все его соображенія; а во вторыхъ, если этого не случится, то всегда существующія инструкціи такъ неточны, что соображался съ ними, всякая почти статья можетъ быть и запрещена, и дозволена. Неточность эта бываетъ конечно неумышленная; причина неточности заключается въ самой сущности дѣла, въ томъ, что никто на свѣтѣ не можетъ съ точностью выразить то что требуется цензурными условіями, какъ никто на свѣтѣ не можетъ высказать наприимѣръ того, что требуется приличіями свѣтскими.

Страдаютъ писатели еще больше, чѣмъ издатели. Писатель, нѣтъ въ виду всевозможныя цензурныя инструкціи, добросовѣтнѣйшимъ образомъ работаетъ мѣсяца два, полгода, годъ, пишетъ статью, наводитъ справки, собираетъ матеріалы, свѣряетъ, выработываетъ слогъ — и вотъ статья готова, статья, стоившая огромнѣйшихъ трудовъ. Уполномоченный отъ правительства чиновникъ прочитываетъ статью въ каіе-нибудь десять часовъ и однимъ почеркомъ пера вычеркиваетъ ее всю, или, что еще страшнѣе, вычеркиваетъ лучшія ея мѣста. Неговоря уже о томъ, сколько тутъ внимательнаго для благороднаго труженника науки или искусства, это вычеркиваніе есть смертный приговоръ человѣку, произнесенный не уголовнымъ судомъ и не за преступленіе. Это смертный приговоръ, потому что куда годится употребленный человѣкомъ годъ на обработку его сачивенія? Годъ этотъ пропалъ, вычеркнуто изъ жизни человѣка; жизнь его сокращена на цѣлый годъ. Сверхъ того у человѣка отнимается его собственность, когда вычеркивается его статья. Правда, что статья попрежнему принадлежитъ человѣку, но съ ограниченіемъ такъ-сказать правъ состоянія. Рукопись возвращается автору, но съ тѣмъ, чтобы ее не печатать: а это совершенно равносильно тому, чтобы возвратитъ человѣку глаза съ тѣмъ, чтобы онъ никогда ими не смотрѣлъ, или возвратитъ землю съ тѣмъ, что-

бы ничего на ней не отрубить, не сбить, не сжечь. Наконецъ всѣмъ часто однимъ четвернымъ яремъ цензора опрощиваются всѣ экономическіе расчеты автора, такъ что ему остается одинъ дорога — въ долговое отдѣленіе. И все это за чтоже? Будь еще за каковъ-нибудь проступленіе — куда ни шло: можно было бы еще съ отцомъ какъ-нибудь пошариться. А то большую частью ровно ни за что, или за дробное намѣреніе.

Чтобы эти *мизансы* и *ли* для чего не казались толословными фразами, припомнимъ два-три примѣра. «Тартюсъ» мольеровскій былъ долгое время запрещенъ. Тартюсъ — канжа, хитрый предѣла, обманывающій всѣхъ окружающихъ чуть не святыни рѣчи, а на дѣлѣ человекъ чувствительный, своекорыстный. Въ концѣ 1644 года пришли въ благородное негодование, какъ только слышали о новой пьесѣ, а духовенство, долгое время бывшее во Франціи всемогущимъ, всичемъ старалось воспрепятствовать представленію этой комедіи, которая считалась опасною для религій, какъ будто есть что-нибудь общее между канжествомъ и религіей. Сдѣлано было по поводу этой комедіи особое постановленіе, которымъ подвергался отлученію отъ церкви не только авторъ, который будто представлялъ это дьявольское сочиненіе, но и всѣмъ, кто будетъ его читать. Аббатъ Пьеръ Рулло объявлялъ, что «Мольеръ, этотъ дьяволъ въ человѣческомъ видѣ», долженъ быть подвергнутъ публичнѣйшей казни для искупленія своего адскаго произведенія. Мему тѣмъ Мольеръ хлопоталъ о разрѣшеніи, и наконецъ однажды театръ наполнился зрителями, сбѣжавшимися смотрѣть Тартюса. Вдругъ посланный отъ перваго президента объявляетъ Мольеру, что приказано приостановить представленіе. Понятно, что зрители за это считали канжамъ и не канжей, а въ самомъ дѣлѣ благочестивыхъ людей, и понятна также, много ли при этомъ запрещеніи шмыгала религія, которая считалась въ опасности отъ Тартюса. Наконецъ когда Тартюсъ былъ сыгранъ и повторенъ ежедневно втеченіи трехъ недѣль, оказалось, что религія осталась прежняя, первооснованная, а только естѣнные люди лицемѣрно-религіозные, надъ которыми впрочемъ сдѣланы давно всѣ, начиная съ Божича. Такъ запрещена была невнятиѣйшая комедія ничемъ и ни для чего, или для какой-то воображаемой цѣли.

А за что было запрещено «Горе отъ ума»? Потому ее назначали безъ пропусковъ, играютъ на сценѣ — и религія не оскорблена, нравственность не страдаетъ. Да сверхъ того запрещеніе ее не достигло даже той цѣли, чтобы она нигде не читалась: она была въ безчисленныхъ копіяхъ прочитана всѣми грамотными людьми въ Россіи, точно также какъ читается въ рукописяхъ и въ за-

прежнее и въ тоже время интересно. Очень хорошо помнить всякій, какъ долго ходила въ рукописи маленькая повѣсть «Три смерти»; но потомъ, когда она была напечатана, не оказалось ничему изъ нея вреда.

Всѣмъ извѣстна исторія «Женитьбы Фигаро», которую такъ долго не играли на сценѣ. Будутъ играть Фигаро, или не будутъ? Вопросъ этотъ сдѣлался едва не политическимъ: дворъ и городъ раздѣлялись на два лагера, за и противъ, и нейтральныхъ не было. Рукопись нѣсколько разъ пересылалась изъ полиціи въ театръ, изъ театра въ полицію. Наконецъ король и королева захотѣли сами по судить; и вотъ какъ madame Кампанъ рассказываетъ этотъ случай въ своихъ запискахъ: «Однажды я получаю отъ королевы записку приказано явиться въ три часа и не прѣзжать необдуманно, потому что останусь долго. Вхожу во внутренній кабинетъ ея величества и къ тому королеву одну съ королемъ. Передъ ними притомъ уже отъѣлъ и столъ, и на немъ большая рукопись въ нѣсколькихъ тетрадяхъ. Король сказалъ мнѣ: «Это комедія Вольтера; прочтите мнѣ ее. Будутъ трудныя мѣста, потому что многое вытернуто и есть сноски. Я пробѣжалъ уже ее, но мнѣ хочется, чтобы королева послушала. Никому не говорите о томъ, что прочтете.» Я начала; король прерывалъ меня часто восклицаніями, всегда вѣрными; то хвалилъ, то переицалъ. Королева была почти непримѣнительно Фигаро. При дворѣ составила партія, которая хотѣла noch разъ посмотреть Фигаро на сценѣ. Роли были разучены, билеты маленькаго домашняго театра розданы самымъ высшимъ придворнымъ, и занавѣсъ готовъ уже былъ подняться, какъ вдругъ королевскими повелѣніемъ спектакль отмененъ. Поднялся ропотъ... «Для тогдашней цезары считалась предосудительными малѣйшіе намекъ на стѣснительность цезары. Напримеръ:

«Говорятъ, что въ Мадридѣ установилась свобода продажи продуктовъ, даже продуктовъ печати, и ежели я не стану говорить въ своихъ сочиненіяхъ ни о власти, ни о религіи, ни о политикѣ, ни о нравственности, ни о людяхъ, занимающихъ важныя мѣста, ни о сочиненіяхъ, пользующихся довѣріемъ, ни объ осперъ, ни о другихъ спектакляхъ, ни о комъ, кто держится чего-нибудь, то я все могу свободно печатать подъ надзоромъ двухъ или трехъ цензоровъ.»

— Какъ? смѣть такъ легкомысленно говорить о цензурѣ, объ этомъ красномъ камнѣ? Да это ужасъ! разбой! святотатство! Вырвать ему языкъ! То-есть запретить комедію.

Или другой такой же ужасъ:

«Сказалъ бы я мнѣ, что печатныя глушости имѣютъ важность только тамъ, гдѣ стѣсняется ихъ обращеніе; что безъ свободы по-

рицанія нѣтъ и не можетъ быть дѣстной похвалы, и что только маленькіе люди боятся маленькихъ сочиненій.»

Какъ бы то нибыло, наконецъ комедія была играна, а теперь она совершенно безопасно читается чуть не маленькими дѣтьми, и притомъ не боится больше этой страшной комедіи.

И вся исторія цензуры показываетъ, что вещи, сначала запрещенныя, потомъ были разрѣшаемы и сдѣлались такими обыденными, обыкновенными, что никто уже не обращаетъ на нихъ особеннаго вниманія, и только удивительно становится, какъ это старая цензура была столь близорука, что не разрѣшила ихъ съ самаго начала и запрещеніемъ своимъ придавала особенную дѣйству, чрезвычайную важность, какой-то таинственный интересъ вещамъ самимъ притомъ, которыя и безъ того у всѣхъ были на языкѣ?

Можетъ-быть кто-нибудь подумаетъ, будто во время запрещенія извѣстнаго сочиненія общество не было еще довольно зрѣлымъ для его чтенія, а потомъ, когда созрѣло, оказалось возможнымъ разрѣшить его. Но извѣстная пошлость «еще не созрѣли» давно уже оцѣнена на заслугамъ. Общество, въ которомъ явилось извѣстное сочиненіе, конечно созрѣло настолько, чтобы произвести это сочиненіе, потому что, какъ доказано тысячу разъ, зародышъ каждаго сочиненія лежитъ въ обществѣ, которое стало-быть и есть прамой его производитель. Какъ же производителю не быть настолько зрѣлымъ, чтобы не цѣнить своего произведенія?

Но дайте. Страдаютъ вслѣдствіе нынѣ дѣйствующихъ цензурныхъ правилъ читатели. По случаю вышнелъясвленныхъ издательскихъ обстоятельствъ, читатели платятъ за книги дороже, нежели платили бы безъ этихъ обстоятельствъ. Потому они платятъ дороже еще за переноску вещей, запрещенныхъ цензурою. Всѣ знаютъ, а правительство знаетъ лучше всѣхъ, что запрещенныя статьи расходятся по рукамъ въ копіяхъ, какъ расходились непримѣръ «Горе отъ ума», «Демонъ» Лермонтова и многія другія, болѣе или менѣе вещи. Если только запрещенныя вещи дѣйствительно вредны, то въ рукописи онѣ несравненно вреднѣе, чѣмъ печатныя безъ цензуры. Свободно запечатанная вещь терлется въ массѣ печатной бумаги и не имѣетъ особеннаго значенія, кромѣ того, какое дѣйствительно въ ней заключается; тогда какъ статья, списанная этикеткою и переданная съ глазу на глазъ изъ рукъ въ руки и побочѣе дакъ за одинъ день, получаетъ особенное значеніе именно вслѣдствіе этой таинственности. Такимъ образомъ полученная рукопись читается съ особенною жаждою, наедивъ съ запертыми на ключъ дверями, проглатывается и усваивается усердно и тщательно, и въ ней уславляется еще прочиѣе именно то, что въ особенности запрещено. Вся

нѣй помнитъ, что изъ «Горя отъ ума» особенно твердо были извѣстны тѣ стихи, которые были пропущены въ первомъ изданіи этой комедіи. Стало-быть если въ запрещенной статьѣ заключался вредъ, то былъ особенно злоуреденъ именно отъ запрещенности.

Страдаетъ отъ цензурныхъ правилъ все общество, потому что дѣйствующіи правила а) уменьшаютъ количество книгъ, а вслѣдствіе этого и) меньше обитъ бумаги и всего матерьяла книгопечатнаго; с) уменьшаютъ количество хорошихъ книгъ; d) убиваютъ или усыпляютъ таланты, e) замедляютъ слѣдовательно развитіе и самую трезвость общества.

Все это весьма нетрудно доказать.

а) Цензурныя правила уменьшаютъ количество книгъ. Значительное количество книгъ и статей пропадаетъ для литературы, по случаю запрещенія, за то, что въ данную минуту онѣ считаются вредными. Черезъ нѣкоторое, часто короткое время эти статьи и книги оказываются позволительными, но нѣрѣдко своевременность ихъ уже исчезла: не все-же на свѣтѣ гениальныя произведенія, которыя переживаютъ вѣка. Но не только книгъ печатается, ихъ и пишется гораздо меньше, нежели можно было бы ожидать при данномъ развитіи общества. Всякій, у кого являлось желаніе высказаться печатнымъ образомъ, понимаетъ очень хорошо, почему это такъ. Иному и хотѣлось бы перелать печати горячее убѣжденіе, свѣжую мысль, дѣльное изслѣдованіе; но его останавливаетъ мысль: пройдетъ ли это? А если не пройдетъ, вѣдь трудъ останется напраснымъ, трудъ будетъ отобранъ, отнятъ административнымъ порядкомъ, безъ всякаго вознагражденія. Попробуетъ человекъ можетъ-быть разъ-другой, и закается. А какъ еще статья или книга пройдетъ черезъ цензурныя кауляскія фурукулы и вѣдется обратно къ автору лишняя всего того, что составляетъ ея силу, ея мощь, ея твердость и самостоятельность, статья обезцвѣченная и обезсиленная, блѣдная, чуть не форменная, — хоть у кого опустятся руки. И пробавляется литература дешовенькими переводами, Поль-де-Коконъ и Бальзаконъ, и безвинно несетъ обвиненіе въ безцвѣтности, бродяжничествѣ, внищенствѣ, безхарактерности, блѣдости.

б) А такъ какъ вообще книгъ печатается меньше, нежели можно было бы ожидать, то понятно само собою, что вся промышленность, связанная съ книгопечатнымъ дѣломъ, находится далеко не въ извѣстномъ состояніи. Даже хорошую типографскую краску вывозимъ мы изъ-за границы, тогда какъ она готовится вѣд изъ сырыхъ матерьяловъ, привозимыхъ отъ насъ. Типографскіе прессы, скоропечатныя машины, лучшую бумагу — все полу-

прямъ заграницей. Да для чего же и свой умъ? Ужь не выписывать ли изъ-заграницы кстата и умъ? Впрочемъ это не шутка: выписывается и умъ.

с) Уменьшаютъ количество хорошихъ книгъ. Само собою разумѣется, что никакая цензура на свѣтѣ не обращаетъ своей заботливости преимущественно на то, чтобы запрещать лучшія книги или вычеркивать изъ книгъ лучшія мѣста. Такой цензуры нѣтъ и не можетъ быть. Но изъ приведенныхъ нами примѣровъ слѣдуетъ, что запрещались вещи очень хорошія, начиная съ «Тартюфа» и кончая маленькой поэмой «Три смерти». И отчего же это такъ выходитъ, что запрещаются и подвергаются гоненію преимущественно лучшія вещи? Галилея духовная цензура хотѣла смочь за то, что онъ проповѣдывалъ вещи извѣстныя теперь всякому школьнику. Не въ томъ ли дѣло, что его мысль была нова? Не потому ли его преслѣдовали, что его ученіе о движеніи земли вокругъ неподвижнаго солнца было просто непривычно для слуха цензуры? Означая мы не хотимъ сказать, чтобы цензура преслѣдовала все что отличается новизною, и вовсе не думаемъ, чтобы вся новѣйшее было очень хорошо, умно и справедливо. Ничуть не бывало; но дѣло въ томъ, что всякая новая истина кажется заблужденіемъ тому, кто привыкъ думать въ одномъ извѣстномъ направленіи. Цензорамъ Галилея казался заблужденіемъ его истина; а заблужденіе вредно: поэтому и преслѣдовали, и весьма добросовѣстно хотѣли смочь живого челоуѣка. Никакіе цензора на свѣтѣ не виноваты, что они люди не гениальные, такъ какъ новую гениальную мысль можетъ справедливо оцѣнить только челоуѣкъ гениальный. Поэтому они и вычеркиваютъ все новое, несогласное въ основаніяхъ съ древле-принятыми истинами. Само собою разумѣется, еслибы они были увѣрены, что данная новость — истина, то ни у кого изъ нихъ не поднялась бы рука вычеркнуть гениальную истину.

d) Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что таланты, боясь цензуры, припалчиваютъ, и въ молчаніи вѣшаютъ. Конечно, гений не будетъ убитъ цензурнымъ вліяніемъ. Онъ пойдетъ за свое ученіе, за свою мысль на костеръ, на крестъ, и его истина восторжествуетъ. Но гдѣ же взять все гениевъ, гдѣ найти обыкновеннымъ смертнымъ силъ на вѣчную, неустанную борьбу? Понятно само собою, что обыкновенные смертные утомляются борьбою черезъ силу и бросаютъ веро. А говорятъ: талантовъ нѣтъ! литература бѣдна! головъ мало! гений русской націи флантъ и отличается только подражательностью. На это можно только сказать, что въ

чего неизвѣстно, что гений русской націи — величина неизвѣстная и рѣшительно никто не видалъ его, не знаетъ что онъ такое, каковъ онъ, этотъ гений. Чтобы это узнать, надо посмотрѣть каковъ онъ будетъ безъ пеленокъ.

е) Такъ какъ мало книгъ, такъ какъ мало хорошихъ книгъ, такъ какъ книги дороги, то у насъ и читаютъ мало. Мы теперь не знаемъ, да и никто не знаетъ, чего хочетъ общество, въ чемъ заключаются его цѣли, его желанія и стремленія, какое его направленіе. Каждый думаетъ про себя, всѣ разговариваютъ вслухъ только о погодѣ да о несравненной прелести какого-нибудь Кальцолари, и потому толкуютъ о вещахъ задушевныхъ. О стремленіяхъ общества нельзя тоже судить по книгамъ, которыя расходятся или не расходятся. Мы знаемъ, что есть большой запросъ на пѣсни Беранже, на «Сынъ Отечества» и на запрещенныя вещи. Но что же изъ этого можно вывести? Ровно ничего, потому что общество не имѣетъ свободнаго выбора: можетъ-быть у насъ и вовсе еще нѣтъ книгъ, которыя стало бы охотно читать наше общество или нашъ народъ? Можетъ-быть, благодаря отсутствію свободы выбора предметовъ, мы до сихъ поръ еще не дали пароду ни одной книги подходящей, по вкусу? Не оттого ли онъ до сихъ поръ такъ медленно подвигается къ грамотности? Не оттого ли иной, прочитавъ «Прекрасную магометанку или Битву русскихъ съ кабардинцами», да еще повѣствованіе «о королѣ Георгѣ милордѣ», ограничивается этимъ, но неудовлетворяясь, находитъ еще только «Сынъ моей жены» Поль-де-Кока, любимую въ лакейскихъ книгу, да «Образецъ постолиной любви», драму въ трехъ дѣйствіяхъ, передѣланную изъ Скриба. Нельзя отрицать, чтобы не было и другихъ причинъ медленнаго развитія у насъ грамотности, но точно также нельзя доказать, чтобы приводимая нами причина вовсе не существовала.

Но болѣе всего отъ нынѣ дѣйствующихъ цензурныхъ правилъ терпитъ правительство, и мы говоримъ это о нашемъ правительствѣ точно также какъ и о всякомъ другомъ, которое думаетъ посредствомъ цензуры ограждать подданныхъ отъ различныхъ печатныхъ злодѣяній. Народъ привыкаетъ на всемъ печатномъ видѣть правительственное разрѣшеніе, а нѣкоторая доля публики считаетъ это разрѣшеніе одобреніемъ, полнымъ согласіемъ, едва не распоряженіемъ. Отъ этого известная доля публики смотритъ на все печатное съ особеннымъ уваженіемъ, на-слово вѣрить всему печатному, и если съ чѣмъ иной разъ не соглашается, то уже не амаларуетъ къ здравому смыслу. Такимъ образомъ правительство, ограждаемое цензурой, нѣкоторымъ образомъ солидарно со всѣмъ

тѣмъ, что напечатано. Для серьезнаго правительства едвали это выгодно.

Потомъ допустимъ на время, что между печатными листами или страницами есть дѣйствительно такія, которыя вредны читателямъ, какъ злѣйшая, неизлечимая чума, что правительство заботливо охраняетъ подданныхъ отъ этой ужасной заразы и для этой цѣли устраиваетъ нравственный карантинъ, цензуру. Положимъ, что довольно долгое время карантинъ этотъ дѣйствуетъ весьма исправно, общество развивается въ извѣстныхъ нравственныхъ колодахъ, или вовсе не развивается, и все обстоитъ благополучно. Вдругъ какъ-нибудь нечаянно, случайно врывается въ эту умѣренно-акуратную среду чумная, концентрированная зараза въ видѣ нецензурной страницы. Чума проникаетъ въ общество, и такъ какъ она передается очень легко, такъ какъ организмы, извѣстныя тепличнымъ однообразнымъ содержаніемъ, чрезвычайно бываютъ воспріимчивы къ свѣжимъ и порою суровымъ вліяніямъ; то зараза развивается съ ужасающею, неудержимою быстротою. Тѣмъ страшнѣе эта зараза, что карантинному управленію уже никакой цѣль возможности услѣдить въ закрытомъ общественномъ организмѣ, какъ далеко проникла чума, много ли органовъ она охватила своимъ тлетворнымъ вліяніемъ, которыя мѣста болѣе, которыя менѣе благонадежны. Тутъ правительство оказывается слабымъ, недостаточно бдительнымъ. Опять-таки мы не хотимъ этимъ сказать, что бдительность должна быть увеличена: мы полагаемъ напротивъ, что бдительности ровно никакой неужно, и постараемся далѣе доказать это. Но если уже принять принципъ чужой заразительности печатной страницы, то конечно слѣдуетъ оберегать публику отъ этой гангрены пуще нежели отъ настоящей чумы. Въ чумѣ погибаетъ только тѣло, а здѣсь гибнетъ самая душа. Справедливость того, что мы говоримъ, доказывается между прочимъ намишками Гейне надъ австрійскими таможенными чиновниками, которые усердно перерывали его чемоданъ, отыскивая тамъ контрабанды. Чудаки и не догадались, что контрабанда-то у него въ головѣ. Но времена Галилея теперь прошли, и за головную контрабанду теперь не жгутъ живыхъ людей на кострахъ.

Наконецъ какое правительство на свѣтѣ не можетъ сказать, что такое-то напримѣръ сочиненіе, какъ «Свадьба Фигаро», запрещается навсегда. Приходитъ наконецъ время, когда запрещенная вещь — у всѣхъ на языкѣ, такъ что запрещенія какъ не бывало; но за запрещеніемъ нельзя не признать того достоинства, что оно, хотя на вѣкоторое время, хотя весьма ненадолго, задерживаетъ со-

гласіе или такъ-сказать стачку общественнаго мнѣнія. Однакоже какъ бы то ни было, правительство постоянное должно имѣть видъ твердости, стойкости принциповъ, и на многіе десяти лѣтъ впередъ, если не на цѣлыя столѣтія, обдуманное направленіе. Въ такомъ только случаѣ оно пользуется подобающимъ уваженіемъ.

Вѣрнѣе имѣя въ виду всѣ эти невыгоды и неудобства, наше правительство сочло полезнымъ подвергнуть пересмотру наши законы о печати.

Но если намъ невозможно высказать свое мнѣніе о томъ: какъ же тутъ быть?—то мы сначала попробовали бы разсмотрѣть, не слишкомъ ли много важности приписывается печати во всѣхъ такъ-забонахъ, которымъ она подвергается? Сначала требуется рѣшить, что чѣмъ руководится: общественное мнѣніе печатью, или печать мнѣніемъ общества? Другими словами, что идетъ впередъ по направленію къ прогрессу: печать или мнѣніе общества? Послѣ того надобно изслѣдовать отношенія правительства къ общественному мнѣнію; можно ли не имѣло бы разсмотрѣть, есть ли какая-нибудь возможность принять накія-нибудь мѣры противъ общественнаго мнѣнія; рѣшить, можетъ ли устоять надолго каная-нибудь система или ученіе, несогласное съ мнѣніемъ общества, и потомъ посмотреть, какія могутъ быть въ разсмотрѣнія этихъ вопросовъ естественныя, логическія выводы.

И конерныхъ, что чѣмъ руководится: общественное мнѣніе печатью, или печать мнѣніемъ общества? Что идетъ впередъ къ прогрессу: печать или мнѣніе общества? Или еще другими словами: общее движеніе атмосферы приводитъ въ движеніе облака, или облака своимъ самостоятельнымъ движеніемъ приводятъ въ движеніе атмосферу?

Всѣмъ извѣстно, что облака неимѣютъ собственнаго, независимаго движенія, что для ихъ перемѣщенія нужно движеніе воздуха, и что движеніе верхнихъ слоевъ атмосферы для насъ незамѣтно, если нѣтъ облаковъ. Точно также движеніе мысли въ обществѣ было бы очень мало замѣтно безъ печати, да и никакая печать не была бы возможна безъ предварительнаго умственнаго движенія общества. Все пишущее стало-быть есть выводъ, результатъ общественной мысли, и все что написано, есть нѣкоторымъ образомъ продуктъ общества. Само собою понятно, что еслибы Кантъ родился бурятомъ или самоѣдомъ, то небыло бы на свѣтѣ «Критики чистаго разума», и бурятская литература не могла бы родиться изъ головы своего юпитера въ полномъ вооруженіи, не могла бы прямо начаться съ этой книги. Дѣло въ томъ, что мозговое вещество всѣхъ такъ-называе-

ныхъ середѣвѣкъ людей или критиковъ выработывается естественнымъ образомъ известнымъ образомъ: лѣтъ по лѣтамъ въ поколѣніе, и для того чтобы русская литература украсилась «Барсомъ Голуновымъ» Пушкина, или его «Русалкой», необходимо цулла было арану Петра I учиться за границей, необходимо было Ломоносову написать олу на заствіе Хотина, Державину посланіе Фриццъ, Карамзину свою исторію, даже необходимо была Погодину поозвѣзиться надъ «Исторіей русскаго народа». Литературныя произведенія являются органически, какъ растенія изъ своей почвы, а не падаютъ метеорами, не являются случайными самородками. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда литературное произведеніе занесено изъ чуждой страны и въ почвѣ не встрѣтитъ ничего родоственнаго, оно погибнетъ, какъ тропическое растеніе, пересаженное подъ полярный кругъ. Прочтите да надъакское марѣчье «Горе отъ ума», во всѣмъ вѣстившъ авторъ былъ вычеркнутъ цензурою, какъ вредныя, и раздѣлы кардому изъ туземцевъ. Еслибы даже всѣ они сегодня выучились читать, еслибы переводъ былъ дѣланъ такъ же хорошо, какъ переводилъ Жуковский, — комедія небыла бы прочитана, имѣла бы одно значеніе съ чистой бумагой или съ камнемъ-набуду китайскимъ фоманомъ, то-есть не имѣла бы ровно никакого значенія. Кальвинская цензура, еслибы она существовала, могла бы споросашиве опозкойно разрѣшить обращеніе въ своей публикѣ этой книги; она не только не была бы вредна, но даже не была бы читана. Такимъ образомъ едвали даже можно считать какую-набуду книгу вредною для общества, когда она сама есть продуктъ этого общества, произведена обществомъ органически, какъ волосы на человеческой головѣ — продуктъ всего организма. Какимъ же образомъ волосы могутъ быть вредны человѣку? Продукты же чуждые, случайно прикоснувшіеся къ организму, не могутъ быть вредны потому, что они не усваиваются, не перевариваются, преидають безъ слѣда, непроизведи никакого дѣйствія, какъ «Горе отъ ума» на Кальвинъ.

Въ старинныхъ руководствахъ всеобщей исторіи говорилось между прочимъ, что Вольтеръ и энциклопедисты были главнымъ причиною первой французской революціи. Говоря это, старинныя историкки приписываютъ литературѣ слишкомъ много значенія, и повѣщія историческія изслѣдованія давно опровергаютъ этотъ вздоръ. Энциклопедисты писали въ то время, когда во Франціи существовала весьма сильная цензура, когда не выходило на одной книгѣ безъ «королевской привилегіи». Да дѣло въ томъ, что несмотря на шакакія строгости, то что сначала было сильно запрещено, наконецъ повторяется всѣмъ и каждымъ, у всякаго на языкѣ, такъ что

наконецъ самимъ цензорамъ прошлаго столѣтїа смѣшно стало запрещать то, что безъ ихъ разрѣшенїя всѣ думаютъ и говорятъ. Во всѣ времена было, что цензурными инструкціями то смягчались, то становились строже, то опять смягчались. Отчего же это происходило? Само собою разумѣется, что энциклопедисты не выдумывали ничего новаго; они только талантливо излагали убѣжденїя большинства лучшїихъ людей своего времени, они выражали собою общество, но правительству странно было слышать то что говорилось вслухъ во всѣхъ кружкахъ, странно было, что общество такъ далеко ушло впередъ, наконецъ досадо это было, — и являлся порывъ строгостей. Но естественно выходило, что умное правительство понимало невозможность погашенїя мысли въ обществѣ, замѣчало, что мысль растетъ и развивается несмотря на запретъ ея наружныхъ проявленїй, что запреты только безполезно раздражаютъ публику, — и наступало время послабленїй. Въ одно изъ такихъ послабляющихъ временъ разрѣшено было представленїе «Свадьбы Фигаро».

Печать есть ничто иное какъ экспрессїя, выраженїе общественнаго лица. Положимъ, что у человѣка можно отнять и языкъ, и выраженїе лица; но послѣ этого извольте же имѣть съ нимъ дѣло! Не знаешь доволенъ онъ, или сердитъ, не знаешь чего онъ хочетъ, что замышляеть.

Итакъ ежели печать есть результатъ общественной мысли, а не руководитель, то слѣдовательно стѣсненїе печати стѣсняетъ мнѣнїе, мысль общества. Это истина несомнѣнная. Но вопросъ въ томъ: стѣсненїе останавливаетъ ли совершенно, или только задерживаетъ, или наконецъ искажаетъ общественное мнѣнїе и дѣлаетъ его развитїе одностороннимъ? Ежели было бы возможно такое варварское правительство, которое хотѣло бы не только задержать, но и совершенно прекратить развитїе общественной мысли, то при напряженїи всѣхъ своихъ средствъ оно никакъ не могло бы этого сдѣлать въ короткое время. На это нужно нѣсколько десятковъ лѣтъ постоянныхъ, внимательныхъ и ничего и никого нежалѣющихъ усилїй. Но такого правительства нѣтъ и быть не можетъ иначе, какъ гдѣ-нибудь у деспотовъ внутренней Африки, въ какомъ-нибудь лагомейскомъ царствѣ. Ни одно правительство на свѣтѣ не хочетъ управлять безслесными и бессмысленными животными. Чтоже касается до стѣсненїя только, до ограниченїя общественнаго мнѣнїя, то многїя правительства, какъ напримѣръ наполеоновское, считаютъ это возможнымъ и удобнымъ. На нѣкоторое время это дѣйствительно не производитъ замѣтнаго искажающаго влїянїя, но потомъ мало-помалу показывается односторонность, какъ при всякомъ

стѣсненіи органическаго развитія. Организмъ страдаетъ, но развивается; колачки на ногахъ китаецокъ производятъ не маленькія, а уродливыя, копытообразныя ноги; обрѣзываемое сверху дерево растетъ въ ширину, принимаетъ уродливыя формы. Но чтобы сравненіе было вѣрнѣе, стоитъ только подумать, что будетъ съ человекомъ, который отродясь занимается только одною математикою и больше ничѣмъ, или еще лучше — одною только юриспруденціей? Это будетъ одностороннѣйшее и глупѣйшее существо. Впрочемъ мы въ натурѣ видимъ какое уродство выходить изъ нѣкоторыхъ барышень, которыя читаютъ одни только романы. Какъ бы то ни было, стѣсненная цензурою мысль, не проявляясь, не выказываясь, растетъ внутри, но все-таки растетъ и развивается. При этомъ нѣтъ возможности ее контролировать, что для правительства иногда необходимо; да вдобавокъ еще стѣсненная мысль приобретаетъ привычку скрытности, общество теряетъ откровенность, характеры теряютъ честность, люди приобретаютъ привычку читать между строчками, читать не то что написано, и тутъ богъ-знаетъ, какъ фантазируютъ на разныя нецензурныя темы. Такимъ образомъ стѣсненіе развитія общественнаго мнѣнія достигаетъ вовсе не той цѣли, какая предполагается, и какъ-будто на зло производитъ антагонизмъ между обществомъ и правительствомъ.

Этотъ антагонизмъ — явленіе столько же вредное, сколько и ненормальное. Правительство есть верховный, лучшій и просвѣщеннѣйшій представитель общественнаго мнѣнія: таковъ по крайней мѣрѣ идеалъ, къ которому не можетъ не стремиться всякое предусмотрительное правительство. Никакое правительство на свѣтѣ, кромѣ опять-таки дагомейскаго, не захочетъ управлять народомъ не въ согласіи съ лучшими, честнѣйшими, благонамѣреннѣйшими, образованнѣйшими гражданами. Всякое правительство хочетъ блага и добра народу, всякое, по мѣрѣ способностей своихъ и силъ, желаетъ всевозможныхъ улучшеній, мира, согласія, процвѣтанія подданныхъ. Точно того же самаго желаетъ каждый честный человекъ въ государствѣ. Стало-быть правительство всегда согласно съ лучшими гражданами и антагонизмъ между ними есть безсмысленная, невозможность. Отъ этого-то мы и назвали правительство верховнымъ, лучшимъ и просвѣщеннѣйшимъ представителемъ общественнаго мнѣнія.

Тысячами опытовъ и наблюденій доказано, что мысль, ученіе, система, противныя общественному мнѣнію, никакъ не могутъ долго устоять, и не только не повредятъ, но еще укрѣпятъ общественное мнѣніе, уславивъ нѣкоторые спорные пункты. Пусть на-

примѣръ проповѣдуетъ кто хочетъ вслухъ, на площадяхъ, въ журналахъ, и въ газетахъ известное ученіе о томъ, что дѣти не должны быть воспитываемы родителями, а прямо отъ кормилицы поступать на пропитаніе общины. Кому же можетъ повредить такая нелѣпность? И зачѣмъ бы запрещать человѣку удовольствіе проповѣдовать такія вещи, которыя почему-нибудь ему нравятся? Никто не будетъ этого слушать, и дѣла пойдутъ своимъ чередомъ, семейство останется семействомъ, и если нѣкоторые отцы непрочъ будутъ отказываться отъ своихъ дѣтей, «умыть въ нихъ руки», то матери возстанутъ посолово, и проповѣдникъ ничего съ ними не сдѣлаетъ. Впрочемъ и безъ этой проповѣди отцы зачастую отказываются отъ своихъ дѣтей; а люди, которые проповѣдуютъ отрицаніе семейства и обезличиванье дѣтей гуртовымъ воспитаніемъ, не признаютъ за женщиной никакихъ свойствъ, правъ и достоинствъ, кромѣ свойствъ самки. Но кому же они повредятъ своею проповѣдью? Конечно никому, и зато очень многихъ насмѣшать. Пусть бы кто-нибудь сталъ проповѣдывать, что носъ есть совершенно лишняя часть тѣла, что человечество очень благоразумно поступить, ежели отрѣжетъ себѣ носы. И прекрасно, пусть проповѣдуетъ. Общественное мнѣніе такъ твердо стоитъ за носы, что не будетъ никакого никому вреда; но если кто-нибудь повѣритъ новой пропагандѣ и задумаетъ отрѣзать себѣ носъ, — пусть отрѣжетъ и ходитъ безъ носа: вольному воля. Если взять примѣръ не такой рѣзкій и допустить пропаганду по предмету спорному, на которомъ общественное мнѣніе колеблется, то опять вреда нѣтъ никакого: поднимется споръ, пойдутъ возраженія, опроверженія, общественное мнѣніе окрѣпнетъ, уяснится, чего и слѣдуетъ всегда желать. Наконецъ въ случаѣ если пропаганда во всемъ согласна съ мнѣніемъ общества, то это даже не пропаганда, а одно изъ двухъ: или переливанье изъ пустого въ порожнее, или приведеніе къ одному знаменателю различныхъ отгѣлковъ одного и того же мнѣнія.

Такимъ образомъ выходитъ вотъ что:

Печать не руководитъ общественнымъ мнѣніемъ: она во всемъ своемъ итогѣмъ при неизмѣнномъ условіи полнѣйшей свободы, есть только продуктъ общественнаго мнѣнія.

Правительство есть представитель общественнаго мнѣнія, и стало-быть въ продуктѣ его, въ печати, можетъ почерпнуть полезныя для великаго своего дѣла указанія.

Законъ, направленный противъ уклоненій отъ общественнаго мнѣнія, бесполезенъ, такъ какъ уклоненія долго удержаться не могутъ и падаютъ сами собою.

Слѣдовательно, по нашему мнѣнію, законы, стѣсняющіе свободу печати, то-есть стѣсняющіе не общественное мнѣніе, перѣдъ которыми они безсильны, а стѣсняющіе выраженіе его, то-есть законы, вредныя для общества образомъ суживающіе кругозоръ правительства, — по меньшей мѣрѣ бесполезны.

И слѣдовательно общество не чувствуетъ никакой потребности ни въ какихъ законахъ о печати, кромѣ разнѣ одного, именно о свободѣ печати:

Всякій можетъ писать, печатать и издавать свободно все что хочетъ, такъ какъ правительство, опирающееся на любовь народа и на общественное мнѣніе, имѣетъ основанія рассчитывать въ тоже время на здравый смыслъ подданныхъ, и потому не имѣетъ повода опасаться ни за себя, ни за гражданъ, и сверхъ того имѣетъ нужду въ свободномъ проявленіи общественного мнѣнія для соображенія мѣръ, постановленій и законовъ, необходимыхъ для блага общества.

Такимъ образомъ всякій долженъ имѣть право открывать типографію гдѣ угодно и когда угодно. Одинъ еженедѣльный журналъ обстановилъ открытіе типографіи драконовскими постановленіями, въ тоже время признавая необходимою полную свободу печати. Но типографское дѣло есть то-же переписыванье, только сокращенное и скорое: такъ кому же можетъ быть особенно интересно знать, что я завожу снаряды для быстрого переписыванья, что я напечатаюсь такимъ образомъ служить для заявленія и обобщенія общественного мнѣнія? При полной свободѣ печати, на типографію нельзя смотрѣть иначе какъ на всякое другое промышленное заведеніе, гдѣ машины исполняютъ значительную долю человѣческаго труда.

Всякая печатная страница зарождается гораздо раньше, нежели выходитъ изъ типографіи. Сначала въ головѣ челоуѣка является мысль. Является она, какъ мы видѣли, большею частію изъ наблюденія надъ обществомъ, какъ результатъ общественной мысли. Сильно собою разумѣется, что общественное мнѣніе и мысль отдѣльнаго челоуѣка, по самому существу своему, не подлежатъ никакой въ свѣтѣ цензурѣ. А проявляется она словесно, письменнао, въ печати или въ дѣйствіи. При стѣсненіяхъ возможно бываетъ высказать свою мысль двоимъ, троимъ, десятерымъ друзьямъ, каждый изъ нихъ совершенно безопасно сообщаетъ ее десятерымъ еще, и такъ далѣе. Если мысль согласна съ тономъ общественного мнѣнія и состояніемъ общества, она расходится съ быстротою молніи, основывается, укрѣпляется, и находясь въ душѣ каждаго, составляетъ уже неотъемлемую часть общиннаго капитала. Вѣрная, родная обще-

суду мысли по поводу нужды въ особенно блестящихъ и талантливыхъ соискателяхъ, чтобы окончательно приобрести право гражданства: она является сама собою если не у тысячъ людей, и общество несравненно скорѣе, нежели произошло бы это посредствомъ печати и выданныхъ скоропечатныхъ машинъ. Если кто сомневается въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ, тотъ пусть только вспомнитъ, съ какою едина и броютною быстротою распространяется какой-нибудь новый, неожиданный слухъ. Занимающаго торговца и биржевыми дѣлами знаютъ это очень хорошо. Когда не было еще электрическихъ телеграфовъ, слухи шли дѣльнички и слѣдъ распространялись несколько раньше, нежели приходила болѣе или менѣе точная электрическая почта, и общество выказывало удивительную чувствительность. Съ другой стороны: средняя общественная мысль не имѣетъ нужды въ массовой пропагандѣ. Примеръ этого мы видимъ между прочимъ въ крестьянскомъ вопросѣ: ведь, по цѣлой Россіи, такая смѣшанная неопытность, которой итогъ превосходилъ 30 рубль на человека, встрѣтила единодушную и вполне справедливую оппозицію, высказанную биржевикомъ и законно. — Еслибы почему-нибудь произошло было, что мысль, распространяющаяся такимъ образомъ, имѣла въ распоряженіи оружія, чтобы ей противодействовать, даже мало средствъ узнать степень ея распространенности, она ускользаетъ отъ всякой цензуры. — Далѣе положить, что однимъ изъ членовъ общества написалъ то что все говорить, придавъ только общему голосу ясность, четкость и большую степень определенности, нежели можетъ быть въ безотчетномъ обществѣ говорѣ. Такой человѣкъ кромѣ благодарности ничего болѣе не заслуживаетъ, а если еще онъ размножитъ свою рукопись посредствомъ типографіи, то тѣмъ болѣе будетъ заслуживать признательности. Новогласный съ общественнымъ мнѣніемъ и стало-быть съ благомыслиемъ правительственной мысли, выраженная изустно, письменно или печатно, не признается, отпадаетъ сама собою, какъ мы уже сказали выше. — Остаётся наконецъ проявленіе мысли въ дѣйствіи. Это не можетъ быть всякому предоставлено какъ безотчетное право, потому что мысли могутъ быть ошибочны и ихъ проявленіе въ дѣйствіи можетъ сдѣлаться непоправимымъ для общества закономъ. Важная ошибочная мысль, пока она еще только мысль или слово, есть зло поправимое, котораго лекарство заключается въ самомъ обществѣ. Но дѣйствіе часто бываетъ безвозвратно, и только если общество можетъ разрѣшить исполненіе. Иной можетъ считать свою мысль безотчетною, безусловно полезною для общества; его дѣйствіе могутъ раздѣлять десять, двадцать человѣкъ. Но цѣль невоз-

можно дать вам распоряжаться произвольно, потому что интересы общества они могут надѣлать вреда, если бы они были даже самые первые въ обществѣ люди по уму, добросовѣстности, честности, благонамѣренности и т. д. — Итакъ выраженіе мыслей въ дѣйствіяхъ должно накопиться подъ предварительнымъ контролемъ общества, и этотъ контроль конечно возможенъ только при совершенной свободѣ печати. Безъ этого превосходнаго, всегда правдиваго дѣйствующаго предохранительнаго клапана нѣтъ возможности услѣдить, что замышляютъ нѣкоторые господа, считающіе себя умнѣе всѣхъ на свѣтѣ, полагающіе, будто только они одни и знаютъ истинныя потребности народа. Безъ этого клапана никто вѣдь ихъ не переувѣритъ, и общество не застраховано отъ какой-нибудь отчаянной съ ихъ стороны попятки. Съ другой стороны каждый гражданинъ безъ сомнѣнія имѣетъ право дѣйствовать совершенно по своему во всякомъ случаѣ, когда его дѣйствія не вредны ни отдѣльнымъ гражданамъ, ни цѣлому обществу, имѣетъ поэтому.

Такая самая еженедѣльная газета, которая придумала древне-еврейскіе законы для введенія типографіи, полагаетъ, что каждая напечатанная книга, листокъ газеты, объявленіе и т. п. должны быть сообщаемы полиціи на другой же день по отпечатаніи или по выходѣ въ свѣтъ. Для чего это, — рѣшительно неизвестно. Для того, говоритъ газета, чтобы полиція или правительство могло судомъ преслѣдовать вредныя изданія. Но отдѣлать такимъ образомъ правительство отъ общества намъ кажется въ высшей степени безправственнымъ, вреднымъ. Уже одно это отдѣленіе послужитъ между правительствомъ и обществомъ предосудительный, вредный антагонизмъ. Все что ни издается, печатается точно также для общества, какъ и для правительства, которое есть верховный представитель общества. Стало-быть будетъ принято изданіе обществомъ — точно также оно будетъ принято правительствомъ; будетъ оно отвергнуто обществомъ — правительству нѣтъ надобности печкаться въ этихъ мелочахъ, чтобы какъ-нибудь, безъ пользы для общества я во вредъ себѣ, не запретить «Горе отъ ума» или «Свадьбу Фигаро». Въ Англіи дѣйствуетъ именно такой обычай. Издатель объявляетъ о вѣсѣ вышедшей книгѣ, но не правительству, а обществу, и до сихъ поръ незамѣтно было отъ этого особеннаго вреда, а польза видна большая: Англія теперь образованнѣйшая и стало-быть сильнѣйшая въ свѣтѣ страна.

Въ нѣкоторыхъ земляхъ постановлено закономъ, что желающій издавать газету вносить въ казну залогъ, изъ котораго потомъ, въ случаѣ нужды, производятся вычеты штрафовъ, налагаемыхъ за

разные проступки противъ законовъ о печати. Это одна изъ вреднѣйшихъ для общества, а стало-быть и для правительства мѣръ (такъ какъ мы не считаемъ ни нравственнымъ, ни полезнымъ для государства отдавать правительство отъ общества). Водорыльскъ залогъ стѣснительны, такъ какъ сверхъ-капитала, необходимаго на поддержаніе не изданію, нуженъ издателю еще значительный мертвый капиталъ, который непроизводительно лежитъ въ казнь; а отъсеченіе общественнаго мнѣнія, какъ мы видѣли, бесполезно, если не вредно. — Повторяетъ общество платитъ проценты на этотъ залоговый капиталъ, что составляетъ уже вовсе непроизводительную издержку. Это вдвойнѣ невыгодно: общество бесполезно отнимаетъ подвижность у одного изъ своихъ капиталовъ, да еще платитъ за это. — Стрѣвскихъ политическія партіи, несогласныя съ большинствомъ, охотно выносятъ громадные залоговъ и съ удовольствіемъ платятъ штрафы, только бы ихъ ученіе имѣло какой-нибудь голосъ. Не будь ни залоговъ, ни штрафовъ, каждая партія дѣйствуетъ на общественныя права: та большая партія, которая согласна съ общественнымъ мнѣніемъ, и тѣ мелкія партіи, которыя несогласны. Но залоговъ и вычитаемые изъ нихъ штрафы ставятъ мелкія, несогласныя партіи въ исключительно выгодное положеніе, съ которымъ трудно соперничать партіи большинства. На всякомъ справедливо или несправедливо платящемъ штрафъ лежитъ какой-то свѣтъ страданія, мученичества; платящій становится интереснымъ, какъ обвиняемый. Зачто это его? Какъ? Повторите пожалуйста! Дайте-ка прочитать! — И читаетъ почтенная публика, и пересчитываетъ, и повторяетъ преслѣдуемому фразу, а газета оштрафованная на другой день съ большимъ торжествомъ объявляетъ въ своемъ передовомъ столбцѣ, что она заплатила столько-то, и тутъ же начинаетъ сътовать, прикидываться сиротинкой и страдальницей за свои убѣжденія. Газеты, принадлежащія къ партіи большинства общественнаго мнѣнія, не имѣютъ возможности разыгрывать такой комедіи и заинтересовывать читателей своими страданіями. Какъ бы то ни было, такое положеніе всегда можетъ ввести въ соблазнъ многихъ логковѣрныхъ. Чтоже касается до денежныхъ жертвъ, до залоговъ и вычетовъ изъ него штрафныхъ довергъ, то для политической партіи, властвующей газетой, это ровно ничего не значить.

Французскими законами налагается для каждой газеты отвѣтственный редакторъ, т. е. лицо, сажаемое въ тюрьму въ наказаніе за нѣкоторыя помѣщенныя въ газетѣ статьи. При свободѣ печати такое лицо для полиціи вовсе не нужно; но безъ него дѣло все-таки не обойдется, вѣстунучто оно необходимо для публики, какъ руча-

желание за духъ, направление и характеръ мысли. При цензурѣ предупредительней редакторъ не отвѣчаетъ за цензурное действительство статей своей газеты; при цензурѣ нарательной оны — кандалы въ тюрьму, но за что же? За помѣщаніе статей, несогласныхъ съ цѣлями правительства, существующими въ данную минуту.

Почти во всѣхъ европейскихъ государствахъ учрежденъ штемпель, который наклеивается на періодическія изданія и за который взимается известная пошлина. У насъ такою штемпеля пока еще очень долго не будетъ. Правительство наше лучше всѣхъ знаетъ, что у насъ просвѣщеніе стоитъ далеко не на той степеня, на которой оно должно стоять въ народѣ, составляющемъ державу верховенственную. Поэтому между прочимъ у насъ въ домоставъ народного просвѣщенія даны нѣкоторые льготы, которыми не пользуются другія вѣдомства, какъ-то кратчайшій срокъ службы, избавленіе отъ употребленія гербовой бумаги и т. д. Эти льготы показываютъ уже, какъ правительство озабочено просвѣщеніемъ народа; стало-быть штемпель, за который разумѣется платить читатель газеты и который составляетъ нѣчто вроде штрафа за чтеніе, у насъ, можно надѣяться, принятъ не будетъ еще весьма долго. Можетъ-быть оны будутъ приняты въ то время, когда періодическія изданія будутъ составлять уже чистую роскошь, а не потребность столь же необходимую, какъ хлѣбъ насущный, если только возможно когда-нибудь такое время. А теперь и книгъ и періодическихъ изданій у насъ такъ мало, что малѣйшій налогъ на нихъ былъ бы вреденъ, какъ налогъ на черныи хлѣбъ.

Наковонецъ все таже еженедѣльная газета полагаетъ удобнымъ для проступковъ и преступленій противъ законовъ о печати учредить особенный судъ, именно судъ присяжныхъ. При этомъ газета полагаетъ, что всякій будетъ печатать свободно все что хочетъ, съ тѣмъ чтобы издатель и несъ всю отвѣтственность за свои изданія. Намъ кажется совершенно бесполезнымъ устройство для печати особеннаго, отдѣльнаго суда, не таково, который существовать для вѣкъ другихъ дѣлъ. Не станемъ снова говорить о степени возможности печатныхъ преступленій. Преступленія конечно и въ печатѣ будутъ, точно такъ какъ они бываютъ и во всѣхъ другихъ сферахъ общественной дѣятельности. Самая строгая цензура не въ силахъ предупредить такихъ преступленій. Прямѣе этому мы видимъ у себя въ нашей подметной литературѣ. Но если теперь какая-нибудь прокламация вслѣдствіи своей метафорности возбуждаетъ интересъ и съ жадностью читается всѣмъ, то при свободѣ слова подобныя явленія утратятъ даже и этотъ интересъ. Намъ

даже кажется, что эти явленія тогда вовсе не будут тревожить общества, какъ совершенно ненужныя при свободѣ слова. Но помогите преступленія будутъ, и если дѣло пошло о *преступленіяхъ*, то чего дѣлать различія между преступниками. Ежели предлагаемая вами форма суда лучше, то она лучше и для другихъ преступленій, и само собою разумѣется, что законодательство наше, притупившее къ преобразованіямъ по всѣмъ отраслямъ государственной дѣятельности, дойдетъ и до этой перемѣны. Но только не дѣлайте же никакого различія. Всѣ постановленія общественныя или правительственныя (мы не отдѣляемъ общества отъ правительства) должны исполняться одинаково свято. Если кто-нибудь нарушитъ принципъ свободы печати (когда этотъ принципъ будетъ принятъ и установленъ), то его слѣдуетъ судить обыкновеннымъ судомъ, а не какимъ-то особеннымъ, печатнымъ (1). Если кто-нибудь будетъ печатнымъ образомъ оклеветанъ и найдетъ приличнымъ преслѣдовать клеветника, то пусть требуетъ его къ обыкновенному суду, потому что клевета, пройдя черезъ типографскій станокъ, не приобретаетъ никакой особенной ѣдкости. Это теперь, при отсутствіи свободы печати, клевета печатная кажется чѣмъ-то особенно страшнымъ; а впослѣдствіи, когда всякое стѣсненіе исчезнетъ, печатная клевета не будетъ имѣть больше ѣдкости, ни заключать въ себѣ болѣе подлости, какъ и обыкновенная клевета изустная. При свободѣ печати клевета чрезвычайно скоро пріѣтся, потеряетъ для публики всякую пріятность, и общество отъ этого неизмѣримо выиграетъ: люди меньше станутъ обращать вниманія на внѣшнія благоприличія и болѣе займутся сущностью дѣла. Наконецъ если кто-нибудь напечатаетъ карикатуру на одного или нѣсколькихъ ближнихъ своихъ, одного представить хоть въ видѣ верстового столба, а другого напиримѣръ ѣдущимъ черезъ грязную улицу верхомъ на еврей — чтожь изъ этого? На лорда Пальмерстона не проходятъ недѣли, чтобы не было напечатано новой карикатуры. Но это нѣсколько не мѣшаетъ ему быть первымъ министромъ, пользоваться общимъ уваженіемъ, спокойно спать каждую ночь и съ апетитомъ каждый день кушать. Однакоже еслибы ему вздумалось дерзкаго карикатуриста-оскорбителя потребовать къ суду, онъ безъ сомнѣнія выигралъ бы дѣло и судъ приговорилъ бы оскорбителя къ уплатѣ штрафа копѣекъ въ тридцать. Зато на другой же день явилось бы карикатуръ въдесятеро больше и во сто разъ злѣе.

(1) Особый, печатный судъ можетъ пожалуй быть учрежденъ, но только какъ мѣра временная, до преобразованія всего нашего судопроизводства.

Таково наше мнѣніе касательно законовъ о печати, и разумѣется мы всѣми силами желаемъ, чтобы оно было раздѣляемо обществомъ, то-есть правительствомъ. Но въ какомъ бы смыслѣ ни были произведены преобразованія, не подлежитъ сомнѣнію, что они будутъ сдѣланы по направленію къ прогрессу, къ свободѣ, стало-быть къ просвѣщенію, безъ котораго государство не можетъ удержать за собою значенія первоклассной державы.

ВЕСНА

1

Опять весна ! Опять какой-то геній
Мнѣ шепчетъ незнакомыя слова,
И сердце жаждетъ новыхъ пѣснопѣній,
И въ забытьи кружится голова...
Опять кругомъ зазеленѣли нивы,
Черемуха цвѣтеть, блеститъ роса —
И надъ землей, свѣтлы и горделивы,
Какъ куполъ храма, ходятъ небеса.

Но грустно мнѣ ! Отъ городского шума
Напрасно я спастись бѣжалъ сюда :
И здѣсь меня гнететъ все та же дума,
И здѣсь мнѣ злая чудится бѣда.
Засну ли я — въ тиши мнѣ снятся грозы,
Въ нѣмой тоскѣ томлюсь я на-яву...
И падаютъ изъ глазъ усталыхъ слезы
На свѣжую, пемятую траву...

А кажется чего-бъ еще мнѣ надо ?
Здѣсь люди добры, день мой безъ трудовъ,
А вечеромъ изъ дремящаго сада
Ко мнѣ доходятъ запахи отъ цвѣтовъ ;
А вѣчью звѣзды съ высоты бездонной
Хранятъ безмолвно мирный сонъ полей,
И небоясь насмѣшки фельетонной,
Одинъ поетъ до утра соловей...

2

Но этой жизни мнѣ теперь ужъ мало :
Мнѣ жизнь иная, шумная нужна...

Не такъ она являлась мнѣ бывало,
 Чудесная, роскошная весна !
 Сперва ребенка языку природы
 Она смѣясь учила въ тишинѣ,
 И для меня собирала хороводы
 И первый стихъ зашпозывала мнѣ.

Потомъ, когда съ тревогой непонятной
 Зажглася въ сердцѣ отрока любовь,
 Она прошла — и рѣчью благодатной
 Живила сны и волновала кровь ;
 Свиданія влюбленнымъ назначала,
 Ждала, томилась съ ними заодно,
 Мелодіей во клавишамъ звучала,
 Врывалася въ раскрытое окно...

3

Теперь на жизнь гляжу я окомъ мужа,
 И къ сердцу моему какъ въ дверь тюрьмы
 Ужъ начала прокрадываться стужа,
 Печальная предвѣстница зимы.
 Проходятъ дни безъ страсти и безъ дѣла,
 И чья-то тѣнь грозитъ изъ-за угла...
 Чтожъ, неужели юность улетѣла?
 Ужели жизнь прошла и отцвѣла ?

Погибну-ль я въ борьбѣ святой и честной,
 Иль просто такъ умру въ объятяхъ сна ?..
 Явися мнѣ въ моей могилѣ тѣсной,
 Красавица, волшебница весна !
 Покрой меня травой и свѣжинъ дерномъ,
 Какъ прежде разукрась свои черты,
 И надъ моимъ забытымъ груномъ чернатымъ
 Разсыпь свои любимые цвѣты !..

А. АНЮТИНЪ

ВОСПОМИНАНІЯ БЪГЛЕЦА

(ОЧЕРКИ АМЕРИКАНСКИХЪ ПРАВОВЪ)

СОЧ. ГИЛЬДРЕТА

I

Графство, гдѣ я родился, было тогда, а можетъ и до сихъ поръ осталось, однимъ изъ самыхъ богатыхъ и населенныхъ въ восточной Виргиніи. Отецъ мой, полковникъ Чарльсъ Муръ, былъ старшій сынъ одной изъ значительныхъ и наиболѣе вліятельныхъ фамилій этой страны; а какъ ни мало вѣса имѣеть родство въ другихъ частяхъ Америки, но въ нижней Виргиніи въ мое время это обстоятельство было не послѣдней важности. Природа и воспитаніе сдѣлали все для того, чтобы полковникъ Муръ могъ достойно занимать мѣсто, назначенное ему рожденіемъ.

Онъ былъ аристократъ вполнѣ, и каждое его слово, каждый взглядъ и движеніе показывали аристократа. Въ немъ было видно сознаніе превосходства, которому немногіе могли противостоятъ; но оно смягчалось необыкновенной пріятливостью, лестной для каждаго и невольнo плѣнявшей всѣхъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ кругу своихъ друзей и сосѣдей онъ слылъ образцомъ настоящаго виргинскаго джентльмена: выше этой похвалы они не могли и придумать. Когда вспыхнула американская революція, полковникъ Муръ былъ очень молодъ. По рожденію и воспитанію онъ, какъ я уже сказалъ, принадлежалъ къ аристократической партіи; которая естественно была консервативной.

Но патриотизмъ и влеченіе молодости были слишкомъ сильны,

чтобы имъ можно было противиться : онъ съ жаромъ принялъ сторону независимости и своимъ вліяніемъ и политическою дѣятельностью немало способствовалъ ея успѣху.

Въ самомъ дѣлѣ онъ всегда былъ горячимъ и энергическимъ поклонникомъ свободы.

Одно изъ первыхъ моихъ воспоминаній о немъ есть то , съ какимъ жаромъ среди своихъ друзей и знакомыхъ онъ защищалъ происходившую въ то время французскую революцію ! Онъ былъ краснорѣчивымъ адвокатомъ ея успѣховъ. Хотя я почти ничего не понималъ изъ его словъ , но увлекающее одушевление , съ какимъ онъ говорилъ , произвело на меня глубокое впечатлѣніе. Права человека и права человеческой природы были тогда для меня словами лишонными смысла ; но я такъ часто слышалъ ихъ повтореніе , что они неизгладимо врѣзались въ моей памяти и чрезъ нѣсколько лѣтъ часто приходили мнѣ на мысль.

Полковникъ Муръ не только хорошо говорилъ , но говорили , что онъ и поступалъ сообразно своимъ правиламъ и вообще на него смотрѣли какъ на прямого , честнаго и добрѣйшей души человека. Многие изъ молодыхъ людей , подававшихъ надежды и занявшихъ важныя мѣста , были обязаны своимъ вступленіемъ на поприще прекровительству и поддержкѣ полковника Мура. Онъ прекратилъ половину ссоръ , возникавшихъ въ графствѣ , и бывалъ особенно доволенъ , когда предупредивши процессъ или дуэль , препятствовалъ случайной , можетъ-быть вздорной ссорѣ обратиться въ глубокую , непримиримую вражду. Всякій могъ сказать о его нѣжномъ сердцѣ , о готовности дѣлать добро и о состраданіи къ несчастіямъ.

Еслибы мнѣ было предоставлено право выбирать , могъ ли я желать лучшаго отца ? Но по законамъ и обычаямъ Виргиніи , положеніе матери , а не отца , опредѣляетъ положеніе дѣтей , а мать моя была валожица и раба...

Но кто въ первый разъ видѣлъ ее , тотъ не подумалъ бы , или охотно забылъ бы , что она принадлежитъ къ неблагородному и унизительному племени. Какъ ни низко было ея общественное положеніе , но она могла гордиться ослѣпительной красотой : слѣды африканской крови , осквернявшей ея жилы , были явственно видны , но этотъ оттѣнокъ придавалъ только особенную прелесть румянцу ея щекъ ; длинныя , черныя волосы , которые она умѣла располагать съ извѣстной простотой , и огонь темныхъ глазъ , измѣнявшихъ свое выраже-

не при каждомъ душевномъ волненіи, дополняли ея красоту и представляли одно изъ тѣхъ лицъ, какія можетъ-быть встрѣчаются въ Испаніи и Италіи, но напрасно стали бы искать подобнаго среди блѣдныхъ, чахлахъ красавицъ восточной Виргиніи.

Я описываю ее не какъ сынъ, а скорѣе какъ влюбленный. Да и въ самомъ дѣлѣ необыкновенная красота моей матери поражала меня, еще ребенка: цѣлые часы, какъ очарованный, я не сводилъ съ нея глазъ, когда она держала меня на когтяхъ; и то улыбка, то слезы появлялись на ея лицѣ, которое, ежеминутно измѣняя свое выраженіе, оставалось постоянно прекраснымъ. Она была самой любящей матерью. Соединеніе любви, страданія и удовольствія, съ какимъ она смотрѣла на меня, придавало особенную выразительность ея красотѣ, и это-то вѣроятно такъ рано и такъ сильно поразило меня. Но не я одинъ любовался ею: ея красота славилась во всей нашей сторонѣ, и нѣсколько разъ предлагали полковнику Муру большія деньги, уговаривая продать ее. Но онъ всегда отвергалъ подобныя предложенія, гордась тѣмъ, что у него лучшій конь, самая завидная любовница и самая удалая стая гончихъ во всей Виргиніи.

Нѣкоторымъ людямъ въ нѣкоторыхъ частяхъ свѣта можетъ показаться страннымъ, что такой человекъ, какимъ я описалъ полковника Мура, держалъ любовницу и былъ отцомъ незаконныхъ дѣтей. Такіе господа вовсе не имѣютъ понятія о томъ, какъ идутъ дѣла въ невольничьихъ штатахъ.

Полковникъ Муръ былъ женатъ на прелестной женщинѣ, которую смѣю сказать, онъ любилъ и уважалъ. Она же сдѣлала его отцомъ двухъ сыновей и двухъ дочерей. Это не помѣшало ему, какъ и всякому плантатору Соединенныхъ Штатовъ, дать полную свободу своей страстной натурѣ среди многочисленныхъ невольницъ Сирингъ-Мидоу: такъ называлось его помѣстье. Почти всѣ молодыя женщины гордились, что были случайнымъ предметомъ его страсти, хотя обыкновенно явно признанныхъ фаворитокъ была одна или двѣ. Мать моя нѣсколько лѣтъ пользовалась особеннымъ вниманіемъ полковника Мура, и онъ имѣлъ отъ нея неменѣе шести дѣтей, которыя всѣ, кромѣ меня, старшаго, имѣли счастье рано умереть. Отъ матери я получилъ въ наслѣдство непримѣтную часть африканской крови и съ нею презрѣнное и проклятое положеніе раба. Но хотя рабъ по рожденію, я получилъ отъ отца гордый умъ, впечатлительную душу и вспыльчивый характеръ. Что касается до природныхъ

способностей ума и тѣла, то смѣю могу сказать, что онъ имѣлъ болѣе права гордиться мною, чѣмъ каждымъ изъ своихъ признанныхъ и законныхъ сыновей.

II

Самое дѣйствительное воспитаніе есть то, которое начинается какъ можно ранѣе. Это правило отлично понималось на той части земного шара, гдѣ я имѣлъ несчастье родиться. Такъ какъ здѣсь часто случается, что одна половина дѣтей одного человѣка родится господами, а другая рабами, то изъ этого вытекаетъ прямая необходимость рано начать курсъ воспитанія, которое приготовляетъ ихъ къ столь различному положенію. Такимъ образомъ, спустя около года послѣ моего рожденія, жена полковника Мура подарила его другимъ сыномъ, и когда оба мы еще безсовнательно спали въ нашихъ колыбеляхъ, я былъ формально избранъ и назначенъ слугою моего младшаго брата. И первое сознательное воспоминаніе о моей личности представляетъ мнѣ ее мальчикомъ мастера Джемса. Можно легко предвидѣть обыкновенныя и естественныя послѣдствія безграничной власти, данной одному ребенку надъ другимъ. Властолюбіе есть быть-можетъ самая сильная изъ нашихъ страстей: удивительно, какъ быстро и до какого совершенства можетъ дойти ребенокъ въ наукѣ тиранствовать! Поразительнымъ доказательствомъ этого былъ старшій сынъ полковника Мура, мастеръ Вильямъ, какъ его звали въ Спрингъ-Мидоу. Онъ былъ ужасомъ не только своего собственного мальчика Джона, но и всѣхъ дѣтей въ окрестности. Инстинктивное и бессмысленное удовольствіе мучить, которому предаются иногда злыя дѣти, казалось у него страстью, и эта страсть, благодаря постоянному потворству, скоро обратилась въ привычку. Если собирались наказать провинившагося невольника, Вильямъ старался всѣми силами узнать объ этомъ и присутствовать при наказаніи, такъ что онъ скоро сдѣлался адептомъ ужаснаго и отвратительнаго искусства надзирателя. Онъ всегда ходилъ вооруженный кнутомъ вдвое большіимъ его самого, и при малѣйшемъ противорѣчіи его фантазіямъ или капризамъ спѣшилъ показать, какъ ловко владѣетъ этимъ орудіемъ. Все это онъ нѣсколько скрывалъ отъ отца, а тотъ съ своей стороны старался не видѣть, чего никакъ не могъ одобрить. Но удержать или

наказать сына было тяжело ему, какъ снисходительному отцу. Мастеръ Джемсъ, въ услугахъ котораго я преимущественно находился, былъ совершенно другое дитя: слабый и болѣзненный отъ рожденія, онъ былъ кроткаго характера и имѣлъ слабыя способности. У него было доброе сердце; онъ скоро полюбилъ меня, за что я отъ души платилъ ему тѣмъ же. Онъ защищалъ меня отъ нападокъ мастера Вильяма просьбами, слезами, и что всего болѣе имѣло вѣса въ глазахъ этого молодого человѣка — угрозами пожаловаться отцу и расказать обо всѣхъ его дурныхъ и жестокихъ поступкахъ.

Я скоро пересталъ обращать вниманіе на брезгливость и дурное расположеніе, находившія повременамъ на моего молодого господина: они легко оправдывались его слабымъ здоровьемъ. Лестью и наружною покорностью (эти искусства такъ же легко усваиваются дѣтьми, какъ и взрослыми) я успѣлъ приобрести большое вліяніе надъ нимъ. Онъ былъ господинъ, я — невольникъ. Но когда мы были дѣтьми, это искусственное различіе теряло свою силу, и я безъ труда удерживалъ первенство, на которое имѣлъ полное право по моимъ душевнымъ и тѣлеснымъ силамъ. Когда мастеру Джемсу исполнилось пять лѣтъ, отецъ нашолъ нужнымъ начать учить его читать. Но и буквы заучивать было уже труднымъ предпріятіемъ для моего молодого господина; связать же ихъ въ слоги оказалось совершенно невозможнымъ. Онъ не былъ лишонъ самолюбія и очень желалъ учиться, но не доброй воли, а способностей не доставало ему. Въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ онъ обратился ко мнѣ, такъ какъ во всѣхъ случаяхъ я былъ его главнымъ совѣтникомъ. Передумавши вдвоемъ, мы составили планъ: у меня память была превосходная, а у моего бѣдняжки-господина очень плохая; а потому мы и рѣшили, что учитель покажетъ азбуку сначала мнѣ, я легко ее выучу, а потомъ уже между игръ мало-помалу вложу ее въ голову мастера Джемса. Этотъ планъ мы нашли превосходнымъ. Ни учитель, ни полковникъ Муръ не сказали ничего противъ него, потому что полковникъ Муръ желалъ только, чтобы сынъ его выучился читать, а учитель былъ очень радъ взвалить на мои плечи самую тяжелую часть своей обязанности.

Невозможно выдумать ненависти и безчеловѣчія американскаго закона, который вмѣняетъ въ преступленіе, наказываемое штрафомъ и тюремнымъ заключеніемъ — выучить невольника читать. Подобнаго закона нѣтъ ни въ одномъ кодексѣ, и вѣчный позоръ его лежитъ на Американскихъ Штатахъ. Мало того, что обычай и пре-

зрѣнная гордость безчеловѣчныхъ изверговъ стараются удержатъ раба въ безнадежномъ и безпомощномъ невѣжествѣ, еще нужно было закону открыто припятъ участіе въ проклятомъ заговорѣ!

Право я увѣренъ, что они выкололи бы намъ глаза, и даже въ силу законнаго постановленія, еслибы имѣли довольно смысла выдумать средство сдѣлать насъ способными служить лакеемъ и копать землю безъ глазъ. Я очень скоро выучился читать и скоро сдѣлалъ почти такимъ же хорошимъ чтецомъ мастера Джемса. Такъ какъ онъ былъ часто подверженъ болѣзнямъ, которыя удерживали его дома и не позволяли принимать участіе въ шумныхъ играхъ, больше всего принадлежательныхъ для мальчика, то отецъ составилъ ему бібліотеку, сообразно съ его возрастомъ, и мы съ величайшимъ удовольствіемъ перечитывали ее вмѣстѣ. Въ дальнѣйшихъ успѣхахъ просвѣщенія моего молодого господина я былъ постояннымъ участникомъ, потому что хотя нашъ планъ, по которому я долженъ былъ учиться самъ сперва, чтобы учить его, долга не продолжался, но мнѣ такъ хотѣлось учиться и я такъ быстро понималъ, что легко узнавалъ изъ разказовъ мастера Джемса содержаніе его ежедневныхъ уроковъ; а онъ при каждой трудности прivityкъ обращаться за помощью ко мнѣ. Такимъ образомъ я получилъ элементарныя свѣдѣнія въ ариѳметикѣ, географіи и даже поверхностное понятіе въ латыни. Какъ я ни скрывалъ своихъ познаній, но даже тотъ фактъ, что я умѣю читать, увеличивши мое значеніе между другими невольниками, дѣлалъ меня смѣшнымъ, что мнѣ было очень непріятно. Во мнѣ не видѣли, какъ я полагаю видятъ теперь въ каждомъ невольникѣ, умѣющемъ читать и подающемъ какіе-нибудь признаки смысла, чудовище, дышащее войной и возмущеніемъ и замышляющее перерѣзать горла всѣмъ порядочнымъ людямъ въ Америкѣ; но на меня смотрѣли скорѣе какъ на какое-то чудо вродѣ курицы съ тремя лапами или барана съ четырьмя глазами. Я былъ диковинкой, годной для забавы гостей. Часто за обѣдомъ, когда уже мадера усердно походила вокругъ стола, призывали меня почитать журналы, чтобы потѣшать пьяныхъ гостей моего господина. Тамъ меня дразнили, преслѣдовали, мучили разнаго рода бессмысленными, смѣшными и непристойными вопросами, на которые я долженъ былъ отвѣчать; въ противномъ же случаѣ мнѣ полетѣлъ бы въ лицо стаканъ вина, бутылка или тарелка. Въ особенности мастеръ Вильямъ вознаграждалъ себя за то, что не могъ бить меня столько, сколько ему хотѣлось, дѣлая меня цѣлью своего остроумія. Онъ гордился, что выдумалъ мнѣ

прозвище «ученаго негра», и постоянно дразнилъ меня имъ, хотя Богу известно, лицо мое было немногимъ хуже его, а ужъ не моя вина, что душа моя была побѣде его. Могутъ сказать, что это были ничтожныя страданія. Правда; а все-таки мнѣ стоило многихъ усилій приучиться переносить ихъ терпѣливо. За это меня вознаграждало отчасти удовольствіе слушать разговоръ собесѣдниковъ, такъ какъ я стоялъ за стуломъ моего господина. Подъ словомъ разговоръ я понимаю тотъ, который велся пока не пиди, потому что каждый обѣдъ обыкновенно оканчивался всеобщей оргіей. Полковникъ Муръ жилъ открыто, и почти ежедневно у него обѣдало нѣсколько челоѣкъ друзей, родственниковъ или сосѣдей. Самъ онъ говорилъ краснорѣчиво и очень пріятно: голосъ его былъ тихъ и гармониченъ, а разговоръ отличался жаромъ и выразительностью. Большая часть гостей были люди образованные, и хотя политика была главной темой разговоровъ, но очень часто разсуждали о другихъ предметахъ. Муръ былъ, какъ я уже замѣтилъ, жаркій демократъ, или какъ тогда говорили, республиканецъ, потому что слово демократъ, — какъ ни полюбили его американцы впоследствии, — тогда принималось за оскорбительный эпитетъ. Большая часть сосѣдителей полковника Мура раздѣляли его либеральныя мнѣнія о политическихъ дѣлахъ. Съ горечью и наслажденіемъ я слушалъ ихъ разговоръ, и когда они говорили о равенствѣ правъ и ораторствовали противъ насилія и угнетенія, сердце мое наполнялось смутной тревогой. Тогда я не прилагалъ лично къ себѣ всего что слышалъ и чувствовалъ, а только научался любить отвлеченную красоту равенства и свободы: я вполне сочувствовалъ французскимъ республиканцамъ и ненавидѣлъ австрійскихъ и англійскихъ деспотовъ, Джона Адамса и всю его шайку, — я еще не научился думать о самомъ себѣ! То что я видѣлъ вокругъ себя, я привыкъ видѣть всегда, и оно мнѣ казалось неизмѣннымъ закономъ природы. Хотя я родился невольникомъ, но я почти не испытывалъ страданій, связанныхъ съ этимъ несчастнымъ состояніемъ: по особенному счастью, въ моемъ молодомъ господинѣ я нашолъ себѣ во многихъ отношеніяхъ скорѣе товарища, чѣмъ барина. Благодаря ему и моей матери, продолжавшей быть фавориткой полковника Мура, со мной обращались гораздо лучше, чѣмъ со всѣми слугами. И точно: сравнивая положеніе полѣвыхъ работниковъ съ своимъ, я могъ считать себя счастливымъ, и хотя я подвергался случайнымъ непріятностямъ, которыя могли дать мнѣ понятіе о той горькой чашѣ, каковую суждено испытать ка-

ждому невольнику, но молодость и мой живой характер пока поддерживали меня.

Въ это время я еще не зналъ, что полковникъ Муръ мой отецъ. Этотъ джентльменъ былъ обязанъ немалой долей своей высокой репутаціи тому, что строго соблюдалъ тѣ условныя приличія, которыя такъ часто занимаютъ мѣсто нравственности. Нѣкоторыя изъ этихъ приличій, соблюдаемыхъ въ Америкѣ, стоитъ замѣтить: напримѣръ нисколько не предосудительно для господина быть отцомъ всѣхъ невольниковъ, родившихся на его плантаціи, но было бы величайшимъ нарушеніемъ правъ собственности, почти непростительнымъ преступленіемъ для отца — нетолько признать, но чѣмъ-нибудь отличить кого-нибудь изъ своихъ несчастныхъ дѣтей. Всевластный обычай требуетъ, чтобы господинъ обращался съ ними такъ же точно, какъ съ другими невольниками. Если онъ выгонитъ ихъ въ поле на работу, продастъ съ молотка первому, который набавитъ цѣну — все будетъ хорошо; но если осмѣлится показать къ нимъ какимъ бы то ни было образомъ малѣйшій признакъ отцовскаго чувства, то ужъ можетъ быть увѣренъ, что попадетъ на языки всѣмъ, что каждое слово его, малѣйшій проступокъ будетъ заботливо подмѣченъ, все злобно перетолкуютъ и выставятъ другимъ. Ему придется, въ нравственномъ смыслѣ, пройти сквозь строй, а высшій кругъ будетъ смотрѣть на него какъ на низкаго, презрѣннаго человѣка. Полковникъ Муръ былъ слишкомъ уменъ, чтобы подвергнуть себя чему-нибудь подобному. Онъ принадлежалъ къ лучшему обществу и хотя могъ быть демократомъ въ политикѣ, по чувствамъ же былъ исключительный аристократъ. Мысль нарушить хотя одно изъ постановленій общества, въ которомъ онъ жилъ, внушала ему такой же неописанный ужасъ, какой внушаетъ современной красавицѣ бумажное кружево, или современному денди мѣдная вилка. Зная это, никто не будетъ удивляться почему, по крайней мѣрѣ насколько это завистло отъ полковника Мура, я еще не зналъ кто былъ мой отецъ.

Но тайна для меня безъ сомнѣнія не была тайной для друзей и посѣтителей полковника Мура. Уже одно поразительное сходство выдавало наше родство, и хотя то-же уваженіе къ правамъ собственности, которое препятствовало полковнику Муру дать его замѣтить, связывало и языкъ гостей. Но когда я узналъ эту тайну, мнѣ тотчасъ пришолъ на мысль настоящій смыслъ кое-какихъ шутокъ и отдаленныхъ намековъ, которые иногда подъ конецъ обѣда вырыва-

лись у тѣхъ собесѣдниковъ, которыми отъ частыхъ возліяній овладѣвалъ духъ остроумія и истины. Эти блесточки, тогда еще темныя для меня, дурно встрѣчались всегда полковникомъ Муромъ и болѣе трезвыми гостями и часто сопровождались приказаніемъ мнѣ и другимъ невольникамъ выйти изъ комнаты. Почему? я никакъ не могъ понять, пока не получилъ ключа къ разгадкѣ.

Тайну, которую отецъ не хотѣлъ, а мать не смѣла открыть мнѣ, я бы могъ легко узнать отъ моихъ товарищей-слугъ; но тогда я, какъ большая часть бѣлолицыхъ невольниковъ, чувствовалъ какое-то презрѣніе къ моимъ братьямъ по несчастью, которыхъ кожа была потемнѣе моей. Я держалъ ихъ въ почтительномъ отдаленіи и стыдился знаться съ людьми чернѣе меня: такъ-то легко невольники перенимаютъ смѣшные предразсудки своихъ притѣснителей и прибавляютъ новыя кольца къ цѣпи, лишашей ихъ свободы!

Впрочемъ я долженъ отдать справедливость моему отцу; я не думаю, чтобы онъ вовсе былъ лишонъ отцовскихъ чувствъ; хотя онъ никогда не признавалъ моихъ правъ на его нѣжность, но я увѣренъ, что въ глубинѣ сердца онъ несовсѣмъ отвергалъ ихъ дѣйствительность. Когда онъ говорилъ со мной, въ его голосѣ слышались доброта и снисходительность, и хотя онъ былъ ласковъ со всѣми, но ко мнѣ какъ-то особенно. Такимъ образомъ онъ успѣлъ привязать меня къ себѣ и я искренно любилъ его, хотя и видѣлъ въ немъ только господина.

III

Мнѣ было около семнадцати лѣтъ, когда мать моя заболѣла лихорадкой, отъ которой и умерла. Она предчувствовала свою смерть, и прежде нежели болѣзнь усилилась, прислала сказать, что желаетъ меня видѣть. Я нашолъ ее въ постели. Она попросила смотрѣвшую за нею женщину оставить насъ однихъ и приказала мнѣ сѣсть возлѣ себя на постель. Сказавши, что она боится скоро умереть, прибавила, что оставляя міръ, хочетъ открыть мнѣ важную тайну.

Я просилъ ее говорить и нетерпѣливо ждалъ объясненія ея словъ. Она сначала рассказала мнѣ вкратцѣ свою жизнь. Ея мать была невольница, а отецъ какой-то полковникъ Рандольфъ, потомокъ одной изъ лучшихъ виргинскихъ фамилій; ее же сдѣлали горничной и продали полковнику Муру, который въ то время женился и подарилъ ее

своей женѣ. Тогда она была еще совершенно ребенкомъ. Выросши, стала красавицей и заслужила милость предъ очами своего господина. Ей дали хорошенькій домикъ съ уютными комнатками, что представляло такое же удобство для полковника Мура, какъ и для нея, и хотя повременамъ отъ нея требовалось кой-какое рукодѣлье, но какъ никому не хотѣлось ссориться съ фавориткой господина, то съ тѣхъ поръ она вела праздную, безпечную и, какъ она мнѣ казалась, очень несчастную жизнь.

Въ послѣднемъ мать моя сама отчасти была виновата: высокомерное обращеніе ея съ другими слугами заставило тѣхъ возненавидѣть ее и искать каждаго удобнаго случая оскорбить и унижить ее; а ни одна красавица не была такъ чувствительна ко всякому оскорбленію женскаго самолюбія!.. Впрочемъ, хотя она тщеславилась своей красотой и господскою милостью, но сердце у нея было доброе, и глупая гордость, отъ которой она страдала, происходила у нея, какъ и у меня, отъ безсмысленнаго, но общаго всѣмъ, предрасудка. Въ самомъ дѣлѣ наше положеніе стояло такъ высоко въ сравненіи съ другими невольниками, что мы естественно вообразили себя въ нѣкоторомъ родѣ высшимъ племенемъ. Въроятно подъ вліяніемъ этого чувства мать моя, сказавши кто мой отецъ, замѣтила съ самодовольной улыбкой, освѣтившей ея больное лицо, что и съ отцовской и съ материнской стороны въ моихъ жилахъ течетъ лучшая кровь въ Виргиніи, кровь Муровъ и Рандольфовъ!

Увы! она какъ-будто забыла, что еслибы я могъ считать въ ряду своихъ предковъ всю знать Виргиніи, довольно было одной капли крови, завесенной изъ Африки, будь это кровь королей и полководцевъ, чтобы запятнать всю родословную и осудить меня на вѣчное рабство въ домѣ родного отца!

Признаніе моей матери не произвело сильнаго впечатлѣнія на меня въ эту минуту: всѣ мои заботы сосредоточились на ней; она была всегда для меня самой нѣжной и любящей матерью. Болѣзнь быстро развилась, и на третій день не стало моей матери... Я отъ всего сердца плакалъ надъ нею; ѣдкое чувство горести скоро прошло, но прежнее расположеніе духа уже не возвращалось. Безпечная веселость, до сихъ поръ освѣщавшая какъ солнечный лучъ мою жизнь, казалось, совсѣмъ покинула меня; мысли мои отъи чаще обращались къ тайнѣ, сообщенной мнѣ матерью.

Незнаю какъ описать, какое дѣйствіе она имѣла на меня; такъ же трудно сказать, она ли собственно подѣйствовала на меня, или дру-

гя, болѣе обыкновенныя причины. Быть-можетъ нравственный переворотъ, испытанный мною, нужно приписать переходу отъ дѣтства къ возмужалости? До сихъ поръ всѣ происшествія проходили передо мною будто воснѣ, непроизводя ни сильнаго, ни продолжительнаго на меня впечатлѣнія. Бывалъ я прежде печаленъ и недоволенъ, бывали у меня и горе и досада, но это горе продолжалось недолго: какъ солнце послѣ лѣтняго дождя свѣтитъ ярче, такъ и моя веселость послѣ минутной грусти становилась живѣе, и едва забывалась только-что сдѣланная непріятность, — она вспыхивала снова, непомня прошедшаго, незаботясь о будущемъ. Но въ этой веселости едвали было сколько-нибудь дѣйствительной радости: она происходила скорѣе отъ равнодушной безпечности. Это былъ блестящій, но холодный лунный лучъ. Но какова бы она нибыла, все же она была утѣшительнѣе того душевнаго расположенія, которое наступило вслѣдъ за нею: меня стала мучить какая-то необъяснимая тоска, отъ которой я не могъ избавиться; точно тяжелый гнетъ давило мнѣ грудь неудовлетворенное желаніе чего-то. Я не могъ удовлетворить его, непонимая самъ чего хочу. Я часто задумывался, но мысль моя блуждала безъ цѣли, такъ что послѣ нѣсколькихъ часовъ повидимому глубочайшаго размышленія, я былъ бы въ затрудненіи сказать, о чемъ я думалъ.

Иногда впрочемъ мои мысли принимали болѣе опредѣленную форму: я начиналъ видѣть что я былъ и чего я могъ ожидать. Я — сынъ свободнаго человѣка, и отъ рожденія — невольникъ!.. Природа надѣлила меня способностями, которыя уже теперь я находилъ нужнымъ скрывать. Невольникъ родного отца, лакей родного брата, связанное, скованное и запертое въ тюрьмѣ созданіе, которое не смѣетъ выйти изъ дома господина безъ письменнаго позволенія. Я осужденъ быть игрушкой прихотей богъ-знаетъ кого; мнѣ запрещено дѣлать что-бы то нибыло для себя, заботиться о своемъ счастіи.

Скоро эти размышленія сдѣлались такъ мучительны, что я съ трудомъ одолевалъ ихъ. Но не всегда это было въ моихъ силахъ.

Противъ моей воли снова и снова подымались ненавистныя мысли и приводили меня въ отчаяніе.

Между тѣмъ мой молодой господинъ былъ попрежнему добръ ко мнѣ. Онъ все еще оставался мальчикомъ, тогда какъ я уже сталъ человѣкомъ. Казалось, что плохое здоровье, остановивши его ростъ, отдавало также и умственную его зрѣлость. Съ каждымъ днемъ онъ все болѣе подчинялся моему вліянію и съ каждымъ днемъ я сильнѣе

привязывался къ нему. Въ немъ одномъ была вся моя надежда : пока онъ былъ со мною, я могъ надѣяться не испытывать всей горечи рабства. Въ его глазахъ я не былъ просто слугой : онъ скорѣе смотрѣлъ на меня какъ на любимаго вѣрнаго товарища.

И дѣйствительно, хотя ему принадлежали права и преимущества господина, онъ скорѣе былъ въ моей зависимости, чѣмъ я въ его. Между нами было что-то похожее на братскую дружбу, по крайней мѣрѣ какая бываетъ между молочными братьями. Никто изъ насъ никогда не намекалъ на наше дѣйствительное сродство, да онъ вѣроятно и совсѣмъ незналъ о немъ.

Мастера Джемса я любилъ какъ и прежде, но чувства мои къ полковнику Муру совершенно и рѣзко измѣнились : пока я считалъ себя только его невольникомъ, его ласки вызывали мою привязанность, и небыло ничего, чего бы я не вытерпѣлъ или не сдѣлалъ для такого добраго и снисходительнаго господина. Но когда я узналъ, что я его сынъ, я почувствовалъ, что имѣю полное право требовать того, что считалъ милостью.

Я началъ находить даже, что имѣю право на большее, какъ равный своимъ братьямъ по рожденію. Мнѣ случилось прочесть библію, и теперь я вспомнилъ исторію невольницы Агари и сына ея Измаила; и когда я снова прочелъ, какъ ангелъ явился имъ на помощь, когда Авраамъ выгналъ ихъ въ пустыню, во мнѣ родилась странная, безумная надежда, что въ случаѣ какого-нибудь несчастія я также найду помощь и опору. вмѣстѣ съ этой безразсудной надеждой подымалось въ душѣ моей новое горькое чувство: я бессознательно сжималъ кулаки, стискивалъ зубы и воображалъ себя вторымъ Измаиломъ, скитающимся по пустынѣ, встрѣчая въ каждомъ врага себѣ и будучи самъ врагъ всѣмъ...

Несправедливость родного отца болѣе и болѣе грызла меня и любовь моя къ нему обратилась въ ненависть : кровзвыми буквами сверкалъ въ глазахъ моихъ, слишкомъ хорошо предвидѣвшихъ, безчеловѣчный законъ, дѣлавшій меня рабомъ, — рабомъ въ домѣ родного отца! Я былъ молодъ, меня еще не трогали; но — я тренеталъ за будущее и проклиналъ мѣсто и часъ моего рожденія!..

Я старался скрывать, сколько могъ, мучившія меня чувства; а какъ обманъ есть одно изъ орудій противъ насилія, и рабъ скоро научается имъ пользоваться, то это мнѣ удавалось. Иногда мой молодой господинъ заставлялъ меня въ слезахъ, и когда я задумывался, онъ жаловался на мою невнимательность; но я всегда придумывалъ

правдоподобныя извиненія. Хотя онъ подозрѣвалъ, что я что-то скрываю отъ него, и часто говорилъ: «ну, Арчи! скажи, что тебя мучить?» я обращалъ вопросъ въ шутку и смѣялся надъ его подозрѣніями.

Скоро пришлось мнѣ потерять моего добраго господина, котораго нѣжная привязанность одна могла сдѣлать рабство для меня сносивымъ. Его постоянно плохое здоровье скоро стало еще хуже: сначала онъ пересталъ выходить изъ комнаты, а скоро уже и вставать съ постели. Во все время болѣзни я смотрѣлъ за нимъ съ любовью матери: никогда никто не служилъ такъ вѣрно своему господину... да вѣдь за нимъ и ухаживалъ другъ, а не лакей! Онъ тоже неравнодушно принималъ мою заботливость и кажется не любилъ, чтобы кто-нибудь другой былъ возлѣ него, и только изъ моихъ рукъ принималъ пищу и лекарство. Но не во власти медика или сидѣлки было спасти его; ему становилось все хуже и онъ слабѣлъ съ каждымъ часомъ. Скоро страшная минута настала: плачущіе друзья окружали его постель, но никто не плакалъ такъ горько, какъ я. При послѣднемъ дыханіи онъ просилъ отца быть добрымъ ко мнѣ; но видно, для человѣка, закрывшаго свое сердце для отцовской любви, не много имѣла вѣса просьба умирающаго сына!.. Мастеръ Джемсъ простился съ своими друзьями, пожалъ мнѣ руку и съ легкимъ вздохомъ скончался на моихъ рукахъ...

IV

Семейство полковника Мура знало, какъ искренно любилъ я моего молодого господина и какъ вѣрно служилъ я ему, а потому уважило мою глубокую горестъ: недѣли двѣ меня никто не беспокоилъ и я могъ плакать свободно. Теперь я уже не испытывалъ того мучительно-бѣднаго чувства, о которомъ я говорилъ выше. Состояніе нашей души постоянно измѣняется. Сверхъестественное напряженіе чувствъ, мною описанное, исчезло, когда все мое вниманіе было поглощено заботами объ умирающемъ; за нимъ наступило мрачное и тупое отчаяніе. Повидимому причинъ опасаться и тревожиться сдѣлалось больше: то, чего я опасался, исполнилось; господинъ мой, въ которомъ сосредоточивались всѣ мои надежды, не существовалъ болѣе, и я самъ не зналъ что будетъ со мною. Но время опасной и мучительныхъ предчувствій прошло; теперь я ожидалъ своей

участи съ какимъ-то безмысленнымъ и беспечнымъ равнодушіемъ.

Хотя меня никто не заставлялъ, но я продолжалъ служить за столомъ и нѣсколько дней инстинктивно становился тамъ, гдѣ долженъ былъ стоять стулъ мастера Джемса, пока видъ пустого мѣста не заставлялъ меня со слезами отойти въ противоположный уголъ. Въ это время мнѣ никто ничего не приказывалъ, даже какъ-будто никто не замѣчалъ моего присутствія. Самъ мастеръ Вильямъ сдерживалъ свою обычную наглость.

Но долго это не могло продолжаться. Въ самомъ дѣлѣ это было такое потворство, какого могъ ожидать только любимый невольникъ; а вообще невольники не должны быть печальны: это дѣлаетъ ихъ неспособными къ работѣ.

Въ одно утро послѣ завтрака мастеръ Вильямъ, окончивши свое жаркое и кофе, сталъ говорить отцу, что по его мнѣнію, съ невольниками въ Спрингъ-Мидоу обращаются слишкомъ снисходительно. Въ то время это былъ изящный, щеголеватый юноша. Почти годъ какъ онъ вышелъ изъ коллегіи, а теперь только-что возвратился изъ Чарльстоуна (въ южной Каролинѣ), гдѣ онъ провелъ послѣднюю зиму, чтобы, какъ говорилъ отецъ, стряхнуть школьную пыль. Вероятно тамъ онъ почерпнулъ тѣ гуманные принципы, которые теперь проповѣдывалъ. Онъ объявилъ, что нѣжное обращеніе съ прислугой дѣлаетъ ее дерзкою и недовольною, что напрасно терять слова съ неблагодарною сволочью. Потомъ, осматриваясь кругомъ, какбы отыскивая жертву, на которой бы можно было приложить теорію, столь согласную съ его душевнымъ расположеніемъ, онъ замѣтилъ меня.

— Вотъ хотъ Арчи: я держу пари сто противъ одного, что я сдѣлаю изъ него лучшаго слугу въ мірѣ; онъ отъ природы блестящій малый, только снисходительность бѣднаго Джемса испортила его. Ну-ка, батюшка, будьте добры, отдайте его мнѣ. Мнѣ чортъ знаетъ какъ нуженъ другой лакей!

И неожидая отвѣта, онъ вышелъ изъ комнаты, говоря, что ему нужно застать два бѣга, и что было важнѣе, пѣтушій бой на рынкѣ. За столомъ оставался одинъ полковникъ Муръ; онъ обратился ко мнѣ: сначала похвалилъ мою искреннюю привязанность къ его бѣдному Джемсу... При имени сына слезы навернулись на глазахъ его и нѣсколько минутъ онъ не могъ говорить, но скоро оправился и прибавилъ: «надѣюсь, что ты покажешь то-же усердіе и привязан-

ность и къ мастеру Вильяму. Эти слова въ одну минуту привели меня въ себя. Я зналъ, что у мастера Вильяма привычка совѣтъ заглушила и ту небольшую долю человѣколюбія, какую дала ему природа: это былъ тиранъ исполнѣ. Судя по вырвавшимся у него словамъ, онъ усовершенствовалъ въ послѣднее время свою природную способность къ звѣрству и наконецъ возвелъ насиліе на степень систематической науки. Я зналъ и то, что онъ сдѣлалъ чувствовалъ ко мнѣ ненависть, и теперь опасался, что онъ замышляетъ отдать мнѣ съ лихвою всѣ побои и оскорбленія, отъ которыхъ до сихъ поръ спасало меня покровительство младшаго его брата.

Я ужаснулся, видя опасность попасть въ такія руки, и бросясь къ ногамъ моего господина, умоляя его со всѣмъ краснорѣчіемъ страха и отчаянія не отдавать меня мастеру Вильяму. Выраженія мои о его сынѣ, какъ я ни смягчалъ ихъ, и ужасъ мой при мысли сдѣлаться его слугою, какъ ни старался я щадить отцовское чувство, повидимому раздражили полковника Мура: улыбка оставила его губы, лобъ побархоталъ и наморщился. Я началъ сомнѣваться въ возможности избѣгнуть ужасной участи, меня ожидавшей, и отчаяніе внушило мнѣ дерзкую, безумную выходку: одушевленный опасностью сдѣлаться слугою мастера Вильяма, я осмѣлился сдѣлать, правда темный и отдаленный, намекъ на открытіе, сдѣланное мнѣ матерью на смертномъ одрѣ. Я рискнулъ даже на что-то вродѣ воззванія къ отеческой нѣжности полковника Мура. Сначала онъ казалось не понималъ меня, но когда уразумѣлъ смыслъ моихъ словъ, лицо его сдѣлалось мрачно какъ громовая туча, поблѣднѣло, потомъ вдругъ покрылось яркой краской, въ которой соединялись бѣшенство и смущеніе. Я уже считалъ себя погибшимъ и ожидалъ страшнаго взрыва ярости. Но послѣ минутной борьбы, казалось хладнокровіе возвратилось къ полковнику Муру, даже обычная улыбка появилась на его губахъ: не обращая вниманія на мое воззваніе, не показывая даже вида, что понималъ его, онъ только замѣтилъ, что не знаетъ какъ отказать просьбѣ мастера Вильяма, что не понимаетъ причины моего къ нему отвращенія, что это очень глупо, но онъ такъ снисходителенъ, что предоставляетъ на мой выборъ: служить мастеру Вильяму, или идти въ поле.

Это было сказано тономъ, недопуславшимъ противорѣчія, и мнѣ оставалось только выбирать. Правду сказать, и то и другое было не очень пріятно; но даже тяжкій трудъ, плохая пища и дурное обращеніе, которому, я зналъ, подвергались невольники, работавшіе въ

полѣ, все мнѣ казалось сносно, чѣмъ сдѣлаться предметомъ зѣвскимъ потѣхъ мастера Вильяма. Ктому же меня оскорбилъ легкій тонъ, съ которымъ приняли мою просьбу, — и я не колебался. Поблагодаривши полковника Мура за его великую милость, я тотчасъ же выбралъ работать въ полѣ.

Онъ повидимому удивился и почти съ насмѣшливой улыбкой приказалъ мнѣ готовиться отправиться къ мистеру Стабсу.

На управляющаго (надзирателя—overseer) въ тѣхъ невольничьихъ штатахъ, какіе мнѣ извѣстны, смотрятъ какъ на палача. Должность палача, какъ она ни полезна и необходима, никогда не могла сдѣлаться достойной уваженія; такъ и должность управителя навѣки останется презрѣнной и унижительной. Молодая дама, кушающая съ большимъ удовольствіемъ барашка, чувствуетъ сентиментальный ужасъ къ его убійцѣ-мяснику; владѣлецъ негровъ, роскошно живущій тяжкимъ трудомъ своихъ рабовъ, чувствуетъ тоже сентиментальное отвращеніе къ человѣку, который употребляетъ кнутъ и заставляетъ работать. Онъ походитъ на укрывателя краденыхъ вещей, который не можетъ допустить мысли красть самому, но нисколько не стѣсняется жить доходомъ съ краденаго; воръ только воръ, а надзиратель — только надзиратель. Владѣлецъ невольниковъ гордится почетнымъ наименованіемъ плантатора, а укрыватель краденыхъ вещей присвоиваетъ себѣ званіе почтеннаго купца. Этимъ-то презрѣннымъ шарлатанствомъ люди и обманываютъ не только самихъ себя, но и цѣлый свѣтъ.

Управитель Спрингъ-Мидоу былъ нѣкто Томасъ Стабсъ; имъ наружность и характеръ этой личности мнѣ были знакомы достаточно, хотя до сихъ поръ я былъ такъ счастливъ, что имѣлъ съ нимъ очень мало сношеній.

Это былъ грубый толстякъ лѣтъ пятидесяти, съ маленькой круглой головой, уходившей ему въ плечи и покрытой короткими спутанными волосами. Лицо его было замѣчательно изборождено и покрыто пятнами отъ солнца, виски и лихорадки. Цвѣтъ коричневый, красный и блѣдный домогались одинъ предъ другимъ владѣть его лицомъ и никакъ не могли сойтись въ полюбовномъ раздѣлѣ. Его можно было всегда видѣть верхомъ на лошади, какъ онъ, нагнувшись впередъ, потряхивалъ длинною, толстою плетью, сплетенною изъ коровьей кожи, и хлесталъ ею по головѣ или плечамъ какого-нибудь несчастнаго невольника. Еслибы вы захотѣли послушать его разговоръ, или скорѣе — раздаваемые имъ выговоры и приказанія, то

услышали бы одинъ потокъ брани, въ которой трудно было добраться смысла: обыкновенно каждая сентенція его начиналась и заключалась какимъ-нибудь крѣпкимъ словомъ. Но эту тонкую приправу мистеръ Стабсъ употреблялъ нежалѣя только тогда, когда оставался одинъ съ неграми; если же случалось полковнику Муру или другому джентльмену проѣзжать мимо поля, то мистеръ Стабсъ могъ тотчасъ принять вполне ласково-снисходительный видъ, и что всего удивительнѣе, получалъ на то время способность выражаться, неупотребляя болѣе одного ругательства на фразу. При управленіи плантаціею мистеръ Стабсъ безъ сомнѣнія не ограничивался одной бранью: онъ такъ же часто употреблялъ въ дѣло плеть, какъ и языкъ. Полковникъ Муръ получилъ европейское образованіе, и какъ всѣ люди, воспитанные гдѣ бы то нибыло, только не въ невольничьихъ штатахъ, чувствовалъ величайшее отвращеніе къ бесполезной жестокости: обыкновенно разъ въ недѣлю его выводилъ изъ себя какой-нибудь безчеловѣчный поступокъ управителя. Но удовлетворивши свое оскорбленное чувство изъявленіемъ, что онъ очень огорченъ и что поступки мистера Стабса совершенно невыносимы, оканчивалъ тѣмъ, что оставлялъ все въ прежнемъ порядкѣ. Дѣло въ томъ, что Стабсъ умѣлъ собирать жатву: а такой человѣкъ былъ слишкомъ драгоцененъ, чтобы имъ пожертвовать сентиментальной прихоти — спасти невольника отъ жестокихъ побоевъ.

Тяжела была перемѣна для меня. Привыкши къ изящному комфорту дома полковника Мура, къ ласковымъ приказаніямъ и легкой работѣ у мастера Джемса, я долженъ былъ перейти подъ деспотическое управленіе пошлаго, грубаго, безчеловѣчнаго негодяя, тѣмъ болѣе, что я не привыкъ къ строгому и регулярному труду, и мнѣ было очень нелегко приняться сразу за тяжелую полевую работу. Но я рѣшился работать какъ можно лучше; я былъ силенъ, а привычка скоро могла сдѣлать мою обязанность сноснѣе. Я зналъ очень хорошо, что мистеръ Стабсъ былъ совершенно лишонъ всякаго чело-вѣческаго чувства, но я не имѣлъ причины думать, чтобы онъ считалъ ко мнѣ такую же злобу, какъ и мастеръ Вильямъ. Изъ того, что я зналъ о немъ, я не считалъ его особенно злымъ чело-вѣкомъ и предполагалъ даже, что онъ бранится и дерется не столько по злобѣ и бѣшенству, сколько по обязанности службы. Онъ пови-дѣлся и не воображалъ, чтобы можно иначе управлять плантаціей. Я надѣялся, что прилежаніе спасетъ меня отъ побоевъ, а на по-длую брань мистера Стабса, какъ она ни раздражала другихъ не-

вольниковъ, я могъ не обращать вниманія. Мистеръ Стабсъ очень милостиво выслушалъ мой рассказъ, непереставая при этомъ жевать табакъ и косясь на меня своими сѣрыми глазами, маленькими и блестящими. Пожаловавши меня «глупой башкой», онъ велѣлъ мнѣ идти за нимъ на поле. Мнѣ дали въ руки большой, тяжелый заступъ, палка котораго была шести футовъ длиною, и я долженъ былъ проработать цѣлый день. Когда стемнѣло, мнѣ позволили оставить работу, и управляющій указалъ мнѣ дрянную избенку, длиною около десяти футовъ и вполвину этого вышиною, съ дырявой крышей, безъ пола и безъ оконъ. Это былъ мой домъ, гдѣ я долженъ былъ жить вдвоемъ съ Билли, молодымъ невольникомъ почти моихъ лѣтъ.

Въ эту жалкую лачугу я перенесъ свой сундукъ съ платьемъ и немного вещей, какія позволяется имѣть невольнику. Въмѣсто постели и одѣяла я получилъ что-то вродѣ большого носового платка, а для недѣльнаго продовольствія мнѣ были выданы корзинка мзиса и фунтъ или два испорченнаго сала. Такъ какъ у меня не было ни горшка, ни кастрюли, ни ножа, ни тарелки, словомъ никакой посуды (такія удобства невольники должны прибрѣтать себѣ какъ сами знаютъ), то я боялся, что мнѣ придется поужинать сырымъ саломъ. Билли увидѣлъ мое горе и сжался надо мною: помогъ мнѣ истолочь зерна и далъ свою кастрюлю, чтобы сварить ихъ, такъ что около полуночи я могъ разговѣться послѣ пятнадцати или двадцати-часового поста. Мой длинный и широкій сундукъ служилъ мнѣ постелью, стуломъ и столомъ; продавши часть своего платья, которое было слишкомъ хорошо для полевой работы, и купивши ножъ, ложку и кастрюлю, я устроилъ свое хозяйство довольно сносно. Помѣщеніе мое было такъ хорошо, какъ только могъ желать чернорабочій; но мнѣ трудно было удовольствоваться этимъ, потомучто я привыкъ къ кое-чему получше; мои руки покрылись волдырями отъ заступа, а возвращаясь домой, истощенный непривычнымъ трудомъ, я долженъ былъ стоя толочь до полночи маисъ, приготовляя себѣ пищу на завтра, и кромѣ того помнить, что съ разсвѣтомъ мнѣ предстоитъ идти опять на поле. Но какъ нибылъ тяжелъ этотъ трудъ, нѣкоторымъ образомъ я самъ избралъ его. Выбирая, я избѣжалъ худшаго тиранства, болѣе тяжелаго рабства: я вырвался изъ рукъ мастера Вильяма.

Такъ какъ я не буду больше имѣть удовольствія говорить объ этомъ любезномъ молодомъ человѣкѣ, то теперь же окончу его исторію. Шесть или восемь мѣсяцевъ спустя послѣ смерти своего млад-

шаго брата, на одномъ пѣтушемъ бою онъ вмѣшался въ ссору пьяныхъ, вслѣдствіе чего была дуэль и мастеръ Вильямъ былъ убитъ первымъ выстрѣломъ. Смерть его была страшнымъ ударомъ для полковника Мура, и онъ долго казался неутѣшнымъ; я же не жалѣлъ ни о немъ, ни объ отцѣ его: я зналъ, что смерть эта избавляетъ меня отъ мстительнаго и жестокаго господина и чувствовалъ злобную и горькую радость, видя несчастнымъ того, кто самъ осмѣлился попать священное чувство природы!..

V

Мнѣ задавали столько же работы, какъ и тѣмъ, которые всю жизнь работали въ полѣ; но я былъ слишкомъ гордъ, чтобы жаловаться или отступить отъ своего выбора. Я такъ старался, что даже мистеръ Стабсъ не могъ не похвалить моей работы и неразъ говорилъ обо мнѣ: «право отличный работникъ!»

На избѣ, которую мы занимали съ Билли, была такая дырявая крыша, что въ дождливую погоду намъ приходилось очень плохо. Наконецъ мы рѣшились ее исправить, и чтобы выиграть время для этого, постарались пораньше окончить заданную намъ работу.

Намъ удалось отдѣлаться въ четыре часа послѣ обѣда и мы вмѣстѣ возвращались въ городъ, — такъ называли мы рядъ избъ, гдѣ помещались невольники, — какъ навстрѣчу намъ попался мистеръ Стабсъ. Спросивши, окончили ли мы заданную работу, и получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ пробормоталъ что-то вродѣ того, что намъ было дѣла наполовину, и приказалъ идти полоть его садъ. Билли молча повиновался: онъ долго былъ подъ властью Стабса, чтобы вздумать разбирать его приказанія; но я осмѣлился какъ могъ почти-тельнѣе сказать, что такъ какъ мы окончили заданную работу, то жестоко давать намъ еще эту прибавочную. Это привело Стабса въ бѣшенство: онъ двадцать разъ поклялся, что я выполю его садъ и на прибавокъ еще буду высѣченъ. Съ этими словами онъ соскочилъ съ лошади, схватилъ меня за воротъ рубашки (единственное платье, бывшее на мнѣ) и началъ бить меня своимъ кнутомъ. Съ тѣхъ поръ какъ я пересталъ быть ребенкомъ, я въ первый разъ подвергался этой унижительной пыткѣ. Боль была довольна сильна, горька была мысль быть высѣчену; но все это было ничто въ сравненіи съ острымъ, жгучимъ рщущеніемъ сдѣланной мнѣ вопіющей

несправедливости ; величайшаго труда стоило мнѣ удержаться, чтобы не броситься на моего свирѣпаго палача и не опрокинуть его на землю. Но увы ! я былъ рабъ !.. Я сжалъ себѣ руки , крѣпко стиснулъ зубы и перенесъ оскорбленіе какъ могъ терпѣливо. Потому меня послалъ онъ въ садъ , и такъ какъ ночь была лунная , я долженъ былъ полоть до полуночи.

На другой день было воскресенье. Воскресный отдыхъ есть одна и единственная милость , за которую американскій невольникъ обязанъ религіи своего господина. Этотъ господинъ нисколько незадумываясь попираетъ всѣ другія заповѣди евангелія и думаетъ, что непринуждая только своихъ рабовъ работать въ воскресенье, онъ вполне заслуживаетъ названіе христіанина. Я рѣшился воспользоваться свободой воскресенья, чтобы пожаловаться моему господину на вчерашній жестокой поступокъ Стабса со мною. Полковникъ Муръ принялъ меня холодно и держалъ въ такомъ отъ себя отдаленіи, какъ никогда не дѣлалъ ; обыкновенно у него была улыбка для всякаго, въ особенности же для своихъ невольниковъ ; тѣмъ неменѣе онъ выслушалъ мой рассказъ и даже удостоилъ сказать , что ничто такъ не мучитъ его, какъ то, когда его слугъ наказываютъ несправедливо и безъ нужды, что никогда онъ не потерпитъ подобныхъ вещей на своей плантаціи. Онъ приказалъ мнѣ идти къ своему дѣлу, увѣривши напередъ, что онъ сегодня же увидится съ Стабсомъ и узнаетъ какъ было дѣло. Это было его послѣднее слово. Въ тотъ же вечеръ мистеръ Стабсъ позвалъ меня къ себѣ, и привязавши къ дереву противъ дверей своего дома, далъ мнѣ сорокъ ударовъ кнутомъ, приглашая идти снова жаловаться на него, если смѣю. «Это ужъ очень много, — сказалъ онъ — чтобы я давалъ отчетъ въ томъ, что отпоролъ какого-нибудь негра за проклятую дерзость!» Дерзость — всегда готовое оправданіе тирановъ !.. Отпоролъ несчастнаго, истерзали его совершенно невинно, — чтоже найти въ свое оправданіе? Всегда найдется вина : «дерзость негодяя» ! а это обвиненіе въ глазахъ негровладельца извиняетъ и оправдываетъ всякое звѣрство. Малѣйшее слово, взглядъ, движеніе, которое покажетъ у раба сознание сдѣланной ему несправедливости, называется дерзостью и наказывается съ беспощадной строгостью.

Второй разъ я уже испытывалъ наказаніе кнутомъ, и второй приемъ не показался мнѣ пріятнѣе перваго. У свободныхъ людей ударъ считается величайшимъ оскорбленіемъ, и какъ ни низко ставятъ невольниковъ ихъ притѣснители, но и у нихъ онъ считается оскорбле-

ніемъ. Кромѣ того, какъ ни странно это можетъ показаться, сплетенный ремень въ здоровыхъ рукахъ производитъ довольно сильную боль, особенно когда за каждымъ ударомъ брызжетъ кровь!..

Предоставляю собственнымъ чувствамъ читателя вообразить то, чего никакое слово не можетъ передать, всю горечь несчастнаго положенія человѣка, который каждый часъ опасается испытать такое оскорбленіе, такую пытку. Если онъ можетъ вообразить себѣ — и пусть благодарить Бога отъ глубины души, что въ его положеніи онъ можетъ только воображать! — приблизительно это несчастіе, тогда только онъ можетъ составить себѣ самое отдаленное понятіе о томъ, что значить быть рабомъ... Я узналъ теперь то, что скоро узнаётъ каждый невольникъ: что даже и права жаловаться я не имѣю, и единственное средство избѣжать повторенія несправедливости, это — переносить ее молча...

Я старался воспользоваться тяжолымъ урокомъ и принять видъ лицемѣрной покорности, необходимой человѣку въ моемъ несчастномъ положеніи. Покорность, дѣйствительная или притворная (они объ этомъ мало заботятся), въ глазахъ господина есть высокая и достославная добродѣтель раба. Наука въ самомъ дѣлѣ трудная, но американскій управляющій — строгій учитель; и если я медленно успѣвалъ въ ней, то не вина мистера Стабса!..

VI

Было бы утомительно для меня и скучно для читателя, входить въ мелкія подробности грустныхъ и однообразныхъ происшествій, наполнявшихъ мою жизнь въ это время; послѣдняя глава — образецъ, по которому можно судить о тѣхъ удовольствіяхъ, какими я наслаждался. Ихъ можно рассказать въ нѣсколькихъ словахъ, и эти слова, передавая часть моей исторіи, могутъ служить описаніемъ цѣлой жизни многихъ тысячъ американцевъ. Меня душили работой, мало кормили и жестоко били. Мистеръ Стабсъ, разъ начавши, не позволялъ уже мнѣ оправиться отъ наказанія, какъ повторялъ его вновь; на моей спинѣ есть память о немъ, которую я надѣюсь унести съ собой въ могилу. Все это онъ дѣлалъ для моей же пользы, и клялся, что не перестанетъ бить, пока не выбьетъ изъ меня проклятую завосчивость. Настоящее становилось для меня невыносимымъ: а

у раба какая надежда на будущее?! Я желалъ смерти, и не знаю на какой отчаянный поступокъ не рѣшился бы, еслибъ не измѣнилось вдругъ мое положеніе, какъ всегда можетъ измѣниться положеніе невольника независимо отъ его воли. Вслѣдствіе внезапной смерти одного родственника, полковникъ Муръ получилъ въ наслѣдство обширное помѣстье въ южной Каролинѣ; но умершій оставилъ духовное завѣщаніе, въ которомъ были нѣкоторые спорные пункты, угрожавшіе процесомъ. Дѣло это требовало личнаго вниманія полковника Мура, и потому онъ отправился въ Чарльстоунъ, взявши съ собою нѣсколькихъ слугъ; а какъ одинъ или двое изъ нихъ недавно умерли, то мистрисъ Муръ вскорѣ послѣ отъѣзда мужа прислала за мною для замѣны недостающей прислуги въ домъ. Этотъ переворотъ въ судьбѣ былъ истиннымъ для меня счастьемъ.

Я зналъ мистрисъ Муръ какъ женщину, неспособную оскорбить или унижить слугу, будь онъ даже невольникъ, развѣ ужъ она была въ очень дурномъ расположеніи, что случалось неболѣе раза или двухъ въ недѣлю, исключая впрочемъ большихъ жаровъ, когда припадокъ продолжался иногда цѣлую недѣлю. Кромѣ того я надѣялся, что воспоминаніе о моей вѣрной, страстной привязанности къ ея младшему сыну, ея любимцу, сохранить мнѣ ея благоволеніе. Я не ошибся: теперешнее мое положеніе въ сравненіи съ тиранствомъ Стабса казалось почти блаженствомъ; ко мнѣ возвратилась дорогая, веселая юность; я былъ столько уменъ, или вѣрнѣе, этотъ возвратъ прежней веселости сдѣлалъ меня слишкомъ безопаснымъ, чтобы тревожиться о будущемъ. Довольный временнымъ облегченіемъ моей судьбы, я пересталъ думать о несчастіяхъ, связанныхъ съ нею. Въ это время миссъ Каролина, старшая дочь полковника Мура, возвратилась изъ Балтиморы, гдѣ она провела нѣсколько лѣтъ у тетки, наблюдавшей за ея воспитаніемъ. Это было очень обыкновенное созданіе, лиционное красоты и граціи, но зато ея горничную Касси природа надѣлила обоими дарами. Касси была подруга моего дѣтства; она уѣхала ребенкомъ, а возвратилась женщиной. Я узналъ отъ одного изъ слугъ, что она была дочь полковника Мура и одной невольницы, раздѣлявшей годъ или два съ моей матерью милость господина; та давно умерла, оставивъ Касси ребенкомъ. Ея мать, говорили, была необыкновенно хороша и считалась опасной соперницей моей матери; Касси по красотѣ была достойной наслѣдницей отца и матери. Она была небольшого роста, но отличалась граціозной и изящной фигурой; гибкость и живость ея движеній могла бы служить небез-

полезнымъ примѣромъ для лѣнливой госпожи ея, лежавшей по цѣлымъ днямъ на диванѣ.

Нѣжный свѣтло-смуглый цвѣтъ ея лица, розовыя щеки безъ сомнѣнія могли болѣе нравиться, чѣмъ безжизненная блѣдность, обыкновенная и даже всеобщая принадлежность патриціанскихъ красавицъ Нижней Виргиніи. При этомъ она еще могла гордиться блестящими, выразительными глазами : лучшихъ я не видалъ. Въ это время, какъ истинный виргинецъ, я еще гордился цвѣтомъ моего лица, хотя горькій опытъ уже убѣдилъ меня, что черный или бѣлый рабъ — все рабъ, а господинъ его, не обращая вниманія на цвѣтъ лица своей собственности, поретъ ее безъ всякаго пристрастія. Я воображалъ, что принадлежу къ высшей кастѣ, и счелъ бы униженіемъ стать на одну доску съ тѣмъ, кто былъ чернѣе меня. Эта глупая гордость помѣшала мнѣ сблизиться съ другими слугами мужескаго и женскаго пола, потому что я былъ замѣтно бѣлѣе ихъ всѣхъ ; она же была причиной справедливой ихъ ко мнѣ ненависти, непріятныя послѣдствія которой я испыталъ неразъ, что впрочемъ не исправило меня. У Касси быть-можетъ было немного болѣе африканской крови, чѣмъ у меня, но это обстоятельство, сначала казавшееся мнѣ очень важнымъ, мало-помалу потеряло въ глазахъ моихъ всякое значеніе по мѣрѣ того какъ я узнавалъ Касси. Мы были часто вмѣстѣ : красота, одушевленіе и веселый характеръ Касси производили на меня съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе впечатлѣнія. Я незамѣтно полюбилъ ее и скоро убѣдился, что мнѣ платятъ взаимностью. Касси была дитя природы : у ней не было и признаковъ кокетства, вѣрнаго средства мучить влюбленныхъ неизвѣстностью, средства, большею частью столько же знакомаго горничнымъ, какъ и ихъ господамъ.

Мы любили другъ друга и скоро заговорили о свадьбѣ. Касси спросила свою госпожу и получила благопріятный отвѣтъ ; мистрисъ Муръ такъ же милостиво выслушала и меня.

Женщины никогда не бываютъ такъ счастливы, какъ когда имъ удастся вмѣшаться въ сватовство ; даже низкое положеніе влюбленныхъ не лишаетъ этого занятія всей его прелести. Было рѣшено, что по случаю нашей свадьбы будетъ небольшой праздникъ для слугъ ; ее намазали въ слѣдующее воскресенье ; священникъ, методистъ, блуждавшій по окрестности, съ радостью взялся обвѣнчать насъ ; онъ безъ сомнѣнія исполнилъ бы обрядъ для всякаго, но

здѣсь онъ тѣмъ охотнѣе предложилъ свои услуги, что Касси присоединилась къ обществу методистовъ, когда была въ Балтиморѣ.

Меня все это очень радовало, потомучто все это какъ-будто придавало нашему соединенію ту необходимую торжественность, которая и должна быть при немъ. Обыкновенно на бракъ невольниковъ въ Америкѣ смотрятъ какъ на минутное дѣло: это есть только временное сближеніе, на которое господа почти вовсе не обращаютъ вниманія, а слѣдовательно и самые сочетающіеся не придаютъ ему по большей части большого значенія. Мысль, что мужъ можетъ быть проданъ въ Лузіану, а жена въ Георгію, не много можетъ способствовать къ скрѣпленію брачныхъ узъ; а чтобы охладить самую страстную любовь, довольно одной увѣренности, что плоды супружества, дѣти ихъ любви, родятся рабами и вырастутъ только для всѣхъ лишей и несчастій безнадѣжнаго рабства. Невольники уступаютъ побужденію природы и размножаютъ породу рабовъ; но, съ рѣдкими исключеніями, рабство такъ же губительно для супружеской любви, какъ и для всѣхъ другихъ добродѣтелей. Безъ сомнѣнія, нѣсколько избранныхъ натуръ стануть выше своего положенія, и лишонныя всякой другой опоры, найдутъ въ собственномъ сердцѣ силу противиться убійственно-развращающему вліянію невольничества, точно такъ какъ губельная зараза или желтая лихорадка (правду сказать, сравнительно невинная и безсильная), свирѣпствуя въ зараженномъ городѣ и увлекая тысячи и десятки тысячъ въ могилу, встрѣчаетъ иногда желѣзныя природы, которыя вызываютъ ее на бой и съ помощью одной силы природы выходятъ побѣдителями.

Въ пятницу передъ воскресеньемъ, днемъ нашей свадьбы, полковникъ Муръ возвратился въ Спрингъ-Мидоу. Пріѣзда его не ждали и я покрайней-мѣрѣ вовсе не желалъ его. Со всѣми слугами, которые поспѣшили ему навстрѣчу, онъ говорилъ съ обычной лаской и добротой; но когда я подошелъ вмѣстѣ съ другими, то его недовольный взглядъ былъ единственнымъ знакомъ, что онъ меня примѣтилъ. Онъ казалось былъ несовсѣмъ пріятно удивленъ, увидѣвши меня снова въ своемъ домѣ.

На слѣдующій день меня освободили отъ моей обязанности и снова передали въ распоряженіе мистера Стабеа. Это меня задѣло за живое; но что было со мной на другой день, когда я приполъ за своей невѣстой!.. Мнѣ сказали, что она уѣхала въ экипажѣ съ полковникомъ Муромъ и его дочерью въ гости къ сосѣдямъ и мнѣ не для чего беспокоиться приходить къ ней, потомучто миссъ Каролинѣ

неудобно, чтобы ея горничная выходила замужъ за работника на полѣ. Я не могу описать порыва моей скорби и бѣшенства въ эту минуту. Люди съ моимъ характеромъ легко поймутъ мои чувства; для особъ же холоднаго темперамента какое описаніе не можетъ дать о нихъ приблизительнаго понятія. Моя невѣста, жена моя — у меня отнята и я самъ отданъ на жертву ненавистному извергу-управляющему!.. И все это такъ скоро, съ явнымъ желаніемъ оскорбить и унижить меня!.. Теперь снова я испыталъ дурныя послѣдствія моей глупой гордости, отдалившей меня отъ другихъ слугъ, моихъ товарищей: вмѣсто того чтобы пожалѣть обо мнѣ, многіе открыто радовались моему несчастію, и такъ какъ я избѣгалъ сношеній съ ними, то у меня и небыло друга, у котораго бы могъ спросить совѣта или найти сочувствіе. Наконецъ я вспомнилъ о священникѣ-методистѣ, который долженъ былъ вѣнчать насъ въ этотъ вечеръ. Онъ повидимому принималъ участіе въ нашемъ дѣлѣ; я не затѣмъ только хотѣлъ видѣть его, чтобы онъ, какъ могъ, утѣшилъ меня и помогъ своимъ совѣтомъ, но желалъ избавить добраго человѣка отъ безполезной проходки, а можетъ-быть и оскорбленія, потому что полковникъ Муръ косо смотрѣлъ на всѣхъ проповѣдниковъ и въ особенности на методистовъ. Узнавши, что у этого священника будетъ митингъ въ четырехъ или пяти миляхъ отъ Спрингъ-Мидоу, я рѣшился, если получу позволеніе, пойти на этотъ митингъ, и обратился къ мистеру Стабсу, чтобы получить билетъ, письменное позволеніе, безъ котораго ни одинъ невольникъ не можетъ отлучиться изъ плантаціи, къ которой принадлежалъ, подъ опасеніемъ быть остановленнымъ первымъ встрѣчнымъ, избитымъ имъ какъ собака и приведеннымъ обратно домой.

Мистеръ Стабсъ съ бранью отвѣчалъ, что ему уже наскучило это бродяжничество и сказалъ, что въ эти двѣ недѣли онъ положилъ никому не давать билета.

Нѣкоторымъ сентиментальнымъ особамъ можетъ показаться это безчеловѣчнымъ: какъ! невольникъ шесть дней работаетъ на своего господина, и наконецъ дождется благословеннаго сельмага дня, но и тутъ ему нельзя сколько-нибудь перемѣнить свою обстановку, нельзя ни на минуту оставить ненавистныя поля, ежедневно видѣвшія его страданія! Но многіе расчетливые управители и хорошіе дисциплинаторы стоятъ, какъ и Стабсъ, противъ всякихъ прогулокъ и запираютъ своихъ невольниковъ, когда тѣ не работаютъ, точно такъ какъ и свои стада, чтобы, говорятъ они, предохранить ихъ отъ зла!..

Въ другую минуту эта новая черта мелочного тиранства мистера Стабса вывела бы меня изъ себя, но теперь я едва замѣтилъ ее, потому что сердце мое было наполнено тяжелымъ страданьемъ... Я медленно возвращался къ избамъ невольниковъ, когда ко мнѣ подбѣжала запыхавшись маленькая дѣвочка, одна изъ служанокъ дома. Я зналъ, что это была одна изъ любимицъ Касси, и схватилъ ее на руки. Дѣвочка сказала мнѣ, какъ только могла перевести духъ, что она меня искала все утро и что у нея есть порученіе отъ Касси, именно: Касси велѣла мнѣ сказать, что она принуждена была противъ воли уѣхать съ Каролиной, но мнѣ нечего беспокоиться и печалиться, потому что она меня любитъ попрежнему. Я расцѣловалъ маленькую посланницу за ея вѣсти и поспѣшилъ домой.

Я жилъ теперь въ небольшой удобной избѣ, которую мистрисъ Муръ велѣла выстроить для меня и Касси, и ждалъ, что вотъ-вотъ отнимутъ ее.

Полученное мною извѣстіе подняло новую тревогу въ моемъ сердцѣ: я не могъ оставаться на одномъ мѣстѣ и то садился, то вставалъ поминутно; сердце мое страшно билось и кровь волновалась какъ въ лихорадкѣ. Я вышелъ изъ дому и сталъ бродить вдоль тюрьмы — плантація была моей тюрьмой — чтобы физической усталостью преодолѣть мучительное ощущеніе страха и надежды, которое для меня было тягостнѣе самой увѣренности въ несчастіи.

При наступленіи вечера я ожидалъ возвращенія экипажа, и наконецъ слышался отдаленный шумъ. Я бросился къ дому, надѣясь увидѣть Касси и быть-можетъ поговорить съ нею. Когда экипажъ остановился у дверей, я былъ почти возлѣ; но мысль, что лучше не встрѣчаться съ полковникомъ Муромъ, остановила меня. Теперь я былъ убѣжденъ, что причиной жестокаго отказа въ это утро была ненависть ко мнѣ полковника — и я возвратился домой, необмѣнявшись ни словомъ, ни даже взглядомъ съ Касси.

Я бросился въ постель, ворочался съ боку на бокъ и не могъ успокоиться; часы тянулись одинъ за другимъ, но я не могъ заснуть... Было болѣе полуночи, когда слышался легкій стукъ въ дверь и шопотъ, пробѣжавшій по всемъ моимъ нервамъ; я вскопчилъ, открылъ дверь и схватилъ въ объятія... Касси, мою невѣсту! Отъ нея я узналъ, что все измѣнилось съ пріѣздомъ полковника Мура. Миссъ Каролина сказала Касси, что полковникъ очень дурного обо мнѣ мнѣнія и остался очень недоволенъ, что въ его отсутствіе меня снова приняли въ домъ. Она прибавила, что узнавъ о

предполагаемой свадьбѣ, полковникъ объявилъ, что Касси слишкомъ хороша для такого негодяя какъ я и что онъ самъ позаботится пріискать ей мужа получше. Поэтому ея госпожа запретила ей думать болѣе обо мнѣ, приказывая въ тоже время не плакать, потому что она будетъ мучить отца до тѣхъ поръ, пока тотъ не исполнитъ своего обѣщанія, «а тогда — прибавила барышня — будетъ мужъ: а каждой изъ насъ вѣдь только этого и нужно».

Такъ думала госпожа; но я имѣю право предполагать, что у горничной было болѣе чистое понятіе о супружеской связи.

Я не зналъ навѣрное, чему приписать поступокъ полковника Мура. Болѣе всего я былъ расположенъ думать, что это — новое проявленіе той же вражды и ненависти, какую онъ постоянно показывалъ ко мнѣ со времени моего бесполезного и безумнаго воззванія къ отеческимъ его чувствамъ. Но мнѣ пришло на мысль, что это сопротивление нашему браку могло происходить и отъ другихъ причинъ. Впрочемъ всѣ свои предположенія я оставилъ при себѣ. Объ одномъ изъ нихъ я самъ не могъ вспомнить равнодушно, тѣмъ менѣе я бы позволилъ себѣ оскорбить и привести въ отчаяніе Касси, сказавши ей объ немъ. Другая причина, которая по моему мнѣнію могла имѣть вліяніе на полковника Мура, была менѣе унижательна для него и болѣе лестна для меня и для Касси. Но объ ней я не могъ говорить, потому что это повело бы къ открытію, котораго я вовсе не желалъ.

Касси знала, что она дочь полковника Мура, но еще при началѣ нашего знакомства я убѣдился, что она вовсе не подозреваетъ, кто мой отецъ.

Я имѣю причины думать, что мистрисъ Муръ были очень хорошо извѣстны оба эти обстоятельства, потому что подобныя вещи не ускользаютъ никогда или очень рѣдко отъ пламенной любовнательности женщины, а тѣмъ болѣе супруги. Она не считала того, что узнала, препятствіемъ къ моей женитьбѣ на Касси. Не считалъ этого и я; да и какимъ образомъ то самое уваженіе къ законности (этой фразой оправдываютъ всевозможныя притѣсненія), которое не признаетъ нашего происхожденія и этимъ самымъ уничтожаетъ всякое родство между нами, можетъ препятствовать нашему соединенію на основаніи этого же родства!.. Но я зналъ, что Касси болѣе чувствовала, чѣмъ разсуждала, и хотя родилась и воспитывалась въ рабствѣ, но была очень разборчива въ своихъ чувствахъ и кромѣ того, какъ методистка, она хотя была самой живой и веселой дѣвушкой,

какую я только зналъ, строго исполняла воѣ постановленія своей религии. Я боялся рисковать нашимъ взаимнымъ счастьемъ и не хотѣлъ подвергать Касси мученіямъ излишней, по моему мнѣнію, разборчивости; а нерасказавши ей прежде о нашемъ родствѣ, я съ каждымъ днемъ чувствовалъ менѣе расположенія толковать о немъ. Поэтому я просто отвѣчалъ ей; что какъ ни ненавиждь меня полковникъ Муръ, все же самъ я ничѣмъ не заслужилъ его нерасположенія. Послѣ минутнаго молчанія я взялъ Касси за руку и дрожащимъ голосомъ спросилъ, что она думаетъ дѣлать? «Я жена твоя, сказала она — и никогда не буду принадлежать никому другому...» Я прижалъ милую дѣвушку къ груди своей; мы стали на колѣни, и поднявъ руки къ небу, молили Бога благословить и засвидѣтельствовать союзъ нашъ: не въ нашей власти было освятить его иначе...

VII

Моя жена могла видѣть меня только украдкой. Она ночью спала на ковръ въ комнатѣ своей госпожи, потомучто въ Америкѣ полъ считается слишкомъ достаточной постелью для невольницы, хотя бы и любимицы своей госпожи. Она была обязана ветавать при каждой прихоти своей госпожи, настоящаго избалованаго ребенка, и навѣщая меня, подвергалась большой опасности, потомучто если бы ея таинственныя посѣщенія открылись, — даже вся чудная прелесть Касси, что-бы ни говорили поэты о могуществѣ красоты, не спасла бы ее отъ плети.

Какъ ни коротки были ея посѣщенія, но ихъ было достаточно, чтобы возбуждать и поддерживать во мнѣ какое-то особенное состояніе чувства. Жена была рѣдко со мной, но образъ ея всегда представлялся мнѣ и казалось дѣлалъ меня нечувствительнымъ ко всему другому... Все проходило предо мною какъ въ счастливомъ снѣ: тяжелый трудъ въ полѣ былъ мнѣ нипочемъ; я почти не чувствовалъ боли отъ плети управляющаго... Наша взаимная любовь и ожиданіе непрерывныхъ свиданій наполняли мою душу такою радостью, что въ ней казалось не оставалось мѣста для непріятныхъ волненій; какъ ни сильна была моя страсть, въ ней не было ничего безпокойнаго или неудовлетвореннаго: когда я прижималъ милую дѣвушку къ своей груди, мнѣ казалось, что я достигъ высочайшаго наслажденія для человѣка!.. Я былъ счастливъ; большаго счастья я

не могъ вообразить, да и не желалъ другого : упоеніе страсти одинаково у раба, какъ и у господина!.. Это самое высокое чувство, и пока оно длится, оно удовлетворяется само собой... Я испыталъ это. Хотя почти все соединилось, чтобы сдѣлать меня несчастнымъ, я все-таки былъ счастливъ, потому что пламенная страсть дѣлала меня нечувствительнымъ ко всему кромѣ любви. Но такое восторженное состояніе не по силамъ человѣку: скоро оно проходитъ и можетъ-быть слишкомъ дорого покупается, потому что часто за нимъ сдѣдуютъ мученія обманутой надежды и вся горечь отчаянія. Но все-таки я съ удовольствіемъ вспоминаю это время. Въ моей жизни это одно изъ свѣтлыхъ пятенъ, кой-гдѣ разбросанныхъ и едва замѣтныхъ, которыя жадная память съ трудомъ отыскиваетъ въ далекомъ прошломъ, — рѣдкіе веселые островки, окруженцые со всѣхъ сторонъ мрачнымъ и бурнымъ океаномъ!..

Прошло почти двѣ недѣли послѣ нашей свадьбы. Разъ, около полуночи, я сидѣлъ возлѣ дверей, ожидая моей жены. Луна свѣтила ярко, небо было безоблачно. Я все еще находился въ восторженномъ состояніи: слѣдя за теченіемъ мѣсяца и любясь его блескомъ, я благодарилъ Бога, что низкія склонности рабства еще несовсѣмъ заглушили во мнѣ всѣ лучшія, высшія движенія человѣческаго сердца. Скоро я замѣтилъ подходившую ко мнѣ человѣческую фигуру; не знаю, на какомъ бы разстояніи я не узналъ ее! Я бросился впередъ и схватилъ жену въ свои объятія. Прижимая ее къ сердцу, я почувствовалъ, что она страшно дрожитъ; а когда поцѣловалъ ее, слеза упала мнѣ на лицо. Встревожившись этимъ, я внесъ ее въ домъ и торопливо сталъ спрашивать, что значитъ ея волненіе? Мой вопросъ повидимому только еще болѣе взволновалъ ее; она опустила голову ко мнѣ на грудь, и судорожно рыдая, не могла выговорить ни одного слова. Я не зналъ что думать, что дѣлать: стараясь успокоить ее, удержавъ своими поцалуями слезы, которыя лились по ея щекамъ, положилъ ей руку на сердце, какъ-будто могъ этимъ остановить его біеніе... Наконецъ она стала спокойнѣе; но только нескоро и мало-помалу изъ прерывистыхъ фразъ я узналъ, что ее такъ напугало. Полковникъ Муръ со времени своего возвращенія видимо оказывалъ ей особенную благосклонность: часто дѣлалъ ей небольшіе подарки, искалъ случая говорить съ ней и постоянно, полушутя, говорилъ комплименты насчетъ ея красоты. У него даже вырывались намеки, которые Касси не могла не понимать, но считала лучшимъ не замѣчать ихъ. Но

его нельзя было оттолкнуть этимъ; отъ словъ онъ перешолъ къ дѣлу; тутъ ужъ нельзя было притвориться непонимающей. Оскорбленная въ своей естественной скромности, въ своей любви ко мнѣ, въ своихъ религиозныхъ чувствахъ, бѣдная дѣвушка приходила въ ужасъ отъ ожидавшей ее участи, но до сихъ поръ скрывала отъ меня свои опасенія. Ей не хотѣлось мучить меня, рассказывая объ оскорбленіяхъ, которыхъ остановить я не могъ, хотя они и разрывали мое сердце.

Въ этотъ день мистрисъ Муръ съ дочерью отправилась съ визитомъ къ сосѣдямъ, а Касси оставили дома. Она работала въ комнатѣ своей госпожи, когда вошелъ полковникъ Муръ. Касси быстро встала и хотѣла уйти, но онъ приказалъ ей остаться и выслушать чтó онъ ей скажетъ. Онъ какъ-будто не замѣчалъ ея смущенія и совершенно спокойно сказалъ ей, что обѣщалъ своей дочери найти вмѣсто этого негодяя Арчи другого для нея мужа, но какъ ни искалъ, не могъ найти никого достойнаго Касси, а потому рѣшился взять ее себѣ. Все это было сказано тѣмъ нѣжнымъ тономъ, противъ котораго, какъ ему казалось, трудно было устоять. Для многихъ женщинъ въ положеніи Касси это и было бы такъ; онѣ сочли бы за величайшую честь для себя быть замѣченными своимъ господиномъ, и многимъ бы немало польстила деликатность, съ какою было сдѣлано это предложеніе. Но бѣдное дитя чувствовало только стыдъ и ужасъ и готова была, говорила мнѣ, провалиться съвозъ землю отъ страха и отчаянія. Рассказывая объ этомъ, она краснѣла, заикалась, дрожала; дыханіе ея сдѣлалось скоро и прерывисто; она прижалась ко мнѣ, будто какіе-то ужасные призраки представлялись ей... Наклонясь къ самому уху, она едва слышнымъ дрожащимъ голосомъ прошептала: «Арчи! онъ мой отецъ!»

Касси была увѣрена, что полковникъ Муръ не могъ не понять, какое впечатлѣніе произвело его предложеніе. Но онъ не обратилъ на это вниманія, а началъ исчислять всѣ выгоды, какія она получить отъ этой связи, стараясь соблазнить ее обѣщаніями нарядовъ и празднои жизни. Она же стояла предъ нимъ опустивъ глаза и отвѣчая только вздохами и слезами, которыя напрасно старалась заглушить. На это полковникъ Муръ недовольнымъ и обиженнымъ тономъ замѣтилъ, чтобы она не дурачилась, и схвативши одною рукою ея руку, другою обнялъ за талію, убѣждая при этомъ не раздражать своего господина бесполезнымъ сопротивленіемъ.

Касси вскрикнула отъ ужаса и повалилась къ его ногамъ... }

Въ ту же минуту стукъ экипажа раздаея въ ея ушахъ «какъ небесная музыка», сказала она. Ея господинъ также его услышалъ ; онъ выпустилъ ее изъ рукъ и пробормотавши что-то, что въ другой разъ... быстро вышелъ изъ комнаты.

Она осталась на полу безъ чувствъ , и только звукъ шаговъ миссъ Каролины привелъ ее въ себя.

Остальную часть дня и вечеръ она сама не понимала какъ провела. Голова ея кружилась , говорила она ; туманъ стоялъ передъ глазами и въ душѣ было одно мучительное чувство гнета и тоски. Днемъ она не смѣла оставить комнаты своей госпожи и ожидала съ нетерпѣнiемъ урочнаго часа, когда ей можно будетъ броситься въ объятiя мужа, своего естественнаго защитника... Естественнаго защитника! Кчему служить мужу естественное право защищать свою жену отъ преслѣдованiй человѣка, когда оба они принадлежать этому самому человѣку?..

Таковъ былъ расказъ Касси. Какъ имъ странно это можетъ показаться, я выслушалъ его совершенно равнодушно.

Когда я держалъ въ своихъ объятiяхъ трепещущую, заплаканную расказчицу, я менѣе волновался слушая ее, чѣмъ теперь, передавая ея расказъ Дѣло въ томъ, что я былъ приготовленъ къ нему : я предвидѣлъ и ожидалъ этого.

Я зналъ, что красота Касси была слишкомъ привлекательна, чтобы не возбудить желанiй сластолюбца, у котораго долгое потворство своимъ страстямъ заглушило все лучшiя чувства и сдѣлаю неспособнымъ воздерживаться ; а бояться наказанiя или общественнаго презрѣнiя, которое бы могло замѣнить ему совѣсть, ему было нечего. Да и чего можно ожидать отъ человѣка, который хорошо знаетъ, что какое бы насилie онъ себѣ ни позволилъ, не только законъ оправдаетъ его, но даже и общiй голосъ назоветъ непрощенымъ ходатаемъ чужикъ дѣлъ всякаго, кто вздумалъ бы заставить его дать отчетъ передъ судомъ общественнаго мнѣнiя?

Какъ ни мало отцовской нѣжности постоянно показывалъ мнѣ молковникъ Муръ, покрайней-мѣрѣ съ той минуты какъ онъ узналъ, что мнѣ извѣстно наше родство, но все-таки я слишкомъ уважаю своего отца, чтобы выставять его въ дурномъ свѣтѣ. Страстный и вспыльчивый отъ природы, онъ былъ добръ, а въ честности его, какъ я уже говорилъ, нельзя было сомнѣваться. Но честность бываетъ разнаго рода. Полковникъ Муръ строго соблюдалъ тотъ кодексъ, въ которомъ былъ воспитанъ : посягнуть

на честь жены или дочери сосѣда онъ счелъ бы — какъ почитается это въ виргинскомъ уставѣ о чести — смертельнымъ оскорбленіемъ; онъ зналъ очень хорошо, что такое оскорбленіе можетъ быть заглажено только смертью оскорбителя. Въ другихъ же случаяхъ онъ не зналъ никакихъ границъ и препятствій. Сильный вѣрною безнаказанностью, придававшю ему смѣлость, если только дѣло шло о невольницѣ, онъ смотрѣлъ на самое ужасное оскорбленіе, какое можетъ быть сдѣлано женщинѣ, какъ на шутку, надъ которой можно посмѣяться за четвертой бутылкой, и ни въ какомъ случаѣ не нашолъ бы ее достойною строгаго и серьезнаго порицанія. Всего этого я ожидалъ; я предвидѣлъ съ самаго начала, что Касси будетъ обречена своимъ господиномъ на ту же судьбу, которая была удѣломъ моей и ея матери. Этому намѣренію я съ самаго начала приписывалъ его сопротивленіе нашему браку; предположивши впоследствии другую причину, я сдѣлалъ ему честь, на которую, какъ я вижу, онъ не имѣлъ ни малѣйшаго права. Я каждый день ждалъ услышать то что теперь услышалъ, я ждалъ этого. Но такъ сильна была восторженная моя любовь, что и это ужасное ожиданіе не могло ни смутить, ни огорчить меня; даже когда опасенія замѣнились дѣйствительностью, я оставался спокоенъ. Экзальтація страсти поддерживала меня, и прижимая несчастную, трепещущую жену къ груди своей, я чувствовалъ себя выше несчастій, меня давившихъ, я былъ счастливъ!.. Это можетъ показаться невѣроятнымъ. Но любите какъ я любилъ, или если вашъ темпераментъ болѣе расположенъ къ ненависти, ненавидьте такъ же сильно, какъ я любилъ; пусть страсть поглотитъ васъ вполнѣ, и пока она будетъ продолжаться, вы будете одарены поразительной, почти нечеловѣческой энергіей!..

Я ужъ рѣшилъ что мнѣ дѣлать. У несчастнаго невольника есть одно средство избавиться отъ угрожающаго зла, жалкое и грустное средство, прибѣгая къ которому онъ непременно рискуетъ увеличить свои страданія: это средство — бѣгство.

Мы скоро собрались въ путь. Жена пошла домой, собрала въ узелокъ немного пятыя; въ тоже время я сколько могъ захватилъ провизіи; два оубала, топоръ, котелокъ и нѣсколько мелкихъ вещей заключили наши сборы. Когда жена возвратилась, я былъ готовъ пуститься въ путь. Мы отправились съ единственнымъ спутникомъ, вѣрною собакой; я не хотѣлъ брать ее, боясь, чтобы она какъ-нибудь не выдала насъ, но она не хотѣла идти назадъ, а привязать ее

я боялся, потому что дай ей хоть поднять тревогу, за которой немедленно бы последовала погоня за нами.

Въ Нижней Виргинии уже показалась та растительная болѣзнь, которая впоследствии такъ тяжело легла на нее. Впрочемъ она заслужила такую казнь!.. Уже поля начинали пустѣть и плантаціи заростать почти непроходимыми кустарниками; а эта почва могла бы еще производить богатые жатвы, еслибы ее обрабатывали свободныя руки!

Въ десяти миляхъ отъ Спрингъ-Мидоу была одна пустая плантація. Еще прежде я посѣщалъ ее нѣсколько разъ съ мастеромъ Джемсомъ; онъ, пока могъ ѣздить верхомъ, имѣлъ странную охоту блуждать по безлюднымъ мѣстамъ. Сюда-то я рѣшился отправиться въ эту критическую минуту.

Дорога, которая вела прежде къ этой плантаціи, и прилегающія къ ней съ обѣихъ сторонъ поля поросли маленькими, чахлыми соснами. Онѣ такъ близко стояли одна возлѣ другой, такъ сплелись, что стали почти непроходимымъ лѣсомъ. Мнѣ впрочемъ удалось не потерять настоящаго направленія. Дорога была такъ затруднительна, что уже разевѣло, когда мы дошли до построекъ плантаціи. Онѣ еще стояли, но въ самомъ жалкомъ положеніи: главный домъ былъ построенъ въ огромныхъ размѣрахъ и съ большими претейвіями, но окна уже исчезли, двери попадали съ петель и крыша мѣстами провалилась. Дворъ заросъ молодыми деревьями; по стѣнамъ дома вися дикій виноградъ, все было молчаливо, пусто и мрачно. Конюшни и помѣщенія невольниковъ представляли только кучи развалинъ, поросшихъ мхомъ и травой.

Въ некоторомъ разстояніи отъ дома находился спускъ, составлявшій одну сторону глубокаго рва, на днѣ котораго билъ изъподъ горы прекрасный источникъ; теперь онъ былъ вполнину зарытъ листьями и пескомъ, но вода осталась чиста и свѣжа какъ и прежде. Возлѣ источника было небольшое, низенькое кирпичное зданіе, вѣроятно построенное для молочни или для чего-нибудь въ этомъ родѣ. Дверь отъ него исчезла, половина крыши обрушилась, а другая держалась еще на мѣстѣ; пустое пространство, гдѣ ушла крыша, пропускало довольно свѣта и воздуха и замѣняло окна, которыхъ по первоначальному плану не было. Это небольшое, развалившееся зданіе было такъ закрыто тѣнью старыхъ деревьевъ и такъ заросло новыми, что его нельзя было замѣтить на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ. Мы случайно наткнулись на него, отыскивая

источникъ, изъ котораго я и прежде шёлъ воду, но теперь же помнилъ его положенія. Намъ тотчасъ же пришлось на мысль, что это можетъ быть нашимъ временнымъ убѣжищемъ, и мы рѣшились сейчасъ же вычистить наполнившій его щелевь и поселиться въ немъ.

VIII

Я зналъ, что въ то мѣсто, гдѣ мы поселились, рѣдко кто заходилъ; о пустомъ домѣ ходили слухи, что тамъ водятся черти; вѣроятно дальнее разстояніе отъ дороги и почти непроходимый лѣсъ защищали насъ отъ незваныхъ гостей. Вокругъ было нѣсколько плантацій, такъ какъ мы занимали холмъ между двумя рѣками, берега которыхъ еще обрабатывались. Но ближайшая изъ этихъ плантацій находилась въ четырехъ или пяти миляхъ, и ни одного дома ближе Спрингъ-Мидоу, до котораго, какъ я уже сказалъ, было десять или двѣнадцать миль. Я разсудилъ, что чѣмъ предпринимать дальнѣйшее бѣгство, безопаснѣе остаться въ этомъ убѣжищѣ и обождать, пока прекратятся поиски. Между тѣмъ мы старались устроиться какъ можно удобнѣе.

Какъ это было въ половинѣ лѣта, то недостатокъ крыши не очень насъ беспокоилъ. Нѣсколько сосновыхъ вѣтвей въ одномъ углу развалинъ составляли нашу постель, — и на пуховикѣ мы не спали бы покойнѣе; изъ обломковъ панелей пустого дома я сдѣлалъ два грубыхъ табурета и нѣчто похожее на столъ; источникъ снабжалъ насъ водою, нужно было позаботиться только о пищѣ. Въ лѣсу было нѣсколько дикихъ плодовыхъ деревьевъ, а возлѣ дома росли персики, хотя заглушенные и истощенные тунеладной растительностью, но еще дававшіе плоды; я былъ мастеръ ловить кроликовъ и мелкую дичь, которой въ лѣсу было много; изъ ключа, снабжавшаго насъ водою, вытекалъ небольшой ручей, впадавшій недалеко отъ дома въ рѣку, гдѣ было много рыбы. Но главный ресурсъ нашъ составляли соевѣднія поля хлѣба, гдѣ уже были спѣлые колосы: я безъ зазрѣнія совѣсти пользовался ими. Однимъ словомъ, хотя мы вовсе не были приучены къ такой дикой жизни, но провели время очень пріятно. Люди, постоянно праздные, не могутъ понять истинной роскоши праздности, того упоительнаго наслажденія, съ какимъ человѣкъ, работающій пошеволь, даетъ отдыхъ своему утомлен-

ничь мускуламъ и предается удовольствію ничего не дѣлать!.. Я проводилъ цѣлыя часы лежа въ тѣни, лѣниво мечтая и наслаждаясь пріятнымъ ощущеніемъ, что я самъ себя господинъ, что мнѣ не нужно бѣгать взадъ и впередъ по приказанію другого; я могу работать или не работать, какъ мнѣ угодно!..

Нечему удивляться, что освобожденные невольники склонны къ лѣности: это новое для нихъ удовольствіе. Въ нихъ умъ трудъ неразрывно связанъ съ рабствомъ и кнутомъ; они привыкли видѣть, что не работать есть главный отличительный признакъ свободного состоянія.

Настоящее-то было довольно хорошо; но нужно было подумать о будущемъ. Мы всегда смотрѣли на наше убѣжище какъ на временный пріютъ; теперь пришла пора оставить его. Правда, я считалъ бы величайшимъ счастьемъ провести цѣлую жизнь вдвоемъ съ Касси, вдали отъ всѣхъ: если здѣсь мы были лишены удовольствій общественной жизни, зато и всѣхъ золь ей. Но это было невозможно: климатъ Америки не благопріятствуетъ пустынной жизни.

Наше настоящее убѣжище для лѣта еще годилось, но зимой оно бы сдѣлалось невыносимымъ, а зима приближалась. Мы надѣялись убѣжать въ свободные штаты, потому что я зналъ, что въ сѣверной Виргиніи нѣтъ невольниковъ. Лишь бы намъ удалось выбраться изъ сосѣдства Спрингъ-Мидоу, гдѣ меня хорошо знали, а тамъ ужъ было гораздо легче продолжать наше бѣгство: цвѣтъ лица не выдастъ бы нашего рабскаго происхожденія, и намъ было нетрудно, какъ мы думали, выдать себя за свободныхъ гражданъ Виргиніи. Но нужно было поступать очень осторожно, потому что полковникъ Муръ вѣроятно разослалъ уже по всей окрестности объявленія съ подробнымъ описаніемъ особенныхъ примѣтъ каждого изъ насъ.

Мнѣ казалось впервые, что Касси необходимо переодѣться; но вопросъ состоялъ въ томъ, какимъ образомъ и гдѣ достать во что переодѣться? Мы рѣшились говорить всѣмъ, что идемъ на сѣверъ по своимъ дѣламъ, и положили, что Касси переодѣнется въ мужское платье и будетъ провожать меня въ качествѣ младшаго брата. Въ ту ночь, когда мы оставили Спрингъ-Мидоу, я взялъ съ собою свое лучшее платье, послѣдній подарокъ бѣднаго мастера Джемса, что давало мнѣ возможность разыграть роль виргинскаго путешественника; но для Касси у меня не было ни шляпы, ни

баншмаговъ, никакого костюма, въ который бы она могла переодѣться.

По счастью я берѣгъ на случай необходимости лишняго денегъ, скопленныхъ отъ мастера Джемса. Я позаботился взять ихъ съ собою; теперь они составляли всю нашу надежду. Нужно было, чтобы ихъ стало не только на приготовленія въ дорогу, но и на шутевыя издержки.

Но какъ употребить эти деньги, не рискуя быть открытымъ?

Въ пяти или шести миляхъ отъ Спрингъ-Мидоу и почти въ такомъ же разстояніи отъ насъ, жилъ нѣкто Джемсъ Гордонъ, одержавшій маленькую лавочку; главными покупателями его были невольники сосѣднихъ плантацій.

Мистеръ Джемсъ Гордонъ или Джемс Гордонъ, какъ его фамильярно называли, былъ одинъ изъ бѣдныхъ бѣлыхъ, которыхъ въ Нижней Виргиніи много, покрайней-мѣрѣ было прежде; о нихъ даже невольники говорятъ съ презрѣніемъ.

У Джемса не было ни земли, ни слугъ; отецъ былъ такой же бѣднякъ. Работать его не приучили, потому что свободный работникъ и не найдетъ работы тамъ, гдѣ каждый землевладелецъ имѣетъ достаточное число невольниковъ для обработки своей плантацій.

Единственнымъ средствомъ для чловека въ положеніи Гордона оставалось сдѣлаться управляющимъ у кого-нибудь изъ своихъ богатыхъ сосѣдей. Но въ Виргиніи болѣе желающихъ получить мѣсто управляющаго, чѣмъ самыхъ мѣстъ; ктому же Гордонъ былъ однимъ изъ тѣхъ безпечныхъ, добренькихъ, уступчивыхъ и лѣнивыхъ людей, которыхъ обыкновенно называютъ ни къ чему негодными. Онъ никогда не могъ приучить себя къ внимательному и непрестанному надзору, который необходимъ посреди невольниковъ, у которыхъ принято за правило работать какъ можно менѣе и красть какъ можно болѣе. Онъ сумѣлъ бы бѣсноваться, браниться и хлестать направо и налево по чемъ пошло, но не былъ способенъ къ правильной строгости, къ систематической жестокости: а только этимъ и приобретается репутація хорошаго управителя. Кромѣ того въ одной плантаціи, гдѣ управлялъ Гордонъ, оказался значительный недочетъ въ хлѣбѣ: ужъ я незнаю насколько виновата была его небрежность или его нечестность, — это кажется осталось навсегда черновымъ. Мнѣ только известно, что Гордона отставили отъ должности, а какъ найти другую было очень затруднительно, то онъ съ отчаянія рѣшился заняться торговлей.

По недостатку средствъ, торговля его была весьма незначи- тельна: главный предметъ продажи составляла виски; но кромѣ этого онъ продавалъ башмаки и другое платье, какое обыкновенно покупаютъ невольники, чтобы дополнить ту жалкую одежду, кото- рую даютъ имъ господа. Плату онъ принималъ деньгами, также зерномъ и другими продуктами, неспрашивая какимъ путемъ до- стались они покупателямъ.

Противъ людей этого класса виргинскіе законодатели истощили всю свою изобрѣтательность въ составленіи уголовныхъ законовъ и судили ихъ такъ строго; какъ только могли судить людей, которые все-таки могутъ предъявлять права и называться именемъ свобод- ныхъ гражданъ. Но эти уголовные законы не достигали своей цѣли; хотя торговля съ невольниками очень опасна и унижительна, слѣ- довательно ею занимаются самые отчаянные и безпорядочные люди, однако число ихъ довольно велико, чтобы доставить плантаторамъ неистощимую тему для разглагольствованій и жалобъ, а невольни- камъ тѣ немногія удобства и маленькую роскошь, которыхъ бы они напрасно ожидали отъ снисхожденія или человеколюбія своихъ господъ.

Эти торгаши безъ сомнѣнія принимаютъ и краденныя вещи, даже большая часть ихъ товара покупается за такую плату. На- прасно насиліе ограждаетъ себя страшными законами, напрасно рабовладѣлецъ льститъ себя надеждой, что ему одному будутъ при- надлежать всѣ плоды усиленныхъ трудовъ его ближнихъ! Рабъ не можетъ противиться могуществу, данному закономъ рукъ его го- сподина; кнутъ есть знакъ власти, орудіе пытки, противъ кото- рыхъ не устоитъ самое мужественное сердце, самая упорная воля. Но обманъ есть естественный спутникъ пасидія, а хитрость — всегдашняя защита слабого противъ притѣсненія сильнаго.

Одинъ разъ я сналъ жизнь мистеру Гордону, за что онъ всегда выражалъ мнѣ свою признательность. Вотъ какъ это случилось: несколько лѣтъ тому назадъ, разъ Гордонъ удилъ рыбу въ рѣкѣ, не- далеко отъ Спрингъ-Мидоу; вдругъ порывъ вѣтра опрокинулъ его лодку; берегъ былъ недалекъ, но Гордонъ, неумѣя плавать, под- вергался большой опасности. Въ это время я съ мастеромъ Джем- самъ гулялъ по берегу; увидѣвши, что кто-то барахтается въ водѣ, я бросился туда и вытащилъ Гордона, когда тотъ уже въ третій разъ опустился на дно. Въ знакъ своей признательности за эту

услугу онъ дѣлалъ мнѣ повременамъ небольшіе подарки, и я надѣялся, что и въ этомъ случаѣ онъ не откажется помочь мнѣ.

Я хотѣлъ купить у него шляпу и башмаки для себя и мужское платье для Касси, и распросить, насколько онъ знаетъ, о дорогѣ, по какой намъ идти. Много, много затрудненій обещалъ нашъ путь; но я рѣшился не мучить себя заранее, а предоставить будущему заботиться о будущемъ.

Прежде всего нужно было видѣться съ Гордономъ и узнать, насколько онъ расположенъ помогать мнѣ. Домъ его и лавка въ томъ же домѣ находились въ пустынной части страны (недалеко отъ перекрестка двухъ дорогъ), вдали отъ всякаго жилья. Я считалъ небезопаснымъ отправиться на большую дорогу ранѣе полуночи. Было уже далеко за полночь, когда я подошелъ къ дому Гордона; но увидѣвши домъ, я началъ колебаться и нѣсколько разъ останавливался: нехотѣлось мнѣ доверить свою свободу и всѣ надежды на счастье измѣнчивой благодарности человѣка, а тѣмъ болѣе такого, какъ Гордонъ. Рискъ показался мнѣ слишкомъ великъ и сердце мое мучительно сжалось, когда я вспоминалъ какъ слаба опора, отъ которой зависитъ если не жизнь, то все что заставляло желать жизни. Я уже хотѣлъ вернуться назадъ, но вспомнилъ, что это единственное средство; если Гордонъ намъ не поможетъ, у насъ не оставалось никакой надежды на успѣшное бѣгство. Эта мысль толкнула меня впередъ; я собрался съ духомъ и подошелъ къ дверямъ. Три или четыре собаки, стерегшія домъ, залились лаемъ, но онѣ только лаяли, а не бросались; я торопливо постучалъ. Мистеръ Гордонъ высунулъ голову изъ окна, заставилъ собакъ замолчать и спросилъ: кто я и что мнѣ нужно? Я попросилъ открыть дверь и впустить меня, говоря, что у меня есть къ нему дѣло.

Надѣясь быть-можетъ сдѣлать выгодный торгъ съ запоздалымъ покупателемъ, онъ успѣшилъ исполнить мою просьбу и открылъ дверь. Когда я входилъ, на меня упалъ свѣтъ луны и Гордонъ тотчасъ узналъ меня.

— Какъ, Арчи! это ты? вскричалъ онъ съ удивленіемъ. — Откуда чортъ принесъ тебя въ такое время? Я думалъ, что ты ужъ съ мѣсяцъ оставилъ нашу сторону.

Съ этими словами онъ ввелъ меня въ домъ и заперъ дверь.

Я сказалъ, что скрываюсь по сосѣдству и принимаю къ нему затѣмъ, чтобы онъ помогъ убѣжать мнѣ.

— Все что будетъ возможно, Арчи, отвѣчаетъ онъ: — но бли

узнають, что я помогалъ тебѣ въ бѣгствѣ, я пропасть на вѣки. Вашъ господинъ полковникъ Муръ, майоръ Принглъ и капитанъ Найтъ и еще съ полдюжины ихъ только вчера были здѣсь и поклялись, что если я не перестану торговать съ невольниками, они сроятъ мой домъ, а меня совсѣмъ выгонять отсюда. И теперь, если узнають, что я помогалъ тебѣ, Арчи, это будетъ хорошее свидѣтельство за меня. Нѣтъ, я не такъ глупъ!..

Я употребилъ слезы, лесть, просьбы, напомнилъ Гордону, что онъ часто выражалъ желаніе оказать мнѣ услугу, и сказалъ, что теперь отъ него мнѣ нужно только немного платя, да просилъ показать дорогу.

— Правда, Арчи, правда! Ты спасъ мнѣ жизнь, дитя мое, — я отъ этого не отрицаюсь, а за добро платятъ добромъ; но дѣла-то твои ужъ крѣпко плохи. Какого чорта вздумалось тебѣ и этой дѣвчонкѣ бѣжать? Въ жизни своей я еще не встрѣчалъ несчастнаго случая, причиной котораго не была бы женщина. Эта долгоязычная трещотка, вдова Гинкли привела сюда вчера полковника Мура и всѣхъ ихъ, — будь она проклята, завистливая старая вѣдьма! Ей хочется выжить меня отсюда и завладѣть моими покупателями.

Я зналъ, что мистеръ Гордонъ нисколько не былъ склоненъ къ чувствительности и говорить ему о чувствѣ было тоже что бросать бисеръ свиньямъ. Поэтому я сказалъ только, что слишкомъ поздно толковать почему мы бѣжимъ, а теперь дѣло въ томъ, чтобы не быть пойманными.

— Ну да, малый, я тебя понимаю. Это дьявольски глупое дѣло; ты ужъ самъ каешься. Теперь для тебя лучше всего — собраться съ духомъ и вернуться домой; потерпѣть ужъ наказаніе, да и дѣлу конецъ. Вѣдь полковникъ Муръ больше всего сокрушается о пропажѣ дѣвчонки, и я бы тебѣ вотъ что посоветовалъ: пойди скажи, гдѣ ее можно найти. Самъ выпутаешься изъ бѣды и взвалишь всю вину на ея плечи.

Я скрылъ негодованіе, возбужденное этимъ предложеніемъ. Подобныя низости верѣдки между невольниками не могъ же я надѣяться найти въ Гордонѣ нравственность выше обычнаго уровня. А потому я сказалъ только, что скорѣе рѣшусь вытерпѣть что бы то ни было, чѣмъ возвратиться въ Спрингъ-Мидоу; если же онъ не хочетъ помочь мнѣ, то я сейчасъ же уйду, полагаясь на его честность, что онъ никому не скажетъ о моемъ посѣщеніи. Наконецъ я употребилъ по-

сѣднее средство далъ ему понять, что заплачу ему за все вторгуюсь.

Незнаю навѣрно, вслѣдствіе ли этого, или по влеченію великодушія, или того и другого вмѣстѣ, Гордонъ сталъ оказывать мнѣ гораздо болѣе расположенія.

— О деньгахъ, Арчи, между такими друзьями какъ мы съ тобой и говорить нечего. Послѣ всего что было между нами, нехорошо съ моей стороны не доставить тебѣ необходимаго, если ужъ ты хочешь идти своей дорогой. Но не уйти тебѣ, никакъ не уйти. Подумай только: полковникъ Муръ появился, что издержитъ пять тысячъ долларовъ, а поймаетъ тебя. Онъ вездѣ разослалъ печатныя объявленія, въ которомъ сверху стоитъ «пятьсотъ долларовъ награды». Войди-ка въ лавку, я тебѣ покажу. Пятьсотъ долларовъ! кто-нибудь да положить эти денежки въ свой карманъ, я полагаю!..

Мнѣ не понравился тонъ, которымъ говорилъ Гордонъ, и еще болѣе потревожило особенное удареніе при словѣ «пятьсотъ долларовъ». Очевидно было, что мысль объ этой наградѣ сильно занимала его воображеніе. Домъ Гордона состоялъ изъ двухъ комнатъ: одна была гостиной, спальней и кухней, а другая лавкой. Все это время мы были въ спальнѣ при одномъ свѣтѣ луны, теперь же вошли въ лавку.

Онъ выскѣкъ огня, зажогъ смоляной факель и поднесъ его къ большой афишкѣ, прибитой противъ дверей. Я тамъ прочелъ, сколько помню, слѣдующее:

ПЯТЬСОТЪ ДОЛЛАРОВЪ НАГРАДЫ

Бѣжали отъ нижеподписавшагося въ субботу вечеромъ изъ Спрингъ Мидоу двое невольниковъ, Арчи и Касси, за поимку которыхъ заплатятъ вышесказанное награжденіе. Оба немного смуглы; невольница Касси нѣсколько темнѣе. Арчи двадцать одинъ годъ, росту пять футовъ и одиннадцать дюймовъ; онъ строенъ и хорошо сложенъ, ходитъ твердо, прямо и очень красивъ собой; волосы темно-русые, вьющіеся, глаза голубые, лобъ высокій. Вынеславанцый невольникъ воспитывался въ моемъ семействѣ, гдѣ съ нимъ всегда хорошо обращались. Въ чемъ онъ былъ одѣтъ, когда бѣжалъ — неизвѣстно. Касси около восемнадцати лѣтъ, росту около пяти футовъ и трехъ дюймовъ, стройна, очень красива, волосы длинныя, темныя, глаза черныя, блестящія. Когда она смѣется, на лѣвой щекѣ образуются двѣ ямочки. У нея прекрасный голосъ и она знаетъ много пѣ-

сень. Особым примѣты: черная родинка на правой груди. Она была горничной и унесла съ собою много хорошихъ платьевъ. Предполагается, что вышесказанные невольники бѣжали вмѣстѣ. Кто мнѣ приведетъ ихъ или посадить въ тюрьму, чтобы я могъ обратно получить ихъ, тотъ получитъ обѣщанное вознагражденіе, или половину, если приведетъ одного изъ нихъ. Чарльсъ Муръ.»

«Прим. Я подозреваю, что они отправились по дорогѣ къ Балтиморѣ, такъ какъ Касси прежде жила въ этомъ городѣ; безъ сомнѣнія они будутъ стараться выдать себя за бѣлыхъ.»

Между тѣмъ какъ я читалъ это объявленіе, мистеръ Гордонъ смотрѣлъ черезъ мое плечо и сообщалъ на каждую фразу свои комментарии. Ни объявленіе, ни комментарии не могли произвести на меня выгоднаго впечатлѣнія. Гордонъ вѣрно замѣтилъ это, потому что подалъ мнѣ стаканъ виски, убѣждая не падать духомъ, и при этомъ самъ осушилъ залпомъ столько же, желая мнѣ счастливо убѣжать. Это немного меня успокоило, а те признаюсь, я слишкомъ испугался очевиднаго желанія Гордона приобрести пятьсотъ долларовъ. Но виски (онъ не довольствовался однимъ стаканомъ) будто снова пробудила его признательность: онъ поклялся, что на все готовъ, лишь бы услужить мнѣ, и прибавилъ, чтобы я выбралъ вещи, какія мнѣ нужно. Я взялъ шляпу и пару башмаковъ для себя и тоже для Касси, по ей необходимо было мужское платье, а Гордонъ не торговалъ готовымъ; но у него было сукно по моему карману, и онъ взялся заказать платье. Я наугадъ далъ мѣрку и сказалъ, что приду черезъ три дня; онъ обѣщалъ, что къ этому времени платье будетъ готово. Мнѣ очень хотѣлось окончить дѣло разомъ и сейчасъ же отправиться въ путь, но это было невозможно: Касси было необходимо переодѣться, а безъ этого пытаться убѣжать было бы безумствомъ. Я просилъ Гордона, чтобы въ назначенный день платье было готово непременно, потому что я не хотѣлъ надолго подвергать его такому искушенію получить пятьсотъ долларовъ, заслужить дружбу полковника Мура и при его пособіи составить себѣ карьеру. Я спросилъ, сколько я долженъ за всѣ покупки? Гордонъ взялъ доску и началъ писать. Нѣсколько минутъ онъ усердно считалъ, потомъ вдругъ остановился и долго смотрѣлъ то на выбранные товары, то на доску; потомъ на минуту задумался, взглянулъ на меня и сказалъ:

— Арчи! ты спасъ мнѣ жизнь: бери всѣ эти вещи даромъ!

Я сумѣлъ достойно оценить это добротельное великодушія:

Гордонъ проматывалъ или проигрывалъ все что получалъ, следовательно его мучила не одна бѣдность, но еще вѣчное желаніе добывать средства для удовлетворенія своимъ страстямъ. Деньги были для него тоже что виски для пьяницы.

Подобнымъ людямъ тяжело быть великодушными, и я пересталъ недовѣрять человѣку, который показалъ такое существенное доказательство своего желанія помочь мнѣ.

Пожелавъ ему спокойной ночи, я пошелъ домой съ облегченнымъ сердцемъ. Мистеръ Гордонъ предложилъ мнѣ нѣсколько вопросовъ о мѣстѣ моего убѣжища, но я не считалъ нужнымъ давать на нихъ положительные отвѣты: хотя я не сомнѣвался въ Гордонѣ, но не видѣлъ большой пользы въ излишней довѣрчивости, и выходя отъ него, я пошелъ вовсе не по той дорогѣ, по какой нужно было. Разъ или два мнѣ показалось, что кто-то шолъ за мной; неполный мѣсяцъ бросалъ слабый и неопредѣленный свѣтъ; тропинка, по которой я шолъ, проходила посреди мелкихъ деревьевъ и кустарниковъ: слѣдившій за мною могъ бы легко укрыться. Но когда я останавливался и прислушивался, все было тихо, и скоро мои мечтательныя опасенія разсѣялись.

Сдѣлавши большой кругъ, я пошелъ наконецъ по настоящей дорогѣ къ пустой плантаціи и пришелъ туда на разсвѣтѣ.

Касси вышла мнѣ навстрѣчу. Со времени нашего бѣгства изъ Спрингъ-Мидоу, мы въ первый разъ разставались такъ надолго. Увидѣвши ее, я такъ обрадовался, будто мы цѣлый годъ не видѣлись, и не одинъ я радовался: Касси бросилась въ мои объятія и съ восторженной любовью прижимала меня къ груди своей.

Мы провели три дня, приготовляясь къ путешествію, предполагая и уничтожая препятствія, и повременамъ наслаждаясь ожиданіемъ будущаго счастья...

Въ назначенное время я отправился къ мистеру Гордону. Теперь ужъ я не дрожалъ и не колебался, какъ прежде, но шолъ спокойно, какъ человѣкъ, спѣшащій къ вѣрному другу. Я постучалъ. Въ ту же минуту Гордонъ отворилъ дверь, и схвативъ меня за руку, втащилъ въ домъ, но вдругъ въ полуоткрытую дверь я замѣтилъ, что тамъ есть еще другіе, кромѣ его.

Я вырвалъ свою руку, и отпрыгнувши назадъ, сказалъ шепотомъ:

— Боже!.. Мистеръ Гордонъ! что у васъ?

Онъ не отвѣчалъ, но въ тоже время какъ я говорилъ, послышался грубый голосъ Стабса : «схватите его, схватите его!»

Я понялъ, что меня продали, и пустился бѣжать, но кто-то схватилъ меня за плечо. По счастью въ моей рукѣ была крѣпкая, толстая палка; сдѣлавъ полуоборотъ; я однимъ ударомъ повалилъ на землю моего преслѣдователя, злѣдѣя Гордона. Мнѣ пришло сильное желаніе остановиться, чтобы повторить ударъ, но въ эту минуту нудя просвистала надъ моей головой. Обернувшись и увидѣвъ Стабса и еще другого человека съ направленными противъ меня пистолетами. Нечего было терять времени. Я прыгнулъ впередъ и побрякалъ, спасая свою жизнь.

Раздалось два или три выстрѣла одинъ за другимъ, но ни одинъ не попалъ въ меня; и успѣвъ войти въ чащу, гдѣ было менѣе опасности. Скоро оказалось, что я былъ гораздо проворнѣе своихъ преслѣдователей, потому что ихъ стало невиднo и неслышно.

Я бѣжалъ еще съ полчаса; наконецъ, совершенно выбившись изъ силъ, упалъ на землю и старался собраться съ силами, прийти въ себя. Въ эту ночь луны не было; легкий туманъ закрывалъ звѣзды; я не зналъ навѣрное гдѣ я, такъ что я наудачу выбралъ дорогу къ пустой плантаціи и снова пошелъ. Во время бѣгства я вывихнулъ себѣ ногу, но тогда едва замѣтилъ это; теперь же боль сдѣлалась такъ ощутительна, что я съ трудомъ двигался. Но я все-таки шелъ, утѣшая себя надеждой возвратиться домой до разсвѣта. Пройдя огромное пространство по неизвѣстнымъ полямъ и чащамъ, я наконецъ достигъ знакомаго ручья, и напившись изъ него, пустился въ путь съ большей бодростью. Мнѣ оставалось пройти еще пять или шесть миль до пустой плантаціи и притомъ окольнымъ путемъ. Я крѣпился какъ могъ, но солнце давно взошло, когда я дошелъ до источника. Касси съ тоскою ожидала меня. Уже моя медленность напугала ее, а теперь она еще болѣе встревожилась, увидѣвши безпорядокъ моей одежды и мое истомленное, взволнованное лицо.

Я поспѣшилъ къ источнику и наклонился, чтобы напиться; вдругъ Касси громко воскликнула. Я взглянулъ и увидѣлъ, что два или три человека бросились въ ровъ. Я вскочилъ, но въ ту же минуту почувствовалъ, что меня схватили сзади; непредвидя всей опасности, я готовился бороться съ тѣми, которыхъ увидѣлъ прежде, когда двое другихъ обошли по рву на другую сторону—и я очутился въ рукахъ моихъ враговъ...

IX

Я узналъ послѣ, что мистеръ Стабъ и его товарищи, ожидавшіе у мистера Гордона, непомавъ въ меня изъ пистолета и видя, что я бѣгаю слишкомъ скоро для нихъ, прекратили охоту, возвратились въ лавку и тотчасъ послали за военной командой. Скоро къ нимъ присоединились еще два человѣка, и главное—собака Джулеръ, которая славилась во всемъ графствѣ своимъ чутьемъ отыскивать бѣглецовъ. Ей тотчасъ же обвязали вокругъ шеи веревку, другой конецъ которой держалъ одинъ изъ сыщиковъ, и потомъ пустили ее по моимъ слѣдамъ. Собака пошла медленно, обнюхивая землю; за нею слѣдовалъ Стабъ съ своей шайрой. Последнюю часть своего пути я шолъ медленно, такъ что Джулеръ съ компаніей скоро догнали меня и достигли источника почти въ одно время со мной. Отвергнувъ мое убѣжище, они рѣшились дѣйствовать навѣрное, и раздѣлившись на два отряда, заняли обѣ стороны рва и овладѣли мной, какъ я уже сказалъ.

Въ тоже время схватили бѣдную Касси, и мы неуспѣли одуматься, какъ намъ связали руки и оковали тяжелой цѣпью, концы которой сжимали шею намъ обомъ.

Для Касси это было слишкомъ жестоко: бѣдная женщина, почувствовавъ прикосновеніе желѣза, горько заплакала... Не думаю, чтобы цѣпь была стянута, сильнѣе чѣмъ нужно, но увидѣвши слезы бѣдной жены моей, мнѣ показалось, что ошейникъ думить мое горло... Грубые шутки нашихъ палачей еще болѣе увеличивали мое горе и бѣщенство.

Хорошо что мои руки были связаны. Будь онѣ свободны, право я бы нашолъ средство отправить на тотъ свѣтъ хотя одного изъ этихъ негодяевъ!

И Гордонъ былъ тутъ съ головой, повязанной окровавленнымъ платкомъ. Но вмѣсто того чтобы шутить съ другими, онъ уговаривалъ ихъ не мучить и не оскорблять насъ:

— Я тебѣ вотъ что скажу, Стабъ: ты, чортово отродье, оставь Касси въ покоѣ. Видя я ихъ поймать, я долженъ получить награду. Оставь ихъ, говорю тебѣ! Я сделаю уже, что они сделаются ноль моимъ покровительствомъ.

— И вправду, хорошаго покровителя они нашли въ тебѣ!

отвѣчалъ Стабсъ съ громкими смѣхою, которому вторили и его товарищи. — Точно, они тебѣ много обязаны, чортъ бы побралъ твою глупости и тебѣ вмѣстѣ съ ними!.. А я буду говорить этой дѣвкѣ что хочю, да и сдѣлаю ей что захочю!.. Я здѣсь управляющій, или нѣтъ? — И при этомъ сказалъ новую дерзость бѣдной Касси.

Только обещаніемъ увести компанію четвертой виска Гордонъ могъ добиться, чтобы они оставили насъ въ покоѣ. Слово «виски» подѣйствовало какъ талисманъ, силой котораго Гордонъ успѣлъ убедить друзей отстать отъ насъ и доставить ему случай, какъ онъ выразился, побесѣдовать со мной.

— Мало нужды, прибавилъ онъ, — если улынешь то что онъ будетъ говорить, лишь бы только не перебивали.

— Это меня удивило до крайности. Гордонъ меня продалъ; поступивши такъ низко, могубивши меня, что значило это новое проявленіе его благожелательности? Я уже сказалъ, что Гордонъ отъ природы былъ добрякъ. Онъ не могъ устоять противъ предложенія получить пятьсотъ долларовъ за всѣ тѣ выгоды, какихъ онъ могъ ожидать, измѣняя мнѣ, но все-таки онъ не забывъ, что я спасаю ему жизнь.

Подошедши ко мнѣ, онъ, зашамкавъ и замкаясь, оторвался завязать разговоръ.

— Да чортоса въ носозо ты меня хватилъ! Арчи! началъ онъ.

— Какію, чортъ ударилъ послѣднее, сказалъ я.

«— Ну-ну, полно чортомъ смотрѣть! Я просто подумалъ, малый, что лучше заработать пятьсотъ долларовъ, чѣмъ низачто упустить ихъ. Я зналъ очень хорошо, что васъ поймають непременно, и какъ ты ни дуйся на меня, а я сдѣлаю для тебя такъ, какъ никто бы не одѣлаю. Ну же, подойди сюда, мой милый, я тебѣ раскажу какъ было все дѣло. Видишь: въ ту ночь, какъ ты убѣжалъ отъ меня, я не сомкнулъ глазъ, — все думалъ. Я говорилъ себѣ: чортъ знаетъ что задумалъ Арчи! Наверное его поймають, помощи я; или нѣтъ. Только будетъ беда и ему, и мнѣ: его отдеруть, а замлату интравъ, посажу въ тюрьмѣ, да еще на прибанокъ, какъ грозился мнѣ полковникъ и другіе, меня совсѣмъ выгонять отсюда. Итакъ енкверное дѣло станетъ еще хуже, а другой получить награду. Арчи спасъ мнѣ жизнь; я отъ этого не отпиреюсь; еслиже я спасу его отъ кнута и въ тоже время положу въ карманъ пятьсотъ долларовъ, это будетъ отличное дѣло для обоихъ насъ.

«На другой день я всталъ рано и пошелъ къ полковнику Муру.

Я застаю его укасно бѣшеннымъ, албоу! отговорясь ему не имѣя никакого мнѣнія о васъ.

«— Полковникъ! сказалъ я: — я слышалъ, что вы предлагали пятьсотъ долларовъ тому, кто найметъ вамъ изъ бѣдныхъ новобранцевъ?»

«— Да, сказалъ полковникъ, — деньги сполна.

«И онъ взглянулъ мнѣ въ глаза, какъ-будто думалъ, что я знаю гдѣ васъ найти.

«— Вѣрю, полковникъ, сказалъ я, — Малъ моментъ быть удачею найти ихъ, если вы прежде пообщаете мое-что...

«— Что пообщать? спросилъ полковникъ: — развѣ и не общалъ уже пятьсотъ долларовъ? Говори яснѣе!

«— Полковникъ! Но о вознагражденіи я думаю: вознагражденію безъ сомнѣній прекрасное, великолѣпное... Дайте мнѣ думно чамъ-роста пятьдесятъ долларовъ и пообщайте мѣ бѣдн. Арчи, и тогда онъ воротится, а не буду требовать остальнаго сорокадесяти...

«— Вотъ глупости! отвѣчалъ полковникъ. — Служите пожалуйста, мистеръ Гордонъ, что вамъ да того, сколько ударовъ получите звать негоднѣи, лишь бы вы получили деньги?

«— Полковникъ, сказалъ я: — Гордонъ не забываетъ сдѣланнаго ему добра. Арчи знаетъ нѣтъ жизни введъ тому какъ будетъ три года въ этомъ мѣсяцѣ. Если вы пообщаете мнѣ честнымъ словомъ не бить его за то, что онъ убивалъ, а берусь его найти; еслиже нѣтъ — нѣтъ.

«Долго спорилъ и терзался полковникъ, но имея, что я не уступаю, согласился. Тогда я рассказалъ, что ты приходишь ко мнѣ и еще разъ придеши; онъ и послалъ Стабоа и другихъ, чтобы могли схватить тебя. Вотъ и вся исторія. Не печалься-жъ, Арчи, и ободрись! Ты видишь, что я думалъ сдѣлать какъ можно лучше для насъ обоихъ.»

— Желаю вамъ, сказалъ я Гордону, — много радости отъ этой сдѣлки. Дай вамъ Богъ опустить эти пятьсотъ долларовъ какъ только возьмете карты въ руки, что случится недальше какъ сегодня.

— Ты сердился, Арчи, а те-бы ты не такъ это принимать. Сказалъ правду, я и не удивляюсь, но современно ты рассудилъ обо всемъ и иначе придеши это. А я думалъ, что ты удивляешься гдѣмъ, что вразумилъ мнѣ голову. Елбоу болить; какъ не тронеть!..

Этимъ словами Гордонъ окончилъ разговоръ и присоединился къ

товарищамъ. Не много у меня причинъ похвалить королю о мистарѣ Гордонѣ, но смѣю сказать, что въ бѣдномъ мѣрѣ немногихъ найдется людей лучше Джона Гордона: пятьсотъ долларовъ были великимъ искушевіемъ для него; время того онъ надѣлся заслужить мидостное расположение полковника Мура и съ его помощью приобрести почетное мѣсто въ обществѣ, покрайней мѣрѣ несколько было это возможно для бѣднаго человека въ нашей землѣ. Притомъ же онъ не только успокоилъ свою совѣсть размышленіемъ, что не онъ, такъ другой продастъ меня, но еще выступилъ за меня передъ полковникомъ Муромъ и браловца каяется любить себя, что лишнимъ мнѣ, онъ мнѣ же оказывать услугу. Въ американскихъ невольничьихъ штатахъ по одной драгмѣ (какъ вы противрѣчите это республиканскому духу, но мнѣ ни одной страны въ мѣрѣ, гдѣ бы было такое различіе между джентльменами и простымъ народомъ) на одну драгму, который способенъ скорбитъ сравненіемъ съ Джономъ Гордономъ, несутъ всю свою жизнь по тѣмъ же правиламъ, слѣдуя которымъ этого человека едва ли злодействъ. Въ невольничьихъ штатахъ многіе джентльмены понимаютъ очень хорошо и въ глубинѣ души своей ясно сознаютъ, что держать своихъ ближнихъ въ работѣ есть одно вопиющее нарушеніе основныхъ законовъ человеколюбія и справедливости. Они сами признаютъ, что работу защищать невозможно ни въ какомъ отношеніи, но къ несчастію, невольники составляютъ ихъ совѣсть, безъ нихъ они не могли бы жить джентльменами. Впрочемъ они хорошо образуются съ своими невольниками, такъ хорошо, что даже неадекватно утверждаютъ, что рабы, оставаясь рабами, гораздо охотливѣе, чѣмъ могла бы ихъ сдѣлать свобода подъ какой бы то ни было формой...

Если люди съ умомъ и образованіемъ могутъ удовлетворяться такими жалкими софизмами, то тѣмъ болѣе мы должны быть симпатичны къ Джону Гордону!..

X

Было уже за полдень, когда мы пришли въ Спрингъ-Мидоу. Полковникъ съ литераріемъ ожидалъ насъ, но какъ въ этотъ день у него былъ званый обѣдъ, то обязанность принимать гостей помѣняла ему тотчасъ завѣдѣть нами. Впрочемъ какъ только ему ска-

если о нашем приходе, онъ сейчасъ выложилъ министру Гордону пятьсотъ долларовъ: это была большая свертокъ баннотныхъ билетовъ. У него даже загорались глаза, онъ съ надвинутою шляпкой дотопил. Я притормозилъ посмотреть на него и наши глаза встретились. Его лицо вдругъ изменилось: онъ то краснелъ, то блѣднелъ; стылъ, угрызеніе совѣсти и превращеніе къ самому себѣ выразилось на немъ: онъ быстро сглатывалъ деньги въ карманъ и ужомъ переговоровъ изъ слова.

Меня и Касю отвели въ тарай и заперли въ небольшой темной и узкой чуланъ, служившій изюперентомъ анбаромъ для зерна и тарайной для провинциальныхъ новобранцевъ. Мы съели тамъ, потому что больше ни на чемъ было; и бедная Кася узнала въ мою обязанія. Отчаяніе и ужасъ овладѣли ею съ появленіемъ этой тарайной закладки. Огиренъ надблужилъ своимъ женъ-соборомъ и старался ее утѣшить. Но она не хотѣла утѣшаться даже и нахоу, утѣшенію, могъ я предостыжить? Чѣмъ болѣе товарища я, чѣмъ болѣе она лизкала, блжно и ближе приближалась къ мнѣ, и наконецъ судорожно обняла меня...

— Онъ убьетъ насъ, онъ разлучитъ насъ на вѣки! тако, чуть слышно шептала она, и это была единственной отытъ на все что я могъ сказать...

Въ самомъ дѣлѣ, кляня попомненію, было ужасно. Блжно мы помнили въ руки обидчивому иррата или франкоизма, у насъ могла бы остаться какая-нибудь надежда: сознаніе виновнаго преступленія могло бы исполнить все, сражае карающую правосудія могъ бы удержать его руку, наконецъ онъ могъ нанести смерть, скорую, легкую смерть: вотъ и все. Но мы, несчастные; не могли утѣшиться даже и этой надеждой! Мы были бѣглые невольники, слова впавшіеся въ руки господина, развирѣташаго отъ одной мысли, что мы, его собственность, несли дерзость убѣжать отъ него, владѣльца, знающаго очень хорошо, что, какъ бы ни жамкамъ онъ насъ ни подвергнулъ, если только сразу не убьетъ насъ, законъ и общественное мнѣніе оправдаютъ его!.. Правда, мы убѣжали отъ величайшаго оскорбленія, какое можетъ быть нанесено мужу и женѣ, но это не могло ни оправдать, ни облегчить нашей вины: рабъ не можетъ бѣжать ни отъ чего; его обязанность (люди считаютъ такъ осквернять это слово!) — переносить безропотно все оскорбленія, жестокости и притѣвленія!..

Я прижалъ жену къ груди своей отъ той же мучительной тоской,

съ какой-то озабоченностью. Я чувствовала также, какъ и она, что это было въ послѣдній разъ. Эта мысль разрывала мое сердце. Еще тише становилось мнѣ отъ воспоминашя недавняго счастья... Я почти душила Касси своими страстными поцѣлуями; не румянецъ радости; а жаръ лихорадки горѣлъ на ея щекахъ; и ничто бы не пришло ей грѣхотъ наслажденія отъ такъ только вѣтровъ... Скорая разлука, грозившая мнѣ, была нѣсколько ужасна въ будущемъ, — она будто уничтожала въ насъ всякую способность наслаждаться настоящимъ. Еслибы не это, съ Касси въ моихъ объятіяхъ — что для меня цѣль и торжество!.. Но я ждалъ разлуки навѣки — и уста Касси потеряли всю прелесть, а грудь ея сдѣлалась чуждымъ ложемъ, хотя я и не могъ оторваться отъ нея; каждый поцѣлуй казался увеличивалъ наше страданіе...

Такъ прошло нѣсколько часовъ. Мы ничего не ѣли, и никто не принесъ намъ даже воды; жаръ и удручающая атмосфера этого мѣста, куда не проникалъ воздухъ, увеличивали лихорадочное состояніе нашей крови и жажда сдѣлалась невыносимой. Какъ мучительно стремилась душа моя къ прохладному источнику, ароматному воздуху, къ потерянной для насъ свободѣ!..

Около вечера мы услышали, что кто-то подходитъ, и скоро я отличилъ голоса полковника Мура и его управляющаго; они открыли дверь и приказали намъ выйти. Сначала свѣтъ такъ ослѣпилъ мои глаза, что я не могъ различить предметовъ, но скоро я увидѣлъ, что нашихъ пестытелей сопровождалъ Питеръ, высокой малый съ подозрительной улыбкой, доносчикъ и шпионъ дома, предметъ ненависти во всѣхъ невольниковъ, но любимецъ Стабса и его помощниковъ во всѣхъ важныхъ случаяхъ.

Лицо полковника Мура было красно; я подумалъ, что онъ пьянъ. Это съ нимъ случалось очень рѣдко; хотя всякій обѣдъ въ его домѣ оканчивался тѣмъ, что большая часть гостей лежала на полу, но хозяинъ дома обыкновенно не прикасался къ бутылкѣ подъ тѣмъ предлогомъ, что докторъ запретилъ ему употреблять вино, и одинъ вставалъ изъ-за стола трезвымъ. Но на этотъ разъ онъ видно смѣнилъ своему обычаю.

Несказавши мнѣ ни слова, не взглянувши даже на меня, онъ обратился къ управляющему и оказалъ вполголоса съ очень недовольнымъ видомъ:

— Нортъ-знаетъ что за глупость была запретить къ вамъ! Я думаю, мистеръ Стабсъ, что вы лучше поняли мои приказанія.

Управляющий пробормотал набого-го немилостивое слово, из которого полковник не образил никакого значения, и безъдальнейшаго предисловія или объясненія приказалъ Губеу: освободить меня отъ оковъ: отперли замокъ, съмахившіи цѣпь на мою шею, и раздѣли мою полку: донага. Мистеръ Губеу взялъ веревку, однимъ концомъ связалъ мнѣ руки, а другимъ, съ помощью Питера, прикрѣпилъ къ изгороди, лежащей надъ моею головою; потому они такъ пригнули веревку, что концы приподняли меня отъ земли.

Тогда полковникъ Муръ велѣлъ освободить цѣпь Касси, и махнулъ ей въ руки тямомъ кнутъ; онъ, указывая на меня, сказалъ: «Ну-ка, дѣвонка, постарайся утробить его въ дѣло!»

Бѣдная Касси смотрѣла въ какомъ-то остобененіи; она не понимала его; ей никогда не приходило въ голову мысль о такой утонченной жестокости, о такомъ вѣроломъ мщениіи.

Она повторила свое приказаніе; желость и взглядъ его были ужасны.

— Если хочешь спасти собственную кожу, постарайся, чтобы кровь прыскала за каждымъ ударомъ!.. И вѣдь кнуту обоихъ какъ мучить со мной!

Неловко Касси повела со зѣвотомъ нахреніе: въ глазахъ ея выразились ужасъ и отчаяніе, и она упала безъ чувствъ... Послалъ Питера за водою: онъ прыснулъ Касси въ лицо, она очнулась. Ее поставили на ноги: Неловникъ Муръ снова всталъ ей кнутъ въ руки и повторилъ свое приказаніе.

Она отбросила кнутъ, какъ-будто это прикосновеніе обожгло ея руки, и смотря полковнику Муру прямо въ лицо, заливаясь слезами, сказала умоляющимъ, но твердымъ голосомъ:

— Господи! онъ мой мужъ!

Слова мужъ привело полковника Мура въ бѣшенство. Онъ видимо потерялъ великую власть надъ собою: ударомъ кулака поваливши Касси на землю, онъ началъ топтать ее ногами; потомъ схватилъ кнутъ, брошенный Касси, и началъ бить меня съ такою силой, что узлы кнута разрывали тѣло за каждымъ ударомъ; яремъ лилась по моему тѣлу и стояла небольшою лужей подъ моими ногами... пытка была выше человѣческаго терпѣнія: я кричалъ какъ въ предсмертныхъ мукахъ...

— Тѣу ты чортъ! сказалъ мой палачъ: — его крикъ переполюшить весь домъ!

И вышумев; нѣтъ кармена платокъ, оны положила его мнѣ въ ротъ и рукавицею внула; веткнула его въ горло.

Замедлавши такимъ образомъ мою ротъ, оны снова начала бить меня. Сколько времени продолжалась эта — не знаю; въ глазахъ у меня потемнѣло; голова закружилась и скоро благодѣтельный обморочекъ избавилъ меня отъ страданій.

XI

Очнувшись, я лежалъ на дрянной постели, въ углу небольшой полуразвалившейся избы, и такъ ослабѣлъ, что едва могъ повернуться. Неудя я узналъ, что былъ боленъ горячкою. Единственнымъ моимъ собесѣдникомъ была глухая женщина, слишкомъ старая, чтобы гадиться на что-нибудь кромѣ должности сидѣлки. Узнавши старуху, я забросалъ ее тысячью вопросовъ, забывая, что она не можетъ слышать. Я желалъ, хотя и боялся, узнать судьбу Касои, и большая часть моихъ вопросовъ касалась ея; но старуха ничего не отвѣчала. Наконецъ она сказала, что я могу оглохнуть отъ своего крика, а она не услышитъ ни слова; при этомъ прибавила, что я еще слишкомъ слабъ, чтобы говорить. Но это не заставило меня замолчать: я только громко кричалъ и прибавилъ къ словамъ знаки и жесты, чтобы заставить себя понять. Однако было ясно, что тетка Дидея не намѣрена удовлетворить моему любопытству, потому что увидѣвши, что не можетъ успокоить меня, она вышла изъ избы и заперла за собою дверь, предоставляя меня собственнымъ размышленіямъ. Они были несовѣтъ пріятны, да и голова моя такъ кружилась, что едвали я могъ о чемъ-нибудь думать.

Послѣ узналъ я, что пролежалъ болѣе недѣли въ безпамятствѣ отъ горячки, грозившей скоро окончить мою несчастную жизнь. Но пріидши миновался: молодость и здоровое сложеніе осмили болѣзнь и сохранили меня для нѣсколькихъ страданій.

Я скоро выздоровѣлъ и началъ ходить; но изъ опасенія, чтобы, пользуясь возвратившимися силами, я не покусился на новое бѣгство, мнѣ тотчасъ же сковали руки и ноги. Разъ въ день оковы на часъ снимались и мнѣ позволяли подъ надзоромъ Питера пользоваться свѣжимъ воздухомъ, прогуляться по плантаціи. Намрасиво старался я выведать что-нибудь у Питера о своей жемѣ: оны не могъ или не хотѣлъ ничего сказать.

Я подумалъ, что можетъ-быть у шера можно купить то, чего онъ не хотѣлъ сказать даромъ, и сообщалъ подарить ему какое-нибудь платье, если онъ позволитъ мнѣ навѣстить прежній домъ. Мы пошли туда виветъ. Въ ожиданіи своей оцады, благодаря добротѣ мистрисъ Муръ и ея дочери, я очень мило убралъ этотъ домикъ. Въ немъ осталось много вещей, которыя рѣдко можно видѣть въ кабѣ невольника. Теперь же я нашолъ его разграбленнымъ и опустошеннымъ: всѣ вещи исчезли; сундукъ былъ взломанъ и всѣ платья раскрадены. Безъ сомнѣнія этимъ я былъ обязанъ своимъ братьямъ-невольникамъ. Самое сильное стремленіе человеческого сердца, или почти самое сильное, есть страсть къ приобретѣнію; эту страсть рабъ можетъ удовлетворить только воровствомъ. Кроме того, самое пагубное слѣдствіе рабства то, что оно уничтожаетъ даже варады добродѣтели. Если угнетеніе дѣлаетъ умнаго человѣка сумашедшимъ, то оно также способно дѣлать изъ честнаго человѣка негодяя: притѣсненіе ослабляетъ умъ и ожесточаетъ сердце; у кого отъ рожденія отнимаютъ свободу и трудъ, его единственное излѣдіе, тотъ становится своекорыстнымъ, безвѣчнымъ и не заботится ни о чемъ, кромѣ наслажденія настоящей минутой. Кто лишился всего; онъ готовъ въ свою очередь грабить даже своихъ братьевъ...

Увидѣвши опустошеніе моего домика, я вспомнилъ о деньгахъ и осмотрѣлъ свои карманы, но денегъ не было. Тогда только я припомнилъ, что когда меня схватилъ Гордонъ съ своими сообщниками, мистеръ Стабсъ обыскалъ мои карманы и переложилъ все что тамъ нашолъ, въ свои; безъ сомнѣнія мнѣ ужъ теперь нечего было надѣяться получить ихъ обратно: сообразно съ виргинскимъ нравственнымъ кодексомъ Стабсъ былъ честный человѣкъ и поступилъ совершенно естественно. Конечно опасно оставлять въ рукахъ мошенника-бѣглеца такую сумму денегъ! Но по тому же кодексу невольники, обокравшіе меня, были отъявленные негодяи, которыхъ по всѣмъ правамъ стоило отодрать. Такъ рѣшилъ и Стабсъ, котораго мы встрѣтили на возвратномъ пути. Когда я пожаловался, что меня ограбили, этотъ честнѣйшій джентльменъ совершенно вынулъ изъ себя и поклялся, что если только удастся ему поймать воровъ, то ужъ они будутъ его помнить!.. Несмотря на этотъ взрѣвъ благороднаго негодованія, мистеръ Стабсъ не сказалъ ни слова касательно возвращенія моихъ денегъ, а я сталъ безопаснѣе не заводить самому о нихъ рѣчи.

Черезъ дѣвъ или три недѣли силы мои почти возвратились : рубцы, которыми была изборождена моя спина, совершенно зажили. Я приходилъ уже въ недоумѣніе: что полковникъ Муръ намѣренъ дѣлать со мною? Но однажды вечеромъ я получилъ приказаніе отъ Стабса встать на другой день съ разсвѣтомъ и приготовиться къ путешествію. Куда и зачѣмъ мы отправлялись, онъ не удостоилъ сообщить мнѣ; да я и не очень любопытствовалъ узнать. Теперь я имѣлъ одно большое утѣшеніе: что бы ни дѣлали со мною, я уже не могъ быть несчастнѣе!.. Эта мысль меня поддерживала и давала возможность смотрѣть на будущее съ какимъ-то беззаботнымъ и бессмысленнымъ равнодушіемъ, которому я самъ удивляюсь, когда теперь вспоминаю.

Утромъ за мною прѣехалъ Стабсъ по своему обыкновенію съ кнутомъ въ рукѣ. Онъ снялъ оковы съ моихъ ногъ, но руки оставилъ скованными; обвязалъ шею веревкой, а другой конецъ ея завязалъ вокругъ своего пояса. Предупредивши такимъ образомъ покушеніе на побѣгъ, онъ сѣлъ на лошадь и приказалъ мнѣ идти возлѣ себя. Я былъ еще слабъ и поврежденныя ивиги мои становились медленно, но ударъ кнута скоро возбуждалъ во мнѣ новую бодрость. Я спросилъ : куда мы идемъ?

— Узнаешь когда дойдешь! былъ отвѣтъ.

На ночь мы остановились въ какомъ-то шинкѣ; и Стабсъ, и я занимали одну комнату: онъ опалъ на постелѣ, а на полу.

Снявши веревку съ моей шеи, онъ связалъ ею мнѣ ноги такъ крѣпко, что отъ боли невозможно было заснуть. Нѣсколько разъ я жаловался Стабсу, но онъ приказалъ мнѣ спать и не безпокоить его глупыми жалобами.

На слѣдующее утро Стабсъ, развязывая меня, увидѣлъ, что ноги мои сильно опухли; онъ кажется пожалѣлъ, что не обратилъ вниманія на мои жалобы, но оправдывалъ себя тѣмъ, что невольники — такое дьявольское отродье обманщиковъ, что имъ невозможно вѣрить, а безпокоиться и вставать даромъ ему вовсе не хотѣлось. На другой день мы продолжали нашъ путь, но меня такъ измучили утомительное путешествіе и безсонная ночь, что только частые удары кнута мистера Стабса могли заставить меня передвигать ноги.

Въ то же время какъ слабыя мои физическія силы, измѣнила мнѣ и твердая, упрямая воля, поддерживавшая меня до сихъ поръ; я зарыдалъ какъ ребенокъ.

Наконецъ мы достигли конца нашего пути : поздно вечеромъ мы вошли въ городъ Ричмондъ. Описать его я не могу, потому что меня тотчасъ же заперли въ тюрьму. Теперь только я узналъ, зачѣмъ мы пришли сюда : полковникъ Муръ, по словамъ мистера Стабса, заблѣлъ отъ такого безпокойнаго негодяя какъ я, и потому рѣшился продать меня. Съ того дня какъ я узналъ безъ вѣстовъ подъ ударомъ отеческой руки полковника Мура, я ужъ никогда болѣе не видѣлъ его... Трогательное разставанье отца съ сыномъ!

XII.

Меня должны были продать на слѣдующій день ; назначена была публичная продажа. Кромѣ меня привели еще много псевдониковъ ; меня привели на рынокъ сполнаго по рукамъ и ногамъ ; остальной товаръ былъ уже собранъ, но торгъ еще не начинался. Я употребилъ этотъ промежутокъ на разсматриваніе окружающихъ. Некоторымъ группы особенно обратили мое вниманіе. Первая изъ нихъ состояла изъ старика съ совершенно обѣдыми волосами и хорошенькой дѣвочки лѣтъ десяти или двѣнадцати, его внучки, какъ онъ мнѣ сказалъ ; у старика и у дѣвочки были на шеѣ желѣзные ошейники, соединенные вмѣстѣ тяжелой цѣпью. Можно бы подумать, что старость одного и молодость другой дѣлали эту заѣрскую предосторожность совершенно безволезной ! Но я узналъ послѣ, что господинъ рѣшился продать ихъ въ припадкѣ гнѣва, и цѣни надѣты были болѣе въ наказаніе, нежели въ видахъ безопасности.

Возлѣ старика съ внучкой стояли мужъ и жена съ ребенкомъ на рукахъ. И мужъ и жена были очень молоды и повидимому страстно любили другъ друга, по крайней-мѣрѣ приходили въ отчаяніе, что попадутъ въ руки различныхъ покупателейъ. И если кто-нибудь изъ публики выражалъ желаніе покупать, жена тотчасъ же обращалась къ нему, убѣждая купить ее съ мужемъ, и начинала быстро перечислять достоинства обоихъ ; мужъ же мрачно-осмотрѣвъ въ землю и упорно молчалъ.

Здѣсь была еще группа изъ восьми или десяти чловѣкъ мужчинъ и женщинъ, повидимому такъ равнодушно смотрѣвшихъ на торгъ, какъ-будто они были только зрителями : они сидѣлись, разказывали и шутили другъ съ другомъ такъ же весело, какъ и другіе посѣтители. Какой-нибудь защитникъ насмѣя безъ сомнѣнія дора-

довался, види это зрѣлище, и осмѣлился бы утверждать, что разсматривая строго, еще не такъ ужасно быть проданнымъ съ публичнаго торга, какъ слабонервные люди готовы вообразить себѣ! Но это доказательство будетъ такъ же справедливо, какъ всѣ доказательства рабовладѣльцевъ; а по своей наивности и логикѣ какъ-разъ подходитъ къ умозаключенію того философа, который увидѣвши сквозь рѣшотку тюрьмы, что нѣкоторые изъ осужденныхъ на смерть смѣются и шутятъ между собою, заключая, что ожиданіе быть повѣшеннымъ имѣетъ въ себѣ нѣчто возбуждающее веселость! Дѣло въ томъ, что душа человѣка, хотя очень часто напрасно, но все-таки всѣми силами жадно стремится къ счастью и даже въ минуту отчаянія, въ объятіяхъ смерти, все силится создать себѣ какую-нибудь причину радоваться! Оттого-то невольникъ можетъ пѣть за своимъ тяжкимъ трудомъ и даже смѣется, когда его продаютъ какъ быка на рынкѣ. Рабовладѣлецъ видитъ, что всѣ его несправедливости и притѣсненія не въ состояніи заглушить въ душѣ его жертвы способности радоваться, и указывая вамъ на эти порывы несомнѣемъ еще порабощенной природы, смѣется хвастаться счастьемъ, которое онъ доставляетъ!..

Но не всегда весело быть проданнымъ!..

Первый товаръ, представленный аукціонеромъ публикѣ, былъ человѣкъ лѣтъ около тридцати, съ открытымъ привлекательнымъ лицомъ. До той минуты, пока его поставили на столъ, онъ не вѣрилъ, что его продадутъ, потому что его владѣтель, живя недалеко отъ города, подъ выдуманномъ предлогомъ затащилъ его сюда: ему сказали, что хотятъ нанять его въ городъ. Когда несчастный узналъ, что его дѣйствительно продадутъ, онъ началъ такъ дрожать, что едва держался на ногахъ: всѣ члены трепетали, а лицо выражало величайшій ужасъ и отчаянье. Два главные покупателя, вступившіе между собою въ жаркій споръ, были: джентльменъ, жившій не осѣдству и повидимому знавшій этого несчастнаго невольника, и другой молодой человѣкъ, заносчивый и дерзкій, который, какъ говорили, былъ продавцомъ невольниковъ и явился на торгъ, чтобы запастись товаромъ. Впродолженіи торга любопытно и въ тоже время грустно было наблюдать тоскливое безпокойство несчастнаго невольника. Когда торговался неготорговецъ, губы его сжимались, глаза блистали сверками, онъ весь представлялъ совершенное олицетвореніе отчаянія; но когда виргинецъ набивалъ цѣну, лицо невольника освѣщалось лучемъ радости, слезы катились по щекамъ, и онъ го-

ворилъ съ такимъ выраженіемъ: «да благословить васъ Богъ!» что могъ тронуть самое черствое сердце.

Онъ прерывалъ торгъ своими восклицаніями и слезами, и даже кнутъ не могъ заставить его замолчать. Называя своего любимаго покупателя по имени, онъ убъждалъ его всеми возможными доводами продолжать торгъ, обѣщая вѣрно служить до послѣдней минуты своей жизни, работать ему до самой смерти, если только онъ купитъ его и спасетъ отъ совершенной разлуки съ женой и дѣтьми, не завезетъ его богъ-знаетъ куда, далеко отъ мѣста, гдѣ онъ родился и выросъ. Онъ говорилъ, что всегда велъ себя хорошо и приобрѣлъ хорошую репутацію. Нето-чтобы онъ имѣлъ что-нибудь и противъ другого джентльмена, — бѣдныя начиналъ видѣть, что опасно оскорбить и другого, кто очень легко могъ сдѣлаться его господиномъ, — безъ сомнѣнія и тотъ прекрасный джентльменъ; но онъ иностранецъ, онъ «завезетъ меня далеко отсюда, отъ жены и дѣтей»...

При словахъ «жены и дѣтей» голосъ его сорвался и сдержанныя рыданія заглушили слова.

Покупатели заспорили еще съ большимъ жаромъ. Невольникъ очевидно былъ товаръ перваго сорта, и кромѣ того, виргинца кажется растрогали просьбы несчастнаго; у него вырвалось нѣсколько намековъ на негроторговцевъ. Эти намеки привели его противника въ ужасное бѣшенство, и между ними вѣроятно произошла бы ссора, еслибы вмѣшательство присутствовавшихъ не удержало соперниковъ.

Но негроторговецъ, самолюбіе котораго было задѣто, поклялся, что приобрететъ «малаго», чего бы онъ ни стоилъ, хотя бы только для того, чтобы поучить вѣжливости. Одинъ или два изъ зрителей выразили негодованіе и убъждали негроторговца уступить и позволить бѣдному невольнику остаться въ этой странѣ. Онъ засмѣялся и съ бранью отвѣчалъ, что онъ не такъ глупъ, чтобы позволить смѣяться надъ собой изъ-за такой глупости, и тотчасъ же набавилъ пятьдесятъ долларовъ на послѣднюю сумму.

Это было гораздо болѣе того, сколько виргинецъ могъ жертвовать для добраго дѣла; раздосадованный и огорченный онъ оставилъ споръ. Аукціонеръ ударилъ молоткомъ, и несчастнаго невольника полумертваго отдали слугамъ негроторговца, которые получили приказаніе дать ему сейчасъ же двадцать ударовъ кнутомъ «за его проклятую виргинскую дерзость».

Смѣшная наглость, съ какою были сказаны эти слова, произвела непріятное впечатлѣніе на присутствующихъ; но такъ какъ негроторговецъ взялся за рукоятку кинжала, и изъ его кармановъ выглядывали два пистолета, то никто не рѣшился потребовать отчета въ этомъ возмутительномъ употребленіи «священнаго права собственности», и аукціонъ продолжался попрежнему. Наконецъ наступила моя очередь. Меня раздѣли до половины, чтобы лучше показать члены и мускулы, и поставили на столъ или платформу, на которой выставлялся товаръ для осмотра покупателей. Меня поворачивали на всѣ стороны, ощупывали члены, толковали о моихъ способностяхъ также точно какъ разсуждаютъ барышники при покупкѣ лошади. Весьма разнообразны были замѣчанія присутствующихъ о моей особѣ: одинъ говорилъ, что у меня «длиннй, упрямый видъ»; другой клялся, что у меня «чертовски-злые глаза»; третій утверждалъ, что «эти свѣтлицы всѣ негодны»: на это аукціонеръ отвѣчалъ, что онъ не знаетъ еще ниодного сколько-нибудь смышленнаго невольника, который бы не былъ мошенникомъ.

Мнѣ предлагали множество вопросовъ, какъ-то: гдѣ я воспитывался, за что продаютъ меня, къ чему я способенъ? На все это я отвѣчалъ какъ можно короче и неопредѣленно: я вовсе не былъ расположенъ удовлетворять простому любопытству и не имѣлъ общаго съ невольниками честолюбиваго желанія набить высокую цѣну за себя.

Въ этой грубой и униженной формѣ высказывается то же стремленіе стать выше другихъ, которое имѣетъ такое сильное вліяніе на чувства и поступки людей...

Мистеръ Стабсъ стоялъ поодаль неговоря ни слова: я думаю, что онъ имѣлъ причины молчать; аукціонеръ превозносилъ меня. По его словамъ, во всѣхъ штатахъ нельзя найти невольника сильнѣе, трудолюбивѣе, смиреннѣе и послушнѣе меня. Но несмотря на всѣ эти похвалы, кажется въ публикѣ распространилось подозрѣніе, что мой господинъ имѣлъ причину продать меня, которую не хочетъ объявить. Одинъ говорилъ, что я чахоточный, другой — что я вѣрно подверженъ припадкамъ, между тѣмъ какъ третій выражалъ мнѣніе, что я буйнаго характера и со мною трудно справиться. Рубцы на моей спинѣ подтверждали эту догадку и меня наконецъ продали за самую низкую цѣну высокому улыбающемуся старику, котораго звали майоръ Тернтонъ.

Какъ только простучалъ молотокъ аукціонера, мой новый госпо-

дней ласково заговорилъ со мною и приказалъ снять съ меня оковы. На это мистеръ Стабсъ и аукціонеръ очень серьезно замѣтили покупателю, что освободить меня — большой рискъ съ его стороны. «Знаю, — отвѣчалъ мой новый господинъ — это рискъ, но я не хочу имѣть невольника, который бы хотѣлъ бѣжать отъ меня.»

XIII

Мой новый господинъ, узнавши, что я недавно выздоровѣлъ отъ горячки и что силы мои еще несовсѣмъ возвратились, далъ мнѣ лошадей и мы отправились на плантацію. Онъ жилъ довольно далеко: на западъ отъ Ричмонда, въ той части республики, которая известна подъ названіемъ Средней Виргиніи.

Дорогой онъ вступилъ со мною въ разговоръ и я нашелъ въ немъ человѣка совершенно непохожаго на тѣхъ, какихъ я встрѣчалъ прежде. Онъ сказалъ мнѣ, что я могу считать себя счастливымъ, попадая въ его руки, потому что онъ поставилъ себя обязанностью обращаться съ своими слугами лучше всѣхъ сосѣдей. «Если же невольники недовольны, не слушаются, покушаются убійать — прибавилъ онъ — я сейчасъ же продаю ихъ, и такимъ образомъ сразу избавляюсь; мнѣ ненужно такихъ людей. Но какъ всѣ мои невольники знаютъ очень хорошо, что едвали они выиграютъ, перемѣнивъ господина, то они очень остерегаются сердить меня. Будь послушенъ, мой милый, дѣлай свое дѣло! Я буду вдоволь кормить тебя, хорошо одѣвать, и вѣроятно ты найдешь меня снисходительнѣе всякаго другого господина.»

Такое было содержаніе рѣчи мистера Торнтонна, на которую онъ впрочемъ употребилъ пять или шесть часовъ.

Поздно вечеромъ мы прибыли въ Окландъ: такъ называлось помѣстье мистера Торнтонна. Домъ былъ каменный, съ деревянными крыльцомъ, небольшой, но чистенькій, очень красивый, и кажется представлялъ гораздо болѣе удобствъ, чѣмъ большая часть домовъ въ Виргиніи.

Вокругъ очень мило были расположены цвѣты и кустарники, что было большою рѣдкостью, крайней мѣрѣ прежде я очень рѣдко встрѣчалъ это. Въ некоторомъ разстояніи на красивой возвышенности находились домики невольниковъ, построенные изъ кирпича, хорошенькіе и ирочные, расположенные же по прямой линіи, но

разбросанные очень живописно. Ихъ отъивали прекрасные большіе дубы, но вокругъ не допускали роста ни кустаринкамъ, ни бурьяну, и всѣ домики смотрѣли чисто и удобно, что пріятно поразило меня, какъ совершенно необыкновенная вещь: во всѣхъ плантаціяхъ, какъ прежде я видѣлъ, наби невольничествъ представляли рядъ бѣдныхъ, разрушающихся лачугъ, грязныхъ, неудобныхъ и почти совсѣмъ заросшихъ бурьяномъ, съ дырчатыми крышами и глиняными полами.

Дѣти, игравшія возле избъ, еще болѣе удивили меня: я привыкъ видѣть дѣтей на плантаціяхъ бѣгающихъ голыми, или одѣтыми — если были одѣты — въ рубашки изъ грязнаго холста, а всѣхнія лопотными востручь ногами. Разъ надѣвши, ихъ уже никогда не мыли. Но въ Оману дѣти были чисто и nicely одѣты и не представляли во все того грязнаго, жалкаго, неряшливаго, полумертваго отъ голода вида, къ которому привыкли мои глаза. Ихъ веселыя лица и шумныя игры не допускали мысли, что у нихъ есть горе. Я замѣтила также, что и работники, которые какъ-разъ въ то время возвращались съ работы, были всѣ хорошо одѣты: я не видѣлъ ни на одномъ тѣхъ запятанныхъ, истасканныхъ, оборванныхъ и загашенныхъ лопотьевъ, которыя обыкновенно покрываютъ невольниковъ на другихъ плантаціяхъ.

Майоръ Торнтонъ не былъ плантаторомъ, — не разводилъ табакъ, и самъ называлъ себя фермеромъ. Главный доходъ его составляла пшеница; кромѣ того онъ былъ горячимъ приверженцемъ люцерны, которую и самъ разводилъ. У него было тридцать или сорокъ работниковъ, а всѣхъ невольниковъ, считая дѣтей и стариковъ — около восьмидесяти. Онъ не держалъ управляющаго и хозяйничалъ самъ: онъ принялъ за правило, что довольно одного управителя, чтобы разорить человека. Онъ былъ отъ природы дѣятеленъ и трудолюбивъ, а земледѣіе стало его конькомъ, на которомъ онъ удачно впрочемъ выѣзжалъ. Въ этомъ и въ другихъ отношеніяхъ онъ представлялъ совершенный контрастъ съ своими сосѣдями, а поэтому его не очень-то любили. Онъ старательно избѣгалъ конскихъ скачекъ, пѣтушьихъ боевъ, политическихъ митинговъ, азартныхъ игръ и всякаго рода веселостей, говоря, что деньги слишкомъ дорого стоятъ ему, чтобъ бросать ихъ на пари, а къ веселостямъ онъ неохотникъ, да и времени нѣтъ у него для такихъ глупостей.

Собѣда мѣстному за презрѣніе къ любимымъ удовольствіямъ

тѣмъ, что называли его гордецомъ и окривой. Они пускались дальше — выставили Торнтонъ дуримымъ гражданномъ и опаснымъ соседомъ, горько жалуюсь, что его снисходительность къ слугамъ дѣлаетъ всѣхъ соседнихъ невольниковъ беззаконными и недовольными; нѣкоторые же изъ нихъ дошли до того, что поговаривали, какъ бы предложить ему выѣхать изъ графства.

Но мистеръ Торнтонъ былъ человекъ неробкій; онъ понималъ свои права, хорошо зналъ людей, среди которыхъ онъ жилъ, и вынималъ какой аргументъ сильнѣе всего подѣйствуетъ на нихъ. Онъ придумалъ къ самому безобидному замѣчанію, которое относилось на его счетъ одинъ изъ соседей, особенно нерасположенныхъ къ нему, и вызвалъ его на дуэль. Вызовъ былъ принятъ, и мистеръ Торнтонъ первымъ выстрѣломъ поразилъ своего противника прямо въ сердце. Съ этихъ поръ, хотя сосѣди любили его не больше прежняго, но говорили о немъ весьма оспорожно, не выѣздивалось болѣе къ его дѣла, предоставляя ему поступать какъ самъ знаетъ.

Мистеръ Торнтонъ собственно не готовился быть плантаторомъ; поэтому можетъ быть онъ такъ и остался отъ обыкновенной рутинны и управлялъ плантаціей совершенно иначе, чѣмъ его сосѣди.

Онъ происходилъ изъ «короткой фамилии», какъ говорятъ въ Виргиніи, но отецъ Торнтонъ умеръ, когда онъ былъ еще ребенкомъ, и оставилъ очень скудное состояніе. Торнтонъ занялся торговлей въ очень небольшихъ размѣрахъ; но умѣнье, бережливость и вниманіе къ своему дѣлу дали ему возможность въ нѣсколько лѣтъ собрать значительную сумму. Въ Виргиніи далеко не съ уваженіемъ смотрятъ на торговлю, — покрайней-мѣрѣ такъ было въ то время, о которомъ я говорю; тогда каждый стремился стать землевладѣльцемъ.

Когда майоръ Торнтонъ нажилъ довольно, чтобы подумать о перенесеніи своей лавки на плантацію, владѣтелю Окланда, промотавшему уже два прекрасныхъ помѣстья на собакахъ, лошадяхъ и безумный развратъ, очень понадобились деньги, до такой степени, что онъ принужденъ былъ и послѣднее имѣніе сбыть съ молотка, которое и досталось майору Торнтону.

Но купленное имъ помѣстье было совершенно непохоже на тѣ Окланды, который я увидѣлъ: строения были стары и безобразны; исправить ихъ не было возможности, — всѣ разваливались ослепительно; почва была почти совершенно истощена жалкой, безразличной обработкой, повсемѣстной въ невольничьихъ штатахъ.

Прошло немного лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ имѣніе перешло въ

руки майора Торнтон — и все изменилось: старыя зданія были сданы и построены новыя; вокругъ дома земля была огорожена и воздѣлана, а некушее хозяйство возвратило почвѣ почти прежнее сея плодородіе. Все тѣ, которые родились и воспитывались плантаторами и чьи владѣнія были въ таномъ жемчугѣ, въ какомъ былъ Окландъ, прежде чѣмъ попался въ руки майора Торнтонъ, смотрѣли съ завистию на его настоящее положеніе и удивлялись, какъ это могло случиться? Но хотя майоръ Торнтонъ всегда готовъ былъ объяснить имъ все, потому что любилъ поговорить; въ особенности же о себѣ и о своей системѣ хозяйства, и по крайней-мѣрѣ разъ десять толковалъ каждому изъ сосѣдей, но не могъ никого обратить на свой путь. У него были три любимыхъ темы для проповѣдей, но онъ былъ одинаково несчастливъ во всѣхъ трехъ. Онъ никогда не могъ убѣдить никого изъ своихъ сосѣдей: что дочерка была истиннымъ лекаремъ для истощенныхъ полей; что единственныиъ средствомъ имѣть хорошо устроенную плантацію — управлять самому; что лучший способъ предупредить, чтобы невольники не обкрадывали полей и не таскали овечь — порядочно кормить ихъ.

Хотя майоръ Торнтонъ не могъ найти себѣ подражателей, но все-таки продолжалъ хозяйничать по своей методѣ. Больше всего онъ былъ нововводителемъ въ способѣ управленія невольниками. Онъ обыкновенно говорилъ, что сострадательный человекъ сострадательнъ и къ скоту, и какъ онъ не родился плантаторомъ, то и не можетъ представить себѣ, чтобы съ невольниками можно было обращаться хуже чѣмъ съ лошадьми. Разъ онъ говорилъ одному изъ своихъ сосѣдей: «Для васъ, полковникъ, можетъ-быть и очень легко привязать человека и дать ему собственноручно сорокъ ударовъ кнутомъ. Но, вамъ странно покажется, а мнѣ легче быть самому выстѣпнымъ, чѣмъ выстѣчь кого-нибудь изъ своихъ слугъ; и если ужъ меня принудятъ къ этой мѣрѣ, то я стараюсь какъ можно уменьшить наказаніе. Вотъ главная причина, почему я не держу управляющаго. Эти господа только и знаютъ, что ременный кнутъ да желѣзныя колодки. Они не захотятъ, да еслибы захотѣли, не придумаютъ какъ обойтись безъ этого, — чтобъ дьяволъ избралъ всю ихъ породу! Вы знаете, всякій человекъ имѣетъ свои странности: что касается до меня, я терпѣть не могу слышать на своей плантаціи хлопанье бича, хотя бы то былъ даже кучерской кнутъ.»

Эти необычайныя дарованія повели мистера Торнтонъ къ открытію, которое тогда было еще совершенно ново для его сосѣдей, но

теперь, надеюсь, теперь сдѣлаюсь весьма изобрѣтливъ, именно: что безъ винки люди не могутъ работать, и чтобы невольники были способны работать, такъ же необходимо заботиться о пище, кровѣ и другихъ удобствахъ для нихъ, какъ и давать порки и стѣбле лопатить. «Ищи и работай!» была девизъ Торнтона, но которому онъ поступалъ. И только въ Америкѣ есть девизъ-могъ подвергнуть человека обвиненію въ безразсудномъ и измѣненіи чести-чести! По-инуте майоръ Торнтонъ, по его собственному выраженію, не могъ выносить. Возмущало ли его селѣсть его жалкое, открытое насиліе? Это мнѣ кажется несомнѣно вѣроятнымъ, потому что я слышалъ какъ одинъ разъ онъ говоритъ свидѣнику-метристу, который коснулся въ разговорѣ этого деликатнаго предмета, что онъ имѣеть тѣ же же право пароть своихъ невольниковъ, какъ бить свой обидѣ. Или это было вліяніе того инстинктивнаго невольничества, котораго есть только у совершенно огрубѣвшихъ характеровъ? — а если дурные привычки не уничтожаютъ этого чувства, оно не позволило намъ мучить другихъ безъ того, чтобы въ тоже время мы не мучились сами по сочувствію. Какъ бы то нибыло, а майоръ Торнтонъ, если только онъ небылъ въ принадле- гитана, которому онъ впрочемъ рѣдко подвергался, положительна имѣлъ вѣнчайшее отвращеніе отъ употребленія кнута.

Но это еще не все. И другіе точно также ненавидѣть кнута, а поминуть годъ или два на плантаціи — и кажущаяся невозможность обойтись безъ кнута научить ихъ скоро забываться отъ этой неудобной деликатности. Въ самомъ дѣлѣ, мало людей (а изъ всѣхъ людей въ мірѣ очень мало плантаторовъ), у которыхъ бы достало настолько здраваго смысла и аванія человеческой природы, чтобы они могли иначе управлять своими невольниками. Но мистеръ Торнтонъ сумѣлъ превосходно обходиться безъ него, и во все время, то-есть около двухъ лѣтъ, пока я жилъ у него, случалось не болѣе шести наказаній кнутомъ. Если какой-нибудь изъ его слугъ-былъ виноватъ въ чемъ-нибудь такомъ, что у невольника считается особенно важнымъ преступленіемъ, какъ-то: побѣгъ, повторенное воровство, дѣвность, грубость и непослушаніе, мистеръ Торнтонъ посылалъ продать такого. По странной, но обыкновенной несправедливости, тотъ же человекъ съ такимъ чувствительнымъ сердцемъ, который не могъ не только самъ бить невольниковъ и видѣть какъ бьютъ ихъ, но даже не могъ допустить, чтобы это дѣлалось на его плантаціи, висколько не затруднялся вырвать невольника изъ объятій его жены

и дѣтей и продать съ публичнаго торга, чрезъ что онъ могъ пензять въ руки какого-нибудь лаверга!..

Страхъ быть проданнымъ былъ у насъ всегда передъ глазами и хоть не действительно, такъ и кнутъ на другихъ плантаціяхъ, заставлялъ насъ работать и повиноваться: мы знали очень хорошо, что было вѣдо такоимъ владѣльцемъ какъ майоръ Торнтонъ, — и мысль промѣнить наши красивыя, опрятныя домины, достаточную пищу и хорошее платье, въ удобства и смихожденіе, какимъ мы пользовались въ Окландѣ, на ту пинду и обращеніе, какія можно было ожидать отъ большей части владѣльцевъ, — эта мысль была ужаснѣ всякаго кнута. Мистеръ Торнтонъ очень хорошо понималъ это и старался держать насъ въ страхѣ, совершая подобное наказаніе разъ или два въ годъ надъ какимъ-нибудь преступникомъ. Кроме того онъ умѣлъ возбуждать наше соревнованіе небольшими наградами и поощреніями, никогда не позволялъ себѣ требовать ничего сверхъ назначеннаго урока и поддерживалъ наше всевозможное расположеніе, позволяя намъ въ свободное время дѣлать что угодно и ходить куда угодно. Но мы остерегались посѣщать сосѣднія плантаціи, потому что нѣкоторые изъ сосѣдей, но благородству, достойному рабовладѣльцевъ, имѣли привычку вымещать на невольникахъ мистера Торнтонна свою злобу на него и пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы ихъ обидѣть. Я раскажу одно происшествіе, которое случилось со мною: оно можетъ служить любопытнымъ образчикомъ виргинскихъ нравовъ. Капитанъ Робинзонъ былъ однимъ изъ ближайшихъ сосѣдей мистера Торнтонна, съ которымъ онъ имѣлъ частыя ссоры. Въ одно воскресенье проходя по большой дорогѣ, недалеко отъ Окланда, я встрѣтилъ капитана Робинзона верхомъ; за нимъ вѣхалъ слуга. Онъ приказалъ мнѣ остановиться и спросилъ; чрезъ меня ли вчера посылалъ этотъ проклятый мошенникъ Торнтонъ свое дерзкое письмо къ нему о загородкѣ полей? Я отвѣчалъ, что я вчера приносилъ къ нему письмо объ изгородяхъ, которое и отдалъ его управляющему.

— Премилое письмо, очень милое! Я вотъ что скажу тебѣ, малый: еслибы управляющій зналъ свое дѣло, онъ бы тутъ же раздѣлъ тебя и далъ бы тебѣ сорокъ ударовъ.

Я сказалъ ему, что я только передалъ письмо, съ которымъ посылалъ мой господинъ, и кажется что незначто бранить меня за это.

— Замолчишь ли ты? замолчишь ли ты, чортово отродье?.. Я на-

учу васъ обоихъ, и тебя, и твоего господина, какъ осердѣть дворянина! Подержи-ка его, Томъ, пока я выволочу немного пшени изъ его новой жюкетки!

Томъ соскочилъ съ лошади и схватилъ меня; но какъ я сопротивлялся и былъ сильнѣе, то скоро бы вырвался, еслибы его господинъ, соединивши съ лошадю, не подошелъ на помощь своему слугѣ. Вдвоемъ они были гораздо сильнѣе, и поваливши меня, сняли съ меня платье и связали мнѣ руки. Потомъ капитанъ Робинзонъ сѣлъ на лошадь и билъ меня до тѣхъ поръ, пока кнутъ его совсѣмъ измѣлся.

Удовлетворивши такимъ образомъ свое бѣшенство, онъ указавъ; за нимъ послѣдовалъ и Томъ, небезопасноившись даже развязать мои руки. Освободившись отъ нихъ, я началъ искать свою шляпу и платье; ни того, ни другого не было: я ужъ не знаю кто, капитанъ или слуга овладѣлъ ими, но мнѣ помнится, что послѣ этого я видѣлъ Тома, какъ въ одно воскресенье горделиво шлоъ онъ на минутку метрдютовъ въ голубомъ платьѣ: я готовъ поклясться, что это была моя жюкетка.

Когда я пришелъ домой и рассказалъ моему господину о томъ что случилось, онъ страшно взбѣсился: сначала хотѣлъ ѣхать къ капитану Робинзону, но потомъ вспомнилъ, что завтра будетъ засѣданіе суда графства, куда онъ долженъ былъ явиться по своимъ дѣламъ. Тамъ могъ представиться ему случай посовѣтоваться съ своимъ повѣреннымъ. Немного подумавши онъ рѣшилъ, что лучше ничего не предпринимать по этому дѣлу, не получивши совѣта отъ юриста.

На другой день мы пошли къ ходатаю по дѣламъ. Я рассказалъ ему чтѣ случилось со мной, и майеръ Торнтонъ спросилъ, какое удовлетвореніе можетъ онъ получить по закону? Закономъ отвѣчалъ, что въ такихъ случаяхъ законъ очень ясенъ и опредѣленное возмѣжаніе весьма удовлетворительно. «Люди, ничего непонимающіе въ дѣлахъ — прибавилъ онъ — утверждаютъ, что въ невольничьихъ штатахъ законы не защищаютъ личности невольника отъ насильнаго свободнаго челювѣка и что бѣлый можетъ бить невольника сколько ему угодно. Это или глубочайшее заблужденіе, или преднамѣренная клевета. Законъ не дозволяетъ подобныхъ злоупотребленій: онъ одинаково покровительствуетъ свободному и рабу и въ этомъ отношеніи не допускаетъ никакого различія. Если свободный обвинитъ онъ подаетъ искъ о взысканіи съ обидчика; если невольникъ обвинитъ, господинъ этого невольника, сто законный защитникъ и не

ПЛОДЫ УЧЕБНАГО ИВДАНТИЗМА

Какъ бываетъ и какъ быть негале-бъ. Педагогическія мысли Федора Кестнера. Спб. 1862.

Въ послѣднее время толки о литературномъ и общественномъ невѣжествѣ приняли громадные размѣры. Общество наше, говорятъ, получено, подобразовано, не цѣнитъ науки. Наша литературная критика тоже не умѣетъ цѣнить серьезнаго ученаго труда... Самое слово «ученый» приняло теперь двусмысленный, нето хорошій, нето дурной смыслъ. Подобные толки особенно поднимаются изъ лагеря тѣхъ ученыхъ, которые привыкли спокойно, подъ тихій хвалебный говоръ общества приводить главнымъ образомъ цитаты изъ чужихъ сочиненій... А намъ кажется, такъ незачто, собственно-то говоря, обижаться гг. ученымъ на литературу и общество. Давно-ль, года два тому назадъ, подымался споръ о чисто ужь ученюмъ вопросѣ, — о происхожденіи варяго-русовъ? Чтѣ кажется ученѣй этого вопроса? — какая безконечно малая польза отъ того или другаго рѣшенія его; а между тѣмъ посмотрите какимъ вниманіемъ окружило общество г. Костомарова и г. Погодина, состязавшихся объ этомъ вопросѣ. Мы не вѣрили злымъ говорамъ, распускавшимся подъ рукой разными скептиками, что дескать никогда общество такъ не доказывало своего легкомыслія въ дѣлѣ науки, какъ именно въ тотъ пресловутый вечеръ. Мы знаемъ только, что оба гг. ученые — и Костомаровъ, и Погодинъ — въ заключеніе того знаменитаго состязанія были вынесены на рукахъ.

Впрочемъ это въ сторону. Подозрительное за послѣднее время отношеніе общества къ учености и ученымъ въ основаніи своемъ имѣло очень законное оправданіе и бѣда только въ томъ, что въ нѣкоторой части публики справедливыя требованія съ теченіемъ времени перешли въ крайность и стали опять вызывать своего рода ре-

Т. XI. — Отд. II. 1

акцію. На это стоило бы обратить вниманіе, потому что все это чрезвычайно характеризуетъ жизнь нашего общества за послѣднія пять лѣтъ. Въ то время, когда литературѣ нельзя было разрабатывать общественные вопросы, заниматься интересами дня, она понеобходимости обратила вниманіе на предметы сопредѣльные «сухимъ туманамъ». Библиографическія статьи принимались тогда быть-можетъ съ большимъ восторгомъ, чѣмъ теперь шла хорошая публицистическая статья. Диссертантъ, откопавшій въ пыли какое-нибудь рѣдкое изданіе или отыскавшій годъ изданія какого-нибудь любопытнаго сочиненія, глядѣлъ ученымъ. Неудивительно, что умственные силы общества обратились на разработку вопросовъ продѣ вопроса о призваніи князей. Интересы жизни и интересы литературы совсѣмъ расходились; немѣя возможности заниматься жизненными вопросами, литература очевидно должна была создать себѣ сферу искусственныхъ вопросовъ и интересовъ. Оттого быть-можетъ она и выглядывала тогда такой ученой. Въ журнальной тогдашней книжкѣ нечего было искать отвѣта на что-нибудь живое, современное: въ ней были все такія отвлеченныя, сухія разсужденія со множествомъ цитатъ и разныхъ полкрѣпленій. Недаромъ поэтому и слово «литераторъ» тогда значило одно и тоже, что слово «ученый»; очевидно, писать литературную статью значило писать ученую статью. А такъ какъ и наука тогда неслашкомъ много разговаривала, то она опять-таки, какъ и литература, ушла такъ-сказать въ самой себя; немѣя возможности учить жизнь, стать съ нею въ живыя и непосредственныя отношенія, наука тоже, еще болѣе чѣмъ литература, занялась безопасными вопросами и отвлеклась отъ жизни; въ глазахъ общества она приняла характеръ чего-то отвлеченнаго, существующаго въ себѣ и для себя. Гдѣ-нибудь такимъ образомъ, мы особенно имѣемъ въ виду годы, протекшіе со времени Бѣлинскаго до окончанія восточной войны.

Но, какъ извѣстно, обстоятельства перемѣнились. Общество, эстично смотрѣвшее на все что ни дѣлалось кругомъ его, проснулось и заговорило. Литература, благодаря новому духу времени, получила возможность расширить свои интересы. Статьи о «сухихъ туманахъ» сдѣлались уже невозможными для журналовъ. Послѣ долгаго, отвлеченнаго отъ жизни направленія литературы, въ ней явилась реакція; читающая публика стала интересоваться только тѣмъ, что имѣетъ непосредственное отношеніе къ вопросамъ дня, а на все остальное стала смотрѣть какъ на что-то схоластическое, мертвое. Тѣ науки, которыя не имѣютъ прямого отношенія къ дѣйствительности, отодвинулись на задній планъ и предоставлены были обществомъ въ безграничное пользованіе спеціалистовъ. А къ наукамъ,

которые могут имѣть живой современный интересъ, общество пристрастно съ требованіемъ поддержки своихъ стремленій. Незадвигая себя труда пройти предварительный трудный путь розысканій; оно требовало отъ науки готовыхъ результатовъ, и по степени доброты качества ихъ, понимаемой имъ по-своему, оцѣнивало достоинство тѣхъ ученыхъ, которые популяризировали эти результаты. Въ этомъ отношеніи совершенно справедливо замѣчаніе г. Юрковича, что въ настоящее время не спрашивается, на какихъ основаніяхъ построиваете вы свою мысль, какими путемъ плете вы къ известнымъ результатамъ, а что у васъ выходитъ въ крайнемъ выводѣ и къ какой современной партіи примыкаете вы съ такимъ выводомъ. Разумѣется отъ подобнаго способа оцѣнки наука ни сколько не выигрываетъ, а напротивъ тернитъ много, потому что въ этомъ случаѣ дѣйствительность десятикратно обязываетъ ее къ извѣстнымъ выводамъ, на которые можетъ быть, по количеству данныхъ, выходящихъ подъ ея руку, она и не имѣетъ права. Но опять таки понятна и здѣсь вся естественность подобныхъ требованій общества. Противъ матеріальной силы оно выставило нравственную силу, и очень естественно желало бы имѣть на своей сторонѣ науку, какъ самую сильную нравственную силу въ обществѣ. Оно совершенно естественно подступало къ наукѣ съ требованіемъ принять участіе въ перестройкѣ общественнаго быта и своимъ нравственнымъ авторитетомъ поддержать состоятельность общественныхъ требованій. Въ вѣкоторой части общества реакція зашла очень далеко, такъ что всему неподходящему къ современнымъ потребностямъ общества, всему, что не имѣетъ прямого къ нимъ отношенія, отказывалось даже въ правѣ существованія. Бѣда была еще и въ томъ, что въ иныхъ случаяхъ самыя потребности общества обезличивались слишкомъ односторонне и узко, и критеріемъ оцѣнки пользы той или другой науки становилась тогда небольшая сумма обобщенныхъ нуждъ.

Такое неправоподобное отношеніе науки къ обществу продолжается и до настоящаго времени и продолжится до тѣхъ поръ, пока общество не выйдетъ изъ ненормальнаго, напряженнаго положенія, не закончитъ періода своихъ стремленій. До того времени оно поневолѣ будетъ строго слѣдить за наукой, строго контролировать ея выводы, будетъ зорко слѣдить, чтобъ наука есл была на сторонѣ общества. И пока не удовлетворятся его общественныя стремленія, которыя по степени своей силы и напряженности, поддерживаемой обстоятельствами, наилучшимъ образомъ переживъ предъ всякими другими стремленіями, наука все не будетъ самостоятельна, по крайней-мѣрѣ фактически ея нельзя будетъ быть самостоятельной. Поэтому глав-

ныя средства, которыя могли бы поднять науку къ нашему обществу, заключаются не въ томъ, чтобы распространяться вездѣ и всегда о неприкосновенности правъ науки, объ ея самостоятельности и т. под., а въ томъ, чтобы уничтожить условія, которыя препятствуютъ нормальной, спокойной жизни общества. Наука по существу своему требуетъ для своего прогресса спокойствія; а какъ тутъ пускаться въ ученые изслѣдованія, когда каждый шагъ ученаго цѣнится по степени пригодности и полезности его розысканій для современныхъ потребностей, когда общество какъ бы напередъ указываетъ тѣ результаты, до которыхъ долженъ онъ дойти?

Но если откинуть все что есть крайняго, вызваннаго ненормальнымъ положеніемъ вещей, останется все-таки много справедливаго въ современномъ отношеніи общества къ наукѣ и ученымъ. Мысль, что наука должна помогать обществу въ устроеніи жизни и что общество вправе обращаться къ наукѣ за рѣшеніемъ многихъ вопросовъ, совершенно справедлива. Еслибы наука не приносила никакой прямой, непосредственной пользы обществу, то нельзя предложить и правъ, во которымъ наука стала бы держаться и разрабатываться людьми. О наукѣ мало сказать и то, что она только развивается и готовится для общества дѣлателей: вѣдь, она путемъ изслѣдованій даетъ положительные отвѣты на многіе архаичные въ обществѣ вопросы; она много помогаетъ ему выходить изъ трудныхъ обстоятельствъ, иногда случающихся при движеніи къ прогрессу. Съ другой стороны трудно не замѣтить, что вѣдь наука для науки едва ли мыслима, и общественная жизнь должна оказывать какое-либо вліяніе на направленіе и ходъ науки. Разумѣется мы не имѣемъ въ виду здѣсь тѣхъ наукъ, которыя имѣютъ для жизни значеніе только отдаленное, посредственное — болѣе потому, что онѣ важны для наукъ, которыя уже несомнѣнно имѣютъ близкое отношеніе къ современной жизни. Еслибы наука не прислушивалась къ голосу современныхъ требованій, она сама потеряла бы всякое значеніе и интересъ для общества, следовательно ослабла бы чѣмъ свои успѣхи, потому что стала бы менѣе привлекать къ себѣ ответственныя силы страны; съ другой стороны, тогда стала бы она понапрасну иногда теряться въ мелочахъ и пустыхъ формальностяхъ, чѣмъ опять ослабилось бы ея значеніе и замедлился бы ея прогрессъ, потому что занятіе мелочами стало бы производиться съ ущербъ болѣе важнымъ дѣламъ. Успѣхъ естественныхъ наукъ и настоящимъ столбѣти между прочимъ обязанъ именно живому взаимодействию жизни на науку. Многія открытія сдѣланы были случайно, а многія именно потому, что ихъ требовала отъ науки жизнь, потому, что они были задачами, разрѣшеніе которыхъ наукой

настоячиво требовали современныхъ потребности промышленности. Въ особенности живое пониманіе потребностей современныхъ, живое сочувствіе къ лучшимъ сторонамъ дѣйствительности, вниманіе къ нимъ требуется отъ такъ называемыхъ наукъ общественныхъ. Самая широта научнаго пониманія весьма часто зависитъ отъ тѣхъ или другихъ условій общественной жизни. Историческое пониманіе Маколея могло явиться только въ Англіи, а доктринерство Гизо во Франціи, еуклидовская красота изложенія, спокойствіе и ясность пониманія движенія событій въ пелопонезскую войну — въ Греціи. Взаимодѣйствіе тутъ должно быть, и нѣтъ сомнѣнія, что отъ него можетъ вынестись какъ наука, такъ и жизнь. Но тутъ непрѣмное условіе — самостоятельность той и другой; ни наука не должна посягать на жизнь и стѣснять ее своимъ доктринерствомъ, особенно если ей удастся отрѣшиться (что впрочемъ и невозможно въ абсолютной степени) отъ жизни, ни жизнь не должна посягать на науку и заранее требовать отъ нея извѣстныхъ выводовъ.

Но даже и такихъ справедливыхъ сторонъ въ требованіяхъ общества отъ ученыхъ не хотятъ понимать тѣ доктринеры ученые, которые слишкомъ привыкли академическимъ взглядомъ смотрѣть на вселенную, которые слишкомъ привыкли къ своему ученому олимпу. Имъ скажутъ, что ваши схоластическія превія вовсе не по вкусу современному обществу, что собственно научный интересъ не въ томъ, что вы выдаете за научное, что схоластическими приѣмами нельзя распространять въ обществѣ вкусъ и любовь къ наукѣ, что есть другія вещи въ наукѣ, на которыя стоило бы обратить вниманіе, за разработку которыхъ общество было бы въ высшей степени благодарно и т. п. А имъ даже и такія требованія кажутся неуваженіемъ къ наукѣ, неуваженіемъ дѣлать истинный серьезный трудъ.

Между тѣмъ отъ подобнаго направленія и взглядовъ на науку ученыхъ въ академическомъ смыслѣ, пропадаетъ для общества даромъ и ихъ ученость, ихъ познанія, и ихъ способность къ труду. На г. Кестнерѣ, педагогическія мысли котораго мы сдѣлали предметомъ настоящей статьи, мы видимъ тому самый разительный примѣръ. Г. Кестнеръ — человекъ нельзя сказать чтобъ неученый. Онъ много читалъ разныхъ педагогическихъ и непедагогическихъ сочиненій. Его голова, какъ видно, любитъ логическій анализъ. Но вотъ посмотрите, какъ все это пошло даромъ. Отъ его книги вѣроятно будетъ малая, безконечно малая польза для общества. Читанность и старанье разъяснить свои мысли не спасли его отъ крайней схоластики, отсталости взглядовъ. Пустившись въ отвлеченныя пренія вслѣдъ за любимыми своими нѣмецкими педагогами, онъ долго отвлёкся отъ земли, что почти совсѣмъ забылъ дѣйствитель-

ность; въ иныхъ случаяхъ его образъ воззрѣнія даже доведеть до смѣшонъ.

Логическій анализъ хорошъ, но у мѣста: вначѣ оги перейдетъ въ схоластику, ни къ чему неведущую. Чтобы доказать легкую мысль своей, для этого мало надѣлать разныхъ дѣленій да подраздѣленій съ разными русскими, латинскими и греческими буквами. Хорошо, если авторъ различно выражаетъ свои мысли, такъ что весь порядокъ ихъ дѣлается совершенно яснымъ читателю. Но дѣленія для дѣленій, безчисленные подраздѣленія только затемняютъ дѣло для читателя и сбиваютъ его съ толку. Достаточно взглянуть на оглавленіе книжки, предложенное авторомъ къ концу, чтобы видѣть до какой схоластической точности дошелъ онъ. Для примѣра мы представимъ нашимъ читателямъ слѣдующее оглавленіе трактата г. Кестнера о любви родительской:

О любви родительской.

А. Любовь родительская нравственно-разумная.

а) Составные элементы любви родительской нравственно-разумной :

1) любовь инстинктивная;

2) любовь сознательная:

α) понятіе о любви сознательной:

α) о родительскомъ долгѣ;

γ) предѣлы родительскаго долга:

αα) мінімумъ родительскаго долга;

ββ) тахімумъ родительскаго долга;

γγ) заключеніе о любви родительской сознательной;

δ) заключеніе о любви родительской сознательной;

3) любовь родительская симпатетическая:

α) понятіе о любви родительской симпатетической;

β) условія развитія любви симпатетической по отношенію къ любви сознательной;

γ) условія развитія любви симпатетической по отношенію къ любви инстинктивной.

б) Заключеніе о любви родительской нравственно-разумной.

В. О другихъ родахъ любви родительской.

1) Виды своекорыстной любви родительской по побужденіямъ менѣе виновнымъ.

2) Виды своекорыстной любви родительской по побужденіямъ болѣе виновнымъ.

Вотъ такимъ-то образомъ г. Кестнеръ испестралъ свою книжку. Мы не видимъ причины, почему бы ему еще не умножить дѣленія да подраздѣленія въ своемъ трудѣ. Если онъ находилъ возможнымъ

логически дѣлать трактатъ о другихъ родахъ любви родительской на два вида своеобразной любви родительской по побужденіямъ менѣе и болѣе эгоистичнымъ, то подобнымъ манеромъ онъ могъ бы еще ларее болѣе наставить цифръ и буквъ разныхъ алфавитовъ, чѣмъ у него теперь поставлено. Онъ дѣлалъ эти виды на основаніи побужденій болѣе широкихъ и менѣе широкихъ; но онъ могъ бы еще дѣлать виды родительской любви по побужденіямъ абсолютно широкихъ, и широкимъ относительно. Да въротно г. Кестнеръ различаетъ побужденія отъ цѣли, стало-быть могъ бы дѣлать ихъ и по цѣлямъ; тутъ онъ могъ бы найти неисчерпаемый источникъ для всякихъ α , β , γ и δ ; затѣмъ могъ бы рассмотреть виды своеобразной родительской любви по ед.сѣдствамъ относительно самихъ родителей, дѣтей, общества — и опять новыя дѣленія. Г. Кестнеръ можетъ-быть найдетъ въ насъ недостатокъ вкуса къ подобному ученому анализу. Согласны: такъ и вкусомъ, дѣйствительно, мы не похвастаемся, да правду сказать, мы и не жалѣемъ, что природа обидѣла насъ въ этомъ отношеніи. Г. Кестнеръ, какъ видно, увлекся примѣромъ германскихъ педагоговъ. Германскіе педагоги дѣйствительно любятъ дѣленія да подраздѣленія и иллютъ ихъ цѣлаго дотога, что нѣтъ возможности читать ихъ ученые труды. Но зато преодоленіе зѣноты иногда вознаграждается и значительными результатами. Между многими подраздѣленіями да дѣленіями, между многими (напр. у Дистервета) словами найдешь и много дѣльнаго, за что пожалуй можно и простить нѣмецкаго педагога. У г. Кестнера — не скажемъ, чтобъ ужъ все было нехорошо; но между многими словами, обозначенными и раздѣленными разными русскими, латинскими и греческими буквами, найдешь очень немного дѣльнаго, практическаго, что могло бы годиться въ педагогической практикѣ. Читая его книгу, иногда приходишь къ мысли, что занимаясь извѣстнымъ предметомъ, онъ хлопоталъ не столько о томъ, чтобъ какъ можно болѣе раскрыть сущность дѣла, сколько о томъ, чтобъ правильнѣй раздѣлить свои мысли о немъ на нѣсколько группъ... Хорошо было писать съ каждаго пріемомъ марадь тому годовъ четыреста или пятьсотъ, когда за отсутствіе строго обозначеннаго извѣстной буквой опредѣленія (definitio) и заключенія (conclusio) чуть не требовали къ суду и не обвиняли за страсть къ новизнѣ, въ понозновеніи къ ереси. Наше время, болѣе спокойное, требуетъ не столько дѣленій да подраздѣленій, сколько дѣла.

Такъ, говоримъ, съ схоластикой г. Кестнера еще можно бы было помириться, какъ миримся иногда съ нѣмецкимъ педагогомъ за содержательность его творенія, за глубину мысли, живиетъ

ность предлагаемых тамъ вопросовъ и за самую ихъ постановку. Бѣда въ томъ, что стремленіе г. Кестнера къ самому основательному изслѣдованію вопросовъ путемъ строгата анализа не спасло его отъ неосновательности въ построеніи цѣлаго своего труда и сбивчивости въ его изложеніи.

Начинаетъ г. Кестнеръ откровенныя признанія, что онъ педагогъ не въ урядѣ другимъ: другіе дескать педагоги занимаютъ примѣненіемъ педагогическихъ идеаловъ ко всему народу, заботятся о воспитаніи его и такимъ образомъ *сгущиваютъ* (выраженіе самого автора) свой педагогическій идеалъ, а я забочусь только о воспитаніи высшихъ классовъ и богатыхъ людей изъ средняго класса.

«Чѣмъ больше будетъ объята идея воспитанія, — говоритъ г. Кестнеръ, — тѣмъ ограниченнѣе станетъ и кругъ примѣнимости ея.

Ограниченность возможнаго примѣненія моего воспитательнаго идеала какбы противопоставляетъ его идеаламъ педагоговъ, дающихъ общую примѣнимость своимъ идеямъ.

Они имѣютъ въ виду массу народа и примѣняясь къ своему субъекту, въ необходимости измѣнить, упростить и ограничить свою идею такъ, что наконецъ искажаютъ ее до одного только пробужденія въ своихъ воспитанникахъ (ученикахъ народныхъ школъ) хотя какого-нибудь сознанія человѣческаго достоинства и довольны, если какъ-нибудь удастся сдѣлать ихъ на сколько-нибудь полезными членами общества. *А напротивъ того я имѣю въ виду воспитанниковъ, которые по природе своей способны, а по своему положенію поставлены въ возможность достигнуть конечныя цѣли жизни, и только къ нимъ примѣняю свой идеалъ воспитанія — въ томъ значеніи его, въ какомъ онъ вытекаетъ изъ идеи о высокомъ человѣческомъ назначеніи — во всемъ пространствѣ, во всѣхъ частяхъ и во полномъ объемѣ.»*

Вотъ какія мысли являются еще въ 1862 году, послѣ «Вопросовъ жизни» Пирогова, послѣ столькихъ нашихъ споровъ и разсужденій о воспитаніи. Г. Кестнера, какъ видно, не захватило движеніе нашей общественной жизни послѣ 1856 года; пусть бы подобныя воззрѣнія на дѣло воспитанія явились назадъ тому лѣтъ десятокъ, когда пожалуй можно бы было доказывать, что одна часть общества по самой такъ-сказать природѣ своей назначена въ потѣ лица зарабатывать деньги, а другая проживать чужой трудъ и деньги въ россійскихъ столицахъ и заграничныхъ городахъ. Вотъ тутъ и толкуйте о привидѣніи народности въ воспитаніи, о возвышеніи посредствомъ воспитанія и образованія нравственнаго и матерьяльнаго быта нашего простаго народа! Г. Кестнеру, какъ истому пѣвцу, до всего этого нѣтъ дѣла.

Она престоипрошенно хочетъ увѣрить всѣхъ, что если начать примѣнять воспитательные идеалы къ возможно-большему кругу людей, то придется измѣнить, упростить и ограничить свою идею такъ, что наконецъ *искажится* она до одного только пробужденія въ своихъ воспитанникахъ хотя *какого-нибудь* *человѣческаго достоинства*, — и придется быть довольнымъ, если какъ-нибудь удастся сдѣлать ихъ насколько-нибудь полезными членами общества. «Идеалъ педагогическій и народъ! (такъ разсуждаетъ нашъ ученый). Если позаботиться о воспитаніи народа и заговорить объ этомъ предметѣ, то придется поступиться своимъ идеаломъ; поступлю же я наоборотъ.» И жертвоприношеніе сдѣлано имъ: въ пользу идеала отказано народу въ примѣненіи къ нему педагогическихъ идеаловъ. Читатели вѣроятно позволятъ намъ еще сдѣлать выписку изъ сочиненія г. Кестнера: иначе они пожалуй не повѣрятъ, чтобъ въ настоящее время, когда... и проч., встрѣчались въ литературѣ педагоги подобные г. Кестнеру.

•Еслибы я, по примѣру Руссо, избралъ себѣ идеальнаго воспитанника, валь которымъ бы я хотѣлъ осуществить свой идеалъ воспитанія, то я, по примѣру же Руссо, не избралъ бы своего Эмиля изъ сословія, гдѣ высшія потребности духа уничтожаются подъ гнетомъ настоятельныхъ потребностей тѣла, гдѣ жизненные цѣли скрываются изъ виду и жаднымъ взорамъ представляется одна только цѣль — тѣло не терпѣть нужды, не страдать отъ холода и голода, — а избралъ бы его изъ того класса, гдѣ хотя бы и не представлялась воспитаннику на будущее время возможность, независимо отъ случайныхъ, *вышнихъ* обстоятельствъ, осуществить свой нравственно-разумный *жизненный* идеалъ, то представляется *покрайней-мѣрѣ* возможность довершить надъ нимъ идеалъ воспитанія.

•Примѣняю слѣдовательно мысли свои къ воспитанникамъ высшаго и средняго класса общества.»

«Ограниченность круга примѣненія моихъ идей не препятствуетъ имъ *впрочемъ* получить такое же значеніе, какое педагоги придаютъ своимъ *идеямъ* воспитанія.

«Народное воспитаніе имѣетъ главнымъ образомъ въ виду народное благосостояніе. Но если народное благосостояніе зависитъ отъ народнаго воспитанія, то оно неменѣе того зависитъ и отъ нравственной и умственной высоты, занимаемой высшимъ сословіемъ государства, а слѣдовательно отъ степени, въ какой въ этомъ классѣ общества осуществлена идея воспитанія.

«Полная идея воспитанія, нашедшая своихъ представителей въ немногихъ сотняхъ, приноситъ въ этомъ отношеніи болѣе пользы, нежели кроші образованія, брошенныя многимъ сотнямъ тысячъ народа; а осуществленіе ея въ немногихъ тысячахъ можетъ пролить благоденствіе на цѣлое государство.

• Истинное міліе, такое чувство, на благосостояніе. Англия правотска-
на и утверждающая высота английской аристократіи.

Теперь читатели могутъ быть увѣрены, что вышеозначенные педагогическіе приемы дѣйствительно принадлежать г. Кестнеру. Стоятъ ли что-нибудь сказать въ опроверженіе ихъ? Такихъ педагогическихъ воззрѣній на дѣло воспитанія мы давно не встрѣчали въ нашей литературѣ. Впрочемъ удивительнаго цѣтъ ничего въ томъ, что г. Кестнеръ, при своемъ знакомствѣ съ извѣстными нѣмецкими педагогами, очутился защитникомъ исключительнаго права богатой буржуазіи на педагогическіе идеалы. Дѣло въ томъ, что, какъ самъ откровенно признается, онъ старался поставить сначала на видъ идею, а потомъ уже искать воспитанниковъ, къ которымъ возможно-бъ было примѣнить ее. Намъ понятенъ тотъ процессъ, которымъ онъ пришолъ къ буржуазному принципу въ дѣлѣ педагогій. По всей вѣроятности ему съ трудомъ достался педагогическій идеалъ, какой онъ составилъ себѣ, и поэтому онъ вообразилъ, что его идеалъ и богъ-вѣсть какъ высокъ; какъ плодъ его собственнаго ума и фантазіи, — по крайней-мѣрѣ такъ онъ считалъ его — онъ сталъ особенно дорогъ и милъ для его сердца. Мало зная народъ во первыхъ потому, что самъ нѣмецъ, на что уже указываетъ и его фамилія, а во вторыхъ, принадлежа быть-можетъ самъ къ высшему или среднему классу, къ огромной важности которыхъ въ жизни страны онъ поэтому самому уже не можетъ не питать симпатическихъ чувствъ, — онъ пришолъ къ мысли, что куда-жъ этому простому, бѣдному мужику претендовать на хорошее воспитаніе, куда ему до дорогого воспитанія? Слѣд-то не въ шовъ, какъ то доказываетъ (такъ по крайней-мѣрѣ показалось г. Кестнеру), политическая жизнь Англіи.

Однако чтожъ это собственно за педагогическій идеалъ, по своей высотѣ совершенно недоступный для нашего простого народа? Хотя разсужденій г. Кестнера таковы: прежде всего дескать нужно опредѣлить, что составляетъ цѣль жизни; когда опредѣлится она, тогда уже можно рѣшить, что нужно воспитывать въ дитяти; далѣе представляется вопросъ, гдѣ его воспитывать, и наконецъ — какъ воспитывать. Опредѣляя цѣль жизни, г. Кестнеръ находитъ, что она состоитъ въ добродѣтели, а добродѣтель состоитъ въ направленіи воли согласно съ требованіемъ законовъ духовной природы человѣка къ удовлетворенію потребностямъ духа (добраго, истиннаго и прекраснаго), составляющимъ высочайшее благо жизни и съ тѣмъ вѣсть высочайшую жизненную цѣль. — Ладно-съ. Такое опредѣленіе цѣли жизни выведено г. Кестнеромъ, какъ самъ онъ гово-

рять, несл. разсмотрѣнія природы человека. Такъ что же собственно призвать ему принимать подобныя цѣли жизни и у массы народа? Или ужь они по природѣ своей мало способны къ стремленіямъ къ истинному, добруму и прекрасному? Мужикъ интересуется знаніемъ средствъ къ добыванію себѣ насущаго хлѣба, а станетъ учиться, такъ пожалуй заинтересуется исторіей и естественными науками: ну вотъ вамъ и стремленіе къ истинному. Мужикъ не обманываетъ своего собрата, на складахъ рѣшаются у него дѣла по душой правдѣ, по закону, какъ онъ говоритъ, а законъ этотъ—голосъ совѣсти, потому что въ дѣл разныя писаныя законы, г. Кестнеръ, онъ не знаетъ: ну вотъ вамъ стремленіе къ добруму. Мужикъ знаетъ въ природѣ, эстетическое пониманье красоту природы у него ничуть не хуже чѣмъ у другого джентльмена, весь свой вѣкъ судящаго надъ нѣмецкими эстетическими торіями: ну вотъ вамъ стремленіе къ прекрасному. Вотъ еслибъ г. Кестнеръ былъ дѣйствительно строго основателемъ въ своихъ выводахъ и соображеніяхъ, онъ для того, чтобъ доказать примѣнимость своего идеала только къ высшимъ классамъ общества, постарался бы найти для нихъ и другія цѣли въ жизни, которыя ужь вовсе нейдуть къ простому низшему народу, напримеръ хотя бы онъ такую цѣль выдумалъ для своихъ любимыхъ классовъ: ничего не дѣлать, а только послѣ сытнаго обѣда съ виномъ, сидѣть на мягкомъ креслѣ, разсуждать объ истинномъ, добромъ и прекрасномъ. Ну разумѣется, у мужика совѣсть была цѣли и садоводательно для него понадобилась бы другой педагогическій идеалъ.

На вопросъ — что воспитывать? г. Кестнеръ отвѣчаетъ сообразно найденнымъ имъ цѣлямъ жизни, что нужно приготовить человека къ познанію добраго путемъ *физическаго* и нравственнаго воспитанія, къ познанію прекраснаго, — путемъ образованія эстетическаго безусловнаго и образованія эстетическаго, зависящаго отъ обстоятельствъ и времени, и эстетическаго образованія условнаго цѣлосредствително приготовить къ познанію истиннаго—путемъ общаго развитія умственныхъ силъ и спеціальнаго изученія какой-нибудь отдѣльной цѣти наукъ и искусствъ. Но опять что же собственно призвать ему принимать свой педагогическій идеалъ къ воспитанію народа? Физическое воспитаніе нужно для народа безусловно, да и дѣло-то въ томъ еще, что въ народѣ оно въ тысячу разъ лучше, чѣмъ въ любомъ аристократическомъ семействѣ; нравственное воспитаніе посредствомъ умщевія и примѣра отцовъ и матерей тоже совершенно возможно въ народѣ, а иногда тоже достижается гораздо лучше, чѣмъ въ какомъ-нибудь богатомъ семействѣ, отупляющемъ отъ лѣги и бездѣйствія. А что касается до умщеваннаго обра-

завесія, те опитъ мы не видимъ причинъ, почему бы его считать неприѣмлемымъ въ широкихъ размѣрахъ къ высшимъ классамъ. Разумѣется спеціалистовъ образоватъ между ними очень трудно, но вѣдь нѣтъ ли истинъ и каждому, что школа и не должна брать на себя задачу готовить спеціалистовъ: съ нею довольно, если она подготовитъ къ спеціальному труду путемъ общаго развитія умственнаго. Притомъ истинные спеціалисты выходятъ изъ школъ, вслѣдствіе даже, только единичными, — а главное-то дѣло въ томъ, чтобъ она развила своихъ воспитанниковъ и подготовила ихъ къ жизни; вѣдь не думаетъ же и самъ г. Кестнеръ всѣхъ питомцевъ своего проектируемаго или института сдѣлать спеціалистами? А если такъ, то что же за причина, побуждавшая его приѣхать своей педагогическій идеалъ умственнаго развитія къ воспитанію народа?..

Впрочемъ мы понимаемъ, почему г. Кестнеру показался его педагогическій идеалъ дѣтото высокимъ, что онъ отказалъ въ немъ народу. Всѣ свои разсужденія о цѣляхъ жизни, о предметѣ воспитанія, авторъ велъ къ тому, чтобъ состроить вѣднѣ воспитательныхъ институтовъ, а въ этихъ институтахъ должны быть соединены лучшія стороны домашняго и общественаго воспитанія, за исключеніемъ только недостатковъ того и другого. Мѣсто для домашняго воспитательнаго института должно быть выбрано въ хороніи или вѣтъ (если такого не найдетъ въ извѣстной мѣстности, тогда какъ же воспитываться? въ Германію чтоли ѣхать?). Такъ какъ обстановка имѣетъ огромное вліяніе на расположеніе учащихся, а въ простой природѣ такой обстановки часто не имѣется, то нужно сдѣлать при домашнемъ воспитательномъ институтѣ садъ, въ которомъ развѣдены деревья, кустарничковъ, клумбъ и цвѣтничковъ, сечетаніе съ ними дружел предметовъ, и мнѣющае для воспитанниковъ уже какою-нибудь значеніе (?), должно быть хотя не многообразнымъ и безъискусственнымъ, но такимъ, въ которомъ каждый предметъ до послѣдней мелочи отразило бы съ собою заботы объ наукѣ и любви къ нему распорядителемъ его. Однимъ словомъ преобладающимъ характеромъ внутренней обстановки должна быть «веселая приѣтливость и опрятность». Число воспитанниковъ въ такомъ институтѣ не должно быть болѣе двадцати-пяти и неѣше пяти, а эти двадцать-пять воспитанниковъ должны быть раздѣлены на пять группъ, а каждая изъ нихъ должна имѣть своего надзирателя. Директоръ-воспитатель долженъ имѣть всѣ качества хорошаго отца и всѣ хорошія качества простаго домашняго воспитателя, равнымъ образомъ и надзирателя и учителя; во всѣхъ взаимныхъ ихъ отношеніяхъ должна царствовать симпатическая любовь. Вотъ въ этомъ-то институтѣ и должно

множество развѣтываться въ людей, стремящихся къ истинному, доброму и прекрасному.

Разумѣется, въ такихъ институтахъ нельзя воспитывать нашу простой народъ. Они слишкомъ дороги для него; чтобъ воспитать двѣдцать-пять человѣкъ, нужно содержать человѣкъ тридцать разныхъ надсмотрателей, да учителей, да человѣкъ пятьдесятъ прислуги, чтобъ сообщать институту *всесую приманчивость и охотность*. Если занять всѣ силы и средства страны только воспитаніемъ, каковое предлагаетъ г. Кестнеръ, такъ пожалуй изъ 60 миллионовъ народа можно будетъ воспитывать такимъ образомъ не болѣе трехсотъ тысячъ. Разумѣется это было бы возможно издавъ тому тысяча три дѣтъ, когда существовали касты и одна каста поглощала всѣ труды другихъ бѣдныхъ кастъ. Теперь слава-богу время ужъ на то.

А главное мы боимся, чтобъ съ принятіемъ педагогическаго идеала г. Кестнера не остался безъ воспитанія даже и высшій классъ общества, особенно если воспитатели такъ же станутъ заниматься фразами, какъ и г. Кестнеръ. Воспитывать въ человѣкѣ стремленіе къ истинному, доброму и прекрасному — дѣло разумѣется доброе; говорить о нуждѣ подобнаго воспитанія — тоже хорошо; но отъ слова до дѣла, къ сожалѣнію, далеко. Можно написать цѣлые томы фразъ, какъ и писалось въ средніе вѣка, но дѣло не поведется впередъ. Дѣло въ томъ, что понятія истиннаго, добраго и прекраснаго — понятія слишкомъ отвлеченныя, какъ тоже отвлеченное понятіе — добродѣтель; все будетъ зависѣть отъ того, какое содержаніе будетъ въ этихъ понятіяхъ. Видь согласитесь, что у многого подъ понятіемъ къ истинному укладывается иногда въ головѣ стремленіе къ счастью, къ познанію разныхъ неотносящихся до него вещей; а подъ понятіемъ добра другой разумѣетъ хорошее жалованье, прибыль, да порядочное вспоможеніе въ обществѣ; а какъ видоизмѣняется въ разныхъ головахъ содержаніе понятія прекраснаго, объ этомъ и говорить нечего. Ну что, если воспитатели, но-своему понимая истину, добро и красоту, станутъ своимъ-то понятіемъ призывать къ дѣтцамъ, а тѣмъ съ большимъ удобствомъ, что на дѣтей г. Кестнеръ расположонъ смотрѣть что-то какъ на сырой матерьялъ, способный принять любую угодно форму подъ свѣтлой рукой? Или не это именно хотѣлъ г. Кестнеръ? Въ такомъ случаѣ ему слѣдовало бы спуститься изъ сферы фразъ и постараться говорить о дѣлѣ, развивши только те, что дѣйствительно могутъ имѣть реальное значеніе въ педагогіи.

Да и толки о домашнихъ воспитательныхъ институтахъ тоже не новаго извѣда. На бумагѣ, въ теоріи можно создать идеалы воспита-

тельщины институтовъ, — это легко. Можно вообразить, что и эти будутъ поступать туда какъ чистые куски сусла, изъ которыхъ охвативъ рука директора и надзирателя сдѣлаетъ прекраснѣйшія вещи, что директоръ будетъ соединять въ себѣ лучшія стороны отца съ лучшими сторонами домашняго воспитателя, что надзиратели будутъ друзьями и отцами своихъ воспитанниковъ и строго будутъ наблюдать, чтобы не западало въ душу воспитанниковъ все истинное, злое, прекрасное. Можно пожалуй представить, что подлѣ такой строгой и долгой опеки, какой хочется г. Кестнера подвергнуть молодыхъ воспитанниковъ, воспитается Эмиль Руссо, — предметъ педагогической печати достоинства нашего педагога. Все это такъ; мы слышали ужъ, какъ Маншиловъ мечталъ построить на рѣчкѣ воадѣ своего дома школы, а по сторонамъ шестовъ лавки, а въ лавкахъ чтобы купчики сидѣли да торговали. Только кажется у Маншилова дѣло не состоялось, хотя прости бытъ отецъ недурень, — такой гуманный и идеально хорошій. Видъ вотъ посмотрите, какъ по бумагамъ должны быть пороки наши гимназій: и директора итѣ должны быть отцами и руководителями молодыхъ людей на пути къ истинному, добруму и просвѣщенному, а симпатическая любовь должна быть между директоромъ и молодыми питомцами, да и надзиратели и учителя должны быть такъ-сказать друзьями молодыхъ людей, питать ихъ млекоу ученія, чтобы взрѣстать будущихъ полезныхъ слугъ отечеству и сдѣлать изъ нихъ россійскихъ благонамѣренныхъ патриотовъ. Если вѣрять въ бумаги вообще, такъ гимназій должны быть такъ хороши, что не уступать никакому другому домашнему воспитательному институту, и даже лучше института г. Кестнера, потомучто сотнями заразы воспитываютъ слугъ отечеству. Однако не на бумагахъ, а въ дѣйствительности дѣло совсѣмъ другое. Благонамѣренные отцы иногда хуже обрѣзаютъ, вмѣсто симпатической любви въ педагогическомъ раѣ обитаетъ казарменный страхъ и взаимное *модуленіе* начальниковъ и подчиненныхъ. Значить бумага-то бумагой и остается, а дѣло дѣломъ. Какія гарантіи уснѣхова домашне-воспитательныхъ институтовъ г. Кестнера? Какія гарантіи того, что вторичный отъ родной семьи мальчикъ девята лѣтъ, подлѣ руководства директора и надзирателей воспитаетъ въ себѣ *чувство*, основу осмысленнаго быта, и не зачерствѣетъ, какъ это часто случается съ нашими питомцами закрытыхъ заведеній? Въ томъ, что директора будутъ заботиться имъ отцовъ? Но объ этихъ заботахъ можетъ мечтать только Маншиловъ. Гдѣ гарантіи того, что подобныя институты не обратятся только въ средство пропитанія разныкъ пройдохъ, разнъ жадованъ употребляющихъ всѣ силы свои на воспитаніе россійскаго

множества? Контроль родителей и общества? Но общество ужь не можетъ контролировать подобныя заведенія; потому что они, по смыслу словъ г. Кестнера, будутъ заведеніями закрытыми; не могутъ контролировать ихъ и родители, потому что нашъ авторъ устраняетъ и родителей отъ внимательства въ дѣло воспитанія, если только они ужь поручили кому-либо дѣло воспитанія. А безъ контроля знаемъ мы какъ процвѣтаютъ закрытыя заведенія. Да и самая мысль-то о нихъ нынче ужь не въ модѣ. Нынче говорятъ все о томъ, какъ бы подвѣять семейную жизнь, чтобы тѣмъ возвысить нравственный уровень общества, и находятъ, что нужно въ *сельскихъ* воспитывать главнымъ образомъ молодое поколѣніе, что именно посредствомъ отцовъ и матерей нужно дѣйствовать на нравственную натуру дѣтей и прививать къ нимъ здоровыя понятія. Мы вовсе не противъ училищъ вообще. Мы противъ училищъ преимущественно съ воспитательнымъ характеромъ, а не образовательнымъ; они слишкомъ мало приносятъ пользы сравнительно съ тѣмъ вредомъ, какинъ сопровождается большею частью воспитаніе въ нихъ дѣтей. Ужъ развѣ нужда какая должна побудить отца отдать своихъ малютокъ чужому глазу на попеченіе; въ такомъ случаѣ это извинительно, потому что все же лучше какой-нибудь присмотръ за дѣтьми, чѣмъ предоставленіе ихъ на волю божію. Но въ принципѣ домашнее воспитаніе безконечно выше всякаго другаго домашняго воспитательно-институтскаго. Между тѣмъ г. Кестнеръ именно въ принципѣ допускаетъ противное, потому что предлагаетъ свои институты для людей, имѣющихъ полную возможность воспитывать дѣтей дома. Пусть еще онъ предлагалъ бы ихъ для простого народа, у котораго дѣйствительно домашнее воспитаніе не можетъ быть широкимъ, — еще туда-сюда. Такъ вѣтъ.

Да, нужно признаться, что плохо удалась г. Кестнеру мысль на тему: какъ бываетъ и какъ могло бы быть. Мы попробуемъ немножко сами кое-что поварьировать на эту тему. Можетъ-быть самъ нашъ нѣмецко-русскій педагогъ узнаетъ отсюда кое-что. Наши объясненія впрочемъ будутъ очень кратки.

Выясътъ, что человѣкъ порядочно знакомый съ нѣкоторыми заграничными авторами пишетъ книгу, въ которой никакихъ особенно содержательныхъ вещей нѣтъ. Выясътъ, что такой авторъ долго пустится въ своемъ сочиненіи въ схоластику, что почти нѣтъ возможности безъ особеннаго напряженія читать его книгу, — что онъ пускается толковать о разныхъ возвышенныхъ предметахъ, отвлеченныхъ понятіяхъ и не постарается придать имъ какое-нибудь реальное значеніе, имѣющее дѣйствительный смыслъ для жизни. Выясътъ также, что онъ начнетъ сочинять проекты, вроде

проектовъ Манналова, въ которыхъ все построено на разныхъ фразахъ, пожалуй подкрѣпляетъ ихъ авторитетомъ разныхъ нѣмецкихъ ученыхъ. Только одни желанія въ нихъ и видны; мечтаніе и остается мечтаніемъ, потому что при сочиненіи ихъ не имѣлось въ виду дѣйствительной почвы, не обращалось вниманія на дѣйствительность. Разумѣется, пользы для жизни, для практики отъ подобныхъ сочиненій нѣтъ ровно никакой. Мало того, подобный ученый, начитанный авторъ нутится доказывать, что и невозможно примѣнять педагогическіе идеалы къ низшимъ классамъ народа, потому дескать, что онъ обреченъ на трудъ въ потѣ лица, и воспитывать ихъ *по-человѣчески* въ полномъ смыслѣ — нѣтъ никакой возможности да и нужды. Примѣръ дескать Англіи доказываетъ, что нужно позаботиться о воспитаніи высшихъ классовъ и тогда народное благосостояніе будетъ твердо и незыблемо. Такимъ образомъ бываетъ, что иной ученый даже въ педагогику пытается ввести буржуазныя начала. Это вотъ дѣйствительно къ сожалѣнію бываетъ.

Но можетъ быть и иначе. Начитанный человѣкъ могъ и не искать себя Эмилей въ высшихъ классахъ, а могъ бы постараться поискать ихъ въ средѣ народа, для блага его потратить свои умственные силы и позаботиться о образованіи его. Какъ человѣкъ, бывавшій за границей, онъ могъ бы заняться критической оцѣнкой существующихъ тамъ системъ народнаго образованія, и могъ бы вывести оттуда многіе очень дѣльные и полезные выводы, мапримѣръ о томъ, что и въ какой мѣрѣ могло-бы изъ заграничнаго въ этомъ отношеніи пригодиться для образованія нашего народа. Изъ того, что за границей народное образованіе существуетъ въ небольшихъ размѣрахъ и что оттого простой народъ бѣденъ развитіемъ, иной ученый могъ бы вывести заключеніе, что такъ *бываетъ только* иногда, а могло бы быть оно и широкимъ, еслибы существовали вотъ такіа-то и такіа условія, да и постарался бы поломать немножко свою голову, какъ бы это могло бы быть у насъ. Дѣло-то вышло бы тогда лучше, чѣмъ бесплодная трата времени на сочиненіе фразъ и проектовъ, которые не улучшаютъ въ сущности педагогическаго дѣла, да еслибы и улучшили, такъ возвысили бы благосостояніе только небольшой горсти людей. Еслибы иной авторъ искалъ идеаловъ для людей, а не людей подыскивалъ для своихъ идеаловъ, то онъ могъ бы натолкнуться на дѣйствительность и при тѣхъ силахъ, какія имѣетъ, могъ бы создать что-нибудь имѣющее реальное значеніе въ дѣйствительности. Онъ могъ бы увидать, что съ освобожденіемъ отъ крѣпостной зависимости народъ нашъ выступаетъ на сцену, требуетъ для себя образованія, хочетъ учиться, что первой заботой національныхъ педагоговъ должно быть удовлетвореніе именно вотъ этой за-

родной потребности, что вся наша будущность зависитъ отъ того, какъ скоро начнемъ понимать разныя на свѣтѣ существующія вещи. Онъ могъ бы найти себѣ и друзей по этому дѣлу — въ лицѣ напримѣръ графа Толстого. Или, если ужъ онъ хотѣлъ подвять вообще въ обществѣ уровень педагогическихъ занятій, такъ поучился бы этому дѣлу отъ людей подобныхъ г. Широкову, у котораго каждое слово имѣетъ смыслъ, потому что идетъ отъ сердца, дѣйствительно негодующаго на существующее зло. У него же онъ могъ бы поучиться широтѣ пониманья задачъ, цѣлей воспитанія и образованія, и тому объему, въ какомъ они должны существовать въ нашей странѣ. Да, все это могло бы быть...

Но вѣдь мало ли что могло бы быть!..

О ЗНАЧЕНІИ БОКЛЯ (1)

Исторія цивилизаціи въ Англіи. Выпускъ 1.

Книга Бокля — «Исторія цивилизаціи въ Англіи» достаточно известна въ нашей литературѣ; о ней много говорили и говорятъ русскіе журналы и въ бѣглыхъ замѣткахъ и въ большихъ статьяхъ. «Отечественныя Записки» помѣщаютъ переводъ отдѣльныхъ главъ этой книги; недавно было обѣщано полное ея изданіе, если только не помѣшаютъ тому постороннія обстоятельства.

Она встрѣтила всюду сочувствіе, и ничего непреувеличивая, можно сказать: она получила у насъ въ глазахъ общества нѣкоторое нравственное значеніе; она обнаруживаетъ въ себѣ одно изъ важнѣйшихъ направленій, господствующихъ въ настоящее время въ общественной сферѣ.

Противъ нея не было слышно слишкомъ сильныхъ возраженій; покрайней-мѣрѣ высказавшееся въ ней направленіе не вызывало нигдаѣ попытокъ возстать противъ ея ученій и открыть въ ней недостатки. Явленіе весьма замѣчательное, хорошо рекомендующее и самую книгу, и ея социальный характеръ. Еслибы книга носила въ себѣ какіе-нибудь существенные недостатки въ литературномъ и ученномъ отношеніи, она открывала бы противникамъ ея направленія весьма удобный случай нанести ударъ проповѣдуемымъ ею идеямъ, и наоборотъ: еслибы направленіе было дурно и должно было бы приводить къ гибельнымъ результатамъ, тогда оно парализировало бы непремѣнно силы самого талантливаго автора, привело бы его къ рѣзкимъ ошибкамъ, и тогда противникамъ ея идей открылся

(1) Знаменитый историкъ скоропостижно скончался 31 мая сего года въ Дамаскѣ, на сороковомъ году своей жизни. Родился онъ 24 ноября 1822 года неподалеку отъ Лондона, въ мѣстечкѣ Лп. Мы надѣемся познакомить читателей нашихъ съ біографіей этого знаменитаго историка.

бы еще болѣе удобныя случаи нанести ударъ враждебному ученію и враждебной партіи.

Но по поводу ея они молчали, хотя въ ней вытказываются далеко не такого рода истины, которыя всѣми равно принимаются, и хотя при всемъ своемъ научномъ характерѣ она вовсе не отрѣзана отъ практики.

Сочиненіе Боля не кончено. Оно выходило въ свѣтъ по мѣрѣ того какъ авторъ успѣвалъ приготовить къ изданію отдѣльные томы. Первый томъ явился въ подлинникѣ, на англійскомъ языкѣ въ 1857 г. и до настоящаго времени вышло только три тома. Принимая на себя трудъ постоянно слѣдить за его книгами и давать въ нихъ отчетъ читателямъ, мы считаемъ нелишнимъ уяснить прежде общій характеръ его книги, опредѣлить ея направленіе, открыть ту точку зрѣнія, съ которой слѣдуетъ смотрѣть и на самую книгу, и на предметъ ея, на исторію... Намъ бы хотѣлось какъ можно полнѣе воспроизвести нравственную фizioномію этого замѣчательнаго чело-вѣка; но по причинамъ, которыя изложены ниже, такое предпріятіе невозможно; мы принуждены ограничиться только общими и самыми крупными чертами въ уясненіи его характера.

I

Боля выбралъ предметомъ спеціальнаго изученія и изложенія исторію Англій; но первые томы своего труда онъ посвятилъ общему обзору исторіи челоѣчества, уясненію главнѣйшихъ законовъ, которые обнаружились въ жизни прошедшаго: они составляютъ введеніе въ «Исторію цивилизаціи въ Англій», введеніе, которое скорѣе философскаго, чѣмъ историческаго содержанія, которое относится скорѣе къ области философіи исторіи, чѣмъ къ области спеціальной исторіи.

Между этими двумя отраслями исторической науки лежитъ существенное различіе, которое не всегда имѣется въ виду и которое между тѣмъ весьма важно: задачи историка-спеціалиста и историка-философа не одиѣ и тѣже; для рѣшенія онѣ требуютъ неодинаковыхъ способностей, неодинакихъ приемовъ: то что мы по праву можемъ требовать отъ историка-спеціалиста, часто въ полномъ правѣ не дать намъ историкъ-философъ, и наоборотъ: что мы поставляемъ въ заслугу философу-историкѣ, то нерѣдко становится въ упрекъ историкѣ-спеціалисту. Исторія и философія исторіи — двѣ науки, близкія, родственныя между собою; но каждая изъ нихъ имѣетъ свой особый предметъ, свои цѣли, задачи, предѣлы, — и

каждая изъ нихъ самостоятельна, можетъ имѣть своихъ самостоятельныхъ воздѣлывателей.

Черта раздѣла между ними полагается тѣми отношеніями, въ какія ставитъ себя историкъ къ историческому матеріалу.

Историкъ, приступая къ своимъ занятіямъ, прежде всего видитъ, что онъ имѣетъ дѣло съ міромъ прошлымъ, отжившимъ свое существованіе. Если сравнить этотъ міръ съ трупомъ, а дѣло историка съ дѣломъ анатома, который, подступая къ трупу, старается изслѣдовать въ немъ условія и двигатели жизни, — наше сравненіе было бы вполне невѣрно; историческій матеріалъ удачливѣе сравнивается съ организмомъ, уже сгнившимъ, рассыпавшимся, разложившимся въ элементы. Отъ него ничего не осталось кромѣ воспоминаній да того вліянія, которое производитъ каждое прошедшее изъ-за могилы на послѣдующую жизнь. Дѣло историка не можетъ начаться съ ученаго изслѣдованія законовъ этаго міра, а съ его возстановленія, воскрешенія: онъ долженъ собрать всѣ элементы разложившагося организма, каждому изъ нихъ возвратитъ его прежнюю форму, собрать ихъ и сопоставитъ въ тѣ отношенія, въ какихъ они были прежде, однимъ словомъ — возстановитъ историческій матеріалъ: эта задача исторической критики; творчество ея подобно творчеству сказочной мертвой воды, которая заживляла раны на тѣлѣ богатыря, прачевала язвы и приготовляла его къ жизни, хотя самой жизни ему не давала: жизненную теплоту и бѣненіе сердца возвращала, по преданіямъ, живая вода. Этой живой водой въ дѣлѣ исторіи служитъ творчество художника: силою его онъ умѣетъ вдохнуть въ организмъ духъ жизни, пробудитъ уснувшія силы, воззвать его къ новому, высшему существованію въ области знанья.

Таковы задачи историка-спеціалиста; но ими не исчерпывается еще все дѣло исторіи. Возстановивъ историческій матеріалъ, историкъ можетъ подступить къ нему съ новою цѣлью, существенно отличной отъ прежней: ему предстоитъ тогда открыть законы, по которымъ совершалась прошлая жизнь; уединивъ отъ случайностей, изслѣдовать, при какихъ общихъ условіяхъ они обнаруживаются, показать коренной, главный смыслъ историческаго хода и такимъ образомъ свести частные законы въ стройную логическую систему: такова задача философа-историка. Очевидно, философія исторіи по предмету родственна съ исторіей спеціальною, но цѣли и средствами съ философіей; она стоитъ на границѣ между той и другой; близка равно той и другой, но тѣмъ неменѣе она самостоятельна, тѣмъ неменѣе можетъ рассчитывать на самобытное, независимое отъ другихъ существованіе.

Первые томы книги Бокля входятъ, какъ мы уже сказали, въ

область философіи исторіи. Намъ слѣдовало бы показать читателямъ, какое мѣсто занимаютъ они въ историческомъ развитіи этой области, въ какихъ отношеніяхъ они стоятъ къ предшествовавшимъ трудамъ по философіи исторіи, какимъ изъ нихъ они родственны по направленію и взгляду, и какимъ враждебны, что дѣйствительно новаго они внесли въ науку, — но при настоящемъ положеніи философско-историческаго знанія такое предпріятіе выше нашихъ силъ. Исторія бытописанія вообще почти не тронута: на это жаловался весьма справедливо Гервинусъ ⁽¹⁾ двадцать лѣтъ тому назадъ, и теперь еще онъ имѣлъ бы полное право жаловаться на тотъ же недостатокъ: по философіи исторіи намъ неизвѣстно ни одного труда, который бы болѣе или менѣе удовлетворительно представилъ ея историческое развитіе; отдѣльныя ученія мыслителей разбирались иногда, но подобные труды всегда обнаруживаютъ въ себѣ существенные недостатки и всегда далеки отъ того, чтобы уяснить историческое значеніе того или другого явленія. Такъ напримеръ ученіе итальянца Вико (въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка), основателя философско-историческаго знанія, въ первый разъ представлено въ нѣкоторой системѣ перанѣ 1845 г. (См. «La science nouvelle.» Paris, 1845, статья: «Vico et ses ouvrages».) Эта отрасль литературы — вполне неразработанное поле и потребуетъ еще много усилій и многихъ тружениковъ.

Поэтому оставивъ, къ сожалѣнію, въ сторонѣ всякую попытку опредѣлить значеніе Бокля въ связи съ общимъ развитіемъ философіи исторіи, ограничивши опредѣленіемъ того мѣста, какое занялъ онъ въ ряду дѣятелей настоящаго времени по исторической наукѣ; если невозможно опредѣлить его какъ фактъ научный, то постараемся по возможности опредѣлить его какъ фактъ литературный въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. какъ такой фактъ, который возбуждѣлъ симпатію общества, откликнулъ тѣмъ или другимъ его стремленіямъ и раскрылся подъ одной изъ самыхъ живыхъ тенденцій въ общественной жизни.

По самой природѣ своей, ни одна наука не подвержена такъ сильно общественному вліянію, какъ исторія. Ея разработка въ различныя эпохи носитъ на себѣ отпечатокъ даннаго времени; произведенія ея чаще чѣмъ произведенія по другимъ отраслямъ знанія могутъ служить комментаріями и толкователями жизни обществъ, въ средѣ которыхъ они возникали; естественный спытатель, погруженный въ изысканіе таинствъ природы, можетъ, принимаясь за микроскопъ или анатомическій ножъ, наиболѣе отрѣшиться отъ жизни

(1) Теор. очерк. ист. во -Времени- 1861, ноябрь.

другихъ людей : его увлекаетъ жизнь природы , всегда постоянная , всегда неизмѣнная , всегда свободная и чуждая текущимъ интересамъ людей ; его трудъ имѣетъ за собою болѣе возможности не терпѣть нарушеній со стороны личныхъ страстей и предрасудковъ , и еще болѣе со стороны общественныхъ предубѣжденій . Это можетъ быть и есть одна изъ главнѣйшихъ причинъ быстраго совершенствованія естественныхъ наукъ ; это помогаетъ имъ даже болѣе , чѣмъ эмпирической , опытный путь , на которомъ всегда принужденъ стоять естествоиспытатель . Не такова историческая наука . Гервицусъ , въ упомянутой выше статьѣ , доказываетъ , что историки , достойные этого имени , являются только въ извѣстныхъ эпохахъ , составляютъ извѣстнымъ порядкомъ вещей въ общественномъ мѣрѣ ; но можно съ болѣе основаніемъ утверждать , что каждый историкъ , будетъ ли онъ достоинъ или недостоинъ своего званія — волюнѣ произведеніе того времени , того общества , того кружка , въ который его поставили обстоятельства . Имѣя дѣло съ людьми , ихъ жизнью , съ фактами , такъ близкими къ практическимъ интересамъ , онъ будетъ судить о нихъ съ той точки зрѣнія , съ которой привыкло судить о людяхъ и событіяхъ насчитавшее его общество , съ тѣми убѣжденіями , которыя составляютъ нить , связующую его съ той или другой партіей . Отъ историка требуютъ не одного мертваго знанія , но и живой мысли ; старааясь быть какъ можно объективнѣе , безпристрастнѣе , какъ можно тщательнѣе закрыть свою личность за описываемыми фактами , онъ принужденъ высказывать личные убѣжденія , личный взглядъ на вещи всякій разъ , когда дѣло доходитъ до постановленія и размѣщенія этихъ фактовъ , до уясненія тѣхъ отношеній , въ какихъ они стояли прежде въ дѣйствительности . А если историкъ , принимаясь за свой трудъ , умѣетъ вполне оторваться отъ всего что служитъ для него нравственною связью съ извѣстнымъ обществомъ , тогда онъ отрывается и отъ живой мысли — и отъ произведенія его неизбежно повѣетъ мертвеннымъ холодомъ безплоднаго знанія .

Разумѣется чѣмъ выше историческое произведеніе , тѣмъ болѣе значенія оно имѣетъ для исторіи своего времени , и чѣмъ богаче разрабатываемый въ немъ матеріалъ , тѣмъ чаще историкъ принужденъ высказывать свои личные взгляды на жизнь и свои социальные убѣжденія ; чѣмъ замѣчательнѣе историкъ , тѣмъ сильнѣе онъ освѣщаетъ свой трудъ свѣтомъ , который онъ заимствуетъ у современнаго ему общества . Потому понятно , что истинно-великія произведенія исторіи всегда встрѣчаютъ сочувствіе современниковъ , хотя неменѣе справедливо , что такимъ сочувствіемъ перѣдко пользуются сочиненія , вовсе невыдерживающія серьезной научной кри-

тики. Прелесть нравилась простота Фукидида; его расказъ возбудилъ народный энтузіазмъ; но точно также римляне съ удовольствіемъ останавливались на однообразномъ и напыщенномъ трудѣ Ливія... Все зависитъ отъ эпохи, извѣстныхъ условій времени и историческихъ обстоятельствъ.

Съ другой стороны, идеи проникаютъ въ общество постепенно; онѣ никогда не являютъ въ немъ внезапно, безъ предварительной подготовки; прежде чѣмъ сложить все общество въ извѣстный строй, онѣ проходятъ рѣдко кому видимую подземную и трудную работу; онѣ прививаются къ отдѣльнымъ лицамъ, ищутъ себѣ послѣдователей и проповѣдниковъ, набираютъ бойцовъ и вступаютъ въ мучительную, часто кровавую борьбу съ прежними идеями, съ прежнимъ порядкомъ вещей.

Такой постепенный ходъ идей находитъ себѣ отраженіе въ развитіи исторіи. Прежде чѣмъ явится извѣстное произведеніе, въ которомъ онѣ выскажутся вполне сознательно и вооружаясь противъ началъ, принятыхъ прежде въ наукѣ, — онѣ обнаруживаются мелькомъ, вскользь, безсознательно, безъ системы, въ цѣломъ рядѣ историческихъ произведеній; если всѣ великіе реформаторы имѣютъ своихъ предшественниковъ, своихъ предтечъ, то каждый историческій трудъ, которому суждено совершить переворотъ въ наукѣ, имѣетъ также своихъ предтечъ и прелшественниковъ.

Вокль принадлежитъ къ числу такихъ избранныхъ дѣателей науки. Онъ сознательно стоитъ на сторонѣ тѣхъ идей, которыя неудержимо расходятся въ настоящее время во всѣхъ слояхъ общества и которыя готовятъ великій переворотъ въ исторіи. Будущій историкъ найдетъ въ его книгѣ ключъ къ уразумѣнію общаго характера современныхъ явленій; его книга отражаетъ эпоху, возвысившую въ мірѣ политическомъ и гражданскомъ принципъ народности, подкрѣпляющую его наиболее повсемѣстнымъ и уравновѣшеннымъ распространѣніемъ образованности и матерьяльнаго благосостоянія, низлагающую неправыя узурпаціи, опирающіяся на терпѣніе народа и на его незнаніе, эпоху, которая съ другой стороны, — въ мірѣ нравственномъ, въ дѣлѣ личнаго, индивидуальнаго развитія поставила задачей людямъ ввести сознание и здравую критику во всѣ сферы, вопросы и случайности жизни. Онъ вышелъ сознательно на этотъ путь, который открывается теперь ходомъ исторіи; онъ сильно проникнутъ духомъ общаго движенія, онъ сочувствуетъ ему, онъ дорожитъ имъ, какъ только можетъ дорожить правдивый человѣкъ своими убѣжденіями; онъ ослзательно чувствуетъ ту великую пользу, какую принесло новое движеніе міру, хотя оно стоитъ еще на первыхъ шагахъ своей дороги, и ясно видитъ вредъ и цѣльность

того, чему съ такимъ усердіемъ поклонялось старое время. Отсюда странный характеръ его книги, непохожій вовсе на тѣ произведенія философско-историческаго содержанія, которыми такъ богаты были XVIII вѣкъ: тамъ искусственная система, определенность общаго плана, ясность главныхъ частей, шепетильная отдѣлка частностей; здѣсь отсутствіе строгой системы, полемическій тонъ, плавъ, замѣченный только въ крупныхъ чертахъ, и частыя повторенія, къ которымъ долженъ прибѣгать авторъ, чтобы дать своей книгѣ видѣвшее, формальное единство (внутренняго единства она никогда не теряетъ). Онъ либералъ въ высшемъ и благородномъ смыслѣ этого слова, либералъ далекій отъ словъ и близкій къ дѣлу; онъ не увлекается теоріей, не отвращается отъ фактовъ, и какъ бы шибельны они ничтожны, печальны, возмутительны, онъ умѣетъ отнестись къ нимъ разумно, понять и объяснить ихъ.

Въ области науки онъ поднимаетъ знамя реформы. Онъ не удовлетворяется прежнимъ состояніемъ ея. Онъ видитъ неурядицу и безосновательность, которыя парализуютъ въ ней всѣ великія произведенія ума; тѣ принципы, на которыхъ держалось и держится еще теперь знаніе исторіи, по его мнѣнію не только не могутъ выдержать всей тяжести этого знанія, но сами должны пасть при первомъ ударѣ критики и практической жизни; онъ замѣчаетъ въ общепринятомъ методѣ историческихъ занятій, въ изложеніи исторіи, въ пониманіи ея — искусственность и наружныя украшения, которыя удачно закрываютъ важные пробѣлы и самыя существенныя недостатки.

Въ силу этого онъ рѣшительно отрывается ото всего прошедшаго исторической науки: онъ не смотритъ на себя какъ на продолжателя давно начатаго дѣла, и на свою задачу какъ на уясненіе тѣхъ вопросовъ, которые были уже постановлены въ наукѣ и которые частью рѣшены или же требуютъ окончательнаго рѣшенія. Онъ смотритъ на себя какъ на начинателя новаго дѣла въ исторіи, и на свою задачу какъ на постановку и на разрѣшеніе вопросовъ, рѣдко либо вовсе нетронутыхъ наукой. Въ этомъ его сила и безсилье. Съ одной стороны, разорвать связи съ прошедшимъ исторіи, онъ освободился отъ тѣхъ предразсудковъ, предубѣжденій и ошибокъ, которые внесены были въ нее общественною жизнью въ различные моменты своего развитія и получили въ ней права гражданства; онъ могъ нестѣсняясь ничѣмъ трудиться надъ наукой съ тѣмъ характеромъ индивидуальности, который выработалъ нашей эпохой: ему стала открыта возможность внести въ нее полную свободу мысли, серьезную и подготовленную знаніемъ, и здравую критику каждаго безъ исключенія факта. Съ другой же стороны, разор-

въ связи съ прошедшимъ науки, онъ лишился важнаго преимущества — не работать напрасно надъ тѣмъ, что въ ней уже сдѣлано, не тратить силъ на рѣшеніе уже рѣшенныхъ вопросовъ, и главное — воспользоваться тѣми результатами, которые въ ней выработаны и важности которыхъ онъ не могъ понять, благодаря своему выдѣленному, изолированному положенію. Сдѣлавъ крутой переворотъ въ своихъ отношеніяхъ къ знанію, онъ вмѣстѣ съ его недостатками и ошибками отдалилъ отъ себя большую часть его заслугъ и достоинствъ.

Тѣмъ неменѣе переворотъ, совершенный имъ въ исторіи, въ высшей степени замѣчательнъ и общааетъ важные результаты въ будущемъ. Бокль трудно упрекнуть въ томъ, что его «Исторія» обнаруживаетъ скорѣе притязательность на знаніе, чѣмъ самое знаніе, скорѣе заносчивую смѣлость, чѣмъ силу истинно реформаціоннаго духа. Онъ представляетъ замѣчательное соединеніе ума, таланта и знаній. Онъ обладалъ рѣдкою способностью твердо и послѣдовательно, не теряясь во множествѣ мелкихъ фактовъ, доходить до управляющаго ими закона. Изложеніе его блестяще талантомъ простоты и ясности: самые запутанные вопросы онъ умѣетъ рѣшать въ общедоступной формѣ и между тѣмъ далеко отъ натянутой популяризаціи. Свѣдѣнія его по различнымъ вѣтвямъ знанія могутъ возбудить справедливое удивленіе многосторонностью и богатствомъ: исторія человѣчества доступна ему и въ обширныхъ художественныхъ произведеніяхъ, и въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ, и въ сырыхъ матерьялахъ, лѣтописяхъ и мемуарахъ; географическія изслѣдованія, геологія, ботаника, анатомія, физиологія, политическія и юридическія науки, статистика и физиологія приняты имъ вспомогательными науками исторіи и даютъ ему богатый матерьялъ для уясненія историческихъ вопросовъ. Повѣрно, что нельзя быть спеціалистомъ во всѣхъ этихъ отрасляхъ знанія, но при уясненіи даннаго факта Бокль превосходно пользовался ихъ результатами. Натураллисты видятъ у него далеко не поверхностное знакомство съ естествовѣдѣніемъ, и сколько-нибудь знакомый съ ходомъ исторіи отвелъ ему мѣсто въ ряду первыхъ философско-историковъ — Вико, Гердера, Гегеля. Говоримъ «философовъ-историковъ», ибо собственно историческаго таланта Бокль не имѣлъ случая обнаруживать.

Вооруженный этой тройной силой знаній, ума и таланта, Бокль дѣйствительно сдѣлалъ переворотъ въ исторической наукѣ. Но между тѣмъ все, или большая часть высказаннаго имъ — далеко не новость за послѣднее тридцатилѣтіе. Какъ реформаторъ знанія, онъ имѣлъ своихъ предшественниковъ; принципы, поставляемые имъ,

законы, которые онъ старается уяснить, уже высказывались: въ крайней-мѣрѣ на нихъ намекали, ихъ предчувствовали. Онъ доказываетъ наприимѣръ несостоятельность прежнихъ философскихъ приѣмовъ въ изученіи исторіи, но уже за двадцать лѣтъ до него Гервинусъ назвалъ несостоятельными въ томъ же смыслѣ приемы Канта и Гердера (¹). Онъ постановляетъ, какъ неопровержимый фактъ, вліяніе природы на историческую жизнь, и старается уяснить тѣ законы, которые раскрылись въ исторіи подъ этимъ вліяніемъ; но и материалистическая школа, развившаяся въ послѣднее время, признаетъ это вліяніе во всей силѣ, хотя она наследуетъ его непринимая въ основаніе историческаго метода. Явилось нѣсколько сочиненій, которыхъ цѣль — представить человѣка въ непосредственной связи съ природою, и мы можемъ указать на сочиненіе Мори какъ на прекрасный и серьезный опытъ въ этомъ родѣ (²). Бокль ставитъ себѣ смѣлую задачу открыть въ жизни прошлаго законы, неизмѣнно дѣйствовавшіе на судьбу человечества, и тѣмъ дать людямъ возможность безошибочно судить о настоящемъ и здраво предугадывать будущее; нѣчто подобное имѣетъ въ виду сравнительный методъ, вызванный недавно въ исторіи политическими событіями (³).

Еслибы было необходимо продолжать подобную параллель, она привела бы насъ къ тому заключенію, что книга Бокля совѣстила въ себѣ возможно-цѣлостно то направленіе, которое обнаруживалось до него разрозненными фактами по всему полю исторіи, что

(¹) См. Теор. оч. ист.

(²) «La Terre et l'homme, ou Aperçu historique de géologie, de géographie et d'éthnologie générales», par Alfr. Maury. Paris, 1857. Книга составляетъ введеніе во всеобщую исторію, изданіе которой предпринято обществомъ профессоровъ и ученыхъ, подъ руководствомъ Дюрюа (Duguay). Изданы уже исторіи Греціи, Рима, Франціи и др.

(³) Послѣ переворота 1848 года, уничтожившаго, какъ извѣстно, попытку ввести во Францію политическій строй, выработанный Англіей, въ исторической наукѣ былъ поднятъ вопросъ о причинахъ такой неудачи. Для рѣшенія его обратились къ исторіи, и Бидерманъ въ своей статьѣ (въ «Hist. Taschenb. Raumera») представилъ сравнительно-историческій ходъ цивилизаціи въ Англии, Франціи и Германіи. Попытка продолжается. Затѣмъ вышла небольшая, но замѣчательная брошюра Макса Дунпера (Tendalität und Aristocr.), переведенная на русскій языкъ въ «Русск. Вѣст.» 1859 № 3). Въ нашей литературѣ общицаи были г. Вышинскимъ сравнительные очерки западно-европейской исторіи, но къ сожалѣнію они некончены (см. «Русск. Вѣст.» 1859, первые №№). По характеру своему этотъ сравнительный методъ существенно отличенъ отъ метода, введеннаго еще Вико и случайно являвшагося въ исторіи до настоящаго времени. Онъ болѣе основателенъ, болѣе узаконенъ, и общаетъ богатые результаты въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи.

въ ней систематизировалось и формулировалось все что было по большей части высказано или должно было высказаться бѣглыми и случайными замѣтками у новѣйшихъ историковъ.

Таково значеніе Бокля въ исторіи. Его книга—фактъ колоссальный, вызванный потребностью времени и встрѣченный всѣми вѣрующими въ близкую новую будущность съ сочувствіемъ: узаконяя новое направленіе въ наукѣ, она отвѣтила тѣмъ тенденціямъ, которыя получаютъ перевѣсъ въ практикѣ, и дала автору ся право на то значеніе въ нашей эпохѣ, какое имѣли, каждый свое, всѣ замѣчательные мыслители. Бокль—предвѣстникъ угѣшительныхъ явленій, которыя въ изобиліи готовятъ нашему вѣку будущность.

II

Во всемъ, что сдѣлано до настоящаго времени въ историческомъ знаніи, Бокль видитъ ничто иное какъ матерьялъ для построенія дѣйствительной науки, стройной и строгой системы, опредѣленной, недопускающей въ себѣ ни произвола, ни пустыхъ мечтаній. Матерьялъ богатъ и разнообразенъ; его можно съ пользою употребить для созданія науки, но никто не хотѣлъ, или вѣрнѣе сказать, не успѣлъ воспользоваться имъ какъ слѣдуетъ, ибо всѣ прежніе изслѣдователи стояли на шаткой почвѣ. «Политическія и военныя лѣтописи — говоритъ Бокль — всѣхъ замѣчательныхъ европейскихъ и большей части неевропейскихъ земель заботливо собраны и приведены въ порядокъ; изслѣдована также ихъ достовѣрность. Большое вниманіе посвящали исторіи законодательства и религія, и въ тоже время менѣе, хотя также немало, труда потрачено на изслѣдованія прогресса въ развитіи наукъ, литературы, искусствъ, полезныхъ изобрѣтеній и наконецъ нравовъ и матерьяльной обстановки народа. Въ видахъ обогащенія нашихъ свѣдѣній въ дѣлѣ прошедшаго изучаются всякаго рода древности, раскапываются древніе города, добываются изъ земли монеты, списываются надписи, возстановляются алфавиты, уясняются іероглифы, тамъ и сямъ возобновляются давно забытые языки. Открыты законы въ измѣненіяхъ языковъ, и въ рукахъ филологовъ они служатъ съ пользою на уясненія темныхъ эпохъ раннихъ народныхъ переселеній. Политическая экономія возведена на степень науки и ею пролито много свѣта на причины неравномѣрнаго распределенія имущества, этого обильнаго источника гражданскихъ переворотовъ. Статистика разработана съ такою полнотою, что можно подробно знать не только матерьяльные интересы, но и нравственные свойства людей, напримѣръ раз-

мѣръ различныхъ преступленій и взаимныя отношенія ихъ между собою, и то влияніе; какое производитъ на нихъ возрастъ, полъ, воспитаніе и т. п. Наряду съ такимъ великимъ развитіемъ знанія шло развитіе физической географіи: отмѣчены явленія климата, измѣрены горы, изслѣдованы рѣки до самыхъ источниковъ, заботливо изучены всѣ возможныя явленія природы и открыты ихъ сокровенныя свойства; въ тоже время химически изслѣдованы всѣ жизненныя средства, сочтены и взвѣшены ихъ составныя элементы, и по большей части удовлетворительно объяснено влияніе ихъ на человѣческій организмъ. И какбы для того, чтобы не опустить ничего, что можетъ расширить наши познанія о человѣкѣ и средѣ, въ которой совершается его жизнь, вмѣстѣ съ тѣмъ и въ другихъ отрасляхъ знанія производятся самыя обстоятельныя изслѣдованія, которыя знакомятъ насъ въ жизни цивилизованнаго народа съ различными отношеніями смертности, браковъ, рожденій, съ природой его занятій и колебаньями какъ въ заработной платѣ, такъ и въ цѣнности всего необходимаго для его жизни и благосостоянія. Такіе и подобныя факты собраны, приведены въ порядокъ и ждутъ окончательной обработки... Принимая все это въ соображеніе, мы получимъ весьма слабое представленіе о неизмѣримомъ достоинствѣ той массы фактовъ, какою мы обладаемъ и съ помощью которой намъ предстоитъ изслѣдовать развитіе человѣчества.»

Таковы вспомогательныя силы историческаго знанія. Громадная заслуга Бокля состоятъ въ томъ, что онъ первый изъ прививавшихся за дѣло исторіи созналъ ихъ вполне и понялъ ту роль, какую должна играть каждая изъ нихъ въ изученіи науки. Это сознаніе открыло ему возможность стоять на такой твердой почвѣ, на какой виразу еще не стояли философы-историки, и сполна достигнуть цѣли, какую поставилъ себѣ когда-то Гердеръ и которой онъ не могъ достигнуть, благодаря неполнотѣ своихъ свѣдѣній въ матеріалѣ для построенія исторіи. Германскій философъ въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Гаману опредѣлительно сказалъ, что задача его въ занятіяхъ исторіей — внести опредѣленность въ науку, дать ей твердое, незыблемое основаніе и ту самостоятельность, какую она должна имѣть, если хочетъ имѣть право на названіе науки. Его «Идеи о философіи исторіи» слѣдуетъ разсматривать какъ осуществленіе этой задачи, и осуществленіе весьма неудовлетворительное. Гердеръ былъ умъ послѣдовательный, систематическій, и вмѣстѣ съ тѣмъ полный энергіи и порыва; онъ могъ свободно входить во всѣ области знанія и брать въ нихъ все что было для него необходимо. Талантъ его запечатленъ глубокимъ совершенствомъ; онъ развивался медленно, съ успіемъ, почти можно сказать мучитель-

но. Первые труды Гердера отличаются сухостью, сжатостью; они трудовое произведеніе холоднаго и систематическаго ума; между тѣмъ послѣдующія произведенія блещутъ спокойнымъ и свободнымъ стилемъ, поэтическимъ и вмѣстѣ глубоко-философскимъ. Онъ подступилъ къ «Идеямъ о философіи исторіи» въ пору наибольшаго своего развитія, и онѣ могли бы получить огромное значеніе въ исторической литературѣ, еслибы нѣкоторые существенные недостатки, привитые къ нимъ самою эпохою, не поставили его на ложной дорогѣ и не привели бы его къ заблужденіямъ.

Гердеръ былъ воспитанъ XVIII вѣкомъ, эпохой романтизма и идеализма. Такое воспитаніе отразилось на его книгѣ. Идеализація предмета науки всегда вредитъ самой наукѣ. Въ глазахъ идеалиста предметъ поднимается на такую высоту, съ какой взгляду человѣка невозможно разсмотрѣть и уловить тѣ мелочныя условія, въ которыхъ онъ стоитъ въ дѣйствительности, и окрашивается тѣмъ свѣтомъ, въ которомъ онъ никогда не является въ глазахъ людей практическихъ: обстоятельство не только уединяющее науку отъ практической жизни, но и отрывающее отъ нея вполне и безвозвратно всякій живой интересъ. Оно вполне объясняетъ почему люди практики, люди часто весьма ограниченные въ понятіяхъ, но твердо стоящіе на житейской почвѣ, съ недоумѣніемъ относятся къ наукѣ: они считаютъ ее игрой воображенія и не могутъ замѣтить работы ума; и неслѣдуетъ возмущаться, если въ ихъ недоумѣіе вкрадывается пренебреженіе. Если воздѣлыватель науки идеализируетъ съ предметъ, онъ и для нея принесетъ слишкомъ мало пользы. Гердеръ — идеалистъ по воспитанію, хотя по пріемамъ и можетъ быть, по природѣ своей его можно безъ большаго труда отнести къ физиологамъ. Его система представляетъ раскрытіе высшаго, производящаго и правящаго идеала въ мірѣ физическомъ и историческомъ, въ развитіи природы и человѣчества. Конечно, во взглядѣ на пути этого раскрытія онъ физиологъ: онъ видитъ всюду гармонію и соотвѣтствіе формы и заключенной въ ней силы, онъ возводитъ это соотвѣтствіе на степень закона; онъ видитъ во всей природѣ постепенный и совмѣстный прогрессъ формъ и силъ; но допустивъ разъ верховный идеалъ, какъ источникъ предмета науки, онъ привялъ на себя рѣшеніе такихъ вопросовъ, какіе не должна и не можетъ рѣшать наука. Онъ поставилъ себя въ необходимость возводить на степень научной доктрины то, что должно оставаться личнымъ вѣрованіемъ человѣка, и ученымъ путемъ объяснять такіе факты, которые никто не можетъ поставить предметомъ ни своихъ ученыхъ объясненій, ни опроверженій. Съ другой стороны Гердеръ принималъ на себя такую обязанность, которая не могла быть

удовлетворительно исполнена при состояніи знаній въ XVIII вѣтѣ. Его «Идеи о философіи исторіи» поставлены были въ необходимость отмѣтить, хотя въ главныхъ чертахъ, важнѣйшіе моменты въ раскрытіи принятаго имъ идеала: онъ должны были обнять не только міръ историческій, но и міръ природы, говорить не только о людяхъ, ихъ обществахъ, ихъ судьбахъ, но и о предметахъ, которые подлежатъ вѣдѣнью астронома, зоолога, ботаника, геогноза... Онъ пользовался результатами молодыхъ и невыдержанныхъ наукъ и на такомъ зыбкомъ основаніи строилъ свою мечтательную систему. Трудъ весьма благодарный; въ дѣлѣ науки онъ важенъ только какъ опытъ; онъ имѣетъ только историческое значеніе; имъ нельзя пользоваться при изученіи.

Бокль представляетъ рѣзкій контрастъ Гердеру: съ одной стороны онъ строго опредѣлилъ границы своихъ изслѣдованій, съ другой подступаетъ къ труду, какъ мы уже то вѣдѣли, сознательно. Онъ не отдалается такъ отъ историческаго матерьяла, какъ Гердеръ, и не ищетъ подобно ему уясненія общихъ мировыхъ законовъ, предоставляя его извѣстнымъ специальностямъ. Конечно, это помѣшало ему составить общую систематическую картину мірозданія, изъ которой можно было усмотрѣть и значеніе человѣка въ цѣпи твореній, и значеніе исторіи въ ряду другихъ наукъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ избавило его отъ необходимости принимать гипотезы, строить на нихъ цѣлыя ученія, подробно и научнымъ тономъ говорить о томъ, что вовсе не должно подлежать области науки; Бокль стоитъ на твердой почвѣ, знаетъ размѣры области своихъ изслѣдованій, взвѣсилъ свои силы и тотъ трудъ, который предстоитъ ему, соразмѣрилъ ихъ и идетъ вѣрно и смѣло къ предположенной цѣли.

Ему хотѣлось бы достигнуть въ дѣлѣ исторіи такихъ результатовъ, которые достигнуты естествознаніемъ: точности и опредѣленности истиннаго знанія. Ему хотѣлось бы рѣшить задачу философа-историка, какъ мы отмѣтили ее выше, т. е. открыть и представить въ полной системѣ тѣ законы, которые обнаружили въ исторической жизни и которые управляли всегда и управляютъ развитіемъ и примѣненіемъ личныхъ и общественныхъ силъ. Ему хотѣлось бы окончательно снять съ науки тотъ покровъ предразсудковъ, предубѣжденій, гипотезъ, которыя внесены въ нее въ различныя эпохи суевѣріемъ религіознымъ, политическимъ и др., и дать ей ту чистоту и серьезность, которыя могли бы оправдать названіе, сохраненное за ней цѣлыми вѣками, и безъ которыхъ она не можетъ никогда быть истинной учительницей жизни, *magistra vitae*.

Бокль первый выразилъ необходимость такого положенія науки, и немудрено, если предпріятіе его встрѣтило неодолимые препят-

стиа. Въ самомъ дѣлѣ въ исторіи къ такой работѣ ничего не подготовлено. Философъ-историкъ, по выраженію Бокля, долженъ быть вмѣстѣ и каменщикомъ, и архитекторомъ: онъ долженъ дѣлать планъ зданія и трудиться надъ обжиганіемъ кирпичей, — трудъ, на который недостало бы всей жизни. Наука еще слишкомъ далека отъ общности понятій, вырабатывающихся въ ней: она безлична, безобразна, она разрабатывалась и разрабатывается еще съ самыхъ различныхъ и непримиримыхъ точекъ зрѣнія, съ самыми разнообразными взглядами, цѣлями, пріемами. Нетолько не открыты самыя существенныя законы исторической жизни, но даже факты, изъ которыхъ можно бы было заключить объ этихъ законахъ, постановлены и воспроизведены по большей части въ ложномъ свѣтѣ: прежде надо имъ возвратить ихъ настоящее значеніе.

«Поэтому-то — говоритъ Бокль — я оставилъ свой первоначальный планъ и противъ воли рѣшился написать исторію не вообще цивилизаціи, но исторію какого-нибудь одного народа.» Этому мѣроу онъ много потерялъ. Конечно онъ приобрѣлъ возможность быть ближе къ истинѣ и сдѣлать менѣе ошибокъ, впасть въ меньшія заблужденія, но съ другой стороны, ограничивая область изслѣдованій, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ограничилъ значеніе своихъ открытій: открывъ законы, дѣйствовавшіе въ одной части историческаго знанія, онъ не можетъ поручиться за то, что онъ открылъ законы, жившіе мѣсто во всемъ теченіи жизни человѣчества, и не можетъ также опредѣлить дѣйствительную важность и значеніе общей системы историческаго знанія тѣхъ частныхъ законовъ, которые ему удалось найти.

III

Бокль остановился на исторіи Англіи. Но далеко не патриотическіе интересы руководили его, англичанина, въ такомъ выборѣ. Онъ смотритъ на явой точкѣ зрѣнія. Онъ принимаетъ иное мѣрило для опредѣленія сравнительнаго достоинства историческихъ народовъ и въ большихъ или меньшихъ правъ ихъ на вниманіе историка.

Уясненіе принятаго имъ мѣрила бросаетъ яркій свѣтъ на всѣ тенденціи и стремленія англійскаго историка и рѣзко объясняетъ его нравственный характеръ; вмѣстѣ съ тѣмъ оно объясняетъ тотъ свѣтъ, какой вылетъ производимаая имъ въ наукѣ реформа.

Трудъ Бокля принадлежитъ къ такого рода фактамъ, которые не только невозможны въ нашей литературѣ, но о которыхъ у насъ вообще еще составился опредѣленнаго, выясниваемаго понятія, хотя ихъ и предчувствуютъ, и къ нимъ стремятся.

Народность стала конечною цѣлью русской литературы, стремленіе къ ней — ея существеннымъ характеромъ. Мы не говоримъ уже о произведеніяхъ, которыя входятъ въ область поэзіи: такъ воспроизведеніе народнаго духа уже со временъ Пушкина стало законоукою, всеѣмъ признанною задачею, и большаго для насъ успеха въ рѣшеніи ея признается однимъ изъ главныхъ достоинствъ произведеній лирическаго поэта, романиста, драматурга, и труды, чуждыя народному характеру, каковы обрѣтутся, забвеніе. Но историческія произведенія и публицистическія, касающіяся дѣло съ миромъ дѣйствительнымъ, житейскимъ, очевидно относятся точно также къ уясненію важнаго факта — русской народности, къ опредѣленію потребностей и интересовъ народа, къ изысканію средствъ удовлетворить этимъ потребностямъ и развить эти интересы въ томъ направленіи, въ ту сторону, въ которую имъ значено расширяться историческимъ ходомъ народной жизни. Народъ сталъ точкой исхода и конца для лучшихъ ученыхъ и раторовъ, альфой и омегой ихъ трудовъ и занятій.

Но богатые и плодотворные результаты лежатъ впереди, въ недосыгаемой дали; время, когда можно было сказать ихъ, еще не наступило: теперь народность представляетъ ко обширный и почти вострунутый матеріалъ для разрабатки.

Въ самомъ дѣлѣ, при всемъ жаркомъ, можно сказать, истинномъ стремленіи къ народности, много ли найдется въ насъ и публицистикѣ произведеній, которыя заслуживали бы названія народныхъ и рѣшали бы болѣе или менѣе вѣрно задачу народности. Самый снисходительный судья дастъ на это отвѣтъ, что польза русской науки и литературы. Нашъ образованный классъ, которому предоставлена задача правдиваго уясненія интересовъ и потребностей и изысканія средствъ удовлетворить имъ. Мы далеки отъ народа; мы оторваны отъ своей исторіи, своимъ личнымъ развитіемъ, своимъ интеллигентскимъ образованіемъ; мы связаны съ народомъ лишь нитями, но и эти нити такъ немногочисленны, что ихъ происхожденія: небыло еще времени открытій, и плоть образованнаго класса; можетъ-быть, въ большей части образованнаго класса сложились задѣтки полнаго безвозвратнаго отчужденія отъ народа, невозможность сдѣлать жизнь съ народною жизнью.

При такомъ характерѣ нашей литературы, явленіе, подобное ключу, повторяемъ, не только невозможно у насъ, но покажется нашихъ глазахъ страннымъ и оригинальнымъ явленіемъ.

Бокль стоитъ на чисто-научной, теоретической точкѣ зрѣнія; онъ трудится исключительно въ видахъ развитія науки; его привлекаютъ только научные интересы; онъ ищетъ средствъ уничтожить только научныя заблужденія, очистить науку отъ постороннихъ, чуждыхъ ей вѣдъ вредныхъ элементовъ. Его книга доступна только тому, кто серьезно знакомъ съ историческимъ знаніемъ; для того чтобы она была понятна, требуется довольно основательная подготовка.

Бокль какъ бы очертилъ вокругъ себя заколдованный кругъ, который недостижимъ для тревогъ и волненій практической жизни.

Между тѣмъ въ немъ никогда не слабѣетъ высокое гражданское чувство, воспитанное народностью. Для него народъ, какъ и для нашихъ литературныхъ дѣателей, служитъ исходомъ и цѣлью, альфой и омегой занятій; но различіе въ томъ, что у одного народность вошла въ природу, сроднилась съ нимъ, такъ что онъ могъ бы безсознательно и вмѣстѣ съ тѣмъ неуклонно держаться на народной точкѣ зрѣнія, у другихъ же она цѣль достиженія, къ которой стремятся, но рѣдко достигаютъ. Надъ каждымъ фактомъ онъ произноситъ судъ, принимая въ соображеніе, насколько онъ былъ вреденъ или полезенъ развитію народности; каждое событіе разсматривается лишь въ видахъ народныхъ интересовъ; народность — струя, которая проходитъ по всему ученому труду Бокля; онъ нигдѣ не замѣчаетъ ей.

Но въ тоже самое время сознательно онъ держится, какъ мы замѣтили, чисто-научныхъ интересовъ. Ради ихъ онъ отвергаетъ, какъ вы на чемъ неоснованную гипотезу, — врожденность національнаго характера, слѣдовательно такой фактъ, который для большинства писателей, поднимающихъ знамя народности, служитъ единственному опорой, исключительнымъ основаніемъ.

Начала, создающія народность, по природѣ своей, по своему значенію, всегда и вездѣ одинаковы и неизмѣнны, только формы ихъ проявленія и взаимныя отношенія вырабатываются въ каждомъ народѣ сообразно съ историческими условіями. Нѣтъ ни одного народа, въ которомъ не было бы, либо въ зародышахъ, либо на нѣкоторой степеніи развитія, аристократическихъ элементовъ, демократическихъ, духовенства, свѣтской власти; каждый изъ этихъ элементовъ представляетъ самобытный фактъ, имѣющій право на самостоятельное существованіе и развитіе.

Но въ однихъ эпохи, въ одномъ обществѣ мы видимъ преобладаніе демократіи, въ другихъ аристократіи; тамъ господство духовенства, здѣсь безусловный черепъ свѣтской власти. Исторія открываетъ достойную борьбу, здѣсь начало, ихъ броженіе, ихъ стремленіе

стать другъ къ другу въ истинныя, нормальныя отношенія ; но исторія показываетъ также, какому изъ нихъ принадлежитъ роль главнаго и вѣдущаго двигателя. Если взглянуть въ прошедшую жизнь, легко найти, что демократія всегда и всюду была существовавшимъ ея производителемъ. Она часто закрывается отъ глазъ наблюдателя блестящюю свѣтскою властью, величьемъ политическихъ событій, руководствомъ которыхъ принадлежитъ талантливымъ политическимъ деятелямъ, священнымъ характеромъ духовенства, материальнымъ могуществомъ и нравственнымъ превосходствомъ аристократіи ; въ иные эпохи она уходитъ такъ далеко въ глубь исторической сферы, что о ней не сохраняется никакихъ воспоминаній, или же только весьма смутныя воспоминанія ; въ другія эпохи она является предъ нами униженна и поработенная, закованная въ цѣпи рабства, запятнаная оскорбленіемъ и пренебреженіемъ со стороны другихъ элементовъ. Между тѣмъ въ ней всегда остается право служить основою народнаго развитія. Молодые народности представляютъ, при вступленіи въ историческую жизнь, почти исключительную демократію. Равенство и личная свобода принадлежитъ всѣмъ, и каждому ; никто не изъятъ отъ пользованія правами, которыя даются человѣку его природою. Въ дальнѣйшемъ развитіи совершается обратное : на этой почвѣ, при содѣйствіи различныхъ обстоятельствъ, медленно рождается аристократія ; она приобретаетъ новую цѣль — право руководить жизнью народа, овладѣваетъ свѣтскою властью и духовною, изъ нея выдѣляются правительство и духовенство ; но первоначальная цѣль ихъ существованія всегда благообстояніе и прогрессъ элемента, который произвелъ ихъ. И аристократія, и духовенство, и свѣтская власть существуютъ не для себя : каковы бы чувства дѣтской любви и самопожертвованія, они торжественно принимаютъ на себя обязанность заботиться о породившей и воспитавшей ихъ демократіи. Законодательства такъ называемыхъ варварскихъ обществъ свидѣтельствуютъ о томъ ; историческія событія показываютъ, что именно такимъ нравственнымъ характеромъ облекаются всегда на первой ступени своего развитія аристократія, правительство и духовенство.

Такимъ наступаетъ обыкновенно видъ униженія демократіи. Высшіе элементы отдѣляются отъ демократіи. Но и тутъ демократія обнаруживаетъ свою силу, хотя здѣсь ея вліяніе скорѣе пассивное, чѣмъ активное ; ея униженіе отзывается нравственнымъ результатомъ ; ея болѣзни заражаютъ все, а смерть ея ведетъ за собой гибель и паденіе.

Такая пассивная сила демократіи уснается на великомъ сдѣлѣ распада Римской имперіи. Дѣйствительно, никто не увидѣлъ тамъ

можно уничтожить демократическіе элементы, давъ римская имперія. Съ помощью своей централизація она задавила ихъ во всѣхъ вѣдѣхъ подвластнаго ей міра; вмѣстѣ съ тѣмъ, нигдѣ не были побиты такъ и народности; справедливо можно сказать, что Римъ отъялъ у народовъ исторію; съ утратою демократическихъ началъ, они утратили всѣ свои нравственныя силы. Она стала неспособна ни къ политической жизни, ни къ гражданскому возрожденію; катастрофа паденія совершалась помимо вторженія варваровъ. Императорскій Римъ до того наболѣлъ, истощился, высохъ безъ поддержки со стороны демократіи, что на его развалинахъ могла возрасти новая цивилизація: своею властью онъ исключалъ изъ себя все живое, отрѣзалъ всѣ пути къ самостоятельной жизни.

Перенесясь на сѣверъ, за предѣлы римской имперіи, по эту сторону Рейна и Дуная, мы видимъ совершенно инныя картины. Открывается германскій міръ въ пустыняхъ, по выраженію Тацита, заросшихъ лѣсами и пропитанныхъ болотами. Здѣсь, въ этихъ грубыхъ общинахъ, господствуютъ начала, изгнанныя изъ Рима; они здѣсь въ полномъ цвѣтѣ, въ Германіи они были сильны настоящимъ и еще болѣе надеждами на будущее; аристократія едва была замѣтна, и только въ двухъ-трехъ мѣстахъ на далекомъ сѣверѣ успѣла сложиться королевская власть. Этимъ грубымъ общинамъ пришлось дѣйствительно обновить міръ и снасти исторію. Онѣ подошли къ Риму съ враждою; но не одно только варварство, грубость и дикость питали эту вражду: ее раздувалъ тотъ непримиримый контрастъ, который германцы чувствовали въ своемъ строѣ и въ строѣ римскомъ. Вражда выразилась даже гораздо ранѣе погрома Италіи, за два слишкомъ столѣтія до того времени, когда по свидѣтельству историковъ, плодородныя поля этой страны покрылись лѣсами, поросли дикими травами, стали убѣжищемъ волковъ и лисицъ; германцы изстари питали отвращеніе къ римскимъ городамъ, гдѣ человѣкъ теряетъ свою доблесть, какъ звѣрь, заключенный въ клітку (Taciti Annalles); они не хотѣли учиться римскимъ наукамъ, потому что порчу и ослабленіе духа мужества въ римлянахъ они приписывали этимъ занятіямъ: «Кто привыкъ дрожать — говорили они — передъ розгой педагога, тотъ не дерзнетъ никогда взглянуть прямо на пещь и конь» (Prosopii Bell. Gothor. l. I.). У нихъ слово «римлянинъ» стало нарицательнымъ именемъ «всего неблагороднаго, трусливаго, алчнаго, расточительнаго, лживаго, порочнаго» (Luitprandъ въ Legatio). Такова была безсовнѣтная сила демократизма, участвовавшая въ сложении народнаго взгляда на великое историческое явленіе, совершавшееся на глазахъ у германцевъ. Демократизмъ сказанъ и въ дѣльнѣйшихъ судьбахъ западной Европы.

событія, имѣвшія наиболѣе вліянія на развитіе общественной и личной жизни, были его дѣломъ или же совершались въ его интересахъ. Христіанство, его распространеніе, возникновеніе католичества, крестовыя походы, завоеванія нормановъ, развитіе торговли, образованіе торговыхъ союзовъ, общины, реформація, революція XVII и XVIII вѣковъ, и особенно перевороты текущаго столѣтія, потому такъ были сильны и такъ могущественно дѣйствовали на ходъ цивилизаціи, что они запечатлѣны демократическимъ характеромъ.

Такимъ образомъ демократіи принадлежитъ первое мѣсто въ созданіи народнаго характера.

Всматриваясь въ характеръ побужденій, остановившихъ Бокла на исторіи Англіи, нельзя не сознаться, что эти побужденія чисто-демократическія и что не было ни одного историческаго труда, предпринятаго на такомъ широкомъ основаніи, въ которомъ демократическія инстинкты обнаруживались бы такъ полно, какъ въ «Исторіи цивилизаціи Англіи».

Хотя всѣ народы имѣютъ право на вниманіе историка, но не всѣ они имѣютъ равныя права. Истина, которая не только чувствовалась, замѣчалась, но и объяснялась: рѣдкій историкъ не оправдывалъ сдѣланнаго имъ выбора — однимъ величіемъ и разнообразіемъ эпохи, просторомъ, какой она открывала мысли и фантазіи, другой патріотизмомъ, третій огромнымъ значеніемъ, какой имѣла въ его глазахъ та или другая исторія, тотъ или другой историческій матерьялъ. Представителемъ перваго рода историковъ можетъ служить Раумеръ, представителемъ втораго рода мы имѣемъ въ исторіи Карамзина; историковъ третьяго рода, благодаря разнымъ обстоятельствамъ, такъ много, что трудно указать отдѣльныя личности: возможность оправдаться въ выборѣ философскимъ значеніемъ избраннаго предмета слишкомъ соблазнительна; мы напомнимъ только Гизо, который видѣлъ въ «Исторіи цивилизаціи во Франціи» зеркало всей западно-европейской исторіи, и Ог. Тьерри, въ его «Исторіи завоеванія Англіи норманами».

Бокль, холодный и безпристрастный анатомъ исторической жизни, не могъ подобно Раумеру прельститься художественнымъ богатствомъ матерьяла, увлечься подобно Карамзину патріотизмомъ, или придать факту черезчуръ много значенія, опирался на политическую и какую бы то ни было другую доктрину. Какъ уже было сказано, его побужденія — чисто-демократическія.

«Важность исторіи извѣстной страны — говоритъ онъ — нисколько не зависитъ отъ ея внѣшняго блеска, но отъ той степени, въ ка-

ной всё-таки-онъ обязанъ причинамъ, вытекающимъ изъ нея самой. Потому еслибы можно было найти цивилизованный народъ, который совершенно самъ выработалъ бы свою цивилизацію и былъ бы устроенъ отъ всякаго чуждаго вліянія, который не зналъ бы ни покровительства, ни остановки въ развитіи со стороны правительства, то исторія такого народа была бы необыкновенной важности, ибо она представила бы нормальное и самобытное развитіе, уяснила бы намъ законы прогресса, совершающагося въ изолированномъ состояніи, она была бы для нихъ готенымъ экспериментомъ и вполне замѣнила бы тѣ искусственныя приемы, которыми столько обязано естествознаніе. Найти таковой народъ конечно невозможно; но мыслящій историкъ возьметъ для спеціальнаго изученія своего страну, въ которой наиболѣе достигались такія условія. Нетолько мы, но и всѣ мыслящіе иностранцы допустятъ, что въ Англіи эти условія достигались, некрайней-мѣрѣ за послѣдніе три вѣка, гораздо постояннѣе и усильнѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ. Я не говорю ни о многочисленности нашихъ открытій, ни о блескѣ нашей литературы, ни объ усиліяхъ нашего оружія. Все это предметы болѣе или менѣе ненавистныя (invidious topics), и можетъ-быть другіе народы станутъ оспаривать наши заслуги, которыя мы естественно склонны преувеличивать. Я утверждаю только то, что изъ всѣхъ европейскихъ странъ Англія представляетъ единственную страну, гдѣ вѣченіи наибольшаго періода правительство было самое спокойное, а народъ самый дѣятельный, гдѣ народная свобода утвердилась на наиболѣе широкомъ основаніи, гдѣ болѣе чѣмъ въ другихъ земляхъ каждому предоставляется говорить что думаетъ и думать что хочетъ, гдѣ каждый можетъ слѣдовать исключительно своимъ личнымъ склонностямъ и распространять свои мнѣнія, гдѣ почти неизвѣстны религіозныя преслѣдованія, гдѣ движенія и волненія человѣческаго духа обнаруживаются ясно, неслерживаясь тѣми узамъ, которымъ онъ подчиняется въ другихъ странахъ, гдѣ послѣдованье ереси наименѣе опасно и наименѣе обыкновенныя явленія раскола, гдѣ бокъ-о-бокъ процвѣтають враждебныя вѣроисповѣданія, безпренятственно возникаютъ и исчезаютъ сообразно съ потребностями народа, безъ насилія со стороны церкви и безъ контроля государства; гдѣ всѣ интересы, всѣ классы, духовные и свѣтскіе, наиболѣе предоставлены самимъ себѣ; гдѣ впервые было сдѣлано нападеніе на доктрину покровительства (doctrine called protection), охранительную систему; гдѣ однимъ словомъ обойдены обѣ опасныя крайности, къ которымъ ведетъ это вмѣшательство: деспотизмъ и возмущеніе одинаково рѣдки, уступка признава рычагомъ благоустройства, и прогрессъ народа

нашептѣе нарушается силою приислѣгованныхъ массовъ, а дѣиствіе отдѣльныхъ сектъ и насиліемъ произвола.»

Но таинствѣ-то причинамъ онъ остановился на исторіи Англіи и предпринялъ обработать ее такъ полно и подробно, насколько позволяютъ матеріалы. Но такъ какъ исторія отдѣльной страны никогда не броситъ свѣта на законы и развитіе всѣхъ обществъ, то онъ считалъ необходимымъ предпослать своему труду введение, которому посвящены вышедшіе до этого времени томы, по отношенію къ главному предмету его труда — къ исторіи Англіи. Это введеніе имѣетъ цѣлью, по словамъ самого Бокля, устранить тѣ трудности, которыми окруженъ этотъ великій предметъ. Въ первыхъ главахъ онъ старается опредѣлить вообще границы историческаго знанія и установить возможно шире принципы, на которыхъ оно должна опираться. Здѣсь онъ открываетъ, что цивилизація распадается на двѣ большія части: на европейскій отдѣлъ, въ которомъ человѣкъ сильнѣе природы, и на внѣ-европейскій отдѣлъ, гдѣ природа сильнѣе человѣка; въ первомъ человѣкъ подвергается иниціи мнѣнію природы, во второмъ болѣе; въ первомъ онъ овладѣваетъ силами природы, во второмъ сила природы постоянно держитъ его въ зависимости и рабствѣ. Это приводитъ его къ тому заключенію, что народный прогрессъ въ связи съ народной свободой можетъ возникнуть только въ Европѣ, и такимъ образомъ только въ Европѣ можетъ быть изучаемо раскрытіе истинной цивилизаціи и пріобрѣтенія, которыя дѣлаютъ человѣческій духъ насчетъ силъ природы. Духовные законы преобладаютъ здѣсь въ развитіи народовъ надъ законами природы, и потому Бокль старается опредѣлить ихъ свойства: они раздѣляются на умственные и нравственные, интеллектуальные и моральные. Онъ открываетъ затѣмъ, что роль двигателей прогресса принадлежитъ исключительно интеллектуальнымъ законамъ, что тамъ, гдѣ они дѣйствуютъ наиболѣе полно и сильно, тамъ быстрѣе идетъ прогрессъ, а дѣйствуютъ они всего сильнѣе тамъ, гдѣ накапливается наибольшая масса познаній; чѣмъ полнѣе знаніе, тѣмъ болѣе простора имъ обнаруживаться. Эти общія положенія были въ его глазахъ необходимы для того, чтобы возвести исторію на степень науки. Чтобы здраво судить объ историческомъ прогрессѣ, надо открыть различныя условія при накопленіи знаній, при ихъ распространеніи. Исторія Англіи вовсе не можетъ представить всѣ эти равнообразныя условія. Потому слѣдуетъ открыть чистый образъ каждого изъ нихъ въ исторіи той страны, гдѣ оно обнаружилось преимущественно. Въ этомъ смыслѣ Бокль продолжаетъ свое введеніе: онъ изслѣдуетъ исторію различныхъ народовъ въ отношеніи интеллектуальныхъ особенностей, о которыхъ

не представляет ничего поучительнаго исторія его отечества. Такъ въ Германіи наиримѣръ накопленіе націй произошло полнѣе и сильнѣе, чѣмъ въ Англій, и на исторіи Германіи законы такого накопленія изучаются гораздо удобнѣе, чѣмъ на какой-либо другой исторіи; Бокль изслѣдуетъ ихъ затѣмъ, чтобы, открывъ ихъ, приписать къ англійской исторіи. Точно также американцы распространяютъ свои знанія гораздо полнѣе, чѣмъ англичане, и Бокль предполагаетъ объяснить нѣкоторыя явленія англійской цивилизаціи законами распространенія знаній, которыя представляются ему лишь всего въ американской цивилизаціи. Затѣмъ Франція открываетъ предъ нимъ картину цивилизованной страны, въ которой былъ всегда силенъ духъ покровительства. Бокль узнаетъ изъ нея условія и слѣдствія накопленія и распространенія знаній въ духу покровительства и т. д. Въ этомъ предположительномъ обзорѣ историческихъ народностей, состоитъ явленіе въ «Исторію англійской цивилизаціи».

Вотъ, нѣсколько общихъ замѣтокъ о Боклѣ, и въ духе того направленія. Мы не имѣемъ въ виду разбора его научныхъ началъ. Современемъ мы возвратимся къ этому любопытному предмету.

О СУДѢ ПО ПРЕСТУПЛЕНІЯМЪ ПРОТИВЪ ЗАКОНОВЪ ПЕЧАТИ

(по поводу одной журнальной статьи)

Въ 39 М «Дня», въ передовой статьѣ изложены мысли по поводу проектируемыхъ законовъ о типопечатаніи. Авторъ статьи коснулся между прочимъ, въ общихъ чертахъ, и части судебной въ этихъ законахъ.

Воспользуясь этимъ случаемъ выскажу объ этомъ предметѣ свои мысли и замѣчанія, надеюсь быть полезны лишимъ въ ихъ столбцахъ дѣлѣ.

Авторъ только-что указанной статьи раздѣляетъ преступленія противъ законовъ печати на: 1) преступленія относительно верховной власти и правительства, 2) относительно общественной безопасности, 3) относительно общественной нравственности и вѣроповѣданія, 4) относительно семейной или личной чести частныхъ лицъ. Мнѣ кажется, что гораздо проще и удобнѣе раздѣлять всѣ вообще преступленія противъ законовъ печати на частныя и общественныя, относя къ первымъ всѣ посягательства печатнаго слова противъ частныхъ лицъ, въ ихъ чисто личныхъ отношеніяхъ къ семейству, друзьямъ и т. д., всѣ ихъ отношенія служебныхъ, отношеній къ государству; ко вторымъ (т. е. преступленіямъ общественнымъ) можетъ быть отнесено: оскорбленіе печатнымъ словомъ верховной власти, общественной нравственности, посягательство на безопасность государства, нападки на государственныя, правительственныя учрежденія, обиды и оскорбленія противъ лицъ облеченныхъ верховною властью, государственныхъ, правительственныхъ, и вообще общественныхъ чиновниковъ, въ кругу ихъ служебной дѣятельности. Право иска въ первомъ случаѣ должно принадлежать обиженному частному лицу, а во второмъ, такъ какъ здѣсь дѣлается посягательство на самое уже государство, такъ какъ здѣсь оскорбляются лица и учрежденія, такъ или иначе представляющія собою государство, то по нашему мнѣнію необходимо было бы учредить должность государственнаго прокурора (или обществен-

нани (странаго), которому бы и принадлежало право начинать процессъ въ этомъ обязательномъ случаѣ; но этотъ искъ можетъ быть начатъ только по просьбамъ лица или учрежденій, получившихъ обиду черезъ печатное слово. Въ случаѣ нежеланія обиженной стороны начинать искъ, прокуроръ не можетъ начать его; но какъ скоро онъ уже началъ, обиженная сторона не можетъ прекратитъ его. Первое положеніе помощи пеналится страннѣе. Многие возразятъ на него такъ: если мы признаемъ, — скажутъ они, — что черезъ оскорбленіе какаго-нибудь служебнаго лица или государственнаго, правительственнаго учрежденія оскорблено государство, то въ такомъ случаѣ не послѣднее время признавъ обязанность преслѣдовать виновнаго, хочетъ ли этого или не хочетъ обиженная сторона. Дѣйствительно, это разсужденіе справедливо, но только въ отношеніи уголовнаго преступленія, совершающаго «дѣломъ», а отнюдь не «словомъ»; почемуто въ послѣднемъ случаѣ необходимо сознаніе со стороны обиженнаго, что нанесенная обида принимается дѣйствительно какъ обида. Если же лицо или учрежденіе, во внешнемъ мнѣніи обиженное, внутренне не чувствуетъ себя обиженнымъ, то какое право имѣетъ государство преслѣдовать виновно-обидѣвшаго? Никакого. Государство имѣетъ это право только тогда, когда служебное лицо или учрежденіе «дѣломъ» оскорблено, т. е. когда они сознаютъ, что въ печатномъ словѣ заключается обида, оскорбленіе имъ. И какъ скоро эта обида признана, какъ скоро обиженная сторона признала себя дѣйствительно обиженною и заявила это сознаніе прокурору, — государство, черезъ посредство этого чиновника, начинаетъ искъ. Если прокуроръ, разсмотрѣвъ просьбу и обстоятельства дѣла, увидитъ, что нанесенное оскорбленіе не относится къ преступленіямъ общественнымъ, или что оно недостаточно сильно для того, чтобы дать поводъ къ началу процесса, или же наконецъ что печатное слово, принятое за оскорбленіе, въ сущности не заключаетъ его въ себѣ; то онъ можетъ или отказать ему въ искѣ государственномъ, или предоставить ему право иска частнаго. Въ томъ и въ другомъ случаѣ онъ долженъ изложить причины своего рѣшенія. Если же прокурору покажется дѣло сомнительнымъ, т. е. онъ не будетъ знать, какой смыслъ придать печатному слову, принять ли его за обиду или просто за критику, то онъ отдаетъ это дѣло на разсмотрѣніе палаты обвинительныхъ присяжныхъ.

Сейчасъ скажемъ объ этой палатѣ.

Въ благоустроенномъ государствѣ все должно подлежать обсужденію. Простой расчетъ говорить обществу, что ежели оно хочетъ дѣйствовать рационально, согласно съ здравымъ разсудкомъ, то оно должно возможно больше расширить предѣлы свободной критики.

И чѣмъ эта критика свободнѣе, тѣмъ большее количество предметовъ и лицъ подлежитъ ей разбору, тѣмъ разумнѣе будутъ общественныя отношенія, тѣмъ менѣе опасностей будетъ грозить и государству.

Свободное сужденіе обо всемъ, что совершается вокругъ насъ, есть неотъемлемое право человека; стѣснять его значитъ возмѣститься разуму, насловать насущную потребность всякаго развитаго человека — потребность критики.

Страхъ процесса со всеми его неприятными последствиями можетъ, и даже непременно будетъ стѣснять, ограничивать эту свободу. Процессъ — всегда болѣе или менѣе потеря; съ какою бы тщательностью шассиди на ушкѣхъ ни начинали его стѣсывать, стѣсненіе оное всегда можетъ выиграть. Но оставимъ даже это; вспомнимъ, что процессъ всегда сопряженъ съ потерей денегъ, а главное — съ потерей времени: а потерявъ время для многихъ значитъ потерять все!

Представимъ себѣ труженника, занимающаго срочной работою. Ему потерять день, два, а можетъ и больше, значитъ потерять работу; а потерять работу значитъ лишиться на нѣкоторое время куска хлѣба. Итакъ это же мудренато, что мысль о возможности процесса за каждое смѣлое сужденіе, за каждое слово порицанія, связанное собою не для того, чтобы кого-нибудь обидѣть, у многихъ отыметъ, для крайней-мѣры стѣснить свободу критики? А процессъ будетъ очень и очень возможенъ, если смереть, *прикосновенной къ дѣлу*, т. е. противъ которой направлено печатное слово, дано будетъ рѣшать: заключастся или нѣтъ обиды въ данной статьѣ? иными словами: слѣдуетъ или неслѣдуетъ начать процессъ? Конечно послѣднее будетъ всегда *слѣдовать*. Человеку вообще плохой судья въ своемъ собственномъ дѣлѣ. Что мудренато, если оное всегда готовъ принять всякое обсужденіе его распоряженій, его поступковъ, особенно если въ этомъ обсужденіи есть какое-либо порицаніе, за личную себѣ обиду, за оскорбленіе, за которое необходимо мотить процессомъ? Поэтому мы полагаемъ, что если самимъ критикуемымъ лицамъ и учреждениямъ предоставлено будетъ право рѣшать: есть ли въ критикѣ обиды или нѣтъ, надо или не надо начать процессъ, — то процессы будутъ грозить за всякое свободное выраженіе мыслей о томъ или другомъ общественномъ учрежденіи, о дѣятельности того или другого чиновника. И свобода критики будетъ стѣснена, уничтожена. Необходимо гарантировать ее отъ возможности процесса. Гарантировать ее можно, вѣривъ *третьему лицу* право рѣшать: *слѣдуетъ* или *не слѣдуетъ* начинать процессъ. Такимъ третьимъ лицомъ въ

дѣлахъ вообще по преступленіямъ общественнымъ могъ бы быть *шордурискини* прокуроръ, а въ дѣлахъ особенно важныхъ, обвинительныхъ — *палата обвинительныхъ присяжныхъ*. Уже само названіе показываетъ составъ ея. Она должна состоять только изъ обвинительныхъ присяжныхъ, которые рѣшаютъ вопросъ о правосудности обжалованнаго лица подъ предводительствомъ президента, избираемого ими самими изъ своей среды. Для засѣданія необходимо двѣнадцать присяжныхъ, но можетъ быть и меньше, — до шести, такъ что максимумъ двѣдцать, а минимумъ шесть. Право быть обвинительнымъ присяжнымъ предоставляется всякому жителю того города, гдѣ созывается палата (а созывается она будетъ тамъ, гдѣ собирается судъ по преступленіямъ противъ законовъ печати. Г. Аксеновъ предлагаетъ уголовнымъ судамъ Москвы, Петербурга, Кіева, Харькова, Казани и уѣздному суду Одессы *сдѣлать судъ по дѣламъ печати*. Мы не имѣемъ ничего противъ этого предложенія), окончившимъ курсъ наукъ въ высшемъ или среднемъ учебномъ заведеніи, несороченнымъ судомъ и нестарѣе шестидесяти лѣтъ. Всѣ лица, удовлетворяющія этимъ условіямъ, внесены въ ежегодный списокъ обвинительныхъ присяжныхъ, который публикуется для всеобщаго свѣдѣнія — неложимъ хотъ втеченіи перваго мѣсяца каждаго года, т. е. января. Каждый гражданинъ имѣетъ право, втеченіи этого мѣсяца, предъявлять свои требованія объ исключеніи неправильно внесенныхъ и о включеніи неправильно исключенныхъ. Требованія эти, если подкрѣплены достаточными доказательствами, непременно должны быть уважены. Списокъ обвинительныхъ присяжныхъ долженъ храниться у прокурора. Когда представляется надобность (здѣсь мы считаемъ не лишнимъ замѣтить, что надобность эта можетъ представиться, и не только тогда, когда прокуроръ находитъ, что дѣло сомнительно, но и тогда, когда само обжалованное лицо преситъ его о передачѣ дѣла на судъ обвинительныхъ присяжныхъ), прокуроръ, придерживаясь строго того порядка, въ которомъ лица занесены въ списокъ, приглашаетъ шестнадцать лицъ для принятія на себя, въ опредѣленное время (день и часъ засѣданія) должности присяжнаго. Первые изъ приглашенныхъ двѣдцати лицъ составляютъ собственно палату обвинительную, послѣдніе четыре приглашаются въ *запасные присяжные*: ими пополяется число обвинительныхъ присяжныхъ тогда, когда оно меньше *минимума*. Имена лицъ, приглашенныхъ быть присяжными, публикуются, и каждый имѣетъ право свѣрять съ годовымъ спискомъ, вѣрно или невѣрно выбраны прокуроромъ присяжные.

Въ назначенный день, въ залѣ суда, при открытыяхъ дверяхъ,

присяжные, выбрать себѣ президента, назначить назначенныя мѣста. Прокуроръ излагаетъ жалобу истца и свое о ней заключеніе; потомъ присяжные допрашиваютъ истца (если только найдутъ это нужнымъ) и свидѣтелей, которыхъ онъ съ собою привелъ, и затѣмъ удаляются въ другую комнату; тамъ рѣшаютъ вопросъ о подсудности виновнаго *сидимомасно*, и возвратясь въ залу засѣданія, громогласно объявляютъ свой приговоръ, согласно съ которымъ истцу или отказывается въ началѣ общественного иска, или представляется право частнаго иска, или же наконецъ объявляется подсудность *обасаломасно* лица; въ этомъ послѣднемъ случаѣ тутъ же и назначается день суда. Рѣшеніе палаты публикуется.

Прежде чѣмъ перейдемъ къ процессу самаго суда, мы хотѣли бы остановиться на минуту на предлагаемомъ нами учрежденіи. Читатель, знакомый съ англійскимъ уголовнымъ судопроизводствомъ, замѣтитъ съ перваго взгляда большое сходство нашей обвинительной палаты съ англійскимъ большимъ *джюри*. Сходство дѣйствительно есть, но различія больше. Англійское *большое джюри* есть учрежденіе чисто аристократическое; тамъ это, какъ и всѣ вообще англійскія учрежденія, особенно судебныя, пропитаны денежнымъ аристократизмомъ. Известное число фунтовъ стерлинговъ дохода даетъ право каждому англичанину занять сѣмью присяжнаго большого *джюри*. Тогда какъ нашихъ присяжныхъ ужь если и можно упрекнуть въ аристократизмъ, то отнюдь не въ денежномъ, а развѣ умственномъ. Кромѣ этого основнаго различія въ характерѣ двухъ учреждений, есть еще много и другихъ частныхъ, напримѣръ въ способѣ избранія присяжныхъ, назначеніи президента, въ числѣ нужномъ для полнаго состава засѣданія и т. д., а главное — въ отсутствіи всякихъ клятвъ и формальностей, которыми такъ изобилуетъ англійскій процессъ.

Отъ нашей палаты нечего бояться какихъ-нибудь проволочекъ. И избраніе, и самый судъ обвинительныхъ присяжныхъ такъ просты и незапутаны, что никакого промедленія быть не можетъ: все дѣло кончится въ нѣсколько часовъ. На это могутъ только одне возразить: если учредить палату обвинительныхъ присяжныхъ для государственныхъ преступленій, совершонныхъ «слономъ», то отчего же не учредить ее для всѣхъ дѣлъ уголовныхъ, совершонныхъ «дѣломъ»? Тамъ она еще нужнѣе, необходимѣе. — Правда, тамъ она еще нужнѣе, необходимѣе. Но что изъ этого? Важность ея въ дѣлѣ уголовныхъ преступленій вообще, нисколько не можетъ убавить ея важности въ дѣлѣ преступленій противъ законовъ печати.

Перейдемъ теперь къ самому суду. Но прежде чѣмъ изложить свои взгляды на этотъ предметъ, мы остановимся на проектѣ

г. Аксакова о процедурѣ суда, представленномъ имъ въ передовой статьѣ 32 № «Дня». Вотъ что онъ говоритъ :

«По приглашенію предсѣдателя, обвинитель лично или черезъ повѣреннаго подтверждаетъ свою жалобу. Обвиняемый также лично или черезъ повѣреннаго отвѣчаетъ ему. Затѣмъ предсѣдатель допрашиваетъ подсудимаго и свидѣтелей».

Остановимся на этомъ. Во всѣхъ западныхъ государствахъ допросы свидѣтелей предшествуютъ преніямъ, такъ что присяжные составляютъ мнѣніе о виновности подсудимаго почти всегда подъ вліяніемъ преній. Да такъ и должно быть. Допросы, представляя безсвязныя, часто противорѣчивыя показанія многихъ свидѣтелей, врядъ ли могутъ произвестъ цѣлостное, живое впечатлѣніе на присяжныхъ. Г. Аксаковъ напротивъ непремѣнно хочетъ, чтобы это впечатлѣніе составлялось именно подъ вліяніемъ допросовъ, а не преній : иначе зачѣмъ бы преніе выдвигать впередъ допроса? Это только собьетъ присяжныхъ съ толку, лишитъ ихъ возможности составить правильное понятіе о сущности дѣла. Это первое замѣчаніе ; а вотъ и другое : зачѣмъ г. Аксаковъ, являющійся въ началѣ статьи антагонистомъ французскаго суда, самъ теперь вдается въ подражаніе ему, допустивъ предсѣдателя въ проектированномъ имъ судѣ играть ту же роль, какую играетъ предсѣдатель французскаго суда? Онъ руководитъ, направляетъ преніемъ, допрашиваетъ свидѣтелей, подсудимаго и т. д. Но это еще не все ; сейчасъ мы увидимъ, что это подражаніе зашло и дальше.

По окончаніи допросовъ предсѣдатель съ членами удаляется въ особую залу для *составленія вопросовъ присяжнымъ*. Во французскомъ судѣ это дѣлается нѣсколько иначе, но въ сущности все это похоже на *списокъ вопросовъ*, читаемый присяжнымъ предсѣдателемъ французскаго суда. Потомъ, по возвращеніи ихъ опять въ залу засѣданія, присяжнымъ предлагаются составленные вопросы, на которые они должны отвѣчать простымъ «да» или «нѣтъ».

Остановимся на присяжныхъ. Учрежденіе это приняло въ проектѣ г. Аксакова какой-то особый, своеобразный характеръ.

Присяжными въ судѣ по дѣламъ печати могутъ быть, по мнѣнію автора, только лица, получившія образованіе въ высшихъ или среднихъ учебныхъ заведеніяхъ да въ духовной академіи. И далѣе онъ говоритъ, что для составленія полнаго засѣданія присяжныхъ выбираются : 4 человека изъ дворянъ, 4 изъ блага духовенства, 4 изъ купцовъ. Такимъ образомъ ни мѣщанство, ни крестьянство не допускаются до скамьи присяжныхъ по дѣламъ печати. Они не удовлетворяютъ главному условію, необходимому для присяжнаго — не получили высшаго образованія. Это такъ, но однако если

мы допустимъ необходимость этого условія для присяжныхъ, судящихъ преступленія, совершенныя «словомъ», то мы должны допустить его и для тѣхъ присяжныхъ, которые судятъ преступленія совершенныя «дѣломъ», иными словами—отстранить отъ участія въ отправленіи правосудія большинство гражданъ, исключить изъ суда элементъ *народный* въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Не думаетъ, чтобы этого именно хотѣлъ авторъ статьи; не думаетъ, чтобы онъ былъ действительно убѣжденъ въ томъ, что для присяжныхъ вообще необходимо высшее образованіе. Теперь кажется всѣ юристы—и наши, и западные—вполнѣ убѣждены, что для присяжныхъ ничего болѣе ненадо, какъ здраваго смысла, чести да совѣсти. Авторъ держится быть—можетъ противнаго мнѣнія. Но впрочемъ, такъ какъ редакторъ «Дня» говоритъ здѣсь только о присяжныхъ по дѣламъ печати, а по дѣламъ печати действительно необходимо, чтобы присяжные были люди образованные, знали бы толкъ въ томъ дѣлѣ, которое судятъ, т. е. въ литературѣ, то мы и не имѣемъ права дѣлать какія бы то нибыло предположенія о его взглядахъ на присяжныхъ вообще. Взгляды эти намъ неизвѣстны. А желательно бы было, чтобы авторъ высказался опредѣлительнѣе на этотъ счетъ. Опредѣлимъ условія, необходимыя для присяжнаго, г. Аксаковъ говоритъ о самомъ судѣ присяжныхъ слѣдующее:

«Присяжные рѣшаютъ, виноватъ или невиненъ подсудимый, *единогласно*. Для *сговора* самымъ долгимъ срокомъ полагается двѣнадцать часовъ; если въ этотъ срокъ они не *сговорятся*, то приглашаются *запасные присяжные*. Предсѣдатель объясняетъ имъ дѣло, а они помогаютъ прежнимъ присяжнымъ востановить приговоръ. Если же и съ ихъ помощью приговоръ не состоится въ опредѣленный срокъ, то подсудимый освобождается отъ суда, а обвинитель можетъ начать этотъ процессъ сызнова.»

Слѣдовательно судъ кончается буквально ничѣмъ. Подсудимый не объявляется совершенно невиннымъ, потому что если кто разъ объявленъ невиннымъ, то обвинитель не имѣетъ права начать противъ него, за тоже самое дѣло, сызнова иска; въ противномъ случаѣ процессы были бы безъ конца. Подсудимый не признается тоже и виновнымъ, потому что онъ освобождается отъ суда безо всякаго наказанія, — если только не считать наказаніемъ мысль о возможности новаго процесса въ близкомъ будущемъ. Обвинитель тоже выходитъ изъ суда неудовлетворенный: можно ли считать удовлетвореніемъ позволеніе начать сызнова, — если только есть охота и деньги, — этотъ же самый искъ? И удовлетворяетъ ли судъ въ этомъ случаѣ своему назначенію?

Назначеніе суда состоитъ въ томъ, чтобы рѣшать, виноватъ или

нѣтъ подсудимый; виновать — подвергни его заслуженному наказанію; повиненъ — оправдай, но оправдай совершенно, такъ чтобы не было ни малѣйшей возможности — разъ оправданнаго снова при- тануть къ суду по тому же самому дѣлу; иными словами, онъ дол- женъ удовлетворить, *вполнѣ* удовлетворять ту или другую изъ тяжущихся сторонъ, но непремѣнно одну изъ нихъ. Поэтому и присяжные должны на предложенный имъ вопросъ отвѣчать «да» или «нѣтъ»; отвѣчать ни «да» ни «нѣтъ» не имѣетъ никакого смысла. Поэтому намъ кажется, что срокъ сговора, заранѣе опредѣленный, уничтожаетъ разумность суда, несогласенъ съ назначеніемъ его. Да кромѣ того *практично* ли такое опредѣленіе? Пригодится ли оно для чего-нибудь на практикѣ? На западѣ гдѣ срокъ для сговора присяжныхъ не опредѣленъ; они почти никогда не совѣщаются дол- же двѣнадцати часовъ, такъ что въ Англіи наиримѣръ они постано- вляютъ часто рѣшеніе невыхода изъ залы. Отчего же предполагать, что въ Россіи имъ нужно будетъ для сговора болѣе двѣнадцати ча- совъ?

Имѣя все это въ виду, мы смѣло утверждаемъ, что ограниченіе какими бы то нибыло срокомъ сговора присяжныхъ, какъ мѣра непрактическая, и неразумная, не можетъ быть терпима ни въ ка- комъ судопроизводствѣ.

Наконецъ послѣднее замѣчаніе на проектъ г. Аксакова. Онъ гово- ритъ, что рѣшенія судовъ по дѣламъ печати не подлежатъ апе- лляціи. Почему это? Если допускается апелляція на рѣшенія общихъ судовъ, то отчего же не допускать ея въ судахъ по дѣламъ книгопе- чатанія? Въдѣ самъ же авторъ въ началѣ статьи говоритъ: «жела- тельно бы было, чтобы судъ по дѣламъ книгопечатанія подлежалъ общимъ судамъ». Есть ли же тутъ послѣдовательность? Гдѣ разум- ные основанія, недопускающія апелляціи на рѣшенія этихъ только судовъ? Мы не находимъ. И потому думаемъ, что рѣшеніе ихъ, какъ и общихъ судовъ, должно подлежать апелляціи.

Этимъ мы кончимъ съ проектомъ г. Аксакова. Постараемся теперь изложить тѣ главныя основанія суда по дѣламъ печати, введеніе ко- торыхъ мы считаемъ необходимымъ, рациональнымъ для правиль- ности судопроизводства. Но прежде мы должны сдѣлать оговорку. Мы, какъ и авторъ разбираемой статьи, находимъ вполнѣ разумнымъ подчиненіе судовъ по дѣламъ печати общимъ судамъ послѣ ихъ реформировавія; но до тѣхъ поръ предлагаемъ учредить по этимъ дѣламъ особыя, спеціальныя суды, отличныя отъ нашихъ тепереш- нихъ общихъ судовъ. Итакъ, говоря о судахъ по дѣламъ печати, мы говоримъ только о судахъ временныхъ, существующихъ самостоя- тельно до тѣхъ только поръ, пока общіе суды останутся въ ихъ те-

перешнемъ положеніи, но печатѣ. Главнымъ, основнымъ элементомъ предлагаемаго суда будетъ элементъ присяжныхъ. Мѣра, которою опредѣляется годность или негодность гражданъ занимать лавки присяжныхъ, должна быть одна и таже какъ для судовъ по дѣламъ печати, такъ и для общихъ судовъ. А такъ какъ эта мѣра еще неизвѣстна, то мы съ своей стороны предлагаемъ постановитъ единственнымъ ограничительнымъ условіемъ для присяжныхъ по дѣламъ печати — *небытіе* подлѣ уголовнымъ судомъ в возрастѣ отъ двадцати одного года до шестидесяти лѣтъ (1).

Другія условія, которыми обыкновенно ограничиваютъ возможность быть присяжнымъ, какъ-то: денязъ, умѣнье читать и писать, патенты и аттестаты отъ извѣстныхъ заведеній и т. д. мы считаемъ теперь мѣрами несовершенными, мѣрами клонящимися къ тому, чтобы сосредоточить право быть присяжными въ рукахъ одного привилегированнаго сословія, пользующагося извѣстнымъ материальнымъ достаткомъ, который и дастъ ему возможность приобрести требуемые патенты и аттестаты.

Списки присяжныхъ и вообще ихъ избраніе кажется намъ прѣе всего устроить такимъ образомъ:

Комиссія, составленная изъ *слесныхъ* думы (незъ двѣнадцати членовъ), положимъ, выбранныхъ своими товарищами), составляетъ списки лицъ, имѣющихъ право быть присяжными. Число лицъ, включенныхъ въ эти списки, должно быть пропорціонально числу жителей судебного округа. А такъ какъ судъ по дѣламъ печати будетъ собираться, по предложенію г. Аксакова, только въ шести городахъ, а по предложенію г. Скарятина, только въ двухъ (Москвѣ и Петербургѣ), то и придется выбирать присяжныхъ по дѣламъ печати *покаместъ* только въ нѣсколькихъ городахъ (я говорю *покаместъ*, т. е. до введенія присяжныхъ въ общіе суды) по числу, какъ я сказалъ, жителей этихъ городовъ, наприимѣръ въ Петербургѣ, гдѣ народонаселеніе превышаетъ 500,000, выбирается ежегодно 500 присяжныхъ; гдѣ число жителей равно 400,000 или 300,000, тамъ число *исходныхъ* присяжныхъ равно 400 или 300 человекъ; дадѣе, гдѣ народо-

(1) Съ этимъ положеніемъ по нашему мнѣнію нельзя вполне согласиться. Въ судахъ по уголовнымъ и другимъ преступленіямъ отъ присяжныхъ требуется только здравый смыслъ и честная совѣсть. Въ сужденіяхъ же о дѣлахъ печати *необходимо* образованіе. Иначе самая легкая критика необразованными *присяжными* будетъ приниматься за обиду. Нужная нѣкоторая начитанность, лужно знаніе современнаго положенія литературы, чтобъ судить о ея преступленіяхъ. Иначе обвиненію будетъ предоставлено обширное поле дѣйствовать на темные умы присяжныхъ и защита едвали будетъ въ состояніи успѣшно бороться съ обвиненіемъ въ такой темной и *неизвѣстной* средѣ. Ред.

населеніе равно 200,000, тамъ число присяжныхъ должно быть равно 250; оно гдѣ равно 100,000, тамъ списокъ присяжныхъ состоитъ изъ 150 лицъ и т. д. Составленные такимъ образомъ *годовые списки* отсылаются къ предсѣдателю суда. За три дня до суда предсѣдатель, придерживаясь того порядка, въ которомъ занесены присяжные въ списокъ, выбираетъ сорокъ-восемь человекъ. Списки этихъ лицъ отсылаются въ полицію, и черезъ нее выбранныя лица приглашаются явиться въ судъ въ назначенный день и часть ⁽¹⁾. Передъ началомъ засѣданія суда предсѣдатель дѣлаетъ переключку этимъ сорока-восемью лицамъ. Имена присутствующихъ кладутся въ урну, и потомъ выбирается изъ нея по жребію шестнадцать лицъ (двѣнадцать для исправленія должности дѣйствительныхъ присяжныхъ, четыре — запасныхъ). При этомъ отводъ допускается какъ со стороны обвинителя, такъ и обвиняемаго, одинаковое число разъ. Отводъ долженъ быть *голословнымъ*.

Приступимъ теперь къ изложенію самой процедуры суда.

Какъ только выбраны присяжные, тотчасъ же начинается и судъ. Секретарь суда прочитываетъ жалобу обвинителя и приговоръ обвинительной палаты, если онъ былъ. Затѣмъ идетъ допросъ свидѣтелей. Свидѣтели въ пользу подсудимаго допрашиваются его адвокатомъ, свидѣтели противной стороны допрашиваются адвокатомъ этой стороны. Но при допросѣ свидѣтелей въ пользу обвиняемаго можетъ предлагать имъ вопросы и повѣренное лицо обвинителя, а при допросѣ свидѣтелей въ пользу обвинителя — повѣренное лицо обвиняемаго (однимъ словомъ допросы будутъ производиться здѣсь какъ и въ англійскомъ судѣ). Предсѣдатель не принимаетъ въ допросахъ никакого участія. Оттого и судъ не будетъ имѣть того инквизиціоннаго характера, котораго мы замѣтили въ судѣ, предлагаемомъ авторомъ статьи въ 32 № «Дня».

За допросами начинаются пренія адвокатовъ. *Последнее слово* принадлежитъ адвокату подсудимаго.

По окончаніи преній предсѣдатель, для того чтобы процессъ суда произвелъ болѣе полное, цѣлостное впечатлѣніе на присяжныхъ, въ краткихъ, но точныхъ словахъ излагаетъ ходъ дѣла въ судѣ, ограничиваясь при этомъ только одними фактами (такъ это въ этомъ нѣтъ никакого сходства съ *résumé d'affaire* французскаго суда). Присяжные удаляются, чтобы рѣшить вопросъ:

(1) Если выбранный по законнымъ причинамъ не можетъ явиться въ назначенный срокъ въ судъ, то онъ немедленно долженъ извѣстить о томъ предсѣдателя, и предсѣдатель взамѣнъ его назначаетъ тотчасъ другое лицо изъ годового списка, для пополненія числа сорока-восьми.

виновенъ или невиненъ подсудимый. Рѣшеніе ихъ должно быть *единогласно*. Срокъ для сговора не полагается. Сговорившись, они возвращаются въ залу засѣданія, гдѣ и объявляютъ свой приговоръ простымъ словомъ: *виновенъ* или *невиновенъ*. Въ первомъ случаѣ преступленіе подводится подъ законъ, и предсѣтель тутъ же и объявляетъ подсудимому рѣшеніе суда; въ послѣднемъ подсудимый тотчасъ же *совершенно* освобождается отъ преслѣдованія суда. Въ опредѣленный срокъ на рѣшеніе суда можетъ быть подана *апелляція* тою или другою стороною. И при этомъ должно обращать болѣе вниманія на сущность рѣшенія суда, чѣмъ на его формальную сторону (т. е. на соблюденіе тѣхъ или другихъ формальностей при производствѣ суда).

Вотъ основанія, на которыхъ мы предлагаемъ устроить временное судопроизводство по дѣламъ печати. Еслибы предположенія эти могли быть хорошо проведены и примѣнены на практикѣ, то мы увѣрены, они привели бы къ удовлетворительнѣйшимъ результатамъ. Учрежденіе общественаго странчаго (государственнаго прокурора) и палаты обвинительныхъ присяжныхъ въ значительной степени ограничило бы число процесовъ и избавило бы тѣмъ тяжущихся отъ потери времени и денегъ, съ которою сопряжены всякій процессъ, а главное — гарантировало бы *свободу критики*.

Наконецъ процессъ самаго суда, съ введеніемъ въ него присяжныхъ на тѣхъ широкихъ основаніяхъ, которыя мы предлагаемъ, служилъ бы достаточнымъ обезпеченіемъ для тяжущихся, привелъ бы къ скорѣйшему, прямѣйшему дозванію истины. Предѣлы журнальной статьи не позволяютъ намъ войти въ частности, въ мелочи проектируемаго судоустройства. Мы старались держаться общихъ взглядовъ, непускаясь въ подробности. Мы мало доказывали, больше предлагали. Но если встрѣтятся возраженія на наши предложенія, то мы всегда будемъ готовы пополнить этотъ недостатокъ, войти въ болѣе полный, подробный анализъ сдѣланныхъ нами предложеній.

ТКАЧЕВЪ

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Общее положеніе. — Франція. — Австрія.

Турецкія дѣла. — Финансовое положеніе Турціи. — Червогорская война. — Бомбардированіе Бѣлграда. — Начало байрама.

Итальянскія дѣла. — Канонизація японскихъ мучениковъ. — Речь папы. — Адресъ епископовъ. — Отвѣтъ на него итальянскаго парламента. — Пренія объ арестѣ волонтеровъ. — Желѣзныя дороги.

Нѣмецкія дѣла. — Пренія объ адресѣ и оправданіи министерства.

Дѣла въ Соединенныхъ-Штатахъ. — Усѣхи свободныхъ войскъ.

Мексиканскія дѣла. — Несогласія между Испанією, Англією и Францією по мексиканскому вопросу. — Внутреннее положеніе Мексики. — Неудачи французовъ.

Последнія извѣстія.

ОБЩЕЕ ПОЛОЖЕНІЕ

По случаю наступленія лѣтняго времени и жаровъ, политическія событія отложены до болѣе благопріятнаго времени; поэтому въ Европѣ все обстоитъ благополучно, и только безпокойные люди въ Америкѣ не унимаются и все чего-то хотятъ, о чемъ-то хлопочуть. Въ которую страну ни заглянешь за послѣдній мѣсяць, вездѣ тишь да гладь — божья благодать.

Во Франціи былъ съ визитомъ египетскій вице-король Сайдъ-паша. Мы уже рассказывали какъ торжественно онъ былъ встрѣченъ. Все время какъ онъ пробылъ во Франціи, императоръ оказывалъ ему особенное вниманіе и въ тоже время простое, безцеремонное обращеніе. Однажды даже императоръ пришолъ къ нему пѣшкомъ, на разстояніи покрайней-мѣрѣ двухсотъ сажень, въ навильонъ, который былъ отведенъ ему для жительства. Тамъ императоръ долго разговаривалъ съ вице-королемъ въ особой комнатѣ. Среди разговора Сайдъ-паша приотворилъ дверь въ сосѣдній залъ, гдѣ была свита, и спросилъ ружье, которое онъ привезъ съ собою изъ Египта.

та. Французскія газеты были въ восторгѣ отъ такой дружественной короткости и съ любовью расказывали всѣ подробности.

Однажды даже Савдъ-паша имѣлъ счастье угощать обѣдомъ императора, императрицу, императорскаго принца и многихъ сановниковъ. Кушанье приготовлено было на египетскій ладъ; посуда, прислуга, все было египетское. На этотъ случай вице-король даже нарочно выписалъ изъ Каира свой придворный оркестръ, который игралъ неслыханнымъ для европейцевъ ушей мелодіямъ. На огромномъ серебряномъ подносѣ великолѣпнаго чекана поставлено было четыре прибора массивнаго золота. Неподалеку былъ накрытъ обыкновеннымъ образомъ столъ на двадцать дѣть приборовъ, для дамы и кавалеровъ саиты. Кушанье было египетское. Придворные египетскіе повара покушали провизію сами, убивали собственноручно ягнятъ и куръ и сами все готовили. Когда императоръ, императрица и принцъ вошли въ залъ, черные камергеры, стоя на коѣнцахъ, подали богатые умывальники съ водою и шитыя полотенца. Чтобы исполнить египетскій обычай, ихъ величества позволили мыть себѣ въ руки нѣсколько воды и изволили вытереть руки ароматными полотенцами. — Когда сѣли за столъ, то слуги подали кушанье, поставивъ блюдо прямо на столъ. Каждый бралъ себѣ самъ на тарелку. По данному знаку блюдо исчезало и являлось другое, и такъ далѣе, до самого десерта. Тогда слуги сняли серебряный подносъ и все что на немъ было, и замѣнили его другимъ, опять съ четырьмя приборами. Золотыя ложки, вилки, ножи, тарелки и блюда съ великолѣпнѣйшими плодами были изукрашены брилльантами. Салфетки были вышиты жемчугомъ и брилльантами. — Послѣ обѣда всѣ перешли въ сосѣдній залъ пить кофею, что происходило съ большими церемоніями. Кофей подавался въ маленькихъ фарфоровыхъ чашкахъ, вставленныхъ въ серебряные бокалы, украшенные алмазами. Потомъ были поданы трубки, тоже съ украшеніями изъ драгоценныхъ камней. Императорскій принцъ принялъ тоже одну изъ трубокъ съ длиннѣйшимъ чубукомъ, и взявъ конецъ его въ ротъ, съ важностью усѣлся, какъ другіе куряльщаны, скрестивъ подъ собою ноги.

Въ законодательной палатѣ происходятъ... не пренія, — въ этомъ словѣ самомъ есть что-то враждебное, несогласное, шумливое, — происходятъ пріятныя бесѣды о смѣтѣ на будущій годъ. Народные представители съ особеннымъ наслажденіемъ соглашаются платить что съ нихъ требуютъ и особенно бываютъ счастливы благосклонною улыбкою своего президента или одного изъ министровъ. Четверо говоруніовъ лѣвой стороны — Фавръ, Пикаръ, Оливье, Даринмонъ, Гевонъ представили было кое-какія возраженія, но едва обращено

было на нихъ замѣненіе. Она вздунала наприимѣръ утверждать, будто во Франціи слишкомъ много чиновниковъ, будто министры безъ разбору увеличиваютъ число должностей и безъ оцѣну раздаютъ мѣста. Поэтому она вздунала предложить новый параграфъ: «Къ слѣдующему созванію законодательной палаты учредить парламентское слѣдствіе во каждой отрасли управленія, измѣловать число чиновниковъ и мѣстъ, уменьшить ихъ централизацию и убавить слишкомъ высокое жалованье. А до окончанія слѣдствія не учреждать новыхъ мѣстъ, не опредѣлять на существующія мѣста въ случаѣ смерти, отставки или перехода чиновника.» По военному министерству эти господа предложили на болыше или меныше какъ «убавить число личного войска на сто тысячъ человекъ». Они рассчитывали, что 447,000 человекъ подъ ружьемъ и 165,000 человекъ резерва слишкомъ много, что 612,000 человекъ вначалѣ содержатъ, когда нѣтъ войны, когда вникте изъ сосѣдей не грозитъ величissimi вооруженіями. Еще вздумалось имъ предложить измѣненія касательно чрезвычайныхъ расходовъ по перестройкѣ города Парижа. Эти перестройки происходятъ безо всякаго разсмотрѣнія смѣтъ народными или городскими представителями, такъ какъ тамъ гласная дума не избирается горожанами, а назначается отъ правительства. Они считали полезнымъ прибавить въ смѣтъ: «Бюджетъ города Парижа контролируется и обсуждается законодательною палатою наравнѣ съ государственною смѣтою.» Наконецъ они нашли, что во Франціи слишкомъ много лицъ, занимающихъ въ одно и тоже время нѣсколько мѣстъ и получающихъ по всѣмъ этимъ мѣстамъ жалованье. Они полагали, въ простотѣ душевной, что жалованье назначается по данному мѣсту за все время, принадлежащее челоѣку, что получая жалованье, онъ долженъ все свое время отдать этому мѣсту, и что ежели есть возможность занимать нѣсколько мѣстъ съ жалованьемъ, то это значитъ, что или жалованье по каждому изъ этихъ мѣстъ слишкомъ высоко, или что челоѣкъ, занимающій нѣсколько мѣстъ, недостаточно работаетъ по каждой изъ своихъ должностей. На основаніи подобныхъ соображеній они предложили слѣдующій законъ: «Захватъ должностей запрещается. Никто не можетъ захватывать жалованье по нѣсколькимъ мѣстамъ, по какой-бы то нибыло части, ежели сложное жалованье превышаетъ 30,000 франковъ.» Этими закономъ неосторожно лѣвые представители посягали на многія препріятныя положенія, наприимѣръ на положенія маршаловъ-сенаторовъ, получающихъ два жалованья. Но предложенія г. Фавра съ товарищи сами собою разлетаются, ударяясь въ убѣжденія законодательной палаты.

Заглазнь ли въ Австрію — тамъ царствуетъ величайшее спокой-

ствіе и малѣйшій лишнійся какъ-нибудь безпорядокъ тутъ же замѣняется надлежащимъ порядкомъ. Напримеръ въ Венгріи, въ городѣ Эденбургѣ военныя власти арестовали поэта Бартоломея Ормоджа за стихотвореніе нѣтъ лирическое, но нигдѣ непечатанное. Его приговорили къ четырехмѣсячному тюремному заключенію, *съ двумя голодными днями еженедѣльно*. Разумѣется онъ вѣрнѣе будетъ гораздо осторожнѣе въ выборѣ друзей, которымъ будетъ читать свои стихотворенія.

Другой господинъ, но уже не венгерецъ, а чехъ, редакторъ журнала «Народные Листы», потребованъ къ суду за статью: «Должны ли мы имѣть довѣріе?» Для оправданія каждаго слова этой статьи онъ хотѣлъ, согласно съ закономъ, пригласить всѣхъ свидѣтелей, какіе только прикосновенны къ его дѣлу, именно: 1) государственнаго министра фонъ-Шмерлинга, чтобы доказать, что во время представленія депутатомъ Клауди проекта закона о присяжныхъ во дѣламъ печати, г. фонъ-Шмерлингъ сказалъ ему въ присутствіи президента палаты фонъ-Гейна: «Развѣ такъ нуженъ этотъ законъ? Развѣ вы чего-нибудь боитесь за ваши богемскіе журналы? Никакого нѣтъ на это повода; пишите противъ меня что хотите, намъ не сдѣлаютъ никакого вреда.» А потомъ, когда Клауди замѣтилъ ему, что богемскіе суды дѣйствуютъ иначе и судятъ по древнимъ законамъ, г. фонъ-Шмерлингъ сказалъ: «Это преувеличенный страхъ.» 2) Римскаго посланника барона Баха, помощника секретаря барона Шельферта и верховнаго полицейскаго комиссара Дедера, для доказательства того, — какъ утверждалъ журналъ «Народные Листы», — что чешскій писатель Гавличекъ былъ сосланъ въ Тироль безъ суда. 3) Прагскаго гражданина Яроша, бургомистра этого города и вице-президента богемскаго сейма Ванка, которые покажутъ, что покойный Гавличекъ всегда былъ здоровъ, но заболѣлъ только въ Тиролѣ и умеръ вскорѣ по возвращеніи оттуда. 4) Доктора Гаммерника, въ качествѣ эксперта, который покажетъ, что человѣкъ можетъ потерять жизнь вслѣдствіе внезапной перемены климата и огорченій. 5) Министровъ фонъ-Лассера и фонъ-Меззери, которые покажутъ, что до сихъ поръ во главѣ разныхъ управленій есть люди, занимавшіе эти мѣста при Бахѣ, а что кромѣ созванія государственнаго совѣта не было обнародовано никакого закона, никакой инструкціи для введенія новаго порядка; что въ Венгріи и въ Кроаціи сопротивленіе февральской конституціи продолжается до сихъ поръ и ничего еще неизвѣстно, когда и какъ это кончится; наконецъ, что этимъ сопротивленіемъ правительство вынуждено было представить смѣту неполному государственному совѣту. 6) Депутатовъ Шусельку, Палацкаго, Фицера

и Смолку, которые докажутъ, что конституція, особенно въ томъ видѣ какъ хочетъ ее г. фонъ-Шмерлингъ, весьма можетъ быть неосуществима. 7) Одннадцать гражданъ и мужиковъ, которые покажутъ, что читатели «Народныхъ Листовъ» не находятъ никакого возбужденія къ ненависти въ обвиняемой статьѣ.—Само собою разумеется, что обвиняемому отказано было въ приглашеніи такихъ свидѣтелей и судъ нашолъ его виноватымъ. Оправданія не были приняты.

Сѣтвѣ австрійскаго военнаго министерства на нынѣшній годъ утверждена въ 135 миліоновъ флориновъ; при этомъ палата просила правительство принять во вниманіе крайнюю необходимость покончить итальянскій вопросъ дипломатическимъ путемъ, чтобы не было надобности держать такую массу войска въ Венеціанской области и въ близъ-лежащихъ провинціяхъ. Сверхъ того палата согласилась отпустить ежемѣсячно 70,000 флориновъ на содержаніе иоденскаго войска, съ тѣмъ чтобы этотъ отрядъ исполнялъ австрійскую службу; при этомъ изъявлено желаніе, чтобы такое неординарное положеніе было приведено въ порядокъ къ концу года. Въ мирное время положено тратить на войско не болѣе 92 миліоновъ флориновъ, а между тѣмъ всѣ расходы, превышающіе эту сумму, должны быть объясняемы палатѣ соответствующими документами. У офицеровъ, несостоящихъ на дѣйствительной службѣ, отбираются деньщики. Положеніе о пенсіяхъ въ скоромъ времени будетъ пересмотрѣно.

Наконецъ для всеобщаго успокоенія извѣстный генералъ Клапка писалъ Кошуту письмо съ полнымъ отреченіемъ отъ общественныхъ венгерскихъ дѣлъ. Вотъ это письмо:

«Любезный и многоуважаемый другъ. Четыре года тому назадъ ходъ событій заставилъ насъ серьезно приняться за дѣло освобожденія нашего несчастнаго отечества. Тогда мы образовали, съ благороднымъ другомъ нашимъ, графомъ Владиславомъ Телеки, подъ вашимъ предѣвательствомъ, національный венгерскій комитетъ. Мы служили дѣлу такъ хорошо, какъ только позволяли намъ обстоятельства и ограниченныя средства ваши. Арестъ Владислава Телеки и несчастная кончина его были намъ первымъ ударомъ. Изъ трехъ членовъ комитета одного не стало, вы были въ Лондонѣ, я въ Женевѣ, по своимъ частнымъ дѣламъ. Тогда я хотѣлъ предложить вамъ или преобразовать, или совершенно прекратить комитетъ. Уступая просьбамъ своихъ политическихъ друзей, я отложилъ это дѣло, а теперь неодолимыя обстоятельства вынуждаютъ меня къ совершенному отступленію. Въ послѣднее время здоровье мое сильно пострадало; частныя дѣла мои требуютъ особенной заботливости;

поэтому я не могу удовлетворительно заниматься какими нашими политическими интересами. Разумеется, искреннѣйшія желанія мои всегда будутъ съ тѣми, кто посвящаютъ себя торжеству нашего дѣла; но отвѣчать за него я уже не могу, не смѣю болѣе связывать съ нимъ свое имя. Итакъ удалюсь, отказываясь впередъ отъ всякаго участія въ управленіи дѣлами венгерской эмиграціи. Въ дѣятельную политику вступлю я не иначе какъ по требованію страны. После четырнадцати лѣтъ непрерывнаго труда въ пользу несчастнаго отечества моего я удалюсь въ частную жизнь, съ твердыми убѣжденіями, что я совѣстливо исполняю свою обязанность. Я надѣюсь, что мое удаленіе ни въ чемъ не повредитъ нашему дѣлу, что я безъ меня скоро заблестятъ надъ нашею страной первые лучи вновь заросанной свободы. Пусть до тѣхъ поръ согласіе крѣпко соединяетъ всѣ патріотическіе элементы заграничій: охранять чистую и незапятнанную честь венгерскаго имени — первая изъ обязанностей, и я увѣренъ, что ни одинъ изъ нашихъ согражданъ отъ нея не отступитъ!»

Такимъ образомъ австрійское правительство облегчено весьма выгоднымъ отреченіемъ одного изъ своихъ непріятелей, а дѣла принимаютъ все болѣе и болѣе прочно-мирное направленіе, съ устойчиво-твердымъ характеромъ.

Въ цѣлой Европѣ воялокъ торжествуетъ, вромѣ Турціи, гдѣ безпорядки принимаютъ характеръ грозный.

Турецкія дѣла

Дряхлый, безнадежный больной, называемый Турціею, какъ человекъ, находящійся въ совершенномъ безпамятствѣ, самъ не знаетъ что дѣлаетъ. Окончательно дѣла его разстроиваются; онъ не знаетъ что и какъ онъ будетъ жить завтра, зато сегодня онъ позволяетъ себѣ безумнѣйшую роскошь. Фуадъ-паша представляетъ умѣреннѣйшую образцовую сумму государственныя доходовъ и расходовъ, и довѣріе не возвращается; минималисты окончательно потеряли вѣру въ какую-нибудь возможность поправки турецкихъ финансовъ; а въ наше время въ жизни государства финансы составляютъ одинъ изъ важнѣйшихъ органовъ. Бумажныя деньги турецкія, меджидіе, потеряли половину своей цѣны, такъ что за сто піастровъ монетной надо теперь отдать 200 и до 202 піастровъ бумажками. Есть партизаны Турціи (и во главѣ ихъ англичане), которые увѣряютъ, что подъ этимъ упадкомъ курса заключается какой-нибудь преступный биржевой маневръ, такъ какъ предстоящій заемъ необходимо долженъ породить довѣріе къ бумажкамъ. Не

всѣмъ признавать за собой войнѣмъ такую силу, что она конечно только на минуту да отому же снакуляторъ конституціональскіе сдѣлались болѣе или менѣе скептиками и желаютъ видѣть на биржѣ англійскаго золота не въ надеждахъ, а въ дѣйствительности. Вѣра — дѣло хитрое и не всегда не совпасть, что вѣра въ спасеніе Турціи при помощи дѣржи — весьма забавна, когда она основана на одномъ объявленіи министра, будто государственныи приходъ будетъ выше расхода на 22 миліона піастровъ, все равно, деньгами или бумагами. Хотя въ первомъ случаѣ это одинъ миліонъ, а во второмъ, полмиліона рублей. Но допустимъ пока мѣсть, что каждое министерство выставляетъ въ смѣтѣ настоящую, дѣйствительную дѣржу своихъ расходовъ (чего впрочемъ нѣтъ), допустимъ, что приходъ разнѣтъ не предположительный, а сообразный съ истиннымъ приходомъ (чего тоже нѣтъ). Но пусть такъ. Что же оплачивается этою смѣтой? Войско, флотъ и паши, — и больше ничего, Общественныя работы въ Турціи не существуютъ; ни одного діастра не тратится на дороги, каналы, публичныя зданія, Лѣса растутъ и рѣки текутъ въ Турціи, и даже дѣти не занимается. Общину платитъ сами за содержаніе школъ, тамъ гдѣ днѣ есть, а ихъ весьма немного; смѣта не полагаетъ ни гроша за народное просвѣщеніе. Всякій гражданинъ платитъ или не платитъ своему епископу или епископу, а правительство никогда не содержало ни одного дьякона. Всѣ суды молідейскіе, коммерческіе и областныя правительству ничего не стоятъ, кромѣ верховнаго судилища или мекаме, члены котораго получаютъ жалованье: стало-бытъ министерство юстиціи обхолится недорого.

Султанъ знаетъ очень хорошо, что финансы Турціи находятся въ самомъ плачевномъ состояніи, и очень сожалѣетъ объ этомъ. Но ему кажется, что ежели странѣ возвратится ея прежняя воинская слава, то все будетъ спасено. Вслѣдствіе этого онъ любитъ имей военныхъ, вещи военныя, идеи военныя; отъ этого является множество проектовъ, которые показываютъ болѣе солдатскаго усердія, чѣмъ аналія, болѣе воиственныхъ инстинктовъ, чѣмъ здраваго смысла. Недавно падишахъ собралъ своихъ главныхъ министровъ и сообщилъ имъ твердую рѣшимость свою заново преобразовать войско. Ливейныя батальоны будутъ состоять, какъ во Франціи, изъ двухъ отборныхъ ротъ, гренадеръ и вольтижировъ. Какъ во Франціи, при каждомъ полку будетъ по одному запасному батальону. Опять какъ во Франціи, кавалерія будетъ состоять изъ карасиръ, егерей, драгунъ, улановъ и гусаръ. Наконецъ для всего войска будутъ однообразно приняты красныя панталоны. Опять какъ во Франціи, въ сарафѣ рѣчь идетъ о пашырыныхъ ве-

рабляхъ. Абдуль-Азизъ заказалъ въ Лондонѣ издѣлать часы и приказалъ построить пять другихъ на своихъ верстахъ. Кто являлся когда-нибудь на восточныхъ турецкихъ судахъ, тотъ знаетъ очень хорошо, что у нихъ никогда не бываетъ ни хронометра, ни термометра сколько-нибудь въ порядкѣ. Извѣстія изъ Черногорья и Герцеговины приходятъ въ Константинополь черезъ иностранныя газеты, а мѣстные журналы не смѣютъ говорить объ этихъ странахъ ни слова.

Железная дорога изъ Адрианополя въ Константинополь давно уступлена французскому торговому дому Девю. Французскіе инженеры сдѣлали съезку и пригласили огромное количество служащихъ разнаго рода. Служащіе получаютъ надлежащій образъ жалованья; главный инженеръ, москѣ Леже, отозванъ по телеграфу въ Парижъ, и дѣла остановились въ самомъ безнадежномъ состояніи.

Впрочемъ начались и нѣкоторыя уплаты подрядчикамъ по старымъ счетамъ. Обыкновенно счеты пишутся тамъ на монету, а уплата получена бумажками, стало-быть по нынѣшнему курсу получено вмѣсто рубля только сорокъ девять копѣекъ. Но справедливость требуетъ замѣтить, что подрядчики и при этомъ не потерпѣли убытковъ. Зная очень хорошо тамошніе порядки, они такъ ужъ и назначаютъ цѣны своихъ товаровъ, и кто при поставкѣ въ казну беретъ только въ два съ половиною раза дороже разумной цѣны, тотъ отдаетъ товаръ чуть не даромъ. Недавно военное министерство покупало сукно за 60 піастровъ локоть, тогда какъ обыкновенная цѣна такого же сукна стоитъ 23 піастра. При такихъ поставкахъ два или три высокостоящія лица находятъ свои выгоды. Такимъ-то образомъ составляются скандальные богатства нѣкоторыхъ людей, которые начали свою карьеру съ того, что были чубукками при нѣкоторыхъ пашахъ. И теперь чубукки Фуада-паша извѣстны тѣмъ, что имѣтъ до семи миліоновъ піастровъ капитала. Можно съ достовѣрностью сказать, что онъ не скопилъ этого изъ жалованья. По богатству слуги можно судить о роскоши господина. Отъ продажи только знонскихъ вагъ, украшающихъ дачу Фуада-паша, можно бы выручить сотни тысячъ рублей; а извѣстно, что у нынѣшняго великаго визиря нѣтъ богатствъ наслѣдственныхъ, а все только благопріобрѣтенное.

Англичане теперь въ большомъ почетѣ въ Константинополь и не пропускаютъ ничего, что можетъ поднять ихъ значеніе. Они даже распускаютъ слухи, что Франція хочетъ наденія Турціи, что императоръ Наполеонъ раскаявается въ крымской экспедиціи. «Посмотрите — говорятъ они — что французы надѣлали въ Сиріи,

что происходитъ по ихъ наущенію въ Черногорьѣ, неговоря уже о томъ, что французское правительство нарочно разрушило удававшійся заемъ Миреса.» Несмотря однакоже на великую дружбу съ г. Вульверотъ, англійскимъ посланникомъ, или можетъ-быть по случаю этой дружбы, съ нимъ не очень церемонятся: такъ напримѣръ англійскіе подданные никакъ не могутъ выхлопотать исполненія приговоровъ, произнесенныхъ турецкими судами. Одинъ англичанинъ получилъ даже отъ своего посланника письменное удостовѣреніе, что онъ ничего не можетъ сдѣлать. Пациентъ, человѣкъ рѣшительный и упорный, жаловался парламенту, и вотъ уже скоро два гола, какъ дѣло его разсматривалось: весь вопросъ въ 4000 фунтовъ стерлинговъ, которые долженъ ему одинъ важный бей; вывѣщій руку въ блистательной Портѣ.

Несмотря однакоже на большіе денежные недостатки по всѣмъ отраслямъ управленія, дѣлаются нѣкоторые расходы, довольно трудно объяснимые. Напримѣръ на монетномъ дворѣ дѣлается теперь великолѣпное убранство съ алмазами изъ султанскихъ хранилищъ, въ подарокъ королевѣ Викторіи, по рисунку французскаго художника. Отдѣлка, говорятъ, будетъ великолѣпная, и вся игрушка цѣнится въ 1,300,000 франковъ. Кромѣ того на монетномъ дворѣ дѣлаются золотыя украшенія къ кровати одной изъ любимыхъ султаншъ.

А между тѣмъ война въ Герцеговинѣ и въ Черногорьѣ стоитъ казнь много денегъ: неизвѣстно, сколько изъ этихъ денегъ идетъ въ дѣло, но изъ казначейства выходитъ много, не считая того, сколько это стоитъ людей. Но чтоже изъ всего этого выходить? Разъ въ недѣлю, обыкновенно по воскресеньямъ, приходятъ въ Вѣну и въ Петербургъ извѣстія, что Омеръ-паша только что одержалъ блистательную и кровопролитную побѣду надъ черногорцами, причемъ непріатели бѣжали, оставивъ въ рукахъ побѣдителей около тысячи тѣлъ и вдвое больше раненыхъ. Между прочимъ одинъ разъ объявлено было, что взята крѣпость Острогъ, послѣ ужаснаго приступа. Туркофилы торжествовали. Но черезъ нѣсколько дней оказалось, что Дервишъ-паша отступилъ отъ Острога назадъ къ Бѣльцу; а Бѣлецъ давно уже былъ во власти турокъ. Выходитъ, что и приступъ, и пальба, и взятіе крѣпости, и бѣгство черногорцевъ, и тысячи убитыхъ — все вздоръ. Но любители турокъ увѣряютъ, что это ничего, что они свое возьмутъ, а теперь у нихъ наступили праздники байрама, такъ они собрались только надосугъ поспрашивать. Кстати подтвердилось извѣстіе о сраженіи при Васовичахъ, гдѣ разбитъ былъ Гуссейнъ-паша. Потомъ Абди-паша возобновилъ свою попытку вторгнуться въ округи Бѣло-

наличь и Шиперу, но быть отбить и отступилъ къ Суюзу. Черногорцы такъ завалили скалами и безъ того непроходимую дорогу, что пройти съ большимъ отрядомъ въ самомъ дѣлѣ невозможно, произведя настоящей расчистки. У черногорцевъ нѣтъ думи до 35,000 человекъ, и ничего нѣтъ мудренаго, что съ такими трудностями пути не справится и тройное турецкое войско; да вѣрно, какъ легко защищать даже небольшими отрядами такую дорогу съ препятствіями. Надо ожидать рѣшительныхъ дѣйствій послѣ Бадрама.

Но что бы тогда ни случилось, дѣло въ томъ, что оттоманское правительство не имѣетъ понятія о томъ, что оно дѣлаетъ, не знаетъ истиннаго положенія вещей и по вольной для себя и для туремцевъ бѣдѣ. Всякій, кто слѣдилъ за оттоманскою политикою въ послѣднее время, именно съ начала возстанія герцеговинскихъ христіанъ, въ этомъ убѣжденъ безъ дальнѣйшихъ доказательствъ. Вотъ уже три года, какъ Турція ведетъ дѣлательную войну, а между тѣмъ она не дѣлала ни одного шагу къ рациональному разрѣшенію замѣшанныхъ тутъ политическихъ интересовъ и интересовъ человѣчества, оскорбительно презираемыхъ. Порты нисколько не дала себѣ серьезнаго отчета въ томъ, каково ея положеніе относительно христіанскихъ населеній, каковы теперь для нихъ условія существованія, каковы эти условія для самой Порты? Она еще не догадалась, что ей предстоитъ теперь разрѣшеніе социальнаго вопроса, отъ котораго зависитъ ея будущасть. Эта существенная сторона вопроса еще не обратила на себя вниманія турецкихъ министровъ, которые сѣбѣ и дѣлаютъ всё одно и то же. Въ качествѣ мусульманъ, они видятъ во всемъ происходящемъ только религіозный вопросъ, а ихъ подчиненные, исполнители, видятъ тутъ вопросъ наживы, грабежа, злоупотребленій, насилій, случай обогатиться чрезъ обѣщаніе управляемыхъ населеній, и именно тѣхъ, которыми живетъ государство. Государство, такъ какъ его теперь понимаютъ, какъ оно должно существовать по условіямъ нашего времени, не можетъ опираться на оттоманскій элементъ отрицающій промышленность, торговлю, науки, искусства, все что составляетъ итогъ нынѣшней цивилизаціи. Оно можетъ расти только на элементъ христіанскій, столь способный усвоивать себѣ выгоды цивилизаціи и современно развиваться. Чѣмъ дѣлаетъ Порты, ослабляя христіанство, разоряя христіанъ? Она себя губитъ, иссушаетъ источники своего собственнаго существованія, разоряетъ себя. Можетъ-быть она думаетъ, что въ наше время государство можетъ заботиться о своихъ финансахъ, ислучивъ

объ общемъ благосостояніи, объ успѣхахъ промышленности, земледѣлія и торговли, отнѣкъ первымъ основамъ рѣціональнаго существованія народа. Кроме очень рѣдкихъ полумѣръ, которыя однако не исполнялись по безпечности, нецѣлѣстиву и корыстолюбію исполнителей, ничего не было сдѣлано въ этомъ смыслѣ по вѣдѣнному управленію; ни одно изъ торжественныхъ обѣщаній не было исполнено въ пользу угнетеннаго народа. Конечно, существуютъ добрыя намѣренія у нѣкоторыхъ высокихъ тамошнихъ сановниковъ и нерѣдко проявляется въ большихъ переимѣнахъ лицъ преципіальнаго управленія; но намѣненіе лицъ ровно ничего не значитъ, когда порядокъ вещей остается прежній, когда остаются и пороки, и злоупотребленія. Но изъ всего этого еще не слѣдуетъ, что правительство и время не могутъ поправить такого жалкаго положенія дѣлъ. Напротивъ; но для этого правительство должно убѣдиться, что общественное благосостояніе есть необходимое основаніе благосостоянія государственнаго и что между понятіями «управлять» и «владѣть» — цѣлая бездна. Это-то бездна и отдѣляетъ оттоманскую имперію отъ цивилизованной Европы. Исчезнетъ ли когда-нибудь эта бездна — вотъ вопросъ?

Но стремленія къ этому еще невидны. Существуетъ неистощимое озлобленіе, ожесточеніе властей противъ населенія, какъ напримеръ въ послѣднее время было въ Бѣлградѣ. Нѣсколько дней тому назадъ, 15 іюня вечеромъ, въ Бѣлградѣ одинъ турокъ убилъ сербскаго жандарма. Народъ вступился, и сербская полиція подошла довольно скоро для водворенія порядка. Но въ первую минуту турки убили одного офицера изъ сербскихъ жандармовъ, полиційскаго чиновника и шесть рядовыхъ. Произошла общая свалка между турецкими жителями и солдатами съ одной стороны, и сербскими жителями и жандармами съ другой. Турки заперли все четверо ворота города и прервали сообщенія. Послѣ ожесточенной борьбы, сербы отбили трое воротъ, а турецкіе солдаты ушли въ крѣпость. Всею ночью была стрѣльба изъ ружей на передовыхъ укрѣпленіяхъ крѣпости; все населеніе схватилось за оружіе, и только сербскій гарнизонъ не принималъ участія въ дракѣ. Европейскіе консулы всю ночь сносились съ пашою и съ министрами, а стрѣльба все продолжалась. Рѣшено было наконецъ, что турецкая полиція и отрядъ, охранявшій одни ворота, ретируются въ крѣпость; это было исполнено 16 числа утромъ. Спокойствіе такимъ образомъ на время восстановилось. Вдругъ 17 числа утромъ въ девять часовъ турки начали бомбардировать городъ, а съ своей стороны министръ созывалъ на помощь городу сельское населеніе. Видя, что дѣла принимаютъ оборотъ довольно серьезный, австрійскій консулъ началъ хлопотать

прежде всего о перемирии, чтобы дать время австрийским подданным оставить город на пароходах, которые стояли уже в готовности. Для этого онъ около полудня отправился въ крѣпость и потребовалъ у наши прекращенія бомбардировки. Между тѣмъ въ переговорахъ приступили и другіе консулы, и всѣ вмѣстѣ выложили обѣщаніе, что бомбардировка не возобновится, если сербы не пойдутъ на крѣпость. Затѣмъ консулы за общою подписью подали нашъ протестъ противъ бомбардированія города, и вечеромъ получили отвѣтъ, въ которомъ сказано было, что сербы сами вызвали такія съ его стороны рѣшительныя мѣры, но что впредь онъ будетъ строго держаться въ оборонительномъ положеніи. Послѣ десяти часовъ раздалось еще нѣсколько пушечныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ, но это продолжалось лишь нѣсколько минутъ, и потомъ все затихло.

Но точному смыслу положеній послѣдняго парижскаго конгресса, Бѣлградъ есть чужой для Турціи городъ, на который не была права нападать ни одна изъ договорившихся въ Парижѣ державъ, безъ согласія всѣхъ остальныхъ. Нетолько нападеніе, но и всякое вмѣшательство строго запрещено конгрессомъ. Ненужно быть особенно великимъ дипломатомъ, чтобы понять, что Турція нарушила парижскій трактатъ, произвела настоящее вмѣшательство, такъ какъ бомбардировка есть самое сильное вмѣшательство, какое только можно придумать. Такимъ образомъ турки потеряли совершенно всѣ выгоды, какія давались имъ парижскимъ конгрессомъ. Теперь дѣло великихъ державъ — рассмотреть и рѣшить сообразно съ послѣдними опытами, какое же должны положеніе занимать въ Европѣ турки. Сербское правительство не можетъ теперь удовлетворяться кое-какими уступками вродѣ напимѣръ права суда надъ турками, живущими въ городѣ, или вродѣ запрещенія туркамъ жить въ Бѣлградѣ. Полное рабство въ самомъ дѣлѣ лучше постоянной опасности жизни, а пока турки будутъ занимать крѣпость, до тѣхъ поръ весь городъ и дворецъ будутъ безпрерывно подѣ пушками полоумныхъ фанатиковъ, стало-быть не будетъ ни безопасности, ни спокойствія, и дипломатія съ своей вѣчной насильственной олею будетъ тяготѣть надъ христіанскими населеніями.

За нѣсколько дней до этого, 7 іюня, начался праздникъ курбанъ-байрамъ. Султанъ, какъ глава мусульманства, лично открывалъ это празднество обычною торжественною церемоніей въ мечети султана Ахмеда. Незадолго до восхожденія солнца его величество въ шарадной лодкѣ отправился въ свой дворецъ Топ-Капу, гдѣ назначено было собраться всей свитѣ; пока онъ ѣхалъ, пушки съ распѣвочныхъ флагами кораблей и со всѣхъ босфорскихъ батарей произво-

дали грохотомъ своимъ постоянные салюты). Потомъ его величество, предшествуемый высокими сановниками двухъ первыхъ классовъ, генералами и министрами, выѣхалъ изъ дворцовыхъ воротъ, называемыхъ Баб-уль-Селамъ. Онъ одѣтъ былъ въ великолѣпный золотомъ и алмазами казакниъ, съ лентою перваго класса ордена Османіе. Войско, выстроенное на второмъ дворѣ, досторженными кликами привѣтствовало монарха-первосвященника. Затѣмъ въ мечети султана Ахмета произошло обычное религіозное торжество. Потомъ его величество возвратился во дворецъ Топ-Капу, гдѣ министры и первые сановники являли честь принести ему поздравленіе. Церемонія эта происходила слѣдующимъ образомъ: его величество, стоя возлѣ трона, принялъ поздравленіе шеихъ-уль-ислама, и потомъ сѣлъ на тронъ. Великій визирь и прочіе министры подходили по очереди и совершали обыкновенное поклоненіе. Потомъ того великій церемоніймейстеръ взялъ одну полу лежавшей на богатомъ табуретѣ султанской мантии, а сановники поочередно поклонялись ей, къ ней прикасались, и проходили мимо его величества. По окончаніи церемоніи султанъ уѣхалъ во дворецъ Долма-Бахче, причѣмъ опять происходили многочисленныя и громкіе салюты съ военныхъ кораблей, стоящихъ на Босфорѣ. Великолѣпная погода благоприятствовала этой церемоніи, при которой присутствовали многіе члены дипломатическаго корпуса и многія другія лица, по особенному для каждаго приглашенію.

Затѣмъ все вошло въ обычный порядокъ и курбанъ-байрамъ начался. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ.

ИТАЛЬЯНСКІЯ ДѢЛА

Въ день святыхъ пятидесятницы въ Римѣ было великолѣпное утро, какъ нарочно для приготовлявшейся церемоніи канонизаціи двадцати-семи японскихъ мучениковъ. Процесія должна была начаться въ половинѣ седьмого, а съ шести часовъ на площади церкви св. Петра было уже довольно много зрителей: разные иностранные священники, монахи и благочестивые люди. Римлянъ мало было видно: они явились большею частью со стульями, скамейками и лимонадомъ, предлагая все это желающимъ. Въ назначенное время началась и процесія. Между двумя рядами французскихъ солдатъ прошло сначала множество монаховъ разныхъ орденовъ, явившихъ нарочно составленныя на этотъ случай канты. Это были именно тѣ ордена, къ которымъ принадлежали мученики. Тутъ же несли три огромныя знамени, съ изображеніями различныхъ мученій. Одно изъ знаменъ оторвалось отъ древа

и ушло на зрителей. Произошло нѣкоторое смятеніе, но особеннаго вреда не было. После длинной-предлинной вереницы шествовавшихъ монаховъ появлялся наконецъ епископы и архіепископы, наконецъ и Антонелли, и прямо за нимъ его святѣйшество, несомый дьяконами, на богатомъ тронѣ. Пій IX. окруженъ блестящими дворомъ, шѣсть видѣ нѣсколько утомленный, но довольный. Онъ благословляетъ народъ направо и налево, хотя площади и на половину не наполнены народомъ. Всѣ снимаютъ шапки, но очей немногіе надаютъ на колѣна, какъ это водилось старину. Никто не кричитъ ура, никто не рукоплещетъ какъ бывало; все происходитъ среди совершенной тишины и равнодушія. Первосвященникъ, взошедшій въ церковь посреди своего двора, могъ съ нѣкоторою горечью припомнить народныя торжества, бывшія при его встрѣчахъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Но теперь шильоны итальянцевъ не стануть кричать: да здравствуетъ Пій IX!. Когда пану поднесли къ престолу церкви св. Петра, нѣсколько напскихъ звуковъ, съ звѣриными эмблемами, одѣтые въ мусульманскіе костюмы, закричали было: «да здравствуетъ папа-король!» Но это оказалось уже неумѣстнымъ, потому что начиналась религіозная церемонія. Напская торжественная обѣдня отличалась только всѣмъ извѣстнымъ хоромъ пѣвчихъ. По окончаніи обѣдни громогласно прочитаны по двиги двадцати семи мучениковъ, и три раза спрошено было у первосвященника: допускаетъ ли онъ канонизацію вповсѣихъ мучениковъ? По третьему вопросу папа, хранитель ключей, отвѣчалъ утвердительно — и тотчасъ заиграли серебряныя трубы, и загремѣли пушки съ форта Сант-Анджело, для извѣщенія міру, что знаменитые мученики канонизованы. Вечеромъ всѣ казенныя зданія были иллюминированы.

Подъ предлогомъ этой церемоніи, въ Римъ собрано было множество католическихъ духовныхъ лицъ изъ цѣлой Европы. Въ сущности, для признанія японскихъ мисіонеровъ святыми, никакъ не было надобности въ постороннемъ духовенствѣ, такъ какъ вопросъ о канонизаціи разрѣшается окончательно однимъ папой, безъ всякой апелляціи. Понятно само собою, что умывель другой тутъ былъ. Съѣздъ католическаго духовенства въ Римъ есть религіозно-политическая демонстрація въ пользу свѣтской власти папы. Въ папой мѣрѣ это было нужно, видно изъ того, что собравшееся духовенство предположило поднести панѣ адресъ, съ выраженіемъ своего взгляда на свѣтскую власть; такъ для составленія этого адреса, папа самъ выбралъ и назначилъ членовъ комиссіи. Для этого неуживо было созывать такую массу духовенства. Нельзя также полагать, что въ этомъ сборѣ были какія-нибудь користныя

цѣли, хотя всѣ прелаты являлись къ папѣ не иначе какъ съ приношеніями и пожертвованіями отъ своихъ паствъ. Его святѣйшество ежедневно принималъ по дюжинѣ прелатовъ съ ихъ свитами и по нѣсколькѣ сотъ тысячъ франковъ приношеній: можно было и по почтѣ получить, если не столько же, сколько лично, а около того. Папѣ нужно было произнести торжественную рѣчь, передать огромную сумму подчиненныхъ пожаловаться на тяжбы для католличества времена, излить свою душу, прозвѣсти шумный отголосокъ во всѣхъ углахъ земли, гдѣ только исповѣдуется римско-католическая вѣра, и противодѣйствовать единству Італіи. Цѣль достигнута. Вотъ что говорилъ папа:

«Достопочтенные братіе! Вчера мы были глубоко обрадованы тѣмъ, что могли, при помощи божіей, назначить честь и поклоненіе святымъ двадцати-семи безстрашнымъ героямъ нашей религіи, имѣя въ тоже время при себѣ паствъ, одаренныхъ столь высокимъ благочестіемъ и столькими добродѣтелями», и т. д. Потомъ онъ говорилъ противъ ученія атеистовъ, материалистовъ, социалистовъ и коммунистовъ; но для насъ гораздо важнѣе то, что говорилъ о противникахъ свѣтской власти главы католическаго духовенства. «Враги Бога и людей — говорилъ онъ — осыпаютъ безчисленными и жестокими оскорбленіями и клеветами служителей католической вѣры и нашъ апостольскій престолъ; но мы умалчиваемъ объ этомъ. Не станемъ также говорить о мерзостномъ лицемѣрїи, съ какимъ пачальники и спутники этого бунта и безпорядка, особенно въ Італіи, толкуютъ, будто они желаютъ церкви полной свободы, тогда какъ съ святотатственною дерзостью они попираютъ ногами права и законы этой церкви, отнимаютъ ея богатства, преслѣдуютъ прелатовъ, исполняющихъ свои обязанности, сажаютъ ихъ въ тюрьмы, насильственно выгоняютъ питомцевъ монастырскихъ орденовъ и дѣвственницъ, посвятившихъ себя Богу... Не станемъ также вспоминать объ ужасающемъ заговорѣ, о грѣховныхъ проискахъ, посредствомъ которыхъ враги Бога и людей сиятся опрокинуть и разрушить свѣтскую власть сего святѣйшаго престола. Лучше вспомнимъ объ удивительномъ единодушіи, съ какимъ вы сами и всѣ достопочтенные прелаты католическаго міра въ письмахъ къ намъ и въ посланіяхъ къ паствѣ всегда старались раскрыть и опровергнуть это предательство, научая въ тоже время, что свѣтская власть святѣйшаго престола дана римскому первосвященнику въ особенныхъ видахъ провидѣнія, — чтобы римскій первосвященникъ, небудучи подданнымъ никакого государя, никакой свѣтской власти, имѣлъ во всей церкви полновластѣйшую, свободѣйшую, верховнѣйшую силу и власть, врученную ему Іисусомъ Христомъ» и т. д.

Такимъ образомъ его величество король Викторъ-Эммануэль, весь итальянскій парламентъ, Риказоли и Ратацци и всѣ, кто полагаетъ, что свѣтская власть вовсе не необходима главѣ католическаго духовенства, названы «врагами Бога и людей», и назвалъ ихъ такимъ образомъ самъ папа, непогрѣшительность котораго составляетъ одинъ изъ догматовъ католическаго ученія. Стало-быть очевидно выходитъ ересь: всѣ тѣ, къ кому относится папское порицаніе, не вѣрять ему, стало быть не вѣрять его непогрѣшности.

Затѣмъ епископы, собравшіеся въ Римѣ (однакоже не всѣ, а большая часть), подписали и поднесли папѣ весьма многословный отвѣтъ на эту рѣчь. Повторяя все то, что онъ говорилъ, соглашаясь со всѣми его словами, они «порицаютъ все что онъ порицалъ», а касательно единства Италіи они выразились еще точнѣе самого папы: «Преступными дѣйствіями похитителей власти, «принимающихъ свободу только покровомъ своей злости», у васъ, святѣйшій отецъ, отобраны провинціи, которыя наслаждались прекраснымъ управленіемъ, подъ покровомъ заботливости святѣйшаго престола и всей церкви. Ваше святѣйшество съ непобѣдимую храбростію противились этимъ наглымъ насиліямъ, и мы привосимъ вамъ за это живѣйшую благодарность отъ имени всѣхъ католиковъ. Мы признаемъ, что свѣтская власть святѣйшаго престола есть необходимость, что она очевидно установлена ради особенныхъ предначертаній провидѣнія; мы неколеблясь объявляемъ, что въ нынѣшнемъ положеніи человѣческихъ дѣлъ эта свѣтская власть совершенно необходима для блага церкви и для свободнаго управленія человѣческими душами. Кто посмѣетъ отрицать, что при столкновеніи мѣстной и человѣческихъ учрежденій Европѣ необходимъ священный центръ, лежащій между тремя материками стараго свѣта, откуда раздавался бы для народовъ и для государей голосъ великій и могучій, голосъ справедливости и свободы?..»

Но довольно. Остальное все въ такомъ же родѣ, такъ что весь отвѣтъ епископовъ никакъ не могъ понравиться членамъ итальянской палаты депутатовъ. Они отвѣчали на этотъ отвѣтъ адресомъ королю, слѣдующаго содержанія:

«Государь! Епископы, большею частью не итальянцы, собравшись въ Римѣ для религіознаго торжества, покрыли наше отечество оскорбленіями тѣмъ болѣе тягостными, что они заключаютъ въ себѣ отрицаніе нашего національнаго права и носятъ на себѣ отпечатокъ иноземнаго насилія. На это неслыханное ученіе, которое хочетъ сдѣлать Римъ невольникомъ всего католичества и объявляетъ цѣли религіи несогласными съ независимостью нашего полуострова, мы отвѣчаемъ, государь, стѣсняясь вокругъ васъ и объ-

авляя передъ лицомъ итальянцевъ и римлянъ, что мы рѣшились сохранить неприкосновеннымъ право націи и ея столицы, которая теперь силою держится подъ ненавистнымъ для нея управленіемъ. Мы будемъ вдохновляться, государь, неодолимымъ постоянствомъ, котораго великій примѣръ вы всегда подавали нашему отечеству и міру; врагамъ нашимъ, кто бы они ни были, мы противопоставимъ спокойное довѣріе итальянскаго народа къ справедливости его дѣла, вѣру въ дѣйствительность его либеральныхъ учреждений, въ храбрость его войска и всѣхъ жителей, готовыхъ принять съ вами участіе въ національныхъ битвахъ, и въ особенности, государь, въ ваше мужество, въ вашу правдивость, въ уваженіе, какимъ всюду пользуется ваше имя. По этимъ причинамъ, въ виду положенія, принятаго итальянскимъ народомъ, общее мнѣніе цивилизованныхъ народовъ допускаетъ Италію въ число націй, распоряжающихся собою самостоятельно. Убѣжденные въ томъ, что съ нами всё принадлежащее по праву или по стремленіямъ къ итальянской семьѣ, мы увѣрены, что недалеко то время, когда рушатся преграды, до сихъ поръ препятствующія Риму стать нашею столицей. Слова, произнесенныя на дняхъ въ Ватиканѣ показываютъ, что невозможны дипломатическія средства примиренія существенныхъ правъ Италіи и нашей короны съ свѣтскою властью, разоряющею Римъ. Но слова эти насъ не обескураживаютъ. А теперь, такъ какъ иностранные предаты, мало заботящіеся о чисто-религіозномъ и духовномъ свойствѣ своего великаго призванія, такъ торжественно проповѣдуютъ политическую реакцію; такъ какъ изъ провинцій, управляемыхъ именемъ папы, злодѣи вносятъ разореніе въ южныя провинціи королевства, — Европа должна наконецъ убѣдиться, что только ваша власть, государь, и сила законовъ свободнаго народа могутъ дать мирный исходъ римскому вопросу и избавить Италію и Европу отъ этихъ безпорядковъ, отъ этого столкновенія властей, которое смущаетъ совѣсти и подвергаетъ опасности общій миръ.»

А папа съ своей стороны страшаетъ тѣмъ, что собравши епископовъ какъ можно больше, онъ вмѣстѣ съ ними уйдетъ изъ Рима въ Чивита-Векчію. На корабль онъ намѣревался съѣхать съ двѣнадцатію кардиналами и переѣхать съ ними въ какое-нибудь приморское мѣстечко въ Испаніи. По всѣмъ вѣроятностямъ проектъ этотъ никогда бы не исполнился, но по крайней-мѣрѣ слухъ о немъ былъ пущенъ подъ рукою.

Какъ бы то нибыло, слѣдуетъ заключить, что покаместъ нельзя ждать въ Римѣ никакихъ благоприятныхъ для итальянскаго дѣла переменъ, несмотря даже на пріѣздъ туда новаго французскаго по-

сланника де-Лавалетта, котораго съ такимъ нетерпѣніемъ ждали друзья итальянскаго единства.

Въ Италіи только-что угомонилось (если только угомонилось) дѣло объ арестованіи волонтеровъ, собиравшихся пробраться въ Тироль и начать войну съ Австріей. Въ дѣлѣ этомъ, какъ читатели помнятъ, сильно замѣшано имя Гарибальди, который хотѣлъ все взять на себя и чуть не требовалъ, чтобы и его тоже арестовали, или выпустили бы всѣхъ арестованныхъ. Правительство конечно не сдѣлало этого, не послушалось Гарибальди, и реакціонеры очень этому обрадовались: они рассчитывали, что отъ этого обаяніе имени народнаго вождя упадетъ въ цѣнѣ, потеряетъ прежнее значеніе. Какова же была ихъ радость, когда вдобавокъ въ дѣлѣ вербованія этихъ арестованныхъ волонтеровъ по слѣдствію стали открываться разныя грязныя вещи, безчестныя поступки, когда прошелъ даже слухъ, что съ этою вербовкою находится въ связи огромная кража, произведенная у одного гевуэзскаго банкира. Конечно! пропало волшебство имени Гарибальди, исчезло электризирующее его дѣйствіе! Но на дѣлѣ ничего этого небыло. Для народа значеніе Гарибальди ничѣмъ не можетъ быть уменьшено, никакое пятно къ нему не пристанетъ. Это потому, что Гарибальди почти-что не человѣкъ: это символъ. Онъ представляетъ свободу и единство Италіи, о чемъ люди мечтаютъ уже тридцать лѣтъ, о чемъ теперь только и рѣчи, что чуть не завтра исполнится. Но эта умственная истина еще не составляетъ дѣйствительности, и потому ей необходимо воплощеніе. Это-то воплощеніе и есть Гарибальди.

Поэтому, пока единство Италіи еще не совершилось, пока переворотъ не поконченъ, что бы Гарибальди ни говорилъ неблагоразумнаго въ смыслѣ официальной политики, какъ бы онъ опростачиво ни бралъ на себя поступки, которыхъ сущность ему вовсе неизвѣстна, еслибы даже онъ могъ совершить что-нибудь преступное — народъ ничего не увидитъ, ни услышитъ. Народъ ничего не знаетъ и знать ничего не хочетъ, кромѣ того, что единство Италіи должно быть сдѣлано, и сдѣлаетъ его Гарибальди. Но спрашивайте у народа, какими средствами, ловкостью или силой Гарибальди одолѣетъ недоброжелательство дипломатіи и сопротивленіе войскъ. Народъ до этого не доходитъ; онъ вѣритъ, и не имѣетъ надобности ни въ разсужденіи, ни въ разборѣ своихъ вѣрованій. И еслибы кто сомнѣвался, что эта вѣра осталась нетронутою, тотъ можетъ посмотреть, какъ народъ встрѣчаетъ своего героя. Тотъ же восторгъ, что и прежде, только можетъ-быть открытѣе и дружелюбнѣе прежняго. Гарибальди всходитъ на пароходъ, чтобы ѣхать въ Локкарно — и вдоль береговъ озера, мимо которыхъ пароходъ идетъ,

народъ сбѣгается и въ неописанномъ восторгѣ кричитъ ура! Тамъ гдѣ пароходъ останавливается, чтобы взять письма или пассажиرونъ, всѣ до одной лодки отчаливаютъ отъ берега, нагруженныя народомъ, чтобы только поближе быть къ герою; если пароходъ пристаетъ къ берегу, то палуба наполняется народомъ; если останавливается поодаль, и лодокъ мало, то люди кидаются вплавь. Въ Локарно земля уже не итальянская, но духъ совершенно итальянскій. Пріемъ тотъ же, тѣже восторги и обѣщанія слѣдовать за нимъ всюду, куда онъ ни поведетъ судьбы народовъ. Мужчины обнимаютъ его и плачутъ, женщины бросаютъ ему подъ ноги цвѣты. Конечно, все это почти смѣшно, однако это величественно, потому что внушено самымъ истиннымъ энтузіазмомъ. Послѣ побѣдныхъ демонстрацій, итальянскому правительству приходится опять попрежнему принимать во вниманіе Гарибальди. А передъ этимъ только г. Ратацци говорилъ съ сожалѣніемъ, искреннимъ или притворнымъ, что Гарибальди изнашивается въ неблагоуразумныхъ и безплодныхъ попыткахъ, что онъ по пустякамъ тратитъ свои двигательныя силы, столь необходимыя для итальянскаго дѣла. Но г. Ратацци можетъ вполне успокоиться: Гарибальди износиться не можетъ.

Послѣ извѣстнаго всѣмъ ареста волонтеровъ всѣ ожидали, что Гарибальди пріѣдетъ въ Туринъ объяснить по своему дѣлу въ парламентъ; но онъ не пріѣхалъ, а прислалъ письмо на имя президента.

«Достопочтенный президентъ! Въ то время какъ палата депутатовъ снова начинаетъ свои занятія, я считаю своею обязанностью дать своимъ товарищамъ нѣкоторыя объясненія касательно моего нынѣшняго вмѣшательства въ общественныя дѣла. Я оставилъ Капреру по призыву министра Риказоли, который какъ-будто серьезно хотѣлъ заняться народнымъ вооруженіемъ. Новое министерство, образовавшееся вскорѣ послѣ прибытія моего на материкъ, удержало за мною иорученіе устроить упражненія въ прицѣльной стрѣльбѣ; сверхъ того оно дало мнѣ весьма большія надежды, что ставеть энергически дѣйствовать для окончанія устройства Италіи единой и нераздѣльной, какою она провозглашена общою подачею голосовъ. Данныя обѣщанія были на пути къ исполненію, посредствомъ учрежденія двухъ генуэзскихъ карабинерныхъ батальоновъ, которыхъ начальство было ввѣрено офицеру, пользующемуся моимъ полнымъ довѣріемъ. Только-что прополъ слухъ объ этомъ формированіи, какъ великодушные молодые люди съѣхались изъ всѣхъ провинцій Италіи записываться на службу въ

Генуѣ. Когда это было отмѣнено, то лица, имѣвшія достаточныя средства, воротились на родину. Осталось нѣсколько сотъ чело-вѣкъ, которымъ очень не хотѣлось возвращаться въ семейство, потому ли, что имъ трудно было рѣшиться опять ничего не дѣлать, или потому, что покинувъ свои промыслы, они потеряли средства къ существованію. Я посовѣтовалъ этимъ великодушнымъ молодымъ людямъ поселиться въ нѣсколькихъ мѣстахъ мирной Ломбардіи, гдѣ на содержаніе ихъ достаточны были приношенія добрыхъ гражданъ, а между тѣмъ они упражнялись бы въ дѣйствіи оружіемъ, въ оживленіи будущихъ событій. Правительство сдѣлало несчастную ошибку относительно цѣли этихъ скопищъ. Молодые люди взяты безъ оружія, не давая ни малѣйшаго повода къ подозрѣнію въ беспорядкахъ, и до сихъ поръ почти всѣ сидятъ по тюрьмамъ и судятся, и вмѣстѣ съ ними полковникъ Нулло, озявъ изъ офицеровъ, наиболѣе отличившихся въ бывшей южной арміи. Газеты, обыкновенно представляющія правительственныя мысли, объясняли аресты предположенною будто-бы экспедиціею въ Тироль. Это совершенно ложно. Мысль объ этой экспедиціи — пустой сонъ. Молодые люди упражнялись въ стрѣльбѣ, и захваченное оружіе необходимо имъ было именно для этого упражненія. Товарищи мои поймутъ, какъ прискорбны мнѣ были печальныя факты, послѣдовавшіе за этими несправедливыми подозрѣніями. Парламентъ долженъ исправить эту ужасную ошибку. Мы кричимъ на всѣ четыре стороны: «Италія и Викторъ-Эммануилъ!» и нынче noctoбы то нистало кричимъ тоже самое. Горе тому, кто досягнетъ на мысль освобожденія! Горе тому, кто захочетъ отдѣлать короля отъ народа, націю отъ войска!.. Но чтобы соединеніе короля и націи было истинно спасительно, чтобы соединить въ одно цѣлое и сдѣлать неодолимыми силы войска и народа, необходимо довершить столь давно желаемое вооруженіе. Швейцарія и Пруссія могутъ же въ военное время выставить подъ ружье болѣе 15% своего населенія. Дайте свободнымъ гражданамъ Италіи, тѣсно соединеннымъ вокругъ доблестнаго своего монарха, такое же устройство, какъ въ Швейцаріи и въ Пруссіи, и вы разомъ избавите корону и народъ отъ всякаго незаконнаго вліянія. И тогда можетъ-быть, непроливая снова крови, однимъ нравственнымъ вліяніемъ короля, опирающагося на всѣ живыя силы націи, исполнятся наши пламенныя желанія: Италія будетъ едина, подъ конституціоннымъ скипетромъ Викторъ-Эммануила. Иначе Италія не можетъ успокоиться. Она стремится къ единенію, какъ всякое тѣло стремится къ центру земли. Лихорадочное, постоянно возрастающее волненіе, побуждаетъ нашу молодежь къ исполненію великаго

дѣла. Бездѣйствіе — не лекарство противъ зла; оно источникъ всевозможныхъ беспорядковъ.

Завязалось преніе объ арестѣ волонтеровъ и о стрѣльбѣ въ народъ, хотѣвшій освобождать арестантовъ. Многіе ораторы говорили весьма хорошо за и противъ министерства. Говорили, будто министерство само вызывало вооруженіе, само поощряло надежды на возможность волонтерной экспедиціи, и для этой будто бы цѣли организовало генуэзскіе карабинерные батальоны, и потомъ само арестовало приготовившихся волонтеровъ. Дѣло приняло важность министерскаго вопроса. Особенно горячо говорилъ депутатъ Криспи, но поразительно хорошъ своею душевною ясностью и прямою Биксіо, другъ и сподвижникъ Гарibaldi, говорящій обыкновенно отрывисто, безъ явной связи, но всегда краснорѣчиво, потому что всегда отъ души. Онъ сказалъ, что особенно два факта говорятъ въ пользу правительства: именно что генуэзскіе карабинеры организовались собственно для дѣйствія противъ неаполитанскихъ разбойниковъ, и что правительство при немъ требовало чрезъ полковника Менотти отъ Гарibaldi честнаго слова, которымъ онъ обязывался не принимать участія ни въ какой другой экспедиціи безъ его согласія. Онъ прибавилъ, что еслибъ онъ самъ былъ министромъ, чего конечно никогда не будетъ, то онъ точно также не хотѣлъ бы, чтобы кто-нибудь бралъ на себя его права и обязанности. Но аресты въ Сарнико были произведены незаконно. Это ложь, будто арестованные захвачены съ оружіемъ въ рукахъ. Затѣмъ все сказанное г. Криспи кажется мнѣ неправдоподобнымъ, и неправда даже, что онъ говорилъ очень искусно. Онъ хочетъ увѣрить насъ, будто генералъ Гарibaldi принадлежитъ къ той или другой партіи. Этого нѣтъ. Гарibaldi не принадлежитъ ни къ какой партіи. (Браво!) Этого нѣтъ, это не должно быть, этого не будетъ; есть одна партія, которая считаетъ, будто Гарibaldi съ нею; но придетъ время, Гарibaldi оставитъ ее съ аршиннымъ носомъ. (Общій смѣхъ.) Кроме того я долженъ прямо сказать, что министръ Депретисъ не получилъ никакихъ признаній касательно предполагавшейся экспедиціи. Я говорю это потому, что мой другъ Гверцони въ письмѣ болѣе великодушномъ, чѣмъ благо разумномъ, далъ нѣкоторымъ газетамъ поводъ полагать, что министръ Депретисъ зналъ объ этомъ проектѣ. Этого не было. Гверцони узналъ это черезъ меня; я сказалъ Гарibaldi, что ни слова не скажу г. Депретису: его министерское положеніе мѣшало такой откровенности. Вотъ намъ суцая правда. (Рукоплесканія.)

На другой день, 5 числа, не было сказано ничего замѣчательнаго. Ораторы держали пышныя, многословныя, безконечно-длинные

рѣчи о единствѣ Италіи, о томъ, что Италія — нація свободная, что ей нужна нравственная поддержка Европы и т. д. Потомъ, 6 іюня, было засѣданіе очень шумное. Криспи все-таки продолжалъ утверждать, что правительство знало о предполагаемой экспедиціи и подъ рукою поощряло ее. «Но какъ-же, не зная назначенія экспедиціи, правительство разрѣшало ее? Не затѣмъ ли можетъ-быть, чтобы потомъ выселить волоптеровъ въ Африку или въ Америку, чтобы цивилизовать эти страны? (Шумъ.) Я утверждаю, что когда правительству предложена была экспедиція, оно въ сущности отвѣчало: Дѣлайте; я не должно ничего знать. («Нѣтъ! нѣтъ!» Ропотъ и возраженія.) Я утверждаю и повторю, что правительство очень хорошо знало объ экспедиціи. (Шумъ и возраженія.) Правда, что г. Биксіо отклонилъ...

Г. Биксіо, энергически. Я ничего не отклонялъ. (Продолжительный шумъ и возраженія.)

Г. Криспи. Пожалуйста потише. Дайте мнѣ говорить. Г. Биксіо самъ признается, что отклонилъ порученіе уведомить обо всемъ министра; но нашлось другое лицо, которое согласилось...

Многіе голоса. Назовите, кто?

Г. Криспи. Назначьте парламентское слѣдствіе, и все узнаете. («О! о!» Продолжительный ропотъ.) Попробуйте слѣдствіе: въ немъ много хорошаго. Напримѣръ слѣдствіе по дѣлу писемъ: оно открыло много...

Г. Минетти произноситъ нѣсколько словъ, которыя нельзя разсѣльшать.

Г. Криспи. Я никого не обвиняю; но навѣрно слѣдствіе было бы въ этомъ дѣлѣ полезно. Назначьте слѣдствіе. Если у министерства совѣсть чиста, то оно выйдетъ изъ слѣдствія сильнѣе прежняго. Г. Кьявезе сказалъ, что я сдѣлался доносчикомъ на своего соучастника, потому что кабинетъ мой соучастникъ. А что же сказать о томъ, кто на другой день послѣ заговора надѣваетъ мундиръ, арестуется и обвиняетъ своихъ единомышленниковъ? Такъ поступило правительство въ дѣлѣ арестовъ въ Сарнико. (Шумъ.) Впрочемъ я утверждаю, что мнѣ не было довѣрено то, что я говорю теперь о министерствѣ; я узналъ это самъ. — Далѣе, говоря о правой сторонѣ, ораторъ сказалъ: — Вы сильны числомъ, но слабы убѣжденіями. (Шумъ.) Нѣтъ согласія между вами.

Многіе голоса. Неправда, неправда! Мы согласны!

Г. Криспи. Чего вамъ и желаю. Но во всякомъ случаѣ министерству не выбраться изъ нынѣшнихъ затрудненій иначе, какъ распустивъ палату.

Г. Биксіо. (Когда онъ хочетъ говорить, замѣтно общее движеніе

вниманія. Шумъ утихаетъ.) Я жалѣю тутъ двѣ вещи и кратко ихъ порицаю: преувеличенное самолюбіе г. Криспи, и поведеніе префектовъ Бергамо и Брешии, равно какъ и поступки секретаря министра внутреннихъ дѣлъ. Правительство должно бы принять прошеніе объ отставкѣ, поданное префектомъ Брешии. — Но такъ и быть, скажу еще, и скажу всю сущую, истинную правду; но ничего, будьте покойны, я не выйду изъ предѣловъ благоразумія. Я сказалъ, что министерству предложена была экспедиція, и именно президенту совѣта; а кто сдѣлалъ предложеніе, такъ это изволите-видѣть я. (Слушайте, слушайте!) Да, чортъ возьми! Вся Европа въ заговорѣ противъ насъ; отчего бы и намъ не дѣлать заговоровъ? (Смѣхъ, одобреніе.) Я имѣю полную и совершенную вѣру въ Гарибальди; а Гарибальди думалъ, что можно кое-что сдѣлать съ этой стороны; я же счелъ долгомъ быть посредникомъ между нимъ и президентомъ совѣта. Нечего сказывать, на который пунктъ направлялась экспедиція. (Смѣхъ.) Во всякомъ случаѣ я долженъ объявить, что послѣ продолжительнаго спора президентъ совѣта министровъ отказалъ наотрѣзъ. Надо даже сказать, что онъ началъ съ того, что отказалъ. (Смѣхъ.) Чтоже касается до министра Депретиса, то я скажу слово въ слово тоже, что говорилъ третьяго дня. Экспедиція могла быть удачна; я это думаю въ самомъ дѣлѣ, и я готовъ уже былъ подать въ отставку и ѣхать, а когда человекъ готовъ это сдѣлать и бросить семью, то значитъ, что у него есть вѣра. (Браво!) Я не хотѣлъ взять на себя отвѣтственности назначить экспедицію, но готовъ былъ кинуться вскоду, куда меня ни пошлютъ. Скажутъ, что я фаталистъ? Пусть скажутъ. Я ужъ такой: всегда готовъ исполнить приказанія Гарибальди. Говорю это въ отвѣтъ г. Криспи, который увѣрялъ, будто я хотѣлъ ретироваться...

Г. Криспи. Не то!

Г. Биксио. Хорошо. Если правительство отпустило нѣсколько денегъ, то оно знаетъ на какое дѣло. Впрочемъ, нельзя допустить, чтобы задумана была экспедиція въ Тироль: это было бы слишкомъ безумная попытка. Вотъ почему я порицаю аресты въ Сарнико: секретарь министра внутреннихъ дѣлъ ошибся. Было тамъ, говорятъ, оружіе. Да господа-боже мой! оружіе теперь вездѣ! Арестуютъ людей, а потомъ г. Чезаро — незнаю кто его пожаловалъ въ герцоги — (смѣхъ) догадывается послать арестантовъ именно въ Брешию, гдѣ Нулло подъзудается большою любовью жителей, и запираетъ ихъ въ первую тюрьму, какая попалась. Не хочу говорить о печальномъ событіи, бывшемъ передъ тюрьмой. Кто тутъ виноватъ? Никто! Можетъ-быть случай, судьба. (Здѣсь ораторъ рассказываетъ, какъ въ Реждіо, въ Калабріи, отрядъ гарибальдійцевъ выстрѣлилъ невзвѣстно

для чего и чуть не убилъ своего предводителя.) Г. Криспи говоритъ, будто Гарибальди написалъ свое письмо въ потячку правительству. Онъ былъ раздражонъ и наговорилъ вещей, способныхъ посѣять несогласіе. Надо умѣть молчать. Г. Криспи не зналъ ничего обстоятельно. Онъ и не видѣлъ въ послѣднее время Гарибальди. Но что же за причина могла толкнуть г. Криспи по этому пути? — Очень просто: преувеличенное самолюбіе. Я очень уважаю и люблю г. Криспи; но сицилійцы уже всѣ такіе. Когда затруно ихъ самолюбіе, то они готовы поджечь дѣлый свѣтъ со всѣхъ четырехъ угловъ. (Общій смѣхъ; г. Криспи тоже смѣется.) Поэтому я приглашаю г. Криспи взять назадъ всѣ его обвиненія и не требовать слѣдствія, потомучто мнѣ, Биксіо, все совершенно извѣстно. Еслибы надо было выдумывать факты для защиты правительства, то я готовъ выдумать; но надобности нѣтъ. Я не подамъ голоса въ пользу довѣрія правительству, потомучто есть вещи, которыя могло бы оно сдѣлать гораздо лучше, нежели сдѣлало. Такъ напримѣръ этого герцога д'Ачезаро (префектъ въ Брешии) я послалъ бы напримѣръ въ Каролинскій архипелагъ... (Общій смѣхъ.) Не слѣдуетъ такъ чрезмѣрно бѣяться Австріи. Если у нея есть четырехугольникъ, то у насъ шестиугольникъ, вотъ что! (Браво!) И если мы еще не довольно сильны, чтобы объявить войну, то на защиту себя силъ хватать. А я, такъ просто я вамъ объявляю, что ежели въ одной изъ провинцій, которыя теперь въ неволѣ, вспыхнетъ возстаніе, то я буду считать себя полцекомъ, если не приму въ немъ участія. (Браво!) Пусть же успокоится Криспи и возьметъ назадъ свое предложеніе о назначеніи слѣдствія.»

Послѣ этого засѣданіе продолжалось не долго. Президентъ далъ нѣкоторыя объясненія, сказалъ, что генералу Гарибальди послано было сначала 5,000, а потомъ еще 6,000 франковъ на путевыя издержки и на устройство стрѣлковыхъ обществъ. Затѣмъ палата большинствомъ 189 голосовъ противъ 33 положила, что она «одобряетъ все сдѣланное министерствомъ, и надѣется, что оно и впредь, опираясь на законы, будетъ поддерживать права правительства и парламента».

Въ послѣднее время итальянское правительство сдѣлало чрезвычайно важный и выгодный для себя шагъ: условилось о постройкѣ большого количества желѣзныхъ дорогъ съ обществомъ Ротшильда и Тазабо. Большая линія будетъ отъ Анконы по берегу Адриатическаго моря до Отранто. Другая линія — отъ Фоджіи, черезъ Неаполь, въ Салерно; третья отъ Чепрано до Пескары, и четвертая отъ Брешии до Вогеры, черезъ Кремону и Павію. Постройка должна быть произведена очень быстро. Условія довольно обыкновенныя: прави-

тельство ручается за извѣстную выручку съ каждой версты въ годъ, и въ случаѣ недобора доплачивается, и т. д. Но между условіями одно намъ показалось очень выгоднымъ и важнымъ. Общество обязалось основать въ Неаполѣ большое учрежденіе для постройки по-крайней-мѣрѣ половины всѣхъ локомотивовъ и всего подвижного состава. По окончаніи сѣти это учрежденіе должно быть увеличено въ такомъ объемѣ, чтобы быть вполне достаточнымъ для могущаго потребоваться увеличенія и возобновленія машинъ и вагоновъ.

Приверженцы такъ-называемой свободной торговли скажутъ, что это условіе совершенно лишнее, что ежели въ странѣ нѣтъ фабрикъ и мануфактуръ, то заботиться о заведеніи ихъ никакой нѣтъ надобности. Пусть, говорятъ они, страна мануфактурная дѣлаетъ машины, свободно привозить ихъ въ страну земледѣльческую, которая за это, неутруждая своей головы, будетъ платить сырыми продуктами, напримѣръ апельсинами или хлѣбомъ. Но въ такомъ случаѣ, точно также если въ странѣ нѣтъ школъ и высшихъ учебныхъ заведеній, то нѣтъ надобности заботиться о заведеніи ихъ; а пусть страна ученая доставляетъ въ земледѣльческую страну сколько потребуется ученыхъ, а земледѣльческая будетъ платить имъ хлѣбомъ. Для страны, развивающейся правильно, органически, точно такъ же необходимо просвѣщеніе, какъ и промышленность, какъ и земледѣліе и торговля, какъ неизбѣжныя функціи одного организма. Государству нѣтъ возможности существовать безъ просвѣщенія и безъ ученыхъ людей, какъ нѣтъ возможности недѣльному существовать безъ одного изъ важныхъ органовъ, напримѣръ безъ мозга, и еслибы возможенъ былъ такой человекъ, то онъ былъ бы жалкимъ подобіемъ человека и вѣчнымъ чернорабочимъ, машиной. Точно также государство не можетъ существовать нормальнымъ образомъ и безъ остальныхъ органовъ, составляющихъ основаніе такъ-сказать жизни (1).

ПРУССКІЯ ДѢЛА

Читатели помнятъ очень хорошо, какъ и подъ какимъ предлогомъ распущена была прусская палата представителей. Тогда представителямъ небыло ни времени, ни повода объяснять свои убѣжденія, а теперь, собравшись снова, они прежде всего занялись этимъ. Вотъ ихъ адресъ королю:

(1) Но «Время» когда-нибудь въ другой разъ изложитъ свой взглядъ на свободу торговли и на другіе политико-экономическіе вопросы. Хотя этотъ предметъ и находится въ связи съ «Политическимъ обзорѣніемъ», но по обширности своей онъ требуетъ отдѣльной статьи или цѣлаго ряда статей.

«Государь! Въ началѣ нашихъ совѣщаній наша неизмѣнная вѣрность престолу и сильное желаніе народа возлагають на насъ обязанность представить вашему величеству съ честною откровенностью и съ глубочайшимъ уваженіемъ наши убѣжденія касательно нынѣшняго положенія страны. Мы обязаны прежде всего объявить, что среди всего движенія послѣднихъ мѣсяцевъ уваженіе и преданность монархіи оставались непоколебимою основою всѣхъ стремленій націи, и что въ чистотѣ и въ горячности этого чувства ни одинъ классъ населенія, ни одна изъ провинцій, ни одна изъ политическихъ партій не отстаютъ отъ другихъ. Прусскій народъ составляетъ одно съ своимъ королемъ, и желаетъ навсегда такъ остаться. Послѣ того какъ военныя предложенія и нѣкоторое колебаніе касательно будущей политики Пруссіи нѣкоторое время занимали умы, внезапное распущеніе палаты депутатовъ и преобразование министерства случились въ такихъ обстоятельствахъ, которыя оставили страну въ неизвѣстности объ истинныхъ поводахъ переворота. Потомъ явились отъ новаго министерства и другихъ властей избирательные циркуляры, которыми участіе чиновниковъ въ избирательномъ движеніи не только было ограничено, и не только во многихъ мѣстахъ производилось незаконное давленіе на другихъ гражданъ государства, но къ борьбѣ партій примѣшано было высокочтимое имя вашего величества и между королевскою властью и парламентомъ постановленъ былъ противный конституціи антагонизмъ. Утвержденіе, будто большинство народныхъ представителей, а стало-быть и большинство прусскихъ избирателей можетъ быть противъ короля — не можетъ быть допущено. Это противорѣчитъ соединенію короны и страны, твердо укрѣпленному историческимъ развитіемъ нашимъ. Это противно народному чувству правды и законности, а народъ знаетъ очень хорошо, что и онъ самъ, и его представителя весьма далеки отъ такихъ опасныхъ мыслей. Говорить это — значитъ незнать глубоко врожденнаго народу монархическаго характера, въ который королевская власть пустила свои могучіе корни. Прусскій народъ не хочетъ быть подозрѣваемъ въ превратныхъ революціонныхъ стремленіяхъ, въ анархическихъ нападкахъ на то что существуетъ, особенно на конституціонную королевскую власть. Мы искреннѣйше просимъ ваше королевское величество не находить противорѣчій между восторженною всегдашнею любовью страны къ вашему величеству и результатами выборовъ, которые безъ сомнѣнія направлены были противъ нѣкоторыхъ видовъ и мѣръ королевскаго правительства. Въ умахъ не существуетъ опаснаго раздраженія. Прусскій народъ не переѣнился. Къ своей старинной преданности престолу онъ присоединилъ твердую и разумную привязанность къ

своимъ конституціоннымъ правамъ. Онъ пламенно желаетъ обнародованія законовъ, необходимыхъ для довершенія нашей конституціи и болѣе возвышеннаго развитія народныхъ силъ; онъ желаетъ удаленія изъ государства и изъ школъ іерархическихъ и папистскихъ вліяній; онъ желаетъ, чтобы конституціоннымъ порядкомъ прекратилось сопротивленіе, которое до сихъ поръ оказывается требованіямъ такого рода одною изъ законодательныхъ властей. Далека отъ насъ мысль вмѣшиваться въ права короны. Мы не умѣемъ лучшую оказать этимъ правамъ опору, лучше ихъ обезпечить, какъ съ глубочайшимъ уваженіемъ выразивъ вашему величеству убѣжденіе, что никакое правительство, которое стало бы въ этихъ пунктахъ противиться нуждамъ страны, неспособно служить интересамъ короны и страны, именно въ Пруссіи, гдѣ вся сила опирается на нравственную энергію, на восторженную преданность народа. Въ твердомъ убѣжденіи, что только въ этомъ направленіи приложима истинно-охранительная и монархическая политика, мы обращаемъ къ отеческому сердцу вашего величества почтительнѣйшую просьбу посредствомъ великодушнаго снисхожденія къ народнымъ желаніямъ обезпечить внутренней миръ вашего вѣрнаго народа и приготовить чрезъ полное согласіе правительства съ народомъ новую славу и еще болѣе великую будущность августѣйшему дому нашего величества и отечеству.»

Король принялъ адресъ и депутацію, подносившую его, очень сухо. Онъ вошелъ въ залъ; депутація, съ выраженіемъ надлежащаго почтенія, поклонилась, и король слегка кивнулъ головой. Президентъ Грабовъ выступилъ на нѣсколько шаговъ впередъ и попросилъ позволенія прочесть адресъ. Король сдѣлалъ головою утвердительный знакъ, и г. Грабовъ прочелъ, голосомъ взволнованнымъ и выразительнымъ; при чтеніи главныхъ мѣстъ, голосъ его дрожалъ отъ волненія. Отъ такого чтенія адресъ еще выигралъ: слышно было, что воззваніе къ «отеческому сердцу» короля исходило отъ сердца. Но впечатлѣніе, произведенное на короля, было довольно неожиданно: когда читалось мѣсто объ ограниченіи свободы выборовъ и о незаконномъ давленіи на избирателей, его величество сомнительно и отрицательно покачалъ головою. Король потомъ быстро прочелъ свой отвѣтъ, слегка кивнулъ головой и ушелъ во внутренніе покои, прежде нежели Грабовъ успѣлъ поднести ему адресъ. Небыло и представленія депутаціи, какъ водится обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ. Этого впрочемъ нало было ожидать, такъ какъ король заранѣе потребовалъ списокъ депутатовъ. Г. Грабовъ передалъ адресъ гофмаршалу, а королевскій отвѣтъ, написанный цѣликомъ рукою короля, принялъ отъ

министра финансовъ. Депутація удалась въ траурномъ расположеніи духа.

Такимъ образомъ неблагонамѣренные люди посѣляли несогласіе между королемъ и представителями народа. Все дѣло произошло, какъ помнятъ читатели, изъ-за количества войска, какое угодно содержать военному министру. А теперь, имѣя дѣло съ возобновленною палатой, гдѣ очень ограниченное число преданныхъ министерству членовъ, министры ведутъ себя чрезвычайно уступчиво, все въ надеждѣ, что ихъ военный проектъ пройдетъ благополучно. Но едвали они не ошибаются. Оскорбленная палата съ своей стороны ведетъ себя тоже чрезвычайно выдержанно, и принимая всѣ теперешнія уступки, повидимому готовится поддержать прежнее свое мнѣніе относительно военной смѣты. Въ началѣ еще, передъ самыми преніями объ адресѣ, министръ фонъ-деръ-Гейдтъ уже началъ оправдываться, говорилъ, что министерство въ своихъ циркулярахъ никогда не изъясняло подозрѣнія въ томъ, будтобы избиратели враждебны коронѣ, а что отстаивая права короны, оно только исполняло священнѣйшую свою обязанность. Но достопочтенный министръ самъ не замѣчаетъ противорѣчія въ своихъ словахъ: есть ли надобность отстаивать что-нибудь такое, противъ чего никто не враждуетъ? Дѣло въ томъ, что министерство отстаивало свои, а не коронныя права, и въ своихъ циркулярахъ дѣйствительно выражало антагонизмъ между представителями народа и королемъ. Потомъ онъ говорилъ еще, что неправда, будто избирательныя права чиновниковъ были стѣснены, тогда какъ два мѣсяца тому назадъ мы помѣстили на этихъ страницахъ циркуляръ, въ которомъ чуть не прямо говорилось, что служащему правительству чиновнику неприлично и никакъ не подобаетъ вмѣшиваться въ избирательныя волненія.

И нельзя было министерству не говорить противъ адреса. Въ немъ съ большою ясностью, хотя и въ весьма почтительной формѣ, изложено, что палата, то-есть представители народа, законнымъ образомъ выбранные, то-есть сама страна не довѣряетъ министерству. Въ странахъ, гдѣ дѣйствуетъ нормальная конституція, гдѣ по закону министры отвѣтственны, какъ напр. въ Италіи, въ Испаніи, въ Бельгіи, въ Англии, этого было бы слишкомъ достаточно, чтобы министерство подало въ отставку. Иначе собственно-говоря и быть не можетъ; всякій иной порядокъ въ конституціонныхъ государствахъ представляетъ огромныя неудобства и тысячи неловкостей на каждомъ шагу. Министерство тутъ поставлено въ безвыходно-ложное положеніе. Палата объявляетъ публично, говоритъ королю, что она министерству недовѣряетъ — а между тѣмъ то-же мини-

стерство обязано представлять несдовѣряющей палатѣ свои проекты законовъ и денежные смѣты, а несдовѣряющая палата подозрительно уже смотритъ на каждое ихъ слово, на каждую ихъ цифру: положеніе невыносимое при нормальномъ порядкѣ вещей. Надо надѣяться, что этотъ порядокъ вступитъ наконецъ въ свою логическую силу и въ Пруссіи.

Изъ ораторовъ, говорившихъ въ пользу адреса, особенно громкія рукоплесканія заслужилъ знаменитый врачъ и профессоръ Вирховъ. Онъ говорилъ, что хотя и не одобряетъ нѣкоторыхъ выраженій адреса, однакоже считаетъ весьма полезнымъ приданный ему *бюджетъ*, который необходимъ: иначе не будетъ обращено на него никакого вниманія. Говора о распущеніи палаты и перемѣнѣ министерства, Вирховъ удивлялся, что въ палатѣ нѣтъ бывшихъ министровъ, членовъ этой палаты, тогда какъ именно здѣсь удобнѣе всего было бы дать надлежащія объясненія. Оставшіеся на своихъ мѣстахъ министры точно также должны дать объясненіе въ противорѣчій между распущеніемъ палаты вслѣдствіе будто бы несдовѣрія народныхъ представителей къ министрамъ, и удержаніемъ нынѣшняго министерства, которое пользуется еще большимъ несдовѣріемъ и можетъ оставаться только принявъ убѣжденія, противоположныя нынѣшнимъ. Потому Вирховъ описалъ, какъ началась реакція и какъ произошла остановка въ либеральныхъ стремленіяхъ со времени вступленія военнаго министра въ прежнее министерство; онъ напомнилъ образованіе прогрессисткой партіи, въ которой заключается много элементовъ прежнихъ либеральныхъ партій, которыя, принявъ предъ распущеніемъ своимъ предложеніе Гагена противъ военнаго министра, хотѣли только возстановить конституціонныя права народныхъ представителей, бывшія въ пренебреженія лѣтъ десять. Наконецъ онъ разбираетъ, сообразно ли съ конституціею — мѣрить и взвѣшивать гдѣ находится перевѣсъ государственной власти. Перевѣсъ, по его мнѣнію, будетъ на сторонѣ палаты, при министерствѣ, которое противно мнѣнію страны и ея свободно-избранныхъ представителей, а въ другомъ случаѣ, когда правительство будетъ согласно съ страной, перевѣсъ конечно будетъ на сторонѣ короны.

Такимъ образомъ въ Пруссіи теперь прямо поставленъ вопросъ о томъ: будутъ ли конституціонныя учрежденія развиваться впередъ и далѣе, или произойдетъ реакція и остановка на долгое время? Въ случаѣ если палата не согласится утвердить расходовъ военнаго министерства, кабинетъ опять имѣетъ право распустить палату. Но тутъ является маленькое конституціонное затрудненіе: какъ считать нынѣшнее собраніе, — повнымъ ли собраніемъ, или только продолженіемъ того, которое было распущено 13 марта? По статьѣ 51

конституціи, король имѣетъ неограниченное право распускать палату депутатовъ, хотя много разъ сряду. Съ другой стороны верхнюю палату распустить нельзя, съ тѣмъ, чтобы собрать новую, потому что члены ея не избираются. Ея собранія можно только отложить. Стало-быть когда нижняя палата распускается, собранія верхней только отлагаются. Опять по смыслу конституціи отложить палаты безъ ихъ согласія можно только одинъ разъ въ одно и то же собраніе. Следовательно, если верхняя палата только продолжаетъ отложенное 11 марта собраніе, то король уже не можетъ отложить его безъ ея согласія; а неотложивъ собранія верхней палаты, невозможно распустить нижнюю. Такая неточность или двусмысленность въ конституціи вѣроятно будетъ исправлена.

Дѣла въ Соединенныхъ-Штатахъ

Въ Соединенныхъ-Штатахъ происходитъ война, до сихъ поръ невиданная и неслыханная на свѣтѣ. Люди дерутся, умираютъ тысячами, дѣлаютъ въ годъ по полторы тысячи миліоновъ долгу, имѣя въ виду прежде всего ненависть къ рабовладѣльчеству. Другіе люди тоже умираютъ тысячами и тоже дѣлаютъ сотни миліоновъ долгу, чтобы отстаивать свои рабовладѣльческія права. Въ чисто-военномъ отношеніи война эта тоже очень странное явленіе. До этой войны въ Соединенныхъ-Штатахъ войска не было, или почти не было, потому что нѣсколько солдатъ занимали только немногіе форты въ дальнихъ пограничныхъ территорияхъ, чтобы держать въ страхѣ тамошнихъ хищныхъ индѣйцевъ. Является потребность въ войскѣ — и волонтеры сбѣгаются тысячами, сотнями тысячъ, такъ что президентъ вынужденъ наконецъ объявить, что больше не нужно, что войска имѣется до полумиліона, и этого числа совершенно довольно для приведенія къ повиновенію возставшихъ штатовъ. Волонтерное войско это стоитъ чрезвычайно дорого, тѣмъ болѣе что приходилось собирать его и вооружать второпяхъ, на скорую руку. Но расчетъ былъ весьма вѣрный. Слишкомъ восемьдесятъ лѣтъ существуютъ Соединенные-Штаты, и еслибы все это время содержались военныя силы хотя даже въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ въ европейскихъ государствахъ, еслибы расходъ этотъ доходилъ хотя до ста миліоновъ франковъ въ годъ, то въ восемьдесятъ лѣтъ это составило бы восемь тысячъ миліоновъ непроизводительнаго расхода, не считая того, что изъ народа все это время были бы отняты лучшія рабочія силы. Если къ тому еще сосчитать проценты на эти восемь миліардовъ, то сумма вышла бы въ нѣсколько десятковъ разъ превосходящая то, во что обойдется выигранная война. Ничего нѣтъ

вѣроятнѣе даже, что богатствомъ своимъ и чрезвычайнымъ, неслыханнымъ процвѣтаніемъ Соединенные-Штаты обязаны много отсутствію войска. Кромѣ того общественное устройство страны такъ привязало жителей къ отечеству, ко всемъ обстоятельствамъ и дѣламъ, касающимся общины, что когда явилась нужда, жители встали какъ одинъ человекъ и пошли умирать за свои порядки. Одинъ изъ сѣверныхъ штатовъ какъ-то въ досадѣ на необходимость все снаряжать и все отправлять волонтеровъ сказалъ наконецъ, что довольно, что больше онъ не дастъ ни одного человека, что съ такою массою войскъ, кака ямѣется на-лицо, способное правительство можетъ очень легко управиться. Вдругъ на театрѣ войны происходитъ маленькое довольно неожиданное явленіе: часть рабовладѣльческаго войска прорвалась сквозь независимое въ одномъ мѣстѣ, и двинулась версты на четыре впередъ, къ столицѣ, Вашингтону, къ капитолію. *На другой же день* по полученіи этого извѣстія черезъ телеграфъ, недовольный штатъ посадилъ на желѣзную дорогу три тысячи совершенно вооруженныхъ волонтеровъ и далъ знать, что если нужно, приславо будетъ войска еще сколько угодно.

Изъ всѣхъ президентовъ, управлявшихъ Соединенными-Штатами, нынѣшній, г. Авраамъ Линкольнъ, или, какъ тамъ его зовутъ — old Ab, ольдъ эбъ, «старикъ Абрамъ», можетъ-быть лучше всѣхъ понимаетъ и тщательно прилагаетъ къ дѣлу ту великую истину, что правительство имѣетъ никогда и ничѣмъ неодолимую силу, когда оно согласно съ общественнымъ мнѣніемъ. Имѣя это постоянно въ виду, онъ удивительно счастливо и благополучно ведетъ дѣла своей страны, несмотря на постоянное и глухое противодействие вѣчныхъ антагонистовъ Соединенныхъ-Штатовъ, англичанъ. Несмотря на крайнее повидимому разстройство дѣлъ, несмотря на войну, на безпрерывные займы, на ужасающее, ежечасное возрастаніе долга, денежныя дѣла идутъ прекрасно. Во всякой другой странѣ въ такихъ обстоятельствахъ курсы падаютъ. Во время крымской войны такъ было во Франціи, въ Англии, вездѣ. А въ Соединенныхъ-Штатахъ, благодаря искусной политикѣ старика Абрама, напротивъ. Въ началѣ, только-что сдѣланъ былъ громадный заемъ, билеты казначейства значительно упали въ цѣнѣ; въ прошломъ ноябрѣ биржевая цѣна ихъ была 89,50, то-есть за облигацию во 100 долларовъ давали только 89 съ половиной. Въ концѣ нынѣшняго апрѣля цѣна ихъ была уже 92 и 93; около 3 мая онѣ продавались 100 за 100, а теперь уже даютъ 105. Ничего нѣтъ краснорѣчивѣе этихъ цифръ. Передъ ними рабовладѣльцы должны смиряться. Ничего нѣтъ на свѣтѣ болѣе робкаго, болѣе осторожнаго и менѣе патріотическаго, какъ капиталъ, какъ биржа. От-

дѣльное лицо можетъ пожертвовать большія деньги, можетъ отдать отечеству даже всѣ свои деньги; но затѣмъ торговля дѣла идетъ своимъ чередомъ: капиталъ, какъ жидкость, стремится вступить въ равновѣсіе и приливаетъ туда, гдѣ есть ему обезпеченіе, кредитъ. Торговля не щадитъ никого и ничего, и гдѣ есть кредитъ, тамъ и сила; гдѣ нѣтъ кредита, тамъ слабость и неизбежное при ней насиліе, какъ мы видимъ теперь въ южныхъ штатахъ. Тамъ теперь окончательно пропало всякое довѣріе къ успѣху рабовладѣльческаго дѣла, стало-быть съ нимъ исчезло и довѣріе къ правительству. Власти тамъ принуждены прибѣгать къ насильственнымъ мѣрамъ, не только уже не рассчитываютъ съ своей стороны на волонтеровъ, но вынуждены были сдѣлать обязательною военную службу для всякаго человѣка, способнаго носить оружіе, если только онъ не принадлежитъ къ числу невольниковъ.

Понятно само собою, что рабовладѣльцы не даютъ оружія въ руки цѣлному населенію: оно употребляется у нихъ исключительно въ качествѣ прислуги, для перевозки тяжестей, для постройки укрѣпленій и т. д. И сколько же въ рабовладѣльческомъ лагерѣ бынаетъ ежедневно казней, сколько разстрѣляныхъ и повѣшенныхъ негровъ зарывается каждую ночь въ землю! Рабовладѣльцы знаютъ очень хорошо, что невольники понимаютъ сущность войны и потому того только и смотрять, какъ бы перебѣжать къ свободной арміи, къ освободителямъ. Отъ этого рабовладѣльцы меньше прежняго довѣряютъ невольникамъ, и жестоко наказываютъ всякую попытку, даже шепотомъ высказанную мысль объ освобожденіи. Впрочемъ эти казни теперь не очень дороги и обходятся, потому что цѣна невольниковъ очень упала. За здороваго работника-негра платили 1200 и 1500 долларовъ неболѣе года тому назадъ, а теперь легко купить такого за 400, много за 500 долларовъ. Недавно въ Мемфисѣ, за мѣсяць до занятія этого города свободными войсками, молодые негреньки года въ четыре и въ три отдавались даромъ.

Мори, извѣстный ученый морякъ Соединенныхъ-Штатовъ, по убѣжденіямъ своимъ принадлежитъ къ рабовладѣльцамъ. Онъ пишетъ между прочимъ, что вынѣшняя война застала южные штаты безъ войска, безъ флота, безъ правительственной системы, безъ всего, тогда какъ у сѣверныхъ все было готово. Надо было все создать вновь, начиная со взорваннаго теперь на воздухъ Меримака, который доказалъ, что время деревянныхъ кораблей и земляныхъ укрѣпленій окончательно прошло. Югъ, по мнѣнію г. Мори, нуждается теперь только во флотѣ, чтобы успѣшно бороться противъ сѣвера; а безъ флота югъ вынужденъ просить помощи у друже-

ственной морскою державою, именно у Франціи. Что касается до Англіи, то югъ слишкомъ сердитъ на нее за нейтралитетъ, который для юга былъ почти такъ же тяжелъ, какъ объявленная война. Южная Каролина и Георгія думали сначала, что при могуществѣ короля-хлопка имъ вѣнужно было флота; а теперь онѣ признаются, что ошибались и готовы давать огромныя деньги, только бы настроить кораблей. Но у нихъ нѣтъ матерьяловъ, и потому онѣ всею душою стремятся къ Франціи. У нея есть флотъ, — говорить г. Мори, — а у насъ всѣ элементы обширной торговли. Намъ нужна помощь ея флота, а ей предстоятъ большія выгоды отъ увеличенія торговли. Отчего же бы намъ не согласиться дѣйствовать заодно?

Отчего же? Да оттого, что несмотря на всѣ предстоящія выгоды, Франція не рѣшится явиться въ Америку защитницею рабовладѣльчества: она еще въ прошедшемъ столѣтїи первая кинулась на помощь свободы Америки. Несмотря на какія выгоды, теперь уже народы и правительства не станутъ слишкомъ легкомысленно ввязываться въ такое дѣло, которое навсегда ляжетъ на нихъ неизгладимымъ пятномъ. Не будь въ южныхъ штатахъ невольничества — конечно Франція и Англія давно оказали бы имъ помощь въ выпѣшнихъ трудныхъ обстоятельствахъ; но по правдѣ тоже сказать, еслибъ не было невольничества, не могло бы быть и самой войны.

Г. Мори вычисляетъ, какія выгоды Франція могла бы получить отъ юга. Офіціальная статистика 1859—60 годовъ показываетъ, что въ этотъ годъ изъ Америки вывезено всего на 373,189,274 доллара товаровъ, между которыми хлопокъ, табакъ и рисъ, южные продукты, оценены въ 210,285,001 долларовъ. Изъ всѣхъ 373 миліоновъ Англія получила товаровъ на 228 миліоновъ, а Франція только на 59. Далѣе г. Мори предлагаетъ планъ подкупа Франція посредствомъ особливо выгоднаго коммерческаго трактата.

«Положимъ, — говоритъ онъ, — что мы предложимъ Франціи участіе въ нашей каботажной торговлѣ и отъ 5 до 10 процентовъ выгоды на ея товары противъ чужихъ; что мы дадимъ ея кораблямъ монополію заграничнаго вывоза нашихъ товаровъ, постановимъ наприѣръ, что съ товаровъ, вывозимыхъ на французскихъ корабляхъ, платится на 1 процентъ менѣе пошлины, чѣмъ съ товаровъ другихъ націй. Тогда морская торговля Франція расширится невѣроятно... Гавръ скоро займетъ въ Европѣ мѣсто Ливернуля... Сѣверные штаты получили огромное коммерческое значеніе только потому, что всегда свободно торговали съ югомъ, и отъ монополіи, каковую устроили они для своихъ мануфактурныхъ това-

ровъ на южномъ рынкѣ. Отяните эту свободу, уничтожьте эту монополию (окончательное отдѣленіе конечно произведетъ такое слѣдствіе) — и сѣверъ обанкротится.»

Но г. Морр можетъ успокоиться. Сѣверъ не обанкротится и сѣверъ одолѣетъ, потомучто кромѣ силъ физическихъ, кромѣ многолюдства, кромѣ колоссальныхъ богатствъ и неистощимаго кредита, у него есть важное передъ югомъ преимущество, котораго одного достаточно было бы для одержанія побѣды: онъ несравненно образованнѣе юга. Въ этомъ случаѣ можно бы отвѣчать г. Морр тоже цифрами. По ревизіи 1850 года бѣлое населеніе невольничьихъ штатовъ было 6,184,477 душъ, а цвѣтное 9,612,979 душъ. Изъ всего числа жителей южныхъ штатовъ, учащихъ было 581,861. Въ одномъ изъ сѣверныхъ штатовъ, Нью-Йоркъ, 3,097,394 души, и между ними учащихъ 675,221, или на 93,360 человекъ больше, нежели во всѣхъ невольничьихъ штатахъ вмѣстѣ взятыхъ. Всѣ восемь хлопковыхъ штатовъ, отъ Южной Каролины до Арканзаса, съ народонаселеніемъ въ 3,970,337 душъ, имѣютъ только 141,032 учащихъ; а штатъ Массачузетъ, съ общимъ населеніемъ въ 994,514 душъ, имѣетъ 176,475 учащихъ, или на 35,443 ученика болѣе всѣхъ хлопковыхъ штатовъ вмѣстѣ. Газеты и періодическія изданія составляютъ прекрасный барометръ умственной жизни народа, и въ этомъ отношеніи сѣверъ имѣетъ громадное преимущество передъ югомъ. Но чтобы быть безпристрастнымъ, не надо брать въ сравненіе такой большой центръ, какъ городъ Нью-Йоркъ. Во всѣхъ невольничьихъ штатахъ въ 1850 году выпущено было въ свѣтъ 81,038,698 печ. листовъ, тогда какъ въ одномъ штатѣ Пенсильваніи, который не отличается еще особенно высокою степенью образованности, выпущено 84,898,672 печ. листа, или на 3,859,974 листа болѣе, нежели во всѣхъ невольничьихъ штатахъ. Въ восьми хлопковыхъ штатахъ выпущено только 30,041,991 листъ, а въ одномъ штатѣ Массачузетъ 64,820,564 листа, или на 34,778,573 болѣе, нежели во всѣхъ хлопковыхъ штатахъ вмѣстѣ взятыхъ.

Послѣ всѣхъ этихъ цифръ, да еще принимая въ соображеніе съ одной стороны свободу, а съ другой рабство, понятно само собою, которая сторона одерживаетъ верхъ. Мало-помалу свободное войско подвигается впередъ, рабовладѣльческое войско отступаетъ, уступая свободнымъ одну позицію за другою, одинъ городъ за другимъ. Но на бѣду, а можетъ-быть и къ счастью свободныхъ штатовъ, въ ихъ войскѣ не является ни одного не только военнаго генія, но даже и таланта. Война ведется медленно, осторожно; сраженіе дается не иначе, какъ при расчитанной на счетахъ увѣренности въ побѣдѣ. Частыя бывають стычки, когда случайно столкнутся

люди одного войска съ людьми другого, и стычки кровопролитныя. Дикари-индѣйцы, служащіе волонтерами въ южномъ войскѣ, съ увлеченіемъ занимаются скальпированіемъ убитыхъ или полуубитыхъ непріятелей, а кстатѣ и своихъ, потому что по волосамъ послѣ не разберешь, къ какому войску принадлежалъ павшій воинъ. Но настоящаго сраженія, какъ мы привыкли къ нимъ Европѣ, тамъ не бываетъ. Главныя силы по вѣскольку недѣль и мѣсяцевъ стоятъ одна противъ другой, дожидаясь подкрѣпленій, и потомъ слабѣйшая, обыкновенно южная, сторона отступаетъ. Иной разъ кораблямъ некуда отступить, и тогда они взрываются и тонуть. Въ итогъ те-перь выходитъ, что рабовладѣльческіе штаты стѣснены со всѣхъ сторонъ, мало-помалу все больше стѣсняются и сѣверъ торжествуетъ. Дѣло доходитъ уже до Ричмонда, столицы южной конфедерации. Надо ждать довольно рѣшительныхъ извѣстій.

Мексиканскія дѣла

26 іюня Жюль-Фавръ высказалъ въ парижской законодательной палатѣ много горькихъ истинъ. Передъ тѣмъ правительство потребовало у палаты пятнадцать миліоновъ на расходы по мексиканской войнѣ, и деньги эти немедленно, безъ малѣйшаго сопротивленія, были асигнованы. Дѣло очевидно шло о томъ, чтобы пособить далеко зашедшимъ землякамъ, выручить ихъ изъ бѣды и поддержать честь знамени. Когда правительство требуетъ деньги для такого назначенія, то оно можетъ быть увѣрено, что не встрѣтитъ оппозиціи ни одного члена, къ какой бы онъ ни принадлежалъ партіи. Но дѣло въ томъ, что война съ Мексикою начата была въ прошедшемъ ноябрѣ, именно около той поры, когда французское правительство торжественно заявило о неудовлетворительности своихъ финансовыхъ дѣлъ, стало-быть когда была самая настоящая пора взяться за строгую экономію. А между тѣмъ начата была дорогая и далекая война. Испанія и Англія присоединились къ Франціи, потому что имъ тоже было нужно кое-что выместить, кое-какія права обезпечить. Такой союзъ былъ весьма выгоденъ: тягости войны разлагались на три народа, успѣхъ казался вѣрнѣе и скорѣе. Трактатомъ, заключеннымъ 31 октября, ясно обозначена была цѣль экспедиціи. Статья первая гласитъ, что въ Мексику посланы будутъ морскія и сухопутныя силы, достаточныя для занятія военныхъ позицій на берегу. Во второй статьѣ сказано, что три державы не будутъ помогать для себя никакихъ поземельныхъ приобретеній, никакихъ особенныхъ выгодъ, что на внутреннія дѣла Мексики онѣ не будутъ имѣть никакого вліянія вродѣ посягательства на независимость

страны, на ея право свободно выбирать себѣ правительство. Особенныя инструкціи, данныя уполномоченнымъ, напоминаютъ обязательство не выѣзживать во внутреннія дѣла страны. Но прибавлено было, что ежели здоровая часть населенія, утомленная безначаліемъ, будетъ стараться установить правительство сильное и устойчивое, то ненадо обескураживать этихъ попытокъ. Ничего нѣтъ опаснаго, какъ давать уполномоченному такія неясныя инструкціи. Онъ является въ чужую страну предводителемъ войска и долженъ стараться узнать, каково тамъ общественное мнѣніе. Самое положеніе его лишаетъ его возможности узнать что-нибудь обстоятельно: само собою разумѣется, что къ нему явятся всѣ противники существующаго порядка, довольно согласные въ своихъ воззрѣніяхъ. Естественно, что мнѣніе этихъ людей и покажется ему общественнымъ. И чтоже такое значить — здоровая часть населенія? На дѣлѣ непремѣнно выйдетъ, что это та, которая съ распростертыми объятіями бросится къ вооруженнымъ иноземцамъ, вторгающимся въ страну. Можно навѣрное сказать, что это самая презрѣнная часть населенія.

Какъ бы то нибыло, экспедиція была рѣшена: Франція должна была послать отъ 2500 до 3000 человекъ. Но тотчасъ явились опасенія. Стали говорить, будто покровительство французовъ только предлогъ, подъ которымъ кроются другія цѣли, будто Франція хочетъ разрушать въ Мексикѣ существующій порядокъ и замѣнить его монархическимъ. Произносилось даже имя принца, весьма рискующаго, хотя и австрійскаго, который будтобы согласился быть кандидатомъ. Экспедиція отправилась въ ноябрѣ, а въ декабрѣ прибыла въ Мексику. Тогда Вера-Крузъ былъ уже въ рукахъ испанцевъ, которые пришли на мѣсто раньше другихъ. Официально извѣстно, что войско не имѣло ни лошадей, ни обоза, ни телѣгъ, никакихъ придаточныхъ средствъ передвиженія, кромѣ солдатскихъ ногъ. А между тѣмъ время для экспедиціи выбрано было неудачное: приближался тотъ страшный мѣсяць, когда желтая лихорадка обыкновенно свирѣпствуетъ и стало-быть уже готова была на помощь мексиканцамъ на случай непріязненныхъ дѣйствій. Надо было торопиться. Но такъ какъ надо же было сказать хоть слово мексиканцамъ, чтобъ объяснить въ чемъ дѣло, то и пущена была прокламація, о которой мы уже говорили мѣсяца два тому назадъ. Говорилось въ этой прокламаціи мексиканцамъ: «Объятія Франціи вамъ открыты. Бросьте тѣхъ, чье иго тяготитъ на васъ. Мы пришли, чтобы сбросить это иго.» Но никто въ объятія не явился, прокламація осталась безъ отзыва. Только министръ иностранныхъ дѣлъ далъ знать, что онъ будетъ отвѣчать на одни дипломатическія со-

общенія. Онъ прибавилъ, что высадившееся союзное войско на берегу скоро будетъ истреблено жолтою лихорадкой, во избѣжаніе чего онъ готовъ открыть имъ входъ въ ущелья здоровой мексиканской возвышенности на двухъ условіяхъ: 1) чтобы ихъ требованія оставили неприкосновеннымъ существующее правительство; 2) если трактатъ, о заключеніи котораго началась рѣчь, не будетъ подписанъ, то чтобы войска отступили опять на берегъ, на свои прежнія мѣста. Это было въ февралѣ 1862 года. Уполномоченные составили ноту, въ которой изложили свои требованія, и графу Рейсу (генералу Приму) поручено было пройти ущелья, отдѣляющія берегъ отъ высокихъ земель, чтобы окончателно условиться съ мексиканскимъ министромъ. Весьма скоро дошло дѣло до соглашенія, и не могло быть иначе. Мексика соглашалась вступить въ переговоры, а поручителями за свой домъ представляла Соединенные-Штаты. Въ такихъ обстоятельствахъ и при такихъ условіяхъ уполномоченными подписанъ былъ договоръ въ Соледадѣ. Въ силу этого договора должны были начаться окончателно переговоры, а союзныя войска положено перевести на возвышенности, въ мѣста безопасныя отъ жолтой лихорадки. Мексиканцы прислали почетную стражу въ 2000 человекъ, чтобы проводить французское войско на новыя мѣста расположенія, безъ чего пришлось бы или всѣмъ поголовно погнубить отъ жолтой лихорадки, или сѣсть на корабли и плыть домой. Въ этомъ новомъ положеніи условлено было ждать до 15 апрѣля, когда ожидался изъ Европы окончателный отвѣтъ съ выраженіемъ согласія или несогласія на заключенный договоръ. Тутъ произошло несогласіе. Мадридскій и лондонскій кабинеты одобрили соледадскую конвенцію, а парижскій не одобрилъ. Стало-быть или агентамъ правительства даны были неточныя инструкція, и такимъ образомъ они подверглись стыду не быть одобренными, или тутъ была другая, скрытая цѣль. Но какъ бы то нибыло, если конвенція не была одобрена, все-таки оставались формальныя обѣщанія, которыя слѣдовало выполнить: именно французскому главнокомандующему слѣдовало уйти за ущелья, въ низкую, лихорадочную страну, на берегъ. Но онъ не исполнилъ даннаго слова, что даже не оправдывается военными потребностями. Французское войско слѣзлось пристанищемъ разныхъ бѣглецовъ, заговорщиковъ, эмигрантовъ, изгнанныхъ и оружіемъ, и волею народа. Опять произошло не только несогласіе, но и разрывъ съ союзными державами. Когда прошелъ слухъ, что къ мексиканской экспедиціи присоединятся партизаны прежде свергнутаго въ Мексикѣ правительства съ генераломъ Мирамономъ, то представитель Англіи объявилъ, что онъ его арестуетъ и будетъ судить, зато что онъ украсть деньги англійскаго

посольства. Мираномъ испугался и высадился въ Гавань. Что же сдѣлали французы? Валя подъ свое покровительство генерала Альмонте и отца Миранду, приверженцевъ военно-клерикальнаго правительства, которое было выгнано и на мѣсто котораго стало конституціонное правительство нынѣшняго президента Хуареза. Альмонте несмѣлъ ступить на мексиканскую землю, неподвергнувшись всей строгости законовъ, а между тѣмъ французское войско приютило его. Онъ прямо говорилъ, что явился поддерживать кандидатуру эрцгерцога Максимилиана, какъ и сказано буквально въ одномъ изъ протоколовъ. Тамъ сказано: генералъ Альмонте объявилъ, что онъ рассчитываетъ на союзныя державы для перемѣны существующаго правительства на монархію и возведенія одного эрцгерцога; онъ рассчитываетъ, что проектъ будетъ принятъ хорошо и можетъ быть выполненъ недалѣе какъ въ два мѣсяца. На это представители Англіи и Испаніи объявили, что присутствіе въ войскѣ генерала Альмонте прямо противорѣчитъ лондонской конвенціи, въ силу которой союзники обязаны воздерживаться отъ всякаго насилія мексиканскому правительству.

Тутъ же кстаги нарушались права человѣчества, попирались nogами всякая нравственность. Война всегда есть печальная крайность. Къ ней прибѣгаютъ для отраженія силы, для отмщенія оскорбленія, для помощи союзнику. Но предпринимать войну, чтобы навазать націи правительство, котораго она не хочетъ, чтобы поддержать честолюбивые замыслы гражданина, выгнаннаго изъ отечества — это уже чисто преступленіе. Что думать о томъ, кто накликаетъ на свое отечество ужасы иностраннаго вторженія? Альмонте объяснялся откровенно: подъ защитою и при помощи французскихъ пытыковъ онъ намѣренъ выбрать, которое правительство для Мексики лучше. Говорятъ, что недостойно Франціи покинуть его на произволъ судьбы. Да, еслибъ онъ пришолъ просить убѣжища. Но онъ пришолъ устроить въ своемъ отечествѣ междоусобную войну. Понятно послѣ этого почему Хуарезъ объявилъ, что пока Альмонте будетъ во французскомъ лагерѣ, онъ несогласенъ вести никакихъ переговоровъ. Чѣмъ бы ни кончилась нынѣшняя война, Хуареза нельзя не уважать за такую рѣшимость.

Между представителями союзныхъ державъ опять была конференція. Объявлено было, что присутствіе Альмонте составляетъ для испанцевъ и англичанъ препятствіе къ продолженію ихъ помощи. Требовалось увести Альмонте. Адмиралъ де-Лагравьеръ отказался. Испанскій и англійскій представители не олобрили этого; на томъ и произошолъ разрывъ. Но была еще причина несогласія. Каждая держава предоставила себѣ право предъявлять свои особенныя тре-

быванія. Франція считала за Мексикою сумму небольшую. Прежними трактатами постановлено было 750,000 долларовъ. Но къ этому надо прибавить до четырехъ миліоновъ долларовъ еще не доказанныхъ французскихъ претензій. А на конференціяхъ во имя Франціи говорено было сначала о 12 миліонахъ, а потомъ о 75 миліонахъ франковъ (15 миліоновъ долларовъ). Эта громадная сумма относится къ займу, извѣстному подъ именемъ Жеккера. Предполагается, что новое, будущее правительство обязано будетъ признать этотъ безобразный заемъ. Стоитъ только вспомнить что говорилъ о немъ лордъ Россель: когда у Миромона дѣла были очень плохи, не было ни копѣйки денегъ, домъ Жеккеръ далъ ему займы 3,750,000 франковъ, а получилъ облигацій, по которымъ уплата должна была производиться въ разные сроки, на чудовищную сумму въ 75 миліоновъ франковъ. Отъ Хуареза потребовали, чтобы онъ заплатилъ эту сумму. Онъ разумѣется отказалъ, и на его сторонѣ были всѣ безпристрастные люди. Положено было, что онъ уплатитъ 3,750,000 франковъ, т. е. 750,000, а не 15 миліоновъ долларовъ. Вдобавокъ еще надо замѣтить, что Жеккеръ былъ швейцарскій торговый домъ, обанкротившійся вскорѣ послѣ того, какъ свергнутъ былъ съ мексиканскаго президентства Миромонъ. Облигаціи продавались чуть не даромъ, по полкопѣйкѣ за рубль. Одно общество честныхъ спекуляторовъ купило ихъ, и желаетъ теперь получить 75 миліоновъ франковъ. Вотъ исторія долга, который Франція теперь беретъ подъ свое покровительство. Ктому же еще газета «Times» увѣряетъ, будто эти облигаціи были скуплены обществомъ, во главѣ котораго стоятъ важныя, вліятельныя и пользующіяся во Франціи уваженіемъ лица. Этотъ номеръ газеты во Франціи былъ остановленъ и не раздавался. Вслѣдствіе этого, какъ бываетъ обыкновенно, пошли толки, причина запрещенія конечно сдѣлалась извѣстна, и составилось такого рода мнѣніе: Если номеръ газеты запрещенъ, то конечно потому, что знаетъ кошка чье мясо съѣла: испугались обличенія и хотятъ замаять дѣло. Но если это клевета, то почему же не разъяснить дѣло? Отчего правительство не объявить, что оно будетъ требовать только 3,750,000 франковъ, т. е. сумму, дѣйствительно данную займы, но что оно съ омерзѣніемъ отворачивается отъ этихъ зазорныхъ спекуляцій безсовѣстныхъ ростовщиковъ?

Теперь для Франціи осталось одно средство честно кончить дѣло: заключить договоръ и уйти изъ Мексики. А война? Для чего война? За что война? Гдѣ непріатели? Если французы не суть партизаны Альмонте, то у нихъ нѣтъ непріателей въ Мексикѣ. Поэтому-то война въ высшей степени несправедлива. Впрочемъ можно и под-

вигаться впередъ, и у Франціи на это хватить и умѣнья, и людей, и денегъ. Но за побѣдою слѣдуетъ отвѣтственность. Можно установить другое правительство, но вѣдь придется его поддерживать, и для этого издерживать ежегодно миліоновъ 30 денегъ, да содержать въ столицѣ, въ Мехико, тысячи четыре войска, да тысячь двѣнадцать въ провинціяхъ.

Стало-быть для Франціи эта война во всякомъ случаѣ невыгодна; но зато она весьма пригодна для поддержанія во Французахъ довѣрія къ ихъ правительству, ихъ воинственнаго духа, и вообще для дѣла цивилизаціи. Положеніе дѣлъ тамошняго правительства весьма теперь печально; но и передъ самою войною едва-ли было многимъ лучше. Вотъ какъ описываетъ его г. Матью, англійскій посланникъ въ Мехико:

«Втеченіе двухъ послѣднихъ мѣсяцевъ положеніе не перемѣнилось. Сеноръ Мата заступилъ мѣсто вышедшаго министра финансовъ сенора Пьетро. Смерть сенора де-Фехадя, искуснѣйшаго финансоваго челоуѣка въ республикѣ, составляетъ великую потерю, которая будетъ весьма тяжело чувствоваться въ нынѣшнихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Сеноръ Фуэнте, извѣстный здѣсь юристъ, уѣхалъ изъ Мексикки на послѣднемъ пароходѣ, съ порученіемъ въ Парижъ и вѣроятно въ Испанію. Одно обстоятельство отдалило его отъѣздъ: трудность достать сумму, необходимую на поѣздку. Такая крайняя бѣдность и составляетъ повидимому причину продолжительнаго существованія и даже увеличенія отрядовъ гверильясовъ подъ начальствомъ испанцевъ Кобоса и Викаріо, и гиснаго Маркеза, который продолжаетъ убивать и грабить. Сдѣланы были двѣ попытки произвестъ въ столицѣ безпорядки; но къ счастью вовремя захватили. Кромуъ всего этого, общественное спокойствіе не нарушается, и какъ ни плохо, какъ ни слабо нынѣшнее правительство, кто видѣлъ убійства, разбои, грабежъ и всѣ ужасы, совершавшіеся въ управленіе президента Мирамона и его совѣтниковъ Діаза и Маркеза, тотъ можетъ поздравить Мексикку съ большимъ прогресомъ. Иностранцы, которые жестоко страдали отъ самовластія Мирамона, при которомъ нетерпимость къ иностранцамъ составляла одинъ изъ догматовъ клерикальной партіи, особенно хорошо цѣнятъ разницу между настоящимъ и прошедшимъ. Президентъ Хуаресъ не имѣетъ энергіи, какая требуется въ нынѣшнемъ кризисѣ; но это челоуѣкъ прямой и благонамѣренный, превосходный во всѣхъ частныхъ житейскихъ сношеніяхъ. Одно то обстоятельство, что онъ индѣецъ, дѣлаетъ его предметомъ вражды и насмѣшекъ со стороны испанскаго престонородья и со стороны креоловъ, вообще людей смѣшанной крови, ко-

торые забавнымъ образомъ воображаютъ, будто они благороднѣе его и *должны* занимать высшее общественное положеніе. Я уже доносилъ, какіе, по-моему, есть недостатки въ нынѣшней мексиканской конституціи и какъ трудно теперь сохраненіе мира, потому что продолжительныя безпорядки и самовластное управленіе совершенно уничтожили всякій патріотизмъ въ высшихъ классахъ, произвели безнравственность и умственную спячку. Говорятъ, что желаніе перемѣны существуетъ во многихъ мѣстахъ, будто бродить уже мысль объ избраніи военнаго диктатора; но нечего говорить, что это не поможетъ нынѣшнимъ бѣдствіямъ и не предупредитъ будущія. Изюмъ этого свойства людей генералъ Сантана былъ способнѣйшая въ Мексикѣ личность, и нельзя отрицать, что энергія его характера была во многихъ случаяхъ полезна; но дѣло въ томъ, что самая могучая самовластная рука не можетъ создать ни чувства справедливости, ни сознанія и уваженія правъ, ни любви къ родинѣ, ни благосостоянія, основаннаго на продолжительномъ мирномъ положеніи. Вся надежда Мексики теперь на миръ. Степень гражданской и религіозной свободы здѣсь достаточны; недостаетъ только мира, чтобы стройно развилась общественная жизнь, правильно прилагалась конституція и чтобы народъ развивался умственно.»

А съ тѣхъ поръ какъ императоръ французовъ перемѣнилъ цѣль мексиканской экспедиціи и намѣренъ основать новую въ Америкѣ династію, нечего ждать мира. Слабыя французскія силы, отправленныя въ Мексику, оказываются недостаточными; опѣ потерпѣли уже неудачи, и требуется подкрѣпленіе тысячъ въ пятнадцать или въ двадцать. Надѣялись, что мексиканскій народъ встрѣтитъ французскихъ солдатъ какъ избавителей, или можетъ-быть надѣялись крошечнымъ отрядомъ разбить все войско Мексики. Но эти надежды не оправдались. Приходится сильно увеличивать войско, чтобы въ Америкѣ не составилось ложнаго понятія о французскомъ могуществѣ, такъ что мексиканскій вопросъ сдѣлался первостепеннымъ политическимъ вопросомъ. Пришлось бороться противъ войска въ странѣ весьма трудной, и до тѣхъ поръ, пока это войско не будетъ уничтожено, приверженцамъ монархіи довольно трудно будетъ заставить себя слушать, и Альмонте можетъ сколько угодно объявлять себя президентомъ республики. Человѣчеству собственно говоря все равно, чѣмъ будетъ Мексика, республикой или монархіей. Но говорятъ, что «когда Франція довольна, то миръ спокоенъ». Ну и прекрасно, особенно если она ищетъ удовольствія внѣ Европы.

Послѣднія извѣстія

Были извѣстія, что генералъ Гарibaldi уѣхалъ на островъ Капреру, и сколько радости причинило это извѣстіе въ людяхъ извѣстнаго рода убѣжденій! Но вдругъ получается достовѣрнѣйшее извѣстіе, что онъ въ Палермо, и тамъ, подъ предсѣдательствомъ наследнаго принца, старшаго сына короля Виктора-Эммануэля, открываетъ стрѣлковое общество. Сей гражданинъ Италіи узналъ, что въ Сициліи начался весьма сильный ропотъ противъ увеличенія цѣны гербовой бумаги и большаго возвышенія крѣпостныхъ пошлинъ, и поѣхалъ, чтобы своимъ присутвіемъ успокоить умы, несмотря на то, что проглотивъ оскорбленіе, больше всего хотѣлось бы ему отдохнуть въ своемъ дикомъ уединеніи.

Въ туринской палатѣ депутатовъ утверждена сѣта прихоторасходная въ томъ самомъ видѣ, какъ она представлена была кабинетомъ. Это новая, значительная побѣда министерства.

НАШИ ДОМАШНЯЯ ДЪЛА

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ

Впечатлѣнія, произведенныя на Петербургъ пожарами. — Погибшая сокровищница. — Мѣры противъ пожаровъ и другія правительственныя распоряженія. — Прекращеніе изданія двухъ журналовъ. — Способы противъ вторженія ложныхъ вѣстей. — Новоросійскій университетъ. — Занимательность «донесенія» одной ревізійной комиссіи и одинъ крупный недочетъ. — Другой занимательный предметъ по питейно-дорожной части. — Московское поощреніе отечественной промышленности. — Преобразованіе московскаго городского управленія. — Сличеніе прошедшаго съ настоящимъ и настоящаго съ будущимъ: отношенія издателей къ подписчикамъ и обратно; отношенія изобрѣтателей мыслей къ современникамъ и потомству и обратно.

Вамъ, читатель иногородный, мы повѣдаемъ, что въ концѣ прошедшаго мая и началѣ текущаго іюня обывателямъ С. Петербурга было очень тяжело. Безъ сомнѣнія вы уже слышали о здѣшнихъ пожарахъ... Большіе пожары конечно бывали у насъ и прежде: лѣтъ восемь назадъ горѣлъ Измайловскій полкъ, потомъ горѣли Пески, горѣла Ямская, но все это не то: нынѣшніе пожары заключали въ себѣ нѣчто особенное; поэтому и произведенное ими впечатлѣніе и вообще послѣдствія ихъ имѣютъ свою особенность. Послѣ страшнаго 28 мая, испепелившаго между прочимъ то многообразное, невообразимо-плотно населенное торжище, которымъ пробавлялась въ своихъ мелкихъ житейскихъ потребностяхъ огромная масса высшихъ и среднихъ слоевъ Петербурга, — послѣ этого страшнаго дня весь Петербургъ, за нѣкоторыми развѣ счастливыми исключеніями, вдругъ потерялъ сонъ. Ему рѣшительно не спалось: медремлющія очи глядѣли по всѣмъ улицамъ отъ вечера до утра, и всю ночь слышался тревожный говоръ; каждый шумъ проѣхавшаго экипажа, каждый свистокъ хожалаго — заставлялъ мирнаго обывателя вскакивать съ постели и торопливо подбѣгать къ огню; тѣмъ,

изъ чьихъ оконъ видна каланча ближайшей части, она не давала ничѣмъ спокойно заняться: они глаза проглядѣли на нее и совсѣмъ утомили зрѣніе; тѣмъ, которыхъ природа надѣлила болѣе твердымъ духомъ и невозмутимою покорностью судьбѣ, — если и удавалось засыпать, то воснѣ видѣлись огненные рѣки и озера, совершенно наподобіе пылающихъ лѣсныхъ дворовъ и сплошныхъ кѣтушекъ Апраксина двора; а инымъ, болѣе экзальтированнымъ, и на-яву мерещились огоньки: было ли то отраженіе заходящаго солнца въ оконныхъ стеклахъ, или внезапно повалившій черный дымъ изъ фабричной трубы или изъ затопленныхъ съ вечера общественныхъ бань, — все это бросало тревогу въ сердце и заставляло обращаться къ той же полицейской каланчѣ, какъ къ спасительному маяку, и долго всматриваться, не поднимаютъ ли шары. Была даже минута такого настроенія, что два встрѣтившіеся на улицѣ незлобивые и никому зла нежелающіе пѣшхода взаимно мѣряли другъ друга внимательнымъ взоромъ и у обоихъ одновременно рождалась одна и таже мысль: «А кто его знаетъ? можетъ-быть и это поджигатель!..» Да! былъ періодъ такого народнаго настроенія, когда мирному, во всѣхъ отношеніяхъ благонамѣренному челоуѣку приходилось испытать на себѣ дѣйствіе зоркихъ, недоувѣрчивыхъ глазъ, встрѣчавшихъ и провожавшихъ его изъ-за каждаго угла. Ощущеніе, согласитесь, несовсѣмъ пріятное!..

А знаете ли что между прочимъ погибло 28 мая выѣстъ съ Апраксинымъ дворомъ? Объ этомъ надо послушать одного страстнаго библіофила. «Пришолъ я — говоритъ онъ — на другой день утромъ на пенелнице толкучаго рынка и встрѣтилъ тамъ толпу знакомыхъ мнѣ погорѣвшихъ книжниковъ. Что, спрашиваю, все пропало? — «Почти-что все». — Укажите же, гдѣ была лавка *Матюшина*. — «Вотъ гдѣ была она, лавка Матюшина!» отвѣтилъ одинъ и швырнулъ камушекъ въ грудь пепла и тлѣющихъ угольевъ... А вѣдь въ лавкѣ Матюшина были вещи, которыхъ и не найти нигдѣ; у Матюшина въ лавкѣ, — не въ этой, что сгорѣла, а въ прежней (прежде онъ торговалъ въ линіи по Садовой), — Карамзинъ занимался, Пушкинъ приходилъ къ нему за сиравками; московскіе знатоки и искатели древностей нарочно пріѣзжали порыться на чердачкѣ Матюшина; къ нему обращались иногда за отдѣльными томами къ рѣдчайшимъ разрозненнымъ изданіямъ, даже за нѣсколькими недостающими страницами, и онъ подбиралъ эти томы и страницы, — ноть что было дорого! Это была просто незамѣнимая сокровищница... Если не вѣрите, спросите у М. Н. Лонгинова, онъ хорошо знаетъ что такое былъ сгорѣвшій теперь чердачокъ старика-Матюшина!.. Книжники толковали на пожарницѣ, что враль

ли переживетъ такую бѣду старикъ-сверстникъ А. Ф. Смирдина; у него же въ послѣднее время, говорятъ, развилась какая-то страстная, родительская привязанность къ книгамъ, особенно къ рѣдкимъ экземплярамъ. Но онъ уже открылъ продажу книгъ въ палаткѣ, на Семеновскомъ плацѣ; только незнаю что тамъ у него за книги: кажется, что души-то, самого-то суть — завѣтнаго чердачка съ драгоценными для насъ, гробокопателей, курьезами — больше не существуетъ!..»

Такъ вотъ — знали ли вы, читатель иногородный, да и многіе ли изъ петербургскихъ жителей знали о существованіи такого чуднаго книгохранилища на толкучемъ рынкѣ?

Въ то время когда пишутся эти строки, прошло уже три недѣли со дня прекращенія пожаровъ. Петербургъ начинаетъ спать спокойнѣе; разговоры, кромѣ пожаровъ и поджигателей, повременамъ обращаются уже и на другіе предметы, хотя болѣе или менѣе подходящіе по характеру къ недавнему тревожно-мрачному расположенію общественнаго духа. Пространство, занимаемое Апраксинымъ и Щукинымъ дворами, временно опустошенное, начало оживляться; промышленная жизнь, прекращенная на минуту, снова стала пробиваться на пенелицѣ, какъ молодая зелень ранней весной. Если относить причину нашихъ пожаровъ къ злоумышленнымъ поджогамъ, то прекращеніе ихъ всего естественнѣе объяснить тѣми энергическими мѣрами, которыя приняты противъ подобныхъ покушеній. Вы конечно уже слышали и объ этихъ мѣрахъ: онѣ состоятъ въ учрежденіи особой слѣдственной комиссіи; въ повелѣніи — поджигателей и подстрекателей къ безпорядкамъ судить военнымъ судомъ по полевымъ законамъ, съ предоставленіемъ военному генералъ-губернатору права подтверждать и приводить въ исполненіе приговоры суда; въ раздѣленіи Петербурга на три временныя военныя губернаторства, въ усиленіи городской стражи, въ распоряженіяхъ для возбужденія бдительности дворниковъ, наконецъ въ приглашеніи всѣхъ жителей къ содѣйствію наблюденіямъ полиціи и къ соблюденію всѣхъ возможныхъ предосторожностей. Все это, вмѣстѣ съ крайне-напряженною внимательностью самого народа конечно должно было устранить и даже сдѣлать невозможными и злоумышленные попытки и неосторожное обращеніе съ огнемъ самихъ жителей.

Съ описанными мѣрами, принятыми противъ пожаровъ, совпало много другихъ правительственныхъ распоряженій, если не относящихся прямо къ пожарамъ, то имѣющихъ соотношеніе съ послѣдними событіями и съ общимъ направленіемъ мыслей. Вотъ эти распоряженія:

Закрѣтъ существовавшій въ Петербургѣ *Шахматный клубъ*.

Закрѣты — сначала двѣ воскресныя школы, въ которыхъ обнаружено распространеніе вредныхъ ученій и идей; потомъ закрыты воскресныя школы, учрежденныя при войскахъ, — въ тѣхъ видахъ, что злоумышленные люди могутъ и въ этихъ школахъ проводить вредныя и ложныя ученія; наконецъ «Сѣверная Почта» объявила, что «государь императоръ, по обсужденіи въ совѣтѣ министровъ представленныхъ его величеству свѣдѣній о вредномъ направленіи, обнаруженномъ въ нѣкоторыхъ воскресныхъ школахъ и народныхъ читальняхъ, высочайше повелѣтъ соизволивъ: 1) немедленно приступить къ пересмотру правилъ объ учрежденіи воскресныхъ школъ; 2) впредь до преобразованія воскресныхъ школъ на новыхъ основаніяхъ, закрыть всѣ нынѣ существующія воскресныя школы и читальни.»

Упразднено только-что учрежденное при обществѣ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ «отдѣленіе для пособія учащимся молодымъ людямъ».

Изданы *временныя правила о надзорѣ за типографіями, литографіями и другими подобными заведеніями* (высочайше утвержденныя 14 мая). Для этого надзора, по правиламъ, установлены особыя чиновники, снабженныя отъ министерства внутреннѣхъ дѣлъ инструкціею. Въ инструкціи между прочимъ сказано, что «осмотры типографій и другихъ заведеній должны быть производимы столь возможно чаще, причемъ чиновники удостовѣряются: имѣются ли въ нихъ шнуровыя книги и правильно ли онѣ ведутся, повѣряя записанное въ книгахъ съ дѣйствительно-произведенными и производимыми работами или торговлею; а въ заведеніяхъ, торгующихъ принадлежностями тисненія, обозрѣваютъ документы, на основаніи которыхъ товары отпущены». Далѣе, что «чиновники обязаны имѣть постоянно вѣрныя свѣдѣнія о наличномъ имуществѣ типографій, литографій и т. п., какъ-то: о количествѣ шриотовъ, числѣ станковъ, разнаго рода машинъ, камней, досокъ и проч., а въ случаѣ увеличенія въ заведеніи принадлежностей тисненія наблюдать какъ за тѣмъ, чтобы вновь приобретаемыя принадлежности подробно записаны были въ книгу, такъ и за тѣмъ, какое изъ нихъ дѣлается употребленіе». Далѣе, «чиновники бдительно наблюдаютъ, чтобы въ типографіяхъ, литографіяхъ и т. п. заведеніяхъ не производились недозволенные закономъ работы, а на заводахъ, въ лавкахъ, магазинахъ и гдѣ-бы то ни было—незаконная продажа принадлежностей тисненія. При исполненіи этой обязанности необходимо короткое ознакомленіе со всѣми личностями, занимающимися въ означенныхъ заведеніяхъ. За употребленіемъ принадлежностей ти-

свѣдѣ частными лицами чиновники наблюдаютъ или сами непосредственно, или чрезъ полицейскихъ агентовъ. По тѣсной связи типографскаго дѣла съ книжною торговлею, чиновники обязаны тщательно слѣдить за торговлею книгами въ лавкахъ и въ разнось.»

Изданы *временныя правила по дѣламъ книгопечатанія*, высочайше утвержденныя 12 мая, для руководства по цензурѣ, впредь до пересмотра всѣхъ цензурныхъ постановленій. Изъ тринадцати пунктовъ этихъ правилъ мы приведемъ нѣкоторыя, особенно тѣ, противъ которыхъ нашъ братъ пишущій можетъ иногда погрѣшнить безъ умысла, лишь по невѣдѣнію.

«3) При разсмотрѣніи сочиненій и статей о несовершенствѣ существующихъ у насъ постановленій, дозволять къ печати только спеціальныя ученые разсужденія, написанныя тономъ приличнымъ предмету и притомъ касающіяся такихъ постановленій, недостатки которыхъ обнаружались уже на опытѣ.

«4) Въ разсужденіяхъ о недостаткахъ и злоупотребленіяхъ администраціи не допускать печатанія именъ лицъ и собственнаго названія мѣстъ и учрежденій.

«5) Разсужденія, указанныя въ двухъ предыдущихъ пунктахъ, дозволить только въ книгахъ, заключающихъ неменѣе *десяти* печатныхъ листовъ, и въ тѣхъ періодическихъ изданіяхъ, на которыя подписная цѣна съ пересылкою неменѣе *семи* рублей въ годъ.

«6) Министрамъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія представляется, по взаимному ихъ соглашенію, въ случаѣ вреднаго направленія какого-либо періодическаго изданія причислить оное къ разряду тѣхъ, коимъ не дозволяется печатать разсужденія, показанныя въ пунктахъ 3 и 4, и прекращать каждое періодическое изданіе, на срокъ не болѣе *восьми мѣсяцевъ*.

«7) Не допускать къ печати статьи: а) въ которыхъ возбуждается неприязнь и ненависть одного сословія къ другому, и б) въ которыхъ заключаются оскорбительныя насмѣшки надъ цѣлыми сословіями или должностями государственной и общественной службы.

«8) Не дозволять распубликованія, по однимъ слухамъ, предполагаемыхъ будто бы правительственныхъ мѣръ, пока онѣ не объявлены законнымъ образомъ.»

Одинъ изъ приведенныхъ пунктовъ, именно пунктъ *шестой*, уже получилъ практическое примѣненіе. Въ 132 № «Сѣверной Почты» 19 іюня, объявлено, что министръ внутреннихъ дѣлъ и управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія, по взаимному соглашенію, призвали нужнымъ прекратить на восемь мѣсяцевъ изданіе журналовъ «*Современникъ*» и «*Русское Слово*».

Вместѣ съ этимъ читаемъ другое объявленіе о томъ, что вслѣд-

ствіе высочайшаго повелѣнія о лишеніи редактора газеты «*День*», отставнаго надворнаго совѣтника Аксакова права на изданіе газеты, московскій военный генералъ-губернаторъ сдѣлалъ распоряженіе о воспрещеніи г. Аксакову быть редакторомъ помянутаго изданія.

Приведенныя нами правительственныя мѣры и распоряженія приняты для обезпеченія общественнаго спокойствія и для огражденія общества отъ вторженія въ него ложныхъ и вредныхъ ученій и идей. Противъ послѣдняго зла есть и другое очень дѣйствительное средство, съ которымъ мы впрочемъ еще неполнѣ освоились; оно основано на томъ, что ложную и вредную идею ничто не можетъ такъ быстро и глубоко уронить и обезсилить, какъ всенародное обличеніе ея ложности и вредности. Зло ничего такъ не боится, какъ гласности и общезвѣстности. Доказательнымъ приѣмомъ этому можетъ служить послѣдняя жалкая прокламація, эта самозванная «*Молодая Россія*», въ которой, какъ толкуютъ теперь всѣ газеты, провозглашались убійства во имя уничтоженія всѣхъ нравственныхъ основъ, которыми живетъ наше общество: только-что показалась въ міръ эта нелѣпость, какъ тотчасъ же и была освищена въ всѣмъ міромъ, и оставаясь безобразно-ложною, совершенно перестала быть *редною*, потому что никто ея не принялъ и не приметъ. Такая же участь должна постигнуть и всякую дѣйствительно-ложную и вредную мысль, если она будетъ выведена, какъ говорится, на свѣжую воду.

Обнародовано высочайшее повелѣніе объ учрежденіи новороссійскаго университета въ Одессѣ, съ тѣмъ чтобы для этого тамошній рижельевскій лицей былъ преобразованъ въ университетъ. Такимъ образомъ вопросъ о выборѣ мѣстности для нашего южнаго университета рѣшился, безъ сомнѣнія къ общему и полнѣйшему удовольствію края.

Не такъ легко подвигается дѣло петербургскаго университета: объявлено, что въ нынѣшнемъ году, кромѣ восточнаго, будетъ открытъ еще одинъ факультетъ — физико-математическій; открытіе же прочихъ факультетовъ отлагается еще на годъ.

Читатель, удостоившій пробѣжать предыдущія страницы, безъ сомнѣнія уразумѣлъ, что послѣ разныхъ тревогъ и опасеній за нестерпимость собственной головы, которымъ по человѣческой слабости трудно было на минуту не поддаться, мы уже успѣли возвратиться къ состоянію внутренняго спокойствія, къ надеждамъ и теплымъ ожиданіямъ лучшаго строя нашей жизни. Теперь позвольте

же намъ процкроевиничать, расказавъ, что первое развлекало насъ отъ тревогъ. Это — случайно попавшее намъ въ руки «Донесеніе» ревизионной комиссіи, разсматривающей счеты главнаго общества російскихъ желѣзныхъ дорогъ за 1860 годъ. Если вы не читали «Донесенія», то можетъ-быть и не повѣрите намъ; но прочтите, и узнаете, что въ немъ есть статьи чрезвычайно занимательныя, занимательныя какъ романы Дюма, какъ сказки «Тысячи-одной ночи» — конечно въ своемъ, совершенно оригинальномъ родѣ. Вѣдчески опасаясь, чтобъ не обременить вашего вниманія, мы покажемъ вамъ только образчикъ этого занимательнаго «Донесенія», не касаясь другихъ частей, требующихъ анализа и соображеній. К чему намъ это? Вѣдь мы съ вами не акціонеры главнаго общества!.. Или вы можетъ-быть акціонеръ? Въ такомъ случаѣ совѣтуемъ вамъ выикнуть самимъ во всѣ части «Донесенія». Такъ вотъ — собственно насчетъ занимательности. Есть напримѣръ тамъ статья подъ заглавіемъ: «Врачебная часть». Господа ревизовавшіе, разсмотрѣвъ эту часть, вывели между-прочимъ заключеніе, «что медицинскимъ пособіемъ пользовались преимущественно не рабочіе, а лица, составившія мѣстные начальства и семейства этихъ лицъ.» Но мы не понимаемъ, для чего было высказывать это заключеніе. Вѣдь извѣстно, что русскіе рабочіе люди лечатся медикаментами, большею частью невещественными: если напримѣръ кому изъ нихъ занеможетъ, то первымъ средствомъ рекомендуютъ — не думать объ этомъ. И иногда, говорятъ, помогаетъ: перестанетъ думать, и полегчаетъ. Если же не полегчаетъ, то пробуютъ пошептать: средство также невещественное; и только уже въ случаѣ неэффективности этихъ мѣръ прибѣгаютъ къ осязаемымъ и цѣннымъ лекарствамъ вродѣ чистаго дегтя, бодяги, накидыванія горшковъ и пр. Примѣняясь къ организму русскаго рабочаго, подобнымъ же образомъ дѣйствуютъ и врачи въ нѣкоторыхъ больницахъ: они принимаютъ методъ выжидательный, ождажд дѣйствія натуры. И натура слушается и дѣлаетъ свое дѣло: въ одномъ случаѣ переломить болѣзнь, въ другомъ благоразумно покорится ей. Такимъ образомъ все совершается по естественнымъ, самую природою предписаннымъ законамъ. Но совсѣмъ иное дѣло — организмъ просвѣщенной администраціи главнаго общества: чѣмъ она просвѣщеннѣе, тѣмъ организмъ ея деликатнѣе образованъ и тѣмъ болѣе требуетъ онъ за собой ухода и изысканнѣйшихъ врачебныхъ средствъ. Слѣдовательно чѣмъ сложнѣе и дороже было леченіе, тѣмъ больше должны радоваться акціонеры, заключая по этому о высокихъ качествахъ организма лицъ, служащихъ ихъ обществу. Вотъ напримѣръ занемогъ къ общему сожалѣнію г. С. (остальныхъ буквъ, составляю-

идишь его имя, штыть въ печатномъ «Донесеніи»: можетъ-быть въ наборѣ вынали — это случается; а жаль: г. С. долженъ быть интереснѣйшій для науки субъектъ). Чужъ вы думаете? Организмъ этого субъекта оказался такого свойства, что потребовалось вдругъ, въ одинъ и тотъ же день, подвергать его дѣйствию десяти и болѣе средствъ: такъ 22 іюня 1860 года употреблены имъ: порошокъ на 46 к., микстура 30 к., соль (guindre) 3 руб., капли 85 к., синнамонъ 1 р. 26 к., припарки 54 к., мазь 68 к., еще капля 29 к., минеральная вода 1 р. 80 к., еще какое-то «наружное» средство 85 к., еще капли 30 к., итого на 10 р. 33 коп. 1.. Но что десять рублей! не въ томъ дѣло, а въ томъ — какъ долженъ былъ страдать человекъ. Каково было испытать разомъ на себѣ и въ себѣ дѣйствіе столькихъ цѣлительныхъ снадобьевъ! Съ одной стороны мазь, синнамонъ и припарки, съ другой — порошокъ, капли и микстура. Ужасно! Надѣемся также утѣшить и обрадовать акціонеровъ главнаго общества, сказавъ, что въ составѣ администраціи общества былъ г. Б., который лечился отпускаемымъ изъ аптеки «виномъ», и когда онъ употребилъ его на 16 руб., то ему и полегчало; г. К. окумалъ пять бутылокъ «смашиноваго сиропа» на 10 руб., — тоже полегчало; а когда лечился г. Поле (десятникъ въ Сокоджъ) отъ контузіи на рукѣ, то при этомъ одной ваты было употреблено на 11 р. 60 к., да полетва на 5 р. 25 к.

Изъ такихъ-то избранныхъ и улучшенныхъ организмовъ состоитъ администрація главнаго общества; а ревизіонная коммиссія, непринимая этого во вниманіе, пристаесть съ своими замѣчаніями и выводами. Она не хотѣла даже умолчать о слѣдующемъ, совершенно соответствующемъ свойствамъ означенныхъ организмовъ обстоятельстве:

«Аптека Штейнера въ Варшавѣ — говоритъ коммиссія — заплачено по счетамъ съ 18 апрѣля по 12 іюля и 17 октября по 30 декабря, по такъ-называемымъ бонамъ (bon) доктора Геннера, 299 р. 9 к., въ томъ числѣ за минеральныя воды и заграничною пріимательствіемъ медикаменты 141 р. 3 к. Последняя сумма состоитъ болѣею частью изъ крупныхъ цифръ (отъ 5 до 11 р.); во къ какому именно ведомъ или заграничнымъ медикаментамъ эти крупныя цифры относятся, и для кого воды и медикаменты были прописаны, — изъ счетовъ не видно, а между тѣмъ счеты эти утверждены.» Чужъ такое, что утверждены? Не сомнѣваться же въ полезномъ употребленіи медикаментовъ и въ сугубой выгодѣ отъ того для акціонеровъ главнаго общества!

Такой грубый взглядъ на утонченныя потребности администраторовъ общества ревизіонная коммиссія выдержала въ своемъ «До-

особенно съ начала до конца. Даже на самой поддѣланной страницѣ у ней достало духу поднять вопросъ о *технической отчетности*, за которой, какъ вы легко можете догадаться, должны подтянуться уже не сочтенныя цифры, а миллионы. Такъ скажите, умѣстно ли и деликатно ли было поднимать такую громаду?

«Что касается до технической отчетности, — толкуеть себѣ комиссия, — т. е. до удостовѣренія, что употребленныя обществомъ суммы на сооруженія соответствуютъ потребностямъ, то намъ остается лишь повторять мнѣніе предшествующихъ ревизіонныхъ комиссій, т. е. что тогда только годовой отчетъ по сооруженію дорогъ получитъ характеръ совершенной правильности, когда инженерами будутъ представляемы предварительно производства работъ расчеты, а по окончаніи таковыхъ полная отчетность.

«Въ объясненіи на донесеніе 3-й ревизіонной комиссіи совѣтъ излагаетъ, что для такого порядка въ центральномъ управленіи потребовалось бы учредить обширнѣйшую контрольную часть, польза отъ которой едва ли бы окупила огромный расходъ; притомъ прибавлено, что совѣтомъ сдѣлано все что можно требовать, а именно: производителя работъ *ведутъ рабочіе журналы*, которые повѣряются начальниками участковъ, и затѣмъ высшій контроль производится главными инженерами. *Ревизіонной комиссіей рабочихъ журналовъ представлено не было, да ихъ и нѣтъ въ главномъ счетоводствѣ*. На вопросы комиссіи о нѣкоторыхъ подробностяхъ по работамъ счетоводство объяснило, что *для составленія такихъ свѣдѣній нужна огромная работа*: значить при представляемой отчетности подробностей нѣтъ.

«Совѣтъ молчаніемъ на отношенія комиссіи по сему предмету подтвердилъ это. Между тѣмъ главные инженеры оставляютъ общество и получаютъ преміи...»

На этомъ мѣстѣ мы остановились, потому что намъ подъ ноги попался очень крупный камушекъ. Этотъ камушекъ — выписка отъ слова преміи, слѣдующаго содержанія: «Общая сумма назначенныхъ къ выдачѣ премій составляетъ 643,000 руб., изъ которыхъ по настоящее время выдано 85,118 р. 75 к.»

А знаете ли, милостивые государи, какая хорошая вещь эти преміи? Онѣ изобрѣтены конечно въ видахъ особенныхъ выгодъ для акціонеровъ, — выгоды, долженствующихъ несомнѣнно послѣдовать чрезъ прибрѣтеніе улучшенныхъ заграничныхъ организмовъ. Мы приведемъ изъ донесенія ревизіонной комиссіи одинъ замѣчательнѣйшій расказъ, заключающій въ себѣ исторію прибрѣтенія одного изъ такихъ организмовъ. Этотъ расказъ выскочитъ съ

тѣмъ дать вамъ ясное понятіе и о томъ, что такое премія. Вотъ онъ:

«Парижскій комитетъ заключилъ съ г. Энгельманомъ договоръ, одобренный совѣтомъ управленія въ засѣданіи 29 сентября 1860 года и состоящій въ слѣдующемъ:

«Г. Энгельманъ обязывается поступить на службу общества въ званіе главнаго инженера вѣщественнаго состава пути и движущей силы и продолжать службу десять лѣтъ, считая съ 1 октября 1860 г.

«Окладъ постояннаго жалованья опредѣляется ему въ 6,000 рублей въ годъ.

«Сверхъ того ему будутъ выданы преміи: по истеченіи трехъ лѣтъ 15,000 руб., по истеченіи шести лѣтъ 15,000 р., по истеченіи десяти лѣтъ 20,000 руб.

«Онъ будетъ получать квартирныя, суточные и разъѣздныя деньги въ размѣрѣ, присвоенномъ главнымъ инженерамъ общества.

«Если г. Энгельманъ, по болѣзни или другимъ независящимъ отъ него причинамъ (*cause de force majeure*) выбудетъ изъ службы общества до наступленія котораго-либо изъ сроковъ для получения преміи, то ему или наследникамъ его имѣетъ быть выдана изъ преміи по сему сроку часть соотвѣтственная времени выслуги его къ преміи.

«Въ случаѣ увольненія его отъ службы по волѣ общества, ему выдано будетъ вознагражденіе 12,500 руб. *независимо отъ вознагражденій вышепоказанныхъ.*

«Въ случаѣ добровольнаго оставленія службы общества г. Энгельманъ лишается права требовать какую-либо часть незаслуженнаго платежа.»

Послѣднее условіе не слишкомъ ли строго? Отчего же бы кажется не требовать и *незаслуженнаго*?

Теперь скажите: неужели акціонеры общества не заплакали отъ радости, когда узнали, что такой человѣкъ согласился служить ихъ обществу? Неужели они не пролили слезъ благодарности къ парижскому комитету и совѣту управленія за приобрѣтеніе такого необыкновеннаго организма, существа, заключающаго такія великодушныя условія? Не можетъ быть! Имъ вѣроятно доставило особенное удовольствіе и то, что г. Энгельманъ на ихъ же счетъ перѣбрался изъ Парижа въ Петербургъ и обзавелся здѣсь всѣми необходимыми удобствами, каковая благодѣтельная для нихъ операція обошлась имъ, независимо отъ вышеизложенныхъ условленныхъ платежей, всего только въ 2,000 руб. (См. донесеніе комиссіи, стр. 12 и 13.)

Итакъ теперь для васъ должно быть понятно, что такое премія. Премія суть крупныхъ размѣровъ суммы, которыя избранные заграничные дѣятели, независимо отъ получаемого ими жалованья, квартирныхъ, суточныхъ, развѣдныхъ и иныхъ благъ, снисходительно и великодушно берутъ у акціонеровъ главнаго общества собственно за честь, которую они дѣлаютъ имъ своимъ пребываніемъ въ обществѣ. Вотъ эта-то честь и будетъ стоить обществу, какъ мы сейчасъ видѣли, всего только 645.000 руб. Вообще при чтеніи донесенія ревизіонной комиссіи ничто такъ сильно не бросается въ глаза, ничто такъ не ошутительно, какъ смѣлая черта, характеризующія эти избранные и усовершенствованные организмы, съ ихъ многосложными и утонченными потребностями, о которыхъ наши грубо-образованные организмы и не мечтаютъ. Вы видите изъ донесенія, что избранные организмы относятся къ наемщикамъ акціонеровъ самымъ дружескимъ, даже родственнымъ образомъ, удовлетворяя изъ нихъ самымъ интимнымъ своимъ нуждамъ: случится ли надобность купить чемоданъ, дорожный несесеръ, постель или другую домашнюю утварь, сдѣлать визиты роднымъ и знакомымъ, дать прислугѣ на водку, перевезти изъ одного мѣста въ другое ного-вибуль изъ домочадцевъ, — на все это берутъ безъ всякой церемоніи сколько слѣдуетъ, ветрогая своего, положеннаго за службу жалованья, и это дѣлается такъ мило, непринужденно, съ такой любезной развязностью, на которую способна только одна великая нація, такъ что акціонерамъ, повторяемъ, остается только благодарить за честь, и больше ничего...

Есть въ «Донесеніи» еще одна весьма занимательная статейка, но ея занимательность имѣетъ силу не для всѣхъ, а преимущественно для тѣхъ, до кого дѣло касается. Это — вопросъ о платѣ газетамъ за печатаніе статей. Сущность дѣла въ томъ, что акціонеры платили редакціямъ какихъ-то газетъ деньги за то, чтобы при случаѣ защищать администрацію общества отъ нихъ, акціонеровъ. Видите ли какое это щекотливое дѣло! «Сѣверная Пчела», узнавъ о немъ, никакъ не можетъ успокоиться и все пристаетъ къ ревизорамъ, «чтобы они разъяснили кто именно получалъ помѣсячную плату за газетныя статьи безъ росписки, чрезъ посредство виолитъ достойнаго довѣрія лица». Она говоритъ: «Если ревизоры отнесли этотъ расходъ къ числу подлежащихъ утвержденію акціонеровъ, то они *обязаны* знать, кому именно платились эти деньги. Если же ревизоры знаютъ только, что расходы за напечатаніе статей были разрѣшены совѣтомъ; то этого недостаточно для ихъ утвержденія, и мы обращаемся съ тою же просьбою къ членамъ совѣта: пусть они сообщатъ печатно, кто получалъ жалованье за газетныя статьи,

на томъ основаніи, что этого требуетъ справедливость, чтобы уничтожить всякое несправедливое подозрѣніе и клевету.»

Любопытно знать, добьется ли «Сѣверная Пчела» желаннаго разъясненія, выдадутъ ли ревизоры или свѣтъ редакцію, подумленную на акціонерскія деньги? Вы какъ думаете, читатель? Намъ кажется, что не выдадутъ, отмолчатся; потому что... деньги давались безъ росписки, чрезъ довѣренное лицо. Дѣло, повторюсь, весьма щекотливое!.. Ну а если выдадутъ и докажутъ, — что тогда? какими глазами выданная редакція будетъ смотрѣть на божій свѣтъ!

Кстати запишемъ на память: въ «обществѣ разработки дѣловыхъ матеріаловъ» при ревизіи не досчитались 112,000 руб. Правленіе отказалось разъяснить дѣло, ссылаясь на *ошибки въ счетахъ*. Ревизоры подали жалобу... Чѣмъ-то кончится!

Вслѣдъ за «Донесеніемъ» ревизіонной комиссіи явился другой немнѣе занимательный предметъ, который помогъ намъ окончательно освободиться изъ-подъ вліянія недавнихъ тревогъ и повеселѣть такъ, какъ веселѣтъ человѣкъ, наслаждаясь игрой даровитаго комья. Мы говоримъ о полученномъ заслуженную извѣстность *проектъ агентства по питейному сбору и товарищества для сооруженія желѣзныхъ дорогъ*. Хотя этотъ проектъ по высочайшему повелѣнію рѣшительно отвергнутъ, но такъ какъ въ тоже время повелѣно было распубликовать его, и повелѣніе это уже исполнено, то онъ и не умретъ въ потемнѣхъ,

«Доколѣ роль славянъ вселенна будетъ чтить»;

онъ внесетъ на страницы исторіи вашей винной промышленности и питейныхъ сборовъ вмѣстѣ съ именами его творцовъ, и будущій потомокъ вѣрно оцѣнитъ ихъ таланты, ихъ любовь къ своему предмету, и разберетъ обстоятельства, развившія и укрѣпившія въ ихъ сердцахъ эту любовь. Въ самомъ дѣлѣ, *проектъ этотъ не какая-нибудь бездарная чепуха, а художественное произведеніе людей даровитыхъ, каковыми нельзя же не признать нашихъ главныхъ откупщиковъ*; поэтому *проектъ* занимателенъ: читая его чувствуешь, что имѣешь дѣло съ людьми умными, изучившими свой предметъ, знающими какъ взяться за дѣло и какимъ путемъ идти къ желанной цѣли, — людьми, владѣющими даромъ слова, даромъ убѣжденія и даже краснорѣчія. Эти несомнѣнные качества «главныхъ откупщиковъ» особенно ясно проявились въ прошеніи, при которомъ былъ представленъ проектъ, и въ «соображеніяхъ и объясненіяхъ» его сопровождавшихъ...

«Зачѣмъ же — спроситъ кто-нибудь — отвергнуть такой достойный проектъ?» — А зачѣмъ же было принимать его? Нельзя требо-

вать, чтобы цѣли откупщиковъ непременно совпадали съ цѣлями правительства, а ихъ сердечныя желанія — съ желаніями русскаго народа; на этотъ разъ они не совпали, — проектъ и отвергнуть. Но онъ республикованъ: читайте его, наслаждайтесь краснорѣчіемъ, навлекайте назиданія — и довольно. Потомъ онъ сдѣляется достоинствомъ мотомства и ему также послужитъ въ назиданіе, даже можетъ-быть поможетъ характеризовать нашу эпоху... Чего же больше? Это наилучшая участь, какой достойно художественное произведеніе главныхъ откупщиковъ. Но цѣлямъ и желаніямъ ихъ въ самомъ дѣлѣ мудро было совнасть съ цѣлями и желаніями правительства и народа! въ самомъ существѣ проекта есть нѣчто, мѣшающее этому совпадению, а кромѣ того тутъ есть помѣха нравственная, которую откупщикамъ нельзя было увидѣть ясно, такъ какъ никакому человѣку нельзя ясно видѣть то мѣсто, на которомъ онъ стоитъ. Съ одной стороны однако откупщики достойны участія: они, видите ли, признались, что у нихъ есть деньжонки... небольшія, но все же такія, что съ ними можно кое-что сдѣлать: *шестьдесятъ мильоновъ* рублей; и деньжонки эти имъ некуда дѣвать. «Въ нынѣшнее время (говорятъ они), въ періодъ всеобщихъ преобразованій, мнимыхъ оцѣеній и дѣйствительнаго упадка промышленности, найти такой массѣ денежныхъ средствъ вѣрное помѣщеніе — есть цѣль...» и проч. И отъ этой цѣли ихъ теперь оттолкнули! Бѣдные!..

«Всѣ лица (изъясняютъ они въ другомъ мѣстѣ), занимающіяся внутреннею и внѣшнею торговлею, предвидятъ неизбежное разстройство во всѣхъ дѣлахъ, если Россія не ускоритъ сооруженіе желѣзныхъ дорогъ. Всѣ русскія произведенія, привозимыя теперь къ портовымъ городамъ, обходятся, по отдаленности и неудобству путей сообщенія, такъ дорого, что отпускъ ихъ за границу дѣлается невозможнымъ. Дороги нужны *чего бы то ни стоило*; безъ нихъ русская отпускная торговля можетъ существовать только въ самыя неурожайныя годы въ Европѣ, а при среднемъ урожаѣ она совершенно упадетъ, и это паденіе будетъ сопровождаться общимъ разореніемъ.»

Страшная картина! Ужасное положеніе! Но къ чему же идетъ рѣчь? спрашиваетъ недогадливый и въ высшей степени заинтересованный читатель. Слушайте дальше.

«Страшась такого тяжкаго бѣдствія (продолжаютъ откупщики), мы обратились къ изысканію средствъ для устройства желѣзныхъ дорогъ, и средства эти, съ употребленіемъ въ дѣло нашихъ собственныхъ капиталовъ, видимъ въ *возвышеннѣмъ питейномъ налогѣ* противъ установленнаго «Положеніемъ 4 іюля 1861».

При этомъ извѣстїи у насъ руки опускаются и какая-то слабость, — привякъ упала силъ вслѣдствіе отчаянїя, — распространяется по всѣмъ членамъ. Чтѣ за напасть! Желѣзныя дороги необходимы, «чего бы то ни стоило», — безъ нихъ грезить «тяжкое бѣдствіе общаго разоренїя»; но построить ихъ нѣтъ иного средства, кромѣ возвышенїя питейнаго налога! Стрешивъ дилемма: или разорится государство вконецъ, или возвышавъ питейный налогъ, — другого выхода нѣтъ. Все наше благосостоянїе, вся жизнь наша зависитъ отъ питейнаго налога!.. Питейный налогъ — единственное спасенїе, послѣдняя надежда Россїи! Да гдѣ же мы наконецъ? въ какомъ заколдованомъ кругѣ? Куда мы шагали? до чего дожили?.. Возвышенїе питейнаго налога, «возвышенїе потребленїя вина свыше 45 милїоновъ ведеръ» — вотъ прямой путь къ спасенїю, указываемый откупщиками! Пей, Русь православная! больше пей, — и у тебя будутъ желѣзныя дороги, и все закипитъ промышленной жизнью, и ты спасена!.. Пей же, милая родина! пей какъ можно больше; а не будешь пить, — не будетъ желѣзныхъ дорогъ, ничего не будетъ, и ты пропадешь.

Чтѣ мѣшаетъ модамъ, у которыхъ съ окончанїемъ откуповъ остаются свободными 60 милїоновъ рублей, — что мѣшаетъ имъ обратить эти милїоны на сооруженїе желѣзныхъ дорогъ, не думая и не забываясь о возвышенїи питейнаго налога и объ увеличенїи потребленїя вина, — этого мы не понимаемъ, можетъ-быть по незнанїю всѣхъ тайнъ питейнаго дѣла. Еслибы капиталисты желали только найти помѣщенїе своимъ капиталамъ, съ вѣрною надеждою на полученїе съ нихъ 5%, то кажется и думать бы долго нечего. Построена же частнымъ лицомъ петергофская желѣзная дорога, и вотъ недалеко какъ на дняхъ объявлено давное ея учредителю разрѣшенїе продолжать ее на свой счетъ до Ораїенбаума и тамъ устроить морскую пристань. Не можетъ быть, чтобъ эта дорога не приносила учредителю слѣдующаго на затраченный капиталъ процента, хотя онъ для своего предпрїятїя не полагалъ условїемъ «возвышенїе потребленїя вина». Почему жъ бы капиталистамъ, незнающимъ куда дѣвать свои свободные капиталы, не предпринять сооруженїя, такими же частными средствами, другихъ линїй, избравъ наивыгоднѣйшія для промышленности пункты и направленїя? Этого мы, — признаемся еще разъ, — не понимаемъ... Тутъ что-то не такъ; что-нибудь не досказано...

Но зато совершенно непонятно душѣ нашей, почему желанїя откупщиковъ не сбылись, почему проектъ ихъ, несмотря на обѣщавое имъ спасенїе отъ «тяжкаго бѣдствїа общаго разоренїя», рѣшительно отвергнутъ, при общемъ кликѣ какой-то безотчетной радо-

сти. Вотъ этотъ — то кланъ, если онъ дойдетъ до откупщиковъ, долженъ дать имъ уразумѣть ту нравственную помѣху, которую неизбѣжно долженъ былъ встрѣтить ихъ отлично-сочиненный проектъ.

Никто положительно не отвергаетъ возможности будущихъ промышленныхъ затрудненій, а можетъ-быть и разореній; но никто не хочетъ *испытства*, никто не хочетъ вѣрить въ него и въ предлагаемое имъ средство спасенія. «Пусть обѣдѣемъ, пусть разоримся, — говорятъ русскіе люди, — но не хотимъ вашихъ питейныхъ попененій, вашихъ великодушныхъ стремленій къ «возвышенію потребленія вина». Пить будемъ мы и безъ васъ, будемъ пить сколько пьется; только вы — то не заботьтесь подталкивать насъ на это дѣло. Мы не вѣримъ въ васъ и въ ваши мѣры; вы сами заставили насъ потерять эту вѣру, — оставьте же насъ!..»

Разоримся мы или нѣтъ безъ возвышенія питейнаго налога, а только нельзя не замѣтить развивающейся въ настоящее время замашки запугивать публику всякими ужасами. Ужь не въ первый разъ, какъ это знаютъ читатели, мечется намъ въ глаза эта замашка; откуда же она берется? Впрочемъ тутъ, у гг. откупщиковъ, она еще повѣтна: у нихъ она объявляется обширностью плана съ блестящими валеждами; а въ другихъ случаяхъ не придумаешь и побужденія къ запугиванію, кромѣ безкорыстной охоты, происходящей можетъ-быть отъ особенной юркости характера.

Московскіе купцы и фабриканты повидимому не раздѣляютъ безотраднанаго взгляда откупщиковъ, и изыскивая иные пути къ устраненію «тажкаго бѣдствія», остановились кажется на давно-сознанной необходимости возвысить обработку нашихъ произведеній. Чтобы подвинуться къ этой цѣли, они рѣшились прибѣгнуть къ поощреніямъ посредствомъ премій, и установили преміи «въ ознаменованіе пятидесятилѣтія службы бывшаго министра финансовъ дѣйств. ст. сов. А. М. Княжевича». Составили они капиталъ, въ процентовъ съ котораго будутъ выдавать преміи, и опубликовали задачи на соисканіе этихъ премій — двѣ на 1863 годъ и по одной на 1864, 1865, 1866 и 1867 г. Послушаемъ, въ чемъ состоятъ эти задачи.

На 1863 годъ: 1) По *торфяной промышленности* — за устройство въ Россіи заведенія для приготовленія улучшеннаго, плотнаго, ярѣкаго и сухого торфа, какъ топлива.

2) По *смологонному производству* и обработкѣ продуктовъ, получаемыхъ изъ дерева — за введеніе усовершенствованныхъ экономическихъ способовъ обугливанія дерева; за полученіе и обработку продуктовъ, особенно же свѣтлой канифоли и очищеннаго скипидара

ра, которыми славятся винъ сѣверная Америка и Швеція, вытѣсненія нѣтъ продукты сухой перегонки съ заграничныхъ рынковъ.

На 1864 годъ : за улучшения въ первоначальной обработкѣ льна, какъ матерьяла прядильнаго.

На 1865 годъ : за улучшение и удешевленіе русскаго пивовареннаго дѣла (за выдѣлку изъ русскаго хмѣля хорошаго пива неменѣе 50,000 ведеръ, при оптовой цѣнѣ не больше 70 к. за ведро, безъ акциза).

На 1866 годъ : за разведеніе улучшенныхъ сидовъ хлопчатника по рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ и въ Кавказскомъ краѣ.

На 1867 годъ : за введеніе новѣйшихъ усовершенствованій въ дѣль казеннаго производства, — за примѣненіе выгоднаго ускореннаго способа дубленія, за примѣненіе дешовыхъ суррогатовъ дубля и т. д.

Что еслибы всѣ названныя здѣсь отрасли промышленности, по мощному зову московскихъ купцовъ и фабрикантовъ, быстро двинулись впередъ и скоро, на нашихъ глазахъ, достигли бы той степени совершенства, какая только возможна при нынѣшнемъ состояніи науки? Случись такое диво — и мы были бы можетъ-быть въ вѣсѣхъ бѣдствій, вопреки запугиваньямъ откушниковъ. Но достаточно ли мощенъ зовъ московскихъ промышленниковъ? О, да!.. Объ этомъ уже замѣтали нѣкоторые журналы; замѣтимъ и мы, понизивъ сколько возможно голосъ: собрано капитала 15,870 рублей, съ которыхъ 5% составляютъ 793 р. 50 к. Сею послѣднею суммою предполагается поощрить и двинуть впередъ каждое изъ упомянутыхъ производствъ... Не говорите пока никому объ этомъ, читатель. Мы и сами расканиваемся, что выболтали вамъ такое можно-сказать громовое дѣло, — да ужъ такъ тому и быть! нечеловѣкъ зачеркивать написаннаго.

Между тѣмъ Москва, какъ вы можетъ-быть слышали, въ нынѣшнемъ году съ новостью, имѣющею для ея общественныхъ дѣлъ огромную важность, ввела въ эти дѣла новую жизнь. Это — высочайше утвержденное 20 марта новое положеніе объ общественномъ управленіи Москвы. Оно составлено по образцу дѣйствующаго съ 1847 г. петербургскаго положенія, съ нѣкоторыми измѣненіями (въ тѣхъ частяхъ, которыя, по опыту въ Петербургѣ, требовали измѣненія). Сущность преобразования состоитъ въ томъ, что городское управленіе, состоявшее до сихъ поръ изъ однихъ полагавыхъ сословій (купцовъ, мѣщанъ и цеховыхъ), сохраняется по новому Положенію изъ лицъ, собираемыхъ по определенному и разному числу изъ *всѣхъ* сословій, на основаніи ценза. Стало-быть значеніе преобразования, расширяющаго вѣсть съ тѣмъ кругъ дѣйствій го-

родского управления, состоитъ въ томъ, что управленію этому, прежде бессильному, немѣвшему достаточнаго авторитета въ глазахъ всѣхъ обывателей, придается теперь новая жизненная сила; при этомъ и выборное начало, прежде существовавшее почти только по имени, принимаетъ правильную форму и должно впредь осуществлять во всей своей силѣ на дѣлѣ. Вотъ главнѣйшія черты новаго управленія:

1) Всѣ совершеннолѣтніе обыватели, владѣющіе въ Москвѣ не менѣе двухъ лѣтъ недвижимою собственностью, приносящею годового дохода не менѣе 100 рублей, а торговые люди, имѣющіе денежные капиталы или товары, такой же доходъ приносящіе, пользуются правомъ голоса при избраніи *выборныхъ* городского общества (если она не лишены этого права по закону).

2) Выборные избираются на три года, по 100 человекъ отъ каждаго изъ слѣдующихъ пяти сословій или отдѣленій городского общества: къ *первому* сословію принадлежатъ потомственные дворяне; къ *второму* личные дворяне, почетные граждане, въ гильдію независимые, духовенство, иностранцы и другихъ званій лица, не принадлежащіе къ купеческому и податнымъ сословіямъ; къ *третьему* купцы; къ *четвертому* мѣщане; къ *пятому* ремесленники.

3) Выборные избираютъ городского голову и лицъ во всѣ городскія общественныя должности, безъ различія сословій. Избираемый въ головы долженъ имѣть недвижимую собственность въ 15,000 рублей, а въ сословные старшины и ихъ товарищи — въ 6,000 рублей.

4) Всѣ предметы общественнаго управленія и городского хозяйства подлежатъ наблюденію и свободному обсужденію *общей думы*, составляемой изъ *гласныхъ* отъ каждаго изъ пяти сословій по 35 человекъ, и изъ старшины и его товарища въ каждомъ сословіи, подъ предѣлательствомъ городского головы. *Общей думѣ*, какъ главному городскому общественному учрежденію, принадлежитъ вся инициатива въ дѣлахъ городского хозяйства и постановленіе общественныхъ о нихъ приговоровъ.

5) Приговоры *общей думы*, исполняетъ или даетъ имъ дальнѣйшій ходъ *распорядительная дума*, въ которой, также подъ предѣлательствомъ городского головы, присутствуютъ отъ каждаго изъ пяти сословій по два гласныхъ. Въ *распорядительной думѣ* можетъ присутствовать гражданскій губернаторъ и подписывать ея журналы. Жалобы на *распорядительную думу* приносятся первому департаменту правительствующаго сената. Мѣстамъ губернскимъ она не подчиняется.

Въ одной газетѣ, по поводу этихъ основныхъ чертъ новаго положенія, замѣчается важность права, даннаго каждому сословію, избирать въ предоставленные его выбору должности лицъ всѣхъ сословій, такъ какъ слѣдствіемъ этой свободы избранія должно быть сближеніе сословій. «Въ послѣднее время (прибавлено тамъ же) много было говорено и писано съ одной стороны за *замкнутость* сословій, съ другой — за ихъ *слияніе*; но намъ кажется, что золотая середина въ этомъ случаѣ есть именно *сближеніе*, которое должно рѣшить сословный вопросъ жизненнымъ путемъ.»

А какъ же иначе? Не знаю какія мысли и соображенія рождались въ умудренныхъ наукою умахъ, доказывавшихъ великую пользу замкнутости, но тѣ, которые стояли за «слияніе», конечно никакъ не рассчитывали перескочить чрезъ «сближеніе» и совершить «слияніе» вдругъ, съ помощью воинской команды или инымъ подобнымъ способомъ, помимо «жизненнаго пути».

Итакъ новое положеніе есть великое благо для Москвы: оно открываетъ всѣмъ ея обывателямъ широкое поле общественной дѣятельности, и имъ остается только пользоваться данными правами и учиться разумной общественной дѣятельности. Но вотъ что недавно узнали мы изъ «Сѣверной Почты». Въ Москвѣ назначены были отдѣльные выборы оцѣнщиковъ въ комиссію для переоцѣнки домовъ, отъ домовладѣльцевъ: 1) дворянъ и почетныхъ гражданъ, записанныхъ въ гильдію, и купцовъ всѣхъ трехъ гильдій. Въ выборахъ должны участвовать *все* домовладѣльцы. Въ назначенные дни явилось на выборы дворянъ и почетныхъ гражданъ 38, торгующихъ почетныхъ гражданъ и купцовъ 46... Какъ! во всей Москвѣ — 84 домовладѣльца! «Эти цифры (прибавляетъ «Сѣверная Почта») такъ краснорѣчиво говорятъ сами са себя, что мы не считаемъ нужнымъ прибавлять къ нимъ ни единого слова. По незначительности числа избирателей, явившихся въ первый назначенный срокъ, выборы отложены до другого срока, конечно для пользы самихъ домовладѣльцевъ, которые, въ случаѣ состоятельности выборовъ, безъ сомнѣнія испреминули бы сѣтовать на оцѣночную комиссію, еслибы она дурно исполнила свое дѣло.»

«Сѣверная Почта» не считаетъ нужнымъ прибавлять ни единого слова; но мы позволимъ себѣ прибавить нѣсколько словъ. Намъ просто не вѣрится, чтобы московскіе домовладѣльцы не хотѣли прійти выбирать людей, добросовѣстность и толковитость которыхъ для нихъ такъ нужна и важна, — людей, долженствующихъ цѣнить ихъ имущество. Вѣдь это была бы такая безпечность, такая повальная распушенность, что изъ рукъ вонъ... Да были ли они всѣ надлежащимъ образомъ и заблаговременно оповѣщены о днѣ выбо-

рогъ? Требовать, чтобъ явились всѣ безъ исключенія — конечно невозможно; но — восемьдесятъ-четыре человека со всей Москвы! Нѣтъ, мы рѣшительно не хотимъ полагаться на одно красоворчье щеръ, а скорѣе предположимъ, что неявка на выборы произошла отъ какой-нибудь случайной причины, напримѣръ неясной публикаціи, слѣланной за слишкомъ короткій срокъ передъ назначеннымъ днемъ. Но если мы ошибаемся въ нашемъ предположеніи, если не было другой причины, кромѣ мѣстной беззаботности, то остается повторить, что московскимъ обывателямъ нужно учиться разумной общественной дѣятельности.

Новое положеніе, о которомъ мы сейчасъ говорили, какъ важное для Москвы событіе, должно было произвести и безъ сомнѣнія произвело тамъ общее олушевленіе. Причемъ, какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, не обошлось безъ исторійки, напоминающей о слабости человѣческой природы. Поднялся великій споръ о томъ, кому рекомендоваться потомству въ качествѣ творца первоначальной мысли о преобразованіи московскаго городского управленія. Г. Лонгиновъ совсѣмъ расположился было исполнять это отъ своего имени; такъ нѣтъ! нашлись завистники, подняли гвалтъ, выдвинули впередъ столько старѣйшихъ кандидатовъ на то-же званіе творцовъ мысли, что оттерли г. Лонгинова далеко назадъ. Мы слушали-слушали этотъ споръ, да и рукой махнули: не понимаемъ, кому могъ помѣшать г. Лонгиновъ своими приготовленіями рекомендоваться потомству? Кому могло повредить его невинное удовольствіе? Потомству? — Пожалуста не безпокойтесь: потомство совсѣмъ не такъ просто; оно вовсе не такъ довѣрчиво и легковѣрно, какъ современники. Оно доберется до правды; его не увлечешь никакими увѣреніями...

Потомство!.. Ужасно мудрено угадать мысли и взгляды потомства! Кто знаетъ какъ оно посмотритъ на г. Лонгинова, на его противниковъ, на весь этотъ великій споръ, да и на всѣхъ насъ, гордыхъ своимъ временемъ, своею живою, безпокойно-дѣятельной эпохой? Намъ кажется, что оно остановится на этой эпохѣ съ любовью и уваженіемъ; но вѣдь намъ и не можетъ казаться иначе. И г. Лонгинову вѣроятно кажется, что потомство изъявитъ ему свое совершенное почтеніе, а кто знаетъ? можетъ-быть у потомства образуется такой странный взглядъ, что оно найдетъ въ г. Лонгиновѣ, по поводу означенной исторійки, одно дѣтское желаніе покрасоваться передъ нимъ въ мундирѣ начинателя преобразованія, и только улыбнется. Все можетъ быть; недаромъ говорятъ, что времена переходивы. Оглянитесь-ко на тѣ времена, когда жили люди, потомство которыхъ мы составляемъ; вслушайтесь въ тогдашнія дѣла.

Какъ они непокоими ни выѣзжали!.. Въ № 31 «Сиб. вѣдомостей» за 1740 годъ, подъ рубрикой: «Для извѣстiя» было напечатано слѣдующее:

«Понеже московская вѣдомостная экспедиція за многія чужестранныя и с.петербургскія газеты вѣскольکو сотъ рублей вѣдомостныхъ денегъ за многіе годы съ должниковъ повыиѣ не выбрала, которые сей долгъ отъ одного году до другого платить хота и обѣщали, только въ самомъ дѣлѣ весьма немногіе сіе учинили, и какъ уномянутая вѣдомостная экспедиція сегѡ недобору дагѣ ждуть, а уже толь менѣ онаго долгу потерять не можетъ: того ради гг. братьямъ вѣдомостей съ дружескою просьбою чрезъ сіе напоминается, дабы они вѣдомостные свои долги безъ замедленія пожаловали заплатить, а къ принужденнымъ на себя жалобамъ притиски не подавали.»

Что, скажите: вѣроятно такое объявленіе въ наше время? Слѣчьть бы его съ выѣзженными объявленіями! Слѣчаемъ:

«Предостереженіе. Прочитавъ въ журналѣ «Развлеченіе», 3 объявленіе объ изданіи въ 1862 году ноября 1861 года, дамскаго журнала «Заря», я отправилъ 9 декабря *двѣтъ рублей серебромъ* въ контору редакціи этого журнала у Мисинскихъ воротъ въ домѣ г-жи Арсеньевой, бывшомъ князя Дадіанъ. Деньги эти вѣроятно получены, потому что обратно мнѣ не высылались; но журнале «Заря» я до сего времени не получаю. 24 февраля текущаго года я письменно напомнилъ редакціи «Заря» о высылкѣ мнѣ журнала, но она до сихъ поръ не разсудила удовлетворить меня и даже не удостоила отвѣтомъ. Да послужитъ это предостереженіемъ для другихъ охотниковъ до дамскихъ журналовъ! *И. Постниковъ.*» («М. Вѣд.» № 99).

Или — къ редактору:

«Вотъ уже годъ, какъ я изъявилъ желаніе быть подписчикомъ на «Юридическій журналъ», издаваемый подъ вышею редакціею. Основываясь на объявленномъ вами условіи о подпискѣ, 13 марта прошлаго года я послалъ изъ Иркутска тринадцать руб. сер. въ редакцію вашего журнала. Но до сихъ поръ не только не получилъ ни одной книжки *журнала*, но даже и отвѣта на мое письмо. Но отсылкѣ денегъ, прождавъ *семь мѣсяцевъ*, я рѣшился новымъ письмомъ отъ 5 октября напомнить вамъ объ удовлетвореніи моей просьбы. Но вотъ и еще *пять мѣсяцевъ*, а все такъ же упорно длится ваше молчаніе, и я по многимъ причинамъ начинаю думать, что ему и конца не будетъ.»

«Невозволя себѣ входить въ разъясненіе причинъ, побуждавшихъ васъ отказаться отъ того обязательства, которое вы приняли на себя передъ публикою, какъ редакторъ журнала, я не желаю

однако, чтобъ деньги мои пропали безъ всякой уважительной причины, и потому поперѣйше прошу васъ, м. г., передать эти тридцать руб. сер. въ общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, которому и доставлена мною росписка врацутской почтовой конторы объ отправкѣ къ вамъ этихъ денегъ, съ просьбою потребовать ихъ отъ васъ законнымъ путемъ. Если общество рѣшитъ подарить эти деньги вамъ, то мнѣ останется только увѣрить васъ въ совершенной готовности быть вамъ полезнымъ.» Подписалъ А. Усольцевъ. (Тамъ же, № 97.)

Сличили. Чтò оказалось? Совершенно одинаковая делкатность и вѣжливость тогда и теперь. Вы можетъ-быть прибавите, что теперь слогъ сталъ замѣтно лучше? Такъ; но мы кромѣ того находимъ, что съ тѣхъ поръ міръ перевернулся на другой бокъ: прежде издатели плакались на «братей вѣдомостей», теперь братеи плачутся на издателей. Слѣдуетъ заключить, что прежде братеи, по-нынѣшнему подписчики, были крѣпки своею неподадли-востью и господствовали надъ издателями; теперь издатели покорили своему господству подписчиковъ и тиранствуютъ надъ ними; прежде издатели вѣрили подписчикамъ и высылали имъ «вѣдомости» въ долгъ за «многіе годы», такъ что потомъ вѣдомостная экспедиція и выбрать этихъ долговъ не могла; нынѣ подписчики вѣрятъ издателямъ и высылаютъ имъ впередъ деньги, а потомъ теряютъ надежду не только получать «вѣдомости», но и «выбрать» назадъ свои рубли. Такимъ образомъ втеченіе ста-двадцати лѣтъ все перевернулось наизнанку. Чтоже мѣшаетъ намъ заключить отъ прошедшаго къ будущему? Теперь изобрѣтатели новыхъ мыслей высоко цѣнятъ себя по достоинству и надѣются, что современники и потомство сочтутъ долгомъ преклонить предъ ними колѣни; а можетъ-быть настанутъ такія времена, что изобрѣтатель будетъ стоять предъ современниками на колѣняхъ, прося прощенья за родившуюся у него въ головѣ мысль... Оно странно, читатель, даже дико; но почему мы знаемъ чтò вѣрно нашему потомству будетъ казаться страннымъ и дикимъ? Можетъ-быть когда-нибудь новыя мысли сдѣлаются такъ обыкновенны, что и настоящіе ихъ изобрѣтатели весьма подешевѣютъ, а сколько-нибудь сомнительные претенденты на званіе изобрѣтателей — просто надоѣдаютъ, опошляются и опротивать.

Заключимъ же послѣднимъ нравоученіемъ. Всѣ, имѣющіе у себя настоящія новыя мысли, съ ясными на новостъ и на принадлежность ихъ доказательствами, должны всячески спѣшить (невнимая ни завистникамъ, ни охотникамъ занугивать ближнихъ) предъявлять свои мысли и права на нихъ міру, чтобы усѣть воспользоваться

уваженіемъ и любовью современниковъ и получить документъ на таковыя же уваженіе и любовь со стороны потомства. Тотъ же, кто замышляетъ предъявить претензію на изобрѣтеніе мысли, надлежащими доказательствами неподкрѣсленную, — удержиись и раздумай: стоитъ ли поднимать дѣло въ виду могущаго современемъ послѣдовать измѣненія взглядовъ, въ силу которыхъ подобныя претензіи будутъ всѣмъ честнымъ міромъ осмѣиваемы и — чего добраго — презираемы?

СОДЕРЖАНІЕ

І Ю Н Ъ . № 6

Праздныя люди. (Эпизодъ.) Ф. Стулли.	5
Воспоминанія и размышленія. Евгени Туръ.	45
<i>Спасибо, добрая мол!</i> . Стих. В. В. Крестовскаго	68
Лекціи изъ средней исторіи Т. Н. Грановскаго. Глава IV. Августъ. Тиверій. Калигула. Клавдій. Неронъ.	75
Три сцены изъ мѣщанской жизни. Н. Г.	99
Пѣвецъ Кубры или графъ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ, (Психологическій очеркъ.) Е. Кодвасина.	139
Естественно-историческій методъ въ философіи. (По Тэню.) Статья В. Ф—а.	182
Семейство Монсовъ. (Очеркъ изъ русской исторіи) Статья послѣдняя. Глава VIII. Предъ розыскомъ. — Глава IX. Розыскъ. — Глава X. Казнь камергера Монса. — Глава XI. Смерть императора Петра. Михаила Семеновскаго.	203
Законы о печати. Статья вторая.	284
Весна. Стих А Апухтина.	305
Воспоминанія бѣглеца. (Очерки американскихъ нравовъ.) Соч. Гильдрета (Въ особомъ приложеніи.)	1

КРИТИЧЕСКОЕ ОБЗРѢНІЕ

Плоды ученаго педантизма. Какъ бываетъ и какъ быть могло-бъ. Педагогическія мысли Федора Кестнера.	1
О значеніи Бокля. «Исторія цивилизаціи въ Англіи».	18
О судѣ по преступленіямъ противъ законовъ печати. (По поводу одной журнальной статьи.) Ткачева.	40

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Общее положеніе. — Франція. — Австрія.	1
Турецкія дѣла. — Финансовое положеніе Турціи. — Черногорская война. — Бомбардированіе Бѣлграда. — Начало байрама.	6
Итальянскія дѣла. — Канонизація японскихъ мучениковъ. — Речь папы. — Адресъ епископовъ. — Отвѣтъ на него итальянскаго парламента. — Пренія объ арестѣ волонтеровъ. — Желѣзныя дороги.	15
Прусскія дѣла. — Пренія объ адресѣ и оправданіи министерства.	23
Дѣла въ Соединенныхъ-Штатахъ. — Успѣхи свободныхъ войскъ.	30
Мексиканскія дѣла. — Несогласія между Испанією, Англією и Францією по мексиканскому вопросу. — Внутреннее положеніе Мексики. — Неудачи французовъ.	35
Последнія извѣстія.	42

НАШИ ДОМАШНІЯ ДѢЛА

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ

Впечатлѣнія, произведенныя на Петербургъ пожарами. — Погибшая сокровищница. — Мѣры противъ пожаровъ и другія правительственныя распоряженія. — Прекращеніе изданія двухъ журналовъ. — Способы противъ вторженія ложныхъ идей. — Новороссійскій университетъ. — Занимательность донесенія одной ревизіонной комиссіи и одинъ крупный недочетъ. — Другой занимательный предметъ по питейно-дорожной части. — Московское поощреніе отечественной промышленности. — Преобразование московскаго городского управленія. — Сличеніе прошедшаго съ настоящимъ и настоящимъ съ будущимъ: отношенія издателей къ подписчикамъ и обратно; отношенія изобрѣтателей мыслей къ современникамъ и потомству и обратно.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

ПОДПИСКА НА «ВРЕМЯ» ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Новые подписчики получают въ приложеніи первую часть «**ЗАПИСОКЪ ИЗЪ МЕРТВАГО ДОМА**» **Ф. М. Достоевскаго** и четыре главы «**СВЪЖАГО ПРЕДАНЬЯ**» романа въ стихахъ **Я. П. Полонскаго**

Такъ какъ два изданія первой части «**ЗАПИСОКЪ ИЗЪ МЕРТВАГО ДОМА**» истощились, то редакція приступила къ третьему, и *тѣ, которые еще не получили этого приложенія, получаютъ его немедленно при одной изъ слѣдующихъ книжекъ.*

Оставшіеся экземпляры «ВРЕМЕНИ» отъ прошлаго года желающіе могутъ выписывать по той же цѣнѣ

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ КНИГА

ЛЮБОПЫТНѢЙШІЕ ПРОЦЕСЫ

ИЗЪ УГОЛОВНЫХЪ ДѢЛЪ ФРАНЦІИ И АНГЛІИ

СОДЕРЖАНІЕ: Процессъ Ласенера. — Лезюркъ (случай судейской ошибки). — Мадамъ Лафаржъ. — Каролина англійская и Бергами. — Мадамъ Лакость. — Таинственное убійство. — Убійцы Пешара.

Большой томъ въ 368 стр. убористой печати. Цѣна 1 р. 25 к., съ пересылкою 1 р. 50 к. сер.

ВРЕМЯ

**будеть выходить въ 1863 году ежемѣсячно
выпусками отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ
и болѣе**

Редакціею будутъ приняты всѣ мѣры къ правильной и скорой
доставкѣ журнала подписчикамъ

Цена изданію для Петербурга и Москвы 14 руб. 30 коп.
съ пересылкою и доставкою на домъ 16 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

для жителей Петербурга и Москвы, въ конторахъ
журнала **ВРЕМЯ**

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

Въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Базунова, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Энгельгардъ

ВЪ МОСКВѢ

Въ книжномъ магазинѣ И. В. Базунова, на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго

НИЮГОРОДНЫЕ адресуютъ свои требованія просто : Въ Редакцію Журнала «ВРЕМЯ» въ С. Петербургъ. Почтамту извѣстно помѣщеніе Редакціи.

Редакція отвѣчаетъ за исправность доставки журнала только подписавшимся въ вышеозначенныхъ конторахъ или въ самой Редакціи.

